

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

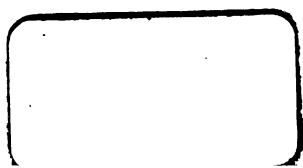

3 2044 022 601 629

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

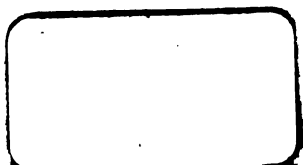
Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge

Class of 1887

PROFESSOR OF HISTORY

№ 1146

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVII

9712

25-4

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ ХХVII

1887

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1887

P Slaw 381.10
~~Slaw 25.15~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
JULY 1 1922

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ).

	СТР.
Кумъ Иванъ. (Историческая быль). Д. Л. Мордовцева . . .	5
Записки Ксенофонта Алексѣевича Полеваго. Часть первая.	
Гл. I—VII	32, 266, 527
Самоубійство генерала Герштенцвейга. С. М. Ворцова . . .	61
Слово живое о неживыхъ. (Изъ моихъ воспоминаній). Гл. I—X.	
И. А. Арсеньева	69, 343, 555
Императоръ Николай I и австрійскій дворъ. С. С. Тати-	
щева	82, 364
Село Мишенское, родина В. А. Жуковскаго. П. М. Марты-	
нова	110

Иллюстраціи: Церковь въ селѣ Мишенскомъ съ господскою усадьбой и школой.—Господскія постройки въ селѣ Мишенскомъ.—Часовня надъ прахомъ Буниныхъ на Мишенскомъ кладбищѣ.—Вывшій домъ Жуковскаго въ Вѣлевѣ, перестроенный въ 1872 году по старому плану для школы.

Горицкій монастырь и два іерарха русской церкви XVIII столѣтія. А. А. Титова	127
--	-----

Иллюстраціи: Горицкій монастырь до его возобновленія.—Святые ворота въ бывшемъ Горицкомъ монастырѣ.—Никольская церковь бывшаго Горицкаго монастыря.—Угловая юго-западная башня Горицкаго монастыря.—Остатки каменныхъ колоннъ бывшей Геесманіи въ Горицкомъ монастырѣ.—Архіепископъ Амвросій Зертисъ-Камескій.—Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ ростовскій.

Муза мести и печали. П. Н. Полеваго	144
Очеркъ исторіи англійскихъ иллюстрацій. В. Р. Зотова	159

Иллюстраціи: Корабль Френсиса Дрека. — Чудесныя звѣстія изъ Мюнстера въ Германіи. — Сраженіе при Бильрушѣ 1642 года. — Женскій парламентъ въ 1644 году. — Похороны королевы Маріи. — Чудесный звѣрь, появившійся во Франціи въ 1765 году. — Герцогъ Йоркскій въ 1827 году. — Паровая карета Гурнея въ Реджентс-Паркѣ въ 1827 году. — Георгъ IV въ Виндзорскомъ паркѣ. — Коронація королевы Викторіи. — Королева Викторія въ костюмѣ королевы Филиппы въ 1842 году. — Моды 1842 года. — Донсъ Слимъ въ 1842 году. — Кобденъ въ 1842 году. — Дивраели въ 1844 году. — Сдача Седана. — Систо во въ 1877 году. — Палатка корреспондентовъ газеты «Times» и «Лондонской Иллюстраціи», атакованныхъ волками въ 1877 году, въ Болгаріи.

Записки Гобара-паши. А. Н. Молчанова	188
Солотчинскіе монахи и ихъ крѣпостные. С. Н. Терпигорова. (Атавы)	241
Усадьба Н. В. Гоголя. Г. П. Данилевскаго	302

Иллюстраціи: Старый деревенскій домъ, въ селѣ Васильевѣ, Полтавской губерніи, впоследствии сломанный, въ которомъ Н. В. Гоголь провелъ свои дѣтскіе годы. — Новый деревенскій домъ, въ селѣ Васильевѣ, Полтавской губерніи, въ которомъ Н. В. Гоголь бывалъ у своей матери, въ послѣдніе годы своей жизни.

Среди скитницъ. П. С. Усова	308, 577
---------------------------------------	----------

Иллюстраціи: Скитъ въ деревнѣ Чернухинѣ. — Раскольниковъ уставщица. — Внутренній видъ скитской моленной въ Оленевѣ. — Иконы въ Керженскомъ лѣсу. — Видъ Керженскаго единовѣрческаго монастыря. — Единовѣрческій архимандритъ Тарасій. — Керженскій монахъ. — Планъ Керженскаго монастыря. — Типы старовѣроковъ. — Внѣшній видъ Городецкой часовни. — Внутренній видъ Городецкой часовни. — Древняя церковь въ селѣ Неклюдовѣ.

Пушкинъ въ потомствѣ. П. Н. Полеваго	402
--	-----

Иллюстраціи: Портретъ Пушкина 12—14 лѣтъ. — Портретъ Пушкина съ гравюры Уткина. — Портретъ Пушкина, рисованный Элеонорою Жуковской.

Бъ характеристикѣ принца Баттенберга. Г. Р—ча	418
Изъ англійской исторической литературы о Россіи. А. Н. Молчанова	425
Скоморохъ Памфалонъ. Восточная легенда. Н. С. Лѣскова	481
Домъ и кабинетъ Ѳ. М. Достоевскаго. О. Ѳ. Миллера	571

Иллюстраціи: Домъ Ѳ. М. Достоевскаго въ Старой Руссѣ. — Кабинетъ Ѳ. М. Достоевскаго въ его петербургской квартирѣ, въ которой онъ скончался.

Двадцатипятилѣтіе Бесплатной Музыкальной Школы. 1862—1887. В. В. Стасова	599
--	-----

Иллюстраціи: Портреты: Г. Я. Ломакина; М. А. Балакирева; Н. А. Римскаго-Корсакова.

Эпизоды изъ политической жизни Босніи и Герцеговины въ послѣдніа тридцать лѣтъ. Гл. I—III. Д. Д. Рудина . . .	643
Представленіе украинцевъ о царѣ. А. И. Лоначевскаго . . .	661
Какъ были проданы сочиненія Пушкина Исакову. П. Н. Полеваго	678
Эпизодъ изъ бунта военныхъ поселянъ въ 1831 году. Я. Каневскаго	682

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:

Критико-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). С. А. Венгерова. Выпускъ I. Спб. 1886. П. П. — Сожженная Москва. Историческій романъ Г. П. Данилевскаго. Спб. 1887. А. М. — Историческое обозрѣніе Сибири. Петра Слоцова. Изданіе 2-е. Спб. 1886. А. О. — «Кіевская Старина». Ежемѣсячный историческій журналъ. Пятый годъ изданія. 1886. П. П. — Законы стиха русскаго народнаго и нашего литературнаго. Опытъ изученій П. Д. Голохвастова. Спб. 1885. С. Т. — Собесѣдованія св. Григорія Великаго о загробной жизни въ ихъ церковномъ и историко-литературномъ значеніи. Соч. А. Пономарева. Спб. 1886. С. — Матеріалы для исторіи Южно-Русскаго края въ XVIII столѣтіи (1715—1774), извлеченные изъ старыхъ дѣлъ кіевскаго губернскаго архива А. А. Андреевскимъ. Одесса. 1886. С. Т. — Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества. Томы 48 и 51. Спб. 1886. А. Г. Брицкера. — Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 году. Дневникъ П. И. Челищева. Издавъ подъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова. Спб. 1886. С. Т. — Въ гостяхъ у эмира бухарскаго. В. В. Крестовскаго. Спб. 1886. А. М. — Двѣ биографіи: Жоржъ Зандъ и Генрихъ Гейне. Публичныя лекціи, читанныя въ Новороссійскомъ университетѣ профессоромъ А. Кярничниковымъ. Москва. 1887. В. З. — Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія. (По поводу книги П. Н. Петрова «Исторія родовъ русскаго дворянства»). Александра Варсукова. Спб. 1886. С. Ш. — Записки Михаила Ивановича Глинки и переписка его съ родными и друзьями. Спб. 1887. П. П. — В. Шенрокъ. Ученическіе годы Гоголя. Биографическія замѣтки. Москва. 1887. Е. П. — Георгъ Веберъ. Всеобщая исторія. Переводъ со втораго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Томъ четвертый. Перевелъ Андреевъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1886. А. М. — Ростовское городское училище, въ первые годы своего существованія (1786—1803 гг.). Историческій очеркъ А. А. Титова. Москва. 1886. П. У. — Обзоръ «Исторія русскаго права» по лекціямъ профессора М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Выпускъ I. Исторія русскаго государственнаго права. Кіевъ. 1886. Б. Г. — Тикворъ. Исторія испанской литературы. Переводъ съ 4-го англійскаго изданія подъ редакціей Н. И. Стороженка. Томъ II. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1886. А. М. — Прошлое и настоящее оркестра. Очеркъ соціального положенія музыкантовъ. Составилъ Евгений Альбрехтъ. 1886. В. З. — А. И. Невеленовъ. Рѣчь о Пушкинѣ, произнесенная въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, 29-го января 1887 года. П. П. — Фер-

динадѣ Грегоровіусъ. Исторія Рима въ средніе вѣка. Съ пятаго вѣка до шестнадцатаго. Переводъ съ нѣмецкаго В. И. Савина. Пятый томъ. Спб. 1886. А. М.—Святые Кирилль и Меодій, первоучители славянскіе. Малышевскаго. Кіевъ. 1886. Н. П.—Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія. Лингвистическо-историческіе матеріалы для изслѣдованія индогерманской древности. Д-ра О. Шрадера. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1886. Б—а 203, 444, 690

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ 224, 460, 705

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

1) Мѣсто погребенія Никиты Пустосвята. Сообщено Н. А. Добротворскимъ.—2) Подарокъ императора Николая Пушкину. Сообщено Г. В. Есиповымъ.—3) Манифестъ польскаго шляхтича. Сообщено М. А. Д. 233, 470

СМѢСЬ:

Открытіе архива министерства юстиціи.—Домикъ Петра Великаго въ Саардамѣ.—Общество любителей древней письменности.—Археологическій съездъ въ Ярославлѣ.—Древнее кладбище.—Находка въ Варшавѣ.—Татарскія монеты.—Пятидесятилѣтіе Ларинской гимназіи.—Археологическое Общество.—Тамбовская ученая архивная коммиссія.—Рязанская ученая архивная коммиссія.—Отчетъ симбирской Карамзинской бібліотеки за 1885—1886 годъ.—Александровская публичная бібліотека и залъ императора Александра II въ Самарѣ.—Пятидесятилѣтняя годовщина кончины Пушкина.—Церковно-археологическое Общество и музей при Кіевской духовной академіи въ 1886 году.—Общество германо-романской филологіи.—Географическое Общество.—Обелискъ «Конетабль».—Находка въ Минской губерніи.—Жетоны Всеволода Ярославича.—Некрологи: Д. К. Гирса; А. И. Никитскаго; М. А. Филиппова; Е. В. Березина; Іоганна Шерра; А. К. Киркора; Вацлава Шимановскаго; Валеріана Калинин; Марко Мингетти; С. Я. Надсона; М. Н. Петрова; К. М. Дмитриева; С. М. Лобеды (С. Крапивной); Е. Н. Альмедингенъ . . . 234, 472, 715

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

Портретъ А. Д. Ланскаго.—Отъ редакціи 239

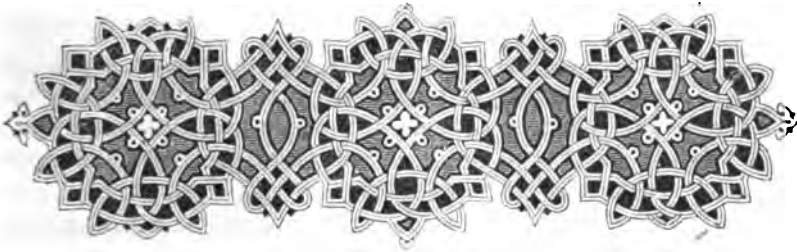
Матеріалы для исторіи журналистики. Периодическія изданія, разрѣшенныя въ Россіи въ 1886 году. Л. Н. Павленкова 723

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: А. Д. Ланскаго; Николая Алексѣевича и Ксенофонта Алексѣевича Полевыхъ.—2) Карнавалъ короля Иеронима. Историческій романъ Г. Кенига. Переводъ съ нѣмецкаго. Часть первая и часть второй главы I—III.

АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРИЕВИЧЪ ЛАНСКОЙ.

Съ миниатюры на фарфорѣ, рисованной съ натуры Де-Мейсомъ.
(Собственность Н. П. Шалфѣева.) Гравюра Панемакера въ Парижѣ.

КУМЪ ИВАНЪ.

(Историческая быль).

1485.

I.

Неизвѣстный путникъ.

БЫЛЪ ПРЯКРАСНЬЙ, яркій зимній день, какіе бывають на Руси въ концѣ января или въ началѣ февраля. Лучи на этотъ разъ холоднаго солнца искрились иридѣвыми блестящими въ морозной, кристаллизованной пыли. Сѣверный вѣтерокъ, тихій, но рѣзущій, переметалъ черезъ дорогу бѣлыя струйки сухихъ снѣжинокъ-позѣмки.

Солнце, однако, клонилось уже къ закату и еще ярче, казалось, сверкало на золотыхъ маковкахъ и крестахъ московскихъ церквей и башенъ Кремля.

Въ это время изъ Серпуховскихъ воротъ вышелъ высокій и плечистый мужикъ въ мѣховой шапкѣ-треухѣ, въ дубленомъ тулупѣ и бѣлыхъ, подбитыхъ кожей, валенкахъ на ногахъ. Большая рыжая борода его и усы, нѣсколько подрѣзанные вдоль верхней губы, серебрились морознымъ инеемъ. Опираясь на длинный посохъ, рыжій мужикъ шолъ ровною, бодрою поступью, не глядя по сторонамъ, хотя сѣрые, живые и, повидимому, хитрые глаза какъ будто что исподтишка высматривали.

То, что въ настоящее время давно составляетъ городскія зарѣчныя части Москвы, тогда, четыреста лѣтъ назадъ, представляло разбросанныя подгородніе поселки и деревни, отдѣлявшіеся отъ города полями, а частью садами и огородами. Въ одинъ изъ такихъ поселковъ, повидимому, и направлялся рыжій мужикъ.

Но едва нашъ путникъ отошелъ отъ города на такое разстояніе, которое скорѣе приближало его къ поселку, чѣмъ къ городу, какъ снѣгъ-позѣмка сталъ срываться съ земли порывистѣе и крутиться вихремъ, а до того яркое солнце заволокло скоро не то этими крутыми вѣтромъ позѣмками, не то густыми снѣговыми тучами. Скоро оказалось, что дѣйствительно повалилъ снѣгъ, который, будучи гонимъ вѣтромъ и крутясь вмѣстѣ съ позѣмкою, началъ хлестать въ лицо, въ глаза и наметать сугробы. Начинаясь пурга, бурань. Это тотъ обыкновенный, причудливый и опасный капризъ нашей суровой зимы, который даже привычнаго къ своей родной вьюгѣ мужика застаётъ въ распахъ, какъ знойный хамсинъ араба въ пустынь: бурань останавливаетъ и замедляетъ обозы въ полѣ; заставляетъ мужика, выѣхавшаго въ лѣсъ за дровами или въ ближній лугъ къ своему стогу сѣна, — ночевать или подъ этимъ стогомъ въ снѣжномъ сугробѣ, или у своей же околицы, а то и замерзать у этой околицы; онъ застаётъ бабъ съ бѣльемъ на рѣчкѣ, и ослѣпляемая «понизухою» — понизовою мятелю и вьюгою порывисто мчащихся съ вѣтромъ снѣговыхъ тучъ, бабы едва-едва попадаютъ ко дворамъ. Это тотъ капризъ зимы, когда, въ самый разгаръ вьюги, въ селахъ начинаютъ звонить въ колокола, точно на пожаръ, чтобы погибающіе въ полѣ путники могли идти на звонъ, подобно тому, какъ погибающіе на морѣ въ бурю корабли могли бы держать путь на огонь спасительнаго маяка.

— Святъ-святъ-святъ! — неволью остановился нашъ путникъ и, перекрестясь, сталъ оглядываться. — Вотъ въ недобрый часъ вышелъ.

Онъ повернулся лицомъ туда, гдѣ должна была находиться Москва. Но съ той стороны именно и неслась снѣжная буря, бросающая въ лицо и въ глаза снѣгъ комьями.

— Батюшки свѣты! — инъ къ Москвѣ мнѣ не попасть. А Котлы, кажись, не далече — пойду въ Котлы.

И онъ, распустивъ треухъ малахая и надвинувъ его на самые глаза, бодро зашагалъ впередъ.

Буря гнала его въ спину, а впереди снѣжныя облака застилали и даль, и близъ, наметая сугробы и отнимая у путника послѣдній слѣдъ дороги.

— Господи! что жъ это такое? да туда ли я, полно, иду?

Сугробы попадались все чаще и чаще. Ноги вязли въ снѣгу по колѣна; идти было все труднѣе и труднѣе. Сумерки надвинулись

такъ быстро, что въ какихъ нибудь полчаса на землю налегла непроглядная тьма.

Путникъ остановился.

— Боже всесильный! спаси отъ наглыя смерти, — шепталъ онъ растерянно: — пощади не ради меня океаннаго, а ради народа твоего, православнаго крестьянства. Гдѣ я?

Какъ бы въ отвѣтъ на его отчаянную мольбу, гдѣ-то вправо послышался заглушаемый бурей слабый крикъ пѣтуха.

— Пѣтель возгласи, Господи! — перекрестился онъ: — не знаменіе ли сіе, аки Петру апостолу? Полно, пѣтухъ ли это? не почудилось ли мнѣ то въ воѣ вѣтра?

Онъ тревожно прислушался. Теперь онъ явственно услыхалъ то, къ чему жадно прислушивался; но ему отъ этого еще страшнѣе стало: пѣтухъ прокричалъ теперь не съ правой стороны, а гдѣ-то далеко влѣво.

— Куда идти? Силы небесныя!

Но оставаться было невозможно: снѣгъ заносилъ его, наметая кругомъ все большіе и большіе сугробы; отъ трудной ходьбы и внутренняго волненія онъ чувствовалъ страшную усталость и потъ градомъ катился изъ-подъ малахая.

— Пойду вправо, правымъ путемъ.. А правымъ ли путемъ шелъ я доселѣ? — мелькнуло вдругъ въ его смущенной мысли. — Господи! пощади океаннаго: съ сего часу буду идти всю жизнь правымъ путемъ — Твоимъ путемъ, Господи!

Онъ еще разъ перекрестился и взялъ вправо, по тому направленію, откуда въ первый разъ донесся до него голосъ пѣтуха. Но потому ли, что вѣтеръ перемѣнился, или онъ круто сбился съ пути, но только теперь порывами бури снѣгъ несло ему не въ затылокъ, а прямо въ лицо. Ноги его постоянно вязли въ сугробахъ, а когда онъ выбирался изъ сугроба, то попадалъ или въ рытвину, или на кочки. Подъ нимъ подкашивались ноги, звенѣло въ ушахъ. Ему чудилось, что онъ слышитъ отдаленный звонъ почтоваго колокольчика.

— Да, да, колоколець... Сказываютъ, что бѣсовская свадьба... Святъ-святъ-святъ! съ нами крестная сила.

И онъ со страхомъ прижималъ руку къ груди, гдѣ подъ тулупомъ нащупывалъ тѣльный крестъ свой, съ которымъ не разставался всю жизнь.

Но вотъ ему показалось, что не вдалекѣ блеснулъ огонекъ, но какъ-то странно, точно онъ двигался и мигалъ.

— Не волкъ ли свѣтитъ очами? Часъ отъ часу не легче.

Онъ наткнулся на что-то въ родѣ загородки и ощупалъ.

— Плетень, точно—жилье, должно, не далеко.

Онъ пошелъ вдоль плетня. Впереди опять мелькнулъ огонекъ, и уже гораздо явственнѣе.

— Слава тебѣ, Боже всесильный! не оставилъ меня.

Но около плетня нельзя было идти дальше—сугробы намело непроходимые. Онъ повернулъ въ сторону. Путеводный огонекъ исчезъ.

Путникъ собралъ послѣднія силы и съ рѣшимостью отчаянія двинулся впередъ. Въ глазахъ у него темнѣло, ноги дрожали и заплетались, звонъ въ ушахъ все усиливался и усиливался.

— Изба!—прошепталъ онъ не то радостно, не то испуганно.

Изъ-за неплотно прикрытой ставни свѣтился огонекъ. Прохожій подошелъ къ окну.

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!—постучалъ онъ палкою въ ставню.

Но обычнаго отвѣта: «аминь», изъ избы не послѣдовало.

Онъ снова постучалъ.

— Господи Иисусе...

— Кто тамъ шляется въ эту непогодь по ночамъ?—раздался со двора сердитый голосъ.

— Прохожій заплутался,—былъ отвѣтъ:—пусти, человѣче, переночевать.

— Коли прохожій, такъ и проходи,—снова отвѣчали сердито:—у меня не съѣзжій дворъ.

— Я Христомъ Богомъ прошу: не дай погибнуть душѣ православной.

— То-то—погибнуть! Кто тебя знаетъ: можетъ, самъ души губишь! Иди себѣ, ищи мѣстовъ у другихъ.

Прохожій поднялъ было палку, но рука его моментально остановилась въ воздухѣ; только въ глазахъ, на которые упала полоса свѣта изъ окна, блеснулъ зловѣщій огонь.

— Га! души гублю... Можетъ, и вправду,—прошепталъ прохожій, отступая отъ окна:—можетъ, за это и наглуго смерть посылаетъ мнѣ Господь... О-о!

Онъ зашагалъ дальше, бормоча какъ бы въ забытьѣ: «Помни это, Иванушка, помни: самъ, можетъ, души губишь... Охъ, много, много погубилъ—самъ знаю мое окаянство»...

Вдругъ нога его споткнулась обо что-то. Онъ нагнулся. Это была небольшая дверца калитки, сорванная вѣтромъ. Прохожій вошелъ въ калитку. Вправо, въ маленькомъ подслѣпватомъ окошечкѣ, затугомомъ пузыремъ вмѣсто стекла, мигалъ огонекъ, вѣроятно, отъ лучины.

Прохожій и тутъ постучался. На обычное обращеніе—«Господи Иисусе», изъ избы послѣдовалъ отвѣтъ: «аминь».

Скоро сѣнная дверка скрипнула, и кто-то вышелъ изъ избышки.

— Кого Богъ принесъ?—послышался окликъ.

— Прохожій, кормилецъ... Непогодь загнала, съ пути сбился, думалъ въ полѣ замерзать... Пусти, родимый, на ночь: не дай погибнуть душѣ крестьянской.

— Что-ты, что ты, отецъ родной!—отвѣчалъ привѣтливый голосъ:—али на мнѣ креста нѣту? Ноли я самъ не вижу, что въ полѣ теперь смерть въ очи глядить?—Взойди ко мнѣ, переночуй. Только—сказать ли тебѣ, отецъ родной?—у меня въ избѣ-ту не ладно...

— Чѣмъ не ладно?

— Да какъ тебѣ сказать?—Жена-ту моя опростаться собралась.

— Какъ? умираеть?—участливо спросилъ прохожій.

— Нѣту, гдѣ умирать!—рожать собралась; не дастъ она тебѣ всю ночь спокую.

— Ничего, милый человекъ; подъ заборомъ-то хуже замерзнуть.

— И то, и то. Ну, инъ иди съ Богомъ, переночуй.

II.

„Не ангелъ ли это?“

Добрый мужичокъ ввелъ прохожаго въ маленькія сѣнцы. Такъ какъ нежданный гость былъ мужикъ рослый, то онъ долженъ былъ согнуться, чтобъ войти въ низенькую дверь.

— Постой, милый человекъ, дай мнѣ отряхнуться малость, — сказалъ гость:—вонъ что на мнѣ снѣгу, какъ бы избу твою не выстудить.

— Отряхнись, отецъ, отряхнись.

Скоро и хозяинъ, и гость вошли въ избу. Избенка была бѣдененькая, тѣсная. Закоптѣлыя стѣны въ иныхъ мѣстахъ завалились. У печи, надъ лоханью, трещала лучина. Въ избѣ не было никого, только изъ печурки выглядывала бѣлая кошечка и усердно умывалась лапкой.

— И вправду, милая, къ гостямъ умывается,—улыбнулся мужичекъ-хозяинъ.

Гость вошелъ, отыскалъ глазами въ переднемъ углу закоптѣлый деревянный образокъ и набожно три раза перекрестился.

— Миръ дому сему, — сказалъ онъ, кланяясь хозяину и кладя малахай на лавку.

Тотъ, въ свою очередь, поклонился.

Гость съ помощью хозяина распоясался, снялъ тулупъ и остался въ суконномъ кафтанѣ.

— За кого же я долженъ молиться?—ласково обратился онъ къ хозяину, вытирая цвѣтной ширинкой мокрое лицо и бороду. — Какъ зовуть тебя, милый человекъ?

— Киткой меня дразнятъ, отецъ родной, — сказалъ улыбаясь хозяинъ: — Киткой Голодранцемъ: Китомъ меня погъ окрестилъ; вотъ я и Китка; а Голодранецъ — по шерсти вличка; видишь, отецъ, голо.

И онъ; попрежнему добродушно улыбаясь, развелъ руками, показывая, что не красна его изба ни углами, ни пирогами. Самъ онъ былъ маленькій, тщедушный, съ рѣдкой бороденкой и бѣлыми какъ кипень зубами; но въ маленькомъ лицѣ было столько добродушія и честной прямоты, что оно сразу располагало къ нему всякаго.

— Видишь, отецъ, — пояснилъ онъ: — не красна изба ни углами, ни пирогами, а и всей скотинки-ту у меня — одна кошечка.

И онъ погладилъ кошечку, которая вылѣзла изъ печурки и терлась у ногъ гостя, граціозно выгибая свою пушистую спинку, а потомъ вскорѣ перебралась къ нему на колѣни.

Гость уже сидѣлъ на лавкѣ, опершись локтемъ о столъ, и видимо отдыхалъ. Выразительные глаза его были задумчивы и грустны. Онъ машинально гладилъ кошечку и что-то, повидимому, соображалъ: въ глазахъ свѣтился не то укоръ, не то смущеніе.

Вдругъ послышался слабый стонъ.

— Что это? — встрепенулся гость.

— Это, отецъ, баба моя на печкѣ, — смущенно заговорилъ хозяинъ: — я сказывалъ тебѣ.

— Знаю, знаю. Вотъ что, Тить, — а какъ по отчеству?

— Захаровъ былъ.

— Вотъ что, Тить Захарычъ, — сказалъ гость, вставая: — ужъ коли ты не далъ мнѣ замерзнуть подъ заборомъ, такъ буду я тебѣ кумомъ — крестнымъ отцомъ младенца, котораго нынѣ вамъ Богъ посылаетъ.

Тить радостно заволновался.

— Ахъ отецъ родной! вѣкъ за тебя будемъ Бога молить: вить ко мнѣ, къ нищему, никто въ кумовья не пойдетъ; а вотъ тебя Богъ послалъ, вѣстимо, Онъ самъ Батюшка. Вонъ и куму-то давѣ насилу выплакала моя Орина у сусѣда, въ ногахъ валялась: шибко норовистъ богатый сосѣдушко.

— А кто такой? — спросилъ гость.

— Да Илья Щекинъ.

— Это тотъ, чтѣ изба тутъ большая?

— Онъ и есть; богатей на всю губу.

— Точно? А меня вѣшей прогналъ изъ-подъ окошка, когда я просился къ нему ночевать. Не постучись я къ тебѣ, пришлось бы замерзать подъ заборомъ.

— Оо-хо-хо! — вздохнулъ Тить: — до чего богатство доводитъ — Бога богатые забываютъ.

При этихъ словахъ гость какъ-то особенно странно взглянулъ на хозяина: взглядъ этотъ говорилъ что-то, допрашивалъ, каза-

лось, о чемъ-то, ждалъ отвѣта; но простоватый Китка ничего не понялъ, и ему какъ будто чего-то страшно стало.

Онъ нерѣшительно глянулъ въ глаза незнакомцу. Никогда не видалъ онъ такихъ глазъ. Ему казалось, что если такими глазами глянуть на печь—печь развалится, на дерево—дерево усохнетъ. А между тѣмъ въ глазахъ свѣтилось что-то доброе, ласковое. И онъ съ суевѣрнымъ страхомъ сталъ молиться въ душѣ; но этотъ страхъ былъ особенный. Ему почему-то тутъ же припомнились слова батюшки, отца Нифонта: «страннаго примешь—ангела примешь, а то и самого Христа». А можетъ, и въ самомъ дѣлѣ ему Богъ ангела послалъ. Такъ нѣтъ: онъ видѣлъ въ церкви ангеловъ на образахъ—все молоденькіе, «въ родѣ какъ бы дѣвушекъ, а то и махонькихъ ребятковъ съ крылышками». А этотъ—здоровый мужикъ да и борода рыжая—большая. Зато руки незнакомца поразили Китку: такихъ рукъ, какъ и глазъ, онъ никогда не видывалъ.

На печкѣ повторился стонъ.

— Китюшка родной, бѣги за баушкой: часъ мой насталъ.

Тить заметался по избѣ, отыскивая шапку.

— Не осуди, отецъ родной, — робко обратился онъ къ пришельцу:—я побѣгу.

— Бѣги, бѣги, милый человѣкъ.

— А какъ же ты не поужинавши?

— Я не голоденъ, милый человѣкъ, я только усталъ; лягу на лавку, укроюсь тулупомъ, усну себѣ, а тѣмъ временемъ Богъ подаритъ меня крестникомъ, не хочу крестницы!

Хозяинъ ушелъ, а гость, оставшись одинъ, опустился на коѣнѣ и сталъ горячо, со слезами на глазахъ, молиться. Долго онъ молился, долго шепталъ молитвы, а потомъ, улегшись на лавку и укрывшись съ головой тулупомъ, скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ.

III.

Неожиданное кумовство.

Зимнее яркое утреннее солнце сквозь прозрачный пузырь заглядывало уже въ бѣдную избушку Тита, когда незнакомецъ, спавшій на лавкѣ, проснулся. Онъ сбросилъ съ себя тулупъ, торопливо поднялся и перекрестился. Глаза его изумленно оглядѣли ветхую избушку и, казалось, говорили: «гдѣ я? что со мной?».

Но скоро взглядъ незнакомца засвѣтился радостью. Бѣлая кощечка уже терлась около его ногъ.

— А! Тить Захарычъ, здравствуй! — весело сказалъ онъ.

— Здравія желаю, кормилецъ; какъ почивалъ? — засуетился хозяинъ.

— Отмѣнно, милый человѣкъ; давно такъ не спалъ.

Послышался крикъ новорожденного.

— А! кого Богъ далъ?—улыбнулся незнакомецъ.

— Сына, отецъ родной.

— Я такъ и зналъ—не люблю дѣвчонокъ. А когда же крестины? Мнѣ надо спѣшить въ Москву—дѣло есть.

— Какъ прикажешь, отецъ родной,—хоть сейчасъ.

— Добро! а мнѣ ждать некогда.

Титъ опрометью бросился звать батюшку и куму. Незнакомецъ остался одинъ въ избѣ, да на печи, слышно, рожаница, во-звилась съ ребенкомъ.

Странная улыбка играла на выразительномъ, нѣсколько суровомъ лицѣ незнакомца. Онъ такъ задумался, сидя у стола и подперевъ ладонью голову, что и не замѣтилъ сразу, какъ хозяинъ тихо вошелъ въ избу, въ сопровожденіи какой-то бабы.

— А! это ты, Титъ Захарычъ.

— Я, отецъ, а вотъ и кума.

— Жена сосѣда, что вчера...

Незнакомецъ не договорилъ. Въ дверяхъ показался священникъ. Это былъ старенькій попикъ съ кроткими голубыми глазами и благообразнымъ лицомъ.

Незнакомецъ при входѣ всталъ и подошелъ подъ благословеніе.

— Благослови, отче.

Священникъ глянулъ на незнакомца, и какая-то внезапная мысль поразила его. Онъ гдѣ-то видѣлъ это лицо. Какъ молнія, память перенесла его въ Москву, въ Архангельскій соборъ. Тамъ онъ видѣлъ это лицо, но въ какой-то другой обстановкѣ. Казалось, онъ видѣлъ его тамъ въ какомъ-то сіяніи, въ золотѣ. Но не образъ ли онъ это видѣлъ въ соборѣ?—Нѣтъ, не образъ, а живое лицо...

Онъ вспомнилъ, и весь задрожалъ. Изба, казалось, заходила кругомъ... Онъ упалъ на колѣни...

— Не мнѣ благословлять тебя,—бормоталъ онъ растерянно:—ты благослови меня...

Все это произошло необыкновенно быстро, такъ что едва ли кто и замѣтилъ случившееся въ избѣ.

Священникъ глянулъ въ глаза незнакомцу и увидѣлъ, что тотъ приложилъ палецъ ко рту. Глаза незнакомца все сказали, и растерявшійся попикъ понялъ это. Онъ быстро вскочилъ съ полу и сдѣлалъ широкое крестное знаменіе.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

— Аминь.

Незнакомецъ смиренно принялъ благословеніе отъ священника и поцѣловалъ его руку. Поцѣлуй этотъ, казалось, обжогъ благословляющую десницу скромнаго служителя церкви. Онъ не зналъ,

какъ ему стать, куда глянуть. Но незнакомецъ прервалъ тягостное замѣшательство.

— Ну, куманекъ,—обратился онъ съ улыбкой къ хозяину, который былъ точно на иголкахъ, догадываясь о чемъ-то необыкновенномъ, что совершалось въ его жалкой избѣнкѣ. Особенно смущало его замѣшательство отца Нифонта.—«Ужъ въ самъ-дѣлѣ не анѣдела ли я принялъ?»—шевелинулось опять въ его простоватомъ мозгу.—«Дакъ нѣтъ—тѣ съ крылышками, а для Христа онъ, сказать бы, старъ». — Ну, куманекъ,—говорилъ этотъ таинственный гость:—проси батюшку крестить младенца.

— Поспѣшу, послѣшу неукоснительно,—бормоталъ батюшка:—въ храмѣ или здѣсь?

— Здѣсь, здѣсь,—отвѣчалъ гость.

Священникъ торопливо вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ воротился вмѣстѣ съ дьячкомъ, который внесъ въ избу купель и узелъ съ священническимъ облаченіемъ. Оба они казались очень взволнованными и дѣлали все торопливо, нервно. Дьячокъ хлопоталъ съ кумой около купели, устанавливая ее на неровномъ полу избы и наливая холодной водой изъ кадки, стоявшей у порога. Священникъ между тѣмъ облачился. Смущенный хозяинъ, его жена-рожаница и кума съ удивленіемъ замѣтили, что отецъ Нифонтъ облачился на этотъ разъ въ лучшія свои бѣлыя глазетовыя ризы, которыя онъ надѣвалъ только въ свѣтлое Христово воскресенье и на Троицу.

По заведенному обычаю кума положила на столъ принесенныя ею для новорожденнаго «ризки».

Таинственный гость, увидѣвъ это, вспомнилъ, что и онъ, какъ воспріемникъ, долженъ съ своей стороны принести «даръ» для воспрінимаемаго имъ новаго христіанина и непременно крестъ.

Тогда онъ, разстегнувъ свой кафтанъ, снялъ съ шеи великолѣпный золотой крестъ, усыпанный драгоценными камнями.

— Вотъ и мой даръ младенцу,—сказалъ онъ, положивъ крестъ на «ризки»:—пусть носить на здравіе и души спасеніе.

Крестъ сверкалъ разноцвѣтными огнями.

— Отецъ родной!—не вытерпѣлъ Титъ:—стоимъ ли мы, нищія захребетники, такихъ даровъ!

— Про то я знаю да Богъ,—отвѣчалъ гость:—душа человѣческая дражае злата и камней самоцвѣтныхъ, а ты, милый человѣкъ, душу мою спасъ—ты не далъ мнѣ помереть наглою смертію.

Приступили къ крещенію.

— Какъ же младенца-то назвать? — тихо обратился священникъ къ родителямъ:—нонѣ память преподобныхъ Кира и Іоанна безсребренниковъ—не дать ли крещаемому имя Кира?

Титъ смущенно глянулъ въ глаза гостю.

— Пусть будетъ Иванъ,—сказалъ этотъ послѣдній:—у насъ

нонѣ на Москвѣ государствуетъ государь великій князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Русіи.

— Аминь,—тихо и внятно произнесъ священникъ.

Едва кончился обрядъ крещенія, какъ дверь избы тихо отворилась и въ нее робко вошла матушка, старушка монады. Въ рукахъ у нея былъ узелокъ. Низко поклонившись гостю и всѣмъ находившимся въ избѣ, она развязала узелокъ, достала изъ него скатертцу, хлѣбъ, кусокъ вяленой бѣлорыбицы, берестяночку съ солеными грибами и бутылку заморскаго вина, которое отецъ Нифонтъ хранилъ у себя на случай посѣщенія его убогой церкви какою либо вышешю духовною особою.

Потомъ матушка накрыла своей скатертцой столъ, положила хлѣбъ, переложила рыбу на деревянную тарелку, достала ножъ, которымъ сдѣлала на хлѣбѣ крестъ, и молча поклонилась гостю, приглашая его за трапезу.

— Спасибо, матушка,—ласково сказалъ гость. — Отецъ Нифонтъ! благослови трапезу.

Отецъ Нифонтъ благословилъ.

— Садись же, отче.

Отецъ Нифонтъ смущенно переминался на мѣстѣ, но садиться не рѣшался.

— Садись же,—повторилъ гость, лукаво улыбаясь:—тебѣ подобаеть сидѣть въ переднемъ углу.

Но отецъ Нифонтъ не могъ совладать съ своей робостью и не сажился.

— Ну, инъ я сяду, коли такъ,—рѣшилъ гость, пробираясь подъ образъ.

Онъ сѣлъ, и весело и лукаво обвелъ глазами всѣхъ присутствующихъ.

— А помнишь, отче, русскую поговорку про передній уголь?— съ лукавой улыбкой обратился онъ къ отцу Нифонту.

Тотъ еще больше смѣшался и ничего не отвѣчалъ.

— Не помнишь? такъ я тебѣ напомню,—продолжалъ гость тѣмъ же тономъ:—въ переднемъ углу сидитъ либо пошь, либо дуракъ... Ну, инъ пусть же я на сей разъ буду дуракомъ.

И гость весело разсмѣялся, наливая себѣ чарочку вина и выпивая ее маленькими глотками.

— Э!—разсмѣялся онъ весело, ставя чарочку на столъ и обращаясь къ Титу:—да ты, братъ кумъ, не промахъ: вишь какимъ винцомъ дурака угощаешь; на славу винцо!

— Ахъ, отецъ родной!—заметался Тить:—ахъ, куманекъ любезный! да и вино-ту не мое, и все угощенье не мое, а батюшкино, отца Нифонта. А у меня, куманекъ, ни синь-пороху.

— Добро, добро,—улыбался гость, закусывая грибами.

Вставъ изъ-за стола, онъ благодарилъ и отца Нифонта, и хозяевъ за пріютъ и угощеніе, а кумъ и женѣ Тита далъ нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ монетъ — «корабленниковъ».

— А теперь, куманекъ,—обратился онъ снова къ хозяину:— гдѣ бы мнѣ раздобыть клячонку да санишки, до Москвы добраться.

А Титъ уже раньше выбѣгалъ на дворъ и видѣлъ, что сани и лошадь сосѣда, того самаго Ильи Щекина, чтó ночью прогналъ отъ своего окна путника, уже стоятъ у крылечка, а на козлахъ сидитъ его батракъ.—«Для кого это?»—«Для твоего кума».—«Самъ Илюша прислалъ?»—«Онъ самый».—«Ишь догадливый! спасибо ему».

— А? какъ же, куманекъ? будетъ клячонка?—спрашивалъ гость:—вонъ ты меня такъ угостилъ, что я теперь самъ, съ-пьяну, поиди, и Москвы не найду.

Ободренный Титъ весело смѣялся.

— Помилуй, куманекъ дорогой,—говорилъ онъ, кланаясь:— вонъ и сани стоятъ у крыльца.

— Спасибо, милый человѣкъ.

Гость наскоро одѣлся, попрощался со всѣми и вышелъ изъ избы. Всѣ провожали его съ низкими поклонами.

Гость сѣлъ въ сани и велѣлъ трогать.

— Какъ же, куманечекъ милый, намъ поминать тебя?—кричалъ ему въ слѣдъ разстроганный Титъ:—за кого молиться? да и приведетъ ли намъ Богъ видѣть тебя когда?

— Такъ ты приходи самъ ко мнѣ на Москву въ гости,—отвѣчалъ незнакомецъ.

— Ахъ, куманекъ, Москва не Котлы: какъ тебя найдешь тамъ?

— Найдешь, спроси только кума Ивана, и тебя приведутъ ко мнѣ.

Сани исчезли за сугробами снѣга, а озадаченные котловяне все смотрѣли имъ въ слѣдъ, давно ничего не видя.

— Ужъ и чудной же человѣкъ!—развелъ руками Титъ:—либо онъ большой бояринъ, либо наибольшій протопопъ.

Отецъ Нифонтъ ничего не отвѣчалъ.

IV.

Государыня Софья Ѳоминышна.

Въ то время, когда въ Котлахъ, въ жалкой избѣ Тита крестили новорожденного, въ Москвѣ, особенно же въ Кремлѣ и въ великокняжескомъ дворцѣ, происходило что-то необыкновенное. Раннимъ утромъ по всему дворцу разнеслась страшная вѣсть, что ваканунъ еще великаго князя и государя Ивана Васильевича

не оказалось въ княжескихъ палатахъ, и гдѣ онъ дѣлся, никто ничего не вѣдалъ.

Съ вечера еще, ближній бояринъ, князь Данило Холмскій, знаменитый побѣдитель новгородцевъ въ Шелонской битвѣ, явившись во дворецъ съ докладомъ, не нашелъ великаго князя. Кого онъ ни спрашивалъ, не видали ли государя, всѣ отвѣчали, что великаго государя никто не видалъ съ самаго обѣда.

Холмскій явился къ государынѣ, къ великой княгинѣ Софьѣ Фоминишнѣ, чтобъ у нея освѣдомиться о государѣ, но и та ничего не знала.

Тогда разослали гонцовъ во всѣ концы города и въ Замоскворѣчье; но дѣти боярскіе, возвращаясь во дворецъ одинъ за другимъ, къ ужасу Холмскаго, докладывали, что великаго князя нигдѣ нѣтъ и никто объ немъ ничего не слыхалъ.

Такъ прошла ночь.

Холмскаго пугало одно обстоятельство. Онъ больше другихъ зналъ привычки великаго князя, «собирателя Русской земли». Онъ зналъ, что Иванъ Васильевичъ любилъ тайно, переодѣтымъ, ходить по городу, по базарамъ и площадямъ, чтобы лично прислушиваться къ народному говору, къ тому, чтó объ немъ и о его дѣлахъ и подвигахъ думаетъ вся Русь и доволенъ ли народъ его порядками и людьми, долженствовавшими блюсти эти порядки. Въ то время на Руси не было ни газетъ, ни того, что въ настоящее время называется общественнымъ мнѣніемъ. Все, чтó ни дѣлалось на Москвѣ и во всей Русской землѣ, доходило до государя или черезъ уста ближнихъ бояръ, или чрезъ отписки воеводъ и намѣстниковъ. Но для умнаго государя этого было мало. Онъ самъ хотѣлъ слышать, чтó говорятъ и думаютъ о немъ не одни бояре и воеводы. Онъ крѣпко вѣрилъ непогрѣшимости народнаго изрѣченія: «гласъ народа—гласъ Божій». Онъ чуялъ своимъ практическимъ чутьемъ, что покореніе Новгорода и суровыя мѣры, примѣненные къ новгородцамъ, вызывали въ странѣ глухой ропотъ. На раззореніе Новгорода многіе смотрѣли, какъ на ненужную, не только не полезную для государства, но совершенно вредную для него жестокость. — «Али мы татары!» — слышалъ онъ однажды на базарѣ возгласъ новгородца: — «За то, что мы были богаты и вольны, такъ насъ и раззорять. У насъ былъ свой вѣчный колоколъ, онъ и говорилъ намъ про волю; а у васъ на Москвѣ и колокола святыя пикнуть не смѣютъ». Слова эти запали въ душу великаго князя, и онъ ихъ не забылъ, а потомъ все чаще и чаще прислушивался къ народному говору.

Холмскій зналъ это и, когда не нашелъ во дворцѣ великаго князя, то тотчасъ же догадался, что онъ прошелъ изъ дворца тайнымъ ходомъ, ему одному извѣстнымъ, и этимъ же ходомъ возвратится во дворецъ. Но когда разомъ налетѣла на городъ вьюга,

а за нею настала и ночь, а великій князь не возвращался, Холмскимъ овладѣлъ страхъ: «Долго ли до грѣха въ такую непогодь!».

Такія же опасенія, но только въ болѣе острой степени, угнетали и великую княгиню. Она не спала всю эту ужасную ночь; она постоянно становилась на молитву, но и молитва не приносила облегченія ея смущенной душѣ. Стоя на колѣняхъ, или припавъ пылающей головой къ холодному дереву кіоты съ чудотворнымъ образомъ Богородицы, она невольно прислушивалась къ вою вьюги, бушевавшей надъ Кремлемъ, и въ этомъ воѣ ей слышался стонъ, заставлявшій трепетать все ея тѣло.

То она подходила къ кроваткѣ своего маленькаго сына Васюты и, глядя на его розовое, во снѣ улыбающееся личико, въ сотый разъ повторяла обычное бабѣ причитанье: «На кого ты насъ, сиротъ, кормилецъ нашъ, покинулъ?» — и слезы неудержимо лились изъ ея прекрасныхъ черныхъ глазъ, въ которыхъ и подь московскими снѣгами не погасъ огонь южнаго, жаркаго солнца ея далекой родины.

Вотъ и теперь, утромъ, когда яркое зимнее солнце, ворвавшись цѣлыми снопами лучей въ окна терема великой княгини, сверкаетъ золотомъ на шолковыхъ узорахъ вышиванья, передъ которымъ сидитъ, глубоко задумавшись, Софья Ѳомишна, глаза ея, видимо, заплаканы.

Въ эти мучительно-тревожные часы передъ нею проходить вся ея жизнь. Что-то будетъ съ нею, когда ея великаго князя не станетъ? А если его уже нѣтъ въ живыхъ? При одной этой мысли руки ея холодѣютъ и иголка падаетъ на малиновый бархатъ ея работы.

Любила ли она его, однако? Нѣтъ, — когда она, тамъ, въ далекой, милой Италіи, еще дѣвушкой, узнала, что за нее сватается великій князь московскій, ее охватилъ ужасъ. Какъ это ей покинуть милое южное небо, это бирюзовое море, свои привычки, всю привычную обстановку всей ея жизни, и тащиться въ далекій, невѣдомый край, гдѣ по хмурому небу ходитъ такое холодное, непривѣтливое солнце, гдѣ царствуетъ вѣчный снѣгъ, гдѣ не понимаютъ ея родной рѣчи и гдѣ не съ кѣмъ ей будетъ обмѣняться живымъ словомъ! А каковъ онъ самъ, ея нарѣченный женихъ? Варваръ, въ полномъ смыслѣ варваръ! какъ ей казалось.

Но выбора не было для бѣдной отрасли царственнаго дома нѣкогда могущественныхъ Палеологовъ. Внучка императоровъ византийскихъ, она тамъ, на далекомъ сѣверѣ, должна возстановить свой царственный родъ. И какъ горько она плакала, расставаясь съ родными и отправляясь въ невѣдомый путь!

Нѣтъ, тогда она не любила его, не могла любить!

Какой безконечный путь, безконечное плаваніе по невѣдомымъ морямъ! Все это теперь припомнилось ей. Чѣмъ дальше уносилъ

ея сердце чужой корабль отъ ея милой родины, тѣмъ болѣе и болѣе ныло и тосковало это сердце. Еще когда корабль плылъ вдоль италійскихъ и гишпанскихъ береговъ, она видѣла съ палубы этого корабля что-то свое, родное: зеленыя и лаворовыя горы, красивые берега, лимонныя и апельсиновыя рощи, красивые букеты гордыхъ пальмъ, ярко-голубое небо; но чѣмъ болѣе корабль подвигался къ сѣверу, тѣмъ однообразнѣе и грустнѣе становились картины, на которыя она глядѣла грустными глазами: бирюзовое море смѣнялось какимъ-то свинцовымъ, пологіе берега становились все однообразнѣе и однообразнѣе и небо было уже не то, что тамъ, на ея родномъ югѣ.

Тоскливый, безконечный путь!

Но вотъ однажды, пасмурнымъ, туманнымъ утромъ, когда мокрый западный вѣтеръ порывисто надувалъ мокрые парусы ея корабля, ей указали на низменную, такую же туманную, какъ утро, полосу земли и сказали, что это—Русская земля! Какой тревогой и боязнью сжалось ея и безъ того истосковавшееся сердце!

Такъ вотъ она та далекая, невѣдомая Русская земля, гдѣ она должна похоронить свою молодость, свою красоту!.. Сыро, туманно, тоскливо кругомъ...

Нѣтъ, она не любила его!

Но вотъ она покинула и свой корабль, на которомъ она такъ много и такъ нерадостно думала. Теперь и корабль этотъ казался для нея чѣмъ-то своимъ, роднымъ, близкимъ. Но она и съ нимъ должна была проститься, проститься навсегда!

Какъ она помнитъ эти псковскія суда—«насады», которые окружили ея корабль! Эти псковскіе бояре въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ, эти длинные, шитые золотомъ кафтаны, эта незнакомая рѣчь, какъ все это было не похоже на то, къ чему она привыкла съ дѣтства!..

Вотъ они плывутъ Наровою по землямъ великаго Пскова... Вотъ и Псковъ, торжественныя встрѣчи, а тамъ—Москва и—онъ. ея будущій мужъ и государь!

Нѣтъ! тогда она не любила его...

Зачѣмъ же теперь слезы текутъ по ея смуглымъ щекамъ и падаютъ на богатое вышиванье?

— Мама, мама! объ чемъ ты плачешь?—услыхала она дѣтскій голосъ.

Это прибѣжалъ изъ сосѣдней палаты ея сынокъ, князюшка Васюта, пяти или шести лѣтъ, хорошенькій мальчикъ.

— Объ чемъ ты, мама?—заглядывалъ онъ ей въ глаза.

— Ахъ, сыночекъ! да все о томъ, что батюшки князя доселѣ нѣту,—отвѣчала княгиня.

И она, обхвативъ руками курчавую головку сына, тихо причитала: «И на кого ты насъ, сиротъ твоихъ, покинулъ?»

Ребенокъ тоже громко заплакалъ, уткнувъ лицо въ колѣни матери. Княгиня стало жаль малютку, и она начала утѣшать его.

— Не плачь, дитятко, батюшка князь скоро воротится.

— А гдѣ онъ?—спросилъ ребенокъ.

Этотъ наивный вопросъ смутилъ княгиню. Она не знала, что отвѣчать.

— А я знаю, куда поѣхалъ батюшка,—серьезно сказалъ мальчикъ, утирая заплаканные глаза.

— А куда, дитятко?—обрадовалась мать.

— Псковъ громить,—быстро отвѣчалъ мальчикъ:—вчера батюшка за что-то разгнѣвался на Псковъ и говорить князю Данилѣ Холмскому: я, говорить, скоро и Псковъ разгромлю, какъ разгромилъ Новгородъ. А что, мама,—продолжалъ лепетать ребенокъ:—и во Псковѣ есть Марea посадница и вѣчной колоколъ? А знаешь, мама, когда я буду государствовать на Москвѣ, знаешь, кого я разгромлю?

— Кого, дитятко?—глотаая слезы, спросила княгиня.

— Крымъ! я возьму въ полонъ крымскаго хана... А что это ты выпиваешь, мама?

— Орла государева, дитятко.

— Орла! А для чего у него двѣ головы?

— Это двуглавый орелъ, дитятко: это наше государское знаменіе, это мое вѣно, это государское знаменіе мсихъ отцовъ и дѣдовъ.

Вдругъ въ сосѣдней палатѣ, со стороны «государевыхъ переходовъ», послышались чьи-то шаги.

Княгиня радостно, скорѣе какъ бы испуганно, встрепенулась. Она узнала знакомые шаги, — шаги того, котораго она когда-то не могла полюбить, — его, всегда угрюмага, вѣчно занятаго своими думами о «собираніи Русской земли», всегда холоднаго... «Стерпится, слюбится», слова эти не сходили съ его усть... И вотъ «стерпилось» — она полюбила его...

— Это онъ!

— Кто, мама?

Шаги все ближе и ближе. Вотъ онъ сейчасъ войдетъ...

Княгиня сорвалась съ мѣста... Въ дверяхъ стояла могучая фигура мужчины. На рыжей окладистой бородѣ заиграло солнце — это былъ онъ!

Княгиня съ радостнымъ крикомъ бросилась ему на шею...

— А ужъ я, горькая, не чаяла и въ живыхъ видѣть тебя, свѣта моего!.. Ваня! соколикъ! радость очей моихъ!

V.

Титъ ищетъ кума Ивана.

Миновала суровая московская зима. Солнце все лѣвѣе и лѣвѣе восходитъ за Москвою, когда Титъ, выйдя изъ своей избенки утромъ, молится, оборотясь лицомъ къ востоку, а потомъ обернется лицомъ къ своей избенкѣ и видитъ, что она все больше разваливается: и крыша вся расползлась, и углы позавалились.

Покачаетъ, покачаетъ Титъ своею безталанной головою, почешетъ въ затылкѣ,— а что подѣлаешь? чѣмъ взяться?

Котлы все ярче и ярче одѣваются въ зелень. Ласточки давно прилетѣли и не гнушаются жалкой, разваливающейся избенкой Тита...

— Вонъ, касатя, и гнѣздышко у меня лѣпютъ—это къ счастью,—утѣшаетъ себя Титъ.

А между тѣмъ въ избѣ ѣсть нечего. Плачется Орина и ребенокъ плачетъ съ голоду, а Титъ все утѣшаетъ жену:

— погоди, Орина, вотъ ужъ пойду въ гости къ куму Ивану...

— О, дуракъ, дуракъ! — махнеть на него рукой Орина:—гдѣ ты будешь этого кума искать?

— Гдѣ? на Москвѣ! онъ сказалъ, онъ не обманетъ, онъ не такой человѣкъ...

— Ахъ, дуракъ! дуракъ! да вить Москва, чать, не Котлы!

— Онъ самъ сказалъ, онъ не обманетъ.

— Да какъ ты его сыщешь тамъ, дурацкая твоя образина? ноли на Москвѣ только и есть одинъ Иванъ, твой кумъ?

— Да онъ самъ сказалъ: спроси, гыть, только кума Ивана, и тебя приведутъ ко мнѣ... А онъ не обманетъ—не такой онъ человѣкъ... А я и хлѣбца попрошу у него, и лѣску для избы—онъ всего дастъ.

— О, дуракъ, дуракъ! что мнѣ съ нимъ дѣлать, Господи!

Идетъ огорченный Титъ и къ сосѣду своему, къ Ильѣ Щекину, позываетъ хлѣбца, а тотъ ему тоже въ отвѣтъ: «эхъ, дуракъ, дуракъ! да чѣмъ ты отдашь?»

— Да вотъ я ужъ пойду на Москву къ куму Ивану.

— Ха-ха-ха! вотъ дуракъ!

— Онъ мнѣ всего дастъ...

Опять та же исторія. Всѣ смѣются надъ дуракомъ Киткой, а Титъ не унываетъ.

Наконецъ, онъ идетъ къ батюшкѣ, къ отцу Нифонту.

— Благослови, отецъ Нифонтъ,—на Москву иду.

— Что? какъ?

— Да пойду къ куму Ивану.

— Что жъ, дѣло хорошее, давно бы пора надуматься тебѣ, Титушка: вить онъ звалъ тебя въ гости.

— Звать-то звалъ... А вонъ всѣ смѣются, говорятъ: дуракъ! дуракъ! въ одно слово всѣ дуракомъ называютъ. А ты какъ, батюшка, думаешь?

— Да думаю, Титушка, что ты не дуракъ, а только смиренъ, и тебѣ за смиреніе Господь пошлетъ.

— А какъ ты думаешь, отецъ Нифонтъ,—я найду его на Москвѣ?

— Непремѣнно найдешь: тебя такъ къ нему и приведутъ.

— А какъ ты думаешь, кто онъ такой? — большой бояринъ?

— Полагаю, что большой.

— А може, самъ митрополитъ?

— Можетъ, и митрополитъ.

— То-то и я мекаю.

— О! да ты мужикъ не промахъ.

Наконецъ, Титъ рѣшился. Съ утра натянулъ на себя рванный чапанишко, подвязалъ новой мочалкой лапти, досталъ изъ сосѣдняго плетня палку и, перекрестясь на востокъ, а потомъ на церковь, потянулъ къ Москвѣ, ничто-же сумняся...

— Вонъ нашъ дуракъ пошелъ на Москву кума Ивана искать,—смѣялись ему въ слѣдъ мужики.

А Титъ идетъ себѣ, полный вѣры въ своего кума, и посмѣивается себѣ въ бороду.

— Вотъ ужъ посмотримъ, кто засмѣется, — думаетъ онъ себѣ.

Какъ нарочно, на этотъ разъ и утро выдалось великолѣпное. Солнце такъ ласково грѣетъ. Зеленая трава словно живая тянется къ небу и не нарадуется, что она опять оживаетъ послѣ суровой зимы. Въ рощѣ гдѣ-то заливаются соловей, а на сосѣднемъ огородѣ, надъ развѣсистыми ветлами, съ радостнымъ задоромъ вьются стаи грачей.

Но Тита не занимаетъ весенній концертъ природы. Онъ думаетъ о цѣли своего путешествія, о томъ, что его ожидаетъ въ Москвѣ, и обрадуется ли ему кумъ Иванъ.

А Москва все ближе и ближе. Золотыя маковки церквей такъ ярко горятъ на солнцѣ. Въ нѣкоторыхъ церквахъ слышится благовѣсть. Титъ снимаетъ свою шапочку и набожно крестится. Въ головѣ его шевелится даже игривая мысль при видѣ рваной шапки.

Эхъ, ты, шапка, ты, шапка моя,

Одного сукна съ онучею!

Онъ смотритъ и на онучи. Не казисто сукно на онучахъ.

— Ну, ужъ недолго мнѣ носить такія,—думаетъ онъ.

Но вдругъ его поражаетъ мысль. А что если да кумъ его уѣхалъ изъ Москвы? что если теперь онъ совсѣмъ не живетъ въ

бѣлокаменной? Онъ, довѣрчивая душа, не сомнѣвался, что найдетъ только онъ кума Ивана, тотъ озолотить его. Онъ почему-то глубоко увѣровалъ въ своего кума. Но что если его нѣтъ въ Москвѣ? Отчего онъ ни разу не вспомнилъ ни о немъ, о своемъ кумѣ Киткѣ, ни о своемъ крестникѣ? Отчего, если онъ такой большой бояринъ, не прислалъ кого либо изъ холопей навѣдаться о здоровѣ своего крестника?..

А тутъ вотъ уже и Серпуховскія ворота. Ярко горитъ на вершинѣ ихъ золотой крестъ.

Тить—къ воротамъ, снимаетъ опять шапку и крестится.

У воротъ стоятъ два стражника съ бердышами. Тить почтительно хотѣлъ было проскользнуть мимо нихъ.

— Стой!—закричали стражники.

Тить оторопѣлъ и снялъ шапку.

— Ты кто таковъ? — спрашивали его.

— Я... я Китка изъ Котловъ; кормильцы... Кить.

— А куда идешь?

— Въ Москву, кормильцы.

— Зачѣмъ? — продолжался допросъ.

— Кумъ у меня тамotka есть.

— Кумъ, говоришь? — И стражники многозначительно переглянулись. — Какой кумъ?

— Да кумъ Иванъ, родимые: приходи, гыть, ко мнѣ въ гости, Кить Захарычъ.

— Это онъ! держи его!

И стражники схватили несчастнаго подъ руки. Онъ весь затрепеталъ.

— Батюшки свѣты! за что же! — о-о!

VI.

У князя Холмскаго.

Перепуганнаго Тита повели прямо въ Кремль. Онъ не зналъ, чтѣ и подумать обо всемъ съ нимъ приключившемся; но распрашивать боялся, тѣмъ болѣе, что молчали и сопровождавшіе его стражники. Но какъ ни страшно казалось ему все окружавшее, въ душѣ онъ глубоко вѣрилъ въ своего кума.

— Не такой онъ человекъ, — копошилось у него въ мозгу.

Скоро стражники подвели его къ богатымъ каменнымъ палатамъ. У крыльца стояли два ратника съ алебардами въ рукахъ.

— Дома князь его милость бояринъ Данило Димитричъ? — спросилъ одинъ изъ стражниковъ.

— Дома, сейчасъ отъ великаго государя пришелъ, — отвѣчалъ ратникъ.

— Поди и доложи боярину: отъ Серпуховскихъ деи воротъ стражники пришли по самонужнѣйшему дѣлу.

Ратникъ вошелъ въ хоромы. Черезъ нѣсколько минутъ онъ воротился и приказалъ стражнику отъ имени князя идти въ покои.

— Тамъ тебя проведутъ, — пояснилъ онъ.

Въ покояхъ стражника встрѣтилъ молоденькій барченокъ, сынъ боярскій, и провелъ его во внутренніе покои князя.

Князь Холмскій задумчиво ходилъ вдоль образной палаты въ ожиданіи стражника. Сѣдая, но мужественная еще голова его была низко опущена на грудь, на которой ярко блестѣла золотая гривна. Отъ времени до времени онъ тербиль нетерпѣливо свою длинную, серебристую бороду.

Да и было о чемъ задуматься! Сегодня великій князь такъ гнѣвнъ. Изъ Пскова пріѣхало посольство съ жалобой на своего князя Ярослава Владиміровича и на его намѣстниковъ. Великій князь сегодня намѣренъ пустить пословъ къ себѣ на очи, но очень гнѣвнъ: какъ бы Холмскому не пришлось вести рати противъ псковичей, какъ онъ водилъ противъ новгородцевъ. А легко ли проливать кровь своей же братьи, православныхъ! Вонъ и до сихъ поръ по ночамъ, въ тонцѣ снѣ, ему видится часто Марѳа посадница, которая рветъ свои сѣдые косы и горько плачется: «Отдай мнѣ моихъ сыновей! вороти мнѣ мою вотчину, Великій Новгородъ! зачѣмъ отняли у него вѣчный колоколь!».

— Ты что? — спросилъ онъ вошедшаго въ эту минуту стражника.

— Я отъ Серпуховскихъ воротъ, ваша милость, — отвѣчалъ послѣдній, кланяясь.

— По какому такому самонужнѣйшему дѣлу?

— Да мужичка, бояринъ княже, задержали у воротъ.

— Какого мужичка?

— Изъ Котловъ, бояринъ: кума Ивана пытается.

— А! кума Ивана... Помню, помню... Спасибо за службу...

— На томъ крестѣ цѣловали, ваша милость.

— Спасибо, спасибо... Инъ пусть войдетъ ко мнѣ мужичокъ.

Стражникъ вышелъ, бережно ступая по одной половицѣ. Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ показалось испуганное лицо Тита. Сзади его тихонько подталкивалъ молоденькій боярченокъ: «иди же! иди — не бойся!».

— А! здравствуй, Титъ Захарычъ! — добро пожаловать! — ласково обратился къ нему князь Холмскій: — что, къ куму Ивану въ гости пришелъ? Давно, давно бы пора. А то ужъ мы подумывали, что ты заспѣсивѣлся, и видѣть не хочешь своего куманька.

Титъ совершенно растерялся. Все, что онъ видѣлъ кругомъ, все, что съ нимъ произошло этимъ утромъ, казалось ему сномъ. Эти

стражники съ бердышами, схватившіе его, едва онъ произнесъ имя кума Ивана; этотъ Кремль, черезъ который его провели какъ осужденнаго на казнь; эти богатыя палаты, въ которыя его ввели, богатство и великолѣпіе, бросившіяся ему въ глаза, — все это казалось ему волшебствомъ, дьявольскимъ навожденіемъ.

И вдругъ этотъ сѣдой бояринъ, весь въ золотѣ, точно образъ Николая Чудотворца въ золотой ризѣ, называетъ его Титомъ Захарычемъ, величаетъ по имени и отчеству, словно какого боярина—«добро пожаловать»...

— Господи! что жъ это такое?—мутилось у него въ головѣ. — Да вѣдь это не кумъ Иванъ... У того рыжая борода, и тотъ моложе этого...

— Ну, какъ поживаешь, милостивецъ?—говорилъ между тѣмъ этотъ сѣдой бояринъ, съ золотою гривною на шеѣ: — здоровъ ли твой сыночекъ Иванушка? что твоя жена, здорова ли?

Отъ изумленія бѣдный Титъ не могъ промолвить ни слова и стоялъ весь растерянный. Только дрожація руки его нервно тебрили жалкую шапчонку.

Холмскій положилъ ему руку на плечо, желая ободрить.

— Я все знаю,—говорилъ онъ:—мнѣ твой кумъ все разсказалъ. Я знаю, какъ твой богатый сосѣдъ не хотѣлъ пустить къ себѣ на ночь прохожаго, а ты сжалился надъ ближнимъ, ты спасъ христіанскую душу отъ наглои смерти, — и тебя за это Богъ наградить на томъ свѣтѣ, а государь великій князь пожалуетъ тебя на этомъ. А знаешь ли ты, кого ты спасъ?

— Не вѣдаю, родимый,—пробормоталъ допрашиваемый.

— И не догадываешься?

— Отецъ Нифонтъ сказывалъ: либо большой бояринъ, либо самъ владыка.

— Добро, добро, ты самъ его скоро увидишь.

VII.

Псковское посольство.

У государя великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи пріемъ псковскихъ пословъ.

Великій князь сидитъ въ Грановитой палатѣ на державномъ мѣстѣ въ полномъ великокняжескомъ облаченіи. На головѣ у него шапка большаго выхода. Въ одной рукѣ скипетръ, въ другой — державное яблоко. Золотыя ризы прикрыты бармою. Длинная рыжая борода расчесана по волоску и тоже отлиываетъ червоннымъ золотомъ. По правую его руку стоитъ князь Данило Холмскій. Ниже, у подножія трона, около стола стоитъ думный дьякъ Курицынъ

и осторожно расправляетъ лежащiе на столѣ свитки—государственныя грамоты и договоры. По обѣимъ сторонамъ полукругомъ расположились именитые и думные бояре.

По срединѣ палаты, ближе къ державному мѣсту, кучкою, сбившись какъ испуганное стадо овецъ, стоитъ посольство великаго Пскова: два посадника, именитые бояре и по два посланца отъ cadaго пригорода.

Въ сторонкѣ отъ всѣхъ, у окошка, стоитъ нашъ знакомецъ, милѣйшiй Титъ Захарычъ въ своемъ обтрепанномъ чапанишкѣ, и добрые глаза его, то и дѣло застилаемые слезами, съ неизрѣченной любовью смотрять на того, кто сидитъ на державномъ мѣстѣ...

«Такъ вотъ кто кумъ Иванъ!»...

Великiй князь держитъ рѣчь. Онъ гнѣвенъ, заряженъ негодованiемъ.

— Я вамъ говорилъ тогда, когда жаловалъ мою отчину, Псковъ, золотымъ кубкомъ (отчетливо и гулко лилась грозная рѣчь на всю Грановитую палату),—я говорилъ: смотрите же, псковичи, я, князь великiй, хочу васъ, свою отчину, держать въ старинѣ, и вы, наша отчина, слово свое держите честно и грозно надъ собою и наше собѣ жалованье. Чтобъ вы это знали и помнили!—Помните?

Мертвая тишина. Только слышенъ нервный шорохъ свитковъ подъ дрожащими пальцами дьяка Курицына да у окна—тяжелый, глубокiй, но сдержанный вздохъ.

— Нѣтъ, вы это забыли! Забывъ мое великаго князя жалованье, вы присылали ко мнѣ пословъ съ безлѣпными, извѣтными рѣчами, что деи московскiе послы, ѣдучи Псковскою землею, по дорогѣ обижаютъ людей, у проѣзжихъ деи отымаютъ лошадей и животы, грабятъ по станамъ и на подворья въ городѣ, требуютъ деи отъ Пскова грубо поминокъ не по силѣ, а чтѣ имъ деи Псковъ дастъ, то не берутъ. И то ваша вина! Забыли ваше грубство?

Та же мертвая тишина. Слышно только, какъ за окномъ, на карнизѣ, голуби воркуютъ.

— Слушайте, псковичи, моя отчина!—великiй князь возвысилъ голосъ.—Слушай, и ты, кумъ!

Титъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и едва не упалъ отъ ужаса. Онъ понялъ, онъ видѣлъ, что послѣднiя слова великаго князя обращены къ нему. Но глаза Ивана Васильевича, доселѣ грозные, смотрѣли теперь на трепещущаго Тита ласково, какъ тогда, зимой, у него въ избѣ.

— Слушай, кумъ, какъ я учу моихъ слушниковъ и какъ жалую добрыхъ людей,—пояснилъ великiй князь, и снова обратился къ псковскому посольству, которое съ недоумѣнiемъ смотрѣло на стоявшаго у окна оборваннаго смерда.

— Слушайте ваши вины, послы Пскова, моей отчины! Когда князь Ярославъ Владимiровичъ, котораго я вамъ далъ, совокупно

съ посадниками написалъ грамоту о смердѣй работѣ, вы супротивъ той грамоты востали крамолою — у многихъ посадниковъ дворы порубили, посадника Гаврилу убили на вѣчѣ до смерти, а смердовъ Стехна, Сырня и Лежня посадили въ погребъ. Опасаяся смертнаго убойства, достальные посадники бѣжали къ намъ на Москву, спасаючи свои головы, а вѣче написало на нихъ мертвую грамоту и закликали ихъ въ Псковъ на смертную казнь. Помните, — въ тѣ поры я указалъ Пскову, моею отчиной, откликать отъ смерти посадниковъ, отпечатать мертвую грамоту и принести повинную князю Ярославу. Что жъ вы сдѣлали тогда? — Забыли? — Такъ я напомию вамъ!

Послы стояли блѣдные, не смѣя поднять глазъ. Иванъ Васильевичъ глянулъ на князя Холмскаго, и тотъ стоялъ блѣдный, безмолвный.

Дьякъ Курицынъ молча подалъ князю какой-то свитокъ.

— Да, вотъ она, — сказалъ великій князь, пробѣгая глазами свитокъ и возвращая его дьяку. — И вы, псковичи, моя отчина, и въ тѣ поры сказались мнѣ, великому князю, ослушны: смердовъ изъ погреба не выпустили, посадниковъ не откликали, князю Ярославу челомъ не добили. Отвѣчайте, истину я говорю? Отвѣчайте же!

— Истину, господине, — послышался робкій отвѣтъ.

— Я вамъ не господинъ! — грозно перебилъ посла великій князь. — Будетъ и того, что Новгородъ умалялъ до господина мое государское титуло. А чтѣ я сдѣлалъ съ Новгородомъ? — Ноли и Псковъ, моя отчина, того же хочеть!

— Смилуйся, государь! положи гнѣвъ на милость! — упали послы на колѣни.

— Встаньте! — приказалъ великій князь.

Никто не шевелился. Все замерло въ палатѣ.

— Встаньте!

Всѣ послы повалились въ ноги точно передъ иконой. Слышно было, какъ боярскіе лбы стукнулись о дубовый помостъ Грановитой палаты.

— Я вамъ говорю — встаньте! — въ третій разъ сказалъ Иванъ Васильевичъ.

— Не встанемъ, — послышались слабые голоса: — либо вели снятъ съ насъ головы, великій государь, либо отложи твое нелюбіе — все равно намъ живыми не быть.

Великій князь глянулъ на Холмскаго. Въ глазахъ у своего любимца онъ замѣтилъ слезы. Плакалъ, закрываясь шапкой, и тотъ, который стоялъ у окна.

— Добро! — сказалъ Иванъ Васильевичъ: — во имя святыни отчины моея, Пскова, во имя святыя Живоначальныя Троицы, я, государь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, говорю нынѣ въ послѣдній разъ: если отчина моя, Псковъ, исправить мое

слово — отпечатаеть мертвыя грамоты на посадниковъ своихъ и откликчетъ ихъ и выпуститъ смердовъ изъ погреба и учнетъ потомъ бить мнѣ челомъ о своей нечести, то я, великій князь, отдамъ Пскову, моей отчинѣ, мое нелюбие и буду васъ миловать по пригожаю. Таково мое слово! Встаньте.

Послы встали. Не одна грудь вздохнула глубоко, глубоко, точно она долго придавлена была камнемъ. Тотъ, который стоялъ у окна, широко крестился.

VIII.

Добро за добро.

Когда послы встали и отошли въ сторону, великій князь подалъ свой скипетръ князю Холмскому, а державное яблоко — дьяку Курицыну, и самъ поднялся съ трона. Глаза его свѣтились радостью.

— Ну, куманекъ, подойди теперь ты ко мнѣ, — сказалъ онъ, ласково ваглянувъ на Тита.

Тотъ робкими шагами подошелъ къ трону и упалъ на колѣни.

— Узналъ меня? — улыбнулся Иванъ Васильевичъ: — узналъ кума Ивана?

И онъ протянулъ къ Титу свою руку. Тотъ съ благоговѣніемъ прильнулъ къ ней, словно къ рукѣ Спасителя на плащаницѣ, и заплакалъ отъ умиленія.

— Что, узналъ меня? — повторилъ великій князь.

— Узналъ, батюшка надежа-государь, узнать! — всхлипывалъ растроганный бѣднякъ: — въ какомъ бы ты одѣяніи ни былъ, осударь батюшка, я узналъ бы тебя, узналъ бы твои свѣтлыя очи.

— Добро, добро! А отчего долго не приходилъ ко мнѣ?

— Не смѣлъ, осударь батюшка.

— А ты догадался, что это былъ я у тебя?

— Гдѣ, государь, догадаться!.. Ноги я смѣлъ подумать, что самъ батюшка, надежа-государь... А-ахъ!

И онъ снова задился горячими слезами.

— Я думалъ — большой бояринъ, либо именитый купецъ, либо... а тутъ... о-охъ!

— Добро! добро! Встань!

Съ этими словами великій князь повернулся къ посламъ великаго Пскова и сказалъ:

— Видите человѣка сего? — Онъ — смердь и смердыго рода. Но онъ для меня почетнѣе боярина. И вотъ почему: онъ соблюдаетъ заповѣдь Христову — «страннаго пріими»... Прилучилось мнѣ новѣ зимою дѣйства нѣкоего ради тайнымъ образомъ выйти изъ

Москвы, и не по образу великокняжескаго хожденія, а въ образѣ простаго селянина. Не успѣлъ я отойти стадій пять-шесть отъ Серпуховскихъ воротъ, и се внезапно возмятеся мятель велія, и встаетъ вѣтръ сильный, и объять мя тьма ночная. Воротиться къ Москвѣ — за темнотою и сугробами снѣжными дороги не найду; далѣе идти — могутъ моея нѣтъ. Пришлось погибать наглою смертію въ полѣ. Но Господь, не воздавая мнѣ по грѣхомъ моимъ, оказалъ мнѣ свою милость. Внезапу увидѣлъ я свѣтъ не вдалькѣ. То были Котлы. Я на свѣтъ иду, а самъ мало-мало не падаю отъ утомленія. Вижу — изба хорошая, новая, большая и огонь въ ней свѣтится. Я стучусь въ окно — и меня гонять отъ окна аки пса смердящаго. Я затаилъ въ сердцѣ моемъ гнѣвъ, поминаючи словеса Христовы — за зло платитъ добромъ, — и постучался въ другую, бѣдную избенку. Въ ней меня приняли какъ отца роднаго. А не всякій бы принялъ въ такой неподобный часъ: у того, кто меня принялъ, въ ту ночь должна была жена разродиться...

— Вотъ кто принялъ меня! — указалъ великій князь на смущенно стоявшаго Тита. — А наутро я съ нимъ и покумился. Но я все еще въ долгу передъ моимъ спасителемъ. Видите, какая на немъ бѣдная одежонка, и то моя вина! Каюсь предъ послами отчины моей, Пскова: мнѣ первому подобаетъ награждать за добрыя дѣла и казнить за злыя.

Потомъ, снова обращаясь къ Титу, великій князь спросилъ:

— Скажи, кумъ: твоя изба все такая же ветхая, какъ зимой была?

— Совсѣмъ разваливается, государь, — былъ отвѣтъ.

— И скотинки у тебя нѣтъ?

— Нѣту-ти, надѣжа-государь, — одна бѣлая кошечка.

— Добро! — все будетъ у тебя. — Федоръ! — обратился великій князь къ дьяку Курицыну: — напиши въ мой государевъ приказъ, чтобъ крестьянину Титу въ Котлахъ отпущено было гѣсу на избу, хлѣба на прокормъ и на сѣмена, пару лошадей, коровъ, овецъ и всего, что понадобится; да чтобъ мои государевы плотники срубили ему добрую избу; да сейчасъ же прикажи одѣть его во все новое и доброе, а ужъ князь Данило (Иванъ Васильевичъ взглянулъ на Холмскаго) позаботится, чтобы у моего кума все было и всего вдоволь.

Титъ снова упалъ на колѣни и только качалъ головою, за слезами не будучи въ состояніи выговорить ни одного слова.

— Ну, полно, кумъ, вставай! — ласково сказалъ Иванъ Васильевичъ.

Титъ поднялся, шатаясь, точно пьяный.

— Ну, кумъ, а чѣмъ же ты меня отдаришь? — улыбнулся великій князь.

Титъ не зналъ, что отвѣчать, и смотрѣлъ какъ-то растерянно.

— Вотъ что, кумъ, — продолжалъ великій князь: — подари мнѣ

свою бѣлую кошечку. Когда я, въ тѣ поры, воротясь отъ тебя, рассказалъ государынѣ княгинѣ, Софьѣ Ѳомиинишнѣ и сыночку моему, князю Васютѣ, о томъ, какъ я ночеваль у тебя и какъ ласкалась ко мнѣ твоя бѣлая кошечка,—съ той поры сынокъ мой не даетъ мнѣ проходу: достань да достань ему бѣлую кошечку отъ котловскаго кума.—Такъ смотри же, привези мнѣ кошечку. Да кланяйся кумѣ Оринѣ и другой кумѣ—Щекиной, и отцу Нифонту скажи, что я кланяюсь ему саномъ протоіерея и палицею, съ возложеніемъ на него златой митры. Это дѣло святѣйшаго патріарха—я самъ скажу ему о томъ.

— А вы,—обратился онъ къ псковскимъ посламъ:—скажите Пскову, моей отчинѣ, мое послѣднее слово, и помните, что слово мое крѣпко.

И великій князь медленно направился къ выходу.

IX.

„Дуракамъ счастье“.

Вечерѣло. Весеннее солнце, опускаясь за верхушки сосноваго бора, раскинувшася къ западу отъ Котловъ, послѣдними лучами золотило разнесенную вѣтрами и непогудою соломенную крышу жалкой избенки Тита.

Подъ избою, на осунувшейся завалинѣ сидѣла жена Тита, Орина, съ ребенкомъ на рукахъ. За послѣднее время Орина очень исхудала и поблѣднѣла. Тихо качая ребенка, она тревожно поглядывала на дорогу, ведущую къ Москвѣ. Съ ранняго утра ушелъ туда ее горемычный мужъ искать кума Ивана—и словно въ воду канулъ.

Горько и стыдно ей было за мужа. И добрый онъ былъ мужикъ и ласковый, никогда ее не билъ и дурнымъ словомъ не обзывалъ; но—нечего грѣха таить—придурковать былъ. А съ того времени, какъ покумился съ какимъ-то прохожимъ, ужъ и совсѣмъ сталъ дуракомъ. Ничего-то онъ не дѣлалъ, да и дѣлать-то безъ скотины и хозяйства ему было нечего. А ему все, кажется, ни по чемъ. Забралъ себѣ въ голову, что у него на Москвѣ есть кумъ богатый—либо набольшій бояринъ, либо набольшій протопопъ, и все ждетъ, что ему съ неба счастье свалится. И всѣ Котлы ужъ стали надъ нимъ смѣяться: дуракъ да дуракъ, съ цѣлою Москвою покумился.

Такъ какъ дѣло было къ вечеру и скоро должна была возвращаться въ Котлы скотинка съ поля, то котловскія бабы одна за другою стали сходиться къ избѣ Тита, которая была крайнею въ поселкѣ, чтобы тамъ поджидать своихъ коровокъ да телушекъ.

— Ждешь, видно, муженька, Оринушка?—спрашиваетъ одна баба, садясь на завалинкѣ и участливо подпирая щеку ладонью.

— Поджидаю, родимая, — отвѣчаетъ Орина. ;

— Э-э-хе-хе! житье наше горькое, касатая.

— И не говори, мать моя! — соболѣзнуетъ другая баба, присаживаясь тутъ же: — али легко жить съ дуракомъ-то мужемъ.

— Гдѣ легко! Вонъ мой-то идолъ хоша и дерется, а все у насъ и лошадка есть, и коровенка.

— Вѣстимо: что нашу сестру не бить, коли за дѣло?

— Ужъ и подумаю я, мать моя: какъ это въ цѣлой Москвѣ найти кума Ивана!

— Вотъ поди жъ ты! пошолъ искать.

— Гдѣ тамъ найти! найди иглу въ стогу сѣна... Ужъ коли бь онъ, кумъ-отъ московскій, былъ путящій человекъ, а не озорникъ, — какъ бы не сказать: ищи де меня тамъ-то, на такой-то улицѣ, а вотъ такъ и такъ меня зовутъ, и вотъ такъ прозываютъ. А то на! — спроси кума Ивана!

— Озорникъ и есть, тѣфу!

Въ это время по дорогѣ, ведущей къ Москвѣ, показалась пыль, и видно было, что кто-то ѣхалъ парой. Лошади были бойкія, красивыя, да и телѣга не простая, а совсѣмъ господская, выкрашенная голубою краскою.

Въ телѣгѣ сидѣлъ и правилъ лошадьми бояринъ не бояринъ, мужикъ не мужикъ, а скорѣе посадскій человекъ.

Телѣга все ближе и ближе. Вотъ она поворачиваетъ къ избенкѣ Тита.

— Кто бъ это былъ такой?

— Матыньки! кажись, самъ Китка?

— Китка и есть! Ахъ, мать моя!

— Тпру! — это и былъ Титъ Захарычъ.

Осадивъ хорошо выѣзжанныхъ лошадей, онъ выскочилъ изъ крашеной, господской повозки, и бросился цѣловать жену и крестника.

— Ну, молись, Оринушка! молись земно! — захлебывался онъ отъ радости: — шлетъ тебѣ поклонъ самъ благочестивѣйшій государь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи! Вотъ кто таковъ кумъ Иванъ! Все это мое (онъ указалъ на лошадей и повозку, нагруженную разными мѣшками и узлами), — все это подарилъ самъ надѣжа-государь, куманекъ нашъ. Онъ же пожаловалъ намъ и коровокъ, и овечекъ, и лѣсу на новую избу — и всего, и всего! И велѣлъ построить намъ новую избу своимъ государевымъ плотникамъ. Слава нашему государю Ивану Васильевичу!

Онъ казался помѣшаннымъ отъ радости. Жена же его, казалось, окаменѣла отъ неожиданности: она только прижимала къ себѣ ребенка и тихо повторяла: «Владычица! государевъ крестникъ! Матушки мои! самъ князь Иванъ Васильевичъ! А я-то,

бесстыжая, орала при немъ, рожамши! Свѣты вы мои! сыночекъ мой! осударевъ крестничекъ!»

Неслыханная вѣсть быстро разнеслась по Котламъ. Всѣ спѣшили къ избенкѣ Тита, всѣ говорили, удивлялись, спорили, горячились. Но всѣхъ покрываль одинъ голосъ.

— Сказано: дуракамъ счастье!

— Вѣстимо, дуракамъ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ Кить Захарычъ въ своемъ новомъ домѣ подъ зеленою крышею зажилъ чуть не бояриномъ, онъ пошолъ за умнаго.

Д. Мордовцевъ.

ЗАПИСКИ КСЕНОФОНТА АЛЕКСѢВИЧА ПОЛЕВАГО.

ЗАПИСКИ Ксенофонта Алексѣевича Полеваго имѣютъ несомнѣнный литературный интересъ. Выясняя намъ личность брата своего, Николая Алексѣевича Полеваго, постоянный сотрудникъ и другъ его до гробовой доски, Ксенофонтъ Алексѣевичъ рисуетъ и весь кружокъ людей, врацавшихся около Николая Алексѣевича, входившихъ съ нимъ въ сношенія, близкихъ и знакомыхъ ему, относившихся къ нему дружелюбно или враждебно; а такъ какъ издатель «Московского Телеграфа», бывший впоследствии издателемъ «Сына Отечества», «Русскаго Вѣстника» и «Литературной Газеты», входилъ въ сношенія съ большинствомъ литературныхъ дѣятелей своей эпохи, «Записки Ксенофонта Алексѣевича Полеваго» представляютъ собою не простой биографическій матеріалъ, а очень полную картину всего періода литературы, втеченіе котораго Николаю Алексѣевичу пришлось жить и дѣйствовать.

Важнымъ достоинствомъ «Записокъ» К. А. Полеваго слѣдуетъ считать ихъ полное безпристрастіе по отношенію къ главному лицу его разсказа, т. е. къ брату, и замѣчательную скромность автора, который нигдѣ не выставляетъ себя, а только рисуетъ личности, налагаетъ событія, выясняетъ отношенія съ спокойствіемъ и сознаниемъ собственнаго достоинства. Эти качества автора «Записокъ» тѣмъ болѣе заслуживаютъ уваженія, что «Записки» были писаны въ 50-хъ годахъ, въ самый разгаръ той литературной борьбы, которая низвергала и попирала все прошлое нашей литературы, падая ницъ только передъ Бѣлинскимъ, воспитавшимъ новыхъ, идейныхъ постовъ и романистовъ... К. А. Полевой, близко знакомый съ Мицкевичемъ, Пушкинымъ, сотрудникъ кн. П. А. Вяземскаго, пріятель Баратынскаго, Веневитинова, В. Ф. Одоевскаго и братьевъ Кирѣевскихъ, не могъ относиться хладнокровно къ тому, что происходило передъ его глазами въ литературѣ и журналистикѣ, и все же,—сравнивая «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій»,—

нигдѣ не обмолвился ни однимъ горькимъ упрекомъ, ни однимъ рѣзкимъ словомъ противъ тѣхъ, которые съ такимъ неразуміемъ отрицали все ми-нувшее, вплоть до 60-хъ годовъ.

«Записки» К. А. Полеваго распадаются на три отдѣльныя части. Первая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ событія жизни Николая Алексѣевича отъ рожденія его и до конца 1825 года; вторая—отъ начала 1826 года до запрещенія «Московского Телеграфа»; третья—касается, главнымъ образомъ, петербургскаго періода жизни Николая Алексѣевича и состоитъ почти исключительно изъ его писемъ къ брату въ Москву.

К. А. Полевой намѣревался издать всѣ эти три части въ видѣ приложенія къ журналу «Живописная Русская Библиотека», который онъ издавалъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. И дѣйствительно, онъ приготовилъ къ печати и провелъ черезъ цензуру двѣ первыя части «Записокъ», но цензура сдѣлала такія немалосердныя урѣзки, сокращенія и измѣненія, что Ксенофонтъ Алексѣевичъ рѣшился ограничиться выпускомъ въ свѣтъ одной первой части ихъ, напечатанной въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ¹⁾. Остальныя двѣ части онъ не хотѣлъ печатать при жизни своей и даже дѣтямъ своимъ завѣщалъ напечатать ихъ не ранѣе, какъ 25 лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ первой части «Записокъ».

Теперь, когда уже истекъ назначенный К. А. срокъ для появленія въ свѣтъ «Записокъ», мы печатаемъ всѣ три части, въ томъ видѣ, какъ онѣ были написаны авторомъ, т. е. съ пополненіемъ всѣхъ цензурныхъ пропусковъ и съ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ измѣненій и добавленій, какія были сдѣланы авторомъ въ рукописи «Записокъ». Это оказывается тѣмъ болѣе необходимо, что самъ Ксенофонтъ Алексѣевичъ въ замѣткѣ (Отъ автора), предшествующей изданію первой части его «Записокъ», сообщаетъ:

«Почитаю необходимымъ пояснить, что во второй половинѣ²⁾ этой части я долженъ былъ исключить нѣкоторыя подробности и описанія, такъ что въ иныхъ мѣстахъ могутъ быть замѣтны пропуски».

Издавая въ настоящее время «Записки» К. А. Полеваго въ возможно полномъ видѣ, мы позволяли себѣ сдѣлать въ нихъ, съ согласія сына К. А. Полеваго, только одно небольшое измѣненіе, ради удобства читателей: мы раздѣлили «Записки» на главы, съ краткимъ обозначеніемъ содержанія каждой главы. Кроме того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ это казалось нужнымъ, сдѣланы, по нашей просьбѣ, Петромъ Николаевичемъ Полевымъ, сыномъ Н. А., пояснительныя примѣчанія.

Къ «Запискамъ» К. А. Полеваго мы прилагаемъ, любезно переданныя намъ его сыномъ, два весьма замѣчательныхъ портрета братьевъ Полевыхъ, снятыхъ въ самый цвѣтущій періодъ ихъ молодости, въ самый разгаръ ихъ литературной дѣятельности. Оба портрета гравированы въ Парижѣ Паннемагеромъ.

Ред.

¹⁾ Эта книга давно, уже лѣтъ пятнадцать назадъ, сдѣлалась величайшей библиографической рѣдкостью.

²⁾ Во второй половинѣ первой части К. А. говоритъ о 1824—1825 годахъ, отношеніяхъ К. А. Полеваго къ декабристамъ, и т. д.

«истор. вѣстн.», январь, 1887 г., т. XXVII.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Немногіе изъ русскихъ, посвятившихъ свою жизнь литературной дѣятельности, приобрѣли такую общую извѣстность, какъ Николай Алексѣевичъ Полевой. Съ удивленіемъ встрѣчаю людей, далекихъ отъ всего книжнаго, повторяющихъ знакомое имъ имя Н. А. Полеваго; встрѣчаю то же имя и въ чужеземныхъ книгахъ, гдѣ, говоря о русской литературѣ или даже объ умственной дѣятельности русскихъ, непремѣнно упоминаютъ о Н. А. Полевомъ. Это неоспоримо доказываетъ, что онъ оставилъ послѣ себя яркій слѣдъ въ русской литературѣ; но, по неизбѣжной судьбѣ всѣхъ слишкомъ извѣстныхъ людей, онъ былъ и остается предметомъ самыхъ различныхъ сужденій. Многіе писали и пишутъ о немъ; никто еще не объяснилъ, чѣмъ обратилъ на себя общее вниманіе Н. А. Полевой? Почему онъ, — не гениальный поэтъ, не гениальный прозаикъ, не философъ-преобразователь, — заставляеть и послѣ смерти своей говорить о себѣ, и остается предметомъ жаркихъ похвалъ, а иногда и ожесточенныхъ осужденій? Въ чемъ, наконецъ, состоитъ заслуга его, — потому что не можетъ же быть, чтобы при такомъ сильномъ и общемъ впечатлѣніи, какое произвела литературная жизнь его, онъ не оказалъ достопамятной, или, по крайней мѣрѣ, значительной услуги своему отечеству? Отвѣта на эти вопросы нѣтъ въ біографіяхъ и безчисленныхъ сужденіяхъ, гдѣ старались изобразить и оцѣнить Н. А. Полеваго пріятели и непріятели его. Вообще, немногіе говорили благоразумно и съ такимъ чувствомъ, какого достоинъ человѣкъ необыкновенный. Я укажу далѣе на эти благородныя исключенія изъ грѣшной и пристрастной болтовни литературныхъ судей моего брата. Высказываю такое мнѣніе безъ страсти, не увлекаясь уваженіемъ и любовью, которыя сохраняю къ нему и послѣ его смерти. Скажу, можетъ быть, неожиданное читателемъ: я извиняю, съ немногими исключеніями, всѣхъ, даже враговъ Н. А. Полеваго! Они судили о немъ, не зная его, и виноваты передъ его памятью всего больше въ томъ, что рѣшились писать и судить о человѣкѣ, котораго знали слишкомъ односторонно... Онъ самъ никогда не заботился исправить многія ложныя мнѣнія, какія распространялись о немъ еще во время его жизни... Теперь уже много лѣтъ покоится въ могилѣ прахъ его... Періодъ тоски, которая, кажется, никогда не оставляетъ насъ при воспоминаніи о миломъ, навсегда оставившемъ насъ человѣкѣ, не миновалъ для меня; но я уже могу говорить о Николаѣ Алексѣевичѣ Полевомъ. Могу и буду говорить о немъ, потому что почитаю это своею обязанностью. Онъ былъ мнѣ братъ и другъ. Эти названія

важны для меня передъ публикою только въ томъ отношеніи, что она можетъ вѣрить моему разсказу. Никто лучше меня не знаетъ Н. А. Полеваго. Во всю жизнь его были мы соединены не только ближнимъ кровнымъ родствомъ, но и самою нѣжною дружбою, которая началась съ дѣтскихъ лѣтъ, продолжалась во всѣ годы юности и мужества, и окончилась только его смертію. Дружба наша была скрѣплена и одинакими склонностями, и многими общими занятіями и трудами. До послѣднихъ годовъ его жизни, покуда мы оставались въ одномъ городѣ и, болѣею частью, подъ одною кровлею, почти не было мысли, — разумѣется, выходящей изъ круга ежедневныхъ житейскихъ пошлостей, — которой не передавали бы мы другъ другу. Кто же больше меня имѣетъ средствъ представить этого необыкновеннаго человѣка въ истинномъ видѣ? По моему убѣжденію, возможность говорить о немъ вѣрнѣе другихъ составляетъ мою обязанность, которую я долженъ исполнить. Я долженъ исполнить ее изъ уваженія къ памяти брата и друга, до сихъ поръ почти всегда невѣрно изображаемаго. Я обязанъ передать соотечественникамъ многія свѣдѣнія о его жизни и его литературной дѣятельности, которыя поясняютъ одна другую. Это сдѣлалось даже необходимо послѣ нѣкоторыхъ, напечатанныхъ о немъ въ послѣднее время сужденій. Если Богъ благословитъ мое доброе намѣреніе, то соотечественники узнаютъ вполне человѣка, истощившаго всю свою жизнь въ трудахъ, одушевленныхъ глубокимъ желаніемъ добра и просвѣщенія нашему отечеству.

I.

Странная обязанность біографа. — А. Е. Полевой—отецъ Н. А. Полеваго.—Его характеристика. —Его родственныя связи и отношенія къ иркутскому обществу.—Его сношенія съ выдающимися современниками.—Всѣды А. Е. Полеваго съ графомъ Н. П. Румянцевымъ.—Рожденіе и дѣтство Николая Алексѣевича.—Жизнь на заимкѣ.—Мечты и дѣятельность.—Мать Николая Алексѣевича и ея вліяніе на семью. — Диковинный мальчикъ.

Довольно рѣдкая случайность въ обязанности біографа, что, прежде всего, я долженъ оспаривать того, о комъ начинаю говорить.

Н. А. Полевой самъ описалъ часть своей жизни въ предисловіи къ книгѣ, изданной подъ заглавіемъ: «Очерки русской литературы» (2 тома, 1839 г., Спб.). Тамъ говорить онъ о предкахъ нашихъ, Полевыхъ, старожилахъ Курска, о нашемъ, незабвенномъ для насъ, отцѣ и, наконецъ, о самомъ себѣ, до 26-го года своей жизни, когда, послѣ смерти отца, онъ сдѣлался старшимъ въ семействѣ и могъ располагать судьбою своею по собственному усмотрѣнію. Въ разсказѣ его событія указаны истинныя, но онъ несправедливо представляетъ многія изъ нихъ, такъ что это даетъ

совершенно превратное понятие обо всемъ слѣдовавшемъ затѣмъ поприщѣ его.

Онъ вѣрно изображаетъ отца нашего, представляя его человѣкомъ необыкновеннымъ, рѣдкимъ по возвышенности души и силѣ ума. Этотъ достойный памяти человѣкъ провелъ всю жизнь свою въ трудахъ, борясь съ тѣмъ, что называютъ люди несчастіемъ, но всегда находилъ время читать, мыслить, разсуждать о всѣхъ важныхъ для человѣка вопросахъ. Вездѣ и во всѣхъ положеніяхъ жизни, онъ жилъ больше умственною и нравственною дѣятельностью, и, можетъ быть, потому часто не имѣлъ удачи въ дѣятельности вещественной. Рано утромъ, послѣ обѣда, вечеромъ, въ постели ночью, онъ непремѣнно былъ съ книгой, и если что поражаало его въ чтеніи, онъ начиналъ разсуждать объ этомъ и дѣлать свои выводы. Мыслящая сила у него была удивительная: онъ былъ недоволенъ системами астрономическими и физическими, и создавалъ свои системы; онъ, зная превосходно исторію, смѣялся надъ многими прославляемыми ею подвигами, удивлялся героямъ исторіи, благоговѣлъ передъ дѣйствіями Петра Великаго; онъ, безпрестанно наблюдая природу, любилъ давать себѣ отчетъ въ главныхъ законахъ ея и въ мажѣйшихъ явленіяхъ.

Очень естественно, что съ такимъ человѣкомъ любили бесѣдовать всѣ, кто умѣлъ понимать его, особенно если прибавимъ къ этому, что онъ обладалъ въ высокой степени даромъ слова, увлекалъ живостью своего характера и откровенностью выраженія. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ вступивъ въ управленіе большими дѣлами въ Сибири (первоначально у своего дяди, извѣстнаго богача И. Ил. Голікова), онъ былъ въ сношеніяхъ со множествомъ замѣчательныхъ людей, и всегда умѣлъ составить себѣ избранный кружокъ, чуждаясь обыкновенныхъ посѣщеній, обѣдовъ, баловъ и не понимая, какое находятъ въ нихъ наслажденіе. Всѣ свободные часы его были посвящены чтенію, изученію природы и семейству. Разговоры и рассказы его были пріятны и поучительны, особливо для насъ, дѣтей его. Зная очень хорошо людей, разглядѣвъ вблизи даже много знаменитостей своего времени, онъ былъ нашимъ менторомъ и въ этомъ отношеніи. Неумолимый въ оцѣнкѣ всего глупаго, ложнаго, вреднаго, онъ питалъ неограниченное уваженіе ко всему высокому, доброму, умному. И въ послѣдніе годы своей жизни вспоминалъ онъ съ благодарностью и уваженіемъ о нѣкоторыхъ лицахъ, причисляя знакомство съ ними къ счастливымъ случаямъ своей жизни. Въ числѣ такихъ знакомыхъ его были: митрополитъ Гавріиль, знаменитый архипастырь Екатеринина вѣка, всегда удостоивавшій отца нашего своими бесѣдами; два брата Бланкеннагели, извѣстные своими глубокими познаніями и наблюдательнымъ умомъ. Григорій Ивановичъ Шелиховъ, завоеватель Русской Америки, долго былъ непріателемъ, но къ концу жизни сдѣлался другомъ нашего

отца. Эти люди и еще нѣкоторые, не столько извѣстные, были предметомъ особеннаго уваженія и всегдашнихъ воспоминаній его. Помню многіе рассказы его о нихъ и не удивляюсь, что бесѣды съ такими людьми могли оставить въ немъ глубокія впечатлѣнія, потому что касались вопросовъ, какіе занимаютъ только высокихъ умомъ людей. Кромѣ того, всѣ замѣчательные люди, съ какими случалось отцу нашему встрѣчаться въ продолженіе дѣятельной его жизни, дѣлались искренними его пріятелями и почитателями. Въ доказательство могу указать на печатныя свидѣтельства. Въ книгѣ, изданной адмираломъ Шишковымъ, подъ заглавіемъ: «Двукратное путешествіе въ Америку», и сочиненной лейтенантомъ Давыдовымъ, неизмѣннымъ другомъ героя, пламеннаго Н. А. Хвостова, встрѣчается нѣсколько упоминаній объ Алексѣѣ Евсевіевичѣ Полевомъ, съ которымъ были они въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ, служа на корабляхъ американской компаніи. Онъ былъ, можно сказать, основателемъ нынѣшней Россійско-Американской компаніи, и писалъ всѣ первоначальныя уставы ея. Не распространяюсь объ этомъ, боясь отклониться отъ главнаго моего предмета. Извѣстный многимъ въ Петербургѣ К. Т. Хлѣбниковъ (подъ конецъ жизни директоръ руссійско-американской компаніи), въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Сынѣ Отечества» (прежнемъ), говоритъ съ должнымъ уваженіемъ объ А. Е. Полевомъ, какъ о своемъ начальникѣ. Бывшій генералъ-губернаторъ сибирскій, Борисъ Борисовичъ Леццано, любилъ отца нашего до такой степени, что когда, въ 1812 году, отецъ нашъ пріѣхалъ въ Петербургъ, Леццано, уже давно жившій тамъ, не допустилъ его остановиться на квартирѣ, а поселилъ у себя въ домѣ. Такъ всѣ чѣмъ либо замѣчательные люди, жившіе въ Иркутскѣ или пріѣзжавшіе туда на нѣкоторое время, непременно дѣлались знакомыми и, большею частію, искренними пріятелями нашего отца. Во время посольства въ Китай, въ 1805 году, когда посолъ графъ Головкинъ долго оставался въ Иркутскѣ, почти всѣ чиновники, ѣхавшіе съ нимъ, безпрестанно бывали у насъ въ домѣ, и въ числѣ ихъ находился знаменитый Клапротъ, тогда извѣстный больше какъ сынъ славнаго химика. Отецъ нашъ заставилъ его производить разные опыты на своей фаянсовой фабрикѣ!.. Посолъ въ Японію, камергеръ Рѣзановъ, былъ издавна пріятелемъ нашего отца, какъ зять друга его Шелихова.

Я могъ бы сказать еще многое въ подтвержденіе, что отецъ нашъ былъ не только человекъ необыкновенный умомъ и душою, но что онъ и жилъ въ кругу избранныхъ, образованныхъ людей, занимаясь большую часть своей жизни обширными торговыми и фабричными дѣлами. Онъ глядѣлъ на жизнь съ своей точки зрѣнія и не желалъ выйти изъ званія, въ которомъ родился, хотя имѣлъ много случаевъ къ тому въ продолженіе своей жизни. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, бывши министромъ коммерціи, желалъ познакомиться съ человѣкомъ, хорошо знающимъ Сибирь. Ему указали на отца нашего, который жилъ тогда въ Петербургѣ (гдѣ бывалъ онъ часто и иногда оставался долго). Графъ, послѣ нѣсколькихъ свиданій съ нимъ, былъ до такой степени очарованъ его умомъ и свѣдѣніями, что предложилъ ему остаться при своей особѣ, какъ министрѣ коммерціи, общая блестящую будущность. Отецъ отказался, откровенно сознавшись, что больше дорожитъ семейнымъ счастіемъ, нежели блестящимъ положеніемъ въ свѣтѣ. Графъ обнял его, поцѣловалъ и сказалъ:

— Послѣ этого я уважаю васъ еще больше!

Разговоры его съ графомъ Румянцевымъ были такъ интересны, что ихъ стоило бы внести въ историческія записки.

Не должны ли дѣти столько уважаемаго, необыкновеннаго, умнаго отца, благословляя память его, сознавать въ душѣ своей, что его разговорамъ, внушеніямъ, его обществу, словомъ, ему—обязаны они всею своею любовью къ просвѣщенію и образованности? Ему обязаны они развитіемъ душевныхъ силъ и умственныхъ способностей, и не его вина, что они не могутъ въ этомъ отношеніи сравнивать себя съ нимъ! Да! много разъ повторяли мы съ покойнымъ братомъ Николаемъ Алексѣевичемъ, что если бы можно было соединить всѣхъ насъ, дѣтей его, въ одно существо, то изъ всѣхъ насъ не вышло бы одного, равнаго отцу. Въ этомъ человѣкѣ было неизмѣримо много силъ всякаго рода.

Не понимаю, какъ могъ послѣ этого братъ мой представить воспитаніе свое какимъ-то хаосомъ, а себя самоучкой, которому не способствовали, а мѣшали учиться? Я изъяснилъ ему свое удивленіе объ этомъ, когда прочиталъ «Нѣсколько словъ отъ сочинителя» въ книгѣ: «Очерки русской литературы». Онъ не отвѣчалъ, а только улыбнулся. Я хотѣлъ, чтобы онъ непременно исправилъ это въ продолженіи своей біографіи; онъ обѣщалъ, хотя съ оговорками; и такъ прошло время до его смерти. Теперь я долженъ опровергать его! Опроверженіе будетъ состоять въ томъ, что я представлю въ истинномъ видѣ годы дѣтства его и юности.

Николай Алексѣевичъ Полевой родился въ Иркутскѣ, 22-го іюня 1796 года. Въ первое время своей жизни онъ былъ дитя слабое, и только нѣжныя заботы матери поддерживали его здоровье. Признакомъ слабого сложенія почитали въ немъ и то, что послѣ молочныхъ зубовъ у него выросли и выпали вторые зубы, а потомъ выросли третьи. Послѣ этого необыкновеннаго явленія въ человѣческомъ организмѣ, онъ сталъ укрѣпляться здоровьемъ. Я началъ помнить его, когда онъ былъ уже нѣжнымъ, бѣлокурнымъ мальчикомъ.

Мы жили тогда на заимкѣ, какъ называютъ въ Иркутскѣ загородные дома. Отецъ нашъ, во всемъ необыкновенный, не хо-

тѣмъ жить въ городѣ, выбралъ удобное и прекрасное мѣсто вблизи его, и отмежевалъ себѣ тамъ обширное пространство, на которомъ въ нѣсколько лѣтъ вывелъ множество разныхъ строеній. Тутъ были у него и фабрики, и всѣ хозяйственныя заведенія, и прекрасный домъ, съ нѣсколькими отдѣльными жилыми помѣщеніями. Посреди луговъ и рощей, принадлежавшихъ ему, протекала довольно большая рѣка Ушаковка, впадающая въ Ангару и образующая раздвоеніемъ своимъ въ этомъ мѣстѣ островъ, который также принадлежалъ къ нашимъ владѣніямъ. Глядя на петербургскія дачи и вспоминая о нашей иркутской дачѣ, я оцѣниваю ее вполне. Не знаю ничего подобнаго изъ частныхъ при-петербургскихъ владѣній! Прелесть мѣстности нашей дачи равнялась обширности ея, и безъ всякихъ искусственныхъ украшеній она представляла множество всякихъ удобствъ для пріятной, тихой жизни. Тамъ были и прекрасныя виды на живописныя, дикія окрестности, и рѣка, роскошная для купанья и рыбной ловли, и множество мѣстъ для прогулокъ, для охоты, для всѣхъ невинныхъ наслажденій, которыя развообразяютъ уединенную жизнь.

Тамъ возростали мы, далекіе отъ свѣта, отъ цѣлаго міра, но не отъ образованности, которая олицетворялась для насъ въ отцѣ нашемъ. Онъ, человекъ съ европейскими понятіями своего времени, съ обширнымъ умомъ, образованнымъ жизнью, чтеніемъ, сношеніями съ необыкновенными людьми, былъ для насъ лучшимъ руководителемъ во всемъ. Какой гувернеръ могъ замѣнить такого наставника, тѣмъ больше, что онъ пользовался всякимъ случаемъ развивать и образовывать своихъ дѣтей.

Мы почти никуда не выѣзжали изъ дому, хотя у насъ почти всякій день бывали посѣтители. Это была совершенно особенная жизнь, какой не встрѣчалъ я ни въ одномъ семействѣ. Отдѣленные отъ города и всѣхъ его развлеченій, мы видѣли только то, что было въ нашемъ домѣ и въ обширныхъ, принадлежавшихъ къ нему заведеніяхъ; но какъ въ семействѣ нашемъ были необходимою принадлежностью—книги, журналы, газеты, и къ отцу нашему пріѣзжали почти всѣ образованные жители города, то мы лучше знали, что дѣлалось въ Европѣ, въ Индіи, въ Америкѣ, нежели въ Иркутскѣ. Мы знали всѣ подробности о современномъ героѣ, Наполеонѣ, разсуждали о древней исторіи, о міеологіи, а не знали улицъ Иркутска и никакихъ городскихъ отношеній. Въ примѣръ того, какъ странно былъ ограниченъ нашъ семейный бытъ, скажу, что въ виду отъ насъ были: адмиралтейство, живописное своимъ видомъ кладбище (такъ называемое Іерусалимское), великолѣпная, поросшая лѣсомъ Петрушина гора; а мы ни разу не бывали въ этихъ мѣстахъ.

Удивительно ли, что при такомъ странномъ воспитаніи, пылкій умомъ, мечтатель съ дѣтства, братъ мой жилъ въ идеальномъ

мірѣ, и не могъ удерживать избытка своихъ дарованій? Почти всякая новая книга возбуждала въ немъ новыя впечатлѣнія, а что поражаало его особенно, то непремѣнно воспламеняло въ немъ и авторское дарованіе. Онъ говоритъ, что началъ писать стихами и прозою десяти лѣтъ, не зная, что такое стихи и проза. Но какой же десятилѣтній мальчикъ въ самомъ дѣлѣ знаетъ это? Ранняя страсть писать, сочинять во всѣхъ родахъ, — ибо дѣйствительно онъ уже писалъ во всѣхъ родахъ, еще не выѣзжавши изъ Иркутска, то есть до 15 лѣтъ, — показывала только необыкновенную силу авторскаго его дарованія. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ писалъ тогда какъ дитя; но какъ же иначе могъ писать мальчикъ, не достигшій юношескаго возраста?

Надобно удивляться, какъ могъ ребенокъ излагать довольно складно такіе предметы, какъ драма «Бракъ царя Алексѣя Михайловича», трагедія «Бланка Бурбонская», интермедія «Петръ Великій въ храмѣ безсмертія», «Путешествіе по всему свѣту» (въ подражаніе «Всемірному путешествователю» аббата де Ла-Порта), «Исторія Петра Великаго»? Не показываютъ ли самыя названія этихъ сочиненій, что голова его была наполнена множествомъ свѣдѣній и своихъ идей, которыя старался онъ выразить въ собственныхъ своихъ сочиненіяхъ? Какъ понять иначе эти дѣтскія попытки? Да и не такъ ли начинаютъ свое поприще всѣ необыкновенныя дарованія? Кромѣ названныхъ здѣсь сочиненій, онъ писалъ множество другихъ, потому что это было ежедневное, безпрестанное его занятіе. Помню, напримѣръ, что, прочитавъ «Энеиду, передѣланную на изнанку», Осипова, онъ началъ тотчасъ передѣлывать такъ же «Иліаду». Здѣсь кстати замѣтить, что способность писать стихи была у него необычайная: онъ почти такъ же писалъ стихами, какъ прозой, и это сохранилось въ немъ до самаго послѣдняго времени жизни. Вообще, способность излагать мысли, во всѣхъ возможныхъ формахъ, была въ немъ точно импровизаторская. Какъ-то разговорились о духовныхъ ораторахъ, и кто-то изъ присутствовавшихъ рассказывалъ о необыкновенномъ дарѣ московскаго митрополита Платона говорить поученія вдругъ, по вдохновенію. На другой же день, братъ мой предлагаетъ маменькѣ нашей выслушать проповѣдь его. — «Неужели ты написалъ проповѣдь?» — спросила она. — «Нѣтъ, не написалъ: я скажу ее наизусть». И дѣйствительно, онъ развернулъ Библию, и на какой-то текстъ ея говорилъ съ полчаса довольно складно. Слушавшіе заговорили, что онъ напередъ сочинилъ и вытвердилъ то, что говорилъ. Онъ предложилъ выбрать ему текстъ тутъ же, и вызвался развить его немедленно. Сдѣлали и этотъ опытъ. Онъ подумалъ нѣсколько минутъ и говорилъ еще складнѣе.

Не удовлетворяясь такими литературными упражненіями, онъ издавалъ журналы и газеты, то есть представлялъ намъ въ на-

значенные сроки тетрадки и листы, наполненные статьями, въ родѣ газетныхъ и журнальныхъ. Помню, что одинъ такого рода журналъ его назывался «Другъ Музъ». Шутя можно было бы сказать, что это предвѣщало въ немъ будущаго громкаго журналиста; но въ самомъ дѣлѣ это показывало только избытокъ умственныхъ и писательскихъ силъ. Съ дѣтства онъ уже былъ писатель и жилъ душою и умомъ въ литературномъ мірѣ.

Какъ могъ онъ послѣ этого, въ своей автобіографіи, придать первымъ годамъ своей жизни такой оттѣнокъ, что будто ему мѣшали развиваться, и онъ писалъ наперекоръ окружавшимъ его обстоятельствамъ? Напротивъ, нельзя придумать другаго воспитанія, которое столько способствовало бы развитію литературнаго дарованія, и именно въ воспитаніи была причина ранняго развитія писательскихъ способностей брата. Вотъ нравственная картина нашего семейства: отецъ—вѣчно съ книгою, или съ разговорами о томъ, что находить въ книгахъ, вѣчно возбуждаетъ жажду къ литературѣ, потому что такова была собственная его природа: онъ дѣлалъ это безотчетно, безъ всякихъ цѣлей, потому что не умѣлъ или не могъ противиться естественному своему направленію; мать—набожная и вмѣстѣ увлекающаяся романами душа, сама безотчетная героиня романа своей жизни; она жила только въ своемъ семействѣ и въ романическомъ мірѣ, такъ что даже многихъ знакомыхъ называла именами героевъ и героинь Ричардсона, Жанлисъ, Дюкре-Дюмениля; старшая сестра—нынѣ Е. А. Авдѣева—больше всѣхъ похожая на нашего отца и пылкимъ умомъ, и любовью къ чтенію, также всегда съ книгами, съ мечтами и разговорами о книгахъ¹⁾; наконецъ, ближайшіе знакомые—тоже страстные любители литературы, и, можетъ быть, потому именно близкіе знакомые, что наклонности ихъ были одинаковы съ наклонностями всего нашего семейства. Прибавьте къ этому совершенное разъединеніе съ тѣмъ міромъ, въ какомъ обыкновенно живутъ люди, то есть съ міромъ дѣловымъ, общественнымъ, занятымъ ежедневными событиями. Намъ все представлялось въ какомъ-то идеальномъ свѣтѣ, и всѣ мы съ дѣтства знали міръ только умственный и тотъ, который видѣли вокругъ себя. Могла ли не разгорѣться въ такихъ обстоятельствахъ искра сильныхъ дарованій, какими впоследствии отличился Н. А. Полевой? Онъ самъ говоритъ, что не помнить себя

¹⁾ Екатерина Алексѣевна Полевая (по замужеству Авдѣева)—замѣчательно умная и начитанная женщина — можетъ служить лучшимъ образцомъ того, что способна была произвести семейная среда А. Е. Полевого. Страстно преданная чтенію, перечитавшая (буквально) все, что было напечатано по-русски, она все же оставалась весь свой вѣкъ полуграмотною и даже писала не иначе, какъ печатными буквами. Она тоже очень много печатала на своемъ вѣку, но всѣ ея сочиненія не выходили изъ круга весьма обыкновенной посредственности. Замѣтимъ, что большая часть ихъ была исправлена Николаемъ Алексѣвичемъ.

неграмотнымъ, что до десяти лѣтъ онъ прочиталъ уже все что могъ, но прибавляетъ: «Добрый товарищъ моего дѣтства, А. А. Титовъ, выучилъ меня писать, и мнѣ было лѣтъ десять, когда я велъ уже домашнюю контору у моего отца». Это было не такъ и не могло быть такъ: А. А. Титовъ не могъ быть товарищемъ его дѣтства, потому что былъ уже молодой человѣкъ, занимавшійся письмоводствомъ у нашего отца, когда братъ мой былъ еще ребенкомъ, и Г. Титовъ, истинный краснописецъ, то есть имѣвшій превосходный почеркъ, училъ брата чистописанію, и то, разумѣется, уже гораздо позднѣе; но въ другихъ отношеніяхъ онъ могъ самъ быть ученикомъ его. Г. Титовъ еще здравствуетъ, и я ссылаюсь на живаго свидѣтеля нашего дѣтства ¹⁾. Не знаю также, какъ могъ десятилѣтній ребенокъ вести контору, какую бы то ни было? Помню, что отецъ заставлялъ иногда брата Николая Алексѣевича переписывать или составлять разные расчеты по своимъ фабрикамъ; но это уже не въ десятилѣтній его возрастъ, и никогда не занимался онъ этимъ постоянно. Извѣстно правило стариковъ упражнять молодыхъ людей практическими занятіями; нашъ отецъ, конечно, зналъ его, но жалъ, что слишкомъ мало слѣдовалъ ему, и оставлялъ насъ въ какомъ-то идеальномъ, или, лучше сказать, мечтательномъ мірѣ. Это имѣло вліяніе на всѣхъ дѣтей его: всѣ мы, до смерти отца, не были людьми практическими, и хотя занимались его дѣлами, но безъ всякой постоянной цѣли, какъ бы необходимымъ зломъ, оставаясь по-прежнему жителями своего мечтательнаго міра. И дорого послѣ расплатились мы всѣ за неумѣнье жить на свѣтѣ, за незнаніе практической жизни, словомъ, за этотъ идеальный міръ, въ который вдвинули брата Н. А. любимыя его занятія! Я увѣренъ, что отецъ нашъ чувствовалъ несообразность нашего воспитанія съ дѣйствительностью, и въ порывѣ гнѣва разъ даже бросилъ въ огонь какія-то бумаги брата, вообще преслѣдуя его въ юношескіе годы за то, что онъ не думалъ о существенности, и часто забывалъ его приказанія, увлекаясь своими мечтами. Въ такихъ случаяхъ обыкновенная фраза его была: «Ты, братецъ, опять залетѣлъ за облака и про все земное забылъ!» Но это относилось не къ книгамъ и не къ ученью, а именно къ мечтательному міру, въ которомъ жилъ самъ отецъ нашъ, конечно, не давая себѣ въ томъ отчета, и невольно увлекая туда же все свое семейство. Испытывая самъ непрерывныя несчастія оттого, что почиталъ дѣловыя занятія только данью міру, а не главнымъ назначеніемъ человѣка; проведши половину всей своей жизни въ мечтахъ, въ неисполнившихся ожиданіяхъ, въ проектахъ, рѣдко удававшихся вообще, онъ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ предохранить своихъ дѣтей отъ тяж-

¹⁾ Онъ уже съ давнихъ лѣтъ находится правителемъ конторы россійско-американской компаніи въ Иркутскѣ.

ких испытаній жизни, и желалъ иногда, чтобы они были просто дѣловыми людьми, фабрикантами, купцами; но природа и, кажется, даже глубокое убѣжденіе тотчасъ опять увлекали его въ міръ, меньше существенный. Никогда безъ содроганія не могъ онъ думать о многомъ, что почитается необходимымъ для купца; никогда не хотѣлъ сдѣлать насъ мелочными торгашами и, не имѣя въ послѣдніе годы своей жизни способовъ къ дѣламъ огромныхъ размѣровъ, не думалъ отдавать въ конторы другихъ купцовъ. Онъ все откладывалъ, ждалъ лучшаго времени, и жизнь наша шла по-прежнему.

А, собственно, это была счастливая, даже поэтическая жизнь, если только можетъ быть поэзія въ жизни. Во все время, покуда мы оставались въ Иркутскѣ, на 'милрой нашей заимкѣ, мы не имѣли и понятія о житейскихъ непріятностяхъ и нуждахъ. При фабрикахъ отца всегда было множество людей и всякихъ удобствъ жизни; каждое лѣто проводили мы почти съ утра до вечера посреди своихъ рощей и луговъ, и на ряду съ тщательнымъ, даже строгимъ надзоромъ отца, находили истинную радость въ любви и ласкахъ нашей матери, одаренной нѣжною, чистою душою, и тѣмъ дивнымъ чувствомъ приличія, порядочности (*le somme il faut*), которыми особенно обладаютъ избранныя женщины. Впослѣдствіи зналъ я женщинъ самой высокой образованности, и сравнивая съ ними мать свою, изумляюсь, какъ она постигала простымъ чувствомъ то, чего другія достигаютъ только образованною свѣтскою жизнью! Объясненіе этому нахожу я не только въ прекрасной природѣ ея, но и въ обстоятельствахъ жизни. Она осталась круглою сиротою послѣ родителей, принадлежавшихъ къ лучшимъ фамиліямъ въ Иркутскѣ, и воспитывалась подъ надзоромъ тетки—монахини, казначеи Знаменскаго дѣвичьяго монастыря¹⁾. Еще не вышла она изъ дѣтскихъ лѣтъ, какъ отецъ нашъ увидѣлъ ее въ гостяхъ у другой тетки и до того плѣнился ея прелестною наружностью и дѣтскимъ умомъ, что, наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, рѣшился жениться на ней. Главнымъ препятствіемъ былъ слишкомъ юный возрастъ избранной имъ невѣсты: она была едва ли четырнадцати лѣтъ, когда онъ предложилъ ей руку, и къ тому еще тетка-монахиня не соглашалась на этотъ бракъ съ человекомъ молодымъ, заѣзжимъ въ Иркутскѣ, жившимъ всегда въ кругу вольнодумцевъ, какъ выражалась она,—сама глубоко набожная,—воспитывавшая свою племянницу въ стѣнахъ монастыря. Но влюбленный отецъ нашъ возстановилъ другихъ родныхъ противъ тетки, и наконецъ она отдала ему свое сокровище, покорившись мнѣнію всѣхъ другихъ, увлеченныхъ любезностью и блестящимъ

¹⁾ Наталья Ивановна Полевая, сколько намъ извѣстно, была по происхожденію дворянка. Фамилія ея, до замужества, была Верховцева. П. П.

тогда положеніемъ молодаго человѣка. Такимъ образомъ женившись на сиротѣ, воспитанной только для набожности и молитвъ, онъ хотѣлъ перевоспитать ее по-своему, и успѣлъ придать ей всю наружность образованности; но она осталась навсегда искренне-набожною женщиною. Это одушевленіе набожностью, выражавшееся во всѣхъ поступкахъ и въ тихой рѣчи ея какою-то спокойною нѣжностью, дѣлало ее несравненно матерью семейства. Христіанское одушевленіе также способствовало прекрасному развитію ея изящной природы, о которомъ упомянулъ я выше. Оно было доказательствомъ, что только искренняя христіанка можетъ быть истинною женщиною, достойною высокихъ обязанностей матери семейства. Строгость отца, иногда слишкомъ бурная, смягчалась для насъ кротостью и нѣжностью матери. Мы были беззаботно счастливы.

Отецъ нашъ самъ занимался всѣми своими дѣлами... Здѣсь опять нахожу я несообразность въ словахъ брата Николая Алексѣевича, который говоритъ о себѣ: «Между тѣмъ я былъ дѣловымъ человѣкомъ, управлялъ заводами отцовскими, велъ контору, расчеты, ходилъ и ѣздилъ въ городъ по дѣламъ, и слылъ въ городѣ диковиннымъ мальчикомъ, съ которымъ, какъ съ ученымъ человѣкомъ, рассуждалъ самъ губернаторъ, и спорилъ директоръ гимназій» ¹⁾. Я уже сказалъ, чѣмъ ограничивалась его дѣловитость, да и то лишь въ послѣдніе годы жизни въ Иркутскѣ. Даже по лѣтамъ своимъ онъ не могъ управлять заводами или фабриками, а занимался въ нихъ или при нихъ кой-чѣмъ, иногда и расчетами, но все это мимоходомъ, непостоянно, имѣя главнымъ занятіемъ литературу, хотя, можетъ быть, самъ не зная, что, читая, обогащая свой умъ книжными свѣдѣніями, изощряя писательскую способность безпрестаннымъ упражненіемъ въ сочиненіяхъ, онъ занимался литературой (какъ *mr. Jourdain* не зная, что вѣкъ свой говорилъ прозою). Отецъ не только не мѣшалъ своему Николинкѣ, но всегда любовался его дарованіями, радъ былъ всякому случаю учить его, и упрекалъ его вообще въ летаніѣ за облаками, а не въ томъ, что онъ много занимался своими сочиненіями. Иногда, выведенный изъ терпѣнія вѣтренностью его, онъ возставалъ и противъ сочинительства; но это были вспышки, естественныя въ пылкомъ характерѣ и нимало не мѣшавшія главному направленію жизни.

Братъ справедливо говоритъ о себѣ, что онъ слылъ диковиннымъ мальчикомъ: онъ могъ слыть диковиннымъ, потому что дѣйствительно былъ имъ. Могли ли не удивляться самые образованные въ городѣ люди, когда слышали складныя, умныя для мальчика сужденія о разнообразныхъ ученыхъ и отвлеченныхъ пред-

¹⁾ См. Очерки русской литературы, т. I, стр. 32.

метахъ? Надобно прибавить, что Иркутскъ былъ тогда не богатъ учеными людьми, такъ что братъ Н. А. могъ первенствовать даже между тѣми, которые когда-то и чему-то учились. Этому способствовалъ и необыкновенный его даръ слова, изощренный въ разговорахъ и обществѣ отца, бывшаго въ нѣкоторыя минуты истиннымъ ораторомъ. Ясно было для всякаго, сколько нибудь опытнаго человѣка, что брату моему, необыкновенному мальчику, недоставало только школьнаго, систематическаго ученія и блеска свѣтской образованности, но что онъ былъ исполненъ ума и дарованій, развитыхъ чрезвычайно счастливо.

Здѣсь можно было бы войти въ длинное сужденіе о томъ, какое воспитаніе болѣе способствуетъ развитію дарованій: то ли, какое получаютъ въ школахъ, при систематическомъ ученіи, или домашнее, подъ надзоромъ умнаго наставника, хотя и безъ системы, даже съ опущеніями во многихъ частяхъ? Кажется, въ примѣненіи къ людямъ даровитымъ, рожденнымъ съ пылкими способностями, можно больше ожидать отъ воспитанія втораго рода. Для людей обыкновенныхъ необходимы точность, работа, постоянство въ ученіи: имъ надобно передать все, до малѣйшей подробности, въ строгой системѣ, потому что сами они не могутъ дополнить того, чего не передадутъ имъ учителя, и даже изъ переданнаго многое останется непонятымъ, забытымъ, отрывчатымъ. Система, отчетливость въ ученіи необходимы въ школахъ, гдѣ, по закону природы, самая большая часть учащихся—люди съ обыкновенными способностями. Но какъ часто не ладится все это въ примѣненіи къ людямъ высшаго полета, къ дарованіямъ исключительнымъ!

Выражая мнѣніе, которое кажется мнѣ справедливымъ, я приѣняю его только къ брату моему. Едва ли развилась бы въ немъ всегда отличавшая его неутолимая жажда къ ученію и литературному труду, когда бы съ малолѣтства заставили его изучать древніе и новые языки, математику и статистику, юриспруденцію и естественную исторію, и еще двадцать предметовъ, по системѣ больше или меньше правильной (потому что совершенной нѣтъ ни одной). Онъ не сталъ бы учиться какъ другіе и, можетъ быть даже, вскучивъ неизбѣжными формами ученія, обратилъ бы свою дѣятельность на что нибудь другое. Его душа, воображеніе, чувства не меньше ума требовали пищи. Дѣятельность всеобъемлющая была его жизнью, и маленькія препятствія, даже отсутствіе многихъ средствъ къ ученію, только подстрекали его къ новымъ трудамъ, тогда какъ скованный цѣпями схоластики онъ могъ получить отвращеніе къ наукѣ и литературѣ. Такова была его природа: ему легко наскучивало все, гдѣ былъ необходимъ постоянный, тщательный трудъ.

II.

Отъѣздъ Николая Алексѣевича въ Москву.—Рекомендательное письмо къ Карамзину.—Жизнь въ Москвѣ и увлеченіе наукой, театромъ и чтеніемъ.—Пріѣздъ семьи и жестокой нагоняй.—Нашествіе Наполеоновыхъ полчищъ.—Возвращеніе въ Курскъ и служба въ конторѣ Ваушева.—Неудачныя предпріятія А. Е. Полеваго.—Изученіе иностранныхъ языковъ.—Вѣдственное положеніе семьи.—Полученіе мѣста въ Сибири и отъѣздъ туда Н. А. и К. А. Полевыхъ.—Неоправдавшіяся надежды отца.—Окончательный переѣздъ изъ Сибири на родину.

Нельзя сказать, однако жъ, чтобы Николаю Алексѣевичу не представлялось случаевъ учиться правильно. Правда, въ Иркутскѣ не было тогда учителей, которые могли бы принести ему много пользы; но рассказъ мой покажетъ далѣе, что онъ, по-свѣдому, пользовался и тѣми случаями, какіе представлялись въ этомъ отношеніи. Главное затрудненіе было найти въ Иркутскѣ учителей для иностранныхъ языковъ: ихъ не было тамъ, по крайней мѣрѣ, во время дѣтства брата Николая Алексѣевича. Онъ упоминаетъ о пасторѣ Беккерѣ; припоминая себѣ его теперь, я вижу, что это былъ человѣкъ очень ученый, то есть знавшій основательно многое, но онъ былъ лишенъ дара передавать свои разнообразныя свѣдѣнія, пресмѣшно говорилъ порусски, и былъ, что называется, оригиналь. Отъ этого попытки его учить у насъ въ домѣ были неудачны. Напримѣръ, еще до замужества старшей сестры нашей, онъ училъ ее музыкѣ; но вскорѣ должны были предпочесть ему другаго учителя, который потомъ училъ и Николая Алексѣевича, и меня. Впослѣдствіи, пасторъ Беккеръ начиналъ давать намъ уроки въ языкахъ и въ математикѣ, но все это шло неудачно. Братъ имѣлъ еще нѣсколько времени отличнаго учителя въ одномъ изъ пріятелей нашего отца: это былъ несчастный (какъ называютъ въ Сибири ссыльныхъ), князь Василій Николаевичъ Горчаковъ. Но едва началъ онъ давать ему уроки въ языкахъ и рисованіи, какъ былъ отправленъ на житѣе въ отдаленную область. Все это показываетъ, однако жъ, что отецъ нашъ не чуждался случаевъ учить своихъ дѣтей, и если бы могъ, то окружилъ бы насъ учителями; но откуда было взять ихъ?

Здѣсь опять я принужденъ попротиворѣчить рассказу брата. Онъ говоритъ: «Въ 1811 году, отецъ мой, успѣвши поправить нѣсколько свое состояніе, рѣшился оставить Сибирь. Воображеніе судило ему золотыя горы въ Россіи. Онъ исчислялъ десятки предпріятій, и отъ каждаго сотни тысячъ, а я долженъ былъ отпра- виться предварительно съ его препорученіями въ Москву. Мнѣ было лѣтъ 15-ть¹⁾. Отецъ нашъ рѣшился оставить Сибирь не

¹⁾ См. Очерки русской литературы, т. I, стр. 32.

для золотыхъ горъ. Онъ даже не имѣлъ въ виду никакого предпріятія, никакого опредѣленнаго занятія для своей дѣятельности; но, собравши небольшой капиталъ и имѣя случай продать свои фабрики и займку въ Иркутскѣ, онъ рѣшился переселиться въ Москву, съ основательною надеждою умнаго человѣка, что и тамъ найдетъ онъ себѣ выгодное занятіе, особливо съ деньгами, хоть небольшими. Кажется, онъ хотѣлъ именно устроить въ Москвѣ водочный заводъ, потому что во всей Россіи едва ли было два-три порядочные завода для этого предмета; но главною цѣлью его переселенія въ Москву было—воспитаніе дѣтей, для котораго, какъ я показаль, было слишкомъ мало пособій въ Иркутскѣ. Почему братъ мой перетолковалъ по-своему переселеніе всего нашего семейства въ Москву, и вмѣсто благоразумнаго, благороднаго намѣренія приписалъ отцу небывалыя мечты,—не понимаю. При этомъ онъ вовсе невѣрно говорить, что отецъ нашъ предварительно отправилъ его въ Москву съ порученіями. Какія порученія могъ исправить пятнадцати-лѣтній мальчикъ? Необходимо объяснить здѣсь это. Отецъ вручилъ ему разныя письма и назначилъ къ полученію въ Москвѣ значительную сумму денегъ, но съ какою цѣлью?.. Одно письмо было къ княгинѣ Багратіонъ, урожденной Голиковой, которой отецъ мой оставался долженъ какую-то сумму еще по расчетамъ съ отцомъ ея (Иваномъ Иларіоновичемъ Голиковымъ), и какъ изъ этого выходили затрудненія даже для выѣзда нашего изъ Иркутска, то отецъ мой, — вѣчно-вѣрившій добрымъ человѣческимъ чувствамъ! — надѣялся, что умный, пріятный юноша, сынъ его и вмѣстѣ родственникъ княгини (она была двоюродная сестра нашего отца), лучше всякихъ форменныхъ объясненій и переписки, неудобной изъ-за пяти тысячъ верстъ, побудитъ къ миролюбивому и скорѣйшему окончанію спорнаго дѣла, тянувшагося много лѣтъ. Не на дѣловитость сына своего надѣялся онъ, а на невинную, простодушную просьбу его кончить миромъ запутанный расчетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ онъ княгиню принять въ свое покровительство сына его. Кажется, это вообще не имѣло успѣха. Другое письмо было къ П. Ѡ. Вѣлявскому, которому поручалъ онъ въ завѣдываніе сына своего и къ которому переводилъ деньги, какъ для платежа княгинѣ Багратіонъ, такъ и для выдачи на расходы сыну. Вотъ лучшее доказательство, что никакихъ дѣлъ не поручалъ онъ Николаю Алексѣвичу, который долженъ былъ жить у Вѣлявскаго въ домѣ и находится вообще подъ надзоромъ этого стараго холостяка, извѣстнаго честностью и строгою нравственностью. Наконецъ, третье письмо... вотъ ужъ никакъ не угадають читатели, къ кому было оно, хотя я скажу предварительно, что оно было къ знаменитому современнику и могло имѣть рѣшительное вліяніе на все поприще жизни брата? Непростительно ему, милому брату моему, что онъ даже не упомянулъ объ этомъ письмѣ, можетъ быть, именно

потому, что упоминаніе о немъ уничтожило бы весь искусственный характеръ его автобіографіи и показало бы очевидно, что отецъ нашъ не мѣшалъ его призванію, а заботился способствовать ему. Умный, поэтический нашъ старикъ написалъ прекрасное письмо— къ Николаю Михайловичу Карамзину, гдѣ прежде всего объяснялъ ему, что знаетъ возвышенную душу его изъ его сочиненій, увѣренъ въ сочувствіи его ко всему, ознаменованному дарованіемъ, и потому представляеть ему своего сына, показывающаго необыкновенныя способности и страсть къ словесности. Не могу помнитъ подлинныхъ выраженій письма, но помню, что отецъ просилъ Карамзина разсмотрѣть молодаго человѣка и рѣшить, что должно сдѣлать для образованія и успѣховъ его, обѣщая въ точности послѣдовать его рѣшенію. Письмо это живо въ моей памяти, потому что его не разъ перечитывали въ семейномъ кругу, обсуживали каждое слово, и наконецъ А. А. Титовъ (тогда уже просто ближайшій знакомый нашего семейства) переписалъ его превосходнымъ своимъ почеркомъ. Оно занимало большой листъ голландской бумаги, — даже и это осталось въ моей памяти! Вѣроятно, что отецъ разговорился въ немъ отъ души, и если бы Карамзинъ прочиталъ его письмо, то на этотъ разъ почтенный, возвышенный умомъ старикъ нашъ, конечно, не ошибся бы въ своихъ ожиданіяхъ. Но вышло совсѣмъ иначе!

Съ благословеніями и со слезами провожало моего брата все семейство; только мать наша не имѣла силъ ѣхать вмѣстѣ съ другими за городъ и осталась дома— вотъ еще черта вѣжнаго, женскаго ея сердца. Мы разстались съ братомъ въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ молились за будущее его при мощахъ Чудотворца Иннокентія... Это было въ концѣ мая 1811 года. Отецъ нашъ надѣялся окончить всѣ дѣла свои въ Иркутскѣ къ зимѣ, и тогда выѣхать вслѣдъ за сыномъ, который между тѣмъ въ Москвѣ могъ воспользоваться нѣсколькими мѣсяцами времени, особенно драгоценнаго въ тогдашнемъ его положеніи.

Братъ отправился въ сообществѣ нѣсколькихъ пріятелей отца нашего, ѣхавшихъ на Макарьевскую ярмарку; оттуда онъ благополучно пріѣхалъ въ Москву и поселился у П. Θ. Бѣлявскаго. Вскорѣ, читая письма его, отецъ нашъ началъ покачивать головой, былъ недоволенъ бездѣйствіемъ его въ Москвѣ и его развлеченіями, о которыхъ распространялся онъ, даже иногда не упоминая о главныхъ цѣляхъ, для которыхъ былъ отправленъ. Потомъ братъ Н. А. подвергся жестокой горячкѣ, отъ которой чуть не умеръ и долго не могъ оправиться. Разумѣется, что при такомъ извѣстіи отецъ нашъ забылъ свой гнѣвъ, сокрушался и писалъ къ нему только утѣшительныя письма. Такъ прошла вся зима 1811—1812 года, въ которую располагалъ отецъ нашъ отправиться со всѣмъ семействомъ въ Москву, и около января писалъ къ моему

брату, чтобы онъ въ февралѣ ожидалъ насъ и отправлялъ свои письма уже въ тѣ города, черезъ которые надобно было намъ проѣзжать. Отецъ означилъ именно, въ какихъ городахъ располагаетъ онъ оставаться по нѣскольку дней для отдыха, необходимаго въ такомъ продолжительномъ путешествіи, съ семействомъ, состоявшимъ, между прочимъ, изъ маленькихъ дѣтей. Въмѣсто января, мы выѣхали изъ Иркутска въ концѣ февраля 1812 года, и отецъ нашъ, уже больше мѣсяца не получая писемъ отъ Николая Алексѣевича, тосковалъ и жалѣлъ, что слишкомъ рано велѣлъ ему прекратить отправку писемъ въ Иркутскъ. Онъ надѣялся, что письма уже давно ожидаютъ его на пути. Въ Красноярскѣ, тотчасъ по пріѣздѣ, отправился онъ за желаннымъ письмомъ—и возвратился въ уныніи: письма не было. То же самое повторилось въ Томскѣ и въ Тарѣ, гдѣ мы оставались по нѣскольку дней. Отецъ и мать были въ тоскѣ невыразимой. Наконецъ, пріѣхали мы въ Тобольскъ, гдѣ необходимо было вѣновать, то есть прожить до лѣта или до просухи, а между тѣмъ изготовить лѣтніе экипажи, потому что мы добрались до Тобольска въ самую ростопель, въ концѣ марта. Но писемъ отъ брата Н. А. и тутъ не было. Отецъ писалъ къ нему тотчасъ по пріѣздѣ въ Тобольскъ, что останется въ этомъ городѣ мѣсяца два, и будетъ съ нетерпѣніемъ ждать извѣстій отъ него изъ Москвы. Въ то же время писалъ онъ къ Бѣлявскому, спрашивая: живъ ли сынъ его? Но мы выѣхали изъ Тобольска 26-го мая, не получивъ никакого извѣстія о братѣ Николаѣ Алексѣевичѣ: ни отъ него, ни отъ Бѣлявскаго писемъ не было. Можно представить себѣ сокрушеніе отца и матери: они писали къ нему, не зная, упрекать ли его за непростительное молчаніе, или только молиться за его душу. Опять назначены были ему города по пути, гдѣ будутъ надѣяться получать его письма. Помню, что на одной станціи близъ Казани, поздно вечеромъ, отецъ мой встрѣтилъ какого-то знакомаго, ѣхавшаго изъ Москвы, и со страхомъ спросилъ его о своемъ Николинкѣ. — «Слава Богу, живъ и здоровъ!»—отвѣчалъ знакомый, и рассказалъ разныя подробности, удостовѣрившія отца, что точно сынъ его живъ и благополученъ. Старикъ нашъ пришелъ въ недоумѣніе, и не постигалъ послѣ этого, почему же онъ не пишетъ къ нему? Какъ обыкновенно бываетъ съ людьми въ такихъ случаяхъ, онъ самъ же напелъ разныя извинительныя причины, и только радовался, что милый сынъ его живъ. Но еще въ Казани и во Владимірѣ онъ искалъ писемъ отъ него... Ихъ не было. Наконецъ, мы пріѣхали въ Москву. Не знаю, почему отецъ не поѣхалъ самъ къ Бѣлявскому, а послалъ втораго сына своего (теперь уже умершаго): съ нимъ тотчасъ явился Николай Алексѣевичъ. Послѣ первыхъ, радостныхъ минутъ свиданія, отецъ спросилъ: почему не писалъ онъ къ нему такъ долго? — «Ждалъ васъ, папенька!»—отвѣчалъ онъ съ совершеннымъ просто-

душіемъ. — «Но я увѣдомлялъ тебя, что не могъ выѣхать въ назначенный срокъ, и назначилъ города, куда писать ко мнѣ?» Оправданій удовлетворительныхъ не могло быть, и оказалось, что юношеское легкомысліе было причиной его молчанія. Вотъ что вызвало на него страшную бурю отъ нашего родителя, но и она ограничилась строгимъ, продолжительнымъ выговоромъ: не было никакого сожженія кипы исписанной бумаги, какъ упоминаетъ Н. А. въ своей автобіографіи¹⁾. Долго не хотѣлъ даже простить его огорченный отецъ; но когда онъ увѣрился, что сынъ его такъ же чистъ душою, какъ былъ прежде, и что хотя онъ точно провелъ все время въ пустыхъ развлеченіяхъ, однако остался прежнимъ милымъ, невиннымъ юношею, — онъ сталъ опять обращаться съ нимъ какъ всегда: строго, но съ нѣжностью любящей души, съ разсудительностью опытнаго ума. Впрочемъ, было и еще за что побранить Николая Алексѣевича: онъ слишкомъ много истратилъ денегъ, не занимался ничѣмъ основательно и поддавался только дѣтскимъ увлеченіямъ. Письма къ Карамзину онъ не доставилъ, услышавъ отъ кого-то, что онъ не принимаетъ къ себѣ никого, и побоявшись быть худо принятымъ; въ университетъ ходилъ онъ на лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ, но безъ всякой опредѣленной цѣли. Главнымъ развлеченіемъ его были театръ и книги, но и то безъ отчетливости — такъ, для удовольствія мимоходнаго, ежедневнаго, а не съ мыслию ясною, не съ чувствомъ сильной души. Отецъ нашъ понималъ все это очень хорошо, хотя выражался иначе, и если бы точно, въ порывѣ гнѣва, сжегъ онъ бумаги Н. А. и запретилъ ему читать книги, то въ первыя минуты онъ и долженъ былъ такъ поступить. Почти годъ прожилъ братъ мой въ Москвѣ, и что сдѣлалъ въ этотъ годъ? Глядя съ точки благоразумія, можно сказать: ничего! вѣтренничалъ!.. Не въ дѣлахъ требовалъ у него отчета отецъ нашъ, а въ немъ самомъ, и въ этомъ отношеніи гнѣвъ его былъ совершенно справедливъ. Братъ искажилъ это обстоятельство своей жизни, говоря, что первые вопросы отца къ нему были: «Много ли у тебя осталось денегъ» и «что ты дѣлалъ въ Москвѣ», а онъ указалъ при этомъ на груды книгъ и на кипу бумаги, имъ исписанной. Послѣ моего объясненія, понятно, къ чему могли относиться подобные вопросы. Дѣлъ отцовскихъ у него не было, и все сосредоточивалось въ немъ самомъ; въ этомъ-то отношеніи былъ чрезвычайно недоволенъ имъ нашъ отецъ, для котораго деньги были ничто въ сравненіи съ нравственнымъ поступкомъ. «Ты забылъ своихъ родителей! ты не подумалъ, до какой степени могъ огорчить, опечалить ихъ своимъ молчаніемъ!» Вотъ что выражалъ онъ въ упрекахъ сыну. «Ты не показалъ нѣжности чувства, которой я ожидаю

¹⁾ См. Очерки русской литературы, т. I, стр. 33.

отъ моихъ дѣтей!» — повторялъ онъ. «Какъ могъ ты спокойно спать въ Москвѣ, когда зналъ, что мы подъѣзжаемъ къ ней? Я назначилъ тебѣ день пріѣзда, и ты, если бы чувствовалъ сыновнюю любовь къ намъ, выѣхалъ бы за сто верстъ къ намъ, или построилъ бы шалашикъ подлѣ заставы и караулилъ бы насъ, чтобы встрѣтить съ распростертыми объятіями!» Братъ чувствовалъ справедливось такихъ упрековъ и молилъ только о прощеніи. Наконецъ, уже просьбы матери нашей смягчили гнѣвъ отца. Все это и даже многія выраженія отца я помню живо, потому что сцена была тяжкая и поучительная. Чисто-нравственное, но тѣмъ больше тяжкое наказаніе того, кто почитался перломъ въ нашемъ семействѣ, производило какой-то страхъ, благодѣтельный для молодыхъ сердець.

Я распространился объ этомъ годѣ жизни Николая Алексѣевича, во-первыхъ, потому, что необходимо опровергнуть рассказъ его, и, во-вторыхъ, потому, что онъ является тутъ хоть еще мальчикомъ, но въ полнотѣ своего характера. Вотъ онъ былъ и на свободѣ, и съ деньгами, и съ рекомендательными письмами, словомъ, со всѣми средствами учиться правильно и основательно, а не сдѣлать и шагъ для этого. Онъ только предался своей страсти къ чтенію, къ театру, искалъ впечатлѣній, и, — достойно особаго замѣчанія, — хотя былъ въ обществѣ ничтожныхъ молодыхъ людей, однако чуждался ихъ увеселеній. Ничто порочное не могло прикоснуться къ нему: это показываетъ силу души его и благія начала добра, внушенныя ему хорошимъ воспитаніемъ.

Онъ самъ говоритъ въ своей автобіографіи: «Я прожилъ почти годъ въ Москвѣ безъ отца моего, и театръ, куда я ходилъ раза по три въ недѣлю, книги, которыхъ прочиталъ и купилъ я безъ счета, университетъ, куда я пробрался на лекціи, и гдѣ слушалъ Мерзлякова, Страхова, Гейма, Каченовскаго, увлекали все мое время»: Именно: увлекали, но безтолково, безъ всякаго опредѣленнаго направленія. Цѣлая комната была завалена у него книгами, ландкартами, глобусами и разными игрушками наукъ: онъ искалъ только впечатлѣній, хотѣлъ вдругъ узнать все, и только одно было въ немъ постоянно — страсть тотчасъ писать обо всемъ, что узнавалъ онъ или что сильно поражало его душу. Въ числѣ книгъ, купленныхъ имъ, было множество относящихся къ исторіи, и особенно русской, напримѣръ, историческія сочиненія Татищева, Щербатова, Болтина, лѣтопись Нестора въ разныхъ изданіяхъ; но онъ увлекся ложною славою, какою пользовался тогда у многихъ «Опытъ повѣствованія о Россіи», Елагина, и сталъ продолжать его. Изъ событій древней исторіи Россіи написалъ онъ отдѣльно трагедію «Василько Ростиславовичъ», повѣсть «Янъ Ушмовецъ»; началъ писать романъ; кромѣ того, множество стихотвореній было написано имъ во всѣхъ родахъ. Въ занятіяхъ прекрасныхъ, удивитель-

ныхъ для его возраста, но безплодныхъ для будущности, пролетѣло это время, въ которое могъ бы совершиться важный и благодѣтельный переворотъ въ его образованіи, если бъ онъ отдалъ письмо отца Карамзину, и если бы,—въ чемъ почти нельзя сомнѣваться,— тотъ принялъ участіе въ молодомъ человѣкѣ, котораго, конечно, полюбилъ бы, потому что Н. А. имѣлъ много очаровательныхъ качествъ, какъ юноша. Его нѣжное, бѣлое какъ снѣгъ лицо, оживленное остроумной улыбкой, его рѣчь тихая, вкрадчивая, умная, его благородный образъ мыслей—привлекали къ нему съ перваго свиданія. То же самое, что началъ онъ лѣтъ черезъ десять потомъ, могло бы начаться подъ руководствомъ и одушевленіемъ Карамзина—и какихъ успѣховъ нельзя было ожидать отъ сближенія его съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ! Но, видно, такъ было указано свыше, и съ этого времени начинается тяжелый періодъ жизни Николая Алексѣевича и всего нашего семейства.

Мы пріѣхали въ Москву въ началѣ іюля 1812 года, когда Наполеонъ перешагнулъ границу Россіи, и полчища его уже разливались, какъ лава, въ западныхъ губерніяхъ. Но замѣчательно, что въ Москвѣ никто и не помышлялъ, чтобы когда нибудь непріятель приблизился къ нашей древней столицѣ. Раздѣляя общую увѣренность, отецъ нашъ дѣятельно занялся устройствомъ своей жизни: нанялъ прекрасную квартиру, съ садомъ, на берегу Москвы (почти напротивъ Ново-Спасскаго монастыря), омеблировалъ ее, завелъ все хозяйство и началъ свои опыты въ выдѣлкѣ водокъ, которыя хотѣлъ представить откупщикамъ. Но едва только было устроено все это, какъ грозныя извѣстія съ театра войны начали тревожить насъ; почти каждый день приходили извѣстія прискорбныя: непріятель въ Полоцкѣ, въ Витебскѣ, въ Смоленскѣ!.. Тогда-то потянулись изъ Москвы вереницы всякихъ экипажей, по всѣмъ дорогамъ, кромѣ смоленской, по которой только пріѣзжали въ Москву. Но мы еще и не думали бѣжать. Въ одно утро,—помню, что это былъ воскресный день,—встаю: весь домъ въ движеніи; укладываютъ, увязываютъ; маменька плачетъ; отца нѣтъ дома. Ночью была принесена знаменитая афишка графа Ростопчина (отъ 18-го августа), гдѣ онъ почти уговаривалъ жителей выѣзжать изъ Москвы. Оттого-то наканунѣ въ нашемъ домѣ не было и признака близкаго отъѣзда; но когда прочитана была афишка, то отецъ нашъ, по убѣдительному совѣту ближайшихъ знакомыхъ, которые уже рѣшились бѣжать, тотчасъ отправился самъ отыскивать лошадей, въ которыхъ вдругъ сдѣлался страшный недостатокъ; за счастье почитали, если какой нибудь ямщикъ брался ѣхать съ платою по 50 рублей ассигнаціями въ сутки за каждую лошадь. Дня черезъ два потомъ, мы уже ѣхали изъ Москвы, по той же Владимірской дорогѣ, по которой недавно приближались къ ней. При выѣздѣ нашемъ изъ города былъ случай, который разкажу я, по-

тому что онъ показываетъ прекрасное сердце нашего отца. Мы подъѣхали къ Рогожской заставѣ, когда въ нее вступалъ, съ барабаннымъ боемъ, отрядъ московскаго ополченія. Необыкновенный видъ бодрыхъ мужичковъ, въ ратнической формѣ, кажется, даже съ ружьями, и подлѣ нихъ толпы ихъ женъ и матерей съ узелками, такъ поразили нашего отца, что онъ залился слезами, и упрекалъ себя за бѣгство отъ непріятели, когда другіе шли на смерть!

Мы прожили нѣсколько времени въ деревнѣ дальняго родственника нашего, Ивана Никитича Голикова, съ которымъ вмѣстѣ и выѣхали изъ Москвы. Деревня Голикова, Софряки, была недалеко отъ Вязниковъ, близъ станціи Слободище. Потомъ пробыли мы нѣсколько времени въ Вязникахъ; но когда распространился слухъ, что непріятель быстро двинулся къ Владиміру, всѣ московскіе бѣглецы, бывшіе въ этомъ городѣ, пустились въ разныя стороны и всполошили остановившихся въ Вязникахъ. Разительныя сцены этого жалкаго бѣгства остались въ моей памяти!.. Отецъ нашъ рѣшился удалиться въ Арзамасъ, какъ городъ, находившійся въ сторонѣ отъ театра войны. Въ Арзамасѣ дождались мы извѣстія о выступленіи французовъ изъ Москвы. Между тѣмъ, всѣ эти переѣзды, обзаведеніе въ Москвѣ и потеря всего заведеннаго, истощили небольшой капиталъ, съ которымъ отецъ нашъ выѣхалъ изъ Сибири. У него оставался еще расчетъ съ російско-американскою компаніею, по которому слѣдовало ему получить нѣсколько тысячъ рублей: онъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ и, оставивъ семейство въ Арзамасѣ, отправился съ Николаемъ Алексѣевичемъ сначала въ Москву, а оттуда въ сѣверную столицу. Москва представляла ужасное зрѣлище!.. На мѣстѣ нашей квартиры не было и слѣда жилья: все превратилось въ обширное поле, покрытое снѣгомъ¹⁾.

Въ Петербургѣ отецъ нашъ, съ Николаемъ Алексѣевичемъ, жилъ у В. В. Лепано, мѣсяца три. Онъ писалъ къ нашей матери, что такъ какъ въ Москву возвращаться не зачѣмъ, то надобно покуда удалиться въ Курскъ, на родину его; а тамъ—подумать, что дѣлать. Въ Арзамасѣ нельзя было оставаться уже и потому, что онъ наполнился войсками и лазаретами резервной арміи князя Лобанова-Ростовскаго. Изъ Арзамаса, ближайшею дорогою, черезъ Тамбовскую губернію, пріѣхали мы въ Курскъ въ февралѣ 1813 года. Отецъ нашъ пріѣхалъ туда же, нѣсколькими днями прежде, изъ Петербурга.

На родинѣ, гдѣ не жилъ онъ съ молодыхъ лѣтъ, ожидало его страшное разочарованіе. Онъ очутился тамъ, какъ между чужеземниками или какъ на необитаемомъ островѣ, особливо, ко-

¹⁾ На всей этой мѣстности съ тѣхъ поръ существуетъ дѣсовая радъ; улицъ съ жилищами нѣтъ.

гда увидѣли, что онъ вовсе не богатъ. Близкихъ родныхъ было у него очень немного; но сначала являлись толпы родственниковъ, не хотѣвшихъ вѣрить, чтобы человекъ, прожившій сорокъ лѣтъ въ Сибири, воротился оттуда почти ни съ чѣмъ. Когда же они удостоверились въ этомъ, то всѣ удалились отъ него, и ума ихъ доставало только на то, чтобы подсмѣиваться надъ нимъ. Даже намъ, еще молоденькимъ дѣтямъ, казались чужды и странны жители Курска, напоминавшіе времена до-европейскаго быта Россіи. Отецъ нашъ не могъ, да и не хотѣлъ, заводить новыхъ знакомствъ, не хотѣлъ возобновлять и старыхъ. Все казалось ему чуждо на его родинѣ, и, кажется, что житье тамъ почиталъ онъ какимъ-то переходнымъ состояніемъ. Братъ мой пишетъ въ своей автобіографіи: «Въ іюнѣ отправились мы (онъ съ отцомъ) изъ Курска на Донъ—дѣлать сахаръ и ромъ изъ арбузовъ и торговать донскою рыбою»¹⁾. Еще превратное изображеніе!.. Подумаете, что дѣло идетъ о какомъ-то отчаянномъ прожектерѣ-спекулянтѣ. Здѣсь я опять долженъ объяснить, что такое было это въ самомъ дѣлѣ.

Въ Москвѣ отецъ нашъ успѣлъ побывать нѣсколько разъ у стараго своего пріятеля, Егора Ивановича Бланкеннагеля, основателя едва ли не перваго въ Россіи свекло-сахарнаго завода. Бланкеннагель занимался этимъ дѣломъ ревностно, дѣлалъ разные опыты и воспламенилъ отца нашего своими разсужденіями о теоріи сахарнаго производства. Отецъ нашъ приносилъ отъ него образцы разнаго сахара и съ жаромъ говорилъ, какіе важные виды представляетъ это новое тогда производство. Между прочимъ, поразила его мысль, переданная ему Бланкеннагелемъ, что сахаръ можно получать изъ множества растительныхъ веществъ; но должно найти такое, которое давало бы его легко и выгодно. Свекловица, при первыхъ опытахъ, урождалась въ Россіи худо, и Бланкеннагель дѣлалъ опыты извлекать сахаръ изъ пшеницы, изъ моркови и тому подобнаго. Когда мы бѣгствовали отъ Наполеона, въ Вязникахъ и въ Арзамасѣ, отецъ нашъ вздумалъ выварить патоку изъ арбузовъ: она вышла чрезвычайно сладкая, но онъ не зналъ, какъ превратить ее въ кристаллы, и, отправившись въ Петербургъ, взявъ съ собою нѣсколько бутылокъ арбузной патоки. Въ Петербургѣ, проводя вечера у Леццано, онъ разговорился объ этомъ предметѣ, и Леццано свелъ его съ нѣсколькими учеными, между прочимъ, съ извѣстнымъ нынѣ академикомъ г. Гамелемъ. Начались попытки закристаллизовать арбузную патоку, и, наконецъ, господа химики объявили, что это очень возможно, и только малое количество доставленной имъ патоки мѣшаетъ успѣху. Можно представить себѣ восторгъ нашего старика! Онъ обѣщалъ доставить на другое же лѣто нѣсколько пудовъ арбузной патоки для оконча-

¹⁾ См. Очерки русской литературы, т. I, стр. 33.

тельныхъ опытовъ, и уже рассчитывалъ множество выгодъ отъ этого новаго производства. Въ Курскѣ онъ собралъ свѣдѣнія о благопріятнѣйшемъ климатѣ для арбузовъ и, узнавъ, что около Ростова-на-Дону они превосходны качествомъ и чрезвычайно дешевы, рѣшился для своихъ опытовъ съѣздить туда. Человѣку, привыкшему къ сибирскимъ разстояніямъ, ничего не значилъ переѣздъ изъ Курска на Донъ. Но приготовленія, заказъ паровиковъ ¹⁾ и разныхъ принадлежностей для опыта въ значительномъ размѣрѣ, наконецъ, самая поѣздка—поглотили много денегъ, и когда, во время жатвы въ Ростовѣ-на-Дону, началась выварка арбузной патоки, братъ мой, Николай Алексѣевичъ (бывшій вмѣстѣ съ отцомъ), сдѣлался боленъ жестокою нервическою горячкою и нѣсколько времени былъ на краю гроба. Бѣдный отецъ нашъ не отходилъ отъ него, и, къ несчастію, самъ подвергся той же болѣзни. Такъ прошло все благопріятное время для задуманныхъ имъ опытовъ, а люди, бывшіе съ нимъ, не могли, или не умѣли ничего сдѣлать. Позднею осенью, отецъ мой и братъ возвратились въ Курскъ,—оба изнуренные тяжкою болѣзнию. Особенно здоровье нашего родителя сильно пострадало, и почти всю зиму не могъ онъ оправиться. Однако, онъ вывезъ съ собою достаточное количество арбузной патоки и отправилъ ее въ Петербургъ. Нѣтъ надобности прибавлять, что изъ арбузовъ нельзя дѣлать сахару, чего, повидимому, не знали тѣ, кто ободрилъ его къ этому несчастному предпріятію. Другимъ опытомъ его на Дону было: солить новымъ способомъ осетровъ, которые продаются тамъ ни почемъ при хорошемъ уловѣ. Надобно знать, что засоль превосходной донской рыбы производился тогда самымъ варварскимъ образомъ. Ее распластывали и просто осыпали грязною солью, въ грязныхъ рогожахъ, и такъ развозили повсюду, отчего она доставлялась въ отдаленные города завѣтрѣлая, теряла вкусъ и тотчасъ портилась. Отецъ нашъ вздумалъ солить ее въ новыхъ дубовыхъ бочкахъ, заливать тотчасъ хорошимъ рассоломъ и, герметически-закупоренную, доставлять на мѣсто продажи. Въ такомъ видѣ рыба долго остается превосходною. Но это былъ только опытъ, и хотя впоследствии онъ стоилъ много денегъ отцу нашему, однако, въ 1813 году, ѣздилъ онъ на Донъ не «дѣлать сахаръ и ромъ изъ арбузовъ» и не «торговать донскою рыбою», какъ пишетъ братъ. Поѣздка его была неудачна во всѣхъ отношеніяхъ, но и она показываетъ умнаго, необыкновеннаго человека.

Между тѣмъ положеніе его было дѣйствительно очень печально.

¹⁾ Кажется, авторъ «Записокъ», въ данномъ случаѣ, заблуждается? Это мѣсто «Записокъ» упоминаетъ о 1813—1814 гг., когда паровиковъ еще нельзя было заказать у насъ въ Россіи; да и едва ли въ то время паровая сила была гдѣ либо въ Россіи примѣнена къ какому бы то ни было—тѣмъ болѣе химическому—производству?

Полубольной, безъ денегъ, съ многочисленнымъ семействомъ, въ родномъ городѣ, но между чуждыми людьми, онъ не зналъ, что дѣлать и что начать? Тяжело мнѣ даже припоминать себѣ страданія этой благородной души; но онъ не унывалъ духомъ, былъ больше нежели когда нибудь бодръ и веселъ въ разговорахъ съ нами и держалъ себя, какъ всегда, въ отношеніи къ своимъ знакомымъ. Я былъ тогда еще ребенокъ, но помню, что не разъ случалось мнѣ слышать тяжкіе вздохи и молитвы его въ ночное время, когда онъ полагалъ, что всѣ въ домѣ спятъ. Онъ не оставлялъ усилій выйдти изъ своего тяжкаго положенія и поддерживалъ переписку съ петербургскими пріятелями и знакомыми, видя, что въ Курскѣ нѣтъ для него занятія. Въ это-то время одинъ изъ немногихъ старинныхъ знакомыхъ его въ Курскѣ, Андрей Петровичъ Баушевъ, купецъ званіемъ, но по образу жизни и обращенію похожій на германскаго барона и вообще человѣкъ чрезвычайно оригинальный, предложилъ отцу моему отдать Николая Алексѣевича не въ конторщики, а для посильныхъ занятій при его дѣлахъ, которыя были довольно обширны. Отецъ нашъ охотно согласился на это. Доказательствомъ, что Н. А. былъ принятъ почти какъ другъ въ почтенное семейство Баушева, служитъ то, что его поселили въ однѣхъ комнатахъ съ сыновьями и племянникомъ Андрея Петровича, и почти ни въ чемъ не отличали отъ нихъ. Вскорѣ онъ сдѣлался любимцемъ всего семейства. Съ его необыкновенными способностями нетрудно было ему узнать весь ходъ дѣла въ конторѣ Баушева, и при общей любви, совершенной довѣренности, при легкихъ занятіяхъ, жизнь его въ этомъ богатомъ домѣ была бы очень пріятна, если бы не сокрушала его мысль о положеніи собственнаго его семейства. Но спрашиваю: то ли было это переселеніе въ домъ Баушева, что можно заключить изъ словъ автобіографіи, гдѣ онъ говоритъ: «Я оставался безъ дѣла, опредѣлился въ контору богатаго купца, и рѣшился заняться только дѣломъ. Книги составляли только временную отраду мою. Неумоимо работалъ я, писалъ счета, переписывалъ купеческія письма»¹⁾. Напротивъ, онъ имѣлъ много свободнаго времени, и какъ у Баушевыхъ былъ въ употребленіи нѣмецкій языкъ, потому что они имѣли дѣла съ Лейпцигомъ, съ Бреславлемъ, и жилали тамъ, то братъ мой имѣлъ тутъ первый случай начать учиться по-нѣмецки. Онъ нашелъ у Баушевыхъ и книги на иностранныхъ языкахъ, и готовность покупать новыя книги, такъ что, бывши съ ними на Коренной ярмаркѣ, близъ Курска, увеличилъ бібліотеку ихъ, чѣмъ хотѣлъ. Вообще, онъ дѣйствовалъ у нихъ свободно, какъ любимый, самый близкій человѣкъ, даже устроилъ домашній театръ, на которомъ и я, не смотря на дѣт-

¹⁾ См. Очерки русской литературы, т. I, стр. 34.

скіе мои годы, игрывалъ, когда не доставало актера. Смѣшно, что двѣнадцатилѣтнему случилось мнѣ представлять на сценѣ дряхлаго старика, отца Дмитрія Самозванца въ трагедіи Нарѣжнаго!.. Вообще, пребываніе брата у Баушевыхъ было полезно ему во многихъ отношеніяхъ, между прочимъ, и въ томъ, что онъ увидѣлъ необходимость учиться основательнѣе и имѣлъ къ тому возможность. Подстрекаемый тѣмъ, что сверстники его говорили понѣмецки, писали нѣмецкія письма, разсуждали иногда о правилахъ грамматики, о которыхъ онъ еще и не думалъ,—онъ съ жаромъ принялся за все это и вскорѣ оказалъ удивительные успѣхи. Приходя къ намъ, онъ обыкновенно передавалъ мнѣ все, что узналъ самъ, и такимъ образомъ сдѣлался моимъ учителемъ. Все это дѣлалось свободно, безъ всякой скрытности отъ Баушевыхъ и отъ моего отца, который, напротивъ, любилъ слушать уроки брата мнѣ. Но, увлеченный мыслью представить себя несчастнымъ самоучкой, Николай Алексѣевичъ говорить объ этомъ времени вотъ что: «Еще съ 1814 года началъ я потихоньку учиться и прежде всего русской грамматикѣ, по грамматикѣ Соколова, которая какъ-то попалась мнѣ въ руки. Тогда же увидѣлъ я необходимость знать иностранные языки. Мнѣ надобно было скрывать и таить свое ученье, и передъ отцомъ, и передъ хозяиномъ: оно могло повредить моей дѣловой репутаціи, и, кромѣ того, что сказали бы мои товарищи, если бы узнали, что я учусь азбукѣ? А старики? а старухи?.. Пьяный цирюльникъ наполеоновской арміи, итальянецъ, который остался допивать жизнь свою въ одной изъ курскихъ цирюленъ, показалъ мнѣ произношеніе французскихъ буквъ; старикъ, музыкальный учитель, богемецъ, который училъ на фортепіано дочерей моего хозяина, и любилъ послѣ уроковъ посидѣть у меня въ конторской комнаткѣ, и покурить табакъ, научилъ меня нѣмецкой азбукѣ»¹⁾).

Признаюсь, когда въ первый разъ прочиталъ я эти строки, то расхохотался, какъ рѣдко случалось мнѣ хохотать во всю жизнь мою!.. Эта карриатура пьянаго итальянца, французскаго цирюльника и богемца, который учить азбукѣ Николая Алексѣевича, хоть въ ней и ребенку учить нечего, эта риторическая фигура мысли, изобрѣтенная воображеніемъ моего брата—разсмѣшили меня какъ нельзя больше. При свиданіи съ нимъ, я не могъ безъ смѣха спросить у него: «Скажи, ради Бога, про какого пьяницу цирюльника рассказываешь ты въ своей біографіи?»—«Какъ же, братецъ, былъ!»—возразилъ онъ смѣясь.—«Можетъ быть, онъ былъ; но какъ и чему онъ училъ тебя, когда мы начали, вмѣстѣ съ тобой, учиться пофранцузски въ 1815 году, въ Иркутскѣ? И для чего ты пожаловалъ нѣмца Гофмана въ богемцы? На что тебѣ было учиться

¹⁾ См. Очерки русской литературы, т. I, стр. 36.

у божемца нѣмецкой азбукѣ»? Онъ самъ началъ смѣяться, и тѣмъ кончились объясненія его объ этой эффектной выходкѣ.

Я рассказываю совсѣмъ съ другою цѣлью: не для эффектовъ. Желаю представить умственное и нравственное воспитаніе моего брата въ истинномъ свѣтѣ, и называю лица, имѣвшія на него вліяніе. Нѣкоторыя изъ нихъ еще здравствуютъ и могутъ подтвердить мои слова. Зачѣмъ фантастическими прибавками исказать истину?

Съ благодарностью подтверждаю все, что пишетъ онъ далѣе о нашихъ съ нимъ учебныхъ занятіяхъ. Да! съ этого года, памятнаго мнѣ первымъ жаркимъ стремленіемъ къ познанію и наукѣ, укрѣпилась наша взаимная дружба. Я былъ гораздо моложе его, въ томъ возрастѣ, когда пять лѣтъ составляютъ неизмѣримую разницу въ умственныхъ силахъ, и былъ во всемъ ученикомъ его. Но желаніе не отставать отъ него и трудъ—замѣняли мнѣ и годы, и дарованія. Онъ ловилъ все на-полетѣ; я усваивалъ все трудомъ и прилежаніемъ. Это обратилось, наконецъ, въ какое-то взаимное обученіе, и мы пособляли другъ-другу учиться, по силамъ и средствамъ cadaго.

Такъ прошло для насъ лѣто 1814 года; средства отца нашего дошли до крайняго истощенія: онъ принужденъ былъ отказывать себѣ во всемъ, закладывалъ послѣднія вещи, стоившія чего нибудь, и ждалъ избавленія только свыше... Оно и пришло, съ Божескою щедростью... Въ началѣ ноября, въ ужасную погоду, въ комнату къ намъ вбѣгаетъ братъ Николай Алексѣевичъ и съ веселымъ лицомъ обращается къ отцу: «Папенька! къ вамъ письма изъ Петербурга!» Отецъ нашъ давно ждалъ писемъ оттуда: одно было отъ Михайла Матвѣевича Булдакова, главнаго директора американской компаніи, другое—отъ Ефима Андреевича Кузнецова, вполнѣтвѣнн богатыйшаго изъ золотопромышленниковъ. Кузнецовъ писалъ, что, узнавъ о желаніи Алексѣя Евсевьевича заняться выгоднымъ дѣломъ, предлагаетъ ему принять на себя управленіе виннымъ откупомъ въ Иркутскѣ, оставшимся съ торговъ за Кузнецовымъ, съ другимъ товарищемъ. Булдаковъ, въ отдѣльномъ письмѣ, просилъ отца нашего принять на себя это дѣло, увѣряя, что онъ получитъ за то большое вознагражденіе. Старикъ нашъ ожилъ, и какъ Кузнецовъ писалъ, что онъ выѣзжаетъ изъ Петербурга и будетъ ожидать его въ Москвѣ, то онъ, съ вторымъ своимъ сыномъ, дня черезъ два и отправился туда, собравъ для этого послѣднія средства. Мы, то есть мать моя, со всѣми другими дѣтьми, оставались въ Курскѣ, въ ожиданіи, которое продолжалось съ мѣсяцъ, потому что Кузнецовъ былъ чѣмъ-то задержанъ въ Петербургѣ. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, мать наша получаетъ съ почты повѣстку: изъ Москвы получено на имя ея 2,000 рублей и вмѣстѣ съ тѣмъ письмо нашего отца, которое начиналось слѣдующими словами, до сихъ поръ остающимися въ моей памяти:

«Принесите хвалу, благодареніе и поклоненіе Всемогущему Господу Богу, за Его въ нашей слабости помощь, благодать и милосердіе! Ефимъ Андреевичъ (Кузнецовъ) пріѣхалъ, и мы съ нимъ въ трехъ словахъ все рѣшили, потому что, приступая къ предпріятію, онъ и товарищъ его положили непремѣнно вѣрить его мнѣ. Денегъ предлагаютъ мнѣ взять теперь же, сколько угодно; но, не желая брать безразсечно впередъ, я взялъ на первый случай 10,000 рублей, изъ которыхъ посылаю вамъ, мои милые, 2,000 рублей и пришлю еще»... Затѣмъ выражалъ онъ самую нѣжную заботливость, чтобы мать наша немедленно улучшила свое житье-бытье и приготавлила бы къ отправленію въ Иркутскъ Николая Алексѣевича и меня, «которымъ найдется дѣло тамъ»,—прибавлялъ онъ.

Быстрый переходъ отъ тяжелой, стѣснительной нужды къ довольству могутъ оцѣнить только тѣ, кто самъ испыталъ это.

Новый оборотъ въ дѣлахъ нашего отца необходимо заставлялъ брата Николая Алексѣевича оставить домъ Баушевыхъ, что обошлось безъ ропота съ ихъ стороны. Но онъ жилъ у нихъ безъ всякихъ обязательствъ, не изъ жалованья, а почти какъ другъ семейства, и долженъ былъ повиноваться волѣ отца, когда тотъ почиталъ нужнымъ возвратить его къ себѣ. Это лучше всего показываетъ, какъ невѣрно представилъ онъ свои отношенія къ почтенному семейству Баушевыхъ, изображая себя только работающимъ въ ихъ конторѣ.

Довольно жестокая и продолжительная болѣзнь его задерживала нѣсколько времени нашъ отъѣздъ. Наконецъ, мы, то есть братъ мой и я, выѣхали изъ Курска, въ концѣ января 1815 года, въ Москву, и остановились тамъ у П. Ѡ. Бѣлявскаго. По порученію нашего отца, онъ снарядилъ насъ въ дальній путь, вручилъ брату назначенную сумму денегъ и далъ намъ въ провозатыя казачьяго пятидесятника, возвращавшагося въ Иркутскъ, въ свой полкъ. Покуда мы оставались въ Москвѣ, братъ успѣлъ закупить книгъ, свозить меня въ театръ и застать разными учебниками: можно было подумать, что мы отправляемся учиться на границахъ Китая!

Въ Иркутскѣ, надежды отца нашего и обѣщанія Кузнецова далеко не осуществились. Любопытное существо былъ Е. А. Кузнецовъ!.. Красавецъ собой, онъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ, которыхъ въ мірѣ называютъ счастливыми. Онъ любилъ роскошь, нѣгу—и судьба нѣсколько разъ надѣляла его богатствомъ, которое падало на него, безъ всякихъ особенныхъ усилій съ его стороны. Въ числѣ счастливыхъ предпріятій его былъ и взятый имъ въ Иркутскѣ откупъ. Онъ почти не занимался имъ, вмѣшивался только для того, чтобы портить самыя выгодныя начинанія, и, всетаки, богатство лилось къ нему рѣкою. При его безпечности, отецъ нашъ оставался почти безъ занятія, и прошло нѣсколько мѣсяцевъ, покуда устроилась взятая имъ на себя часть дѣлъ.

Въ это то время сблизился съ нами Василій Михайловичъ Пурлевскій ¹⁾. Приглашенный Кузнецовымъ, такъ же какъ и отецъ нашъ, прїѣхать въ Иркутскъ (изъ Тобольска, гдѣ онъ жилъ до тѣхъ поръ), Пурлевскій также былъ почти безъ занятія. Имѣя много досуга, онъ предложилъ намъ (Николаю Алексѣвичу и мнѣ) учиться вмѣстѣ съ нимъ французскому языку, для котораго нашелся хорошій учитель. Это былъ полякъ, Горскій, за шалость юности сосланный въ Сибирь, но сохранившій и манеры свѣтскаго человѣка, и хорошую образованность. Его ли искусство въ преподаваніи, или наша ревность къ ученю были причиною, только мѣсяца черезъ два мы уже понимали книжный языкъ и могли даже сказать нѣсколько связанныхъ словъ пофранцузски. Вотъ кто, а не пьяный цирюльникъ французской арміи первоначально ознакомилъ Николая Алексѣвича съ французскимъ языкомъ ²⁾.

Все дѣто и большую часть зимы провели мы въ самомъ прилежномъ ученіи и въ занятіяхъ литературой. Дѣла нашего отца ограничились только управленіемъ водочнаго завода, гдѣ приготавливались водки и наливки для всей неизмѣримой Иркутской губерніи, къ величайшей выгодѣ откупа. Но, видя, что и это было сопряжено съ разными затрудненіями, отецъ нашъ рѣшилсѣ, окончивъ принятое имъ на себя предпріятіе, хотя и очень выгодное, возвратиться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Курскъ. Предварительно отправилъ онъ туда Николая Алексѣвича, который и оставилъ Иркутскъ въ началѣ 1816 года. Едва явился онъ въ Курскъ, какъ гг. Баушевы пригласили его заняться управленіемъ ихъ конторы, уже съ жалованьемъ, довольно значительнымъ по тому времени. Онъ охотно принялъ на себя дѣло, знакомое ему, и въ такомъ домѣ, гдѣ обходились съ нимъ дружески. Отецъ нашъ, получивъ о томъ извѣстіе, поразился, что юный сынъ его умѣлъ заслужить самое благопріятное мнѣніе въ этомъ почтенномъ семействѣ.

К. Полевой.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ В. М. Пурлевскій былъ еще живъ, когда я писалъ эту часть моихъ «Записокъ». Онъ скончался дѣтъ пять назадъ, въ Петербургѣ, бывши въ отставкѣ, въ чинѣ статскаго совѣтника, а вступилъ въ службу уже по выйдѣ изъ Иркутска, не въ первой молодости. Я рѣдко встрѣчалъ человѣка столько умнаго, пріятнаго, способнаго къ самымъ обширнымъ дѣловымъ занятіямъ. Образованностью своею онъ былъ обязанъ самому себѣ. (Писано въ 1859 г.).

Примѣчаніе автора.

²⁾ Не мѣшаетъ замѣтить, что Николай Алексѣвичъ Полевой, превосходно знавшій впоследствии нѣсколько новыхъ языковъ, все-же зналъ ихъ какъ самоучка: даже и французскій языкъ оставался для него языкомъ книги, а не живаго употребленія. Произношеніе его было ужасно.

П. П.

САМОУБИЙСТВО ГЕНЕРАЛА ГЕРШТЕНЦВЕЙГА.

(1861).

В ПЕРВОЙ КНИЖКѢ «Русскаго Архива» 1885 года напечатанъ разсказъ современника-очевидца о самоубійствѣ генерала Герштенцвейга въ Варшавѣ, въ 1861 году. Въ этомъ разсказѣ неизвѣстный авторъ упоминаетъ мою фамилію и приводитъ разговоръ, будто бы происходившій между нимъ и мной въ пріемной намѣстника графа Ламберта.

Я ничего подобнаго не припомню и сомнѣваюсь въ возможности такого разговора.

Я былъ единственнымъ, случайнымъ свидѣтелемъ прискорбнаго столкновенія графа Ламберта съ Герштенцвейгомъ, повлекшаго за собой американскую дуэль между этими двумя сановниками и затѣмъ самоубійство Герштенцвейга. До сихъ поръ я не считалъ себя вправѣ разоблачать тайну, унесенную въ могилу дѣйствующими лицами этой драмы. Но теперь событіе это принадлежитъ уже исторіи, а между тѣмъ въ печати появляются невѣрные разсказы, повторяющіе лишь слухи и догадки, ходившія тогда въ Варшавѣ. Поэтому я полагаю, что на мнѣ, какъ на единственномъ изъ оставшихся въ живыхъ свидѣтелѣ и очевидцѣ упомянутой драмы, лежитъ обязанность возстановить истину.

Въ 1861 году, я состоялъ для особыхъ порученій при бывшемъ генераль-крюгс-коммиссарѣ, графѣ Валеріанѣ Егоровичѣ Канкринѣ, который, тяжело заболѣвъ, отправился для лѣченія за границу, гдѣ и скончался. Вслѣдъ за его отъѣздомъ, я тоже получилъ отпускъ за границу, гдѣ жило тогда мое семейство.

Въ это время назначенъ былъ намѣстникомъ царства Польскаго генераль-адъютантъ, графъ Карлъ Карловичъ Ламбертъ.

Находясь съ нимъ въ довольно близкихъ, а со старшимъ братомъ его, генераль-адъютантомъ графомъ Иосифомъ Карловичемъ, вполне дружескихъ отношеніяхъ, я получилъ отъ него предложеніе состоять при немъ для особыхъ порученій, и онъ обѣщалъ, по прїѣздѣ своемъ въ Варшаву, сдѣлать надлежащее представленіе о назначеніи меня въ его распоряженіе.

До отъѣзда своего изъ Петербурга, графъ Ламбертъ жилъ по набережной р. Мойки, близъ Круглаго рынка, гдѣ я и посѣщалъ его довольно часто.

Въ одинъ изъ моихъ къ нему прїѣздовъ, я встрѣтилъ выходящаго отъ него генераль-адъютанта А. Д. Герштенцвейга, который, какъ слышно было, назначался варшавскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ и съ которымъ, сколько мнѣ было извѣстно, графъ никогда не сближался и стоялъ въ довольно холодныхъ и натянутыхъ отношеніяхъ.

Оба въ высшей степени самолюбивые и честолюбивые, они не уступали другъ другу ни умомъ, ни ловкостью, и знали себѣ цѣну, а такъ какъ пословица гласитъ, что рыбакъ рыбака видитъ издалека, то возможность подобнаго назначенія немало меня удивила.

За обѣдомъ, на которомъ присутствовалъ только братъ намѣстника, графъ Иосифъ Карловичъ, я, во время общаго разговора нашего, между прочимъ, спросилъ графа Карла Карловича:

— Неужели дѣйствительно правда, графъ, что Герштенцвейгъ назначается варшавскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ?

— А это очень интересуетъ васъ?—возразилъ онъ недовольнымъ тономъ.

— Мнѣ кажется,—отвѣчалъ я,—что весь составъ должностныхъ окружающихъ васъ лицъ, въ средѣ которыхъ, если буду имѣть честь тоже состоять при вашемъ сіятельствѣ, буду вращаться, долженъ неминуемо интересоваться мною; но знаю одно только и скажу вамъ откровенно, что если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, то ни въ какомъ случаѣ не желалъ бы и не допустилъ бы осуществиться подобному назначенію и скорѣе отказался бы отъ высокаго довѣряемаго мнѣ поста.

— А что? я говорилъ тебѣ,—прервавъ меня, сказалъ графъ Иосифъ Карловичъ:—ты видишь, и онъ одного со мной мнѣнія.

Не отвѣтивъ ни слова на замѣчаніе своего брата, графъ, обратившись ко мнѣ, возразилъ довольно строго:

— Если вамъ угодно, г. Ворцовъ, быть въ числѣ лицъ, меня окружающихъ, то прошу васъ не указывать мнѣ на выборъ этихъ лицъ и предоставить мнѣ самому знать, кого я долженъ, или не долженъ приглашать съ собой.

Какъ только кончился обѣдъ, я поспѣшилъ взять свою каску и хотѣлъ удалиться, но графъ, вдругъ смягчившись, обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— А могу я спросить васъ, на чемъ основываете вы мнѣніе ваше относительно неудачно сдѣланнаго мною въ лицѣ Герштенцвейга выбора на постъ военнаго генераль-губернатора?

— На томъ, что два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ. *A bon entendeur salut, monsieur le comte*,—отвѣтилъ я.

— Спасибо за это сравненіе, но я полагаю, что берлога эта настолько просторна, что не только съ однимъ, но даже съ нѣсколькими подобными Герштенцвейгу медвѣдями, я въ ней съумѣю ужиться.—При этомъ графъ разсмѣялся и, пожелавъ мнѣ счастливаго пути, ласково пожалъ руку, присовокупивъ, что онъ беретъ съ меня слово, что по окончаніи дѣлъ моихъ въ имѣніи, куда первоначально я отправлялся, и предъ отъѣздомъ моимъ за границу, непременно приѣду въ Варшаву.

Я могъ исполнить желаніе графа лишь черезъ два мѣсяца и приѣхалъ въ Варшаву въ концѣ сентября 1861 года, въ самый разгаръ волненій. Явившись немедленно къ намѣстнику, я при видѣ его былъ пораженъ, на сколько втеченіе этого времени онъ измѣнился.

Лицо его было темно-блѣдное, исхудалое и съ ввалившимися блестящими глазами. Графъ замѣтилъ мое удивленіе, и когда я спросилъ о состояніи его здоровья, онъ вынулъ изъ кармана запятнанный кровью носовой платокъ и, указавъ на него, сказалъ: *«Voilà, mon chère, ce qu'ont faits les deux mois de mon séjour à Warsovie»*, причемъ просилъ меня пожертвовать ему недѣли двѣ и остаться въ Варшавѣ, завѣривъ, что ко времени возвращенія моего изъ-за границы онъ не преминетъ сдѣлать представленіе о назначеніи меня въ его распоряженіе.

Остановившись въ Англійскомъ отелѣ, я бывалъ ежедневно у графа и исполнялъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя возлагавшіяся имъ на меня порученія.

Анархія, существовавшая во всемъ царствѣ Польскомъ, особенно же въ Варшавѣ, а равно постоянныя манифестаціи поляковъ, сильно повліяли на разстроенное и безъ того уже здоровье графа, который съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ослабѣвалъ, такъ что съ трудомъ могъ даже ходить, а потому и нашелся вынужденнымъ предоставить непосредственныя въ нѣкоторыхъ случаяхъ распоряженія Герштенцвейгу, какъ прямому по званію военнаго генераль-губернатора своему помощнику, заступавшему его мѣсто.

Когда послѣ громадной манифестаціи 3-го октября нѣсколько сотъ лицъ были арестованы Герштенцвейгомъ въ костелахъ и отправлены въ цитадель, графъ Ламбертъ донесъ немедленно о событіи этомъ телеграммой въ Воезѣ почивающему императору Але-

ксандру Николаевичу, находившемуся въ то время въ Ливадіи. Получивъ отъ его величества отвѣтную депешу, въ которой, не отрицая необходимости и строгости принятыхъ мѣръ, государь выразилъ не менѣе того желаніе, чтобы мѣры эти не были очень круты, — графъ потребовалъ къ себѣ немедленно, бывшего тогда варшавскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, генерала Левшина и приказалъ ему осмотрѣть всѣхъ арестованныхъ и освободить тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся моложе «20» и старше «40» лѣтъ и, по убѣжденію его, признаны будутъ имъ невинными и попавшими въ кѣстелы вслѣдствіе какой либо случайности, что Левшинъ и исполнилъ.

Герштенцвейгъ, узнавъ объ этомъ, сдѣланномъ намѣстникомъ помимо его распоряженія, страшно взбѣшенный, тотчасъ же отправился къ нему и безъ доклада вбѣжалъ, такъ сказать, въ его кабинетъ, гдѣ въ то время и я находился.

— Что значать сдѣланныя вами и безъ всякаго моего о томъ вѣдома распоряженія объ освобожденіи изъ цитадели заарестованныхъ мною въ кѣстелахъ? — дерзкимъ тономъ и возвысивъ голосъ, спросилъ онъ намѣстника. — Если это не есть прямая измѣна, то въ крайнемъ случаѣ желаніе показать себя человѣкомъ гуманнымъ предъ лицомъ Европы. Когда нужно было карать, то вы на меня возложили обязанность эту, предоставляя одному себѣ исключительное право милованія, и тѣмъ преступили вами же утвержденное постановленіе военнаго совѣта.

— Прошу васъ успокоиться и опомниться, Александръ Даниловичъ, — сдержанно отвѣчалъ графъ Ламбертъ. — Возложивъ на васъ эту обязанность, я полагалъ совершенно излишнимъ дѣлать вамъ такія указанія, которыя необходимы для какого нибудь ефрейтора, а не для военнаго генераль-губернатора, особенно же для васъ. Если я и указалъ вамъ идти по извѣстному направленію и вы на пути этомъ встрѣтили пропасть, то вамъ слѣдовало её обойти, а не бросаться въ неё.

— Ты отрицаешь слова свои и сдѣланное тобою самимъ распоряженіе, — съ запальчивостью возразилъ Герштенцвейгъ.

Разговоръ принималъ между ними такой оборотъ, что я невольно началъ бояться за болѣе серьёзные его послѣдствія.

Оба разгоряченные, они стояли другъ предъ другомъ, какъ два лютые звѣря. Графъ Ламбертъ, сосредоточенный самъ въ себѣ и удерживая свой гнѣвъ, съ чувствомъ достоинства, старался казаться спокойнымъ и не выходить изъ предѣловъ приличій; Герштенцвейгъ же, все болѣе и болѣе возвышая свой голосъ, терялъ самообладаніе и подступалъ къ Ламберту.

Положеніе мое становилось ужасное. Выйти изъ кабинета графа, чтобы пригласить кого либо изъ приближенныхъ его помочь мнѣ ихъ успокоить, я не рѣшался, боясь, чтобъ въ эти минуты не произошло еще большаго между ними скандала.

Нѣсколько разъ пытался я уговаривать ихъ, но всѣ старанія мои были тщетны, причемъ Герштенцвейгъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Съ какого права вы позволяете себѣ вмѣшиваться въ наши объясненія? Извольте выйти отсюда, это до васъ не касается.

— Вы забываете, что онъ не у васъ, а у меня,—сказалъ графъ Ламбертъ,—и я не предоставлялъ еще вамъ права распоряжаться въ моемъ домѣ; прошу васъ, Борщовъ, остаться; по крайней мѣрѣ, вы можете быть свидѣтелемъ, на сколько забываются и до какой степени наглости иногда доходятъ благовоспитанные люди.

— А тебѣ еще нужны свидѣтели!—возразилъ Герштенцвейгъ и со словами: «ты измѣнникъ и»—бросился къ графу Ламберту, но, зорко слѣдя за каждымъ его движеніемъ, я, къ счастью, успѣлъ стать между ними и, отстранивъ Герштенцвейга, тѣмъ предупредить дерзкое его намѣреніе.

Воспользовавшись этой минутой, графъ, сильно взволнованный, отворилъ дверь изъ кабинена и, увидѣвъ генерала Хрулева, сказалъ ему:

— Вы-то мнѣ и нужны, Степанъ Александровичъ; прошу васъ пожаловать ко мнѣ,—причемъ вмѣстѣ съ нимъ тотчасъ же возвратился.

Объяснивъ генералу Хрулеву все между Герштенцвейгомъ и имъ происшедшее, онъ присовокупилъ:

— За симъ предоставляю вамъ, Степанъ Александровичъ, рѣшить, что послѣ этого остается намъ дѣлать, хотя, говоря по совѣсти, я не могу себя упрекнуть ни въ чемъ, что могло бы дать поводъ подобной выходкѣ Александра Даниловича, который, полагаю, и самъ въ томъ долженъ сознаться.

— Здѣсь не мѣсто ни признанію, ни отрицанію, а остается дѣлать то, что въ подобныхъ случаяхъ дѣлается между порядочными людьми: я готовъ дать вамъ удовлетвореніе,—сказалъ Герштенцвейгъ.

Хрулевъ хотѣлъ было привести ихъ какимъ либо путемъ къ примиренію, представляя вниманію ихъ, что поединокъ между наѣстникомъ и военнымъ генераль-губернаторомъ, особенно же при такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ они и всѣ окружающіе ихъ находились въ Варшавѣ, невыслимъ и вызоветъ страшный скандалъ, но всѣ усилія его были напрасны, и тогда, во избѣжаніе огласки, рѣшено было остановиться на американской дуели, называемой французами «duel à la courte paille», причемъ посредникъ подаетъ противникамъ два конца носоваго платка, на одномъ изъ которыхъ завязывается узелокъ, и вытацившій таковой обязанъ добровольно застрѣлиться. Посредникомъ этимъ былъ генераль Хрулевъ, и жребій палъ на Герштенцвейга, который и вытацилъ злосчастный узелокъ, приведшій его къ самоубійству.

Взявъ съ генерала Хрулева и съ меня обѣщаніе, что все нами слышанное и на глазахъ нашихъ происшедшее мы будемъ держать въ тайнѣ, Герштенцвейгъ, а въ слѣдъ за нимъ и Хрулевъ удалились; меня же графъ удержалъ у себя въ кабинетѣ.

Страшно взволнованный и разстроенный, графъ бросился въ кресло; на глазахъ его показались слезы, и послѣ минутнаго молчанія онъ зарыдалъ, между тѣмъ какъ кровь хлынула у него горломъ.

Нѣсколько успокоившись, онъ обратился ко мнѣ съ такими словами:

— Не стану повторять сказанныхъ мнѣ вами словъ, при послѣднемъ нашемъ въ Петербургѣ свиданіи, но я ихъ не забылъ. Да, вы были правы, и душевно сожалѣю, что тогда не придалъ надлежащаго имъ значенія, чѣмъ и отстранилъ бы всякую возможность настоящаго столкновенія и печальныхъ его послѣдствій. Вполнѣ полагаясь на вашу скромность, считаю излишнимъ возобновлять вамъ просьбу мою никому не говорить о случившемся. И сколько ни тяжело мнѣ разстаться съ вами въ столь трудныя для меня минуты эти, я не желаю задерживать долѣе вашъ отъѣздъ во Флоренцію, но, тѣмъ не менѣе, надѣюсь, что вы пожертвуете мнѣ еще хотя однѣ сутки.

Затѣмъ, совершенно обезсиленный, онъ со мной простился, присовокупивъ, что чувствуетъ себя очень дурно и пойдетъ отдохнуть.

На другой день послѣ этого событія, у намѣстника былъ официальный обѣдъ, на которомъ присутствовало болѣе 30 человѣкъ изъ находившихся въ Варшавѣ высокопоставленныхъ лицъ, а равно и нѣкоторыхъ чиновъ штаба его, въ числѣ которыхъ приглашенъ былъ и я.

Размолвка графа Ламберта съ Герштенцвейгомъ никому изъ нихъ не была извѣстна въ подробностяхъ, но видимо было, что вслѣдствіе шумнаго разговора ихъ въ кабинетѣ слухъ о ней дошелъ до многихъ, а отсутствіе военнаго генераль-губернатора на обѣдѣ этомъ, объясняемое внезапной будто бы болѣзнью его, не менѣе того всѣхъ удивляло и подтверждало дѣлаемыя предположенія.

Не смотря на всѣ усилія присутствовавшихъ, разговоръ не вязался; всѣ чувствовали себя какъ-то неловко и находились подъ какимъ-то гнетомъ, съ нетерпѣніемъ ожидая окончанія обѣда.

Когда встали изъ-за стола, графъ, при слабости своей, будучи не въ состояніи раздѣлять долѣе крайне тягостную для него бесѣду, извинился, что долженъ оставить своихъ гостей, и удалился къ себѣ въ кабинетъ, куда пригласилъ меня за нимъ слѣдовать.

— Желаніе ваше скорѣе видѣться съ семействомъ вашимъ, любезный Борщовъ, весьма понятно, — сказалъ онъ мнѣ, — а потому повторяю, что сколько ни грустно мнѣ разстаться съ вами, какъ съ человѣкомъ, на котораго могу вполнѣ и во всемъ полагаться, я

не хочу быть эгоистомъ и не считаю себя въ правѣ задерживать долѣе вашъ отъѣздъ за границу; вы и безъ того пожертвовали мнѣ довольно времени, за чтò и приношу искреннюю мою признательность. Долго ли при состояніи здоровья моего остается мнѣ жить, конечно, опредѣлить невозможно, но мнѣ кажется, что дни мои сосчитаны; если же Богу угодно будетъ продлить мою жизнь и намъ придется когда либо встрѣтиться, то прошу васъ быть увѣреннымъ, что вы можете всегда во всемъ на меня разсчитывать.

Затѣмъ, обнявъ и горячо поцѣловавъ меня, пожелалъ счастливаго мнѣ пути.

Едва успѣлъ я выйти изъ кабинета намѣстника, какъ вслѣдъ за мной выбѣжалъ адъютантъ его, князь Голицынъ, и, остановивъ меня, сказалъ, что графъ проситъ меня возвратиться къ нему на минуту.

— Вы ѣдете прямо во Флоренцію?—спросилъ меня графъ Ламбертъ.

— Точно такъ, — отвѣчалъ я.

— А когда намѣрены вы отправиться?

— Я предполагалъ выѣхать завтра, но если вамъ угодно, то могу отложить мой отъѣздъ.

— Напротивъ, прошу васъ его не откладывать и оказать мнѣ еще одну услугу. Жена Герштенцвейга находится въ настоящее время тоже во Флоренціи, а потому потрудитесь поѣхать къ нему немедленно и спросить, не желаетъ ли онъ дать вамъ какого либо къ ней порученія; но прошу васъ поспѣшить и, никуда не заѣзжая, тотчасъ же отправиться къ нему. При настоящихъ обстоятельствахъ каждая минута можетъ быть дорога.

Простившись вторично съ графомъ, я немедленно исполнилъ его желаніе, но когда, по прибытіи моемъ въ Брюлевскій дворецъ, гдѣ жилъ военный генераль-губернаторъ, я приказалъ доложить ему о себѣ, то швейцаръ сказалъ мнѣ, что онъ боленъ и никого не приказалъ принимать.

Я велѣлъ вызвать ко мнѣ дежурнаго его адъютанта.

Послѣдній, нѣсколько смущенный, подтвердилъ мнѣ слова швейцара, присовокупивъ, что Александръ Даниловичъ простудился во время арестованія въ костелахъ и, чувствуя себя не совсѣмъ хорошо, легъ въ постель, вслѣдствіе чего въ данную минуту онъ не можетъ его беспокоить. Я просилъ его передать военному генераль-губернатору, что намѣстникъ, зная о моемъ на другой день отъѣздѣ во Флоренцію, гдѣ находилась супруга генерала Герштенцвейга, поручилъ меня спросить его, не пожелаетъ ли онъ дать мнѣ какое либо къ ней порученіе, а такъ какъ я лишенъ возможности его видѣть, то чтобы онъ сооблаговолитъ меня о томъ извѣстить въ Англійскій отель, гдѣ я жилъ.

Зная всѣ предшествовавшія обстоятельства, я невольно содрогнулся при мысли, что, быть можетъ, болѣзнь Герштенцвейга была уже послѣдствіемъ вытѣщенного имъ роковаго узелка. Предположеніе это не замедлило оправдаться, такъ какъ вопедшій въ эту минуту въ пріемную комнату оберъ-полицеймейстеръ полковникъ Пильсудскій сказалъ мнѣ тихонько:

— Представьте себѣ, Александръ Даниловичъ застрѣлился!

Послѣ этого мнѣ, конечно, нечего было ожидать какого либо отъ него порученія къ его женѣ; докладывать же графу Ламберту, что я не успѣлъ исполнить его желанія, и нарушать преждевременно его покой я счелъ совершенно излишнимъ, а потому, предоставивъ другимъ довести до свѣдѣнія намѣстника эту роковую новость, я отправился домой и на другой день, съ утреннимъ поѣздомъ, выѣхалъ за границу.

По прибытіи моемъ во Флоренцію, я поспѣшилъ розыскать жилище г-жи Герштенцвейгъ и тотчасъ же отправился къ ней, чтобы подготовить ее къ постигшему горю, но оказалось, что, получивъ телеграмму изъ Варшавы, она туда уже выѣхала.

Графъ Ламбертъ, какъ я вскорѣ узналъ изъ переписки моей съ братомъ его графомъ Іосифомъ Карловичемъ, потрясенный всѣми упомянутыми событіями и цѣлымъ рядомъ неприяностей, удрученный болѣзью, физически и психически разстроенный, не могъ быть въ нормальномъ состояніи и находился, такъ сказать, въ состояніи невмѣняемости; слѣдовательно весьма понятно, что дальнѣйшее пребываніе его въ Варшавѣ въ то время, когда болѣе или менѣе онъ считалъ себя невольнымъ виновникомъ и орудіемъ тяжелыхъ страданій и неминуемой смерти медленно угасавшаго своего ближняго, было для него невыносимо¹⁾.

Чувствуя себя не въ силахъ нести долѣе бремя лежавшихъ трудныхъ на немъ обязанностей и исполнять ихъ сознательно, онъ рѣшился оставить злополучный для него городъ и занимаемый высокій имъ постъ, и чистосердечно донесъ обо всемъ государю императору. Затѣмъ, не дождавшись даже испрашиваемого имъ разрѣшенія его величества оставить Варшаву, отправился въ Лондонъ, а затѣмъ на островъ Мадеру, куда вслѣдъ за нимъ прибыла кузина его, маркиза Lançme de Brèves, съ которой, когда здоровье его нѣсколько улучшилось, онъ вступилъ въ бракъ, но вскорѣ затѣмъ скончался.

С. М. Ворцовъ.

¹⁾ Герштенцвейгъ ранилъ себя двумя выстрѣлами въ голову и страдалъ продолженіе 19 дней.

СЛОВО ЖИВОЕ О НЕЖИВЫХЪ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

«La vie est une épigramme dont la
pointe est la mort».

Alph. Karr.

МЕРТЬ ИМѢЕТЪ великое, могущественное, всеочищающее свойство; вотъ почему передъ нею невольно преклоняются какъ великіе, такъ и малые міра сего. Со смертію человѣка прекращаются всѣ его отношенія къ живымъ; умершія чувства и страсти не въ силахъ возбуждать живыхъ чувствъ, живыхъ страстей; со смертію, человѣкъ мгновенно изъ настоящаго превращается въ про-

шедшее, изъ дѣйствительности въ воспоминаніе. Въ воспоминаніяхъ объ умершихъ, которыхъ мы видѣли и знали, обрисовывается ихъ дѣйствительный характеръ, — характеръ, не придуманный биографами, не соответствующій тѣмъ или другимъ дѣламъ. Воспоминанія личныя даютъ живой обликъ описываемаго лица, а потому имѣютъ всегда большую или меньшую цѣнность.

I.

Отецъ мой А. А. Арсеневъ. — Мой дѣдъ. — Зачисленіе отца моего на службу въ Преображенскій полкъ. — Воспитаніе отца. — Особый способъ французскаго воспитанія. — Проводы отца въ Петербургъ на службу. — Жизнь молодого офицера въ Петербургѣ. — Дешевизна этой жизни. — Тогдашнія удовольствія. — Потемкинъ и штифель-манжета. — Отставка отца. — Окончаніе имъ своего образованія. — Выборы въ московскіе уѣздные предводители дворянства. — Ненависть отца къ Наполеону I. — Мнѣніе отца объ «узурпаторахъ». — Расположеніе государя Александра Павловича къ моему отцу. — Кремлевскіе сады и большой театръ въ Москвѣ. — Подрядчикъ, привязанный къ дымовой трубѣ. — Кончина отца.

Отецъ мой, Александръ Александровичъ Арсеневъ, скончавшійся въ 1844 году, въ очень преклонныхъ лѣтахъ (ему было

болѣе 80-ти лѣтъ), лучшіе годы своей жизни провелъ въ XVIII столѣтіи. Всѣ друзья и сверстники его, по рожденію, воспитанію и складу мыслей, принадлежали къ прошедшему вѣку. Большая часть изъ нихъ свято вѣрила въ ученіе энциклопедистовъ, творенія которыхъ они знали чуть не наизусть.

Дѣдъ мой, въ Семилѣтнюю войну, командуя кирасирскимъ полкомъ, былъ убитъ въ Силезіи. Онъ оставилъ единственнаго сына (моего отца), котораго, очень естественно, бабушка моя (рожденная Ушакова) чуть не боготворила.

Вслѣдствіе заслугъ дѣда и въ память того, что бабушка была фрейлиной при регентшѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, отецъ мой, семилѣтнимъ ребенкомъ, былъ зачисленъ на службу сержантомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ.

Бабушка нашла нужнымъ отдать сына своего на воспитаніе въ маленькій пансіонъ къ французу, у котораго воспитывались только четыре мальчика, въ числѣ коихъ находился и извѣстный Шипковъ, впоследствии президентъ академіи наукъ. По рассказамъ отца, французъ-воспитатель обращалъ особенное вниманіе на обученіе учениковъ своихъ всеобщей исторіи, географіи и французскому языку, которому научились воспитанники въ совершенствѣ. Въ субботу вечеромъ, мальчикамъ давали всегда ревеню, затѣмъ, ихъ слегка сѣкли, купали въ ваннѣ и на воскресенье отпускали физически и нравственно очищенными, къ родителямъ. Ежедневно, послѣ завтрака, французъ, привязавъ къ рукѣ каждого изъ воспитанниковъ по шнурку, велъ ихъ гулять, не выпуская шнурковъ изъ своей руки, дабы дѣти не убѣжали отъ него. Повидимому, родители были очень довольны такою системою воспитанія своихъ дѣтей, потому что французъ, по окончаніи дѣтьми курса ученія, получилъ отъ родителей пожизненную пенсію.

Когда отцу моему минуло пятнадцать лѣтъ, бабушкѣ пришлось разстаться со своимъ сокровищемъ. Взявъ отрока съ собою, она отправилась въ часовню Иверской Божіей Матери, отслужила тамъ напутственный молебень и, благословивъ сына, посадила его въ колымагу, запряженную сдаточными лошадьми, которая и довезла его до Петербурга, со спутниками: старымъ дворецкимъ (онъ же былъ и дядькой), камердинеромъ и поваромъ (такъ какъ бабушка очень боялась, чтобы непривычная кухня не испортила желудка ея сокровища).

На путевыя издержки и на первое обзаведеніе въ Петербургѣ (не взирая на то, что бабушка была богата) она вручила сыну сто рублей ассигнаціями, строго наказавъ дядькѣ, чтобы онъ оберегалъ барина отъ разныхъ «обманщиковъ и безбожныхъ людей».

Я помню изъ рассказовъ отца, что сто рублей ему хватило на довольно продолжительное время и что онъ платилъ извозчику, поставлявшему ему четырехъ лошадей съ кучеромъ и форейторомъ,

по 25 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ (каре́та принадлежала отцу). Въ то время гвардейскіе офицеры ѣздили не иначе какъ четверкой пугомъ, съ деньщикомъ, или лакеемъ, на запяткахъ.

Жизнь молодого человѣка въ Петербургѣ, въ то время, обходилась очень дешево; кутежи бывали очень рѣдки, публичныхъ увеселеній было очень мало, и гвардейскіе офицеры довольствовались частными балами и театромъ. Женщинъ полусвѣта, которыя въ наше время поглощаютъ десятки и сотни тысячъ, тогда въ Петербургѣ не существовало. Раза два-три въ зиму молодежь выспихъ кружковъ общества ѣздила на тройкахъ, безъ дамъ, въ излюбленный въ то время «Красный Кабачекъ», гдѣ производились попойки, по большей части, исключительно шампанскимъ. Кучерамъ и лакеямъ, на господскій счетъ, подавались на кухнѣ чай, ужинъ и водка. Таковы были несложныя увеселенія тогдашней золотой молодежи.

Въ Преображенскомъ полку отецъ мой служилъ до чина капитана и вышелъ въ отставку по очень оригинальной причинѣ. Онъ былъ посланъ, по высочайшему повелѣнію въ Крымъ, для набора рекрутъ въ Преображенскій полкъ. По окончаніи даннаго ему порученія, отецъ мой долженъ былъ представить рекрутъ могущественному любимцу Екатерины — Потемкину. Послѣдній остался очень доволенъ исполненіемъ порученія и велѣлъ отцу моему явиться къ нему на другой день, дабы объяснить, какъ именно онъ производилъ вербовку рекрутъ. Отецъ явился въ назначенное время и подходилъ съ радужнымъ лицомъ къ свѣтилу свѣтилъ, какъ вдругъ Потемкинъ жестомъ руки остановилъ его.

— Послушайте, г. офицеръ, на что похожи вы?! Вы не гвардеецъ, а веряха!

Что же оказалось? — у отца съѣхала съ сапога штифель-манжета.

Отецъ, оскорбленный этимъ диктаторскимъ замѣчаніемъ, на другой же день подалъ прошеніе объ отставкѣ и былъ уволенъ отъ службы съ производствомъ въ бригадиры (чинъ, соотвѣтствующій рангу статскаго совѣтника). Молодой бригадиръ немедленно покинулъ Петербургъ и поселился въ своемъ родномъ городѣ — Москвѣ-Бѣлокаменной.

Въ царствованіе императора Павла Петровича, отецъ мой не служилъ, посвятивъ все свое время, какъ онъ выражался, «окончанію недоконченнаго своего образованія»; онъ читалъ очень много, учился нѣмецкому языку, занимался исторіей и философіей, глоталъ съ жадностію творенія энциклопедистовъ (бывшихъ тогда въ большой модѣ), училъ самъ грамотѣ крѣпостныхъ своихъ дворовыхъ людей и выдавалъ прилежнѣйшимъ изъ нихъ награды. Все лѣто онъ проводилъ въ подмосковномъ своемъ имѣніи, гдѣ составилъ себѣ богатую бібліотеку, тысячу въ пять томовъ, которая ча-

стию сгорѣла, а частію была растаскана во время Отечественной войны 1812 года.

Въ началѣ царствованія императора Александра Павловича, отецъ мой былъ избранъ въ московскіе уѣздные предводители дворянства. Въ этой должности онъ находился во все продолженіе Отечественной войны и выѣхалъ изъ Москвы въ одну заставу, когда въ другую, въ то же самое время, въѣзжалъ въ Москву, со своимъ многочисленнымъ разношерстнымъ штабомъ и войскомъ, императоръ Наполеонъ I.

Ненависть отца моего къ «Бонапартишкѣ» (какъ онъ называлъ Наполеона) не имѣла границъ, и когда произносили имя «узурпатора», онъ изъ самаго добродушнаго, сердечнаго человѣка превращался въ лютаго звѣря. У отца были двѣ собаки: одна прозывалась Жозефинкой, а другая Наполеонкой; такимъ невиннымъ выраженіемъ негодованія къ Наполеону онъ успокоивалъ себя. До мозговъ костей легитимистъ, онъ не могъ допустить мысли, чтобы, кромѣ законнаго наследника, родившагося на престолѣ, могъ кто нибудь другой занять этотъ престолъ. «Наслѣдственный монархъ (говорилъ онъ) не можетъ быть пристрастенъ, не можетъ никого ненавидѣть уже потому, что по своему положенію не можетъ имѣть личныхъ враговъ. Законному монарху не для чего хитрить и лукавить; между тѣмъ какъ узурпаторы, прежде всего, принуждены платить жирно тѣмъ, которые помогали имъ сѣсть на престолъ. Они по неволѣ должны лгать и обманывать народъ. Всѣ узурпаторы мошенники, проходимцы, грабители и воры»...¹⁾.

Государь Александръ Павловичъ любилъ и уважалъ отца и всегда, когда пріѣзжалъ въ Москву, удостоивалъ его приглашеніями на неофициальные обѣды.

Послѣ предводительства, отецъ былъ назначенъ членомъ комиссіи строеній, существовавшей въ то время въ Москвѣ, а затѣмъ сенаторомъ, въ каковомъ званіи и остался до самой кончины.

По инициативѣ его и по его настоянію, когда онъ былъ членомъ комиссіи строеній, уничтожена была грязная рѣченка, обмывавшая стѣны Кремля, и на ея мѣстѣ разбиты были три сада, которые носили названіе «Кремлевскихъ садовъ» (кажется, теперь называются Александровскими).

При моемъ отцѣ построенъ былъ московскій Большой театръ. По случаю этой постройки, считаю нелишнимъ упомянуть о курьёзномъ эпизодѣ, сопровождавшемъ окончательную отдѣлку этого театра.

Ко дню его освященія и открытія долженъ былъ прибыть въ Москву государь Александръ Павловичъ. Между тѣмъ, подрядчикъ

¹⁾ Подлинныя слова изъ оставшейся послѣ него памятной книжки.

медлил отдѣлкой театра подъ разными предлогами. Это взбѣсило моего отца, и онъ распорядился болѣе чѣмъ энергически, чтобы заставить подрядчика окончить принятую имъ обязанность къ прибытію государя: онъ велѣлъ привязать подрядчика къ трубѣ, на крышѣ театра, и объявилъ ему, что не отпуститъ его съ крыши до тѣхъ поръ, пока отдѣлка театра не будетъ окончена къ приѣзду государя. Черезъ два дня подрядчикъ исполнилъ великолѣпно принятую имъ, по контракту, обязанность, и театръ былъ готовъ къ назначенному сроку.

Государь, узнавъ объ оригинальномъ способѣ, употребленномъ отцомъ моимъ, относительно исполненія подрядчикомъ принятыхъ имъ на себя обязанностей, какъ будто бы разсердился, но потомъ смѣялся до упаду и неоднократно вспоминалъ объ этомъ при свиданіяхъ съ отцомъ, присовокупляя:

— Ты, Александръ Александровичъ, истый татаринъ, для тебя законы не писаны!

Отецъ мой, до глубокой старости, былъ очень красивъ собою и по привычкамъ, манерамъ, образу мыслей, походилъ на французскаго маркиза XVIII столѣтія. Садился онъ за столъ не иначе, какъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, всегда напудренный, съ кружевнымъ жабо, выходящимъ изъ-за жилета. Въ два часа, ежедневно, онъ уже возвращался изъ сената домой, садился въ большое кресло близь угольнаго окна нашего дома и тотчасъ же приказывалъ читать себѣ газеты: «Московскія Вѣдомости», «Journal de Francfort» и «Débats». Чтеніе оканчивалось ровно въ три часа, въ ту минуту когда дворецкій докладывалъ, что «кушанье поставлено». Къ обѣду ежедневно приѣзжали друзья и пріятели отца, изъ которыхъ каждый имѣлъ свой jour fixe. Меньше 15—16 человекъ, на сколько я помню, у насъ никогда не садилось за столъ, и обѣдъ продолжался до 6-ти часовъ. За симъ всѣ разъѣзжались, а отецъ отправлялся въ англійскій клубъ, гдѣ обязательно игралъ шесть робберовъ въ вистъ.

Наканунѣ кончины своей (отцу было далеко за 80 лѣтъ) онъ былъ въ клубѣ и, возвратившись домой, по обыкновенію, въ 11 часовъ вечера, объявилъ, что чувствуетъ себя очень дурно и полагаетъ, что завтра умретъ. Слова его сбылись: на другой день, въ 4 часа по полудни, онъ скончался безъ всякихъ страданій, угасши какъ свѣча.

II.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.—Его наружность и костюмъ.—Церемонность баснописца.—Его мнѣніе о басняхъ.—Визитъ его къ дѣтямъ.—Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ.—Щедрость его.—Его костюмъ и экипажъ.—Обычное начало разговоровъ.—Любовь Юсупова ко всему изящному.—Гаврило-мѣняла.—Сынъ Юсупова.—Домашній багетъ и балерини.—Великопостный балетный представленія.—Танцовщица Воронина-Иванова.—Мнѣніе Юсупова о своемъ сынѣ.—Кончина его.

Перейду къ плеядѣ друзей, пріятелей и знакомыхъ моего отца, образы которыхъ врѣзались въ моей памяти съ младенчества. Большая часть изъ нихъ принадлежала тоже къ XVIII столѣтію и носила на себѣ отпечатокъ этой эпохи, какъ по внѣшности, такъ и по образу мыслей.

Начну съ Ивана Ивановича Дмитріева, извѣстнаго баснописца, бывшаго когда-то министромъ юстиціи и поселившагося въ Москвѣ «ради спокойствія», какъ онъ выражался.

Наружность И. И. Дмитріева была довольно оригинальна: всегда въ свѣтло-коричневомъ или въ свѣтло-синемъ фракѣ съ свѣтлыми металлическими пуговицами, въ рыжемъ парикѣ огромныхъ размѣровъ, съ завитыми буклями въ три яруса, въ коротенькихъ панталонахъ въ обтяжку, въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ золотыми пряжками. Говорилъ онъ басомъ, очень плавно и протяжно, подчеркивая слова, на которыя ему хотѣлось обратить вниманіе слушателей.

Иванъ Ивановичъ былъ жестокой формалистъ, вѣжливъ и церемоненъ до-нельзя; со мной и съ моимъ братомъ, 12-ти—13-ти-лѣтними дѣтьми, говорилъ тоже очень серьезно, и когда однажды гувернеръ нашъ, французъ Феспотъ, хотѣлъ похвастаться знаніями воспитанниковъ своихъ и заставилъ насъ продекламировать басни Лафонтена, Флорьяна и Крылова, Дмитріевъ очень внушительно, но съ этимъ вмѣстѣ церемонно замѣтилъ, что «наизусть учить басни, если ему дозволятъ такъ выразиться, не вполне достигаетъ научно-воспитательныхъ цѣлей, потому что басни пишутся вообще не для дѣтей, а для взрослыхъ». Между тѣмъ, для того, вѣроятно, чтобы смягчить свое мнѣніе, ради наставника, онъ очень похвалилъ меня за прочитанную мною басню «Le paysan du Danube», что доставило мнѣ большое удовольствіе и вслѣдствіе чего я искренно полюбилъ Ивана Ивановича. Вспоминая объ этомъ, я убѣдился, что лести имѣетъ великое значеніе въ жизни человѣка, такъ какъ дѣйствуетъ даже на неиспорченныя натуры,—на натуры, не подвергавшіяся еще вліянію плѣсени моря житейскаго.

Лафонтена и Крылова онъ называлъ геніальными писателями, но, по слабости, врожденной всякому человѣку, неоднократно гова-

риваль, что басня «Дубъ и Трость» удалась ему, Дмитріеву, гораздо лучше, чѣмъ Крылову, и въ особенности хвастался своимъ концомъ этой басни—счастливой антитезой.

До какой степени Иванъ Ивановичъ любилъ церемонность, доказываетъ слѣдующій, мнѣ чрезвычайно памятный, случай. Однажды, отецъ мой какъ-то заболѣлъ (что съ нимъ случилось очень и очень рѣдко, не взирая на преклонныя лѣта) въ одно время съ Дмитріевымъ и, не имѣя возможности выѣхать, послалъ меня и брата съ гувернеромъ къ Ивану Ивановичу, чтобы узнать о его здоровьѣ. Дмитріевъ принялъ насъ очень ласково, подарилъ намъ по экземпляру своихъ басенъ, напоилъ шоколадомъ и на прощаньѣ, передавая намъ по фунту конфетъ, очень благодарилъ за доставленное ему удовольствіе нашимъ визитомъ. Недѣли двѣ спустя, находясь въ классной комнатѣ, выходящей окнами на дворъ, мы увидѣли въѣзжавшую карету, запряженную четверкою цугомъ, подѣзжающую къ маленькому нашему подъѣзду. Это былъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, который пріѣхалъ отдать намъ, 12-ти-лѣтнимъ дѣтямъ, визитъ. Отецъ, войдя въ это время въ нашу комнату и увидя Дмитріева, очень смѣялся надъ его церемонностью, но тотъ чрезвычайно серьезно сказалъ ему:

— Не смѣйся, другъ мой, что я отдаю визитъ твоимъ дѣтямъ; я рабъ приличій и совѣтую юношамъ придерживаться всегда тѣхъ же правилъ.

У Дмитріева была великолѣпная библіотека въ его воистинну барскомъ, хотя и небольшомъ домѣ, въ переулкѣ (не помню названія) около Тверской. Домъ этотъ, съ прелестнымъ садомъ, огражденнымъ чугуною рѣшеткою, принадлежитъ теперь Волкову, содержанию банкирской конторы.

Дмитріевъ скончался въ Москвѣ, въ очень преклонныхъ лѣтахъ.

Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, закадычный другъ покойнаго отца моего, былъ, въ полномъ смыслѣ слова, вельможа старыхъ временъ. Я помню его, когда ему было уже лѣтъ подвосьмьдесятъ; онъ занималъ тогда мѣсто предсѣдателя кремлевской экспедиціи—постъ, считавшійся въ то время весьма почетнымъ. Князь Юсуповъ когда-то состоялъ нашимъ посланникомъ при неаполитанскомъ дворѣ и оставилъ по себѣ въ Неаполѣ завидную память: его любили и уважали всѣ, начиная отъ короля и кончая бѣднымъ, нуждающимся населеніемъ, которому онъ всегда помогалъ чрезвычайно щедрою рукою. Въ Москвѣ онъ уже былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ перваго класса, съ лентою Андрѣя Первозваннаго, съ брилліантовымъ эполетомъ на одномъ плечѣ—съ отличіемъ, котораго, кажется, никто не имѣлъ никогда,—никто, кромѣ него, ни прежде, ни послѣ.

Князь Н. Б., изъ своего присутствія, находившагося въ Кремль, почти ежедневно заѣзжалъ къ намъ, по дорогѣ въ свой домъ, въ Харитоньевскомъ переулкѣ (нынѣ рабочей домъ!!). Юсуповъ ѣздилъ всегда въ четырехмѣстномъ ландо, запряженномъ четверкой лошадей, цугомъ, съ двумя гайдуками на запяткахъ и любимымъ калмыкомъ на козлахъ подлѣ кучера. Костюмъ обычный князя Николая Борисовича былъ свѣтлый, синій фракъ, съ бархатнымъ воротникомъ; на головѣ напудренный парикъ съ косичкой, оканчивавшейся чернымъ бантомъ, въ видѣ кошелька. Его сопровождала постоянно левретка, лежавшая въ каретѣ, противъ него, на подушкѣ, съ золотымъ ошейникомъ на шеѣ. Юсупова почти выносили изъ кареты его гайдуки, и когда онъ входилъ въ комнату, то шмыгаль ногами по полу и кашлялъ такъ громко, что его можно было слышать чрезъ три-четыре комнаты, вслѣдствіе чего мать моя выходила изъ маленькой гостиной въ столовую, гдѣ всегда сидѣлъ въ это время мой отецъ, и Юсуповъ подходилъ къ ней, по обычаю, къ ручкѣ. За симъ старики обнимались, и Юсуповъ начиналъ разговоръ съ отцомъ обычною фразой: «Да, любезный другъ, а плохо старикамъ жить на свѣтѣ — и климатъ-то измѣнился, и силы-то не тѣ, да, признаться, и скучновато». И эта фраза повторялась изо дня въ день, и оба старика находили ее вполне естественной.

Хорошо образованный для своего времени (о воспитаніи, о которомъ нынче мало думаютъ, и говорить нечего — оно было образцовое), безконечно щедрый, Юсуповъ любилъ покровительствовать художникамъ, людямъ, которыхъ онъ находилъ даровитыми, какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ. Въ натурѣ его была жилка любви ко всему хорошему, ко всему изящному, ко всему умному.

Вотъ, между прочимъ, одинъ изъ случаевъ, обрисовывавшій характеръ Юсупова.

Однажды, когда онъ возвращался домой изъ своего кремлевскаго присутствія и ѣхалъ по площади близъ памятника Минина и Пожарскаго, у кареты его сломалась рессора, и онъ вынужденъ былъ вѣйдти изъ экипажа. У пьедестала памятника разложилъ свой товаръ мальчикъ-букинистъ, къ которому и подошелъ Юсуповъ. Князь вступилъ въ разговоръ съ юнымъ продавцемъ книжнаго товара, который оказался очень бойкимъ и умнымъ малымъ. Букинисту этому Юсуповъ велѣлъ прійти на другой день къ себѣ и далъ ему денегъ, чтобы нанять помещеніе для книжной торговли и для покупки товара. До конца своей жизни, князь Юсуповъ помогалъ букинисту Волкову, который разбогатѣлъ въ очень короткое время, а впослѣдствіи открылъ магазинъ старинныхъ вещей, которыми бойко торговалъ, не имѣя себѣ конкурентовъ въ Москвѣ, кромѣ Лухманова, нажившаго себѣ тоже состояніе мѣною, покупкою и продажею старыхъ вещей. Волковъ былъ извѣ-

стенъ въ Москвѣ подь именемъ Гаврилы-мѣнялы, занимался впоследствии дѣлами сына князя Николая Борисовича Юсупова, Бориса Николаевича, который давалъ деньги подь залогъ недвижимыхъ имуществъ за крупные проценты. Гаврило-мѣняла оставилъ послѣ себя на столько значительное состояніе, что дѣти его открыли банкирскія конторы въ Москвѣ и Петербургѣ.

Юсуповъ любилъ театръ и въ особенности балетъ. Въ Хари-тоньевскомъ переулкѣ, напротивъ занимаемаго имъ дома, находился другой принадлежащій ему же домъ, окруженный высокою каменною стѣною, въ которомъ помѣщался Юсуповскій сераль съ 15—20-ю его дворовыми наиболѣе миловидными дѣвками. Этихъ дѣвицъ Юсуповъ обучалъ танцамъ; уроки давалъ имъ извѣстный танцмейстеръ Гогель. Великимъ постомъ, когда прекращались представленія на императорскихъ театрахъ, Юсуповъ приглашалъ къ себѣ закадычныхъ друзей и пріятелей на представленія своего крѣпостнаго корь-де-балета. Танцовщицы, когда Юсуповъ подавалъ извѣстный знакъ, спускали моментально свои костюмы и являлись предъ зрителями въ «природномъ» видѣ, что приводило въ восторгъ стариковъ-любителей всего изящнаго.

Но, кромѣ крѣпостныхъ балеринъ, Юсуповъ, до кончины своей, содержалъ знаменитую танцовщицу Воронину-Иванову, которую, въ бенефисъ ея, награждалъ рѣдкими брилліантами.

Вообще, князь Николай Борисовичъ Юсуповъ былъ самый страстный, самый постоянный любитель женской красоты, въ разнообразнѣйшихъ ея воплощеніяхъ и типахъ.

Князь Юсуповъ хотя и былъ женатъ, но не жилъ съ женою, отъ которой имѣлъ сына, князя Бориса Николаевича, извѣстнаго всему Петербургу самодура, далеко не наследовавшаго ни умомъ, ни щедростію, ни благородными порывами своего отца. Сына своего князь Николай Борисовичъ терпѣть не могъ и говорилъ всегда про него: «*Ce gros benêt a la nature d'un maigre commerçant.*»

Юсуповъ умеръ въ Москвѣ, въ 1832 году, во время первой свирѣпствовавшей тамъ холеры.

III.

Сергій Львовичъ Пушкинъ. — Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. — Ихъ взаимныя отношенія. — Впечатлѣніе на меня А. С. Пушкина. — Ольга Алексѣевна и смородиновая наливка. — Матвѣй Михайловичъ Солнцевъ и стихи Пушкина на него. — Князь Д. М. Волконскій. — Результаты чтенія имъ стиховъ Пушкина. — Волконскій и индѣйка Солнцева. — П. Я. Чаадаевъ. — Его недовольство и за сямъ предписанное сумашествіе. — Характеръ Чаадаева. — Его кончина.

Въ настоящихъ воспоминаніяхъ я не придерживаюсь никакого систематическаго порядка: они писались по мѣрѣ того, какъ воспоминанія мои воспроизводили образы лицъ, которыхъ я видѣлъ и

зналъ; я не допускаю возможности, въ воспоминаніяхъ, послѣдовательности изложенія, такъ какъ послѣдовательность требуетъ подготовки, а подготовка сама собою ведетъ къ дѣланности, то есть къ невольной фальши. Я, въ этихъ очеркахъ, являюсь не живописцомъ, а фотографомъ.

Оговорившись, продолжаю.

Въ числѣ коротко знакомыхъ, не коренныхъ москвичей, а заѣзжихъ, бывали у насъ Сергѣй Львовичъ Пушкинъ и сынъ его, Александръ Сергѣевичъ. Внѣшность перваго не допускала и мысли о присутствіи въ жилахъ его даже капли африканской, «ганнибаловской» крови, которою такъ гордился знаменитый сынъ его; это былъ человекъ небольшого роста, съ проворными движеніями, съ носикомъ въ родѣ клюва попугая. Онъ постоянно пѣтушился, считалъ себя, неизвѣстно почему, аристократомъ, хвасталъ своимъ сыномъ (всегда въ отсутствіе послѣдняго), котораго не любилъ. Когда, бывало, батюшка столкнется у насъ съ сыномъ, у нихъ непремѣнно начнутся пререканія, споры, даже ссоры, если Сергѣй Львовичъ задумаетъ сдѣлать сыну какое нибудь замѣчаніе о необходимости поддержанія родственныхъ связей и связей свѣта. Ссоры эти заходили иногда такъ далеко, что отецъ мой находилъ нужнымъ останавливать ссорившихся и, пользуясь почтенными своими годами, давалъ крѣпкую нотацию отцу и сыну, говоря первому, что онъ не кстати чопоренъ, а второму, что «порядочному человеку, хотя бы и даже генію стихотворства, слѣдуетъ всегда уважать своего отца».

Я долженъ сознаться, что великій нашъ поэтъ оставилъ во мнѣ, какъ ребенкѣ, самое непріятное впечатлѣніе: бывало пріѣдетъ къ намъ и тотчасъ отправится въ столовую, гдѣ я съ братомъ занимался рисованіемъ глазъ и носовъ, или складываніемъ вырѣзныхъ географическихъ картъ: Пушкинъ, первымъ дѣломъ, находилъ нужнымъ испортить намъ наши рисунки, нарисовавъ очки на глазахъ, нами нарисованныхъ, а подъ носами черныя пятна, говоря что теперь у всѣхъ насморкъ, а потому безъ этихъ «капель» (черныхъ пятенъ) носы не будутъ натуральны. Если мы занимались складными картами, А. С. непремѣнно переломаетъ бывало кусочки и въ заключеніе ущипнетъ меня, или брата, довольно больно, что заставляло насъ кричать. За насъ обыкновенно заступалась «дѣвица изъ дворянъ» Ольга Алексѣевна Борисова, завѣдывавшая въ домѣ чайнымъ хозяйствомъ и необыкновенно хорошо приготовлявшая ягодныя наливки. Она говорила Пушкину, что такъ поступать съ дѣтьми нельзя и что пожалуется на него «господамъ».

Тутъ Пушкинъ принимался лстять Ольгѣ Алексѣевнѣ, цѣловалъ у нея ручку, превозносилъ искусство ея приготовлять наливки чуть не до небесъ, и дѣло кончалось тѣмъ, что старуха смягчалась, прощала «шалопуту», какъ она его называла, и, обра-

тивъ гѣвъ на милость, угощала Пушкина смородиновкой, которую онъ очень любилъ.

Ни одинъ прїѣздъ къ намъ Александра Сергѣевича не проходилъ безъ какой нибудь съ его стороны злой шалости.

Какъ теперь помню, 1-го мая, когда къ намъ, по случаю гулянья въ Сокольникахъ, собирались всегда друзья и завсегдатаи отца на обѣдъ съ рубцами, а менѣе знакомые гости вечеромъ, чтобы смотрѣть изъ нашихъ оконъ на проѣзжающихъ, явился на обѣдъ Александръ Сергѣевичъ. Прїѣхали тоже обѣдать: Матвѣй Михайловичъ Солнцева¹⁾, женатый на родной теткѣ Пушкина, Аннѣ Львовнѣ, князь Дмитрій Михайловичъ Волконскій²⁾, который страшно заикался, М. А. Салтыковъ, П. Я. Чаадаевъ и другіе охотники до разсолника съ рубцами. Пушкинъ, передъ обѣдомъ, отвелъ въ сторону Волконскаго и передалъ ему только-что написанные имъ стихи на Солнцева, прося его прочесть ихъ за обѣдомъ.

Стихи эти начинались такъ:

«Быль да жилъ пѣтухъ индѣйскій,
Онъ цапль руку предложилъ,
При дворѣ взялъ чинъ лакейскій
И въ супружество вступилъ».

Слѣдуетъ замѣтить, что Солнцева былъ дѣйствительно похожъ на индѣйскаго пѣтуха: толстый, постоянно пыхтѣвшій, чванный и вѣчно всѣмъ недовольный, онъ спорилъ, что называется, «до ризъ положенія».

Когда съѣли жаркое и подали сладкое, Волконскій вынулъ изъ кармана стихи Пушкина и сталъ читать ихъ, безпрестанно заикаясь и повторяясь. Эффектъ оказался грандіознымъ: сидящіе за столомъ, въ особенности Чаадаевъ, не могли удержаться отъ гомерическаго смѣха; даже нашъ французъ гувернеръ Феспотъ, не взирая на природную ему серьезность и обязательную «комъ-нль-фотность», не вытерпѣлъ и, желая запить смѣхъ, поперхнулся и брызнулъ краснымъ виномъ на свою тарелку.

Солнцева побагровѣлъ отъ злости и всталъ изъ-за стола. Отецъ мой и мать съ большимъ трудомъ успокоили Солнцева, котораго въ другой комнатѣ долго отпоявали холодной водой съ сахаромъ и флёръ-д'оранжемъ. Пушкинъ въ это время улетучился, очень

¹⁾ Солнцева имѣлъ чинъ коллежскаго совѣтника, былъ камергеромъ и при-
служъ своей приказывалъ величать себя не иначе какъ «ваше превосходительство».

²⁾ Отставной генераль-лейтенантъ, георгіевскій кавалеръ 3-й степени. Онъ получилъ особую извѣстность потому, что императоръ Павелъ Петровичъ далъ въ его распоряженіе одинъ корабль и приказалъ взять островъ Мальту, близъ котораго стоялъ англійскій флотъ. Волконскаго англичане взяли въ плѣнъ, и онъ оставался въ плѣну, по собственному желанію, во все время царствованія Павла Петровича.

довольный придуманнымъ имъ фарсомъ, чуть было не разыгравшимся крайне печально, потому что Солнцева долго хворалъ послѣ этого.

Напыщенный и чванный Солнцева былъ, сверхъ того, очень скупъ. Однажды онъ пригласилъ къ себѣ обѣдать обычныхъ пріятелей и въ томъ числѣ князя Волконскаго, случайно завтракавшаго у него наканунѣ. Во время обѣда подали какой-то соусъ изъ индѣйки. Волконскій всталъ и началъ кланяться блюду, говоря: «ахъ, старая, вчерашняя знакомая! Мое нижайшее почтеніе!»

Въ другой разъ Волконскій, у того же Солнцева, подозвалъ къ себѣ служащаго за обѣдомъ слугу, передалъ ему кусокъ хлѣба и сказалъ: «Послушай, любезный, подай мнѣ настоящій кусокъ хлѣба по этому образцу!» Но Солнцева не смѣлъ сердиться на Волконскаго, потому что тотъ былъ, въ свою очередь, очень зубастъ.

Солнцева привезъ къ намъ въ домъ и рекомендовалъ, «какъ замѣчательнаго по независимому уму человѣка», Петра Яковлевича Чаадаева, извѣстнаго сочинителя письма о Россіи, познакомившагося у насъ съ Николаемъ Ивановичемъ Надеждинымъ, который бывалъ у насъ очень часто и котораго отецъ мой очень любилъ. Письмо Чаадаева, какъ извѣстно, было напечатано Надеждинымъ, послѣ цензурнаго пропуска Болдыревымъ, бывшимъ ректоромъ Московскаго университета. По напечатаніи письма, Надеждинъ былъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ, Болдыревъ отрѣшенъ отъ должности, а къ Чаадаеву, по приказанію государя Николая Павловича, пріѣзжалъ, втеченіе цѣлаго года, полицейскій врачъ, справлявшійся о состояніи его умственныхъ способностей, щупая ему пульсъ и заставляя высовывать языкъ, такъ какъ Чаадаева велѣно было признавать временно-сумасшедшимъ.

Чаадаевъ имѣлъ чрезвычайно пріятную наружность; манеры у него были французскаго аристократа старыхъ временъ. Онъ (говоря о времени, предшествовавшемъ его писательству) причислялъ себя къ числу недовольныхъ (въ сущности весьма невинныхъ въ ту эпоху). Недовольнымъ Чаадаевъ сдѣлался послѣ того, когда его исключили изъ офицеровъ Семеновскаго полка за то, что, ѣхавши изъ Петербурга въ Вѣну, гдѣ тогда находился государь Александръ Павловичъ, онъ опоздалъ и о волненіи Семеновскаго полка привезъ извѣстіе уже послѣ того, что Меттернихъ сообщилъ императору, на балѣ, самыя подробныя свѣдѣнія объ этомъ событіи.

Чаадаевъ постоянно и очень громко критиковалъ всѣ административныя распоряженія въ Россіи, считалъ себя непонятымъ правительствомъ и обществомъ, и на его вечера (послѣ понесенной имъ кáры) собирались съ большою охотою пріятели его изъ англійскаго клуба, рѣшавшіе въ то время самыя запутанные политическіе вопросы.

Чаадаевъ былъ отличнымъ діалектикомъ и говоря кусаль себя постоянно губы, вслѣдствіе чего онѣ у него, отъ времени до времени, распухали такъ, что ему нерѣдко приходилось (будучи уже официально несумасшедшимъ) обращаться къ доктору. Единственнымъ достойнымъ оппонентомъ Чаадаеву являлся Н. Ф. Павловъ (авторъ въ свое время производившихъ фуроръ «Трехъ повѣстей», впоследствии редакторъ-издатель журнала «Наше Время» и «Русскихъ Вѣдомостей»), который постоянно разбивалъ всѣ доводы Чаадаева и заставлялъ присутствующихъ соглашаться съ своимъ мнѣніемъ ¹⁾).

Петръ Яковлевичъ наружно дружилъ съ славянофилами, но когда таковыхъ на лицо не было, власть насмѣхался надъ ними, называя ихъ «закорузлыми тирольцами въ зипунахъ». Чаадаевъ былъ человекъ очень добрый и мягкосердечный, очень любилъ Грановскаго, которому, въ минуты жизни трудныя послѣдняго, какъ мнѣ достоверно извѣстно, помогалъ чрезвычайно щедро. Вся злость Чаадаева ограничивалась собственно словами, которыя онъ расточалъ всегда безъ мѣры. Петръ Яковлевичъ умеръ въ Москвѣ, оставивъ по себѣ самую добрую, сердечную память.

И. Арсеньевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ О Павловѣ я буду говорить ниже.

«истор. вѣсти.», январь, 1887 г., т. XXVII.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I И АВСТРІЙСКІЙ ДВОРЪ.

О ВНѢШНЕЙ политикѣ императора Николая сношенія съ Австріей имѣли преобладающее значеніе. Впродолженіе тридцатилѣтняго правленія этого государя, они подвергались неоднократнымъ измѣненіямъ. Съ недовѣріемъ относился онъ къ вѣнскому двору въ первыя семь лѣтъ своего царствованія; глубокое разочарованіе испыталъ въ послѣдній годъ жизни. За то цѣлыя двадцать лѣтъ пребывалъ онъ съ Австріею въ совершенномъ единомысліи и тѣсномъ союзѣ, на соглашеніи съ нею основалъ всю свою политическую систему.

Двадцатилѣтній періодъ этотъ начинается со дня перваго свиданія императора Николая съ императоромъ Францомъ, происшедшаго въ Мюнхенгретцѣ, въ Богеміи, осенью 1833 года. Заключился онъ посѣщеніемъ государемъ императора Франца-Иосифа въ Ольмюцѣ, осенью же 1853 года. Въ промежутокъ времени между двумя помянутыми сѣздами происходилъ цѣлый рядъ свиданій между монархами Россіи и Австріи и выдающимися членами обоеихъ императорскихъ домовъ. Замѣчательно, однако, что ни Францъ I, ни сынъ его Фердинандъ, ни разу не оплатили посѣщеній императору Николаю, и что первымъ австрійскимъ монархомъ, побывавшимъ въ Россіи послѣ Иосифа II, былъ императоръ Францъ-Иосифъ, пріѣзжавшій въ 1849 и 1853 годахъ въ Варшаву, и уже въ царствованіе покойнаго государя Александра Николаевича въ 1874 году въ Петербургъ.

При томъ дѣятельномъ участіи, которое императоръ Николай принималъ лично въ направленіи своей внѣшней политики, частыя поѣздки его въ Австрію имѣли большое вліяніе на упроченіе дружественныхъ связей, соединявшихъ нашъ дворъ съ австрийскимъ. Онѣ служили къ поддержанію преданій достопамятной эпохи войнъ за освобожденіе Европы и къ упроченію началъ, положенныхъ императоромъ Александромъ I въ основаніе священнаго союза. Началамъ этимъ императоръ Николай остался неизмѣнно вѣрнымъ, даже болѣе своего предшественника, и только подъ конецъ жизни убѣдился, что они служили вѣнскому двору лишь благовиднымъ предлогомъ для стѣсненія свободы дѣйствій Россіи на Востокѣ и въ то же время щитомъ отъ опасностей, угрожавшихъ Австріи со стороны запада; что, постоянно пользуясь нашими услугами, австрийскіе государственные люди и не помышляли о взаимствѣ; и что подъ выраженіями «общее благо», «общее дѣло» они исключительно разумѣли свои собственныя нужды и пользы.

Не было недостатка въ указаніяхъ на такое своекорыстное направленіе политики вѣнскаго двора и ранѣе, въ самый разгаръ нашей съ нимъ дружбы. Но именно личныя связи, завязанныя императоромъ Николаемъ съ австрийскими государями, при частыхъ свиданіяхъ съ ними, были причиною необыкновенной его снисходительности къ неисправимой подозрительности и зависти, искони питаемой и обнаруживаемой вѣнскимъ дворомъ по отношенію къ русской силѣ и могуществу. Не переставая дѣйствовать въ такомъ смыслѣ, князь Меттернихъ и преемники его въ завѣдованіи внѣшними сношеніями Габсбургской монархіи тщательно старались прикрывать неблаговидность своихъ дѣйствій личиною безусловнаго уваженія и безпредѣльной преданности къ особѣ императора Николая, указаніемъ на удобную ему охранительную систему, которой они придерживались въ своей внутренней политикѣ, наконецъ, выраженіемъ убѣжденія, до извѣстной степени искренняго, что только тѣсный союзъ трехъ могущественныхъ монарховъ въ состояніи поставить неодолимую преграду успѣхамъ международной революціи.

Независимо отъ этихъ соображеній, государю приходился по сердцу самый складъ австрийскаго двора, внутренній и внѣшній, преобладаніе въ немъ военно-аристократическаго элемента, традиціонное монархическое величіе въ соединеніи съ большою простотою ежедневнаго обихода и съ патріархальнымъ добродушіемъ въ отношеніяхъ къ подданнымъ монарха и всѣхъ членовъ его дома. При австрийскомъ дворѣ не было примѣси либерально-гражданскихъ элементовъ, которые получили доступъ къ прусскому, въ особенности со времени воцаренія короля Фридриха-Вильгельма IV, бывшаго въ душѣ гораздо болѣе ученымъ и художникомъ, чѣмъ вождемъ воинственнаго государства и народа. Этимъ объясняется, что, не смотря на отсутствіе прямыхъ родственныхъ связей между

русскимъ и австрійскимъ императорскими домами, — связей, возобновленію которыхъ препятствовала католическая нетерпимость габсбургско-лотарингской династіи ¹⁾, взаимныя ихъ отношенія не только не уступали въ дружественности и задушевности тѣмъ, которыя соединяли императора Николая съ его прусскими сродниками, но несравненно болѣе отражались на существѣ политическихъ дѣлъ.

Дѣйствительно, считая посѣщенія берлинскаго двора преимущественно семейнымъ дѣломъ, императоръ Николай всегда придавалъ поѣздкамъ своимъ въ Австрію государственное значеніе. Свиданія въ 1833 году въ Мюнхенгретцѣ, въ 1835 году въ Теплицѣ, въ 1849 году въ Краковѣ и Варшавѣ, даже въ 1853 году въ Ольмюцѣ, сопровождались дипломатическими совѣщаніями между министрами, находившимися въ свитѣ государей, и имѣли рѣшающее вліяніе на ходъ историческихъ событій. Они являются въ исторіи какъ бы продолженіемъ эпохи конгрессовъ, созданной Александромъ I и прерванной его преемникомъ въ первые годы своего царствованія, и знаменуютъ возвращеніе Россіи къ преданіямъ священнаго союза. Съ этой точки зрѣнія они заслуживаютъ внимательнаго изученія.

I.

Разладъ.

1825—1830.

Вѣсть о кончинѣ Александра Благословеннаго неожиданностью своею одинаково поразила Россію и Европу.

Въ ночь съ 1-го (13-го) на 2-е (14-е) декабря 1825 года, князь Меттернихъ получилъ отправленный съ нарочнымъ пакетъ отъ австрійскаго консула въ Варшавѣ. На пакетѣ была трижды повторена надпись: весьма нужное. Въ немъ заключалось извѣстіе о смерти императора всероссійскаго, послѣдовавшей 19-го ноября (1-го декабря) въ Таганрогѣ, послѣ непродолжительной болѣзни. Далѣе сообщалось, что извѣстіе пришло въ Варшаву 26-го (8-го) вечеромъ; что оно вызвало тамъ всеобщее уныніе; что никто не смѣетъ говорить о немъ въ слухъ и что цесаревичъ Константинъ Павловичъ не выходитъ изъ дворца ²⁾.

Нежданная вѣсть возбудила въ Вѣнѣ болѣе тревоги и безпокойства, чѣмъ печали. Объ императорѣ Александрѣ не жалѣли,

¹⁾ Единственный эрцгерцогъ, женатый на княжнѣ русскаго императорскаго дома, былъ палатинъ венгерскій Іосифъ, третій сынъ императора Леопольда II, вступившій въ первый бракъ съ великою княжною Александрю Павловною.

²⁾ Князь Меттернихъ Генцу, 10-го (22-го) декабря; Генцъ князю Гикѣ, 5-го (17-го) декабря 1825 года.

ожидая всякихъ благъ отъ его наслѣдника. Въ цесаревичѣ Меттернихъ признавалъ много ума, прямодушія и благородства, и самыя правильныя политическія взгляды и убѣжденія. Онъ допускалъ, что въ юности своей великій князь Константинъ проявлялъ чрезмѣрную пылкость характера, но находилъ, что съ годами въ немъ произошла значительная переиѣна къ лучшему, благодаря въ особенности вліянію княгини Ловичъ, морганатической супруги его высочества. «Политика его, — пророчествовалъ австрийскій канцлеръ, — будетъ положительно миролюбива. Умъ свой онъ направитъ къ двумъ главнымъ цѣлямъ: въ политикѣ — къ поддержанію монархическаго начала, въ администраціи — къ улучшенію внутренняго состоянія имперіи. Я очень ошибаюсь, или исторія Россіи начнется тамъ, гдѣ нынѣ окончился романъ». Оптимизмъ свой Меттернихъ основывалъ на увѣренности, что цесаревичъ «глубоко преданъ» одной только Австріи, ненавидитъ англичанъ, презираетъ французовъ и самую Пруссію считаетъ зараженною революціоннымъ духомъ¹⁾.

Но въ Европѣ давн о уже носились слухи о нежеланіи Константина наслѣдовать престолъ, о намѣреніи его отречься, и въ такомъ случаѣ преемникомъ Александра являлся второй братъ его, великій князь Николай. Вѣнскій дворъ недоумѣвалъ, чего слѣдовало ему ожидать отъ молодаго великаго князя и чего опасаться. Впрочемъ, въ отзывахъ о немъ проглядывало нѣкоторое предвзятое нерасположеніе и недоувѣріе. Въ Вѣнѣ осуждали страсть его къ военнымъ упражненіямъ, чрезмѣрную строгость, будто бы вызывавшую нелюбовь къ нему въ войскѣ. Удаленіе его отъ политики объясняли недостаткомъ таланта и склонности къ занятію государственными дѣлами. Сомнѣвались даже въ правильности его политическихъ воззрѣній, предполагая, что онъ подчиняется вліянію либеральнаго кружка, пріютившагося при берлинскомъ дворѣ подъ покровительствомъ двухъ принцессъ королевскаго дома, — кружка, среди котораго росла и воспитывалась великая княгиня Александра Феодоровна²⁾. Даже непогрѣшимый Меттернихъ не бралъ на себя предсказывать послѣдствія воцаренія великаго князя Николая³⁾. Но кто бы ни былъ преемникомъ Александра, кончину этого государя онъ признавалъ «событіемъ необъятнымъ въ своихъ необходимыхъ послѣдствіяхъ». «Новая эра начинается, — восклицалъ онъ, — умъ мой перенесся въ нее и живетъ въ ней»⁴⁾.

Изъ словъ этихъ легко заключить, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили въ Вѣнѣ за всѣми фазисами великодушной

¹⁾ Князь Меттернихъ барону Отенфельсу, 6-го (18-го) декабря 1825 года.

²⁾ Генцъ князю Гикѣ, 3-го (15-го) января 1826 года.

³⁾ Князь Меттернихъ барону Отенфельсу, 6-го (18-го) декабря 1825 года.

⁴⁾ Князь Меттернихъ графу Лебцельтерну, 10-го (22-го) декабря 1825 года.

борьбы августѣйшихъ братьевъ, уступавшихъ одинъ другому російскій императорскій престоль. Долго надѣялись тамъ на окончаніе ея въ пользу цесаревича. Извѣстно было, что армія и весь народъ, побуждаемые примѣромъ великаго князя Николая, принесли императору Константину присягу на вѣрность подданства. Однако, мѣстный нашъ посоль не торопился приведеніемъ къ присягѣ чиновъ посольства и русскихъ, находившихся въ австрійской столицѣ. Онъ даже приостановилъ богослуженіе въ посольской церкви, въ невѣдѣніи объ имени государя, подлежащемъ возглашенію на эктеніяхъ. Это, прочемъ, не мѣшало ему поддерживать въ Меттернихъ надежду на перемену въ намѣреніяхъ цесаревича, который отказомъ своимъ хотѣлъ де лишь испытать настроеніе русскаго общества и народа¹⁾.

25-го декабря (6-го января) узнали въ Вѣнѣ о вступленіи на престоль императора Николая и о беспорядкахъ въ Петербургѣ, сопровождавшихъ это событіе. Последнее обстоятельство заставило Меттерниха измѣнить свое мнѣніе о личности молодаго государя, и воцареніе его онъ привѣтствовалъ съ радостью. «Достойная сожалѣнія борьба окончена,—писалъ онъ,—и у насъ есть императоръ. Поздравляю съ нимъ Россію и Европу»²⁾. Австрійскому канцлеру очень понравился манифестъ, возвѣщавшій о воцареніи великаго князя: онъ назвалъ этотъ актъ «памятникомъ мудрости и мира». Не менѣе благоприятное впечатлѣніе произвелъ на него циркуляръ, въ которомъ графъ Нессельроде извѣстилъ пребывающихъ въ Петербургѣ представителей иностранныхъ дворовъ о твердомъ намѣреніи новаго государя строго придерживаться охранительныхъ началъ, установленныхъ его предшественникомъ и впродолженіе десяти лѣтъ обезпечившихъ миръ Европы. Независимо отъ того, русскому послу въ Вѣнѣ было предписано объявить князю Меттерниху, что его величество ничего столь не желаетъ какъ упроченія тѣсныхъ узъ, столь уже давно соединяющихъ оба императорскіе двора³⁾.

Меттернихъ спѣшилъ снискать расположеніе императора Николая, расточая ему похвалу и увѣренія въ политическомъ единомысліи. «Пріятно видѣть,—писалъ канцлеръ австрійскому представителю при нашемъ дворѣ,—могущественнаго государя, вступающаго такъ спокойно и съ такими правильными основными началами на трудную стезю, предопредѣленную ему Провидѣніемъ». Упомянувъ объ энергіи и рѣшимости, проявленныхъ государемъ

¹⁾ Князь Меттернихъ барону Нейману, 20-го декабря 1825 года (1-го января 1826 года).

²⁾ Князь Меттернихъ барону Нейману, 26-го декабря 1825 года (7-го января 1826 года).

³⁾ Князь Меттернихъ графу Лебдельтерну, 29-го декабря 1825 года (10-го января 1826 года).

въ самый день восшествія на престолъ, Меттернихъ замѣчалъ, что «подобное событіе и поведеніе такого рода равносильны нѣсколькимъ годамъ царствованія». Возмущеніе 14-го (26-го) декабря онъ называлъ дѣломъ немаловажнымъ и находилъ, что отвѣтственность за него падаетъ главнымъ образомъ «на двухъ братьевъ, Александра и Константина, которые, не умѣя найдти совѣта въ самихъ себѣ, должны были бы обратиться за нимъ къ людямъ способнымъ устроить великое и важное дѣло способомъ, указаннымъ самымъ простымъ государственнымъ смысломъ». Подъ такими людьми австрийскій министръ, очевидно, подразумѣвалъ самого себя. Возвращаясь къ происшествіямъ 14-го (26-го) декабря, онъ выражалъ надежду, что слѣдствіе раскроетъ главныхъ руководителей бунта и что «лица во фракѣ», о которыхъ упоминалъ въ своемъ циркулярѣ графъ Нессельроде, наведутъ правительство на слѣды революціонныхъ вліяній. Для борьбы съ ними Россія не можетъ обойтись безъ австрийской помощи ¹⁾. Въ доказательство канцлеръ еще ранѣе ссылался на либеральныя газеты, постоянно связывавшія де его собственное имя съ именемъ императора Александра. «Либералы, — утверждалъ онъ, — предупреждаютъ такимъ образомъ его преемника, чтобы онъ не отдѣлялся отъ человѣка, съумѣвшаго бороться съ ними, ибо я сильно сомнѣваюсь, чтобы русскій императоръ могъ когда либо стать добрымъ республиканцомъ? Если бѣднѣй Александръ не совершилъ бы грѣховъ въ своей молодости, а въ зрѣломъ возрастѣ ему не недоставало бы «кое-чего», какъ говорилъ о немъ Наполеонъ, то что случилось бы нынѣ съ современнымъ либерализмомъ» ²⁾?

Въ такомъ именно смыслѣ даны были наставленія эрцгерцогу Фердинанду Эсте, отправленному въ Петербургъ присутствовать при погребеніи императора Александра и привѣтствовать молодого государя со вступленіемъ на престолъ. Онъ былъ, сверхъ того, снабженъ пространномъ изложеніемъ воззрѣній вѣнскаго двора на восточныя замѣшательства, на тотъ конецъ, если бы императоръ Николай обратился къ нему за совѣтомъ по этому насущному вопросу ³⁾. Эрцгерцогу былъ оказанъ у насъ почетный и радушный приемъ. Онъ былъ введенъ въ тѣсныя семейныя кружокъ, собиравшіяся вокругъ молодой императрицы. Государь самымъ положительнымъ образомъ увѣрилъ его, что по отношенію къ Западу намѣренъ слѣдовать политикѣ своего предшественника, считая себя связаннымъ принятыми имъ обязательствами; что онъ оста-

¹⁾ Князь Меттернихъ графу Лебцельтерну, 29-го декабря 1825 (10-го января 1826) года.

²⁾ Князь Меттернихъ барону Нейману, 20-го декабря 1825 (1-го января 1826) года.

³⁾ Меморандумъ князя Меттерниха, озаглавленный: «Историческое изложеніе восточнаго вопроса», 24-го декабря 1825 (5-го января 1826) года.

неться вѣренъ охранительнымъ началамъ священнаго союза и будетъ въ особенности поддерживать дружбу съ Австріею. Но при этомъ не было и рѣчи о совѣщаніяхъ какъ по внутреннимъ дѣламъ, такъ и по восточному вопросу. И то и другое государь считалъ своимъ, домашнимъ, русскимъ дѣломъ, вмѣшательства въ которое онъ не допускалъ даже со стороны ближайшихъ своихъ союзниковъ. Отъ вниманія лицъ, сопровождавшихъ эрцгерцога, не скрылось также, что, постоянно выражая самыя дружественныя чувства къ императору Францу, молодой императоръ совершенно умалчивалъ о Меттернихѣ. Имъ скоро стало извѣстно, что государь питаетъ личное нерасположеніе къ этому министру, котораго онъ считалъ главною причиною неискренняго и даже прямо враждебнаго намъ поведенія вѣнскаго двора въ переговорахъ по восточнымъ дѣламъ, происходившихъ въ послѣдніе годы Александровскаго царствованія¹⁾.

Объ этомъ не замедлилъ узнать и самъ Меттернихъ, котораго такое извѣстіе крайне встревожило. Пользуясь продолжительнымъ пребываніемъ въ Россіи принца Гессенъ-Гамбургскаго, австрійскаго чрезвычайнаго посла на коронаціи государя, канцлеръ поручалъ ему при удобномъ случаѣ выяснить недоразумѣніе. «Императоръ Николай,—писалъ онъ принцу,—обладаетъ сильнымъ характеромъ, прозорливъ, принципы его безупречны и лично онъ вполне довѣряетъ императору, нашему повелителю». «Но,—оговаривался Меттернихъ,—относительно меня онъ питаетъ выдающееся недовѣріе», и старался объяснить это тѣмъ, что «императоръ Николай одинокъ, и еще не встрѣтилъ человѣка, который послужилъ бы ему опорой столь полезною для всякаго государя, какъ и вообще для всякаго дѣловаго человѣка, въ качествѣ твердаго и вѣрнаго исполнителя его воли». Нерасположеніе русскаго императора Меттернихъ приписывалъ проискамъ нѣкоторыхъ изъ русскихъ дипломатовъ, преимущественно Поццо-ди-Борго и Ливена. «Неприятное обстоятельство,—разсуждалъ онъ,—много способствовало враждебному настроенію молодаго государя относительно меня. Когда перешло къ нему по наслѣдству это восточное дѣло, которое столь печальнымъ образомъ ведетъ русскій дворъ въ продолженіе болѣе пяти лѣтъ, государственнымъ людямъ, занимавшимся означеннымъ дѣломъ до того времени, представилась необходимость взвалить отвѣтственность за свои ошибки на иностранную державу, враждебную Россіи. Такъ и случилось. Но въ подобномъ положеніи всегда представляется враждебно именно та держава, которая была права съ самаго начала. Держава эта я, какъ вполне доказано нынѣ. Лишь только императоръ вступилъ на путь, издавна

¹⁾ См. письма графа Клама-Моримница къ князю Меттерниху, изъ Петербурга въ январѣ и февралѣ 1826 года.

указанный мною, какъ тотъ, по коему нужно идти неуклонно, онъ достигнулъ результата, котораго не желалъ ни одинъ изъ прежнихъ совѣтниковъ императора Александра. Но въ ту самую минуту, когда новый императоръ громко выразилъ свои намѣренія, презрѣнная партія, желавшая ввести его въ заблужденіе, принялась изыскивать новыя средства, и средства эти были тотчасъ же предложены Англіею. Такова въ дѣйствительности исторія настоящаго времени... Мы дожили нынѣ,—заключалъ Меттернихъ,—до торжественной минуты, которая рѣшитъ все. Мы увидимъ, согласится ли нѣтъ Россія съ Англіею, для содѣйствія дѣлу революцій. Мои личныя отношенія къ русскому двору тѣсно связаны съ рѣшеніемъ этого вопроса¹⁾.

Какъ видно, дѣло уже шло не о личныхъ только, а о политическихъ отношеніяхъ. Человѣку «слова», Меттерниху, не по сердцу приходилась политика «дѣла», сразу усвоенная императоромъ Николаемъ по отношенію къ восточному вопросу. Она пугала его своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ—упроченіемъ преобладающаго положенія Россіи на востокѣ. С.-Петербургскій протоколъ, Аккерманская конвенція, Лондонскій трактатъ, дѣятельное вмѣшательство трехъ союзныхъ державъ въ греко-турецкую распрю, наконецъ Наваринскій бой представлялись ему событіями чудовищными, ниспроверженіемъ основъ великаго охранительнаго союза, торжествомъ революціонныхъ началъ. Не въ одной только слабости обвинялъ онъ своего такъ долго покорнаго друга и наперсника, русскаго вице-канцлера. Мысли и слова Нессельроде онъ сравнивалъ со словами и мыслями Карно, Дантона и ихъ послѣдователей, «которые,—писалъ онъ въ докладѣ императору Францу,—тѣмъ не менѣе были раздавлены старыми и докучливыми принципами, и тоже случится съ графомъ Нессельроде и его родомонтадами. Весь вопросъ въ томъ: сколько вещей погибнуть прежде него и слабыхъ его сообщниковъ²⁾?»

Отношенія между дворами с.-петербургскимъ и вѣнскимъ охлаждались съ каждымъ днемъ и скоро дошли до состоянія крайняго напряженія. Отказъ послѣдняго приступить къ трактату по греческимъ дѣламъ, о которомъ велись въ Лондонѣ переговоры между Россіею, Англіею и Франціею, побудилъ насъ прямо заявить ему, что въ дѣлахъ этихъ взглядъ нашъ совершенно противоположенъ австрійскому³⁾. По мѣрѣ того, какъ положеніе усложнялось на востокѣ и война между нами и Портою становилась все болѣе и болѣе неизбѣжною, самъ императоръ Францъ находилъ, что задача

¹⁾ Князь Меттернихъ принцу Гессенъ-Гамбургскому, 1-го (13-го) ноября 1826 года.

²⁾ Князь Меттернихъ императору Францу, 28-го ноября (10-го декабря) 1827 года.

³⁾ Татищевъ князю Меттерниху, 13-го (25-го) мая 1827 года.

Австріи состоитъ въ томъ, чтобы заставить Англию и Францію удержать Россію, а турокъ склонить къ сближенію съ морскими державами ¹⁾. Только благодаря полному своему безсилію, вѣнскій дворъ не сталъ открыто на сторону Порты по объявленіи нами войны. За то, какъ только не вполне удовлетворительный исходъ кампаніи 1828 года поколебалъ вѣру въ нашъ успѣхъ, всѣ старанія свои Меттернихъ направилъ къ тому, чтобы побудить великія державы вмѣшаться сообща въ нашу распрю съ султаномъ и явиться посредницами и поручительницами будущаго мира между Россією и Турцією. Коварный умыселъ этотъ не только не удался австрійскому министру, но былъ разоблаченъ бдительнымъ Поццо-ди-Борго, состоявшимъ посломъ нашимъ при тюльрийскомъ дворѣ, и вызвалъ съ нашей стороны категорическое требованіе объясненій. Вѣнскій дворъ ограничился простымъ отрицаніемъ своихъ попытокъ возбудить противъ насъ обще-европейскую коалицію и этимъ какъ бы напросился самъ на ѣдкій, но вполне заслуженный отвѣтъ императорскаго кабинета. Сообщивъ нашему представителю въ Вѣнѣ, что австрійскій посолъ отъ имени канцлера самымъ формальнымъ образомъ отрицаетъ существованіе этого проекта и громко порицаетъ его, «для государя достаточно», — писалъ Нессельроде Татищеву, — что Австрія сама столь несомнѣнно признала его несвоевременность и выразила убѣжденіе, что ни въ какомъ случаѣ онъ не будетъ допущенъ Россією, а потому его величество не дастъ этому дѣлу дальнѣйшаго хода» ²⁾.

Въ началѣ 1829 года, убѣдясь въ бесплодности своихъ усилій найти союзницу противъ Россіи въ какой либо изъ великихъ державъ, вѣнскій дворъ снова попытался сблизиться съ нами и путемъ дружескаго соглашенія остановить столь страшное ему распространеніе нашего вліянія на востокъ, или, — какъ выражался Меттернихъ, — «возвращеніе нашей политики къ стремленіямъ русскихъ государей XVIII вѣка». Наставленія въ этомъ смыслѣ получилъ вновь назначенный посломъ въ Петербургъ графъ Фикельмонтъ, одинъ изъ способнѣйшихъ австрійскихъ дипломатовъ того времени. Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ по собственному побужденію и нашъ представитель въ Вѣнѣ, Татищевъ. Но въ Петербургѣ имѣли слишкомъ много несомнѣнныхъ доказательствъ враждебныхъ намъ дѣйствій Австріи, чтобы сразу повѣрить искренности ея желанія примириться съ нами. «Поведеніе, котораго Австрія сочла нужнымъ придерживаться съ самаго начала войны, — жаловался вице-канцлеръ въ депешѣ къ Татищеву, — не только не сокращало, но должно было необходимо поощрять сопротивленіе султана; нейтралитетъ ея не всегда былъ безпристрастенъ; она,

¹⁾ Революція императора Франца на докладѣ князя Меттерниха, 19-го ноября (1-го декабря) 1827 года.

²⁾ Графъ Нессельроде Татищеву, 12-го (24-го) февраля 1829 года.

очевидно, желала успѣха Турціи; ея газеты отрицали наши побѣды, и преувеличивали нѣкоторыя незначительныя неудачи, понесенныя нами. Присовокупите къ этимъ косвеннымъ, направленнымъ противъ насъ, мѣрамъ вооруженія столь несвоевременныя въ виду обстоятельствъ, при которыхъ они произошли, и станетъ понятно, что Порта часто предавалась самымъ опаснымъ иллюзіямъ, провидя въ распоряженіяхъ Австріи шансы могущественной диверсіи». Впрочемъ, главнымъ предметомъ обвиненія продолжали служить происки Меттерниха противъ насъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ. Первымъ условіемъ нашего примиренія съ Австріею мы ставили отказъ ея отъ «жалкой» политики, которой она слѣдовала до тѣхъ поръ ¹⁾.

Адрианопольскій миръ и важныя преимущества, обезпеченныя имъ за Россіею, такъ встревожили Меттерниха, что онъ снова попытался, возбудивъ противъ насъ Англію, воздвигнуть въ союзъ съ нею преграды нашимъ успѣхамъ въ Турціи. Но напрасно заискивалъ онъ въ Веллингтонѣ, напрасно силился застраховать его. Лондонскій дворъ ограничился протестомъ на словахъ противъ условій договора, наиболѣе ему непріятныхъ. Въ греческомъ дѣлѣ онъ даже тщательно соблюдалъ наружное согласіе съ Россіею и дружественною ей Франціею. Меттернихъ понялъ, что пока существуетъ тройственный союзъ, тщетны будутъ старанія его завлечь Англію въ свои сѣти и возстановить ее противъ Россіи. Разочаровавшись въ герцога Веллингтонѣ, онъ съ усердіемъ принялся за обращеніе русскаго двора на старый путь охранительной политики, во имя опасности, грозящей спокойствію Европы отъ революціи. Поздравляя русскаго государя съ заключеніемъ мира, императоръ Французъ въ собственноручномъ письмѣ выражалъ опасеніе, какъ бы ослабленіе союзныхъ связей между великими державами не поощрило революціонеровъ къ новымъ преступнымъ предпріятіямъ. Нашъ дворъ не остался въ долгу и отвѣчалъ на этотъ упрекъ, что вина въ томъ падаетъ на австрійское правительство, поступками своими систематически подкапывавшее самыя основы союза ²⁾.

Не смотря на это, Фикельмонтъ доносилъ изъ Петербурга, что при извѣстномъ ужѣннѣ нетрудно будетъ возстановить прежній священный союзъ ³⁾, а Меттернихъ замѣчалъ, что для этого достаточно доброй воли императора Николая ⁴⁾. Оставалось выждать удобнаго повода для возобновленія переговоровъ по этому предмету. Такой поводъ не замедлил представиться. То была іюльская революція, ниспровергнувшая престолъ старшей вѣтви дома Бурбоновъ во Франціи.

¹⁾ Графъ Нессельроде Татищеву, 12-го (24-го) февраля 1829 года.

²⁾ Графъ Нессельроде Татищеву, 15-го (27-го) октября 1829 года.

³⁾ Графъ Фикельмонтъ князю Меттерниху, 7-го (19-го) января 1830 года.

⁴⁾ Князь Меттернихъ графу Фикельмонту, 30-го января (11-го февраля) 1830 года.

II.

Примиреніе.

1830—1833.

Лѣтомъ 1830 года, графъ Нессельроде пользовался водами въ Карлсбадѣ. Меттернихъ, находившійся неподалеку оттуда, въ замкѣ своемъ Кёнигсвартѣ, въ Богеміи, спѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы повидаться съ давнимъ своимъ другомъ, и самъ пріѣхалъ къ нему въ Карлсбадъ. Свиданіе обоихъ министровъ произошло 15 (27) іюля, въ самый день парижскаго революціоннаго взрыва, о которомъ они, разумѣется, узнали лишь нѣсколько сутокъ спустя.

Со времени послѣдняго сѣзда ихъ въ Черновицѣ прошло около семи лѣтъ. Многое съ тѣхъ поръ измѣнилось во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Австріи и два когда-то столь близкіе другъ къ другу государственные человѣка сходились въ качествѣ едва ли не политическихъ противниковъ. По словамъ Меттерниха, Нессельроде казался встревоженнымъ и даже испуганнымъ. Про себя австрійскій канцлеръ утверждаетъ, что сохранилъ при встрѣчѣ полное самообладаніе и внѣшнее спокойствіе. Онъ въ слѣдующихъ словахъ выражаетъ впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ продолжительной бесѣды съ русскимъ вице-канцлеромъ.

«Съ самаго начала восточныхъ дѣлъ, — пишетъ онъ въ докладѣ императору Францу, — русскіе государственные люди составили заговоръ. Они хотѣли увлечь государя, своего повелителя, въ обширное замѣшательство съ Портою. Всѣ средства казались имъ удобными для достиженія этой цѣли.

«Намѣреніе это было внушено имъ многими причинами. Либеральный духъ, силившійся отвратить императора Александра отъ монархическаго направленія, коему онъ началъ слѣдовать въ послѣдніе годы своей жизни и которое, естественно, создавало новые интересы; тотъ фактъ, что двѣ личности, управлявшія кабинетомъ, были иностранцы (одинъ изъ нихъ былъ даже корфіотъ¹⁾), проникнутый демагогическими идеями, другой полу-либеральный нѣмецъ); настроеніе русскихъ, столь легко воспламеняющееся, когда рѣчь идетъ о проявленіи силъ, направленныхъ противъ слабаго государства; всѣ эти обстоятельства до такой степени парализовали дѣятельность графа Нессельроде, что онъ принялъ рѣшеніе, кото-

¹⁾ Здѣсь, очевидно, ошибка, и вмѣсто «корфіотъ» должно быть «корсиканецъ», такъ какъ подъ двумя иностранными вдохновителями русскаго двора Меттернихъ могъ разумѣть лишь Поццо-ди-Борго и Ливена, а отнюдь не Каподастрію, съ 1822 года совершенно удаленнаго отъ дѣлъ.

рому обыкновенно слѣдуютъ люди слабые, а именно плыть по теченію и постоянно подвигаться впередъ, не внимая голосу совѣсти, до тѣхъ поръ, пока они не утонутъ, или не найдутъ какого либо средства спасенія.

«Картина эта заключаетъ въ себѣ также ключъ къ разгадкѣ всего происшедшаго. Мы видѣли, что императоръ Александръ, который, обладая многими замѣчательными качествами ума и сердца, въ то же время страдалъ отсутствіемъ здраваго разумія, съ 1823 года вступилъ на путь достойныхъ сожалѣнія колебаній. Болѣе чѣмъ покинутый своими министрами, обманутый относительно сути дѣла и внутри имперіи подвергаясь самымъ грознымъ опасностямъ, онъ не зналъ, что ему остается дѣлать. То, чего желали Каподистрія и нѣсколько другихъ личностей, они сами не могли исполнить. Императоръ не служилъ болѣе противовѣсомъ, а ослѣпленный Нессельроде былъ увлеченъ теченіемъ. Онъ не могъ уже болѣе идти за одно съ ними. Я въ особенности представлялся ему олицетвореніемъ угрызений его совѣсти. Самъ онъ выразился какъ нельзя болѣе справедливо: всего счастливѣе въ восточномъ вопросѣ то, что онъ окончился».

Наставникъ осыпалъ своего нѣкогда столь послушнаго ученика упреками, а тотъ старался оправдаться, отрицая предъявленныя къ нему обвиненія. По старой привычкѣ, онъ соглашался со всѣми мнѣніями, высказанными Меттернихомъ по всѣмъ текущимъ политическимъ вопросамъ. «Какъ странно, однако,—замѣтилъ тогда австрійскій канцлеръ,—что два человѣка, стоящіе во главѣ двухъ кабинетовъ, совершенно согласны между собою по всѣмъ подробностямъ, а въ то же время между ними, повидимому, не существуетъ ни малѣйшей точки соприкосновенія въ томъ, что относится къ политическому положенію обоихъ ихъ дворцовъ?» Нессельроде молчалъ въ смущеніи. Меттернихъ продолжалъ: «Какъ! Вы были повѣреннымъ, вы даже были двигателемъ и опорой долгихъ и полезныхъ сношеній моихъ съ покойнымъ императоромъ, и какъ же могли вы послѣ того поддаться влиянію той самой партіи, которая въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ тщетно старалась расторгнуть эту связь, служившую основаніемъ миру Европы и внутреннему спокойствію европейскихъ государствъ?» Нессельроде возразилъ, что онъ не заслуживаетъ этого упрека, что, совершенно напротивъ, по вступленіи императора Николая на престолъ онъ засвидѣтельствовалъ предъ нимъ о заслугахъ Меттерниха въ 1820, 1821 и 1822 годахъ. «Въ такомъ случаѣ,—настаивалъ тотъ,—остается несомнѣнный фактъ: слабость вашего собственнаго положенія. Если, какъ я въ томъ не сомнѣваюсь, вы начертали такую картину императору Николаю, то значитъ онъ не повѣрилъ вашимъ словамъ?» Нессельроде отрицалъ и это, но сознался, что на государя повліяли многія второстепенныя обстоятельства. «Оправданіе ваше слабо,—

внушительно и строго вымолвилъ Меттернихъ. — Или вы министръ, или нѣтъ. Я не считаю министромъ человѣка, который не можетъ одолѣть зависящихъ отъ него событій. Министромъ называю я лишь того, кто, подобно главнокомандующему, въ состоянн управ-лять сраженіемъ». Поощренный молчаніемъ своего собесѣдника, Меттернихъ предъявилъ ему еще одно обвиненіе. «Второй мой упрекъ вамъ, — сказалъ онъ, — тѣ поощренія, которыя вы даете врагамъ порядка, кто бы они ни были, удаляясь отъ единственно справедливыхъ политическихъ принциповъ. Такое положеніе дѣлъ не можетъ продолжаться долго. Вы и Россія первые станете жертвами его». Нессельроде тотчасъ же увѣрилъ Меттерниха, что вполне сознаетъ приближеніе опасности.

Разговоръ двухъ министровъ чрезвычайно характеренъ. Онъ доказываетъ какъ нельзя болѣе, что, ища сближенія съ нами, Меттернихъ и не думалъ поступиться чѣмъ либо въ нашу пользу. Не онъ переходилъ въ нашъ лагерь, а насъ старался переманить въ свой. Донося императору Францу о своемъ свиданн съ русскимъ вице-канцлеромъ, онъ выражалъ увѣренность, «основанную на совершенномъ знакомствѣ съ характеромъ даннаго лица», что ему удастся заставить Нессельроде раздѣлять его образъ мыслей. «Но это, — заключалъ онъ, — будетъ лишь отрицательнымъ преимуществомъ. Необходимость доставить мнѣ и положительное» ¹⁾.

Такую «необходимостью» явилось извѣстіе о новой революціи во Франціи. Оно было получено Меттернихомъ въ Кёнигсвартѣ, въ ночь съ 23-го на 24-е іюля (съ 4-го на 5-е августа), и на слѣдующій же день князь снова отправился въ Карлсбадъ для совѣщанія съ русскимъ вице-канцлеромъ. Главная забота австрійскаго министра была воспользоваться случаемъ, чтобы порвать тройственный союзъ по дѣламъ востока, — союзъ, который могъ послужить началомъ соглашенія между Россією и орлеанскою Францією, «причемъ на долю лондонскаго кабинета выпала бы роль обманутаго» ²⁾. Онъ предложилъ Нессельроде: во-первыхъ, провозгласить сообщая начало невмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы новое французское правительство уважало международные договоры и не нарушало вѣшняго мира и внутренняго спокойствія Европы; во-вторыхъ, установить соглашеніе между Петербургомъ, Вѣною и Берлиномъ, относительно признанія орлеанской монархіи, назначивъ послѣднюю изъ этихъ столицъ «центромъ соглашенія». Нессельроде принялъ только первое изъ двухъ

¹⁾ Князь Меттернихъ императору Францу, 19 (31) іюля 1830. Мы вынуждены были построить нашъ рассказъ исключительно на основанн этого документа, очевидно, нѣсколько односторонняго. Крайне любопытно было бы смнчить донесеніе Меттерниха съ донесеніемъ Нессельроде о томъ же свиданн императору Николаю.

²⁾ Князь Меттернихъ князю Эстергази, 2-го (14-го) августа 1830 года.

предложеній, формулированное Меттернихомъ въ нѣсколькихъ строкахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Карлсбадскаго доскута». Что же касается до втораго, то онъ отклонилъ его, ссылаясь на нежеланіе императора Николая вступаться въ чужія дѣла. «Будьте увѣрены,—объявилъ онъ Меттерниху,— что никогда государь не истратитъ ни одного заряда, не прольетъ капли русской крови, не иврасходуетъ копѣйки, для исправленія ошибокъ, совершенныхъ во Франціи»¹⁾.

Австрийскій канцлеръ воспользовался предоставленною ему такимъ образомъ свободою дѣйствій, чтобы признать Лудовика-Филиппа королемъ французомъ, какъ только прибылъ въ Вѣну чрезвычайный посланный этого государя съ извѣстительною грамотою о воцареніи. Онъ и не думалъ справляться о томъ, какъ намѣренъ поступить въ данномъ случаѣ императоръ Николай, и это было тѣмъ страннѣе, что въ то же время находился въ австрийской столицѣ и графъ Нессельроде, заѣхавшій туда на возвратномъ пути изъ Карлсбада въ Петербургъ. Князь писалъ ему по этому случаю: «Я оттяну еще на два или на три дня аудіенцію генерала Бельера (французскаго чрезвычайнаго посланника); я не могу сдѣлать болѣе ради нашей публики. Рѣшенія, ясно принятія и растолкованныя, одни имѣютъ право на поддержку общественнаго мнѣнія. Оно походитъ на корабль во время бури. Нужно дать ему какое либо направленіе и самое лучшее всегда то, которое можно признать открыто. Мнѣніе всѣхъ разсудительныхъ у насъ людей,—а число ихъ, къ счастью, довольно велико,—вполнѣ согласуется съ системою, въ которой мы лично условились съ вами въ Карлсбадѣ. Она единственно разумная, и я скажу, даже единственно возможная для цивилизованныхъ государствъ. Впрочемъ, тайная мысль моя та, что старая Европа присутствуетъ при началѣ конца. Я рѣшился погибнуть вмѣстѣ съ нею, съумѣю исполнить долгъ мой, и слово это сказано не однимъ мною, но и императоромъ. Съ другой стороны, новая Европа еще не начинается; между концомъ и началомъ будетъ хаосъ. Искренно радъ, дорогой графъ, счастливому случаю нашей встрѣчи. Личное соприкосновеніе не можетъ быть замѣнено инымъ родомъ сношеній»²⁾.

За парижскимъ погромомъ быстро слѣдовали бельгійское возстаніе, волненія въ Германіи и Италіи. Всѣ эти событія произвели сильное впечатлѣніе на императора Николая. Ему ясно представилась опасность, угрожавшая политическому зданію, воздвигнутому на вѣнскомъ конгрессѣ. Защищать его отъ посягательствъ между-

¹⁾ Князь Меттернихъ графу Фикельмунту 1-го (18-го) октября 1830 года. О содержаніи Карлсбадскаго доскута см. мое изслѣдованіе о внѣшнихъ сношеніяхъ Россіи въ эпоху крымской войны, глава I, «Русскій Вѣстникъ», сентябрь, 1885 года, стр. 38.

²⁾ Князь Меттернихъ графу Нессельроде, 20-го августа (1-го сентября) 1830 г.

народной революціи считалъ онъ своимъ первымъ, царственнымъ долгомъ. Естественнымъ союзникомъ представлялся ему въ этомъ дѣлѣ австрійскій дворъ, и, забывъ всѣ его недавнія вины предъ собою, государь возложилъ на ближайшее къ себѣ довѣренное лицо, графа А. Ѳ. Орлова, важное дѣло возстановленія прежняго тѣснаго соглашенія между кабинетами петербургскимъ и вѣнскимъ. Поводомъ къ отправленію этого генераль-адъютанта ко двору императора Франца послужило торжество коронованія наслѣдника австрійскаго престола, эрцгерцога Фердинанда, въ качествѣ короля венгерскаго.

Орловъ былъ долго на хорошемъ счету у австрійскаго правительства. Еще въ бытность его въ Константинополѣ, куда онъ пріѣзжалъ чрезвычайнымъ посломъ тотчасъ по заключеніи Адрианопольскаго мира, интернунцій свидѣтельствовалъ о расположеніи его въ пользу вѣнскаго двора и ходатайствовалъ о пожалованіи ему австрійскаго ордена. Въ Вѣнѣ и Пресбургѣ онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями, тѣмъ болѣе, что Меттернихъ надѣялся извлечь немалую выгоду изъ того обстоятельства, что починъ въ довѣрительныхъ объясненіяхъ былъ принятъ императоромъ Николаемъ. Со своей стороны Орловъ скоро сошелся съ австрійскимъ канцлеромъ и до такой степени подпалъ его вліянію, что доносилъ государю: «Ваше величество возложили на меня порученіе при императорскомъ вѣнскомъ дворѣ. Я не имѣлъ случая его исполнить, ибо все, что съ самаго начала сказалъ мнѣ канцлеръ и подтвердилъ императоръ, и есть именно то, что ваше величество поручили мнѣ требовать». Замѣчательно, что такъ писалъ главный участникъ Адрианопольскаго договора, послѣ того, какъ Меттернихъ, «не ограничивая своихъ операцій текущими событіями, перевелъ его на почву прошедшаго», другими словами повторилъ ему упреки, уже сдѣланные Нессельроде въ Карлсбадѣ, по поводу направленія, принятаго нашею политикою на востокъ. Въ бесѣдахъ съ австрійскимъ канцлеромъ, Орловъ часто возвращался къ необходимости личнаго свиданія между императорами Францомъ и Николаемъ. «Вы станете,—говорилъ онъ ему,—довѣреннымъ лицомъ моего государя. Онъ не знаетъ васъ, и люди, имѣющіе на то свои причины, боятся, чтобы онъ васъ не узналъ»¹⁾.

Съ обычною своею словоохотливостью, Меттернихъ изложилъ программу соглашенія трехъ сѣверныхъ державъ въ пространномъ меморандумѣ, врученномъ Орлову при отъѣздѣ изъ Вѣны. Содержаніе его было слѣдующее.

Никогда общественному порядку въ Европѣ не угрожала большая опасность, чѣмъ та, которая истекала изъ іюльской революціи во Франціи. Послѣдній якорь спасенія заключается въ тѣ-

¹⁾ Князь Меттернихъ графу Фикельмонту, 1-го (13-го) октября 1830 г.

сномъ охранительномъ союзѣ великихъ державъ. Союзъ этотъ долженъ быть заявленъ гласно и открыто предъ лицомъ всего міра.

Союзу надлежитъ не упускать изъ виду, что вліяніе революціи распространяется далеко за предѣлы Франціи. Но не слѣдуетъ падать духомъ, а бороться съ нимъ до послѣдней крайности. Усилія союзныхъ монарховъ имѣютъ быть направлены въ пользу «общаго дѣла», обнимающаго частные интересы ихъ престоловъ и государствъ. Правильно соображенныя мѣры, постоянство и точность въ дѣйствіяхъ, но прежде всего проявленіе солидарности между правительствами — таковы необходимыя основанія системы, цѣль которой возстановленіе потрясеннаго въ своихъ основахъ общественнаго порядка.

Революціонная Франція разсчитываетъ на разрозненность державъ. Онѣ должны любить то, чего опасается революція, придерживаться того, что она отвергаетъ. Каково бы ни было различіе въ положенія великихъ державъ, имъ необходимо соединиться въ интересахъ самосохраненія. Различіе останется лишь въ большей или меньшей готовности ихъ оказывать помощь тѣмъ изъ государствъ, которыя будутъ въ ней нуждаться. Такъ Англія, прямо заинтересованная въ независимости Нидерландскаго королевства, едва ли рѣшится вмѣшаться въ пользу какихъ либо другихъ частей европейскаго материка, но во всякомъ случаѣ она не воспротивится мѣрамъ, принятымъ державами въ видахъ охраненія порядка. Державы эти, а именно: оба императорскіе двора, Пруссія, Нидерланды, союзы Германскій и Швейцарскій и всѣ итальянскія государства, должны тѣмъ тѣснѣе сплотиться. Основаніемъ ихъ соглашенію послужить единеніе трехъ сѣверныхъ дворовъ, основанное на извѣстныхъ началахъ великаго союза, на духѣ уговоровъ 1814, 1815 и 1818 годовъ, отчасти 1821 и 1823.

Не нужно возобновлять территоріальной гарантіи, покоящейся на актѣ Вѣнскаго конгресса. Достаточно напомнить о ней. Что же касается до частныхъ гарантій и до истекающей изъ нихъ обязанности союзной помощи, то три сѣверныя державы не нуждаются въ ней для своихъ владѣній, «довольствуясь, общностью своихъ интересовъ и тождественностью образа мыслей монарховъ»; законодательство Германскаго союза основано на взаимномъ ручательствѣ, а слѣдовательно и помощи; Швейцарія обезпечена своимъ нейтралитетомъ, а потому въ этомъ отношеніи слѣдуетъ обратить вниманіе лишь на Нидерландію и Италію.

Серьезнаго обсужденія заслуживаютъ вопросы: а) объ обнародованіи рѣшенія союзныхъ дворовъ твердо держаться основаній ихъ прежняго союза; б) объ изысканіи наиболѣе полезнаго способа, привязать узами довѣрія второстепенныя государства къ политикѣ великихъ державъ. Весьма важно при этомъ выставить на видъ различіе между помощью, оказанною извѣстному государству

сосѣднею державою, дѣйствующею въ силу частныхъ побужденій или одинокихъ расчетовъ, и такою помощію, которая истекала бы изъ признанной державами общей солидарности.

На случай открытой войны съ Франціею, три сѣверныя державы должны нынѣ же счесть свои военныя силы, поставить ихъ на военную ногу и опредѣлить направленіе, въ которомъ онѣ призваны будутъ дѣйствовать въ случаѣ надобности «сплошною массою».

«Установивъ такимъ образомъ,— заключалъ князь Меттернихъ свой меморандумъ — что единеніе наиболѣе доказанное, что самая явная солидарность великихъ державъ въ ихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ представляется намъ единственно возможною точкою опоры, мы также убѣждены, что въ достиженіи этой цѣли заключается также единственное и наилучшее средство, дабы оттолкнуть зло на самый очагъ, изъ котораго оно истекаетъ; дать Европѣ воспользоваться въ интересахъ сохраненія спокойствія, преимуществомъ времени, всегда болѣе проблематичнымъ для тѣхъ, кто отдался движенію, нежели для тѣхъ, кто, не забывая о необходимости бороться съ нимъ нравственно, и приготовляясь къ матеріальной защитѣ, стремится лишь къ удаленію его отъ себя на возможно продолжительное время; наконецъ, быть готовыми въ тотъ день, когда война станетъ неизбежною»¹⁾.

Въ этомъ меморандумѣ проглядываютъ всѣ отличительныя черты усвоенныхъ Меттернихомъ дипломатическихъ приѣмовъ: пристрастіе къ фразѣ, страхъ и отвращеніе предъ дѣломъ. Пресловутое единеніе трехъ сѣверныхъ дворовъ должно было по мысли австрійскаго канцлера выразиться исключительно въ словѣ и на письмѣ, отнюдь не въ дѣйствіяхъ. Иначе понималъ его императоръ Николай. Тотчасъ по полученіи извѣстія о бельгійской революціи, государь выразилъ готовность свою, согласно условіямъ Шомонскаго договора двинуть 60,000 русскаго войска для восстановленія въ Бельгіи законной власти короля нидерландскаго. Возобновленіе священнаго союза между Россіею, Австріею и Пруссіею онъ также признавалъ нужнымъ ознаменовать приведеніемъ въ движеніе вооруженныхъ силъ этихъ государствъ. По высочайшему повелѣнію, русскій дворъ доказывалъ необходимость не ограничиваться деклараціями, а немедленно сосредоточить прусскія войска на Рейнѣ, австрійскія—въ Италіи, русскія—на западныхъ границахъ имперіи²⁾. Предложеніе это не встрѣтило сочувствія ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ. Вспыхнувшій вслѣдъ затѣмъ мятежъ въ царствѣ Польскомъ вынудилъ императора Николая отказаться отъ намѣренія восстановить русскими штыками нарушенный порядокъ въ Европѣ.

¹⁾ Меморандумъ князя Меттерниха, 24-го сентября (6-го октября) 1830 года.

²⁾ Графъ Нессельроде Татищеву, 25-го октября (6-го ноября) 1830 года.

Извѣстна твердая и великодушная рѣшимость государя ни въ какомъ случаѣ не прибѣгать къ помощи своихъ союзниковъ для усмирения своихъ возставшихъ польскихъ подданныхъ. Но онъ въ правѣ былъ ожидать отъ вѣнскаго и берлинскаго дворовъ, что мѣрами, принятыми вдоль русской границы, они явно засвидѣтельствуютъ о солидарности своей съ нашимъ дворомъ противъ мятежниковъ. На словахъ, Австрія расточала увѣренія въ полной готовности оказывать намъ всевозможное содѣйствіе; на дѣлѣ поступала уклончиво и, выдавая толпами повстанцовъ, перешедшихъ на австрийскую территорию, отказывала въ выдачѣ князя Адама Чарторыжскаго, бывшаго одно время членомъ варшавскаго революціоннаго правительства и искавшаго убѣжища въ Галиціи. Подъ конецъ возстанія, она даже проявила нѣкоторую склонность къ посредничеству между нами и поляками. Въ депешѣ къ графу Фикельмонту, написанной тотчасъ по полученіи въ Вѣнѣ извѣстія о паденіи Варшавы, Меттернихъ даже хвастался тѣмъ, что во все продолженіе возстанія взоры поляковъ были «постоянно устремлены на Австрію, къ которой они питаютъ полное довѣріе и соединенія съ которою желаетъ весь польскій народъ»¹⁾.

Подобное поведеніе не могло произвести пріятнаго впечатлѣнія въ Петербургѣ. Не меньшее неудовольствіе вызвало въ императорѣ Николаѣ положеніе, принятое вѣнскимъ дворомъ относительно короля Лудовика-Филиппа и его правительства. Въ началѣ Меттернихъ пытался завязать даже дружбу съ пале-рояльскимъ кабинетомъ и лишь послѣ того, какъ тотъ открыто заявилъ сочувствіе свое всѣмъ возставшимъ народностямъ въ Бельгіи, Польшѣ, Италіи и даже Германіи, сталъ настаивать предъ нами на безотлагательной необходимости совокупныхъ мѣръ противъ Франціи. Въ особенности смущало его провозглашеніе послѣднею начала безусловнаго невмѣшательства, противъ котораго онъ предлагалъ намъ протестовать торжественною совокупною деклараціею трехъ союзныхъ державъ²⁾. Императорскій кабинетъ отклонилъ это предложеніе, на томъ основаніи, что, по убѣжденію государя, гораздо проще и дѣйствительнѣе доказать фактами полное согласіе союзниковъ, въ виду опасности, угрожающей отъ распространяемыхъ Франціею идей³⁾. Тогда Меттернихъ придумалъ новую мѣру устрашенія короля Лудовика-Филиппа. Онъ хотѣлъ объявить ему, что признаніе его великими державами состоялось лишь въ надеждѣ на твердость его въ сдерживаніи революціонной пропаганды, а такъ какъ надежды эти не оправдались, то существованіе его прави-

¹⁾ Князь Меттернихъ графу Фикельмонту, 6-го (18) сентября 1831 года.

²⁾ Князь Меттернихъ графу Фикельмонту, 30-го октября (11-го ноября) 1830 года.

³⁾ Графъ Нессельроде Татищеву, 21-го января (2-го февраля) 1831 года.

тельства является не болѣе какъ фактомъ, лишеннымъ всякаго законнаго основанія, и которому можно противопоставить другой фактъ. «Если молодость герцога Бордосскаго, — говорилъ австрійскій канцлеръ послу нашему въ Вѣнѣ, — препятствуетъ ему причинить безпокойство Лудовику-Филиппу, то иное дѣло — герцогъ Рейхштадтскій. Этимъ крайнимъ средствомъ рѣшено у насъ воспользоваться, если французское правительство захочетъ воспрепятствовать Австріи въ усмиреніи безпорядковъ въ Италіи»¹⁾. Такая угроза вѣнскаго двора вызвала справедливое негодованіе императора Николая. Вице-канцлеръ не скрылъ отъ Меттерниха произведеннаго ею на государя впечатлѣнія. Онъ писалъ Татищеву, что она равносильна такому обороту дѣлъ, при которомъ анархія, одержавъ верхъ въ Европѣ, поглотила бы всѣхъ и вся, а Австрія для спасенія самой себя сама стала бы во главѣ враговъ общественнаго порядка. Да и что бы выиграла отъ того Австрія? Благоразумно ли грозить мѣрой, которая не можетъ быть исполнена? Не явится ли въ данномъ случаѣ Австрія потворщицею инстинктамъ всѣхъ европейскихъ революціонеровъ? Наконецъ, развѣ австрійскій планъ не противорѣчитъ всѣмъ существующимъ международнымъ договорамъ²⁾? Не столько эти доводы, сколько послѣдовавшая вскорѣ смерть герцога Рейхштадтскаго вынудила Меттерниха отречься отъ такого прямаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи.

Между тѣмъ, вѣнскій дворъ выступилъ съ новымъ предложеніемъ установить «центр соглашенія» между тремя союзными державами, и на этотъ разъ уже не въ Берлинѣ, а въ Вѣнѣ³⁾. На донесеніи о томъ нашего посла императоръ Николай сдѣлалъ слѣдующую собственноручную помѣтку: «Вотъ оно, великое желаніе Меттерниха, стоять во главѣ дѣлъ, выраженное ясно и опредѣленно. Но такъ какъ мы знаемъ, на основаніи прошлаго, чего можно ожидать отъ него, то я соглашусь на это не иначе, какъ если Пруссія пожелала бы и сама предложила бы намъ то же».

Такого невыгоднаго мнѣнія объ австрійскомъ канцлерѣ былъ императоръ Николай еще лѣтомъ 1831 года. Но уже въ слѣдующемъ году настроеніе государя измѣнилось. Причиною тому были два обстоятельства. Во-первыхъ, сближеніе орлеанской Франціи съ министерствомъ виговъ, достигшихъ власти въ Англіи, сближеніе, основанное на противодѣйствіи охранительнымъ стремленіямъ трехъ сѣверныхъ державъ; во-вторыхъ, искусная и заискивающая политика Меттерниха по отношенію къ восточнымъ дѣламъ.

Убѣдясъ не только въ отсутствіи въ императорѣ Николаѣ вся-

¹⁾ Татищевъ графу Нессельроде, 31-го января (12-го февраля) 1831 года.

²⁾ Графъ Нессельроде Татищеву, 2-го (14-го) марта 1831 года.

³⁾ Татищевъ графу Нессельроде, 17-го (29-го) августа 1831 года.

каго желанія завоевать или разрушить Оттоманскую имперію, но и въ твердой рѣшимости его поддержать ея распатанное существованіе, австрійскій министръ прекратилъ долгодѣтніе, направленные противъ насъ, прояски своей дипломатіи въ Константинополь, и во время нашего вмѣшательства въ турецко-египетскую распрю, выразившагося въ посылкѣ въ Босфоръ черноморскаго флота и десантнаго отряда для защиты султанской столицы отъ нападенія арміи Ибрагима-паши, даже поручился предъ Европою въ чистотѣ и безкорыстіи нашихъ намѣреній. Обнародованіе такъ называемаго Ункіаръ-Искелесскаго союзнаго договора нашего съ Портою, о которомъ онъ, подобно прочимъ кабинетамъ, не былъ предупрежденъ нами заблаговременно, не возбудило въ немъ тревоги. По этому случаю онъ даже объявилъ нашему двору, что отдаетъ полную справедливость великодушнымъ намѣреніямъ, руководившимъ государемъ при подписаніи помянутаго трактата.

Императоръ Николай оцѣнилъ такой непривычный образъ дѣйствій вѣнскаго двора. Издавна расположенные въ пользу тѣснаго союза съ Австріею, графы Нессельроде и Орловъ спѣшили объяснить его искреннимъ желаніемъ императора Франца и его руководящаго министра возобновить прежнія, дружественныя отношенія съ Россіею. Въ этомъ же смыслѣ усердно работали и послы: русскій въ Вѣнѣ Татищевъ, личный другъ Меттерниха, ставшій его домашнимъ человѣкомъ, и австрійскій въ Петербургѣ графъ Фикельмонтъ, женившійся на русской, баронессѣ Тизенгаузенъ. Всѣмъ было ясно, что возстановленный союзъ между Россіею и Австріею можетъ быть окончательно скрѣпленъ лишь свиданіемъ обоихъ монарховъ, еще не встрѣчавшихся со времени воцаренія императора Николая. Свиданіе это было рѣшено въ началѣ 1833 года и должно было состояться осенью, въ Богеміи.

III.

Мюнхенгрецъ.

1833.

Слухъ о предстоящемъ съѣздѣ императоровъ русскаго и австрійскаго въ небольшомъ пограничномъ городкѣ Богеміи облетѣлъ всю Европу задолго до его осуществленія. Въ виду газетныхъ толковъ, по поводу этого извѣстія, императорскій кабинетъ счелъ нужнымъ увѣдомить прочіе дворы, что свиданіе вызвано исключительно желаніемъ обоихъ государей доставить себѣ случай къ взаимнымъ «сердечнымъ изліяніямъ». Всѣхъ недовѣрчивѣе отнесся къ этому сообщенію лордъ Пальмерстонъ. «Какъ это люди могутъ да-

вать себѣ трудъ писать такой вздоръ, — спрашивалъ онъ въ письмѣ къ брату; — словно они хотятъ отучить насъ придавать вѣру всему, что они ни скажутъ» ¹⁾. Подозрительному министру представлялось вѣроятнымъ, что между двумя императорами и сопровождавшими ихъ министрами возбужденъ будетъ вопросъ о раздѣлѣ Турціи въ исключительную пользу Россіи и Австріи ²⁾.

Съ своей стороны, князь Меттернихъ предупредилъ австрійскаго представителя въ Парижѣ о предстоящемъ свиданіи. «Давно уже, — писалъ онъ, — оба монарха желали видѣть другъ друга; это обоюдное желаніе не могло быть исполнено до сихъ поръ, по причинѣ препятствій, преодолѣть которыя было не въ ихъ власти. Настоящая поѣздка нашего августѣйшаго государя въ Богемію представила его всероссійскому императорскому величеству случай, которымъ онъ счелъ долгомъ воспользоваться. Ничто еще не было рѣшено по этому предмету, какъ уже общественный голосъ заговорилъ о немъ; давно уже газеты возвѣстили о проектѣ, который не былъ еще условленъ между заинтересованными сторонами, ибо, какъ я уже сказалъ вамъ, мы только недавно получили увѣренность, что императоръ Николай совершитъ эту поѣздку, и курьеръ, отправленный изъ Петербурга 6-го (18-го) августа, сейчасъ привезъ намъ извѣстіе, что онъ намѣревался отплыть 15-го (27-го) того же мѣсяца» ³⁾.

Сначала предполагалось устроить одновременно свиданіе трехъ союзныхъ государей: русскаго, австрійскаго и прусскаго. Но время, назначенное императоромъ Николаемъ для прибытія своего въ Богемію, совпадало съ большими манѣврами прусской арміи, которые должны были происходить въ присутствіи короля. И потому рѣшили, что король Фридрихъ-Вильгельмъ III встрѣтится съ императоромъ Францомъ въ Терезіенштадтѣ, въ началѣ (половинѣ) августа; что императоръ Николай, по пути въ Богемію, навѣститъ своего августѣйшаго тестя въ Пруссіи; наконецъ, что свиданіе его съ императоромъ австрійскимъ состоится въ концѣ того же мѣсяца (въ началѣ сентября по новому стилю) ⁴⁾.

Мѣстомъ свиданія избранъ былъ сначала Фридландъ и лишь въ послѣднюю минуту предпочтенъ ему Мюнхенгрець. Это крошечный городъ сѣверо-восточной Богеміи съ замкомъ, принадлежащимъ графу Валлдштейну, потомку знаменитаго полководца Тридцатилѣтней войны, прахъ котораго погребенъ въ замковой церкви. Императоръ Францъ съ императрицею прибыли туда 23-го августа (4-го

¹⁾ Лордъ Пальмерстонъ сэру Вильяму Темплю, 22-го августа (2-го сентября) 1833 года.

²⁾ Лордъ Пальмерстонъ сэру Вильяму Темплю, 26-го сентября (8-го октября) 1833 года.

³⁾ Князь Меттернихъ барону Гюгелю, 18-го (30-го) августа 1833 года.

⁴⁾ Князь Меттернихъ барону Гюгелю, 10-го (22-го) октября 1833 года.

сентября). Ихъ величества сопровождалъ князь Меттернихъ и блестящая военная и придворная свита. Черезъ день послѣ нихъ пріѣхали великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій съ супругою великою княгинею Марією Павловною. Посолъ нашъ въ Вѣнѣ, Татищевъ, разумѣется, также находился на лицѣ. Предвѣстниками императора Николая 27-го августа (8-го сентября) явились вице-канцлеръ графъ Нессельроде и флигель-адъютантъ князь Суворовъ. Отъ нихъ узнали, что государь не могъ съѣсть на пароходѣ въ Кронштадтѣ по причинѣ бури; что онъ въ пять дней совершилъ путешествіе сухимъ путемъ отъ Петербурга до Шведта въ Маркѣ, гдѣ остановился для свиданія съ королемъ прусскимъ; что, наконецъ, онъ не прибудетъ въ Мюнхенгрецъ ранѣе 29-го августа (10-го сентября).

Въ этотъ самый день, около семи часовъ вечера, императоръ Николай пріѣхалъ въ сопровожденіи министра двора, князя Волконскаго, и генералъ-адъютантовъ князя Меншикова, графовъ Бенкендорфа и Орлова. Австрійскій императоръ выѣзжалъ ему навстрѣчу за городъ. Оба монарха поцѣловались нѣсколько разъ. Подойдя къ князю Меттерниху, государь сказалъ ему: «Я явился сюда стать подъ начальство моего командира. На васъ рассчитываю я, что вы предупредите меня знакомъ, если я совершу какую либо ошибку». Въ тотъ же вечеръ былъ семейный ужинъ въ замкѣ для высочайшихъ особъ. Свита ужинала за особымъ столомъ въ отдѣльномъ помѣщеніи. Послѣ ужина Нессельроде, Орловъ и оба посла, Татищевъ и Фикельмонтъ, играли въ вистъ у Меттерниха, котораго сопровождала въ Мюнхенгрецъ молодая жена его, урожденная графиня Зичи-Феррарисъ.

На слѣдующій день, 30-го августа (11-го сентября) были торжественно отпразднованы именины наследника русскаго престола. Послѣ обѣда въ замкѣ почетнѣйшіе изъ гостей императора Франца играли въ биллиардъ, въ такъ называемую «войну». Государь былъ очень внимателенъ и любезенъ съ княгинею Меттернихъ, вспомнилъ, что зналъ ея мать, и пожелалъ при игрѣ въ биллиардъ войти въ составъ ея партіи. Вечеромъ прибылъ въ Мюнхенгрецъ и наследный принцъ прусскій.

31-го августа (12-го сентября), императоръ Николай имѣлъ продолжительную бесѣду съ австрійскимъ канцлеромъ. Въ тотъ же день онъ посѣтилъ его и жену его. Онъ совершенно очаровалъ княгиню своею изысканною любезностью, простотою въ обращеніи, веселымъ расположеніемъ духа. Все это поразило ее тѣмъ болѣе, что съ перваго разу онъ показался ей строгимъ и холоднымъ. Орловъ повѣдалъ Меттерниху, что и императоръ остался вполне доволенъ своимъ посѣщеніемъ, изъ котораго вынесъ самое пріятное впечатлѣніе. И его удивила веселость, которую онъ не ожидалъ встрѣтить въ австрійскомъ канцлерѣ.

Въ слѣдующіе дни, по утрамъ происходили смотры, охоты, дипломатическія совѣщанія. Къ обѣду собирались въ замкѣ и тамъ же проводили вечера. Любимымъ развлеченіемъ всего общества служила игра въ билліардъ, въ которой государь принималъ неизмѣнное участіе. На одномъ изъ смотровъ онъ особенно остался доволенъ ученіемъ уланскаго полка. По совѣту Меттерниха, императоръ Францъ тотчасъ же назначилъ его шефомъ. Государь выказалъ большую радость и пожелалъ имѣть готовымъ мундиръ полка на другой же день. Желаніе его было, конечно, исполнено, и онъ въ австрійской уланской формѣ самъ прокомандовалъ полкомъ своимъ на слѣдующемъ смотру. Главному начальнику войскъ, сосредоточенныхъ въ Мюнхенгрецѣ, фельдмаршалъ-лейтенанту князю Виндишгрецу, онъ пожаловалъ орденъ Александра Невскаго, двумъ дивизионнымъ генераламъ—анненскія ленты. Всѣ австрійскіе офицеры, участвовавшіе въ смотрахъ, также получили русскіе ордена. 7-го (19-го) сентября, въ полночь, государь оставилъ Мюнхенгрецъ¹⁾.

Впродолженіе девяти дней, проведенныхъ императоромъ Николаемъ въ этомъ городѣ, завязалась между нимъ и престарѣлымъ австрійскимъ монархомъ тѣсная личная дружба, имѣвшая рѣшающее вліяніе на наши дальнѣйшія политическія отношенія къ вѣнскому двору. Императоръ Францъ и его канцлеръ успѣли внушить государю полное довѣріе къ искренности тѣхъ чувствъ, которыя они ему выражали. Чувства эти были желаніе идти съ нимъ рука объ руку во всѣхъ вопросахъ политики внутренней и внѣшней. Оба вѣрно поняли отличительную черту его характера: рыцарское великодушіе, и, играя на этой струнѣ, достигли важныхъ результатовъ, которыхъ не могли добиться прежде ни хитростью, ни угрозою. Въ главныхъ совѣтникахъ государя по внѣшнимъ дѣламъ, графахъ Нессельроде и Орловѣ, они нашли усердныхъ союзниковъ, ревностныхъ сторонниковъ австро-русскаго соглашенія. Успѣхъ Меттерниха былъ полный и можетъ сравниться съ тѣмъ, который былъ одержанъ имъ за тринадцать лѣтъ передъ тѣмъ на Троппаусскомъ конгрессѣ, когда ему удалось пересилить вліяніе Каподистрії въ совѣтахъ императора Александра I и на долгіе годы самому стать Эгеріею этого монарха.

При такихъ условіяхъ, весьма естественно, что императоръ Николай оставилъ при австрійскомъ дворѣ самыя пріятныя воспоминанія. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ о его пребываніи въ Мюнхенгрецѣ столь обстоятельныхъ свѣдѣній и мѣткихъ характеристикъ, какъ тѣ, которыя сохранили намъ о посѣщеніи имъ Лондона въ 1844 году, въ дневникахъ своихъ и перепискѣ, королева Викторія

¹⁾ Свѣдѣнія о пребываніи императора Николая въ Мюнхенгрецѣ заимствованы преимущественно изъ дневника княгини Меттернихъ, напечатаннаго въ V томѣ «Записокъ канцлера», стр. 442—452.

и баронъ Стокмаръ. Австрийскій дипломатъ Прокешъ, прибывшій въ Мюнхенгрецъ прямо изъ Александрии и представленный государю, отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ красивомъ, съ военною выправкою, но безъ всякой натянутости въ обращеніи, съ доброжелательнымъ выраженіемъ и тономъ неограниченной откровенности въ своихъ рѣчахъ¹⁾. Выше мы уже привели отзывъ о государѣ княгини Меттернихъ, жены канцлера. Впрочемъ, княгиня не ограничилась наблюденіями надъ личностью императора. Вниманіе ея обратило на себя обхожденіе его съ лицами его свиты. «Видь его серъезень, — пишетъ она въ своихъ «Запискахъ», — внѣшность холодна, и одушевляется лишь, когда онъ становится очень фамильяренъ съ Орловымъ, съ которымъ обращается совершенно, какъ съ братомъ. Онъ также на дружеской ногѣ съ княземъ Суворовымъ. Я нахожу, что нашъ Татищевъ сильно понизилъ тонъ съ тѣхъ поръ, какъ императоръ здѣсь. Нессельроде, по видимому, тоже принадлежитъ къ разряду тѣхъ, съ которыми обращаются менѣе хорошо, или, по крайней мѣрѣ, которыхъ не почитаютъ. Все это, — замѣчаетъ княгиня, — такъ отлично отъ того, что практикуется у насъ, что становится необыкновенно забавнымъ». Любопытнымъ также показалось ей, что въ присутствіи государя русскіе придворные и дипломаты совершенно иначе ведутъ себя съ австрийцами, чѣмъ обыкновенно. «Они чувствуютъ себя неловко, — говоритъ она: — держутся гордо и поведеніе ихъ вызываетъ на многія размышленія». Исключеніе и въ этомъ случаѣ составлялъ Орловъ, вѣчно веселый, остроумный и непринужденный. Объ немъ сообщаетъ княгиня, что государь предпочитаетъ его всѣмъ прочимъ. «Да и надо видѣть, — восклицаетъ она: — какъ другіе завидуютъ ему, словно нѣкому богу!»²⁾.

Дипломатическіе переговоры, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ императоровъ, вели въ Мюнхенгрецѣ съ русской стороны графы Нессельроде, Орловъ и Татищевъ, съ австрийской — Меттернихъ и посолъ въ Петербургѣ, Фикельмонтъ. Нашего вице-канцлера сопровождалъ многочисленный дипломатическій штабъ, среди котораго выдавались баронъ Брунновъ, русскій Генцъ, какъ называли его австрийцы, и зять Нессельроде графъ Хрептовичъ. Рассчитывали на прибытіе и прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ Ансильона, но этотъ государственный человѣкъ уклонился отъ обращеннаго къ нему приглашенія. Его страшила отвѣтственность, которая пала бы на него въ переговорахъ, веденныхъ въ отсутствіе

¹⁾ Prokesch-Osten: Mehmed-Ali, p. 52. На государя австрийскій дипломатъ произвелъ непріятное впечатлѣніе. Упомянувъ о немъ, по возвращеніи въ Царское Село, въ разговорѣ съ Н. Н. Муравьевымъ, его величество назвалъ Прокеша «словоохотливымъ»; Муравьевъ: «Русскіе на Босфорѣ», стр. 448.

²⁾ Изъ «Дневника княгини Меттернихъ».

его государя, но, сверхъ того, онъ не считалъ своего появленія въ Мюнхенгрецѣ соответствующимъ и достоинству Пруссіи. Императоръ Николай признался Меттерниху, что его до такой степени раздражила уклончивость прусскаго министра, что онъ едва не заболѣлъ.

Первые два вопроса, разрѣшенные на совѣщаніяхъ русскихъ и австрійскихъ дипломатовъ, были восточный и польскій, по скольку они касались взаимныхъ отношеній обѣихъ имперій.

Конвенція по восточнымъ дѣламъ состояла изъ трехъ гласныхъ статей и двухъ отдѣльныхъ и секретныхъ. Договаривающіяся стороны обязывались всѣми силами поддерживать существованіе Оттоманской имперіи и противиться сообща всякой перемѣнѣ въ ея государственномъ устройствѣ. Одна изъ секретныхъ статей поясняла, что при этомъ имѣлось въ виду защищать султана отъ посягательствъ паши египетскаго. Другая секретная статья заключала обязательство, въ случаѣ распаденія Турціи, дѣйствовать не иначе, какъ съ обоюднаго согласія, по отношенію къ новому порядку, имѣющему замѣнить прежній на Балканскомъ полуостровѣ ¹⁾.

Второю конвенціею, Россія и Австрія взаимно гарантировали польскія свои владѣнія; обязывались оказывать другъ другу содѣйствіе, въ случаѣ возникновенія въ нихъ беспорядковъ; постановляли, что для оказанія такого содѣйствія достаточно обращенія мѣстной военной власти къ сосѣднему правительству; допускали проходъ войскъ одной стороны чрезъ территорию другой; обѣщали выдавать одна другой государственныхъ преступниковъ и учредить строгій надзоръ за участниками послѣднихъ польскихъ возстаній; наконецъ, предвидѣли случай занятія вольнаго города Кракова австрійскими войсками ²⁾.

Конвенція по польскимъ дѣламъ была единственною уступкою, сдѣланною вѣнскимъ дворомъ требованіямъ нашего. Существенную важность представляло въ ней лишь условіе о взаимной выдачѣ государственныхъ преступниковъ, но и то только изъ уроженцевъ польскихъ областей. Меттернихъ нѣхотя согласился на него, ибо всего за годъ до Мюнхенгрецкаго свиданія онъ доказывалъ намъ, что такая выдача «противна обычаю, усвоенному великими державами и почти получившему силу закона въ международномъ правѣ» ³⁾. За то, восточною конвенціею, онъ достигъ своей давней, завѣтной цѣли, стѣснивъ свободу дѣйствій Россіи по отношенію къ Турціи обязательствомъ ничего не предпринимать на востокъ безъ полнаго предварительнаго соглашенія съ Австріею.

¹⁾ Конвенція, заключенная между Россіею и Австріею 6-го (18-го) сентября 1833 года.

²⁾ Конвенція, заключенная между Россіею и Австріею 7-го (19-го) сентября 1833 года.

³⁾ Татищевъ графу Нессельроде, 27-го іюля (8-го августа) 1832 года.

Какія же должны были быть основанія этого соглашенія, — объ этомъ конвенція тщательно умалчивала. Такимъ образомъ вънскому двору достаточно было бы въ данномъ случаѣ отклонить предложенія Россіи по восточнымъ дѣламъ, чтобы совершенно затормозить ихъ ходъ и развитіе, или, по крайней, мѣрѣ отстранить насъ отъ дѣятельнаго участія въ нихъ. Подобная неопредѣленность уговора представляется тѣмъ болѣе странною, что какъ недавно возвратившійся изъ Константинополя Орловъ, такъ и самъ государь не скрывали отъ австрійцевъ глубокаго убѣжденія своего, что дни Порты сочтены и распаденіе Оттоманской имперіи близко и неминуемо ¹⁾).

Въ намѣренія обоихъ императорскихъ кабинетовъ входило воспользоваться Мюнхенгрецкимъ свиданіемъ для торжественнаго заявленія полного единомыслія трехъ сѣверныхъ державъ по отношенію къ общей политикѣ, особенно въ виду тѣснаго соглашенія установившагося между правительствами великобританскимъ и французскимъ. Меттернихъ успѣлъ настоять на цѣлесообразности совмѣстнаго протеста противъ провозглашеннаго пале-рояльскимъ кабинетомъ начала безусловнаго невмѣшательства. Содержаніе деклараціи по этому вопросу было обсуждено и принято въ Мюнхенгрецѣ на совѣщаніяхъ между дипломатами русскими и австрійскими, но отсутствіе прусскихъ уполномоченныхъ не дозволяло установить ее въ окончательномъ видѣ. Съ этою цѣлью отправились прямо отсюда въ Берлинъ графы Нессельроде и Фикельмонтъ, которымъ было поручено убѣдить совѣтниковъ короля Фридриха-Вильгельма III приложить свою подпись подъ готовымъ проектомъ конвенціи. Они натолкнулись на неожиданныя затрудненія. Прусскіе министры графъ Берндорфъ и Ансильонъ находили совершенно достаточными прежніе уговоры между союзными дворами, а заключеніе новаго считали опасною демонстраціею, могущею вызвать раздраженіе во Франціи и привести къ столкновенію съ этою державою. Первою нашею уступкою застѣнчивости берлинскаго двора было обѣщаніе не распространять на дѣла востока провозглашаемой солидарности между Россіею, Австріею и Пруссіею, обѣщаніе, изложенное въ собственноручномъ письмѣ императора Николая къ своему тестю ²⁾). Далѣе прусскіе министры выговорили, что конвенція, по подписаніи, не будетъ объявлена французскому правительству, а сохранится въ тайнѣ, до тѣхъ поръ, пока Франція не проявитъ намѣренія воспротивиться какому либо законному вмѣшательству трехъ державъ въ смуты сосѣднихъ государствъ. Но въ то же время представители трехъ державъ въ Парижѣ должны были, умалчивая о существо-

¹⁾ См. Prokesch-Osten: Mehmed-Ali, стр. 52.

²⁾ Императоръ Николай королю Фридриху-Вильгельму III, 24-го октября (5-го ноября) 1833 года.

ваніи конвенціи, не скрыть отъ пале-рояльскаго кабинета, что союзные дворы отвергаютъ начало невмѣшательства и предоставляютъ себѣ право при извѣстныхъ условіяхъ противодействовать революціи и внѣ своихъ предѣловъ. Подъ этими ограниченіями состоялось въ Берлинѣ подписаніе проектированной въ Мюнхенгретцѣ конвенціи. Дворы русскій, австрійскій и прусскій признавали въ ней право cadaго независимаго государя, во время смутъ внутреннихъ, равно какъ и при опасности внѣшней, призывать одного или нѣсколькихъ сосѣднихъ государей, отъ которыхъ зависить удовлетворять такую просьбу или отклонить ее. При этомъ всѣ прочія державы не имѣютъ права ни сами вмѣшаться въ дѣло, ни воспротивиться вмѣшательству приглашенныхъ къ тому державъ. Всякое сопротивленіе силою законному вмѣшательству одного изъ договаривающихся дворовъ будетъ сочтено прочими за непріязненное дѣйствіе, направленное противъ всѣхъ трехъ, и вызоветъ съ ихъ стороны совокупный отпоръ. Отдѣльная статья постановляла, что конвенція будетъ сохранена въ тайнѣ, пока событія не потребуютъ ея примѣненія ¹⁾).

Вслѣдъ за подписаніемъ конвенціи состоялось и сообщеніе французскому правительству усвоенныхъ тремя сѣверными державами политическихъ началъ по вопросу о вмѣшательствѣ. Представители ихъ въ Парижѣ прочитали герцогу Броглю, министру иностранныхъ дѣлъ короля Лудовика-Филиппа, полученные отъ ихъ правительство депеши съ изложеніемъ этихъ началъ. Онѣ заключались одинаковыми словами: «что если Франція, счумѣвъ столь хорошо защитить саму себя отъ попытокъ возмутителей, не успѣетъ отнынѣ разстроить также производимые ими на ея территоріи происки, направленные противъ иностранныхъ государствъ, то изъ сего могутъ послѣдовать для нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ внутреннія смуты, которыя вынудятъ ихъ обратиться къ поддержкѣ ихъ союзниковъ; что въ этой поддержкѣ имъ не будетъ отказано и что всякая попытка противодействія будетъ сочтена тремя кабинетами: вѣнскимъ, с.-петербургскимъ и берлинскимъ, за враждебный поступокъ, направленный противъ cadaго изъ нихъ». Но, если вѣрить Гизо, то начало трехъ депешъ, далеко не было тождественно. Австрійская — ратчала похвалу искусству и энергіи французскаго правительства; прусская депеша, выражая ему уваженіе и привязанность, отдавала справедливость усиліямъ его сдержатъ эмигрантовъ. Строже другихъ была депеша русская. Но Поццо-ди-Борго ограничился сообщеніемъ ея заключенія. Въ отвѣтъ своемъ, герцогъ Броглю объявилъ, что, предоставляя себѣ въ будущемъ полную свободу дѣйствій, Франція не останется безучастною зритель-

¹⁾ Конвенція, заключенная въ Берлинѣ между Россією, Австрією и Пруссією 3-го (15-го) октября 1833 года.

ницею иностраннаго вмѣшательства въ сопредѣльныхъ съ нею государствахъ: Бельгiи, Швейцарiи и Сардинiи ¹⁾).

Такимъ образомъ, внушенное доктринаризмомъ Меттерниха теоретическое провозглашенiе права вмѣшательства трехъ союзныхъ державъ въ смуты сосѣднихъ государствъ осталось безъ практическихъ послѣдствiй. Одна Австрiя извлекла изъ него выгоду. По свидѣтельству Бруннова, она съ помощью берлинской конвенцiи, упрочила свое влiянiе на второстепенныя государства Германiи и Италiи. «Прусское министерство, — признается баронъ, — самообманывало себя, вѣруя въ соблюденiе Австрiею тайны по отношенiю къ итальянскимъ дворамъ о предметѣ, столь близко касавшемся ихъ безопасности и спокойствiя. Вѣнскiй кабинетъ не замедлилъ утвердить этимъ способомъ узы, связывающiя его преимущественно съ дворомъ сардинскимъ, географическое положенiе котораго всегда будетъ имѣть столь великое влiянiе на участь полуострова, открывая и закрывая, по усмотрѣнiю, доступъ въ Италiю французамъ. Германскимъ государямъ если и не былъ сообщенъ самый текстъ конвенцiи, то и они, конечно, скоро узнали о ея содержанiи либо изъ циркуляровъ, либо изъ довѣрительныхъ сообщенiй князя Меттерниха ²⁾).

Таковы были ближайшiя послѣдствiя мюнхенгрецкаго свиданiя. Какъ они, такъ и болѣе отдаленные его результаты, разыгрались въ исключительную пользу Австрiи. Послѣдняя приобрѣла могучую поддержку Россiи противъ опасностей, грозившихъ ей со стороны революцiи, опираясь на насъ, упрочила свое влiянiе на второстепенныя государства Германiи и Италiи, и все это безъ того, чтобы мы потребовали отъ нея какихъ бы то ни было взаимныхъ обязательствъ или услугъ. Но этого мало. На востокъ она обезпечила себя отъ всякой самостоятельной мѣры, которую могла бы принять Россiя въ своихъ личныхъ интересахъ, а между тѣмъ у насъ ласкали себя надеждою, что въ вѣнскомъ дворѣ мы приобрѣли вѣрнаго и надежнаго союзника и въ мюнхенгрецкой конвенцiи видѣли ручательство, «что при всякомъ будущемъ замѣшательствѣ на востокъ Австрiя явится дѣйствующею съ нами, а не противъ насъ» ³⁾).

С. Татищевъ.

(Окончанiе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Guizot: Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, IV, стр. 37.

²⁾ Рукописная записка барона Бруннова: «Уговоры въ Мюнхенгрецѣ, Берлинѣ и Теплицѣ».

³⁾ Всеподданнѣйшiй отчетъ графа Нессельроде за 1833 годъ.

СЕЛО МИШЕНСКОЕ, РОДИНА В. А. ЖУКОВСКАГО.

ВѢКА БОЛЬШАЯ-ВЫРА ¹⁾ беретъ свое начало въ Лихвинскомъ уѣздѣ (Калужской губерніи), отчасти примыкающемъ, вмѣстѣ съ Козелькимъ къ Бѣлевскому; она течетъ съ запада на востокъ и недалеко отъ Мишенскаго, въ четверти версты выше Бѣлева, впадаетъ въ Оку съ лѣвой стороны. Большая-Выра, изобильная водою и глубокая при мельничныхъ плотинахъ, не протекаетъ собственно въ Мишенскомъ, а, прихотливо извиваясь, омываетъ вблизи его сочные, богатые могучею растительностію луга этого села, прилегающіе къ Большой Болховской (Орловской губерніи) дорогѣ и изобилующей своими преданіями Васьковой горѣ; самая же гора, окаймленная съ обѣихъ сторонъ лѣсомъ, есть продолженіе той возвышенности, на которой, въ одной верстѣ, немного правѣе, лежитъ Мишенское. Возвышенность эта, прорѣзанная пятью холмами, вся покрыта небольшимъ лѣсомъ, оканчивающимся съ одной стороны Болховскою дорогою, а съ другой—сельскою церковью и господскою усадьбою; внизу же усадьбы и села, къ сторонѣ города, по Вырѣ, тянется луговая мѣстность, соединяющаяся съ громаднымъ пространствомъ за-окскихъ луговъ, такъ что съ Мишенской господской возвышенности видѣются: направо—всѣ лучшіе за-

¹⁾ Въ Оку около Бѣлева впадаютъ четыре Выры: Большая (Фатьяновская), Малая (въ самомъ городѣ), Вежна (подъ Жабынью) и Говтунская. Выра, вѣроятно, происходитъ отъ глагола вырывать, означая бурное свойство воды при разлитіи весною, когда цѣлыя береговья мѣстности смываются и засоряютъ фарватеръ Оки, и безъ того вдѣсь маловодной.

рѣчные виды; на сѣверъ—Жабынская пустынь, на востокъ—Красная часовня, немного южнѣе—село Темрянь. И все это, нужно сказать, пестрится въ отдаленіи или группами отдѣльныхъ рощей, или сплошнымъ лѣсомъ. Неудивительно, что здѣшняя живописная природа, которой Жуковский, вдали отъ родины, посвящаль немало стиховъ, могла, въ свое время, благотворно повліять на восприимчивую и впечатлительную душу поэта. Затѣмъ, западная, лѣвая сторона окрестностей заслонена возвышенностью (до 1839 года тутъ была роща), на которой, недалеко отъ полей деревни Фатяновой, расположенъ амфитеатромъ городъ Бѣлевъ; возвышенность эта тянется до городского бассейна, послѣ котораго начинается опять луговая низменность. По окраинѣ возвышенности идетъ дорога въ городъ.

Изъ Бѣлева въ Мишенское ведутъ двѣ дороги: одна—горная, мимо Петропавловскаго кладбища, другая—нижняя, по Берестовой улицѣ, мимо Никольской часовни и общественныхъ конюшенъ, построенныхъ для квартировавшаго здѣсь, въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, гусарскаго Чорбы полка. Послѣдняя, безъ всякаго сомнѣнія, служила покойному Василию Андреевичу его обычнымъ путемъ, когда онъ, во время своей молодости, въ 1806—1809 годахъ, хаживалъ изъ Мишенскаго въ Бѣлевъ для обученія родныхъ своихъ племянницъ, Маріи и Александры Протасовыхъ. Обѣ означенныя дороги скрещиваются въ деревнѣ Фатяновой, отдѣленной отъ Мишенскаго только небольшимъ лугомъ, принимающимъ направо, по котловинѣ Выры, и налѣво, къ Окѣ, большіе размѣры, какъ сказано выше. Съ этого луга и снятъ, прилагаемый здѣсь, видъ церкви села Мишенскаго съ господскою усадьбою и школою. Правѣе же, за оврагомъ, лежитъ самое село, и тоже на возвышенности; огороды крестьянъ, тянущіеся къ деревнѣ Фатяновой, представляются какъ бы покатыстыми. А внизу ихъ поросшая осокою мѣстность: это—старый прудъ, теперь засорившійся и почти не имѣющій воды. Про него-то Жуковский писалъ Елагиной:

«Ты помнишь ли нашъ прудъ спокойной?...

За селомъ, къ мельницѣ Бунина идетъ опять оврагъ, параллельный оврагу, отдѣляющему деревню отъ господской усадьбы (въ верховьяхъ его лежитъ прудъ рѣчки Семьюнки); въ этомъ оврагѣ, у подошвы горы, изстари существовалъ колодезь, именуемый «Гремячимъ». Названіе свое колодезь получилъ не даромъ: по свойству почвы, истекающая вода его, говорятъ, издавала когда-то сильное журчаніе. На нашей памяти, около колодезя была устроена деревянная часовня съ иконою, а подъ нею висѣли крестики. Сюда прѣзжали и приходили больные для купанія въ колодезѣ. Когда же былъ истребленъ на вершинѣ горы лѣсъ, вода изсыхла, а о существовавшей часовнѣ не осталось даже и памяти. При Жуков-

скомъ «Гремячій» колодезь былъ, вѣроятно, въ полномъ ореолѣ своей цѣлебной славы, такъ какъ почва, вслѣдствіе большаго проаростанія на ней дѣса, была тогда гораздо влажнѣе.

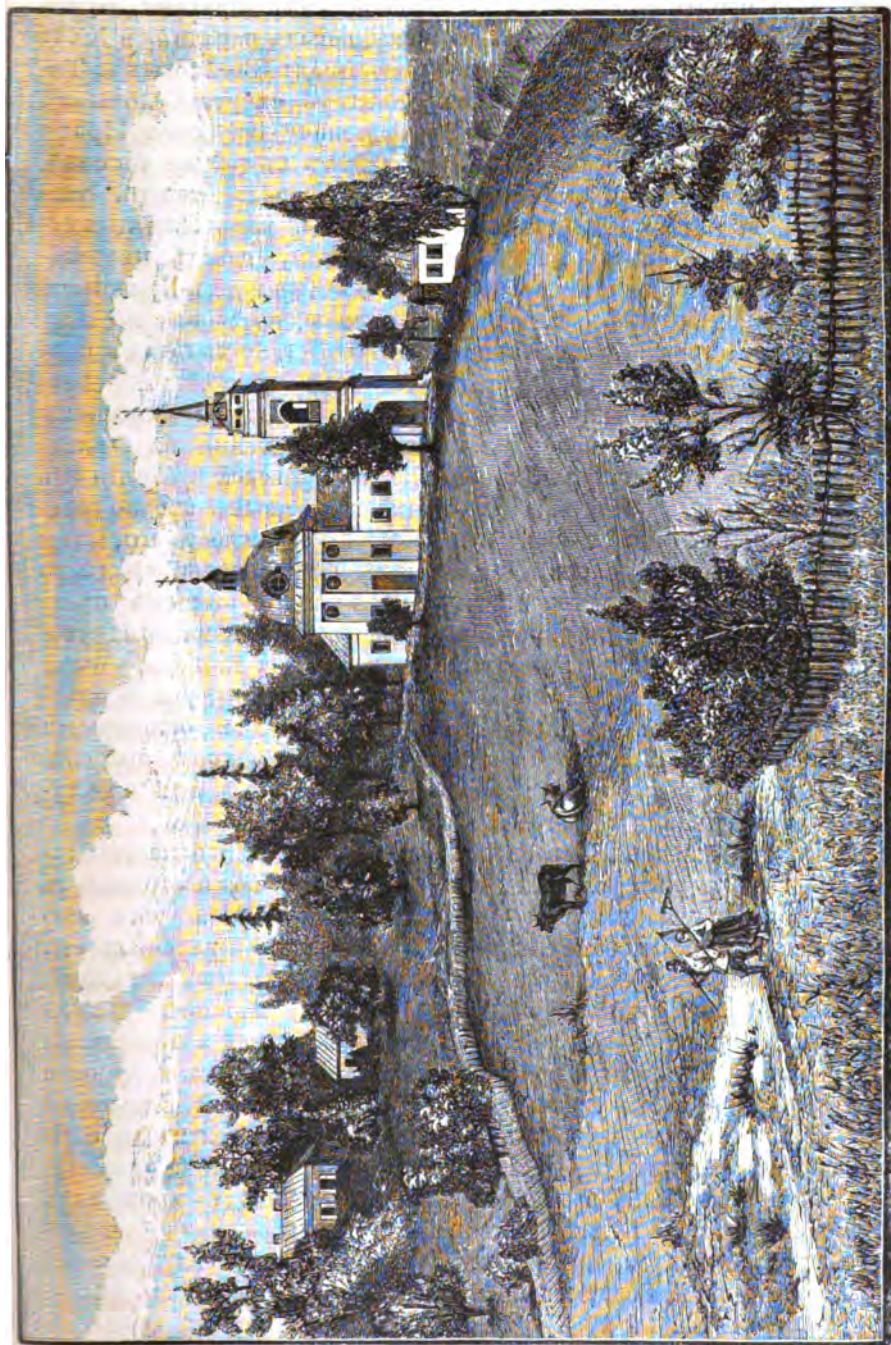
Ближайшія къ Мишенскому селенія слѣдующія: села—Каменка (на Вырѣ) и Лиховищи, деревни—Фатьяново, Рязанцево, Карлово, Кузнецово, Ровное (на Вырѣ), Собакино, Васьково и Колизна. Въ 5 или 6 верстахъ, въ верховьяхъ Выры, лежитъ село Долбино (Лихвинскаго уѣзда), гдѣ жилъ покойный ученый И. В. Кирѣевскій, близкій родственникъ Жуковскаго; тутъ поэтъ родственно проводилъ время и написалъ стихотворенія, озаглавленныя «Долбинскими». Въ настоящее время Долбино изъ рода Кирѣевскихъ, вмѣстѣ съ Ровнымъ, перешло во владѣніе почетнаго гражданина Прохорова.

Изъ Мишенскаго, лежащаго какъ бы въ сторонѣ, можно проѣхать только въ село Бакино и деревню Шишкино; если же взять восточнѣе (лѣвѣе), то на Большую Болховскую дорогу, идущую по Бѣлевскому уѣзду до сельца Шамордина. Въ 4-хъ верстахъ отъ Шишкина и въ 8—отъ Мишенскаго, въ деревнѣ Пропинѣ, живетъ родственница Жуковскаго—Левицкая-Бунина, по мужу Волченецкая.

Всѣ постройки Мишенскаго расположены первымъ строителемъ его съ величайшею, повидимому, осмотрительностію на случай пожара: господскую усадьбу съ ея помѣщеніями и церковію отдѣляетъ отъ домовъ и усадебъ крестьянъ, на довольно большое разстояніе, прудъ рѣчки Семьюнки и затѣмъ, противъ самой церкви, — сухой оврагъ ея; подобный же оврагъ отдѣляетъ и кладбище съ домами духовенства. Иначе сказать, владѣлецъ, крестьяне и духовенство изолированы другъ отъ друга такимъ образомъ, что пожаръ въ деревнѣ не страшенъ для господской усадьбы и кладбища, и наоборотъ.

О времени основанія Мишенскаго точныхъ указаній нѣтъ; но, по нѣкоторымъ имѣющимся въ виду даннымъ, можно дѣлать предположеніе, что оно основано въ концѣ XVI, или началѣ XVII столѣтія. Наименованіе свое село получило, какъ можно догадываться, отъ какого-то Михаила (сокращенное Миша), какъ и большая часть нашихъ урочищ¹⁾. Мишенское, принадлежавшее прежде сильнымъ, въ свое время, боярамъ Воейковымъ, затѣмъ, современнымъ перешло, повидимому, Бунинымъ; въ XVII столѣтіи изъ рода послѣднихъ намъ извѣстны Андрей и Артемій Романовы: при обновленіи закрывшейся Жабьинской пустыни, въ концѣ того столѣтія, они много дѣлали пожертвованій житомъ, за чтѣ, какъ жертвователи, и записаны были для поминовенія въ мѣстный синодикъ. Отсюда

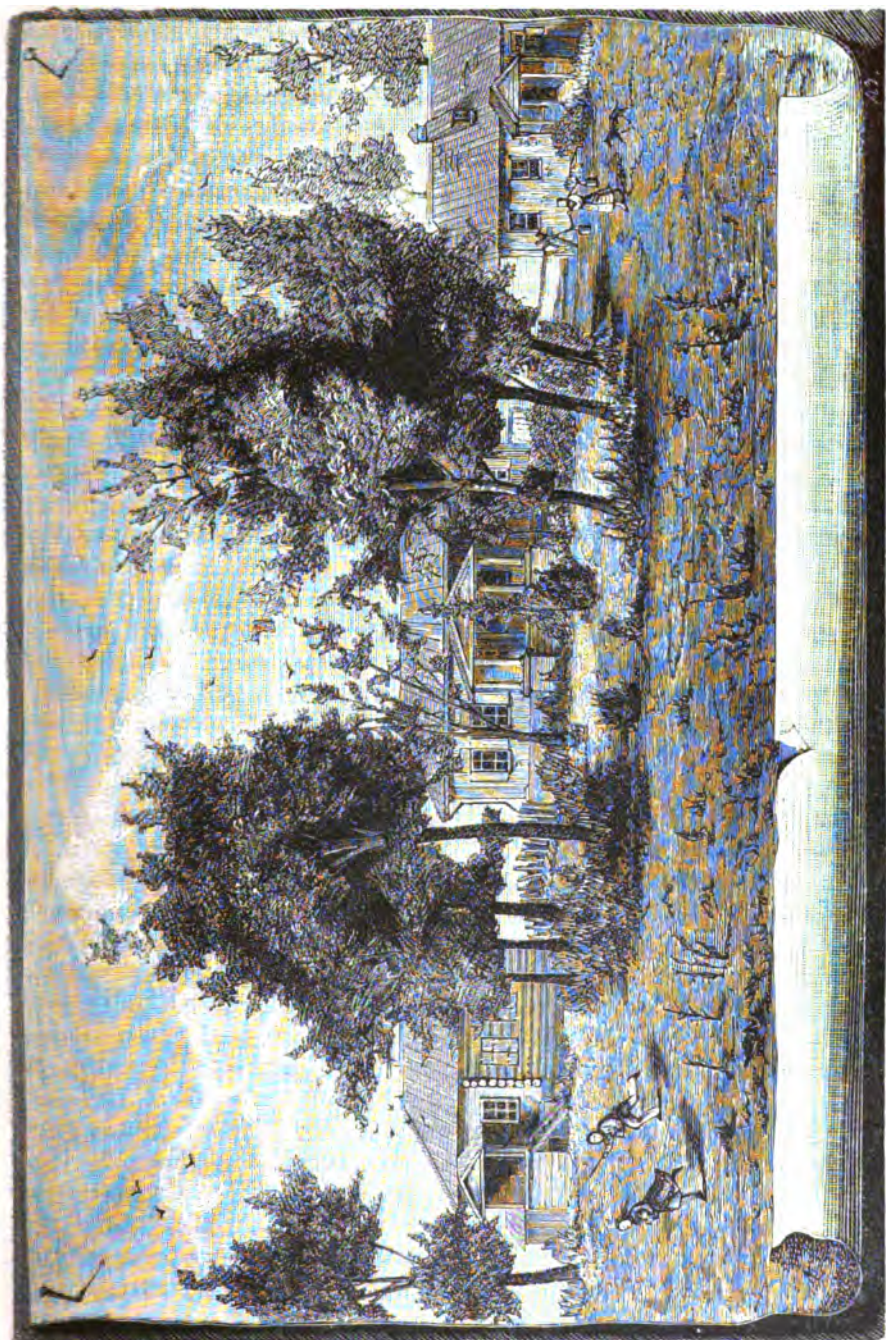
¹⁾ Мишенское есть въ Одоевскомъ уѣздѣ, въ 6 верстахъ отъ города; Мишина-Поляна — въ Бѣлевскомъ.

Церковь въ селѣ Мишенскомѣ съ господскою усадьбой и школой.

становится понятнымъ, почему въ часовню надъ прахами Буниныхъ, изображенную на нашемъ рисункѣ, попалъ памятникъ XVII столѣтія (что увидимъ ниже) надъ крѣпостнымъ Воейковыхъ, Тихономъ Соловцовымъ: въ 1662 году, въ годъ смерти Соловцова, Мишенское принадлежало Ивану Прокофьевичу Воейкову. Прахи самихъ Воейковыхъ, можно допустить, лежать въ той же часовнѣ, но только безъ памятниковъ. Кромѣ рода Буниныхъ, теперь уже угасшаго, въ здѣшнемъ уѣздѣ существовалъ родъ Левицкихъ-Буниныхъ, но со смертію, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, неженатаго и бездѣтнаго Николая Осиповича, родъ Левицкихъ-Буниныхъ тоже пресѣкся, а родовое имѣніе его, Пронино, поступило во владѣніе сестры его, вдовы Волченецкой. Въ 60, 70 и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, Мишенское принадлежало богатому помѣщику Аванасію Ивановичу Бунину, человѣку уже немолодому, имѣвшему чинъ надворнаго совѣтника и владѣвшему помѣстьями въ Орловской губерніи. Во время намѣстничества въ Тульской губерніи (въ 1777 году) генераль-поручика Кречетникова, первымъ предводителемъ дворянства былъ избранъ П. Н. Яновъ (должность его, какъ видно по бумагамъ, исправлялъ, большею частію, судья уѣзднаго суда Петръ Юшковъ, впоследствии зять Бунина); вторымъ предводителемъ бѣлевское дворянство избрало самого Аванасія Ивановича. По общему отзыву людей, знавшихъ Бунина лично, это былъ человѣкъ добрый, честный, но притомъ энергическій. Воля и энергія сказываются даже въ красивомъ почеркѣ Бунина, оставшемся въ дѣловыхъ бумагахъ дворянской опеки; по необыкновенной свѣжести подписи, можно полагать, что Бунинъ подписывалъ или тушью, или чернилами особаго состава.

Благодаря живописнымъ окрестностямъ селенія и близости города (менѣе 3 версты), владѣлецъ избралъ Мишенское постояннымъ мѣстопребываніемъ для своего семейства и, по обычаю того времени, какъ человѣкъ богатый, роскошно обстроилъ и украсилъ его. Огромный домъ на одномъ изъ лѣсистыхъ холмовъ, съ флигелями, службами, оранжереями, теплицами, садомъ и паркомъ, дѣлалъ Мишенское помѣщичьимъ раемъ; къ довершенію этой матеріальной обстановки, здѣсь были и предметы вдохновенія: тѣнистая дубовая роща за паркомъ, тянувшаяся по холмамъ до самой Васьковой горы, и ручеекъ въ долину, теперь изсякшій; наконецъ, и сама гора съ ея народнымъ преданіемъ, тогда еще свѣжимъ, о виновникѣ ея наименованія, розыгрывавшихся когда-то тутъ кровавыхъ драмахъ и кладѣ... Великолѣпный паркъ съ дорожками и вѣковыми, изрѣдка, елями, прилегающій къ господскому саду, остался цѣлымъ и теперь. Религіозный Бунинъ позаботился отдать дань и предметамъ вѣры: въ 1784 году, воздвигнулъ каменный храмъ на мѣстѣ существовавшаго ветхаго деревяннаго; храмъ этотъ, весьма простой сельской архитектуры, замѣчателенъ своими, роскошными

Господскія постройки въ селѣ Мишенскомъ.

для церкви, хорами, отдѣланными по красному фону золотомъ и свидѣтельствующими, что у Бунина, при его вполне барственой обстановкѣ, были и свои пѣвчіе. Усердіемъ, вѣроятно, владѣлицы хоры содержатся въ приличномъ видѣ и въ настоящее время. Въ церковномъ алтарѣ хранится старое евангеліе на пожелтѣвшей отъ времени бумагѣ, напечатанное въ 1627 году, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, благословеніемъ отца государя, патріарха курь Филарета. Кромѣ того, есть нѣсколько старыхъ иконъ. Священникъ села Мишенскаго, о. Сытинъ, обязательно сообщившій намъ нѣкоторые факты и свѣдѣнія для составленія этой статьи, указывалъ въ Никольскомъ придѣлѣ два образа, написанные будто бы, по преданію, Жуковскимъ въ молодости: одинъ — мѣстный въ иконостасѣ, св. Николая Чудотворца, хорошей для простаго любителя работы, другой — надъ царскими вратами, круглый, Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, значительно повредившійся. По достоинству живописи, послѣдній образъ далеко уступаетъ первому и могъ быть только произведеніемъ самоучки. Четыре евангелиста внизу царскихъ вратъ, не очень давней, повидимому, работы, по словамъ о. Сытина, писаны будто бы дочерью умершей Зонтагъ, Маріею Егоровною Гутмонсталь, владѣлицею Мишенскаго. Способность къ художеству, какъ видно, въ родѣ Буниныхъ наследственная. Только недавно, при передѣлкѣ настоящей церкви, сняты съ царскихъ вратъ ея тѣ рѣзные херувимы, къ которымъ, послѣ херувимской пѣсни, Жуковский, въ дѣтствѣ своемъ, подводилъ обыкновенно Анюту Зонтагъ для цѣлованія ихъ въ обѣ щеки и приподнималъ ее, чтобы она могла это сдѣлать безпрепятственно.

Мишенскій причтъ (священникъ и дьячекъ) имѣетъ въ своемъ пользованіи 42 десятины церковной земли и, сверхъ того, къ приходу Покровской мишенской церкви приписано 400 прихожанъ мужскаго пола ¹⁾). Метрическія книги о родившихся начинаются 1783 годомъ; въ «тетради», выданной въ этомъ году бѣлевскимъ духовнымъ правленіемъ священнику Петру Петрову (безъ фамиліи) съ причтомъ, значится записаннымъ рожденіе Василя Андреевича такимъ образомъ: «Той же вотчины (Мишенскаго) у дворовой вдовы, Елизаветы Дементьевой, незаконнорожденный сынъ Василій, 30-го января». Рожденіе и крещеніе Жуковскаго записано третьимъ, послѣ какихъ-то двухъ крестьянъ, рожденныхъ въ январѣ 1783 года. Неизвѣстно, по какой причинѣ умолчано въ «тетради» о крестномъ отцѣ новорожденнаго; у всѣхъ остальныхъ дѣтей имена воспріемниковъ упомянуты въ своемъ мѣстѣ. Когда же Салоха, мать поэта, приняла св. крещеніе и почему она носила отчество «Дементьевны», нигдѣ не видно, а что она, при рожденіи своего сына, считалась крѣпостною Бунина, въ этомъ, по смы-

¹⁾ Крестьяне села Мишенскаго и деревень: Фатьяновой и Васьковой.

слу записи, нѣтъ никакого сомнѣнія. Впослѣдствіи, когда «Васенька» подросъ, то онъ сдѣлался общимъ любимцемъ всѣхъ Буниныхъ, со включеніемъ даже и ихъ прислуги, но наименованіе «турченокъ» (не въ оскорбительномъ, разумѣется, смыслѣ) долго оставалось при ребенкѣ...¹⁾

Въ глубинѣ лѣса, за паркомъ, остался неприкосновенный холмъ, сохранившій названіе «Греева Элегія», по случаю того, что Жуковский, въ дѣтствѣ, перевелъ на немъ свое первое для печати стихотвореніе «Сельское кладбище» Грея²⁾). Возвышенность эта насыпана рабочими, подъ надзоромъ Жуковского, не безъ цѣли: прежде съ нея открывался лучшій видъ на Бѣлевъ, заслоненный отъ господской усадьбы, какъ выше сказано, возвышенностью съ лѣвой стороны ея; въ настоящее время насыпь поросла почти непроходимымъ лѣсомъ. Мѣсто это всегда посѣщается любителями сельскихъ прогулокъ, а особенно дѣтьми изъ учебныхъ заведеній, имѣющими привычку вырѣзывать на корѣ деревьевъ начальныя буквы своихъ именъ и фамилій. Искателями кладовъ насыпь вся изрыта и, разумѣется, напрасно... Легендарная молва про зарытый кладъ, такъ сказать, гнѣздится въ средѣ окрестныхъ жителей, и легковѣрные изъ нихъ, чтобы не быть смѣшными, рѣшаются трудиться ночью—искать въ землѣ то, чего въ ней никогда не сохранилось...

Затѣмъ, на все остальное, существовавшее при Буинѣ, неумолимое время положило свою тяжелую руку и не оставило рѣшительно ничего. Когда, послѣ смерти Аванасія Ивановича, Мишенское досталось по дѣлежу наслѣдникамъ, то получаемые съ него доходы не могли поддержать большихъ построекъ и огромной дворни; все это рушилось и разброслось. Внучка Бунина, извѣстная писательница Анна Петровна Зонтагъ, по смерти мужа, долго жила одинокою въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, теперь необитаемомъ и забитомъ. Всѣ утверждаютъ, что въ домикѣ этомъ, поддерживаемомъ владѣлицею Мишенскаго, жила Елизавета Дементьевна, мать поэта, до 1810 года, иначе сказать, до того времени, пока сынъ выстроилъ ей въ Бѣлевѣ, для жительства, собственный домъ. Другіе же идутъ далѣе: они утверждаютъ, что въ домикѣ этомъ родился Василій Андреевичъ. Домъ, дѣйствительно, изъ довольно старыхъ, какъ можно видѣть и по рисунку (съ лѣвой стороны главнаго зданія, гдѣ бѣгутъ дѣти), но сказать о послѣднемъ

¹⁾ Объ этомъ я узналъ отъ одного отставнаго чиновника. Онъ же, въ свою очередь, слышалъ о подобномъ наименованіи отъ своей родной бабки, жившей въ дѣтствѣ у священника Петра Петрова, который крестилъ Жуковского. Бабка, бывши маленькою, по ея словамъ, хаживала на господскую усадьбу играть съ Васенькою; 26 лѣтъ тому назадъ, старушка умерла.

²⁾ Стихотвореніе это начинается такъ:

«Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горой»...

что либо утвердительно мы не рѣшаемся. Тридцать лѣтъ тому назадъ¹⁾, отъ дома шла къ церкви, по саду, густая, сросшаяся аллея, съ подчищенной дорожкой; причемъ, предъ главнымъ зданіемъ господскаго дома, спереди и сзади его, видѣлись куртины съ цвѣтами. Со смертію Зонтагъ, въ 1864 году, порѣдѣла аллея и заросла дорожка къ церкви; о цвѣтахъ не можетъ быть даже и помина. Все отзывается пустотою и безлюдіемъ, которыя на всякаго посторонняго могли бы наводить тоску, если бы не противоdѣйствовала тому красота великолѣпной природы, окружающая усадьбу со всѣхъ почти сторонъ. Противъ самаго господскаго дома растутъ деревья, въ лѣтнее время почти заслоняющія его отъ взора проходящихъ по дорогѣ; видно, что на этомъ мѣстѣ существовалъ когда-то цвѣтникъ. Домъ построенъ изъ дерева и, повидимому, давно; камнемъ онъ обложенъ впоследствии, для прочности. Во внутренность дома ведутъ два крыльца: парадное, съ лицевой стороны, и черное, отъ флигеля, гдѣ живетъ теперь управляющій имѣніемъ (на рисункѣ—съ правой стороны). Зданіе съ трехъ сторонъ имѣетъ по четыре окна, а одна стѣна его — глухая. Парадныхъ комнатъ три: залъ (большой), гостинная и диванная; двѣ спальни расположены въ сторонѣ, ближе къ входу съ крылецъ. Прекрасная библиотека покойной Зонтагъ долго хранилась въ большомъ домѣ, но теперь она разобрана, а оставшіяся книги не стоятъ даже и наименованія книгъ, хотя онѣ хранятся въ тѣхъ же шкафахъ. Только кой-какіе портреты и картины, между которыми двѣ-три хорошихъ, красятъ стѣны пустаго дома. Портретъ какого-то монаха, благовидной наружности, обращаетъ на себя вниманіе; передаютъ, что это—бывшій петербургскій духовникъ Зонтагъ. Два портрета въ гостинной (одинъ изъ нихъ поменьше) завѣшены кистею; они, стало быть, дороже другихъ портретовъ для владѣлицы дома, если такъ бережно сохраняются²⁾. И, дѣйствительно, на одномъ изображенъ мужъ Анны Петровны, генералъ Зонтагъ, давно умершій, а на другомъ (по увѣренію многихъ) нарисовано изображеніе матери Жуковскаго, Елизаветы Дементьевны. Тутъ же, въ столикѣ, хранится и какая-то предсмертная работа Зонтагъ, составляющая, повидимому, дорогое воспоминаніе для ея дочери и любопытство для постороннихъ посѣтителей.

Мы, съ своей стороны, сомнѣваемся, что на одномъ изъ портретовъ (меньшемъ) нарисована мать Василя Андреевича, и сомнѣваемся не даромъ вотъ почему: во-первыхъ, турчанка Салоха, какъ мы знаемъ изъ біографій Жуковскаго, привезена была въ Ми-

¹⁾ Въ 1855 году, намъ довелось видѣть Зонтагъ и ея домашнюю обстановку; не смотря на свои 70 лѣтъ, она казалась вполне бодрою и гораздо моложе своихъ лѣтъ. Затѣмъ, Мишенское намъ пришлось потерять изъ виду на 25 лѣтъ.

²⁾ Въ гостинной есть небольшой портретъ жены Василя Андреевича, Елизаветы Алексѣевны, съ сыномъ, небольшимъ мальчикомъ.

Часовня надъ прагомъ Бунныхъ на Мишенскомъ кладбищѣ.

шенское 16-ти лѣтъ, въ возрастѣ полного физическаго развитія для восточной женщины, на портретѣ же видимъ миловидную дѣвочку лѣтъ 10—11; во-вторыхъ, краски портрета слишкомъ свѣжи и ярки для 100-лѣтняго изображенія, и, въ-третьихъ (это главнѣйшее), «Васенька» былъ общимъ любимцемъ въ семьѣ Буниныхъ и ихъ всѣхъ родственниковъ, но мать его, при всей очевидной пользѣ ея для дома господъ (она была и экономкою, и надсмотрщицею надъ плетеньями ковровъ), не могла занимать въ господской семьѣ такого виднаго положенія, чтобы владѣльцы, кто бы они ни были, рѣшились написать ея портретъ и тратиться на это. Пассивностью положенія своей дорогой матери возмущался иногда и самъ добрый-шій Василій Андреевичъ.

Въ настоящее время земля при селѣ Мишенскомъ, мельница и лѣсъ принадлежатъ дочери Зонтагъ, Марьѣ Егоровнѣ, выданной въ замужество за австрійскаго подданнаго Людвигъ Гутмонсталь-Бенвенути; мужъ и жена живутъ въ собственномъ замкѣ Вексель-Штейнѣ, близъ Триеста. Видъ города Триеста, вѣроятно, по этому случаю, виситъ съ другими картинами на стѣнѣ диванной. Гутмонстали, по рассказамъ жителей села, люди весьма богатые, и Мишенское, повидимому, держатъ въ своихъ рукахъ только по родственнымъ воспоминаніямъ. Самъ Людвигъ Гутмонсталь занимаетъ въ Австріи какое-то весьма видное мѣсто. Мужъ и жена, какъ полагать надобно, оба уже люди пожилые¹⁾. У Марьи Егоровны считается въ Мишенскомъ земли 408 десятинъ съ саженьями, а крестьяне вышли съ надѣломъ 337 десятинъ 770 сажень. Въ 50-ти дворахъ села считается около 500 душъ обоюго пола. Хозяйствомъ завѣдуетъ управляющій. Близъ церкви, на окраинѣ холма, выстроена недавно сельская школа, въ которой было до 70 обучавшихся; при этомъ замѣчательно то, что у покойной Зонтагъ школа существовала 35 лѣтъ тому назадъ, еще при пресловутомъ крѣпостномъ правѣ, враждебно относившемся къ грамотности крестьянъ....

Супруги Гутмонстали прежде ѣздили въ Россію довольно часто; въ послѣдній разъ они пріѣзжали лѣтъ семь или восемь тому назадъ, по смерти Елагина, служившаго мѣстнымъ предводителемъ дворянства. Какъ мы слышали, Гутмонстали намѣревались было пріѣхать въ Мишенское и нынѣшнимъ лѣтомъ, но намѣреніе это почему-то не осуществилось. Владѣльцы Мишенскаго обыкновенно пріѣзжаютъ не прямо въ свое помѣстье, а въ селцо Уткино²⁾, къ Е. И. Елагиной, ихъ ближайшей родственницѣ; Елагина по рожде-

¹⁾ У супруговъ Гутмонсталь въ Австріи трое дѣтей: два женатые сына и замужняя дочь.

²⁾ Уткино лежитъ на Болховской дорогѣ, въ 18-ти верстахъ отъ Бѣлева и въ 6-ти отъ Пронна.

нію дочь М. А. Протасовой отъ профессора Дерптскаго университета Мойера. Тутъ невольно вспоминаются высокія и благородныя чувства поэта, внушенныя ему въ молодости матерью Елагиной. Мужъ послѣдней (братъ предводителя), тоже умершій, усердно занимался отечественною исторіею и написалъ извѣстную «Бѣлевскую Вявліюенку», трактующую о древностяхъ уѣзда. Затѣмъ, побывавши какъ слѣдуетъ въ Уткинѣ, Гутмонстали пріѣзжаютъ, бывало, на нѣсколько дней въ Мишенское, и пустынная господская усадьба, разумѣется, на нѣкоторое время оживляется...

Объ остальныхъ постройкахъ на господской усадьбѣ не стоитъ и упоминать: онѣ немногочисленны. Каменный скотный дворъ лежитъ далѣе, по дорогѣ въ Шишкино; господская же рига выстроена еще далѣе, противъ сельскаго кладбища, отдѣленнаго отъ нея ровомъ, поросшимъ молодыми березками, что придаетъ мѣстности живописный видъ.

На кладбищѣ, сзади котораго протекаетъ небольшая рѣчка Семьюнка, выстроена деревянная часовня, незатѣйливой архитектуры; тамъ лежатъ подъ каменными памятниками прахи: самого Аѳанасія Ивановича Бунина, отошедшаго въ вѣчность въ 1791 году, 75 лѣтъ, и дочери его Варвары Аѳанасьевны, умершей въ 1797 году, 29 лѣтъ; она была въ замужествѣ за Петромъ Юшковымъ. Отъ этого брака родилась Анна Петровна, впоследствии Зонтагъ, одноколыбельница, какъ она себя называла, Жуковскаго и участница во всѣхъ его дѣтскихъ играхъ; къ нимъ присоединялась иногда, вмѣстѣ съ другими, и та дѣвочка, которая жила у священника Петра Петрова. Мраморный памятникъ самой Зонтагъ—ближайшій ко входу. Кромѣ того, виднѣются нѣсколько каменныхъ безыменныхъ плитъ.

На памятникѣ рано похищенной смертію матери Зонтагъ, Варвары Аѳанасьевны, бывшей, вмѣстѣ съ тѣмъ, и крестною матерью Жуковскаго, существуетъ слѣдующая эпитафія:

«Чей прахъ скрываетъ здѣсь сей камень подъ собою?
Кто прямо мать была, супруга—мужу, бѣднымъ—другъ?..
Но къ горести ихъ всѣхъ, болѣзненной судьбою,
Она въ селенья радости свой испустила духъ».

Мы не знаемъ, кто сочинитель этого надгробія, но, по циклу стиха и по особенному душевному настроенію автора, догадываемся, что творецъ его—Жуковский, имѣвшій въ это время 14 лѣтъ.

Въ той же часовнѣ, при входѣ, налѣво, находится небольшой изъ плитняка памятникъ съ слѣдующею надписью, выбитою вязью: «Погребенъ рабъ Божій Тихонъ Ивановъ Салавцовъ, Ивановъ челоуѣкъ, Прокофьевича Воейкова. А подпись сію писалъ Иванъ Куликовскій, лѣта 7170 (1662 г.) іюня въ 28 день».

Всѣ памятники XVII столѣтія, а также и XVI, какіе намъ до-

водилось читать въ разныхъ мѣстахъ ¹⁾ надъ прахами знатныхъ бояръ, отличаются величиною и массивностью; памятникъ же крѣпостнаго Соловцова въ сравненіи съ ними есть чисто дѣтскій памятникъ. Миниатюрностью камня, вѣроятно, высказывалось ничтожество общественнаго положенія отошедшаго въ другой міръ челоуѣка... Неизвѣстно только то, кто пригородилъ памятникъ стѣною часовни, чтобы сохранить его: сами ли Воейковы, или позднѣе ихъ тѣ лица, которыя хоронили Бунина.

Укажемъ теперь на тѣ стихотворенія Жуковскаго, которыя живописуютъ мѣстность Мишенскаго, въ самомъ дѣлѣ прекрасную. Вспоминая въ Дерптѣ о дорогой родинѣ, Жуковскій пишетъ:

«Тамъ (въ Мишенскомъ) небеса и воды ясны!

Тамъ пѣсни птичекъ сладкогласны!

О родина, всѣ дни твоя прекрасны!

Гдѣ бъ ни былъ я, но все съ тобой

Душой.

Ты помнишь ли, какъ подъ горою,

Осеребренный росю,

Свѣтлѣся лучъ вечернею порою,

И тишина слетала въ лѣсъ

Съ небесъ?

Ты помнишь ли нашъ прудъ спокойной

И тѣнь отъ ивъ въ часъ полдня знойной,

И надъ водой отъ стада гулъ нестройной,

И въ лонѣ водъ, какъ сквозъ стекло,

Село!

Тамъ на зарѣ пичужка пѣла,

Даль озарялась и свѣтлѣла,

Туда, туда душа моя летѣла;

Казалось сердцу и очамъ

Все тамъ!»

Это Жуковскій писалъ Авдотѣ Петровнѣ Елагиной, сестрѣ Зонтагъ, а своей племянницѣ (отъ другаго мужа, В. Кирѣевскаго, у нея былъ сынъ И. В. Кирѣевскій). Подъ псевдонимомъ Петерсонъ, она переводила статьи для журналовъ.

Привязанный до болѣзненности къ Мишенскому, Жуковскій слѣдующимъ образомъ описываетъ свои чувства къ родинѣ:

«Друзья, любите сънь родительскаго крова!

Гдѣ жъ счастье, какъ не здѣсь, на лонѣ тишины,

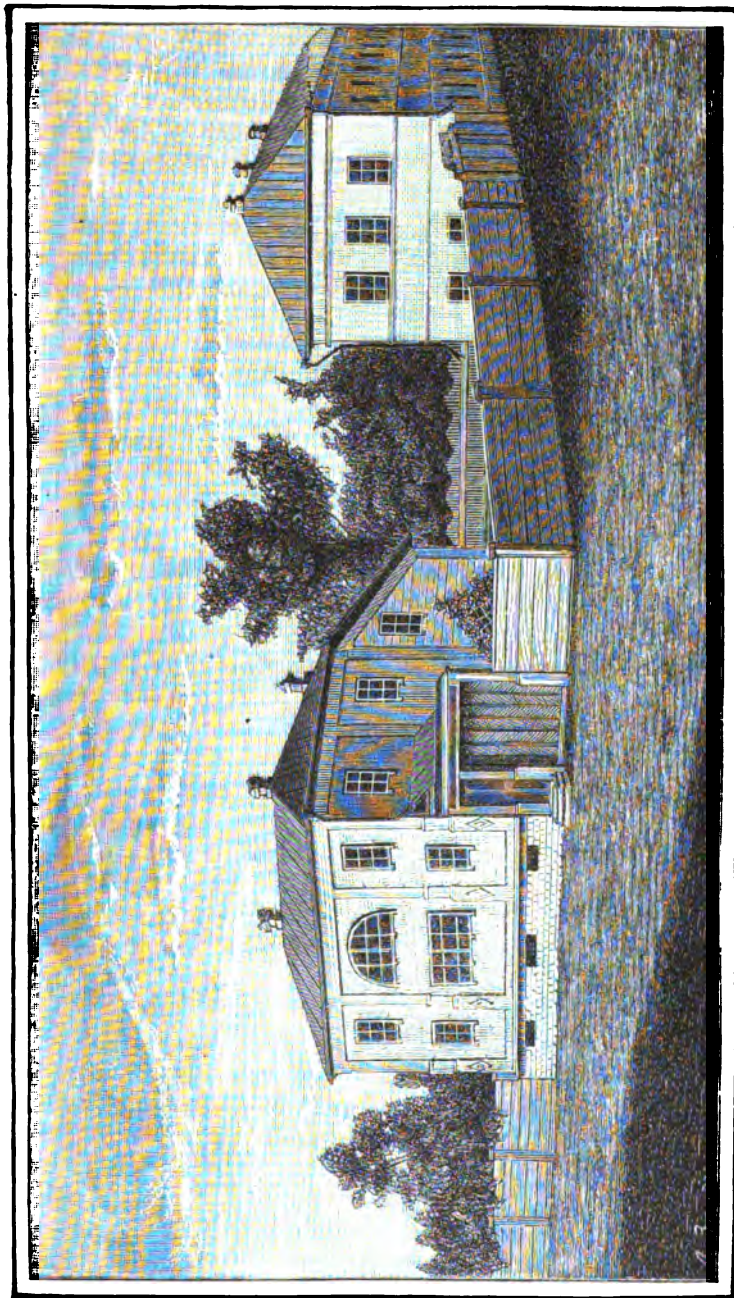
Съ забвеніемъ суетъ, съ безпечностью свободы?

О блага чистыя, о сладкій даръ природы!

Гдѣ вы, мои поля? Гдѣ вы, любовь весны?

Страна, гдѣ я разцвѣлъ въ тѣни уединенья,

¹⁾ Въ бывшемъ Анастасовомъ монастырѣ, близъ Одоева, намъ довелось читать на памятникѣ слѣдующее: «7116 года, сброшенъ съ Одоевской крѣпости Никита Лупповичъ Колумпасевъ за то, что вору Гришкѣ Отрепьеву не сталъ измѣнически цѣловать креста».

Бывшій домъ Жуковскаго въ Бѣлевѣ, перестроенный въ 1872 году по старому плану для школы.

Гдѣ сладость тайная во грудь мою лилась,
 О рощи, о дубья, когда увижу васъ?
 Когда, покинувъ свѣтъ, опять безъ принужденія
 Вкушать мнѣ вашу сѣнь, вашъ сумракъ и покой?
 О, кто мнѣ возвратитъ родимыя долины?...

Своей милой родины Жуковскій не забывалъ и при громѣ пушекъ, когда сдѣлался «Пѣвцомъ во станѣ русскихъ воиновъ»; онъ говоритъ:

«Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
 Страна, гдѣ мы впервые
 Вкусили сладость бытія,
 Поля, холмы родные (пятихолміе),
 Роднаго неба милый свѣтъ,
 Знакомые потоки,
 Златыя игры первыхъ лѣтъ
 И первыхъ лѣтъ уроки —
 Что вашу предель замѣнить?
 О родина святая,
 Какое сердце не дрожить,
 Тебя благославая?»

Когда черезъ 22—23 года, именно въ 1837 году, Жуковскій проѣздомъ былъ въ Бѣлевѣ со своимъ царственнымъ воспитанникомъ, въ Бозѣ почившимъ императоромъ Александромъ II, то прожилъ въ Мишенскомъ нѣсколько дней и, разумѣется, съ любовью осмотрѣлъ тѣ прекрасныя мѣста, гдѣ провелъ свое дѣтство и первую молодость; по рассказамъ очевидцевъ, нѣкоторыя мѣста, связанные съ печальными событіями, вызвали у впечатлительнаго Василія Андреевича слезы... Всѣ родные собрались у Зонтагъ для встрѣчи дорогаго родственника, и встрѣча вышла не только торжественная, но и семейно-трогательная. Затѣмъ, по инициативѣ нѣкоторыхъ дворянъ и горожанъ, поэту оказана была торжественная встрѣча въ городскомъ саду, причемъ садъ роскошно иллюминировали, такъ какъ пріѣздъ Жуковского состоялся вечеромъ. Восторженные бѣлевцы хотѣли было украсить голову Жуковского серебрянымъ вѣнкомъ, но виновникъ торжества скромно уклонился отъ подобнаго рода оваціи. Мастеръ, дѣлавшій вѣнокъ, живъ и теперь. Въ саду долго послѣ того существовала, на главной аллеѣ, арка въ память этого посѣщенія, съ надписью: «Въ память посѣщенія В. А. Жуковского, 1838 годъ». Обѣзжая съ наслѣдникомъ престола разныя общественныя учрежденія, Василій Андреевичъ, какъ педагогъ, не преминулъ завернуть одинъ и въ уѣздное училище, но по случаю вакаціоннаго времени, помысла, ученія не было. Смотритель же училища, Успенскій, вмѣстѣ съ другими чиновниками, имѣлъ счастье представляться наслѣднику престола. Въ письмѣ (1837 года) къ бывшему въ то время бѣлевскому городскому головѣ А. Ѡ. Новикову, Жуковскій, выразивъ свою благодарность здѣшнимъ жителямъ за ихъ особенно радушный пріемъ,

именуетъ самъ себя «гражданиномъ» Бѣлева. Письмо это, написанное съ величайшею сердечною теплотою, такъ присущею Жуковскому, намъ довелось читать у наслѣдниковъ Новикова, лѣтъ 35 тому назадъ. Копія же съ него, къ искреннему сожалѣнію, гдѣ-то затерялась и потому воспроизведена быть не можетъ. Черезъ бывшего тогда уѣзднаго предводителя, Жуковскій, безъ всякаго сомнѣнія, благодарилъ и бѣлевское дворянство, почтившее его столь радушнымъ пріемомъ.

Въ 1810 году, Василій Андреевичъ устроилъ для матери своей домъ въ Бѣлевѣ; она отошла отъ Буниной, повидимому, при ея еще жизни. Полагать надобно, что мѣстность города покойный поэтъ зналъ какъ свои пять пальцевъ; онъ выбралъ самую лучшую и по чистотѣ воздуха, и по за-окскимъ живописнымъ видамъ. Мѣстность эта находится въ Казачьей слободѣ, на Ертовской улицѣ, на высокомъ берегу Оки ¹⁾. Сколько стиховъ Жуковского обязано этой вдохновляющей мѣстности своимъ существованіемъ! Домъ выстроенъ былъ деревянный, двухъ-этажный, на каменномъ фундаментѣ (на углу), съ тремя окнами въ каждомъ этажѣ, изъ коихъ среднее, наверху, полукруглое, что имѣетъ странный видъ. Елизавета Деметъевна, приписанная къ бѣлевскому мѣщанскому обществу, умерла почти въ одно время съ Марьею Григорьевною, которой она была гораздо моложе. Въ 1822 году, въ опустѣвшемъ домѣ помѣщались, по найму, уѣздный и земскій суды съ дворянскою опекою, пока передѣлывались старыя обгорѣвшія развалины теперешняго помѣщенія отдѣленія окружнаго суда и земской управы съ опекою. Затѣмъ, домъ Жуковского перешелъ во владѣніе протокола опеки Емельянова; по просьбѣ послѣдняго, намъ помнится, изъ царскаго кабинета высылались деньги на поддержку зданія, приходившаго въ ветхость. При домѣ существовалъ плодовый садъ, уничтоженный весенними морозами 1837 года. Старый домъ поэта, въ 1837 году, осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ царь-освободитель Александръ II, тогда еще наслѣдникъ престола, во время его путешествія по Россіи. Съ верхняго этажа августѣйшій путешественникъ, вмѣстѣ съ окружавшею его свитою, любовался живописными за-окскими окрестностями, простирающимися вверхъ по Окѣ верста на 15. Жуковскій, въ свою очередь, рассказывалъ наслѣднику престола разные моменты изъ его жизни въ домѣ, вмѣстѣ съ покойною матерью, а также говорилъ и о сочиненіяхъ, написанныхъ имъ въ этомъ домѣ. Тогдашнимъ владѣльцемъ Емельяновымъ былъ предложенъ государю наслѣднику завтракъ; предложеніе было при-

¹⁾ Рядомъ съ домомъ Жуковского, впоследствии, поселился и тутъ умеръ, бывший полковникъ Семеновскаго гвардейскаго полка Шварцъ, по милости котораго случилась извѣстная «Семеновская исторія» въ Петербургѣ. Мы хорошо его помнимъ.

нято съ большою благосклонностью. При отъѣздѣ, наслѣдникъ подарилъ Емельянову богатую табакерку. Обветшалый домъ, по инициативѣ князя Вяземскаго, друга умершаго почта, правительствомъ приобрѣло у наслѣдниковъ Емельянова за 3 тысячи рублей, перестроило его заново по плану и фасаду стараго и открыло въ немъ, въ концѣ 1872 года, ремесленное училище. Впослѣдствіи, при увеличившемся комплектѣ учениковъ, домъ оказался чрезвычайно тѣснымъ; была найдена возможность, при частномъ пособіи, выстроить для школы гораздо большее помѣщеніе—каменный двухъ-этажный домъ. Въ этомъ домѣ, приспособленномъ только чернѣ, и помѣщается теперь училище, а въ небольшомъ домикѣ Жуковскаго живутъ преподаватели. На нашемъ рисункѣ виднѣтся фасадъ училищнаго дома. Среди усадьбы Жуковскаго, существовала усадьба и деревянный домъ, весьма странной архитектуры, бывшаго дядьки Василя Андреевича, Михаила Ивановича Звѣрева. Звѣревъ, впослѣдствіи, а именно въ 20-хъ годахъ, занимался составленіемъ дѣловыхъ бумагъ и слылъ въ Бѣлевѣ за умнаго и трезваго челоука; по какимъ-то обстоятельствамъ, Звѣревъ даже платилъ гильдію. Преданный дядька уваживалъ за Васильемъ Андреевичемъ и во время обученія его въ университетскомъ пансіонѣ и послѣ того—въ Мишенскомъ и Бѣлевѣ, а затѣмъ и въ Орловской губерніи, гдѣ покойный приобрѣлъ себѣ маленькую деревеньку, смежную съ владѣніемъ Екатерины Аѳанасьевны Протасовой—деревнею Муратовою. По рассказамъ вдовы умершаго Звѣрева, которую намъ довелось знать лично, Василій Андреевичъ сначала помогалъ ей присылкою на всякое просимое письмо ея, а затѣмъ она потеряла его изъ виду: два подростшіе сына могли содержать больную женщину, безъ посторонней помощи.

Заслуги Жуковскаго, безспорно, принадлежать всей Россіи; но, тѣмъ не менѣе, мы, бѣлевцы, вправѣ называть достойнаго поэта своимъ согражданиномъ, не потому только, что онъ родился близъ города, но и потому, что лучшіе годы своей молодости онъ провелъ въ Бѣлевѣ. Жизнь на родинѣ, такъ сказать, послужила дорогому «пѣвцу во станѣ русскихъ воиновъ» прочнымъ фундаментомъ, чтобы неизбежно основать на немъ свое будущее высокое значеніе какъ на литературномъ поприщѣ, такъ и на служебномъ. Заслуги Жуковскаго, не отдавая, можетъ быть, себѣ въ томъ яснаго отчета, чувствуютъ сейчасъ съ благодарностію милліоны бѣднѣйшихъ обитателей громадной Россіи!..

Прошло почти 100 лѣтъ со смерти Аѳанасія Ивановича, но понятія «Бунинская мельница», «Бунинскій лугъ» и проч., и теперь не сходятъ съ устъ какъ окрестныхъ жителей Мишенскаго, такъ и собственно городскихъ: народная память, видно, переживаетъ самую смерть!..

П. Мартыновъ.

ГОРИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ И ДВА ІЕРАРХА РУССКОЙ ЦЕРКВИ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Хвалилась древность вся и тѣмъ горда была,
Какой-то чудный домъ она создала,
Кой Лавиринеъ отъ всѣхъ народовъ назывался,
Въ который кто входилъ, всегда въ немъ заблудялся.

Хвалиться долженъ ты тѣмъ болѣ, Переславль,
Что у тебя есть Лавиринеъ, и ты его прославль;
Отверзаты храмы въ немъ и олтари дымятся,
Въ кой жители твои съ усердіемъ стремятся;
Не заблужденіе, но путь находятъ въ немъ,
Жилищемъ бо онъ тѣхъ, благотворятъ что всѣмъ.

(Къ переславскому архіерейскому дому,
стихотв. XVIII вѣка).

ВЪ 120 ВЕРСТАХЪ отъ Москвы и на такомъ же разстояніи отъ Ярославля, при упраздненной шоссеиной дорогѣ, находится когда-то знаменитый, теперь небольшой уѣздный городокъ Переславль-Залѣсскій. Обойденный по волѣ желѣзнодорожниковъ, строившихъ московско-ярославскую желѣзную дорогу, прямымъ сообщеніемъ съ Москвою, городъ сохранилъ видъ добраго стараго города.

Желѣзнодорожная культура не коснулась еще совершенно Переславля, и онъ представляется дѣйствительно захолустнымъ.

Переславль-Залѣсскій, уѣздный городъ Владимірской губерніи, расположенъ въ неровной и довольно болотистой мѣстности, по обоимъ берегамъ рѣки Трубежа, при впаденіи ея въ озеро Плещеево, или Переславское. Домовъ въ городѣ считается около 750; жителей

до 8,700. Кромѣ громадной бумаго-прядильной фабрики Борисовскаго, есть красильно-бумажныя фабрики Гладковыхъ, Павлова и др., а въ Переславскомъ озерѣ водятся въ изобиліи знаменитыя переславскія сельди. Какъ онѣ очутились въ этомъ озерѣ, до сихъ поръ еще положительно не изслѣдовано. Нѣкоторые говорятъ, что ихъ развелъ Петръ I во время своего пребыванія въ Переславлѣ, выписавъ ихъ изъ Голландіи; другіе утверждаютъ, что эти сельди есть переродъ сига, который водится въ нѣкоторыхъ рѣчкахъ Переславскаго уѣзда, и что озеро это въ болѣе отдаленныя времена имѣло притоки большихъ рѣкъ. Какъ бы то ни было, но о переславскихъ сельдяхъ упоминается уже въ XIV вѣкѣ, ибо, по словамъ Герберштейна, коронованному великому князю Дмитрію (впослѣдствіи Донскому) за церемоніальнымъ велико-княжескимъ обѣдомъ, между прочимъ, во исполненіе древняго обычая, подали блюдо сельдей переславскихъ. Этимъ самымъ напоминалось великому князю, что Москва и Переславль должны быть всегда неразлучны подъ его скипетромъ.

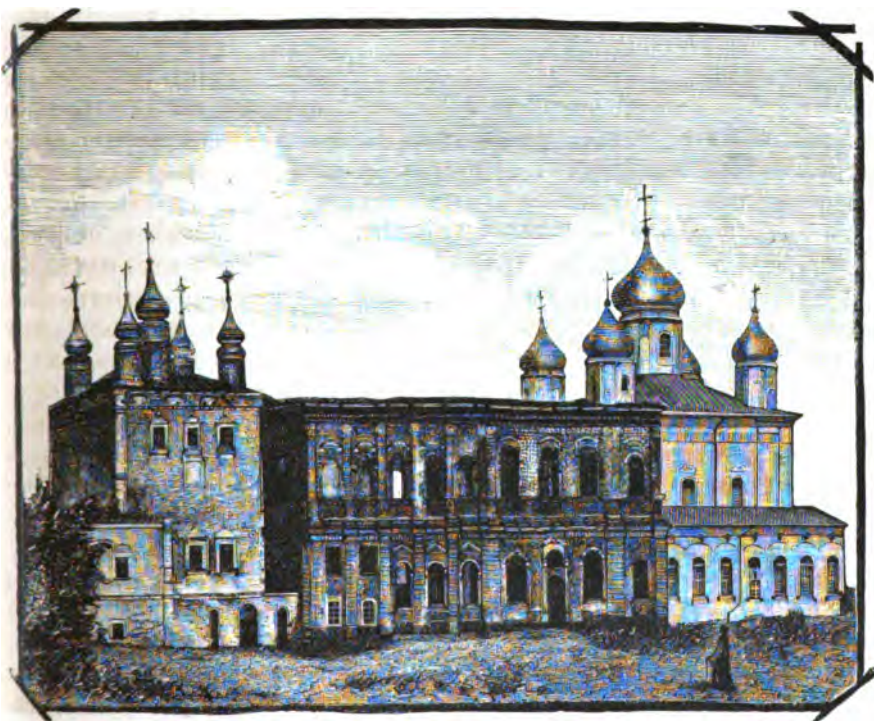
Переславль принадлежитъ къ древнѣйшимъ городамъ сѣверо-восточной Руси. Онъ основанъ въ 1152 году княземъ суздальскимъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ и названъ въ память Переславля южно-русскаго; Залѣскимъ же прозванъ отъ того, что находился въ дремучихъ лѣсахъ, отдѣлявшихъ его отъ другихъ городовъ. Въ XV и XVI вѣкахъ, Переславль составлялъ вотчину князей московскихъ, которые заботились объ этомъ городѣ и украсили его многими знаменитыми храмами. Особенно жаловалъ Переславль Иванъ Грозный, постройки котораго, хотя и въ обезображенномъ видѣ, сохранились до настоящаго времени. Въ Переславлѣ и теперь находится, кромѣ четырехъ существующихъ монастырей: Данилова, Никитскаго, Николаевскаго и Феодоровскаго, 22 каменные приходскія церкви и два собора, къ которымъ причисленъ и знаменитый Горицкій монастырь, мѣстопробываніе переславскихъ владыкъ¹⁾.

Горицкій Успенскій монастырь основанъ, по преданію, супругой великаго князя Дмитрія Донскаго, княгиней Евдокіей. Хотя подобнаго рода сказаніе и подвержено нѣкоторому сомнѣнію, но, тѣмъ не менѣе, монастырь существовалъ уже въ первой половинѣ XIV вѣка, такъ какъ о немъ упоминается въ житіи св. Дмитрія Прилуцкаго, жившаго въ этой обители. Горицкимъ онъ названъ потому, что стоитъ на возвышенности, въ старину называвшейся «Горьцами». Съ этой возвышенности прекрасный видъ на городъ и Переславское озеро. Монастырь до учрежденія штатовъ имѣлъ 4,900 душъ крестьянъ и былъ однимъ изъ богатѣйшихъ. До 1744 года онъ управлялся архимандритами, но съ этого времени по 1788

¹⁾ Отъ Ростова-Ярославскаго до Переславля-Залѣскаго; А. Каово. Москва. 1884, in 16°—1—116 ст., стр. 48.

годъ въ немъ имѣли свои мѣстопробываніе переславскіе преосвященные, и онъ назывался «Переславскимъ архіерейскимъ домомъ». Учрежденная Екатериною II, епархія Переславская и Дмитровская имѣла въ своемъ вѣдѣніи, кромѣ Переславля, еще 9 городовъ съ уѣздами: Дмитровъ, Клинь, Рузу, Верею, Волоколамскъ, Гжатскъ, Александровъ, Киржачъ и Покровъ. Всѣхъ монастырей и церквей въ этой епархіи было тогда болѣе 700.

Въ настоящее время отъ прежняго величія Горицкаго монастыря осталось немного. Все передѣлано, сломано и разрушается. Знаме-

Горицкій монастырь до его возобновленія.

(Рисунокъ 1870 года).

нитые монастырскіе ворота, отличавшіеся художественной постройкой, много утратили своихъ украшеній уже послѣ снятаго въ 1850 году рисунка Рихтеромъ и напечатаннаго въ «Памятникахъ древняго русскаго водчества». Врата эти, по рисунку украшеній, относятся къ началу XVII вѣка; они соединяются со стѣной и зданіемъ, въ нижнемъ этажѣ котораго находились жилыя помѣщенія. Вся постройка произведена отчетливо, прочно, изъ хорошо обожженнаго кирпича, приготовленнаго по особымъ лекаламъ или въ

особыхъ станкахъ, соотвѣтственно формѣ украшеній и мѣсту, какое назначалось ему въ кладкѣ по кирпичному дѣлу; по разнообразію и оригинальности рисунка въ украшеніяхъ зданіе это составляетъ замѣчательный памятникъ древняго-русскаго зодчества. Къ сожалѣнію, невѣжественная рука пыталась поновить эти врата и въ пылу усердія сбила, какъ языческую эмблему, находившійся съ лѣвой стороны въ углубленіи «коникъ»; другой, справа, уцѣлѣлъ совершенно случайно. Впрочемъ, все поновленіе воротъ и заключалось лишь въ сбитіи коника, расписаніи священнымъ изображеніемъ верхняго полуовала и отбѣлкѣ стѣнъ; болѣе необходимыя и важныя исправленія остались неудовлетворенными; нижніе столбы совершенно осыпались, и кругомъ вратъ страшная неярпшлвость...

Не болѣе въ лучшемъ положеніи состоитъ храмъ св. Николая Мирликійскаго, находящійся рядомъ съ вратами, на углу монастырской стѣны. Лѣстница, ведущая въ этотъ храмъ, уже новая деревянная; галлерей, идущая вокругъ церкви, отчасти сохранилась, но свода уже не существуетъ—онъ замѣненъ простымъ желѣзнымъ покрытіемъ. Наружный видъ храма уцѣлѣлъ, внутри же почти все передѣлано по-новому, бѣдно и безъ всякаго вкуса; единственные остатки старины—«голосники», мрачно смотрятъ между новѣйшими искаженіями. Еще недавно мы видѣли часть старыхъ образовъ и иконостаса, сваленныхъ въ углу галлерей, которые могли бы служить образцами для реставраціи и сдѣлали бы честь любому музею; теперь, вѣроятно, все это убрано или уничтожено. Съ крыльца храма прелестный видъ на городъ и окрестности; особенно рельефно выдѣляется Теодоровскій монастырь; вдали виднѣтся село Вельково, сохранившее и до настоящаго времени мерянское названіе.

Отъ святыхъ воротъ идетъ кругомъ обвалившаяся каменная ограда съ башнями, изъ которыхъ одна, лишенная покрытія, отличается отъ другихъ типичностью и значительными размѣрами. Внутри этой стѣны, поросшей травой и кустарникомъ, находится прудъ, заплывшій тиной и издающій запахъ; по всему монастырю груды мусора и битаго кирпича. Но не то было во времена существованія Переяславской епархіи, въ управленіе преосвященнаго Амвросія Зертисъ-Каменскаго, который управлялъ ею съ 1753 по 1761 годъ. Проживая все это время въ Горлицкомъ монастырѣ, онъ много заботился о его украшеніи. Украшая и обогащая монастырь, онъ, между прочимъ, задумалъ древнюю церковь Всѣхъ Святыхъ соединить съ Успенскимъ соборомъ, громаднѣйшимъ зданіемъ, названнымъ имъ «Геесиманіею». Объ этой Геесиманіи еще въ 1820 году Хвостовъ писалъ, что «преосвященный Амвросій, при возобновленіи соборной церкви, сдѣлалъ въ олтарѣ такое горнее мѣсто, которому едва ли есть подобное въ Россіи». «Сей знаменитый пастьрь и строитель Новаго-Іерусалима,—продолжаетъ историкъ Пе-

переславля—воздвигнулъ огромное зданіе подъ именемъ «Геесиманіи», или дома Богородицы, примкнувъ оное къ западной сторонѣ собора и означивъ быть въ немъ многимъ церквамъ или придѣламъ. Сіе зданіе прекращено строеніемъ въ 1763 году и прикрито было драбью; теперь же въ жалкомъ положеніи и кирпичи обваливаются ¹⁾».

Св. ворота въ бывшемъ Горичкомъ монастырѣ.

Въ настоящее время Геесиманіи не существуетъ. Съ переводомъ въ Горичкій монастырь духовнаго училища начались передѣлки монастырскихъ зданій и приспособленіе ихъ для училища.

Наружный видъ Геесиманіи, въ стилѣ ренессансъ, очевидно, и до сломки претерпѣлъ нѣкоторыя искаженія, о чемъ свидѣтельствуютъ два небольшія совершенно иной формы окошечка, находящіяся въ нижнемъ этажѣ близъ церкви Всѣхъ Святыхъ. По мысли строителя, это зданіе должно было составлять неразрывную связь съ двумя сосѣдними храмами. Построившій ранѣе, еще въ

¹⁾ «О знаменитости Переславля-Залѣскаго», графа Хвостова («Благонамѣренный», журналъ, 1820 г., № 8).

бытность свою архимандритомъ Ново-Іерусалимскаго монастыря, чудный куполь надъ гробомъ Господнимъ, большой любитель строиться, свѣдушій въ архитектурномъ дѣлѣ, преосвященный Амвросій къ этой постройкѣ прилагалъ особое стараніе и дѣлалъ все, чтобы зданіе заслуживало вниманія. Авторъ «Исторіи Россійской іерархіи», писавшій о Переяславской епархіи чрезъ 15—20 лѣтъ послѣ смерти преосвященнаго, упоминая о Горицкомъ монастырѣ, говоритъ: «Симъ преосвященнымъ Амвросіемъ построены соборный храмъ Успенія и рядомъ огромная церковь, называемая «Геесиманією», гдѣ бытъ долженствовало гробу Богоматери, приличествующему храму ея. Это зданіе и въ неоконченномъ видѣ было великолѣпно». Изъ этихъ хотя и краткихъ свидѣтельствъ современниковъ видно, что зданіе было дѣйствительно замѣчательно и представляло архитектурный памятникъ своего времени. Думается, что тщетны будутъ всѣ усилія защитниковъ настоящей реставраціи Горицкаго монастыря, силищихся путемъ печати доказать, что Геесиманія заключала въ себѣ только двѣ ни къ чему непригодныя стѣны, вполне достойныя сломки ¹⁾. Слова указа святѣйшаго синода 1755 года, относящагося къ одному изъ переславскихъ преосвященныхъ, Серапіону Латошевичу, по поводу сломки имъ нѣкоторыхъ древнихъ переславскихъ церквей, что «онъ, Серапіонъ, только все ломалъ, а ничего добраго не построилъ» ²⁾, есть лучший отвѣтъ такимъ литераторамъ.

Внутри Геесиманіи находился рядъ высѣченныхъ съ орнаментомъ каменныхъ колоннъ, уцѣлѣвшіе остатки которыхъ сохраняются теперь на крыльцѣ переславскаго духовнаго училища.

Очевидно, желаніе построить Геесиманію явилось у Амвросія позднѣе первой его постройки въ Горицкомъ монастырѣ Успенскаго собора. И этотъ храмъ, построенный преосвященнымъ, вполне заслуживаетъ вниманія. Онъ высокъ, свѣтелъ и имѣетъ характерную архитектуру второй половины XVIII вѣка. Иконостасъ въ немъ прекрасной работы, съ рѣзными украшениями, въ стилѣ рококо. Живопись (къ сожалѣнію, теперь почти вся замаскированная), какъ видно по немногимъ уцѣлѣвшимъ остаткамъ, была сдѣлана хорошими художниками. Въ трапезѣ этого храма строителемъ предполагалось поставить всѣ Страсти Христовы, но это предположеніе, равно и окончаніе Геесиманіи, за отъѣздомъ преосвященнаго 8-го марта 1761 года въ Москву на епархію Крутицкую, осталось неисполненнымъ ³⁾.

Старожилы сказывали, что преосвященнымъ были взяты съ монастырскаго кладбища всѣ надгробныя плиты архимандритовъ

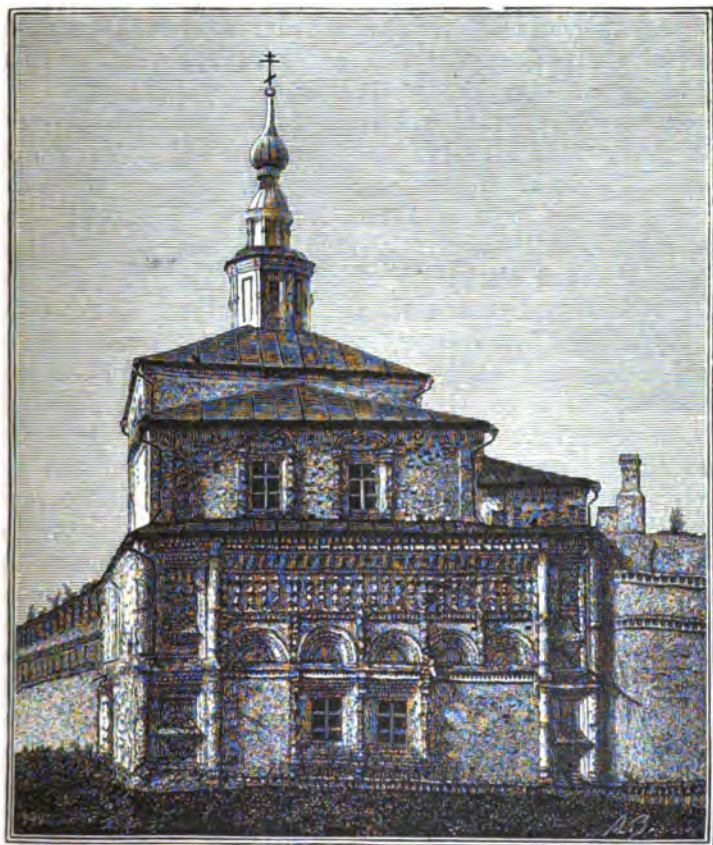
¹⁾ «Церковный Вѣстникъ», 1884 года, №№ 43—44.

²⁾ А. Каово, стр. 98.

³⁾ А. Каово, стр. 59.

и другихъ замѣчательныхъ погребенныхъ лицъ и положены въ Геосиманіи между окнами; для чего это было сдѣлано: объ этомъ ни рукописей, ни преданій не сохранилось, а самыя плиты разбиты и уничтожены невѣжественными современными строителями, нисколько не подорожившими памятью своихъ предковъ.

Немало также пострадала отъ современныхъ зиждителей и церковь Всѣхъ Святыхъ. Фотографія сохранила намъ ея древнее

Никольская церковь бывшаго Горичкаго монастыря.

очертаніе. Она теперь если не совсѣмъ, то значительно передѣлана, а внутри, кромѣ одного фресковаго изображенія Богоматери надъ одними изъ внутреннихъ входныхъ дверей, не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ прежняго расположенія и старыхъ украшеній. Все ново и лишено древнихъ изящныхъ формъ, коими такъ славились наши старинныя церкви. Когда уничтожилась каеэдра, главный храмъ Успенія былъ обращенъ въ городской соборъ, а прочія монастырскія церкви и зданія, лишенныя всякой поддержки, стали

приходить въ упадокъ. Дѣло дошло до того, что всѣ остальные церкви и часть построекъ Горицкаго монастыря въ 1812 году продавались на сломъ, и ихъ купилъ съ торговъ купецъ Найдышевъ, у котораго не поднялась, впрочемъ, рука сломать дивное зданіе Геесиманіи, и онъ пожертвовалъ свою покупку исключительно въ пользу собора. Къ несчастью, какъ мы видимъ, и представители соборнаго вѣдомства не сохранили дара жертвователя и не исполнили его воли. Они не захотѣли стоять въ одномъ уровнѣ пониманій и взглядовъ съ купцомъ, жившимъ за 70 лѣтъ до нашего времени и вполне оцѣнившимъ эти дорогіе архитектурныя памятники и сохранившимъ ихъ для славы своего города ¹⁾...

Строитель Геесиманіи, преосвященный Амвросій Зертись-Каменскій, родился въ Нѣжинѣ 17-го октября 1708 года. Отецъ его, родомъ валахъ, былъ переводчикомъ при гетманѣ Мазепѣ. Кончивъ курсъ въ Кіевской академіи, Амвросій продолжалъ учиться еще два года въ Львовской. Въ 1735 году, онъ былъ учителемъ Александро-Невской семинаріи и въ 1739 году принялъ монашество. Въ 1748 году, назначенъ архимандритомъ Воскресенскаго, Новаго Іерусалима, монастыря, гдѣ, по порученію государыни, отстроилъ приходившій въ разрушеніе храмъ Гроба Господня, построенный патріархомъ Никономъ по плану, привезенному изъ Іерусалима Арсеніемъ Сухановымъ. Въ 1753 году, Амвросій посвященъ въ епископа переславскаго и дмитровскаго; въ 1761 году переведенъ на епархію Крутицкую, а 18-го января 1768 года сдѣланъ московскимъ архіепископомъ.

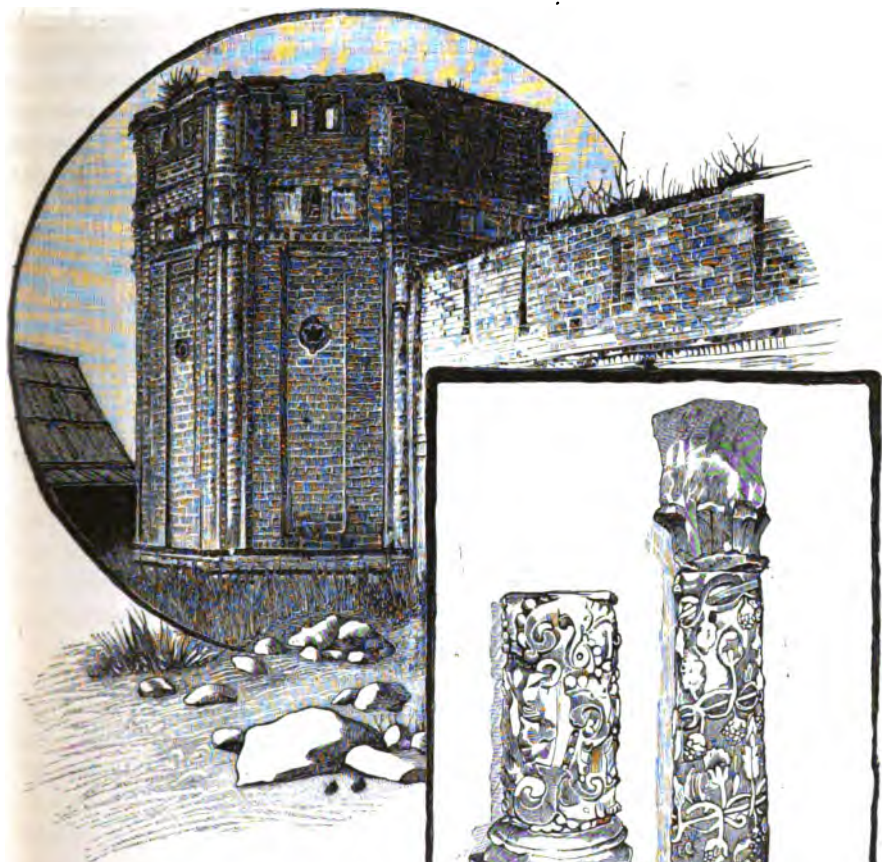
Мы не станемъ подробно описывать печальный конецъ Амвросія, убитаго во время чумы 16-го сентября 1771 года; скажемъ только, со словъ покойнаго ученаго Снегирева, который еще зналъ современниковъ Амвросія, что преосвященный былъ нелюбимъ духовенствомъ за излишнюю строгость и притязательность. Враги возводили на святителя гнусныя клеветы, что будто бы онъ придерживался средневѣковаго *jus primaе postis*, и послѣ его несчастной мученической кончины кто-то съ злорадствомъ написалъ мѣломъ на воротахъ Чудова монастыря: «и память его погиге съ шумомъ»...

Въ Донскомъ монастырѣ, по словамъ того же Снегирева, Амвросій былъ выданъ озлобленнымъ бунтовщикамъ архимандритомъ этого монастыря Варлаамомъ Лящевскимъ, личнымъ врагомъ святителя, и первый ударъ, нанесенный преосвященному коломъ въ лѣвую щеку, былъ сдѣланъ духовнымъ лицомъ, будто бы изъ мести, ради приведенной выше причины.

Современникъ Амвросія, профессоръ богословія въ Московскомъ университетѣ, протоіерей Петръ Алексѣевъ, въ своемъ описаніи

¹⁾ А. Каово, стр. 53.

печальнаго происшествія говорить: «Били смертельно съ поруганіями близъ двухъ часовъ; убивши же до смерти, отступили мало, скверня языками своими воздухъ; присмотря же, что одна рука

Угловая юго-западная башня Горичкаго монастыря.

правая отмахкою двинулася, съ чего принялися паки бить кольями по головѣ; отступивши же нѣсколько, увидѣли, что пожелся тотъ священный страдалецъ раменами, то и третично били, дондеже одинъ какой-то церковникъ послѣднимъ довершилъ ударомъ, отрубя нѣсколько отъ главы, кая часть надъ глазомъ, кая часть и осталась висящею».

Остатки каменныхъ колоннъ бывшей Геесиманіи въ Горичкомъ монастырѣ.

Остатки каменныхъ колоннъ бывшей Геесиманіи въ Горичкомъ монастырѣ.

Избитое и окровавленное тѣло Амвросія лежало день и цѣлую ночь; погребеніе же совершилось только 4-го октября.

Въ московскомъ Даниловскомъ монастырѣ, въ настоятельскихъ кельяхъ сохраняется современный, писанный масляными красками портретъ лежащаго въ гробѣ убитаго московскаго владыки. Говорятъ, что такой же портретъ находился и въ Донскомъ монастырѣ, но существуетъ ли онъ въ настоящее время, мнѣ неизвѣстно.

Амвросій былъ сначала другомъ, а затѣмъ врагомъ знаменитаго ростовскаго митрополита Арсенія Мацѣвича. Каѳедры владыкъ граничили одна съ другой, и переѣздъ отъ Ростова до Переяславля заключался въ 60 верстѣ. Амвросій часто гащивалъ въ Ростовѣ у митрополита Арсенія и по его просьбѣ составлялъ службу новоявленному ростовскому чудотворцу св. Димитрію. Когда Арсеній сдѣлалъ свое знаменитое «доношеніе» по поводу отобранія отъ монастырей крестьянъ, то Амвросій уклонился отъ знакомства съ Арсеніемъ и, въ угоду Екатеринѣ II, зная многія предположенія и мысли Арсенія, высказываемыя имъ откровенно въ дружескихъ бесѣдахъ, сильно вредилъ своему бывшему другу, поступая во время суда надъ нимъ крайне несправедливо. Извѣстно пророчество Арсенія, сказанное Амвросію во время суда: «Ты,—говорилъ ему Арсеній,—ядый хлѣбъ мой со мною, возвеличилъ на меня запинаніе, и какъ волъ ножемъ закланъ будеши»¹⁾.

О дѣлѣ Арсенія Мацѣвича писано много, хотя біографія его составлена далеко не полно, и многіе его указы изъ архіерейскаго дома, сохранившіеся въ нѣкоторыхъ приходскихъ церквахъ Ярославской епархіи и частію въ Ростовскомъ музеѣ церковныхъ древностей, крайне интересны и достойны изслѣдованія, какъ вполне характеризующіе направленіе второй половины XVIII вѣка.

Въ одной изъ рукописей нашей бібліотеки, принадлежавшей прежде лицу, близко стоявшему въ XVIII вѣкѣ къ ростовскому архіерейскому дому, сохранилось слѣдующее современное сказаніе о преосвященномъ ростовскомъ митрополитѣ Арсеніи «изъ письма партикулярнаго, како чинъ его сняли монашескій въ 1760 году».

«И оной митрополитъ, уединяясь въ келіѣ, писалъ императору Петру Ѳеодорычу изъ книгъ пророческихъ и отъ священнаго писанія вышнимъ разумомъ весьма жалостное и плачевное и отправилъ со ски-іеремонахомъ Лукою въ С.-Петербургъ, и оное, при собраніи его величества генеральства, прочитано оберъ-секретаремъ съ остановкою; то государь пришелъ въ великую озорность, такъ что схимонахъ и разуму лишився. И по семъ оный посланъ былъ въ Невской монастырь и въ немъ жилъ шесть недѣль подъ карауломъ, потомъ возвращенъ съ указомъ, чтобы ему пребывать не-

¹⁾ «Арсеній Мацѣвичъ», Снегирева и друг., а также «Чтенія Общ. ист. и древ. росс.», 1882 года, воспоминанія Артынова.

Архієпископъ Амвросій Зерковскій.

Съ портрета, писаннаго масляными красками въ концѣ XVIII столѣтїи и находящагося въ Москвѣ, въ Даниловскоу монастырѣ.

выходно изъ келіи за присмотромъ; а Арсенію никакого рѣшенія не учинено. По восшествіи на престолъ ея величества императрицы Екатерины Алексѣевны, въ 1760 году, оной митрополитъ писалъ второе прошеніе и послалъ, и тогда по сему присланъ былъ гвардіи поручикъ Дурново (и какая еше со онымъ митрополитомъ послѣдовала сентенція, здѣсь изъясняется) и какъ привезенъ былъ Арсеній въ С.-Петербургъ, то и въ присутствіи ея величества снятъ съ него санъ архіерейскій и клобукъ также съ принадлежащимъ, и отнято все сіе почтеніе властное, тогда онъ неустрашившись сказалъ съ досадою ей (императрицѣ) выговоркою на память всякому пророченіе смертное, что увидите вы, какъ умрете въ одночасы. И послѣ сего онъ посланъ былъ въ Архангельской губерніи въ Николаевской Корельской монастырь простымъ монахомъ, чтобы монастырской настоятель не давалъ ему бумаги и чернилъ и не пускалъ бы, кромѣ церкви, никуда. По семъ въ 1771 году подали прошеніе онаго монастыря пѣяницы — иродіаконъ да два монаха, на архимандрита, что оной архимандритъ содержитъ монаха Арсенія не по указу: первое, почитаетъ его за перваго члена синода, цѣлуетъ руку; второе, приказываетъ въ церкви читать слова поучительныя его сочиненія, съ нѣкоторымъ толкованіемъ оскорбительнымъ; третье, велитъ ему держать въ келіѣ бумагу и чернила; четвертое, оной Арсеній хвалится возвратиться на митрополию и проповѣдуетъ о смерти Дмитрія Сѣченаго¹⁾; по которому ихъ прошенію представленъ оной Арсеній въ губернскую канцелярію къ допросамъ и при допросахъ же самъ по себѣ за слабостію стоять не могъ, двумя военными поддерживанъ; а въ допросахъ показалъ: «Дивлюся оному лжесвидѣтельству составленному, что я свидѣтеля Бога неложно на душу призываю: первое, что архимандритъ, по должности закона божественнаго, какъ всякаго грѣшнаго не долженъ гнушаться, и цѣлуетъ руку мою и я его, какъ надлежитъ долгъ христіанскій другъ у друга цѣловати; второе, читаю я по милости государевой, по монашеству дьячковой должности, по шестой пѣснѣ священное писаніе поученіе святыхъ отецъ, а излишнее — въ томъ я не признаюсь; третье, чернилъ и бумаги у меня въ келіѣ никогда не бывало; четвертое, что я самъ отъ ростовской каедрѣ отказался добровольно и на мѣсто Сѣченаго не желаю, хотя бы и подлинно это было, но никогда тако не помню и въ умѣ». И оной допросъ отосланъ былъ въ С.-Петербургъ и оттолѣ вышелъ указъ, чтобы доносителей награждать, а сего Арсенія содѣлать мужикомъ, снятъ съ него клобукъ и рясу также и подрясникъ и надѣтъ на него крестьянскій кафтанъ и шапку, голову и бороду обрить и называть бы его Александромъ, и отвезти бы его въ Сибирь на Кам-

¹⁾ Какъ проповѣдовалъ о смерти Амвросія. Проповѣдь же о Сѣченовѣ была такова: «Языкъ твой для меня былъ острѣе меча; имъ задохнешься и умрешь».

чатку. И по сему указу надъ нимъ стали исполнять, то губернаторъ весьма сожалѣлъ и не зналъ, что дѣлать, но прокуроръ сказалъ, что (надѣлалъ) надлежитъ по указу исполнить, но только малое число головы и бороды остригъ; и надѣли кафтанъ крестьянской весьма короткой и узкой и также шапку, а Арсеній тогда сказалъ: «Мнѣ всего удивительнѣе, что имя мое по крещенію Андрей, а не Александръ»; и потомъ посаженъ былъ въ сани, закрытыя отовсюду, и повезенъ съ великою (скорбію) скоростію»...

Кромѣ этого, въ рукописи нашей бібліотеки, подъ № 1417, сохранились объ Арсеніи разказы современниковъ, записанные въ началѣ нынѣшняго столѣтія ростовскимъ старожиломъ П. В. Хлѣбниковымъ, умершимъ въ 1864 году. Нѣкоторые изъ нихъ характеризуютъ личность митрополита. «Жизни митрополитъ былъ воздержной, а характеромъ, видно, строгой,—говорится въ запискахъ; имѣлъ большую охоту къ лошадямъ, коихъ было у него до шестисотъ. И по охотѣ этой въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, принадлежащихъ архіерейскому дому, были такъ называемые тогда конные двory, напримѣръ, въ Демьянахъ, Песоснѣ, Ставотинѣ и Никольскомъ, что въ Горахъ, что понынѣшнему, должно полагать, заводы, ибо митрополитъ иногда де самъ бывалъ при сводѣ жеребцовъ съ матками, желая имѣть породы, улучшенныя искусствомъ, и не довѣряя завѣдывающимъ конными дворами въ точности исполненія приказовъ его. Для пастбищъ его лошадей были отведены особые архіерейскіе дуга, а въ городѣ лошади помѣщались въ каменномъ конюшенномъ дворѣ, который названіе это сохранилъ и по сіе время ¹⁾. Величина зданія того даетъ вѣроятіе большому числу лошадей, въ въ немъ могущему помѣститься, безъ значительнаго количества коихъ не было бы нужно таковое построеніе, которое, бывъ двухэтажнымъ, имѣло фигуру четырехугольника, состоящаго изъ четырехъ корпусовъ. Полагать надо, что тутъ помѣщались экипажи, конюхи и другіе прислужники. Средину между корпусами заключалъ обширный дворъ и колодезь съ большимъ колесомъ, въ коемъ ходилъ человекъ, а будто бы когда-то и приученный медвѣдь. Нерѣдко лошадей приводили къ митрополиту на дворъ, гдѣ ставился чанъ съ водою, и конюхи, по приказанію его, подводили лошадей къ чану, и буде лошадь станетъ пить изъ него воду, то конюхъ, какъ не напоившій ее, наказывался. Съ конюшни митрополита, будто бы, взято было къ высочайшему двору нѣсколько лошадей вороныхъ, имѣвшихъ хвосты, гривы и чолки бѣлыя.

«При архіерейскомъ домѣ, быть можетъ, для подчиненныхъ оному, было что-то въ родѣ тюрьмы, въ которую иногда попадали и изъ другихъ сословій люди, обращеніе съ коими показываетъ, что со-

¹⁾ Нынѣ въ этомъ зданіи, купленномъ въ 1832 году городскимъ обществомъ, устроены казармы для 2-хъ батарей 35 артиллерійской бригады.

держимые въ ней не пользовались нынѣшними человѣколюбивыми правилами тюремъ гражданскихъ. Такъ рассказываютъ случай, бывший съ ростовскимъ купцомъ Авраамомъ Ивановымъ Щоткинымъ, который, поссорясь съ однимъ монахомъ, взятъ былъ въ архіерейскую тюрьму; не допустить того, видно, не осмѣливалось и городское тогдашнее начальство. Чуть ли не болѣе года купецъ Щоткинъ содержался въ ней; къ нему ни знакомыхъ, ни родныхъ не допускали: захворала у него жена, и эта причина не уважена; жена умерла и погребсти ее едва ли былъ онъ допущенъ, и уже по разнымъ большимъ ходатайствамъ былъ онъ освобожденъ. Этотъ случай не могъ быть неизвѣстенъ митрополиту.

«Митрополитъ желалъ измѣнить правило—быть при крещеніи младенца двоимъ восприемникамъ, т. е. куму и кумѣ, а по волѣ его начало было вводиться то, что при крещеніи младенца мужскаго пола былъ одинъ кумъ, а при крещеніи младенца женскаго пола находилась одна кума. Къ этому, вѣроятно, было причиною то, чтобы устранить родство духовное, въ тогдашнее время затрудняющее браки. Воля митрополита начала уже и выполняться, но съ удаленіемъ его отъ паствы, обрядъ тотъ сталъ совершаться по-прежнему.

«Управление крестьянами, принадлежавшими архіерейскому дому, или иногда временный за ними надзоръ, а также сборъ разнообразныхъ оброчныхъ статей,¹ поручался, видно, нерѣдко и монашествующимъ, кои и отправлялись для того по селеніямъ, гдѣ позволяли себѣ дѣлать разныя неприличія и бывали въ тягость большую крестьянамъ, не смѣвшимъ доводить то до свѣдѣнія митрополита, который, по строгости правилъ его, вѣроятно, не оставилъ бы то безнаказанно.

«Въ вербную субботу, послѣ вечерни, на дворъ архіерейской въѣхало нѣсколько саней, запряженныхъ парами и въ одиночку. На саняхъ тѣхъ были присланные изъ Москвы солдаты съ офицеромъ, который, по въѣздѣ на дворъ и поставя тотчасъ же караулы у всѣхъ воротъ и выходовъ и отправа часть солдатъ въ домъ секретаря архіерейскаго Ивана Волкова, пошолъ въ соборъ, гдѣ узнавъ, что преосвященный у себя въ келіи, пошолъ къ нему туда. Въ то время преосвященный отдавалъ приказаніе ключарю соборному о порядкѣ, долженствующемъ быть при отправленіи службы на другой день, т. е. въ вербное воскресенье. Вошедшій въ келію преосвященнаго офицеръ, не узнавъ его, вѣроятно, по простой одеждѣ, спрашиваетъ: Гдѣ митрополитъ? (митрополитъ въ это время былъ въ одномъ подрысникѣ на мѣху)—и при отвѣтѣ, что онъ есть митрополитъ, послѣдній слышитъ объявленіе офицера, чтобы тотчасъ же былъ готовъ отправиться съ нимъ въ Москву. При такой поспѣшности отправленія едва ли успѣли положить для дороги и самонужнѣйшія вещи и платье.

«Дорогою преосвященный сдѣлался нездоровъ разстройствомъ въ желудкѣ; для облегченія его болѣзни, не было дозволено митрополиту выйти изъ повозки, гдѣ, по необходимости, послѣдовало и самое дѣйствіе естественной нужды; въ такомъ положеніи имѣли они путь до самой Москвы, гдѣ и былъ онъ по времени представленъ предъ судъ. Секретарь же его Волковъ, въ одно время взя-

Арсеній Мацѣвичъ, митрополитъ Ростовскій.

Съ портрета прошлаго вѣка, находящагося въ Бѣлой Палатѣ въ Ростовѣ.

тый въ Москву, по принятіи отъ него судомъ оправданій, возвращенъ въ Ростовъ, въ ту же секретарскую при архіереяхъ должность. Секретарь Волковъ знакомымъ его сказывалъ, что онъ неоднократно осмѣливался представлять преосвященному о опасномъ предпріятіи удержать планы правительства, касательно отобранія отъ архіерейскихъ домовъ и отъ монастырей крестьянъ, но полу-

чалъ отъ митрополита въ отвѣтъ, что онъ, митрополитъ, уже рѣшился твердо дѣйствовать по этому предмету съ такимъ при томъ намекомъ, какъ будто бы надѣясь на поддержаніе себя въ дѣлѣ томъ отъ разныхъ лицъ, коихъ, однако же, не открылъ.

«Во все время нахождения подъ судомъ, митрополитъ былъ въ духѣ твердъ и при отвѣтахъ на вопросы, ему дѣлаемые, находчивъ и смѣлъ; многіе изъ отвѣтовъ его были иногда и весьма рѣзки. Рассказываютъ, что при чтеніи ему псалмовъ, противу коихъ сдѣлано имъ отступленіе предпринятымъ имъ намѣреніемъ къ удержанію правъ по имѣніямъ, онъ тоже отвѣтствовалъ безъ приготовленія тогда же соответствующимъ псалмомъ. И будто бы судіямъ своимъ предрекъ ихъ кончину: своему замѣстителю, тверскому, а потомъ ярославскому архіепископу Аѳанасію Волховскому сказалъ «Младшій благославляется отъ старшаго; устнама моима возвѣщу вся судьбы устъ твоихъ; языкъ твой велерѣчивъ былъ на меня какъ у Арія, ты и умрешь какъ Арія». Гавріилу, петербургскому викарію, отвѣтилъ: «Ты забылъ, какому должно быть архіерею Божию; за Иродіаду твою соперникъ твой задушить тебя, зане, плясавши съ нею, осудилъ мя еси». Что съ ними дѣйствительно и случилось. Рассказываютъ также, что когда митрополитъ, лишенный судомъ уже своего сана, отправленъ былъ въ Корельскій монастырь, Архангельской губерніи, и бывъ везенъ въ закрытомъ экипажѣ, едва ли имѣвшемъ и окна, то проѣзжая мимо Ростова, какъ бы узнавъ, что ѣдетъ мимо Ростова, велѣлъ пріостановиться и молился».

Прилагаемый здѣсь портретъ Арсенія снятъ съ подлиннаго, писаннаго масляными красками современнаго портрета святителя, находящагося въ музеѣ церковныхъ древностей въ Бѣлой Палатѣ Ростова Великаго. Портретъ этотъ, очевидно, былъ написанъ въ первые годы архипастырства Арсенія въ Ростовѣ; другой портретъ, писанный съ ростовскаго владыки, быть можетъ, не задолго до постигшаго его несчастія, находится въ настоятельскихъ келліяхъ Толгскаго Ярославскаго монастыря и представляетъ митрополита уже довольно старообразнымъ, хотя и полного присущей ему энергіи и бодрости.

Закончимъ нашъ очеркъ словами канта ¹⁾, пѣтаго учениками заведенной митрополитомъ Арсеніемъ семинаріи, въ ярославскомъ Спасскомъ монастырѣ:

«Цѣлымъ свѣтомъ обладала Августа держава;
Проникнула въ міръ Петра російскаго слава.
И всѣхъ славныхъ тѣхъ царей смерть не убоялась,
Внезапно, какъ темна ночь, подъ жизнь ихъ подкралась.
Сколько было премудрыхъ въ свѣтѣ патріарховъ,
Высокаго житія святыхъ іерарховъ;

¹⁾ Съ рукописи, находящейся въ музеѣ Бѣлой палаты въ Ростовѣ Великомъ.

Коль многи на кафедрахъ риторы гремѣли
 И славные философы въ первенствахъ сидѣли.
 Ахъ, нѣтъ ужъ никого, всѣхъ ими забвенно
 И только множество въ земли погребенно.
 И насъ, бѣдные потомки, тоже ожидаетъ,
 Та же смерть хищной рукой во гробъ повергаетъ.
 Не надѣйтесь, богачи, на то, что богаты:
 Не запрутъ отъ смерти васъ въ каменны палаты:
 Не надѣйтесь сильные на тщетную силу:
 Поплѣнитъ васъ смерть въ темную могилу;
 Не былъ, нѣтъ и не будетъ человекъ отъ міра,
 Коего бы не посѣла смертная сѣкира.
 Ахъ, всѣ мы умираемъ, да всѣ оживаемъ,
 Та только отрада есть: другой жизни чаемъ...

А. Титовъ.

МУЗА МСТИ И ПЕЧАЛИ.

ТО-ТО изъ очень умныхъ людей сказалъ не даромъ, что «враги бывають намъ гораздо полезнѣе друзей». Эту истину, кажется, лучше всѣхъ должны помнить писатели, которымъ друзья такъ много вредятъ при жизни излишнею угодливостью и восхваленіями, и еще болѣе вредятъ по смерти печатаніемъ безсмысленныхъ панегириковъ, а въ особенности издаваніемъ въ свѣтъ такъ называемыхъ «полныхъ собраній» всего написаннаго при жизни покойнымъ авторомъ. Слѣпое поклоненіе и безкорыстное усердіе друзей заставляютъ ихъ по поводу такихъ «полныхъ собраній» забывать не только о критическомъ отношеніи къ покойному автору, не только о той оцѣнкѣ, которую онъ самъ себѣ придавалъ при жизни, но даже о простомъ уваженіи къ чужой собственности, къ неприкосновенности завѣтныхъ портфелей и забытыхъ уголковъ стола, въ которые авторъ складывалъ недодуманное и недодѣланное имъ при жизни, и все то, что онъ самъ видимо признавалъ непригоднымъ для печати. Рвеніе «не по разуму» заставляютъ друзей все перерыть послѣ смерти «любимаго» ими талантливаго автора, котораго они признають геніальнымъ и непогрѣшимымъ... Они добираются до всѣхъ замѣтокъ, до всѣхъ писемъ покойнаго писателя, заглядываютъ даже въ корзинку подъ его письменнымъ столомъ, ревностно роются въ забытыхъ книжкахъ старыхъ журналовъ, отыскивая забытыя «вдохновенія», все предають тисненію, и этимъ путемъ создаютъ «полныя» или даже «полныя посмертныя» собранія сочиненій того или другаго автора. Едва ли эти усердные друзья, выдавая въ свѣтъ подобныя изданія, понимаютъ, что въ большинствѣ случаевъ они оказываютъ истинно-медвѣжью услугу не только памяти, но и литературной извѣстности покойнаго писателя.

Всѣ эти мысли приходили намъ не разъ въ послѣдніе годы по поводу подновленныхъ и дополненныхъ изданій Пушкина и Лермонтова, затѣмъ по поводу полнаго (посмертнаго) собранія сочиненій Тургенева... Но едва ли не болѣе другихъ поразило насъ своею нескладною полнотою «Полное собраніе стихотвореній Н. А. Некрасова»¹⁾, замѣчательное по своей дешевизнѣ и типографскимъ достоинствамъ, переизданное уже нѣсколько разъ и распространившееся по Россіи въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Намъ пришлось поставить это изданіе на полки книжнаго шкафа рядомъ съ маленькимъ томикомъ «Стихотвореній Н. Некрасова», изданнымъ ровно тридцать лѣтъ тому назадъ, который составляетъ теперь большую библиографическую рѣдкость, и, не смотря на всю неполноту, на всѣ возможные несовершенства этого небольшого сборника, мы должны были отдать ему преимущество передъ объемистымъ «Полнымъ собраніемъ стихотвореній Н. А. Некрасова», такъ роскошно и такъ дешево изданнымъ, и (на первый взглядъ) такъ прекрасно обставленнымъ и биографическими очерками, и всякими указателями... Да, мы не промѣняемъ маленькаго сборничка, изданнаго въ 1856 году, въ Москвѣ, гг. Солдатенковымъ и Щепкинымъ, на сборникъ, изданный г. Стасюлевичемъ! И почему? Потому что въ томъ сборничкѣ, перелистывая его, мы чувствуемъ невидимое присутствіе живаго, умнаго, талантливаго писателя, который, изъ всего написаннаго имъ, сумѣлъ подобрать изящный букетъ лучшихъ, наиболѣе дорогихъ ему и близкихъ произведеній; а въ объемистомъ томѣ «Полнаго собранія» мы ощущаемъ только неумѣлую руку какого-то кропотливаго діаскеваста, который тщательно собиралъ во-едино все написанное Некрасовымъ и связывалъ только одною, чисто-внѣшнею, связью хронологической послѣдовательности. Но кропотливому и добросовѣстному собирателю произведеній Некрасова показалось, что онъ недостаточно выказалъ усердія въ своей работѣ, и онъ въ концѣ книги помѣстилъ... что бы вы думали? Три указателя: хронологическій, алфавитный и даже предметный (sic!), съ слѣдующимъ наивнѣйшимъ примѣчаніемъ:

«Настоящій указатель имѣеть (?) цѣлю по возможности сгруппировать содержаніе поэзіи Некрасова по ея главнымъ тѣмамъ. Точное разграниченіе въ этомъ случаѣ, конечно, невозможно, такъ какъ многія стихотворенія могутъ быть отнесены къ нѣсколькимъ разрядамъ (!), а потому и мы предлагаемъ только приблизительное раздѣленіе Некрасовской поэзіи на ея (?) группы».

И за этимъ слѣдуетъ раздѣленіе на десять группъ: I) чиновничество; II) крестьянскій бытъ; III) помѣщичій бытъ, бо-

¹⁾ «Полное собраніе стихотвореній Н. А. Некрасова», въ одномъ томѣ, 1842—1877 г. Съ портретомъ, факсимиле и биографическимъ очеркомъ. Спб. 1884. Типографія Стасюлевича. Цѣна 3 р.

«истор. вѣстн.», январь, 1887 г., т. XVII.

гачи; IV) родина и Петербургъ; V) историческія (сюда, между прочимъ, отнесено стихотвореніе «Молодыя лошади»); VI) историко-литературныя; VII) автобіографическія; VIII) женщинѣ (sic); IX) дѣти; X) природа (къ этому разряду отнесено стихотвореніе: «Надрывается сердце отъ муки»...(!)).

Перебирая этотъ удивительный указатель, мы невольно подумали: какъ бы разгнѣвался покойный Николай Алексѣевичъ, если бы ему попалась въ руки подобная «группировка» его поэзіи по ея главнымъ тѣмамъ!

Но, впрочемъ, мы, можетъ быть, несправедливы къ черезчуръ добросовѣстнымъ издателямъ полного собранія сочиненій Некрасова? Можетъ быть, полнота ихъ сборника, въ связи съ біографическимъ очеркомъ, въ связи съ этими заключительными тремя указателями, даютъ возможность читателю ближе узнать поэта, глубже проникнуть въ его душу, выяснить себѣ многія загадочныя стороны его страннаго и сложнаго характера?... На всѣ эти вопросы мы можемъ отвѣтить только отрицательно, и даже добавить, что Некрасовъ, какъ человекъ и какъ поэтъ, является намъ гораздо болѣе туманнымъ и загадочнымъ въ «Полномъ собраніи стихотвореній», нежели въ томъ маленькомъ сборничкѣ, о которомъ мы упоминали выше.

Намъ могутъ возразить, что тотъ сборничекъ былъ изданъ въ 1856 году, а полное собраніе заключаетъ въ себѣ все написанное Некрасовымъ до самой его смерти, т. е. добавляетъ къ содержанію сборничка то, что было написано поэтомъ въ теченіе двадцатилѣтняго періода, отъ 1856 по 1877 годъ. Неужели же въ теченіе этого періода Некрасовъ не проявился сильнѣе и ярче, нежели въ предшествующій періодъ своей поэтической дѣятельности?

На это, покаместъ, мы можемъ отвѣтить только одно: Некрасовъ написалъ очень много въ послѣдній, двадцатилѣтній періодъ своей жизни, — гораздо болѣе, чѣмъ въ предшествовавшій періодъ своей молодости, но только эпическія произведенія его заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Что же касается лирики, то, за очень немногими исключеніями, онъ не пошелъ въ ней далѣе того, что было имъ сдѣлано до 1856 года, и почитатели музыки Некрасова ничего бы не проиграли, если бы въ посмертномъ изданіи его стихотвореній изъ лирическаго отдѣла было выкинуто все, недостойное его таланта, всякія *pièces d'occasion*, писанныя въ духѣ моднаго (въ 60-хъ и 70-хъ годахъ) настроенія русской публики, а также и тѣ грубоватыя притчи и пѣсни въ мужицкомъ стилѣ, которыя, въ сущности, ничего народнаго въ себѣ не заключаютъ¹⁾.

¹⁾ Мы разумѣемъ такія произведенія, какъ «Сватъ и женихъ», какъ «Притчи о Ермолаѣ трудожащемся», какъ «Калистратушка» и многое другое.

Въ томъ-то и бѣда, что, пополняя сборникъ стихотвореній Некрасова всѣмъ, что было имъ когда либо написано, издатели «полнаго собранія въ одномъ томѣ» ничего не сдѣлали для выясненія поэтической дѣятельности Некрасова, его направленія, его воззрѣній на самого себя и на тѣхъ, для кого онъ писалъ; ничего не сдѣлали для правильной оцѣнки таланта Некрасова и его нравственной личности... А между тѣмъ, только при такомъ выясненіи, только при такомъ освѣщеніи (какъ намъ кажется) и можно рѣшиться на изданіе въ свѣтъ дѣйствительно полнаго собранія стихотвореній поэта!

Вполнѣ сознавая всю трудность такой характеристики поэта по его произведеніямъ, мы, однако же, полагаемъ, что она-то и должна составлять тотъ результатъ, къ которому неминуемо приводитъ всякое «полное собраніе сочиненій» любаго автора. Если кругъ всѣхъ его произведеній на лицо, если мы свободно и легко можемъ перелистать, перебрать день за днемъ всю его поэтическую жизнь, провѣрить всѣ тѣ житейскія впечатлѣнія, которыя находили себѣ отголосокъ въ его поэзіи, тогда намъ не трудно возсоздать въ своемъ воображеніи нравственный обликъ поэта и прійти къ окончательному выводу относительно его дѣятельности, признавъ ее — полезною или вредною, важною или ничтожною, искреннею или неискреннею. Попытаемся хотя отчасти достигнуть именно такого результата по отношенію къ поэтической дѣятельности Некрасова на основаніи матеріала, представляемаго «полнымъ собраніемъ его стихотвореній въ одномъ томѣ».

Важнымъ пособіемъ при характеристикѣ каждаго писателя служить, конечно, его біографія, хотя бы даже она состояла изъ простаго перечня сухихъ фактовъ. Но біографическіе факты не всегда бываютъ вполне ясны и не всегда представляютъ такой матеріалъ, которымъ бы можно было пользоваться для освѣщенія мало понятныхъ и загадочныхъ сторонъ писателя. Къ тому же, біографическіе факты, во всей своей полнотѣ, вскрываются не скоро и, вскрывшись, обнаруживаютъ иногда только полнѣйшій разладъ между личностью и дѣятельностью писателя. Кромѣ того, къ нѣкоторымъ проявленіямъ личности и характера поэта, недавно умершаго, приходится, по весьма простой деликатности, отнестись весьма осторожно, почти уклончиво. Нельзя принимать на себя обязанность судьи надъ свѣжею могилою человѣка, котораго еще не успѣли вполне оплакать его близкіе, не успѣли забыть его друзья. Но, не вдаваясь въ подробности, не касаясь мелочей, не раскапывая тѣ уголки, которые и самъ покойный поэтъ старался прикрыть отъ нескромнаго взора постороннихъ наблюдателей, можно все же, изъ общаго сопоставленія жизни и характера поэта (на сколько они извѣстны всѣмъ и каждому) съ его собственными произ-

веденіями—прійти къ очень важнымъ выводамъ. Однимъ изъ самыхъ важныхъ выводовъ, въ этомъ смыслѣ, долженъ быть, конечно, простѣйшій: — опредѣлить, въ какой степени поэтъ былъ искреннимъ?

Тамъ, гдѣ мы можемъ вполне распоряжаться сопоставленіемъ біографическихъ (вполнѣ достовѣрныхъ) данныхъ съ полнымъ кругомъ произведеній поэта, такой выводъ очень нетруденъ. Мы можемъ теперь смѣло сказать, что Пушкинъ и Гоголь, какъ характеры, совершенно для насъ ясны... Но тамъ, гдѣ, въ качествѣ біографическихъ данныхъ, намъ извѣстно о человѣкѣ только то, что онъ самъ о себѣ пожелалъ сообщить, и то, что о немъ сообщали его враги,—тамъ не легко прійти къ окончательному выводу объ искренности поэта. А кто же можетъ отрицать огромную важность именно этого вывода?

Составитель біографическаго очерка, помѣщеннаго во главѣ «полнаго собранія стихотвореній» Некрасова, тѣмъ именно и грѣшитъ, что распространяется о различныхъ невзгодахъ, недугахъ, неудачахъ и препятствіяхъ, какія Некрасовъ встрѣчалъ въ юности, при своемъ выступленіи на литературное поприще, и въ то же время ни единымъ словомъ не упоминаетъ о томъ, что этотъ періодъ невгодъ и борьбы съ жизнью былъ весьма непродолжителенъ. И въ дальнѣйшемъ изложеніи біографіи нигдѣ ни единымъ словомъ не намекается на то, что вслѣдъ за этимъ первымъ, тяжелымъ періодомъ наступилъ періодъ полнѣйшаго благосостоянія, полнаго матеріальнаго довольства и такого существованія, которому, конечно, могъ бы позавидовать любой не только русскій, но даже и европейскій писатель. Некрасовъ, съ самаго начала 50-хъ годовъ, былъ уже человѣкомъ вполнѣ независимаго состоянія, а къ началу 60-хъ годовъ достигъ такого высокаго положенія въ литературѣ и журналистикѣ, какого до него не достигалъ ни одинъ изъ нашихъ журналистовъ и писателей. Принявъ въ соображеніе эти скудные факты, обратимся къ поэзіи Некрасова и посмотримъ, что онъ самъ говоритъ о себѣ въ началѣ того втораго періода своей дѣятельности, втеченіе котораго, даже и по признанію составителя біографіи, «матеріальное благосостояніе Некрасова окончательно упрочилось».

Какъ разъ на рубежѣ этого періода мы встрѣчаемся съ извѣстной пьесой:

Замолкни, Муза мести и печали!

Я сонъ чужой тревожить не хочу;

Довольно мы съ тобою проклинали,

Одинъ я умираю—и молчу,

Къ чему хандрить, оплакивать потери?

Когда бъ хоть легче было отъ того!

Мнѣ самому, какъ скрипъ тюремной двери,

Противны, стоны сердца моего.

Всему конецъ. Ненастьемъ и грозою
 Мой темный путь не даромъ омрача,
 Не просвѣтлѣетъ небо надо мною,
 Не бросить въ душу теплаго луча...
 Волшебный лучъ любви и возрожденья!
 Я ввалъ тебя—во-снѣ и на-яву,
 Въ трудѣ, въ борьбѣ, на рубежѣ паденья.
 Я ввалъ тебя,—теперь ужъ не зову!
 Той бездны самъ я не хотѣлъ бы видѣть,
 Которую ты можешь освѣтить...
 То сердце не научится любить,
 Которое устало ненавидѣть».

Это стихотвореніе, очень важное не только по своему содержанию, но и по многимъ подробностямъ, можетъ служить для насъ ключемъ къ уразумѣнію многихъ другихъ стихотвореній Некрасова, въ которыхъ онъ также обращается къ своей музѣ и, выясняя намъ смыслъ ея вдохновеній, указываетъ намъ тотъ путь, которому, какъ ему казалось, онъ постоянно слѣдовалъ втеченіе всей своей поэтической карьеры.

Въ стихотвореніи «Муза», Некрасовъ, сравнивая свою поэзію съ поэзію Пушкина, говорилъ:

... рано надо мной отяготѣли увы
 Другой, неласковой и не любимой музы,
 Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
 Рожденныхъ отъ труда, страданья и оковъ (?),—
 Той музы плачущей, скорбящей и болящей,
 Всечасно жаждущей, униженно-просищей,
 Которой золото—единственный кумиръ.

.....

И далѣе, въ томъ же стихотвореніи:

Такъ, вѣчно плачущей и непонятной дѣвы
 Лелѣяли мой слухъ суровые капѣвы,
 Покуда, наконецъ, обычной чередой
 Я съ нею не вступилъ въ ожесточенный бой.
 Но съ дѣтства прочнаго и кровнаго союза
 Со мною разорвать не торопилась муза;
 Черезъ бездну темнаго насилія и зла,
 Труда и голода она меня вела;
 Почувствовать свои страданья научила
 И свѣту воввѣстити о нихъ благословила...

Отсюда мы уже начинаемъ получать нѣсколько болѣе определенное понятіе и о той «Музѣ мести и печали», которою вдохновлялся Некрасовъ, и о той поэзіи, которую онъ избралъ себѣ въ удѣлъ, по внушенію этой музы.

Болѣе и болѣе проникаясь важностью своего служенія этой «вѣчно-плачущей и непонятной дѣвѣ», Некрасовъ шире и шире

раздвигает предѣлы своего вдохновенія и все мрачнѣе и мрачнѣе представляет намъ свое назначеніе. Онъ даже старается убѣдить насъ, что

... нѣтъ пощады у судьбы
Тому, чей благородный геній
Сталъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій.
Питая ненавистью грудь,
Уста вооруживъ сатирой,
Проходить онъ тернистый путь
Съ своей порочащею лирой.
.
Со всѣхъ сторонъ его клануть,
И только трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,
И какъ любилъ онъ, ненавида ¹⁾.

Правда, иногда на Некрасова нападаетъ нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, «чтобы въ памяти народной уцѣлѣло что нибудь изъ его стиховъ», онъ клянеть свой «суровый, неуклюжій стихъ», сознаетъ, что въ немъ «нѣтъ творящаго искусства»; но высказавъ эти сомнѣнія, тотчасъ же спѣшитъ себя утѣшить и, обращаясь къ стиху своему, говоритъ:

... Но кипить въ тебѣ живая кровь,
Торжествуетъ мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь,—
Та любовь, что добрыхъ прославляетъ,
Что клеймитъ злодѣя и глупца,
И вѣнкомъ терновымъ надѣляетъ
Беззащитнаго пѣвца!.. ²⁾

Подъ конецъ жизни Некрасовъ успѣлъ, наконецъ, убѣдить себя въ томъ, что его муза имѣетъ и должна имѣть даже «всероссійское значеніе», что тотъ, кто ее не понимаетъ и не любитъ,—не имѣетъ права называть себя русскимъ. Приводимъ здѣсь и эту пьесу цѣликомъ:

«О, муза! я у двери гроба!
Пусть я много виновать,
Пусть увеличитъ во сто кратъ
Мои вины людская злоба —
Не плачь! завиденъ жребій нашъ,
Не надругаются надъ нами;
Межъ мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь

¹⁾ Стихотвореніе «Блаженъ незлобивый поэтъ»... замѣтимъ кстати, что все это стихотвореніе есть не болѣе какъ стихотворный пересказъ известной параллели Гоголя: «Счастливъ писатель, который, помимо характеровъ скучныхъ»... и т. д.

²⁾ Все это въ стихотвореніи: «Прадникъ жизни, молодости годы»...

Живому, кровному союзу!
 Не, русский—заглянетъ безъ любви
 На эту блѣдную, въ крови,
 Кнудомъ изсѣченную музу...».

Это стихотвореніе, заканчивая собою поэтическую дѣятельность Некрасова, окончательно увѣнчиваетъ зданіе, окончательно выясняетъ намъ его собственный взглядъ на самого себя и на то мѣсто, которое онъ избралъ себѣ въ нашей поэзіи. Это — поэтъ-мститель, поэтъ-печальникъ о горестяхъ народныхъ, поэтъ-обличитель, поэтъ, вдохновляющійся только злобою и ненавистью, способный только клеймить злодѣя и глупца, и награждать добрыхъ и беззащитныхъ одними терновыми вѣнками...

Эта мрачная область поэзіи, которую Некрасовъ беретъ себѣ въ удѣлъ, была бы вполне естественнымъ поприщемъ для человѣка, который бы много претерпѣлъ въ жизни, для человѣка, потратившаго лучшіе годы жизни на борьбу за существованіе и претерпѣвшаго всѣ униженія тюрьмы, ссылки, изгнанія, всѣ угрозы каторги... Для такого несчастнаго «Муза мести и печали» была бы вполне понятною подругой, утѣшительницей и руководительницей вдохновенія. Но что можемъ мы сказать о поэтѣ, который втеченіе двадцати лѣтъ непрерывно идетъ въ своей поэзіи рука-об-руку съ «музой плачущей, скорбящей и болящей», чувствуетъ «живую кровь» въ каждомъ своемъ стихѣ, сокрушается о несчастномъ русскомъ народѣ, и въ то же время живетъ въ свое полное удовольствіе, пользуется всеми удобствами жизни, не затрудняетъ себя рѣшеніемъ особенно мудреныхъ общественныхъ задачъ и посвящаетъ всѣ досуги своей любимой забавѣ?..

Читая многія стихотворенія, навѣянные на Некрасова его «Музой мести и печали», можно подуматъ, что эти пьесы писаны человѣкомъ, который двое сутокъ не ѣлъ и дрожалъ на нетопленномъ чердакѣ... и когда припомнишь, что эти именно пьесы писались среди комфортабельнѣйшаго кабинета, среди полного изобилія всякихъ земныхъ благъ, тогда ужъ теряешь всякую нить къ оцѣнкѣ Некрасова, какъ поэта, и перестаешь понимать его «Музу».

Если мы предположимъ въ читателѣ человѣка, не имѣющаго никакихъ понятій о подробностяхъ біографіи Некрасова, о его личности и положеніи въ свѣтѣ, то мы думаемъ, что такой читатель, воспринявъ въ себя весь сумракъ и ужасъ Некрасовской поэзіи, долженъ будетъ прійти къ одному неизбѣжному выводу: «Некрасовъ, очевидно, былъ болѣзненно-настроенный человѣкъ, монахъ, которому все представлялось въ неестественно-мрачномъ свѣтѣ, и притомъ поэтъ, которому, настроивъ однажды лиру на известнѣйшій ладъ, потомъ уже трудно было ее перестроить»... Но вѣдь и такого наивнаго читателя мы должны были бы жестоко разочаровать, завѣривъ его въ томъ, что Некрасовъ былъ одинъ изъ

умнѣйшихъ русскихъ людей, одинъ изъ тѣхъ писателей, которые обладали удивительно тонко развитымъ вкусомъ, и притомъ чело-вѣкомъ практическимъ, безошибочно рѣшавшимъ всякіе вопросы, касавшіеся жизни и житейскихъ отношеній. Но—въ такомъ случаѣ—какъ же рѣшить вопросъ о его неразрывномъ «прочномъ и кровномъ» союзѣ съ его очень докучной, ноющей Музой?

Вмѣсто прямого отвѣта на этотъ вопросъ, обратимся опять къ тому же маленькому сборничку «Стихотвореній Некрасова» 1856 года и сравнимъ его съ нынѣшнимъ «Полнымъ собраніемъ». Въ томъ сборничкѣ есть такъ называемые «гражданскіе мотивы», есть «ноющія пьесы», есть очень мрачныя обращенія къ музѣ¹⁾ въ видѣ заключенія—и только... Не слѣдуетъ забывать, что этотъ сборничекъ былъ результатомъ поэтической дѣятельности самыхъ тяжелыхъ лѣтъ жизни поэта, и, можно сказать даже, самыхъ тяжелыхъ лѣтъ жизни русскаго общества, которое, втеченіе періода отъ 1848—1855 года, пережило едва-ли не самые тяжкіе годы своего существованія, съ самаго начала нынѣшняго вѣка. Съ 1855 года, напротивъ, общество зажило тою новою жизнью увлеченій, стремленій и попытокъ внутренняго переустройства, которыя привели, съ одной стороны, къ великимъ реформамъ прошлаго царствованія, а съ другой—къ ужасной ломкѣ внутренней и внѣшней, подъ конецъ испугавшей самихъ строителей и реформаторовъ... Но всѣ, кто сознательно помнитъ періодъ русской жизни отъ 1855 по 1865 годъ, могутъ, конечно, сказать, что это былъ періодъ такого сильнаго подъема, такого оживленія, какого не видѣла Россія съ начальныхъ годовъ царствованія Александра I. Только уже съ 1865 года начала понемногу сказываться реакція (неизбѣжная и во многихъ отношеніяхъ полезная), которая уже не ослабѣвала до конца 70-хъ годовъ. Нужно ли говорить и припоминать, что нашей литературѣ за этотъ 20-лѣтній періодъ (отъ 1855—1875) жилось такъ легко, такъ привольно и такъ широко, что, вѣроятно, и дѣтямъ нашимъ не прійдется увидѣть такого литературнаго разцвѣта, какой видѣли мы 25—30 лѣтъ тому назадъ... И что же мы видимъ въ «Полномъ собраніи стихотвореній Некрасова»? Всѣ пьесы его, относящіяся къ періоду послѣ 1856 года, облечены въ одинъ общій траурный флеръ, на всѣхъ лежитъ одна общая печать унынія и озлобленія, всѣ онѣ однообразно тянутъ одну ноту «народнаго стона», одну пѣсню голода, холода и печали... И къ этому общему тону подобраны, подлажены и приспособлены всѣ тѣмы этой ноющей поэзіи. Тутъ и тяжкія думы у параднаго подъязда, въ родѣ:

«...Не бѣда, что потерпѣть мужикъ:
Такъ ведущее насъ провидѣнье
Указало... да онъ же привыкъ!»

¹⁾ «Муза» (Нѣтъ Музы, ласково поющей и т. д.) и «Умолкни Муза мести и печали» (какъ заключительная пьеса).

Тутъ и «плачь дѣтей», и «жалкія похороны», и «разворонныя мужьями семьи», и «снѣжная пелена, освѣщаемая заревомъ пожара», и «бѣдствія солдатчины», и «несчастныя крестьянки, убѣгающія отъ жизни въ объятіе Мороза», и «хоры мертвецовъ-рабочихъ», сопровождающіе поѣздъ желѣзной дороги страшною пѣсней о претерпѣнныхъ лишеніяхъ; тутъ даже сѣтованье на «непроглядную тьму и стѣсненія свободнаго слова» (это въ 1865-то году!)... Однимъ словомъ, тутъ такой подборъ мрачныхъ тѣмъ, трогających душу и проливающихъ желчь и холодъ въ сердце, что, право, есть отчего прійти въ отчаяніе... если повѣрить поэту.

И чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе вѣетъ тоскою, ужасомъ, холодомъ, безотраднымъ, неутѣшнымъ горемъ отъ музыки, вдохновляющей Некрасова. Въ подспорье къ мрачной картинѣ настоящаго, являются воспоминанія о прошломъ, еще болѣе ужасномъ, когда начальство било на плацу солдатъ такъ, что «зубы сыпались градомъ»¹⁾, а господа, по отношенію къ своимъ дворовымъ, даже изобрѣтали особую систему битья: «сначала били по зубамъ, а потомъ, выбивши всѣ зубы, били по скуламъ»²⁾. Поэтъ, съ трагическимъ отчаяніемъ, ищетъ себѣ отдыха, ищетъ спокойнаго угла и восклицаетъ:

Литература, съ трескучими фразами,
 Полная духа анти-человѣчнаго,
 Администрація наша съ указами
 О забираіи всякаго встрѣчнаго,—
 Дайте вдохнуть!..³⁾

Но нигдѣ, ни въ столицѣ, ни въ деревнѣ (очень уютной и удобно устроенной), поэтъ не находитъ себѣ успокоенія и опять впадаетъ въ отчаяніе, и опять восклицаетъ съ паѣосомъ:

Надрывается сердце отъ муки!
 Плохо вѣрится въ силу добра,
 Внемля въ мірѣ царящіе звуки
 Варабановъ, цѣпей, топора!..⁴⁾

Дѣйствительно, можно прійти въ отчаянье, если внимать только этимъ звукамъ, если только ихъ и выискивать въ томъ, что происходитъ въ мірѣ! А поэтъ очень тщательно ищетъ ихъ, — именно этихъ звуковъ. Выходитъ ли онъ на берегъ рѣки, онъ видитъ только бичевникъ, по которому идутъ бурлаки:

Почти пригнувшись головой
 Къ ногамъ, обвитымъ бичевой.

¹⁾ Стихотвореніе «Дѣдушка».

²⁾ Стихотвореніе «Эй, Иванъ!»

³⁾ Не слѣдуетъ забывать о томъ, что это писано въ 1862 году, въ одинъ изъ самыхъ ясныхъ періодовъ нашей общественной жизни.

⁴⁾ Писано въ 1863 году.

Онъ прислушивается къ ихъ пѣснѣ и находитъ, что

...быть невыносимо дикъ
И страшно ясенъ въ тишинѣ
Ихъ мѣрный, похоронный крикъ —
И сердце дрогнуло во мнѣ.

Ѣдетъ-ли онъ по почтовому тракту, оказывается, что

...народъ проторенной цѣпями
Эту дорогу зоветъ.

И она, дѣйствительно, вполне оправдываетъ свое названіе, потому что поэту тотчасъ встрѣчается партія ссыльныхъ, а за нею

Въ тряской телѣгѣ два путника пыльные
Скачутъ... едва разглядѣлъ...
Подлѣ лица молодого, прекраснаго,
Съ саблей усачъ...
Братъ, удаленный съ поста опаснаго,
Есть ли тамъ смѣна? Прощай ¹⁾!

И это исканіе мрачныхъ тѣмъ до такой степени упорно преслѣдуетъ поэта, что, едва уклонившись отъ нихъ для увлеченія природой или охотой, или для осмѣянія своихъ клубныхъ пріятелей, онъ опять натывается на новую тройку, въ которой «жандармъ, съ усищами въ аршинъ» везетъ новую жертву въ тотъ край, «куда Макаръ телятъ гоняетъ» ²⁾. И даже возвратившись изъ-за границы на родину, онъ для привѣтствія ей находитъ только такіе звуки:

Въ Европѣ удобно, но родины ласки
Ни съ чѣмъ несравнимы. Вернувшись домой,
Въ телѣгу спѣшу пересѣсть изъ коляски
И маршъ на охоту! Денежъ не дурной.
Подъ солнцемъ осеннимъ родная картина
Отвыкшему глазу нова...
О, матушка Русь! Ты привѣтствуешь сына
Такъ нѣжно, что кругомъ идетъ голова.

Въ чемъ же заключаются эти нѣжности? А вотъ въ чемъ:

Твои мужики на меня выгоняли
Звѣрей изъ лѣсовъ цѣлый день,
А ночью возвратный мой путь освѣщали
Пожары твоихъ деревень ³⁾.

И такъ далѣе, и такъ далѣе—вплоть до извѣстной эпопеи о «Русскихъ женщинахъ» и о томъ «Кому на Руси жить хорошо»,—этой нескончаемой пѣсни русскаго пессимизма.

¹⁾ Писано въ 1863 году.

²⁾ Стихотвореніе «Еще Тройка», писано въ 1857 году.

³⁾ Стихотвореніе «Дома—лучше!» писано въ 1868 году.

Припомнимъ то, что мы говорили выше: Некрасовъ былъ однимъ изъ умнѣйшихъ русскихъ людей своего времени и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ одаренъ тонкимъ, сильно развитымъ чутьемъ къ изящному. Умъ у него былъ сухой, практическій, пронизательный и наблюдательный. Избыткомъ чувствъ, расположеніемъ къ сентиментализму, онъ не страдалъ. Откуда же этотъ несомнѣнно-искусственный подборъ поэтическихъ тѣмъ, этотъ скучный и однообразный плачь и вой, и скрежетъ зубовой, и хныканье надъ погибающей Россіей? Мы не ошибемся, если скажемъ, что всѣ эти тѣмы, весь этотъ сумрачный колоритъ, всѣ аксессуары этой мрачной картины—были не болѣе какъ моднымъ направленіемъ, которое, подъ влияніемъ извѣстныхъ условій времени, избралъ Некрасовъ и не покидалъ во всю жизнь, потому что видѣлъ, какъ этотъ модный поэтическій жанръ нравился большинству, какъ жадно ловила молодежь эти новые глаголы, съ какимъ восторгомъ она встрѣчала каждую пьесу его, въ которой содержаніе непременно задѣвало за живое какіе-нибудь животрепещущіе вопросы русской общественной жизни... Поклоненіе, которое онъ возбуждалъ къ себѣ въ молодежи, ему нравилось, льстило его самолюбію, возвышало его въ собственныхъ глазахъ и, что ни день заставляло расти его славу, его всероссійскую извѣстность. Мы даже твердо убѣждены въ томъ, что Некрасовъ, какъ человѣкъ тонкаго и развитаго ума, не могъ вѣрить во все то, что онъ писалъ, и ужъ никакъ не могъ находить вполне достойными своего пера многія изъ пьесъ, которыя заставляли неистово рукоплескать толпу... Онъ долженъ былъ понимать, что черты выставляемаго имъ быта слишкомъ рѣзки, что краски его обличительныхъ и ноющихъ стихотвореній слишкомъ грубо наложены, что герои, выводимые имъ, облѣплены сусальнымъ золотомъ. Онъ долженъ былъ въ глубинѣ своей души сознавать, что только полное отсутствіе здоровой критики и то высокое положеніе, которое онъ занялъ въ литературномъ и журнальномъ мірѣ, спасали его музу отъ вполне заслуженныхъ бичеваній. И онъ все же писалъ, все же продолжалъ разрабатывать тѣ же излюбленные тѣмы о мужичкѣ, о тяжкомъ трудѣ, о горькой нуждѣ, о непосильной борьбѣ и т. д. Потому и писалъ, что публика продолжала съ неослабѣвающимъ вниманіемъ и даже благоговѣніемъ слѣдить за его поэтической работой, не различая въ ней фальшивыхъ нотъ отъ вѣрныхъ.

И вотъ, благодаря усердію издателей «Полнаго собранія стихотвореній Некрасова», мы теперь имѣемъ возможность сличить въ его произведеніяхъ эти фальшивыя ноты съ истинными поэтическими мотивами, настоящіе вопли души его—съ громкими воплями печальника Русской земли, озабоченнаго поддержкою своей литературной извѣстности и своего первенствующаго значенія въ обществѣ.

Чрезвычайно любопытною и общею чертою всѣхъ дѣланныхъ пьесъ Некрасова являются: неряшливая внѣшность, необычайно грубый стихъ, гиперболизмъ, доведенный до самыхъ крайнихъ предѣловъ, и мѣстами такая искусственная иронія, которая переходитъ въ простой наборъ словъ. Въ подтвержденіе нашего наблюденія обращаемъ вниманіе на слѣдующія мѣста Некрасовской поэзіи.

Вотъ, на примѣръ, на какія тяжелыя мысли наводитъ поэта представленіе «Дѣвы Дуная»—балета, въ которомъ г-жа Петипа плясала русскую пляску на сценѣ, въ костюмѣ русскаго мужика. Поэтъ, обращаясь къ ней, говоритъ:

«...Гурія рая!

Ты мила, ты воздушно-легка,
Такъ танцуй же ты Дѣву Дуная,
Но въ покоѣ оставь мужика!
Въ мерзлыхъ лапоткахъ, въ шубѣ нагольной,
Весь заиндевелъ, самъ за себя (?)
Въ эту пору онъ пляшетъ довольно,
Зиму дома сидѣть не любя»...

(т. е. ходитъ въ извозъ съ обозами для заработка и по другимъ потребностямъ). И тотчасъ вслѣдъ за этимъ, представляетъ намъ слѣдующую картину обоза, идущаго проселкомъ, при понуканіяхъ и крикахъ возчиковъ:

«Но напрасно мужикъ огрызается:
Кляча еле-идетъ, упирается;
Скрипомъ, визгомъ окрестность полна,
Словно дѣ-сердца поведъ печальный
Черезъ бѣлый покровъ погребальный
Рѣжетъ землю—и стонетъ она,
Стонетъ бѣлое снѣжное море...
Тяжело ты, крестьянское горе...»¹⁾

А вотъ, въ pendant къ этой картинѣ обоза на проселкѣ—картина петербургской уличной жизни, въ которой, конечно, гораздо легче предположить отрывокъ описанія Дантова ада, нежели уголокъ всѣмъ намъ хорошо извѣстной дѣйствительности:

«Въ нашей улицѣ жизнь трудовая:
Начинаютъ ни свѣтъ, ни зоря,
Свой ужасный концертъ, припѣвая,
Токари, рѣзчики, слесаря;
А въ отвѣтъ имъ гремитъ мостовая!
Дикій крикъ продавца-мужика
И шарманка съ пронзительнымъ воємъ,
И кондукторъ съ трубой, и войска,
Съ барабаннымъ идущія боемъ;
Понуканье измученныхъ клячъ,

¹⁾ Стих. «Валетъ».

Чуть живыхъ, окровавленныхъ, грязныхъ,
 И дѣтей раздирающій плачь
 На рукахъ у старухъ безобразныхъ:
 Все сливается, стонеть, гудѣтъ,
 Какъ-то глухо и грозно рокочетъ,
 Словно цѣпи куютъ на несчастный народъ,
 Словно городъ обрушиться хочетъ» (!)¹⁾.

И это гиперболизмъ здѣсь не невольный, не простое слѣдствіе увлеченій фантазіи, которая занеслась и не можетъ остановиться... Это извѣстнаго рода приѣмъ, тотъ самый, который употребляютъ декораторы для того, чтобы даже издали въ глаза зрителя бросались самыя мелкія подробности картины, широко написанныя бойкою кистью. Мы говоримъ это потому, что тотъ же гиперболизмъ, который здѣсь встрѣчаемъ въ описаніи петербургской улицы, съ другой стороны, выступаетъ въ видѣ невозможныхъ, неестественныхъ похвалъ, расточаемыхъ памяти почившаго друга; восхваливъ его до небесъ, Некрасовъ не довольствуется этимъ и обращается къ Россіи съ слѣдующимъ воззваніемъ:

«Плачь, Русская земля! но и гордись—
 Съ тѣхъ поръ, какъ ты стоишь подъ небесами,
 Такого сына не рождала ты
 И въ нѣдра не брала свои обратно:
 Сокровища душевной красоты
 Совмѣщены въ немъ были благодатно...
 Природа-мать! когда бъ такихъ людей
 Ты иногда не посылала міру,
 Заглохла-бъ нива жизни»²⁾.

Полагаемъ, что если бы Добролюбовъ могъ предвидѣть такой дионрамбъ, обращенный къ его памяти, онъ бы прежде всѣхъ посмѣялся ему и сдѣлалъ-бы очень колкое сравненіе Некрасовскаго паэоса съ «лирическимъ безпорядкомъ» одъ Ломоносова или съ торжественнымъ схоластическимъ паэосомъ въ надгробныхъ рѣчахъ кievскихъ проповѣдниковъ XVII и XVIII вѣковъ. И самъ Некрасовъ не могъ не сознавать невѣрность, искусственность этого лирическаго восторга, обращеннаго къ тѣни Добролюбова; но онъ писалъ это, потому что такъ нужно было писать для толпы, такъ нужно было говорить съ нею, чтобы ей понравиться.

Мы могли бы привести массу примѣровъ въ подтвержденіе выказанной нами мысли; мы могли бы, въ особенности, указать на множество примѣровъ простаго подбора словъ, которымъ волею-волею приходилось иногда дополнять длинныя стихотворенія пьесы, прищипоривая истощенное вдохновеніе; но объемъ статьи не позволяетъ намъ быть слишкомъ щедрыми на примѣры, и потому

¹⁾ Стих. «О погодѣ»: III. Сумерки.

²⁾ Стих. «Памяти Добролюбова».

мы прямо перейдемъ къ заключенію, которое тщательно приберегли къ концу нашей статьи.

Послѣ всего высказаннаго выше, можно, пожалуй, прійти къ убѣжденію, что Некрасовъ не только не искренній, но и вообще плохой поэтъ, что всѣ его поэтическія заслуги сводятся нами къ нулю, что мы отрицаемъ въ немъ всякое достоинство и силу? Нѣтъ! Мы не то хотимъ высказать нашей критической замѣткой. Некрасовъ—поэтъ сильный, чуткій, воспріимчивый къ живымъ впечатлѣніямъ жизни и притомъ умѣющій находить въ своей внутренней жизни дѣйствительно-поэтическіе звуки. Но онъ силенъ, онъ поэтиченъ, онъ даже высокъ тогда, когда касается своего внутренняго, душевнаго міра, когда забываетъ на время гражданскіе мотивы, и просто роется въ печальныхъ воспоминаніяхъ своего дѣтства, обращается къ образу нѣжно-любимой матери, говоритъ о любимой женщинѣ, или, поддаваясь весьма понятному чувству самоистязанія, горько жалуется на свою слабость въ борьбѣ, оплакиваетъ свои паденія и сокрушается о своемъ внутреннемъ разладѣ. Да, въ подобныхъ произведеніяхъ, Некрасовъ искренній поэтъ, способный возбуждать къ себѣ и симпатію, и уваженіе, и эти пьесы его мы высоко ставимъ, высоко цѣнимъ, вѣримъ въ ихъ задушевность, хотя большинство поклонниковъ Некрасова менѣе всего придають имъ значенія и однимъ почеркомъ пера относятъ ихъ къ разряду слабыхъ. Но мы не любимъ его «стонущую и болящую музу», мы не вѣримъ его «музѣ мести и печали», потому что ему некому было мстить, и не о чемъ было печалиться. На нашъ взглядъ, даже свою поэму о томъ, «кому на Руси жить хорошо», Некрасовъ смѣло могъ-бы закончить картиною жизни русскаго писателя и журналиста 60-хъ годовъ, передъ которымъ всѣ преклонялись съ такимъ благоговѣніемъ, возлагая на него надежды и посвящая ему свои мечты и думы о лучшемъ будущемъ.

П. Полевой.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ АНГЛІЙСКИХЪ ИЛЮСТРАЦІЙ.

Что появилось прежде: рисунокъ или слово? — Наклонность первобытныхъ народовъ къ рисункамъ. — Популяризаторское значеніе иллюстраціи. — Появленіе иллюстраціи въ Англіи, въ началѣ XVI вѣка. — Газета «Еженедѣльные Новости». — Чудесныя явленія въ XVII вѣкѣ. — Отечественныя и иностранныя событія. — Архіепископъ Лоудъ. — Периодическія иллюстрированныя изданія. — Сатирическіе листки въ эпоху междоусобной войны. — Открыватель вѣдъмъ и астрологъ. — Полемика республиканскихъ и роялистскихъ газетъ. — Легенды о смерти Карла I. — Цензура, введенная Карломъ II. — Подпольныя типографіи, исчезающія съ уничтоженіемъ цензуры. — Распространеніе карикатуръ. — Журналъ XVIII вѣка. — Жеводанскій вѣбрь. — Observer. — Рисунки въ политическихъ газетахъ. — Иллюстрація въ нашемъ вѣкѣ. — Заговоръ противъ Георга IV. — Каролина Брауншвейгская. — Политическіе и уголовные рисунки. — Эпоха королевы Викторіи. — Паровая карета Вильяма Кортней. — Penny-magazine. — Чарльсъ Найте. — Появленіе «Лондонской Иллюстраціи». — Роль корреспондентовъ иллюстрированныхъ изданій въ ряду газетныхъ репортеровъ. — Будущность иллюстрированной печати.

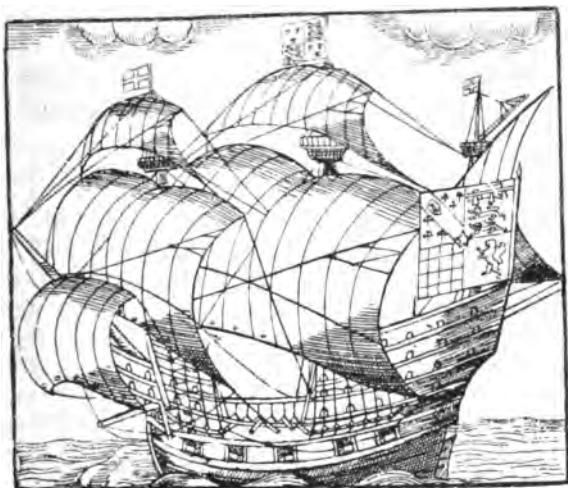

РЕВНІЕ эстетика доказывали превосходство искусства передъ наукою тѣмъ, что оно развилось въ первобытныя времена человѣчества, когда люди если и умѣли говорить, то никакъ не ораторскія рѣчи. Дѣйствительно, прежде чѣмъ сочинять философскіе трактаты, человѣкъ долженъ былъ заняться архитектурой и устроить себѣ шалапъ, хотя бы изъ древесныхъ вѣтвей; прежде чѣмъ взять на себя, въ роли жреца, разъясненіе божественныхъ велѣній, онъ долженъ былъ вытесать, по своему подобію, хотя бы изъ обломковъ дерева, этого бога, то-есть сдѣлаться скульпторомъ; наконецъ, прежде чѣмъ выучиться сохранять свои мысли для потомства, онъ началъ изображать окружавшіе его предметы, то-есть научился прежде рисовать, чѣмъ писать. Первобытный человѣкъ третичнаго періода, нацарапавшій на кости пещернаго медвѣдя изображеніе мамонта, конечно, не зналъ азбуки и не писалъ своихъ мемуа-

ровъ. Первоначальное письмо китайцевъ, перуанцевъ, было идеографическое, какъ іероглифы египтянъ, да, вѣроятно, и всѣ древніе народы сначала рисовали событія своей исторіи и только съ развитіемъ цивилизаціи принялись ихъ описывать. Страсть къ изображенію предметовъ всегда сильна у народовъ, находящихся въ младенчествѣ: бушмены разрисовывали свои пещеры, мексиканцы — утесы своихъ лѣсовъ; она сильна и у дѣтей цивилизованныхъ поколѣній: ребенокъ охотно смотритъ картинки, прежде чѣмъ ему придетъ на мысль азбука. Эскимосы тщательно собираютъ и хранятъ всякіе рисунки, случайно доставшіеся имъ отъ матросовъ китоловныхъ судовъ, но не признаютъ пользы печатныхъ и письменныхъ знаковъ. Живопись понятна дикарямъ всѣхъ странъ и замѣняетъ имъ всемірный языкъ; это — своего рода «волапюкъ», который хорошъ уже по тому, что не сочиненъ никакимъ нѣмцемъ. Никакое подробное описаніе предмета не замѣнитъ его живописнаго изображенія. Впечатлѣніе такого предмета, передаваемое лицезрѣніемъ, сильнѣе оставляемаго чтеніемъ или рассказомъ. Что черезъ глазъ проходитъ въ мозгъ, то ярче въ немъ фотографируется. Педагогика давно уже сознала эту истину и наглядное обученіе дѣтей посредствомъ картинъ распространилось теперь во всѣхъ странахъ. Да и не однимъ дѣтямъ рисунокъ поможетъ ближе ознакомиться съ предметами науки и современной жизни: онъ сдѣлался теперь необходимою принадлежностью всякаго изданія, желающаго привлечь вниманіе публики. «Иллюстраціи» въ нашъ вѣкъ принадлежатъ важная роль популяризаціи научныхъ выводовъ и современныхъ явленій. Громадное число иллюстрированныхъ книгъ и журналовъ, распространенныхъ по всему міру, доказываетъ настоятельную въ нихъ потребность, и хотя искусство изготовленія этихъ иллюстрацій извѣстно въ Европѣ еще съ XVI вѣка, настоящее развитіе и значеніе оно получило въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда рѣзба на деревѣ, — легчайшій способъ воспроизведенія въ печати всякаго рода рисунковъ, — получила такое блестящее развитіе. Теперь гравюру на деревѣ начинаютъ замѣнять другими способами, ожидающими еще дальнѣйшаго усовершенствованія, но политипажъ оказалъ уже намъ столько услугъ, что очеркъ его развитія не можетъ не интересоватъ насъ. Болѣе всего иллюстрированная печать развилась въ Англіи и мы обратимся къ ней, взявъ руководствомъ для нашей статьи книгу Мезонъ Джексона, вышедшую въ прошломъ году въ Лондонѣ «Живописная пресса, ея начало и развитіе» (The pictorial press, its origin and progress).

Развитіе иллюстрированной печати представляетъ одну изъ интересныхъ сторонъ европейскаго прогресса, особенно когда мы вспомнимъ, что еще въ прошломъ столѣтіи за карикатуру на правительственное лицо приковывали къ позорному столбу, да и во-

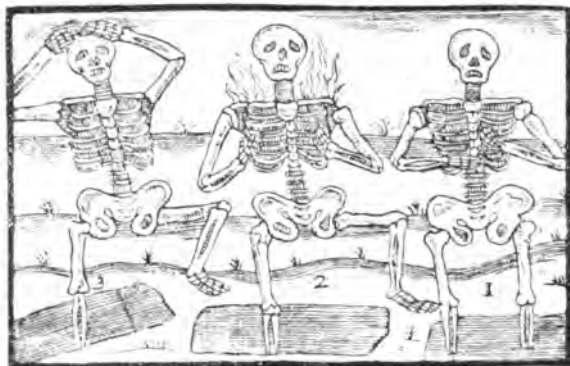
обще за статью, не получившую одобренія властей, подвергали страшнымъ, унижительнымъ наказаніямъ. Теперь намъ не вѣрится, за какое ничтожное нарушеніе законовъ о печати Прейну отрѣзали оба уха, а знаменитаго автора «Робинзона» Дефоз засадили въ тюрьму и подвергли тяжелому денежному взысканію. Теперь въ Лондонѣ и другихъ большихъ центрахъ Англій недорогая газета съ порядочными иллюстраціями также нужна для рабочаго человѣка, какъ завтракъ. Развитіе собственно иллюстрированныхъ журналовъ начинается съ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Въ Лондонѣ, благодаря инициативѣ Инграма, иллюстраціи быстро пошли въ ходъ съ 1842 года. Еженедѣльный журналъ Инграма «Иллюстрированныя Лондонскія Новости» (Illustrated London

Корабль Френсиса Дрека. Рисунокъ 1587 года.

News), передававшій въ разсказахъ и изображеніяхъ исторію политической и общественной жизни за истекшіе семь дней, расходился тѣмъ больше, чѣмъ жизнь эта была полнѣе неожиданныхъ событій и приключеній. Бѣдствія націй и страданія отдѣльныхъ лицъ служили источникомъ благосостоянія журналистовъ. Чрезвычайныя происшествія появлялись въ печати съ рисунками, къ нимъ относящимися, еще въ XVII столѣтіи. Уничтоженіе въ 1641 году «Звѣздной палаты», преслѣдовавшей всякое проявленіе общественнаго мнѣнія, содѣйствовало развитію періодической печати, достигшей апогея во время междоусобной войны и учрежденія республики. Возвращеніе Стюартовъ опять принесло съ собою строгую цензуру и жестокія карательныя мѣры, свирѣпствовавшія до седьмого года царствованія Вильгельма III. Маколей считаетъ съ этого времени начало свободы печати въ Англій.

Первыя англійскія иллюстраціи относятся еще къ XVI столѣтію. Извѣстія о появленіи Армады, о пороховомъ заговорѣ, явились съ грубыми рисунками. Отдѣльныя, хотя и рѣдкія, карикатуры осмѣивали тогдашнія моды. Вышла также простонародная

Чудесныя извѣстія изъ Мюнстера въ Германіи.

пѣсня, въ которой воспѣвалась печальная сессія суда въ Оксфордѣ, во время которой умерло триста человѣкъ и главный шерифъ, заразившись болѣзью, свирѣпствовавшей между колодниками, заключенными въ тюрьмѣ. Къ пѣснѣ приложена была виньетка, изображавшая смерть въ видѣ скелета и умирающихъ. Въ 1587 году,

Сраженіе при Кильрушѣ 1642 года.

вышло въ стихахъ описаніе подвиговъ адмирала Френсиса Дрека, которому королева Елисавета поручила безпокоить испанскія гавани и мѣшать приготовленіямъ къ высадкѣ въ Англію. Къ стихамъ приложены рисунокъ адмиральскаго корабля и письмо самого Дрека, рассказывающаго о своихъ подвигахъ. Въ царствованіе Якова I, явилось первое регулярное періодическое изданіе «Ежене-

дѣльныя Новости» (Weekly News). Въ то же время выходили иллюстрированные описанія и отдѣльныхъ событій, напр., страшнаго наводненія 1607 года въ Валиссѣ. Одинъ рисунокъ изображалъ самое наводненіе, другой — эпизодъ изъ него: чудесное спасеніе ребенка въ колыбели, принесеннаго водою за нѣсколько миль отъ мѣста несчастія. Описанія сопровождаются благочестивыми размышленіями и проповѣдями о необходимости покаянія и молитвы. Бури, пожары и катастрофы всякаго рода, служили обыкновенною темою разсказовъ и рисунковъ, изображающихъ то гибель несчастныхъ, то случаи избавленія отъ смерти. Убийства были также любимымъ предметомъ такихъ иллюстрированныхъ разсказовъ. Таковъ появившійся въ 1613 году разсказъ съ слѣдующимъ заглавіемъ: «Три кровавыя убійства: первое, произведенное Френсисомъ Картрайтомъ надъ Вильямомъ Сторре, пасторомъ и проповѣдни-

Женскій парламентъ въ 1644 году.

комъ въ Линкольншейерѣ. Второе, произведенное Елизаветою Джемсъ надъ своею дочерью въ Соррейскомъ приходѣ и которая за это преступленіе приговорена къ повѣшенію, но оставлена въ тюрьмѣ до своего разрѣшенія отъ бремени. Третье убійство, совершенное надъ иностранцемъ въ Гейгетѣ, въ четырехъ миляхъ отъ Лондона, страннымъ образомъ открытое собакою одной служанки». Особенно подробно описано убійство пастора Сторре, изображенное и на рисункѣ. Авторъ очень сокрушается, что убійцѣ удалось бѣжать. Другое, подобное же убійство, разсказанное въ такой же формѣ и изданное для народнаго чтенія, послужило сюжетомъ для драмы, игранный съ успѣхомъ. Сынъ одного купца велъ въ молодости разгульную жизнь, навлекъ на себя гнѣвъ отца и бѣжалъ въ Индію, гдѣ остепенился, нажилъ огромное состояніе и, вернувшись въ Англию, узналъ, что отецъ его раззорился и содержитъ бѣдную гостинницу въ маленькомъ городкѣ. Сынъ остановился въ этой гостинницѣ, гдѣ отецъ не узналъ его, и сынъ хотѣлъ

открыться ему на другое же утро, такъ какъ пріѣхаль поздно ночью. Вторая жена стараго купца, на которой онъ женился въ отсутствіе сына, вовсе не знала своего пасынка, но, увидя у пріѣзжаго большую сумму денегъ, уговорила мужа убить ночью постояльца, что бы воспользоваться этими деньгами. Старикъ зарѣзалъ сына въ по-

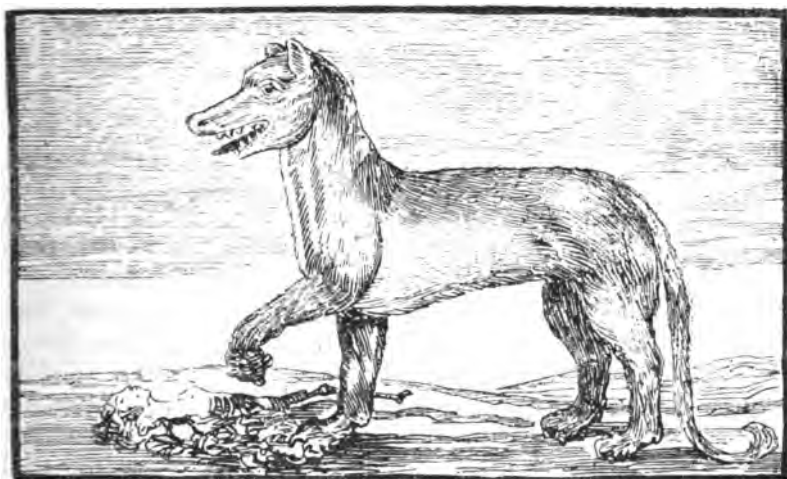
Похороны королевы Маріи.

стели, но, узнавъ изъ его послѣднихъ словъ, кто онъ,—убилъ себя тѣмъ же ножомъ, а жена его повѣсилась. Въ 1616 году, вышелъ разсказъ о страшномъ явленіи трехъ скелетовъ, подъ названіемъ: «Чудесныя извѣстія изъ города Гольдта въ округѣ Мюнстера (въ Германіи) двѣнадцатаго сентября, гдѣ вполнѣ подтверждено, что три мертвеца встали изъ своихъ гробовъ и предсказали народу близкое свѣтопреставленіе». Многіе бургомистры и почтенные люди засвидѣтельствовали это явленіе, сопровождавшееся громомъ, молніею и подземнымъ шумомъ. Первый вышедшій изъ земли скелеть, бѣлый и чистый, сложивъ руки на груди, сказалъ: «Благословенъ Богъ въ небесахъ за наше освобожденіе, котораго мы ждали многія столѣтія». Второй мертвецъ былъ весь въ огнѣ. Онъ заломилъ руки за голову и закричалъ глухимъ голосомъ: «Покайтесь грѣшники! Всемогушій Богъ взялъ въ свои руки карающій бичъ, чтобы наказать народъ за грѣхи, за богохульства, за роскошь, за кичливость; Онъ истребитъ васъ прежде, чѣмъ вы успѣете воззвать къ его милосердію». Третій скелеть вышелъ изъ могилы также въ огнѣ и, скрежеща зубами, началъ бить себя руками въ грудь и кричать: «Горе! горе злымъ! Пришло время, котораго мы давно ожидали.

Народъ! готовься встрѣтить Господа, чтобы онъ не засталъ тебя нераскаяннымъ. Онъ придетъ скорѣе, чѣмъ ты думаешь!» Послѣ этихъ словъ всѣ три скелета исчезли, и земля закрылась за ними; буря утихла и народъ въ страхѣ и смятеніи сталъ молиться, назначивъ день поста и общаго покаянія.

Описаній и изображеній подобныхъ чудесныхъ явленій въ XVII столѣтїи сохранилось немало. Появлялись и арміи сражающихся въ облакахъ, и кровавые дожди, и женщина съ мечомъ и книгою, черти и ангелы. Иногда и правительство выпускало въ свѣтъ подобныя брошюры съ иллюстраціями. Въ 1627 году, Карль I, объявивъ войну Франціи, отправилъ къ берегамъ ея флотъ въ сто кораблей съ 7,000-ми десанта для помощи гугенотамъ, возставшимъ противъ католиковъ. Начальство надъ арміею было ввѣрено фавориту короля, герцогу Бокингаму, самонадѣянному, но бездарному вельможѣ. вмѣсто того, чтобы подать помощь Ларошелли, осажденной католической арміей, Бокингамъ высадился на сосѣднемъ съ крѣпостью островѣ Ре и предпринялъ осаду крѣпостцы Сен-Мартенъ.

Чудесный звѣрь, появившійся во Франціи въ 1765 году.

Черезъ нѣсколько недѣль, вида, что крѣпость не сдается, онъ вздумалъ взять ее штурмомъ, не сдѣлавъ предварительно ни одной бреша въ стѣнахъ. Отбитые на всѣхъ пунктахъ, англичане должны были отступить, а маршалъ Шомбергъ, прибывшій на помощь и напавшій на нихъ съ тыла, привелъ въ такое разстройство весь десантъ, что онъ вынужденъ былъ обратиться въ бѣгство и искать спасенія на корабляхъ. Герцогъ принужденъ былъ вернуться въ Англїю, разбитый и понесъ огромныя потери. Онъ потерялъ и расположение Карла I, горячо поддерживавшаго своего любимца во все время экспедиціи, вопреки замѣчаніямъ лицъ, указывавшихъ ему на неспособность Бокингама командовать войсками. Въ то время, когда онъ осаждалъ Сен-Мартенъ, на его жизнь сдѣлано было покушеніе. Фанатикъ іезуитъ хотѣлъ заколотъ его въ палаткѣ, и правительство, чтобы возбудить въ народѣ участіе къ герцогу, из-

дало въ Лондонѣ брошюру подѣ слѣдующимъ заглавіемъ: «Подробное описаніе всѣхъ подвиговъ его милости, герцога Бокингама на островѣ Ре, въ іюлѣ мѣсяцѣ, съ именами всѣхъ джентльменовъ, потонувшихъ и погибшихъ при осадѣ форта; также съ изображеніемъ ножа, которымъ хотѣли убить его милость. Ножъ этотъ былъ отнятъ у убійцы капитаномъ Бокстономъ и представленъ герцогинѣ Бокингамъ. Издано по распоряженію правительства». Къ брошюрѣ приложенъ рисунокъ четырехграннаго, отравленнаго кинжала. Многіе сомнѣвались въ томъ, было ли дѣйствительно произведено покушеніе на герцога, но въ слѣдующемъ же году, приготовляясь ко второй экспедиціи въ Ларошель, онъ былъ заколотъ Фельтономъ, служившимъ подѣ его начальствомъ на островѣ Ре. Въ томъ же году, издана любопытная брошюра о паденіи метеоритовъ въ Беркшейрѣ, съ иллюстраціей, изображающей крестьянина, убитаго метеорнымъ камнемъ на полѣ, а въ облакахъ пушки, изъ которыхъ ангелы стрѣляютъ метеорами и падающими звѣздами. Брошюра говоритъ положительно, что для наказанія грѣшниковъ Богъ приказываетъ открыть форточки въ небѣ и громить оттуда людей небесною артиллерією.

Событія въ иностранныхъ государствахъ давали также тему для иллюстрацій. Такъ, въ 1632 году, въ Лондонѣ, вышли «Шведскія Извѣстія», съ описаніемъ подвиговъ Густава-Адольфа, съ его портретомъ, видами осады Магдебурга, перехода короля черезъ рѣку Лехъ, въ Баварію, и Людена, гдѣ онъ былъ убитъ. Въ 1638 году, газета «Еженедѣльные Извѣстія», основанная въ 1622 году, начала печатать въ своихъ столбцахъ иллюстраціи. Первыя изъ нихъ изображали изверженіе огнедышащей горы въ Терсейрскомъ архипелагѣ и появленіе въ немъ новаго острова. Возстаніе въ Ирландіи 1641 года дало пищу многочисленнымъ описаніямъ и рисункамъ: явились изображенія разбитія заговорщиковъ, осады городовъ, плѣнниковъ, умоляющихъ о пощадѣ, взятія замка Артенъ, побѣда при Дундалькѣ, сраженіе при Кильрушѣ. Въ то же время продолжали появляться изображенія чумы въ Лондонѣ, гибели кораблей въ морѣ, захватъ пиратами въ Явѣ судна королевскаго флота, казнь графа Страфорда въ Тоуерѣ. Ни одинъ изъ дѣятелей того времени не возбуждалъ такой ненависти въ періодической печати, какъ кентербурійскій архіепископъ Лоудъ. По своему званію онъ былъ цензоромъ и исполнялъ эту обязанность съ необыкновенною строгостью и жестокостью. Въ силу его приговоровъ, писателей приковывали къ позорному столбу, отрѣзывали имъ уши, вырывали ноздри и клеймили на обѣихъ щекахъ буквами S. S. (sower of sedition — сѣятель смуть) и S. L. (schismatical libeller — еретическій памфлетистъ). Сверхъ того, ихъ подвергали тяжелымъ штрафамъ, сѣкли плетью на площадяхъ и запирали въ темницы, сажая въ кандалы. Немудрено, что когда архіепископъ впалъ въ

немилость, былъ лишень своего званія, обвиненъ въ государственной измѣнѣ и отданъ подѣ судѣ, на него обрушилась вся печать, съ которою онъ поступалъ такъ безчеловѣчно. Обвинителемъ его въ парламентѣ явился писатель Принъ, у котораго, по приговору Лоуда, были отрѣзаны уши. Онъ съ краснорѣчивою горячностью обнаружилъ всѣ злодѣйства архіепископа, перечислилъ всѣ пытки и казни, какимъ Лоудъ подвергалъ пуританъ, не забылъ упомянуть

Герцогъ Йоркскій въ 1827 году.

даже объ изданномъ имъ законѣ, которымъ запрещалось въ Англии публиковать о какомъ бы то ни было сочиненіи, изданномъ безъ разрѣшенія Лоуда. Народное негодованіе возстало противъ Лоуда съ такою силою, что парламентъ заключилъ прелата въ Тоуеръ, гдѣ онъ просидѣлъ три года. Это не удовлетворило всеобщую ненависть къ бывшему первому министру королевства, первому духовному лицу въ Англии. 72-хъ-лѣтнему старику Карль I приказалъ отрубить голову. Народъ съ такимъ же удовольствіемъ при-

нялъ извѣстіе о его казни, съ какимъ читалъ прежде памфлеты противъ Лоуда, и собирался толпами передъ расклеенными по Лондону карикатурами, изображавшими, какъ чортъ подносить архіепископу кардинальскую шапку.

Съ половины XVII вѣка особенно часто стали появляться еженедѣльные періодическія изданія съ иллюстраціями. Бен-Джонсонъ называлъ ихъ мошенническимъ средствомъ вытягивать деньги у народа, но народъ добродушно вѣрилъ всякому печатному слову и принималъ за чистую монету всѣ рассказы о чудесахъ и привидѣніяхъ, какими преимущественно наполнялись эти листки. Такъ, газета «Меркурій-Демокритъ» и послѣ того времени самымъ серьезнымъ образомъ рассказывала о «смитфильдскомъ привидѣніи, появляющемся на извѣстныхъ улицахъ каждую субботу отъ 9-ти до 12-ти часовъ вечера», и помѣщала на своихъ столбцахъ его портретъ, описывая его наружность, очень напоминавшую извѣстнаго законника того времени. Последнее замѣчаніе дѣлалось безъ малѣйшей ироніи, и газета, помѣщая изображение чорта въ нарядѣ адвоката, съ усами и клинообразной бородкой, только съ рогами, представляющимися изъ-подъ адвокатской шапочки и ступнями ногъ, оканчивающимися также въ формѣ роговъ, сама удивляется этому непостижимому сходству чорта съ адвокатомъ. Въ 1645 году, напечатано, съ рисункомъ, извѣстіе о морскомъ чудѣ—китѣ, плывшемъ отъ береговъ Франціи и преслѣдуемомъ множествомъ рыбъ. Его убили веймутскіе моряки и когда вытащили на берегъ, то въ брюхѣ его нашли «римскаго попа со спискомъ многихъ ирландцевъ и англичанъ, которымъ папа посылалъ прощеніе». Списокъ былъ помѣщенъ въ газетѣ, объяснявшей серьезно, что рыбы оттого преслѣдовали кита въ такомъ огромномъ количествѣ, что инстинктивно чувствовали присутствіе попа въ брюхѣ чудовища. Помѣщались и прямо сатирическія статьи, съ извѣстіями изъ магическихъ странъ, съ луны, съ земли колдуній, отъ антиподовъ, изъ страны мрака, Зеленой земли и другихъ сосѣднихъ странъ «для разумнѣнія всему народу велико-бедламскому». При началѣ междоусобной войны появилось множество памфлетовъ, яныя съ иллюстраціями, касавшихся общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Немало было религіозныхъ трактатовъ и карикатуръ. Одинъ изъ нихъ, 1643 года, представляетъ папу верхомъ на семиглавой гидрѣ, изъ устъ его выскакиваютъ маленькіе чортики, которыхъ проглатываютъ епископъ, монахъ и роялистъ, и надпись: «estote proditores, обманывайте свою страну». Королевская партія, утвердившаяся въ Лондонѣ, имѣла тоже своихъ защитниковъ и перебранивалась съ лондонскими республиканцами памфлетами и карикатурами, въ которыхъ осмѣивались и осыпались крупною бранью то «кавалеры», то «круглоголовые», смотря по тому, какая партія издавала памфлетъ. Когда Карлъ I открылъ, въ 1644 году, въ

Оксфордъ свой парламентъ, составленный изъ преданныхъ ему членовъ обѣихъ палатъ, явилась карикатура, представившая ихъ въ видѣ старыхъ женщинъ, причемъ осмѣяны всѣ ихъ пренія и постановленія. Pamфлеты роялистовъ выводили напротивъ въ осмѣянномъ видѣ пренія вестминстерскаго парламента. Особенной ѣдкою отличались насмѣшки надъ попами, епископами и монахами. Въ 1641 году, парламентскій указъ предписывалъ удалить «идолопоклонническія картины» изъ церквей и уничтожить кресты на улицахъ. Посыпались, конечно, печатныя проклятія на атеистовъ, анабаптистовъ, броунистовъ (послѣдователей ученія Броуна) и разныя печальныя сѣтованія (doleful lamentation) на варварское предписаніе, которое могли привести въ исполненіе только черезъ два года. Такъ, кресты на лондонскихъ улицахъ Чипсайдъ и Чаринг-Кроссъ

Паровая карета Гурнея въ Реджентс-Паркѣ въ 1827 году.

были уничтожены только въ 1643 году. Въмѣстѣ съ дѣлами своего отечества, англичанъ занимала Турція, и въ 1642 году вышелъ любопытный иллюстрированный рассказъ о чудѣ надъ громомъ Магомета въ Мединѣ, гдѣ втеченіе трехъ недѣль въ облакахъ являлась женщина съ раскрытою книгою въ рукахъ. Что это была за книга и что означало вообще все явленіе, англійское извѣстіе не объясняетъ, но прибавляетъ только, что одинъ дервишъ, «то-есть турецкій капуцинъ», началъ объяснять народу значеніе явленія, но слова его такъ не понравились толпѣ, что дервиша убили.

Но, преслѣдуя «идолопоклонничество» папистовъ и мнимыя чудеса ихъ святыхъ, долгій парламентъ осуждалъ на смерть за колдовство. Въ 1647 году, былъ въ Лондонѣ специалистъ по этой части, носившій официальное званіе «генеральнаго открывателя вѣдьмъ» (witch-finder general). Метью Гопкинсъ даже на судѣ объяснял свою систему и доказывалъ ея непреложность. Парламентъ также, какъ и король, прибѣгалъ къ выкладкамъ астролога Вильяма Лилли; Карлъ I спрашивалъ его мнѣнія: утверждать ли парламентскіе указы, и совѣтовался съ нимъ, задумывая обѣжать изъ

Карисбрукскаго замка. Лилли издалъ много предсказаній и календарей. Въ одномъ изъ нихъ, на 1648 годъ, помѣщено изображеніе трехъ солнць, явившихся въ Лондонѣ въ день рожденія короля. Значеніе явленія не объяснено, и Лилли только утверждаетъ, что оно несомнѣнно послано Богомъ. Во время междоусобной войны являлось много новыхъ періодическихъ изданій. Самыя распространенныя между ними были: «Шотландская Голубка», съ виньеткою, изображающею голубя съ вѣткою оливы въ клювѣ, «Летучая Почта», съ изображеніемъ курьера, трубящаго въ рогъ. Рисунки, помѣщаемые въ этихъ газетахъ, изображали сраженія между королевскою и парламентскими арміями, сцены жестокостей, совершаемыхъ роялистами, смертныхъ казней предводителей обѣихъ партій, портреты народныхъ вождей и генераловъ Карла I. По рисункамъ можно прослѣдить всю исторію этого времени. Есть изображенія уничтоженія Звѣздной палаты, казни архіепископа кентерберійскаго, герцога Гамильтона, графовъ Кембриджа и Голланда, бѣгства Карла I изъ Оксфорда, коронованія Карла II въ Шотландіи, бѣгства его изъ Англіи послѣ сраженія при Вотрчестерѣ, наконецъ, чтенія акта прощенія и забвенія въ 1651 году. Въ серіи этихъ изображеній встрѣчаются очень любопытныя, какъ разбитіе большой государственной печати съ королевскими атрибутами для замѣны ея республиканскими эмблемами; похороны предводителя республиканскаго войска графа Эссекса, по образцу которыхъ, въ 1852 году, былъ воспроизведенъ весь церемоніаль похоронъ герцога Веллингтона, военный совѣтъ преемника Эссекса, Томаса Ферфакса, который, со своимъ помощникомъ Оливеромъ Кромвелемъ, получилъ верховную власть надъ парламентомъ и всею странкою; смерть Карла I, описанная Ричардомъ Брандономъ, палачомъ, умершимъ въ томъ же 1649 году. Рисунокъ, приложенный къ описанію, появившемуся въ томъ же году, и воспроизведенный въ книгѣ Мевона Джексона, доказываетъ нелѣпость легенды, что Карлу отрубилъ голову какой-то челоуѣкъ въ маскѣ, замѣнившій Брандона. Джексоуъ говоритъ, что въ Британскомъ музеѣ хранится еще другое изображеніе казни, печатанное съ мѣдной доски и изданное во Франкфуртѣ, съ нѣмецкимъ текстомъ. Видъ Вейтгалля совершенно правильный и рисунокъ, очевидно, оригинальный.

Во время республики выходили иллюстрированныя изданія правительства, изображавшія побѣды англійчанъ въ Вест-Индіи, морскія сраженія между Блекомъ и голландскимъ адмираломъ Ван-Тромпомъ. По временамъ, продолжали являться извѣстія о феноменальныхъ явленіяхъ, въ родѣ найденнаго въ Сарданѣ, въ Испаніи, чудовища съ семью головами, семью руками и двумя козлиными ногами. Испанскій посолъ въ Лондонѣ засвидѣтельствовалъ существованіе этого чудовища. Съ реставраціею начали появляться памфлеты другого рода. Уже въ 1660 году, явилось «Зеркало измѣн-

никовъ, изображающее варварство бездѣльниковъ, задумавшихъ и причинившихъ смерть его священнаго ведичества короля Карла I, благословенной памяти». Рисунокъ, приложенный къ этому портрету, изображаетъ судъ надъ цареубійцами. Изъ 28-ми подсудимыхъ главными виновниками признаны генераль-маіоръ Гаррисонъ и Гюи Петерсъ, но всѣ присуждены къ повѣшенію, четвертованію и обезглавленію. Казнь производилась со всею утонченною жестокостью того времени. Каждый день казнили по одному преступнику въ Тибурнѣ и Чаринг-Кроссѣ, но недѣли черезъ двѣ принуждены были остановиться, такъ какъ ежедневныя сцены варварскихъ наказаній взволновали народъ, начавшій угрожать палачамъ. Тогда появился рисунокъ, изображавшій на одной сторонѣ смерть Карла,

Георгъ IV въ Вандворскомъ паркѣ.

а на другой казнь цареубійцъ, съ описаніемъ, какъ ничтожно наказаніе, въ сравненіи съ преступленіемъ. Генераль Гаррисонъ умеръ молча и твердо, Петерса вѣшали понемногу, то вздергивая, то опуская. Отрубленныя головы выставлялись на показъ городу. Вскорѣ изданъ указъ, запрещающій выпускъ въ свѣтъ періодическихъ изданій безъ разрѣшенія правительства. Первымъ цензоромъ (licenser of the press) сдѣланъ Джонъ Биркенгемъ. Изъ газетъ выходила только одна «Лондонская» съ правительственными извѣстіями, но безъ иллюстрацій. Отдѣльныя изображенія и описанія моровой язвы, пожара въ Лондонѣ, морская битва съ голандцами, убійство архіепископа Шарпа, чудесныхъ явленій на небѣ, выходили только съ разрѣшенія цензуры. Въ 1684 году, вышли рисунки, изображавшіе замерзшую Темзу въ необычайно холодную зиму; затѣмъ, въ слѣдующемъ году описаніе возстанія герцога Монмута и казнь 250

его сообщниковъ, осужденныхъ на смерть Джефрисомъ, съ портретами зачинщиковъ бунта. Маколей сообщаетъ подробности о подпольной печати того времени, усилившейся вслѣдствіе цензурныхъ строгостей. Въ подвалахъ Лондона устраивались тайныя типографіи съ ручными станками, на которыхъ печатались памфлеты противъ правительства и отдѣльныхъ лицъ, въ родѣ безчеловѣчнаго судьи Джефриса. Эти типографіи исчезли только въ 1695 году, съ воцареніемъ Вильгельма III и изгнаніемъ Стюартовъ. Последними замѣчательными политипажжами XVII вѣка были: изображеніе землетрясенія 1692 года въ Ямаикѣ и «сѣтованіе Великобританіи или похороны несравненнѣйшей протестантской принцессы Маріи, вѣчно благословенной памяти королевы Англіи, Шотландіи, Франціи и Ирландіи, окончившей свою жизнь 28-го декабря 1694 года въ Кенсингтонѣ на тридцать второмъ году, послѣ царствованія, продолжавшагося пять лѣтъ, восемь мѣсяцевъ и семнадцать дней». Мы приводимъ рисунокъ этихъ похоронъ въ уменьшенномъ размѣрѣ.

Съ уничтоженіемъ цензуры число иллюстрированныхъ изданій увеличилось до небывалыхъ размѣровъ. Рисунки являлись даже въ грошевыхъ листкахъ. Особеннаго процвѣтанія достигла карикатура, которой странности и пороки того времени давали обильную пищу. Наряду съ чудесными явленіями на небѣ, любимую темою политипажей, солнечными затменіями, процесіями лорда-мера, являются карикатуры на якобитовъ и на мошенничества лондонскихъ акціонерныхъ обществъ. Въ 1740 году, газета «Ежедневная Почта» начала прилагать иллюстраціи къ своимъ извѣстіямъ: планъ и изображеніе атаки англичанъ испанской крѣпости Порта-Белло и другія сцены тогдашней войны. Многие считаютъ автора «Томъ Джонса» только нувелистомъ, но Генрихъ Фильдингъ былъ также журналистомъ, памфлетистомъ, мировымъ судьей и издателемъ «Журнала Якобита», поддерживавшаго интересъ ганноверскаго дома послѣ возстанія 1745 года. Журналъ выходилъ по субботамъ, съ виньеткою и отличался сатирическимъ направленіемъ. Въ 1758 году, выходила «Еженедѣльная Хроника» Оуэна или «Всеобщая Газета», въ 8 страницъ и стоившая 2½ пенса за нумеръ. Въ ней помѣщались и рисунки, относящіеся къ событіямъ того времени, какъ, напр.: неудачная экспедиція англичанъ противъ Рошфора, попытка герцога Марльборо овладѣть Сен-Мало, отъ котораго герцогъ отступилъ съ такою послѣдностію, что забылъ свои чайныя ложки, которыя герцогъ Эгильонъ переслалъ ему съ насмѣшливой запиской.

Въ зиму 1764—1765 года появился во Франціи чудесный звѣрь, пожиравшій женщинъ и дѣтей. Онъ навелъ ужасъ на весь Лангедокъ, и слухъ объ немъ взволновалъ не только Францію, но перешелъ Ламаншъ. Такъ какъ онъ началъ свирѣпствовать въ Жевон-

данѣ, то его называли «Жеводанскимъ звѣремъ». Ростомъ онъ былъ выше волка, шерсти рыжей, голова собачья, но съ огромной пастью и стоячими ушами. Бѣгая чрезвычайно быстро, онъ бросался издали на намѣченную имъ добычу и терзалъ ее, опрокинувъ на землю. Въ «Сент-Джемской хроникѣ», вмѣстѣ съ разсказомъ объ этомъ

Коронація королевы Викторіа.

звѣрѣ, было помѣщено и его изображеніе и потомъ извѣстіе, что звѣрь застрѣленъ однимъ охотникомъ; трупъ, пересланный въ Версаль, былъ изслѣдованъ и измѣренъ; по числу зубовъ заключили, что онъ принадлежалъ къ породѣ гіены, такъ какъ у него 40 зубовъ, а не 36, какъ у волка; длиною онъ былъ до семи футовъ,

вышиною 32 дюйма; на ногахъ были крѣпкія и острые когти. Въ концѣ XVIII вѣка, появился первый ежемѣсячный «Журналъ Джентльмена» съ иллюстраціями, гдѣ печатались Драйденъ, Прейеръ, Седлей и другіе извѣстные писатели. Издатель и редакторъ его былъ французъ, эмигрантъ Пьеръ Маттѣ, переводчикъ Дон-Кихота. Журналъ имѣлъ большой успѣхъ, но выходилъ только четыре года. Въ 1794 году, Маттѣ былъ найденъ мертвымъ въ тавернѣ, близъ Темплбара. Былъ ли онъ убитъ, или умеръ отъ неумѣренной попойки,—осталось неизвѣстнымъ. Ему было 52 года. Не меньшимъ успѣхомъ пользовался другой иллюстрированный журналъ «Gentleman's Magazine» Эдуарда Кева. Здѣсь помѣщались, кромѣ политипажей, и гравюры на мѣди, писалъ Джонсонъ, а другъ его Босвелъ помѣстилъ по смерти Кева его некрологъ. Журналъ этотъ существуетъ и теперь. Изъ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ изданій съ 1791 года, началъ выходить по воскресеньямъ «Observer», не прекращающійся и до нашего времени. Въ то время рисунки появлялись и въ «Таймсѣ», давшемъ изображеніе похоронъ Нельсона и его гроба.

Въ 1817 году, «Times» иллюстрировалъ проекты Роберта Оуэна и постройки земледѣльческихъ и мануфактурныхъ колоній его кооперативнаго общества. Въ 1815 году, «Observer» напечаталъ большую гравюру на мѣди, изображающую островъ св. Елены, куда англичане сослали Наполеона, а въ 1819 портретъ Авраама Торнтонъ, процессъ котораго надѣлалъ много шума въ Англіи, напомнивъ объ одномъ старинномъ и странномъ законѣ, уничтоженномъ только послѣ этого процесса. Торнтонъ былъ обвиненъ въ убійствѣ молодой женщины Мери Ашфордъ, съ которой онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ. Присяжные, однако, оправдали его, приписавъ смерть ея самоубійству. Братъ погибшей подалъ апелляцію. Тогда Торнтонъ объявилъ, что, по древнему закону, онъ требуетъ судебного поединка съ обвинителемъ. Судьи, не смѣя нарушить законъ, разрѣшили дуэль, но братъ Ашфордъ самъ отказался драться. Многія изданія, описывая событія того времени, сопровождали ихъ рисунками. Въ 1820 году, Англію удивило открытіе заговора, имѣвшаго цѣлью убить министровъ и ниспровергнуть правительство. Постыдный образъ дѣйствій принца-регента, высокая цѣна хлѣба, непомерные налоги возбуждали недовольство въ народѣ, поддерживаемое частыми сценами безпорядковъ и стычками солдатъ съ чернью, оканчивавшимися нерѣдко убійствами, какъ въ Петерло, въ Ланкашейрѣ. Главою заговора былъ Тистльвудъ, только-что судившійся по обвиненію въ бунтѣ, но оправданный присяжными. Онъ составилъ планъ истребленія министровъ, когда они съѣдутся на обѣдъ къ лорду Гарроуби. Затѣмъ заговорщики, захвативъ нѣсколько пушекъ, должны были занять англійскій банкъ, разрушить телеграфъ, зажечь Лондонъ въ нѣкоторыхъ кварталахъ и учредить временное

правленіе. Они разсчитывали, что къ нимъ тотчасъ же присоеди-
нятся недовольные правительствомъ. Собраны были пикки, сабли,
пистолеты, ручныя гранаты. Одинъ изъ заговорщиковъ, Адамсъ,
предалъ ихъ полиціи, и она захватила всѣхъ на мѣстѣ ихъ сходки.
Сопротивляясь, они убили одного полицмена, нѣсколькихъ ранили,
но были всѣ захвачены въ числѣ 25 человѣкъ. Въ апрѣлѣ четверо
главныхъ заговорщиковъ и Тистльвудъ были повѣшены, шестеро

Королева Викторія въ костюмѣ королевы Филиппы въ 1842 году.

осуждены на вѣчную каторгу, остальные на болѣе или менѣе про-
должительные сроки. «Observer» помѣстилъ на своихъ столбцахъ
видѣ дома, гдѣ пойманы заговорщики, снимки съ гранатъ, кин-
жаловъ и проч. Кромѣ того, видя, какой интересъ возбуждаетъ въ
публикѣ этотъ заговоръ, журналъ рѣшился напечатать весь ходъ
процесса прежде произнесенія приговора, что запрещалось закономъ
подъ опасеніемъ штрафа въ 500 фунтовъ. Штрафъ, конечно, былъ
наложенъ, но журналъ продалъ столько отдѣльныхъ номеровъ сво-
его изданія, что, вмѣсто потери, получилъ еще барышъ. Въ томъ

же году, на престолъ вступилъ Георгъ IV, давно уже разошедшійся съ своею женою, Каролиною Брауншвейгскою, оставившею Англию. Но когда ея мужъ сдѣлался королемъ, она не хотѣла отказаться отъ своихъ правъ и вернулась въ Англию, не смотря на то, что министры уговаривали ее не дѣлать этого. Путь ея отъ Дувра до Лондона былъ настоящимъ торжествомъ. Вездѣ народъ встрѣчалъ шумными оваціями несчастную жену низкаго и распутнаго мужа. Съ восторгомъ встрѣтила ее и столица, но парламентъ возбудилъ пренія о томъ, что королеву не слѣдуетъ поминать на литургіи.

Моды 1842 года.

Раздраженный Георгъ назначилъ судъ надъ королевою. Когда она отправилась въ парламентъ, народъ сопровождалъ ее по улицамъ и такъ громко выражалъ свое негодованіе противъ безсердечнаго короля, что судъ не посмѣлъ осудить королеву. Три ночи сряду Лондонъ зажигалъ блестящую иллюминацію по случаю оправданія королевы. «Observer» помѣстилъ рисунокъ палаты лордовъ во время суда надъ королевою. Когда, въ слѣдующемъ году, начались пренія о реформахъ, въ которыхъ принимали участіе Каннингъ, Брумъ, Пиль и Пальмерстонъ, тотъ же журналъ помѣщалъ парламентскія сцены съ портретами главныхъ ораторовъ. Послѣдовавшая затѣмъ коронація съ ея праздниками послужила предметомъ четырехъ вполнѣ художественныхъ рисунковъ въ «Observer'ѣ». Это значительно увеличивало расходы газеты, платившей 2,000 фунтовъ стер-

линговъ штемпельнаго налога, кромѣ налога на бумагу. Но успѣхъ изданія покрылъ всѣ издержки, и газета продолжала въ слѣдующихъ годахъ помѣщать рисунки путешествія Георга IV въ Ирландію, занятія французами Кадикса, убійства судьи Вира,—за иллюстраціи этого преступленія газета была также присуждена къ уплатѣ значительной пени. Въ 1827 году, «Observer», по случаю смерти герцога Йоркскаго, помѣстилъ его подробный некрологъ и

Донисъ Слимъ въ 1842 году.

конный портретъ его, снятый во время посѣщенія герцогомъ Ньюмаркета. Въ газетѣ явились также рисунки похоронъ и мавзолея герцога въ Виндзорѣ; затѣмъ, портретъ Каннинга, изображеніе битвы при Наваринѣ и паровой кареты Гурнея, появившейся первый разъ въ паркѣ регента, въ декабрѣ 1827 года. Послѣдній рисунокъ особенно замѣчателенъ, какъ изображеніе первой попытки примѣнить паръ къ способамъ передвиженія. Гурней былъ докто-

«ИСТОР. ВѢСТН.», январь, 1887 г., т. XLVII.

ромъ, но занимался физикой, какъ дилетантъ, и твердо вѣрилъ въ возможность двигаться посредствомъ пара по обыкновеннымъ дорогамъ. Въ своей паровой каретѣ онъ, въ 1829 году, ѣздилъ изъ Лондона въ Батъ и совершилъ этотъ путь въ 84 мили въ 9 часовъ и 20 минутъ, т. е. дѣлая по 14 миль въ часъ, считая тутъ и остановки для пополненія машины топливомъ и водою. Въ 1831 году, установилось уже правильное сообщеніе паровыми экипажами между Глочестеромъ и Чельтенгамомъ. На пути не случилось никакихъ несчастій, но противъ такого способа передвиженія воз-

Кобденъ въ 1842 году.

стали содержатели почтовыхъ лошадей, извозчики и казна, бывшаяся уменьшенія почтовыхъ доходовъ. Паровое сообщеніе было уничтожено, и Гурней потерялъ болѣе 36,000 фунтовъ стерлинговъ, потраченныхъ имъ на свое изобрѣтеніе. Онъ дождался, впрочемъ, открытія желѣзныхъ дорогъ и умеръ восьмидесятилѣтнимъ старикомъ. «Observer» помѣстилъ также рисунокъ катастрофы, случившейся въ 1828 году, въ тоннелѣ подъ Темзою, который начали рыть въ 1825 году. Вода прорвалась въ тоннель во время работъ, и шестеро рабочихъ погибло. Въ томъ же году, газета сообщила, что ея рисунки, числомъ 27, стоили ей 142 фунта стерлинговъ, уплаченныхъ рисовальщику и граверу.

Меньшимъ, но, всетаки, достаточно значительнымъ успѣхомъ пользовались еще два иллюстрированныя изданія «Bell's Life» и «Englishman». Они также старались наперерывъ помѣщать рисунки, относящіяся къ «злобѣ дня»: виды новыхъ доковъ, Бокингамскаго дворца, выстроеннаго для Георга IV, портреты сіамскихъ близнецовъ, фермера Кордера, застрѣливаго свою любовницу. Когда умеръ король, появился его портретъ, изображающій Георга въ томъ видѣ, какъ онъ въ послѣдній разъ показывался народу, катающимся въ Виндзорскомъ паркѣ, въ двухколесномъ фязтонѣ.

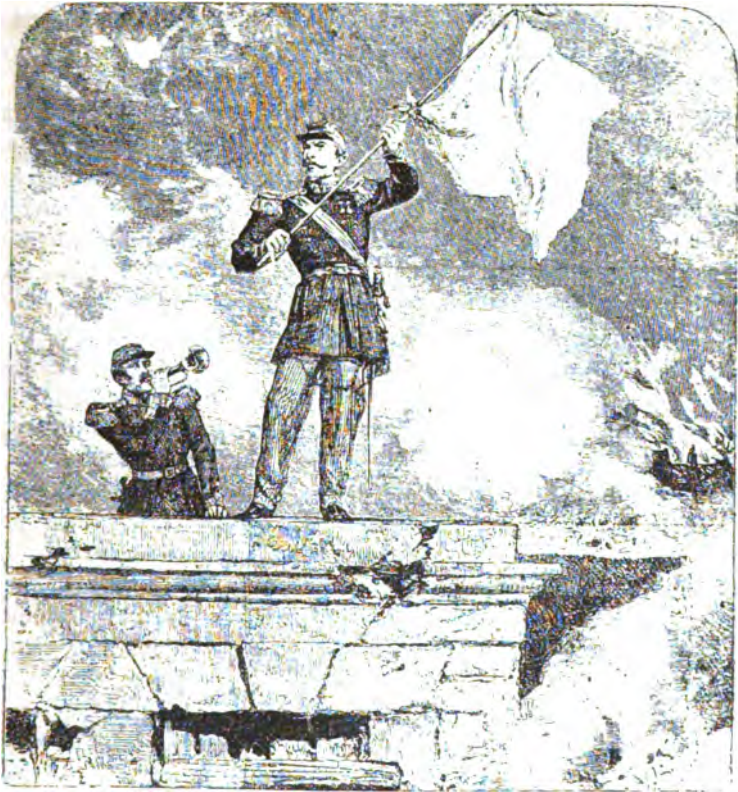
Джордани въ 1844 году.

Затѣмъ, слѣдовали рисунки похоронъ, вѣзда въ Лондонъ Вильгельма IV и королевы Аделаиды, банкетъ, данный имъ городомъ въ Гвильдгаллѣ, открытіе новаго лондонскаго моста, въ присутствіи короля и королевы, коронаціи и проч. Послѣ покушенія Фіаски въ Парижѣ на жизнь Луи-Филиппа, «Observer» помѣстилъ портретъ убійцы и изображеніе его адской машины. Вскорѣ пришлось изображать и похороны недолго царствовавшаго короля и вслѣдъ затѣмъ коронацію королевы Викторіи и приѣмъ ея лондонскимъ Сити. Оба эти политипажа были огромной величины; на послѣднемъ, кромѣ панорамическаго изображенія королевской процессіи, отправляющейся въ Гвильдгаллѣ, помѣщена еще эмблематическая группа

льва и голубя, «для того, чтобы выразить соединеніе непорочной чистоты и безстрашной силы въ лицѣ юной королевы», какъ объяснялъ «Observer». Въ то же время, газета печатала виды первой желѣзной дороги изъ Лондона въ Бирмингамъ и поднятіе воздушнаго шара изъ лондонскаго вокзала, причемъ воздухоплаватель Кокингъ убили до смерти, когда шаръ спускался на землю. Бракъ Викторіи далъ поводъ къ новымъ рисункамъ, затѣмъ слѣдовали сцены: пожара въ Тоуерѣ, 1841 года, рожденія принца Уэльскаго, его крещенія, банкета, даннаго городомъ по этому случаю. Потомъ, до 1847 года, «Observer» пересталъ помѣщать рисунки, а въ этомъ году явились послѣдніе его политипажи, изображавшіе принятіе принца Альберта въ званіи канцлера Кембриджскаго университета. Другой иллюстрированный журналъ «Weekly Chronicle» помѣщалъ преимущественно сцены изъ уголовной хроники. Нумера съ рисунками процесса и казни убійцы Гренакра расходились въ числѣ 130,000 экземпляровъ, какъ свидѣтельствуемъ самъ издатель. Въ 1838 году, онъ помѣстилъ множество рисунковъ къ поимкѣ Вильяма Кортнея, помѣшаннаго фанатика, проповѣдовавшаго бѣднякамъ въ Кентербюри избавленіе отъ всѣхъ золъ и бѣдствій. Онъ началъ свою проповѣдь еще въ 1833 году, но былъ отданъ подѣ судъ и обвиненъ въ подстрекательствѣ къ бунту, въ произведеніи безпорядковъ и нарушеніи общественнаго спокойствія. Его приговорили къ ссылкѣ, но, въ виду разстройства его умственныхъ способностей, посадили въ домъ сумасшедшихъ, откуда выпустили черезъ четыре года, найдя, что онъ выздоровѣлъ. Кортней былъ, однако, помѣшанъ больше чѣмъ когда либо. Онъ сталъ выдавать себя за пророка, посланнаго небомъ для водворенія правды на землѣ. Собравъ вокругъ себя шайку приверженцевъ челоуѣкъ въ двадцать, онъ сталъ ходить съ ними по деревнямъ, обѣщая всѣмъ, что скоро сдѣлаетъ такое чудо, какого никто не ожидаетъ, что онъ — новый Гедеонъ, явившійся истребить порочныхъ и тѣхъ, кто не признаетъ его пророкомъ. Одинъ констабль хотѣлъ арестовать его, но Кортней убилъ его выстрѣломъ изъ пистолета и удалился съ своею шайкою въ Боссенденскій лѣсъ, куда принуждены были послать пѣлый полкъ, чтобы захватить бунтовщиковъ. Начальникъ войскъ потребовалъ, чтобы Кортней сдался, но фанатикъ застрѣлилъ офицера и самъ былъ убитъ солдатомъ, мстившимъ за смерть своего командира. Семеро изъ шайки были также убиты, остальные схвачены; это были все бѣдняки, не знавшіе грамоты, но слѣпо вѣрившіе, что ихъ предводитель, настоящее имя котораго было Джонъ Томъ, не только Гедеонъ и Сампсонъ, но и Христось, вторично явившійся на землѣ, чтобы водворить на ней царство небесное.

Появленіе въ это время «Грошоваго Журнала» (Penny Magazine) повліяло на другія иллюстрированныя изданія. Совершенною по-

жестью явилась программа этого изданія, въ которой редакторъ говоритъ, что «бѣдный человѣкъ долженъ быть мыслящимъ человекомъ, способнымъ къ умственнымъ наслажденіямъ, что необходимо очистить его вкусы, возвысить его понятія. Онъ долженъ понимать высокое значеніе ручного труда и смотрѣть на другія сословія общества безъ зависти и безъ прислужничества, такъ какъ и для него открыты всѣ пути къ достиженію почета и благосостоя-

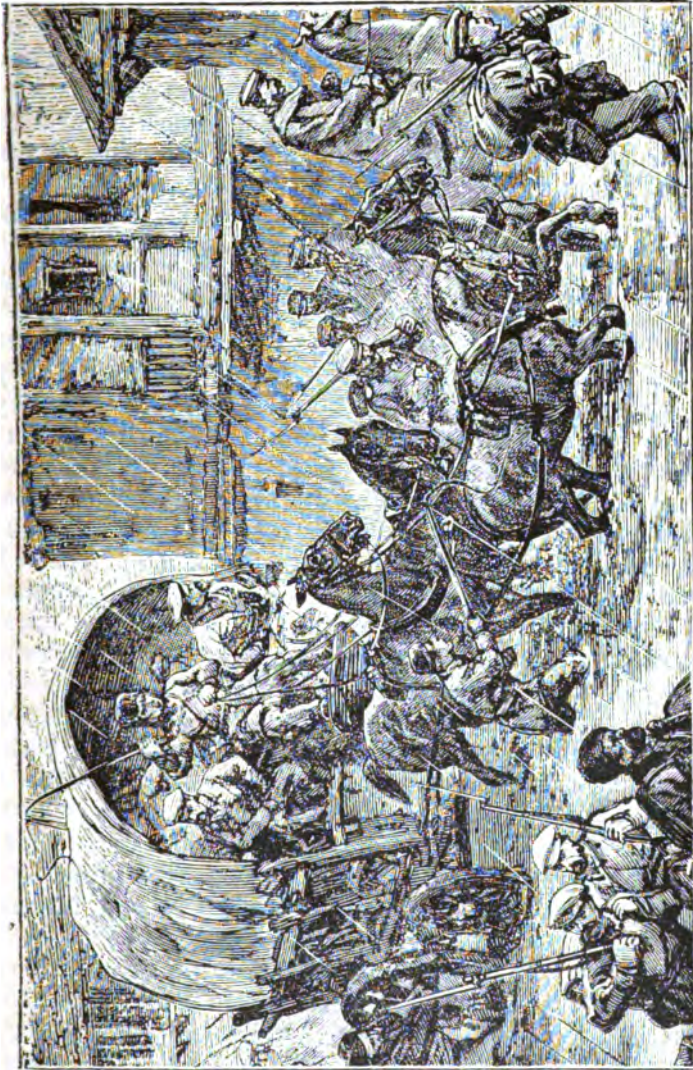
Сдача Седана. Гравюра 1870 года.

нія. Онъ долженъ уважать самого себя и считать доступными для себя всѣ тѣ роды интеллигентныхъ удовольствій, которыми пользуются высшіе круги: для этого нужно только, чтобы онъ отказался отъ своихъ грубыхъ матеріальныхъ удовольствій». Съ помощію «Общества распространенія полезныхъ свѣдѣній», Чарльсъ Найт началъ издавать въ 1832 году «Penny Magazine», каждый еженедѣльный номеръ котораго стоилъ пени—то есть 2½ копѣйки или 10 сантимовъ. Съ первыхъ же номеровъ новаго журнала, стали появляться въ немъ снимки съ великихъ произведеній искусствъ:

Лаокоона, Апполона Бельведерскаго, умирающаго Гладіатора, картоновъ Рафаэля, вмѣстѣ съ видами замѣчательныхъ мѣстностей, портретами великихъ людей. Успѣхъ «Penny Magazine» превзошелъ всѣ ожиданія. Въ концѣ 1832 года, журналъ расходился въ числѣ 200,000 экземпляровъ. Клише съ его рисунковъ разсылались во всѣ европейскія государства. Въ Соединенныхъ Штатахъ каждый номеръ перепечатывался цѣликомъ съ мѣдныхъ оттисковъ, пересылаемыхъ изъ Лондона. Успѣхъ изданія продолжался девять лѣтъ; потомъ, быстро склоняясь къ упадку, оно прекратилось въ 1845 году. Существованіе другихъ журналовъ, подражавшихъ «Penny Magazine», также было непродолжительно. Найтъ занялся изданіемъ «Грошовой энциклопедіи», за статьи и рисунки которой онъ заплатилъ 40,000 фунт., кромѣ 16,500 фунт., уплаченныхъ за штемпельный налогъ на бумагу. Этотъ непопулярный налогъ, взимаемый казною, помѣшалъ комерческому успѣху изданія, но ученое и литературное значеніе его было такъ велико, что когда оно было кончено, министръ лордъ Брумъ устроилъ въ честь Найта обѣдъ, на который собрались представители литературы и искусства, чтобы достойно почтить издателя такой полезной книги. Чарльсъ Найтъ выпустилъ потомъ въ свѣтъ еще нѣсколько иллюстрированныхъ изданій: «Живописную библію», «Старую Англію», «Арабскія сказки». Онъ умеръ въ 1873 году, въ своемъ родномъ городѣ Виндзорѣ, гдѣ ему воздвигнутъ памятникъ, по общественной подпискѣ.

Иллюстрированная періодическая печать встала на твердую почву въ Англіи только съ 1842 года. До этого времени рисунки являлись въ еженедѣльныхъ изданіяхъ только случайно, изображали только исключительныя событія, интересовавшія общество. Но съ этого года, въ Лондонѣ появился журналъ, гдѣ рисунку дано было первое, преобладающее мѣсто, и статьи служили только поясненіемъ иллюстраціи. 14-го мая вышелъ первый номеръ «Иллюстрированныхъ лондонскихъ новостей» «Illustrated London news». Въ немъ было 16 страницъ и 32 гравюры на деревѣ. Рубрика статей отдѣлялась виньетками. Встрѣчались и юмористическіе рисунки. Заглавная виньетка изображала Лондонъ со стороны Темзы: церковь св. Павла посрединѣ, черезъ рѣку проходитъ процессія лордъ-мера. На первой страницѣ политипажъ изображалъ городъ Гамбургъ, затѣмъ шли виды городовъ Франціи и Италіи, Кабула, крѣпости Газни, гдѣ вспыхнуло возмущеніе. Былъ тутъ также и портретъ Викторіи, сильно польщенной, въ костюмѣ королевы Филиппы, въ которомъ она явилась въ маскарадѣ бокингамскаго дворца. Были тутъ и дамскія моды и даже, въ отдѣлѣ объявленій, подъ рубрикою «рожденія, браки, кончины» портретъ какого-то эсквайра Слива, который могъ также служить модной вывѣской, хотя почтенный джентльменъ объявлялъ только черезъ журналъ, что ищетъ невѣсту красивую, умную и добрую. «Богатство дочери (или вдовы)

Альбіона не представляет непреодолимаго (insurmountable) препятствія къ браку», — прибавлялось въ статьѣ, упоминавшей также, что въ замѣнъ портрета жениха, помѣщаемого въ журналѣ, просятъ присылать портретъ невѣсты. «Миніатюры, оправленные въ золото,

Сикстово въ 1877 году.

жемчугъ или драгоцѣнные камни не отвергаются». Номеръ журнала стоилъ шесть пенсовъ и разошелся въ числѣ 28,000 экземпляровъ. Въ слѣдующихъ номерахъ помѣщены портреты Мехмеда-Али, королевы Викторіи съ принцемъ Уэльскимъ на рукахъ, въ ва-

гонѣ желѣзной дороги, на прогулкахъ, сцена покушенія на жизнь Викторіи и суда надъ Френсисомъ, выстрѣлившимъ въ королеву и посаженнымъ въ домъ умалишенныхъ. Отдѣльная статья была посвящена восхваленію ораторскаго искусства Кобдена, причемъ помѣщенъ портретъ его, снятый во время произнесенія имъ рѣчи въ парламентѣ. Со второго года начали помѣщать въ журналѣ иллюстрированные романы, затѣмъ «парламентскіе портреты» съ біографіями ораторовъ, между которыми первымъ былъ Дизраелли, будущій лордъ Биконсфильдъ. Въ 1844 году, журналъ печаталъ уже 66,000 экземпляровъ. 1848 годъ, когда еженедѣльно появлялись въ журналѣ сцены французской революціи, увеличилъ расходъ его вдвое. Рисунки съ каждымъ годомъ дѣлались художественнѣе. Въ 1851 году, на лондонской выставкѣ, машины «Лондонской иллюстраціи», работавшія во время посѣщенія выставки публикою, собирали вокругъ себя многочисленную толпу. Журналъ въ это время расходился въ большемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ въ крымскую войну— фактъ любопытный, доказывающій, что эра мирнаго процвѣтанія искусствъ и промышленности привлекательна больше, чѣмъ бурная эпоха военныхъ подвиговъ. Съ 1855 года, рождественскіе номера журнала начали являться съ хромолитографическими рисунками. По временамъ выходили приложения, печатанныя красками, исполненныя вполне художественно. За одинъ такой рисунокъ, изображающій Сандрильону, живописцу Милле заплачено въ 1882 году 3,000 гиней (болѣе 30,000 рублей). Во время свадьбы принца Уэльскаго, номеръ журнала вышелъ въ три листа (48 страницъ) въ числѣ 310,000 экземпляровъ, и всѣ эти 930,000 листовъ, были отпечатаны въ одну недѣлю. Основателемъ «Лондонской иллюстраціи» былъ Гербертъ Инграмъ, вложившій въ это дѣло всю энергію, все знаніе. Онъ печально кончилъ свою жизнь, утонувъ съ сыномъ въ 1860 году во время путешествія по Америкѣ, на озерѣ Мичиганѣ, во время столкновенія двухъ пароходовъ. Изъ конкурентовъ «Лондонской иллюстраціи», большимъ успѣхомъ пользуется «Illustrated Times» и «Graphic». Сатирическій журналъ «Punch» стоитъ особнякомъ въ иллюстрированной прессѣ и не только его статьи, но и рисунки, носятъ отпечатокъ своеобразнаго англійскаго юмора, тонкости котораго доступны не всѣмъ національностямъ.

Начиная со второй половины нынѣшняго столѣтія періодическая пресса получила огромное развитіе и значеніе. Главные органы ея явились дѣйствительно силою въ общественной и даже государственной жизни. Не говоря уже о томъ, что мнѣнія и взгляды этихъ органовъ въ конституціонныхъ странахъ имѣли сильное вліяніе на рѣшенія парламентовъ и дѣйствія правительства, значеніе серьезныхъ газетъ отразилось и на международныхъ сношеніяхъ. Въ то время, когда правители державъ разсылаютъ своихъ посланниковъ къ иностраннымъ дворамъ, газеты отправляютъ такихъ же

пословъ-корреспондентовъ въ страну, гдѣ происходятъ выдающіяся событія. Но въ то время, когда патентованные посланники наслаждаются при дружественныхъ дворахъ всѣми благами мирной жизни, газетные корреспонденты, появляясь большею частью въ бурное и

Палатка корреспондентовъ газеты «Times» и «Лондонской Иллюстраціи», атакованныхъ волеями въ 1877 году, въ Болгаріи.

военное время, подвергаются всѣмъ опасностямъ, неразлучнымъ съ эпохою смутъ и волненій. Они слѣдуютъ за арміею, раздѣляя всѣ труды и лишения боевой жизни, остаются въ осажденномъ городѣ, какъ въ Парижѣ 1870 году, или въ Карсѣ и Плевнѣ въ 1877 году,

и переносятъ всё ужасы осады, бомбардировки и пр. Въ ряду такихъ корреспондентовъ положеніе репортера иллюстрированнаго изданія становится еще болѣе опаснымъ, подвергаетъ его еще большимъ непріятностямъ. Если разныя мѣстныя и военныя власти косо смотрятъ на корреспондента, которому приходится сообщать не объ однихъ успѣхахъ и побѣдахъ, то тѣмъ непріязненнѣе относятся они къ человѣку, набрасывающему на бумагу сцены разныхъ катастрофъ, сраженій, возстаній и т. п. Корреспондентами иллюстрацій посылаютъ всегда живописцевъ или хорошихъ рисовальщиковъ, такъ какъ пользованіе фотографическими аппаратами далеко не всегда примѣнимо въ походной рѣзвѣ, въ смутное время. Легко представить себѣ незавидное положеніе такого корреспондента, снимающаго видъ какой нибудь мѣстности, гдѣ произошло замѣчательное событіе. Трудно ли взволнованной, малообразованной массѣ принять такого художника за шпіона—а извѣстно, какъ обходятся со шпіонами въ военное время. И такіе случаи иллюстрированная печать не разъ вносила въ страницы своей исторіи. Въ 1870 году, въ Мецѣ французскіе офицеры съ трудомъ вырвали изъ рукъ толпы двухъ рисовальщиковъ «Лондонской Иллюстраціи», которыхъ народъ, избивъ до полусмерти, уже вздергивалъ на фонари, считая ихъ за прусскіхъ шпіоновъ, такъ какъ они рисовали укрѣпленія и плохо говорили пофранцузски. Одинъ изъ этихъ корреспондентовъ былъ и въ прусской арміи при бомбардировкѣ Седана, откуда прислалъ въ «Illustrated London News» рисунокъ, изображавшій появленіе на стѣнѣ крѣпости офицера съ бѣлымъ знаменемъ, въ сопровожденіи трубача, что означало сдачу Седана. Репортеры-рисовальщики были въ англійской арміи во время войны съ зулусами и съ Махди. Одинъ изъ нихъ, извѣстный О'Доннованъ погибъ въ Суданѣ вмѣстѣ съ арміей Гикса-паша. Въ Болгаріи, въ 1877 году они подвергались не меньшимъ опасностямъ. Одинъ изъ нихъ, при началѣ войны, держа себя твердо и энергично, заставилъ турецкаго начальника переслать по почтѣ рисунокъ турецкихъ убійствъ въ болгарской деревнѣ, угрожая пашѣ тѣмъ, что если онъ не пошлетъ рисунокъ, то корреспондентъ отправитъ его черезъ своего консула и еще изобразитъ на рисунокѣ самого пашу участникомъ убійствъ. Другой репортеръ, застигнутый въ то время, когда онъ чертилъ на папирсной бумагѣ планъ турецкаго укрѣпленія, и видя, что къ нему подходит турецкій офицеръ съ явно враждебными намѣреніями, хладнокровно насыпалъ табаку въ свой чертѣжъ, свернулъ изъ него папиросу и, попросивъ огня у того же офицера, спокойно выкурилъ на его глазахъ свой кроки. Были корреспонденты-рисовальщики и въ русской арміи, и одинъ изъ нихъ, вошедшій вмѣстѣ съ нею въ Систово, прислалъ въ «Лондонскую Иллюстрацію» очеркъ этого событія. Въ Болгаріи эти репортеры подвергались лишеніямъ и опасностямъ всякаго рода. Такъ коррес-

понденты газеты «Times» и «Лондонской Иллюстраціи» въ одну зимнюю ночь должны были съ револьверами въ руках отражать нападеніе голодныхъ волковъ на ихъ палатку.

Значеніе иллюстрированной печати, сознанное всѣми, такъ велико въ настоящее время, что наука и искусство изобрѣтають теперь новыя средства ускорить воспроизведенія въ періодическихъ изданіяхъ рисунковъ всякаго рода. Металлографія и въ особенности фототипія совершенствуется съ каждымъ днемъ и, можетъ быть, недалеко то время, когда одинъ изъ этихъ способовъ печатанія рисунковъ замѣнитъ рѣзбу на деревѣ и клишированіе полиטיפажей, всетаки отнимающее много времени и требующее большого труда для того, чтобы изображеніе выходило отчетливо и изящно. Но исторія развитія современной иллюстраціи, достигшей съ половины нашего столѣтія значительныхъ успѣховъ, особенно въ Англии,—все таки любопытна, а польза, принесенная иллюстрированной печатью такъ велика, что мы сочли нелишнимъ ознакомить съ нею, хотя и въ краткомъ очеркѣ, читателей журнала, отводящаго на своихъ страницахъ значительное мѣсто рисункамъ историческаго содержанія.

В. Зотовъ.

ЗАПИСКИ ГОБАРА-ПАШИ.

ВТОМЪ нынѣшняго года Турція похоронила адмирала и главнаго командира своего флота, Гобарашу, имя котораго хорошо извѣстно русской публикѣ со времени послѣдней войны за освобожденіе несчастной Болгаріи. Гобаръ-паша былъ англичанинъ родомъ, а у англичанъ есть добрая привычка къ перу, бумагѣ и книгѣ, которой не мѣняютъ ни титулы, ни чины, ни деньги. Благодаря этому свойству британцевъ, мы имѣемъ предъ собой «Sketches from my Life» — «Очерки моей жизни», написанные Гобаромъ въ послѣдніе мѣсяцы его бурной жизни, изданные надняхъ въ Лондонѣ.

Пишущему эти строки случалось не разъ встрѣчаться съ покойнымъ пашой въ Царьградѣ. Гобаръ мало походилъ на англичанина; въ немъ не было ни напускной чопорности, ни лицемѣрнаго холода; напротивъ, до старости онъ сохранилъ юное бонъ-виванство, умѣлъ весело смѣяться, а главное былъ простъ въ чинѣ адмирала, какъ въ чинѣ мичмана. Любимымъ его мѣстопребываніемъ въ Царьградѣ былъ самый дешевый отель «Пекинъ», гдѣ онъ съ удовольствіемъ пилъ сквернѣйшее венгерское и съ аппетитомъ кушалъ жесткій бифштексъ. Тутъ около Гобара могъ садиться каждый посѣтитель и начинать разговоръ на любую тему. Если собесѣдникъ оказывался интереснымъ, Гобаръ послѣ завтрака закуривалъ огромную папиросу и сидѣлъ въ ресторанѣ еще полчаса и часъ. Эта простота и зачлась ему какъ главная причина успѣха службы въ Турціи. Много переплатилъ и платитъ денегъ разворенный народъ Порты иностранцамъ-учителямъ и руководителямъ въ разныхъ отрасляхъ турецкой государственной жизни, но еще больше турокъ видятъ неблагодарности, высокомѣрія и презрѣнія отъ чу-

железных наемниковъ. Сколько разъ на улицѣ, въ кофейнѣ, на гуляньѣ, въ домахъ Али-баба, я, русскій, скорбѣлъ, возмущался и негодовалъ на это высокомеріе въ особенности нѣмецкихъ инструкторовъ по отношенію къ туземцу. Гобарь-паша былъ единственнымъ исключеніемъ изъ этого правила и за то онъ былъ единственнымъ иностранецъ на турецкой службѣ, котораго любили какъ добраго, славнаго малаго. Уважали ли его?—это другой вопросъ...

Добрый, славный малый, какъ и слѣдовало ожидать, могъ написать только легонькую книжечку, перепархивая черезъ верхушки высокихъ вопросовъ и любовно снимая медь съ воспоминаній лишь того, что было мило и сладко въ юные дни. Поэтому его автобіографія мало вноситъ свѣта и деталей въ исторію и читается скорѣе, какъ рядъ легкихъ фелетоновъ, не имѣющихъ цѣлью ни поучать, ни учить. Но Гобарь, всетаки, былъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей въ наши дни, столь скудные государственнымъ умомъ, и потому въ запискахъ его повелѣвъ встрѣчаются строки не безынтересныя для потомства.

Гобарь—третій сынъ одного изъ британскихъ, старинныхъ графовъ. По закону первенства, титулъ и земли отца перешли полностью къ старшему брату, а будущій турецкій паша подъ именемъ сэра Августа Гобара, тринадцати лѣтъ отъ роду, былъ отданъ на корабль въ качествѣ кадета. Такъ и до сей поры создается большинство англійскихъ морскихъ офицеровъ. Наука кадета на борту—закаленіе молодаго сердца отъ чувствъ состраданія и жалости къ ближнему. Въ запискахъ Гобара есть нѣсколько страницъ, посвященныхъ разсказу объ этомъ закаленіи, которыя и безъ литературнаго таланта вышли весьма живыми. Первая сцена, представившаяся мальчику на военномъ кораблѣ, была слѣдующая: входить на судно командиръ и громко приказываетъ: «Заковать въ оковы всю команду лодки!» Команда провинилась тѣмъ, что заставила старшаго офицера ждать двѣ минуты, когда онъ отчаливалъ отъ берега. Мальчикъ-Гобарь не вытерпѣлъ и, видя страданія заковываемыхъ матросовъ, вскрикнулъ отъ ужаса.—«А ты, маленькій негодяй,—обратился къ нему командиръ,—маршъ на главную мачту!» Море было сердитое, волны качали судно, мачта высока, мальчикъ не зналъ до сихъ поръ ни моря, ни волнъ, полѣзъ и остановился. «Выше, выше!»—кричалъ на него командиръ... Гобарь слѣзъ обратно и повалился безъ чувствъ. Таково обращеніе съ графскими сыновьями, но что терпѣли и терпятъ простые смертные на англійскомъ флотѣ отъ безсердечнаго деспотизма капитановъ, то кровью написано на пресловутой цивилизаціи западнаго буржуа. «Я видѣлъ,—разсказываетъ Гордонъ,—какъ деньщикъ былъ высѣченъ за то, что супъ, поданный имъ офицеру, не былъ достаточно горячимъ... Однажды капитанъ пригласилъ своего знакомаго завтракать; бесѣда у нихъ не клеилась, и капитанъ вдругъ спросилъ своего гостя,

не хочет ли онъ посмотрѣть, ради развлеченія, какъ съѣдутъ матросовъ? Предложеніе было принято, и одного изъ матросовъ тотчасъ высѣкли». Замѣтимъ, кстати, что Гобаръ приводитъ эту печальную и отвратительную повѣсть вовсе не для улыкъ тѣхъ или другихъ командировъ, а просто какъ общую картину, тщательно избѣгая называть имена капитановъ и ихъ кораблей. Въ Англіи еще недавно слушался скандальный процессъ, доказывающій, что времена флотскаго варварства далеко не канули въ вѣчность. Одинъ командиръ военнаго парохода приказалъ высѣчь публично на суднѣ мичмана. Высѣкли несчастнаго, но когда пріѣхали обратно въ Англію, у мичмана оказалась знатная и богатая родня, которая вступилась за молодого человѣка, и капитану пришлось высидѣть нѣсколько мѣсяцевъ подъ арестомъ. Путешествуя по бѣлому свѣту, я повсемѣстно слышалъ, что и на торговомъ англійскомъ флотѣ такимъ же образомъ варварствуютъ частные капитаны. Знатоки рассказываютъ, что нѣтъ такого англійскаго судна, съ котораго втеченіе года бѣжало бы менѣе трети матросовъ...

Подобное безобразіе вырабатываетъ, разумѣется, не строгую дисциплину, а ненависть къ начальству. Этимъ чувствомъ пропитана вся книга Гобара; ее не скрасили, очевидно, даже сладость его послѣдующей карьеры и туго набитый карманъ турецкими лирами. Старикъ-адмиралъ на закатѣ дней своихъ съ юношескимъ восторгомъ, на примѣръ, вспоминаетъ такое юмористическое происшествіе: будучи въ маленькомъ чинѣ, онъ командовалъ небольшимъ пароходомъ въ составѣ британской эскадры Средиземнаго моря. Командиръ эскадры съ девизомъ: «никого не хвалить, всѣхъ ругать», на строго приказалъ имѣть на всѣхъ судахъ ящики съ запасной водой. Завелъ ихъ и Гобаръ, выкрасилъ ярко, но, считая запасную воду лишней, обратилъ эти ящики въ конуры для своихъ щенковъ. Является командиръ ревизовать пароходъ, любитесь на краску ящиковъ и такъ увлекается ихъ чистотой и яркостью, что поднимаетъ на одномъ изъ нихъ люкъ и, о ужасъ, изъ люка прямо къ его носу высовывается хорошенькая мордочка испанскаго пса... Когда Гобару британское министерство не совѣтовало поступать на службу Турціи, будущій паша отвѣтилъ своему адмиралтейству лаконическимъ, цензурнымъ словомъ. Вообще у стараго адмирала и передъ смертью нашлись только жесткія слова по отношенію къ управителямъ его родины. Не такъ въ Англіи хорошо живется и служится, какъ добродушные россияне думаютъ, глядя на заголовокъ либерализма. Англійскій флотъ и доселѣ не имѣетъ ни героевъ, ни добрыхъ начальниковъ, ни бравой команды...

Одно хорошо въ этомъ флотѣ—просторъ широкій: во всѣхъ моряхъ и океанахъ у Англіи свои стоянки и суда. Есть гдѣ поучиться, есть гдѣ поплавать и впитать любовь къ военному спорту, у кого просить его натура. Извѣстно, что въ тяжелый годъ феде-

ративной войны Сѣверо-Американскихъ Штатовъ весь составъ южно-плантаторскаго флота былъ набранъ изъ англійскихъ офицеровъ. Гобаръ, только-что служившій на крейсерѣ, оберегавшемъ берега Бразиліи отъ торговли невольниками, не задумался также перейти на сторону рабовладѣльцевъ Америки и принялъ команду надъ однимъ изъ военныхъ пароходовъ. Тутъ онъ имѣлъ много уроковъ, ибо американцы дрались горячо, и Америка еще не связана, на подобіе старушки Европы, разными якобы гуманитарными ограниченіями военныхъ дѣйствій, въ сущности лишь предоставляющими купцу наживать спокойно сто на сто, когда солдатъ бьютъ на поляхъ сраженій. Старички любятъ похвастаться былымъ, и Гобаръ съ удовольствіемъ вспоминаетъ опасную службу въ Америкѣ, но въ свою заслугу приводитъ лишь то, что сѣверные американцы сьумѣли захватить его въ плѣнъ.

Противъ Россіи Гобаръ служилъ дважды: разъ—въ крымскую кампанію какъ офицеръ британской арміи; другой—въ послѣднюю нашу войну съ Турціей въ качествѣ главнаго начальника турецкаго флота. Его рассказы, относящіеся къ этимъ временамъ, конечно, для насъ наиболѣе интересны, но, къ сожалѣнію, они чересчуръ кратки и отрывочны. Это, впрочемъ, естественно: британскій флотъ во время крымской войны воротился изъ Балтійскаго моря безъ листика лавровъ, а турецкій флотъ въ кампанію 1877—1878 годовъ лишь доказалъ, что среди русскихъ моряковъ, ведущихъ войну на почтовыхъ судахъ, постарому много отважныхъ героевъ.

Гобаръ пишетъ, что онъ никогда не забылъ бы того великаго воодушевленія, которое овладѣло британскими моряками при первомъ извѣстіи объ объявленіи войны Россіи. Столько лѣтъ бездѣйствія и, наконецъ, походъ со всѣми его прелестями—усиленнымъ содержаніемъ и ускореніемъ повышеній. Чтò за причина войны, Гобару и въ голову не приходило спрашивать. «Никогда еще изъ Спиттеда не выплывалъ такой прекрасный флотъ, какъ назначенный въ 1854 году въ Балтійское море,—говоритъ онъ,—трудно представить себѣ болѣе величественный видъ двадцати превосходныхъ боевыхъ судовъ, выстроенныхъ въ двѣ линіи противъ мрачныхъ батарей Кронштадта». Когда подошли къ этимъ батареямъ, они открыли огонь; англійская команда думала, что сейчасъ начнется атака, но вдругъ на суднѣ адмирала звякъ сигналъ «стой» и за нимъ другой—«бросай якорь». Компетентные судьи, по мнѣнію Гобара, утверждаютъ, что англійскій флотъ былъ тогда въ силахъ уничтожить Кронштадтъ, но Непиръ заблагоразсудилъ оставаться въ бездѣйствіи и телеграфировать на родину приказъ заготовить новыя суда. Постоявъ на якорѣ, послали половину эскадры въ Бомарзундъ и «бѣдную маленькую крѣпость», какъ называетъ ее Гобаръ, атаковали съ суши и съ моря. За атаку Гобаръ получилъ повышеніе и рассказываетъ по этому поводу характерный эпизодъ. Онъ явился

къ Непиру, напоминая о своихъ заслугахъ, и Непиръ отвѣтилъ ему: «Не приставайте ко мнѣ, сэръ. Вы сынъ лорда, и я не хочу ничего дѣлать для васъ!» Непира на англійскомъ флотѣ называли «Карлушей» (Charley) и пѣли про него такую пѣсенку:

Bullets and the gout
Had so knocked him hull about
That he'd never more fit for sea¹⁾.

Послѣ взятія Бомарзунда тотчасъ велѣли части эскадры отправиться къ Або съ запечатаннымъ приказомъ. Поплылъ въ этой эскадрѣ и Гобаръ, опять собираясь въ бой. Подъѣхали и увидали, что имъ приготовлена на берегу «горячая встрѣча»; капитаны судовъ торжественно сошлись на военный совѣтъ и раскрыли запечатанный приказъ. Въ немъ опять полное разочарованіе и слова: «Въ бой не вступать, а заняться лишь рекогноспировкой». Выстрѣлили раза два и ушли вспять... Гобаръ приписываетъ такую бездѣятельность англійскаго флота единственно безхарактерности главнаго командира и передаетъ слѣдующій эпизодъ, подтверждающій его мнѣніе: «Однажды пришли изъ Англій депеши. Сигналь созвалъ капитановъ на адмиральское судно. Подали завтракъ; Непиръ въ это время прочитывалъ почту и одну бумагу бросилъ адмиралу С., обращаясь къ нему съ вопросомъ:

— «Что бы вы сдѣлали, если бы получили подобное письмо?

«С. въ свою очередь прочелъ письмо и отвѣтилъ:

— «Если бы это письмо было адресовано ко мнѣ, я атаковалъ бы Ревель и Свеаборгъ, хотя бы съ лишеніемъ половины моего флота!

«Непиръ возразилъ просто:

— «У меня не хватитъ на это нервовъ».

Лучшей характеристикой апатіи Непира Гобаръ считаетъ то, что на флотѣ его былъ открытый бунтъ, не матросовъ или прислуги, а никогда не бывалый бунтъ капитановъ кораблей и высшихъ офицеровъ.

«Я воротился въ Англію огорченный и убитый нравственно», — говоритъ онъ. На слѣдующій годъ—1855, назначенъ былъ другой командиръ флота, и Гобаръ снова отправился въ Балтійское море. «Какъ только ледъ далъ возможность плыть, — пишетъ Гобаръ, — мы опять приблизились къ Кронштадту и увидѣли, что русскіе не спали во время нашего отсутствія зимой. Они укрѣпились до такой степени, что атака была признана невозможной, и на этотъ разъ не было среди насъ никакого разногласія». Отправились бомбардировать Свеаборгъ, и Гобаръ увѣренъ, что могли бы взять его, если бы имѣли десантъ. По его счету, бомбардировка стоила британскому флоту 58 людей, выбывшими изъ строя. Этимъ и закан-

¹⁾ Т. е. пули и подагра такъ измозжили его, что онъ никогда уже не будетъ годиться для моря.

чивается какъ активная служба Гобара, противъ Россіи въ періодъ крымской кампаніи, такъ и его разсказъ о ней.

Начинается повѣсть о его турецкой службѣ. Бѣдная Порта не можетъ, или, лучше сказать, не умѣетъ жить безъ траты денегъ на иностранцевъ. Былъ у нея двадцать лѣтъ сряду англичанинъ Адольфъ Слэдъ, въ качествѣ совѣтника морскаго министерства, и, не оставивъ добраго по себѣ слѣда, умеръ. Гобаръ, должно быть, пронохалъ объ открывшейся вакансіи, прилетѣлъ въ Царьградъ и явился къ великому визирю Фуадъ-пашѣ. Это было въ 1868 году въ моментъ жаркаго возстанія на Критѣ. Маленькій островокъ Критъ, но сильная Турція не могла его усмирить, ибо помогали критянамъ греки, Греція же самостоятельная держава. Турки еще пуще насъ уважаютъ буквы международныхъ договоровъ и больше насъ боятся политическихъ усложненій. Разумѣется, уваженіе къ трактатамъ совѣмъ связывало руки Портѣ и обращало ея сравнительно хорошій флотъ въ нуль предъ международной юркостію эллиновъ. Власти доносили съ Крита, что возстаніе задумано, приведено въ исполненіе и поддерживается Греціей, что островитяне безъ греческой военной контрабанды черезъ недѣлю попросятъ мира и хлѣба. Но какъ поймать контрабанду? Обыскать греческія суда? Боже храни, международный договоръ не дозволяетъ трогать флагъ дружественной державы! Фуадъ-паша унывалъ, недоумѣвалъ и разсказалъ про печаль Порты Гобару. Для англичанина разныя дипломатическія глупости нисколько не умѣютъ оттого, что онѣ санкціонированы великими державами, и потому Гобаръ смѣло разсказалъ турецкому превосходительству, какъ легко и просто можно потушить возстаніе. Фуадъ задумался и отвѣтилъ:

— Зайдите ко мнѣ черезъ недѣлю.

Что англичане смотрятъ умно на дипломатическія глупости, — доказательствъ тому масса не только въ фактахъ, напримѣръ, бомбардировка Александріи, но и въ новѣйшей литературѣ. Наиболѣе искренне, кажется, высказано это въ недавней статьѣ «Морская защита колоній» Купера-Ки, помѣщенной въ «Nineteenth Century», журналѣ, гдѣ пишутъ и глава западнаго либерализма Гладстонъ, и глава современной философіи Спенсеръ. Вотъ подстрочный переводъ мнѣнія названнаго автора о неприкосновенности частной собственности на войнѣ:

«Говорятъ, что мы должны принять за одно съ другими державами гарантію частной собственности отъ захвата и разрушенія во время войны. Но едва ли стоитъ доказывать, что подобная конвенція будетъ нарушена тотчасъ, какъ начнется война и что та страна, которая повѣритъ соблюденію этой конвенціи, будетъ въ проигрышѣ. Война должна быть ужасомъ и раззореніемъ для всѣхъ обитателей странъ, участвующихъ въ ней». Самъ Гобаръ, переда-

вая свою дѣятельность по усмиренію Крита, съ спокойной совѣстью пишетъ:

«Говорятъ, что мои дѣйствія были нелегалны. Все, что я могу сказать съ своей стороны, это то, что греки en masse, начиная съ ихъ правительства, такъ мало уважали международное право втеченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ, поддерживая возстаніе, что моя маленькая вольность по части законовъ вполнѣ оправдывалась».

Зайдя черезъ недѣлю къ великому визирю, Гобарь получилъ предложеніе вступить на турецкую службу.

— Прекрасно, ваша свѣтлость, — отвѣтилъ Гобарь: — я готовъ, если условія моей службы будутъ удовлетворительны!

Условія оказались выше ожиданій, и Гобарь подписалъ контрактъ на пять лѣтъ, оставаясь числящимся въ англійскомъ флотѣ и британскимъ подданнымъ. Правительство Англій не только не поддерживало его намѣреніе служить Турціи, но, имѣя на мѣсто покойнаго Слѣда своего кандидата, отнеслось къ Гобару крайне недружелюбно, требуя, чтобъ онъ возвратился на родину, и грозя ему исключеніемъ изъ списка офицеровъ. Этой неразумной размолвкой, вѣроятно, и объясняется то обстоятельство, что на турецкомъ флотѣ почти не было англичанъ; впрочемъ, британцы въ этомъ отношеніи менѣе нѣмцевъ похожи на таракана...

Первый шагъ на турецкой службѣ Гобара былъ удаченъ. Взявъ начальство надъ эскадрой, онъ покинулъ Критъ и блокировалъ островъ Сирю, принадлежащій Греціи, откуда и шло повстанцамъ оружіе и провіантъ. Греки вспыхнули, прислали противъ Гобара фрегатъ, но, увы, безъ пороха, почему сраженіе не произошло, а критяне черезъ недѣлю начали просить у турокъ хлѣба. Про нихъ Гобарь пишетъ: «Я никогда не видалъ болѣе спокойнаго и мирнаго народа, когда ихъ не смущаютъ посторонніе агитаторы». За эту успѣшную кампанію султанъ наградилъ Гобара чиномъ полнаго адмирала, навѣсилъ на него звѣзду и далъ мѣсто начальника штаба морскаго министерства. «Туркамъ служить не трудно, — замѣчаетъ Гобарь: — они всегда внимательны и любезны къ иностранцу... Его величество былъ ко мнѣ неизмѣнно милостивъ, и я храню искреннее уваженіе и признательность къ нему какъ къ монарху и, — позволяю себѣ сказать это, — какъ къ другу». Отъ разказа же о туркахъ Гобарь уклоняется, считая это слишкомъ личной и деликатной темой. За то онъ съ юморомъ и смѣхомъ повѣствуетъ о томъ европейскомъ кружкѣ Константинополя, который по нелѣпой традиціи держитъ себя какъ «святая святыхъ», не отъ міра сего, и потому часто не видитъ и не слышитъ, что дѣлается подъ носомъ. «Если вы пойдете по улицѣ Константинополя, — рассказываетъ Гобарь, — то навѣрно встрѣтите гордо шествующихъ воиновъ самой пышной вѣшности, вооруженныхъ до зубовъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое, однако, едва ли стрѣляетъ, съ кинжалами и ме-

чами, украшенными драгоценными камнями. Внимательный взглядъ въ серединѣ между этими воинами увидитъ одного или нѣсколькихъ фанфароновъ, выражающихъ на лицѣ презрѣніе къ толпѣ. Воины, вооруженные до зубовъ,—кавассы, а свади ихъ представитель какой нибудь державы, прогуливающийся по городу. Выйдти на улицу безъ этой бесполезной и мишурной стражи для нихъ кажется нарушеніемъ собственного достоинства. Если кто либо, не принадлежащій къ «святая святыхъ», встрѣтитъ съ иностраннымъ представителемъ и удостоится его разговора, но вдругъ на горизонтѣ появится другой членъ чьего нибудь посольства, представитель тотчасъ надуется какъ волъ и прекратитъ бесѣду, какъ бы испугавшись, что онъ столь забылся, что удостоиваетъ разговора постороннее отъ «святая святыхъ» лицо. Если вы приглашены въ гости къ этимъ экзальтированнымъ персонажамъ, то вы отъ начала до конца пребыванія у нихъ будете чувствовать надъ собой тягость царства молчаливой натянутости. Я искренне жалѣю ихъ, потому что они даже другъ другу надоѣли до-нельзя... Между ними есть хорошій народъ, который могъ бы быть украшеніемъ общества, но мнимое величество совершенно испортило ихъ и превратило въ олицетворенную тоску для нихъ самихъ и для всѣхъ окружающихъ».

Гобаръ приводитъ и нѣсколько случаевъ въ подтвержденіе своихъ выводовъ. Онъ былъ самъ свидѣтелемъ этихъ происшествій. Напримѣръ, одинъ изъ богатыхъ друзей Гобара давалъ маскированный балъ. Гостей было около трехсотъ душъ, и они веселились прекрасно. Явился и дипломатическій корпусъ на самое короткое время.

«Навѣрно,—замѣчаетъ Гобаръ,—и имъ хотѣлось бы остаться подольше, но подольше оставаться не велитъ ихъ этикетъ».

Такимъ образомъ, дипломаты уѣхали домой очень рано; прочіе гости спокойно наслаждались баломъ, какъ вдругъ къ хозяину вечера въ попыхахъ подбѣгаетъ его знакомый дипломатъ и торопливо прощается:

— Доброй ночи, я долженъ спѣшить, уже всѣ разѣхались!

— Какъ всѣ?—взгляните, болѣе двухсотъ танцуютъ въ залѣ,—возражаетъ изумленный хозяинъ.

— Да, вижу,—торопится дипломатъ,—я хотѣлъ сказать, что всѣ посольства уже уѣхали, значитъ, и я долженъ уѣзжать... Впрочемъ, позвольте моихъ дочекъ оставить потанцовать... Прощайте, прощайте...

«Я полагаю,—прибавляетъ Гобаръ,— что хозяинъ навѣрно подумалъ про себя въ эту минуту—убирайся ты хоть къ чорту-дьяволу».

Все это крайне смѣшно и нелѣпо,—какъ справедливо заключаетъ Гобаръ,—а главное очень вредно: «святая святыхъ», закупо-

рившись само въ себѣ, мало знаетъ Турцію и не имѣеть того вліянія, какое должно было бы имѣть по своей профессіи.

Въ 1877 году, Россія объявила Турціи войну. У Россіи не было на Черномъ морѣ сильнаго флота, и потому, по словамъ Гобара, не могло и быть серьезной морской войны. Но флоту Турціи, все-таки, пришлось играть видную роль. Такъ, этотъ флотъ перевезъ въ 12-ть дней съ береговъ Албаніи въ Салоники, на разстояніи восьмисотъ миль, всю сорокатысячную армию Сулеймана. Безъ помощи флота Дервишъ-паша не могъ бы удержать Батумъ; сравнительно счастливый исходъ турецкой экспедиціи въ Очочиры и Сухумъ также обязанъ единственно пособію военныхъ судовъ; наконецъ, именно флотъ и моряки Порты оберегали Сулину и задерживали русское сообщеніе по Черному морю... «За нѣсколько дней до начала войны, — передаетъ Гобаръ, — я былъ посланъ сдѣлать осмотръ Дуная съ военной точки зрѣнія и быстро сообразилъ, что многое можно было бы сдѣлать для защиты устья, если бы умѣло распорядиться... Но, увы! я увидѣлъ, что, въ противность надеждамъ султана, величайшее невѣжество и свино-головое упрямство преобладаютъ въ средѣ тѣхъ, кому поручена защита рѣки. Мои совѣты и другихъ турецкихъ способныхъ офицеровъ были совершенно игнорированы... Въ день начала войны я находился въ Русцукѣ въ квартирѣ главнокомандующаго. Тутъ я сдѣлалъ послѣднія усилія, чтобъ убѣдить въ необходимости загородить дорогу врагу. На это мнѣ отвѣтили, чтобъ я занялся собственными моими обязанностями и отпралялся бы немедленно на мои корабли въ Сулину».

Приказать было легко, но исполнить трудно. Русскія войска уже заняли ниже теченіе рѣки и устроили на высотахъ батареи, командующія надъ окрестностями Галаца и Ибраила. Слышно было также, что они положили въ рѣку массу торпедъ, хотя Гобаръ въ послѣдній слухъ неособенно вѣрилъ, думая, что въ быстрое дунайское теченіе такъ скоро и легко торпеды не уложись. Онъ, однако, заявилъ главнокомандующему о препятствіяхъ на пути, на что Ахмедъ-паша отвѣтилъ ему.

— Повторяю, отправляйтесь къ вашимъ кораблямъ хоть черезъ Варну, а я не желаю вашихъ совѣтовъ!

Гобаръ обидѣлся и захотѣлъ показать свою отвагу.

«Нерасположеніе ко мнѣ турокъ, — замѣчаетъ Гобаръ, — въ это время было такъ велико, что они, кажется, порадовались бы, если бъ я погибъ».

Въ распоряженіи Гобара у Русцука стоялъ колесный пароходикъ «Ретимо», съ капитаномъ и матросами изъ турокъ, которые, по словамъ Гобара, всегда и вездѣ «храбры какъ львы и послушны какъ ягнята». Гобаръ взялъ на «Ретимо» рѣчнаго лоцмана, объявивъ, что размножить ему голову, если онъ посадитъ на мель, и отпра-

вился внизъ по Дунаю, держа въ рукѣ револьверъ, направленный въ несчастнаго лодмана. Черезъ три часа въ сумеречномъ туманѣ засвѣтились огоньки Ибраила. Гобаръ смѣрилъ быстроту теченія и рассчиталъ, что она поможетъ пароходу идти почти двадцать узловъ въ часъ. Такая скорость въ темнотѣ не дозволитъ и лучшему артиллеристу навести на судно орудіе. Но выстрѣлъ можетъ попасть случайно и разбить пароходъ. Чтобъ устранить и эту опасность, Гобаръ рѣшилъ плыть около самаго берега, полагая, что пушки на высотахъ едва ли смогутъ наклониться столь низко для удачнаго выстрѣла. И вотъ въ ночной мглѣ «Ретимо» стремглавъ полетѣлъ по направленію къ русскимъ батареямъ. Но какъ не рѣдко бываетъ, всякую мелочь не предусмотритъ: вдругъ изъ трубы пароходика выскочилъ красный огонекъ. Тотчасъ на берегу взвилась сторожевая ракета, и грянулъ громъ пушечнаго и ружейнаго залпа. Гобаръ слышалъ свистъ ядеръ и пуль, думалъ о торпедахъ и болѣе всего боялся попасть на одну изъ многочисленныхъ мелей. Однажды, дѣйствительно, дно «Ретимо» стукнулось о песокъ, но благополучно пошло дальше. Часъ и сорокъ минутъ продолжался трагическій моментъ для смѣлаго пароходика; наконецъ, «я могъ вздохнуть свободно, — говоритъ Гобаръ, — рано на разсвѣтъ этого лѣтнаго утра, выйдя изъ сферы русскихъ выстрѣловъ»...

Прѣихавъ въ Тульчу, Гобаръ намѣревался ваять два рѣчныхъ броненосца изъ Сулины и попробовать пройти съ ними вверхъ по теченію, полагая, что они могли бы сильно помѣшать русской переправѣ, но въ Тульчѣ уже лежала на его имя телеграмма отъ главнокомандующаго, приказывающая ему немедленно покинуть Дунай.

«Съ этого момента, — пишетъ Гобаръ, — я сталъ тревожно смотрѣть на результаты войны. Я чувствовалъ, что хотя у Турціи есть великолѣпная армія и флотъ годный почти для первой классной державы, но упрямство и тупость командующихъ на Дунаѣ должны привести къ катастрофѣ...

Русскія войска, по словамъ его, имѣли на Черномъ морѣ три задачи: первая — захватить Сулину и уничтожить стоящую тамъ на якорахъ эскадру, вторая — взять Батумъ и, въ третьихъ, при посредствѣ почтовыхъ пароходовъ разстроить сообщеніе между берегами Турціи. На этихъ судахъ Гобаръ останавливается долѣе всего: видно, что они оставили по себѣ недоброе воспоминаніе въ турецкомъ адмиралѣ. Ихъ трудно укараулить, — рассказываетъ онъ и полагаетъ, что самое употребленіе такихъ судовъ на войнѣ составляетъ нѣкоторую иллегальность съ точки зрѣнія международнаго права, прибавляя однако, что «во время войны все дозволено какъ хорошее средство». Рассказъ о почтовыхъ пароходахъ начинается, конечно, съ «Весты» и турецкаго броненосца. Это происшествіе, надо полагать, болѣе всѣхъ другихъ ранило самолюбіе британскаго моряка, и онъ,

уклоняясь отъ повѣсти, какъ произошелъ бой, мило бранить генерала Баранова. Второе столкновение случилось на глазахъ самого Гобара, и вотъ его собственныя слова: «Я стоялъ на тринадцатизловомъ прекрасномъ броненосцѣ съ двумя другими судами въ портѣ нѣсколько сѣвернѣе Варны, забирая уголь, какъ вдругъ со сторожеваго поста дали знать, что на горизонтѣ виднѣнъ дымъ. Я зналъ, что дымъ не можетъ быть отъ русскаго крейсера, ибо послѣдніе всегда употребляютъ недымящійся уголь, но догадался, что русскій пароходъ захватилъ и жгетъ какое нибудь турецкое судно. Съ высоты мачты въ подзорную трубу я дѣйствительно увидѣлъ двухтрубный пароходъ, стоящій близко къ горящему судну. Немного погодя, этотъ пароходъ снялся съ мѣста и поплылъ, приближаясь къ намъ. Прежде, чѣмъ мы успѣли развести пары, онъ прошелъ мимо насъ такъ близко, что я могъ различить, кто онъ такой. Можете же представить мое удивленіе—это былъ не кто другой, какъ великолѣпнѣйшая яхта русскаго императора «Ливадія», и тутъ началась интереснѣйшая гонка изъ всѣхъ, которыя я испыталъ. Когда мы вышли въ открытое море, яхта была всего въ четырехъ миляхъ отъ насъ, держа курсъ прямо на Севастополь. Погода стояла тихая, на водѣ ни рябки. Гонка началась въ 4 часа 30 минутъ по полудни. Въ первую минуту мнѣ казалось, что мы нагоняемъ яхту, и я уже хотѣлъ дать по ней выстрѣлъ, но вспомнивъ изъ прежней практики, что выстрѣлъ всегда мѣшаетъ правильному ходу судна, съ котораго онъ сдѣланъ, я удержался отъ искушенія. Когда настала ночь, на горизонтѣ вышла роскошная луна и на морѣ было свѣтло какъ днемъ, скорость нашего хода была изумительно одинакова и разстояніе между нами не измѣнялось въ часъ болѣе какъ на сто ярдовъ. Всю ночь мы не спали, то радуясь, то падая духомъ. Мы сбросили въ море уже около 50—60 тоннъ запаснаго угля, но, всетаки, не могли нагнать «Ливадію» на выстрѣлъ, хотя я готовъ былъ отдать все, чтобъ только захватить эту яхту... Виднѣлся уже Севастополь... Я надѣялся, что хоть паровики взорвутся на яхтѣ, но нѣтъ, она скрылась подъ защитоу батарей, которыя открыли при моемъ приближеніи цѣлый адъ огня... Броненосный корветъ, конвоировавшій меня, попалъ подъ выстрѣлы и лишился руля, такъ что мы должны были вытаскивать его на буксирѣ изъ такого шторма ядеръ и бомбъ, какого я до той поры не видывалъ... Я не нахожу выраженій, чтобъ описать мою печаль о неудачной гонкѣ. Единственнымъ для меня утѣшеніемъ была увѣренность, что храбрые русскіе скорѣе взорвали бы сами себя, чѣмъ позволили бы замарать свой флагъ отдачей въ плѣнъ судна».

Я нарочно привелъ этотъ рассказъ Гобара дословно. Повѣсть его о борьбѣ съ «Ливадіей» значительно разнится отъ русскіхъ извѣстій объ этой борьбѣ. Даже на секунду грѣшно и неоснова-

тельно задуматься надъ вопросомъ, на чьей сторонѣ правда. Гобаръ въ своихъ донесеніяхъ султану, въ газетахъ и книгахъ могъ писать смѣло все, что ему нравилось, не рискуя ни контролемъ, ни критикой: его турецкіе подчиненные, конечно, далеки еще отъ того, чтобъ сноситься съ редакторами и корреспондентами, а родина его — Британія, по традиціи, привыкла вѣрить англичанину и игнорировать всѣ русскіе источники. Самъ Гобаръ строго-на-строго запирался отъ корреспондентовъ во время кампаніи. Самъ по себѣ это знакъ плохой, какъ пишущій эти строки знаетъ по многолѣтнему и разнообразному опыту своей профессіи. Когда люди дѣлаютъ гадости, они запираютъ дверь; когда генералы совершаютъ глупости, они гонятъ нашего брата. Покойный Макперсонъ въ Бурмѣ, изгнавшій корреспондента Times'a и своей неумѣлостью поднявшій противъ англичанъ все миллионное населеніе страны, — одинъ изъ предпоследнихъ примѣровъ тому. «Русскій Странникъ», вѣроятно, сможетъ сообщить и болѣе новый, подобный случай... Рассказы Гобара и потому еще наводятъ на сомнѣніе въ ихъ точности, что онъ тщательно избѣгаетъ говорить о потеряхъ флота, русскихъ схваткахъ и т. п., подчеркивая курсивомъ, что суда на Дунаѣ находились не подъ его властью, а подъ прямой командой сухопутныхъ шефовъ турецкаго войска.

Впослѣдствіи, — передаетъ Гобаръ, — онъ встрѣтился съ русскимъ морякомъ, который говорилъ ему, что семь русскихъ торпедныхъ судовъ хотѣли тогда выйдти изъ порта для борьбы съ турецкими судами, преслѣдовавшими «Ливадію», но имъ не было дозволено. «Я отвѣтилъ ему, — пишетъ Гобаръ: — какъ только мы увидѣли бы васъ выходящими изъ порта, я тотчасъ поплылъ бы назадъ. Скорость моего фрегата тринадцать узловъ; ваша, быть можетъ, 19 или 20. Такимъ образомъ вы приближались бы ко мнѣ всего со скоростью шести узловъ, а это далеко недостаточно быстро, чтобъ подойти къ фрегату, вооруженному нордсифельдовскими пушками и другими орудіями на барбетѣ, стрѣляющими картечью и гранатами. Я убѣжденъ, что уничтожилъ бы всѣ ваши торпедныя суда».

— Но я васъ преслѣдовалъ бы и атаковалъ бы ночью, — возразилъ русскій офицеръ.

— И тутъ, я полагаю, вы не успѣли бы, — отвѣтилъ онъ: — потому что до наступленія темноты вы не могли бы идти близко, а когда настала бы ночь, вы бы не знали, гдѣ я, ибо у меня на фрегатѣ не было бы огня, а въ темнотѣ судно можно различить не болѣе какъ на пятистахъ ярдовъ разстоянія и т. д.

О героической попыткѣ Пуцина Гобаръ повѣствуетъ слѣдующее. Турецкая эскадра обыкновенно состояла изъ пяти-шести судовъ; адмиралъ ихъ зналъ, что русскіе, не имѣя военнаго флота на Черномъ морѣ, должны пустить въ ходъ торпеды. А потому турецкія суда всегда проводили ночь въ открытомъ морѣ и только

въ сильную непогоду оставались въ гавани. Для такихъ ночей Гобарь придумалъ слѣдующую защиту отъ нападеній минами. Онъ окружилъ броненосцы и корветы кругомъ изъ сторожевыхъ лодокъ, соединенныхъ между собой канатами. Миноноска не могла въ темнотѣ замѣтить эти лодки и должна была натолкнуться или на канатъ, который сбросилъ бы ея команду съ палубы, или на лодку, что остановило бы дальнѣйшій ходъ миноноски. Въ одну изъ такихъ бурныхъ ночей, когда турецкій флотъ укрылся въ Сулинѣ, русская миноноска вошла въ гавань и натолкнулась на сторожевые лодки; не оставиваясь, она рванулась впередъ, пустила мину, но канатъ смелъ ея команду въ воду; четверо изъ нея утонули, Пушина вытащили и привели къ Гобару. «Хладнокровіе его храбрости было по истинѣ замѣчательно, — рассказываетъ Гобарь. — Когда его стали спрашивать, онъ, хотя только-что чуть-чуть не утонулъ, въ отвѣтъ повторялъ на прекрасномъ англійскомъ языкѣ лишь одно: «Какой дьяволъ помѣшалъ мнѣ взорвать этотъ пароходъ»? Его спросили, догадывается ли онъ, на что натолкнулась его миноноска? «Я не знаю, что остановило меня, но почему, чертъ возьми, мнѣ не удалось взорвать васъ?» — отвѣтилъ опять Пушинъ. Гобарь въ качествѣ англичанина не поцеремонился пугнуть русскаго героя, только-что рисковавшаго своей жизни, — чѣмъ бы, вы думали? — перспективой висѣлицы за употребленіе минъ. Но герой, по разсказу самого Гобара, не испугался и сказалъ: «Порядочный человѣкъ меня не повѣситъ, но какой дьяволъ, скажите, помѣшалъ мнѣ взорвать васъ!» «Онъ былъ слишкомъ дорогой человѣкъ, — замѣчаетъ Гобарь, — чтобъ отпустить его, и мы продержали его до конца войны». Къ сожалѣнію, Гобарь забылъ прибавить, какъ позорна была для Турціи обстановка этого задержанія.

Защитѣ Батума со стороны моря и сухумской экспедиціи Гобарь отводитъ самое почетное мѣсто въ своей хроникѣ турецкаго флота. Онъ отправился въ Батумъ для поддержки Дервиша-паши, такъ какъ русскія войска, не смотря на естественную охрану порта, уже подошли къ нему на разстояніе шести миль по берегу моря. Подъ командой у Гобара было тутъ восемь судовъ, кромѣ совершавшихъ постоянные рейсы по азіатскому берегу, перевоза войска, снаряды и провіантъ. И не смотря на такую относительно почтенную силой и числомъ эскадру, Гобарь съ полнымъ убѣжденіемъ говорить: «Если бы русскіе могли что либо противопоставить турецкому флоту, они легко завладѣли бы Батумомъ. Командуя на морѣ даже парой судовъ, они воспрепятствовали бы привозу подкрѣпленій. Надо помнить, что тамъ не было другой дороги, кромѣ моря». Опять начался страхъ и ожиданіе русскихъ миноносокъ. Къ тому же Гобарь получилъ отъ турецкаго тайнаго агента въ Севастополѣ извѣстіе, что тамъ затѣвается серьезная экспедиція для уничтоженія турецкаго флота въ Батумѣ или изгнанія его оттуда.

«Лежа на постели, — повѣствуетъ Гобарь, — въ полночь я читалъ это предостерегательное извѣстіе и думалъ: а что если эта подлая штука придетъ и взорветъ мой флагъ-шипъ какъ разъ въ этотъ моментъ. Пріятная перспектива... Безъ борьбы, маршъ вверхъ! Таковы были мои мысли, но я рѣшилъ сейчасъ же попробовать предупредить несчастіе. Какъ охотникъ, я разсчелъ, что мѣтить въ темный предметъ на черномъ фонѣ стоящихъ сзади горъ крайне трудно, и потому подъ страхомъ суроваго наказанія запретилъ на эскадрѣ свѣтъ, не позволяя даже куренія папирось. Затѣмъ, зная, что входъ въ Батумъ трудно найти и днемъ, а ночью почти невозможно, я приказалъ потушить маячные огни. Кромѣ того, я устроилъ черезъ береговыя власти, чтобъ и въ городѣ не было нигдѣ ни свѣта, ни огня, хотя трудно было достигнуть этого, ибо въ Батумѣ находилось много друзей Россіи... Такимъ образомъ послѣ сумерекъ весь Батумъ умеръ во тьмѣ. Суда изъ предосторожности были окружены бревнами... Такъ прошло нѣсколько бессонныхъ для меня ночей, втеченіе которыхъ я съ огорченіемъ слышалъ кругомъ себя храпъ моихъ офицеровъ... Внезапно около трехъ часовъ утра начался шумъ на сторожевомъ суднѣ и раздался взрывъ около одного изъ фрегатъ. Не успѣлъ я опомниться, какъ вдругъ что-то толкнуло цѣпь моего броненосца и булькнуло въ водѣ какъ большая рыба. Затѣмъ все замерло. Я немедленно послалъ два крейсера, стоявшихъ на парахъ, въ море сдѣлать рекогносцировку». Одна изъ минъ, по словамъ Гобара, разорвалась у фрегата, лишь слегка поцарапавъ его; вторая стукнулась въ бревно и, принявъ другое направленіе, спокойно выплыла на берегъ; третья, ударившись въ якорную цѣпь, не разорвалась; нашли еще остатки и четвертой мины, неизвѣстно гдѣ воспламенившейся. Крейсеры, высланные на рекогносцировку, воротились съ рапортомъ, что они никого не видали и ничего не нашли... О несчастной сдачѣ Сухума генераломъ Кравченко Гобарь повѣствуетъ такъ. Послали въ Чамчиры четыре тысячи войска; начальникъ Сухума, вообразивъ, что такой отрядъ въ силахъ идти дальше, отступилъ и тѣмъ способствовалъ возстанію туземцевъ. Между тѣмъ, страна была чрезвычайно неблагопріятна для движенія впередъ турецкихъ войскъ даже помимо сопротивленія врага. Наконецъ, русскіе возвратились, заняли позицію и отрѣзали совсѣмъ Чамчиры отъ Сухума. Эскадрѣ Гобара выпало на долю убирать туроковъ обратно. Тутъ, по сознанію его, русскій артиллерійскій огонь дѣйствовалъ прекрасно и нанесъ много вреда туркамъ, но Гобарь думаетъ, что русскіе могли бы просто атаковать удирающихъ воиновъ луны и уничтожить ихъ. Экспедиція высадилась въ Сухумѣ, но не надолго, и когда было рѣшено покинуть также Сухумъ, то султанъ далъ приказъ перевезти въ Турцію и возставшихъ абхазцевъ, ошибшихся въ надеждѣ «навѣки освободиться отъ русскаго ига». На судахъ Гобара втеченіе

двухъ недѣль, по его счету, было перевезено до 50-ти тысячъ душъ этого несчастнаго и темнаго народа. Года два спустя, я видѣлъ многихъ изъ нихъ, съ земными поклонами упрашивающихъ русскаго консула въ Царьградѣ о дозволеніи вернуться на родину...

«Я нѣсколько разъ ходилъ съ двумя-тремя судами, — рассказываетъ далѣе Гобаръ, — на рекогносцировку въ Севастополь и Одессу, но, будучи глубоко убѣжденъ, что при нынѣшней силѣ береговыхъ батарей бороться съ ними невысказанно даже большому флоту, я лишь обмѣнивался случайными выстрѣлами. Что же касается до нападенія на беззащитные города и села, то я былъ всегда противъ этого способа войны. Я могъ легко сжечь дворецъ въ Ялтѣ, но полагаю, что это было бы неприлично» и т. д.

Этимъ заканчивается вся повѣсть Гобара о кампаніи 1877—1878 годовъ и о его собственной жизни. Мы взяли изъ его коротенькой автобіографіи все, что можетъ сколько нибудь интересовать русскаго читателя. Выводы о близкомъ прошломъ всегда преждевременны, но нельзя не сказать, что, читая записки Гобара, морякъ и не морякъ навѣрно скажетъ про себя вѣрную мысль: «Если бы Россія имѣла хоть маленькій военный флотъ на Черномъ морѣ въ моментъ объявленія войны, много-много лишнихъ жертвъ было бы спасено для отечества!».

А. Молчановъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). С. А. Венгерова. Выпускъ I. Спб. 1886.

СЛОВАРЬ г. Венгерова принадлежитъ къ числу тѣхъ многихъ російскихъ литературныхъ трудовъ, которые обречены на безвременную погибель, вслѣдствіе очень простой причины — несоразмѣрности задачи не только съ силами одного, хотя бы и весьма талантливаго человѣка, но даже съ силами десяти талантливейшихъ людей, которые бы составили тѣсный союзъ и рѣшились бы посвятить всю свою жизнь на выполнение задачи, положенной г. Венгеровымъ въ основу его труда. Судя по составу перваго выпуска, по той произвольности въ выборѣ матеріала, по тому полному отсутствію системы,

которая сказывается въ каждой строкѣ этого выпуска, мы твердо убѣждены въ томъ, что г. Венгеровъ не построилъ себѣ не только никакого правильнаго плана будущаго словаря, но даже не потрудился надъ предварительнымъ составленіемъ подробнаго алфавита всѣхъ именъ, входящихъ въ составъ его книги, и создалъ свой словарь болѣе по вдохновенію, нежели по строго-выработанной системѣ. По вдохновенію обрабатывалъ онъ не только отдѣльныя статьи словаря, придавая имъ совершенно произвольный размѣръ и не стѣсняясь никакими опредѣленными рамками, но даже и самый выборъ именъ, внесенныхъ имъ въ словарь, подчиненъ вдохновенію, какъ это видно изъ предисловія къ первому выпуску. «Что касается лицъ, на которыхъ мы оста- навливаемся, — говоритъ г. Венгеровъ на 11 стр. своего предисловія, — то мы были по возможности менѣе строги въ выборѣ ихъ. Въ такомъ объемистомъ сочиненіи, какимъ является настоящій словарь, литературный аристократизмъ былъ бы, кажется, неумѣстенъ. Мы заносимъ всякаго,

кто хоть немного поработалъ на пользу роднаго просвѣщенія». Перевертываемъ страницу, и на стр. 13-й того же предисловія находимъ слѣдующее: «А относительно послѣдняго полустолѣтія, когда литературная продуктивность (?) быстро начала расти въ чисто геометрической прогрессіи. относительно этого послѣдняго фазиса нашей письменности, конечно, приходится быть разборчивымъ, потому что иначе желаніе отличать всякаго, предавшаго что нибудь тисненію, превратить сводъ литературы въ сводъ макулатуры¹⁾. Но, всетаки, повторимъ еще разъ, мы очень не строги въ выборѣ отмѣчаемыхъ лицъ», и т. д.

Ясно, что г. Венгеровымъ въ его трудѣ руководитъ вдохновеніе, и притомъ еще вдохновеніе весьма прихотливое, такъ что онъ не только читателю, но даже и себѣ самому никакъ не можетъ отдать отчета въ томъ, кого слѣдуетъ и кого не слѣдуетъ заносить въ словарь писателей, кого онъ занесетъ и кого не занесетъ?

Такою же туманностію вдохновенія и такою же неопредѣленностію страдаетъ не только планъ труда г. Венгерова, не только система, по которой этотъ трудъ выполняется, но даже и основная задача этого труда. Расхваливъ (въ предисловіи) на 10 страницахъ необыкновенную «продуктивность» русской исторической литературы за послѣднія 20—25 лѣтъ, г. Венгеровъ, «формулируя» и «резюмируя», приходитъ къ слѣдующему заключенію:

«Въ современной русской исторіографіи нѣтъ такого свода фактовъ исторіи русской литературы, нѣтъ такой книги, запасшись которою исследователь или обыкновенный читатель былъ бы увѣренъ, что найдетъ въ ней свѣдѣнія о писателяхъ всѣхъ періодовъ русской образованности (?), нашихъ дней не исключая (?). Цѣль предпринятаго нами труда выполнить (!) этотъ пробѣлъ»²⁾.

Прочтя это, вы невольно задаете себѣ вопросъ: о чемъ именно собирався писать г. Венгеровъ? Объ исторіи русской образованности или объ исторіи русской литературы? И для кого собирается онъ писать: для исследователей ли, придавъ своей книгѣ исключительный, строгій характеръ научнаго справочнаго словаря, или для обыкновенныхъ читателей, издавая въ свѣтъ популярно-изложенныя свѣдѣнія по извѣстному разряду фактовъ?

Ближайшее знакомство съ самымъ текстомъ словаря заставляетъ насъ прійти къ тому убѣжденію, что для исследователя словарь г. Венгерова не нуженъ, а для обыкновеннаго читателя слишкомъ подробенъ.

Опуская буквенные псевдонимы, съ которыхъ начинается г. Венгеровъ букву А, хотя о неумѣстности, неточности и неполности ихъ можно было бы сказать многое, переходимъ прямо къ главному — къ подбору именъ, вошедшихъ въ составъ словаря, и къ размѣру посвященныхъ этимъ именамъ статей.

Здѣсь находимъ, напр., что Абава, Н. С., написавшій на своемъ вѣку только извѣстный отчетъ, подъ заглавіемъ: «Красный Крестъ въ тылу дѣйствующей арміи», занимаетъ почти двѣ страницы словаря; что Аба-

¹⁾ Остроумно, но невѣрно, потому что Словарь писателей долженъ именно заносить на свои страницы всякаго писавшаго или же опредѣленный классъ писателей.

²⁾ Составителю Словаря русскихъ писателей не мѣшало бы знать равнину значенія глаголовъ: «выполнить» и «пополнить».

шевъ, Д. Н.,—однѣ отъ самыхъ немудреныхъ, дюжинныхъ русскихъ химиковъ и не напечатавшій ни одного ученаго изслѣдованія, кромѣ двухъ обязательныхъ диссертаций и нѣсколькихъ жиденькихъ журнальныхъ статей, занимаетъ болѣе двухъ страницъ словаря; что Абламовичъ, И. К., о которомъ самъ г. Венгеровъ говоритъ, что «онъ ничего не напечаталъ и оставилъ послѣ себя только два рукописныхъ проекта»,—все же занимаетъ въ словарѣ $\frac{3}{4}$ страницы; что Аблесимовъ (драматургъ прошлаго вѣка) занимаетъ цѣлыхъ $\frac{6}{10}$ страницъ словаря, а протопопъ Аввакумъ—цѣлыхъ 14 страницъ!

Изъ этого обзора размѣровъ статей нетрудно убѣдиться въ томъ, что г. Венгеровъ не стѣняется никакими рамками и пишетъ о каждомъ дѣятелѣ все, что ему кажется любопытнымъ или важнымъ. А ему кажется важнымъ, напр., то, что «въ роли завѣдующаго дѣлами печати Н. С. Абаза держался тѣхъ же возрѣвнй на прессу, которыя проводилъ и графъ Лорисъ-Меликовъ» (стр. 4); или то, что «Р. В. Абрамовъ (современный публицистъ), въ Устояхъ, былъ однимъ изъ участниковъ издательской артели этого журнала» (стр. 22); или то, что другой Абрамовъ, Н. А., «былъ идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова и гонорара за свои статьи почти не получалъ» (стр. 21). Мы съ своей стороны полагаемъ, что всѣ эти и подобныя имъ факты могли бы быть смѣло опущены въ Словарѣ писателей безъ малѣйшаго ущерба дѣлу.

Чрезвычайно любопытно то, что, составляя не просто Словарь писателей, а Словарь писателей и ученыхъ, да еще критико-біографическій, г. Венгеровъ принимаетъ на себя обязанность—давать критическую оцѣнку трудовъ по всевозможнымъ отраслямъ науки. Такъ какъ, конечно, это оказывается совершенно невозможнымъ, то приходится влиять и руководствоваться чужими отзывами, кое-какъ прилаживая ихъ къ тексту Словаря.

Такъ, напримѣръ, приопредѣленіи научныхъ достоинствъ химическихъ изслѣдованій Абашева, г. Венгеровъ почти цѣликомъ приводитъ отзывъ о нихъ харьковскаго профессора Н. Н. Бекетова, совершенно опровергнутый другимъ извѣстнымъ химикомъ Н. Н. Соколовымъ. А по отношенію къ разнообразной научной дѣятельности геолога Абиха, г. Венгеровъ (должно быть, не подыскавъ подходящей чужой критической статейки) дѣлаетъ даже такой дѣтски-наивный отзывъ:

«Формулируя результаты многочисленныхъ работъ и изслѣдованій Абиха, трудно сказать, которыя изъ нихъ сдѣлали наибольшій вкладъ въ науку (работы сдѣлали вкладъ въ науку!). Самая правильная оцѣнка ихъ будетъ, если мы скажемъ, что важна вся совокупность изслѣдованій неутомимаго ученаго (!)». Отзывъ чрезвычайно удобный, и даже такой, который, въ видѣ стереотипной фразы, можно смѣло и безошибочно примѣнить къ дѣятельности каждаго ученаго химика, археолога, антрополога, нумизмата, зоолога. Но, спрашивается, кому же подобныя критическія отзывы нужны?

Впрочемъ, мы готовы даже и съ этими стереотипными отзывами примириться скорѣе, нежели съ чисто-Венгеровскими оцѣнками личностей, въ родѣ, напр., оцѣнки протопопа Аввакума, котораго, по мнѣнію г. Венгерова, «слѣдуетъ (по нравственной высотѣ) поставить никакъ не ниже Гусса и Саванаролы». Такія оцѣнки обыкновеннаго читателя могутъ ввести въ непротитительное заблужденіе, а читателю серьезному ужъ слишкомъ легко ука-

зываютъ на то, что авторъ «Словаря» имѣетъ слишкомъ поверхностное мнѣніе и о Гуссѣ, и о Саванаролѣ.

Въ заключеніе, еще одно замѣчаніе, касающееся собственно библиографическихъ указаній словаря. На нашъ взглядъ, Словарь вполне удовлетворилъ бы потребностямъ читателя, если бы ограничился въ области библиографіи важнѣйшимъ, не вдаваясь въ слишкомъ большія подробности, но за то изъ важнѣйшаго давалъ бы все. Что же мы видимъ у г. Венгерова? И тутъ главнымъ распорядителемъ матеріала является вдохновеніе. Тамъ, гдѣ библиографія уже готова или готовая доставлена автору, она является черезъ мѣру обильной и до крайности мелочной (напр., въ статьѣ объ Абазѣ, на стр. 9—10; или въ статьѣ объ Абрамовѣ, на стр. 22); а при другихъ именахъ, гдѣ библиографія требовала, очевидно, личнаго труда и поисковъ, авторъ Словаря довольствуется даже такими указа- ніями:

«Изъ статей его (Абрамовъ, П.) въ общихъ журналахъ отиѣтитъ: «Образованіе и обезпеченіе быта рабочихъ въ Россіи». (Вѣстн. Евр., 1879, № 1)».

Другихъ статей того же автора г. Венгерова, очевидно, не знаетъ и на роыскиваніе ихъ не желаетъ затрачивать труда. По справедливости, гдѣ же тутъ соразмѣрность, гдѣ же система, гдѣ же правильное распредѣленіе матеріала, столь необходимое въ такомъ трудѣ, какъ Критико-біографическій словарь?

Общее впечатлѣніе, выносимое отъ знакомства съ первымъ выпускомъ Словаря, далеко не утѣшительно. Трудъ, предпринятый г. Венгеровымъ, ему видимо не по силамъ и не по средствамъ. Словарь, очевидно, представляется г. Венгерова чѣмъ-то въ родѣ сборника журнальныхъ статейъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ безъ всякой внутренней связи, которая въ подобномъ трудѣ и составляетъ его главную суть, его душу. А Словарь въ томъ видѣ, какъ его себѣ представляетъ г. Венгерова, есть не болѣе и не менѣе какъ «Пенелопина работа», которую можно растянуть на нѣсколько тысячъ выпусковъ, на десятки лѣтъ, но невозможно ни округлить, ни закончить, даже и въ самомъ широкомъ смыслѣ давая волю своему вдохновенію.

П. П.

Сожженная Москва. Историческій романъ Г. П. Данилевскаго. Спб. 1887.

Славная эпоха Отечественной войны 1812 года вдохновляла и, безъ сомнѣнія, долго еще будетъ вдохновлять нашихъ поэтовъ и романистовъ. Разнообразныя событія этого знаменательнаго времени, переходъ враждебныхъ армій отъ береговъ Нѣмана въ сердце Россіи, битва при Смоленскѣ, колоссальный Бородинскій бой, Наполеонъ въ Кремлѣ, среди пылающей въ самоожженіи Москвы, подъемъ русскаго народнаго духа и партизанская война, бѣгство и гибель полумилліонныхъ полчищъ великаго полководца,—все это даетъ столько важнаго историческаго матеріала и вмѣстѣ съ тѣмъ такую богатую канву для художественнаго творчества, что не могло не обогатить русской литературы болѣе или менѣе крупными произведеніями. Несправедливо было бы думать, что какія нибудь два, три сочиненія, хотя бы между

ними было и такое гениальное произведение, как «Война и миръ» графа Л. Н. Толстаго, могли вполне исчерпать всё элементы и раскрыть всё стороны этой эпохи, которая мало-по-малу какъ бы удаляется отъ насъ въ эпическую даль, но вмѣстѣ съ тѣмъ становится яснѣе съ появленіемъ новыхъ о ней свѣдѣній. Постоянно открывающіяся записки и воспоминанія людей того времени, участниковъ или свидѣтелей тогдашнихъ событій, сообщаютъ неизвѣстныя до сихъ поръ, но весьма важныя подробности, какъ относительно нѣкоторыхъ эпизодовъ Отечественной войны, такъ и характеристики современнаго ей русскаго общества. Довольно вспомнить напечатанныя недавно въ одномъ изъ нашихъ поврежденныхъ изданій записки графа Муравьева-Карскаго, очевидно многихъ, чрезвычайнаго любопытныхъ частныхъ того времени, не замѣченныхъ другими. Все это даетъ даровитому писателю богатую и во многихъ отношеніяхъ еще свѣжую почву для историческаго романа. Доказательствомъ служитъ новое произведение нашего извѣстнаго писателя Г. П. Данилевскаго: «Сожженная Москва». Пользуясь воспоминаніями покойнаго графа Василія Алексѣевича Перовскаго и его дѣйствительно романтическими приключеніями во время войны 1812 года, и набравъ его самого героемъ своего романа, авторъ умѣлъ представить картину непріятельскаго нашествія въ Москву и въ особенности московскаго пожара въ новыхъ, своеобразныхъ очеркахъ и краскахъ, связавъ это съ занимательной фабулой. Въ этомъ сочиненіи вполне удачно выполнено главное условіе историческаго романа—тѣсная органическая связь между дѣйствительными и вымышленными событіями. Этому способствовалъ какъ удачный выборъ сюжета, такъ и искусство, съ которымъ авторъ успѣлъ его поставить и развить. Интригу романа составляетъ романтическая любовь Перовскаго къ московской красавицѣ Аврорѣ Крамалиной, съ которою вслѣдъ за предложеніемъ ей руки онъ разстается, чтобы слѣдовать въ армию. Влюбленнымъ не суждено уже было видѣться: женихъ попадаетъ въ Москвѣ въ руки французовъ и, едва ускользнувъ отъ смерти, уходитъ плѣннымъ во Францію, а невѣста, считая его по нѣкоторымъ правдоподобнымъ извѣстіямъ разстрѣляннымъ непріятелями, рѣшается мстить имъ за любимаго человека, поступая, по примѣру извѣстной кавалеристъ-дѣвочки Дуровой, въ партизанскій отрядъ Фигнера, участвуетъ въ качествѣ его ординарца въ преслѣдованіи и истребленіи бѣгущихъ французовъ, и находясь случайно въ Ошмянахъ при проѣздѣ Наполеона, стрѣляетъ въ него, но сама падаетъ подъ выстрѣлами сопровождавшаго его конвоя. Вокругъ этихъ главныхъ лицъ романа сгруппировано много другихъ, какъ историческихъ, такъ и вымышленныхъ. Автору особенно удалась типичная личность экзальтированной дѣвушки, которая по своему характеру и воспитанію естественно могла задаться мыслью сдѣлаться новою Шарлотою Корде по отношенію къ Наполеону, виновнику бѣдствій ея отечества и гибели любимаго жениха. Аврора принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ числу наиболѣе удачно задуманныхъ и выполненныхъ лицъ даровитаго романиста. Но главный герой новаго романа г. Данилевскаго, съ особеннымъ искусствомъ обрисованный авторомъ и всего болѣе привлекающій вниманіе читателя,—это Москва, покинутая и сожженная ея жителями. Здѣсь въ цѣломъ рядъ картинъ, одинаково вѣрныхъ, какъ съ исторической, такъ и съ художественной стороны, представляются сцены удаляющихся съ приближеніемъ непріятеля горожанъ, вступленіе въ столицу французовъ, столкновенія ихъ съ оставшимися жителями, начало разложенія и бѣдствій непріятельской арміи и, наконецъ, тотъ страшный пожаръ, въ которомъ, по выраженію Бай-

рона, закатилось солнце Наполеона и который послужил первым предвѣстникомъ спасенія Россіи. Все это передано авторомъ не столько въ описательной формѣ, сколько въ связи съ дѣйствіями лицъ, выведенныхъ въ его разсказѣ. Приключенія Перовскаго, незаконно задержаннаго въ Москвѣ непріятелемъ, даютъ возможность автору представить и кратковременное пребываніе Наполеона въ Кремлѣ, передъ выѣздомъ его въ Петровскій дворецъ, и свирѣпыя распоряженія маршала Даву съ подозрѣваемыми въ поджоги москвичами, и постыдное поруганіе московскихъ святынь непріятелями, и месть раздраженныхъ ихъ неистовствами русскихъ и, наконецъ, тѣ разнообразныя сцены, какими сопровождался истребительный пожаръ многихъ тысячъ домовъ, принесенныхъ въ жертву народомъ, оскорбленнымъ въ самыхъ священнѣйшихъ для него чувствахъ. Романъ заканчивается эпилогомъ, въ которомъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ Отечественной войны генералъ-адъютантъ графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, генералъ-губернаторъ Оренбургскаго края, является на берегахъ Сыръ-Дарьи, послѣ взытія коканской крѣпости Акмечети, названной потомъ въ честь его фортомъ «Перовскій». Эта заключительная глава даетъ, такъ сказать, послѣдніе штрихи для окончательной обрисовки характера этого замѣчательнаго человѣка. Остается прибавить, что «Сожженная Москва», по стройности плана, интересу содержанія и выдержанности характеровъ дѣйствующихъ лицъ, принадлежитъ къ числу лучшихъ историческихъ романовъ, какіе въ послѣдніе годы являлись въ нашей литературѣ. Мы слышали, что романъ г. Данилевскаго переводится за границую на англійскій языкъ и, безъ сомнѣнія, будетъ пользоваться тамъ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ средѣ русскаго образованнаго общества.

А. М.

**Историческое обозрѣніе Сибири. Петра Словцова. Изданіе 2-е.
Спб. 1886.**

Новое изданіе «Историческаго обозрѣнія Сибири», сдѣланное И. М. Сибиряковымъ, безъ сомнѣнія, всѣмъ русскимъ образованнымъ людямъ, интересующимся судьбами одной изъ величайшихъ областей нашего отечества, — доставитъ истинное удовольствіе. Надо сказать, что первая часть названнаго труда П. А. Словцова была напечатана навадъ тому почти пятьдесятъ лѣтъ (въ 1838 году), а вторая часть была издана въ 1844 году. И съ тѣхъ поръ до настоящаго времени не появлялось новаго изданія «Историческаго обозрѣнія Сибири», такъ что эта въ высшей степени интересная и для многихъ необходимая книга сдѣлалась величайшею библиографическою рѣдкостью, которую только изрѣдка можно было найти у какого нибудь букиниста и приобрести за очень дорогую цѣну.

Говоря о новомъ изданіи труда П. А. Словцова, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о личности самого автора «Историческаго обозрѣнія Сибири», а личность эта является замѣчательной и не для одного своего времени. П. А. Словцовъ родился въ 1767 году, въ семьѣ священника одного изъ заводовъ Пермской губерніи. Сначала онъ воспитывался въ тобольской духовной семинаріи, а затѣмъ былъ отправленъ въ с.-петербургскую главную семинарію, преобразованную потомъ въ духовную академію. Тутъ же онъ сблизился съ извѣстнымъ впоследствии графомъ Сперанскимъ, который

въ это время также учился въ семинаріи. По окончаніи здѣсь курса, Словоцовъ былъ назначенъ учителемъ философіи и краснорѣчія въ тобольскую семинарію, гдѣ вскорѣ заявилъ себя, какъ лучшій преподаватель, а также и проповѣдникъ. Но вотъ въ Тобольскѣ Словоцову за одну изъ его проповѣдей пришлось испытать большія непріятности. Проповѣди Петра Андреевича, по словамъ старожиловъ, производили сильное впечатлѣніе, и потому всегда было много желающихъ слушать его; между тѣмъ, духовныя лица, какъ оказывается, не раздѣляли мнѣнія паствы и въ послѣдствіи даже выказали явное порицаніе этимъ поученіямъ. На сохранившихся спискахъ съ трехъ проповѣдей интересны помѣтки духовной цензуры, какъ, напримѣръ: «христіанинъ! не теряй на чтеніе поученій сихъ ни времени, ни труда! кромѣ пустаго мудрованія, кромѣ двусмыслия и явнаго противленія ученію вѣры, не найдешь здѣсь ничего»; или: «первое слово и первая ересь»; и затѣмъ еще: «богато одними пустословіями и глупостями». Въ сущности же проповѣди Словоцова ничего не представляли противорелигіознаго или неповолятельнаго съ точки зрѣнія политической: цвѣтистая риторическая форма изложенія этихъ поученій почти совсѣмъ закрывала въ нихъ и то немногое дѣйствительно жизненное содержаніе, которое въ нихъ было. Однако, изъ-за проповѣди по случаю бракосочетанія царевича Александра Павловича, бывшій въ то время (въ 1793 году) въ Тобольскѣ губернаторъ Алябьевъ заподозрѣлъ въ Словоцовѣ человѣка политически неблагонадежнаго и донесъ объ этомъ генераль-прокурору Самойлову; послѣдній, въ свою очередь, передалъ возникшее дѣло начальнику тайной канцеляріи знаменитому Шешковскому. Хотя духовная власть не придавала особеннаго значенія проповѣди Словоцова, считая ее не болѣе какъ «мечтой ума, бредящаго сквозь сонъ, кидающагося то къ вѣрѣ, то къ суемудрію», однако, свѣтская администрація была другаго мнѣнія. Спусти два мѣсяца послѣ начала дѣла, Словоцовъ былъ арестованъ внезапно явившимся въ Тобольскъ фельдъегеремъ и увезенъ въ Петербургъ. Здѣсь Словоцова допрашивали по поводу его проповѣдей, причѣмъ онъ въ концѣ-концовъ призналъ, «что описанныя въ проповѣди слова достойны осужденія». Послѣ этого Словоцова оставили подъ надзоромъ духовной власти и отослали на смиреніе въ Валаамскій монастырь, на Ладожскомъ озерѣ. Пока Словоцовъ оставался здѣсь и занимался переводомъ съ латинскаго одной душеполезной книги, о помилованіи его хлопоталъ тобольскій преосвященный Варлаамъ, и дѣйствительно Словоцовъ былъ прощенъ и даже назначенъ преподавателемъ краснорѣчія въ Александро-Невскую семинарію, гдѣ онъ опять встрѣтился со своимъ другомъ Сперанскимъ, также служившимъ въ семинаріи. Чтобы получить полное забвеніе вины, Словоцову намекали на принятіе монашества, но онъ отказывался отъ этого, заявляя желаніе опредѣлиться въ «статскую службу». Просьба его была принята, и, по высочайшему указу императора Павла, онъ былъ опредѣленъ въ канцелярію генераль-прокурора. Дѣла его шли отлично, онъ съ успѣхомъ исполнялъ служебныя порученія и получалъ награды, а вслѣдствіе этого приобрѣлъ себѣ и завистниковъ, которые не замедлили найдти предлогъ къ удаленію его со службы въ Петербургъ. Въ январѣ 1808 года, Словоцовъ былъ заключенъ подъ стражу по обвиненію въ лихоимствѣ, конечно, совершенно вымышленномъ. Данныхъ для осужденія Словоцова не нашлось, однако въ февралѣ того же года Словоцовъ былъ отправленъ на службу въ Тобольскъ. Попадъ въ Сибирь, Словоцовъ, какъ кажется, рассчитывалъ на за-

ступничество своего друга Сперанского, который въ это время былъ въ силѣ. Но послѣдній въ отвѣтъ на письмо Словцова писалъ: «Кто взялъ на себя крестъ и положилъ руку на рало, тотъ не долженъ уже охватиться вспять; а что, впрочемъ, озираясь, онъ увидитъ? мечты и призраки, похоть очесъ и гордость житейскую. Великая разность, другъ мой, идти путемъ умозрѣнія и путемъ дѣйствительнаго терѣнія. Мы умствуемъ, а тебѣ милосердное Провидѣніе назначило дѣйствовать... и проч. въ этомъ же родѣ. Словцовъ былъ убитъ горемъ, а въ утѣшеніе получалъ отъ могучаго вельможи письмо столько же навидательное, сколько и уклончивое отъ главной сути дѣла. Въ концѣ 1808 года, генераль-губернаторъ Пестель, отправляясь въ Петербургъ, послалъ впереди себя Словцова съ путевою канцеляріей. Надежды Словцова вновь оживились, а Сперанскій писалъ ему на это: «Нельзя еще теперь опредѣлить ни надеждъ вашихъ, ни страховъ, ибо все съ вами случающееся не входитъ въ обыкновенные человѣческіе расчеты; ващъ путь особенный, и Провидѣніе ведетъ васъ совершенно по-своему. Съ сей точки зрѣнія вы непрестанно должны смотрѣть на всѣ происшествія вашей жизни: ничего не ожидать положительнаго и на все быть готовымъ». Въ другомъ своемъ письмѣ съ такимъ же навидательнымъ содержаніемъ, Сперанскій совѣтуетъ Словцову, по приѣздѣ въ Москву, познакомиться съ тамошнимъ почтъ-директоромъ, который «можетъ быть, утѣшитъ и нѣсколько подниметъ упавшій духъ силою вѣры». Однако, пока Словцовъ рассчитывалъ на улучшение своей судьбы, Пестель въ Твери получилъ предписаніе изъ Петербурга, воспреещающее Словцову вѣздъ не только въ Петербургъ, но даже и во внутренніе русскіе города. Съ горестью въ сердцѣ, Словцовъ принужденъ былъ возвратиться въ Тобольскъ. Однако, какъ человѣкъ талантливыи, онъ и въ Сибири не потерялся и оказалъ немало полезныхъ услугъ своей, также какъ и онъ, несчастной родинѣ. Въ 1814 году, ему поручено было обозрѣть присутственныя мѣста въ Забайкальскомъ краѣ, Нижнеудинскомъ и Иркутскомъ уѣздахъ; въ слѣдующемъ году, онъ ревизовалъ Биренскій и Якутскій округа, а затѣмъ, по собственному желанію, назначенъ совѣстнымъ судьей и, наконецъ, директоромъ училищъ въ Иркутской губерніи. Въ 1819 году, Словцову пришлось свидѣться и со Сперанскимъ, который, самъ испытавъ превратность земнаго счастья, былъ назначенъ сибирскимъ генераль-губернаторомъ. Въ это время Сперанскій писалъ изъ Сибири своей дочери: «Словцовъ, одинъ здѣсь умный и нѣкогда острый человѣкъ, боленъ и старъ. Это — потухающій огонекъ, который изрѣдка только вспыхиваетъ. Физическія его силы уже не тѣ». Тогда же поручено было Словцову произвести ревизію учебныхъ заведеній въ губерніяхъ: Тобольской, Томской, Казанской, Пермской и Вятской, а затѣмъ онъ былъ назначенъ визитаторомъ этихъ учебныхъ заведеній. Однако, не смотря на повышеніе и награды Словцова по службѣ, ходатайство генераль-губернатора Капцевича о разрѣшеніи Словцову выѣзда изъ Сибири было отклонено, и только гораздо позже, по представленію ревизовавшихъ Западную Сибирь сенаторовъ, кн. Куракіина и Безроднаго, въ 1828 году послѣдовало разрѣшеніе на это. Но лѣта и болѣзни уже охладили въ Словцовѣ прежнее рвеніе, и онъ рѣшился не покидать Сибири. Вскорѣ онъ и совсѣмъ оставилъ службу.

Послѣднія 13 лѣтъ своей жизни Словцовъ провелъ въ Тобольскѣ, занимаясь пргготовленіемъ къ печати своего замѣчательнаго труда «Историческое обозрѣніе Сибири». Умеръ Словцовъ на 75 году отъ рожденія. Несо-

жившая заслуга П. А. Словцова, какъ сибирскаго историка, заключается въ томъ, что онъ первый сдѣлалъ систематическій и, по возможности, полный обзоръ исторіи Сибири;—обзоръ, представляющій интересъ почти для всякаго читателя. Правда, уже до Словцова были труды по сибирской исторіи Миллера и Фишера, но эти труды скорѣе оказывались полевыми только для немногихъ специалистовъ и притомъ далеко не отличались полнотою и законченностью. Такимъ образомъ, появленіе «Историческаго обзорнія Сибири» было какъ нельзя болѣе кстати. И этотъ трудъ до сихъ поръ нисколько не утратилъ своего первоначальнаго значенія, почему второе изданіе является весьма своевременнымъ и заслуживаетъ полнѣйшей симпатіи. Нѣтъ возможности въ краткой рецензіи передавать содержаніе интереснаго труда Словцова; замѣтимъ вообще, что «Историческое обзорніе Сибири» представляетъ прошлыя судьбы Сибирскаго края въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ: тутъ налагается исторія завоеваній русскихъ на сѣверѣ Азіи, сообщаются главнѣйшіе факты городской и крестьянской колонизаціи, передается исторія сибирскаго административнаго управления, исторія торговли и промышленности, налагается ходъ народнаго образованія, исторія распространенія среди инородцевъ христіанства, приводится масса географическихъ свѣдѣній и т. д., и т. д. «Историческое обзорніе Сибири», изданное теперь въ одномъ томѣ, состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая заключаетъ въ себѣ исторію Сибири съ 1588 года по 1742 годъ, а вторая часть, вышедшая въ 1844 году, уже послѣ смерти автора, обнимаетъ періодъ съ 1742 по 1823 годъ.

«Не выгоды,—говорить Н. Абрамовъ, извѣстный сибирскій, теперь покойный, писатель, — но одно безкорыстное чувство долга въ отношеніи къ отечеству и любви къ своей родинѣ побудили П. А. Словцова предпринять на старости лѣтъ столь трудную работу. Какъ уроженецъ Сибири и объѣхавшій ее отъ Урала до Камчатки, и прожившій въ ней много лѣтъ, онъ коротко зналъ многія частности этой страны. Глубже и вѣрнѣе другихъ могъ проникнуть во многія обстоятельства и собрать свѣдѣнія для точнаго географическаго описанія ея. Надо было видѣть семидесятилѣтняго автора, сидящаго сгорбившись надъ горами книгъ и рукописей... Надо было подивиться примѣрному трудолюбію и терпѣнію. Весь свой умъ онъ употреблялъ на воспоминаніе своей родной страны и, по возможности, старался изобразить ея историческое обзорніе твердою рукою мастера, ибо исторія Сибири была потребностію души его». И Словцовъ дѣйствительно съ успѣхомъ исполнилъ свое дѣло: его «Историческое обзорніе Сибири» заключаетъ въ себѣ въ довольно стройной системѣ массу историческихъ и географическихъ свѣдѣній и можетъ дать читателю достаточно ясное представленіе о прошлыхъ судьбахъ Сибирскаго края.

При настоящемъ изданіи «Историческаго обзорнія Сибири» находится біографическій очеркъ П. А. Словцова, чрезвычайно живо и интересно составленный г. К. М.

А. О.

„Кіевская Старина“. Ежемѣсячный историческій журналъ. Пятый годъ изданія. 1886.

Къ числу очень отрадныхъ явленій нашей литературной жизни, за послѣднія 25 лѣтъ, слѣдуетъ отнести небывалое развитіе у насъ провинціаль-

ной журналистики, обогатившейся нѣсколькими прекрасными и вполне солидными органами, которые посвятили свою дѣятельность на разработку мѣстныхъ архивовъ и тщательное изученіе мѣстныхъ историческихъ и этнографическихъ вопросовъ. Въ числѣ такихъ органовъ несомнѣнно первое мѣсто принадлежитъ «Кіевской Старинѣ», издаваемой и редактируемой Ѳ. Г. Лебединцевымъ и нынѣ вступающей въ шестой годъ изданія.

Тотъ, кто сколько нибудь знакомъ съ затрудненіями издательства въ Россіи, кто когда нибудь принималъ участіе въ трудахъ редакціи по журналу, выходящему въ свѣтъ даже и въ нашихъ столичныхъ центрахъ, пойметъ, что основать новый журналъ и провести его, не ослабляя, черезъ первые 5—6 лѣтъ изданія, собирая постепенно свой кругъ подписчиковъ и поддерживая въ нихъ интересъ къ новому органу,—это заслуга немалая.

Правда, почтенный издатель «Кіевской Старины» затѣялъ свой журналъ въ пору, въ добрый часъ, когда поулеглись различные элементы, мѣшавшіе существованію самостоятельныхъ органовъ на нашей южно-русской окраинѣ; затѣялъ онъ его въ мѣстности неистощимо-богатой историческими воспоминаніями и на столько же богатой памятниками и архивными сокровищами... Но все это могло «пропасть втуть», если бы Ѳ. Г. Лебединцевъ не выказалъ замѣчательнаго умѣнья сгруппировать около себя лучшія силы мѣстной интеллигенціи, не сумѣлъ бы направить ихъ къ весьма определенной цѣли, не сумѣлъ разобраться въ богатомъ матеріалѣ, который скопляется въ редакціи его журнала. Чрезвычайно характернымъ фактомъ, свидѣтельствующимъ въ пользу редактора «Кіевской Старины», считаемъ мы то, что въ его журналѣ участвуютъ не одни только мѣстные кіевскіе дѣятели; нѣтъ! къ нему съ полнымъ довѣріемъ тянутся и лучшія силы другаго, сосѣдняго, университетскаго города, и лучшія силы всей малорусской интеллигенціи, и многіе изъ тѣхъ дѣятелей, которые, не будучи малоруссами по рожденію или происхожденію, интересуются малорусской стариной и малорусской исторіей.

Важнымъ достоинствомъ «Кіевской Старины» является то, что въ ней помѣщается только литературно-обработанный матеріалъ и очень немного научнаго сырья, которое, главнымъ образомъ, относится въ «Приложенія» къ книжкамъ журнала, какъ, напримѣръ, «Дневникъ Николая Ханенка». Мало того, редакція старается разнообразить свой матеріалъ и помѣщеніемъ чисто-беллетристическихъ произведеній, преимущественно бытоваго характера, охотно отводя мѣсто историческимъ повѣстямъ или рассказамъ чисто-этнографическаго характера. Такъ, въ одномъ изъ прошлыхъ годовъ журнала помѣщена была обширная и весьма интересная по содержанію повѣсть И. С. Левинцаго (Нечуя): «Старосвѣтскіе батюшки и матушки», въ которой яркими красками и чрезвычайно правдиво были описаны бытъ украинскаго духовенства 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Помѣщая, въ отдѣлѣ «Исслѣдованій», матеріалы по біографіямъ, характеристики малорусскихъ писателей, государственныхъ людей или общественныхъ дѣятелей, а иногда спеціальная изысканія по географіи и этнографіи южной Руси, «Кіевская Старина» не пренебрегаетъ и памятниками народнаго творчества: преданіями, суевѣріями, мѣстными легендами, пѣснями, сказками, наговорами и причитаніями, и помѣщаетъ ихъ въ любопытномъ отдѣлѣ «Извѣстій и замѣтокъ», рядомъ съ историческими анекдотами, документальными курьезами, побывальщинами изъ народной жизни.

Немаловажнымъ отдѣломъ является въ «Русской Старинѣ» и отдѣлъ «Библиографія», который могъ бы во многихъ отношеніяхъ служить образцомъ и для нашихъ столичныхъ періодическихъ изданій. Въ этомъ отдѣлѣ читатель съ полною увѣренностью можетъ найти все, что выходитъ въ свѣтъ по исторіи и литературѣ южно-русскаго края не только у насъ въ Россіи, но и въ Парижѣ, и въ Галиціи. Библиографическіе отчеты «Кіевской Старинны», не впадая въ многословіе, знакомятъ съ существенными сторонами новыхъ книгъ, «безъ зависти и гнѣва» указывая на ихъ достоинства и недостатки.

Вообще говоря, отъ книжекъ «Кіевской Старинны» вѣетъ какимъ-то хорошимъ, здоровымъ духомъ, чуждымъ всякихъ партій и этнографической рѣзни, далекимъ отъ мелочности застоющаго провинціальныхъ уголковъ. Книжки эти съ одинаковымъ удовольствіемъ прочтутся и великоруссомъ, и малоруссомъ, и возбуждаютъ одинаковый интересъ въ Москвѣ и въ Одессѣ, въ Петербургѣ и въ Харьковѣ.

Мы увѣрены, что «Кіевская Старина» будетъ неослабно пользоваться своимъ вполне заслуженнымъ успѣхомъ, и что успѣхъ этотъ будетъ возрастать съ каждымъ годомъ, потому что мы видимъ въ этомъ органѣ живенія начала, которыя даютъ ему право на существованіе.

П. П.

Законы стиха русскаго народнаго и нашего литературнаго. Опытъ изученій П. Д. Голохвастова. Спб. 1885.

Пять лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1881 году, въ декабрьской книжкѣ, «Русскій Вѣстникъ» помѣстилъ на своихъ страницахъ любопытный опытъ изученій г. Голохвастова о законахъ стиха русскаго народнаго и литературнаго, «но съ такими пропусками и передѣлками, — говоритъ авторъ, — что исследователю взять на себя отвѣтственность за нихъ было невозможно».

Недавно «Общество любителей древней письменности» напечатало первую часть изслѣдованія г. Голохвастова, задуманнаго въ формѣ писемъ къ гр. Д. Н. Толстому, по поводу его попытки «соединенія разныхъ вариантовъ былинъ въ одну и изложенія ихъ правильнымъ стихомъ». «Опытъ» г. Голохвастова весьма интересенъ и новъ, продолженіе его весьма желательно, но, къ сожалѣнію, авторъ пока ограничился только первымъ выпускомъ, заключающимъ въ себѣ основные выводы, иллюстрированные сравнительно немногочисленными примѣрами изъ народныхъ былинъ въ изложеніи разныхъ пѣвцовъ.

На 79 страницахъ разгонистой печати, автору удается высказать оригинальные выводы, изложенные только очень тяжеловѣсно съ большимъ пристрастіемъ съ самокованнымъ словамъ, о законахъ народнаго стиха, но эти выводы будутъ оставаться на степени остроумной догадки до тѣхъ поръ, пока г. Голохвастовъ не представитъ намъ работы, обнимающей все былевое творчество народа со стороны его стихосложенія. Въ такомъ изслѣдованіи въ русской литературѣ чувствуется недостатокъ, и вѣсть съ тѣмъ такой трудъ окончательно уничтожилъ бы мнѣнія прежнихъ изслѣдователей, напр., К. Аксакова, о томъ, «что и русская пѣсня, т. е. народная, и именно богатырская, не есть опредѣленное стихотвореніе и не

имѣть опредѣленнаго метра, отдѣляющаго его отъ прозы. Между русскою прозою и русскимъ стихомъ нѣтъ ярко-проведеннаго рубежа, какъ то встрѣчается у другихъ народовъ. У нашего народа собственно стиховъ нѣтъ». Г. Голохвастовъ утверждаетъ какъ разъ противное: онъ говоритъ: стихъ есть, и стихъ притомъ совершенно самобытный, отличный отъ тоническихъ стиховъ литературныхъ. Каковы же законы народнаго стиха?

По кудрявому выраженію автора, въ былинахъ ему открылась «тайна великаго закона: стихотворная краеугольность смысловаго ударенія». Смысловое удареніе такъ же присуще народному стиху, какъ слоговое литературному. Первое падаетъ на слова, главныя по смыслу рѣчи; оно постоянно ускользаетъ отъ нашего вниманія, а между тѣмъ «вся мысль вдругъ никнетъ оттого, что подсѣкли одно ударенье». Авторъ далѣе говорить, что человѣкъ ничего и никогда не выразилъ и не выразитъ онъ иначе какъ со смысловыми удареньями на иныхъ словахъ и только со слоговыми въ остальныхъ. Смысловое удареніе притомъ выражается не иначе какъ на одномъ слогѣ. Обыкновенно совпадаетъ смысловое удареніе со слоговымъ «восподымаемаго слова». Можетъ, конечно, смысловое удареніе и не совпадать со слоговымъ. Народные пѣвцы отводятъ высшее мѣсто смысловому ударенію. Несовпаденіе ударенія смысловаго со слоговымъ явленіе исключительное; явленіе всегдашнее — совпаденіе и взаимодѣйствіе обоихъ удареній. Но можно сказать во всякомъ случаѣ, что $x + u > y$ (x — сила смысловаго ударенія, y — сила слоговаго ударенія), т. е. слогъ, усиленный смысловымъ удареніемъ, сильнѣе слога, усиленнаго однимъ слоговымъ удареніемъ. Это аксіома. Такимъ образомъ нужно различать слоги холостые безъ ударенія, малые звуковыя — съ однимъ слоговымъ и большіе звуковыя — смысловое + слоговое. Смысловое удареніе можетъ быть равной силы, и количество большаго звуковаго слога непостоянно.

Создавая схему, народъ прежде всего опредѣляетъ въ ней мѣста большому ударенію; изъ 13 мѣстъ былинной схемы мѣста — 3-е, 7-е и 11-е, т. е. 3-е съ начала, 3-е съ конца и срединное изъ всѣхъ. Стопа видится тоже смысловымъ удареніемъ. При этомъ, конечно, схема стиха не можетъ быть чѣмъ нибудь въ родѣ: дактиль, хорей, дактиль, хорей и пр. По словамъ автора, «русскій идеалъ стиховаго строя этотъ: самозаконная красота, а не однообразная красивость, не шеренга», минимумъ первой стопы 3 слога, максимумъ ея — шесть слоговъ. Таковъ же минимумъ и максимумъ послѣдней (третьей) стопы. Минимумъ средней получается съ помощью вычитанія изъ $13 - (6 + 6) = 1$ слогу. Максимумъ ея — $13 - (3 + 3) = 7$ слоговъ. Народный стихъ рѣшя не имѣть, или, какъ говоритъ г. Голохвастовъ, онъ «играетъ созвучіемъ соотвѣтно-смысловыхъ словъ, а не слоговымъ обновляваніемъ». Словомъ у русскаго народа — «пѣсня что вѣнокъ, стихъ что цвѣтокъ, стопа что лепестокъ: все и каждое по-своему цѣльно». Авторъ находитъ въ былинахъ «эмпирическія доказательства» своей теоріи, которой, какъ закона, твердо держатся пѣвцы: въ былинахъ онъ находитъ такія же *licentia poetica* (авторскія натяжки), какъ и въ литературномъ стихѣ.

Этому посвящена третья, послѣдняя глава перваго выпуска, подчасъ весьма остроумно и дѣльно объясняющая былинныя поэтическія вольности именно стремленіемъ опытныхъ пѣвцовъ соблюсти законный размѣръ. Будемъ же надѣяться, что авторъ не остановится на первомъ выпускѣ своего

оригинальнаго опыта и доведеть свое интересное и новое дѣло до конца. Тогда русская литература будетъ имѣть наконецъ давно ожидаемое изслѣдованіе о законахъ прежде отвергавшагося народнаго стихосложенія.

С. Т.

Собесѣдованія св. Григорія Великаго о загробной жизни въ ихъ церковномъ и историко-литературномъ значеніи. Соч. А. Пономарева. Спб. 1886.

Въ высшей степени интересная исторія развитія представленій о загробномъ мірѣ мало изслѣдована. Начало этого рода представленій лежитъ въ дохристіанской древности: къ еврейскому шеолу, представлявшему простое отрицаніе жизни, и поэтическому созданію греческой фантазіи—айду, христіанство прибавило новыя черты. Въ темное время среднихъ вѣковъ сказанія о будущей жизни достигли высшаго развитія. Средневѣковые проповѣдники и учителя нравственности, чтобы сильнѣе подѣйствовать на своихъ слушателей и читателей, прибѣгали ко всевозможнымъ вымысламъ. Они не жалѣли красокъ на изображеніе какъ свѣтлыхъ обитателей рая, такъ особенно страшныхъ мученій чистилища. Для многихъ эти продукты фантазіи получали такую реальность, что они увѣряли другихъ, будто своими глазами видѣли чистилищный огонь и страданія грѣшниковъ, изъ которыхъ каждый терпѣлъ особый родъ наказанія, сообразно своимъ грѣхамъ. Великій Данте выразилъ понятія своихъ современниковъ въ знаменитомъ описаніи путешествія въ загробную область.

Въ геневакѣ этихъ представленій немаловажную роль играютъ «Собесѣдованія» св. Григорія Великаго. Этотъ отецъ церкви, прованный Великимъ за свою желѣзную дисциплину, въ которой онъ держалъ подвластное ему духовенство, и тѣмъ положилъ твердое основаніе будущему могуществу папства, не обладалъ значительнымъ образованіемъ. Этимъ объясняется недостаточно критическое отношеніе его къ различнымъ сказаніямъ чудеснаго характера. Между тѣмъ, его личное благочестіе, въ соединеніи съ слабостію здоровья и историческими обстоятельствами того времени (VI—VII вв.), направляло его мысли къ смерти и будущей судьбѣ человѣка. По изслѣдованію г. Пономарева, загробный міръ въ рассказахъ собесѣдованій св. Григорія изображается тѣми же чертами, какими онъ изображается въ пронаведеніяхъ древне-христіанской агіологіи и церковно-учительной литературы, а также и въ памятникахъ древне-христіанскаго искусства. Сообщая рассказы о загробной жизни въ IV книгѣ «Собесѣдованій», св. Григорій ставитъ и принципиальный вопросъ о безсмертіи души, но рассматриваетъ его не столько догматически или въ видахъ полемически-апологетическихъ, обращая свои доводы противъ отрицавшихъ безсмертіе въ его время, сколько въ интересахъ церковно-учительныхъ, обнаруживая въ приведеніи и изложеніи философски-богословскихъ доказательствъ безсмертія прямое и опредѣленное вліяніе сочиненія: «De civitate Dei», блаженнаго Августина. Какъ церковно-литературное пронаведеніе, «Собесѣдованія», ваятыя въ цѣломъ, стоятъ въ самой тѣсной связи съ общей христіанской агіологіей и съ латинской его времени.

Какъ пронаведеніе великаго отца церкви, замѣчательнѣйшее по своимъ внутреннимъ и вѣшнимъ достоинствамъ, «Собесѣдованія» св. Григорія, вслѣдъ

ва своимъ появленіемъ, сразу приобрѣли значеніе въ буквальному смыслѣ классическаго въ области церковно-учительной литературы и послужили руководственнымъ образцомъ для средневѣковыхъ латинскихъ агіологовъ, которые также удѣляли широкое мѣсто эсхатологическимъ сказаніямъ о загробномъ мірѣ, въ яркихъ чертахъ живописуя послѣдній. Въ числѣ другихъ церковныхъ агіологическихъ произведеній эсхатологическаго характера, «Собесѣдованія» св. Григорія служили однимъ изъ источниковъ и для средневѣковыхъ специально эсхатологическихъ сказаній—«*Visiones*», но въ историко-литературномъ гевенісѣ послѣднихъ не менѣе важное значеніе имѣли источники иного рода—отчасти классическіе греко-римскіе, отчасти мѣстные народно-миеологическіе, что особенно замѣтно въ эсхатологическихъ «Видѣніяхъ» народно-поэтическаго происхожденія съ XI по XIII вѣкъ. Въ средніе вѣка сказанія эсхатологическаго характера служили въ церковномъ употребленіи различнымъ цѣлямъ, причемъ, пользуясь разсказами «Собесѣдованій» Григорія Великаго, какъ авторитетнымъ источникомъ, составители такихъ сказаній нерѣдко сообщали имъ такое своеобразное, приспособленное къ обстоятельствамъ и требованіямъ мѣста и времени, значеніе, какого по существу они не имѣли и не могли имѣть.

Изложенныя нами мысли развиты авторомъ весьма подробно и съ глубокимъ знаніемъ дѣла. Но считаемъ своимъ долгомъ замѣтить, что авторъ недостаточно выяснилъ связь между «Собесѣдованіями» св. Григорія Великаго и произведеніями того же рода другихъ отцовъ церкви, каково, напримеръ, «Слово объ исходѣ души», приписываемое Аеанасію Великому и др. Кроме того, нужно обратить вниманіе на то, что въ изображеніи загробнаго міра по разсказамъ «Собесѣдованій» и, въ связи съ ними, въ памятникахъ древней христіанской агіологической эсхатологіи можно находить черты сходства съ образно-поэтическими представленіями общей до-христіанской эсхатологіи; но, по мнѣнію автора, въ основѣ и въ историческомъ развитіи первые стоятъ внѣ связи и зависимости отъ послѣднихъ.

С.

Матеріалы для исторіи Южно-Русскаго края въ XVIII столѣтіи (1715—1774), извлеченные изъ старыхъ дѣлъ кіевского губернскаго архива А. А. Андреевскимъ. Одесса. 1886.

За послѣднее время, 30—40 лѣтъ, разработка матеріаловъ, касающихся судьбы Южной Россіи, сильно подвинулась впередъ. Мы имѣемъ для исторіи Малороссіи капитальные труды Антоновича, для исторіи Запорожья въ частности обстоятельный трудъ Скальковскаго. Иадается, кроме того, «Архивъ Юго-Западной Россіи», въ которомъ изъ года въ годъ помѣщаются полные научнаго интереса архивные документы. Такимъ образомъ, близится то время, когда сдѣлается возможнымъ созданіе истинно-научной, критически-беспристрастной исторіи Малороссіи вообще и въ частности исторіи Запорожья,—исторіи, основанной на всестороннемъ изученіи матеріаловъ, освѣщенныхъ и охваченныхъ широкой научной идеей. Пока же приходится ограничиваться собраніемъ и группировкою нежданыхъ доселѣ документовъ.

Матеріалы, нынѣ изданные г. Андреевскимъ, извлечены имъ изъ архива кіевского губернскаго правленія, въ которомъ гнили и истлѣвали остатки «различныхъ архивовъ» и остатки дѣлъ и мѣстныхъ кіевскихъ присут-

ственных мѣстъ, въ томъ числѣ и кievскаго магистрата, дѣлъ Малороссійской коллегіи, полковыхъ канцелярій и судовъ, но больше всего — дѣла бывшей «генераль-губернаторской канцеляріи». Среди послѣднихъ г. Андреевскій нашелъ и дѣла, касающіяся Запорожья и запорожцевъ, для которыхъ въ извѣстное время кievскій генераль-губернаторъ составлялъ «вышнюю команду». Составитель сборника спасъ отъ безвозвратной гибели рядъ документовъ, неодинаковаго значенія, но имѣющихъ сплошь историческій интересъ и важныхъ для исторіи Запорожья, хотя эти документы — «крупицы, случайно сохранившіяся». Дѣла, помѣщенные въ сборникѣ, обнимаютъ періодъ съ 1715 по 1774 годъ, относясь, такимъ образомъ, къ тремъ періодамъ въ исторіи Запорожья: 1) съ 1709 — 1733 г., ко времени пребыванія Запорожцевъ подъ владычествомъ турокъ; 2) съ 1734 — 1769 г., ко времени послѣдняго Коша Запорожскаго (Новая Сѣчь) и 3) ко времени уничтоженія Запорожья. Наибольшее количество дѣлъ относится ко второму періоду, ко времени основанія Новой Сѣчи. Это центръ сборника. Такъ изъ всѣхъ 44 дѣлъ только одно принадлежитъ первому періоду и одно послѣднему. Остальные 42 дѣла — всецѣло документы времени существованія Новой Сѣчи. Изъ этихъ 42 въ свою очередь 27 (1743 по 1766 г.) относятся къ вышней исторіи Запорожья.

Сборникъ составленный г. Андреевскимъ, не долженъ миновать рукъ историка Запорожья въ XVIII столѣтіи, ибо онъ прибавляетъ еще нѣсколько новыхъ данныхъ, поясняющихъ довольно подробно взаимныя отношенія Запорожья и Крыма. Въ этомъ и заключается значеніе вновь появившихся матеріаловъ, выданныхъ императорскимъ одесскимъ Обществомъ исторіи и древностей.

С. Т.

Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества. Томы 48 и 51. Спб. 1886.

Какъ извѣстно, большая часть матеріаловъ, выдаваемыхъ Императорскимъ Историческимъ Обществомъ, относится къ исторіи царствованія императрицы Екатерины II. Такъ, напримѣръ, тѣ томы «Сборника» Общества, въ которыхъ напечатаны донесенія графа Мерси (18 и 46), донесенія графа Сольмса (22 и 37), донесенія англійскихъ дипломатовъ (12 и 19), заключаютъ въ себѣ важныя данныя для исторіи перваго времени этого царствованія. Множество данныхъ для исторіи Вольшой Коммиссіи (1767—1768 годовъ) издано въ особой группѣ томовъ «Сборника» (4, 8, 14, 32, 36), и изданіе ихъ, кажется, нельзя считать законченнымъ, такъ какъ остается еще напечатать множество наказовъ, протоколы комиссій и пр. За то одна группа матеріаловъ, относящихся къ исторіи Екатерины II, недавно была опубликована въ полномъ видѣ, т. е. до самаго окончанія этого царствованія, а именно бумаги, хранящіяся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (томы 7, 10, 13, 27 и 42). Въ концѣ 42-го тома было начато изданіе сенатскихъ бумагъ, относящихся къ этому же царствованію, однако изданы лишь бумаги первыхъ мѣсяцевъ означеннаго періода.

Въ настоящее время Историческое Общество приступило къ изданію бумагъ, относящихся къ исторіи вышней политики во время царствованія

Екатерины II. Начало этого изданія, носящаго заглавіе «Политическая переписка императрицы Екатерины II», помѣщено въ 48 и 51 томахъ «Сборника» и обнимаетъ не менѣе 1,045 нумеровъ. Это изданіе должно служить какъ бы дополненіемъ къ пятитомному изданію «бумагъ Екатерины».

Въ самомъ началѣ изданія «бумагъ Екатерины», именно въ предисловіи къ седьмому тому, сказано: «Въ настоящее собраніе не войдетъ переписка по дѣламъ виѣшнимъ», а при окончаніи въ предисловіи къ 42-му тому, сказано: «Всѣ бумаги императрицы, напечатанныя въ пяти томахъ «Сборника», касаются вопросовъ внутренняго управленія». И въ предисловіи къ 48-му тому повторено, что въ первомъ пятитомномъ изданіи напечатаны «бумаги и частная переписка императрицы по дѣламъ внутреннимъ».

Такимъ образомъ, послѣ «выполненія первой задачи» было приступлено къ рѣшенію второй, а именно къ изданію бумагъ, относящихся къ виѣшной политикѣ. Слѣдовательно, оба изданія представляютъ собою, по мнѣнію издателей, двѣ противоположныя стороны политической дѣятельности императрицы Екатерины II.

Допуская, что всякая группировка столь громаднхъ и многостороннихъ по содержанию массъ историческихъ документовъ представляетъ собою большія затрудненія, и что систематика въ такихъ случаяхъ не можетъ быть строго логическою, вполнѣ послѣдовательною, мы находимъ, что опредѣленіе содержанія двухъ изданій, яко бы дополняющихъ другъ друга, не соотвѣтствуетъ фактамъ.

Тщательно занимаясь разборомъ бумагъ, изданныхъ въ 7, 10, 13, 27 и 42-мъ томахъ «Сборника», разработывая драгоцѣнный матеріалъ, въ нихъ заключающійся, мы нашли, что развѣ только часть этихъ бумагъ относится въ точномъ смыслѣ къ внутреннему управленію, т. е. къ исторіи администраціи. Болѣе многочисленными и гораздо болѣе важными въ этой коллекціи оказываются данныя о виѣшной политикѣ. Переписка императрицы съ г-жею Вольке, съ Вольгеромъ, съ Потемкинымъ, съ принцемъ де-Линъ, помѣщенная въ этомъ пятитомномъ изданіи, или относится къ вопросамъ виѣшной политики, или имѣетъ совершенно частный характеръ, а уже никакъ не можетъ считаться матеріаломъ для исторіи внутренняго управленія. То же самое можно сказать о письмахъ къ Дидро, Даламберу, Сенакъ-де-Мельяну и пр. Въ нихъ о дѣлахъ администраціи не говорится. За то все, что относится къ виѣшной политикѣ, до того важно, что первая коллекція, посвященная, какъ говорятъ издатели, исторіи внутренняго управленія, можетъ служить не менѣе важнымъ пособіемъ при изученіи исторіи виѣшной политики, нежели вторая коллекція, начало которой помѣщено въ 48 и 51 томахъ «Сборника».

Заглавіе второй коллекціи, названной издателями «Политическою перепискою Екатерины», не можетъ считаться особенно удачнымъ и не характеризуетъ вѣрно содержаніе изданія. Это же заглавіе можно было бы отнести, пожалуй, совершенно также и къ первому изданію, въ которомъ заключается, къ тому же, гораздо болѣе писемъ Екатерины, чѣмъ во второмъ. Письма Екатерины составляютъ лишь меньшую часть 48 и 51 томовъ и развѣ только ея письма къ графу Кейзерлингу, которыхъ напечатано около 30, оправдываютъ это заглавіе, между тѣмъ какъ рескрипты и инструкціи русскимъ посламъ, находившимся за границею, протоколы конференцій, революціи императрицы, не могутъ считаться «политическою перепискою»

Екатерины. Дѣловыя бумаги, составляющія большую часть этихъ двухъ томовъ, не имѣютъ формы писемъ. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что не всѣ изданныя въ 48 и 51 томахъ «Сборника» бумаги относятся къ вѣшной политикѣ. Такъ, напримѣръ, вопросъ о заведеніи плантаціи табаку въ Малороссіи (т. 48, стр. 314), распоряженія по поводу беспорядковъ у калмыковъ и киргизъ-кайсаковъ (т. 48, стр. 450, 510, 522), указъ о колонизаціи Кавказа (т. 48, стр. 555), справка о цѣнѣ мѣди (т. 48, стр. 569), газетная статья объ Арсеніи Мацѣевичѣ (т. 48, стр. 447) и пр., и пр.—не относятся вовсе къ вѣшной политикѣ. Такимъ образомъ, специалисты, занимающіеся исторіею внутренняго управленія, могутъ найти для своихъ занятій равныя данныя во второй коллекціи, посвященной якобы исключительно вѣшной политикѣ, а специалисты, разрабатывающіе исторію вѣшной политики, никоимъ образомъ не могутъ обойтись безъ первой коллекціи, яко бы заключающей въ себѣ исключительно данныя для исторіи внутренняго управленія.

Отсюда видно, что классификація бумагъ, хранящихся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и раздѣленіе ихъ на двѣ вышеупомянутыя категоріи вышли не совсѣмъ удачными. Нельзя не сожалѣть о томъ, что, благодаря этой неясности или случайности распредѣленія матеріала, чрезвычайно усложняется трудъ специалистовъ, встрѣчающихъ необходимость пользоваться этими громадными печатными коллекціями для научныхъ цѣлей. При чудовищныхъ размѣрахъ, которые принимаютъ массы сырого матеріала, напримѣръ, для исторіи царствованія Екатерины II, обязанность издателей главнымъ образомъ заключается въ правильной группировкѣ, въ провѣрочности систематики такихъ изданій.

При изданіи перваго тома первой коллекціи, т. е. 7-го тома «Сборника», въ предисловіи говорится слѣдующее о преимуществахъ распредѣленія и печатанія бумагъ въ хронологическомъ порядкѣ: «Хотя этотъ способъ изданія медленнѣе другихъ, такъ какъ необходимо требуетъ, прежде приступленія къ печатанію, приведенія въ извѣстность всего, по возможности, наличнаго запаса документовъ; тѣмъ не менѣе распредѣленіе значительнаго количества бумагъ того или другаго историческаго лица въ ихъ хронологическую послѣдовательность имѣетъ важныя преимущества. Оно даетъ возможность обнять дѣятельность этого лица въ послѣдовательной связи событій, и тогда яснѣе представляется зарожденіе, развитіе и осуществленіе его замысловъ, предположеній и мыслей и, наконецъ, что очень важно, тогда отстраняются отрывочность, произволъ и подтасовка событій, которые нерѣдко встрѣчаются въ историческихъ сборникахъ, когда, при распредѣленіи историческихъ бумагъ, на первомъ планѣ личные взгляды собирателя».

Читая это, мы недоумѣваемъ. Развѣ только въ послѣднемъ положеніи объ устраненіи возможности чрезмѣрнаго субъективизма издателей при соблюденіи хронологическаго порядка есть нѣкоторая доля правды. Все остальное лишено всякаго основанія. При печатаніи въ хронологическомъ порядкѣ разнокалиберныхъ бумагъ, документовъ и писемъ, относящихся ко всевозможнымъ предметамъ, почти совершенно исчезаетъ, или, по крайней мѣрѣ, значительно затмевается «послѣдовательная связь событій»; не только не «яснѣе», а, напротивъ, совершенно туманно при такомъ распредѣленіи историческаго матеріала, при такомъ хаотическомъ, неорганическомъ, лишь вѣшнемъ, случайномъ, такъ сказать, механическомъ изданіи сырья «представляется зарожденіе, развитіе и осуществленіе замысловъ историческаго лица».

Какъ разъ при этомъ способѣ не только не «отстраняется отрывочность со-бытій», но даже, напротивъ, уничтожается вся связь между фактами, такъ что все оказывается отрывочнымъ, фрагментомъ, труднопонятнымъ.

Мы позволимъ себѣ доказать это, сравнивая два способа, которыми руководствовало Историческое Общество при изданіи историческихъ памятниковъ.

Въ 17-мъ томѣ «Сборника» напечатана переписка императрицы Екатерины съ Фальконетомъ. Это изданіе должно считаться образцовымъ. Прекрасно и научно составленное предисловіе даетъ намъ понятіе о важности предмета, вводитъ насъ въ частности дѣла. Письма Екатерины и знаменитаго скульптора представляютъ собою нѣчто цѣльное. Значеніе этихъ бумагъ съ перваго же взгляда бросается въ глаза.

Въ изданіи «бумагъ Екатерины», т. е. въ первой изъ вышеупомянутыхъ коллекцій, напечатано множество писемъ Екатерины къ Вольтеру. Къ сожалѣнію, они не изданы вмѣстѣ, а разбросаны въ разныхъ томахъ изданія. Отыскивать ихъ очень трудно. Объ этомъ совершенно своеобразномъ и очень важномъ источникѣ нигдѣ ничего не сказано издателями. Этотъ памятникъ какъ-то исчезаетъ въ массѣ отчасти маловажныхъ бумагъ, помѣщенныхъ въ этой коллекціи.

Мы спрашиваемъ издателей-специалистовъ: какой способъ изданія заслуживаетъ предпочтенія?

Укажемъ еще на другіе примѣры.

Въ 20-мъ томѣ «Сборника» помѣщены вмѣстѣ письма Екатерины и Фридриха II другъ къ другу. Эти письма находились въ томъ самомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, бумаги котораго изданы въ 48 и 51 томахъ «Сборника». Но такъ какъ они уже изданы въ 20-мъ томѣ, что и сказано въ предисловіи къ 48-му тому, то означенныя письма были исключены изъ изданія такъ называемой «Политической переписки Екатерины», между тѣмъ какъ письма императрицы къ Маріи-Терезіи, къ Августу III, къ датскому королю, помѣщены въ этомъ новѣйшемъ изданіи Историческаго Общества, утопая совершенно въ массѣ совѣтъ разнокалиберныхъ бумагъ, исчезающая въ пестротѣ хронологическаго *soi-disant* «порядка». Переписка Фридриха II съ Екатериною должна считаться очень важнымъ памятникомъ для исторіи отъ 1762 до 1780 года, и русскіе и заграничные историки неоднократно пользовались этимъ источникомъ при разработкѣ вопросовъ, относящихся къ этому періоду. Только то, можно думать, случайное обстоятельство, что эти письма помѣщены въ 20-мъ томѣ, заставило издателей 48 и 51 томовъ «Сборника» не включить ихъ въ изданіе «Политической переписки Екатерины». Въ этомъ счастливомъ случаѣ заключается для историографіи весьма важная выгода, какъ видно изъ слѣдующей аргументаціи.

Два первые тома «Политической переписки Екатерины» обнимаютъ 23 мѣсяца ея царствованія. Изданіе этихъ бумагъ до 1780 года потребуетъ не менѣе двадцати томовъ. Значитъ переписка Екатерины съ Фридрихомъ издавалась бы впродолженіе многихъ лѣтъ, быть можетъ, изданіе ея вовсе не было бы доведено до конца, или же было бы окончено въ девяностыхъ годахъ нашего вѣка, если не въ двадцатомъ столѣтіи, и тогда историкамъ-специалистамъ приходилось бы при изученіи этого памятника возиться съ двадцатитомнымъ изданіемъ, что, понятно, представляетъ собою страшное неудобство.

Изъ сказаннаго очевидно, что приведеніе всего матеріала, случайно находящагося въ любомъ архивѣ, въ хронологической порядокъ и печатаніе *rêlé-mêlé* всевозможныхъ бумагъ, въ которыхъ говорится «*de rebus omnibus et quibusdam aliis*», представляетъ собою существенные недостатки. Гораздо болѣе цѣлесообразнымъ, болѣе научнымъ и даже скорѣйшимъ способомъ оказывается изданіе историческихъ матеріаловъ по группамъ, соединяя въ одно цѣлое то, что именно представляетъ «связь событій», «последовательность» и пр. Такъ, напримѣръ, переписка Екатерины съ Потемкинымъ, изданная особо, имѣла бы гораздо болѣе значеніе для историографіи, тогда какъ эти письма, разбросанныя въ различныхъ томахъ и частяхъ изданія «бумагъ Екатерины», легко могутъ ускользнуть отъ вниманія специалистовъ; такъ, напримѣръ, переписка Екатерины съ графомъ Кейзерлингомъ, изданная на нѣсколькихъ печатныхъ листахъ особо, служила бы очень полезнымъ пособіемъ при изученіи вопроса объ отношеніи Россіи къ Курляндіи и къ Польшѣ, между тѣмъ какъ теперь приходится съ большимъ трудомъ отыскивать эти письма въ цѣлыхъ сотняхъ страницъ 48 и 51 томовъ «Сборника» и т. п.

При громадныхъ размѣрахъ печатной коллекціи дѣловыхъ бумагъ отсутствіе системы или болѣе удачной группировки матеріала, понятно, значительно усложняетъ трудъ историковъ, которымъ приходится пользоваться этими источниками для специальныхъ цѣлей. Продолжая издавать эти бумаги въ томъ видѣ, въ какомъ изданы два первые тома этой коллекціи, издателямъ придется напечатать около 35 томовъ, т. е. около 20,000 страницъ. Невольно рождается вопросъ: будетъ ли когда нибудь весь этотъ матеріалъ разработанъ? Найдутся ли историки съ готовностью посвящать цѣлые годы тщательному разбору столь многотомной коллекціи? Соответствуетъ ли содержаніе такого колоссальнаго изданія его размѣрамъ? Вудеть ли окончено это изданіе?

Дѣло въ томъ, что при изданіи такихъ памятниковъ, какъ намъ кажется, нѣтъ никакой надобности печатать всѣ документы цѣликомъ. Весьма многія дѣловые бумаги до того скудны содержаніемъ, что можно бы было издать ихъ въ краткомъ извлеченіи. Во всякомъ случаѣ, нужно бы избѣгать лишннихъ повтореній. Такъ, напримѣръ, очень часто Екатерина въ собственноручной запискѣ предписываетъ, каково должно быть содержаніе инструкцій тому или другому изъ русскихъ дипломатовъ. Въ такихъ случаяхъ содержаніе записки Екатерины и составленныхъ по ней рескриптовъ тоже естественно. Тутъ можно было бы печатать рескрипты въ видѣ регестовъ (см., напримѣръ, записку Екатерины въ 48 т., на стр. 252 — 258 и слѣдующіе за нею рескрипты Репнину и Голицыну). Какъ скоро редакція нѣкоторыхъ рескриптовъ къ разнымъ дипломатамъ не представляетъ существеннаго различія, такъ что они походятъ на циркуляръ, какъ, напримѣръ, рескрипты къ Голицыну въ Вѣнѣ, Долгорукову въ Берлинѣ, Воронцову въ Лондонѣ, Голицыну въ Парижѣ и пр., въ которыхъ говорится о предстоявшей кончинѣ Августа III (48 т., стр. 306 и слѣд.), печатаніе цѣликомъ всѣхъ этихъ рескриптовъ оказывается лишнимъ. Разумѣется, такое сокращеніе для издателей сопряжено съ большимъ трудомъ, однако этотъ трудъ издателей вознаграждается сбереженіемъ труда исследователей-специалистовъ, для которыхъ почти исключительно и печатаются такія коллекціи матеріаловъ. Изданіе памятниковъ въ сокращенномъ видѣ требуетъ особенной тщатель-

ности, знакомства съ издаваемымъ матеріаломъ, знакомства съ другими историческими источниками, относящимися къ этому же періоду и пр. Всего этого можно и должно требовать отъ издателей.

Изданія Историческаго Общества иногда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сопровождались комментаріемъ. Такъ, напримѣръ, 27-й томъ «Сборника», четвертый томъ коллекціи бумагъ Екатерины, отличается особенно тщательно составленными примѣчаніями, сопровождающими текстъ. Такой научный приборъ для историка-специалиста, встрѣчающаго необходимость разработать изданный матеріалъ, оказывается прекраснымъ пособіемъ. Поэтому нельзя не сожалѣть о томъ, что томы 48 и 51 «Сборника» вовсе не снабжены комментаріемъ. Во-первыхъ, нужно бы было при печатаніи нѣкоторыхъ документовъ замѣтить, что ими уже до изданія воспользовался С. М. Соловьевъ при составленіи 25 и 26 томовъ «Исторіи Россіи»; во-вторыхъ, слѣдовало бы указать на то обстоятельство, что нѣкоторые документы уже были напечатаны въ другомъ мѣстѣ, напр., циркулярный рескриптъ о путешествіи канцлера М. Л. Воронцова за границу (т. 48, стр. 554) въ «Архивѣ князя Воронцова», т. VII, стр. 623 и т. под.; въ-третьихъ, нужно бы было прибавить къ тексту въ нѣкоторыхъ случаяхъ объясненія. Такъ, напримѣръ (въ 48, стр. 296), въ собственноручной запискѣ Екатерины говорится о Кейзерлингѣ въ тонѣ крайняго раздраженія; тутъ рождается вопросъ, о какомъ Кейзерлингѣ идетъ рѣчь? Въ самомъ началѣ царствованія Екатерины была рѣчь объ отправленіи Миниха въ Стокгольмъ въ качествѣ посланника; (т. 48, стр. 9). Тутъ рождается вопросъ, говорится ли о фельдмаршалѣ, или о его братѣ? На 530 стр. 48-го тома говорится о какомъ-то неприятномъ случаѣ съ англійскимъ посломъ, однако дѣло остается непонятнымъ. Комментарій долженъ былъ бы объяснить, въ чемъ дѣло и т. п.

Быть можетъ, наши критическія замѣчанія не окажутся лишними, особенно потому, что изданіе историческаго матеріала не можетъ считаться окончательною цѣлью науки, а лишь средствомъ для достиженія цѣли. Техникою изданія историческихъ памятниковъ обусловливается въ большей или меньшей мѣрѣ вѣроятность достиженія цѣли. Недостатки техники дѣла легко могутъ лишить изданія значительной доли пользы. Издатели работаютъ для историковъ; историки должны имѣть право сообщать издателямъ свои соображенія.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о фактическомъ значеніи памятниковъ, помѣщенныхъ въ 48 и 51 томахъ «Сборника». То обстоятельство, что С. М. Соловьевъ уже просматривалъ эти документы и воспользовался ими при изложеніи событій начала царствованія Екатерины, нѣкоторымъ образомъ умаляетъ значеніе этого изданія. Нѣкоторые изъ важнѣйшихъ данныхъ еще до изданія этихъ документовъ были оцѣнены историками. Далѣе нельзя не замѣтить, что и до этого изданія наука располагала до того богатыми свѣдѣніями для исторіи вѣвшей политики Екатерины въ 1762—1764 годахъ, что тутъ не могло появиться чего либо существеннаго, замѣняющаго хотя бы сколько нибудь общіе результаты, добытые наукою до этого изданія. При всемъ томъ, однако, въ этой коллекціи встрѣчаются очень многія данныя, нѣкоторымъ образомъ дополняющія запасъ свѣдѣній, уже до этого существовавшій.

Въ это время главными вопросами вѣвшей политики была замѣна въ Курляндіи саксонскаго принца Карла Бярономъ и избраніе въ короли поль-

скіе Понятовскаго. Большая часть матеріаловъ, помѣщенныхъ въ 48 и 51 томахъ, относится къ польско-русскимъ сношеніямъ. Мы находимъ тутъ множество подробностей относительно образа дѣйствій русскаго правительства въ Митавѣ и въ Варшавѣ. Душею этихъ дѣйствій была императрица. Симолинъ, Кейзерлингъ, Репнинъ и пр. были лишь исполнителями ея воли, руководствуясь ея соображеніями. Благодаря гениальности и энергіи Екатерины, дѣйствія Россіи были увѣнчаны успѣхомъ. Менѣе важны данныя о сношеніяхъ Россіи съ другими державами. Что касается до Пруссіи, то письмо Фридриха II къ Екатеринѣ (т. 20, стр. 313) заслуживаетъ особеннаго вниманія. При этомъ случаѣ рождается вопросъ: какимъ образомъ это письмо могло ускользнуть отъ вниманія при изданіи переписки Фридриха II съ Екатериною въ 20-мъ томѣ «Сборника»? Данныя о сношеніяхъ съ Австріею, Даніею, Швеціею, Англіею, Франціею, неважны; нѣсколько большее значеніе имѣютъ документы, относящіеся къ дѣятельности Обрескова въ Константинополѣ и Никифорова въ Крыму. Полнаго вниманія заслуживаютъ проекты для газетныхъ статей по разнымъ предметамъ.

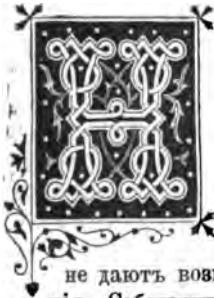
А. Врикнеръ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Франція, изучающая политику и дипломатию Россіи.—Сочиненіе о Россіи англійскаго профессора Морфиля.—Сознаніе анархіи въ своемъ безсиліи.—Трактатъ русскаго дипломата о международной политикѣ.—Французскіе переводы русскіхъ писателей: «Смерть» Л. Н. Толстого и его послѣднія повѣсти; рассказы Достоевскаго.—Исторія сожиганія труповъ.—Вторженіе пруссаковъ въ Голандію.—Второй томъ «Записокъ Гранта».—Адмиралъ Влекъ.—Исторія англійскаго парламента.—Генералъ Шарнгорстъ.—Нѣмецкая исторія Ирландіи.—Популярныя историческія изданія фирмы Касселя.—Иллюстрированная исторія всѣхъ народовъ.

Е СМОТРЯ на то, что Западная Европа недовольна политикой Россіи, она попрежнему продолжаетъ заниматься ея литературой и исторіей. Правильнѣе и сочувственнѣе другихъ державъ относится къ намъ Франція, одна открыто принявшая нашу сторону въ болгарскомъ вопросѣ и добывавшаяся союза съ нами, къ сожалѣнію, весьма ненадежнаго съ ея стороны, такъ какъ враждующія къ ней политическія партіи, низвергающія всѣ министерства, не даютъ возможности входить съ нею въ какія либо прочныя сношенія. Собственная правительственная неустойчивость не мѣшаетъ ей, впрочемъ, отдавать справедливость твердости русскаго правительства въ международномъ кризисѣ, до сихъ поръ волнующемъ Европу; съ уваженіемъ отзывается объ этой политикѣ, неуклонно слѣдующей намѣченными ею путями, и авторъ новаго сочиненія: «Политическая и дипломатическая Россія по многочисленнымъ неизданнымъ документамъ» (*La Russie politique et diplomatique, avec de nombreux documents inédits, par Emile Ferrière*). Это собственно исторія русской политики отъ Петра I до послѣдняго времени; оканчивается она событіями въ Болгаріи и отреченіемъ Ваттенберга. Составленная, очевидно, наскоро и съ большими промахами, компиляція эта отличается, однако, яввою симпатіею къ Россіи. Въ книгѣ дѣйствительно много документовъ, но всѣ они не относятся къ разряду неизданныхъ и явились уже въ дипломатическихъ сборникахъ Франціи и Англии, и такъ

называемыхъ «синихъ и желтыхъ» книгахъ: но такъ какъ сборники эти малодоступны, то появленіе ихъ въ популярномъ изданіи весьма полезно, и для французовъ, слѣдящихъ за ходомъ нашей внѣшней политики, представляетъ весьма цѣнное справочное пособие, дающее вѣрную оцѣнку этой политики и ея историческаго хода и значенія. Что же касается до внутренней жизни Россіи, то здѣсь авторъ остается вѣрнымъ обычному французскому легкомыслию и не даетъ себѣ труда собрать данныя или проверить невозможныя и неизвѣстно откуда почерпнутыя свѣдѣнія. Такъ авторъ утверждаетъ, что Александръ II учредилъ девять университетовъ, а Николай I отдалъ подъ надзоръ полиціи болѣе 70,000 молодыхъ людей по случаю распространенія нигилизма въ лицеяхъ и университетахъ (основанныхъ, однако, при Александрѣ II). Еще нелѣпѣе сообщаемое извѣстіе, что при введеніи общей воинской повинности въ 1874 году въ Россіи было болѣе 3¼ милліоновъ солдатъ, но осталось только полтора милліона съ небольшимъ, потому что молодые люди, подлежащіе призыву, не хотѣли подчиниться новому закону и ушли въ Турцію. И какіе «друзья» Россіи сообщаютъ такія достоверныя свѣдѣнія? И какъ не понимаютъ авторы, что, помѣщая подобныя нелѣпости въ серьезныхъ сочиненіяхъ, они дискредитируютъ эти и другіе не подверженные сомнѣнію факты. Очищенная отъ такого вадора и отъ нѣкоторыхъ совершенно лишннихъ подробностей, приводимыхъ только для увеличенія объема книги, какъ разсужденія о Мальтійскомъ орднѣ, имѣвшемъ въ Россіи очень ничтожное и очень кратковременное значеніе, французская исторія русской политики имѣла бы несомнѣнно болѣе значенія.

— Гораздо серьезнѣе, полнѣе и всестороннѣе вслѣдованіе о Россіи профессора Оксфордскаго университета В. Морфиля. Первоначально ово явилось въ послѣднемъ, недавно вышедшемъ XXI томѣ капитальнаго изданія «Британская энциклопедія», а потомъ отдѣльною книгою. Это едва ли не самое лучшее на англійскомъ языкѣ и во всякомъ случаѣ самое добросовѣстное сочиненіе о Россіи, въ ея историческомъ и современномъ положеніи, конечно, всетаки, съ англійской точки зрѣнія, но безъ всякихъ непріязненныхъ, явныхъ и тайныхъ выходовъ противъ нашего отечества. Авторъ начинаетъ съ географическаго изображенія Россіи, описываетъ распространеніе ея колоній, приводитъ статистическія таблицы о ея населеніи, пространствахъ, свѣдѣнія объ общемъ управленіи, судахъ, церкви, финансахъ, воспитаніи, арміи; затѣмъ представляетъ болѣе подробную картину Европейской Россіи въ геологическомъ, климатическомъ, естественно-историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, говоритъ о расколѣ, сословіяхъ общества, объ общинахъ и артеляхъ устройствѣ, о земледѣліи со всеми его отраслями, о естественныхъ и мануфактурныхъ богатствахъ страны, внутренней торговлѣ, путяхъ сообщенія, почтахъ и телеграфлахъ. Затѣмъ слѣдуетъ обширный отдѣлъ, посвященный собственно русской исторіи, начиная съ Рюрика, котораго авторъ считаетъ скандинавомъ какъ Игоря и Ольгу (Ингваръ и Гельги), говоря, что собственно русское племя слилось только впоследствии съ скандинавами, какъ саксы и норманны въ Англій при Генрихѣ I. Мѣстами авторъ приводитъ цитаты изъ «Histoire de la Russie» Раμπο. Начиная съ Ивана IV, авторъ пользуется трудами англійскихъ писателей и путешественниковъ Флетчера, Гаклюйта, Горсея и др. и послѣ Шуйскаго считаетъ втеченіе двухъ лѣтъ царемъ Россіи Владислава, потому что въ Москвѣ чеканили монету съ его именемъ. Въ довольно вѣрномъ изложеніи событій этой эпохи встрѣчаются и стран-

ныя извѣстія, какъ, напр., о страшномъ горѣ москвичей по случаю похищенія поляками рога баснословнаго звѣря-единорога, огромной цѣны и осыпаннаго драгоценными камнями (объ этомъ рогѣ говоритъ и Олеарій), объ отказѣ отъ престола князей Мстиславскаго и Пожарскаго, о принятіи Михаиломъ Романовымъ какой-то конституціонной присяги (*constitutional oath*) и пр. Царствованіе Петра I наложено въ краткомъ видѣ, Екатерина I названа безпечною, неспособною къ правленію; при воцареніи Анны подробно наложены условія (*роста conventi*), ограничившія ея власть. Уваженіе къ памяти Екатерины II, не смотря на ея частную жизнь, сохраняется, по словамъ автора, до нашего времени въ русскихъ людяхъ; о Павлѣ I, Александрѣ I, Николаѣ I не сказано ничего новаго. Сочиненіе оканчивается исторіей русской литературы, гдѣ говорится сначала о былинахъ и народныхъ преданіяхъ, потомъ о духовныхъ трудахъ и лѣтописцахъ, о «Словѣ о полку Игоревѣ», сказаніяхъ о Мамаевомъ побоищѣ и другихъ народныхъ поемахъ, причѣмъ ошибочно придается важное значеніе «Повѣсти о Дравулѣ», совершенно ничтожномъ собраніи анекдотовъ о жестокостяхъ молдаванскаго князя, въ началѣ XV вѣка. Литературы XVII и XVIII вѣка наложены вѣрно, хотя и въ сжатыхъ очеркахъ. Слишкомъ много значенія авторъ придаетъ Загоскину и совершенно напрасно упоминаетъ о романахъ Бугарина, но отдаетъ полную справедливость таланту Герцена. О русскихъ историкахъ, филологахъ и поэтахъ высказаны вѣрные разсужденія. Напрасно только Жадовская поставлена на ряду съ Тютчевымъ и Подолинскимъ, а объ Аксаковѣ не упомянуто вовсе. Говоря объ историческихъ журналахъ, авторъ сожалѣетъ о прекращеніи въ 1881 году «Древней и Новой Россіи», гдѣ помѣщено «лучшими русскими писателями много цѣнныхъ матеріаловъ для изученія исторіи» и отзывается съ похвалою объ «Историческомъ Вѣстникѣ». О газетной литературѣ не говорится ни слова. Сочиненіе оканчивается краткимъ обзоромъ малороссійской литературы.

— О Россіи толкуютъ и отверженныя дѣти цивилизаціи — нигилисты. Мы не говоримъ объ ихъ сочиненіяхъ, но въ одномъ изъ нихъ (*Le Tsarisme et la révolution, par Sergius Stepniak*), трактующемъ о грядущей революціи, о европейскомъ социализмѣ и терроризмѣ, объ эпидеміи динамита и тому подобныхъ удовольствіяхъ, мы нашли любопытное, можетъ быть, невольное признаніе. Стенникъ говорить, что было бы безуміемъ рассчитывать на успѣхъ насильственныхъ мѣръ, на борьбу противъ религіи, на то, чтобы сдѣлать изъ русскихъ послѣдователей Карла Маркса; что въ Европѣ возможна только экономическая революція, что злоупотреблять динамитомъ не слѣдуетъ, а надо стремиться только къ политическимъ измѣненіямъ. Или нигилизмъ убѣдился, наконецъ, въ нецѣлостности своихъ стремленій, въ невозможности осуществить свои анархическіе идеалы? Это былъ бы добрый знакъ.

— Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ издалъ въ Парижѣ этюды о международной политикѣ (*La politique internationale, par I. Novicow*). Авторъ—приверженецъ ученія эволюціи. Общество для него—органическое тѣло, составленное изъ семействъ, какъ организмъ составленъ изъ живыхъ ячеекъ, имѣющихъ каждая свои отдѣльныя функціи, но работающихъ на пользу общаго тѣла. Общества слѣдуютъ законамъ эволюціи, фазисы которой—племя, государство, національность. Въ племени развивается потребность защиты внутренней, въ государствѣ—защиты внѣшней; а интелекту-

альнымъ и эстетическимъ развитіемъ организмъ дѣлается сознательнымъ, превращается въ національность. Въ человѣческомъ тѣлѣ всѣ органы служатъ интеллигенціи; государство есть собраніе учреждений, служащихъ націи. Г. Новиковъ говоритъ, что принципы государства точны, опредѣленны, а національности — идеальны, измѣнчивы, оканчиваются тамъ, гдѣ кончается притягательная сила ея интеллигенціи. Авторъ подробно исследуетъ отношенія государства и національности. Национальность можетъ быть раздѣлена между многими государствами, какъ Италия до 1869 года, Германія до 1870 года; государство можетъ состоять изъ многихъ національностей, какъ Австрія, Турція; національность можетъ быть подъ зависимостью государства, какъ Алжиръ, Тунисъ подъ управленіемъ Франціи, гдѣ государство и національность составляютъ одно цѣлое. Международная политика, по мнѣнію автора, есть борьба за существованіе социальныхъ организмовъ. Для этой цѣли слѣдуетъ употреблять средства, болѣе другихъ способствующія къ развитію цивилизаціи. Къ книгѣ г. Новикова приложено, въ видѣ рекомендаціи автора публикѣ, введеніе Верона. Къ чему нужна эта французская рекомендація сочиненію русскаго человѣка? — не понимаемъ.■

— Переводы русскіхъ беллетристическихъ произведеній попрежнему выходятъ во множествѣ. Появилась «Смерть» графа Льва Толстого, съ предисловіемъ Гальперина (*La mort, par le comte Léon Tolstoï*). Французскій писатель перевелъ уже «Смерть Ивана Ильича» и теперь извлекъ изъ другихъ сочиненій графа все, что относится къ описанію психологическихъ феноменовъ смерти. Такихъ смертей въ сборникѣ разобрано восемь. Простые люди у нашего писателя умираютъ съ стоическимъ равнодушіемъ, отсутствующимъ часто у интеллигентныхъ лицъ, «изуродованныхъ фальшивою цивилизаціей и заботами общественныхъ условійхъ». Но вѣдь и стоическое равнодушіе у неразвитаго человѣка можетъ быть просто слѣдствіемъ непониманія, что онъ долженъ умереть. Вѣдь и животное умираетъ совершенно равнодушно. Въ сборникѣ разсказана смерть чиновника, свѣтской дамы, солдата въ сраженіи, раненаго генерала, мѣщанина, почтальона, лошади подъ ножомъ живодера и дерева подъ топоромъ крестьянина. Для живыхъ существъ у Л. Толстого передъ смертью наступаетъ моментъ спокойствія, просвѣтленія. Но вѣдь это потому, что авторъ описываетъ кончину лицъ, вѣрующихъ въ будущую жизнь. Французская критика говоритъ, что картина всѣхъ этихъ смертей производитъ тяжелое, удручающее впечатлѣніе.

— Г-жа Цакки перевела послѣднія повѣсти графа Льва Толстого (*Comte Léon Tolstoï. Dernières nouvelles, traduites par M-me E. Tsakny*). Здѣсь помѣщенъ чрезвычайно точный переводъ «Смерти Ивана Ильича», «Исторіи лошади» и «Поликарпушки». Въ самое короткое время разошлось уже два изданія этой книги, принадлежащей новой книгопродавческой фирмѣ въ Парижѣ «Nouvelle librairie parisienne», въ главѣ которой стоитъ Альбертъ Савинь, горячій поклонникъ Л. Толстого, знатокъ испанской литературы и членъ Мадридской академіи. Тотъ же Гальперинъ вмѣстѣ съ г-жею Элизой Фетисовою перевелъ три повѣсти Достоевскаго: «Кроткая, Рождественская елка, Маленькій герой» (*Krotkaia, l'Arbre de Noel, le Petit héros*). Французскій удивляетъ въ особенности скромность русскіхъ писателей въ изображеніи любовныхъ сценъ. У Достоевскаго они находятъ повтореніе однихъ и тѣхъ же идей, мелкихъ подробностей обыденнаго быта, постоянное

возвращеніе къ однимъ и тѣмъ же мотивамъ, дѣйствующимъ гипнотически на читателя. Въ «Кроткой», гдѣ ипохондрикъ мужъ разсуждаетъ о причинахъ, почему его жена выбросилась въ окно, — видно явное подраженіе Эдгару Поэ. Такое же тяжелое впечатлѣніе оставляетъ смерть шестилѣтняго ребенка отъ холода и голода въ ночь на Рождество, и исторія слишкомъ ранней любви одиннадцатилѣтняго «Маленькаго героя».

— Въ то время, когда въ Западной Европѣ общественное мнѣніе все болѣе и болѣе склоняется къ мысли о необходимости сожиганія мертвыхъ тѣлъ для охраненія живыхъ людей отъ зараженія міазмами кладбищъ, всюду переполненныхъ трупами, въ Парижѣ докторъ Горнштейнъ является рьянымъ противникомъ древняго, вполне санитарнаго обычая, въ своемъ сочиненіи «Сожиганіе мертвыхъ передъ исторіею, наукою и христіанствомъ» (*La crémation devant l'histoire, la science et le christianisme*). Авторъ излагаетъ исторію погребенія тѣлъ у всѣхъ народовъ, въ самой глубокой древности. Подобно многимъ противникамъ сожиганія, авторъ обзываетъ приверженцевъ этой системы матеріалистами. Но намъ кажется, что зарываніе тѣла въ землю, гдѣ оно проходитъ черезъ всѣ фазисы отвратительнаго гніенія, доказываетъ гораздо болѣе привязанности къ матеріи, чѣмъ превращеніе въ пепелъ тлѣнныхъ частей человѣка, не подвергающихся процессу разложенія. Не все ли равно для остающихся въ живыхъ, продолжается ли этотъ процессъ десять минутъ какъ при сожженіи, или десять лѣтъ, какъ при гніеніи? Огонь, все очищающій, истребляющій все, что тлѣнно въ человѣкѣ, — и оставляющій только горсть чистаго пепла, символъ гораздо болѣе рациональный, чѣмъ могильный червь, пожирающій разлагающійся, зловонный трупъ, отравляющій и сквозь землю воздухъ, которымъ дышутъ дѣти умершаго...

— Пьеръ де-Виттъ, потомокъ историческихъ Виттовъ, разсказываетъ любопытный эпизодъ «Прусскаго нашествія въ Голландію въ 1787 году» (*L'invasion prussienne en Hollande en 1787*). Англія, потерявшая свои колоніи въ Сѣверной Америкѣ, освобожденію которыхъ содѣйствовала Франція, хотѣла хоть чѣмъ нибудь досадить своей заламаншской сосѣдкѣ и, чтобы уничтожить ея вліяніе въ Голландіи, убѣдила прусскаго короля вторгнуться въ эту страну. Авторъ разсказываетъ подробно, какими интригами Англіи удалось уничтожить это вліяніе, потерю котораго Франція обязана бездарности своихъ министровъ, нерѣшительной политикѣ самого Людовика XVI, недостатку денежныхъ средствъ, помѣшавшему во-время собрать на границѣ войско, для отраженія пруссаковъ. Та же политическая слабость и непредусмотрительность была и прежде, и впоследствии удѣломъ Франціи. Не даромъ Фридрихъ II говорилъ въ своей «Исторіи Семилѣтней войны»: «По свойству человѣческой натуры, примѣры никого не исправляютъ: ошибки отцовъ не научаютъ ничему ихъ дѣтей. Надобно, чтобы каждое поколѣніе дѣлало свои собственные глупости».

— Въ прошломъ году мы говорили о выходѣ въ свѣтъ перваго тома «Записокъ Гранта». Въ концѣ года появился и второй томъ ихъ (*Personal Memoirs of U. S. Grant*), имѣвшій еще болѣе успѣха, чѣмъ первый, въ которомъ описывалась война съ Мексикою и занятіе Калифорніи, причемъ авторомъ обращено преимущественно вниманіе на военную и техническую сторону этихъ событій. По поводу ихъ выяснился также личный характеръ и взгляды Гранта, тѣмъ болѣе, что онъ принималъ близкое участіе въ походѣ

и политических столкновеньяхъ того времени. Но вышедшій нынѣ томъ имѣеть, несомнѣнно, болѣе интереса, относясь къ войнѣ сѣверныхъ штатовъ съ южными за уничтоженіе невольничества. Томъ начинается кампанією въ Чатанюга, а съ седьмой главы Грантъ является уже главнокомандующимъ всею арміей сѣверянъ и ведетъ лично всѣ операціи потомаской арміи, направляя ихъ къ строго опредѣленной цѣли, придающей единство заранѣе предположеннымъ дѣйствіямъ. До него отряды войскъ были расположены въ 19-ти штатахъ и дѣйствовали отдѣльно и самостоятельно. Въ одной потомаской арміи было 17 начальниковъ, независимыхъ другъ отъ друга. Весь вредъ этого раздѣленія власти видѣлъ и предшественникъ Гранта, генералъ Мак-Клеанъ, но не могъ подчинить отдѣльныя дѣйствія одному общему плану. Грантъ, принявъ главное начальство, прежде всего очистилъ комисариатъ отъ всѣхъ злоупотребленій этого вѣдомства. Онъ не увлекался успѣхомъ, одержаннымъ надъ непріателемъ въ незначительныхъ стычкахъ, не падалъ духомъ, когда ему случалось испытать неудачу. Нѣкоторыя изъ нихъ онъ старается оправдать и объяснить въ своихъ «Запискахъ». Правъ онъ, или нѣтъ, могутъ рѣшить только специалисты, но и не-военный читатель «Записокъ» найдетъ въ нихъ много любопытныхъ чертъ, характеризующихъ междуособную войну и дѣйствія главнокомандующаго, который, между прочимъ, отвѣчается съ особенною похвалою о своемъ противникѣ, генералѣ Ли, предводителѣ южной арміи.

— Въ серіи «Выдающихся дѣятелей Англіи» вышла биографія адмирала Блека (English Worthies. Admiral Blake). Англичане высоко цѣнятъ этого моряка, а блистательнѣйшій изъ лириковъ Кемпбелль ставитъ его на ряду съ Нельсономъ. Странно, что о подвигахъ Блека писано очень немного, можетъ быть, потому, что реакція эпохи Карла II не признавала заслугъ пуританъ, и историки того времени не рѣшались прославлять побѣдителя голландскаго адмирала Ван-Тремпа и храбраго противника испанцевъ, разбишаго ихъ при Санта-Крусѣ, гдѣ потерпѣлъ впоследствии неудачу Нельсонъ. Карьеру свою Блекъ началъ въ сухопутныхъ войскахъ и въ чинѣ полковника отстоявалъ Туонтоунъ отъ королевскихъ войскъ. За блистательную защиту города Кроувель сдѣлалъ Блека начальникомъ морскихъ силъ Англіи, и онъ долженъ былъ начать морскую службу съ усмиренія ввбунтовавшагося флота, наполненнаго роялистами. Затѣмъ въ два года онъ отразилъ нападенія голландцевъ, разбилъ испанскій флотъ, прогналъ французовъ отъ береговъ Англіи, блокировалъ Лисабонъ и захватилъ островъ Джерсей, послѣднее убѣжище роялистовъ. За эти подвиги, увѣнчанные истребленіемъ пиратовъ на Средиземномъ морѣ и испанскаго флота при Санта-Крусѣ, реставрація не хотѣла позволить, чтобы прахъ Блека лежалъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

— Скоттоу написалъ краткую исторію парламента (A sharp history of parliament by V. C. Skottowe). Объ этомъ предметѣ существуетъ много обширныхъ сочиненій Стобса, Галлама, Гардинера, Лекки, Эрскайна и др. Всѣми ими воспользовался авторъ для составленія своего краткаго очерка, въ которомъ не опущена, однако, ни одна существенная подробность сложной и богатой важными фактами исторіи. Нерѣдко Скоттоу повѣряетъ свѣдѣнія одного изъ вышеназванныхъ писателей другимъ и цитируетъ ихъ личные выводы и мнѣнія. По примѣру Гардинера, онъ говоритъ и объ ирландскомъ парламентѣ, ввести который вновь теперь не хотятъ даже такіе либералы,

какъ Гартингтонъ, упрекающіе Гладстона, что своимъ проектомъ ирландскаго самоуправленія онъ хотѣлъ разрушить Британскую имперію. Но критики серьёзныхъ англійскихъ журналовъ, какъ «*Athenaeum*» и «*Academy*», упрекаютъ автора за ошибочныя сужденія о многихъ событіяхъ англійскаго парламентаризма, умолчаніе о такихъ важныхъ явленіяхъ, какъ, напр., чартизмъ, значительныя недосмотры (въ одномъ мѣстѣ Кобденъ названъ великимъ ораторомъ, въ другомъ отрицается его значеніе) и т. п. Языкъ книги также недостаточно обработанъ для серьёзной парламентской исторіи.

— Максъ Леманъ началъ начало обширной біографіи Шарригорста (*Scharnhorst*). Первый томъ доходитъ до Тильзитскаго мира. Авторъ возбудилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ оживленную полемику между нѣмцами историками по поводу его сочиненія о Штейнѣ, гдѣ опровергалась легенда о переходѣ трехсотъ прусскихъ офицеровъ въ русскую службу при вторженіи Наполеона въ Россію. Этотъ эпизодъ вошелъ и въ составъ біографіи Шарригорста, на котораго авторъ смотритъ, какъ на создателя гражданской арміи, способствовавшей освобожденію Германіи отъ наполеоновскаго ига. Въ этомъ состоитъ дѣйствительно главная заслуга Шарригорста, такъ какъ военная карьера его ничѣмъ особеннымъ не замѣчательна. Состоя въ ганноверской службѣ, онъ принималъ участіе въ кампаніи 1794 года противъ Франціи, потомъ послѣ десятилѣтняго бездѣйствія, какъ начальникъ штаба герцога Брауншвейгскаго, былъ взятъ въ плѣнъ французами послѣ сраженія при Іенѣ и въ войну за освобожденіе умеръ отъ раны, полученной въ сраженіи при Грос-Гёршенѣ. Онъ писалъ также много статей и трактатовъ по разнымъ предметамъ военнаго управленія и былъ замѣчательнымъ военнымъ администраторомъ. Леманъ подробно разбираетъ его планы въ войну 1806—1807 года, но главная дѣятельность его по организаціи народной арміи будетъ изложена въ слѣдующемъ томѣ.

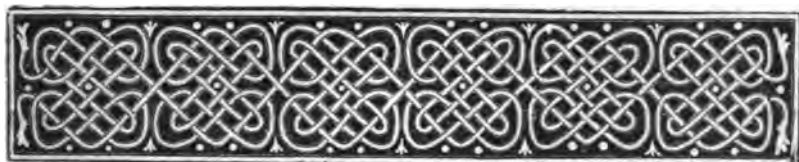
— Докторъ Гассенкампъ написалъ «Исторію Ирландіи отъ реформаціи до ея соединенія съ Англіей» (*Geschichte Irlands von der Reformation bis zu seiner Union mit England*). Не говоря объ англійскихъ сочиненіяхъ Лекки и Гардинера, на нѣмецкомъ языкѣ есть замѣчательное изслѣдованіе Лаппенберга, объ этомъ предметѣ, явившееся первоначально въ энциклопедіи Эрша и Грубера. Гассенкампъ излагаетъ добросовѣстно исторію отношеній Ирландіи и Англій послѣ уничтоженія Генрихомъ VIII католицизма какъ господствующей религіи, систему заселенія Ирландіи англійцами, введенную королевой Маріей и поддержанную въ особенности Іаковомъ I; войну Елисаветы противъ папства. Но никто не относился къ ирландцамъ-католикамъ съ такимъ ожесточеніемъ, какъ пуритане и Кромвель. Ирландское востаніе 1641 года авторъ приписываетъ жестокостямъ политикъ главныхъ судей Парсона и Борлеа. Онъ вообще нѣсколько пристрастенъ къ ирландцамъ, и не хочетъ видѣть непростительныхъ ошибокъ роялистской и католической партій. Лучше всего авторомъ изложены и оцѣнены событія XVIII вѣка. Здѣсь руководящую нитью служило ему сочиненіе Прендергаста объ этой эпохѣ. Гассенкампъ сильно и справедливо осуждаетъ мѣры Питта и составленный имъ «актъ соединенія». Эгоистическая и безсердечная политика Англій всего яснѣе видна въ ея отношеніяхъ къ несчастнымъ ирландцамъ, положеніе которыхъ похъ управленіемъ самой свободной державы въ Европѣ—самое печальное. Гладстонъ не успѣлъ положить конецъ вѣковой неправдѣ, но планъ его осуществится, не смотря на сопротивленіе консерваторовъ и ретроградовъ.

— Профессору Генриху Морлею и издательской фирмѣ Cassel и К^о принадлежитъ честь популяризовапія среди англійскаго общества историческихъ источниковъ и сочиненій. Они издають, кромѣ обычныхъ въ Англии дорогихъ книгъ, цѣной до 50-ти рублей, книжки очень опрятныя съ виду, на хорошей бумагѣ и четкимъ шрифтомъ по 15, 30 и 60 коп., въ которыхъ воспроизводятся, слово въ слово съ подлинникомъ, историческіе источники или старыя произведенія историческаго значенія начала нынѣшняго и прошлыхъ столѣтій или современныя историческія сочиненія. Такъ, напримѣръ, въ числѣ изданныхъ Морлеемъ новѣйшихъ подобныхъ книгъ есть «The Diary of Samuel Pepys» 1662—1663 годовъ, современника Карла II, рассказывающаго какъ очевидецъ о казни Генриха Вена и о революціи двухъ тысячъ священниковъ, лишенныхъ своихъ мѣстъ. Къ тому же разряду принадлежитъ «Early Australian Voyages» Пинкертона, въ которыхъ передается подстрочный переводъ трехъ первыхъ описаній Австраліи голландскими путешественниками—Пельсартомъ въ 1628 году, Тасманомъ въ 1648 и Дампьеромъ въ 1699 году. Всѣ эти страницы прошлыхъ вѣковъ свидѣтельствуютъ о многихъ густонаселенныхъ мѣстахъ тамъ, гдѣ теперь цивилизація западнаго купца уже успѣла истребить все туземное населеніе до чиста. Лишь сравнивая старыя сказанія путешественниковъ съ новѣйшимъ описаніемъ дальнихъ колоній, можно понять и догадаться, какой дорогой цѣной заплатили несчастные туземцы за дружбу и довѣріе къ бѣлому человѣку. Известно, что австралійскіе обитатели обречены теперь на выморъ, и ученые уже высчитали, когда долженъ остаться и у нихъ послѣдній изъ могиканъ. Въ этой книгѣ мы находимъ и упоминаніе имени Россіи вотъ по какому курьёзному случаю. Когда вслѣдъ за голландцами Австралію стали навѣщать и англичане, то одному изъ нихъ, Родерику Морчисону, бросилось въ глаза сходство австралійскихъ Кордильеровъ съ русскимъ Ураломъ, и это внѣшнее сходство побудило его высказать публично догадку, что въ Австраліи также, какъ на Уралѣ, должны быть залежи золота. Предпримчивые бритты тотчасъ занялись разысками, и черезъ шесть лѣтъ послѣ высказанной догадки золото было дѣйствительно найдено близъ Веллингтона, гдѣ и до сей поры лучшія копи. Къ другому разряду популярно-историческихъ изданій Cassel'я принадлежатъ жизнеописанія Димитрія, Марка, Антонія и Ѳемистокла (Plutarch's Lives of Demetrius и т. д.); письма Петра Плеймлея (Peter Plymley's Letters) въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда вопросъ о католикахъ въ Англии былъ на очереди, надѣлавъ много шума, и «Римъ и его первые христіане» («Rome and the early Christians»), сочиненіе Уара, первоначально появившееся въ тридцатыхъ годахъ въ Америкѣ. Эта книга написана въ видѣ писемъ римскаго дворянина Луція Пиво къ дѣвицѣ Фаустѣ, собранныхъ слугою перваго Никоманисомъ. Въ письмахъ рассказывается очень живописно вся жизнь древняго Рима и его христіанъ, всѣ мученія послѣднихъ, съ философскимъ взглядомъ на сравненіе религій Христа, Моисея и язычества. Наконецъ, къ третьему разряду такихъ же изданій Cassel'я относится вышедшая надняхъ книга «Richard Cobden», заключающая въ себѣ исторію борьбы этого сына народа, незнакомаго и не связаннаго политико-экономическими путями Адама Смита, противъ «законодательскаго убійства», какъ онъ называлъ налогъ на хлѣбъ. Для насъ біографія Кобдена имѣетъ и другой интересъ, какъ доказывающая, что если въ Англии государственные дѣятели изъ титулованныхъ фамилій и купцовъ традиціонно враждебны къ

Россіи, то люди народа, достигавшіе власти, неизмѣнно и всегда были на нашей сторонѣ. Таковъ былъ Кобденъ, такимъ остался Врайтъ и въ такомъ же духѣ говорятъ вновь выдвинувшіеся изъ сѣрой толпы ораторы парламента — Арчъ, Лейстеръ и т. п. Вторая книга этого разряда «Why I am liberal», Рейда, заключающая въ себѣ не столько интересную исторію борьбы партій въ парламентѣ, сколько полъ-книги предисловія въ видѣ поясненій каждаго изъ руководителей либерализма, почему они избрали именно эту партію. Самое краткое и выразительное заявленіе принадлежитъ графу Розбери: «Я избралъ либераловъ,—писалъ онъ,—потому что хочу товарищества лучшихъ людей для честнѣйшаго труда». И эта книга, отпечатанная на прекрасной бумагѣ, болѣе чѣмъ въ двѣсти страницъ, стоитъ 1 шиллинга. Вотъ что значитъ имѣть миллионный запасъ читателей!

— Другая англійская фирма «Fisher Ulwin», также одна изъ богатѣйшихъ въ Лондонѣ, гдѣ есть цѣлыя улицы, исключительно занятыя магазинами и складами издателей (напримѣръ, Paternoster Row и Sqaire),—задалась цѣлью дать публикѣ популярную иллюстрированную исторію всѣхъ народовъ, подъ общимъ заглавіемъ: «The Story of the Nations». Первый томъ этого изданія вышелъ надняхъ и посвященъ исторіи Германіи, начиная съ 113 года до Р. Х., когда Италия увидѣла впервые дикихъ тевтоновъ, спускавшихся къ римлянамъ съ высотъ Альпъ, и кончая франкфуртскимъ миромъ 1871 года. Авторы книги два англійскихъ историка съ авторитетными именами: Берингъ-Гульдъ и Джильманъ. Текстъ книги написанъ хорошимъ языкомъ и украшенъ множествомъ отличныхъ рисунковъ, портретовъ и картъ, иллюстрирующихъ старину и новое время. Авторы этой книги, между прочимъ, высказываютъ догадку, что южные германцы были культурно покорены славянскими племенами, обитавшими при появленіи тевтоновъ на земляхъ нынѣшняго Нюрнберга и на баварской возвышенности. Известно, что сѣверные германцы сохраняли чище свой типъ—голубые глаза и свѣтлые волосы, грубость натуры и жестокіе законы о сынонаслѣдіи въ семьѣ и феодальный раздѣлъ земли; между тѣмъ, южные германцы, столкнувшись съ славянскими племенами, не только утратили свой внѣшній тевтонскій обликъ, но скоро потеряли и вкусъ къ маюратамъ; у нихъ землевладѣніе было общинное, съ опредѣленными сроками передѣловъ. Висмаркъ, надо полагать, забылъ объ этомъ историческомъ фактѣ, давъ славянамъ обидное названіе «женственной націи». Томъ заканчивается подстрочнымъ переводомъ пѣсенки, которая теперь въ большой модѣ у германскихъ патриотовъ. «Гдѣ германское отечество?—спрашиваетъ эта пѣсня, и послѣ исчисленія,—не въ Пруссіи ли? не въ Швабіи ли? не на Рейнѣ ли, или Балтійскомъ морѣ, Помераніи, Вестфаліи? и т. д.,—отвѣчаетъ въ концѣ каждаго куплета: «Болѣе велико, о, гораздо болѣе велико германское отечество!». Послѣдній куплетъ поясняетъ, что это отечество ведаѣ, гдѣ бьется нѣмецкое сердце, слышится нѣмецкая рѣчь и раздается нѣмецкая пѣсня. Дѣйствительно, обширное отечество...

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Мѣсто погребенія Никиты Пустосвята.

МѢСТО ПОГРЕВЕНІЯ Никиты Пустосвята нашимъ историкамъ неизвѣстно, но среди раскольниковъ существуетъ преданіе, что когда въ Москвѣ казнили этого «добляго страдальца за вѣру» (11 іюля 1682 года), то его почитатели подобрали съ лобнаго мѣста обезглавленный трупъ его, купили у палача голову и съ великимъ благоговѣніемъ вывели бранные останки Никиты изъ Москвы въ городъ Гжатскъ, Смоленской губерніи, гдѣ и похоронили на старомъ кладбищѣ, поставивъ надъ могилой простой деревянный осьмиконечный крестъ, безъ всякой надписи. Справедливо это преданіе, или нѣтъ, мы рѣшать не беремъ, но раскольники твердо вѣруютъ въ него, и каждый годъ, 28-го мая, въ день казни Никиты, въ городъ Гжатскъ является масса богомольцевъ-раскольниковъ, чтобы поклониться могилѣ «столпа правовѣрія». Богомольцы эти стекаются сюда не только съ одной Смоленской губерніи, но приходятъ и изъ Москвы, изъ Нижняго, Орла, Стародуба, Костромы,—отовсюду, гдѣ еще сохраняются завѣты древлаго благочестія и царитъ доселѣ двуперстіе и сугубая аллелуія. Богомольцы молятся на могилѣ Никиты, берутъ съ нея землицы «для здоровья», а ночью, какъ говорятъ, служатъ даже здѣсь торжественныя панихиды и стоятъ во время ихъ вокругъ святой могилы съ зажженными свѣчами. Въ прежнее время эти посѣщенія могилы Пустосвята раскольниками доставляли мѣстнымъ властямъ очень удобный случай погрѣть около паломниковъ руки и вытрясти ихъ карманы; въ настоящее же время богомольцевъ уже никто не трогаетъ, и они свободно совершаютъ здѣсь свои моленія. Надъ могилой Никиты и до сихъ поръ стоитъ лишь простой деревянный крестъ, окрашенный въ черную краску съ скромною надписью: «Помани мя, Господи, во царствіи си».

Сообщено Н. А. Добротворскимъ.

С М Ъ С Б.

ИЗЪ ПРЯТЫЕ архива министерства юстиціи. Въ концѣ прошлаго года въ Москвѣ, на Дѣвичьемъ полѣ, состоялась освященіе и открытіе зданія московскаго архива министерства юстиціи. Начатый постройкой еще въ 1884 году, по иниціативѣ Н. В. Калачова, архивъ долженъ былъ открыться къ 15-му мая 1885 года, но, за преждевременной кончиной его основателя, ватянулось перенесеніе документовъ изъ прежняго помѣщенія архива, на Васманной, въ новое. На открытіи управляющій архивомъ министерства юстиціи

прочталь краткую записку объ исторіи архива и его современномъ состояніи. Изъ записки видно, что московскій архивъ долженъ считаться однимъ изъ младшихъ архивовъ въ Россіи, такъ какъ онъ основанъ въ 1852 году. Архивъ этотъ составился изъ пяти прежнихъ архивовъ,—двухъ сенатскихъ и архивовъ—разряднаго, вотчиннаго и старыхъ дѣлъ. Три послѣднихъ архива, въ свою очередь, образовались изъ старыхъ приказовъ и заключали въ себѣ обильныя данныя о порядкѣ государственнаго управленія, отправленія правосудія и правъ: сословныхъ и гражданскихъ въ Россіи, въ XV—XVIII столѣтіяхъ. Эти архивные документы, перемѣщаемые постоянно съ мѣста на мѣсто, то въ кремлевскія и дворцовыя зданія, то въ зданія разныхъ другихъ вѣдомствъ,—особенно сильно пострадали въ 1812 году, во время наполеоновскаго нашествія, когда они были выброшены неприятелемъ въ глубокіе кремлевскіе рвы, и почти наполовину погибли. Въ 1852 году, вышелъ указъ о соединеніи разряднаго архива, вотчиннаго и старыхъ дѣлъ съ двумя сенатскими, въ одинъ общій архивъ, подъ наименованіемъ московскаго архива министерства юстиціи; а въ 1864 году, послѣ изданія судебныхъ уставовъ императора Александра II, повелѣно было всѣмъ судебнымъ мѣстамъ Россійской имперіи присылать свои архивы въ московскій архивъ. Первымъ директоромъ московскаго архива министерства юстиціи назначенъ былъ П. И. Ивановъ, состоявшій въ этой должности съ 1852 по 1864 годъ. Московскій архивъ обязанъ ему приведеніемъ въ порядокъ своихъ бумагъ и первыми попытками къ составленію полнаго каталога, въ видѣ особыхъ сборниковъ и изданій архива. Къ сожалѣнію, широкіе планы П. И. Иванова не могли быть осуществлены за недостаткомъ матеріаль-

ныхъ средствъ и научно подготовленныхъ дѣятелей. Еще шире смотрѣлъ на свою задачу второй директоръ московскаго архива, сенаторъ Н. В. Калачовъ, занимавшій этотъ постъ 21 годъ. Благодаря неусыпнымъ заботамъ Калачова, московскій архивъ успѣлъ обогатиться новыми, безчисленными документами, двумя періодическими изданіями, имѣвшими своей цѣлью ознакомленіе общества съ древними богатствами архива и, — что особенно важно, — новыми учеными сотрудниками, подготовленными подъ непосредственнымъ руководствомъ Калачова. Однако, не всё проекты его успѣли осуществиться. Его мысль — образовать при московскомъ архивѣ институтъ, на подобіе археологическаго института въ Петербургѣ, или археографическую комиссію, не приведена въ исполненіе. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и современное состояніе московскаго архива, съ внутренней стороны, отнюдь нельзя назвать блестящимъ, тѣмъ болѣе, что до настоящаго времени зарегистрирована только четвертая часть всѣхъ документовъ. А между тѣмъ, уже и теперь общая сумма всѣхъ документовъ доходитъ до 2.318,000, не считая того, что подъ именемъ одного документа подчасъ фигурируетъ цѣлая связка въ 100 и болѣе бумагъ. Нынѣшнее управленіе московскимъ архивомъ держится на старыхъ началахъ и состоитъ изъ одного директора, назначеннаго на мѣсто покойнаго Н. В. Калачова, профессора исторіи въ Московскомъ университетѣ, Н. А. Попова, и нѣкоторыхъ чиновниковъ. Новое зданіе московскаго архива — двухъ-этажное, большихъ размѣровъ и очень свѣтлое, что особенно рѣдко встрѣчается, хотя и очень важно, въ библіотекахъ и архивахъ. Верхній этажъ зданія предназначенъ для администраціи, а нижній — собственно для архива. Зданіе московскаго архива устроено съ большими удобствами, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ новѣйшей техники. Оно отличается просторными пролетами, частыми и широкими просвѣтами, подвижными платформами и водянымъ отопленіемъ. Стоимость его — около 300,000 рублей, не считая земли, подаренной городомъ. При архивѣ находится библіотека, для научныхъ справокъ, заключающая въ себѣ до 4,000 томовъ.

Домикъ Петра Великаго въ Саардамѣ. Король нидерландскій Вильгельмъ III поднесъ государю, въ видѣ дара, домикъ Петра Великаго, находящійся въ Голландіи, въ городѣ Саардамѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ Гааги. Домикъ, въ которомъ жилъ, въ бытность свою въ Голландіи, великій преобразователь Россіи, тщательно сохраняется въ своемъ первоначальномъ видѣ и наглядные слѣды трудовой жизни русскаго монарха, и на чужбинѣ, неустанно работавшаго для своего отечества, составляютъ и нынѣ предметъ изумленія многочисленныхъ посѣтителей и обзорвателей любопытнаго историческаго памятника. Собственно домикъ этотъ сооруженъ изъ дерева, но вокругъ, уже значительно позже, когда королевою нидерландскою была русская великая княгиня Анна Павловна, сестра императоровъ Александра I и Николая I, воздвигнута каменное зданіе, въ видѣ футляра, изображающаго внѣшнюю оболочку для бережно сохраняемаго историческаго памятника. Русскій посланникъ при нидерландскомъ дворѣ графа Каннистъ, въ качествѣ представителя Россіи, уполномоченъ официально удостовѣрить приваніе правъ собственности на домикъ Петра Великаго въ Саардамѣ, на основаніи особой царственной записи. Эта послѣдняя, въ силу законовъ и обычаевъ страны, совершена нотаріальнымъ порядкомъ.

Общество любителей древней письменности. Въ послѣднемъ засѣданіи Общества любителей древней письменности, подъ предсѣдательствомъ Д. Ѳ. Кобеко, Н. П. Лихачевъ прочиталъ рефератъ «О разрядныхъ книгахъ», въ которомъ — уяснилъ значеніе этого рода памятниковъ среди другихъ источниковъ отечественной исторіи, предославъ своему изложенію обстоятельное обзорніе какъ существующей по разбираемому вопросу литературы предмета, такъ и сохранившихся текстовъ разрядныхъ записей, указавъ на незаданные еще рукописные ихъ списки. вмѣстѣ съ тѣмъ докладчикъ объ-

яснилъ происхожденіе этихъ записей, которыя велся въ разрядномъ приказѣ, причѣмъ характеръ и кругъ дѣятельности этого государственнаго учрежденія московскаго періода нашей исторіи былъ представленъ имъ съ наглядною полнотой. Въ томъ же засѣданіи И. А. Шляпкинъ сдѣлалъ сообщеніе «О новыхъ данныхъ для исторіи южно-русской письменности начала XVII вѣка». По словамъ докладчика, въ приобретеномъ имъ неполномъ экземплярѣ «Лиеоса» Петра Могила, внутри переплета, вмѣсто досокъ или картона оказались вставленныя и шарфзанныя письма изъ переписки Памвы Берныды и неизвѣстныхъ, повидимому, его однофамильцевъ Луки и Стефана Берныды, львовскаго бургомистра Григорія Мотовилы и друг. Тамъ же, въ переплетѣ, оказалась печатная разрѣшительная грамота Кюнона, архіепископа монемвасійскаго, на славянскіи языкѣ, начала XVII вѣка. По прочтеніи этихъ докладовъ было заявлено, что въ музей Общества поступили приношенія: отъ графа С. Д. Шереметева — новые выпуски роскошно издаваемыхъ «Деталей собора св. Марка» (*Detagli di altari, monumenti, scultura della Basilica di san Marco in Venezia*); отъ архимандрита Амфилохія—его труды «Апокалипсисъ XV вѣка» (Москва, 1886, т. III, ч. I) и «Древле-словенскій карпинскій апостолъ XIII вѣка» (Москва, 1886); отъ Н. А. Ратинскаго — «Алкоранъ о Магометѣ», переводъ князя Дмитрія Кантемира (СПб., 1716); отъ А. Ф. Селиванова—двѣ старинныхъ церковныхъ рукописи съ крюковыми нотами; отъ М. А. Гамазова—его рукописныя замѣтки «Notes d'un voyageur. Asie-mineure, Mesopotamie. Perse. 1848—1852».

Археологическій съѣздъ въ Ярославѣ. Программа VII археологическаго съѣзда въ Ярославѣ въ настоящее время окончательно выработана и утверждена. Созвать съѣздъ разрѣшено на 6 августа нынѣшняго года. Одновременно со съѣздомъ въ Ярославѣ будетъ устроена археологическая выставка. Рѣшено образоватъ восемь самостоятельныхъ отдѣловъ: древности первобытныя, историческія, географическія и этнографическія; русскіе памятники художествъ; русскій бытъ—домашній и общественный; памятники церковныя, славяно-русскаго языка и письма; древности классическія, славяно-византійскія и западно-европейскія и восточныя языческія.

Древнее кладбище. Въ окрестностяхъ Симферополя открыто древнее кладбище. Каждая могила представляетъ родъ каменнаго ящика, устроеннаго слѣдующимъ образомъ: четыре каменные плиты впушены въ землю на полтора аршина до каменнаго грунта. Сверху могила прикрывалась каменной глыбой, пудовъ въ 200. При раскопкѣ могилъ найдены сначала кости овецъ, а потомъ человѣческіе скелеты. Очевидно, баранъ или овца приносились въ жертву надъ трупомъ человѣка. Ни одного скелета, ни одного черепа въ цѣломъ видѣ не найдено: они всѣ рассыпались отъ прикосновенія. Земля въ могилахъ была простѣяна, и результатомъ получились слѣдующія интересныя находки: каменный наконечникъ стрѣлы, бронзовый наконечникъ стрѣлы, стеклянныя бусы синяго цвѣта, нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ пирамидальную форму, янтарныя бусы, украшенія изъ такъ называемаго египетскаго тѣста и мѣдное кольцо. Всѣ данныя говорятъ, что это могилы скинскаго племени.

Находки въ Варшавѣ. Въ настоящее время лица, занятыя земляными работами по устройству въ городѣ Варшавѣ канализаціи, находятъ массу археологическихъ предметовъ. Варшавскій магистратъ, въ виду массы находокъ, обратился къ извѣстному польскому археологу Тадеушу Довгирду съ просьбой взять на себя трудъ организаціи городского археологическаго музея вещей найденныхъ въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ. Въ числѣ найденныхъ предметовъ обращаютъ на себя вниманіе десять очень оригинальной формы и величины подковъ (найденныя въ мѣстности Новый Свѣтъ), нѣсколько мечей и монетъ, относящихся къ царствованію Яна Казимира. Подковы же, по мнѣнію г. Довгирда, относятся къ началу XVI вѣка. Въ числѣ золотыхъ

монеты попадаются довольно рѣдкія монеты Стефана Ваторія, очень цѣнныя поляками.

Татарскія монеты. Татары деревни Средней Елзовани, Кузнечнаго уѣзда, Саратовской губерніи въ числѣ 4 человекъ, производя чистку лѣса и вырывая оставшіеся на порубку пни для распахки подъ посѣвы, наткнулись на толстый глиняный горшокъ съ двумя ручками съ массой мелкой татарской серебряной монеты, вѣсомъ около пуда; ея оказалось такое множество, что, еще нѣкоторое время спустя послѣ этой находки, дѣти мѣстныхъ татаръ ходили на это мѣсто и собирали остатки рассыпавшагося клада. Счастливицы успѣли продать его серебряникамъ города Пензы въ ломъ на сумму около 1,000 рублей. Всѣ монеты этого клада одного вѣса ($\frac{2}{3}$ золотн.) и отпущены изъ кусковъ весьма чистаго серебра, вполнѣ сохранившаго свой блескъ; одні изъ нихъ совершенно новыя, другія же отъ употребленія очень потерты. Мѣстные муллы прочли на нихъ имена султановъ Мухаметъ Урбазана, Милибекъ-хана, Абубекеръ-хана и проч. и годы: 722, 756, 761 гиждры (1320, 1354, 1359) и на нѣкоторыхъ изъ нихъ суннитскій символъ («Нѣтъ Бога, кромѣ Бога» и т. д.).

† 2-го декабря, скоропостижно писатель Дмитрій Константиновичъ Гирсъ. Онъ родился въ 1836 г. въ Таганрогѣ, гдѣ отецъ его былъ начальникомъ карантинна. Семи лѣтъ его отвезли въ Петербургъ, гдѣ помѣстили въ кадетскій корпусъ. Выпущенный въ пятидесятыхъ годахъ въ офицеры въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, онъ вскорѣ переведенъ былъ въ саперы, а затѣмъ поступилъ въ академію генеральнаго штаба, но ранѣе окончанія курса вышелъ въ отставку и до послѣдняго времени занимался исключительно литературой. Первые свои рассказы Дмитрій Константиновичъ писалъ, находясь еще въ военной службѣ. Онъ помѣщалъ ихъ подъ псевдонимомъ Константинова въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Выйдя въ шестидесятыхъ годахъ въ отставку, онъ работалъ болѣе года въ «Недѣлѣ», но литературное имя составилъ ему его романъ «Старая и Юная Россія», появившійся въ «Отечественныхъ Запискахъ» и обратившій на себя всеобщее вниманіе. Въ этомъ же журналѣ онъ помѣстилъ и нѣкоторые изъ своихъ рассказовъ изъ «Военнаго быта». Во время сербской войны Д. К. отправленъ былъ корреспондентомъ отъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и до паденія Дьонина находился при арміи г. Черняева; его корреспонденціи считались въ то время одними изъ лучшихъ. Въ послѣднюю восточную войну онъ былъ специальнымъ корреспондентомъ «Сѣвернаго Вѣстника». Въ 1878 г. Гирсъ началъ издавать большую литературно-политическую газету «Русская Правда», имѣвшую одно время нѣкоторый успѣхъ. По независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, онъ вынужденъ былъ прекратить изданіе. Послѣ того имя его одно время еще разъ обратило на себя вниманіе, когда имъ помѣщенъ былъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» рассказъ: «Изъ записокъ нотаріальнаго писца», одно изъ талантливѣйшихъ его произведеній. Нѣкоторые рассказы Гирса напечатаны были въ «Русской Мысли» и «Новомъ Времени». Гирсъ почти никогда не хворалъ и на видъ былъ очень здоровъ. Только иногда жаловался на сердце. Болѣзнь сердца и свела его въ могилу.

† Въ ночь на 10-е ноября въ Варшавѣ профессоръ русской исторіи и деканъ историко-филологическаго факультета Алексій Ивановичъ Нинитскій. Покойный приглашенъ былъ Варшавскимъ университетомъ на кафедру русской исторіи въ октябрѣ 1873 году, за переходомъ, также уже умершаго, профессора Н. Я. Аристова въ Харьковскій университетъ. Рядомъ съ чтеніемъ лекцій покойный до послѣднихъ дней жизни не переставалъ заниматься учеными изслѣдованіями, результатомъ которыхъ былъ, между прочимъ, капитальный трудъ его: «Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ», доставившій ему степень доктора русской исторіи отъ Петербургскаго университета. Но усиленные кабинетныя занятія начали

подтачивать мало-по-малу слабый организмъ покойнаго, а въ маѣ настоящаго года здоровье его на столько ухудшилось, что онъ не могъ уже вести обычные экзамены студентамъ и долженъ былъ отправиться въ Крымъ, чтобы запасть силами для поѣздки на зиму въ Алжиръ. Но поѣздка въ Крымъ не принесла желанныхъ результатовъ. А. И. Никитскій родился 25-го января 1842 г. въ г. Череповцѣ, Новгородской губерніи.

† 11-го ноября, въ Ригѣ Михаилъ Абрамовичъ Филипповъ, на 53-мъ году. Покойный почти всю свою дѣятельность посвятилъ литературѣ. Онъ началъ литературную карьеру въ «Современникѣ» рядомъ статей по юридическимъ вопросамъ и повѣстью обличительнаго характера о гражданскихъ законахъ. Въ эпоху судебной реформы Филипповъ представилъ нѣсколько проектовъ относительно мирового института, вошедшихъ въ составъ работъ комиссіи. Въ то же время имъ былъ написанъ романъ «Скорбящіе», изданный въ свѣтъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, но невѣстный изъ обращенія. Въ 1875 г. Филипповъ кончилъ свой капитальный трудъ въ 2-хъ томахъ подъ заглавіемъ «Судебная реформа въ Россіи». Покойный написалъ множество статей и фельетоновъ, помѣщенныхъ въ газетахъ «Новости», «Петербургскія Вѣдомости», «Свѣтъ», «Новое Время» и др. Въ 1885 г. имъ изданъ историческій романъ «Патріархъ Никонъ». Въ восьмидесятыхъ годахъ издавалъ журналъ «Вѣкъ». Кроме того, въ шестидесятыхъ годахъ имъ помѣщенъ рядъ статей въ «Русскомъ Словѣ» г. Благосвѣтлова, а въ 1872 г. появилась въ «Отечественныхъ Запискахъ» его статья «О литературной собственности». Последніе годы Филипповъ посвящалъ преимущественно отечественной исторіи и писалъ исторію Россіи со времени Елисаветы Петровны и до нашихъ дней.

† Въ концѣ прошлаго года, бывшій начальникъ гидрографической экспедиціи Балтійскаго моря, капитанъ 1-го ранга Евгенийъ Васильевичъ Березинъ. Покойный принадлежалъ къ выдающимся дѣятелямъ нашего морского вѣдомства, и имя его пользуется явѣнностью въ морской литературѣ. Окончивъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ, Березинъ поступилъ во флотъ въ 1854 году и произведенъ въ мичмана. Въ 1857 году отправился въ кругосвѣтное плаваніе на клиперѣ «Пластунъ» и оказался въ числѣ немногихъ счастливыхъ, спасшихся при врывѣ на воздухъ клипера при возвращеніи въ Кронштадтъ въ 1860 году. Въ 1862 году Е. В. Березинъ командовалъ лодкою «Лукъ». Затѣмъ послѣдовательно командовалъ лодками «Марево» и «Прибой», на которыхъ производилъ изслѣдованіе шхеръ въ Финскомъ заливѣ. По окончаніи кампаніи этихъ лодокъ покойный читалъ въ морскомъ училищѣ лекціи по военно-морской исторіи и морской тактикѣ. Въ 1874 г. Е. В. Березинъ былъ назначенъ начальникомъ съемки и въ его распоряженіе поступилъ отрядъ изъ десяти канонерскихъ лодокъ. Изъ сочиненій покойнаго наибольшую популярность пользуются слѣдующія: «Морская практика», «Морская походная книжка», «Опытъ морской тактики» и «Краткая военно-морская исторія».

† 22-го ноября въ Цюрихѣ знаменитый историкъ литературы и культуры Юганъ Шерръ, съ 1860 года профессоръ этихъ наукъ въ Цюрихскомъ университетѣ. Онъ родился 3-го октября 1817 г. въ Гогенрехбергѣ (въ Вюртембергѣ), учился въ Цюрихѣ и въ Тюбингенѣ, потомъ долго учительствовалъ въ Швейцаріи, откуда переселился въ Штутгартъ, въ 1843 г. и на слѣдующій годъ, съ выходомъ въ свѣтъ перваго своего замѣчательнаго сочиненія «Вюртембергъ въ 1844 году», попалъ въ водоворотъ политической жизни. Событія 1848 года втянули его еще болѣе въ эту пучину; онъ избранъ былъ въ депутаты и въ 1849 г., послѣ распушенія вюртембергской палаты, только бѣгствомъ въ Швейцарію спасся отъ угрожавшаго ему ареста; тамъ онъ нашелъ второе отечество. Изъ его многочисленныхъ сочиненій въ особенности замѣчательны: «Исторія литературы», «Исторія нѣмецкихъ жен-

щия», «Шиллеръ и его время», «Трагикомедія человѣческой исторіи» и «Германія». Последнему сочиненію германскіе критики придаютъ особенно большую цѣну. Громадное количество его сочиненій касается всѣхъ отраслей публицистической дѣятельности; онъ написалъ множество какъ беллетристическихъ произведеній: романовъ, правоописательныхъ очерковъ, повѣстей, сатиръ и т. п., такъ и политическихъ, литературныхъ и культурныхъ очерковъ и цѣлыхъ изслѣдованій, на литературную отдѣлку которыхъ онъ не любилъ тратить много времени; но нельзя не согласиться, что, даже при описаніи самыхъ грубыхъ, возмущающихъ сценъ изъ исторіи культуры, у него всегда въ основаніи лежала глубоко-нравственная серьезность и добросовѣстность. Шерръ былъ необыкновенно энергиченъ, какъ въ дѣлахъ своихъ, такъ и въ выраженіяхъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые критики называли его «Kraftmensch». Только вполне развитой читатель можетъ извлечь дѣйствительную пользу изъ его сочиненій.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Портретъ А. Д. Ланскаго.

Александръ Дмитріевичъ Ланской блеснулъ мимолетнымъ метеоромъ среди Екатерининскаго двора. Онъ обладалъ всѣми данными, чтобы достигнуть высшихъ степеней почести и власти, доступныхъ подданному; но неумолимая смерть неожиданно скосила его молодую жизнь въ ту минуту, когда передъ нимъ раскрывалась самая свѣтлая будущность.

Сынъ армейскаго капитана, Ланской родился въ Смоленскѣ, въ 1758 году и началъ службу въ Кавалергардскомъ полку. Своей красивой наружностью обративъ на себя вниманіе Потемкина, онъ былъ взятъ послѣднимъ въ 1779 году въ адъютанты и представленъ ко двору. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Ланской дѣлается уже близкимъ человѣкомъ къ Екатеринѣ, получаетъ чинъ генералъ-майора и званіе камергера, поселяется въ Зимнемъ дворцѣ, производится вслѣдъ за тѣмъ въ генералъ-поручики и генералъ-адъютанты и ему жалуются орденъ св. Александра Невскаго, имѣніе стоимостью въ пол-миліона рублей и два дома въ Петербургѣ.

По отзывамъ современниковъ, Ланской былъ высокаго роста, статнаго, мужественнаго сложенія, имѣлъ правильныя черты и прекрасный цвѣтъ лица, блестящіе глаза, и отличался ровнымъ, спокойнымъ характеромъ, природнымъ умомъ и хорошими способностями. Императрица искренно привязалась къ своему двадцати-трехлѣтнему фавориту, съ увлеченіемъ занялась его умственнымъ и художественнымъ образованіемъ и поемному началу уже посвящать его въ политику и дѣла государственнаго управленія; но 19-го іюня 1784 года Ланской заболѣлъ горячкою, которая, не смотря на всѣ старанія врачей, черезъ недѣлю свела его въ могилу.

Екатерина была безутѣшна отъ понесенной ею потери; глубокая, неподдѣльная скорбь видна въ слѣдующемъ ея письмѣ къ Гримму, писанномъ вскорѣ послѣ смерти Ланскаго:

«Я была счастлива, и мнѣ было весело, и дни мои проходили такъ быстро, что я не знала, куда они дѣваются. Теперь не то: я погружена въ глубокую скорбь; моего счастья не стало. Я думала, что сама не переживу невозна-

градимой потери моего лучшаго друга, постигшей меня недѣлю тому назадъ. Я надѣялась, что онъ будетъ опорой моей старости; онъ усердно трудился надъ своимъ образованіемъ, дѣлалъ успѣхи, усвоилъ себѣ мои вкусы. Это былъ юноша, котораго я воспитывала, признательный, съ мягкой душой, раздѣлявшій мои огорченія, когда они случались, и радовавшійся моимъ радостямъ. Словомъ, я имѣю несчастіе писать вамъ, рыдая. Генерала Ланскаго нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Злокачественная горячка, въ соединеніи съ жабой, свела его въ могилу въ пять сутокъ, и моя комната, въ которой мнѣ прежде было такъ пріятно, превратилась въ пустыню. Наканунѣ его смерти я съвѣтила горловую болѣзнь и жестокою лихорадку; однако, со вчерашняго дня я встала съ постели, но слаба и до такой степени болѣзненно разстроена въ настоящее время, что не въ состояніи видѣть человѣческаго лица безъ того, чтобы не разрыдаться и не захлебнуться слезами. Не могу ни спать, ни ѣсть; чтеніе нагоняетъ на меня тоску, а писать я не въ силахъ. Не знаю, что будетъ со мной; знаю только, что никогда въ жизни я не была такъ несчастлива, какъ съ тѣхъ поръ, какъ мой лучшій и дорогой другъ покинулъ меня.

До настоящаго времени былъ извѣстенъ только одинъ портретъ Ланскаго, писанный Левицкимъ и съ котораго сдѣлана прекрасная гравюра Валькеромъ. Недавно отыскался еще другой портретъ, — миниатюра, рисованная съ натуры на фарфорѣ извѣстнымъ живописцемъ де-Мейсомъ. Миниатюра эта принадлежитъ Н. П. Шалфѣву, любезно разрѣшившему намъ воспроизвести съ нея гравированную копію работы Папемакера. Подъ миниатюрой находится слѣдующее французское четверостишіе:

«Gai, honnête, obligeant, sensible et généreux,
N'ayant d'ambition que le désir de plaire,
Sans parler d'esprit, voila le caractère
De l'aimable Lanskoj que je trace à vos yeux».

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ объявленіяхъ объ изданіи «Историческаго Вѣстника» въ 1887 году было заявлено, что въ приложеніи къ журналу будутъ печататься «Записки Сергѣя Николаевича Глинки». Право изданія этихъ «Записокъ» пріобрѣтено редакціей отъ сына его, Ѳедора Сергѣевича Глинки, и по нашей просьбѣ «Записки» были окончательно приготовлены къ печати А. О. Круглымъ. Мы уже приступили къ ихъ набору, когда получили увѣдомленіе, что послѣ покойнаго С. Н. Глинки, кромѣ сына его, находятся въ живыхъ еще другіе родственники, которые также предъявили свои права на «Записки». Вслѣдствіе этого, впредь до разъясненія недоразумѣній, возникшихъ между Ѳ. С. Глинкой и его родными, мы вынуждены пріостановиться печатаніемъ «Записокъ» и даемъ, вмѣсто нихъ, въ приложеніи историческій романъ извѣстнаго нѣмецкаго писателя Генриха Кенига, подъ заглавіемъ «Карнавалъ короля Геронима».

КАРНАВАЛЬ КОРОЛЯ ІЕРОНИМА

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

Г. КЕНИГА

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ПРИЛОЖЕНІЕ
къ
«ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

1887

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Студентъ изъ Галле.

ВЪ ЯСНЫЙ, весенній вечеръ, молодой путникъ достигъ цѣли своего многодневнаго странствованія. Передъ нимъ видѣлся городъ, раскинутый на восточномъ склонѣ лѣсистыхъ горъ и окаймленный живописной рѣчной долиной. Хотя для полноты картины не доставало древнихъ церковныхъ башенъ, но тѣмъ величественнѣе казались вершины ближайшихъ горъ; на самой высокой изъ нихъ рельефно обрисовывались въ яркомъ освѣщеніи солнечнаго заката темныя очертанія гигантскаго памятника.

Усталый путникъ невольно выпрямился и ускорилъ шаги. Навстрѣчу ему неслись торжественные звуки тяжелаго вечерняго колокола; онъ вспомнилъ церковь и приходскій домъ своего отца и почувствовалъ тяжесть на сердцѣ, какую не испытывалъ во время всей дороги. Но впечатлѣніе это разсѣялось, по мѣрѣ приближенія къ городу; взглядъ его задумчиво перебѣгалъ отъ зеленыхъ луговъ на сосѣдніе холмы и деревни. Все чаще попадались ему пѣшеходы, всадники и экипажи съ сидѣвшими въ нихъ мужчинами и веселыми, нарядными дамами. Онъ мысленно спрашивалъ себя: «Кто это? Завяжутся ли между ними и мною какія либо отношенія?.. Удастся ли мнѣ имѣть успѣхъ въ этомъ обществѣ, приобрѣсти любовь и дружбу?»...

При этомъ прекрасные каріе глаза юноши блестяли отъ нетерпѣливаго ожиданія; по лицу пробѣгала улыбка. Миновавъ длинное зданіе лазарета и небольшую церковь съ пристройками, онъ достигъ ряда однообразно построенныхъ домовъ, обшитыхъ тесомъ, которые имѣли видъ шинковъ или извозчичьихъ дворовъ. Въ одномъ изъ нихъ на двухъ звонкихъ инструментахъ наигрывали вальсъ и по двору, взадъ и впередъ, сновали солдаты и дѣвушки, а между ивами еще веселѣе кружились рой комаровъ въ лучахъ вечерняго солнца.

Подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и хорошей погоды, молодой путникъ дошелъ до городскихъ воротъ. Офицеръ, бывшій при караулѣ, которому онъ долженъ былъ заявить о себѣ, смѣрилъ его съ ногъ до головы благосклоннымъ взглядомъ.

— Этотъ студентъ годился бы въ гвардію!—замѣтилъ онъ стоявшему воалѣ него капралу.

Дѣйствительно, прибывшій юноша обращалъ на себя общее вниманіе публики не столько студенческимъ платьемъ, палкой и котомкой за плечами, сколько своимъ высокимъ ростомъ и широкоплечей фигурой.

Проходившая мимо красивая женщина, въ яркомъ и довольно странномъ нарядѣ, такъ ласково взглянула на него, что онъ рѣшился спросить ее:

— Гдѣ гостинница «Лондонъ»?

Она тотчасъ же предложила ему указать дорогу и добѣрчиво пошла рядомъ съ нимъ. Когда они вступили на мостъ и юноша сталъ оглядываться по сторонамъ, услужливая незнакомка сказала:

— Вы видите этотъ старый замокъ! Тутъ живетъ нашъ молодой король Геронимъ, или Жеромъ. А этотъ большой паркъ у рѣки Фульды зовутъ Ауэ; вы часто будете прогуливаться въ немъ... А вотъ здѣсь, направо, мрачное зданіе, остерегайтесь его! Это крѣпость. Вы можете легко попасть сюда, а жить въ этихъ ямахъ—не приведи Богъ! особенно въ нижнемъ этажѣ...

Юноша съ испугомъ взглянулъ на свою собесѣдницу.

— Развѣ вы занимаетесь пророчествомъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—возразила она со смѣхомъ:—тогда я, наоборотъ, предсказала бы вамъ много счастья... Не правда ли, Кассель производитъ на васъ пріятное впечатлѣніе?

— Да, очень! Здѣсь, кажется, люди живутъ весело, авось и мнѣ будетъ недурно. Первые пріятныя встрѣчи на новомъ мѣстѣ принимаю я охотно за хорошія предзнаменованія, исключая, разумѣется, крѣпости...

Въ это время они проходили площадь по другую сторону моста, и молодой человѣкъ все внимательнѣе прислушивался къ звучному голосу своей словоохотливой спутницы, который даже больше нравился ему, нежели ея наружность. Но тутъ къ нимъ подошелъ че-

ловѣкъ въ статскомъ платьѣ, съ большой треугольной шляпой на головѣ, и послѣдовалъ за ними въ Жидовскую улицу.

Немного погодя, онъ прикоснулся рукой къ плечу женщины и спросилъ ее вполголоса:

— Куда это вы идете, мамзель Ленхенъ? Да еще съ такимъ хорошимъ призомъ!

Та, къ которой были обращены эти слова, бросила смущенный взглядъ на молодого человѣка, но тотчасъ же овладѣла собой и сказала громко:

— Пожалуйста, оставьте ваши шутки, г. комиссаръ, я не знаю, о какихъ призахъ вы говорите!

— Недурно! — возразилъ комиссаръ, стараясь придать видъ улыбки своему мѣдно-красному лицу и вынимая изъ кармана табакерку, причемъ обнаружилась украшавшая его серебряная бляха.

— Этотъ господинъ просилъ меня указать ему гостинницу «Лондонъ»... Идите за мной, — добавила она, обращаясь къ молодому человѣку: — это совсѣмъ близко! — и ускорила шаги, чтобы избавиться отъ комиссара.

— Потихе, Ленхенъ, — сказалъ тотъ съ усмѣшкой, останавливая ее за руку: — предоставьте мнѣ оказывать днемъ услуги прохожимъ. Ступайте прочь и торчите у воротъ дома, гдѣ вамъ дозволено заниматься вашимъ ремесломъ. Господинъ пройдетъ мимо и будетъ знать, гдѣ вы живете. Вы всегда забываете, что не должны заговаривать съ прохожими... Помните также, что вы обязаны тотчасъ же ретироваться, по приказу любого изъ насъ...

Молодой человѣкъ не дослушалъ конца этого двусмысленнаго разговора и, послѣдно пройдя впередъ, обратился къ проходившему мимо горожанину съ вопросомъ о гостинницѣ. Но комиссаръ нагналъ его:

— Пойдемте, милостивый государь, — сказалъ онъ: — я проведу васъ самой близкой дорогой. Я желалъ бы знать, почему выбрали вы такую отдаленную гостинницу...

— Мнѣ рекомендовали ее въ Галле.

— А, такъ вы изъ Галле? Гмъ... Этотъ городъ нѣкогда принадлежалъ Пруссiи.

— Сюда же, я хочу сказать, въ гостинницу «Лондонъ» адресованъ мой кофръ.

— Кофръ! Значитъ, вы намѣрены прожить здѣсь нѣкоторое время! Вѣроятно, у васъ есть и рекомендательныя письма...

Испытующій взглядъ, нахальный тонъ и вся наружность комиссара не понравились путешественнику. Не отвѣчая на его вопросы, онъ пошелъ быстрѣе по узкой, покатою улицѣ, выходящей на небольшую, оживленную площадь.

— Это Бринкъ, — замѣтилъ комиссаръ болѣе учтивымъ тономъ: — а этотъ красивый угловой домъ — гостинница «Лондонъ».

Молодой человѣкъ поблагодарилъ комиссара, который простился съ нимъ со словами: «До свиданія!..», а затѣмъ, глядя ему вслѣдъ, пробормоталъ сквозь зубы:

— Прусскій шпіонъ! Видна птица по полету! Гостинница «Лондонъ» — главное гнѣздо приверженцевъ стараго курфирста... Не слѣдуетъ упускать этого молодца изъ виду!

Путешественника встрѣтилъ приличный на видъ господинъ съ спокойными и вѣжливыми безъ утрировки манерами.

— Я хозяинъ гостинницы, Керштингъ, — представился онъ новоприбывшему.

— А вотъ и мой кофръ! — воскликнулъ молодой человѣкъ, прерывая его.

— Значить, вы г. докторъ Германъ Тейтлебенъ? Милости просимъ. Вашъ багажъ привезенъ сегодня утромъ. Идите за мною! Маттей, внеси вещи!

Хозяинъ повелъ молодаго человѣка по лѣстницѣ и открылъ ему дверь въ уютную комнату, выходящую окнами на улицу Паули, а затѣмъ, когда всѣ вещи были внесены, учтиво простился съ нимъ.

Германъ опустился на кожаное кресло и, протянувъ усталыя ноги, предался пріятному чувству отдыха послѣ благополучно оконченнаго путешествія. Шумъ и смѣхъ, которые слышались у стараго колодца на площади, еще болѣе способствовали его спокойному настроенію духа, но, когда вслѣдъ затѣмъ раздались по соседству звуки кларнета и онъ узналъ мелодію знакомой пѣсни «Брентано»:

«Komm'heraus, komm'heraus, o! du, schöne Braut!
Deine guten Tage sind nun alle, alle aus...»¹⁾

Онъ вскочилъ на ноги. Усталость была забыта; ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ запѣлъ въ тактъ кларнета сильнымъ, чистымъ баритономъ свою любимую пѣсню; лицо его сдѣлалось задумчивымъ. Ваволнованное сердце уже не давало ему наслаждаться покоемъ; онъ открылъ кофръ и, вынувъ верхнее платье, наскоро переодѣлся, чтобы въ сумеркахъ побродить по улицамъ города, который привлекалъ его своей своеобразной суетливой жизнью.

Сходя съ лѣстницы, онъ встрѣтилъ Керштинга, который казался вездѣсущимъ въ своей гостинницѣ.

— Вы уходите, г. докторъ, — спросилъ онъ: — могу ли я сказать вамъ нѣсколько словъ?

¹⁾ Выходи о ты, прекрасная невѣста,
Прощи для тебя всѣ хорошіе дни...

Онъ повелъ Германа черезъ пріемную въ отдаленную комнату, подвинулъ ему стулъ и сѣлъ воелѣ него.

— Вмѣстѣ съ вашими вещами, я получилъ письмо отъ г. пастора, вашего отца, — торопливо началъ хозяинъ: — онъ просить меня, при случаѣ, оказать вамъ помощь совѣтомъ и дѣломъ. Одинъ изъ служившихъ здѣсь чиновниковъ, переведенный въ Галле, познакомилъ меня заочно съ вашимъ отцомъ, что, вѣроятно, и побудило его удостоить меня такимъ лестнымъ довѣріемъ. Поэтому вы не должны удивляться, г. докторъ, если подчасъ я позволю себѣ вмѣшиваться въ ваши дѣла. Въ нашемъ французско-нѣмецкомъ городѣ много соблазновъ для молодаго образованнаго человѣка, но будьте осторожны. Французскіе шпіоны шныряютъ по городу, и вы встрѣтите ихъ тамъ, гдѣ всего менѣе можно ожидать этого. Когда вы будете писать къ родителямъ, то знайте заранее, что письма ваши будутъ вскрыты на почтѣ. Я не знаю, какъ вы относитесь къ Наполеону I и вообще къ французамъ, и что думаете о нашемъ королѣ Жеромѣ, но берегитесь чѣмъ либо выразить свое несочувствіе. Не довѣряйте также нѣмецко-патріотическимъ рѣчамъ незнакомыхъ вамъ людей. Считаю, кромѣ того, своимъ долгомъ предупредить васъ, какъ молодаго человѣка, и, вдобавокъ, привлекательной наружности, что немало женщинъ служатъ въ тайной полиціи. Вотъ вы, г. докторъ, желаете получить мѣсто домашняго учителя или воспитателя въ знатномъ домѣ. Что сказать вамъ по поводу этого! Наши знатныя дамы легко смотрятъ на жизнь: любовныя интриги замѣняютъ имъ вязанье; тутъ предстоятъ вамъ опасности инаго рода. Все это говорю я въ общихъ чертахъ. Но, что бы ни случилось съ вами, знайте, что вы всегда найдете во мнѣ искренно-расположеннаго къ вамъ человѣка, готоваго во всякое время служить вамъ!

Съ этими словами Керштингъ всталъ и протянулъ руку молодому человѣку.

Германъ съ живостью пожалъ ее и обѣщаль быть осторожнымъ. Нарисованная передъ нимъ картина кассельской жизни навела на него раздумье; онъ вернулся въ свою комнату. Ближайшее будущее представлялось ему въ самыхъ мрачныхъ краскахъ; онъ слишкомъ хорошо зналъ самого себя, чтобы особенно надѣяться на собственную осмотрительность. Наступавшія сумерки набросили свою тѣнь на эти неопредѣленные опасенія и еще болѣе усилили ихъ. Онъ потребовалъ свѣчей, началъ раскладывать вещи и, между прочимъ, вынулъ нѣсколько привезенныхъ съ собою книгъ. Это были сочиненія: Гёте и Фихте, Шеллинга, Тика и Новалиса, Но ни поэзія, ни наука не находили въ немъ отголоска при его теперешнемъ настроеніи духа; наконецъ, усталость взяла свое и благодатный сонъ разсѣялъ овладѣвшія имъ тяжелыя сомнѣнія, навѣяныя словами почтеннаго хозяина гостинницы.

II.

Собака и комиссарская шляпа.

На слѣдующее утро Германъ проснулся въ самомъ радужномъ настроеніи духа; прежняя беззаботность вернулась къ нему. За завтракомъ онъ мысленно распредѣлялъ, что долженъ сдѣлать въ этотъ день и, такъ какъ не предполагалъ долго оставаться въ гостинницѣ, то рѣшилъ прежде всего отнести рекомендательное письмо къ господину, который могъ доставить ему подходящее мѣсто и дать совѣтъ, какъ устроиться наиболѣе экономнымъ способомъ. Подобно большинству неопытныхъ юношей, онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ готовности даже незнакомыхъ людей помогать ему во всѣхъ отношеніяхъ, а тѣмъ болѣе въ его стремленіи къ дѣятельности и въ желаніи выйдти на видную дорогу.

Германъ мечталъ заранѣе, какъ ему предложить, въ ожиданіи чего либо лучшаго, учительское мѣсто въ какомъ нибудь знатномъ французскомъ или нѣмецкомъ семействѣ, куда онъ тотчасъ же переселится изъ гостинницы. Между тѣмъ, въ этомъ не было особенной крайности, потому что родители его были не бѣдные люди; также трудно сказать, что собственно побуждало его стремиться къ учительству. Нельзя сказать, чтобы онъ особенно кичился своими многосторонними знаніями или рассчитывалъ на свою привлекательную наружность; онъ занимался ею только въ той мѣрѣ, на сколько требовала этого привычка являться въ обществѣ въ приличномъ видѣ.

Едва успѣлъ онъ окончить свой туалетъ, какъ послышался сильный стулъ въ дверь, и въ комнату вошелъ вчерашній комиссаръ въ треугольной шляпѣ. Онъ уже успѣлъ слегка выпить, и его обычное испытующее выраженіе лица замѣнилось надменнымъ чиновничьимъ видомъ, который показался еще непріятнѣе Герману.

— Я полицейскій комиссаръ, — заявилъ онъ: — и прошу дать мнѣ вашъ паспортъ.

— Паспортъ? — повторилъ Германъ: — по какому поводу? Развѣ вы успѣли занести меня въ списокъ пріѣзжихъ?

— Мнѣ извѣстно о вашемъ прибытіи еще со вчерашняго вечера, — грубо замѣтилъ комиссаръ Штейнбахъ.

— Значить, вы явились сюда по собственной инициативѣ, — сказала молодой человекъ, вставая съ мѣста, чтобы достать портфель: — вамъ также должно быть извѣстно, что я изъ Галле и, какъ вестфальскій подданный, не нуждаюсь въ паспортѣ. Вотъ видъ, который мнѣ выдали на родинѣ.

Съ этими словами онъ вынулъ изъ портфеля толстое письмо и положилъ на столъ, затѣмъ подалъ свой видъ комиссару; но этотъ

не взявъ его и, быстро схвативъ письмо, повернулъ его на обѣ стороны, прочиталъ адресъ и воскликнулъ:

— Запечатано! Знаете ли вы, милостивый государь, что вамъ придется заплатить 50 дукатовъ штрафа?

Только теперь вспомнилъ Германъ, что еще въ Галле его предупреждали относительно этого, но онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы скрыть свое смущеніе, и холодно замѣтилъ, что это не болѣе, какъ рекомендательное письмо.

— Что же изъ этого? — возразилъ Штейнбахъ: — если бы въ письмѣ было только написано: «Здравствуйте! Радъ, что вы хорошо провели ночь!» или «Приглашаю васъ на чашку кофе», то, всетаки, оно стоитъ 50 дукатовъ, потому что пришло сюда запечатаннымъ, не по почтѣ, и я обязанъ вручить его генераль-директору высшей полиціи Легра-де-Верканьи.

— Вы должны мнѣ его возвратить! — воскликнулъ Германъ, вспомнивъ, что его настоятельно просили отдать лично письмо въ виду его содержанія.

Но такъ какъ полицейскій, вмѣсто отвѣта, засунулъ письмо между жилетомъ и скуртукомъ, который застегнулъ на всѣ пуговицы, то Германъ схватилъ его за руку съ намѣреніемъ отнять у него пакетъ силою.

— А теперь я велю арестовать васъ! — закричалъ Штейнбахъ: — вы нанесли мнѣ оскорбленіе во время исполненія моей должности. Понимаете ли вы это?

Эти слова озадачили Германа. — Прошу извинить меня, г. комиссаръ, — сказалъ онъ: — возьмите мой видъ и возвратите письмо; я совершенно неопытенъ въ подобныхъ вещахъ и буду вамъ очень благодаренъ...

Одну минуту Штейнбахъ вопросительно посмотрѣлъ на него, но такъ какъ никакой вещественной благодарности не послѣдовало, то онъ воскликнулъ:

— Какъ! Вы хотите меня подкупить! Я доложу объ этомъ начальству. За кого принимаете вы меня?.. Такого рода оскорбленія, которыя... — кричалъ Штейнбахъ, размахивая руками.

Но, такъ какъ Германъ, очевидно, не догадывался въ чемъ дѣло, то комиссаръ нахлобучилъ свою треуголку на голову и грозно произнесъ:

— Вы вспомните обо мнѣ, милостивый государь! Будете знать, какъ обращаться съ людьми... Вы!..

— А вы убирайтесь къ чорту! — крикнулъ Германъ, открывая дверь въ корридоръ: — вы можете тамъ надѣть свою шляпу!

Съ этими словами Германъ сбилъ рукой съ головы своего противника раздражавшую его треуголку, которая тотчасъ же сдѣлалась добычей ховяйской собаки.

— Что это значитъ?—спросилъ Керштингъ, который слышалъ все происходившее изъ сосѣдней комнаты и теперь загородилъ собой дорогу разсвирѣпѣвшему комиссару, между тѣмъ какъ собака, въ свою очередь, бросивъ шляпу, кинулась на него съ громкимъ лаемъ и стала теребить за фалды сюртука. Штейнбахъ съ проклятіемъ оттолкнулъ ее и началъ поворачиваться изъ стороны въ сторону, чтобы высвободить свое платье изъ острыхъ зубовъ шпица. Въ это время толстое письмо, заложненное за сюртукъ, незамѣтно соскользнуло на полъ; Керштингъ быстро откинулъ его ногой подъ тяжелый платяной шкафъ, а затѣмъ, отогнавъ собаку, поднялъ треуголку и подалъ ее полицейскому.

— Успокойтесь,—сказалъ онъ дружескимъ тономъ, взявъ подъ руку Штейнбаха.—Пойдемъ, выпьемъ стаканчикъ стараго вина, которое мы поставимъ на счетъ г-ну студенту. Ручаюсь, что это будетъ ему недешево стоить. Послѣ такого моціона вамъ необходимо освѣжиться! Я васъ угощу такимъ бургонскимъ, какого вы никогда не пивали!

Въ этихъ послѣднихъ словахъ было столько соблазну, что комиссаръ, послѣ нѣкотораго колебанія, послѣдовалъ за хозяиномъ гостиницы въ отдаленную комнату, гдѣ вино не замедлило оказать на него свое дѣйствіе. Тѣмъ не менѣе онъ сохранилъ на столько сознанія, что вспомнилъ объ исчезнувшемъ письмѣ и сталъ шарить по своимъ карманамъ.

— Ну его къ чорту!—сказалъ со смѣхомъ Керштингъ:—когда я шелъ за виномъ, то видѣлъ, что собака грызла какіе-то клочки бумаги. Должно быть вы потеряли письмо, а мой шпицъ завладѣлъ имъ. Но вамъ нечего беспокоиться: молодой человѣкъ поневолѣ будетъ молчать о конфискованномъ письмѣ,—мы также. Этимъ дѣло и кончится... Знаете ли вы, по крайней мѣрѣ, кому оно было адресовано?

— Къ этому проклятому капельмейстеру Рейхардту, который и безъ того у насъ на примѣтѣ, сносятся съ Пруссіей, ненавидитъ французовъ. Таковъ и Тейкеръ... Кто знаетъ, что открылось бы черезъ это письмо! Это былъ бы удобный случай выдвинуться, да, кромѣ того, я получилъ бы свою долю изъ штрафной суммы. Вѣдь письмо было запечатано! Проклятая шавка!.. Гдѣ видѣли вы ее, Керштингъ? Можетъ быть, уцѣлѣлъ какой нибудь клочекъ!..

— Да бросьте это дѣло, Штейнбахъ! Охота вамъ заниматься такими пустяками... Допивайте стаканъ, я принесу вамъ еще бутылочку.

— Такая рекомендація не въ пользу молодаго человѣка,—продолжалъ комиссаръ:—я буду имѣть его въ виду и доложу о немъ своему начальству... Да, я непременно сдѣлаю это!

— Я убѣжденъ, что вы ошибаетесь,—замѣтилъ съ досадою Керштингъ.—На сколько мнѣ извѣстно, молодому человѣку дана была

рекомендація къ французскому посланнику барону де-Рейнгарду, а вамъ померещилось Рейхардтъ. А съ французскимъ посланникомъ вы не шутите, онъ здѣсь по назначенію самого Наполеона. Можете попасть въ просакъ и надѣлать себѣ лишнихъ хлопотъ!.. Проверка паспортовъ также васъ не касается, я самъ представляю видъ молодаго человѣка въ бюро, а вы молчите и пейте.

Керштингъ не ошибся въ расчетѣ; вскорѣ комиссаръ окончательно забылъ о занимавшемъ его дѣлѣ, что случалось съ нимъ при всякой выпивкѣ. Рѣчь его становилась все болѣе и болѣе бессвязной; наконецъ, онъ, шатаясь, поднялся съ мѣста и сталъ увѣрять хояина, что сообщить ему нѣчто весьма важное и вернется опять къ нему, какъ только припомнить, въ чемъ дѣло.

III.

Надежды на будущее.

Германъ не безъ труда досталъ изъ-подъ шкафа письмо, уже порядочно запыленное, и рѣшилъ немедленно отнести его по назначенію. Приятное сознаніе счастливо избѣгнутой опасности привело его въ прежнее веселое настроеніе; онъ улыбался, припоминая комичную сцену съ комиссарской шляпой.

Германъ принадлежалъ къ числу тѣхъ счастливыхъ натуръ, у которыхъ глубина ума уживается съ легкомысліемъ здоровой и полной силъ юности. Онъ много учился и обладалъ основательными знаніями, серьезно относился къ принципамъ нравственности и общественной этики; но никогда не задумывался онъ надъ событіями повседневной жизни и, подобно большинству идеалистовъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ поступалъ не только неосторожно, но даже не умно.

Еще рано утромъ онъ не безъ волненія уложилъ свою студенческую дорожную одежду и теперь досталъ изъ кофра тѣ вещи, которыя считалъ нужными для предстоящаго визита.

Лицо его, отражавшееся въ зеркалѣ, передъ которымъ онъ завязывалъ свой бѣлый галстукъ и поправлялъ бантъ, не отличалось правильностью, но могло казаться красивымъ, помимо прекрасныхъ выразительныхъ карихъ глазъ, благодаря свѣжему цвѣту лица и ряду ровныхъ бѣлыхъ зубовъ. Полосатый жилетъ изъ тисненнаго рипса, короткіе казимиривые панталоны и сапоги съ отворотами плотно облегли его высокую стройную фигуру, которая, при всей своей пропорціональности, была слишкомъ большихъ размѣровъ, чтобы ее можно было назвать классической.

Германъ, накинувъ широкополый зеленоватый фракъ, прошелся по комнатѣ; онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко въ новомъ

увкомъ платьѣ; со стороны могло показаться, что онъ держится слишкомъ прямо и принужденно, другіе нашли бы его осанку немного горделивой. Онъ надѣлъ шляпу и вышелъ изъ дому. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ церкви св. Мартина, тѣмъ болѣе усиливалось у него впечатлѣніе, что онъ находится въ заграничномъ городѣ. Въ многолюдныхъ улицахъ только и слышался французскій говоръ; безпрестанно попадались прохожіе, которые по наружности, одеждѣ и живости, имѣли мало общаго съ мѣстнымъ нѣмецкимъ населеніемъ, изъ чего можно было заключить, какое огромное количество иностранцевъ потянулось въ Кассель за французскимъ дворомъ. Вездѣ виднѣлись новыя лавки съ французскими вывѣсками, а нѣкоторыя только готовились къ открытію: тутъ была *Marchande de modes et de nouveautés*, тамъ *Traiteur* или *Cafetier*, здѣсь *Marchand de comestibles et liqueurs*, *Tailleur breveté* или *Maître de langue française*.

Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ Герману удалось отыскать квартиру капельмейстера Рейхардта. Поднявшись на лѣстницу, онъ увидѣлъ черезъ открытую дверь богато убранную комнату, гдѣ женщина занималась обметаніемъ пыли, и заявила ему, что г. капельмейстеръ отправился въ театръ на репетицію. Германъ сказалъ, что зайдетъ еще разъ послѣ обѣда, и просилъ передать письмо хозяину дома.

Онъ отправился бродить по улицамъ; теперь ничто не отвлекало его вниманія и не мѣшало любоваться предестнымъ расположеніемъ города или причудливыми очертаніями горъ и долинъ. На каждомъ шагу, передъ нимъ открывался новый еще болѣе привлекательный ландшафтъ. Надъ холмистой низменностью виднѣлись деревни, полузакрытыя лѣсомъ, отъ которыхъ тянулась длинная полоса полей, примыкавшихъ съ одной стороны къ обширнымъ лугамъ, съ другой — къ парку Ауэ, раскинутому вдоль береговъ Фульды. Группы могучихъ деревьевъ и безконечныя аллеи представляли издали сплошную массу зелени; и только террасы фруктовыхъ деревьевъ, гряды овощей и цвѣточныя клумбы спускались до низкой стѣны, отдѣлявшей общественный садъ отъ улицы.

Здѣсь долго прогуливался Германъ; онъ находился въ какомъ-то восторженномъ состояніи духа; окружающая его очаровательная природа дѣйствовало на его воображеніе; передъ нимъ рисовались самыя фантастическіе образы. Пѣніе услышанное имъ изъ окна сосѣдняго дома, и стройная фигура дѣвушки, которая неожиданно появилась на балконѣ, среди цвѣтущихъ растеній, пробудили въ его сердцѣ цѣлый міръ юношескихъ желаній и надеждъ. Онъ мечталъ о любви, почестяхъ и богатствѣ, этихъ наиболѣе сильныхъ стимулахъ всякаго общества. До сихъ поръ все это мало занимало его, пока онъ жилъ въ уединеніи, среди своихъ научныхъ занятій, но теперь живо возстало передъ нимъ, хотя въ неясныхъ формахъ,

такъ какъ представляло рѣзкое противорѣчiе съ его прежними взглядами на свѣтъ и людей.

Германъ, послѣ обѣда, снова отправился къ капельмейстеру, который видимо ожидалъ его, такъ какъ встрѣтилъ съ шляпой въ рукѣ.

— Вы заповедали, г. Трейлеберъ, — сказалъ онъ. — Мы отправимся вмѣстѣ; семейство мое уже уѣхало; надѣюсь, вы ничего не имѣете противъ того, чтобы провести жаркіе часы дня въ паркѣ Ауэ, который какъ будто созданъ для этого. Я увѣренъ, что вамъ понравится тамъ.

Сходя съ лѣстницы, они встрѣтили француза въ поношенномъ платьѣ, который предложилъ имъ свои услуги для стрижки и дрессировки собакъ.

— Убирайтесь къ чорту! — крикнулъ на него Рейхардтъ по-французски; затѣмъ, обращаясь къ Герману, добавилъ на нѣмецкомъ языкѣ: — Эта чужеземная сволочь воображаетъ, что всѣ должны говорить на ихъ языкѣ. Вотъ вамъ небольшой образчикъ!.. За нашимъ милостивымъ королемъ Геронимомъ нахлынула сюда цѣлая толпа французскихъ оборванцевъ. Они стригутъ и дрессируютъ собакъ, продаютъ румяна, бѣлила и притиранья, чинятъ шелковые чулки и т. д. Но, разумѣется, все это лучше того, что творить братъ нашего короля, великій императоръ... Не мѣшало бы ему оставить стрижку нѣмцевъ, или, скорѣе, было бы желательно, чтобы нѣмцы не поддавались этому..

Рейхардтъ былъ неистощимъ на эту тему; онъ говорилъ громко, не обращая вниманія на прохожихъ, быстро переходя отъ одного предмета къ другому, что особенно поражало въ человѣкѣ за пятьдесятъ лѣтъ, съ лысиной во всю голову, кромѣ нѣсколькихъ локоновъ на затылкѣ. Не менѣе приятное впечатлѣніе производилъ образованный композиторъ своимъ умнымъ лицомъ, свѣтскими манерами и даже нѣкоторою небрежностью въ изысканномъ туалетѣ.

Наконецъ, отъ французовъ онъ перевелъ разговоръ на Германа.

— Зять мой, — сказалъ онъ: — отзывается о васъ съ большой похвалой, г. Дрейлеберъ. Онъ былъ знакомъ съ вашимъ отцомъ, когда тотъ... Кстати онъ, т. е. мой зять Стефенсъ, хочетъ опять вернуться въ Галле и знаетъ — съ какой цѣлью?..

Германъ отвѣтилъ отрицательно.

— А я знаю, но объ этомъ поговоримъ послѣ... Да, онъ пишетъ о васъ самыя лестныя вещи, а мнѣніе такого человѣка, какъ Стефенсъ, имѣетъ для меня значеніе. На сколько я цѣню его, вы можете видѣть изъ того, что я отдалъ за него мою любимую дочь... Положимъ, я не менѣе люблю свою Луизу, она старшая дочь моей покойной жены и такая же хорошая пѣвица, какъ ея покойная мать; а отъ меня наслѣдовала талантъ къ композиціи. Она много испытала въ жизни, моя бѣдная Луиза...

Въ это время экипажъ остановился у входа въ паркъ. Они вошли въ ворота и, сойдя съ лѣстницы, повернули въ боковую аллею. Рейхардтъ обратилъ вниманіе своего гостя на величественныя деревья парка:

— Вотъ старая ландграфская гвардія,—сказала онъ:—оставленная курфистомъ полтора года тому назадъ; онъ удралъ отсюда со своими сокровищами и бросилъ страну на произволь судьбы...

Эти слова напомнили Герману о письмѣ; онъ сообщилъ Рейхардту неприязненный отзывъ о немъ комиссара, который былъ переданъ ему хояиномъ гостинницы. Композиторъ замолчалъ и казался задумчивымъ, но лицо его опять прояснилось, когда онъ увидѣлъ издали свою семью на холмѣ, обсаженномъ деревьями въ видѣ кулисъ и названномъ вслѣдствіе этого «зеленымъ театромъ».

Рейхардтъ представилъ молодого человѣка жёнѣ и дочери:

— Г-нъ... какъ его... Германъ Вейслеберъ изъ Галле, другъ нашего дорогаго Стефенса!

— Фамилія совсѣмъ не та, папа,—сказала Луиза Рейхардъ, пріятливо протягивая руку гостю.

— Какъ, не та! Какимъ образомъ?—воскликнулъ композиторъ.

— Меня зовутъ Тѣйтлебенъ!—возразилъ Германъ съ улыбкой.

— Ахъ, да, правда! припоминаю. Но я, всетаки, посоветовалъ бы вамъ, мой дорогой другъ, бросить эту фамилію. Она не годится для нашего времени; будутъ отыскивать въ ней особенное значеніе, выдумаютъ угрозу, чуть ли не заговоръ противъ французовъ...

— Тише, не говори такъ громко,—сказала г-жа Рейхардтъ, лицо которой показалось знакомымъ Герману.

— Мы уже видѣлись съ вами, г. Тѣйтлебенъ,—сказала она.—Сегодня утромъ вы могли убѣдиться, что я также ловко обметаю пыль, какъ мой мужъ выбиваетъ тактъ своей палочкой...

Германъ, краснѣя, заявилъ, что тотчасъ же узналъ ее. Все его вниманіе было поглощено Луизой, которая произвела на него особенно пріятное впечатлѣніе. Хотя легкіе слѣды оспы на лицѣ не давали права назвать ее красавицей и она была не первой молодости, но Германъ впервые ощутилъ на себѣ обаяніе духовной женской красоты, чуждой чего либо чувственнаго. Ему нравилась ея стройная изящная фигура, звучный голосъ, плавныя, нѣсколько торжественныя движенія и задумчивый, какъ бы разсѣянный взглядъ ея добрыхъ глазъ. Еще въ Галле ему приходилось слышать, что она замѣчательно умна и обратила на себя особенное вниманіе нѣсколькихъ выдающихся людей, и, хотя онъ былъ слишкомъ скромнень, чтобы поставить себя на ряду съ ними, но съ перваго же дня знакомства поддадался вліянію ея нравственной силы.

Паркъ въ эти часы дня былъ, какъ всегда, переполненъ публикой. Передъ гостинницей играла полковая музыка, но воздухъ былъ на столько душнень, что гуляющіе преимущественно толпи-

лись подъ тѣнью деревъ у маленькаго озера съ плавающими лебедями.

Холмъ, на которомъ расположилась семья капельмейстера, находился въ сторонѣ, и здѣсь можно было чувствовать себя свободнѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ парка.

— Этотъ холмъ не даромъ названъ театромъ!—объяснила Луиза молодому гостю.—При ландграфѣ Фридрихѣ, отцѣ нынѣшняго курфирста, здѣсь на открытомъ воздухѣ разыгрывались театральныя пьесы; говорятъ, что онъ велъ веселый, полуфранцузскій образъ жизни, и нѣсколько подготовилъ насъ къ тѣмъ порядкамъ, какіе заведены королемъ Геронимомъ. Отецъ любитъ это уединенное мѣсто, мы часто занимаемся тутъ музыкой...

— Господинъ Рейхардтъ!

— Будь ты проклятъ съ твоей шарманкой; у насъ свои инструменты, безъ тебя насъ всюду преслѣдуютъ шпионы.

Эти слова относились къ человѣку, стоявшему за деревьями, который тотчасъ же вышелъ на аллею. Рейхардтъ продолжалъ браниться вслѣдъ удалявшемуся шарманщику.

— Оставь его въ покоѣ папа, за нами въ фазаньемъ домѣ графъ Фюрстенштейнъ со всей компаніей...

— Не бѣда, это все знакомые, вдобавокъ, они не понимаютъ нѣмецкаго языка. Теперь, въ отсутствіи короля, они стараются развлечь себя невинными удовольствіями. Да будетъ вамъ извѣстно, любезный докторъ, что нашъ король Геронимъ путешествуетъ по странѣ и представляется бюргерамъ и крестьянамъ своего государства. Обыкновенно онъ всюду бралъ съ собой Ле-Камю, нынѣшняго графа Фюрстенштейна, но на этотъ разъ его сопровождаютъ только представители стариннаго мѣстнаго дворянства... Кстати, Луиза! Я слышалъ, что генералъ Салѣ ищетъ для своей дочери Мелани учителя нѣмецкаго языка. Какъ ты думаешь, не представить ли нашего молодаго друга г-жѣ Салѣ; онъ хорошо говорить пофранцузски, и черезъ это попалъ бы въ высшее общество...

Проектъ видимо не понравился дочери капельмейстера:

— Не знаю! папа, — сказала она, понизивъ голосъ: — но весь этотъ кружокъ...

— Именно этотъ кружокъ и можетъ быть полезенъ молодому человѣку, потому что состоитъ изъ самыхъ богатыхъ и вліятельныхъ фамилій, — прервалъ Рейхардтъ, затѣмъ, обращаясь къ Герману, добавилъ: — примите къ свѣдѣнію, что этотъ Фюрстенштейнъ принадлежитъ къ нѣмецкой партіи, быть можетъ, вслѣдствіе того, что получилъ нѣмецкое дворянство и женится на дочери генерала Салѣ. Онъ желаетъ, чтобы его невѣста выучилась нѣмецкому языку, а супруга генерала вполне сочувствуетъ этому браку, а слѣдовательно готова подчиниться всѣмъ требованіямъ жениха.

— Я нахожу не совсѣмъ удобнымъ, если ты, я хочу сказать, мы всѣ предложимъ имъ свои услуги въ этомъ дѣлѣ, — сказала Луиза.

— Почему это? — воскликнулъ Рейхардтъ. — Я знакомъ съ ними; Германа рекомендовали намъ съ наилучшей стороны, мы рекомендуемъ его другимъ... Тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Но довольно объ этомъ, не заняться ли намъ музыкой?

Съ этими словами Рейхардтъ подалъ дочери гитару и сталъ настраивать свою скрипку. Луиза пропѣла нѣсколько пѣсенъ Гёте сильнымъ, прекрасно обработаннымъ голосомъ, исполненнымъ выраженія. Германъ, увлеченный личностью пѣвицы, былъ глубоко взволнованъ.

Капельмейстеръ началъ настойчиво просить его также спѣть чтонибудь.

— Стефенсъ пишетъ, что у васъ замѣчательный баритонъ, и вы прекрасно владѣете имъ.

— Пѣвцу невыгодно, если его хвалятъ заранѣе, — сказала Германъ, взявъ гитару.

— Отъ васъ зависитъ оправдать эти похвалы, — замѣтилъ съ улыбкой капельмейстеръ.

Германъ пропѣлъ вчерашнюю пѣсню Брентано; занятый пѣніемъ, онъ не замѣтилъ, что число его слушателей все увеличивается, ни смертельной блѣдности, внезапно покрывшей лицо Луизы; еще минута, и можно было ждать, что она лишится чувствъ. Рейхардтъ едва дождался конца пѣсни, чтобы заключить артиста въ свои объятія, и шумно выразилъ ему свой восторгъ; но рѣчь его внезапно оборвалась, когда онъ замѣтилъ, въ какомъ состояніи его дочь. Наступила минута общаго смущенія. Но всего болѣе озадаченъ былъ Германъ, не ожидавшій такого впечатлѣнія отъ своего пѣнія.

— Успокойтесь, молодой человекъ, — шепнула ему пожилая прилично одѣтая женщина, изъ стоявшей около него публики. — Вы не можете ни въ чемъ упрекнуть себя; но эта пѣсня, вѣроятно, вызвала въ Луизѣ Рейхардтъ тяжелыя воспоминанія. Послѣ вы узнаете, въ чемъ дѣло... Вы видите ей лучше... Позвольте поблагодарить за то удовольствіе, какое вы доставили намъ, — добавила она вслухъ.

Дѣйствительно, Луиза скоро овладѣла собой, тѣмъ болѣе, что явились неожиданные посѣтители: графъ Фюрстенштейнъ, который шелъ подъ руку съ Мелани Салъ, за ними слѣдовалъ генераль Салъ и сестра графа мадемуазель Ле-Камю — хорошенькая креолка. Генераль Салъ, бывшій морякъ, недавній лейтенантъ, съ грубыми и неотесанными манерами, извинился передъ Рейхардтомъ за непрошенное появленіе и просилъ познакомить его съ новымъ замѣчательнымъ пѣвцомъ.

— Давно пора, г. капельмейстеръ, — сказалъ онъ, — обновить нашъ театръ новыми пѣвцами. Мосье Теодоръ спалъ съ голоса; онъ пережилъ много противныхъ вѣтровъ; года и климать сдѣлали свое дѣло, уже не законопатишь ему горло. Ха!.. ха!.. ха!.. — засмѣялся генералъ, довольный своимъ остроуміемъ.

— Имѣю честь представить моего друга, Германа Гейтлебена, — сказалъ капельмейстеръ, подводя его къ посѣтителямъ. — Это рѣдкій баритонъ, ваше превосходительство, у него замѣчательный объемъ голоса. Къ несчастью, онъ не пѣвецъ по профессіи, а хочетъ быть домашнимъ учителемъ. Кстати, не хотите ли пригласить его давать уроки нѣмецкаго языка мадемуазель Мелани? Я слышалъ, что вы искали учителя...

Французы были нѣсколько озадачены и переглянулись между собой, а живые глаза креолки ясно выражали, что она также желала бы брать уроки нѣмецкаго языка у такого учителя.

— Вы говорите пофранцузски? — спросилъ графъ Фюрстенштейнъ, обращаясь къ Герману.

— Я могъ бы даже преподавать грамматику на этомъ языкѣ, если бы представился случай, — отвѣтилъ этотъ пофранцузски.

Хорошій французскій выговоръ молодого нѣмца видимо произвелъ пріятное впечатлѣніе на знатныхъ посѣтителей.

— Приведите къ намъ молодого человѣка, — сказалъ графъ Фюрстенштейнъ, обращаясь къ Рейхардту: — ваша дружба къ нему служить лучшей рекомендаціей.

Затѣмъ, поговоривъ немного съ женой и дочерью капельмейстера, гости удалились.

— Теперь мы примемся за завтракъ, — сказалъ Рейхардтъ: — но прежде всего я долженъ извиниться передъ вами, мой молодой другъ, что рекомендовалъ васъ, не заручившись вашимъ согласіемъ. Но думаю, что учительское мѣсто послужитъ вамъ ступенью для дальнѣйшей дѣятельности. Во всякомъ случаѣ, послушайте моего совѣта, не будьте слишкомъ скромны; французы не цѣнятъ этого качества. Только гордымъ сознаніемъ собственнаго достоинства можемъ мы противодѣйствовать унижительному чужеземному игу, а между тѣмъ трудно себѣ представить, до чего ступевались нѣмцы: они точно соперничаютъ другъ передъ другомъ въ подлостяхъ.

— Я считалъ графствующаго Ле-Камю гораздо старше! — сказалъ Германъ.

— Нѣтъ, онъ еще молодой человѣкъ, но, всетаки, старше нашего короля Иеронима, который избралъ его своимъ повѣреннымъ и наперстникомъ, и во всѣхъ дѣлахъ спрашиваетъ у него совѣта. Иеронимъ познакомился съ нимъ въ Мартиникѣ, гдѣ онъ былъ мелочнымъ торговцемъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Скажите, случалось ли вамъ когда нибудь слышать о предыдущей судьбѣ нашего короля?

— Мнѣ собственно неизвѣстно, на сколько правды и лжи въ томъ, что мнѣ сообщали о немъ,—возразилъ Германъ.

— Я могу въ короткихъ словахъ рассказать его дѣйствительную исторію. Жеромъ, младшій и самый избалованный изъ сыновей Летиціи Буонопартъ, изъ всѣхъ членовъ семьи выѣхалъ послѣдній изъ Корсики. По прибытіи во Францію, онъ посѣщалъ college Juilly, затѣмъ, противъ своего желанія, былъ опредѣленъ Наполеономъ въ морскую службу, участвовалъ въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ въ Санъ-Доминго и др. Генераль Сала изъ числа его тогдашнихъ товарищей по морской службѣ. Однажды Жеромъ, преслѣдуемый англичанами, спасся на торговомъ суднѣ купца Паттерсона изъ Балтимора. Черезъ это онъ познакомился съ его дочерью, красивой, милой и образованной дѣвушкой. Дѣло кончилось свадьбой, что совершенно противорѣчило планамъ Буонопарта, который рѣшилъ не признавать заключеннаго брака. Впослѣдствіи, когда Наполеонъ сдѣлался императоромъ и возвелъ во французскихъ принцевъ своихъ остальныхъ братьевъ, Жеромъ вернулся въ Европу весной 1805 года, въ надеждѣ, что Наполеонъ будетъ на столько очарованъ Елизаветой, что признаетъ его бракъ. Но, по повелѣнію императора, всѣ порты материка, отъ Нидерландъ до Португаліи, были закрыты для жены Жерома. Тогда Жеромъ вмѣстѣ съ Ле-Камю поспѣшилъ въ Миланъ, гдѣ тогда находился Наполеонъ, въ надеждѣ умиловить послѣдняго. Но ничто не могло поколебать воли императора; онъ воспользовался Ле-Камю, чтобы убѣдить Жерома развестись съ женой. Слабохарактерный человекъ изъявилъ свое согласіе, а Ле-Камю взялся отвезти несчастную Елизавету въ Англію, гдѣ она родила сына, названнаго при крещеніи также Жеромомъ.

За эти услуги Ле-Камю былъ щедро вознагражденъ. Когда въ декабрѣ прошлаго года Жеромъ прибылъ въ Кассель¹⁾, то незадолго передъ тѣмъ умеръ бездѣтнымъ послѣдній потомокъ фамиліи Диде въ Фюрстенштейнѣ, и всѣ его владѣнія сдѣлались достояніемъ государства. Жеромъ рѣшилъ раздѣлить ихъ между своими любимцами, что онъ и сдѣлалъ наканунѣ Рождества, во время елки, которую онъ устроилъ по нѣмецкому обычаю, а на другой день за параднымъ обѣдомъ передъ столовыми приборами этихъ господъ

¹⁾ Кассель сдѣлался главнымъ городомъ такъ называемаго «Вестфальскаго королевства», которое было создано Наполеономъ для его младшаго брата Иеронима, или Жерома. Это новое государство было утверждено по тильзитскому договору 7-го іюня 1807 года; въ составъ его вошли: курфиршество Гессенское и часть Ганноверскаго, герцогства — Брауншвейгъ и Магдебургъ, княжество Гамбурштадское, часть Саксоніи, а также прежняго Вестфальскаго округа. Эльба отдѣляла владѣнія короля Иеронима отъ Пруссіи, они граничили съ великимъ герцогствомъ Гессенъ-Дармштадтскимъ и территоріей Франкфурта на Майнѣ. Вестфальское королевство просуществовало около шести лѣтъ и было уничтожено въ декабрѣ 1813 года.

Прим. перев.

разложены были графскіе и баронскіе титулы. Не правда ли, какъ мило? Теперь всѣ эти вновь пожалованные графы и бароны хотятъ, во что бы то ни стало, казаться нѣмцами, — особенно Фюрстенштейнъ. Король покровительствуетъ такому направленію и самъ старается освоиться съ нѣмецкимъ языкомъ, согласно обѣщанію, которое онъ далъ еще въ Парижѣ вестфальскимъ депутатамъ. Мы должны поневолѣ придерживаться этихъ людей и пользоваться ими для нашихъ цѣлей, вслѣдствіе чего мнѣ и хочется пристроить васъ учителемъ въ домѣ генерала Сала. Вы будете честно служить дѣлу нашей общей родины и въ то же время можете быстро выдвинуться впередъ.

— Прекрасно! — воскликнулъ Германъ: — я начну съ нѣмецкой грамматики; увидимъ, получатся ли тѣ блестящіе результаты, на которые вы рассчитываете.

— Пью за ваше счастье! — сказалъ Рейхардтъ, поднимая стаканъ. — Нѣмецкая грамматика имѣетъ больше значенія, чѣмъ вы думаете, молодой другъ; языкъ играетъ важную роль въ смыслѣ поддержанія національности, особенно при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ мы находимся. Дѣлайте свое дѣло, а тамъ увидимъ...

Внезапный ударъ грома прервалъ рѣчь капельмейстера и спугнулъ нѣкоторыхъ гуляющихъ. Не смотря на удушливый воздухъ, погода съ утра была совершенно ясная, и только павлинъ въ фазаньемъ домѣ предсказывалъ дождь своимъ непріятнымъ крикомъ. Вдали еще играла музыка, говоръ и смѣхъ то тутъ, то здѣсь становились все оживленнѣе и громче. Но вотъ раздался вторичный еще болѣе сильный ударъ грома; огромная темная туча стала подниматься изъ-за деревьевъ и нарушила общее веселіе. Все пришло въ движеніе: пѣшіе, всадники, экипажи, разомъ устремились изъ парка; всѣ спѣшили добраться до города, пока не полилъ дождь.

IV.

Въ прихожей и на лѣстницѣ.

Уже началъ накрапывать дождь, когда Германъ достигъ гостинницы. Войдя въ свою комнату, онъ расположился у окна въ широкомъ креслѣ и сталъ прислушиваться къ шуму проливнаго дождя и ударамъ грома, которые быстро слѣдовали одни за другими. По странному противорѣчію, чѣмъ сильнѣе бушевала гроза, тѣмъ спокойнѣе становилось на сердцѣ молодого человѣка, тѣмъ яснѣе могъ онъ дать себѣ отчетъ въ тѣхъ мысляхъ и ощущеніяхъ, которыя разомъ нахлынули на него съ момента первой его встрѣчи съ талантливымъ композиторомъ. Все было ново для него, все занимало. Онъ благодарилъ мысленно профессора Стефенса за его

рекомендацію. Какъ дружелюбно приняли его Рейхардты; даже самъ композиторъ, рѣзкій и нетерпимый въ своихъ сужденіяхъ, не оттолкнулъ его отъ себя, и въ самомъ совѣтѣ его «не быть слишкомъ скромнымъ» заключалось очевидное желаніе ободрить его.

Какъ очаровательна была Луиза, представлявшая полную противоположность со своимъ отцемъ, этимъ живымъ, шумливымъ человѣкомъ, съ его вѣчными политическими задачами и смѣлымъ вызовомъ преслѣдовавшей его полиціи. Онъ невольно вспомнилъ сцену въ саду. Почему пѣсня Брентано произвела на нее такое потрясающее впечатлѣніе? Развѣ она также была невѣстой, и слова пѣсни пробудили въ ней тяжелыя воспоминанія?.. Отъ отца и дочери мысли Германа остановились на женѣ Рейхардта. Сколько простоты, сердечности и веселія было въ этой женщинѣ, нѣкогда извѣстной красавицѣ. Избалованная своимъ первымъ мужемъ потомъ Генслеромъ и теперешнимъ, которые старались оградить ее отъ всего неприятнаго, она едва ли могла выносить мужественно житейскія невзгоды; но это не мѣшало ей относиться съ живымъ сочувствіемъ къ страданіямъ даже совершенно постороннихъ ей людей, быть доброй и привѣтливой со всѣми.

Естественно, что Германъ, который неособенно любилъ одиночество, рѣшилъ, какъ можно чаще посѣщать домъ капельмейстера. Въ гостинницѣ за *table d'hôte* омъ онъ познакомился со многими мѣстными, низшими и высшими чиновниками; всѣ они были очень вѣжливы съ нимъ, но при этомъ до крайности осторожны. Въ гостинницѣ «Лондонъ» останавливались также депутаты изъ провинціи, и тогда являлись къ нимъ гости изъ города, но весьма немногіе; въ этихъ случаяхъ всѣ уходили въ отдаленную комнату, куда не допускался никто изъ постороннихъ. Германъ по всему, что ему пришлось слышать по прїѣздѣ, догадывался, въ чемъ могли заключаться эти таинственныя совѣщанія; и поэтому не позволилъ себѣ обратиться съ какимъ либо вопросомъ къ Керштингу, чтобы не выказать неумѣстнаго любопытства.

Послѣ грозы опять надолго установилась прелестная майская погода. Семейство Рейхардтъ воспользовалось ею, чтобы познакомить Германа съ городомъ и его живописными окрестностями. Прогулки эти, большей частью, совершались въ экипажѣ, по желанію г-жи Рейхардтъ, которая не любила утруждать себя долгой ходьбой. Кромѣ того, Германъ, въ качествѣ хорошаго пѣвца, неизмѣнно получалъ приглашеніе участвовать въ музыкальныхъ вечерахъ, происходившихъ въ домѣ капельмейстера, въ извѣстные дни, причемъ ему удалось познакомиться съ нѣсколькими знатными дамами.

Однажды, вечеромъ, когда никого не было изъ постороннихъ, Рейхардтъ сталъ усердно уговаривать своего молодого друга не откладывать далѣе своего визита къ генералу Сала.

— Луиза знакома съ его семействомъ и могла бы представить васъ,—сказалъ онъ:—но на нее нашель капризь, и поэтому отпра-вляйтесь одни. Я предупредилъ генерала о вашемъ приходѣ. Самъ онъ, довольно ограниченный и неотесанный морякъ, и едва ли можетъ быть вамъ полезенъ въ чемъ либо. Но онъ мужъ очень умной и проникательной женщины, и, вдобавокъ, пользуется большимъ значеніемъ у короля, какъ его бывшій товарищъ по морской службѣ. Впрочемъ, цѣль вашего визита получить уроки, и вы можете рассчитывать на вѣжливый пріемъ. Помогите намъ онѣмечить этихъ господъ, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ихъ нейтральными!..

— Пожалуйста, не требуйте отъ меня ничего подобнаго!—сказалъ, улыбаясь, Германъ.—Мнѣ нужно сперва познакомиться съ людьми и обстоятельствами и составить о нихъ болѣе или менѣе безпристрастное сужденіе безъ всякихъ предвзятыхъ цѣлей. Завтра утромъ, явлюсь къ генералу, но пока только въ качествѣ миссіонера нашего языка и литературы.

— Ну, мы посмотримъ; надѣюсь, что на слѣдующій разъ вы будете уступчивѣе!—воскликнулъ Рейхардтъ.

Луиза, молча, слушала этотъ разговоръ и только, время отъ времени, покачивала головой, что всегда служило у ней знакомъ неодобренія. Но отецъ на этотъ разъ не обратилъ на нее никакого вниманія.

На слѣдующее утро Германъ собрался сдѣлать визитъ генералу Сала, и, припоминая все, что онъ слышалъ о немъ отъ Рейхардта, почувствовалъ нѣкоторую бодрость духа, которая начала было оставлять его, что всегда бываетъ съ молодыми людьми, недавно оставившими студенческую скамью, когда имъ приходится являться въ переднюю высокопоставленнаго лица.

Германъ спокойно окончилъ свой туалетъ и отправился на квартиру генерала; встрѣтившій его лакей провелъ въ сосѣдную комнату, гдѣ уже было много просителей, и совѣтовалъ подождать пока генералъ выйдетъ изъ ванны. Мертвая тишина, царившая въ пріемной, доказывала, что комната съ ванной находится гдѣ нибудь по близости. Стройный молодой человекъ, аристократической наружности, съ тонкими чертами лица, стоялъ въ амбразурѣ окна, опершись на подоконникъ. Гордая поза, принятая имъ, показалась Герману нѣсколько искусственной, такъ какъ молодой человекъ видимо стыдился своего унижительнаго положенія. Остальные посѣтители не представляли ничего особеннаго; тутъ были ремесленники съ какими-то счетами и разнаго рода просители.

Время отъ времени за стѣной слышалось плесканье воды и грубый отрывистый голосъ. Наконецъ, дверь отворилась, и появился генералъ Сала безъ сюртука; онъ окинулъ взглядомъ присутствующихъ и замѣтилъ Германа.

— А это вы! какъ васъ... г. теноръ! учитель нѣмецкаго языка, идите за мной!

Молодой человѣкъ, стоявшій у окна, воспользовался этой минутой, чтобы подойти къ генералу, и, краснѣя, подалъ ему прошеніе.

— Я представлялся военному министру,—сказалъ онъ пофранцузски:—и хотѣлъ просить ваше превосходительство обратить милостивое вниманіе на мою просьбу...

Салá посмотрѣлъ черезъ плечо на молодаго человѣка, прочиталъ подданную бумагу, написанную на французскомъ языкѣ, и спросилъ надменнымъ тономъ:

— Баронъ фонъ-Мирбахъ?

— Къ услугамъ вашего превосходительства.

— Древняя гессенская фамилія?.. Вы были въ университетѣ?

— Какъ упомянуто въ прошеніи: я слушалъ лекціи въ Марбургѣ и Гёттингенѣ.

— Знаю, въ Германіи всѣ занимаются наукой. Значить,—вы знаете латинскій языкъ?

— Разумѣется,—отвѣтилъ съ легкой усмѣшкой молодой баронъ.

— Ну, такъ скажите мнѣ полатыни: «Я надѣлъ сегодня штаны»!..

Баронъ молчалъ.

— Видите ли, г. баронъ, вы ничего не смыслите въ латинскомъ языкѣ!—воскликнулъ Салá съ громкимъ хохотомъ.

Тѣ изъ просителей, которые понимали немного пофранцузски, сочли нужнымъ также разсмѣяться, въ надеждѣ заручиться милостью его превосходительства. Салá, совершенно довольный собой, направился въ свой кабинетъ и сдѣлалъ знакъ Герману слѣдовать за нимъ.

Германъ былъ возмущенъ до глубины души всей этой сценой; онъ живо чувствовалъ оскорбленіе, нанесенное потомку древней нѣмецкой фамиліи. Онъ былъ въ нерѣшимости: не повернуть ли спину и уйти, какъ это сдѣлалъ баронъ, или послѣдовать на приглашеніе. Благоразуміе превозмогло; онъ рѣшился на послѣднее изъ боязни, что его горячность можетъ повести къ новымъ неприятностямъ для Рейхардта.

Когда онъ вошелъ въ кабинетъ, генералъ оканчивалъ свой туалетъ.

— Ну что, ушелъ латинскій баронъ?—спросилъ Салá.

— Да, ваше превосходительство. Вы глубоко огорчили его, но можете утѣшить его офицерскимъ патентомъ...

Салá громко расхохотался.

— Такого утѣшенія, пожалуй, потребуетъ отъ меня все гессенское дворянство. Нужно проучить этихъ надутыхъ бароновъ съ ихъ глупыми притязаніями; въ своемъ высокомѣрїи они мечтаютъ о воз-

станіи... Кромѣ того, его величество рѣшилъ, разъ навсегда, давать офицерскія мѣстатолько тѣмъ, которые прошли извѣстные военные чины, были пажами или окончили курсъ въ военной школѣ. Баронъ не подходитъ ни подъ одно изъ этихъ условій; но онъ красивый малый и можетъ имѣть успѣхъ у дамъ! Здѣсь, при дворѣ, благоволеніе дамъ часто имѣетъ больше значенія, чѣмъ всякія военныя заслуги... Вы совсѣмъ другое дѣло; у васъ прекрасный французскій выговоръ, и въ этомъ вы уже имѣете преимущество надъ гессенскими баронами... Дочь моя говоритъ немного понѣмецки. Король спрашиваетъ ее иногда: «какъ ваше здоровье, мадемуазель Салá?»—а она отвѣчаетъ ему безъ запинки: «Gut, Eure Majestät!» (хорошо, ваше величество). О, у васъ будетъ талантливая ученица! Но моя жена хочетъ сперва видѣть учителя! Вы понимаете... я хозяинъ дома, но воспитаніе дочери меня не касается.

— Жако!—приказалъ онъ своему камердинеру:—доложи генеральшѣ, что если ей угодно, я сейчасъ приведу къ ней учителя!..

Генеральъ удалился въ сосѣдную комнату и черезъ минуту вышелъ въ полной парадной формѣ со шляпой въ рукѣ и пригласилъ Германа слѣдовать за нимъ.

Когда они проходили по амфиладѣ комнатъ, Салá сказала многозначительно:—Прежде всего, молодой человѣкъ, совѣтую вамъ представиться генераль-директору полиціи Берканьи. Понимаете... король черезъ него желаетъ имѣть свѣдѣнія о лицахъ, которыя попадаютъ въ высшее общество... Это представленіе не можетъ повредить вамъ...

Германъ былъ на столько довѣрчивъ, что не обратилъ особеннаго вниманія на тонъ, какимъ генеральъ произнесъ послѣднюю фразу; ему и въ голову не приходило, что рекомендація такого человѣка, какъ Рейхардтъ, уже сама по себѣ могла казаться подозрительной. Онъ думалъ о предстоящей встрѣчѣ и вспомнилъ отзывъ Луизы о г-жѣ Салá, что «эта женщина хитрѣе и проникательнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда».

Генеральъ открылъ дверь въ богато убранную комнату съ парижскою мебелью. На кушеткѣ, такъ называемой «rogné» полулежала дама въ нарядномъ домашнемъ платьѣ и тюлевомъ чепчикѣ съ гроденаплевыми лентами.

Когда Германъ вошелъ въ комнату, она была, видимо, удивлена его приличной наружностью и манерами и сдѣлала движеніе, чтобы встать съ кушетки, но тотчасъ же опомнилась и только надменно кивнула ему головой. У кушетки на низкомъ стулѣ сидѣла хорошенькая креолка Ле-Камю и ласково взглянула на Германа своими большими блестящими глазами. На ней было простенькое визитное платьѣ и шляпа съ перьями; она держала вѣеръ въ рукахъ.

Генеральъ представилъ учителя, коротко освѣдомился о здоровьѣ жены и громко, чмокнувъ ея руку, поспѣшно удалился съ

видомъ человѣка, который не желаетъ слышать переговоровъ о дѣлѣ, уже рѣшенномъ, или боится чѣмъ либо уронить свой авторитетъ.

Между тѣмъ, дама, сидѣвшая на кушеткѣ, нѣсколько выпрямилась и опустила ноги. Она указала молодому человѣку на кресло, поставленное для посѣтителей, и окинула его внимательнымъ взглядомъ. Манеры ея, при всей сдержанности, не были особенно изысканны; видно было, что замашки знатной дамы усвоены ею недавно, такъ что она не всегда выдерживала свою роль. Послѣ обычныхъ распросовъ: откуда онъ, гдѣ живетъ и что намѣренъ дѣлать съ собою?—она неожиданно перемѣнила разговоръ, замѣтивъ, что глаза молодаго человѣка устремлены на хорошенькую креолку.

— Васъ интересуеть моя милая пріятельница,—сказала она съ едва замѣтной улыбкой.—Простите, я забыла познакомиться васъ: это сестра графа Фюрстенштейна, мадемуазель Адель Ле-Камю... Но скажите, пожалуйста, гдѣ вы научились такъ хорошо говорить по-французски? Надѣюсь, не въ Касселѣ?

Слова эти были сказаны такимъ тономъ, что Адель громко разсмѣялась.

Германъ объяснилъ, что отецъ его былъ нѣсколько лѣтъ учителемъ въ домѣ одного дипломата въ Берлинѣ, гдѣ всѣ говорили по-французски. Тутъ же познакомился онъ съ молодой швейцаркой изъ Лованны и впоследствии женился на ней, когда получилъ мѣсто пастора въ одномъ приходѣ.

— На сколько я помню,—продолжалъ онъ:—родители мои не иначе говорили между собой, какъ по-французски; отецъ мой всегда любилъ французскій языкъ, постоянно слѣдилъ за французской литературой и не смущался тѣмъ, что я и сестра въ раннемъ дѣтствѣ съ трудомъ объяснялись понѣмецки и только впоследствии окончательно усвоили родной языкъ.

— Это большое счастье для васъ,—возразила генеральша:—знаніе французскаго языка пригодится вамъ въ Касселѣ. Мужъ мой очень интересуется вами и будетъ покровительствовать. Но знаете ли—что? вы должны непременно сдѣлать визитъ г. Легра-де-Берканьи...

— Генераль уже говорилъ мнѣ объ этомъ! — возразилъ Германъ.

— Я даю вамъ этотъ совѣтъ,—продолжала она:—не потому, что онъ начальникъ полиціи, но король оказываетъ ему особенное довѣріе и, назначая когонибудь на должность, всегда спрашиваетъ его мнѣніе. Отправьтесь къ нему поскорѣе, онъ уже слышалъ о васъ и приметъ любезно.

Германъ поблагодарилъ г-жу Сала за ея участіе, и она заговорила о цѣли его прихода.

— Дочь моя очень желаетъ брать у васъ уроки... Не правда ли, Адель?

Вопросъ этотъ, сдѣланный съ особенной интонаціей, сконфузила креолку; она покраснѣла и приложила вѣрѣ къ губамъ въ знакъ молчанія. Отъ вниманія Германа не ускользнула этотъ нѣмой разговоръ, но онъ не имѣлъ никакого основанія принять его на свой счетъ. Между тѣмъ, дѣло близко касалось его: при первой же встрѣчѣ въ паркѣ, онъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе на мадемуазель Ле-Камю, что она, руководимая ревностью, послѣ того нѣсколько разъ приходила къ генеральшѣ и подъ видомъ дружбы совѣтовала ей не приглашать учителя, потому что у него слишкомъ красивая наружность, и Мелани можетъ увлечься имъ, а это, конечно, не понравится ея брату, при его имущественныхъ намѣреніяхъ.

Г-жа Сала знала, что дочь ея не обладаетъ пылкимъ темпераментомъ и не упуститъ такой блестящей партіи, какъ графъ Фюрстенштейнъ; поэтому она сразу замѣтила невинную хитрость молодой дѣвушки и рѣшилась проучить ее. Теперь она не спускала съ нея глазъ; а во время разговора безпрестанно обращалась къ ней то съ тѣмъ, то съ другимъ вопросомъ, въ которыхъ заключался болѣе или менѣе ясный намекъ на сдѣланное ею предостереженіе.

— Дочь моя очень любитъ нѣмецкій языкъ, въ чемъ сочувствуетъ ей и графъ Фюрстенштейнъ. Мелани уже говоритъ немного по-нѣмецки, только никакъ не можетъ справиться съ выговоромъ; но я увѣрена, что она сдѣлаетъ у васъ большіе успѣхи. Что вы скажете на это, Адель?.. Я переговорю объ остальномъ съ графомъ Фюрстенштейномъ; онъ живо интересуется образованіемъ Мелани...

Многознаменательная улыбка, сопровождавшая эти слова, окончательно смутила Адель; на выразительномъ лицѣ которой отражалось всякое мимолетное ощущеніе. Она безпрестанно краснѣла и выказывала явные знаки нетерпѣнія. Германъ, въ свою очередь, увидѣлъ въ словахъ хозяйки дома желаніе поскорѣе выпроводить его. Досадуя на себя за продолжительный визитъ, онъ всталъ съ мѣста и сказалъ съ живостью:

— Вы сами рѣшите, ваше превосходительство, на сколько мои уроки подходятъ къ вашимъ требованіямъ, и когда начать ихъ. Я надѣюсь, что у меня останется на это достаточно времени, хотя рассчитываю вскорѣ заняться другимъ, болѣе подходящимъ для меня, дѣломъ. Но, во всякомъ случаѣ; сочту себя счастливымъ, если могу услужить вамъ своими знаніями.

— Нѣтъ, вы придаете другой смыслъ словамъ ея превосходительства! — воскликнула Адель: — напротивъ!.. вы должны начать тотчасъ же уроки со мной, пока Мелани...

Громкій смѣхъ хозяйки дома прервалъ ее; она замолчала. Большіе темные глаза ея блеснули; пурпуровая краска выступила на ея щекахъ.

— Вы не можете себя представить, какое доброе сердце у нашей милой, благоразумной Адель, — продолжала г-жа Сала: — она сама готова подвергнуться опасности, отъ которой предостерегаетъ другихъ...

Адель была на столько задѣта этой явной насмѣшкой надъ собою, что совершенно растерялась въ первую минуту, затѣмъ быстро встала и, не простившись, пошла къ двери.

— Мадемуазель Адель, остановитесь на минуту! — сказала хозяйка дома повелительнымъ тономъ, затѣмъ съ любезной улыбкой обратилась къ Герману:

— Прошу васъ, милостивый государь, проводите этого милого ребенка по корридорамъ и съ лѣстницы. Прощайте, до свиданія!

Германъ поклонился и послѣдовалъ за Аделью, которая поспѣшно взяла его подъ руку и бросила торжествующій взглядъ на оскорбившую ее женщину.

— Мадемуазель Ле-Камю, вы не будете брать этихъ уроковъ, я надѣюсь на ваше благоразуміе!.. — сказала ей г-жа Сала строгимъ голосомъ.

Германъ чувствовалъ себя какъ во снѣ, проходя по длиннымъ корридорамъ подъ руку съ хорошенькой креолкой. Когда они сошли съ лѣстницы, она остановилась и высвободила свою руку.

— Не правда ли, — сказала она взволнованнымъ голосомъ: — вы не вѣрите тому, что она сказала обо мнѣ?..

— Что у васъ доброе сердце!

— Ахъ, нѣтъ, значить вы не поняли ея словъ, — воскликнула молодая дѣвушка, видимо обрадованная, и прямо взглянула на него своими большими глазами. — Какая она злая женщина! А я, всетаки, буду учиться по нѣмецки. Братъ мой также желаетъ этого; я живу у него, хотите, зайдите къ намъ, вы должны представиться моему брату, онъ уговорится съ вами на счетъ моихъ уроковъ...

Она говорила торопливо и, съ свойственной ей живостью, быстро сняла перчатку съ правой руки и начала наворачивать на свой вѣрвь. Германъ, не понимая причины ея робости и того волненія, въ какомъ она, очевидно, находилась, молча стоялъ передъ нею. Въ слѣдующую минуту, желая заручиться его согласіемъ относительно нѣмецкихъ уроковъ, она протянула ему руку. Германъ вздрогнулъ, почувствовалъ прикосновеніе ея нѣжной, какъ бархатъ, кожи; онъ не зналъ, что дѣлать съ маленькой, протянутой къ нему, ручкой, наконецъ, въ смущеніи, наклонился и поцѣловалъ.

Адель быстро отдернула свою руку.

— Вотъ вы дали мнѣ слово, не забудьте этого, — сказала она, слегка ударивъ его перчаткой.

Германъ приободрился и схватилъ перчатку, которую она не хотѣла выпустить и тянула къ себѣ. Оба засмѣялись. Свѣтъ, падавшій изъ широкаго окна, освѣщалъ стройную фигуру дѣвушки,

съ ея смуглымъ личикомъ и алой окраской нѣжныхъ щекъ. Только теперь, стоя такъ близко около нея, онъ могъ разглядѣть живую игру ея физиономіи, по которой можно было предположить въ ней пылкую, увлекающуюся натуру.

— Братъ мой,—шепнула она ему:—очень любить нѣмцевъ, я люблю брата и раздѣляю его вкусы. Г-жа Салѣ объявила мнѣ: «Мадемуазель Ле-Камю вы не будете брать 'этихъ уроковъ!»... А вы, всетаки, будете учить меня нѣмецкому языку, хотя, повидимому, и не отличаетесь любезностью! Увидимъ, мадамъ Салѣ, чья возьметъ!..

Креолка засмѣялась веселымъ смѣхомъ и ласково прильнула къ плечу Германа. Онъ уже готовъ былъ заключить ее въ свои объятія, но въ эту минуту сверху на дѣстницѣ послышались чьи-то шаги. Молодая дѣвушка быстро отскочила въ сторону; въ рукѣ Германа осталась перчатка; онъ, въ смущеніи, бросился на улицу.

V.

Давнее горе.

Германъ, не помня себя отъ счастья, бессознательно шелъ по оживленнымъ улицамъ и неожиданно очутился передъ квартирой Рейхардта. Что привело его сюда, онъ самъ не могъ дать себѣ яснаго отчета и только нѣсколько минутъ спустя припомнилъ, что хотѣлъ переговорить съ своими друзьями относительно совѣта, даннаго ему генераломъ Салѣ и его супругой, чтобъ онъ немедленно представился генераль-директору полиціи. Маленькая перчатка была все еще въ его рукѣ; онъ съ улыбкой спряталъ ее въ карманъ своего жилета и прошелъ въ комнату Луизы, такъ какъ ея родителей не было дома.

Съ первыхъ же словъ Германъ замѣтилъ, что пришелъ не во время; Луиза имѣла какой-то особенно печальный и торжественный видъ; глаза ея были заплаканы. У ней на колѣняхъ лежала рукопись въ красивомъ переплетѣ изъ голубаго сафьяна. За цвѣточной вазой былъ поставленъ чей-то портретъ, на который Луиза набросила носовой платокъ, какъ только услышала шаги Германа.

Она пригласила его сѣсть и съ принужденной веселосею спросила его:

— Что съ вами случилось? Вы чѣмъ-то взволнованы?

— Ничего особеннаго, моя милая Луиза,—возразилъ онъ:—или, лучше сказать, изъ нѣмецкихъ уроковъ ничего не вышло. Я сейчасъ былъ у генерала Салѣ...

— Въ самомъ дѣлѣ?—воскликнула она:—знаете ли, что это меня искренно радуеть...

— Меня также!—отвѣтилъ онъ разсѣянно:—какъ-то легче стало на сердцѣ, а вы и прежде были противъ моихъ уроковъ...

— Но, мнѣ кажется, мой дорогой другъ, что вы не совсѣмъ довольны этимъ,—сказала Луиза, пристально взглянувъ на него:— не падайте духомъ; кто хочетъ пробить себѣ дорогу въ свѣтѣ, тотъ долженъ знать, что встрѣтитъ не одно препятствіе. При вашей молодости, вы можете смѣло разсчитывать, что счастье рано или поздно улыбнется вамъ. Я совѣтую, во всякомъ случаѣ, откровенно разказать отцу моему, чѣмъ они оскорбили васъ...

— Оскорбили!—повторилъ онъ съ удивленіемъ:—ничуть... напротивъ!

Онъ замолчалъ, вспомнивъ сцену у лѣстницы; ему не хотѣлось упоминать о креолкѣ въ разговорѣ съ Луизой.

— Значить, вамъ было пріятно съ ними... Впрочемъ, я не сомнѣвалась, что ихъ отказъ будетъ въ приличной формѣ... Но я не ожидала, что какая нибудь любезность со стороны этихъ французовъ можетъ въ такой степени взволновать васъ; вы моложе душой, чѣмъ я думала.

Германъ покраснѣлъ, ему живо припомнился пріемъ у генерала Сала и его обращеніе съ молодымъ барономъ. Онъ до малѣйшихъ подробностей описалъ всю сцену, которой, по мнѣнію Луизы, было совершенно достаточно, чтобы взволновать такого молодого и неопытнаго человѣка, какъ Германъ.

— Вы могли убѣдиться на дѣлѣ, до чего доходитъ наглость и надменность этихъ чужеземныхъ господъ и каковы результаты нашей покорности. Вотъ до чего дошло наше дворянство, которое всегда приписывало себѣ всѣ гражданскія доблести, хвалилось мужествомъ и любовью къ родинѣ. Они постыдно бѣжали въ Пруссію, передавъ крѣпости наши непріятелю, а теперь сыновья ихъ вымаливаютъ чины у гордыхъ побѣдителей. Вотъ, на примѣръ, бывшій министръ, старый Шуленбургъ-Кэнертъ, засѣдаетъ теперь въ вестфальскомъ государственномъ совѣтѣ, чтобы доказать, что покорность—первая обязанность нѣмецкаго дворянства... Затѣмъ, вся эта распущенность, отсутствіе всякаго нравственнаго чувства охватили, какъ чума, всю Германію... Какъ бы мнѣ хотѣлось ухъхать отсюда!..

Она взяла рукопись, лежавшую у ней на колѣняхъ, и переложила ее на столъ.

— Какое это сочиненіе?—спросилъ Германъ.

— Мелкія стихотворенія и переводы нѣкоторыхъ одъ Горация...

— А имя автора?

Луиза, не ожидавшая этого вопроса, смутилась, но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, отвѣтила тихимъ голосомъ:

— Вы, можетъ быть, слышали отъ Стефенса или кого другаго о молодомъ Этенѣ, или даже читали сами его стихотворенія!

— Нѣтъ, я знаю только, что этотъ многообъщающій поэтъ умеръ въ ранней молодости и не могъ достигнуть полнаго развитія своего таланта... Но это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ...

Глаза Луизы наполнились слезами, она поспѣшно вышла изъ комнаты.

Германъ не зналъ: уйдти ли ему, или дожидаться ея возвращенія. Онъ взялъ со стола рукопись и на первомъ же заглавномъ-листѣ прочелъ восторженное стихотвореніе, посвященное Луизѣ Рейхардтъ отъ 20-го мая 1800 года, съ подписью Ф. А. Этенъ.

— Съ этихъ поръ прошло восемь лѣтъ!—подумалъ Германъ не безъ нѣкоторой досады:—она не можетъ забыть его...

Закрывъ книгу, онъ взялся за шляпу и хотѣлъ уйдти, какъ вернулась Луиза. Онъ извинился, что пришелъ не во время, и добавилъ въ свое оправданіе, что хотѣлъ посовѣтоваться съ ней по одному дѣлу.

— Что такое?—спросила Луиза съ обычнымъ участіемъ.

— Генераль Салà, а равно и его жена совѣтовали мнѣ представиться генераль-директору Берканьи, черезъ него я могъ бы...

— Говорите типе!—прервала она его и добавила шопотомъ:

— Да, вы должны сдѣлать это... непременно...

— По словамъ г-жи Салà, онъ ожидаетъ моего визита!

— Чѣмъ скорѣе вы покончите съ этимъ, тѣмъ лучше. Мнѣ совершенно понятно, почему васъ замѣтили и считаютъ подозрительнымъ. Мой отецъ слишкомъ поторопился съ своей рекомендаціей. Но будьте на сторожѣ и не попадите на удочку. Не соглашайтесь ни на что сразу, какъ бы заманчиво ни казалось вамъ сдѣланное ими предложеніе. Сперва обдумайте...

Германъ обѣщалъ слѣдовать ея совѣтамъ и, простившись съ нею прямо отправился къ себѣ въ гостинницу.

VI.

Невольный шпионъ.

На другой день утромъ, Германъ явился въ приѣмную генераль-директора полиціи; едва назвалъ онъ свою фамилію, какъ подошелъ къ нему человекъ съ бумагами, вышедшій изъ сосѣдней комнаты и заговорилъ съ нимъ повѣмцеки.

— Генераль-директоръ,—сказалъ онъ:—занять въ настоящую минуту важной депешей, которую онъ посылаетъ королю. Я доложу ему о вашемъ приходѣ и спрошу: можетъ ли онъ принять васъ.

Германъ былъ удивленъ такою предупредительностью со стороны незнакомаго человѣка и, когда онъ удалился, спросилъ слугу, кто этотъ вѣжливый чиновникъ.

— Г-нъ Саванье, главный секретарь высшей полиціи, онъ эльзасецъ родомъ и одинаково хорошо говорить на нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ.

Это былъ небольшой, широкоплечій человекъ, который, повидимому, пользовался цвѣтущимъ здоровьемъ. Всегда любезный со всѣми посѣтителеми, онъ принялъ какой-то особенно подобострастный видъ, когда вошелъ въ кабинетъ своего начальника.

— Молодой человекъ изъ Галле, — сказалъ онъ: — тотъ самый, о которомъ вы меня спрашивали вчера; онъ ожидаетъ въ приемной.

— Хорошо, я хотѣлъ его видѣть, потому что этотъ несносный капельмейстеръ навязываетъ его генералу Салѣ и графу Фюрстенштейну. Вы, Саванье, ничего не могли сказать о немъ вчера, онъ не былъ даже занесенъ вами въ списокъ. Вѣроятно, это одинъ изъ прусскихъ агентовъ... Каковъ онъ на видъ?

— Очень красивый и статный молодой человекъ, какъ будто созданъ для того, чтобы совращать съ пути добродѣтели нашихъ дамъ, но едва ли онъ принадлежитъ къ прусскому Тугендбунду, судя уже потому, что у него нѣтъ козлиной бородки, которую, по слухамъ, носятъ всѣ члены этого зловреднаго союза.

— Что за вздоръ! — прервалъ его съ нетерпѣніемъ Берканьи: — теперь эти бородки въ большой модѣ и не имѣютъ никакого значенія. Меня гораздо больше интересуется самый союзъ; до сихъ поръ нашъ берлинскій посланникъ Линденъ не могъ сообщить мнѣ о немъ никакихъ точныхъ подробностей... Однако, пошлите ко мнѣ этого молодаго человека.

Саванье сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился.

— Что касается меня лично, ваше превосходительство, — сказалъ онъ: — то я скорѣе готовъ принять его за крайняго идеалиста и мечтателя, судя, по крайней мѣрѣ, по выраженію его глазъ...

— Тѣмъ лучше, — возразилъ Берканьи.

Войдя въ приемную, Саванье пригласилъ Германа слѣдовать за собой. Пройдя гостиную, они вошли въ кабинетъ генераль-директора полиціи. И здѣсь было то же богатое убранство, какъ въ домѣ генерала Салѣ, но на всемъ лежалъ отпечатокъ болѣе высокой степени образованія и извѣстнаго пониманія искусства. По крайней мѣрѣ, вездѣ были разбросаны газеты, географическія карты и книги; на столахъ и этажеркахъ виднѣлись модели и снимки античныхъ вещей, такъ что Германъ сразу составилъ себѣ высокое мнѣніе о личности начальника полиціи.

Берканьи принималъ его съ изысканною вѣжливостью. Это былъ красивый человекъ среднихъ лѣтъ; изъ его словъ можно было почти тотчасъ вывести выгодное заключеніе объ его умѣ и знаніяхъ.

— Въ бумагахъ, посланныхъ намъ изъ полицейскаго бюро, — обратился онъ къ Герману на французскомъ языкѣ: — вы означены студентомъ и докторомъ философіи. Поэтому мнѣ было желательно

лично познакомиться съ вами, тѣмъ болѣе, что, по слухамъ, вы прекрасно владѣете французскимъ языкомъ. Мы нуждаемся въ такихъ людяхъ, какъ вы, потому что у насъ много дѣла и всякихъ хлопотъ съ устройствомъ новаго государства «се гоуаше à deux nations!» Помимо этого, меня крайне интересуеьт научная Германія, которая, къ сожалѣнію, недоступна для меня, при плохомъ знаніи нѣмецкаго языка.

Затѣмъ Берканьи началъ разспрашивать Германа о его занятіяхъ и планахъ, студенческой жизни въ Галле, о задачахъ буршества и пожелалъ узнать имена наиболѣе вліятельныхъ профессоровъ. Онъ говорилъ необыкновенно быстро, переходя отъ одного предмета къ другому, такъ что Германъ не имѣлъ ни малѣйшей возможности обдумывать свои отвѣты. Берканьи, при своей опытности и знаніи людей, очень скоро составилъ себѣ безошибочное понятіе о молодомъ нѣмцѣ; онъ убѣдился въ его совершенномъ незнаніи дѣйствительной жизни, при крайнемъ идеализмѣ и склонности къ мечтательности. Онъ ясно видѣлъ, что Германъ не могъ быть прусскимъ политическимъ агентомъ и рѣшилъ въ умѣ, что хорошо было бы обратить въ вестфальскаго шпиона этого простодушнаго идеалиста. До сихъ поръ онъ напрасно искалъ человѣка, который, по его мнѣнію, годился бы для литературнаго шпионства.

— Мнѣ очень нравятся ваши взгляды и сужденія,—продолжалъ Берканьи.—Такихъ молодыхъ людей, какъ вы, нѣтъ въ Касселѣ! Я съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждаюсь, что нѣмецкая литература представляетъ неистощимый и разнообразный матеріалъ и только не достаетъ водчаго, который бы создалъ изъ этого на вѣчныя времена нѣчто стройное и цѣлое—«monumentum aere perennius», какъ выражается Гораций. Это было бы какъ бы гешмѣ того, что дало ваше національное образованіе. Существованіе французскаго двора среди Германіи само по себѣ можетъ благотвительно отразиться на вашей литературѣ; французы внесли бы въ нее свою долю умственнаго богатства. Но, къ сожалѣнію, непреодолимымъ препятствіемъ для взаимодѣйствія обѣихъ литературъ служить вашъ языкъ, изученіе котораго для насъ крайне затруднительно, скажу болѣе, невозможно. Вслѣдствіе трудности языка нѣмецкая нація стояла до сихъ поръ особнякомъ въ Европѣ. Теперь, когда мы побѣдили Германію, мы не можемъ долѣе игнорировать ея литературы и поэтому мы ищемъ людей, которые бы помогли намъ познакомиться съ нею. Нашъ король желаетъ этого, а для достиженія такой благой цѣли мы не будемъ жалѣть денегъ... Что можете вы возразить мнѣ, г. докторъ? Вы пріѣхали во время въ Кассель; васъ ожидаетъ здѣсь блестящая карьера!..

Взглядъ, высказанный Берканьи, не былъ новостью для Германа и не удивилъ его. Такія идеи распространялись даже нѣ-

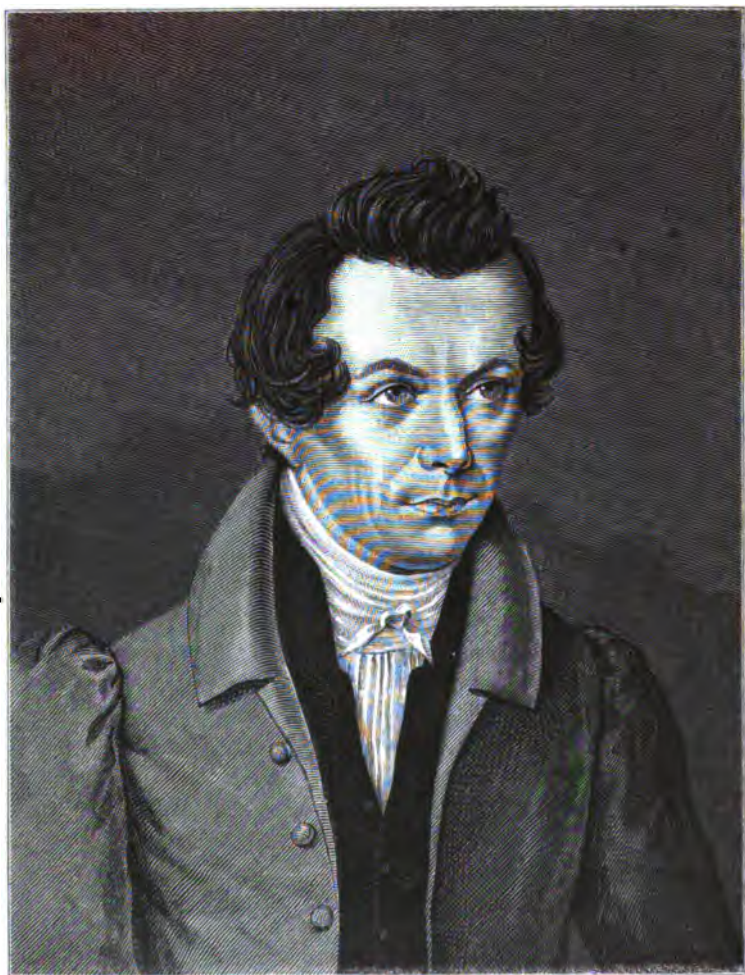
мецкими учеными и дипломатами и находили нѣкоторое сочувствіе въ публикѣ въ это печальное время общаго упадка духа, когда люди, не чувствуя въ себѣ достаточно силъ для протеста, искали успокоенія въ безплодныхъ мечтаніяхъ. Германъ еще не перешелъ того юношескаго возраста, когда сердце готово увлекаться всякой идеей, облеченной въ блестящую оболочку трескучихъ фразъ, и не спрашивалъ себя, что кроется въ ея основѣ. Ему было нѣсколько странно слышать все это отъ француза; но и тутъ онъ увидѣлъ только справедливое признаніе великихъ услугъ его соотечественниковъ въ области мысли.

— Благія намѣренія вестфальскаго правительства глубоко радуютъ меня!—воскликнулъ съ живостью Германъ.—Нѣмецкіе курфирсты и короли, за исключеніемъ немногихъ изъ нихъ, не избавляли насъ особенной благосклонностью къ нашей литературѣ. Самъ Фридрихъ Великій дискредитировалъ ее у французовъ, хвалясь тѣмъ, что не читаетъ ни одной нѣмецкой книги. Но это не помѣшало нашей литературѣ сдѣлаться великой и могущественной; къ ней вполне подходитъ прекрасное французское выраженіе: «La republique des lettres». Если ей можно пожелать большаго совершенства формы, то французской литературѣ не мѣшало бы пріобрѣсти болѣе глубины со стороны мысли и содержанія. Обѣ великія націи, связанныя теперь блестящей лентой Рейна, призваны понять и пополнить другъ друга; недавняя ненависть можетъ перейти въ обратное чувство...

Эти слова вызвали улыбку на лицѣ Берканьи.

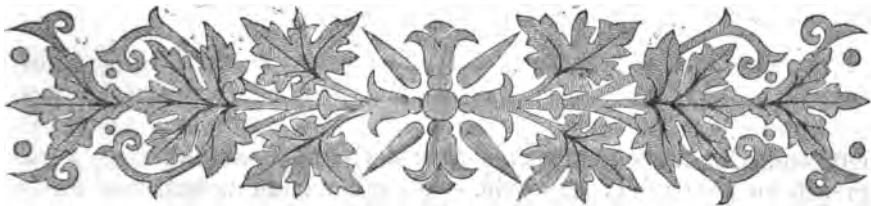
— Вы улыбаетесь,—сказалъ Германъ:—но, какъ вамъ извѣстно, еще Карлъ Великій господствовалъ надъ обѣими націями; онъ какъ бы провидѣлъ огромную имперію, которая, тысячу лѣтъ спустя, создалась при Наполеонѣ. Мнѣ кажется, что самъ Наполеонъ, основывая смѣшанное Вестфальское королевство, имѣлъ въ виду сдѣлать изъ него очагъ для объединенія двухъ націй...

— Какъ глубоко и основательно поняли вы задачи нашего правительства!—сказалъ Берканьи тономъ, въ которомъ болѣе тонкій наблюдатель, чѣмъ Германъ, увидѣлъ бы явное нетерпѣніе.—Къ сожалѣнію, масса всякихъ дѣлъ лишаетъ меня возможности долѣе и чаще бесѣдовать съ вами. Вы должны непременно получить каеѣдру въ Геттингенскомъ университетѣ и вы получите ее. Я самъ буду хлопотать объ этомъ, а пока у васъ будетъ здѣсь пріятное и выгодное занятіе, которое вполне соответствуетъ вашимъ способностямъ. Мы должны начать съ ближайшаго, чтобы не усложнять дѣла, я прежде всего приступлю къ точному исполненію приказаній нашего короля. Видите ли, мнѣ порученъ надзоръ... нѣтъ,—это не подходящее выраженіе—я долженъ слѣдить, на сколько литература согласуется съ политикой, главная задача которой счастье народовъ. Императоръ Наполеонъ ясно видитъ, что нѣмецкая мысль

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ПОЛЕВОЙ.

Съ акварельнаго портрета, рисованнаго въ 1833 году въ Москвѣ Людвигомъ.
Гравюра Панемакера въ Парижѣ.

СОЛОТЧИНСКІЕ МОНАХИ И ИХЪ КРѢПОСТНЫЕ ¹⁾.

СОЛОТЧИНСКІЙ монастырь находится верстахъ въ двадцати отъ Рязани на берегу рѣчки Солотчи, впадающей въ Оку. Основаніе монастыря обыкновенно приписывается рязанскому князю Олегу Ивановичу, тому самому, который одинъ изъ всей Русской земли отказался идти противъ татаръ при Димитріи Донскомъ. Но, по свидѣтельству архимандрита Македонія, Солотчинскій монастырь существо-

валъ будто бы и ранѣе; князь Олегъ только расширилъ его и обогатилъ владѣями и дарственными на деревни и села. Отецъ Македоній рассказываетъ, что дѣло происходило будто бы такъ: «Обозрѣвая свои владѣнія, князь Олегъ прибылъ на то мѣсто на берегу рѣчки Солотчи, гдѣ она впадала въ древности въ рѣку Оку. Здѣсь онъ нашелъ двухъ иноковъ—игуменовъ Василія и Евѣимія, жившихъ съ братіей. Повидавшись съ вышеупомянутыми игуменами и усладившись духовною бесѣдою съ ними, и притомъ плѣнившись красотою мѣстоположенія, такъ какъ съ возвышеннаго берега, на которомъ стоитъ монастырь, открывается прекрасный видъ на далекое пространство, великій князь Олегъ Ивановичъ возвѣстилъ имъ свое намѣреніе устроить монастырь въ гораздо лучшемъ видѣ противъ тогда существовавшего на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ отдыхалъ, утомленный отъ нутешествія».

¹⁾ Матеріаломъ для настоящей статьи послужили бумаги Солотчинскаго монастыря, извлеченныя изъ монастырскаго архива и напечатанныя въ «Журналахъ Рязанской архивной комиссіи», которая, благодаря неутомимой и почтенной дѣятельности своего правителя дѣла А. В. Селиванова, уже обнародовала, со времени своего открытія въ 1884 году, массу весьма важныхъ историческихъ документовъ.

«Кто были эти преподобные отцы игумены, Василий и Евсеимій, откуда родомъ, когда поселились близъ рѣчки Солотчи и до прихода ихъ была ли тамъ св. обитель,—о томъ не осталось никакихъ свѣдѣній. Да и какія происшествія были въ Солотчинскомъ монастырѣ до конца XIV столѣтія, — о томъ ничего неизвѣстно ни по монастырскимъ древнимъ записямъ, ни по жалованнымъ грамотамъ отъ древнихъ князей рязанскихъ и московскихъ».

Вскорѣ «по внушенному свыше намѣренію» Олегъ опять пріѣхалъ на то же мѣсто къ Василию и Евсеимию, и тогда приступили къ постройкѣ въ монастырѣ двухъ церквей—Покровской и Рождественской, «къ утѣшенію оныхъ двухъ игуменовъ съ братіей».

Угрызеніе ли совѣсти, другія ли причины, но Олегъ то и дѣло сталъ наѣзжать въ монастырь и не зналъ, чѣмъ и какъ его надѣлать. Пожертвованіе слѣдовало за жертвованіемъ, вкладъ за вкладомъ, дарственная за дарственной. «Услаждая себя бесѣдою со старцами», Олегъ, наконецъ, принялъ самъ иноческій чинъ съ именемъ Іоны, «не оставляя, впрочемъ, и свѣтлаго своего княжескаго сана». Съ этихъ поръ Олегъ сталъ жить попеременно: то въ Рязани, занимаясь дѣлами, то въ Солотчинскомъ монастырѣ, «стараясь пецись о единомъ на потребу — о спасеніи души». Укрѣпляя его въ этомъ намѣреніи, старцы получали отъ него одну дарственную за другой. Сколько бы сель и деревень и разныхъ бобровыхъ и рыбныхъ лововъ онъ имъ подарилъ, если бы прожилъ долго, неизвѣстно, хотя и то ужъ подарилъ довольно; но «мало-по-малу сталъ ощущать свое здоровье разстроеннымъ отъ разныхъ впечатлѣній, до глубины сердца поражавшихъ его»... Такъ, защищая его отъ нападокъ современниковъ въ несовѣмъ ловкомъ поступкѣ его съ отечествомъ и Димитріемъ Донскимъ, отецъ Македоній говоритъ:

«По случаю отказа его помогать московскому князю Димитрію Іоанновичу, въ борьбѣ противъ Мамаю, онъ былъ обвиняемъ современниками, какъ измѣнникъ своему отечеству, а между тѣмъ единственное его желаніе было въ семь случаевъ избавить своихъ подданныхъ отъ разворенія и убійства Мамаю»... Такъ или иначе, но наконецъ, 5-го іюня 1402 года, его не стало. Передъ кончиной своей онъ принялъ схиму съ наименованіемъ Іоакима. Тѣло его было похоронено въ Солотчинскомъ монастырѣ, въ Покровской церкви, имъ самимъ сооруженной.

Супруга Олега, княгиня Евфросинія, устроила, тоже на рѣчкѣ Солотчѣ, въ трехъ верстахъ отъ мужскаго Солотчинскаго монастыря, женскій Зачатіевской монастырь и тамъ постриглась. Черезъ три года по смерти мужа и она скончалась. Солотчинскіе монахи перенесли ея останки къ себѣ, въ свой монастырь, и похоронили въ общемъ склепѣ съ Олегомъ, въ Покровской церкви. Евфросинія, въ монашествѣ Евпраксія, тоже много жертвовала и завѣщала мо-

настырямъ—Солотчинскому мужскому и Зачатіевскому женскому, ея основанному. Но она жертвовала иногда очень оригинально. Такъ одно село она подарила женскому монастырю, но съ тѣмъ, чтобы завѣдовали имъ монахи и собранный доходъ отдавали монахинямъ, вслѣдствіе чего между нами происходили постоянныя недоразумѣнія.

Солотчинскіе монахи, какъ увидимъ дальше, за рѣдкимъ исключеніемъ, были не только плохіе хозяева, но и въ домашнемъ-то своемъ обиходѣ, вокругъ себя, были крайне безпечны и неряшливы, чтобы не сказать болѣе. Владѣя громаднымъ состояніемъ, они никакъ не могли устроить свой монастырь какъ слѣдуетъ, прочно, хорошо, удобно. Въ монастырѣ идутъ постоянно перестройки, передѣлки и послѣ каждой такой перестройки говорится, что прежнее безобразное и развалившееся зданіе замѣнено новымъ прекраснѣйшимъ. А лѣтъ черезъ десять, черезъ двадцать это «прекраснѣйшее» называется ужъ развалившимся и безобразнымъ... Кромѣ того, монахи иногда сами, въ видахъ ремонта, какъ наши инженеры, понимая, что это выгодно, устраивали искусственныя разрушенія, а потомъ клянчили у казны денегъ на новыя сооруженія. И казна, зная, что у нихъ и своихъ денегъ много, давала иногда... Но такъ или иначе, по нерадѣнію ли, или «искусственно» подкопанная, Покровская церковь въ Солотчинскомъ монастырѣ, въ 1768 году, рухнула подъ гору. Гора эта осыпалась долго, и монахи ничего не предприняли, чтобы этого не случилось. Они «сооружали» архимандричьи шапки по пятисотъ рублей, а денегъ на дѣло у нихъ не было. Они, впрочемъ, были заботливы на столько, что за нѣсколько дней до «катастрофы» вынесли изъ Покровской церкви прахъ Олега и его жены. Съ тѣхъ поръ они покоятся въ монастырскомъ Рождественскомъ соборѣ. Тамъ же показываютъ и «писанные современниками лики» князя Олега и его жены. Эти «писанныя древнею работою княжескія персоны» сохраняются до сихъ поръ. Но извѣстно объ нихъ стало только въ 1768 году, когда монахи доносили о «катастрофѣ» въ консисторію.

Съ легкой руки князя Олега, Солотчинскому мужскому монастырю везло такъ, какъ, можетъ быть, никакому другому въ округѣ. По писцовымъ книгамъ и монастырскимъ описямъ видно, что во всѣхъ селахъ и деревняхъ, принадлежавшихъ Солотчинскому монастырю, было 5,432 человека мужскаго пола. Земли было 24,738 четвертей. Да, кромѣ того, лѣсу принадлежало монахамъ же на 28 верстъ въ длину и на 12 верстъ въ ширину. Этимъ колоссальнымъ имѣніемъ архимандритъ Солотчинскаго монастыря управлялъ съ властью «вполнѣ правительственною», какъ выражается отецъ Македоній.

Изъ архимандричьей описи настоятелямъ и архимандритамъ

Солотчинскаго монастыря видно, что съ основанія монастыря до настоящаго времени всѣхъ начальниковъ въ немъ (настоятелей и архимандритовъ) было числомъ 81. Просматривая эту опись, видишь, что, къ сожалѣнiю, это все почти были или слабые, совершенно непригодные къ управленiю, люди, или, если энергичные, то ужъ излишне, такъ сказать, предприимчивые. И хотя отецъ Македонiй и говоритъ, что въ солотчинскiе архимандриты назначались, «большею частью, ученые, получавшiе оный монастырь въ свое завѣдованiе, какъ бы въ награду за понесенные труды и важныя заслуги отечеству»; но историческихъ именъ между ними нѣтъ ни одного, если не считать Софронiя Лихуда, бывшаго въ Солотчинскомъ монастырѣ архимандритомъ съ 1723 по 1729 годъ. Да и то онъ попалъ туда, благодаря, кажется, Петру Великому, умѣвшему понимать и цѣнить людей, какъ слѣдуетъ. Послѣ длиннаго ряда блѣдныхъ и совершенно безцвѣтныхъ именъ, имя ученаго грека дѣйствительно рѣзко выдѣляется, но оно одно и есть.

Большой и богатый Солотчинскiй монастырь жилъ совершенно особнякомъ и отъ всѣхъ историческихъ событiй, повидимому, нисколько не интересуясь даже ими. Не было въ немъ ни изгнанниковъ, ни заточенниковъ сколько нибудь извѣстныхъ. Только одно время, при игуменѣ Пименѣ (1579—1582), онъ какъ будто приблизился было къ событiямъ своего времени, или, лучше сказать, хотѣлъ приблизиться. Въ окладной книгѣ того времени, по случаю преставленiя царевича Ивана Ивановича, значится: «Государь и самодержецъ Иванъ Васильевичъ далъ милостины архимандриту Пимену съ братiей 150 рублей для поминовенiя его сына, царевича Ивана, имъ самимъ убиеннаго, на обѣдняхъ и панихидахъ въ день преставленiя его, ноября въ 20-й день, съ устройствомъ братiи корма, и въ день тезоименитства его, царевича, 30-го марта, также съ кормомъ для братiи». Иванъ вспомнилъ, раздавая милостыню, о Солотчинскомъ монастырѣ. Но это и все. Остальныя свѣдѣнiя о цѣломъ рядѣ архимандритовъ не идутъ далѣе сломокъ однихъ монастырскихъ строенiй и ремонтъ и перестройкъ другихъ. Иногда встрѣчаются тяжёбныя и даже чисто кляузныя дѣла, возможныя только при совершенно пустой, празднои и безсодержательной жизни. При всей добросовѣстности и даже доброй тенденциозности, составителю описи архимандритамъ, отцу Македонiю, большей частью, ничего не удается въ смыслѣ характернаго изображенiя того или другаго солотчинскаго правителя. Всѣ они выходятъ одинакiе. Напр., Андроникъ (1590—1597): «При архимандритѣ Андроникѣ куплено, 1590 года, ко владычей Θεодосiевой памяти меду полтора пуда». А въ слѣдующемъ году: «Быль кормъ по царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ, согласно желанiю Василiя Ивановича, и послано въ городъ Рязань 5 алтынъ на калачи на милостыню». По поводу этого, про архимандрита Андроника

можно сказать только, что онъ былъ плохой очень, должно быть, хозяинъ, такъ какъ, имѣя шесть тысячъ ульевъ монастырскаго пчельника и получая, кромѣ того, по фунту съ cadaго мужичьяго улья, покупалъ еще медъ за деньги. Неужели своего меду не хватало? Но, видно, не хватало, потому что въ слѣдующемъ году отецъ Андроникъ опять послалъ казначея въ Переяславль за медомъ, и на этотъ разъ куплено было меду 2 пуда.

И такихъ большинство огромное. Нѣкоторое оживленіе въ описи начинается съ архимандрита Игнатія, счетомъ пятидесятаго и правившаго Солотчинскимъ монастыремъ съ 1688 года по 1697 годъ. Это былъ, по крайней мѣрѣ, человекъ несомнѣнно энергичный, многое начиналъ, многое доводилъ и до конца. Но, къ несчастію, излишне предприимчивый, онъ не понималъ духа времени, не понималъ и человека, съ которымъ ему пришлось столкнуться (Петра I), и кончилъ нехорошо. Энергія и предприимчивости онъ долженъ быть замѣчательной. Онъ постоянно за работою: ломаетъ, строитъ, покупаетъ, мѣняетъ, продаетъ, сбываетъ плетями, сажаетъ на цѣпь. Даже бабъ и дѣвокъ, принадлежавшихъ монастырю, онъ находилъ время исправлять. «Архимандритъ Игнатій,—рассказываетъ отецъ Македоній, его біографъ,—былъ очень строгъ къ слабостямъ человѣческимъ и къ увеселительнымъ обычаямъ». Въ селѣ Григорьевскомъ, принадлежавшемъ монастырю, на масляницѣ «женки и дѣвки» крестьянскія катались и играли на снѣгу. «Архимандритъ Игнатій, узнавъ о такомъ безчиніи отъ своего поселскаго монаха, жившаго въ томъ селѣ, приказалъ ему наказывать плетями нещадно тѣхъ женокъ и дѣвокъ». Также велѣлъ высѣчь плетями ихъ отцовъ, матерей, мужей и братьевъ, чтобы лучше смотрѣли. И монахъ ихъ всѣхъ пересѣкъ...

«Будучи ревнителемъ правды и благочестія,—говоритъ о немъ отецъ Македоній,—архимандритъ Игнатій имѣлъ при себѣ еще особенный даръ вразумлять и научать всѣхъ уклонившихся съ пути благочестія и благочинія. А потому во время настоятельства его въ Солотчинскомъ монастырѣ постоянно находились разнаго сословія люди, подвергавшіеся церковной эпитиміи за свои преступленія. Даже самъ патріархъ московскій Адрианъ былъ извѣстенъ о свѣтломъ умѣ и рѣдкихъ способностяхъ Игнатія. Онъ спросилъ однажды своего иподіакона объ архимандритѣ Игнатіи и, когда получилъ отъ иподіакона со всѣхъ сторонъ одобрятельный о немъ отзывъ, то сказалъ: «Хорошъ-то, хорошъ онъ, архимандритъ, но голосомъ-то тонокъ». Что означало это прорипаніе, отецъ Македоній не объясняетъ, и дальше продолжаетъ: «Разматривая древнія записи, характеризующія образъ жизни архимандрита Игнатія, можно заключить, что онъ былъ весьма строгъ къ подчиненнымъ и къ эпитимійцамъ». Въ Солотчинскій монастырь къ нему присылали положительно на истязаніе. Сохранились извѣстія о двухъ попахъ Кодратъ и Ва-

силія. Обоихъ ихъ Игнатій посадилъ на цѣпь и такъ и держалъ. Кюдрать Богословскій былъ изъ Мурома и содержался за поносы нѣкоего въ смертоубійствѣ. «Онъ попъ Кюдрать содержался въ такой жестокости 24 дня, по прошествіи коихъ велѣно указомъ отъ митрополита только цѣпь съ него снять, оставивъ во всемъ томленіи». Другой примѣръ: указомъ преосвященнаго митрополита Авраамія былъ присланъ въ Солотчинскій монастырь подъ эпитимію Рязанскаго уѣзда, Каменскія десятины, села Панинскаго, воскресенскій попъ Василій, который, довольно времени проживъ въ монастырѣ и подъ тяжестью наказанія утомившись, просилъ письменно митрополита Авраамія объ уменьшеніи наказанія. Вотъ какое отъ слова до слова было его прошеніе: «Государю преосвященному Авраамію митрополиту рязанскому и муромскому, бьетъ челомъ богомольецъ твой, попъ Василій. Прогнѣваль я Господа Бога и тебя, архіерея Вожія, и за мою страдничью вину указаль ты, государь, сослать меня въ Солотчинскій монастырь подъ началь, и я, богомольецъ твой, въ чепѣ и трудахъ и на каменномъ дѣлѣ (тогда въ монастырѣ строилась новая каменная Успенская церковь) въ черной работѣ, и чепь, государь, на мнѣ большая, и стало мнѣ, богомольцу твоему, тошно и не возможно. Милостивый государь, преосвященный Авраамій, митрополитъ рязанскій и муромскій, пожалуй меня, богомольца твоего, вели, государь, съ меня чепь снять и быть на работѣ безъ чепи. Государь, смилуйся, пожалуй». На этомъ прошеніи попа Василія послѣдовала такая резолюція: «велѣтъ цѣпь сложить». И по митрополичью указу съ попа Василія цѣпь снята.

Но, будучи такимъ строгимъ, архимандритъ Игнатій, «любя благолѣпіе», не отказывалъ себѣ. Такъ, въ первый же годъ своего архимандритства въ Солотчахъ, онъ накупилъ въ Москвѣ массу бархата, атласа, камки венеціанской, бархату таусиннаго, шелковъ шемаханскихъ и китайскихъ, серебряныхъ и золотыхъ кружевъ, жемчугу, каменьевъ и проч. Все это онъ привезъ въ монастырь и изъ всего этого велѣлъ понадѣлать платья, шапокъ, посоховъ и проч. А будучи человекомъ «находчивымъ», въ то же время писалъ ко всѣмъ тогдашнимъ выдающимся людямъ и даже къ самой царевнѣ Софіи усердныя и слезныя прошенія о милостынѣ, ссылаясь на нужды монастырскія. Сохранилось одно такое его посланіе къ царевнѣ Софіи. Въ немъ онъ рассказываетъ ей, что монастырь Солотчинскій въ ужасномъ упадкѣ, что всѣ каменные постройки въ немъ рушились, облаченіе въ немъ все истлѣло и т. д., и т. д., однимъ словомъ нищенствующая братья и въ положеніи самомъ безпомощномъ. Неизвѣстно, знала ли Софья, читая это посланіе, о томъ, что у этого нищаго монастыря пять тысячъ душъ крестьянъ, слишкомъ двадцать тысячъ десятинъ пахатной и луговой земли и что глѣсъ, принадлежащій ему, считается десятками верстъ въ ширину и длину. Но Петръ впоследствии, повидимому,

зналъ это и, напрягая на пользу отечества всѣ свои силы и силы всего государства, потребовалъ помощи и отъ монастырей, въ томъ числѣ и отъ Солотчинскаго, конечно. Отецъ Македоній не упоминаетъ, сохранилась ли по этому вопросу какая либо переписка въ Солотчинскомъ монастырѣ, а также и не обращался ли Игнатій когда нибудь за помощью и милостыней къ Петру; но несомѣнно, что какъ ни былъ архимандритъ Игнатій «находчивъ», а Петръ оказался, всетаки, находчивѣе его. Потребовавъ присылки помощи на государственныя нужды и получивъ отказъ, онъ просто-на-просто велѣлъ «за сопротивленіе указамъ о пожертвованіяхъ съ церковей на пользу отечества» лишить его сана и сослать въ заточеніе.

Такъ печально кончилъ свою карьеру этотъ, во всякомъ случаѣ, незаурядный монахъ Солотчинскаго монастыря, вообще бѣднаго даже и такими характерами.

За Игнатіемъ опять начинается цѣлый рядъ совершенно безцвѣтныхъ личностей, ничего не сдѣлавшихъ даже и для себя, для своей личной и монастырской пользы. Попробовалъ было одинъ изъ преемниковъ Игнатія, Сергій, обратиться къ Петру на счетъ какихъ-то перестроекъ и новыхъ построекъ въ монастырѣ, но тотъ рекомендовалъ ему обойтись собственными средствами, а въ крайности ужъ обратиться за сборомъ средствъ къ монастырскимъ крестьянамъ, но въ такомъ случаѣ представить росписки всего забраннаго у нихъ. «Но таковой указъ о необходимыхъ постройкахъ и починкахъ по монастырю оставленъ архимандритомъ Сергіемъ безъ послѣдствій»... Потомъ этотъ же архимандритъ Сергій упоминается по поводу одного очень щекотливаго дѣла—именно по дѣлу о продажѣ изъ монастыря за 60 рублей трехъ образовъ и о «прочемъ монастырскомъ всякомъ истощеніи», на что жаловались всѣ остальные монахи.

За Сергіемъ слѣдуетъ Харитонъ. Этотъ замѣчателенъ тѣмъ только, что за его посвященіе заплачено 12 рублей пошлины. За Харитономъ слѣдуетъ Исаакій. Этотъ архимандритъ тоже не оправдалъ возлагавшихся на него монастыремъ надеждъ. Въ началѣ онъ хотя и началъ было ходатайствовать и стараться о полученіи пособій отъ начальства на постройки и перестройки, «но на самомъ дѣлѣ и онъ оказался,—говоритъ отецъ Македоній,—такимъ же равнодушнымъ, какъ и прежде бывшіе настоятели». Неизвѣстно, какъ это произошло и вышло, но и Исаакія постигъ гнѣвъ Петра. По указу «за важныя его продерзости и непристойныя слова отъ архимандритства отрѣшенъ и, вмѣсто жестокаго наказанія, сосланъ въ подначальство въ московскій Симоновъ монастырь до указу». Исаакій вскорѣ, однако, выхлопоталъ себѣ другой указъ, изъ синода, о прожитіи ему въ Солотчинскомъ монастырѣ, о томъ, чтобы ему давали двойную порцію пищи и чтобы разсмотрѣли и прислали въ синодъ его какую-то денежную пре-

тенвию. Тутъ вотъ, въ исковыхъ дѣлахъ, Исаакій оказался даже не зауряднымъ дѣльцомъ. Живя въ монастырѣ, на свободѣ и на готовой двойной порціи, онъ велъ процессы съ этимъ же Солотчинскимъ монастыремъ и въ синодѣ и, кромѣ того, завелъ еще тяжбу въ Рязани съ солотчинскимъ казначеемъ «за неуплату ему, Исаакию, казначеемъ денегъ, потраченныхъ имъ, будто бы, изъ своихъ собственныхъ на покупку вина и меда». И такъ преслѣдовалъ отца казначея, что «по его, Исаакія, доносу неоднократно приѣзжали изъ Рязани подьячій и пристава къ казначею Сергію, возили его въ Рязань и держали его подъ стражею и даже въ желѣзахъ. Наконецъ, деньги 33 руб. 8 алтынъ и 2 деньги были уплочены и казначей освобожденъ». Изъ этихъ денегъ онъ 10 рублей далъ вкладу въ монастырь «по своимъ родителехъ», а потомъ, по нѣкоторомъ времени сталъ требовать обратно и ихъ, и еще какія-то 680 рублей, тоже будто истраченныхъ имъ изъ своихъ... Но чѣмъ этотъ процессъ кончился, ужъ неизвѣстно; отецъ Македоній, по крайней мѣрѣ, объ этомъ не упоминаетъ, точнѣе, говоритъ, что и ему неизвѣстно... Въ заключеніе объ архимандритѣ Исаакіи говорится: «Вообще, архимандритъ Исаакій былъ жестокаго, скупаго, неуживчиваго съ людьми и привязчиваго характера, какъ видно изъ записей того времени. 1723 года 14 дня казначей Солотчинскаго монастыря, іеромонахъ Михайлъ, былъ взятъ въ рязанскій архіерейскій духовный приказъ противъ челобитчика, бывшаго архимандрита Исаакія, къ допросу во взятомъ будто бы винѣ изъ чулана и въ забитіи замковъ. По слѣдствію оказалось, что это была суцая ложь».

Послѣ Исаакія былъ Сильвестръ. Онъ замѣчателенъ только тѣмъ, что при немъ Петръ вышелъ наконецъ изъ терпѣнія; постоянныя исторіи съ укрывательствомъ въ монастыряхъ всякихъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ заставили его издать строжайшій указъ о недержаніи этихъ бѣглыхъ, и потомъ второй указъ о посвященіи на будущее время въ монахи только отставныхъ солдатъ...

Затѣмъ начинаются свѣтлыя страницы въ исторіи Солотчинскаго монастыря. Преемникомъ Сильвестра былъ назначенъ извѣстный Софроній Лихудъ, одинъ изъ двухъ братьевъ, вызванныхъ изъ-за границы еще при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и много потрудившихся для насажденія образованія въ Россіи. Они оба были воспитанниками Падуанскаго университета. Они, какъ извѣстно, были въ Москвѣ основателями Славяно-греко-латинской академіи. Это было первое въ Россіи публичное заведеніе не только для духовныхъ, но и для свѣтскихъ. «Отъ сего ученаго разсадника, говорится въ описи солотчинскимъ архимандритамъ, стали разводиться училища и въ прочихъ городахъ. И за столь единственную и величайшую для Россіи пользу, сіи два брата, нарочно вызванные изъ родной своей страны, претерпѣли заточеніе со всѣми его тяго-

стями». Дѣло вышло, разумѣется, по доносу, которые тогда были въ большой модѣ и въ большомъ ходу. На Лихудовъ донесли, что они будто бы захватили подѣ школы земли, принадлежащія Законоспасскому монастырю, и вели дѣло доноса и слѣдствія такъ искусно и успѣшно, что обоихъ братьевъ лишили наконецъ права обученія въ школахъ и сослали сперва въ Новоспасскій, а потомъ въ Костромской Ипатіевскій монастырь, гдѣ они и были содержимы подѣ началомъ и присмотромъ пятнадцать лѣтъ!.. Но какъ только Петръ укрѣпился и принялся за работу государственнаго строенія, его зоркій глазъ тотчасъ отыскалъ несчастныхъ заключенниковъ, труженниковъ братьевъ, и Лихуды были вновь призваны къ дѣятельности. На этотъ разъ имъ поручено было основаніе греко-латинскихъ и славянскихъ школъ въ Новгородѣ и преподаваніе въ нихъ. Одна такая школа существуетъ тамъ и до сихъ, подѣ названіемъ Лихудіевской. Въ нихъ учили тогда реторикѣ, логикѣ, латинскому и греческимъ языкамъ. Изъ Новгорода Лихуды были вызваны опять въ Москву для обученія молодыхъ людей. Въ 1717 году, одинъ изъ братьевъ, Іоанникій, скончался. Вскорѣ, должно быть, надломилась здоровье и другаго брата Софронія. Указомъ Петра отъ 17-го февраля 1723 года Софроній Лихудъ назначенъ архимандритомъ въ Солотчинскій монастырь «въ вознагражденіе достохвальныхъ и достополезныхъ его трудовъ при обученіи російскаго юношества». Но это ужъ состоялось, вѣроятно, вслѣдствіе требованія покоя для разстроеннаго здоровья. Однако, и тутъ Софроній продолжалъ много еще трудиться. По кончинѣ Петра его не забывала и Екатерина. Она приказала выдавать ему, по разстроенному его здоровью, можетъ быть, на лѣченіе, по сту рублей въ годъ «за его, архимандрита Софронія, прежде бывшіе въ греческихъ школахъ многовременные труды и полезные Россійскому государству и всѣмъ извѣстные». Но сами солотчинскіе монахи, какъ видно, неособенно были довольны назначеніемъ его къ нимъ. Они постоянно писали все какія-то прошенія объ отставкѣ его отъ архимандритства и даже тратили охотно на это деньги, посылая ходоконъ съ прошеніями и снабжая ихъ на дорогу деньгами и всѣмъ нужнымъ. Указомъ святѣйшаго синода 6-го мая 1729 года наконецъ повелѣно: «Рязанской епархіи Солотчинскаго монастыря Софронія Лихудева за всесовершенною старостію и изнеможеніемъ по случаю параличній болѣзни отъ той архимандріи отрѣшить и опредѣлить для успокоенія старости его въ Новоспасскій монастырь, что при Москвѣ, въ особую келію».

Удалили старика Лихуда, и въ Солотчинскомъ монастырѣ опять пошли прежніе порядки. Опять въ описи встрѣчаются упоминованія о такихъ грустныхъ поступкахъ отцевъ архимандритовъ, о которыхъ нельзя не скорѣть. Уже преемникъ Софронія Лихуда, архимандритъ Аркадій, началъ вести себя недостойно. Началось, ра-

зумѣтся, съ испрашиванія всякихъ вспомоствованій и милостей по случаю будто бы необходимости построекъ и перестроекъ въ монастырѣ, «выражая свое какъ бы сожалѣніе о немъ и благопопеченіе, говоритъ отецъ Македоній, а въ самомъ дѣлѣ болѣе заботясь о временномъ для себя стяжаніи, но не о пользѣ монастыря». Архимандритъ Аркадій чѣмъ только не былъ. Сперва онъ былъ гардемариномъ, потомъ вышелъ изъ морской службы и поступилъ въ монахи; потомъ опять поступилъ во флотъ и былъ даже адъютантомъ у вице-адмирала Гордона; потомъ опять поступилъ въ монахи. Онъ кончилъ только скверно: черезъ два-три года, какъ сдѣлали его солотчинскимъ архимандритомъ, онъ уже содержался «за нѣкоторыя свои дѣла» подъ стражей. Потомъ «судился въ расхищеніи и въ прочихъ непотребныхъ поступкахъ, въ воровствѣ, въ грабительствѣ». Наконецъ, у какого-то «пѣшехода» отнялъ деньги на дорогѣ. Всѣ эти походы его доходили до синода и его нѣсколько разъ указами требовали въ Петербургъ, но указы эти въ Рязани задерживали и ходу имъ не давали. Наконецъ, изъ Петербурга былъ присланъ взять его дворянинъ Тимофей Рагозинъ, который его арестовалъ и увезъ съ собою. При отправленіи Аркадія въ Петербургъ съ дворяниномъ Рагозинымъ, ему, Аркадію, были закованы руки и ноги въ глухіе кандалы, за чтѣ въ Рязани въ Кузницѣ дано 40 коп., чтѣ видно изъ расходной монастырской книги. Въ послужномъ спискѣ объ архимандритѣ Аркадіи сказано: «Архимандритъ Аркадій въ монастырѣ жилъ четыре года, роста средняго, лицомъ круглолицъ, бѣлъ и опрятенъ, глаза сѣрые, борода малая, свѣтлорусая, волосы на головѣ кудреватые. По нѣкоторому важному дѣлу монашескій санъ съ него снятъ и отосланъ онъ въ переславскую провинціальную канцелярію и въ той канцеляріи наказанъ кнутомъ и отвезенъ въ С.-Петербургъ».

Но не задолго до этой экзекуціи, по ходатайству, начатому еще Аркадіемъ и потомъ продолжавшемуся настоятелемъ Іаковымъ, были присланы деньги на покупку разныхъ «ветхостей» въ Солотчинскомъ монастырѣ, всего 800 руб. «Однако же, — замѣчаетъ составитель описи, — и на эти деньги не видно никакой починки по монастырю, и зданія монастырскія болѣе и болѣе разваливались, гнили и упали»...

Іоасафъ (1733—1739). Онъ назначенъ былъ на мѣсто Аркадія. Объ немъ извѣстно только, что онъ «былъ блѣденъ лицомъ и долгоносъ, брови имѣлъ бѣлые». При архимандритѣ Іоасафѣ было строжайшее отъ императрицы Анны Іоанновны подтвержденіе Петровскаго распоряженія о постриженіи въ монашество лишь вдовыхъ священниковъ и отставныхъ солдатъ. Въ видѣ штрафа, назначалось за нарушеніе этого распоряженія брать съ архіереевъ за cadaго, вопреки указу постриженнаго, 500 руб. «Да и вдовыхъ священниковъ и отставныхъ солдатъ, сказано въ указѣ, по-

стригать въ монашество не иначе, какъ по предварительномъ чрезъ епархіальныхъ архіереевъ донесеніи о томъ св. синоду, дожидаясь оттуда дозволенія». При слѣдующемъ, Давидъ, въ Солотчинскомъ монастырѣ получилъ указъ «объ отправленіи ко Господу Богу благодарственнаго моленія съ цѣлodneвнымъ звономъ о здоровіи его императорскаго величества Іоанна Антоновича и дражайшихъ родителей его: ея императорскаго высочества благовѣрной государыни правительницы великой княгини Анны всея Россіи и супруга ея благороднаго государя Антона, герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго». При немъ же, въ слѣдующемъ году, были получены указы отъ правительницы Анны Леопольдовны о постриженіи всякаго чина людей въ монашество, вопреки указамъ 1723 и 1734 годовъ... Давида обвиняли: «въ излишнихъ» поборахъ съ крестьянъ, въ истязаніи старосты, въ захватѣ чужой земли и проч. При слѣдующемъ за симъ архимандритѣ Алимпіи въ Солотчинскомъ монастырѣ было нѣчто въ родѣ возмущенія, такъ какъ на него жаловалась вся братія, и онъ по таковой жалобѣ былъ отрѣшенъ отъ должности.

Преемникъ его, Θεодосій, замѣчате лень тѣмъ, что при немъ въ Солотчинскомъ монастырѣ былъ полученъ указъ о несѣченіи монаховъ вообще. Онъ ѣздилъ также на слѣдствіе въ Симбирскую губернію «о притѣсненіяхъ и разныхъ взяткахъ и обидахъ, чинимыхъ священно-церковно-служителями новокрещеннымъ инородцамъ». Онъ же соорудилъ на пожертвованныя въ монастырь 500 рублей архимандричью шапку «на бархатѣ съ жемчугомъ съ восточными камнями и съ прочими украшеніями». Но, будучи постоянно обвиняемъ всей братіей, изъ солотчинскихъ архимандритовъ былъ тоже низложенъ.

Затѣмъ изъ цѣлаго ряда слѣдующихъ архимандритовъ и настоятелей поражающе рѣзко выдѣляется Іоанникій Уткинъ. Ни приснопамятный Аркадій, ни до него, ни послѣ него, никто не позволялъ себѣ того, что «сей рекомендованный съ отличной стороны». Просто не вѣрится, когда читаешь повѣсть о его дѣлахъ. Бытописатель, составитель описи архимандритамъ солотчинскимъ, такъ говоритъ объ немъ и къ этому нечего прибавлять еще: «Сей рекомендованный мужъ, отбавившій разныя вещи, ранѣе сего, изъ архіерейской ризницы, которой нѣкогда завѣдовалъ, и, прибравши ихъ, завѣдуя Солотчинскимъ монастыремъ, добрался и до Солотчинской ризницы, въ то время очень богатой. У Солотчинскаго монастыря въ то время исчезло: настоятельская эпитрахиль, унизанная изумрудами, яхонтами и жемчугомъ, какъ то видно изъ монастырскихъ описей XVIII вѣка, не говоря о многихъ пуговицахъ и дробницахъ, и о золотѣ, и серебрѣ на ней. Въ то же время и жемчугу не стало около $\frac{1}{4}$ четверика... Не стало выноснаго евангелія, обложеннаго золотомъ, и многихъ другихъ цѣнныхъ вещей. Для отклоненія подозрѣнія отъ себя онъ въ церковной тра-

пезъ нарочно произвелъ пожаръ.. Для большаго разоренія Солотчинскаго монастыря, онъ не устыдился надрывать оный въ его основаніи—сталъ продавать кирпичъ изъ той каменной стѣны, которая была устроена внизу монастыря противъ каменнаго подвода для укрѣпленія осыпавшейся песчаной горы и для сопротивленія напора воды во время весенняго разлива ея. Но, къ счастью монастыря, въ семь вредномъ дѣлѣ былъ замѣченъ, а четверть оной ограды уже не стало»...

Не менѣе непостижимымъ самаго этого поступка представляется и тотъ фактъ, что какъ же это онъ, Уткинъ, могъ продѣлывать все это одинъ, безъ помощниковъ и подручныхъ? Къ удивленію, въ описи объ нихъ ничего не упоминается. Еще можно допустить, что онъ одинъ «отбавлялъ» изъ архіерейской и потомъ солотчинской ризницъ жемчуги, изумруды и яхонты, но какъ же было ему одному безъ соучастниковъ и единомышленниковъ подкопать и похитить цѣлую четверть всей монастырской ограды? Очевидно и несомнѣнно, что помощники и участники у него были и даже много у него ихъ было, можетъ, даже добрая половина монаховъ трудилась въ этомъ дѣлѣ, но дѣло велось такъ «чисто», что никто не попался, одинъ только онъ, инициаторъ всего, Іоанникій. Въ 1823 году, Іоанникій Уткинъ, наконецъ, былъ удаленъ изъ Солотчинскаго монастыря и переведенъ на то же мѣсто въ одинъ изъ московскихъ монастырей, не бывъ ничѣмъ даже запятнанъ за расхищеніе ризницъ архіерейской и солотчинской.

На мѣсто Іоанникія Уткина поступилъ Никандръ; «но и онъ не былъ лучше своего предмѣстника по недобросовѣстности»,—добавляетъ все тотъ же отецъ Македоній, составитель описи архимандричьей.

Уже изъ этого краткаго перечня всякихъ злоупотребленій и дебошей, почти не прекращавшихся въ монастырѣ втеченіе всего его существованія, начиная со времени великаго князя Олега и кончая началомъ текущаго столѣтія, видно, что солотчинскіе монахи не могли даже и быть хорошими хозяевами. Въ этомъ отношеніи имъ далеко хотя бы, напримѣръ, до соловецкихъ монаховъ, которые за поясъ заткнутъ какого угодно сельскаго хозяина и изъ мірянъ. Да у нихъ, у солотчинскихъ монаховъ, никогда и не было такой школы, какъ у соловецкихъ. Въ то время, какъ первые получали и наживали свое состояніе «находчивостью»,—по прекрасному выраженію составителя описи,—послѣдніе должны были тяжкими трудами добывать свой хлѣбъ и скопили себѣ состояніе по грошамъ почти. Оттого оно у нихъ и было всегда прочно.

Состояніе у Солотчинскаго монастыря, какъ мы видѣли, было огромно. Но, легко доставшееся монахамъ, оно не цѣнилось, повидимому, ими. Ни изъ чего не видно ихъ заботъ, напримѣръ, ни объ улучшеніи этого хозяйства, ни даже о сохраненіи его, ибо нельзя же

принимать за таковыя извѣстія о томъ, что тогда-то архимандритъ съ братіей дѣлалъ пересмотръ налоговъ и податей, платимыхъ монастырю крестьянами, и что послѣднимъ, вмѣсто такого-то количества денегъ и припасовъ, велѣно собирать съ двора такое-то, всегда притомъ еще большее...

Да этой заботливости и хозяйственной дѣловитости у солотчинскихъ монаховъ, занятыхъ постоянными домашними распрями и междуусобіями, не могло даже и быть по причинамъ прямо противоположнымъ тѣмъ, которыя сдѣлали изъ соловецкихъ монаховъ такихъ отличныхъ и извѣстныхъ хозяевъ: легкая нажива, безпечальное времяпрепровожденіе, да еще при «находчивости», совершенно освобождали ихъ отъ какой бы то ни было необходимости заботиться объ источникахъ своихъ доходовъ. Иасякали они, или расхищались болѣе «находчивыми» изъ своихъ же, монастырь въ лицѣ архимандрита обращался, въ такомъ случаѣ, къ князьямъ, царямъ и потомъ императорамъ и императрицамъ, отъ которыхъ всегда почти и получалъ щедрія вспомошествованія, исключая, впрочемъ, одного Петра Великаго, видимо не сочувствовавшаго подобнымъ къ нему обращеніямъ.

Такимъ образомъ, совершенно естественно объясняется тотъ поразительный, повидимому, фактъ, что монастырь, населенный никакъ не больше какъ пятьюдесятью или шестьюдесятью монахами и владѣющій десятками тысячъ десятинъ пахатной, луговой и степной земли и, кромѣ того, лѣсомъ въ нѣсколько десятковъ верстъ, постоянно нуждается въ деньгахъ. У плохихъ хозяевъ, при плохомъ ихъ хозяйствѣ, всегда такъ и бываетъ. Такъ точно бывало и у помѣщиковъ: имѣніе большое, и лѣса и луга и все, кажется есть, а почему-то, слышишь, все бывало нуждалось: безхозяйство, безразчетность. И какъ помѣщики безхозяйственные и безразчетные вѣчно искали гдѣ бы занять, такъ точно и безхозяйственные и безразчетные монахи, вмѣсто того, чтобы заняться дѣломъ и какъ слѣдуетъ поставить это дѣло, только и знали, что кланчили или пускали въ ходъ свою «находчивость»... Въ этомъ отношеніи у нихъ было очень много общаго съ помѣщиками. Это сходство ихъ замѣчается даже и въ той странности и причудливости, которыми отличаются ихъ вкусы, надобности и потребности, для удовлетворенія которыхъ они нуждаются въ деньгахъ. Сегодня, вы читаете, они «сооружаютъ въ 500 рублей архимандричью шапку», Богъ знаетъ для чего вдругъ имъ понадобившуюся, а завтра они не знаютъ, гдѣ бы имъ достать двѣсти рублей, чтобы перекрыть проржавѣвшую или провалившуюся крышу надъ трапезой. Имѣютъ своихъ собственныхъ шесть тысячъ ульевъ пчель, получаютъ, кромѣ того, еще по фунту съ cadaго изъ ульевъ своихъ крестьянъ, и имъ, этимъ пятидесяти монахамъ, все мало меду, они его все покупаютъ пудами и даже по фунтамъ. Совсѣмъ, какъ бы-

вало это въ старыхъ помѣщичьихъ домахъ, гдѣ хозяйство было запущено и имъ никто не занимался: сегодня балъ, съѣзжается полтуѣда гостей, и въ домѣ оказывается нѣтъ и фунта сахару. Или сахаръ есть, а нѣтъ муки и проч.

Но этимъ, однако жъ, все сходство и кончается. Затѣмъ еще начинается такая разница въ ихъ отношеніяхъ къ своимъ помѣстьямъ, что исключаетъ совершенно всякую возможность даже сравненія ихъ однихъ съ другими. Это особенно рѣзко высказывается въ формѣ отношеній монаховъ къ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ и въ домашнемъ обиходѣ и во всемъ вообще бытѣ этихъ послѣднихъ. Кто немного только знакомъ былъ съ бытомъ помѣщичьихъ крѣпостныхъ крестьянъ, того непременно сразу же поразитъ эта замѣчаемая имъ разница, хотя бы, напримѣръ, при чтеніи даже и такого сухаго перечня однихъ расходовъ, которые записаны въ расходной книжкѣ старосты села Преображенскаго, принадлежавшаго тоже Солотчинскому монастырю.

Эта въ высшей степени интересная записная книжка, веденная несчастнымъ мужикомъ, почти все время проводящимъ въ кандалахъ и колодкахъ, и одолеваемымъ подьячими и наѣзжими монахами, совместно истребляющими ужасающее количество свинины, гусятины, масла, рыбы, меда, — такъ хорошо характеризуетъ бытъ и вообще все угнетенное положеніе монастырскихъ крестьянъ, что тутъ и рѣчи даже не можетъ быть ни о какомъ сравненіи ихъ положенія съ положеніемъ крѣпостныхъ, принадлежавшихъ помѣщикамъ. Вотъ гдѣ историкъ крѣпостнаго права въ Россіи найдетъ для себя драгоценный матеріалъ. Патриархальный, отеческій элементъ, которымъ оправдывали нѣкогда и защищали помѣщичью власть, здѣсь ужь отсутствуетъ совершенно, не представляя нигдѣ ни одного даже намека на что либо подобное отношеніямъ дѣтей къ своимъ отцамъ, или, правильнѣе, наоборотъ, отцовъ къ своимъ дѣтямъ. Дѣти эти были брошены буквально на произволъ каждаго встрѣчнаго и грабить ихъ могъ, кто только хотѣлъ. Никакой заботы объ нихъ, кромѣ заботы взиманія разныхъ вкладовъ и сборовъ, монастырь не имѣлъ и имѣть даже не хотѣлъ. Отцы архимандриты посылали только свои благословенія старостамъ, тщетно старавшимся добиться отъ нихъ хоть какогонибудь толка въ полученныхъ приказаніяхъ и предписаніяхъ. Пріѣдетъ въ монастырское село какойнибудь подьячій и грабить, и дебоширить въ немъ сколько угодно, а староста съ выбранными людьми должны только улаживать его, и не только его одного, но даже и всякую пріѣхавшую съ нимъ разную родню его. Этотъ уѣхалъ, другой пріѣхалъ, и этого надо улажить. А то пріѣдетъ вдругъ монахъ изъ монастыря. Это тоже было для села неособенно радостное извѣстіе. Прежде всего, сейчасъ покупалась «туша свинины, да полтуши свинины жъ, да задъ говядины, да два гнѣзда

тетеревей» и т. д., и т. д. Невѣроятно, конечно, чтобы это все съѣдалъ одинъ монахъ или одинъ казначей, очевидно, происходили при этомъ пиры, на которыхъ пріѣзжай только игралъ роль амфитріона, но для мужиковъ-то это было рѣшительно все равно, если еще не хуже, такъ какъ приходилось исполнять блажь и всякія причуды цѣлой компаніи. Очень часто случалось, что при этомъ начинались еще и разныя вымогательства съ мужиковъ, доходившія иногда до очень солидныхъ суммъ. Такъ, одинъ архимандритъ солотчинскій выманилъ у одного своего старосты разными вымогательствами—содержаніемъ на цѣпи, надѣваніемъ на шею колодокъ и проч., болѣе шестидесяти рублей,—цифра по тогдашнему времени очень большая.

Самый послѣдній даже изъ помѣщиковъ подобныя наѣзды подьячихъ и чиновниковъ, а впослѣдствіи становыхъ приставовъ и исправниковъ, въ свое имѣніе считалъ бы за личное для себя оскорбленіе. Если имѣешь какое дѣло, пріѣзжай къ нему самому, съ нимъ объ этомъ дѣлѣ толкуй, получай, если тебѣ это слѣдуетъ, но крестьянъ трогать и тормозить не смѣй. И вся эта саранча въ помѣщичьи имѣнія не ѣздила, и въ помѣщичьихъ деревняхъ такихъ безчинствъ никогда не бывало. И это не только такъ было въ старину, но это было въ самое даже послѣднее время, передъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права. Въ этомъ отношеніи, положеніе помѣщичьихъ крѣпостныхъ было, и говорить нечего, какъ лучше положенія крѣпостныхъ монастырскихъ. И потомъ, при одинаковомъ произволѣ, при одинаково-безобразно безграничной власти, помѣщики, все-таки, не пускали «во всю», такъ сказать, удерживали свой произволъ хоть тѣмъ соображеніемъ, что вѣдь село-то или деревня не сегодня—завтра перейдетъ къ сыну или зятю, такъ, какъ же его разорять-то? Да даже и до сына, и до зятя его, все равно, надо беречь, вѣдь это достояніе, собственность. Монахи отъ этихъ соображеній были совершенно свободны: дѣти ихъ сель и деревень ихъ унаслѣдовать не могли ни подъ какимъ видомъ; собственностью своей села эти и деревни монахи тоже не могли считать, ибо они, эти села и деревни, принадлежали имъ всѣмъ, всему монастырю. И было это крѣпостное дитя, такимъ образомъ, у десяти нянекъ и всѣ эти няньки, съ придачей къ нимъ еще подьячихъ, только и старались, чтобы какъ нибудь поживиться около него, а вовсе и не думали о томъ, чтобы какъ нибудь охранить или оберечь его. Это не ихъ совѣмъ была задача и ничего нѣтъ даже страннаго, что они этой задачей нисколько и задавались. Это положеніе монастырскихъ крѣпостныхъ было, должно быть, ужасно. Въ такомъ положеніи, да и то вѣдь лишь до поры до времени, крѣпостные помѣщичьи бывали въ заглазныхъ имѣніяхъ, подъ управленіемъ управляющихъ изъ нѣмцевъ. Рано или поздно, узнавалъ старый баринъ, что имѣніе его такое-то разоряется, ум-

ралъ старикъ, а на его мѣсто являлся его сынъ—все равно конецъ управляющему и его грабежу приходилъ, потому что кто же это завѣдомо, въ здоровомъ умѣ, даетъ грабить и расхищать свое имущество. У монастырскихъ же крестьянъ не было и этой надежды. Умиралъ, или переводили, или ссылали, одного архимандрита, на мѣсто его являлся другой, совершенно такой же, т. е. поставленный совершенно въ такія же къ нимъ отношенія, какъ и умершій или смѣненный. Имъ не на что было надѣяться и не на кого.

Раздираемые постоянно внутреннимъ непорядкомъ, враждою, ненавистью взаимной дома, въ монастырѣ, монахи, пріѣзжая къ себѣ въ деревни и села, старались, повидимому, пожить здѣсь всласть, отдохнуть, забыться. И такъ жили не одни они, но и всѣ пріѣзжавшіе съ ними ихъ служки и прочая дворовая ихъ челядь. Всѣмъ было хорошо, весело, а ужъ сытно какъ, и говорить нечего. Сельскій староста только выдавалъ, покупалъ, да подносилъ «въ почетъ» гусей, куръ, тетеревей и проч. Тутъ спрашивалось все, но, судя по записи, особенно почему-то много выходило при этомъ овсянаго масла и чеснока. Чеснокъ покупался то и дѣло, и по многу, по сотнямъ—расходъ на него былъ огромный. Впрочемъ на все шли мірскія деньги: «По пріѣздѣ отца архимандрита куплены на расходъ келейной сальныхъ свѣчъ сто, дано мірскихъ денегъ»... «Ноября 15-го, по приказу іеродіакона Питирима, дано за переписку тяглы дьячку Михайлѣ Прокофьеву мірскихъ денегъ»... «Того жъ числа, архимандричьему келейнику Алексѣю Иванову куплены онучи и чулки новые, дано»... «Ему жъ, келейнику, дано мірскихъ денегъ»... «Того жъ числа, по приказу іеродіакона Питирима дано архимандричьему повару Семену Иванову сыну Шахманову мірскихъ денегъ»... «Ему жъ куплено товару новыхъ онучи, дано»... «Въ то жъ число, кузнецы Гаврило Ермоловъ съ товарищемъ дѣлали на келейное строеніе, дано имъ на покупку угля мірскихъ денегъ»... «По приказу отца архимандрита дано его конюхамъ поровнь мірскихъ денегъ»... и т. д., и т. д., всякій разъ, какъ пріѣзжалъ ктонибудь изъ монаховъ въ село. Тутъ щедрость ихъ къ своей челяди на счетъ мірскихъ денегъ была, можно сказать, даже трогательная. Только все и читаешь въ тетрадкѣ: «дано мірскихъ денегъ... дано мірскихъ денегъ... дано мірскихъ денегъ»... Часто очень пріѣзжалъ какой-то монахъ Питиримъ и живалъ въ Преображенскомъ, какъ видно, подолгу. Въ тетрадкѣ то и дѣло записано: «Куплено іеродіакону Питириму нитокъ на шитье, да келейнику его дано»... и т. д. И еще часто упоминается какой-то старецъ Мортирій. Этотъ все больше занимался ссудами денежными, давалъ старостѣ и міру деньги въ ссуды и потомъ получалъ ихъ. Впрочемъ, получалъ онъ также отъ нихъ въ почетъ и соль, и рыбу, и медъ, и все, рѣшительно все, что только упоминается въ записи изъ тогдашнихъ и тамошнихъ товаровъ. Посельскій же старецъ Сергій

тотъ все больше харчился по кружаламъ, любилъ, должно быть, выпить и потомъ закусывалъ горячими калачиками. Тоже, разумѣется, не отказывался ни отъ крупы, муки, соли, меду и проч. Но самый большой расходъ мірскихъ денегъ былъ, конечно, во время прїѣздовъ архимандричьихъ. Такъ вотъ, этотъ Исакій, о которомъ мы ужъ говорили, во время своихъ прїѣздовъ въ свою вотчину, село Преображенское, встрѣчаемъ былъ особенно радушно. Вниманіе и любезность доходили при этомъ до того, что мужики, собравшись на сходъ, обсуждали, какой бы имъ сдѣлать приличный подарокъ и чтобы въ то же время онъ былъ и какойнибудь необыкновенный, оригинальный, и, обсудивъ, остановились на такомъ выборѣ: староста долженъ былъ достать и купить лисицу и поднести ее отцу архимандриту. И староста такое рѣшеніе схода исполнилъ, ибо у него въ тетрадкѣ записано: «Октября въ 9-й день купилъ я староста по мірскому приговору лисицу, а тое лисицу поднесли въ почесть отцу архимандриту, а дано за тое лисицу мірскихъ денегъ»... Неизвѣстно только, угодили ли они ему этой лисицей, или нѣтъ. Отецъ Исакій любилъ вишни съ медомъ, какъ видно это изъ записей, я, будучи отличнымъ сутягой, былъ въ то же время никуда негоднымъ хозяиномъ, такъ что своихъ вишенъ и своего меду не имѣлъ, а потому и то, и другое долженъ былъ ему покупать на мірскія деньги преображенскій староста, который, конечно, и покупалъ, записывая только все въ свою тетрадку: «Куплено на монастырскій дворъ на расходъ чесноку сотня, дано»... «Да для прїѣзду отца архимандрита куплено жъ чесноку двѣ сотни, дано»... «Взято про отца архимандрита овсянаго масла два ведра, дано»... «Про него жъ, отца архимандрита, куплено ягодъ вишенья, къ нимъ меду, патоки, дано»... «Куплено про его жъ архимандритскій обиходъ чесноку двѣ сотни, дано»... «Въ вишни ягоды взято меду горшокъ, дано»... «Куплено про службниковъ его, отца архимандрита, задъ говядины, дано»... Изъ рыбы отецъ Исакій любилъ больше всего, кажется, шукъ, по крайней мѣрѣ, когда говорится о купленной (и это покупали, своего, ничего въ деревнѣ не было заведено) свѣжей рыбѣ для его стола упоминаются все шуки. Хорошой соленой рыбы по близости, должно быть, нельзя было доставать и потому за ней, по приказу отца архимандрита, ѣздили въ Саратовъ и покупали ее тамъ. А староста записывалъ въ книжку: «По приказу отца архимандрита слугѣ Ѳедору Зайцеву дано мірскихъ денегъ на покупку рыбы въ Саратовѣ на монастырскій обиходъ 9 рублей»,—деньги по тогдашней ихъ стоимости громадныя. Что такое тогдашніе 9 рублей и сколько на нихъ тогда можно было купить рыбы, лучше всего станетъ понятно изъ такого примѣра: за цѣлый говяжій задъ платилось 20 коп. Въ заду ужъ не меньше шести, семи пудовъ, слѣ-

довательно, пудъ мяса стоилъ 3 коп. Сколько стоилъ пудъ рыбы и сколько этихъ щукъ можно было купить въ Саратовѣ на 9 рублей? Рыба, какъ извѣстно, тогда была еще дешевле мяса... И это посылалось монахамъ на сѣденіе изъ одной только ихъ вотчины, а у нихъ она не одна была, а цѣлыхъ пятнадцать или двѣнадцать... Просто непостижимо, сколько всякихъ припасовъ потребляли эти 50—60 человѣкъ въ Солотчинскомъ монастырѣ.

Вотъ какъ радушно и покорно встрѣчали своихъ господъ-монаховъ монастырскіе крѣпостные. И иначе они и не могли ихъ встрѣчать. Отецъ Македоній, говоря объ объемѣ власти солотчинскихъ настоятелей-архимандритовъ, говоритъ: «Власть древнихъ настоятелей Солотчинскаго монастыря по отношенію къ управленію подчиненными имъ селеніями была обширна. Отъ одного своего имени, а иногда съ согласія братскаго, настоятели посылали указы къ посельскимъ своимъ монахамъ (тѣмъ, которые жили постоянно въ селахъ) и ихъ приказчикамъ для объявленія царскихъ указовъ или рязанскаго епархіальнаго начальства, или посылались указы о присылкѣ изъ вотчинъ всякаго хлѣба въ монастырь, или о присылкѣ рабочихъ людей для монастырскихъ подѣлокъ, какъ-то: плотниковъ, кирпичниковъ, возчиковъ съ лошадьми и телѣгами и проч.». Отецъ Македоній рассказываетъ дальше и о томъ, какъ эти затребованія выполнялись и въ какихъ размѣрахъ. «Чернорабочіе люди, трудившіеся при Солотчинскомъ монастырѣ, перемѣнялись черезъ годъ. Для замѣны прежнихъ тружениковъ новыми, по братскому приговору, посылались указы изъ домовотчиннаго монастырскаго приказа къ посельскимъ монахамъ о высылкѣ изъ монастырскихъ вотчинъ изъ крестьянъ со 100 человѣкъ по одному въ монастырь труднику».

Власть солотчинскихъ архимандритовъ простиралась и на церкви и причтъ этихъ церквей въ принадлежащихъ имъ имѣніяхъ, не смотря на то, что эти имѣнія ихъ и церкви были совсѣмъ въ другихъ даже епархіяхъ. «При опредѣленіи въ должности сельскаго причетника или дьякона въ приходъ, крестьяне коего находились подъ управленіемъ Солотчинскаго монастыря, непременно требовалось на то согласіе солотчинскаго архимандрита, и даже прошенія къ преосвященному о замѣщеніи открывшихся должностей оныхъ при церквахъ посылались отъ домовотчиннаго приказа». Также точно и весь бытъ, весь домашній обиходъ этихъ причтовъ, въ районѣ совершенно другой епархіи, весь цѣликомъ зависѣлъ отъ солотчинскихъ архимандритовъ. «Обоюдныя жалобы духовныхъ лицъ въ приходахъ, зависѣвшихъ отъ Солотчинскаго монастыря, какъ-то: о неправильномъ раздѣлѣ дохода, земли, о воровствѣ, о причиненіи безчестія однимъ лицомъ другому, разбирались самимъ настоятелемъ, равно и обоюдныя жалобы крестьянъ

на духовныхъ лицъ въ подобныхъ проступкахъ отсылались на обсужденіе архимандритамъ». О постройкѣ новыхъ церквей или о ремонтѣ ихъ въ деревянхъ и селеніяхъ, принадлежавшихъ Солотчинскому монастырю, требовалось испрашивать разрѣшеніе не у мѣстнаго епархіальнаго начальства, а у солотчинскаго архимандрита: «Въ монастырскихъ селахъ и храмы Божіе строились съ согласія же солотчинскаго архимандрита трудами и иждивеніемъ монастырскихъ крестьянъ». Солотчинскіе монахи иногда, впрочемъ, помогали имъ: давали на это взаимы денегъ. Въ монастырскіе стряпчіе и подьячіе, въ мірскіе старосты назначались люди тоже по указанному предписанію отъ архимандритовъ солотчинскихъ. Монастырскіе крестьяне, какъ видно, посылались на работу даже и въ Москву. За производившіяся поправки и постройки, кромѣ того, собиралось съ крестьянъ на уплату по одной и по двѣ копейки съ души. И эти сборы были, какъ и всѣ другіе, совершенно произвольны и зависѣли отъ архимандрита всецѣло. Къ праздникамъ съ мужиковъ монахи собирали еще «праздничное». Это праздничное выражалось также въ очень почтенныхъ цифрахъ: «Тушъ говяжьихъ 22, гусей 33, ососовъ (поросятъ полугодovýchъ) 44, барановъ 39, яицъ 2,200, утокъ 11, куръ 34, меду 140 пудовъ». И все это пятьдесятъ-шестьдесятъ человекъ монаховъ куда-то потребляло, да еще и не хватало. Но вѣдь это только «праздничное», это, такъ сказать, только такъ, подарокъ, гостинецъ отъ крестьянъ... «Всѣ вышеозначенные припасы очень тщателью собирались съ крестьянъ»...

«И женскій полъ,—говоритъ отецъ Македоній,—всѣхъ селеній, подлежащихъ вѣдѣнію Солотчинскаго монастыря, былъ въ зависимости отъ онаго». «На женскомъ полѣ всѣхъ селеній монастырскихъ лежала обязанность представить въ монастырь грибовъ разнаго сорта, клюквы, брусники и орѣховъ по количеству, налагавшемуся отъ домовотчиннаго монастырскаго приказа». Надо думать, что этого всего собиралось и доставлялось въ монастырь въ такомъ изобиліи, что грибовъ и клюквы покупать монахамъ изъ своихъ еще денегъ не приходилось. Даже въ покушкахъ на мірскія деньги, произведенныхъ старостой, ни разу не упоминается, чтобы эти припасы покупались имъ по случаю пріѣздовъ отца архимандрита или простыхъ старцевъ... «Женщины,—продолжаетъ отецъ Македоній,—не были изъяты отъ работы на монастырскихъ огородахъ и на ручныхъ мельницахъ; онѣ же употреблялись и для ношенія камней, кирпичей, извести и проч. при работахъ».

«Отцы и матери,—дальше говорится,—во всѣхъ селеніяхъ монастырскихъ сами собою не смѣли выдавать своихъ дочерей въ замужество даже и въ свое селеніе безъ дозволенія на то настоятельскаго; а если нужно было отдать дѣвицу въ другое селеніе,

то не иначе отдавали оную, какъ съ выдачею за нее 50 коп. и по 1 р. 50 к. такъ называвшихся выводныхъ денегъ. Вообще власть настоятелей въ селеніяхъ, принадлежавшихъ Солотчинскому монастырю, была вполнѣ правительственная. Солотчинскіе архимандриты посылали свои указыныя предписанія содержать подъ крѣпкимъ карауломъ и мужчинъ и женщинъ и наказывать ихъ плетми и батогами нещадно, смотря по важности преступленія». Мы видѣли ужъ, впрочемъ, какія это такія важныя преступленія наказывались у нихъ плетми. Игнатій архимандритъ за такія важныя преступленія принималъ и жмурки, и снѣжки, въ которыя на масляницу играли въ селѣ «дѣвицы» и этихъ «дѣвицъ» поселскій монахъ его по его приказу пересѣкъ плетми. Любопытно только, знали ли эти «дѣвицы», что онѣ подарены монахамъ рязанскими княгинями «съ душеполезной цѣлью, въ подражаніе супругамъ»?...

Не менѣ завидно было положеніе монастырскихъ крестьянъ и въ отношеніи мірскихъ властей. Какъ ни велика и полна была власть солотчинскаго архимандрита надъ своими крѣпостными, но однимъ подчиненіемъ ей еще не исчерпывались всѣ ихъ горести и бѣды. Для гражданскихъ, или, какъ выражались тогда, для «мірскихъ властей», оставалось еще достаточно свободы обирать этихъ крестьянъ, и въ этомъ отношеніи, вѣроятно, немало завидовали они крѣпостнымъ помѣщичьимъ, до которыхъ подьячіе только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ могли добираться. Въ монастырскихъ селахъ подьячіе, повидимому, чувствовали себя совершенно какъ дома. Не касаясь имущества собственно монастырскаго, они нисколько не стѣснялись имуществомъ мірскимъ, принадлежащимъ міру, т. е. крестьянамъ. И въ этомъ отношеніи записная приходо-расходная книжка преображенскаго старосты даетъ богатый матеріалъ. Читая ее подрядъ, не знаешь, чему удивляться—наглости ли подьячихъ, или недобросовѣстности монаховъ, оставившихъ своихъ кормильцевъ совершенно на произволъ судьбы. Вѣдь не могли же они не знать, что дѣлаютъ подьячіе у нихъ въ вотчинахъ, надъ ихъ крѣпостными. Объ этихъ же несчастныхъ говорить нечего—можно только удивляться ихъ глупости или терпѣнію, что въ данномъ случаѣ было рѣшительно одно и то же. Подьячіе то же, должно быть, смотрѣли на монастырскія вотчины, какъ на злачныя мѣста для всякихъ прогулокъ, *partie de plaisirs* и пикниковъ. Они тоже, какъ и сами хозяева этихъ селъ, пріѣзжали въ нихъ не одни, а съ цѣлой ватагой челяди и даже родственниковъ, а можетъ и родственницъ. И все это ѣло, пило, пьянствовало и еще брало съ собой на дорогу «въ почетъ». Въ записной книжкѣ есть мѣсяца, когда саранча эта не переводилась въ селѣ, и каждый день на мірскія деньги ей покупались угощеніе и всякій харчъ. Большею частью,

случалось такъ: одинъ подьячій поживеть-поживеть въ селѣ, насосется въ немъ досыта, какъ пивка, и отвалится — пропадетъ, уѣдетъ на нѣкоторое время; а черезъ день, черезъ два, глядишь, объявился новый подьячій—надо этого угощать и ублажать. Новый, голодный, былъ ужасенъ, должно быть, потому что съѣдалъ невѣроятное количество тетеревей, гусей и говяжьихъ задовъ. И все это они ѣли съ какимъ-то овсянымъ масломъ, которое покупалось для нихъ ведрами и пудами. Чесноку для нихъ ни разу не было куплено — они вѣрно не любили его или довольствовались тѣмъ, что оставался отъ монаховъ. Изъ записной книжки, къ сожалѣнію, не видно, съѣзжались ли вмѣстѣ монахи и подьячіе, а также и проводили ли время они вмѣстѣ. Также не видно, чтобы подьячіе ѣли рыбу свѣжую или соленую. Въ книжкѣ ни разу не значится, чтобы рыба для нихъ покупалась. Но медъ они тоже любили и ѣли его охотно, повидимому, съ калачами, такъ какъ медъ для подьячихъ записывался всегда вмѣстѣ съ калачами: «А поставлено ему, подьячему, меду и калачей, дано мірскихъ денегъ»... и проч. Ягодъ, грибовъ, клюквы подьячіе тоже не требовали никогда. Орѣхи еще брали, но только съ собой на дорогу или дѣтямъ гостинцы, да и то объ этомъ упоминается всего только разъ, или два. За то не было одного приѣзда подьячихъ, чтобы они, кромѣ всякаго угощенія, не увезли бы съ собою еще и сколько нибудь мірскихъ денегъ.

Ужасную эпопею представляетъ эта записная книжка, веденная безграмотнымъ старостой, конечно, и не подозревавшимъ никогда, что она увидитъ свѣтъ и, въ свою очередь, такъ ярко осветитъ неприглядную ихъ жизнь—жизнь людей, Богъ знаетъ за что отданныхъ на двойное поруганіе и издѣвательство.

«1713 годъ. Августъ... Дано подьячему за ѣзду мірскихъ денегъ 2 рубля».

«Того жъ числа, подьячій Никита Заварзинъ съ солдаты и съ деньщиками взяли они въ Тамбовъ мене, старосту, со крестьяны Сафрона Дроганова, да Ивана Бакина, да Нилу Аникина для правожю провіантскаго хлѣба и везли они насъ дорогою въ Тамбовъ въ колоткахъ, и ѣдучи били челомъ вышеписанному подьячему и служивымъ людямъ, чтобы они колотки поснимали съ насъ. Взято про нихъ на кружалѣ вина, дано мірскихъ денегъ»...

«А какъ мы приѣхали въ Тамбовъ, ему жъ, подьячему Никитѣ Заварзину, и служилымъ людямъ, поставлено на кружалѣ вина».

«На другой день про него жъ, подьячаго, поставлено на кружалѣ водки и меду».

«И какъ мене, старосту, съ вышеписанными со крестьяны отдали насъ за караулъ въ приказную палату, и въ томъ приказѣ четверымъ сторожамъ для свободы поставлено на кружалѣ вина»...

«Молодому подъячему Якову Кунавину поставлено на кружалѣ вина».

«Да ему жъ, подъячему Якову Кунавину, калачей»...

«Вышеписанной подъячій Никита Заварзинъ съ служилыми людьми, какъ отдавали насъ, мене старосту съ товарищи, въ приказную палату за караулъ, и въ томъ числѣ приказные палаты сторожа взяли съ насъ пожелѣзнаго 10 алтынъ»...

«А какъ изъ приказу меня, старосту, съ товарищи отдали насъ и посадили въ тюрьму, тюремщикамъ влазнаго дано за четыре человека 11 алтынъ, 4 деньга (35 коп.)».

«Поставлено тюремнымъ сторожамъ за свободу, взято на кружалѣ вина»...

И только освободится этотъ несчастный староста, только откупится онъ отъ одного подъячаго, пріѣдетъ домой, глядь, черезъ день, черезъ два, проявился другой подъячій, и опять начинается съ начала. Невѣроятно просто, какъ это такъ могли люди жить—безъ передышки почти, изо дня въ день, всю жизнь перенося эти мученія и эту убійственную нравственную духоту.

Брали рѣшительно всѣ, кто бы ни пріѣхалъ въ деревню, по какому бы то ни было дѣлу—это рѣшительно все равно.

«Да какъ по наряду посланъ на работу крестьянинъ Остахъ Максимовъ, отъ работы съ дороги сбѣжалъ и деньщикъ (который везъ его), Егоръ Кольцовъ, вмѣсто Остаха взялъ связавъ выборнаго Левона Герасимова и того выборнаго, а староста съ дороги поворотилъ, и тому деньщику вмѣсто откупа дано мірскихъ денегъ 16 алтынъ 4 д.».

«Того жъ числа, по указу пріѣзжалъ изъ Тамбова дворянинъ для высылки подводчиковъ съ подводы на Романовъ подъ пушки дано дворянину и двоимъ служивымъ»...

«Того жъ числа, пріѣхалъ изъ Тамбова съ указомъ пушкарь для высылки съ семи подводъ въ Тамбовъ на драгунскій дворъ, дано ему, пушкарю»...

Рѣшительно все равно, кто бы ни пріѣхалъ—деньщикъ, пушкарь, подъячій, дворянинъ,—давать имъ, все равно, считалось обязательнымъ, и староста давалъ имъ мірскія деньги.

При этомъ характерна еще одна черта. Подъ большей частью такихъ записей добавляется краткая, но очень въ то же время характерная фраза: «за нескорую высылку». Это значило, что дано подъячему, деньщику и вообще кто тамъ пріѣзжалъ, за то, чтобы онъ не настаивалъ на своемъ требованіи, не требовалъ бы денегъ сейчасъ, или сейчасъ же везли хлѣбъ, давали подводы, чтобы онъ далъ, однимъ словомъ, отсрочку, время имъ собраться съ силами. И подъячіе, повидимому, охотно соглашались на эти отсрочки, также точно, какъ охотно соглашались на отсрочку ростовщики,

очень хорошо зная, что жертва ихъ не уйдетъ отъ нихъ. И дѣйствительно, черезъ мѣсяцъ по тому же дѣлу, опять прѣбжалъ подьячій и опять требовалъ, ему опять давали «за нескорую высылку», опять его кормили гусятиной, тетеревами, медомъ, опять давали «въ почетъ» свиную тушу или говяжій задъ и онъ уѣзжалъ на мѣсяцъ еще. Эти отсрочки — платить въ концѣ концовъ, все-таки, надо было — обходились монастырскимъ «трудникамъ» не дешево.

У монастыря, въ каждомъ принадлежавшемъ ему селѣ, были, однако, свои подьячіе, которые и должны были вести борьбу съ казенными подьячими; но по пословицѣ, воронъ ворону глаза не выклюетъ, эти «свои собственные подьячіе» никакой борьбы въ сущности не вели, а тоже только грабили мужиковъ, придумывая совмѣстно съ казенными подьячими предлоги къ тому. Свои собственные подьячіе, повидимому, были поставлены если не въ зависимость, то ужъ во всякомъ случаѣ обязаны были слушаться, совѣтоваться, руководствоваться указаніями стараго подьячаго, жившаго въ Тамбовѣ. Къ нему на консультацію они и ѣздили. Кромѣ того, просить защиты ѣздили къ нему и староста, когда наѣхавшіе казенные подьячіе, припивъ все и прѣвъ, заковывали его въ кандалы и утаскивали съ собой въ Тамбовъ. Тамъ, заплативъ приказнымъ сторожамъ за свободу, староста улучалъ удобное время и являлся къ старому подьячему, принося ему «въ честь» битаго гуся, говяжій задъ или что нибудь въ этомъ родѣ. И старый подьячій выручалъ. По всей вѣроятности, это тоже была облава, устроенная сообща: вы, дескать, поѣзжайте, погуляйте, а потомъ захватите его съ собою, и привезите, что нажмешь изъ него — барышъ пополамъ. Эти томленія мужиковъ, которыхъ подьячіе увозили съ собой или заманивали подъ какимъ либо предлогомъ въ Тамбовъ, были поистинѣ способны довести до отчаянія. Мужикъ цѣлый день только и дѣлалъ, что ходилъ все это время отъ одного подьячаго къ другому, куда ихъ посылалъ старый подьячій, несомнѣнно руководившій всѣми предпріятіями и только показывавшій видъ, что онъ борется за нихъ со всѣми другими подьячими. Пріемъ вполнѣ и всецѣло сохранившійся у адвокатовъ и нашихъ временъ: игра въ двойную съ закономъ въ рукахъ считается и въ наши дни въ адвокатской практикѣ самой прибыльной. Только вотъ теперь все на принципахъ это основано у нихъ... Доведенные до отчаянія, совершенно ужъ вымотанные, все распродавшие, что было съ собою, мужики наконецъ отпускались, но не освобожденные совсѣмъ, а за новыми лишь средствами для веденія процесса.

«Того жъ 713 года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, какъ будучи въ Тамбовѣ, слуга Тимофей Щекудѣевъ да крестьянинъ Іовъ Ганшинъ, для выручки изъ тюрьмы крестьянъ Сафрона Дроганова, Данилы Ани-

кина, и живя они въ Тамбовѣ, заложили на харчи лошадь крестьянина Степана Филатова за два рубля за мірское дѣло, выкупу дано за тое лошадь мірскихъ денегъ 2 рубля».

И скоплялась тогда въ Тамбовѣ, центрѣ правосудія подобнаго, масса простаго люда. Мужики толпами стояли «у подъѣздовъ судовъ и палатъ». Къ нимъ выбѣгали и шмыгали между ними молодые подьячіе, которыхъ они водили съ собою на кружала и поили тамъ, ублажали. Довѣріе къ чиновничьему правосудию съ тѣхъ поръ очень слабо окрѣпло еще и до сихъ поръ: мужикъ и нынѣ все какъ-то вздрагиваетъ, какъ увидить чиновника. Онъ еще очень мало сдѣлалъ для его успокоенія.

Какъ и въ наше время, большому кораблю и тогда требовалось большое плаваніе. Если мелкіе, простые подьячіе довольствовались мелочью, угощеніемъ на кружалѣ, калачами, гусями и проч., изводя мужика больше томленіемъ и продолжительностью своего на немъ сидѣнія, то большіе, крупныя персоны оглушали, такъ сказать, деревню сразу, пріѣзжая въ нее съ цѣлой аравой всякой челяди, вѣроятно, замѣнявшей имъ тогда нынѣшнія канцеляріи. Такъ, «проѣзжалъ въ октябрѣ мѣсяцѣ по указу великаго государя черезъ село Преображенское стольникъ изъ Тамбова, Иванъ Даниловичъ Вельяминовъ—Зерновъ, стоялъ у Тимоея Осипова, и бралъ онъ подъ его обиходъ и подъ служилыхъ его людей сорокъ подводъ»... А пріѣзжавшій потомъ черезъ два мѣсяца комиссаръ, произвелъ помпу еще большую:

«Декабря въ десятый день, по указу великаго государя, пріѣхалъ комиссаръ Ѳедоръ Каверинъ для сбора душевыхъ денегъ со двора по рублю по пяти алтынъ, взято про него, комиссара, овсянаго масла полтора ведра, и то масло поднесено ему, комиссару, въ почетъ»...

«Ему жъ, вышеозначенному комиссару, взято горшокъ меду, поднесено въ почетъ».

«Коммиссарскому дворецкому вмѣсто почета, дано мірскихъ денегъ».

«Ему жъ, дворецкому, поднесено орѣховъ четверикъ».

«Да съ нимъ, съ вышеписаннымъ комиссаромъ, были служилые люди, рассыльщики и дворовые люди его, дано имъ всѣмъ вопче»...

«Коммиссарскому повару дано особо»...

«Да какъ будучи онъ, комиссаръ, на Вышенки и хотѣлъ меня, старосту, бить батоги и держать за карауломъ изъ подводъ за малые подводчики, и въ томъ дѣлѣ поставлено комиссарскимъ людемъ его овсянаго масла».

«Коммиссарскому подьячему, вмѣсто почета, поднесено мірскихъ денегъ»...

Кормилась и жила на счетъ села цѣлая орда, жадная, немилосердная, пьяная, разгульная, разнузданная, въ полной увѣренности въ своей безопасности и безнаказанности. И не было кому заступиться за это село, потому что не было человѣка, которому оно было бы дорого, хоть какъ личная собственность. Быть монастырскихъ крѣпостныхъ—вотъ что было въ Россіи еще ужаснѣе быта помѣщичьихъ крѣпостныхъ. И этотъ бытъ ждетъ еще своего изслѣдователя и историка. Богатая ему предстоитъ задача.

С. Терпигоревъ (Атава).

ЗАПИСКИ КСЕНОФОНТА АЛЕКСѢВИЧА ПОЛЕВАГО ?

III.

Первое печатное сочиненіе Николая Алексѣвича. — Впечатлѣніе, произведенное этимъ литературнымъ опытомъ въ Курскѣ. — Новые знакомцы-меценаты. — Метода, по которой Николай Алексѣвичъ изучалъ иностранные языки. — Усиленные занятія русской грамматикой. — Первые стихотворные опыты. — Совмѣстные занятія съ братомъ. — Посылка статей въ «Вѣстникъ Европы».

В СЕНЬЮ 1816 года, возвратился я съ отцомъ моимъ въ Курскѣ. Состояніе наше было обезпечено, хотя не богато. У насъ былъ свой домъ, со всѣмъ хозяйственнымъ устройствомъ, и нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Отецъ нашъ, еще прежде своего пріѣзда, распорядился о засолѣ рыбы на Дону (по способу, о которомъ я упоминалъ выше); но это предпріятіе обернулось такъ неудачно, что черезъ два года весь маленькій капиталъ нашъ погибъ, и опять становилось трудно существовать. Къ счастью, въ это время дозволено было частнымъ лицамъ устраивать водочные заводы, и отецъ нашъ спѣшилъ устроить такой заводъ. По нѣкоторымъ новымъ отношеніямъ съ гг. Баушевыми, онъ не хотѣлъ, чтобы Николай Алексѣвичъ оставался при ихъ дѣлахъ, и въ половинѣ 1819 года онъ оставилъ ихъ домъ.

До сихъ поръ жизнь и существованіе его были соединены съ семействомъ, и я не могъ изображать его, какъ самобытнаго дѣй-

*) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XXVII, стр. 32.

ствователя. Литературныя занятія его, почти непрерывныя и разнообразныя, были отдѣльною и, казалось, побочною дѣятельностью, хотя послѣдствія доказали, что они составляли цѣль его жизни. Онъ самъ не давалъ себѣ отчета, куда и къ чему приведутъ они. Отчасти повинуюсь волѣ отца, который не могъ же готовить его въ литераторы въ сферѣ курской жизни, отчасти увлекаясь самъ юношескими порывами, онъ иногда готовъ былъ остаться въ этой сферѣ, потому что почиталъ недостижимымъ счастиемъ иную, высшую дѣятельность. Литература и занятія ею были, однако-жъ, всегдашнею и неизмѣнною его отрадою, отдыхомъ посреди стѣсненій и тягостей тогдашней нашей жизни. Я былъ единственнымъ наперсникомъ, которому могъ онъ передавать свои отдаленныя надежды, и чего не перемечталъ онъ въ эти годы рѣшительнаго переворота въ своей нравственной жизни! Съ какою живостью пользовался онъ каждымъ случаемъ къ дѣятельности умственной, къ возвышенію своего духа! Противоположность окружавшаго насъ общества съ идеальнымъ міромъ, въ которомъ жили мы съ малолѣтства, еще больше подстрекала его перейти въ другую сферу. «Возвысимся духомъ, Бонстеттенъ!»—часто повторялъ онъ мнѣ, читая наизусть переводъ «Писемъ» Іоанна Миллера къ Бонстеттену, когда-то напечатанный Жуковскимъ въ «Вѣстникѣ Европы». Ныѣшнее молодое поколѣніе смѣется надъ всѣмъ идеальнымъ и стыдится высказывать свои искреннія ощущенія: оттого и занятія литературой кажутся для него междудѣльнымъ, развлеченіемъ, къ которому оно старается выказывать искусственное презрѣніе. Мы, напротивъ, не играли такой комедіи, искренно предаваясь жизни умственной, идеальной, и почитая дѣловыя занятія только необходимою данью вещественной жизни.

Во время житья своего у гг. Баушевыхъ, Н. А. много занимался изученіемъ языковъ: французскаго, нѣмецкаго, латинскаго, русскаго. Я постараюсь объяснить эти занятія его, но прежде расскажу нѣсколько эпизодовъ изъ литературной его дѣятельности, потому что почти никогда не переставалъ онъ авторствовать.

Въ 1817 году, императоръ Александръ I посѣтилъ Курскъ. Великолѣпная, небывалая въ Курскѣ картина съѣзда множества лицъ въ городъ, обыкновенно тихій, сборъ войскъ и потомъ маневры ихъ, вмѣстѣ съ радушною, искреннею встрѣчею любимаго царя, причемъ всякій городокъ преобразуется въ истинную резиденцію, — все это воспламенило воображеніе Николая Алексѣевича, и статья его о пребываніи государя въ Курскѣ полетѣла въ Москву, къ издателю «Русскаго Вѣстника», съ учтивою просьбою напечатать ее. Прошло довольно много времени, прежде нежели она явилась въ печати, съ желанною подписью: Н. Полевой. Сергѣй Николаевичъ Глинка, по праву издателя журнала, переправилъ ее, и братъ сознался (въ предисловіи къ «Очеркамъ», стран.

XL), что поправки были справедливы. Я не думаю этого, и вѣроятно, по крайней мѣрѣ, что поправки относились не къ слогу. Но, какъ бы ни было, а это—первое сочиненіе Н. А., явившееся въ печати. Весь городъ былъ восхищенъ описаніемъ его, особенно потому, какъ замѣчаетъ онъ самъ, что предметъ описанія былъ близокъ сердцу каждаго жителя, и впечатлѣніе, произведенное поощреніемъ государя, еще оставалось живо въ памяти всѣхъ.

Статья брата была поводомъ еще къ одному забавному случаю, который доставилъ ему знакомство и даже пріязнь просвѣщенного любителя литературы, Алексѣя Степановича Кожухова, бывшаго тогда губернаторомъ въ Курскѣ. Не знаю почему, только Н. А. не сказалъ отцу о своей статьѣ, напечатанной въ журналѣ. Прошло уже нѣсколько дней, какъ книжка «Русскаго Вѣстника» была получена въ городѣ, когда отецъ нашъ, бывший въ это время членомъ комиссіи о размѣщеніи войскъ въ городѣ, явился по дѣламъ службы къ губернатору. Въ разговорѣ съ нимъ, А. С. Кожуховъ спросилъ, между прочимъ: не знаетъ ли онъ, какой Полевой напечаталъ описаніе недавняго пребыванія государя въ Курскѣ?— «Если какой нибудь Полевой написалъ что либо достойное печати,— отвѣчалъ отецъ,—то вѣроятно, что это мой сынъ».— «Представьте же себѣ, что сегодня былъ у меня молодой человекъ, также Полевой, и когда я сдѣлалъ ему тотъ же вопросъ, что вамъ, онъ назвалъ себя авторомъ описанія, хотя изъ разговора съ нимъ показалось мнѣ это очень сомнительно. Пришлите ко мнѣ вашего сына, если онъ настоящій авторъ».

Братъ мой, находившійся тогда еще у гг. Баушевыхъ, возвратился домой не ранѣе вечера. Отецъ, между тѣмъ, уже узналъ отъ меня, что точно Николай Алексѣевичъ—авторъ статьи. Онъ тотчасъ прочиталъ ее, былъ очень доволенъ, и только попенялъ Николаю Алексѣевичу, что онъ не сказалъ ему прежде о своемъ литературномъ успѣхѣ. «Теперь же поѣзжай къ Алексѣю Степановичу»,—прибавилъ онъ. Разумѣется, г. Кожуховъ съ первыхъ словъ удостовѣрился, что видитъ дѣйствительнаго автора, и это было началомъ пріятнаго и полезнаго моему брату знакомства. Для объясненія, какимъ образомъ могъ сыскаться самозванецъ-авторъ съ именемъ Полеваго, надобно сказать, что въ Курскѣ есть нѣсколько фамилій Полевыхъ¹⁾, не только не родственныхъ, но и не знакомыхъ съ нами. Одинъ молодой человекъ, точно Полевой, и даже имя котораго начиналось съ буквы Н, былъ съ какою-то просьбою у губернатора. Кажется, думая придать себѣ важности, онъ призналъ себя авторомъ статьи,

¹⁾ Курскъ изобилуетъ фамиліями Полевыхъ. Полевыхъ-однофамильцевъ, не состоявшихъ между собою ни въ какомъ родствѣ, въ Курскѣ было прежде такъ много, что одинъ родъ отъ другаго отличался даже особыми прозвищами. Такое обиліе Полевыхъ въ Курскѣ объясняется, конечно, тѣмъ, что всѣ они были родомъ изъ слободы Полевой, близъ Курска.

когда губернаторъ, только-что прочитавшій пріятное ему описаніе пребыванія государя въ Курскѣ, спросилъ, не онъ ли писалъ это? Нѣсколько дней потомъ провинціальный городъ гремѣлъ разсказами о самозванцѣ авторѣ, и тѣмъ больше расхваливалъ настоящаго автора.

Впрочемъ, это происшествіе не имѣло никакого существеннаго вліянія на положеніе моего брата. Всѣ окружавшіе его давно знали о любимыхъ его занятіяхъ, и даже молодые пріатели его изъ купцовъ, всегда глядѣли на него, какъ на сочинителя, который, однако же, не придавалъ себѣ тѣмъ никакой важности. Онъ импровизировалъ имъ цѣлыя стихотворенія, гдѣ изображалъ различныхъ оригиналовъ, встрѣчающихся всегда и вездѣ. Въ то же время, онъ былъ самымъ любезнымъ кавалеромъ на семейныхъ балахъ, самымъ остроумнымъ изъ сверстниковъ въ играхъ (*petits-jeux*), и всѣ знакомые любили и уважали его. Незнакомство его съ г. Кожуховымъ было важно тѣмъ, что тутъ онъ вступилъ въ кругъ людей съ литературною и свѣтскою образованностью и съ современными европейскими мнѣніями и понятіями. Справедливо говорить онъ, что А. С. Кожуховъ сдѣлался меценатомъ его, далъ ему свободный доступъ къ себѣ и доставилъ нѣсколько пріятныхъ знакомствъ, полезныхъ въ разныхъ отношеніяхъ. У него познакомился онъ со всѣмъ образованнымъ обществомъ тогдашняго Курска, и я упомяну здѣсь о тѣхъ знакомствахъ, которыя имѣли нѣкоторое значеніе въ литературной жизни моего брата.

Много лѣтъ Курскъ былъ лишенъ присутствія своего архипастыря: престарѣлый архіепископъ Теохтистъ жилъ въ Бѣлгородѣ. Послѣ кончины его назначенъ былъ курскимъ и бѣлгородскимъ епископомъ преосвященный Евгеній (нынѣ⁴⁾ архіепископъ, живущій на покой въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ). Прибытіе его въ губернский городъ было истиннымъ торжествомъ для жителей: тысячи народа встрѣтили преосвященнаго за нѣсколько верстъ отъ Московской заставы и сопровождали до Знаменскаго монастыря, гдѣ новый архипастырь умилдилъ всѣхъ своимъ служеніемъ и словомъ. Восторгъ былъ единодушный. Братъ мой раздѣлялъ общее одушевленіе, и это выразилось у него пріветственнымъ стихотвореніемъ къ новому пастырю душъ. Черезъ нѣсколько дней епископъ Евгеній уѣхалъ на житые въ Бѣлгородъ, и братъ мой не успѣлъ или не могъ представить ему своего стихотворенія. Вскорѣ Н. А. посѣтилъ губернатора и встрѣтилъ въ его кабинетѣ Петра Авраамовича Анненкова, богатѣйшаго изъ курскихъ помѣщиковъ, не задолго вышедшаго въ отставку полковникомъ изъ Кавалергардскаго полка. Это былъ столько же любезный свѣтскій человекъ, сколько роскошный русскій баринъ. Другой гость у губернатора былъ

⁴⁾ Писано въ 1859 году. Ник. Ксен. Пол.

князь Василій Прокопѣвичъ Мещерскій, лицо чрезвычайно оригинальное. Одаренный проникательнымъ, ловкимъ умомъ, обогащенный множествомъ свѣдѣній, свободно говорившій на нѣсколькихъ языкахъ, онъ былъ типомъ свѣтскихъ людей и дипломатовъ Александровскаго времени. Во время войны съ Наполеономъ, въ 1813 году, онъ состоялъ при наслѣдномъ принцѣ шведскомъ (Бернадоттѣ) и получилъ отъ него орденъ Полярной Звѣзды; потомъ находился при графѣ Беннигсенѣ, при графѣ Витгенштейнѣ, во 2-й арміи, и пріѣхалъ оттуда въ Курскъ по случаю смерти своего отца, нѣкогда любимаго вельможи при императорѣ Павлѣ, но умершаго послушникомъ Знаменскаго монастыря. Бывшій вельможа не принималъ монашескаго чина, однако, жилъ много лѣтъ въ монастырѣ, ходилъ въ черной рясѣ со звѣздою на груди, и часто говорилъ проповѣди въ своей обители. Мнѣ случилось не одинъ разъ слышать его громы противъ слабостей человѣческихъ... Все это нужно знать только для того, чтобы имѣть понятіе, съ кѣмъ находился въ этотъ разъ братъ мой въ кабинетѣ А. С. Кожухова, который тотчасъ познакомилъ его съ своими гостями, и спросилъ, не написалъ ли онъ чего нибудь новенькаго. Братъ упомянулъ о посланіи къ епископу Евгенію, изъявляя сожалѣніе, что не могъ поднести его тому, къ кому оно относилось.

— Съ вами оно? — спросилъ князь Мещерскій.

— Со мною.

— Позвольте же мнѣ просить его у васъ для доставленія его преосвященству, потому что сегодня, въ ночь, мы съ Анненковымъ ѣдемъ въ Бѣлгородъ, именно къ епископу Евгенію.

— Но, князь, — отвѣчалъ братъ: — я еще не знаю, достойно ли такой чести мое стихотвореніе? Я желалъ бы услышать сужденіе знатоковъ...

— Пожалуйте, пожалуйста мнѣ ваше посланіе: я прочту его передъ вами, какъ буду читать его преосвященству... вы сами увидите...

Братъ мой сознавался, что не безъ сердечнаго трепета вручилъ ему свое сочиненіе, хотя былъ увѣренъ, что оно не совсѣмъ дурно. «Но я не узналъ своихъ стиховъ въ превосходномъ чтеніи князя», — говорилъ онъ намъ, пересказывая свое приключеніе. Въ самомъ дѣлѣ, князь Мещерскій былъ великій мастеръ читать вслухъ, и особенно стихи. Его пріятное произношеніе и опытность въ чтеніи могли и слабому стихотворенію придать нѣкоторый блескъ. По крайней мѣрѣ, собесѣдники остались довольны, и съ этого дня домъ П. А. Анненкова сталъ также открытъ для брата, а князь Мещерскій встрѣчалъ его всегда съ отверстыми объятіями. Онъ привезъ изъ Бѣлгорода привѣтъ и благословеніе архипастыря моему брату. Вотъ какъ началось знакомство его съ епископомъ Евгеніемъ, и слѣдовательно преосвященный зналъ его прежде 1819 года, когда

братъ читалъ свои стихи въ собраніи курскаго библейскаго Общества. Я опишу далѣе этотъ любопытный случай первоначальной его литературной жизни, который называетъ онъ началомъ своего знакомства съ курскимъ преосвященнымъ; но, чтобы сколько нибудь соблюсти порядокъ времени, я долженъ упомянуть о другихъ литературныхъ занятіяхъ Николая Алексѣевича.

Онъ скоро сблизился съ княземъ Мещерскимъ и почти каждый день бывалъ у него, покуда тотъ оставался въ Курскѣ. Человѣкъ съ умомъ наблюдательнымъ, опытный въ жизни, блестящій въ разговорѣ, князь любилъ литературу и могъ сообщить много новаго, неизвѣстнаго жадному любопытству моего брата. Онъ передалъ ему взглядъ французской теоріи искусства, которой тогда всѣ слѣдовали. Я, по возрасту своему, не могъ быть собесѣдникомъ ихъ, но братъ передавалъ мнѣ каждый разговоръ свой съ княземъ, каждое замѣчаніе его, и тогда-то мы начали изучать Буало и Баттё, какъ надежнѣйшихъ руководителей въ теоріи словесности. Латинская литература и, слѣдовательно, латинскій языкъ оказывались необходимы. Здѣсь, кстати, я объясню методу изученія иностранныхъ языковъ, какую употреблялъ Николай Алексѣевичъ.

Начиная изучать новый для него языкъ, онъ обыкновенно окружалъ себя всѣми возможными пособіями: грамматиками, словарями, хрестоматіями, переводами, напечатанными съ текстомъ, и, ознакомившись нѣсколько съ языкомъ, начиналъ самъ составлять грамматику его, примѣняя ее къ правиламъ уже извѣстныхъ ему языковъ. Въ то же время онъ переводилъ, стараясь разгадать построеніе фразъ и порядокъ словъ, а неизвѣстныя слова выучивалъ наизусть. Для всѣхъ изучаемыхъ языковъ составлялъ онъ разныя таблицы, замѣтки, сравненія, и такимъ образомъ быстро овладевалъ языкомъ. Но достигнувъ такого знанія, что могъ, при пособіи словаря, читать авторовъ, онъ не стремился къ усовершенствованію себя въ изучаемомъ языкѣ, и оттого, дѣйствительно зная основательно нѣсколько иностранныхъ языковъ, онъ не обладалъ ни однимъ въ совершенствѣ, какого можно достигнуть усиленнымъ, постояннымъ занятіемъ и непрерывнымъ упражненіемъ. Даже зная французскій языкъ со всѣми его тонкостями, потому что безпрестанно читалъ на немъ, онъ пофранцузски говорилъ дурно, хотя очень свободно. Впослѣдствіи, мы никогда не соглашались съ нимъ о способѣ ученія вообще, и языковъ въ особенности. Я утверждалъ, что недостаточно такихъ знаній, какими довольствовался онъ въ языкахъ, что лучше знать два, три языка, но такъ, чтобы говорить и писать на нихъ правильно; что поверхностное знаніе десяти языковъ бесполезно и, между тѣмъ, уноситъ много времени. Онъ отрицалъ все это, въ убѣжденіи, что невозможно достигнуть совершенства въ чужомъ языкѣ, слѣдовательно нечего и тратить время для того, чтобы писать и говорить на

немъ; что наша латинь тревожить прахъ Цицерона и Тацита; что французы едва награждаютъ самое сильное знаніе ихъ языка унизительною для иностранца фразою: «*roug un étranger M-g n'écrit pas mal*», а въ разговорѣ узнаютъ съ перваго слова иностранный акцентъ, что, напротивъ, даже слабое знаніе иностраннаго языка знакомитъ насъ съ духомъ его, и читая на немъ, хоть съ помощью лексиконовъ, переводовъ, комментаріевъ, можно понимать авторовъ лучше, нежели въ переводѣ; наконецъ, самое твердое и всегдашнее его убѣжденіе—изученіе главныхъ языковъ нужно для узнанія законовъ всеобщей грамматики. Читатели могутъ сами судить объ основательности его доводовъ. Постояннымъ и неуклоннымъ его стремленіемъ было—обнимать умомъ и воображеніемъ цѣлый міръ, открывать новое, и потому недосугъ было ему заниматься мелочными тонкостями, когда въ то же время душа его была не художническая, а душа бойца, который хотѣлъ стремиться впередъ, всегда впередъ, не останавливаясь надъ частностями и подробностями. Онъ упоминаетъ о своихъ филологическихъ занятіяхъ касательно русскаго языка. Вотъ какъ начались они.

Въ 1819 году, явился въ «Сынѣ Отечества» разборъ изданной Россійскою академіею грамматики, написанный Н. И. Гречемъ. Этотъ образцовый разборъ произвелъ на насъ (на брата и на меня) необыкновенное впечатлѣніе. Мы увидѣли, какъ надобно заниматься языкомъ, и съ жаромъ принялись перерабатывать свои грамматическія познанія. Н. А. немедленно занялся тѣми частями русскаго языка, на которыя указывалъ г. Гречъ, какъ на обработанныя у насъ тогда очень слабо. Братъ мой рѣшился на исполинскій подвигъ—переспрагать всѣ русскіе глаголы, чтобы изъ этого вывести систему русскихъ спряженій. Это, вмѣстѣ съ другими изслѣдованіями разныхъ частей русскаго языка, занимало его нѣсколько лѣтъ. Впослѣдствіи онъ получилъ большую серебряную медаль отъ Россійской академіи именно за свою систему русскихъ спряженій; но объ этомъ послѣ.

Ученіе самое прилежное, изслѣдованія, которыя уже можно назвать учеными, и занятія дѣловыя не мѣшали Николаю Алексѣевичу въ то же время авторствовать. Въ 1818 и 1819 годахъ, мы съ нимъ много занимались переводами съ французскаго и нѣмецкаго языковъ; но это были только упражненія. Онъ посылалъ нѣкоторые свои опыты въ «Вѣстникъ Европы», и съ радостью замѣтилъ, какъ упоминаетъ самъ, что статьи его (о Славянскомъ Волосѣ и переводъ Шатобрианова описанія путешествія Меккензія по Сѣверной Америкѣ) были напечатаны безъ всякихъ поправокъ. Въ самомъ Курскѣ представился ему случай насладиться литературнымъ успѣхомъ.

Въ первые дни 1819 года, назначено было торжественное открытіе Отдѣленія русскаго библейскаго Общества въ Курскѣ. По

этому случаю приѣхалъ туда изъ Бѣлгорода епископъ Евгений. Братъ мой былъ у него нѣсколько разъ и, между прочимъ, вызвался прочитать стихи въ предстоящемъ собраніи Общества. Пресвященный, выслушавъ стихи, одобрилъ ихъ, но не сказалъ положительно ничего и не назначилъ дня, когда будетъ собраніе. Онъ былъ окруженъ множествомъ занятій, и неудивительно, что чтеніе стиховъ не казалось ему такъ важнымъ, какъ казалось оно самому поэту. Прошло дня два или три послѣ этого. Отецъ нашъ былъ отчего-то не въ духѣ, и вечеромъ журилъ за что-то бѣднаго поэта, когда вдругъ къ крыльцу нашего дома съ громомъ подѣхалъ экипажъ и въ комнату влетѣлъ частный приставъ Козюлькинъ, парадно одѣтый, и торопливо обращаясь къ Николаю Алексѣевичу, сказалъ:

— Да что жъ это такое? Вы еще и не одѣвались? А васъ ждуть!

Нѣсколько не понимая этихъ словъ, отецъ и братъ мой глядѣли на него вопросительно, и кто-то изъ нихъ спросилъ:

— Гдѣ ждуть?

— Да у губернатора! Ужъ началось чтеніе!

— Какое чтеніе?

— Боже мой! — воскликнулъ почти въ отчаяніи Козюлькинъ: — да вы, Н. А., хотѣли читать стихи, что ли, въ библейскомъ Обществѣ!?

Братъ началъ было объяснять, въ чемъ дѣло, но Козюлькинъ умолялъ его поскорѣе собраться и ѣхать съ нимъ въ ту же минуту, потому что нельзя было медлить ни одной минуты. Отецъ нашъ подтвердилъ то же съ какимъ-то упрекомъ, хотя въ половину понимая всю эту сцену... Черезъ четверть часа братъ уже ускакалъ съ Козюлькинымъ, и возвратился въ неописанномъ счастьи: прочитанные имъ въ собраніи стихи имѣли полный успѣхъ! Дамы плакали отъ умиленія, слушая ихъ, заслуженные воины, старики обнимали и цѣловали молодого поэта; губернаторъ и пресвященный изъявили ему полное удовольствіе. Въ поясненіе долженъ я сказать, что пресвященный, послѣ свиданія съ Николаемъ Алексѣевичемъ, включилъ стихотвореніе его въ росписаніе сочиненій, назначенныхъ для чтенія въ собраніи библейскаго Общества; росписаніе было роздано почетнымъ посѣтителемъ, и когда засѣданіе открылось, и уже началось чтеніе разныхъ отчетовъ и рѣчей, а братъ не являлся, тогда посланъ былъ за нимъ Козюлькинъ, съ приказаніемъ привезти поэта и стихотвореніе его такъ скоро, чтобы это не нарушило предназначеннаго порядка чтенія. Кажется, что стихотвореніе его было потомъ напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Такъ шелъ братъ мой постепенно отъ успѣха къ успѣху; но при этомъ не было въ немъ не только самолюбиваго довольства (обыкновеннаго признака бездарности), но и маленькое наслажденіе — видѣть и слышать одобреніе своихъ литературныхъ попытокъ — на-

водило на него грусть. Чувствуя въ душѣ неизмѣримыя силы и неопредѣленное, но непобѣдимое ничѣмъ стремленіе къ литературной дѣятельности, онъ видѣлъ также, какъ трудно будетъ ему предаться своему стремленію при тогдашнихъ обстоятельствахъ нашего семейства. Между тѣмъ, чѣмъ болѣе вступалъ онъ въ міръ образованности и литературы, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ, какъ много надобно было трудиться для того, чтобы стать наравнѣ съ современнымъ просвѣщеніемъ. Сколько бывало у насъ объ этомъ разсужденій, плановъ, мечтаній!.. Помню, что учиться въ Московскомъ университетѣ казалось намъ высшимъ и недосягаемымъ счастіемъ! Мы полагали, что могли бы тамъ поглотить всю ученость и проникнуться ею отъ головы до пятокъ. Названіе профессора, доктора, магистра, внушало намъ глубокое уваженіе къ тѣмъ, кто имѣлъ счастье заслужить эти ученые степени. Самая жизнь студента казалась намъ какою-то поэзію, и всѣ соединенныя съ нею трудности и лишенія представлялись несравненнымъ наслажденіемъ. Какъ радостно промѣняли бы мы удобства домашней жизни на одиночество и скудную жизнь бѣднѣйшаго студента! Безъ всякой близкой надежды достигнуть такой счастливой жизни, мы занимались всѣми предметами, необходимыми для вступленія въ университетъ. Братъ мой познакомился съ учителемъ латинскаго языка въ курской гимназіи, г. Славинскимъ, и обращался къ нему съ разными вопросами, при изученіи латинскаго языка, который не переставали мы учить по грамматикѣ Брѣдера, изданной Кошанскимъ. Руководствомъ для университетскаго курса вообще служила намъ книга: «Новый и легкій способъ приготовить себя къ выдержанію испытанія въ наукахъ, въ высочайшемъ указѣ 6-го августа 1809 года означенныхъ, или полный курсъ словесности, часть I, грамматика: 1) общая; 2) російская; 3) латинская; 4) французская, и логика. Издавъ Иванъ Гаретовскій. Москва въ университ. типографіи 1812.—8».

Другихъ книжныхъ пособій было у насъ довольно; только не доставало учителей и постояннаго классаго ученья, отчего мы и находили себя недостойными мечтать объ ученой образованности. Н. А. былъ неистощимъ въ средствахъ доставать книги; а чего не могли мы достать въ Курскѣ, то выписывали изъ Москвы. Въ такомъ направленіи занимались мы особенно въ 1819 году, когда братъ уже оставилъ дѣла гг. Баушевыхъ и жилъ въ домѣ отца. Определеннаго дѣловаго занятія у него не было. Я жилъ на заводѣ, который устроилъ отецъ мой съ товарищемъ; но и одному мнѣ управленіе заводомъ было слишкомъ подъ-силу, такъ что по вечерамъ я бывалъ свободенъ и обыкновенно посвящалъ ихъ ученью и литературнымъ занятіямъ. Братъ прихаживалъ ко мнѣ, иногда на пѣлый день, иногда и ночевалъ у меня, и эти часы и дни могу причислить къ счастливѣйшимъ въ моей жизни. Всѣ, кто зналъ

впослѣдствіи Николая Алексѣевича, сознаются, что всегда пріятно было дѣлить съ нимъ время; пусть же представляютъ себѣ живость его ума и любезность въ двадцати-лѣтній съ небольшимъ возрастъ, когда всѣ впечатлѣнія были у него такъ свѣжи, пылки, увлекательны для него и для другихъ. Разговоры и сужденія, касавшіеся глубокихъ и важныхъ вопросовъ, мечты о будущемъ, литература, науки, перемежались у него съ веселостью и шутками, въ которыхъ былъ онъ неистощимъ. Блаженное время, когда все представлялось въ розовомъ оттѣнкѣ, хотя на горизонтѣ жизни были и зловѣщія облака!..

Многіе полагаютъ, что для образованія ума и воспитанія души необходимы разнообразныя и необыкновенныя впечатлѣнія, а они невозможны безъ богатства, блестящаго общества и путешествій по образованнымъ государствамъ. Но это только средства, и надобно еще умѣть пользоваться ими. Съ сожалѣніемъ должно сознаться, что часто они оказываются безсильны, бесполезны, и только усыпляютъ послѣднюю силу жизни въ тѣхъ, кто ими обладаетъ. Человѣкъ, у котораго слабы душевныя силы, равнодушенъ ко всему, и оттого самыя разнообразные предметы не дѣйствуютъ на него. Онъ, глядя, не видитъ и, слыша, не понимаетъ. Напротивъ, какъ могущественны впечатлѣнія у человѣка съ душою сильною! Для него вездѣ краснорѣчива природа, вездѣ занимателенъ и глубокъ человѣкъ, вездѣ поучительно общество со своими страстями, слабостями, увлеченіями къ доброму и злему. Я видѣлъ примѣръ этого въ братѣ моемъ: онъ всюду находилъ людей, которыхъ наблюдалъ и изучалъ, всюду открывалъ новыя стороны въ предметахъ, и въ самой литературѣ провидѣлъ потребности ея, хотя не былъ въ сношеніяхъ съ литераторами и находился далеко отъ главныхъ мѣстъ литературной дѣятельности. Мы читали современные журналы и газеты русскія, и изъ нихъ знали событія; но сужденія наши были не всегда согласны съ сужденіями журналовъ, потому что мы имѣли уже довольно самобытности. Можно сказать, что Н. А. зналъ назусть всю литературу русскую, и въ этомъ отношеніи уже тогда былъ ученѣе многихъ журнальныхъ статей. Онъ съ перваго взгляда видѣлъ обмолвки и недомолвки, и удивлялся только, какъ люди, со всѣми срадрствами, дѣлаютъ промахи, не знаютъ того, что съ малолѣтства зналъ онъ еще изъ сочиненій Голикова о Петрѣ Великомъ, изъ «Всемірнаго Путешественателя» — о географіи, и не видятъ многого, что казалось ему такъ ясно. Иногда, читая анекдоты, выдаваемый за новость, онъ восклицалъ: «Боже мой! изъ Письмовника Курганова!» Читая сочиненіе Ерстова «Объ устройствѣ міровъ», онъ смѣялся, а книга: «Опроверженіе Коперниковой системы», возбудила и въ немъ, и въ отцѣ нашемъ негодованіе. Въ эту же пору своей жизни началъ онъ посылать разныя журнальныя статьи почти исключительно въ «Вѣстникъ Европы», и когда нѣкоторыя изъ

нихъ были напечатаны съ благосклонными примѣчаніями редактора, то онъ получилъ даже увѣренность въ своихъ силахъ и не разъ говорилъ мнѣ:

— А можно было бы много поработать!.. Какъ они не видятъ этого!

Вскорѣ и настала для него эпоха неутомимой литературной дѣятельности.

IV.

Переселеніе Н. А. Полеваго въ Москву.—Сближеніе съ Каченовскимъ.—Современные взгляды на литературу.—Знакомство съ В. О. Тимковскимъ и В. С. Филимоновымъ.—Занятія греческимъ языкомъ и увлеченіе эпикурейской философій.—Поѣздки Н. А. въ Петербургъ и знакомство съ П. П. Свиньинымъ.—Библіотека Тимковского.—З. Ходаковский и его методъ археологическихъ изслѣдованій.

Здѣсь долженъ я еще разъ попротиворѣчить предисловію къ «Очеркамъ», гдѣ Н. А. говорить:

«Отецъ мой рѣшилъ сдѣлать послѣднее усиліе для поправленія своихъ обстоятельствъ и, собравъ всѣ, какія были у него, средства, завести водочный заводъ въ Москвѣ. Меня отправилъ онъ для приуготовленій...». Что значать слова: «для приуготовленій» къ устройству завода? Что приуготовлять для этого почти цѣлый годъ, который прожилъ Н. А. въ Москвѣ, до приѣзда туда самого отца нашего? Вотъ какъ, и почему все это происходило. Произведенія нашего водочнаго завода въ Курскѣ были такъ хороши, что, по собраннымъ тогда свѣдѣніямъ, подобныхъ не выдѣлывали въ Москвѣ, слѣдовательно можно было продавать ихъ тамъ въ большомъ количествѣ, тогда какъ сбытъ ихъ въ Курскѣ былъ ограниченъ. По согласію съ своимъ товарищемъ, отецъ нашъ вздумалъ учредить депо своихъ водокъ въ Москвѣ, и для этого отправить туда Николая Алексѣевича, котораго обязанность состояла бы только въ оптовой продажѣ, слѣдовательно оставляла бы ему много досуга для другихъ, любимыхъ его занятій. Съ такою цѣлью отправился онъ въ Москву, въ самомъ началѣ 1820 года. Я увѣренъ, что если бы отецъ нашъ былъ сколько нибудь въ состояніи послать его туда единственно учиться и совершенствовать свои дарованія, онъ сдѣлалъ бы это непременно, даже безъ вызова Николая Алексѣевича; но нельзя было и думать о томъ, когда средства наши были чрезвычайно ограниченны, и необходимость заставляла прежде всего заботиться о безбѣдномъ содержаніи себя.

Въ первые мѣсяцы своего житія въ Москвѣ, Н. А. только собиралъ ближайшія свѣдѣнія о дѣлѣ, порученномъ ему, и уже лѣтомъ былъ отправленъ къ нему первый обозъ водокъ. Вообще это

дѣло почти не отнимало у него времени, и онъ ревностиѣе, нежели когда нибудь, предался тому, о чемъ мечтавъ такъ давно. Не могу не пожалѣть, что не сохранились письма, въ то время писанныя имъ ко мнѣ. Съ какимъ восторгомъ писалъ онъ, напримѣръ, что, абонировавшись въ разныхъ библіотекахъ, можетъ, наконецъ, имѣть всѣ книги, какія бы ни вадумалось ему читать или изучать.

«Не могу выразить тебѣ, — писалъ онъ мнѣ, — какое чувство овладѣло мною, когда во французской библіотекѣ мнѣ подали цѣлую книгу однихъ названій книгъ, находящихся въ моемъ распоряженіи, и когда я заглянулъ въ нее и увидѣлъ тамъ великія имена бессмертныхъ друзей нашихъ, начиная отъ Гомера и Эукидида до современныхъ—Шатобриана и Делиля!

— «Что же вамъ угодно назначить?»—спросилъ меня старикъ Бува, французъ, который бѣгло говоритъ какимъ-то ломанымъ языкомъ; но самый разговоръ пофранцузски былъ мнѣ пріятенъ, и я объяснялся съ нимъ безъ затрудненія: больше затруднялъ меня выборъ книгъ!.. Каково, братецъ? каково богатство?» Все это почти собственныя его слова, памятныя мнѣ.

Съ какимъ упоеніемъ извѣщаль онъ меня потомъ, что читаетъ Винкельмана и всякій разъ переселяется съ нимъ въ новый, невѣдомый до тѣхъ поръ ему міръ!.. Особенно занимали его всѣ подробности, относившіяся къ литературѣ и литераторамъ. Побывавъ въ публичномъ собраніи Общества Любителей Россійской словесности, онъ описывалъ мнѣ наружность видѣнныхъ имъ членовъ этого Общества, присоединяя къ каждому имени самыя почтительныя эпитеты. Можно сказать, что онъ былъ какъ проголодавшійся странникъ, который долго шелъ по безлюдной степи, и наконецъ-то добрался до жилья и подсѣлъ къ накрытому столу: все казалось ему прекрасно! Но главнымъ предметомъ въ нѣсколькихъ письмахъ его ко мнѣ было описаніе пріязненнаго сближенія съ Михаиломъ Трофимовичемъ Каченовскимъ. Это долженъ объяснить я нѣсколько подробнѣе.

Имя Каченовскаго было знакомо намъ съ дѣтства. Оно казалось неразлучнымъ съ «Вѣстникомъ Европы», который долго оставался лучшимъ русскимъ журналомъ, и былъ для Николая Алексѣевича—какъ для Ломоносова грамматика Смотрицкаго и ариметика Магницкаго—вратами учености. «Вѣстникъ Европы» составлялъ обычное чтеніе въ нашемъ домѣ, и всѣ мы такъ привыкли къ нему, что издатель его, Каченовскій, казался намъ чѣмъ-то близкимъ, роднымъ. Многія умныя и ученныя статьи его внушили намъ невольное уваженіе къ нему, и уже съ дѣтства мы воображали его необыкновеннымъ человѣкомъ, удивительнымъ писателемъ, который знаетъ все, потому что говорить обо всемъ, раздастъ хвалы и осужденія, и всегда остается на недосыгаемой другими высотѣ. Впослѣдствіи, когда мы уже могли давать себѣ отчетъ въ

томъ, что читали, мы, по привычкѣ, невольно держали сторону Каченовскаго, тѣмъ больше, что противодѣйствія ему почти не было. Важное дѣло: привычка къ журналу. И въ наше время, и не въ одной Россіи, успѣхъ многихъ періодическихъ изданій объясняется только тѣмъ, что къ нимъ привыкли: привыкли даже къ ихъ слабостямъ и пошлостямъ, отчего и дѣльное, встрѣчаемое въ нихъ, кажется лучше, нежели въ другихъ подобныхъ изданіяхъ. «Вѣстникъ Европы» клонился къ упадку съ 1815 года: Каченовскій уже лѣнливо занимался имъ, повторялъ одно и то же, сбивался на тѣ пошленькія остроты, которыми послѣ кололи его самого, а мы, провинціалы, видѣли въ немъ все еще свѣтило русской литературы, и братъ мой, особливо съ тѣхъ поръ, какъ въ «Вѣстникѣ» были помѣщены его статьи, присланныя изъ Курска, былъ приверженцемъ Каченовскаго и питалъ къ нему глубокое, искреннее уваженіе.

Поосмотрѣвшись въ Москвѣ, онъ почелъ самымъ пріятнымъ долгомъ явиться къ нему, и описывалъ мнѣ это посѣщеніе съ юношескимъ довольствомъ. Все показалось ему умно, прилично, прекрасно у Каченовскаго. Даже деревянный домикъ у Пимена въ Воротникахъ, о которомъ читывали мы на каждой оберткѣ «Вѣстника Европы», представился брату моему философскимъ убѣжищемъ. Множество книгъ, разбросанныхъ въ кабинетѣ, показались ему свидѣтельствомъ учености, и самъ хозяинъ кабинета очаровалъ пылкаго юношу любезностью, умомъ, разнообразными свѣдѣніями, которыя высказалъ онъ въ разговорѣ съ нимъ. Каченовскій былъ дѣйствительно человѣкъ умный, ученый и, по-своему, любезный. Онъ легко находилъ мѣткія, язвительныя выраженія, когда характеризовалъ какогонибудь недруга, умѣлъ быть веселымъ при случаѣ, и его искренняя страсть къ наукѣ дѣлала его краснорѣчивымъ, когда рѣчь касалась любимыхъ его предметовъ—исторіи и древностей Россіи. Въ свое время, когда ученость ограничивалась большимъ скопленіемъ книжныхъ свѣдѣній, онъ былъ однимъ изъ ученѣйшихъ между сверстниками и отличался между ними расудительностью и критическимъ взглядомъ, который обратился у него, наконецъ, въ скептицизмъ. Онъ радушно встрѣтилъ Николая Алексѣевича, привѣтливо сказалъ ему, что не думалъ найти въ сочинителѣ полученныхъ имъ статей такого молодаго человѣка, и, еще менѣе, не записнаго ученаго, а купца. Н. А. выражалъ ему глубокое уваженіе, просилъ руководства его въ ученыхъ занятіяхъ и, повидимому, такъ привлекая къ себѣ старика своимъ пылкимъ, образованнымъ умомъ, что онъ скоро сталъ принимать его, какъ искренняго пріятеля. На вопросъ молодаго пріятеля: чѣмъ заниматься ему для укрѣпленія своего образованія, Каченовскій рѣшительно и, думаю, искренно отвѣчалъ, что важнѣе, необходимѣе всего—заняться древними языками, особливо греческимъ, безъ котораго,

какъ полагалъ онъ, нельзя основательно разрабатывать русской исторіи, привлекавшей къ себѣ Николая Алексѣевича послѣ первыхъ его попытокъ въ ней и одобренныхъ Каченовскимъ сужденій о разныхъ подробностяхъ ея. Для усовершенствованія себя въ слогѣ русскомъ, Каченовскій совѣтовалъ брату писать, переводить для «Вѣстника Европы». Я увѣренъ, что и въ этомъ совѣтѣ было не эгоистическое побужденіе журналиста, а прямое желаніе добра молодому писателю, въ которомъ онъ видѣлъ дарованіе. Ничто не даетъ такой опытности въ авторскомъ дѣлѣ, какъ журнальная работа: почти всѣ лучшіе писатели новаго времени, наши и иностранные, образовались сотрудничествомъ или работою въ журналахъ.

Съ восхищеніемъ писалъ мнѣ обо всемъ этомъ Н. А., и вполне послѣдовалъ совѣту Каченовскаго. Греческіе словари, грамматики, учебники не сходили съ его столика, а сочиненія и переводы его стали являться въ каждой книжкѣ «Вѣстника Европы». Тамъ напечатано, между прочимъ, нѣсколько стихотвореній его, множество парадъ, анаграммъ, омонимовъ, логогрифовъ, ничтожныхъ гремушекъ стихотворныхъ, которыя были тогда въ модѣ. Легкость, съ какою вообще писалъ стихи Н. А., была причиной, что онъ доставлялъ десятками эти вздоры Каченовскому, и они красовались въ каждой книжкѣ ученаго и литературнаго журнала. Я писалъ, наконецъ, брату, что пора ему быть умѣреннѣе въ этомъ родѣ сочиненій, и что онъ становится въ рядъ поставщиковъ парадъ и логогрифовъ, надъ которыми смѣялись мы еще въ Курскѣ. Были даже своего рода знаменитости въ этомъ родѣ, которыя ничего инаго не печатали. Одинъ какой-то господинъ Варлаковъ, изъ Тобольска, особенно былъ неутомимъ, и утѣшалъ насъ затѣливостью своихъ выдумокъ. Его имя безпрестанно встрѣчалось на страницахъ журналовъ. «Благонамѣренный», журналъ А. Е. Измайлова, сдѣлался чуть не спеціальностью этого рода сочиненій, какъ сказали бы въ наше время, когда, заботясь объ оригинальности, искажаютъ языкъ. Но, вспоминая о тогдашней эпохѣ, нельзя не удивляться, какъ легко пріобрѣталась литературная извѣстность, и за какіе подвиги называли тогда поэтомъ! Писака, помѣстившій нѣсколько статей въ журналахъ, или стихотворецъ, издавшій книжечку своихъ вдохновеній, заимствованныхъ у Деллиа и Бернара, пріобрѣталъ названіе писателя, если только мало-мало былъ смыслъ и чистенькій языкъ въ его писаньѣ. Большая часть тогдашнихъ мелкихъ словесниковъ были въ этомъ родѣ. Правда, что тогда еще не достигли такого совершенства, какъ въ наше время, когда почитаютъ себя литераторами и дѣлаются журналистами люди, о которыхъ трудно сказать, что они знаютъ грамотѣ. Наименованіе поэта давалось за нѣсколько стишковъ, о которыхъ снисходительно отовзался журналистъ или какой либо извѣстный писатель.

При такомъ направленіи литературы неудивительно, что братъ мой увлекся сотрудничествомъ въ «Вѣстникѣ Европы», и печаталъ тамъ всякій вздоръ, недостойный упоминанія. Любопытные могутъ найти имя его подъ многими статьями и стихотвореніями «Вѣстника Европы» 1820 года, а что напечатано тамъ безъ имени его, о томъ и самъ онъ не вспомнилъ бы. Но постоянное сотрудничество въ «Вѣстникѣ» доставило ему нѣкоторую извѣстность и знакомство съ литераторами. Изъ числа ихъ одинъ даже имѣлъ вліяніе—впрочемъ временное и краткое—на образъ мыслей его и отчасти на нѣкоторыя отношенія въ жизни: это Владиміръ Сергѣевичъ Филимоновъ (умершій въ 1858 году). Съ необыкновенною любезностью свѣтскаго человѣка онъ соединялъ образованность и понятія литераторовъ своего времени. Здѣсь необходимо выразиться подробнѣе о тогдашнихъ литераторахъ, относительно взгляда ихъ на искусство. *L'Art poétique* Буало былъ для нихъ то же, что Алкоранъ для мусульманина; писать стихи, то есть сочиненія стиховъ въ двадцать, называлось работою, потому что въ самомъ дѣлѣ они въ потѣ лица работали надъ каждымъ стихомъ, передѣлывали и переправляли его, посвящали дни, недѣли, на стихотворныя бездѣлки, и вымученныя такимъ образомъ изъ головы посланія и элегіи, оды и басни, повергали ихъ въ продолжительное бездѣйствіе; но, отдохнувши полгода, годъ, иногда долѣе, они снова призывали вдохновеніе, то есть вновь переводили или вымучивали изъ себя какое нибудь стихотвореніе. Это не относится ни къ кому лично: я говорю только, какъ вообще тогда понимали поэзію, и какъ занимались литературою всѣ, кромѣ немногихъ избранныхъ, всегда создающихъ себѣ свой собственный кодексъ и свои правила въ искусствѣ. Разговоры о литературѣ ограничивались выраженіемъ безграничнаго удивленія къ французской словесности, и къ тому, что одобрялось и восхвалялось у Лагарпа и подобныхъ ему теоретиковъ. Нельзя сказать, чтобы не мыслили, не разсуждали, но мыслили и разсуждали по указаніямъ французовъ, не имѣя понятія о самобытности, ни дерзновенія подумать: нѣтъ ли чего поглубокомысленнѣе французскихъ теорій?

Въ общество такихъ-то литераторовъ, съ одной стороны, и въ общество скептика и педанта въ наукѣ, съ другой, попалъ братъ. Одни твердили ему, что нѣтъ большаго подвига, какъ перевести достойнымъ образомъ сатиру Буало, отрывокъ изъ Делила, модную пѣсню французскую, или написать что нибудь въ этомъ родѣ, а другой повторялъ, что, не читая греческихъ и латинскихъ хроникъ, нельзя и думать объ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Слѣдуя совѣтамъ Каченовскаго, по крайней мѣрѣ, можно было прійти къ какому нибудь полезнымъ, хоть отдаленнымъ, послѣдствіямъ; но совѣты и направленіе толпы литературной только умельчали, усыпляли дарованіе, и вели его прямо къ уровню общей посредствен-

ности. На сторонѣ этихъ господъ было, однако же, общее мнѣніе, прелѣсть успѣха, свѣтское легкомысліе, приправленное остроуміемъ, насмѣшкой, и оттого заразителное, привлекательное для молодаго ума. Всѣ они боялись учености и критическаго пера Каченовскаго, однако это не мѣшало имъ и, можетъ быть, еще больше побуждало ихъ, въ своемъ кругу, подсмѣиваться надъ учеными педантами. Николай Алексѣевичъ, всегда увлекавшійся новостью, невольно сталъ отдѣляться отъ Каченовскаго, привлекаемый болтовнею и свѣтскимъ остроуміемъ другихъ литераторовъ.

Особенно сблизился братъ мой съ В. С. Филимоновымъ лѣтомъ 1820 года, когда въ его обществѣ познакомился съ другомъ его, Василиемъ Ѳедоровичемъ Тимковскимъ, братомъ знаменитаго ученостію профессора Романа Ѳедоровича Тимковскаго, и еще болѣе извѣстнаго описателя путешествія въ Китай, Егора Ѳедоровича Тимковскаго. Василій Ѳедоровичъ первоначально назначалъ себя также къ ученому поприщу, и имѣлъ къ тому большія способности. Онъ былъ знатокъ латинской и нѣмецкой литературы, и перешедши въ службу дипломатическую, любилъ словесность и науки искренно. Во время послѣдней войны Россіи съ Наполеономъ, онъ, находясь при государственномъ секретарѣ Шишковѣ, сталъ извѣстенъ какъ отличный дѣловой человекъ, и въ описываемое мной время служилъ по азиатскому департаменту министерства иностранныхъ дѣлъ. Прѣзжая изъ Оренбурга, гдѣ успѣшно исполнилъ какое-то затруднительное порученіе, онъ остановился, на пути въ Петербургъ, отдохнуть въ Москвѣ нѣсколько времени. Онъ отличался въ обществѣ чистымъ малороссійскимъ юморомъ, даже говорилъ съ сильнымъ акцентомъ малороссіянина, и, кажется, даже умѣлъ употреблять это какъ дипломатъ, высказывая съ видомъ шутливаго простодушія многое, чего нельзя выразить въ обыкновенныхъ формахъ разговора. Это же свойство ума чрезвычайно скоро сблизало съ нимъ, потому что онъ былъ и уменъ, и остръ, и ученъ съ какою-то безпечною веселостію. Зная чуть не наизусть Горація, онъ всегда кстати произносилъ классическія его изреченія, и вообще любилъ примѣнять къ настоящему сблизенія изъ исторіи греческаго и римскаго міра. Особенно бывалъ онъ любезенъ за бутылкой хорошаго вина, за медленнымъ обѣдомъ, а это случалось почти каждый день у Филимонова, пріѣхавшаго въ Москву также отдохнуть отъ службы, послѣ того какъ онъ былъ нѣсколько времени вице-губернаторомъ въ Новгородѣ. Гораціанскія бесѣды ихъ скоро произвели то, что Тимковскій сталъ называть Николая Алексѣевича юношею, а Филимонова Меценатомъ, который лелѣеть дарованія. Много искрилось вина въ бокалахъ, много было сказано фразъ, въ родѣ: «Юноша! не презирай ни нѣжныя любви, ни пѣсенъ: наслаждайся!» — «Не надо фалернскаго: дай горькаго!» — «Почто трепетать о жизни, для которой надобно такъ мало!» — «Бѣжить, бѣжить невозвратимое

время!» Такія бесѣды продолжались и послѣ отъѣзда Тимковскаго. Братъ мой былъ плѣненъ системой жизни, которую довольно заманчиво излагаетъ Дрозъ въ легкомысленной книгѣ своей, имѣвшей большой успѣхъ и напечатанной нѣсколько разъ подъ заглавіемъ: «Essai sur l'art d'être heureux». Братъ прислалъ мнѣ въ Курскъ эту книгу и совѣтовалъ утѣшать себя въ неприятностяхъ жизни прекрасною философіею Дроза, которая вся состоитъ въ томъ, что должно наслаждаться жизнью, слѣдовательно, должно улучшать ее и себя, равнодушно глядя на окружающія насъ неизбѣжныя препятствія въ достиженіи къ эпикурейскому идеалу. Этотъ жалкій, чалый отпрыскъ многовѣтвистаго дерева эпикуреизма можетъ временно одурить юный умъ, и Н. А., находясь въ обществѣ, гдѣ не только восхищались Дрозомъ, но и приводили въ исполненіе его теорію, подкрѣпляя ее фразами изъ Горация и запивая шампанскимъ, нѣсколько времени раздѣлялъ убѣжденіе въ превосходствѣ мнимой философіи Дроза.

Слѣдствіемъ сближенія его съ Филимоновымъ было еще то, что они рѣшились устроить въ Москвѣ водочный заводъ, что несомнѣнно было выгоднѣе, нежели привозить водки на продажу туда изъ Курска ¹⁾. Намѣреніе это было сообщено нашему отцу, и онъ съ охотою согласился привести его въ исполненіе, то есть устроить заводъ на общій съ Филимоновымъ капиталъ. Но прежде надобно было кончить дѣла и расчеты завода, который былъ у насъ въ Курскѣ, тоже въ товариществѣ съ однимъ богатымъ человѣкомъ. Это представило разныя затрудненія, такъ что не прежде половины декабря отецъ мой, кончивъ всѣ дѣла свои въ Курскѣ, но оставивъ тамъ семейство, отправился въ Москву и взялъ съ собою меня.

Когда мы пріѣхали въ Москву, Н. А. вовсе не былъ погруженъ въ ученость, какъ я воображалъ себя. Онъ много читалъ, и я нашелъ у него множество новыхъ для меня книгъ; но авторская его дѣятельность ограничивалась элегіями и мадригалами: онъ былъ по уши влюбленъ, что случалось съ нимъ не разъ и прежде; но въ этотъ разъ можно было подумать, что истинная страсть обладала его сердцемъ. Въ домѣ отца милой дѣвицы, плѣннившей Николая Алексѣевича, В. С. Филимоновъ былъ старый пріятель, и это вскорѣ сдѣлало тамъ и брата моего искреннимъ, близкимъ человѣкомъ. Онъ разсуждалъ о газетныхъ новостяхъ съ старикомъ-отцомъ, неизмѣннымъ членомъ англійскаго клуба, и при томъ офицеромъ Суворовскихъ временъ: слѣдовательно, было о чемъ поговорить и легко было сблизиться съ главнымъ лицомъ дома, который посѣщалъ братъ мой почти ежедневно. Самое общество въ этомъ домѣ, разно-

¹⁾ Собственно говоря, не устроить заводъ, а только перевести его изъ Курска въ Москву. При этомъ, участіе Николая Алексѣевича въ будущемъ пріятіи предполагалось посредническое.

образное, пріятное, нравилось ему, такъ что, невольно и незамѣтно для самого себя, онъ оставался въ развлеченіи и бездѣйствіи: пріѣздъ нашъ въ Москву былъ благодѣтельнымъ противодѣйствіемъ такому состоянію духа. Началась вещественная дѣятельность по устройству завода. Остальные мѣсяцы зимы прошли въ пріисканіи удобнаго помѣщенія и въ распоряженіяхъ касательно устройства и открытія завода. Это лучше всего опровергаетъ слова Ник. Алексѣевича, что отецъ отправилъ его въ Москву для «пріуготовленій» къ водочному заводу. Конечно, проживши почти годъ въ Москвѣ, онъ узналъ мѣстные обстоятельства, и тѣмъ способствовалъ отцу нашему заняться устройствомъ завода, о которомъ еще и мысли не было за полгода прежде. Но самъ Н. А. никогда, ни въ Курскѣ, ни въ Москвѣ, не занимался имъ, и даже не имѣлъ необходимыхъ для того свѣдѣній и опытности. Онъ способствовалъ кое-чему, но всегда по указаніямъ отца, а послѣ смерти его, потомъ, и вовсе не вмѣшивался въ распоряженія заводомъ, уже потому, что тогда началась настоящая литературная жизнь его. Дѣлами вообще распоряжался самъ отецъ нашъ, а потомъ я и другой старшій братъ мой ¹⁾, такъ что Николаю Алексѣевичу было много досуга и онъ не зналъ, какъ занять его. Онъ выражалъ эту мысль въ письмахъ къ Филимонову, который между тѣмъ уѣхалъ на житье въ Петербургъ. Любовь, вольное и невольное отвлеченіе отъ литературной дѣятельности, безъ которой, однако, не могъ онъ жить, неопредѣленность въ будущемъ, все это способствовало грустному расположенію его души. Не знаю, чѣмъ бы это кончилось, если бы не представился случай къ новому развлеченію для него. По дѣламъ завода нашего необходимо било ходатайствовать объ одномъ обстоятельстве въ Петербургѣ. Н. А. отправился туда, возвратился на нѣкоторое время въ Москву, и опять поѣхалъ въ Петербургъ, такъ что все лѣто, до осени, провелъ онъ тамъ, въ самыхъ пріятныхъ для него занятіяхъ и развлеченіяхъ, потому что дѣло, бывшее поводомъ къ его поѣздѣ, требовало только наблюденія, очень не хлопотливаго. Онъ жилъ, большею частію, у Филимонова, или, по крайней мѣрѣ, всегда былъ въ его обществѣ, и имѣлъ разные случаи познакомиться съ нѣкоторыми литераторами. Кажется, больше всѣхъ оказывалъ ему пріязненное расположеніе Павелъ Петровичъ Свиньинъ. Это былъ плохой литераторъ, но безцѣнный человѣкъ, ловкостью, находчивостью, услужливостью, готовый обязывать во

¹⁾ Евсеіи Алексѣевичъ Полевой, который и впоследствии, когда дѣла по водочному заводу были ликвидированы, продолжалъ служить по откупамъ. Былъ и еще одинъ, четвертый братъ—Петръ Алексѣевичъ, величайшій чудакъ, долго служившій въ военной службѣ и вынужденный выйти въ отставку потому, что не хотѣлъ принимать участія въ систематическомъ обкрадываніи казны. Онъ умеръ въ концѣ 50-хъ годовъ, въ одномъ изъ московскихъ монастырей.

всѣхъ мелочахъ. Онъ не могъ быть, да и не почиталъ себя меценатомъ; но, имѣя обширныя связи и безчисленные знакомства, могъ быть полезенъ для тѣхъ, кто нуждался въ средствахъ для дѣятельности артистической или литературной. Неподдѣльною страстью въ немъ было отыскивать все замѣтельное русское, въ томъ числѣ и русскія дарованія; но, такъ какъ онъ не обладалъ ни достаточною образованностью, ни проницательностью для этого, то часто впадалъ въ смѣшныя ошибки, поощрялъ бездарность, наживалъ себѣ враговъ въ людяхъ неблагодарныхъ и, вполнѣдствіи, сдѣлался предметомъ злыхъ насмѣшекъ, отчего само покровительство его было непривлекательно. Онъ чрезвычайно обласкалъ Николая Алексѣевича, но не думаю, чтобы видѣлъ въ немъ кулика-самоучку (какъ упоминаетъ Н. А. въ предисловіи къ «Очеркамъ»). Въ немъ было столько смѣтливости, что, разъ побесѣдовавъ съ такимъ необыкновеннымъ человекомъ, какъ Н. А., онъ, конечно, увидѣлъ въ немъ не самоучку-простолудина. П. П. Свиныянъ всегда смирялся передъ его разностороннею образованностью и писательскимъ дарованіемъ. Онъ пригласилъ его участвовать въ своемъ журналѣ: «Отечественныя Записки» (отъ котораго произошелъ журналъ, издающійся нынѣ ¹⁾ подъ тѣмъ же заглавіемъ), и вызвался съ своей стороны оказывать всякія услуги. Но брату моему надобно было въ это время спѣшить въ Москву, къ отцу, подвергшемуся тяжелой болѣзни, которая уже и не оставляла его до самой смерти.

Тяжелый былъ для насъ этотъ годъ!.. Кромѣ разныхъ непріятностей по дѣламъ, отецъ нашъ, котораго мы столько же любили, сколько уважали, неизмѣнный герой умомъ и здоровьемъ, вдругъ очутился на краю гроба отъ внезапнаго недуга. Лучшіе медики не понимали, что это была за болѣзнь, и оттого долго не могли даже облегчить его страданій, которыя такъ истощили его силы, что когда Н. А., по пріѣздѣ изъ Петербурга, взглянулъ на него, — онъ окаменѣлъ и не могъ выговорить ни слова, покуда не выплакался въ другой комнатѣ. Горе наше нѣсколько утихло, когда почтенный родитель нашъ почувствовалъ облегченіе отъ своей тяжелой болѣзни, и даже сталъ опять думать о дѣлахъ. Зимой 1821—1822 года, Н. А. ѣздилъ въ Екатеринославскую губернію (по просьбѣ В. С. Филимонова, у котораго происходилъ тамъ раздѣлъ имѣнія), пробылъ нѣсколько времени въ Курскѣ, у матери нашей, съ которою давно не видался; ѣздилъ опять въ Петербургъ, и когда возвратился оттуда, отецъ нашъ, видя, что болѣзнь не оставляетъ его, подозрѣвая, можетъ быть, что она смертельна, поручилъ Николаю Алексѣевичу продолженіе заведеннаго имъ дѣла, а самъ отправился въ Курскъ, ласкаясь надеждою, что совершенное спокойствіе, тихая семейная жизнь и благорастворенный климатъ родины помогутъ ему лучше медицины. Но дни его были уже изотчены...

¹⁾ Писано въ концѣ 50-хъ годовъ.

Мы проводили его до Поклонной горы, и съ грустнымъ чувствомъ возвратились домой. Извѣстія изъ Курска были попеременно то тревожныя, то успокоительныя. Лѣтомъ, послѣ одного письма отъ матери, Н. А. поскакалъ въ Курскъ; но именно въ это время отцу нашему стало лучше, такъ что, когда, послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ семействѣ, братъ отправился обратно въ Москву, отецъ нашъ, вмѣстѣ съ другими, вышелъ на крыльцо провожать его и благословляя прибавилъ: «А вскорѣ, Богъ дастъ и я къ вамъ приѣду». Успокоенный такимъ образомъ, возвратился Н. А. въ Москву, и тогда-то началась его истинная литературная дѣятельность.

Я уже объяснялъ, что заводъ нашъ не требовалъ съ его стороны почти никакихъ заботъ. Совершенно располагая своимъ временемъ, онъ занялся окончательнымъ обработываніемъ своей системы сопряженій русскихъ глаголовъ, углубился въ изслѣдованіе разныхъ вопросовъ русской исторіи, переводилъ стихами Мольерова «Тартюфа», писалъ статьи для одного сборника, который издавалъ книгопродавецъ Ширяевъ, старинный пріятель его, и участвовалъ въ журналѣ Свинына. Занятіямъ его русской исторіею способствовало еще одно обстоятельство, которое не осталось безъ послѣдствій, и потому должно быть изложено мною съ нѣкоторыми подробностями.

Лѣтомъ 1822 года проѣзжалъ черезъ Москву В. Ѳ. Тимковскій, отправившійся на службу въ Грузію. Пріязнь его съ Николаемъ Алексѣевичемъ укрѣпилась въ предшествовавшемъ году, когда братъ мой провелъ почти все лѣто въ Петербургѣ, и былъ неразлученъ съ Филимоновымъ и Тимковскимъ. Отправляясь въ дальній путь и на многіе годы, Тимковскій остановился въ Москвѣ, между прочимъ, для того, чтобы принять оставшуюся послѣ смерти брата его, Романа Ѳедоровича, бібліотеку,—не большую, но составленную изъ отборныхъ ученыхъ книгъ, почти исключительно относившихся къ древнимъ литературамъ и къ русской исторіи. Онъ просилъ брата моего взять эту бібліотеку къ себѣ и хранить ее до его востребованія, предоставляя ему между тѣмъ пользоваться ею. Можно ли было сдѣлать большее одолженіе человѣку, жаждавшему учености всякаго рода! Для него любопытно было видѣть даже то, какими пособіями руководствовался одинъ изъ лучшихъ знатоковъ русской исторіи. Когда была перевезена къ намъ бібліотека Тимковскаго, состоявшая сотенъ изъ двухъ томовъ, братъ, можно сказать, впился въ нее. Множество мыслей рождалось въ немъ при чтеніи всякой новой книги. Спѣшу замѣтить, что въ бібліотекѣ Тимковскаго не было ничего рѣдкаго, необыкновеннаго; но для брата моего было достаточно и этого ученаго богатства: онъ перечиталъ, пересмотрѣлъ все важнѣйшее, что представляла тогда литература русской исторіи. Это повело его къ разнымъ изысканіямъ

и оригинальнымъ идеямъ, какія всегда рождались въ головѣ его при занятіи новымъ предметомъ. Самое слово: археографія, было впервые примѣнено имъ, и лишь впоследствии употреблено П. М. Строевымъ и утвердилось въ нашемъ ученомъ языкѣ.

Тимковскій поручилъ также вниманію Николая Алексѣевича двухъ своихъ племянниковъ, воспитывавшихся въ Московскомъ университетѣ на казенномъ содержаніи. Однимъ изъ нихъ былъ Михаилъ Александровичъ Максимовичъ, вскорѣ сдѣлавшійся въ нашемъ домѣ домашнимъ человѣкомъ, искреннимъ пріятелемъ. Много лѣтъ послѣ того мы оказывали ему беззавѣтное гостепріимство. Увидимъ далѣе, чѣмъ кончилась эта пріязнь!

Къ этому же времени относится знакомство Николая Алексѣевича съ достопамятнымъ Зоріаномъ Ходаковскимъ. Въ наше время софизмовъ и мнѣній, внушаемыхъ корыстолюбіемъ, изображаютъ этого человѣка непризнаннымъ гениемъ; я опишу его, каковъ онъ былъ въ дѣйствительности. Происхожденіе его покрыто тайнственностью. Въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» даже представлена, въ видѣ исторической загадки, двойственная его біографія. Несомнѣнно то, что онъ былъ польскаго происхожденія, и даже не зналъ порядочно никакого другаго языка, кромѣ польскаго. Порусски онъ писалъ плохо, а говорилъ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ и самымъ простонароднымъ нарѣчіемъ. Онъ самъ рассказывалъ намъ много разъ, что, во время нашествія наполеоновыхъ армій на Россію, онъ служилъ въ корпусѣ Даву, былъ взятъ въ плѣнъ около Москвы, но вообще не любилъ распространяться объ этомъ времени своей жизни, и отклонялъ всѣ вопросы, какъ и что происходило тогда въ глазахъ его. Казалось, ему совѣстно было представлять себя непріателемъ русскихъ, отъ которыхъ видѣлъ онъ впоследствии ласку и гостепріимство. Карамзинъ одобрилъ его предположеніе отыскивать и описывать городки, то есть небольшія земляныя насыпи извѣстной формы, разбросанныя на великихъ пространствахъ Россіи и, какъ полагалъ Ходаковскій, означающія древнѣйшее мѣстопробываніе славянъ, такъ, что по нимъ думалъ онъ опредѣлить пространство, которое занимали славяне, а изъ сохранившихся названій городковъ вывести нѣкоторыя филологическія и историческія заключенія. Огласивши въ журналахъ свой проектъ и получивъ денежное пособіе отъ нашего правительства, Ходаковскій началъ свои изслѣдованія съ Новгородской губерніи, но въ два года не сдѣлалъ ничего, и ему прекратили выдачу назначенной на путешествіе его суммы. Онъ кой-какъ добрался до Москвы и былъ въ затруднительномъ положеніи. Не только продолжать свое фантастическое путешествіе, но и жить было ему нечѣмъ. Оправдать возбужденныхъ имъ надеждъ онъ не могъ, и въ разговорахъ давалъ разумѣть, что правительство перестало давать пособіе для ученыхъ трудовъ его, по интригѣ

Карамзина, будто бы ненавидѣвшаго его за нѣкоторыя критическія замѣтки на «Исторію государства Россійскаго». Знакомые равнодушно выслушивали многорѣчивыя его разглагольствія, но со свойственнымъ русскому человѣку радушіемъ оказывали ему гостепріимство и пособіе. Надобно сказать, что личныя потребности Ходаковскаго были чрезвычайно умѣренны. Всегдашній костюмъ его составляли: сѣрая куртка и сѣрые шаровары, а на головѣ что-то въ родѣ суконнаго колпака. Въ такомъ костюмѣ являлся онъ всюду, и обращалъ на себя вниманіе солдатскою откровенностью, близкою къ грубости. Всѣхъ дамъ, безъ различія съ простолюдниками, называлъ онъ «матушка», всѣхъ мужчинъ «батюшко». Пришедши въ гости, онъ обыкновенно оставался до тѣхъ поръ, когда надобно было ложиться спать. Особенно милъ бывалъ онъ съ людьми, отличавшимися изысканнымъ костюмомъ и свѣтскими манерами, и называлъ ихъ въ глаза «фанфаронами». Но никто не сердился на него за выраженія и обращеніе, которыя другому стоили бы дуэли: на такую ногу умѣлъ онъ поставить себя, что на него смотрѣли, какъ на Діогена. Смѣшно было бы вызывать на дуэль Діогена!.. Одному остроумцу сказалъ онъ, прислушавшись къ его разсказу о разныхъ успѣхахъ въ свѣтѣ:

— Не вѣрю я вамъ: вы, видно, любите говорить чепуху.—Другому молодому человѣку, замѣчательному носомъ съ горбомъ, онъ сказалъ, увидѣвши его больнымъ:

— Умрите вы: мнѣ васъ не жаль; но жаль только вашего итальянскаго носа, какихъ я мало видѣлъ въ Россіи.

Таковъ былъ онъ по наружности, таковъ и умомъ, и образованностью. Дерзкій циникъ, онъ бранилъ всѣхъ и не смущался отъ своего невѣжества. Не зная ни одного иностраннаго языка, не имѣя понятія о необходимой для историка учености, онъ, однако же, иногда довольно мѣтко и пронизательно критиковалъ Карамзина и отрывалъ смыслъ въ событіяхъ, затруднявшихъ другихъ изслѣдователей. Онъ почти ничего не читалъ и у него не было никакихъ книгъ, кромѣ нѣсколькихъ, самыхъ обыкновенныхъ польскихъ, засаленныхъ, какъ онъ самъ. Пять, шесть разрозненныхъ томовъ исторіи Карамзина были у него исписаны замѣтками, иногда самыми циническими. Драгоцѣнностью своею почиталъ онъ карту Россіи, на которой были означены открытыя имъ городки, или имена, напоминавшія городки. Почти во всякомъ разговорѣ онъ склонялъ рѣчь на этотъ предметъ и объяснялъ, что въ Россіи множество мѣстъ и урочищъ носятъ названія, которыя скороговоркой произносилъ онъ неизмѣнно: «городъ, городокъ, городецъ, городня, городище». «Да, кромѣ того («батюшко» или «матушка»,—прибавлялъ онъ), гдѣ есть названія отъ бабы, отъ березы, отъ дида (и еще слѣдовано исчисленіе нѣсколькихъ именъ), тамъ вѣрно есть или было городище». Съ такою рѣчью обращался онъ

ко всякому, кого встрѣчалъ, особливо въ первый разъ. Напримѣръ, Зоріанъ (какъ мы называли его) сидитъ у насъ, и вдругъ прѣзжаетъ знакомое семейство, дама съ сыномъ и двумя дочерьми. Давши имъ поосмотрѣться и самъ вслушавшись въ разговоръ, онъ, въ неизмѣнномъ своемъ костюмѣ, подсаживается къ сыну и говоритъ:

— Вы, батюшко, изъ Тульской губерніи?

— Да, — отвѣчаетъ молодой человѣкъ.

— А какого уѣзда, батюшко?

— Бѣлевскаго.

— А слышали вы тамъ, батюшко, про городища?

Молодой человѣкъ глядитъ на него въ недоумѣніи; Зоріанъ начинаетъ объяснять, что значить городище, спрашиваетъ о мѣстности, известной тому, и утверждаетъ, что тутъ непременно должно быть городище. Допросивши сына, онъ приближается къ матери, и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ дѣлаетъ допросъ ей; наконецъ, обращается и къ дочерямъ, съ вступленіемъ новаго рода, удивительно любезнымъ, какъ онъ полагалъ:

— Вы, барышни, уроженки Тульской губерніи, земли вятичей! вы, вѣрно, любите гулять по рощамъ и лѣсамъ, и знаете рѣчку, которая, вотъ недалеко отъ вашей деревни, круто поворачиваетъ влѣво; тутъ, вѣрно, есть холмикъ и вокругъ него валъ!

Иногда онъ, точно, добивался, такимъ образомъ, желанныхъ свѣдѣній, изумлялъ знаніемъ мѣстностей, которыхъ никогда не видывалъ, и, услышавъ о новомъ городкѣ, вносилъ его въ свой алфавитный списокъ городковъ и отмѣчалъ на картѣ. Въ этомъ состояло все его занятіе въ Москвѣ. Онъ обращался съ разспросами ко всякому, нарочно ходилъ на Болотный рынокъ, куда съѣзжаются обозы съ разными припасами изъ ближайшихъ губерній, и умѣлъ выпрашивать у русскихъ мужичковъ о городкахъ. Съ нимъ случались даже пресмѣшныя исторіи. Однажды, онъ разговорился съ мужиками, стоявшими при господскомъ обозѣ, и замѣтивъ, что они не очень поддаются на его разспросы, пригласилъ нѣсколькихъ изъ нихъ въ трактиръ, гдѣ, при помощи водки и чаю, распаялъ ихъ сердца и выпросилъ, что было ему нужно. Продолжая разговаривать, воротился онъ съ ними къ ихъ обозу, гдѣ уже былъ приказчикъ, завѣдывавшій этимъ обозомъ, и уже знавшій, что какой-то баринъ увелъ нѣсколькихъ мужиковъ въ трактиръ. Зоріанъ съ жаромъ спрашивалъ ихъ о всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ знакомой имъ мѣстности. Вдругъ приказчикъ хватаетъ его за воротъ, громко восклицая:

— Пойдемъ-ка, братъ, на съѣзжую! Вишь, баринъ, въ кургузой курткѣ!... Не первый ты подсылный отъ такихъ-то.

Тутъ онъ назвалъ сосѣднихъ помѣщиковъ, съ которыми господинъ его велъ нескончаемый процессъ за тѣ самыя земли, о кото-

рыкъ разспрашивалъ Зоріянъ. Опеломленный такимъ неожиданнымъ нападеніемъ, Ходаковскій хотѣлъ объяснить, для чего онъ разспрашивалъ мужиковъ, повторяя, что онъ ученый; но приказчикъ тащилъ его на сѣзжую, приговаривая:

— Ученый! А вотъ мы тебя выучимъ!.. Станеть ли добрый человекъ шпионить у мужиковъ, да водить ихъ пьянствовать въ трактиръ!.. Баринъ! въ морозъ ходить по рынку въ кургузомъ кафтанѣ, да мужиковъ подговариваетъ! На сѣзжей скажешь всю правду!

И онъ дѣйствительно привелъ его на сѣзжую, гдѣ объяснилось дѣло, и гдѣ уже знали Ходаковского, потому что это приключеніе было повтореніемъ двухъ-трехъ прежнихъ, когда также принимали его то за вора, то за шпиона, и таскали на сѣзжую. Такому подозрѣнію способствовали его странный видъ, его костюмъ и нерусскій выговоръ.

Надобно согласиться, что такой способъ собирать историческія свѣдѣнія и подробности не представлялъ никакого ручательства: многое, если не все, надлежало бы повѣрить личнымъ обзорѣніемъ. Но Ходаковскій былъ очень доволенъ своимъ успѣхомъ въ розысканіяхъ о городкахъ и, приходя къ намъ часто, почти каждый разъ начиналъ рѣчь словами:

— Открывается много новаго!

А новое состояло въ томъ, что онъ разспрашивалъ какую нибудь старуху, какого нибудь мужика изъ дальней стороны, и та или тотъ сказали ему, что близъ ихъ деревни есть поповъ, или дѣвичій, или бабій городокъ. Иногда происходили въ глазахъ нашихъ истинно-комическія сцены съ его разспросами. Входить въ комнату человекъ, вовсе ему незнакомый, и еще не успѣлъ этотъ человекъ сказать, зачѣмъ пришелъ, какъ Зоріянъ начинаетъ допрашивать его. Кое-какъ отдѣлавшись стъ допросчика, тотъ спрашиваетъ:

— Чтѣ это: помѣшанный, что ли?

Другіе принимали его за пьянаго, иные воображали, что встрѣтились съ слѣдственнымъ приставомъ; наконецъ, большая часть ровно ничего не понимали въ словахъ его... Безспорно, что такая страсть, имѣющая хотя отдаленную цѣлью пользу науки—почтенна; однако, по способу Ходаковского, это была самая грубая, и, чтѣ хуже, смѣшная обработка ученаго предмета, который и оставался у Ходаковского въ такомъ грубомъ видѣ. Къ оправданію его можно сказать, что онъ не имѣлъ никакихъ средствъ заниматься иначе. Онъ былъ не приготовленъ, даже не способенъ къ ученымъ изслѣдованіямъ, и къ тому еще, какъ уже я сказалъ, находился въ это время въ самомъ стѣсненномъ положеніи. У кого только могъ, онъ занималъ деньги; но долго ли можно прожить займомъ? Продавать и нечего было. Еще съ самаго начала знакомства съ Николаемъ Але-

ксѣвичемъ, онъ продалъ ему словарь Линде, единственную хорошую и цѣнную книгу свою, говоря, что она ему не нужна и даже въ тягость. Потомъ онъ сталъ занимать у него деньги; наконецъ, когда сумма занятыхъ денегъ возросла уже до нѣсколькихъ сотенъ рублей, онъ просто выпрашивалъ по полумперіалу! Жалко было отказывать, но нельзя было и давать больше. Видя самъ необходимость заняться чѣмъ нибудь для насущнаго хлѣба и слѣдуя совѣту искренно-желавшихъ ему добра, Ходаковскій искалъ какой нибудь должности и, наконецъ, опредѣлился управляющимъ въ имѣніе одного помѣщика Тверской губерніи. Мы разстались съ нимъ навсегда, но при отъѣздѣ онъ увѣрялъ, что непременно заплатитъ деньги, взытые въ разное время у Николая Алоксѣвича. Остались и росписки его въ этихъ деньгахъ. Кажется, еще въ Москвѣ женился онъ на единственной своей прислужницѣ, которую называлъ своею благодѣтельницею. Это обстоятельство надобно замѣтить, какъ необходимое для объясненія послѣдствій знакомства Николая Алексѣвича съ Ходаковскимъ.

V.

Кончина А. Е. Полеваго. — Награда, выданная Николаю Алексѣвичу Россійской академіей. — Сближеніе съ петербургскими литераторами. — Женитба Николая Алексѣвича. — Московскіе литературные кружки и Общество любителей россійской словесности. — Вліаніе новой философіи. — Литераторы-оригиналы и литераторы-фанатики. — Отношенія Н. А. къ Прокоповичу-Антонскому и къ кн. В. Ѳ. Одоевскому.

Осень 1822 года была для насъ грустною эпохою кончины незабвеннаго, добродѣтельнаго нашего родителя. Онъ скончался 26-го августа, при быстромъ кризисѣ болѣзни, такъ что въ это время не было при немъ ни одного изъ насъ, сыновей его. Мы знали уже давно, что состояніе его было трудно, однако, получая отъ него самаго приказанія оставаться въ Москвѣ, не могли предугадать, когда настанетъ торжественная минута вѣчной разлуки. Не могли знать этого и бывшія вокругъ него наши сестры и наша мать. Тѣмъ прискорбнѣе было получить вдругъ, внезапно, извѣстіе, что онъ скончался, и описаніе послѣднихъ минутъ христіанской его кончины услаждалось для насъ только тѣмъ, что передъ самою смертью онъ утѣшалъ мать нашу надеждою на своихъ дѣтей, благословлялъ насъ и повторилъ не разъ:

— Ребята мои поддержать мое имя.

Николай Алексѣвичъ не замедлилъ отправиться въ Курскъ, сколько для утѣшенія матери и сестеръ, столько же и для приведенія въ порядокъ нѣкоторыхъ дѣлъ и отношеній скончавшагося

отца. Онъ принялъ на себя оставшіеся послѣ него долги, хотя они превышали то, во что можно было оцѣнить все тогдашнее наше достояніе. Въ Курскѣ оставался Н. А. до поздней осени, и старался сколько можно успокоить и обезпечить достойную любви и уваженія мать нашу. Она еще не хотѣла переселяться въ Москву и оставить свой милый домъ съ устроеннымъ хозяйствомъ, гдѣ провела нѣсколько мирныхъ, хотя и не совсѣмъ счастливыхъ лѣтъ.

По возвращеніи въ Москву, Н. А. вскорѣ улетѣлъ въ Петербургъ, куда призывали его уже не дѣла, а литературныя знакомства. Въ это время Россійская академія наградила его большою серебряною медалью за изслѣдованіе о русскихъ глаголахъ¹⁾; статьи его въ «Отечественныхъ Запискахъ» также обращали на себя вниманіе оригинальностью взгляда, изложеніемъ и смѣлостью заключеній. Онъ уже имѣлъ случай и подшибить крылья не одной литературной воронѣ, представлявшейся павою, если не коршуномъ. Нѣкоторыя замѣтки его, касательно русской исторіи, показывали въ немъ также не пошлаго копуна. Этого было довольно для извѣстности въ тогдашнемъ нашемъ литературномъ мірѣ, гдѣ многія знаменитости были основаны на нѣсколькихъ журнальныхъ статейкахъ, на сладенькихъ стихотвореніяхъ. Неудивительно, что предшествуемый своею оригинальною извѣстностью, ласкаемый всюду, куда являлся, онъ любилъ петербургскій кругъ своихъ знакомыхъ. Вообще, тогда было въ Петербургѣ больше литературной жизни, нежели въ Москвѣ. Послѣ того, какъ оставили Москву почти всѣ современныя свѣтила русской литературы, она стала замѣтно отставать отъ Петербурга, гдѣ, кромѣ прежнихъ литературныхъ знаменитостей, явилось нѣсколько молодыхъ дарованій, обѣщавшихъ многое и уже заслужившихъ извѣстность. Старики—ученые и литераторы—Каченовскій, Мерзляковъ, Гавриловъ, С. Н. Глинка и нѣкоторые другіе, не шли впередъ, даже отставали отъ прежней своей дѣятельности, и не гармонировали съ новою пылкою дѣятельностью Полеваго, на котораго они глядѣли даже подозрительно, какъ на выскочку,—по крайней мѣрѣ, какъ на смѣльчака. Этимъ объясняется, почему онъ часто ѣздилъ въ Петербургъ, оставался тамъ сколько было можно, и писалъ не для единственнаго тогда московскаго литературнаго журнала («Вѣстника Европы»). Въ 1823 году, познакомился онъ съ Н. И. Гречемъ и съ Ѳ. В. Булгаринимъ, и былъ очарованъ ихъ обществомъ, гдѣ соединялось все,

¹⁾ Чрезвычайно любопытно, что это замѣчательное изслѣдованіе, стоившее Николаю Алексѣевичу многолѣтняго труда и оставшееся въ академіи, исчезло впоследствии безслѣдно, вмѣстѣ со многими другими бумагами Россійской академіи, какъ я слышалъ о томъ отъ академика М. И. Сухомлинова, много лѣтъ сряду занимавшагося разборомъ архива Россійской академіи. Въ бумагахъ Н. А. Полеваго не сохранилось также ничего относящагося до этой его юношеской работы.

что только было остроумно-литературнаго, современнаго, блестящаго въ сравненіи съ тѣмъ, что представлялъ московскій литературный міръ ¹⁾. Кругъ знакомыхъ Николая Алексѣевича былъ уже чрезвычайно обширенъ: можно сказать, что начиная отъ А. С. Шишкова, до самыхъ юныхъ тогдашнихъ сподвижниковъ литературы, всѣ стали извѣстны ему лично, и отъ всѣхъ видѣлъ онъ привѣтъ самый ободрительный для пылкой его души.

Послѣ этой поѣздки въ Петербургъ, онъ велъ довольно постоянно переписку со многими изъ петербургскихъ литераторовъ, между прочимъ съ Н. И. Гречемъ о русской грамматикѣ, потому что, какъ писалъ ему г. Гречъ, онъ не находилъ другаго, болѣе полезнаго сотрудника въ дѣлѣ, требующемъ не только свѣдѣній, но и проныцательности и трудолюбія. Но это не могло продолжаться, потому, во-первыхъ, что Н. А. не былъ способенъ посвятить много лѣтъ для одного занятія и, во-вторыхъ, по причинѣ, далекой отъ литературы: онъ собирался жениться.

Забывъ прежнюю свою любовь, которая мучила его нѣсколько лѣтъ, онъ любилъ уже ту, которой суждено было сдѣлаться его женою. Все лѣто 1823 года, плавалъ онъ въ мечтахъ влюбленнаго, ѣздилъ лѣтомъ странствовать по нѣсколькимъ губерніямъ и, возвратившись въ Москву, около сентября мѣсяца, просилъ нашу мать, пріѣхавшую погостить у насъ, благословить его на женитьбу. Вскорѣ это устроилось, и въ октябрѣ 1824 года, Николай Алексѣевичъ уже былъ женатъ ²⁾.

Само собою разумѣется, что это важное въ жизни событіе отвлекло его на нѣкоторое время отъ литературной дѣятельности; но еще въ 1823 году, зимою, онъ ѣздилъ въ Петербургъ, пожить въ кругу умственной жизни, которой не находилъ въ Москвѣ, гдѣ, какъ объяснялъ я, почти каждый литераторъ и ученый жилъ только для себя или сблизался съ единомысленными ему людьми, чаще всего внѣ литературныхъ отношеній. Здѣсь кстати замѣтить, что Наполеоново нашествіе разрушило не однѣ стѣны и зданія Москвы: оно совершенно уничтожило и прежнюю жизнь ея, такъ что, возрождаясь, наша древняя столица принимала новый характеръ во всемъ—и даже въ литературѣ. Прежній, блестящій

¹⁾ Высказанное выше мнѣніе о кружкѣ Греча и Булгарина совершенно справедливо, по отношенію къ періоду времени, предшествовавшему декабрьской катастрофѣ 1825 года. Эти ловкіе журнальные дѣльцы успѣли собирать около себя цвѣтъ современной литературы, и въ эту пору еще дружили со всѣми.

П. П.

²⁾ Супруга и нынѣ вдова Николая Алексѣевича, урожденная Тернбергъ, родилась въ Ораніенбаумѣ, гдѣ отецъ ея былъ главнымъ докторомъ морскаго госпиталя. Только послѣ смерти его, и не задолго до 1823 года, вдова Тернбергъ пріѣхала съ дочерью въ Москву. Вспомнимъ, что Николай Алексѣевичъ родился на берегахъ Ангары, въ Иркутскѣ! К. П. (Вдова Н. А., Н. Ф. Полева я здравствуетъ и нынѣ, достигнувъ глубокой старости—ей теперь 80 лѣтъ отъ роду).

кругъ литературный, оживленный присутствіемъ нѣсколькихъ первоклассныхъ писателей, соединявшійся и съ свѣтскимъ обществомъ, разстроился, и уже не могъ образоваться вновь, особливо при увеличивавшейся притягательной силѣ Петербурга. Карамзинъ вскорѣ совсѣмъ переселился туда; Жуковский бывалъ въ Москвѣ только по временамъ, и также переѣхалъ въ Петербургъ; Батюшковъ жилъ за границею. Изъ числа прежнихъ и новыхъ тогдашнихъ знаменитостей литературныхъ, въ Москвѣ постоянно жили: Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ и князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, принадлежавшій къ молодымъ литераторамъ. Но московскіе ученые и литераторы не любили сближаться ни съ Дмитріевымъ, ни съ княземъ Вяземскимъ, ни другъ съ другомъ. Профессоръ Мерзляковъ, вѣрный поклонникъ классицизма, занимался больше всего своими лекціями и, преподавая теорію и исторію словесности, нещадно бранилъ романтиковъ и всѣхъ нововводителей; Каченовскій собирався преобразовать понятія о русской исторіи, но ограничивался изслѣдованіями о кунныхъ мордкахъ и кожаныхъ деньгахъ, а въ «Вѣстникѣ Европы» больше и больше увлекался въ нетерпимость и язвительно отзывался о новой философіи и нововведеніяхъ въ литературѣ. Другіе старики почти ничего не дѣлали. Не могу поименовать ихъ всѣхъ, но, для примѣра, назову двухъ самыхъ оригинальныхъ и достопамятныхъ: Сергѣя Николаевича Глинку и князя Шаликова.

Глинка!.. незабвенный, благородный неподражаемый Сергѣй Глинка!.. Я много буду говорить о немъ и надѣюсь показать во всемъ блескѣ добра этого истиннаго христіанина.. Но въ описываемое мною время Глинка былъ просто книгодѣлатель, а не литераторъ. Онъ издавалъ какую-то тѣнь «Русскаго Вѣстника», не въ срочное время какія-то тоненькія книжки, на которыхъ бывало напечатано: «Русскій Вѣстникъ, № 1, 2, 3, 4», иногда и по шести номеровъ въ одной брошюрѣ. Онъ напечаталъ многословную компіляцію подъ заглавіемъ Русской Исторіи, въ нѣсколькихъ томахъ, написанныхъ имъ на-скоро, напыщенно, какъ все, что писалъ онъ въ это время. Вообще, сочиненія, издаваемые имъ, не внушали уваженія.

Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ былъ издавна извѣстный фанатическій послѣдователь Карамзина. Онъ почиталъ своею славою подражать этому знаменитому писателю, но въ самомъ дѣлѣ подражалъ только недостаткамъ его, особенно сантиментальности, которую доводилъ до истиннаго комизма. Вообще, какъ писатель, онъ былъ славенъ съ самой комической стороны, и съ 1823 года началъ издавать «Дамскій Журналъ», который былъ плохъ и смѣшонъ, однако, имѣлъ подписчиковъ.

Таковы были старые литераторы, оказывавшіе хоть какую нибудь дѣятельность. Еще нѣкоторые: Максимъ Ивановичъ Невзо-

ровъ, Владиміръ Васильевичъ Измайловъ, Михаилъ Николаевичъ Марковъ (всѣ бывшіе нѣкогда журналистами), или не писали вовсе ничего, или такъ же, какъ многіе изъ молодыхъ писателей, ограничивались писаніемъ стихковъ и маленькихъ прозаическихъ статей, какими тогда обыкновенно составляли и поддерживали литературную извѣстность.

Въ Москвѣ существовало общество литературное, утвержденное правительствомъ и извѣстное подъ именемъ «Общества любителей россійской словесности». Предсѣдателемъ и двигателемъ его былъ Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, ученый стараго времени, долго бывшій профессоромъ, ректоромъ университета, начальникомъ университетскаго благороднаго пансіона. Онъ отличался оригинальнымъ умомъ и необыкновенною ловкостью въ жизни, составилъ себѣ подъ старость огромное богатство какими-то невѣдомыми средствами, жилъ со всѣми въ ладу, но былъ не литераторъ и не написалъ во всю долгую свою жизнь ничего, кромѣ нѣсколькихъ официальныхъ рѣчей. Онъ умѣлъ, однако же, придать Обществу любителей россійской (не русской) словесности что-то похожее на литературную дѣятельность. Постоянно собирались у него члены Общества, читали свои статейки и стихи, избирали въ члены свои всѣхъ знаменитыхъ и извѣстныхъ писателей; но какъ, за исключеніемъ Дмитріева и князя Вяземскаго, лучшіе тогдашніе писатели жили не въ Москвѣ, то собранія Общества составлялись изъ членовъ наличныхъ, а въ числѣ ихъ были и такіе, которые иногда прочитывали чужія сочиненьица, стихи, или даже стихи Пушкина и Жуковскаго, но сами не писали ничего, и почему были членами литературнаго Общества, — неизвѣстно и теперь. Не называю никого, не желая тревожить именъ людей, вѣроятно, почтенныхъ; но кто подумаетъ, что я рассказываю сказку, того прошу заглянуть въ печатные списки членовъ Общества любителей россійской словесности. Тамъ найдутся имена лицъ, вовсе неизвѣстныхъ въ литературѣ. Но Общество собиралось, читало, привлекало много любопытныхъ въ свои публичныя собранія, и всѣ удивлялись искусству Антонскаго вести дѣла. Только литературѣ было оттого не легче. Это самое Общество показывало, что литература ограничивалась формами, мнимою дѣятельностью, нустословіемъ, и служила больше всего самолюбію и связямъ, а не удовлетворяла живой потребности ума, стремленіямъ, изыскательности духа человѣческаго. Почитали литераторомъ того, кто напечаталъ хоть чтонибудь. Къ извѣстности, къ праву входа въ литературныя общества, въ Москвѣ и Петербургѣ, былъ извѣстный путь, а именно вотъ какой. Надобно было умѣть соблюдать тольکو нѣкоторыя формы слога или стихотворства, и при этомъ написать что хотите — нѣсколько стихотвореній, нѣсколько статей, добиться того, чтобы онѣ были напечатаны въ журналахъ или въ сборни-

какъ, издававшихся разными обществами, и послѣ этого открытъ былъ доступъ въ члены литературныхъ обществъ, пробита вѣрная дорога къ литературной извѣстности. Автора стихковъ начинали величать извѣстнымъ, или, по крайней мѣрѣ, любезнымъ нашимъ поэтомъ, а прозаика остроумнымъ, ученымъ, или, по крайней мѣрѣ, почтеннымъ нашимъ литераторомъ. Если стихотворецъ написалъ нѣсколько стихковъ въ одномъ родѣ, то его именовали, смотря по роду сочиненій, фабулистомъ, идиллистомъ, эпиграмматистомъ, сатирикомъ, лирикомъ, потому что смотрѣли на большія сочиненія—драму, поэмю—какъ на подвигъ, которому надобно посвятить всю жизнь, и даже рѣдко осмѣливались братья за сочиненіе трагедіи или поэмы, довольствуясь болѣе удобною славою маленькаго творца маленькихъ стихотвореній. Кто подражалъ какому нибудь извѣстному французскому стихотворцу втораго и третьаго разряда, того за отличную и долгую выслугу начинали называть нашимъ Шолье, Бернаромъ и тому подобными поэтическими именами. Иногда, за особенныя смѣлости въ подражаніи, рѣшались находить у насъ своихъ Горациевъ, своихъ Тибулловъ, Ювеналовъ, Марціаловъ, и даже,—недосягаемое совершенство!—своихъ Буало.

Это направленіе литературы особенно укоренилось въ Москвѣ. Въ Петербургѣ въ это самое время явилось нѣсколько дѣятельныхъ писателей, которые тотчасъ привлекли къ себѣ вниманіе общее. Долго «Сынъ Отечества» былъ тамъ единственнымъ умнымъ, живымъ, во многомъ образцовымъ журналомъ; съ 1822 года, явился «Сѣверный Архивъ», ученый, дѣльный журналъ, отличавшійся литературнымъ характеромъ, то есть, въ немъ даже ученныя изслѣдованія были писаны чистымъ языкомъ и облечены формами литературными. Въ выборѣ статей и въ разныхъ подробностяхъ былъ видѣнъ характеръ европейской образованности. При началѣ журнала, имя издателя его было совершенно неизвѣстно; но черезъ годъ или два, имя Э. В. Булгарина заслужило громкую извѣстность. Также въ концѣ 1872 года или въ началѣ 1823 года явился въ Петербургѣ альманахъ: «Полярная звѣзда», замѣчательный тѣмъ, что онъ открывалъ собою рядъ литературныхъ сборниковъ новаго рода, и оживилъ нашу словесность многими пріятными новостями. Тутъ публика нашла въ первый разъ русскіе повѣсти и рассказы, которые были не хуже современныхъ иностранныхъ произведеній въ томъ же родѣ. Самыя сужденія о литературѣ, изложенныя однимъ изъ издателей, впоследствии извѣстнымъ подъ псевдонимомъ Марлинскаго, отличались если не новостью взгляда, то, по крайней мѣрѣ, живостью, пылкостью и оригинальностью выраженія. Въ стоячемъ болотѣ тогдашней нашей критики это казалось явленіемъ необыкновеннымъ.

Въ Москвѣ не было такихъ блестящихъ явленій, но тамъ были залюги успѣховъ болѣе прочныхъ. Что въ Петербургѣ началось

практически, то въ Москвѣ зарождалось въ теоріи, которая, на зло проклятіямъ и насмѣшкамъ Каченовскаго и Мерзлякова, нашла себѣ сочувствіе въ нѣсколькихъ молодыхъ людей, искренно стремившихся къ просвѣщенію. Въ Петербургѣ начали дѣйствовать самобытно, хотя безотчетно, по одному сознанію въ своихъ силахъ—начали писать русскія повѣсти (небывалая до тѣхъ поръ смѣлость!), начали судить не по французской риторикѣ; въ Москвѣ узнали, что есть философія не только французская, теорія словесности не только въ риторикѣ Мармонтеля и въ поэмѣ Буало. Вотъ какъ произошло это.

Въ числѣ молодыхъ русскихъ ученыхъ, путешествовавшихъ за границую для усовершенствованія себя въ наукахъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ занять профессорскую кафедру въ Московскомъ университетѣ, былъ нѣкто Михайлъ Григорьевичъ Павловъ, человекъ съ умомъ необыкновеннымъ. Онъ готовился быть профессоромъ сельскаго хозяйства, но, кажется, живши за границею, больше занимался естествознаніемъ, познакомился въ Германіи съ натуральною философіею Шеллинга и Окена, вывезъ въ Москву нѣсколько ихъ сочиненій, нѣсколько тетрадокъ, гдѣ записаны были ихъ лекціи, и вскорѣ обратилъ на себя любознательное вниманіе молодыхъ людей и отчаянную ненависть старыхъ ученыхъ. Известно, что философія Шеллинга даетъ взглядъ на міръ и всѣ отрасли знанія, совершенно противоположный взгляду опытнаго знанія, доведеннаго бездарными людьми до эмпиризма. Тетрадки и книги Павлова не только распространялись между молодежью, но и приняты были ею съ жаромъ, съ восторгомъ, съ увлеченіемъ. Многіе студенты университета принялись изучать Шеллинга, Окена и ихъ послѣдователей. Подъ влияніемъ этого новаго ученія начали являться статьи даже въ самомъ «Вѣстникѣ Европы».

Первый выступилъ на это поприще умный, пылкій, хотя и странный Андросовъ. Необходимо сказать нѣсколько словъ о немъ, потому что онъ первый познакомилъ Николая Алексѣевича съ нѣмецкою философіею. Это увлечетъ меня въ отступленія, но тѣмъ лучше. Я пишу не исторію, не систему какой нибудь науки: желаю объяснить жизнь, умъ, характеръ моего незабвеннаго брата, а для этого долженъ познакомить читателя съ тѣми людьми, которые имѣли на него влияніе. Такимъ образомъ составитъ галерея современныхъ портретовъ, и я могу увѣрить только въ томъ, что портреты будутъ сходны. Характеры оригинальные, мало извѣстные, но достойные памяти, будутъ являться передъ нами вмѣстѣ съ характерами людей знаменитыхъ, которые одни никогда не выражаютъ собою общества.

Братъ мой и я были уже нѣсколько лѣтъ знакомы съ Иваномъ Васильевичемъ Поповымъ, однимъ изъ величайшихъ оригиналовъ, какихъ только встрѣчалъ я въ жизни моей. Это былъ тотъ самый Поповъ, который нѣкогда содержалъ университетскую типографію

и книжную лавку, вмѣстѣ съ Люби и Гари. Памятникомъ этого сообщества остаются на многихъ русскихъ книгахъ начала XIX столѣтія слова: Въ университетской типографіи Люби, Гарія и Попова. Не знаю первоначальной жизни Попова. Въ 1823 году, онъ былъ уже человѣкъ очень пожилой, чтобы не сказать старый, потому что никто не зналъ настоящаго возраста его. Тщательнѣе всего скрывалъ онъ свои лѣта. Въ парикѣ, краснолицый, всегда веселый, спокойный, подвижной, онъ ни въ чемъ не отставалъ отъ молодыхъ людей; но все показывало, что онъ, какъ говорится, бывалъ и на конѣ, и подъ конемъ, прошелъ сквозь огонь и воды. Воспоминанія его восходили до временъ Новикова и старинныхъ литераторовъ, съ которыми онъ бывалъ въ сношеніяхъ. Трудно сказать, чтѣ такое былъ онъ самъ? Званіемъ купецъ, по занятіямъ книгопродавецъ, типографщикъ, писатель, ходатай по дѣламъ, повѣренный питейныхъ откупщиковъ, нѣкогда студентъ университета и всегда близкій знакомый многихъ литераторовъ и ученыхъ—онъ былъ все, зналъ все и всѣхъ, и при этомъ трудно сказать: чтѣ такое былъ онъ? Вѣрно только одно, что онъ былъ самый жалкій писатель и рѣмотворецъ, исписавшій горы бумаги. Всю жизнь свою писалъ онъ безпрестанно, и почти ничего не печаталъ изъ своихъ сочиненій—къ счастью читающей публики. Не показываетъ ли это самое человѣка вовсе не глупаго, который сознавалъ себя плохимъ писателемъ, или, по крайней мѣрѣ, не довѣрялъ своимъ силамъ, потому что, въ то же время, знакомясь со всѣми постепенно-возникавшими журналистами, онъ истощалъ и лести, и разныя ухищренія, чтобы заставить ихъ напечатать въ своихъ изданіяхъ что нибудь изъ безчисленныхъ его сочиненій. И никто никогда не печаталъ ничего, имъ написаннаго, конечно, потому, что и проза, и стихи его были... изъ рукъ вонъ! Только въ то время, когда онъ завѣдывалъ «Вѣстникомъ Европы», послѣ Карамзина, въ «Вѣстникѣ» и въ другихъ тогдашнихъ изданіяхъ напечатано было нѣсколько его стиховъ и статей. Кстати скажу, что онъ былъ настоящимъ издателемъ «Вѣстника Европы» съ самаго основанія этого, нѣкогда знаменитаго, журнала. Сдѣлавшись хозяиномъ университетской книжной лавки и типографіи, онъ придумалъ очень умно: издавать журналъ, гдѣ соединялась бы съ литературой политика. Съ этою мыслью онъ обратился къ Карамзину, который былъ тогда не въ блестящемъ положеніи. Съ величайшею готовностью принялъ Карамзинъ предложеніе Попова быть редакторомъ журнала за опредѣленную плату (кажется, за 2,000 рублей въ годъ!), обдумалъ и составилъ планъ изданія съ обычнымъ своимъ искусствомъ, и предпріятіе оказалось такъ удачно, что Карамзинъ самъ не ожидалъ подобнаго успѣха. По выходѣ первой книжки, онъ сказалъ Попову, что, по справедливости, можно увеличить плату, условленную за редакцію.—«Со-

вершено согласенъ и прошу васъ самихъ назначить прибавку», — отвѣчалъ Поповъ. Сколько, думаете вы, назначилъ Карамзинъ?... Тысячу рублей!.. Разумѣется, Поповъ согласился безпрекословно. Карамзинъ былъ редакторомъ «Вѣстника Европы» два года. Послѣ него, Поповъ приглашалъ быть редакторами «Вѣстника Европы» Макарова, послѣдователя Карамзина, Панкратія Сумарокова и Каченовскаго, къ которому «Вѣстникъ» и перешелъ окончательно. Оставивъ книжную торговлю и университетскую типографію, Поповъ проходилъ разныя мытарства жизни и, въ 1823 году, кажется, не занимался ничѣмъ исключительно, а разыгрывалъ роль какого-то сентиментальнаго философа, что было чрезвычайно оригинально при его образѣ жизни и привычкахъ, какія могутъ быть у ходатая по дѣламъ и повѣреннаго винныхъ откупщиковъ. Онъ жилъ близъ тюремнаго замка или острога, въ своемъ домѣ, гдѣ, на обширномъ пространствѣ, было нѣсколько отдѣльныхъ, самыхъ разнообразныхъ зданій.

Въ это время помѣщалась въ домѣ Попова, между прочимъ, земледѣльческая школа, гдѣ директоромъ былъ упомянутый мною профессоръ Павловъ, а однимъ изъ помощниковъ его Андросовъ, не задолго передъ тѣмъ окончившій курсъ въ университетѣ. Василій Андреевичъ Андросовъ (умершій въ 1841 году) былъ человекъ замѣчательный свѣтлымъ умомъ, любовью къ просвѣщенію и оригинальностью въ разговорѣ. Пылкость его была такова, что онъ занимался всѣмъ, что только можетъ занимать умъ и благородную душу; но пылкость же дѣлалась причиной, что онъ былъ вспыльчивъ, увлекался, легко приходилъ въ гнѣвъ, не договаривалъ словъ, бормоталъ, прыскалъ слюною, когда говорилъ, и иногда защищалъ несообразности. Отъ общества съ Павловымъ онъ вскорѣ сдѣлался отчаяннымъ шеллингистомъ, и, встрѣтившись у Попова съ Николаемъ Алексѣевичемъ, чрезвычайно заинтересовалъ его новыми тогда у насъ идеями нѣмецкой философіи. Цѣлые вечера проходили въ сужденіяхъ и спорахъ о ней, и этого было довольно для воспріимчиваго моего брата. Онъ усвоилъ себѣ нѣкоторыя идеи трансцендентальной философіи, сталъ читать книги, написанныя въ духѣ ея, и былъ уже приверженцемъ новыхъ взглядовъ, когда судьба сблизила его со многими молодыми людьми, изучавшими нѣмецкую философію. Въ настоящее время, то есть въ половинѣ XIX столѣтія, у насъ почти нѣтъ даже и официальныхъ литературныхъ обществъ; но въ 1823 году, въ Москвѣ и въ Петербургѣ, было ихъ нѣсколько, и, кромѣ того, существовали отдѣльные литературные кружки. Это составлялось само собою, потому что была потребность не только въ отдѣльномъ, уединенномъ занятіи литературой, какъ нынѣ, но и въ литературной бесѣдѣ, то есть въ сообщеніи другъ другу своихъ мнѣній, впечатлѣній, изученій. Молодой любитель литературы могъ избирать

тотъ кружекъ, гдѣ было ему пріятнѣе, гдѣ находилъ онъ сочувствіе съ собою, съ своимъ образомъ мыслей, и гдѣ въ другихъ встрѣчалъ то же. Николай Алексѣевичъ, самъ не давая себѣ въ томъ отчета, искалъ свой кружекъ, гдѣ было бы легко и просторно его уму,—и не находилъ такого круга. Сдѣлавшись извѣстенъ своими журнальными статьями и особливо рецензіями и критическими замѣчаніями, онъ былъ уже знакомъ въ это время со многими извѣстными писателями; но знакомство ограничивалось, большею частію, взаимными вѣжливостями, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращалось въ холодность и неприязнь, единственно отъ различія въ образѣ мыслей. Впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался журналистомъ, это самое явилось въ обширныхъ размѣрахъ; но въ описываемую мною эпоху литературныя его знакомства были какъ бы случайными встрѣчами въ обществѣ. Я упомянулъ, что онъ находился уже въ холодныхъ отношеніяхъ съ Каченовскимъ; холодность, впрочемъ, необходимая и неизбѣжная, по обстоятельствамъ исключительнымъ, явилась и въ отношеніяхъ его съ В. С. Филимоновымъ; они перестали видаться около этого времени¹⁾. Но почти всѣ писатели, и особливо молодые люди, желали узнать необыкновеннаго человѣка, полагая, конечно, всю необыкновенность его въ томъ, что онъ купецъ по званію и вмѣстѣ писатель, почему и ожидали увидѣть въ немъ умнаго мужичка, который книжки читаетъ; они не подозрѣвали, что онъ больше всѣхъ ихъ былъ писатель и литераторъ, исключительно предавшійся литературной жизни. При первой встрѣчѣ, при первомъ разговорѣ, всякій невольно забывалъ общественное его званіе и видѣлъ въ немъ только необыкновенно-умнаго человѣка. Но иныхъ это совершенно сбивало съ толку, и они никакъ не могли объяснить себѣ сближенія словъ: купецъ — литераторъ! Приведу въ примѣръ А. А. Прокоповича-Антонскаго. Познакомившись съ моимъ братомъ у Александра Александровича Писарева, храбраго генерала, плохаго писателя, но страстнаго любителя литературы, Антонскій, особливо съ того времени, когда генераль Писаревъ былъ попечителемъ Московскаго университета, оказывалъ много участія Николаю Алексѣевичу, и въ искреннемъ разговорѣ посовѣтовалъ ему переимѣнить званіе. Всѣ современники помнятъ, что Антонскій имѣлъ привычку прилагать, въ разговорной рѣчи своей, частичку *та* ко многимъ словамъ.

— Странно-та, какъ-та это: купецъ-та, да и литераторъ!—сказалъ онъ Николаю Алексѣевичу:—вступите въ службу-та.

Н. А. выразилъ ему ту мысль, что онъ не чувствуетъ въ себѣ расположенія къ службѣ, и не хочетъ переимѣнить званія, полагая, что оно не мѣшаетъ ему заниматься литературой.

¹⁾ Поводомъ къ разрыву послужила связь В. С. Филимонова съ одною особою, близкою супругѣ Н. А. Полеваго.

— Ахъ-та, молодые-та люди-та! — воскликнулъ Антонскій. — Не въ службѣ-та дѣло, а надобно-та чинъ-та, чинъ получить! Я возьму васъ къ себѣ въ надзиратели университетскаго пансіона, и вотъ-та, время пройдетъ незамѣтно, какъ вы и чиновникъ-та!..

Н. А. поблагодарилъ его за доброе желаніе, но остался при своихъ убѣжденіяхъ. Почти то же, что Антонскій, предлагалъ ему и попечитель университета Писаревъ: не служба, получить чинъ, только для виду записавшись въ службу по его вѣдомству. Но такія предложенія обыкновенно сердили Николая Алексѣевича, и еще больше утверждали его въ мнѣніи остаться въ прежнемъ званіи, которое не казалось ему препятствіемъ для успѣховъ въ жизни... Неудивительно ли, что онъ такъ худо зналъ нравственное направленіе своихъ современниковъ и вообще русскаго общества?... Необыкновенно-умный человѣкъ, онъ былъ неопытный ребенокъ въ этомъ случаѣ, — невольно и со вздохомъ прибавляю я, конечно вмѣстѣ съ вами, благосклонный мой читатель!.. Дорого поплатился онъ потомъ за свое упрямство, за невниманіе къ совѣту опытности и несомнѣннаго доброжелательства ¹⁾.

Очень многіе, если не всѣ, разсуждали какъ Антонскій, но конечно, немногіе высказывали это Николаю Алексѣевичу. Встрѣчались, какъ рѣдкость, и такіе, которымъ не приходило въ мысль: чиновникъ ли, дворянинъ ли, или мѣщанинъ былъ онъ? Эти видѣли въ немъ только необыкновеннаго, даровитаго человѣка. Къ числу ихъ принадлежалъ князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій, который въ это время познакомился съ Николаемъ Алексѣевичемъ, и года два былъ съ нимъ и со мною въ самыхъ искреннихъ, могу сказать, дружескихъ сношеніяхъ. Потомъ сношенія наши прервались, когда князь переселился въ Петербургъ и посвятилъ себя другимъ занятіямъ; но и черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ, мы встрѣчаемся какъ старые пріятели, потому что князь Вл. Ѳ. принадлежитъ къ небольшому числу людей, не измѣняющихся отъ внѣшнихъ отношеній. Онъ и теперь душою своею тотъ же пылкій, благородный юноша, котораго я помню въ московскомъ его уютномъ кабинетѣ искателемъ истины, посвящавшимъ большую часть своего времени разнообразнымъ, глубокимъ изученіямъ и занятіямъ литературой и музыкой. Князь Одоевскій издавалъ въ это время Мнемозину, сборникъ въ четырехъ книгахъ, наполненныхъ самыми разнообразными статьями и стихотвореніями; но важнѣе всего тамъ были невѣдомые до того взгляды на философію и словесность. Приверженцы старины почитали это смѣлостью неопытнаго юноши: но въ

¹⁾ Предложенія поступить на службу повторялись и потомъ еще много разъ втеченіе жизни Н. А., даже въ началѣ 40-хъ годовъ; но Н. А. остался вѣренъ своему взгляду и своему званію до самой кончины. К. А. Полевой, впоследствии, въ 50-хъ годахъ, поступилъ на службу и служилъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ Дворянскомъ полку. П. П.

самомъ дѣлѣ это былъ первый смѣлый ударъ старымъ теоріямъ, нанесенный рукою неопытною, но, тѣмъ не менѣе, ударъ мѣткій. Въ основаніи новыхъ мнѣній Мнемозины, изложенныхъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ребячески, — была истина, а истина благотворна во всѣхъ видахъ. Многіе смѣялись надъ Мнемозиною; другіе задумывались. Литературные и ученые старовѣры не понимали, откуда молодые люди берутъ смѣлость оспаривать общепринятая ученія мнѣнія или литературныя правила? Слыша, что всему этому причиною новая (какъ говорили тогда) нѣмецкая философія, они проклинали Шеллинга и его книги; но это еще больше утверждало молодыхъ людей въ ихъ мнѣніяхъ. Удивительно ли, что одинаковость въ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ сближала ихъ другъ съ другомъ? Князь Одоевскій и два-три человѣка блажайшихъ его друзей вскорѣ сдѣлались искренними знакомыми и въ нашемъ домѣ. Не такъ ладили мы съ другимъ издателемъ Мнемозины, В. Кюхельбекеромъ, хотя, кажется, онъ былъ еще прежде знакомъ съ Николаемъ Алексѣевичемъ. Смѣшная надутость и безчисленныя странности дѣлали Кюхельбекера несноснымъ, и еще въ лицѣ, гдѣ воспитывался онъ въ одно время съ Пушкинымъ, Дельвигомъ и многими славными впослѣдствіи лицами, его называли нелѣпымъ Кюхельбекеромъ, а Пушкинъ писалъ въ шутивныхъ стихахъ, что ему было кюхельбекерно и тошно.

К. Полевой.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

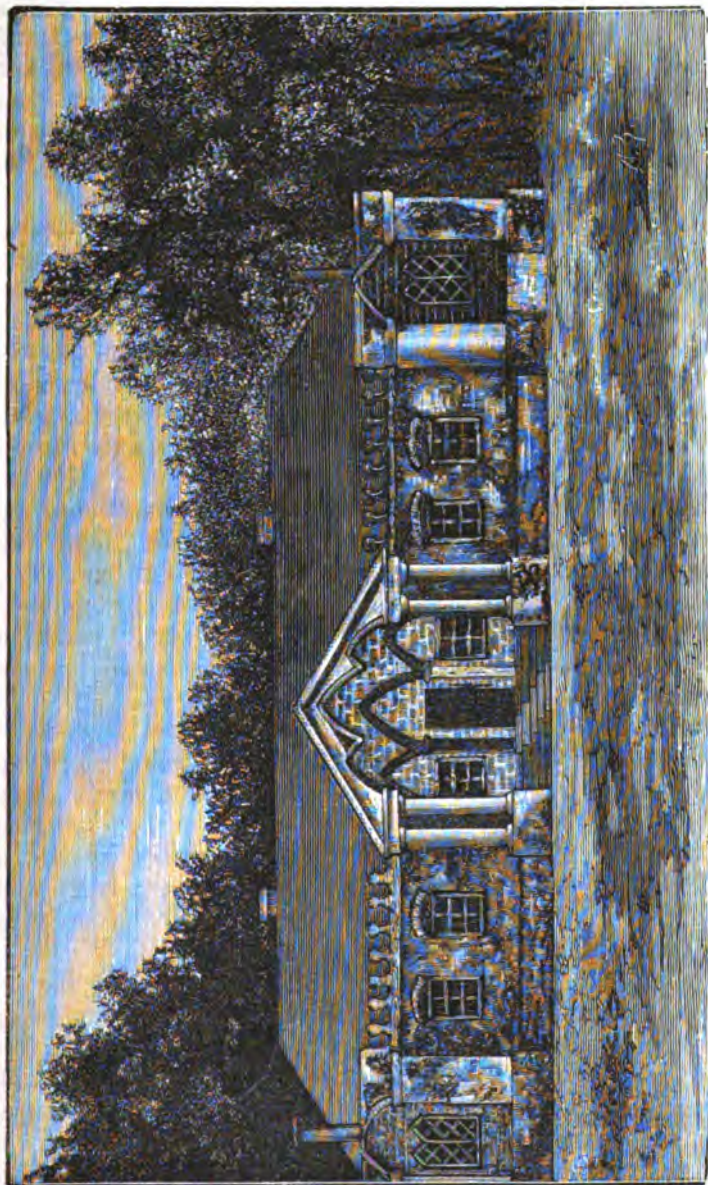
УСАДЬБА Н. В. ГОГОЛЯ.

В НАСТОЯЩЕЙ книгѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщаются два рисунка и два плана, изображающіе фасады и внутреннее расположеніе деревенскихъ домовъ и флигеля Н. В. Гоголя (въ усадьбѣ села Васильевки, Полтавской губерніи), въ дополненіе къ моей статьѣ «Знакомство съ Гоголемъ», напечатанной въ декабрьской книгѣ этого журнала 1886 года.

На первомъ рисункѣ изображенъ старыи деревянный домъ родителей Гоголя, впоследствии сломанный, въ которомъ авторъ «Мертвыхъ душъ» провелъ свои первые, дѣтскіе годы. Акварельный рисунокъ этого дома, сдѣланный самимъ Гоголемъ, долго хранился у него и нынѣ находится у его сестры, А. В. Гоголь, въ Полтавѣ, съ надписью 1856 года: «Печатать разрѣшается. Цензоръ Н. Крузе».

На второмъ рисункѣ, по современной фотографіи В. А. Волкова, изображенъ, съ частью сада, въ селѣ Васильевкѣ, такъ называемый новый, до сихъ поръ сохранившійся, также деревянный домъ родителей Гоголя. Его, по старинѣ, на мѣстѣ, донинѣ зовутъ «новымъ домомъ», хотя ему теперь уже болѣе 50 лѣтъ. Во время пріѣздовъ сюда Гоголя изъ Нѣжина, гдѣ онъ учился (въ концѣ двадцатыхъ годовъ), этотъ домъ, по словамъ его близкихъ, уже строился на мѣстѣ стараго, сломаннаго дома. Пока онъ былъ еще не конченъ и не отдѣланъ, родители Гоголя жили временно въ саду, во флигелѣ, перенесенномъ впоследствии во дворъ. Надъ этимъ новымъ домомъ вначалѣ былъ возведенъ мезонинъ, въ которомъ Го-

Старый деревенский домъ, въ селѣ Васильевкѣ, Полтавской губерніи, въ послѣдствіи сломанный, въ которомъ Н. В. Гоголь провелъ свои дѣтскіе годы.

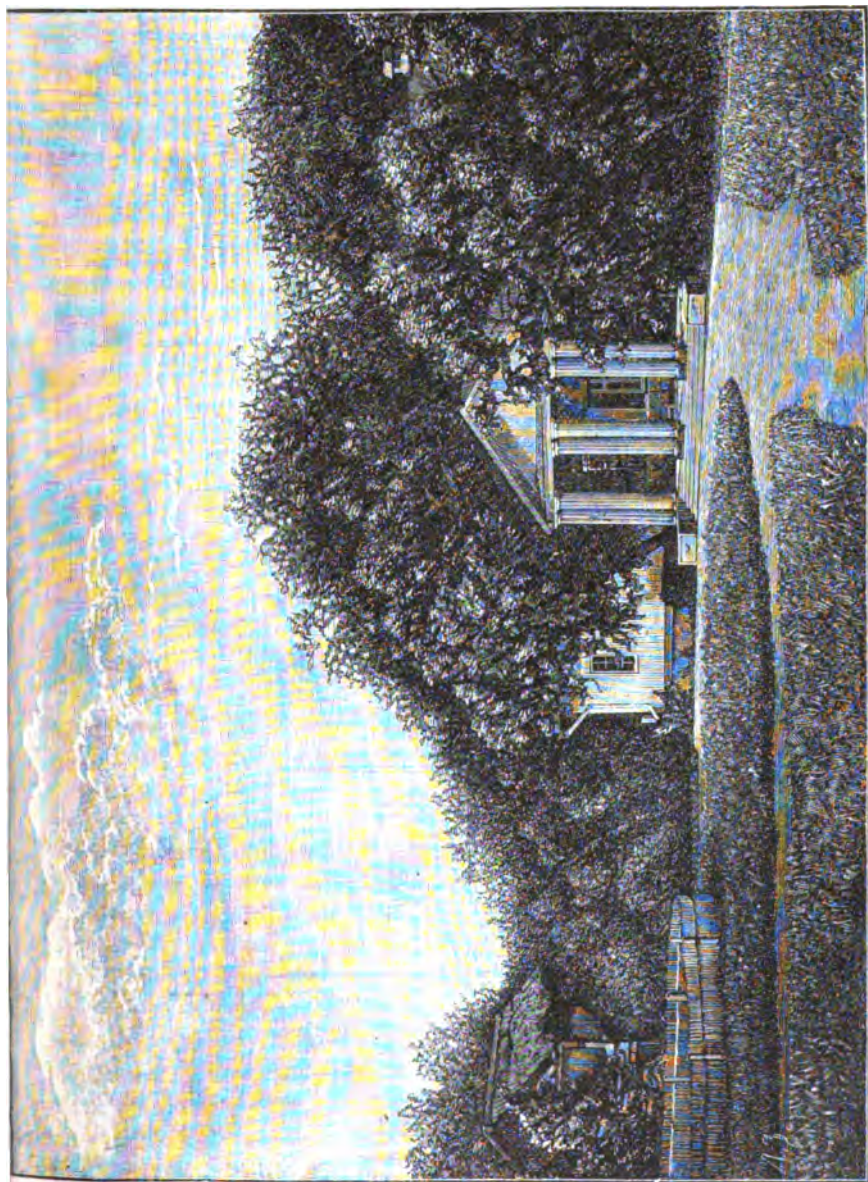
голь, приѣзжая домой на каникулы, ученикомъ Нѣжинскаго лицея, занималъ небольшую комнатку, куда его сестры, бывшія тогда еще дѣтьми, ходили къ нему по узенькой лѣсенкѣ. Впослѣдствіи этотъ мезонинъ былъ сломанъ и новый домъ достроенъ. Это произошло незадолго до отъѣзда сестеръ Гоголя въ Петербургъ, въ Патриотическій институтъ. Новый домъ былъ вначалѣ около 28 аршинъ длиною и 15 аршинъ шириною. Когда же сняли его верхній ярусъ, т. е. мезонинъ, и черезъ это въ домѣ уменьшилось число комнатъ, то по обѣимъ его сторонамъ прибавили пристройки, около 6 аршинъ длиною, и домъ увеличился до 40 аршинъ длины.

На первомъ планѣ изображено внутреннее расположеніе комнатъ этого дома. У Гоголя, въ новомъ домѣ его матери, не было своей собственной комнаты, и онъ останавливался въ немъ въ такъ называемой комнатѣ для гостей. По словамъ его близкихъ, онъ «всегда мечталъ построить въ селѣ Васильевкѣ новый, болѣе удобный и помѣстительный домъ, гдѣ бы у каждого была своя особая, хорошая комната, а въ срединѣ дома—большая, гдѣ бы всѣ собирались. Лично для себя онъ никогда не хотѣлъ имѣть въ деревнѣ отдѣльнаго дома».

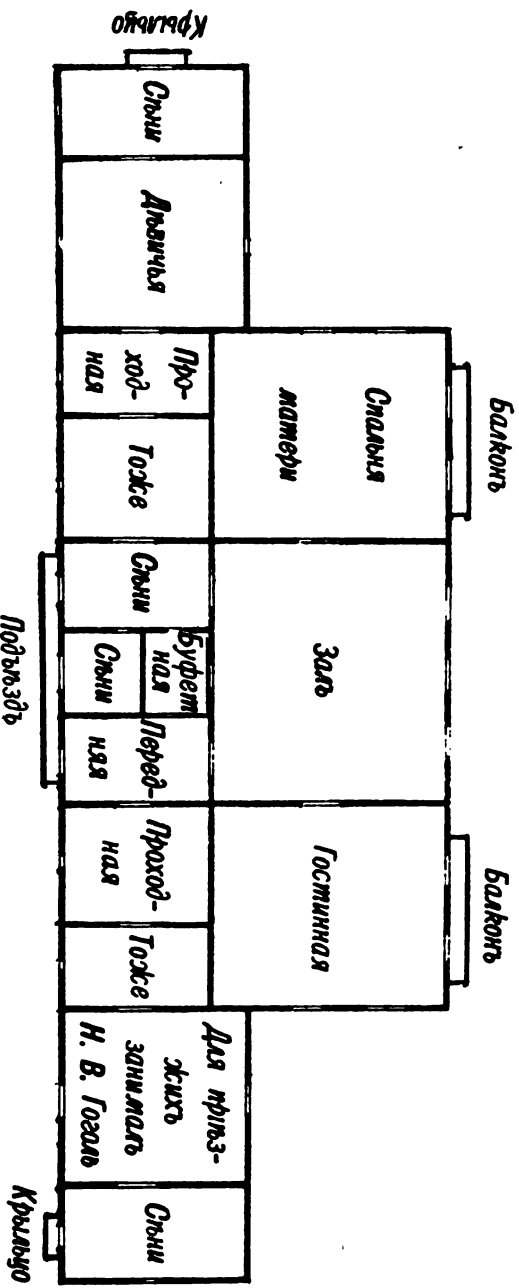
Въ послѣдніе четыре года своей жизни, Гоголь, бывая лѣтомъ въ Васильевкѣ, помѣщался во флигелѣ, который, какъ сказано выше, сперва стоялъ въ саду, а потомъ перенесенъ во дворъ, фасадомъ противъ кухни, а обратною стороною въ огородъ и конюшенный дворъ. Въ этомъ флигелѣ, послѣ кончины Гоголя, помѣщались управляющіе и садовники, причѣмъ прежнее расположеніе комнатъ было нѣсколько измѣнено.

На второмъ планѣ изображено расположеніе комнатъ этого нынѣ совершенно обветшавшаго флигеля, въ томъ видѣ, въ какомъ его комнаты были вначалѣ. Здѣсь Гоголь занималъ гостинную, иногда же спалъ и въ залѣ. Рабочая конторка, передъ которою онъ здѣсь, во флигелѣ, писалъ свой II томъ «Мертвыхъ душъ», и его дубовый шкафъ для книгъ находятся теперь у его сестры, А. В. Гоголь, въ Полтавѣ. Эту мебель для Гоголя, по его заказу и вкусу, дѣлалъ домашній столяръ гг. Трохимовскихъ.

По доставленіи мнѣ отъ А. В. Гоголь, черезъ посредство ея роднаго племянника, Ю. В. Быкова, свѣдѣній о семействѣ ея брата, вошедшихъ въ мою статью «Знакомство съ Гоголемъ», я получилъ отъ А. В. Гоголь письмо. Въ этомъ письмѣ она, сообщая мнѣ, что всегда уклонялась отъ появленія своего имени въ печати, выразила желаніе, чтобы, при помѣщеніи доставленныхъ мнѣ свѣдѣній, не было дѣлаемо печатной ссылки на нее. Къ крайнему моему сожалѣнію, я уже не могъ исполнить этой просьбы А. В. Гоголь, такъ какъ названная моя статья въ то время не только уже была отпечатана, но и вышла въ свѣтъ, причѣмъ включенныя въ нее выборы изъ полученнаго мною матеріала предварительно были мною

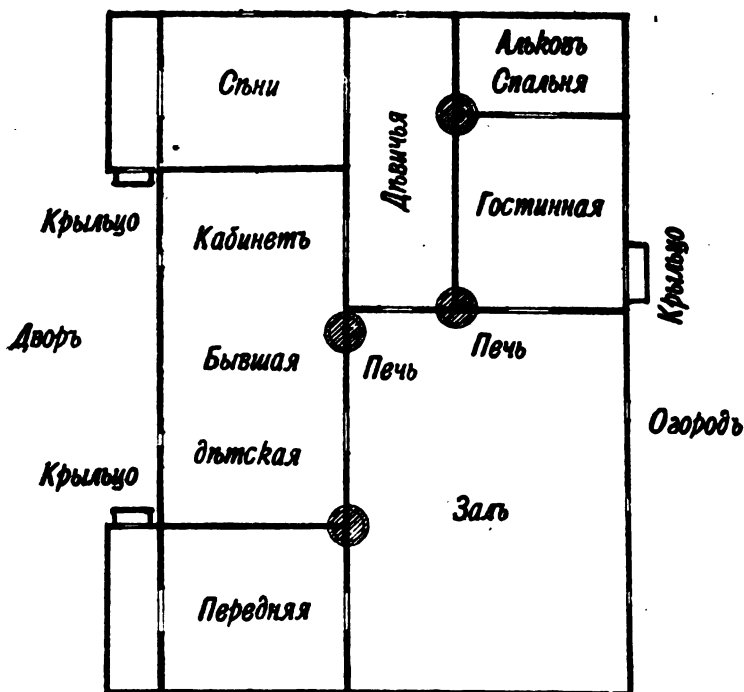

Новий деревенський дім, в селі Васильевкѣ, Полтавської губерні, в котрому Н. В. Гоголь бывав у своєї матері, в останніє роки своєї життя.

Планъ новаго деревенскаго дома матери Н. В. Гоголя въ Васильевкѣ, Полтавской губерніи.

прочтены лицу, доставившему мнѣ ихъ. Дѣлая, по-неволѣ, нѣсколько поздно эту оговорку, позволяю себѣ выразить убѣжденіе, что свѣдѣнія о семействахъ великихъ писателей только тогда и имѣютъ настоящее значеніе, когда они непосредственно добыты отъ лицъ, столь близкихъ этимъ писателемъ, какъ члены ихъ родныхъ семействъ. Другой сестрѣ Гоголя, Ел. В. Быковой, принадлежитъ статья о ея братѣ въ 26 № газеты «Русь» 1885 года, подъ загла-

Планъ стараго флигеля въ селѣ Васильевкѣ, въ которомъ Н. В. Гоголь въ послѣдніе годы своей жизни гостилъ и работать.

віемъ: «Отрывокъ изъ воспоминаній Ел. Вас. Быковой», писанный, по словамъ И. С. Аксакова, «для семьи, безъ малѣйшихъ литературныхъ притязаній». Этотъ «Отрывокъ» напечатанъ уже послѣ смерти г-жи Быковой. Русская литература несомнѣнно останется благодарна обѣимъ сестрамъ великаго писателя за тѣ свѣдѣнія о Гоголѣ и его семьѣ, которыя, при ихъ посредствѣ, стали достояніемъ этой литературы.

Г. Данилевскій.

СРЕДИ СКИТНИЦЪ.

I.

Чернухинскій скитъ. — Мать Евдоксія. — Неправильный доносъ. — Запечатанная молеельня. — Сара Бернаръ—игуменья. — Воспоминанія матери Евдоксіи. — Ныѣшнія скитницы. — Раздоры. — Легенды про шарпанскую икону.

МОРОСИЛЪ мелкій осенній дождь; туманъ стлался по низменностямъ холмистой мѣстности, когда, проѣхавъ по селу Медвѣдеву, не вдалекѣ отъ Покровскаго единовѣрческаго женскаго монастыря, я остановился у невзрачной съ внѣшней стороны деревянной постройки въ деревнѣ Чернухѣ, въ пяти верстахъ отъ уѣзднаго города Семенова.

— Выходите изъ тарантаса, — сказалъ провожатый. — Мы у Чернухинскаго скита.

Онъ принялся стучать въ ворота, говоря, что пріѣзжій изъ Петербурга желаетъ осмотрѣть скитъ. Съ наружной стороны виднѣлся только бревенчатый заборъ и глухія стѣны жилыхъ строеній, выходившихъ на улицу деревни. Наконецъ, калитка отворилась. Моего провожатаго узнали и смѣлѣе впустили всѣхъ насъ внутрь скита. На крыльцѣ деревяннаго одноэтажнаго дома съ мезониномъ, стоявшаго посреди довольно просторнаго двора, насъ встрѣтила пожилая женщина, лѣтъ шестидесяти, средняго роста, стройная, съ живыми, умными, черными глазами. На ней былъ сарафанъ изъ

темнаго ситца, особаго покроя, чистый, опрятный. Сзади, посреди этого сарафана, особыми продольными сборками во всю длину его, прикрѣплена была ткань чернаго цвѣта, которая, по моимъ догадкамъ, соответствовала монашеской мантии и распушалась только при отсутствіи любопытныхъ, неудобныхъ для скитницы, постороннихъ взоровъ. На головѣ была небольшая черная шапочка, съ виду какъ бы черная повязка, встрѣчаемая еще у нѣкоторыхъ старухъ-купчихъ, но при внимательномъ осмотрѣ вовсе на нее не походившая.

— Мать Евдоксія, хозяйка Чернухинскаго скита,—сказалъ мнѣ мой провожатый, указывая на встрѣтившую насъ на крыльцѣ женщину.—Пріѣзжій изъ Петербурга,—продолжалъ онъ, знакомя меня съ нею:—желаетъ осмотрѣть вашу скитъ, матушка.

— Милости просимъ, милости просимъ, батюшка,—отвѣтила съ низкимъ поклономъ мать Евдоксія.—Посмотрите наше сиротское житье.

— Отъ моего посѣщенія вамъ горя не будетъ, матушка,—поспѣшилъ я отвѣтить, желая успокоить хозяйку, такъ какъ на ея лицѣ я замѣтилъ какую-то тревогу.

— Покажите имъ все ваше помѣщеніе, также и моленную, —сказалъ мой провожатый.

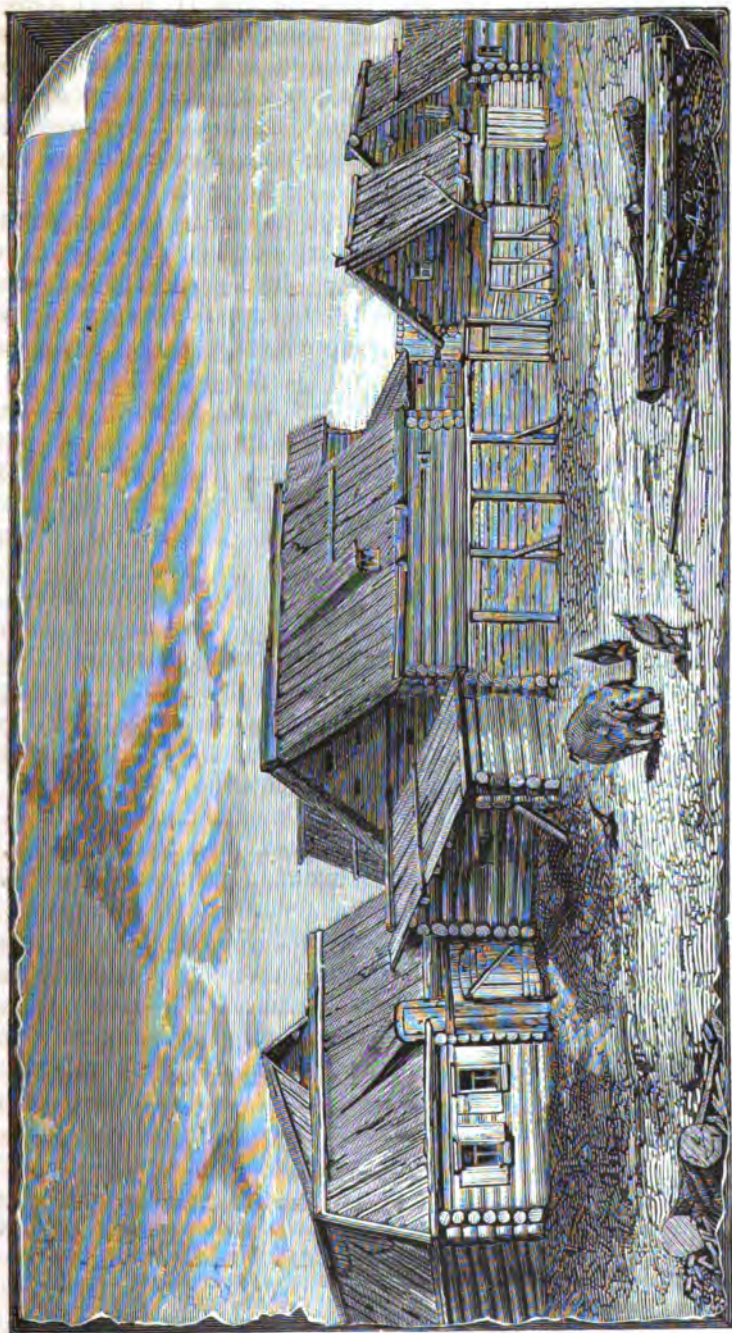
Разговоръ происходилъ на крыльцѣ, откуда сѣнями мы отправились, вслѣдъ за матерью Евдоксіею, внутрь скита. Бѣлые холщевые чистые половики положены были отъ крыльца по всѣмъ направленіямъ. Изъ сѣней, или, скорѣе, длиннаго перехода, въ родѣ корридора, полутемнаго, мы входили въ горницы, изъ которыхъ нѣкоторыя были съ перегородками. Въ однѣхъ были у стѣнъ широкія, деревянныя лавки, въ другихъ стулья, кресла, диваны. Въ переднемъ углу каждой горницы стояла деревянная божница съ иконами и лампадами, съ пеленами изъ разныхъ тканей подъ божницами. Повсюду было крайне чисто и опрятно. Казалось, ни одной пылинки не было ни на полу, ни на подоконникахъ, ни на мебели въ этихъ горницахъ. Такъ какъ посѣтителей не ждали и они нагрянули совершенно неожиданно, то, очевидно, подобная чистота принадлежитъ къ обычнымъ явленіямъ скита. Однѣ горницы были пообширнѣе, другія меньшія. Всѣ онѣ, очевидно, имѣли обитабельность, но къ намъ не появилось ни одного живаго существа. Только, проходя по извилистымъ полутемнымъ сѣнямъ, я видѣлъ, какъ въ углахъ, притолкахъ, какихъ-то боковушкахъ, съезживались, или укрывались женскія фигуры въ обыкновенной крестьянской одеждѣ, не успѣвшія спрятаться окончательно отъ взоровъ посѣтителей. Всѣ посѣщенные нами горницы окнами выходятъ на дворъ. Наконецъ, старица Евдоксія привела насъ къ двери, которая была заперта нѣсколькими замками. Когда ее отворили, мы очутились въ обширной комнатѣ, задняя сторона которой до

потолка была уставлена иконами, разныхъ размѣровъ, древняго письма, въ болѣе или менѣе богатыхъ ризахъ. Это была моленная Чернухинскаго скита. Нижняя часть ея своеобразнаго иконостаса была убрана пеленами съ крестами изъ позумента. На аналояхъ разложены были богослужебныя книги. Передъ нѣкоторыми иконами теплились лампы, а вообще въ моленной стояло нѣсколько подсвѣчниковъ съ свѣчами изъ желтаго воска. Въ числѣ иконъ замѣчательнѣе другихъ икона Спасителя, стариннаго письма, принадлежащая матери Евдокіи, въ родѣ которой она передается уже нѣсколькими поколѣніями отъ одного къ другому. Эти поколѣнія передали также одно другому и легенду объ этой иконѣ, что она никогда не давалась въ руки «никоніанамъ», когда они пытались снять ее съ того мѣста, гдѣ она находилась.

Обиліе и богатство иконъ (болѣе ста) въ моленной, ихъ видимое древнее происхожденіе, простота, чинность, скромность всей остальной обстановки этого мѣста молитвы—производятъ глубокое впечатлѣніе на посѣтителя.

Хотя моленная въ Чернухинскомъ скитѣ сооружена, съ разрѣшенія правительства, еще при Екатеринѣ II, однако, въ послѣдніе годы, она была запечатана, вслѣдствіе доноса и страннаго недоразумѣнія со стороны мѣстныхъ властей. Священникъ единовѣрческой церкви въ селѣ Медвѣдевѣ, первой построенной за Волгой, Мясниковъ, донесъ, въ 1881 году, нижегородской духовной консисторіи, что въ домѣ крестьянки Елены Осиповой Лещевой, при деревнѣ Чернухѣ, устроена старообрядческая моленная. Духовная консисторія, не обративъ вниманія на то обстоятельство, что эта моленная дозволена была при императрицѣ Екатеринѣ II, предложила, въ октябрѣ того же года, судебному слѣдователю перваго участка Семеновскаго уѣзда произвести слѣдствіе по этому предмету. 16-го октября 1881 года, въ Чернухинскій скитъ явились: слѣдователь, полицейскій урядникъ, благочинный и означенный священникъ Мясниковъ съ пятнадцатью понятыми и, обобравъ иконы и книги, какъ въ моленной, такъ и въ жиломъ зданіи Лещевой, въ томъ числѣ и собственно ей принадлежащія, перешедшія къ ней отъ ея родителей и дѣдовъ, запечатали моленную. Въ отдѣльной комнатѣ слѣдователя захватили находившуюся тамъ въ чемоданѣ походную церковь съ иконами, сосудами и проч. Конфискованныхъ иконъ оказалось болѣе ста пятидесяти въ серебряныхъ ризахъ. Онѣ были отправлены, отчасти въ нижегородскую духовную консисторію, отчасти въ единовѣрческую церковь села Медвѣдева.

Лещева (мать Евдокіи), основываясь на дозволеніи, данномъ правительствомъ въ прошломъ столѣтіи, обратилась съ ходатайствомъ къ тогдашнему нижегородскому губернатору, который, однако, объявилъ ей, что такъ какъ все дѣло о моленной возбуждено

Селѣ въ деревнѣ Чернухинѣ.
Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Мельниковымъ.

духовною консисторію, то онъ помочь ей не можетъ, и далъ совѣтъ обратиться съ просьбою къ мѣстному преосвященному. Тогдашній нижегородскій епископъ общалъ Лещевой возвратитъ ей серебро съ иконъ, но дѣло о запечатаніи молебни не согласился прекратить. Съ тѣмъ вмѣстѣ преосвященный замѣтилъ Лещевой, надобно полагать въ шутку, «что она, вѣроятно, не сошлась съ приходскимъ священникомъ»¹⁾.

Видя, что у нижегородскихъ властей она не добьется правильнаго рѣшенія по своему дѣлу и что по суду ей угрожаетъ тюремное заключеніе за «самовольное устройство» молебни, Лещева отправилась хлопотать въ Петербургъ. На ея счастье въ это время, вмѣсто графа Игнатъева, министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ уже назначенъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой.

— Принялъ меня, — рассказывала мнѣ мать Евдоксія: — новый министръ ласково, привѣтливо. Будьте покойны, сказалъ онъ мнѣ, поѣзжайте къ себѣ обратно; я уже сдѣлалъ распоряженіе, и къ вашему приѣзду молебня будетъ распечатана. Дѣйствительно, приѣзжаю въ Семеновъ, а меня и встрѣчаютъ уже вѣстью, что печати съ молебни сняты.

— И все вамъ возвратили, что у васъ было конфисковано?

— Одна книга, напримѣръ, сентябрьская чети-минея, очутилась на нижегородской ярмаркѣ, въ одной книжной лавкѣ. Книга древняя, замѣчательная. Я обратилась къ книжнику. Онъ запросилъ за книгу 65 рублей. Только благодаря вмѣшательству старика Блинова (старообрядца, уже скончавшагося), при помощи полиціи и адвоката, удалось мнѣ получить обратно свою книгу.

Разговоръ нашъ происходилъ уже въ собственныхъ комнатахъ матери Евдоксіи, обставленныхъ скромною, приличною мебелью, съ богатою божницею. Гостепріимная хозяйка угощала меня чаемъ. Комната, въ которой мы сидѣли, была боковая, и нѣсколько ея оконъ выходили на дворъ. Напротивъ этой горницы, въ отдѣльной избѣ, черезъ дворъ, помѣщалась «келарня», гдѣ готовится кушанье въ стряпушей, гдѣ находятся кладовыя и общая столовая или трапеза. Эта изба значительно менѣе того деревяннаго строенія, составленнаго изъ нѣсколькихъ срубовъ, въ которомъ размѣщены молебня, жилые покои матери Евдоксіи и горницы остальныхъ обитательницъ Чернухинскаго скита.

¹⁾ Нѣкоторые преосвященные любятъ подшучивать. Два года тому назадъ, въ одномъ православномъ богатомъ женскомъ монастырѣ мнѣ рассказывали слѣдующій фактъ. Въ этотъ монастырь, вскорѣ послѣ кончины его игуменни, приѣхалъ мѣстный епархіальный епископъ. Монахини обратились къ нему съ просьбою назначить имъ мать-настоятельницу. «А вотъ я вамъ Сару Вернаръ въ игуменни поставлю», — отвѣтилъ преосвященный. Всѣ монахини, съ возгласами о поминаніи, повалились въ ноги къ епископу. Передъ тѣмъ Сара Вернаръ только-что совершила свою артистическую поѣздку по Россіи.

— А давно вы, матушка, живете въ скитахъ?—спросилъ я.

— Съ малолѣтства; я родомъ изъ богатаго купеческаго дома. Можетъ быть, вы слышали о Лещевыхъ, извѣстныхъ въ свое время купцахъ въ большомъ торговомъ селѣ Воскресенскомъ, на рѣкѣ Ветлугѣ. Домъ нашъ пришелъ въ упадокъ; дѣла его разстроились. Я родилась еще въ купеческомъ званіи. Много лѣтъ прошло съ того времени. Мнѣ вѣдь теперь шестьдесятъ-восьмой годъ.

— Вы моложе своихъ лѣтъ. Значить, вы жили въ здѣшнихъ скитахъ еще до ихъ раззоренія, въ 1853 году, когда они были въ цвѣтущемъ положеніи? Вы слѣдовательно знали и Павла Ивановича Мельникова?

— Мельникова? Живъ онъ еще?

— Скончался въ прошломъ 1883 году, въ февралѣ.

— Много онъ намъ вреда причинилъ. Не могу вспоминать о немъ безъ сердца. Какъ теперь помню канунъ Успеньева дня, 14-ое августа, когда онъ нагрянулъ къ намъ въ скитъ, грозный, суровый; явился въ часовню, гдѣ мы всѣ находились, и, обратясь къ намъ, строго, круто сказалъ: «Ну, берите скорѣе ваши книги и уходите мигомъ по своимъ кельямъ». И затѣмъ запечаталъ нашу часовню.

— Да вѣдь Мельниковъ былъ подчиненный чиновникъ; онъ только выполнялъ данныя ему приказанія.

— Знаемъ мы все. О всемъ наслышаны. Только почему же Павелъ Ивановичъ былъ первоначально къ нашимъ скитамъ очень благосклоненъ, а потомъ вдругъ сдѣлался ихъ грозою? Вотъ чего мы, пережившія разгромъ скитовъ въ 1853 году, простить не можемъ.

— Но въ послѣдствіи, въ разныхъ комиссіяхъ, при каждомъ случаѣ, касавшемся старообрядцевъ и старовѣрцевъ, Мельниковъ неоднократно подавалъ свой голосъ въ пользу уравнинія ихъ въ правахъ съ остальными подданными Русскаго государства.

— Наслышаны о томъ, но «скитскаго раззоренія» забыть не можемъ. Такъ и стоитъ оно донинѣ передъ глазами.

Я перемѣнилъ разговоръ и спросилъ:

— Что, у васъ много въ скиту живетъ отрехшихся отъ міра?

— Очень мало. Скитская жизнь не нравится нынѣшнему поколѣнію. У меня, въ Чернухинскомъ скиту, живутъ шесть, семь женщинъ. Прежде, подобно мнѣ, съ малолѣтства поселялись въ скиту и постепенно осваивались съ его порядками, съ его образомъ жизни. Нынѣ не то. Если молодыя на возрастѣ и поступаютъ, то не долго; проживетъ годъ, другой и выходитъ замужъ. Мірская жизнь кажется имъ краше и привѣтливѣе. Что дѣлать! Сами виноваты. Раздоръ между нами много; вмѣсто прежняго согласія, рознь у насъ завелась.

— Правда, — замѣтилъ мой провожатый, мѣстный житель. — Нынѣ въ Семеновскомъ уѣздѣ, да и въ другихъ сосѣднихъ мѣстахъ Поволжья, старообрядчество, приѣмлющее священство, распалось на нѣсколько разновидностей. Австрійское священство, протавоокружническое согласіе, окружническое согласіе, тайное священство, раздѣлили прежнюю паству, державшуюся «древляго православія». Всѣ они взаимно враждуютъ между собою. Въ часовню въ селѣ Городцѣ (Балахнинскаго уѣзда) не пустятъ прихожанина часовни изъ слободы Василево (того же уѣзда, выше по Волгѣ), потому что послѣдняя держится австрійскаго священства, съ которымъ старообрядцы Городца, а ихъ насчитываютъ, какъ въ самомъ этомъ селѣ-городѣ, такъ и въ окружныхъ деревняхъ, до 12,000 душъ, не имѣютъ ничего общаго, равно какъ и со старообрядцами Рогожскаго кладбища въ Москвѣ. Старообрядцамъ Городца дозволено было, въ 1803 году, приглашать священниковъ изъ иргизскихъ старообрядческихъ монастырей, а потому они донынѣ имѣютъ «своихъ поповъ», безъ всякаго какого либо отношенія къ австрійскому священству. Семеновскій уѣздъ иастари былъ главнымъ средоточіемъ поповщины. Теперь же тутъ и поповщина, и безпоповщина. Спрашиваешь крестьянъ, какой они вѣры, — «я по Городецкой часовнѣ», — отвѣчаетъ одинъ; «а я по матушкѣ Манеѣ», — говоритъ другой; третій же, на вопросъ вашъ, причисляетъ себя къ «древлему православію». Недавно въ Семеновскомъ уѣздѣ даже оказались «немоляки» (собственно штундисты), которые въ прежнее время вовсе не встрѣчались въ этой части Заволжья. Ихъ уже теперь насчитывается до 20 семействъ ¹⁾.

Мать Евдоксія глубоко вздохнула.

— А помогаютъ ли семеновскимъ скитамъ попрежнему богатые старообрядцы Москвы, Казани, Саратова и другихъ городовъ? — спросилъ я мать Евдоксію.

— Москва намъ помогаетъ, — нельзя жаловаться; но съ другими городами всѣ сношенія почти окончательно прекратились. Оленевскимъ изъ Москвы также помощь даютъ. Скиты въ Заволжьѣ какъ бы доживаютъ послѣдніе дни, едва существуютъ.

— А я слышалъ въ Семеновѣ, что, напримѣръ, въ знаменитомъ когда-то Шарпанѣ, гдѣ женскій скитъ окончательно былъ уничтоженъ въ 1853 году, недавно поселился одинъ крестьянинъ съ женою. Точно также крестьяне-старообрядцы деревни Кошелева, въ 1876 году, выстроили новую часовню изъ матеріаловъ отъ молельни, оставшихся послѣ уничтоженія Кошелевскаго женскаго скита, одновременно съ Шарпанскимъ.

¹⁾ По словамъ А. С. Гацискаго («Древняя и Новая Россія», т. III, 1877 г.), «немоленые, въ родѣ молоканъ», впервые появились на Волгою въ 1869 году.

— Поселеніе одного крестьянина, да еще съ женою, на пепелищѣ Шарпанскаго скита, — возразилъ мнѣ мой провожатый: — вовсе не доказываетъ, чтобы онъ имѣлъ цѣлю возобновленіе скита въ этой мѣстности. Что касается до кошелевскихъ старообрядцевъ, дѣло которыхъ доходило до суда присяжныхъ, то, по разслѣдованію, оказалось, что въ деревнѣ Кошелевѣ старообрядческая ча-

Раскольничья уставщица.

Съ рисунка съ натуры А. П. Мельникова.

совня существовала съ 1818 года и помѣщалась въ домѣ проживавшаго въ этой деревнѣ семеновскаго мѣщанина Степана Шляпникова, а потомъ, до 1876 года, при домѣ его сына, Архипа Степановича Шляпникова. Въ началѣ 1876 года, торговыя дѣла Шляпникова до того запутались, что домъ его былъ назначенъ въ продажу съ торговь. Въ часовнѣ при его домѣ хранились ста-

ринныя иконы кошелевскихъ старообрядцевъ. Опасаясь, чтобы эти семейныя драгоценности не были проданы вмѣстѣ съ домомъ Шляпникова, старообрядцы рѣшили всѣмъ обществомъ перенести эту молельню въ другое мѣсто, для чего и построили отдѣльное деревянное зданіе за рѣкою Кошелихою, близъ своей деревни.

— Вы не знаете, мать Евдоксія, подробностей вывоза Павломъ Ивановичемъ Мельниковымъ иконы Казанской Богородицы изъ Шарпанскаго скита въ 1849 году?—спросилъ я.—Для меня эти подробности интересны въ связи съ легендою, распространенною за Волгою, что будто бы когда ночью Мельниковъ везъ изъ Шарпана тамошнюю святыню, то на плотинѣ у рѣки Бѣлой Санохты, подъ деревнею Зиновьевою¹⁾, онъ вдругъ ослѣпъ. Въ испугѣ, Мельниковъ намѣревался тутъ же бросить икону, но дьявольскимъ навожденіемъ былъ отвращенъ отъ этого намѣренія, за что дьяволъ ему снова возвратилъ зрѣніе.

— Шарпанскій скитъ былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ и самыхъ строгихъ женскихъ скитовъ. Въ немъ, передъ его раззореніемъ, было болѣе ста инокинь и бѣлицъ. Онъ существовалъ около 170 лѣтъ. Икона Казанской Богоматери, явившаяся схимнику Арсенію и приведшая его на мѣсто, гдѣ онъ основалъ скитъ, почитается нами за великую святыню, за чудотворную икону. Шарпанскія матери оберегали ее и не дали Павлу Ивановичу возможности захватить подлинную икону, а подсунули ему копию съ нея,—отвѣчала мать Евдоксія.

— Правда ли это? Какъ Мельниковъ далъ себя провести въ этомъ дѣлѣ? Онъ былъ знатокомъ древнихъ иконъ и, нѣтъ сомнѣнія, отличилъ бы подлинникъ отъ копии, — возразилъ я матери Евдоксія.

— Среди всѣхъ старообрядцевъ Семеновскаго уѣзда,—замѣтилъ мой провожатый:—господствуетъ убѣжденіе, что древняя икона Казанской Богоматери не увезена г. Мельниковымъ въ Керженскій Благовѣщенскій единовѣрческій мужской монастырь, но донныя сохраняется въ одной благочестивой семьѣ нашего уѣзда.

Мать Евдоксія молчала. Я сталъ прощаться съ нею и поблагодарилъ за угощеніе.

— Подчивать ли васъ крѣпкимъ? А я не догадалась,—сказала гостепріимная хозяйка.—Можетъ быть, этимъ дѣломъ занимаетесь?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я:—крѣпкаго не употребляю, а за чай покорно благодарю.

Тройка наша двинулась далѣе.

¹⁾ Зиновьева лежитъ между Шарпаномъ и городомъ Семеновымъ, расположеннымъ на рѣкѣ Санохтѣ. Въ этой деревнѣ А. С. Гадискій и добылъ извѣстный «Плачевный стихъ» на раззореніе скитовъ въ 1853 году.

II.

Единоѳрческіе женскіе монастыри.—Оленевскія кельи.—Типы скитницъ П. И. Мельникова. — Мать Маргарита (Манеѳа). — Одинокая скитница Павлова. — Ея моленная. — Ея воспоминанія о П. И. Мельниковѳ. — Обитательницы Оленевскихъ келій. — Бѳдность этихъ обителей. — Покража Іосифовскихъ книгъ.

Изъ села Медвѳеда мы повернули вправо, въ поле, мимо Покровскаго единоѳрческаго женскаго монастыря, основаннаго около 1836 года. Въ этомъ монастырѳ около ста монахинь; онѳ не принадлежитъ къ числу богатыхъ, но, не смотря на то, отличается своимъ благоустройствомъ. Этотъ монастырь, послѳ своего основанія, повліялъ на уменьшеніе поповщины въ селѳ Медвѳевѳ, потому что многія скитницы перешли въ единоѳрческую обитель. Гораздо богаче другой единоѳрческой женскій монастырь, Осиновскій, лежащій въ 55 верстахъ отъ Семенова, къ сѳверо-западу, на границѳ Костромской губерніи. Осиновскій, обращенный, въ 1848 году, П. И. Мельниковымъ изъ раскольникьяго скита, богаче Покровскаго потому, что въ немъ много инокинъ изъ купечества, принесшихъ въ свою обитель съ собою и значительные вклады.

Изъ Чернухинскаго скита я направился въ «Оленевскія кельи», какъ старообрядцы называютъ остатки тѳхъ обителей, которыя вмѳстѳ составляли, до 1853 года, знаменитый Оленевскій скитъ. Онѳ лежитъ на юго-востокъ отъ Семенова, въ двѳнадцати верстахъ отъ этого города, близъ деревни Оленевой. Въ Оленевскомъ скиту П. И. Мельниковъ нашель для своихъ романовъ («Въ Лѳсахъ» и «На Горахъ») тѳ типы, которыхъ онѳ представилъ дѳйствующими въ Комаровскомъ скиту, лежащемъ на сѳверо-востокъ отъ Семенова. Мать Манеѳа, игуменья Комаровскаго скита, въ дѳйствительности была мать Маргарита, настоятельница Анѳисинной обители въ Оленевскомъ скиту. Эта обитель одна изъ самыхъ древнихъ по времени своего учрежденія. Она была основана Анѳисою Кольчевою, родственницею св. Филиппа митрополита. Послѳ раззоренія скитовъ въ 1853 году, мать Маргарита поселилась съ нѳкоторыми изъ своихъ скитницъ въ Семеновѳ, такъ какъ была приписана къ этому городу. П. И. Мельниковъ посѳтилъ ее въ 1869 году и при этомъ посѳщеніи видѳлъ у нея образъ св. Филиппа и старинные святцы, писанные, по преданію, Анѳисою Кольчевою¹⁾.

По старообрядческимъ легендамъ, Оленевскій скитъ получилъ свое названіе отъ дикаго оленя, явившагося первымъ поселенцамъ въ Керженскихъ лѳсахъ и тѳмъ указавшаго мѳсто для постройки скита.

¹⁾ См. «Историческій Вѳстникъ», 1884 г., декабрь, стр. 569.

Миновавъ Покровскій монастырь, мы проѣхали нѣкоторое время пашнями и лугами и затѣмъ очутились въ лѣсу, дорога которымъ шла до самыхъ Оленевскихъ келій. Погода прояснилась; выглянуло солнце, но по временамъ налетали сильные порывы вѣтра съ крупнымъ дождемъ. На открытомъ пространствѣ видно было, какъ полосами выпадалъ этотъ дождь, между полосами, освѣщенными лучами сентябрьскаго солнца, яркими, но не жаркими. Наконецъ, мы выѣхали изъ густаго лѣса вдругъ на поляну, гдѣ показалось съ разныхъ сторонъ жилье. По правую сторону дороги, подъ высокими деревьями, мы увидали довольно обширное кладбище съ старообрядческими восьми-угольными крестами, покосившимися, обросшими ихомъ, развалившимися. По этимъ крестамъ видно было, что это кладбище добрую сотню лѣтъ служить усыпальницею. Повернувъ нѣсколько разъ между жилыми строеніями, гдѣ на нѣкоторыхъ дворахъ крестьяне молотили рожь, ямщикъ остановился у обширной избы новой постройки.

— Здѣсь живетъ крестьянка Александра Павлова, которую вы желали видѣть,—сказалъ ямщикъ.

Насъ встрѣтила хозяйка въ сарафанѣ, повязанная платкомъ, ничѣмъ не отличавшаяся отъ крестьянокъ, развѣ только безупречною чистотою своей одежды.

— Милости просимъ, дорогіе гости; извините только за наше сиротство,—говорила она, вводя насъ въ избу.—Позвольте угостить васъ чаемъ, если вы не побрезгуете.

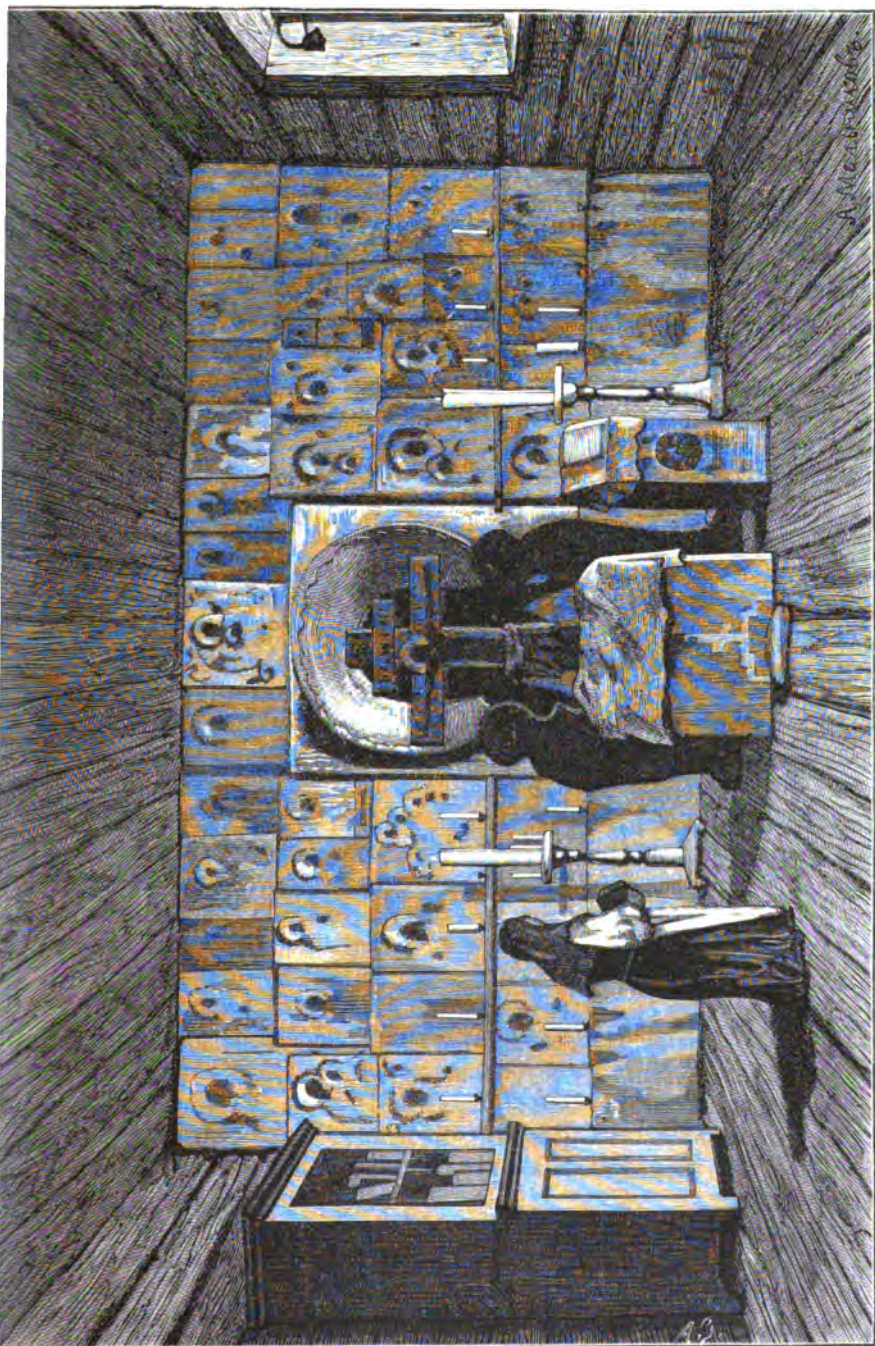
Мы вошли въ чистую, просторную избу. Она оказалась пятистѣнная, т. е. сдѣланная изъ двухъ срубовъ. На улицу выходила горница, раздѣленная перегородкою на двѣ половины. Одна, окнами на улицу и на открытый дворъ, служила приемою, а другая, имѣвшая окно на улицу и глухую стѣну на закрытый дворъ, была спальнею хозяйки. Изъ сѣней, ведшихъ въ переднюю горницу, былъ выходъ въ заднюю часть избы, на задворокъ, въ которой устроена молельня. Въ ней не оказалось такого богатства иконъ, какъ въ Чернухинскомъ скиту, но и эта моленная заключала въ себѣ немало образовъ, покрывавшихъ собою ея заднюю стѣну.

— У васъ жилье совершенно новое, вѣрно недавно построено?—спросилъ я хозяйку.

— Пожаръ былъ позапрошлымъ годомъ,—отвѣчала она.—Я уже не разъ горѣла, но, благодаря помощи добрыхъ людей, вновь отстроивалась.

— Вы, кажется, однѣ живете?

— Совершенно одна. У меня нѣтъ молодежи. Въ другихъ здѣшнихъ обителяхъ, обширнѣе моей устроенныхъ, живутъ онѣ, но повсюду въ небольшомъ числѣ. Прошли прежнія времена, когда въ нѣкоторыхъ обителяхъ жительство считали десятками, а иногда и сотнями. Молодые нынѣ не остаются подолгу въ скитахъ;

**Внутренний видъ свѣтской моленной въ Оленевѣ.
Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Мельниковымъ.**

нѣтъ у нихъ вовсе стремленія къ иноческой жизни. Остаемся только мы, старухи, доживать свой вѣкъ. Молодые же норовятъ поскорѣе выйдти замужъ.

— Какъ же такъ? Сколько мнѣ помнится, въ вашихъ скитахъ держались того убѣжденія, что кто изъ скита замужъ пойдетъ, у той дѣти родятся слѣпыми. Или уже этого суевѣрія нынѣ не придерживаются?

Моя хозяйка промолчала на этотъ вопросъ, захопотавшись угощеніемъ чаемъ и орѣхами, повторяя свои извиненія, что не можетъ лучше угостить посѣтителя, рекомендованнаго ей съ хорошей стороны. Бойкія движенія, черные, не потухшіе еще, глаза скитницы заставили меня обратиться къ ней съ слѣдующимъ вопросомъ:

— А сколько вамъ лѣтъ? По нѣкоторымъ признакамъ, вы еще не очень стары, а по другимъ уже пожили на бѣломъ свѣтѣ.

— Мнѣ 59 лѣтъ.

— Такъ вы были при скитскомъ раззореніи, тридцать лѣтъ тому назадъ?

— Очень хорошо все помню. Я была въ Аноисинной обители, у матушки Маргариты. Большое было раззореніе и наканунѣ великаго праздника, Успенія Пресвятыя Богородицы. Всѣ иконы обобрали по нашимъ обителямъ, а въ Оленевѣ много было иконъ родовыхъ, отъ дѣдовъ завѣщанныхъ, съ надписями, кому именно онѣ принадлежатъ. Святыня была древняя, неоцѣненная, завѣтная. Оленевскія обители владѣли ею въ такомъ количествѣ, что иконами было нагружено болѣе двадцати возовъ, которые и были отправлены въ Нижній Новгородъ.

— Слѣдовательно, и Мельникова знали?

— Помню Павла Ивановича, очень хорошо помню. Не благоволилъ онъ къ намъ. Уже больно круто поступилъ съ нами тогда.

— Развѣ вы не знаете, что ему было приказано закрыть скиты и запечатать часовни? А самая мысль уничтоженія скитовъ въ Семеновскомъ уѣздѣ подана была чиновникомъ Алябевымъ, еще въ 1848 году, за пять лѣтъ до раззоренія.

— Мы послѣ закрытія скитовъ были у Мельникова, во время нижегородской ярмарки, гдѣ онъ жилъ въ чьихъ-то нумерахъ. Я сопровождала матушку Маргариту въ Нижній, куда она ѣздила по дѣламъ. Узнавъ, что Павелъ Ивановичъ также пріѣхалъ на ярмарку, матушка Маргарита пожелала увидать своего стараго знакомаго.

— И что же?

— Ничего,—поговорили, какъ бы ничего прежняго не было. Прошло вѣдь много лѣтъ послѣ скитскаго раззоренія, да и до насъ дошло, что П. И. Мельниковъ немало помогаетъ нашему древнему православію. Не желаете ли вы побывать въ другихъ здѣшнихъ обителяхъ?

Я согласился. Мы отправились по обителямъ. Путь къ нимъ шелъ по деревенскимъ улицамъ, огороженнымъ изгородью изъ еловыхъ бревешекъ, по доскамъ, наложеннымъ по бокамъ, въ родѣ мостковъ. По обѣимъ сторонамъ подобныхъ улицъ почти не было населенія и жилья, кромѣ тѣхъ обителей, которыя мы посѣтили. Улицы эти поросли травой, которая выбивалась изъ щелей между досками мостковъ,—доказательство небольшого движенія людскаго по этимъ деревенскимъ путямъ сообщенія Оленевскихъ келій. Посѣщенные нами обители оказались крайне небогатыми и дѣйствительно заслуживаютъ скорѣе названія келій, чѣмъ обителей. Въ одной изъ нихъ сама «матушка», т. е. настоятельница обители, занималась вмѣстѣ съ своими скитницами стиркою бѣлья, и для показанія намъ своей моельни ее вызвали изъ прачешной. Каждая обитель представляла обширное деревянное жилое помѣщеніе, сдѣланное изъ двухъ или болѣе срубовъ съ крытымъ дворомъ. Въ каждомъ подобномъ жильѣ было по нѣскольку горницъ, чулановъ, клѣткъ, но самое лучшее помѣщеніе отведено было подъ моельню, украшенную множествомъ иконъ. Обительницы этихъ келій были въ обыкновенной крестьянской одеждѣ, небогатой, но чистой и опрятной. Даже явившіяся прямо со стирки имѣли свою одежду въ полномъ порядкѣ, и ничего затрапезнаго въ нихъ не было замѣтно. Эти Оленевскія кельи, остатокъ прежнихъ богатыхъ обителей, очень скудны населеніемъ. Въ одной изъ нихъ, кромѣ матушки, одну поступившей въ скитъ съ малолѣтства, было всего двѣ, три скитницы. Кажется, что столько было въ обители Пальцевыхъ. Повсюду слышалась та же жалоба, что и въ Чернухинскомъ скиту, что среди нынѣшняго женскаго поколѣнія мало охотницъ посвящать себя иноческой жизни въ скитахъ. Въ числѣ видѣнныхъ мною въ Оленевскихъ кельяхъ было нѣсколько молодицъ. Оленевскія обительницы въ одинъ голосъ заявляли, какъ и въ Чернухинскомъ скиту, что подлинникъ Шарпанской иконы не достался Мельникову.

Въ обители Пальцевыхъ я засталъ всѣхъ въ большомъ горѣ. За мѣсяць передъ моимъ посѣщеніемъ, именно 4-го августа 1884 года, изъ моельни, чрезъ окно, выходящее на пустое задворье, выкрали древнія книги, принадлежавшія обители и высоко чтимыя старообрядцами. Въ числѣ выкраденныхъ книгъ были Іосифовскія (т. е. существовавшія до патріарха Никона): апостолъ, Евангеліе, два октоиха, канонъ пятидесятницы, минаея августовская, часословъ, псалтирь (письменный, также Іосифовскій).

— Вамъ слѣдовало подать заявленіе полицейской власти о сдѣланной у васъ покражѣ,—отвѣтилъ я на горькія сѣтованія скитницъ.

— Какъ же,—мы подавали.

— И что же?

— Вотъ цѣлый мѣсяць прошелъ, а нѣтъ никакой вѣсти.

— Кого же вы подозрѣваете?

— Одного парня изъ здѣшнихъ. Не жилъ онъ нѣсколько лѣтъ въ нашихъ мѣстахъ. Недавно вновь появился, затѣмъ случилась у насъ эта бѣда, а потомъ онъ вновь пропалъ безъ слѣда. Мы очень дорожили этими книгами, составлявшими все наше богатство. Недавно, вслѣдствіе нашей крайней нужды, матушка намѣревалась было продать эти старинныя книги, чтимыя въ нашемъ православіи. По меньшей мѣрѣ, намъ заплатили бы за нихъ рублей полтора, а, при нашей бѣдности и тогдашней нуждѣ, эта сумма была бы для насъ цѣлымъ капиталомъ. Но остальные скитницы пристали къ матушкѣ: «не продавай, матушка, вытерпимъ нашу нужду, обойдемся». Убѣдили ее не разставаться съ старинными книгами, а теперь злодѣй лишилъ насъ того, чѣмъ мы такъ дорожили и ради чего сами убивались.

Очевидно, воръ, похитившій Іосифовскія изданія изъ обители Пальцевыхъ, зналъ цѣнность этихъ книгъ, потому что не тронулъ ризъ на иконахъ въ молельнѣ, гдѣ онѣ хранились. На подобныя книги есть постоянный спросъ не только со стороны старообрядцевъ и другихъ раскольниковъ, но и со стороны православныхъ, любителей «святой старины», собирателей ея уцѣлѣвшихъ остатковъ въ свои книгохранилища. На нижегородской ярмаркѣ ежегодно появляются на продажу у тамошнихъ книжниковъ болѣе или менѣе цѣнныя рукописныя и печатныя старинныя книги, хотя число ихъ съ каждымъ годомъ уменьшается. Поэтому въ Нижнемъ Новгородѣ появились даже своего рода искусники въ добываніи старинныхъ книгъ и рукописей для перепродажи ихъ любителямъ. Немало библиотекъ монастырскихъ, церковныхъ, консисторскихъ архивовъ и проч., обобраны подобными искусниками втеченіе послѣднихъ лѣтъ. Мыъ называли въ большомъ приволжскомъ городѣ одного православнаго священника, умѣющаго добывать за дешевыя цѣны книги, особенно чтимыя старовѣрами и раскольниками, и перепродающаго ихъ имъ по цѣнамъ, доставляющимъ ему большіе барыши. Нѣтъ сомнѣнія, что и воръ, похитившій въ обители Пальцевыхъ книги, зналъ, кому ихъ сбыть, въ надеждѣ, что крестьянки-скитницы, живущія въ лѣсномъ захолустѣ Семеновскаго уѣзда, не съумѣютъ преслѣдовать похитителя.

По возвращеніи въ Нижній, я справлялся на ярмаркѣ, чрезъ нѣкоторыхъ любителей нашей старины, не появлялись ли въ продажѣ Іосифовскія книги Пальцевыхъ, но никто о томъ ничего не зналъ. Похитители, очевидно, замели свои слѣды.

III.

«Керженскіе старцы». — Лѣсная глушь. — Дорога по жердямъ. — Всплывшая бревенчатая гать. — «Ульянинъ мостъ». — Кресты и икона на соснахъ по дорогѣ въ Благовѣщенскій монастырь. — Его живописное мѣстоположеніе. — Обращеніе въ единовѣріе. — Первый игумень Тарасій. — Его пытка разбойниками. — Система убѣжденія преосвященнаго Іакова и Мельникова. — Временное запущеніе монастыря. — Рѣка Керженецъ. — Лѣсное богатство.

Я простился съ бѣдными, но радушными оленевскими келейницами, и направился еще болѣе на юго-западъ, на рѣку Керженецъ, въ Керженецкій Благовѣщенскій единовѣрческій мужской монастырь. Туда ведетъ прямая дорога изъ Семенова, но такъ какъ я желалъ побывать въ Чернухинскомъ скиту и въ Оленевскихъ кельяхъ, то и долженъ былъ дѣлать крюки, и, разумѣется, тѣмъ удлинить мой путь къ «керженскимъ старцамъ». Когда я нанималъ лошадей на эту поѣздку и цѣлью ея назвалъ «Оленевскій скитъ» и «Керженецкій мужской монастырь», то моя хозяйка, по видимому, старообрядка, меня поправила и сказала: «Такъ вы направляетесь, батюшка, въ «Оленевскія кельи» и къ «керженскимъ старцамъ». Подобнымъ же образомъ называли тѣхъ и другихъ по всему пути.

Оленевскія кельи со всѣхъ сторонъ окружены лѣсомъ, изъ котораго мы выѣзжали только по приближеніи къ деревнямъ, находившимся на нашемъ пути къ Керженцу, именно къ Малому Оленеву, Сутырю, Козловкѣ. На поляхъ, не смотря на 3-е сентября, овсы стояли еще несжатые, совершенно зеленые. Дожливый, холодный августъ не далъ возможности созрѣть имъ. За Козловкою дорога пошла низменною долиною, болотистою топью, по которой тарантасъ двигался по гати, насланной изъ еловыхъ жердей. По бокамъ этой проселочной дороги видѣлись топи, мѣстами покрытыя водою. Тарантасъ колотился о деревянную постилку. Жерди подпрыгивали подъ колесами экипажа. Ѣхать рысью по нимъ нѣтъ возможности. Подобная топь, мѣстами безъ жердевой настилки, тянулась нѣсколько верстъ. Наконецъ, мы вздохнули полною грудью, когда, оставивъ болотистую низину, вступили въ керженскіе лѣса. Мѣстами песокъ, мѣстами суглинокъ, мѣстами холмы, мѣстами болотистыя топи, характеризовали лѣсную дорогу. Безмолвіе господствовало въ лѣсу. Ни человѣка, ни звѣря, ни птицы мы не видѣли. Только, когда мы подѣзжали уже къ Керженскому монастырю, лай собакъ привѣтствовалъ насъ у мельницы на запруженной рѣкѣ, да изъ избы лѣсника выглянула чья-то голова, слышавъ колокольчикъ нашей тройки.

Не одинъ разъ приходилось по этой дорогѣ намъ переѣзжать черезъ лѣсныя рѣчки, съ болотистымъ берегами, по мостамъ, двига-

впимися подъ экипажемъ, и ширина которыхъ была въ обрѣзъ съ разстояніемъ, занимаемымъ тройкою лошадей. Надобно было любоваться, какъ пристяжныя, безъ всякаго сдерживанія ямщика, тѣснились вплотную къ кореннику, чтобы не оборваться съ моста въ воду или въ топъ. Приближаясь къ плотинѣ у мельницы, тарантасъ нашъ еще издавѣка вѣхалъ на жердевую мостовую, обрамленную съ обѣихъ сторонъ деревьями, кустарниками, болотистою топью. Свернуть, словомъ, некуда, да и дать дорогу встрѣчному нѣтъ мѣста.

— Хорошо еще, — сказалъ я, обращаясь къ ямщику: — что въ этой глуши нѣтъ проѣзжихъ, а то не развѣхались бы. Вѣдь, пожалуй, съ версту ѣдемъ по жердямъ.

— Куда съ версту, болѣе, — отвѣчалъ возница: — а вотъ нынѣшнею весною мы со станovýmъ едва изъ бѣды выпутались на этомъ мѣстечкѣ. Снѣгъ уже повсюду стаялъ, рѣки вскрылись, дороги въ лѣсу просохли, а становому приспичило ѣхать по этому направленію. Ёдемъ мы все похорошему и вѣзжаемъ на эту бревенчатую гать. Вдругъ она поднимается на водѣ, и мы плывемъ. Пристяжныя артачатся. Въ сторону свернуть, значить, уйдти въ воду съ тарантасомъ; поворотить назадъ нельзя. Сталъ я всѣми силами осаживать коренника все назадъ, назадъ, пока не свернулъ тарантаса на твердую почву. Тѣмъ только и спаслись. Натерпѣлись мы страха! Хорошо еще, что жерди тронулись вначалѣ гати, и недалеко пришлось осаживать коренника, а то не знаю, что съ нами было бы.

По нашимъ лѣснымъ проселочнымъ дорогамъ, особенно послѣ сильныхъ дождей, наталкиваешься на разнаго рода приключенія. За недѣлю передъ поѣздкою въ Керженскій монастырь, я, переправившись на паромѣ черезъ рѣку Оку, у села Павлова, направился на тройкѣ проселочною дорогою на станцію Гороховець, нижегородской дороги. Приходилось проѣхать 35 верстъ ночью, чтобы поспѣть на поѣздъ, идущій изъ Москвы въ Нижній Новгородъ. Дорога шла преимущественно лѣсомъ. Передъ тѣмъ, нѣсколько недѣль шли дожди. Вслѣдствіе того, приходилось мѣстами не одну версту ѣхать по водѣ, скопившейся послѣ дождей. Вдругъ въ одномъ мѣстѣ лошади болѣе чѣмъ по колѣни опустили въ воду и съ трудомъ вывели тарантасъ на пригорокъ. Это случилось почти на двадцать-пятой верстѣ отъ берега Оки. Везъ меня самъ хозяинъ тройки и тарантаса, промышляющій издавна извозомъ.

— Неужели отъ дождей накопилось въ этомъ обрывѣ столько воды?

— Это «Ульянинъ мостъ», — отвѣчалъ хозяинъ-ямщикъ: — тутъ самородное болото; вода стоитъ весь годъ. Весною, случается, вода и въ тарантасъ волется. Ничего не подѣлаешь.

— Почему же прозвали это мѣсто «Ульянинымъ мостомъ»? Въ шутку, что ли, что тутъ нѣтъ моста, когда ему дѣйствительно слѣ-

Иконы въ Керженскомъ лѣсу.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Мельниковымъ.

довало быть? Дорога хотя и проселочная, а вонь по ней сколько тянется обозовъ. Мы ѣдемъ ночью, а навстрѣчу то и дѣло попадаются телѣги.

— Это въ Павлово везутъ кладь съ нижегородской чугушки,— замѣтилъ возница:—а почему прозвали «Ульянинимъ мостомъ» этотъ провалъ, не знаю. Обѣзда ему нѣтъ. Раннею весною по этой дорогѣ совсѣмъ прекращается ѣзда.

Проѣзжая Керженскимъ лѣсомъ по направленію къ единовѣрческому монастырю, мы на каждомъ перекресткѣ, гдѣ появлялась новая дорога, встрѣчали восьмиконечные кресты. Но на одномъ перекресткѣ увидѣли мы двѣ сосны, рядомъ стоящія, изъ которыхъ одна была нѣсколько наклонена къ другой. На прямой соснѣ прикрѣплены были двѣ иконы, а на наклоненной—одна икона. И старообрядческіе кресты, и иконы свидѣтельствовали, что не православными установлены на этомъ лѣсномъ пути подобные указатели дороги. Наконецъ, на одномъ поворотѣ, какъ потомъ оказалось, послѣднемъ къ монастырю, я увидѣлъ красный восьми-угольный крестъ, поясное изображеніе какого-то угодника и вытянутую руку, указывавшую направленіе дороги къ обители.

Когда мы подѣзжали къ упомянутой мельницѣ, то сквозь лѣсную чащу мелькнуло обширное водное пространство. Я принялъ его за рѣку Керженецъ, но когда увидѣлъ вмѣсто нея большое озеро, образованное изъ запруженной рѣчки, то убѣдился въ моей ошибкѣ. Увидать издалека Благовѣщенскій монастырь и рѣку Керженецъ мнѣ, всетаки, не удалось, потому что онъ до того окруженъ лѣсомъ, что вдругъ на поворотѣ дороги изъ него путешественникъ видитъ и монастырь, и оказывается почти у его ограды. Мы обѣхали монастырь съ лѣвой стороны по берегу рѣки Керженца. Узкая полоса земли отдѣляетъ ее отъ ограды; мѣстами колеса экипажа двигаются по самому краю обрывистаго берега. Въздъ съ правой стороны, по опушкѣ лѣса, удобнѣе для таранасовъ и вообще для экипажей, ходъ которыхъ шире обыкновенной телѣги.

Мѣстоположеніе монастыря и живописное, и уединенное. По обоимъ берегамъ Керженца находится лѣсъ безъ всякихъ признаковъ жилья. Только для монастырскихъ строеній, съ узкимъ пространствомъ вокругъ ограды, мѣсто очищено изъ-подъ лѣса. Керженецъ, протекая вдоль ограды монастыря, расположеннаго на его правомъ берегу, за монастыремъ круто поворачиваетъ влѣво и скрывается въ лѣсной гущѣ. Подобными извилинами эта рѣка вообще богата и ими обуславливаются ея омуты, отъ которыхъ Керженецъ издавна получилъ прозваніе «омутистаго». Съ крутаго колѣна, гдѣ начинается поворотъ рѣки въ лѣвую сторону, открывается живописный, наилучшій видъ на монастырь, на Керженецъ, на лѣса, обнимающіе собою горизонтъ со всѣхъ сторонъ. Пейзажъ былъ красивъ, поразителенъ при освѣщеніи его сентябрскимъ солн-

**Видъ Керженскаго еднновѣрческаго монастыря.
Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Мельниковымъ.**

цемъ, склонявшимся къ закату, когда повсюду чувствовалось уже приближеніе осени. Можно вообразить себѣ, однако, совершенно другую картину въ этой мѣстности весною или лѣтомъ, при иномъ освѣщеніи, при гнѣніи пернатыхъ обитателей здѣшнихъ лѣсовъ, при наполняющемъ воздухъ ароматѣ лѣсныхъ и луговыхъ травъ. Немало очаровательныхъ видовъ въ дикой, безлюдной мѣстности около монастыря по Керженцу найдеть для себя талантливый художникъ-пейзажистъ.

Подобная уединенная, чарующая мѣстность на рѣкѣ, изобилующей рыбою, естественно могла привлечь сюда послѣдователей раскола, какъ въ семнадцатомъ столѣтіи, такъ и позже, въ восемнадцатомъ, послѣ прекращенія Пятиримова озлобленія. До 1848 года нынѣшній Благовѣщенскій единовѣрческій мужской монастырь былъ раскольниковымъ скитомъ, основаннымъ вначалѣ нынѣшняго столѣтія, судя по разсказамъ старообрядцевъ. Тарасій, первый игуменъ этого единовѣрческаго монастыря (скончавшійся, 10-го августа 1876 года, 89 лѣтъ отъ роду), имѣя 18 лѣтъ отъ роду, пришелъ къ своему учителю Пафнутію, жившему въ этой мѣстности, и съ нимъ вмѣстѣ положилъ основаніе скиту. Обращеніе его къ единовѣрью, въ 1848 году, было однимъ изъ первыхъ сильныхъ ударовъ, нанесенныхъ раскольничьему міру въ Заволжьѣ. Перенесеніе въ новый монастырь въ слѣдующемъ году подлинной или въ копіи иконы Казанской Богородицы, почитаемой въ этомъ мѣстѣ чудотворною святынею, было новымъ ударомъ. Послѣ этихъ двухъ важныхъ для поповщины событій, закрытіе скитовъ, послѣдовавшее черезъ четыре года, было только вопросомъ времени, такъ какъ его ожидали, какъ неизбежнаго послѣдствія тогдашнихъ общихъ мѣропріятій противъ раскола. Въ этихъ двухъ событіяхъ первенствующая роль принадлежала П. И. Мельникову. На послѣднихъ страницахъ своего романа «На Горахъ», Мельниковъ, устами игумена Тарасія¹⁾, приписываетъ обращеніе его къ единовѣрью нижегородскому архіепископу Іакову; но въ послужномъ спискѣ Мельникова сказано, что въ числѣ важнѣйшихъ, данныхъ ему порученій, было обращеніе къ единовѣрью, путемъ убѣжденія, Керженскаго и Осиновскаго раскольниковыхъ скитовъ. Системѣ убѣжденія Мельниковъ придавалъ важное значеніе. Въ своемъ извѣстномъ отчетѣ о современномъ состояніи раскола въ 1854 году, онъ писалъ, что «если бы система, принятая въ отношеніи къ скитамъ преосвященнымъ Іаковомъ въ 1847 году и поведшая, въ 1848 году, къ обращенію къ единовѣрью Керженскаго и Осиновскаго скитовъ, продолжалась еще

¹⁾ См. часть IV, стр. 236, 237 (изд. 1881 г.): «Игуменъ Тарасій подробно разсказалъ петербургскому гостю (чиновнику) о скитахъ Керженскихъ и Чернораменскихъ, о томъ, какъ онъ жилъ, будучи въ расколѣ, и какъ обратился изъ него въ единовѣріе, вслѣдствіе поучительныхъ бесѣдъ съ бывшимъ архіепископомъ Іаковомъ».

полтора года, то весьма вѣроятно, что почти всѣ скиты обратились бы къ единовѣрью». Трудно теперь рѣшить, въ какой степени П. И. Мельниковъ былъ правъ въ этомъ отношеніи и не заблуждался ли онъ на примѣрѣ двухъ скитовъ, успѣшно обращенныхъ къ единовѣрью. Старообрядцы въ селѣ Городцѣ (на Волгѣ, Балахнинскаго уѣзда), при моемъ разговорѣ съ ними о П. И. Мельниковѣ, признавая за нимъ немалыя достоинства, знанія его и начитанность, съ усмѣшкою, однако, отзывались, что «онъ неоднократно бывалъ въ Городцѣ для увѣщанія тамошнихъ старообрядцевъ къ переходу въ единовѣрїе, но что всѣ эти попытки его не имѣли никакого успѣха». Посвѣщенія эти Городца П. И. Мельниковымъ происходили въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ, во время его дѣятельности по раскольничьимъ дѣламъ по нижегородскому Заволжью.

Но въ настоящее время въ Керженскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ, учрежденію котораго много способствовала П. И. Мельниковъ, о немъ почти забыли. Какими-то неясными, смутными понятіями отвѣчаютъ вамъ на вопросы о Мельниковѣ, котораго любилъ и уважалъ первый игумень монастыря, Тарасій, называвшій его не иначе, какъ «кастикъ мой, златоустный». Монастырь обстроился и разбогатѣлъ при первыхъ двухъ его настоятеляхъ, Тарасіи и преемникѣ его, Евгеніи, скончавшемся, въ 1879 году, 81 года отъ роду. Послѣ нихъ были два настоятеля, которые привели обитель въ упадокъ. Особенно при одномъ изъ нихъ, высланномъ на жительство въ другой монастырь, завелись въ обители пьянство, безчинство, примѣръ чему подалъ самъ настоятель, такъ что даже явились въ монастырь для слѣдствія духовныя и мірскія власти изъ города Семенова и села Хохоль (гдѣ волостное правленіе): монастырь пришелъ въ упадокъ, и прекратились въ него пожертвованія, прежде изобильно притекавшія со стороны единовѣрцевъ. Нѣкоторые изъ братіи, по поводу этихъ безпорядковъ покинули монастырь. При означенныхъ же двухъ настоятеляхъ, Благовѣщенскій монастырь постигла новая бѣда. Отъ него отняли заливные луга по Керженцу, на протяженіи десяти верстъ, которыми монастырь безпрепятственно владѣлъ до того впродолженіе двадцати лѣтъ. Очень возможно, что, при настоятеляхъ инаго нравственнаго пошиба, Благовѣщенскій монастырь и отстаивалъ бы свое право на означенные луга.

Память о первомъ игуменѣ монастыря, Тарасіи, умершемъ въ санѣ архимандрита, съ почтеніемъ сохраняется въ монастырѣ. Онъ, равно и его преемникъ, Евгеній, похоронены въ монастырѣ, съ наружной стороны Троицкаго собора, у алтаря. При открытіи единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ, въ 1866 году, архимандриту Тарасію предложили быть его настоятелемъ, но онъ отказался отъ подобнаго повышенія, не смотря на продолжительныя, убѣдительныя просьбы. «Семьдесятъ лѣтъ прожилъ я на Керженцѣ, — ска-

залъ почтенный старецъ,—тамъ же и умру. Нѣтъ инаго мѣста для меня». Въ первые годы своего игуменства въ единовѣрческомъ монастырѣ, Тарасій однажды подвергся нападенію разбойниковъ, которые ворвались въ обитель. Злодѣи стали пытать его, мучить, жгли пятки, чтобы вывѣдать, гдѣ хранится монастырская казна. Тарасій полагалъ, что пришелъ его конецъ. Вдругъ раздался звонъ колокольчика. Оказалось, что случайно проѣзжаетъ мимо монастыря исправникъ. Разбойники, услыжавъ колокольчикъ, бросили игумена и бѣжали. Тарасій былъ спасенъ.

При моемъ посѣщеніи, настоятелемъ въ Благовѣщенскомъ единовѣрческомъ монастырѣ былъ игуменъ Варсоноѣй, почтенный старецъ. Онъ игуменомъ уже три года, а настоятелемъ—два. Не смотря на болѣзнь свою, онъ принималъ насъ радушно въ своемъ крайне скромномъ, можно сказать, даже бѣдномъ помѣщеніи. На наши просьбы не беспокоить себя, игуменъ настоялъ на томъ, чтобы угостить насъ чаемъ, а потомъ ухомъ изъ свѣжей керженской рыбы и медомъ изъ монастырскаго пчельника. Онъ просилъ остаться и переночевать въ монастырѣ, чтобы отдохнуть отъ нелегкой лѣсной дороги, но мы должны были отказаться отъ подобнаго гостепріимства, потому что иначе уже распорядились своимъ временемъ. Угощалъ насъ его послушникъ, наливавшій каждый стаканъ чая со словами: «Господи, Іисусе, благослови!», а игуменъ, перемогая свое лихорадочное состояніе, только сидѣлъ съ нами за однимъ столомъ. Былъ понедѣльникъ, а въ этотъ день, по монастырскому уставу, рыбныхъ яствъ инокамъ не разрѣшено.

Монастырь этотъ общежительный; въ немъ нынѣ живутъ 25 инокъ. Въ немъ три церкви: Троицкій каменный соборъ, богато внутри изукрашенный, съ многояруснымъ иконостасомъ, свѣтлый, обилующій иконами, въ числѣ которыхъ находится и икона Казанской Богородицы (шарпанская); церковь св. Благовѣщенія, деревянная, и церковь св. Зосимы и Савватія, бревенчатая. Изъ всѣхъ этихъ церквей самая древняя—Благовѣщенская, такъ какъ и монастырь называется Благовѣщенскимъ. Въ каждой церкви имѣется по нѣсколько престоловъ. Встрѣча въ лѣсномъ захолустьѣ подобнаго храма, какъ Троицкій соборъ въ монастырѣ, производитъ благоприятное впечатлѣніе.

Рѣка Керженецъ не судоходна, но по ней весною очень много сплавливаютъ плотовъ съ лѣсомъ, заготавливаемымъ по ея берегамъ. Рѣка вообще протекаетъ среди густыхъ лѣсовъ. Въ 1884 году, сплавъ былъ не такъ удаченъ, потому что на монастырской землѣ осталось до 150 плотовъ, захваченныхъ спадомъ воды. Разливъ Керженца бываетъ сильный, но въ сентябрѣ, при насъ, у самаго монастыря былъ бродъ, по которому съ одного берега на другой свободно переходили деревенскія женщины, имѣя воду гораздо ниже колѣнъ. Бабы ходили въ лѣса на правомъ берегу за ягодами и воз-

вращались къ себѣ домой, на лѣвый берегъ. На Керженцѣ, въ десяти верстахъ отъ монастыря, находится водяная мельница, составляющая его собственность. Въ Керженцѣ и Линдѣ вода чище остальныхъ рѣкъ Семеновскаго уѣзда, берущихъ свое начало въ болотахъ, и потому отличающихся мутною водою.

Единобѣрескій архимандритъ Тарасій.

Съ фотографіи.

Солнце уже садилось, когда мы выѣхали въ обратный путь изъ Керженскаго Благовѣщенскаго монастыря. Проѣхавъ еще засвѣтло плотину съ бревенчатою гатью около мельницы, мы направились въ Семеновъ по другой дорогѣ, короче прежней, когда заѣзжали въ Чернухинскій скитъ и въ Оленевскія кельи. Всю эту дорогу, около двадцати пяти верстъ, мы проѣхали почти сплошнымъ лѣсомъ, не встрѣтивъ на пути ни одного жилья до Семенова. Вообще около

Керженца и далѣ нѣтъ ни одного жилья; лѣса въ этой мѣстности еще мало тронуты. На протяженіи десятковъ верстъ встрѣчается только лѣсъ, сливающійся съ ветлужскими лѣсами. Съ такъ называемымъ Керженскимъ лѣсомъ сливаются лѣса Лыковскій и Поломскій—Семеновскаго уѣзда, Каменскій и Дорогучинскій—Макарьевскаго. Въ этихъ лѣсахъ въ прежніе годы укрывались пустынники, въ вырытыхъ ими землянкахъ или въ небольшихъ срубяхъ. На обратномъ пути, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ монастыря, мы увидели двухъ лѣсныхъ стражниковъ, съ дубинками, въ теплыхъ армякахъ, обходившихъ порученные ихъ осмотру участки лѣса. Болѣе мы не встрѣтили до самаго города Семенова никого, ни пѣшаго, ни коннаго. Мы ѣхали по какой-то лѣсной пустынѣ. Глушь мѣстами была поразительна. Въ лѣсу было до того темно, что намъ не видать было спины ямщика. Поэтому неудивительно, что на одномъ косогорѣ колеса тарантаса попали въ промоину, и онъ опрокинулся. Желая осмотрѣть, не выпали ли наши вещи изъ тарантаса, когда мы его поднимали, мы зажгли шведскую спичку. Она горѣла ровно, пламя нисколько не колыхалось: до того лѣсъ былъ густъ въ этомъ мѣстѣ на узкомъ проселкѣ, между тѣмъ какъ передъ тѣмъ, въ одномъ перелѣскѣ, мы ощутили вліяніе сильнаго вѣтра, подушлага послѣ заката солнца.

Въ Семеновскомъ уѣздѣ считается всего пространства 540,000 десятинъ, изъ которыхъ двѣ трети, около 350,000 десятинъ, находятся подъ лѣсомъ. Крупное частное лѣсное землевладѣніе принадлежитъ за Волгою, между прочимъ, Петру Павловичу Дурново. Ему принадлежатъ въ Семеновскомъ и Балахнинскомъ уѣздахъ до 100,000 десятинъ лѣса. Въ Семеновскомъ его лѣса начинаются за 18 верстъ отъ села Боръ и проникаютъ въ глубь уѣзда на 45 верстъ. Земли же, годной для хлѣбопашества, суглинистой и супесчаной, оказывается въ уѣздѣ не болѣе 30,000 десятинъ. Средина уѣзда изобилуетъ обширными торфяными болотами, покрытыми лѣсами и кустарниками; многія болота непроходимы. Помѣщикамъ въ этомъ уѣздѣ принадлежитъ только 97,000 десятинъ земли, такъ что Семеновскій уѣздъ надобно назвать попреимуществу крестьянскимъ. Въ прошломъ столѣтіи этотъ уѣздъ былъ покрытъ сплошнымъ лѣсомъ, окружавшимъ, еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, со всѣхъ сторонъ, вплоть Семеновъ, который и называли поэтому «лѣснымъ» городомъ. Въ 1760 году, страшная буря въ одинъ день истребила до 25,000 десятинъ лѣса, но, повидимому, не повліяла этимъ опустошеніемъ на обезлѣсеніе уѣзда.

IV.

Городъ Семеновъ.—Мать Эсѣирь.—Безплодіе почвы въ Семеновскомъ уѣздѣ.—Кустарные промыслы.—Важеное производство.—Кантаурово.—Неклюдово.—Деревянная церковь.—«Дикіе».—Лестовки.—Ложкарный промыслъ.—Раздѣленіе труда.—Притѣсненіе скупщиковъ.—Закрѣпощеніе ими одной деревни.—Самоучка-рисовальщица.—Новаго рода заработокъ для женщинъ.—Необходимость рисовальнаго класса.—Поддержка кустарей.—Отпускъ имъ лѣса на льготныхъ условіяхъ.

«Зима поклонъ прислала», — сказала мнѣ на другой день, 4-го сентября утромъ, моя хозяйка, когда оказалось, что ночью былъ морозъ въ нѣсколько градусовъ, и чистый только-что выпавшій снѣгъ покрывалъ крыши домовъ и улицу въ подгородней Хвостиковской слободѣ¹⁾, гдѣ я жилъ. Городъ Семеновъ подвергся, какъ извѣстно, лѣтомъ 1883 года, опустошительному пожару и осенью 1884 года только еще отстроивался. Тогда сгорѣло въ Семеновѣ 270 домовъ. Остатки пожараща еще виднѣлись обширными пустырями. Много сгорѣло домовъ, еще болѣе всякаго добра и товара, такъ какъ въ городѣ не хватило лошадей, чтобы вывезти то и другое въ безопасное мѣсто. Напримѣръ, у одного жителя, съ которымъ я познакомился, сгорѣло въ это бѣдствіе деревянныхъ ложекъ на 4,000 рублей, скупленныхъ имъ на базарныхъ дняхъ у крестьянъ. Семеновъ основанъ раскольниками въ семнадцатомъ столѣтіи. Эта тогдашняя деревня была окружена непроходимыми лѣсами. Около 1717 года, съ постройкою въ ней церкви Срѣтенія, она стала селомъ.

Въ Семеновѣ, послѣ разоренія скитовъ въ 1853 году, поселились тѣ скитницы, которыя приписаны были къ этому городу, къ купеческому или мѣщанскому его сословіямъ. Самыми замѣчательными изъ нихъ были матери Эсѣирь и Маргарита (Манева). Бывшая настоятельница Анеисиной обители, Маргарита, о которой я говорилъ при посѣщеніи Оленевскихъ келій, умерла лѣтъ за десять до моего пріѣзда въ Семеновъ. Мать Эсѣирь, если не ошибаюсь, изъ Андрониковской обители, скончалась значительно позже Маргариты, но я также не засталъ ее въ живыхъ. По рассказамъ православныхъ и старообрядцевъ, мать Эсѣирь пользовалась, и по заслугамъ, общимъ уваженіемъ. Обитель ея была подлѣ дома, въ которомъ жилъ мѣстный исправникъ до пожара 1883 года. Каждый нижегородскій губернаторъ, при посѣщеніи города Семенова, считалъ какъ бы обязанностью побывать у матери Эсѣири, чтѣ еще болѣе возвышало ея

¹⁾ Къ Семенову прилегаютъ расположенныя на городской землѣ слободы: Старая и Новая Солдатскія, Пуреховская съ Пуреховскимъ скитомъ, вторая Пуреховская. Съ первою Пуреховскою слободою сливаются, какъ бы въ одно селеніе, деревни Хвостикова и Дьякова.

значеніе въ глазахъ старообрядцевъ. Она принадлежала къ тайному священству, или бѣглопоповщинѣ, пользующейся услугами православныхъ священниковъ, перешедшихъ въ старообрядчество. Величественная осанка, живой, огненный взоръ, повелительное выраженіе лица, были характерными особенностями этой женщины, обладавшей необыкновенными умственными способностями, умудренной опытомъ жизни, проведенной среди немалыхъ затрудненій и бѣдствій, обрушивавшихся на старообрядцевъ Заволжья. Вѣсѣды съ матерью Эсеирью, по словамъ знавшихъ ее, были очень назидательны и оставляли по себѣ сильное впечатлѣніе, особенно на умы единовѣрныхъ съ нею. Въ послѣдніе годы жизни своей, престарѣлая, болѣзненная Эсеирь не всѣхъ допускала къ себѣ по причинѣ своей немощи, хотя число желающихъ видѣть и слышать ее не только не умалилось, но возросло. Послѣ переселенія своего въ Семеновъ, матери Эсеирь, Маргарита и другія, со своими скитницами, занимались преимущественно обученіемъ и воспитаніемъ подросткающаго женскаго поколѣнія изъ мѣстныхъ мѣщанъ и окрестныхъ крестьянъ. Подобныя выдающіяся личности женскаго старообрядческаго міра, какъ Эсеирь и Маргарита, были, повидимому, послѣдними представительницами его въ Заволжьѣ. По крайней мѣрѣ, мнѣ не удалось ни видѣть другихъ, имъ подобныхъ, ни слышать о нихъ, а между тѣмъ, по нѣкоторымъ даннымъ, имѣю своего рода основаніе полагать, что если бы онѣ существовали, то говоръ о нихъ непременно дошелъ бы до меня лѣтомъ 1884 года.

Удобной для земледѣлія земли въ Семеновскомъ уѣздѣ немного. Почва, по большей части, холодная, иловатая, глинистая, суглинистая, мѣстами супесчаная и песчаная. Верхній слой повсюду покрытъ неглубокимъ суглинкомъ и мѣстами черноземомъ. Почва эта требуетъ для возростанія хлѣбовъ унавоживанія. Въ сѣверной части уѣзда находится красный мергель, или «вапа», употребляемая для окрашиванія посуды. Въ Хвостиковской волости, напримѣръ, глинистая почва требуетъ ежегоднаго удобренія, между тѣмъ какъ въ сосѣдней Шалдежской, къ сѣверу отъ Семенова, землю можно унавоживать разъ въ три года, и урожай бываютъ лучше, чѣмъ у крестьянъ Хвостиковской волости. Душевой надѣлъ различенъ. Въ Хвостиковской волости въ двухъ селеніяхъ приходится по 10 десятинъ на надѣлъ, а въ другихъ по три и до семи десятинъ. Почти всѣ крестьяне занимаются хлѣбопашествомъ, но такъ какъ собственнаго хлѣба у большинства достаетъ только до Рождества (напримѣръ, даже въ 1883 году, когда урожай ржи былъ даже лучше хорошаго ея сбора въ 1884 году), то они и прибѣгаютъ къ разнаго рода кустарнымъ промысламъ, изъ которыхъ иные не даютъ уже прежняго заработка крестьянамъ, а потому ими и оставляются. Такъ, напримѣръ, нѣкогда процвѣтавшее гвоздарное производство въ селѣ Боръ и въ ближайшихъ деревняхъ, вдоль

бездѣснаго пространства по берегу Волги въ Семеновскомъ уѣздѣ, нынѣ почти прекратилось. Машинное производство гвоздей убило ручное кустарное ихъ производство. Въ означенныхъ селеніяхъ готовятъ еще якоря и мѣстами большіе гвозди, употребляемые для постройки большихъ рѣчныхъ судовъ. Точно такая же участь постигаетъ въ Семеновскомъ уѣздѣ валеное производство, или пригото-

Керженскій монахъ.

Съ рисунка съ натуры А. П. Мельникова.

влёніе по деревнямъ валеной обуви, кошмъ, полостей, войлоковъ. Лѣтъ десять, двѣнадцать тому назадъ, этотъ кустарный промыселъ былъ главнымъ подспорьемъ крестьянъ болѣе чѣмъ въ сотнѣ селеніяхъ Семеновскаго уѣзда. Этимъ заработкомъ они пополняли недоборъ со своей земли хлѣба для своего продовольствія и для уплаты слѣдующихъ съ нихъ повинностей. Центромъ валенаго производства въ Семеновскомъ Заволжьѣ оказывается село Кантау-

рово, живописно расположенное на высокомъ берегу рѣки Линды, близъ впаденія въ нее рѣки Санды. Поэтому и заводскихъ валяльщиковъ называютъ часто «кантауровцами». Кантаурово лежитъ на вятскомъ трактатѣ, проходящемъ изъ Нижняго Новгорода на Семеновъ, въ двадцати верстахъ отъ перваго города. Линда течетъ въ крутыхъ, живописныхъ берегахъ. Черезъ Линду у Кантаурова устроены мосты на сваяхъ. Церковь каменная красуется на высокомъ берегу рѣки. Въ этомъ селѣ разъ въ недѣлю бываютъ большіе базары, почему въ немъ есть трактиръ и нѣсколько лавокъ. Между деревней Кононовою (гдѣ находится волостное правленіе) и селомъ Кантауровымъ, по дорогѣ отъ лѣваго берега Волги находится небольшое селеніе Неклюдово съ старинною деревянною церковью, съ восьмиконечными крестами, оригинальной постройки, обнесенной каменною оградой. Подлѣ Неклюдова обгорѣлая мукомольня Блинова, на которой былъ сильный пожаръ лѣтомъ 1883 года. Эта мельница окружена многими богатыми пристройками. Передъ селомъ Кантауровомъ, на самой дорогѣ, расположены четыре или пять богатыхъ сельскихъ домовъ, разрисованныхъ разными красками, съ обширными высокими подклѣтами, такъ что они являются скорѣе купеческимъ, а не крестьянскимъ жильемъ. Въ нихъ живутъ главные торговцы теплымъ товаромъ, скупающіе у крестьянъ валенныя произведенія и дающіе имъ матеріалъ для этого промысла.

Въ Неклюдовѣ эта деревенская церковь построена въ 1797 г. Она предназначалась для старообрядцевъ, но на подобную ея цѣль не послѣдовало правительственнаго разрѣшенія. Въ ней происходило поэтому богослуженіе по обрядамъ православной церкви. Въ 1856—1858 годахъ Неклюдовская церковь была предоставлена единовѣрцамъ, но затѣмъ въ ней вновь было восстановлено православное богослуженіе. Всѣ иконы въ этой церкви писаны старообрядческимъ пошибомъ. Поповщина и безпоповщина питаютъ особое уваженіе къ находящимся въ церкви иконамъ Спасителя и Николая Чудотворца. Хотя неклюдовская церковь строилась въ концѣ XVIII вѣка, однако, къ ней примѣнены были до-петровскія преданія, а именно крыша на церкви сдѣлана въ четыре ската, а колокольня сооружена шатровою. Эта деревянная церковь едва не сгорѣла въ 1883 году, при пожарѣ блиновской обоярной мельницы. Въ мѣстности сельца Неклюдова почти нѣтъ раскольниковъ, но жители ея отличаются своеобразными особенностями. По словамъ одного знатока Нижегородской губерніи, эти жители какіе-то «дикіе». Такъ обряды крещенія, брака, они почитаютъ и совершаютъ согласно уставу православной церкви, но храмы божіи не посѣщаютъ и священниковъ не признаютъ. Неклюдово—одно изъ древнихъ поселеній Нижегородской губерніи. Изъ историческихъ актовъ видно, что оно уже было извѣстно, когда вблизи находился Толоконцевскій монастырь, нынѣ уже не существующій.

Въ городѣ Семеновѣ и въ селеніяхъ ближайшихъ къ нему волостей, Шалдежской и Хвостиковской, главнымъ кустарнымъ промысломъ считается ложкарьство, или приготовленіе домашней ложки. Можно полагать, что ложекъ готовится въ этой мѣстности до 5.000,000 штукъ, какъ заказываемыхъ скупщиками, такъ и приобретаемыхъ ими отъ кустарей на базарахъ въ Семеновѣ¹⁾. Главными скупщиками оказываются купцы Носовы, приобретающіе отъ одного до двухъ милліоновъ ложекъ. Сверхъ того, въ одномъ Семеновѣ изготовляются кожаныя лестовки не только на весь старообрядческій и раскольничій міръ Россіи, но и для отправки въ Австрію и на Балканскій полуостровъ, къ тамошнимъ старообрядцамъ. Смотря по матеріалу, изъ котораго лестовка приготовлена, и цѣна ей бываетъ отъ 3 копѣекъ до 3 рублей за штуку. Лестовки—отличный вѣшній признакъ раскола. Лестовки употребляются вмѣсто четокъ при молитвахъ. На каждой лестовкѣ находится по 100 зеренъ. Кланяться, на примѣръ, три лестовки—значитъ сдѣлать триста земныхъ поклоновъ. Въ Семеновѣ около 30 человекъ занимаются изготовленіемъ лестовокъ на сумму до 20,000 руб. Семеновцы славились также издавна необыкновенною точностью изготовляемыхъ ими коромысловъ для вѣсовъ, которые и клеймились въ ихъ городѣ. Теперь и этотъ промыселъ упалъ.

Ложкарьствомъ, кромѣ Семенова, занимаются около шестидесяти деревень и сельскихъ волостей его уѣзда, изъ которыхъ селенія наиболѣе отдаленныя отъ уѣзднаго города—это Никитино, при рѣкѣ Керженцѣ, въ 30 верстахъ, деревня Лазаревка при рѣчкахъ Кезѣ и Лазаревкѣ, въ 24 верстахъ, Шалдежь, при рѣчкѣ того же имени, въ 20 верстахъ и т. д. Приготовленіе ложки раздѣлено: выдѣлкою ея вчернѣ занимаются крестьяне селеній Шалдежской и Хвостиковской волостей, а отдѣлкою ложки начисто жители Семенова и крестьяне деревни Дьяковой, лежащей въ двухъ верстахъ отъ этого города при рѣкѣ Смородинѣ.

Изъ куска дерева, длиною отъ 3¹/₂ до 5¹/₂ вершковъ, толщиною въ одинъ вершокъ и шириною въ два вершка, отпиленного отъ плахи, топоромъ выдѣлывается грубая форма ложки, которая затѣмъ тесломъ выдалбливается. Подобный кусокъ дерева называется баклушкою. Затѣмъ отдѣлывается черенокъ у ложки, а самая ложка острагивается, округляется и окрашивается. Подготовленіемъ баклушъ преимущественно занимаются дѣти, восьми и девяти лѣтъ. Для выдалбливанія ложки она вкладывается затылкомъ широко-округленного конца въ особое углубленіе, сдѣланное въ чурбанѣ въ видѣ чашечки. Тесломъ работникъ долбитъ широкой ко-

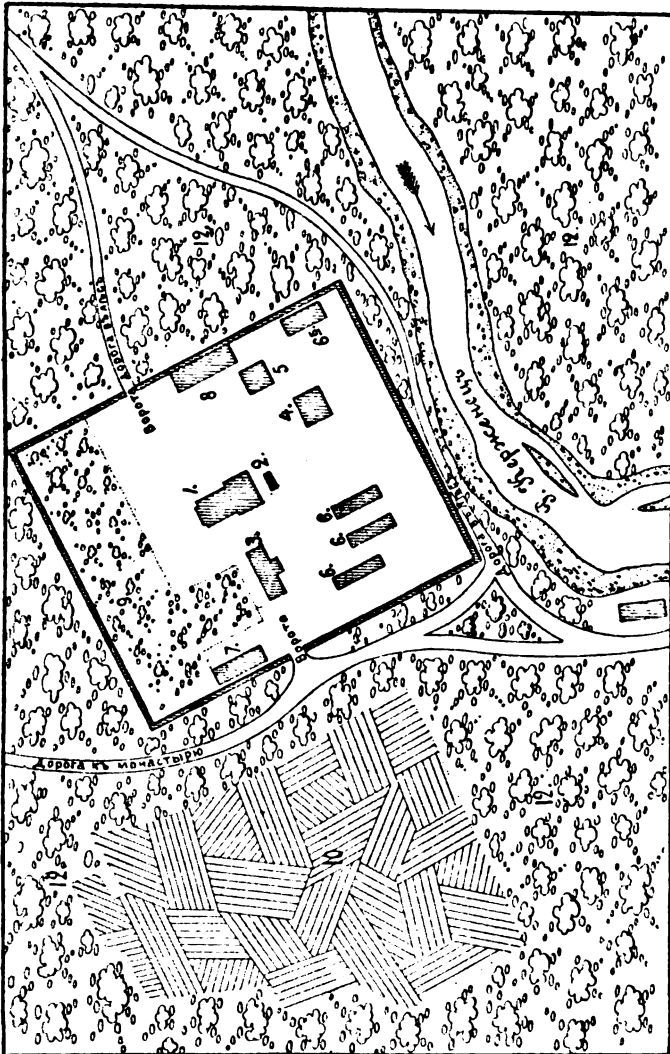
¹⁾ По словамъ протоіерея Борисовскаго, сдѣлавшаго лучшее описаніе ложкарнаго промысла («Труды кустарной комиссіи», выпускъ II, 1879 г.), въ Семеновскомъ уѣздѣ ложекъ всего готовится до 35.000,000 штукъ.

нець баклушки и даетъ видъ ложки. Эту вторую работу надъ ложкою выполняютъ также дѣти, отъ десяти до шестнадцати лѣтъ. Баклушекъ обтесываетъ одинъ рабочій въ день отъ 70 до 100 и болѣе штукъ, а выдалбливаетъ отъ 100 до 150 и болѣе. Выдолбленная баклушка переходитъ къ опытному рабочему, преимущественно домохозяину, который рѣзцомъ выскабливаетъ, выстрагиваетъ внутреннюю сторону ложки, а потомъ ножомъ равняетъ и обрѣзываетъ края ложки, округляетъ черенокъ и коковку, или же, вмѣсто послѣдней, вырѣзываетъ двуперстное сложение, вслѣдствіе чего подобныя ложки называются крестовыми и покупаются раскольниковыми. Послѣ этого третьяго приѣма, ложка переходитъ къ женщинѣ, которая скоблитъ ложку ножомъ съ затылка и уничтожаетъ на ней всѣ шероховатости. Иногда эту четвертую работу довершаетъ домохозяинъ. Въ избѣ рабочіе располагаются передъ окнами такимъ образомъ, что первымъ съ правой стороны сидитъ изготовляющій баклуши, затѣмъ выдалбливающій ложку и, наконецъ, обтачивающіе ее окончательно рѣзцомъ и ножомъ. Съ правой стороны у каждаго лежитъ товаръ или матеріалъ, который онъ долженъ обработать, а съ лѣвой оконченный имъ по своей специальности трудъ. При всей этой обработкѣ куска дерева въ ложку употребляются ложкаремъ слѣдующіе инструменты: топоръ небольшого размѣра, тесло или долото, ножъ и рѣзецъ.

По окончательномъ оскобленіи ложки, въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ домахъ она поступаетъ къ молодымъ дѣвицамъ, по большей части, дочерямъ домохозяевъ. Онѣ рисуютъ на ложкахъ клеевыми красками грубыя изображенія цвѣтовъ, домовъ, птицъ и проч., по своему вдохновенію. Сверхъ того, за плату по 20 коп. съ тысячи ложекъ, дѣвушки же наводятъ на нихъ струю на подобіе рябиноваго дерева. Для такой разрисовки употребляется мумія, разведенная на квасѣ. Подобная ложка называется «хлыстовкою».

Изготовивъ въ продолженіе недѣли ложки, ложкарь, не работающій на скупщика, складываетъ свой товаръ въ дощанки (родъ корзинки изъ тонкихъ дощечекъ), по 500 и 1,000 штукъ и отправляется въ четвергъ на ложкарную площадь въ Семеновѣ. Являются покупатели-скупщики, и притѣсняють, сколько возможно, ложкаря, что для нихъ весьма возможно, потому что предложеніе на продажу велико, а число покупателей-скупщиковъ очень ограничено. Купленные ложки поступаютъ въ складъ скупщика, который сдаетъ ихъ въ упомянутую выше деревню Дьяково, жители которой, за условленную заранѣе цѣну, занимаются обтачиваніемъ коковокъ, округленіемъ черенковъ и нарѣзкою рубчиковъ. Недавно двое изъ дьяковскихъ токарей переселились въ Семеновъ, записались въ мѣщане и перенесли обточку и завивку черенковъ въ этотъ городъ, а то работа эта составляла исключительную специальность деревни Дьяковой. Опытный токарь обтачиваетъ и за-

Вывасть въ день до 3,000 березовыхъ ложекъ, до 1,500 осиновыхъ и ольховыхъ и не болѣе 800 пальныхъ и кленовыхъ. За первыя онѣ получаютъ по 18 до 20 коп. съ тысячи, за послѣднія же по 60 до 70 коп., на своихъ харчахъ. Обыкновенно вся семья, начи-

Планъ Керженскаго монастыря.

1. Главная церковь. — 2. Могилы основателя о. Тарася. — 3. Келья настоятеля. — 4. Деревянная церковь, выстроенная о. Тарасіемъ. — 5. Небольшая каменная церковь. — 6. Келья монаховъ. — 6'. Помѣщеніе церковнаго причта. — 7. Службы. — 8. Сарай. — 9. Ягодный и фруктовый садъ. — 10. Огородъ и пашня. — 11. Карпичный сарай. — 12. Керженскій хѣсъ.

ная съ девятилѣтнихъ дѣтей, участвуетъ въ приготовленіи, obtачиванія и завивкѣ ложекъ и только при этомъ условіи обезпечиваетъ себѣ пропитаніе. Но въ деревнѣ Дьяковѣ я встрѣтился съ особымъ проявленіемъ крѣпостничества въ кустарномъ промыслѣ. Такъ какъ ложки, для obtочки и завивки, отдаются скупщикамъ,

и слѣдовательно кустари зависятъ отъ ихъ желанія—предоставить имъ работу, или не дать ея, то скупщики стали обуславливать получение заказа исполненіемъ, и притомъ бесплатнымъ, крестьянами Дьяковой разныхъ для нихъ работъ. Напримѣръ, скупщикъ требуетъ, чтобы крестьяне ему вывезли снѣгъ со двора, топили бы баню и проч., словомъ оказывали бы бесплатно всякаго рода услуги. Нежеланіе исполнять подобную барщину влечетъ за собою передачу обтачиванія и завиванія ложекъ другому мастеру. Близость деревни Дьяковой къ Семенову, всего двѣ версты разстоянія, много содѣйствовала подобному закрѣпощенію ея крестьянъ городскими скупщиками. И крестьяне жалуются, и мѣстныя власти указываютъ на подобное ненормальное положеніе свободныхъ людей, но сила капитала не уступаетъ всѣмъ этимъ сѣтованіямъ.

Получивъ изъ Дьяковой обточенные ложки, скупщики сдаютъ ихъ въ окраску. Этимъ дѣломъ занимаются почти исключительно въ Семеновѣ и притомъ преимущественно женщины, хотя въ одной большой мастерской, въ новомъ каменномъ домѣ, при мнѣ вмѣстѣ съ женщиною-хозяйкою работали и мужчины. Окраска ложекъ производится въ четыре приѣма. Прежде всего ложку натираютъ сухимъ толченымъ мѣломъ, смѣшаннымъ съ лучшаго сорта пшеничною мукою; затѣмъ ложку натираютъ «баландою» или сырымъ клейстеромъ изъ той же муки, смѣшаннымъ съ варенымъ льнянымъ масломъ. Эта работа называется «левкаскою». Послѣ левкаски ложки укладываются на лотки, по четыреста штукъ и болѣе на каждый, и ставятся на грядки вдоль печи для просушки. Ложка, покрытая однажды левкасомъ, принимаетъ только сѣроватый видъ, а потому ложка вторично покрывается составомъ изъ клейстера и масла, и вторично ставится на печь на грядки. Затѣмъ чрезъ нѣсколько часовъ ложки натираются въ третій и четвертый разъ однимъ масломъ и олифою безъ клейстера. Послѣ четвертаго раза ложки устанавливаются вверхъ черенками въ особо устроенныхъ продолговатыхъ коробахъ въ жарко-истопленную печь. Ложки послѣ этого нагрѣванія зарумяниваются или поджариваются, почему и операція называется «поджаркою». Такимъ образомъ приготовленная ложка, пройдя десять рукъ, поступаетъ наконецъ въ продажу.

Воздухъ въ этихъ красильняхъ спертый, удушливый, пропитанный запахомъ варенаго масла и олифы. Красильщица садится за станокъ съ засученными выше логтей рукавами и натираетъ ложки ладонями. Привычныя руки ея быстро работаютъ, и ложки одна за другою мелькаютъ передъ вашими глазами и изъ одного лотка поступаютъ въ другой. На своихъ харчахъ и на своей олифѣ, красильщица получаетъ отъ 1 р. 30 до 1 р. 50 к. за тысячу ложекъ. На своихъ харчахъ, но на олифѣ торговца, красильщица получаетъ по 20 к. съ тысячи, и если самая быстрая работ-

ница успѣть, въ 19 часовъ работы, окрасить 1,500 штукъ, то заработаетъ 30 коп. За суповыя ложки платять за окраску по 6 к. за сотню, но ихъ работница можетъ окрасить въ день не болѣе 500 штукъ, слѣдовательно получить тѣ же 30 к. Печь надобно нагрѣвать съ умѣлою сноровкою, а именно, чтобы въ ней втеченіе всего дня держать ровное тепло. Точно также олифу варять умѣлые люди не менѣе 30 недѣль, а неумѣлые, или при неудачѣ, и весь годъ. Поэтому пудъ олифы продается не дешевле 10 рубл., а подобная цѣна недоступна для кустарей. Дороговизна олифы и сосредоточила окраску ложекъ въ рукахъ скупщиковъ.

Ложки приготовляются изъ разныхъ древесныхъ породъ, березы, осины, ольхи, рябины, клена, пальмы. Кленъ привозится преимущественно изъ-подъ Самары, изъ селеній, расположенныхъ въ Жегулевскихъ горахъ, а также изъ Смоленской и Казанской губерній. Пальма покупается на нижегородской ярмаркѣ. По дороговизнѣ этихъ двухъ древесныхъ породъ, онѣ доступны только скупщикамъ, которые, доставляя матеріалъ ложкарямъ, даютъ имъ и заказъ. Лучшая осиновая баклуша привозится въ Семеновъ изъ Варнавинскаго и Макарьевскаго уѣздовъ Костромской губерніи. Береза получается изъ семеновскихъ лѣсовъ, а также отчасти рябина и ольха. Изъ березы приготовляются самыя дешевыя ложки. Береза, осина, ольха, рябина поступаютъ въ работу совершенно свѣжими, невысохшими, но кленъ и пальму, какъ привозимые издалека, распариваютъ сперва въ котлѣ въ печкѣ, а потомъ опускаютъ въ холодную воду и затѣмъ уже выдѣлываютъ изъ нихъ ложки. Кленовыя и пальмовыя ложки изготовляются гораздо медленнѣе, чѣмъ изъ другихъ деревъ, и за нихъ заказчики платять ложкарямъ за одну работу по 7 до 8 рублей съ тысячи кленовыхъ ложекъ. Въ Семеновскомъ уѣздѣ выдѣлывается десять сортовъ ложекъ: межеумокъ, тонкая и хлыстовка, складная, сибирка, баская, старовѣрческая, носковая, дѣтская, жидовка, чайная или дюжинная. Тысячами ложки продаются: дороже всѣхъ складная, именно отъ 250 руб. и выше, старовѣрческая и дѣтская—отъ 20 до 25 руб. и дороже, баская—3 руб. 50 коп.

Всѣ расчеты между скупщиками и ложкарями, по покупкѣ у нихъ ложекъ, донынѣ производятся на ассигнаціи. Такая привязанность къ старинному счету не покажется удивительною, если припомнить, что даже на петербургской биржѣ, до конца марта 1859 года, расчетъ между покупателями и продавцами сала производился на ассигнаціи, а цѣны щетины еще въ семидесятыхъ годахъ обозначались также на ассигнаціи, а не на серебро.

Въ Хвостиковой слободѣ я посѣтилъ, между прочимъ, ложкаря Аггея Масленникова. Его жена, Екатерина, дочь писаря, лѣтъ двадцатицати, первая начала самоучкою рисовать на ложкахъ разные предметы. Скупщики стали платить дороже за подобныя ложки,

вслѣдствіе чего, по примѣру Екатерины Масленниковой, женщины бросили руководѣльныя работы и стали заниматься разрисовкою ложекъ. За разрисовку платили даже дѣвочкамъ по 40 коп. съ тысячи ложекъ. При мнѣ въ пять минутъ Масленникова гусинымъ перомъ разрисовала черною и красною краскою пять ложекъ. На одной явился монастырь, на другой—женщина на стулѣ за столомъ съ самоваромъ, на третьей—дерево, подъ которымъ мужчина держитъ за волосы женщину и бьетъ палкою, на четвертой—извозчикъ съ лошадыю и т. д. Я нарочно перечислилъ предметы, изображенные на ложкахъ, чтобы показать находчивость фантазіи Масленниковой. Она представляетъ собою самородный талантъ. Жаль, что она не была въ обученіи у учителя рисованія, потому что ея талантъ получилъ бы тогда совершенно иное развитіе и направление и не ограничился бы нынѣшними неправильными ея рисунками. Твердость руки у Масленниковой при рисованіи замѣчательна. Навыкъ же указалъ ей, какъ чертить гусинымъ перомъ какъ можно скорѣе, чтобы болѣе наготовить рисунковъ. Подобная разрисовка ложекъ теперь распространилась между крестьянками въ Хвостиковой слободѣ и въ деревнѣ Ларионовѣ, на рѣкѣ Санахтѣ. Первая лежитъ отъ Семенова въ двухъ верстахъ, а послѣдняя въ пяти. Не было бы вовсе излишнимъ дѣломъ, если бы для этихъ рисовальщицъ учредили въ Семеновѣ или въ Хвостиковой слободѣ рисовальный классъ. Масленникова же, какъ зачинщица этого дѣла и создательница новаго заработка для мѣстныхъ женщинъ, заслуживаетъ и вниманія, и поощренія. Поэтому очень жаль, что очередное уѣздное семеновское земское собраніе (двадцатое, засѣдавшее съ 3-го по 5-е октября 1884 года) отклонило, по недостатку средствъ, предложеніе губернскаго земства объ открытіи ремесленныхъ школъ въ уѣздѣ. Однажды этотъ вопросъ былъ уже рѣшенъ утвердительно, когда ассигнована была ежегодная сумма въ 400 рублей для ремесленнаго класса при училищѣ въ селѣ Борь. Говорятъ, что это будетъ поправлено, а съ тѣмъ вмѣстѣ, вѣроятно, найдутъ небольшія средства для рисовальной школы въ Семеновѣ, или, лучше, въ Хвостиковской слободѣ. Въ деревнѣ Мериново, на Керженцѣ, въ восьми верстахъ отъ Семенова, живутъ пять токарей, не занимающихся только обтачиваніемъ ручекъ у ложекъ, но изготовляющихъ изъ дерева разныя мелкія токарныя вещи, тщательной отдѣлки. Имъ платятъ по 20 копѣекъ за десятокъ мелкихъ вещей, въ родѣ табакерокъ, стаканчиковъ, шкатулочекъ и проч. Работаютъ двое: одинъ вертитъ колесо привода, а другой обтачиваетъ инструментами деревянные болванки. Идѣлія этихъ токарей получили бы большую цѣнность, если бы они покрывались болѣе прочнымъ и лучшимъ лакомъ. Токари сами сознаютъ, что лакъ ихъ очень плохъ, но не могутъ достать другаго. Въ деревнѣ Дѣяново, въ четырехъ верстахъ отъ Семенова, я видѣлъ безрукаго и

безногаго ложкаря, работающаго безъ устали для своего пропитанія. Онъ живетъ со старухою матерью. На рукахъ видны только остатки большаго пальца; на одной ногѣ нѣтъ ступни, другая безъ колѣна. Несчастный сдѣлался подобнымъ калѣкою въ молодости, послѣ болѣзни. Онъ болѣе двадцати ложекъ въ день изготовить не въ состояніи.

Въ послѣдніе годы у насъ обратили серьезное вниманіе на кустарные промыслы, поддерживающіе быть крестьянина тамъ, гдѣ земля, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не можетъ дать ему средствъ для жизни. Но кустарнымъ промысламъ приходится вести сильную борьбу съ фабричнымъ и еще болѣе съ машиннымъ производствами, причѣмъ первое гнететъ ихъ капиталомъ, а второе дешевизною. Поэтому нѣтъ возможности поддерживать разными придумываемыми для того способами умирающую кустарную промышленность, но слѣдовало бы направить всѣ средства къ облегченію крестьянамъ тѣхъ ихъ кустарныхъ промысловъ, которые еще не вступили окончательно на путь замиранія. Въ Семеновскомъ уѣздѣ гвоздарную промышленность нѣтъ силъ поддержать, потому что машинное производство гвоздей окончательно убило ручное. Такимъ кустарямъ надобно предоставить возможность перейти къ занятію другаго рода, которое дало бы имъ способы къ существованію. Но въ иномъ положеніи находятся ложкари, потому что машиннаго производства ложекъ нѣтъ, равно какъ не установилось еще фабричнаго ихъ изготовленія и оно находится исключительно въ рукахъ кустарей, работающихъ изъ матеріала скупщика или изъ своего собственнаго. Ложкари, какъ мнѣ удалось слышать изъ разговора съ ними, жалуются главнѣйше на недоступность для нихъ сыраго матеріала, т. е. лѣса, и на необходимость вслѣдствіе того быть въ зависимости отъ скупщиковъ, имѣющихъ возможность партіями покупать всякаго рода лѣсъ для переработки въ ложки. «Прежде,—говорилъ мнѣ одинъ кустарь-старикъ:—лѣсу у насъ было довольно. Семеновъ со всѣхъ сторонъ вплотную былъ окруженъ лѣсомъ, густымъ, непроходимымъ, а нынѣ въ окрестностяхъ города и березняка не оказывается». Дѣло въ томъ, что, до крестьянской реформы 1861 года, семеновскіе ложкари пользовались для своего промысла бесплатно сырýmъ матеріаломъ изъ казенныхъ удѣльныхъ и помѣщичьихъ лѣсовъ. Послѣ 1861 года лѣса были отмежеваны въ вѣдомства удѣльное и государственныхъ имуществъ, а помѣщичьи въ большинствѣ были проданы. Очевидно, положеніе ложкаря измѣнилось относительно полученія сыраго матеріала, измѣнилось къ худшему, между тѣмъ какъ цѣны на ложки и самые приемы ихъ производства остались почти безъ перемѣны въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ. Одно улучшеніе только проявилось въ производствѣ семеновскихъ ложкарей и токарей; съ прекращеніемъ дароваго лѣса, они стали пилить лѣсъ на баклушки,

а не рубить, какъ бывало прежде, причемъ теряли понапрасну много сыраго матеріала. Но поступать иначе они не могли, потому что въ то время не имѣли еще пилъ.

Поэтому дѣйствительною помощью семеновскимъ ложкарямъ, при которой они въ состояніи были бы сохранить извѣстнаго рода независимость отъ скупщиковъ-капиталистовъ, былъ бы отпускъ имъ на льготныхъ условіяхъ сыраго матеріала изъ казенныхъ лѣсовъ. Мѣстная власть, въ лицѣ нижегородскаго губернатора Н. М. Баранова, вошла о томъ съ представленіемъ къ министру государственныхъ имуществъ, который и разрѣшилъ лѣтомъ, 1884 года, подобную льготную продажу лѣса заволжскимъ кустарямъ.

Пав. Усовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СЛОВО ЖИВОЕ О НЕЖИВЫХЪ¹⁾.

(Изъ моихъ воспоминаній).

IV.

Братья Антонъ и Жеромъ Бравура.—Переѣздъ Антона Бравура въ нашъ домъ.—Производство его Потемкинымъ въ профессоры филармонической академіи.—Мундиръ Бравура.—Племянникъ его и красавица-племянница.—Маркизь де-Фаринелли.—Галантерейность князя Юсупова.—Итальянская колонія въ Москвѣ.—Алексѣй Федоровичъ Малиновскій.—Князь Шаликовъ.—Карлъ Ивановичъ Миллеръ.—Оригинальный способъ мощенія улицъ.—Гусарскій отставной маіоръ Доможировъ.—Его своеобразная промышленность.—Жобарь и графъ С. С. Уваровъ.—Прощальная вывѣстная карточка Жобара.

ВЪ МОСКВѢ, въ 30-хъ—40-хъ годахъ, жили два итальянца, Антонъ и Жеромъ Бравура; оба они были когда-то пѣвчими въ капеллѣ папы, оба были кастраты и до конца жизни были обречены говорить дискантомъ. Жеромъ считался въ то время лучшимъ учителемъ пѣнія въ Москвѣ и давалъ уроки во всѣхъ аристократическихъ домахъ.

Что же касается Антона Бравура, то онъ, наживъ кое-какія деньги уроками пѣнія, нашель гораздо для себя выгоднѣе заняться покупкою и продажею картинъ и старинныхъ вещей, помощію чего составилъ себѣ круглый капиталецъ.

Будучи хорошимъ игрокомъ въ коммерческія игры, Антонъ Бравура, въ англійскомъ клубѣ, снискаль расположеніе къ себѣ ста-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXVII, стр. 69.

рыхъ завсегдатаевъ этого аристократическаго въ то время вечерняго ихъ убѣжища. Къ Антону Бравура старики такъ привыкли, что постоянно звали его къ себѣ или обѣдать, или вечеромъ, на партію моднаго тогда «бостона».

Отецъ мой предложилъ однажды Антону Бравура даровую квартиру у насъ въ домѣ, на антресоляхъ, съ условіемъ, чтобы онъ ежедневно у насъ обѣдалъ, а вечеромъ сопровождалъ его въ англійскій клубъ. Итальянецъ-кастратъ съ величайшею готовностью принялъ предложеніе отца, и съ этого дня сдѣлался у насъ своимъ домашнимъ человѣкомъ.

Антонъ Бравура, по прибытіи въ Россію, попалъ, не помню какъ, въ фавориты Потемкина, который напелъ нужнымъ произвести его въ профессора, никогда не существовавшей въ Россіи, филармонической академіи. Съ этимъ званіемъ, Бравура получилъ отъ Потемкина шитый золотомъ мундиръ. Рисунокъ шитья заключался изъ изображеній всевозможныхъ струнныхъ и духовыхъ инструментовъ. Два раза въ годъ, а именно 1-го января и въ первый день Пасхи, Бравура, къ обѣду, наряжался въ свой мундиръ и не иначе садился за столъ, какъ завязавъ у горла салфетку, долженствовавшую охранять мундиръ его отъ пятенъ.

У Бравура былъ племянникъ (сынъ третьяго брата, какимъ-то чудомъ спасшагося отъ кастраціи), который былъ женатъ на замѣчательной красавицѣ. Всѣ старики, и въ особенности князь Юсуповъ, были очарованы мадамъ Бравура и старались всячески угождать ей. Юсуповъ пристроилъ мужа красавицы на службу въ провіантское вѣдомство, смотрителемъ провіантскаго магазина, вслѣдствіе чего Бравура-племянникъ получилъ названіе «маркиза Фаринелли» (въ переводѣ—«мучнаго маркиза»).

Однажды, лѣтомъ, Юсуповъ пригласилъ г-жу Бравура и пріятелей своихъ обѣдать къ себѣ. Обѣдали въ саду, и Юсуповъ, сорвавъ съ дерева наливное яблоко, поднесъ его красавицѣ. Та нашла яблоко по вкусу и попросила князя прислать ей нѣсколько яблокъ. Тотъ обѣщалъ, и дня черезъ два мадамъ Бравура получила десятокъ огромныхъ картонныхъ яблоковъ, наполненныхъ червонцами и присланныхъ въ большой серебряной мискѣ.

Мадамъ Бравура была дѣйствительно рѣдкой красоты женщина и, по смерти мужа, «маркиза Фаринелли», переѣхала на жительство въ Петербургъ и вышла замужъ за содержателя англійскаго магазина, Когуна.

По перекочевкѣ Антона Бравура въ нашъ домъ, у насъ появилась чуть не вся итальянская колонія Москвы: знаменитый портретистъ Тончи, скульпторъ Витали, «*maître maçon*» Карлони (онъ же и архитекторъ кремлевской экспедиціи у князя Юсупова), содержатель магазина рѣдкостей Негри и друг. Всѣ эти итальянцы

пользовались у насъ широкимъ гостепріимствомъ, котораго никогда во зло не употребляли.

Пріятели отца очень любили общество итальянцевъ; въ особенности же къ нимъ были расположены: князь Юсуповъ, Алексѣй Федоровичъ Малиновскій (сенаторъ и начальникъ московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, нашъ самый близкій сосѣдь по дому) и князь Шаликовъ (бывшій редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», которыя въ новый годъ выходили всегда съ его стихами).

Князь Шаликовъ былъ очень остроуменъ и энциклопедически образованъ; онъ говорилъ всегда плавно, съ нѣжной интонаціей голоса, любилъ иногда эротическіе разговоры, прикрытые завѣсою скромности.

Среди этого общества, никогда не поднимавшаго голоса во время разговоровъ, странно было видѣть оригинальную личность Карла Ивановича Миллера (побочнаго сына знаменитаго Волынскаго), отставнаго маіора, съ золотымъ очаковскимъ крестомъ въ петлицѣ.

Карлъ Ивановичъ не говорилъ, а трубилъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; его голосъ можно было слышать черезъ три-четыре комнаты. Замѣчательнъ онъ былъ тѣмъ, что, купивъ въ Харитоньевскомъ переулкѣ клочокъ земли, собирая ежедневно раннимъ утромъ булыжникъ на улицахъ, нашелъ возможнымъ чрезъ нѣсколько лѣтъ вымостить этимъ булыжникомъ улицу передъ своимъ домомъ, такъ что матеріаль для мостовой обошелся ему даромъ.

Миллеръ ни зимой, ни лѣтомъ не надѣвалъ на себя бѣлья, а надѣвалъ сапоги и платье на голое тѣло; о галошахъ и тепломъ платьѣ у него и помину не было, такъ какъ онъ утверждалъ, что если бы человѣку нужна была теплая одежда, то Богъ бы ему далъ ее при рожденіи. Карла Ивановича, не взирая на его угловатость и отсутствіе свѣтскихъ формъ, всѣ любили и уважали, какъ человѣка рѣдкой честности и доброты.

Онъ, напримѣръ, прикрѣплялъ у себя въ домѣ довольно долгое время извѣстнаго всей Москвѣ Доможирова, отставнаго гусарскаго маіора, который, вслѣдствіе бѣдности, изобрѣлъ себѣ особаго рода промыселъ—предшествовать всѣ погребальныя процессіи. Онъ, на богатыхъ похоронахъ, всегда шелъ впереди кортежа, въ отставномъ гусарскомъ голубомъ мундирѣ, въ треугольной огромной шляпѣ, съ воткнутымъ въ нее полуаршиннымъ бѣлымъ султаномъ. Когда, бывало, говорятъ о похоронахъ, то при этомъ прибавляютъ: «да, похороны были богатыя, съ Доможировымъ». Купеческія похороны были особенно выгодны для стараго гусарскаго маіора, потому что онъ тутъ даромъ наѣдался на поминкахъ и, кромѣ того, получалъ за свою оригинальную службу отъ пяти до десяти рублей ассигнаціями.

Не взирая на этотъ скромный доходъ, Доможировъ, какъ разсказывали, съумѣлъ скопить себѣ маленькій капиталецъ, который

далъ ему возможность существовать, когда силы уже не позволяли ему выходить изъ дому, чтобы заниматься своимъ почетнымъ ремесломъ.

Въ заключеніе настоящей главы, не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о личности, которая въ сороковыхъ годахъ производила фуроръ въ Москвѣ, а именно о французѣ Жобарѣ.

Альфонсъ Жобаръ долгое время былъ въ Петербургѣ преподавателемъ французскаго языка въ учебныхъ женскихъ заведеніяхъ вѣдомства императрицы Маріи. Какъ человекъ умный, образованный и ловкій, онъ сумѣлъ обратить на себя вниманіе императрицы Маріи Теодоровны, которая чрезвычайно милостиво относилась къ нему и по личной просьбѣ которой государь Николай Павловичъ пожаловалъ Жобару, французскому подданному, крестъ св. Владиміра 4-й степени—награду, считавшуюся въ то время особенно почетною для иностранца. Жобару вообще везло на службѣ, и онъ сталъ считать себя лицомъ важнымъ. Но вдругъ, совсѣмъ неожиданно, судьба измѣнила ему. Бывшій министръ народнаго просвѣщенія, Сергій Семеновичъ Уваровъ, вздумалъ какъ-то посѣтить одинъ изъ институтовъ и попалъ какъ разъ въ классъ Жобара. Французъ очень фамильярно принялъ Уварова, который во время урока сдѣлалъ ему какія-то замѣчанія. Жобаръ, привыкшій считать себя непогрѣшимымъ и твердо вѣруя въ покровительство вдовствующей императрицы, отвѣчалъ министру просвѣщенія очень рѣзко. Это послужило причиною негодованія Уварова на Жобара, который вскорѣ убѣдился, что ему тягаться съ министромъ было невозможно. Его отрѣшили отъ должности преподавателя въ институтахъ. Тутъ Жобаръ вздумалъ сочинять разныя пасквили на Уварова, перевелъ стихотвореніе «Смерть Лукулла» на французскій языкъ и послалъ свое произведеніе самому Уварову. Я помню, между прочимъ, слѣдующіе два стиха, относящіеся до министра и его любвицы:

«....et pour sa chère pouponne
Il volait le bois de la couronne»⁴⁾.

Кромѣ пасквилей въ стихахъ, Жобаръ вздумалъ подавать разныя прошенія на высочайшее имя, въ которыхъ обвинялъ Уварова чуть не въ уголовныхъ преступленіяхъ.

Все это окончилось тѣмъ, что Жобара выслали изъ Петербурга, и онъ появился въ Москвѣ, съ цѣлью, какъ онъ увѣрялъ, помощію московскаго сената добиться справедливости, восстановленія своей чести и увольненія Уварова отъ службы.

⁴⁾ У Уварова, какъ рассказывали, была дѣйствительно какая-то любвица, которая, пользуясь протекціею своего высокопоставленнаго содержателя, брала взятки съ подрядчика дровъ на казенныя учебныя заведенія.

Прибывъ въ городъ, гдѣ находились на покоѣ безвредно-недовольные правительствомъ, Жобаръ принять былъ ими съ распростертыми объятіями, какъ невинная жертва насилія и произвола.

Солнцевъ и Чаадаевъ въ особенности патронировали Жобару, очутившемуся сразу въ лучшихъ московскихъ салонахъ такъ называемымъ «своимъ».

Но, увы! все это не помогло расходившемуся черезчуръ французу: московскій военный генераль-губернаторъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ вызвалъ къ себѣ Жобара и объявилъ ему приказаніе немедленно выѣхать изъ Россіи.

Дѣлать было нечего, и Жобаръ, объѣздивши всѣхъ своихъ знакомыхъ съ прощальнымъ визитомъ, покинулъ Москву.

Дѣлая визиты и не заставая многихъ дома, Жобаръ оставлялъ печатныя карточки съ слѣдующей надписью:

Alphonse Jobard,

noble russe, sujet français, et cheval lié ¹⁾ chassé de Russie, par des gendarmes sans jugement ²⁾.

р. р. с.

Эти карточки показывались въ московскомъ англійскомъ клубѣ съ большимъ сочувствіемъ къ высланной изъ Россіи «жертвѣ произвола».

V.

Первая холера въ Москвѣ. — Оффиціальная о ней вѣсть въ нашемъ домѣ. — Консилиумъ докторовъ Эвениуса, Маркуса, Пфеллера и Гааза. — Дядя мой Коваленскій. — Мѣры противъ холеры. — Предсказанія цыганки и ихъ послѣдствія. — Настойка дѣвицы изъ дворянъ. — Опрыскиваніе и омываніе нашихъ учителей. — Обычные посѣтители отца. — Графъ Н. И. Зотовъ. — Прекращеніе холеры.

Одно изъ самыхъ сильныхъ воспоминаній, рѣзко запечатлѣвшихся въ моей памяти, было, безъ сомнѣнія, воспоминаніе о первой холерѣ въ Москвѣ, въ 1832 году, когда мнѣ было не болѣе двѣнадцати лѣтъ. Вѣсть объ оффиціальной холерѣ привезъ домой отецъ мой, отъ московскаго военнаго генераль-губернатора, князя Дмитрія Владиміровича Голицына, у котораго онъ обѣдалъ въ этотъ день. Такъ какъ мы, дѣти, ложились спать очень рано, а отецъ прямо отъ князя Голицына отправился въ англійскій клубъ, то мы узнали о холерѣ только на другой день, когда пришли, по

¹⁾ Въмѣсто chevalier.

²⁾ Вся соль прощальной визитной карточки заключалась въ послѣднемъ словѣ: «sans jugement», переводимомъ двояко: «безъ суда», или «бесмысленныхъ».

обыкновенію, здороваться къ отцу, во время его утренняго кофе въ 9 часовъ.

Меня, какъ я твердо помню, удивило крайне, что отецъ былъ не одинъ: въ его кабинетѣ сидѣли, только-что пріѣхавшій наканунѣ, дядя мой Илія Михайловичъ Коваленскій (родной братъ моей матери) и доктора Эвеніусъ, Маркусъ, Пфеллеръ и Гаазъ. Мы, по обыкновенію, подошли къ отцу и поцѣловали у него руку. Губернеръ нашъ, Феспотъ, отвѣсилъ общій поклонъ присутствующимъ и хотѣлъ уже уходить съ нами въ классную комнату, когда отецъ сказалъ ему: *«restez, mon cher, car il faut prendre, par rapport aux enfants, des mesures qui vous regardent»*.

Феспотъ тотчасъ сѣлъ, посадивъ меня и брата возлѣ себя.

Какъ теперь помню лицо моего дяди Коваленскаго (человѣка страшно мнительнаго, вѣчно принимавшаго «ассафетиду», въ предупрежденіе какой-то не имѣвшейся у него болѣзни): оно было совсѣмъ желто-синяго цвѣта; его же самого сильно подергивало.

Отецъ мой обратился ко всѣмъ съ слѣдующею рѣчью: «Мнѣ самъ князь Дмитрій Владиміровичъ объявилъ, что холера въ городѣ и что нужно принимать мѣры противъ нея. Нѣкоторые полагаютъ, что холера прилипчива, въ родѣ чумы, а князь не того мнѣнія, но, всетаки убѣжденъ, что слѣдуетъ очень остерегаться. Вы, доктора, и притомъ мои друзья, посоветуйте, что нужно дѣлать?»

Гаазъ первый отвѣчалъ на вопросъ отца совѣтомъ: «обратиться прежде всего къ Богу».

Пфеллеръ, Маркусъ и Эвеніусъ предписали поставить во всѣхъ комнатахъ блюдечки съ хлоромъ, курить нѣсколько разъ въ день пивнымъ укусомъ съ мятой, пить по рюмѣ водки передъ обѣдомъ и не ѣсть никакихъ сырыхъ овощей и фруктовъ.

Затѣмъ Пфеллеръ (какъ старшій) пощупалъ пульсъ у всѣхъ присутствовавшихъ и объявилъ, что мы всѣ здоровы, за исключеніемъ дяди моего, которому посоветовалъ не трусить и придерживаться постоянному своему режиму.

Этотъ совѣтъ произвелъ на дядю крайне неблагоприятное впечатлѣніе, и онъ, вышедши изъ комнаты, тотчасъ же нашелъ нужнымъ слезъ въ постель.

Дабы подобный образъ дѣйствія со стороны дяди не показался страннымъ тѣмъ, которые его не знали, скажу нѣсколько словъ объ этомъ чудацкѣ.

Отецъ его, а мой дѣдъ по матери, Михайлъ Ивановичъ Коваленскій, былъ замѣчательно умный и ученый человѣкъ, переписывавшійся съ Вольтеромъ и занимавшій, въ послѣдніе годы своей жизни, постъ куратора Московскаго университета (должность, соотвѣтствующая должности нынѣшнихъ университетскихъ попечителей).

Дѣдъ мой заботился очень объ образованіи своего единственнаго сына, и дѣйствительно Илія Михайловичъ получилъ чрезвычайно основательное образованіе, съ рѣдкимъ знаніемъ живыхъ языковъ — англійскаго, французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго. По кончинѣ отца своего, оставившаго ему въ наслѣдство около трехъ тысячъ душъ въ Рязанской губерніи, молодой ученый напелъ нужнымъ поселиться въ своемъ имѣніи и заняться, какъ онъ утверждалъ, науками.

Науки эти такъ поглотили его ¹⁾, что онъ только изрѣдка являлся въ Москву, и мы узнали по прошествіи уже нѣсколькихъ лѣтъ, что Илія Михайловичъ женился на своей крѣпостной крестьянкѣ, приживши съ нею безчисленное множество дѣтей.

Послѣ продолжительныхъ переписокъ съ своею сестрою (моею матерью), Илія Михайловичъ явился однажды къ намъ съ своею семьей, былъ принятъ какъ родной, и за симъ изъ году въ годъ прѣзжалъ къ намъ одинъ, останавливаясь всегда у насъ въ домѣ.

Встрѣтивъ однажды на улицѣ цыганку, Коваленскій, по ея предложенію, подавъ ей руку для гаданія, и та сказала ему, что онъ долженъ заботиться о своемъ здоровьѣ, иначе умретъ внезапно. Съ этой минуты, дядя мой сталъ ежедневно смотрѣть въ зеркалѣ свой языкъ, принимать ассафетиду и совѣтоваться со всѣми докторами, которыхъ онъ встрѣчалъ.

Сказаннаго, кажется, достаточно, для того, чтобы понять, въ какой мѣрѣ слова доктора Пфеллера подѣйствовали на него, и притомъ во время официальнаго объявленія о холерѣ въ Москвѣ.

Въ тотъ же день, во всѣхъ комнатахъ нашего дома, были поставлены тарелки съ хлоромъ, гувернеръ Феспотъ, передъ обѣдомъ, сталъ пить приготовленный дѣвицею изъ дворянъ, Ольгою Алексѣевною Борисовой, ерофеичъ (настоянку изъ безчисленнаго множества травъ), а намъ тоже передъ обѣдомъ давали по чайной ложкѣ кюммелю, пополамъ съ водою, что было намъ по вкусу.

Являшіеся къ намъ на урокъ ежедневно, учителя: Куртнеръ (французскаго языка), Зерновъ (математики — онъ былъ впослѣдствіи профессоромъ Московскаго университета), Герингъ (нѣмецкаго языка), Кобрановъ (исторіи и географіи), священникъ Воскресенскій (Закона Божія) и Голицынскій (русскаго языка), прежде чѣмъ входили въ классную комнату, должны были прыскаться уксусомъ и обтирать себѣ руки о-де-колономъ.

Картины, которыя мы ежедневно видѣли изъ оконъ столовой, около часу по полудни, не могли не дѣйствовать на наше дѣтское воображеніе: по улицѣ (Мясницкой) то и дѣло проѣзжали дровни

¹⁾ Онъ втеченіе 60 лѣтъ писалъ исторію Индіи, которая пропала безслѣдно, но за то написалъ очень популярную пѣсню «За долами, за горами, Бонапарте съ плясунами», и т. д.

съ гробами, вмѣщавшими умершихъ холерою; на передѣ сидѣлъ мужикъ, обернутый въ клеенку, обмазанную дегтемъ; позади дровень шли всегда два будочника, тоже въ клеенкахъ. Такова была ежедневная панорама, на которую мы смотрѣли передъ обѣдомъ. Мнѣ было тогда двѣнадцать лѣтъ, и я никогда не забуду того сильнаго унынія, которое царило въ нашемъ домѣ, отличавшемся всегда веселымъ настроеніемъ духа.

Хотя обычные посѣтители отца и продолжали ѣздить къ намъ, хотя кн. Волконскій, заикаясь, и старался трунить надъ Солнцевымъ, хотя графъ Николай Ивановичъ Зотовъ¹⁾ и проповѣдовалъ, что холера болѣзнь не заразительная и прививается только къ тѣмъ, которые вѣрують въ нее, — меланхолія царила въ нашемъ домѣ довольно долго. Письма, получаемыя отцемъ и матерью, были всѣ проткнуты иглой и пахли хлоромъ; бюллетени о заболѣвшихъ и умершихъ холерою приносились акуратно два раза въ день и всѣ какъ-то осовѣли. Наконецъ, въ довершеніе холерной паники, къ Ольгѣ Алексѣевнѣ Борисовой пришла въ гости ея сестра, которая умерла скоростижно въ нашемъ домѣ. Хотя почтенная, 70-ти-лѣтняя дѣвица умерла не отъ холеры, а апоплексическимъ ударомъ, но, всетаки, смерть эта поразила всѣхъ, и даже кн. Волконскій сильно призадумался.

Не помню, сколько времени Москва находилась, по милости холеры, въ осадномъ положеніи; помню только, что въ одно солнечное, веселое утро насъ привели въ обширную нашу столовую, и мы нашли тамъ отца, мать и множество гостей, которые, какъ оказалось, приѣхали къ намъ на благодарственный молебень съ водосвятиемъ, по случаю прекращенія въ Москвѣ холеры.

Служили молебень приходскій священникъ Иванъ Ѳедоровичъ Лебедевъ и нашъ законоучитель Александръ Ильичъ Воскресенскій, которые, послѣ молебна, благословили трапезу, т. е. роскош-

¹⁾ Графъ Николай Ивановичъ Зотовъ, послѣдній представитель аристократическаго дома Зотовыхъ, былъ тестъ бывшаго любимца государя Николая Павловича, графа (а засимъ князя) Александра Ивановича Чернышева.

Графъ Зотовъ принадлежалъ къ нынѣ выродившейся плеядѣ русско-французскихъ баръ, получавшихъ не только многостороннее образованіе, но и рѣдкое воспитаніе, дававшее имъ возможность понимать людей не только помощію ума, но и помощію сердца. Гр. Николай Ивановичъ нанималъ флигель нашего дома, находившіяся на первомъ дворѣ и окруженный великолѣпнымъ садомъ, Зотовъ, какъ и отецъ мой, былъ большой хлѣбосоль, и старики часто обмѣнявались обѣдами, составлявшими для нихъ весьма серьезную статью жизни.

Графъ Зотовъ, по смерти отца моего, не взирая на огромную разницу лѣтъ, существовавшую между нимъ и мною, обращался со мной какъ съ своимъ пріятелемъ, и у меня до сихъ поръ сохранились его записки ко мнѣ, въ которыхъ обрисовывается его доброе, любящее сердце.

Зотовъ былъ женатъ на княжнѣ Куракиной, дочери единственнаго министра полиціи, который существовалъ въ Россіи. Онъ умеръ въ 1849 году, за границей, отъ окаменѣлости сердца (!!).

ный завтракъ, приготовленный въ другой комнатѣ для гостей, а съ этимъ вмѣстѣ очень долго толковали о томъ, что Богъ былъ милосердъ для нашего дома, избавивъ насъ отъ «моровой язвы», постигшей Москву.

VI.

Лермонтовъ и бабка его Арсеньева. — Характеристика Лермонтова, какъ ребенка. — Жалобы на него бабушки. — Некрасивая наружность Лермонтова. — Его завистливость и влюбчивость. — Мартыновъ и его нравственные страданія. — М. И. Глинка. — Причины посѣщеній его нашего дома. — Встрѣча моя съ Глинкой въ Петербургѣ. — Меланхолическій характеръ Глинки. — Страсть Глинки къ пѣвчимъ птицамъ. — Именины Кукольника. — Сцена Глинки съ пастухомъ. — Брюловъ. — Шиловская. — Попойка. — Рамазановъ. — Кантата съ экспромтомъ. — Добродушіе Глинки. — Кончина его.

Въ числѣ лицъ, посѣщавшихъ изрѣдка нашъ домъ, была Арсеньева, бабушка поэта Лермонтова (приходившаяся намъ сродни), которая всегда привозила къ намъ своего внука, когда пріѣзжала изъ деревни, на нѣсколько дней, въ Москву. Пріѣзды эти были весьма рѣдки, но я, всетаки, помню, какъ старушка Арсеньева, обожавшая своего внука, жаловалась постоянно на него моей матери. Дѣйствительно, судя по рассказамъ, этотъ внучекъ-баловень, пользуясь безграничною любовью своей бабушки, съ малыхъ лѣтъ уже превращался въ домашняго тирана, не хотѣлъ никого слушаться, трунилъ надъ всѣми, даже надъ своей бабушкой и пренебрегалъ наставленіями и совѣтами лицъ, заботившихся о его воспитаніи.

Одаренный отъ природы блестящими способностями и рѣдкимъ умомъ, Лермонтовъ любилъ преимущественно проявлять свой умъ, свою находчивость, въ насмѣшкахъ надъ окружающею его средою и колкими, часто очень мѣткими остротами оскорблялъ иногда людей, достойныхъ полнаго вниманія и уваженія.

Съ такимъ характеромъ, съ такими наклонностями, съ такой разнузданностію, онъ вступилъ въ жизнь и, понятно, тотчасъ же нашелъ себѣ множество враговъ.

Онъ, не думая, что говорить о себѣ, очень вѣрно опредѣлили свой характеръ въ слѣдующихъ двухъ стихахъ:

«А онъ, мятежный, ищетъ бури,
Какъ будто въ бурѣ есть покой!»

Въ характерѣ Лермонтова была еще черта далеко не привлекательная — онъ былъ завистливъ. Будучи очень некрасивъ собой, крайне неловокъ и злоязыченъ, онъ, войдя въ возрастъ юношескій, когда страсти начинаютъ разыгрываться, не могъ нравиться женщинамъ, а между тѣмъ былъ страшно влюбчивъ. Не-

вниманіе къ нему прелестнаго пола раздражало и оскорбляло его беспредѣльное самолюбіе, что служило поводомъ, съ его стороны, къ беспощадному бичеванію женщинъ.

Какъ поэтъ, Лермонтовъ возвышался до геніальности; но, какъ человѣкъ, онъ былъ мелочень и несносенъ.

Эти недостатки и признакъ безразсуднаго упорства въ нихъ были причиною смерти геніальнаго поэта отъ выстрѣла, сдѣланнаго рукою человѣка добраго, сердечнаго, котораго Лермонтовъ довелъ, своими насмѣшками и даже клеветами, почти до сумасшествія.

Мартыновъ, котораго я хорошо зналъ, до конца своей жизни мучился и страдалъ оттого, что былъ виновникомъ смерти Лермонтова, и въ годовщины этого роковаго событія удалялся всегда на нѣсколько недѣль въ какой либо изъ московскихъ монастырей на молитву и покаяніе.

Перехожу отъ Лермонтова къ М. И. Глинкѣ, такъ какъ поэзія и музыка сестры родныя.

М. И. Глинка бывалъ у насъ въ домѣ нѣсколько разъ, по случаю слѣдующихъ обстоятельствъ.

Отецъ мой и мать прирѣли двухъ круглыхъ малолѣтнихъ сиротъ, дѣвочекъ Дарью и Екатерину Пановыхъ. Онѣ были отданы на воспитаніе, на счетъ отца, въ Екатерининскій институтъ. По окончаніи ученія въ институтѣ, обѣ дѣвочки возвратились въ нашъ домъ. Младшая изъ нихъ была замѣчательной красоты. Братъ М. И. Глинка (не помню—родной, или двоюродный, но тоже Глинка) увидалъ Екатерину Панову въ церкви, влюбился въ нее и явился къ намъ въ домъ, прося руки бѣдной сироты. Вскорѣ состоялась свадьба, и Глинка увезъ свою красавицу-жену въ Рязанскую губернію, гдѣ онъ, въ какомъ-то уѣздномъ городѣ, служилъ городничимъ.

По прошествіи двухъ или трехъ лѣтъ, оказалось, что Глинка женился на сиротѣ, будучи уже женатъ, и что настоящая его жена требовала уничтоженія незаконнаго его вторичнаго брака. Несчастливая Екатерина Ивановна возвратилась къ намъ въ домъ, и Михаилъ Ивановичъ Глинка, проѣдомъ черезъ Москву, всегда посѣщалъ невинную жертву своего брата, привозя ей постоянно разные подарки. Это продолжалось до самой смерти Екатерины Ивановны, которая отъ горя зачахла.

Отецъ и мать полюбили Михаила Ивановича, который иногда садился за фортепiano, чѣмъ доставлялъ большое удовольствіе старику-отцу, страшно любившему музыку.

Съ 1833—1834 года я не видѣлъ больше Михаила Ивановича и встрѣтился съ нимъ только въ 1848 году, по переѣздѣ моемъ на постоянное жительство въ Петербургъ, у Нестора Васильевича Ку-

кольника. Глинка очень радъ былъ видѣть меня, вспомнилъ о радушіи и гостепрѣимствѣ покойнаго отца и сталъ изрѣдка посѣщать меня. Ко мнѣ собирался иногда кружокъ лицъ, принадлежавшихъ къ музыкальному и театральному міру, и послѣ обѣда нерѣдко гости оставались до слѣдующаго утра.

Михаилъ Ивановичъ Глинка, какъ я слышалъ отъ него неоднократно, въ малолѣтствѣ скорбѣлъ отъ невниманія къ нему родителей,—и въ особенности отца,—которые предпочитали ему другихъ своихъ дѣтей. Это невниманіе породило въ немъ сосредоточенность и уничтожило столь свойственную дѣтскому возрасту общительность. Будучи ребенкомъ, онъ страстно любилъ пѣвчихъ-птицъ и дѣтвомъ, раннимъ утромъ, ходилъ въ садъ, чтобы ихъ послушать. Любимой птичкой Глинки была пѣночка.

— Вотъ истинная-то поэзія!—говорилъ Михаилъ Ивановичъ: —какая задушевность, какая грусть, какая дивная, мелодическая фраза!

Птички пристрастили Глинку къ звукамъ, къ музыкѣ. Съ большимъ трудомъ усвоилъ себѣ Михаилъ Ивановичъ теорію музыки; много разъ, какъ увѣрялъ онъ, ему приходилось сомнѣваться въ своихъ музыкальныхъ способностяхъ; но мощь и геніальность таланта превозмогли упорство непонятливостью, и Глинка остался побѣдителемъ музыкальныхъ формъ и рутины. Въ началѣ своего музыкальнаго развитія, Михаилъ Ивановичъ пристрастился къ произведеніямъ Бортнянскаго, котораго признавалъ геніемъ.

Глинка увлекался иногда какъ ребенокъ. Мнѣ случилось однажды видѣть, какъ онъ плакалъ, слушая на Кушелевкѣ какого-то пастуха, игравшаго на свирѣли. Это было у Нестора Васильевича Кукольника, жившаго тогда на дачѣ въ Кушелевкѣ. Кукольникъ тоже былъ иногда не прочь прослезиться и сталъ хныкать. Тогда бывший тутъ Брюловъ не вытерпѣлъ и закричалъ: «Да что вы, въ самомъ дѣлѣ, не закусивши порядкомъ, не заложившись винной влагой, а ужъ нюните!»

Какъ теперь помню, Глинка обнялъ и расцѣловалъ пастуха, далъ ему какую-то монету, отеръ слезы и сказалъ: «Дѣйствительно глупо, но ужъ у меня натурашка такая пошлая—все тянетъ въ грусть».

Кукольникъ праздновалъ въ этотъ день (8-го іюня) свои именины. Къ нему прѣехала, по просьбѣ Глинки, извѣстная въ то время своимъ великолѣпнымъ, задушевымъ голосомъ, М. В. Шиловская (рожденная Вердеревская), которая, послѣ обѣда, по желанію Михаила Ивановича, подъ его аккомпанементъ, спѣла романсъ его «Уймитесь, волненія страсти».

Исполненіе оказалось дѣйствительно неподражаемымъ. Глинка, по окончаніи Шиловской романса, всталъ передъ нею на колѣни и со слезами благодарилъ ее; она, въ свою очередь, стала на колѣни,

и они расцѣловались самымъ дружескимъ, самымъ задушевнымъ образомъ.

По отъѣздѣ Шиловской, началась сильная попойка, такъ что жена Кукольника, Амалія Ивановна, вмѣсто ватрушекъ, которыя замѣчательно пекла сама и которыя особенно любилъ Брюловъ, принесла ему малороссійскаго сала, отъ котораго Брюлова всегда тошнило.

Кукольникъ былъ также недурной музыкантъ, и время проходило въ попойкѣ, подъ акомпанементъ фортепіано. Рамазановъ (извѣстный скульпторъ) пародировалъ очень забавно итальянскія оперы и тогдашнихъ итальянскихъ пѣвцовъ, Брюловъ ходилъ въ это время пѣтухомъ по комнатѣ, Глинка отъ времени до времени садился за фортепіано и хриплымъ голосомъ пѣлъ разные романсы, бѣльшую частію Варламовскіе, которые онъ находилъ лучшими изъ всѣхъ; Кукольникъ при этомъ, подъ вліяніемъ трехъ или четырехъ бутылокъ выпитаго имъ краснаго вина, плакалъ и твердилъ то и дѣло одну и ту же фразу: «Хорошо, ребята, душѣ, хорошо сердцу!»

Празднованіе именинъ Кукольника перешло и на слѣдующій день, такъ что компанія развѣхалась окончательно только на третьи сутки.

Ночью втораго дня оказался положительный недостатокъ въ винѣ и водкѣ; посылали въ единственный въ то время въ Кушелевкѣ погребъ: оказалось, что все вино въ погребѣ истощилось, благодаря именинамъ Кукольника. Стали, съ горя, пѣть извѣстную кантату объ Аристотелѣ, Кесарѣ и Помпеѣ. Тутъ, хозяинъ экспромтомъ, не взирая на то, что былъ «еле можахомъ», пропѣлъ слѣдующій сочиненный имъ куплетъ:

«Дача Безбородки —
Подлая земля:
Ни вина, ни водки,
Въ ней найти нельзя!»

Успѣхъ экспромта былъ колоссаленъ: Рамазановъ заставилъ Глинку играть «Камаринскую» и пустился плясать въ присядку; Кукольникъ вздумалъ дѣлать то же, но тотчасъ же упалъ, и мы подняли его съ большимъ трудомъ (онъ былъ какъ пень грузенъ), чтобы положить на диванъ. Но, слава Богу, все обошлось благополучно, за исключеніемъ нѣсколькихъ синяковъ, вслѣдствіе которыхъ почтенный Несторъ Васильевичъ не могъ отправиться, по обязанностямъ службы, къ военному министру.

Глинка очень любилъ подобнаго рода сборища: они заставляли его забывать обычное меланхолическое настроеніе духа, почти никогда его не покидавшее.

Замѣчательно скромный, добрый, сердечный, Михаилъ Ивановичъ относился всегда чрезвычайно снисходительно и даже сочувственно къ нарождающимся молодымъ музыкальнымъ талантамъ.

Глинка, не взирая на свою гениальность, признанную при жизни его всѣми сколько нибудь понимающими музыку и ея значеніе, не смотря на сильную протекцію государя Николая Павловича, которому былъ представленъ графомъ Віельгорскимъ, — часто нуждался въ деньгахъ и умеръ нуждающимся труженикомъ.

VII.

Графъ Дмитріевъ-Мамоновъ.—Его сумасшествіе.—Назначеніе моего отца опекуномъ надъ нимъ.—Сестра Мамонова, графиня Марія Александровна.—Ея отношеніе къ брату.—Полкъ, сформированный Мамоновымъ въ 1812 году.—Курьёзные указы Мамонова.—Опись его бумагъ.—Отношеніе къ нему императора Николая Павловича.—Назначеніе къ Мамонову опекушкой сестры его.—Отказъ моего отца отъ опеки.—Кончина Мамонова.

Кто не зналъ въ Москвѣ сумасшедшаго графа Дмитріева-Мамонова, а если не зналъ, то кто не слыхалъ о немъ? Втеченіе 35—40 лѣтъ, графъ Дмитріевъ-Мамоновъ жилъ въ первопрестольной, одержимый страшнымъ душевнымъ недугомъ,—зимой въ своемъ домѣ на Покровскомъ бульварѣ, а лѣтомъ въ подмосковскомъ богатомъ имѣніи своемъ, селѣ Дубровицахъ.

Я съ малыхъ лѣтъ слышалъ много разказовъ о графѣ Мамоновѣ, такъ какъ покойный отецъ мой, находясь съ нимъ въ родствѣ, по Высочайшему повелѣнію, въ 1825 году, былъ назначенъ опекуномъ Мамонова, вмѣстѣ съ другимъ его родственникомъ, Сергѣемъ Павловичемъ Фонвизинымъ.

Графъ Мамоновъ былъ сынъ любимца императрицы Екатерины II, генераль-адъютанта графа Александра Матвѣевича Дмитріева-Мамонова, происходившаго отъ знаменитаго рода русскихъ бояръ, потомковъ Владиміра Мономаха.

Графъ Александръ Матвѣевичъ, влюбившись въ княжну Щербатову, женился на ней противъ желанія императрицы и уѣхалъ въ Москву, никого не извѣстивъ о своемъ отъѣздѣ. Этотъ поступокъ Мамонова крайне огорчилъ императрицу, которая, однако же, не взирая на крайне неелестные отзывы о бывшемъ своемъ любимцѣ, данные княземъ Потемкинымъ¹⁾, переписывалась съ нимъ и посылала ему разные подарки.

Графъ Александръ Матвѣевичъ Мамоновъ, живя въ Москвѣ, посвятилъ себя воспитанію сына, который съ малыхъ лѣтъ пристрастился къ чтенію историческихъ книгъ.

Молодому Мамонову открыта была самая блестящая карьера: онъ былъ знатенъ, богатъ, уменъ и красавецъ собой; при этомъ обладалъ неимовѣрной физической силой.

¹⁾ Письма Потемкина къ Екатеринѣ о Мамоновѣ были напечатаны въ № 12 журнала «Русскій Архивъ» за 1865 годъ.

Женщины не могли равнодушно смотрѣть на него, а мужчины гордились его знакомствомъ. Онъ поступилъ на службу въ Конно-гвардейскій полкъ и замѣчательно быстро дослужился до чина генераль-маіора.

Казалось, что этому баловню природы предстояла самая счастливая жизнь, но судьба рѣшила иначе: послѣ сильныхъ нравственныхъ страданій, отъ неудовлетвореннаго честолюбія и самолюбія, послѣ постоянныхъ мелкихъ неприятностей и ссоръ съ родною сестрою, графинею Марьей Александровной Мамоновой, имъ овладѣла жестокая душевная болѣзнь, не оставившая его до самой смерти, втеченіе болѣе 30-ти лѣтъ.

Считаю необходимымъ обрисовать личность сестры графа Мамонова, дѣвицы графини Марьи Александровны, бывшей фрейлины императрицы Елисаветы Алексѣевны.

На сколько братъ ея былъ благороденъ, щедръ и уменъ, на столько она была фальшива, скупа и ограничена. Не взирая на высокое положеніе свое, она выбирала себѣ въ фавориты людей самаго дурнаго общества, сутягъ, искателей приключеній и легкой наживы, которые старались всячески заставить ее вымогать отъ брата возможно больше денегъ. Эти вымогательства не имѣли уже никакихъ предѣловъ, когда графиня растратила на свои легкія похождения почти все свое огромное состояніе.

Изъ слѣдующихъ двухъ писемъ графа Мамонова къ отцу своему видны отношенія его къ сестрѣ и характеръ послѣдней.

«Милостивый государь

«Александръ Александровичъ.

«Изъ почтеннѣйшаго письма вашего превосходительства не могъ я узнать, чего именно требуетъ уполномоченный графини Марьи Александровны. Мнѣ остается повторить, что я готовъ исполнять ея волю, лишь бы скорѣе кончить возникшіе между нами споры; я готовъ, говорю, уступить ей и другое имѣніе, кромѣ Кучкаева, ибо некорыстолюбивому и доброму человѣку всегда приходится уступать корыстолюбію и злобѣ.

«Съ полною и неограниченною довѣренностію поручаю вашему превосходительству жребій мой по сему дѣлу. Мнѣ уже и то пріятно, что моими повѣренными ваше превосходительство, сенаторъ и ближній мой свойственникъ, а Марья Александровна присылаетъ на конференціи съ вами стараго приказнаго врага, какъ вы сами его называть изволите.

«Съ отличнѣйшимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть,

«милостивый государь,

«вашего превосходительства

«покорнѣйшій слуга

«графъ Дмитріевъ-Мамоновъ».

«8-го сентября
«1823 года».

«Милостивый государь

«Александръ Александровичъ!

«У меня не достаетъ словъ къ изясненію вашему превосходительству моей благодарности за милостивое участіе и посредничество ваше (въ извѣстномъ дѣлѣ), теперь успѣхомъ увѣнчанное.

«Меня наставилъ мой добрый геній адресоваться къ вамъ, а то бы Марья Александровна, можетъ быть, не такъ поступила подъ руководствомъ другихъ людей.

«Поручая себя въ лестное для меня благорасположеніе ваше, съ отличными почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

«вашего превосходительства

«покорнѣйшимъ слугою

«графомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ».

«Мая 14-го дня».

Оставивъ службу, графъ В. А. Мамоновъ поселился въ Москвѣ и всецѣло предался изученію исторіи и философіи, а за сямъ месмеризму.

Безпредѣльно щедрый, сострадательный, вельможа до мозговъ костей, Мамоновъ положительно бросалъ деньги, «желая (какъ онъ выражался) помогать людямъ не временно, а возобновлять ихъ жизнь, дѣлая изъ несчастныхъ — счастливыхъ».

Не взирая, однако, на то, что графъ Мамоновъ потратилъ на возобновленіе десятковъ жизней сотни тысячъ, состояніе его было до такой степени громадно, что онъ оставилъ его наслѣдникамъ своимъ почти неприкосновеннымъ.

Во время Отечественной войны 1812 года, Мамоновъ снарядилъ на свой счетъ цѣлый полкъ, который въ продолженіе всей кампаніи содержалъ безъ малѣйшей помощи со стороны казны и притомъ даже роскошно.

Покойный отецъ мой, который въ 1812 году былъ московскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, рассказывалъ, что полкъ Мамонова былъ замѣчательно щегольски обмундированъ, имѣлъ двѣ смѣны одежды для солдатъ и неизмовѣрное количество бѣлья, часть котораго была оставлена на мѣстѣ, такъ какъ невозможно было полку взять его съ собою.

Въ 1824 году, окружающіе графа Мамонова стали замѣчать за нимъ частыя припадки меланхоліи, въ особенности послѣ полученія имъ писемъ отъ сестры, не оставившей его въ покоѣ требованіями денегъ и подарковъ. Послѣ припадковъ онъ входилъ въ бѣшенство и предавался разнымъ неистовствамъ: билъ все, что ему попадалось подъ руку, рвалъ въ клочки ассигнаціи, бросалъ деньги за окно и писалъ какіе-то «указы», содержаніе которыхъ, большею частію, заключалось въ томъ, чтобы такого-то наказать плетми, того-то кнутомъ, а иного отправить въ Сибирь, въ каторжныя работы. Указы эти подписывались имъ «Владиміръ Мономахъ».

При описи имущества и бумагъ Мамонова было найдено нѣсколько подобныхъ указовъ, а также и въ бумагахъ Мамонова, присланныхъ московскому военному генералъ-губернатору военнымъ министромъ, которыя были препровождены къ отцу моему княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ.

Самая опись бумагъ требовала большихъ формальностей, что доказываетъ слѣдующее письмо князя Голицына къ моему отцу

«Секретно.

«Милостивый государь мой

«Александръ Александровичъ.

«По свѣдѣнію, полученному отъ вашего превосходительства о предстоящей описи имущества графа Дмитріева-Мамонова, по ввѣренному вамъ съ г. Фонвизинымъ надъ нимъ опекунству обяванъ будучи по обстоятельствамъ разсмотрѣть принадлежащія ему бумаги, прошу покорно васъ, милостивый государь мой, приглашая къ сему и г. Фонвизина, по распечатаніи законнымъ порядкомъ въ селѣ Дубровицахъ дома графа Дмитріева-Мамонова, всѣ бумаги, принадлежащія лицу его, которыя окажутся гдѣ бы то ни было въ прежде занимаемыхъ имъ комнатахъ, и даже въ собственной его шкадулѣ, собрать при посредствѣ посылаемаго мною съ вашимъ превосходительствомъ чиновника особыхъ моихъ порученій, статскаго совѣтника Кочубея, которому и благоволите ввѣрить всѣ найденныя бумаги, за общими печатями вашими, для надлежащаго ко мнѣ доставленія.

«Командируя при васъ г. Кочубея, болѣе въ обезпеченіе отвѣтственности вашего превосходительства и г. Фонвизина, по сему дѣлу въ отношеніи къ опеке, я ласкаюсь, что по немедленномъ распоряженіи предложеніе мое выполнить изволите съ должнымъ розысканіемъ и въ самомъ скорѣйшемъ времени; способствуя чему, доставляю при семъ подольскому земскому исправнику предписаніе, дабы по первому требованію вашему съ нужными изъ уѣзда чиновниками явился въ село Дубровицы, для надлежащаго вашему превосходительству по сему предмету содѣйствію.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть,

«милостивый государь мой,

«вашего превосходительства

«покорный слуга

«князь Дмитрій Голицынъ».

«№ 25.

«Января 3-го дня 1826 года,

«Москва».

Нельзя не указать на сердечное вниманіе, съ которымъ относился императоръ Николай къ болѣзненному положенію Мамонова. Это доказываетъ слѣдующее письмо князя Д. В. Голицына къ отцу моему:

«Милостивый государь мой

«Александръ Александровичъ!

«Какъ при учрежденіи опеки надъ графомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ послѣдовала высочайшая воля государя императора, между прочимъ, и въ томъ, чтобы гг. опекуны употребили особенное попеченіе къ пользованію графа въ настоящемъ его положеніи, то я съ своей стороны совершенно согласенъ на тѣ мѣры, какія вашимъ превосходительствомъ и господами медиками къ лѣченію его будутъ приняты, и тѣмъ болѣе, что вы, милостивый государь мой, сколько по родственному расположенію, столько и по чувству состраданія къ бѣдственному положенію графа, не оставите употребить съ своей стороны всѣ средства къ облегченію настоящей его участи, будучи притомъ увѣренъ, что прочіе гг. опекуны сдѣланными вами распоряженіями останутся довольны; почему до полученія указа изъ дворянской опеки о назначеніи васъ опекуномъ я разрѣшаю приступить къ лѣченію графа и дѣлать нужные на сіе расходы.

«Съ совершеннымъ почитаніемъ и таковою же преданностію честь имѣю быть

«вашего превосходительства

«покорнымъ слугою,

«князь Дмитрій Голицынъ».

«№ 4,971.

«12-го ноября».

Не взирая на болѣзнь брата, графиня Мамонова не переставала беспокоить его чрезъ посредство разныхъ лицъ, такъ какъ переписка съ братомъ не могла имѣть смысла помимо опекуновъ. Она, впрочемъ, добилась быть опекуншей надъ своимъ братомъ вмѣстѣ съ другими опекунами, въ 1826 году¹⁾.

¹⁾ Вотъ письмо князя Голицына къ отцу моему, сообщающее о назначеніи графини Мамоновой опекуншей надъ братомъ, совокупно съ прочими опекунами:

«Милостивый государь мой

«Александръ Александровичъ!

«Господинъ министръ юстиціи увѣдомилъ меня, что его императорское величество по всеподданнѣйшему прошенію дочери генераль-адъютанта, дѣвicy графини Дмитріевой-Мамоновой, высочайше повелѣтъ соизволивъ дозволить ей быть опекуншею надъ имѣніемъ брата ея генераль-маіора графа Дмитріева-Мамонова, совокупно съ прочими означенными отъ правительства опекунами, о каковомъ высочайшемъ повелѣніи объявлено уже по порядку правительствующему сенату.

«Нужнымъ считая сообщить о томъ вашему превосходительству, для доведенія до свѣдѣнія прочихъ опекуновъ о сдѣланномъ распоряженіи по сему предмету, имѣю честь быть

«вашего превосходительства

«покорнымъ слугою,

«князь Дмитрій Голицынъ».

«№ 1,367.

«18-го марта 1826 года».

Вотъ, между прочимъ, письмо ея къ моему отцу, которое обрисовываетъ ея характеръ и желаніе сдѣлать экономію въ свою пользу, такъ какъ она ожидала скорой смерти своего брата, а слѣдовательно и его наслѣдства:

«Милостивый государь

«Александръ Александровичъ.

«Отъ 26-го минувшаго апрѣля извѣщала я ваше превосходительство, что отъѣздомъ моимъ въ Москву я совсѣмъ была готова и точно имѣла бы честь давно бесѣдовать съ вами по дѣламъ опеки, но неожиданный случай—кончина августѣйшей государыни Елисаветы Алексѣевны, отъ сего пути меня остановила, и до самыхъ похоронъ священнаго тѣла ея мнѣ какъ члену Патриотическаго Общества назначено остаться въ С.-Петербургѣ, послѣ чего, нимало не медля, я увижусь съ вами.

«Между тѣмъ, занимаясь доставленными отъ васъ бумагами, замѣтила въ нихъ, что, по предположенію гг. докторовъ, на лѣтнее время слѣдуетъ для больнаго нанять домъ съ садомъ, что и я нахожу хорошимъ средствомъ къ поправленію здоровья его; домъ мой, что на Тверской, имѣетъ при себѣ обширный садъ, и всякое спокойствіе для больнаго въ немъ устроить возможно. Я прошу ваше превосходительство принять трудъ вмѣстѣ съ гг. медиками свидѣтельствовать оный, и ежели домъ и садъ по предположенію врачей окажутся способными, то на временное пребываніе брата моего я охотно уступаю, вмѣсто же найма цѣлаго дома съ садомъ, сумму, на то предположенную, можно употребить въ распоряженіяхъ по моему дому, что безотлагательно извольте приказать исполнить. Ежели же, чего я не ожидаю, домъ мой по свидѣтельству медиковъ окажется для больнаго неспособнымъ, то я согласна буду съ вами о наймѣ другаго выгоднаго; на случай же пребыванія моего въ Москвѣ, когда мой домъ останется за братомъ, я могу занять нѣсколько комнатъ въ домѣ его. О всемъ же послѣдующемъ буду ожидать вашего увѣдомленія, пребывая къ вамъ съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію.

«Вашего превосходительства

«милостиваго государя

«покорная къ услугамъ

«графиня Дмитріева-Мамонова».

«Мая 20 дня, 1826 года».

Графинѣ Мамоновой не удалось, однако же, сдѣлаться наслѣдницей своего брата: она умерла прежде него.

Для пользованія графа Мамонова, само собою разумѣется, не падали никакихъ средствъ: надзоръ за нимъ былъ постоянный и самый внимательный; его пользовали московскія знаменитости,

профессора Маркусь и Эвеніусъ, которые обязаны были ежедневно сообщать моему отцу о состояніи здоровья графа Мамонова. На сколько память не измѣняетъ мнѣ, говорили, что иногда (очень рѣдко) онъ рассуждалъ здраво, втеченіе получаса, не болѣе, а затѣмъ углублялся въ свои думы и начиналъ отдавать приказанія о наказаніи и ссылкѣ разныхъ лицъ, болѣе или менѣе для него несприятныхъ.

Отецъ мой, не смотря на настоянія князя Д. В. Голицына и С. П. Фонвизина, сложилъ съ себя званіе опекуна надъ Мамоновымъ, такъ какъ графиня Марья Александровна слишкомъ часто и назойливо стала проявлять свои корыстныя цѣли на имѣніе брата. Въ 1826 году, отецъ передалъ опеку бывшему московскому почтдиректору (впослѣдствіи сенатору), Александру Яковлевичу Булгакову, который тоже не могъ долго вынести милой княжны и ея подпольныхъ подвиговъ.

Смерть постигла Мамонова, какъ мнѣ говорили, неожиданно: онъ шелъ изъ своей спальни въ библіотеку, упалъ и моментально умеръ, пораженный ударомъ паралича.

Въ бумагахъ покойнаго Мамонова и отца его, безъ сомнѣнія, находятся много интересныхъ и историческихъ документовъ времени императрицы Екатерины II и императора Павла Петровича. Мнѣ не случалось, однако же, встрѣчать въ историческихъ сборникахъ никакихъ свѣдѣній объ этихъ бумагахъ. Документы, которые были описаны, когда была учреждена опека надъ сумасшедшимъ Мамоновымъ, не могли погибнуть безслѣдно, такъ какъ храненіе ихъ подлежало официальному контролю.

И. А. Арсеньевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I И АВСТРІЙСКІЙ ДВОРЬ ¹⁾.

IV.

Теплицъ. — Прага. — Вѣна.

1834—1836.

МЕТТЕРНИХЪ имѣлъ полное основаніе быть довольнымъ результатами мюнхенгрецкаго свиданія. Онъ былъ въ правѣ говорить своимъ приближеннымъ: «Я иду съ Россією, потому что она идетъ со мною». Но будущее тревожило его. Слишкомъ велико было различіе между русскою мощью и дряхлостью и безсиліемъ австрійскаго государственнаго организма. Не вѣкъ же можно было, прикрываясь личиною дружбы, отуманивать союзника, задерживать естественный политическій ростъ его. А если русскій дворъ очнется, расторгнетъ чары, вырвется изъ австрійскихъ сѣтей, подобно тому, какъ онъ поступилъ при воцареніи императора Николая, выйдя «на собственную дорогу»? Что тогда? Въ комъ найти поддержку? На Пруссію рассчитывать было нечего. Она была и ненадежна, и слаба. Франція и Англія только-что заключили съ Испаніей и Португаліей «четверной» союзъ, хотя и имѣвшій ближайшею цѣлью умиротвореніе Пиренейскаго полуострова, но въ сущности направленный противъ тѣхъ охранительныхъ началъ, представителями которыхъ являлись въ международной политикѣ три сѣверныя державы. Такое значеніе приписывалъ этому дого-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXVII, стр. 82.

вору главный виновникъ его, лордъ Пальмерстонъ, утверждавшій, «что союзъ конституціонныхъ государствъ будетъ служить могучимъ противовѣсомъ священному союзу на Востокъ»¹⁾. Меттерниху оставалась одна надежда, что все это измѣнится съ паденіемъ вигскаго министерства въ Англіи и съ возвращеніемъ къ власти торіевъ, которые снова сблизятся съ вѣковой союзницею своею, Австрію. Въ концѣ 1834 года, надежда эта даже казалась близкою къ осуществленію. Король Вильгельмъ IV потребовалъ отставки кабинета Мельборна и поручилъ герцогу Веллингтону и сэру Роберту Пилю составленіе новаго министерства. Но оно не продержалось и полугода, и слѣдующею же весною вынуждено было снова уступить мѣсто либераламъ. Пальмерстонъ, уходя котораго такъ обрадовалъ Меттерниха, опять получилъ въ свое завѣдованіе Foreign Office.

Замѣчательно, что пока Меттернихъ ставилъ восстановленіе англо-австрийскаго союза въ зависимость отъ отставки Пальмерстона, великобританскій министръ ожидалъ его отъ удаленія отъ дѣлъ самаго австрийскаго канцлера. «Меттернихъ,—писалъ онъ:—можетъ освободиться изъ-подъ русскаго гнета, хотя это и не совсѣмъ вѣроятно. Но императоръ австрийскій можетъ умереть, что гораздо вѣроятнѣе, и тогда, конечно, произойдетъ нѣкоторая перемѣна въ австрийскомъ совѣтѣ, и весьма возможно, что эрцгерцогъ Карлъ будетъ пользоваться большимъ вліяніемъ, чѣмъ нынѣ, а Меттернихъ—меньшимъ»²⁾.

Расчетъ Пальмерстона не оправдался. Императоръ Францъ скончался 18-го февраля (2 марта) 1835 года, завѣщавъ слабоумному сыну своему и преемнику, Фердинанду, ничего не измѣнять въ строѣ и направленіи государства и вполне вѣрится испытанной опытности канцлера. Въ эту критическую минуту, Меттернихъ все упованіе свое возложилъ на императора Николая. Въ письмѣ къ послѣднему, написанномъ въ самый день кончины отца, Фердинандъ увѣрялъ государя, что, помимо надежды на Бога, онъ прежде всего полагается на сохраненіе тѣснаго союза съ Россією и надѣется, что его величество будетъ относиться къ нему съ тѣми же чувствами благосклонности, которыя составляли счастье его покойнаго родителя³⁾. Письмо это сопровождалось личнымъ обращеніемъ Меттерниха къ императору Николаю. «Свиданіе въ Мюнхенгретцѣ,—писалъ канцлеръ государю,—осталось до самой минуты, когда императоръ отдалъ душу Богу, однимъ изъ наиболѣе дорогихъ воспоминаній его долговременной жизни, проведенной среди бурь... Продолжайте дарить императору Фердинанду тѣ же чувства, ко-

¹⁾ Лордъ Пальмерстонъ сэру Вильяму Темплю, 9-го (21-го) апрѣля 1834 года.

²⁾ Лордъ Пальмерстонъ сэру Вильяму Темплю, 9-го (21-го) апрѣля 1834 года.

³⁾ Императоръ Фердинандъ императору Николаю, 18-го февраля (2-го марта) 1835 года.

торыя вы питали къ отцу его. Въ новое царствованіе не будетъ измѣнено ничего ни въ основныхъ началахъ, ни въ ихъ примѣненіи»¹⁾.

На обращенный къ нему призывъ, императоръ Николай откликнулся съ неподдѣльною теплотою и искренностью чувства. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ Фердинанду онъ высказывалъ твердую рѣшимость сохранить во всей неприкосновенности и на будущее время союзъ, основанный ихъ предшественниками. Унаслѣдовавъ ихъ престолы, — утверждалъ онъ, — оба императора соблюдутъ неизбежное начало, въ силу коего союзъ монарховъ составляетъ крѣпость ихъ государствъ и единственную опору мира Европы. На сохраненіе и внутреннее спокойствіе обѣихъ имперій, а также и на внѣшнюю ихъ безопасность, онъ обѣщаль взирать, какъ на вопросъ общаго интереса для него и для императора Фердинанда, и употребить въ пользу этого великаго дѣла всѣ средства и все могущество, предоставленныя ему Провидѣніемъ²⁾. Еще опредѣлительнѣе выражался государь въ отвѣтѣ своемъ Меттерниху. «Я былъ глубоко разстроганъ, князь, — писалъ онъ ему, — письмомъ, коимъ вы извѣстили меня о послѣднихъ желаніяхъ моего августѣйшаго друга и союзника, въ Бозѣ почившаго, его величества императора Франца. Они пребудутъ для меня священными. Увѣренія, которыхъ выразителемъ явится графъ Орловъ, громко засвидѣтельствуютъ о томъ, какъ близко принимаю я къ сердцу исполненіе обязательствъ, взятыхъ на себя въ Мюнхенгретцѣ, во всей ихъ полнотѣ. Воспоминанія объ этой эпохѣ никогда не изгладятся изъ моей памяти. Это даетъ вамъ мѣру, князь, значенію, придаваемому мною заслугамъ, которыя, надѣюсь, вы долго еще будете призваны оказывать дѣлу порядка и монархіи, и послужить вамъ въ то же время увѣреніемъ въ постоянствѣ питаемыхъ мною къ вамъ чувствъ высокаго уваженія»³⁾. По высочайшему повелѣнію, полкъ русской гвардіи, шефомъ коего состоялъ покойный императоръ Францъ, долженъ былъ носить по немъ трауръ и навсегда сохранить его имя. Графъ Орловъ былъ отправленъ въ Вѣну, въ качествѣ личнаго представителя государя, для присутствованія на похоронахъ умершаго монарха.

Въ Вѣнѣ были какъ нельзя болѣе довольны этими краснорѣчивыми доказательствами уваженія императора Николая къ памяти его союзника и вѣрности обязательствамъ скрѣпленнаго въ Мюнхенгретцѣ союза. Княгиня Меттернихъ заносила въ свой дневникъ, что государь «оплакиваетъ того, кого нѣтъ, какъ истинный

¹⁾ Князь Меттернихъ императору Николаю, 18-го февраля (2-го марта) 1835 года.

²⁾ Императоръ Николай императору Фердинанду, 28-го февраля (12-го марта) 1835 года.

³⁾ Императоръ Николай князю Меттерниху, 1-го (18-го) марта 1835 года.

братъ и нѣжный другъ, и что нельзя лучше вести себя въ столь печальную минуту, какова настоящая». Самъ канцлеръ писалъ австрійскому послу въ Петербургѣ, что отчетъ его о томъ впечатлѣніи, которое кончина императора Франца произвела на императора Николая, представляется панегирикомъ покойному монарху и диэпирамбomъ въ честь живаго. «Доколѣ,—воскликаетъ онъ,—будетъ существовать единеніе между тремя монархами, вселенной останутся шансы на спасеніе, а такъ какъ я не знаю такой зловѣщей силы, которая могла бы обезсилить это единеніе, то врата адовы не одолѣютъ его!»¹⁾

Прощаясь съ императоромъ Францомъ въ Мюнхенгретцѣ, государь условился снова съѣхаться съ нимъ черезъ два года. Обѣщаніе свое онъ сдержалъ относительно его преемника. На этотъ разъ въ свиданіи императоровъ, русскаго и австрійскаго, долженъ былъ принять участіе и общій ихъ союзникъ, король прусскій. Монарховъ имѣли сопровождать ихъ супруги и многіе члены ихъ семействъ, по выраженію Меттерниха, также связанныхъ «одинаковыми узами дружбы»²⁾.

Поводомъ къ свиданію послужила закладка памятника въ честь русской гвардіи, на полѣ Кульмскаго боя. Вначалѣ сентября 1835 года, императоръ Фердинандъ съ женою, императрицею Маріею-Анною, прибылъ въ Теплицъ. Туда же пріѣхали прямо изъ Калиша эрцгерцоги Францъ-Карлъ и Іоаннъ, представлявшіе: первый—брата, а второй—племянника, на манѣврахъ, происходившихъ въ окрестностяхъ этого города, въ присутствіи короля Фридриха-Вильгельма III. Оба эрцгерцога были въ восхищеніи отъ всего видѣннаго въ русскомъ лагерѣ. Дѣйствительно, калишскіе манѣвры были величественнымъ зрѣлищемъ, произведшимъ на очевидцевъ мощное впечатлѣніе. «Почти все русское дворянство,—читаемъ мы въ современномъ газетномъ отчетѣ,—пришло въ движеніе, чтобы съ достоинствомъ принять участіе въ этомъ военномъ торжествѣ. Городъ Калишъ никогда не видѣлъ подобной пышности. Деньги бросались пригоршнями. Нельзя было ничего себѣ представить красивѣе лагеря. Не только избранная мѣстность являлась необыкновенно удобною, но и все было устроено на ней съ необычайнымъ искусствомъ. Видъ съ выстроеннаго для его величества императора всероссійскаго бельведера былъ несравнененъ, горизонтъ представлялъ цѣлое море бѣлыхъ палатокъ. Посреди ихъ, въ вечерней тишинѣ, раздалась, исполненная 600 музыкантами, симфонія, наполнявшая души слушателей глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Ракеты взвились въ темномъ и безоблачномъ небѣ, и разсыпавшяся

¹⁾ Князь Меттернихъ графу Фикельмонту, 28-го февраля (12-го марта) и 21-го марта (2-го апрѣля) 1835 года.

²⁾ Князь Меттернихъ графу Аппони, 30-го сентября (12-го октября) 1835 года.

ими звѣзды медленно спускались къ звѣздамъ. Наконецъ, пушечный выстрѣлъ подалъ 60,000 солдатъ сигналъ къ молитвѣ. Часто, по окончаніи богослуженія, раздавались вокругъ бельведера русскія народныя пѣсни, сопровождаемыя различными инструментами¹⁾.

Таково было предпразднество свиданія трехъ союзныхъ государей. Но и въ Теплицѣ дѣлались роскошныя приготовленія. Съ русскою императорскою четюю ожидали молодыхъ великихъ князей и великаго князя Михаила Павловича съ супругою; съ королемъ прусскимъ—сыновей его. Всего съѣхалось въ небольшой городокъ около 40 членовъ царственныхъ домовъ, не считая министровъ, пословъ, придворной и военной свиты. Меттернихъ, Нессельроде и Ансильонъ собрались вмѣстѣ за нѣсколько дней до пріѣзда государей и дѣятельно совѣщались по текущимъ вопросамъ.

14-го (26-го) сентября, поутру, пріѣхалъ въ Теплицъ императоръ Николай, въ тотъ же вечеръ—императрица Александра Теодоровна и король прусскій. Въ самый день пріѣзда, государь имѣлъ продолжительный разговоръ съ Меттернихомъ, выразилъ ему сожалѣніе по поводу отсутствія княгини, удержанной въ Вѣнѣ беременностью, удовольствіе на счетъ сообщеній министра и приготовленій, сдѣланныхъ къ его пріему, и не допустилъ императора и императрицу австрійскихъ выѣхать навстрѣчу государынѣ. Вечеромъ высочайшія особы ужинали въ замкѣ, за «семейнымъ» столомъ на 34 прибора. Императрица Александра Теодоровна отнеслась къ Меттерниху милостиво и ласково. «Вы, конечно, найдете, что я очень перемѣнилась»,—сказала ему она.—«Не перемѣнились, нѣтъ,—отвѣчалъ находчивый министръ,—но ужасно выросли». Ея величеству было всего семь лѣтъ, когда Меттернихъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Онъ нашелъ въ ней остатки не красоты, а пріятности и величавости.

На другой день былъ большой обѣдъ у императора для всего общества, собраннаго въ Теплицѣ. Въ письмѣ къ женѣ, Меттернихъ набросалъ оживленную картину этого собранія. «Я возвращаюсь,—пишетъ онъ,—съ придворнаго обѣда, удавшагося какъ нельзя лучше. Я забочусь здѣсь рѣшительно обо всемъ, а слѣдовательно и объ обѣдахъ. Я сажусь всегда противъ императора, за замѣчательно узкимъ столомъ. Я взялъ къ себѣ въ адъютанты князя Павла Эстергази, и мы заставили много смѣяться русскую императрицу, которая чрезвычайно проста и обходительна въ своемъ обращеніи. Мы относимся другъ ко другу такъ, какъ будто не прошло тридцати лѣтъ со времени нашей первой встрѣчи. Въ числѣ забавныхъ современныхъ исторій, переданныхъ мнѣ ею, я долженъ привести рассказъ о дюжинѣ англичанъ, которые съ другою дюжиною присутствовали на манѣврахъ въ Калишѣ и Лигницѣ, еже-

¹⁾ Stockmar's Denkwürdigkeiten, стр. 300.

дневно обѣдали и ужинали съ царственными хозяевами и никогда и не думали имъ представляться. Имъ дали спокойно удалиться, такъ что эти почтенные люди обойдутъ всю Европу, принимая всѣ дворы за удобныя гостиницы. Мнѣ кажется, что я готовъ влюбиться, дорогая моя. Предметъ моей страсти — великая княжна Ольга. Это — прелестное маленькое существо. Ей тринадцать лѣтъ и, кажется, не болѣе. Она походить на отца, какъ прекрасная миниатюра прекраснаго предмета. Она — императоръ Николай, разсматриваемый въ противоположный конецъ зрительной трубы. Тѣ же черты, только болѣе нѣжныя. Она, сверхъ того, превосходно воспитана, проста, естественна и вѣжлива. Всякій отецъ былъ бы счастливъ имѣть дочь, подобную ей, и я сказалъ это императору и императрицѣ¹⁾.

Вечеромъ былъ балъ, а на слѣдующій день церковный парадъ въ Дуксѣ. Меттернихъ былъ очень доволенъ свиданіемъ, хотя и жаловался, что на немъ лежала забота направлять, дѣлать и распутывать массу, состоящую изъ пятидесяти-четырехъ принцевъ и принцессъ, столькихъ же гофмейстеровъ и гофмейстеринъ и двойнаго числа камергеровъ, адъютантовъ и фрейлинъ. «Я не могу нахвалиться императоромъ Николаемъ, — читаемъ въ дальнѣйшихъ письмахъ его женѣ, — ни достаточно расхвалить его за все. Я имѣлъ во всѣ эти дни продолжительные разговоры съ нимъ; каждый день доказываетъ мнѣ, что я вѣрно угадалъ его. Императрица вполнѣ естественна и крайне любезна. Дѣло въ томъ, что все происходитъ такъ, какъ если бы всѣ находящіеся здѣсь составляли одну семью. Чувствуешь не больше стѣсненія, чѣмъ въ гостинной хорошаго тона; словомъ мы ведемъ здѣсь замковую жизнь. Всѣ всегда во фракахъ и въ сапогахъ. Король прусскій занимаетъ свое мѣсто въ партерѣ театра. Онъ стоитъ на томъ мѣстѣ въ бальной залѣ, которое сохраняетъ слѣдъ его ногъ: столько онъ простоялъ на немъ впродолженіе послѣднихъ двадцатипяти лѣтъ. Наконецъ Теплицъ — тотъ же, но облагороженный. Императоръ Фердинандъ и императрица веселятся и находятъ это удобнымъ и новымъ. Послѣдняя сказала мнѣ не далѣе какъ сегодня: — Я такъ боялась всего, что очень удивлена тѣмъ, что не боюсь больше ничего²⁾».

17-го, (29-го) сентября, въ годовщину битвы при Кульмѣ, состоялась закладка памятника, воздвигаемаго на полѣ сраженія императоромъ австрийскимъ въ честь русской гвардіи, которая, какъ извѣстно, выдержала на своихъ плечахъ всю тяжесть боя и одержала побѣду, имѣвшую столь рѣшительное вліяніе на исходъ кампаніи 1813 года. Надъ могилами австрийцевъ и пруссаковъ, павшихъ въ

¹⁾ Князь Меттернихъ женѣ, 15-го (27-го) сентября 1835 года.

²⁾ Князь Меттернихъ женѣ, 16-го (28-го) сентября 1835 года.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1887 г., т. XXVII.

этомъ сраженіи, давно были воздвигнуты памятники. Сооруженіе русскаго монумента поручено было вѣнс кому придворному архитектору Нобиле. Вокругъ пьедестала возвышались четыре мачты, украшенныя первыя три флагомъ русскимъ, австрійскимъ и прусскимъ, послѣдняя соединенными флагами трехъ державъ. Блестящее общество занимало съ утра родъ палатки, или эстрады. Въ десять часовъ, на мѣсто прибыли императоры Николай и Фердинандъ и король Фридрихъ-Вильгельмъ III съ ихъ семействами. Князь Меттернихъ поднесъ къ ихъ подписи актъ закладки, вѣданный затѣмъ съ пьедесталъ. Началась католическая обѣдня, на алтарѣ, подъ открытымъ небомъ. По окончаніи ея, войска открыли ружейный огонь, артиллерія салютовала выстрѣлами изъ орудій. Въ отвѣтъ на этотъ салютъ раздалась пушечная пальба съ батарей, поставленныхъ у памятниковъ австрійскаго и прусскаго: «настоящая бесѣда между павшими», какъ выразился Меттернихъ. Погода стояла великолѣпная. Монархи и всѣ присутствовавшіе казались растроганными. Четыре русскіе гвардейца, поставленные на часахъ у угловъ пьедестала, сами ветераны Кульмскаго боя, утирали слезы. «Все прошедшее, настоящее и даже будущее,—сообщалъ канцлеръ женѣ своей,—представились воображенію, и изъ всѣхъ этихъ чувствъ тѣ, которыя обнимаютъ разомъ три эпохи, конечно, наиболѣе глубоки. Въ особенности тронуть былъ король прусскій. Изъ всѣхъ присутствовавшихъ только двое были 22 года тому назадъ тѣмъ же, чѣмъ они теперь — король и я. Онъ замѣтилъ мнѣ это со слезами на глазахъ». По окончаніи церемоніи, все общество посѣтило поле Кульмскаго сраженія. На возвышенности, съ которой открывался обширный видъ на всѣ стороны, разбиты были палатки. Подъ ними размѣстились высочайшія особы, и офицеръ австрійскаго генеральнаго штаба объяснялъ имъ ходъ битвы. Онѣ посѣтили памятники прусскій и австрійскій и, зайдя въ домикъ инвалида, сторожившаго послѣдній, угощались предложеннымъ имъ чернымъ хлѣбомъ съ масломъ. «Русская императрица, — рассказываетъ Меттернихъ, — долго глядѣла на хлѣбъ и пожелала наконецъ сдѣлать себѣ тартину. Я вызвался намазать масломъ, а такъ какъ я умѣю дѣлать довольно щеголеватыя тартины, то и былъ вынужденъ надѣлать ихъ, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ. Нашъ императоръ, императрица, всѣ власти міра, запаслись тартинами. У меня затекла рука, и какъ во Франціи все оканчивается пѣснями, такъ, видно, было написано въ книгѣ судебъ, что этотъ день окончится тартинами»¹⁾. Вечеръ гости императора Фердинанда провели въ театрѣ, гдѣ выписанною изъ Праги оперною труппою представлена была «Норма»²⁾.

¹⁾ Князь Меттернихъ женѣ, 17-го (29-го) сентября 1835 года.

²⁾ Князь Меттернихъ женѣ, 18-го (30-го) сентября 1835 года.

Августѣйшіе посѣтители оставались въ Теплицѣ по воскресенье 22-го сентября (4-го октября). Прогулки по живописнымъ окрестностямъ, смотры, охоты, обѣды, спектакли, концерты, балы—такова была программа ежедневныхъ увеселеній, чередовавшихся съ дипломатическими совѣщаніями. Одинъ день, 20-го сентября (10-го октября), императоръ Николай ѣздилъ въ Дуксъ на свиданіе съ прибывшею изъ Карлсбада сестрою, принцессою Оранскою, Анною Павловною, а всѣ остальные гости совершили поѣздку въ Таненъ. Наканунѣ былъ концертъ піаниста Тальберга, пожалованнаго по этому случаю придворнымъ австрійскимъ капельмейстеромъ, а въ послѣдній день Теплицкаго пребыванія, 21-го (2-го),—импровизированный балъ, хотя и безъ ужина.

Король прусскій оставался въ Теплицѣ, но оба императора съ ихъ семействами имѣли отправиться въ Прагу, гдѣ ожидали ихъ новыя блестящія празднества. Императоръ Фердинандъ, покинувъ Теплицъ 22-го (3-го), прибылъ въ Прагу на слѣдующій день, а 24-го (5-го) пріѣхала туда и русская императорская чета, переночевавшая въ Терезіенштадтѣ, гдѣ императоръ Николай въ подробности осматривалъ крѣпость. Вслѣдъ за нею съѣхались въ столицу Богеміи великій герцогъ и великая герцогиня Саксенъ-Веймарскіе, прусскіе наслѣдные принцъ и принцесса, принцы Вильгельмъ и Карлъ прусскіе, герцоги Нассаускій и Кобургскій, герцогъ и герцогиня Лукскіе, принцъ Фридрихъ нидерландскій съ супругою. Русскія величества заняли въ Граджинѣ бель-этажъ императорскаго замка, австрійскія—переселились во второй этажъ. Празднества и въ Прагѣ продолжались безъ перерыва: иллюминаціи города, смотры, парады и большой публичный балъ.

Отъѣздъ императора Николая и его семейства назначенъ былъ на 21-е сентября (8-е октября). Въ этотъ день, утромъ, государь присутствовалъ на большомъ артиллерійскомъ ученьѣ. Послѣ обѣда, онъ долженъ былъ съ императрицею выѣхать въ Силезію. Каково же было удивленіе императора и императрицы австрійскихъ, когда онъ совершенно неожиданно спросилъ ихъ, не имѣютъ ли они дать ему порученій въ Вѣну. Они сразу даже не поняли его. «Да, да,—сказалъ государь,—я отправлюсь въ Вѣну засвидѣтельствовать мое почтеніе вдовствующей императрицѣ, и прощусь съ вашими величествами лишь по возвращеніи моемъ, въ будущій понедѣльникъ». Слова эти были встрѣчены всеобщимъ изумленіемъ. Между тѣмъ, въ гостинную вошелъ князь Меттернихъ, ничего еще не знавшій о намѣреніи государя. Его величество увлекъ его въ свой кабинетъ и, посадивъ за письменный столъ, сказалъ ему: «Пишите вашей женѣ». Канцлеръ, по собственному сознанію, вытаращилъ глаза, и только спросилъ, о чемъ ему писать. «Пишите, что хотите,—отвѣчалъ императоръ:—я отвезу ваше письмо». «Тогда,—повѣствуетъ Меттернихъ,—я раскрылъ ротъ гораздо шире глазъ». Госу-

дарь продолжалъ: «Да, да, это не шутка; я, право, ѣду въ Вѣну, буду тамъ черезъ двадцать четыре часа и вернусь въ понедѣльникъ». Меттернихъ начерталъ слѣдующія три строки, обращенныя къ княгинѣ: «Въ мірѣ происходитъ множество вещей, не постигаемыхъ умомъ, но тайна которыхъ заключается въ сердцахъ. Вы получите это письмо чрезъ курьера, какого еще никогда не было и не будетъ никогда!» Онъ подалъ государю письмо открытымъ, но его величество настоялъ, чтобы оно было запечатано. У канцлера не было при себѣ печати, и онъ запечаталъ записку печатью, одолженною ему принцемъ Вильгельмомъ прусскимъ¹⁾. Тотчасъ послѣ того, императоръ Николай сѣлъ въ коляску и въ сопровожденіи и подъ именемъ генераль-адъютанта графа Бенкендорфа чрезъ Иглау и Цнаимъ помчался по дорогѣ въ Вѣну.

Меттернихъ опасался, чтобы государя не задержали при въѣздѣ въ Вѣну за неимѣніемъ паспорта. Онъ приказалъ нарочному курьеру во что бы то ни стало обогнать его на дорогѣ и предупредить о его прибытіи вдовствующую императрицу и эрцгерцога Лудовика. Но обогнать русскаго императора было нелегко. 27-го сентября (9-го октября), въ два часа по полудни и черезъ двадцать три часа по въѣздѣ изъ Праги, его величество въѣзжалъ на дворъ русскаго посольства въ Вѣнѣ. При его появленіи привратникъ зазвонилъ въ колокольчикъ. Государь спросилъ у выбѣжавшаго ему навстрѣчу слуги, знаетъ ли онъ его? Тотъ отвѣтилъ отрицательно, прибавивъ, однако, что, кажется, видалъ его въ посольствѣ, на что государь замѣтилъ, смѣясь, что онъ не дипломатъ. На шумъ вышелъ совѣтникъ посольства, князь А. М. Горчаковъ, крайне удивленный. Императоръ приказалъ никому не объявлять о своемъ пріѣздѣ и только послалъ къ императрицѣ Маріи-Каролинѣ²⁾ князя Карла Лихтенштейна, вмѣстѣ съ нимъ пріѣхавшаго въ Вѣну, спросить, когда будетъ ей угодно принять его. Нѣсколько времени спустя, онъ отправилъ Горчакова къ княгинѣ Меттернихъ предупредить ее, что тотчасъ по возвращеніи изъ Шёнбруна онъ заѣдетъ къ ней, чтобы передать ей письмо отъ мужа. Горчаковъ объявилъ, что его величество желаетъ видѣть сперва княгиню одну, что вечеромъ онъ опять пріѣдетъ къ ней на чашку чая и что тогда онъ проситъ ее созвать къ себѣ обычное свое общество.

Первое посѣщеніе государя было къ гробницѣ императора Франца, въ склепѣ капуцинскаго монастыря. Послѣ полудня, онъ, взявъ съ собою князя Лихтенштейна, поѣхалъ сначала въ Шёнбрунъ, къ вдовствующей императрицѣ, а потомъ къ княгинѣ Меттернихъ, въ домъ государственной канцеляріи. Княгиня встрѣтила

¹⁾ Нынѣшнимъ германскимъ императоромъ. См. письмо князя Меттерниха къ женѣ, отъ 26-го и 27-го сентября (8 и 9 октября) 1835 года.

²⁾ Вдова императора Франца.

его на подѣздѣ, представила ему двухъ старшихъ дочерей своихъ и провела въ гостиную. Разговоръ коснулся покойнаго императора Франца и желанія государя повидаться съ его вдовою и выразить ей, на сколько онъ раздѣляетъ ея скорбь. Его величество упомянулъ о Теплицѣ, о единеніи, установившемся между тремя союзными дворами, пожалѣлъ о слабомъ состояніи здоровья императора Фердинанда, съ похвалою отозвался о рѣдкихъ качествахъ царствующей императрицы и о согласіи, господствующемъ въ императорской семьѣ. Когда въ гостиную вошла трехлѣтняя дочь хозяйки, княжна Меланія, и наивно спросила: «Это, что ли, русскій императоръ?» онъ взялъ ее на руки и обласкалъ. Старшей дочери канцлера, графинѣ Шандоръ ¹⁾, государь выразилъ свое удивленіе кавалерійскимъ подвигомъ ея мужа, извѣстнаго спортсмена.

Начало вечера императоръ провелъ въ Шёнбрунѣ, а къ семи часамъ снова возвратился къ княгинѣ Меттернихъ. Онъ извинился передъ нею въ томъ, что вторично хотѣлъ остаться съ нею наединѣ, не желая, какъ онъ выразился, выставять сѣвернаго медвѣдя на показъ передъ нескромными взорами. Бесѣда приняла политическій оборотъ. «Покойный императоръ, — сказалъ онъ княгинѣ, — сдѣлалъ мнѣ однажды заявленіе, котораго я никогда не забуду: О! если бы мы сговорились десять лѣтъ тому назадъ такъ, какъ нынѣ; сколько бы бѣдъ избѣжалъ мѣръ? Теперь нужно воздвигнуть преграду, чтобы отдѣлить прошлое отъ будущаго. Будемъ терпѣливо нести тяжесть ошибокъ, нами совершенныхъ или допущенныхъ, и наблюдать за тѣмъ, чтобы онѣ болѣе не повторялись. Такова должна быть цѣль нашихъ усилій и желаній, и пока мы тѣсно соединены втроемъ, ничего подобнаго не можетъ совершиться. Въ Мюнхенгрецѣ состоялась эта неразрывная связь, и ничто отнынѣ не будетъ въ состояніи разъединить насъ» ²⁾.

На другой день государь, вставъ рано поутру, совершилъ прогулку пѣшкомъ по гласису, ѣздилъ въ Пратеръ, посѣтилъ княгиню Лихтенштейнъ, заѣхалъ проститься съ княгинею Меттернихъ, обѣдалъ у вдовствующей императрицы съ эрцгерцогинею Софіею и эрцгерцогами Лудовикомъ и палатиномъ венгерскимъ и выѣхалъ обратно въ Прагу, куда прибылъ черезъ двадцать четыре часа, а именно 29-го сентября (11-го октября), въ пять часовъ по полудни. Встрѣтившему его Меттерниху онъ сказалъ, что считаетъ эту поездку въ Вѣну однимъ изъ лучшихъ воспоминаній своей жизни. На слѣдующій день, русская императорская чета простилась со своими державными хозяевами и оставила Прагу.

¹⁾ Графиня Леонтина Шандоръ, урожденная княжна Меттернихъ, мать извѣстной княгини Меттернихъ, жены старшаго сына канцлера, князя Рихарда, бывшаго много лѣтъ австрийскимъ посломъ при дворѣ Наполеона III.

²⁾ Свѣдѣнія о пребываніи императора Николая въ Вѣнѣ заимствованы изъ вышеуказаннаго дневника княгини Меттернихъ.

Сопровождавшіе государей министры и дипломаты не менѣе усердно совѣщались въ Теплицѣ и Прагѣ, чѣмъ въ Мюнхенгретцѣ. Въ дипломатической перепискѣ своей Меттернихъ приписывалъ этимъ совѣщаніямъ важное значеніе. «Если во всѣ времена, — сообщалъ онъ австрійскому послу при парижскомъ дворѣ, графу Аппони, — невозможно, чтобы столь августѣйшее собраніе осталось чуждымъ вопросамъ высшей политики, то несомнѣнно, что въ эпоху, подобную нашей, утверждать противное значило бы выражать нелѣпость. Нѣтъ, графъ, монархи не ограничились свиданіемъ другъ съ другомъ. Они отдали себѣ отчетъ въ общемъ положеніи дѣлъ, въ ихъ взаимныхъ къ нему отношеніяхъ, въ тѣхъ заботахъ, которыя требуютъ отъ нихъ великіе насущные интересы и исполненіе ихъ обязанностей. Ихъ точка отправленія извѣстна всѣмъ: защитники и стражи охранительныхъ началъ, три монарха не могли колебаться ни въ выборѣ задачи, возложенной на нихъ Провидѣніемъ, ни въ томъ направленіи, которому они должны слѣдовать для ея достиженія. Общественное тѣло вовлечено въ борьбу, въ коей болѣе или менѣе принимаютъ участіе всѣ государства. Борьба эта началась не вчера; она общеизвѣстна; сторонники двухъ единственныхъ системъ, существующихъ въ дѣйствительности: системы охранительной и той, которую называютъ системою мнимаго соціального преобразованія, не сомнѣваются болѣе ни относительно того, что они хотятъ, ни того, чего должны хотѣть, служа дѣлу, подъ знаменами котораго партіи все болѣе и болѣе обозначаются съ каждымъ днемъ. Отдавъ себѣ взаимно отчетъ въ потребностяхъ минуты, могучіе хранители общественнаго мира сошлись въ мысляхъ между собою, и поведеніе cadaго изъ нихъ окрѣпло, въ силу убѣжденія, что мысли эти тѣ же во всемъ»¹⁾.

Впрочемъ, въ дѣйствительности, состоявшееся въ Теплицѣ и Прагѣ соглашеніе трехъ союзныхъ дворовъ по всѣмъ текущимъ политическимъ дѣламъ не пошло далѣе обмѣна дипломатическихъ меморандумовъ и не выразилось ни въ единомъ дѣйствіи. Пять вопросовъ были предметомъ обсуждения этихъ дворовъ.

1) Отношенія трехъ сѣверныхъ державъ къ морскимъ державамъ. Рѣшено было ничего не измѣнять въ сношеніяхъ съ послѣдними, предоставляя времени расторгнуть противоестественный союзъ Англіи съ Франціею. Въ случаѣ новой перемѣны во французскомъ правленіи, признать немедленно возстановленіе законной династіи, но относительно всякаго иного образа правленія, предварительно согласиться между собою.

2) Бельгійско-голландское дѣло. Условлено не соглашаться на предложенное Англіею возобновленіе лондонской конференціи, пока кабинеты великобританскій и французскій не выкажутъ

¹⁾ Князь Меттернихъ графу Аппони, 30-го сентября (12-го октября) 1835 года.

большаго безпристрастія по отношенію къ Бельгіи, а Гагскій дворъ—
большей уступчивости.

3) Восточный вопросъ. Вѣнскій кабинетъ возобновилъ въ Теплицѣ давнее предложеніе свое, сообщить дворамъ лондонскому и парижскому содержаніе Мюнхенгредцкой конвенціи по дѣламъ востока. Мы отклонили его по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, утверждали мы, поведеніе обѣихъ морскихъ державъ не оправдываетъ такого знака уваженія и довѣрія къ нимъ съ нашей стороны. Во-вторыхъ, онѣ могутъ пожелать сами приступить къ конвенціи, а такъ какъ мы на это никогда не согласимся, то онѣ, пожалуй, вступятъ въ уговоръ между собою, въ смыслѣ противномъ Мюнхенгредцкой конвенціи, и такимъ образомъ, мы, вмѣсто того, чтобы ослабить, укрѣпимъ ихъ союзъ. Меттернихъ уступилъ и, по собственному выраженію его, согласился «продолжать быть въ глазахъ Англіи обманутымъ или сообщникомъ русской политики въ дѣлахъ Востока».

4) Испанскія дѣла. Въ противоположность морскимъ державамъ, три союзные двора сочувствовали донъ-Карлосу въ борьбѣ его съ регентствомъ, правившимъ страной отъ имени малолѣтней королевы Изабеллы. Меттерниху даже удалось убѣдить насъ оказать претенденту денежную помощь.

5. Вольный городъ Краковъ. Со времени усмиренія польскаго возстанія, Краковъ сдѣлался убѣжищемъ для многихъ его дѣятелей и очагомъ новыхъ беспорядковъ въ будущемъ. По нашему предложенію, три державы рѣшили положить конецъ его независимому существованію и присоединить его къ австрійскимъ владѣніямъ. Въ этомъ смыслѣ, состоялся между ними протоколъ, которымъ Россія, Австрія и Пруссія условились «заняться средствами для приведенія въ исполненіе этой мѣры и для осуществленія ея такимъ способомъ, чтобы изъ сего не могло послѣдовать тяжелыхъ политическихъ усложненій и чтобы въ особенности прочія державы, подписавшія актъ вѣнскаго конгресса, не нашли въ этомъ законнаго основанія къ противодѣйствію»¹⁾.

Изъ вышеизложеннаго перечня ясно, что въ Теплицѣ и Прагѣ, также какъ и въ Мюнхенгредцѣ, всѣ политическіе вопросы были разрѣшены въ духѣ Австріи и въ ея пользу. По ознакомленіи съ этими рѣшеніями, понятны становятся намъ слѣдующія слова Меттерниха изъ письма его къ графу Аппони: «Скажите себѣ,—и вы не ошибетесь,—что Теплицъ исчерпалъ все. Изъ всѣхъ свиданій государей и кабинетовъ, происходившихъ въ продолженіе минувшихъ двадцати лѣтъ, ни одно не представляло столь полной

¹⁾ Протоколъ между Россією, Австрією и Пруссією, подписанный въ Берлинѣ 2-го (14-го) октября 1835 года. Всѣ переговоры, происходившіе въ Теплицѣ и Прагѣ, вложены на основаніи нежданной рукописной записки барона Бруннова.

совокупности мыслей, желаній и намѣреній. Все, чего мы ни хотимъ, оба другіе кабинета и чувствуютъ, и хотятъ сами. Мы обрекли себя на молчаніе, и не сомнѣвайтесь, что оно будетъ болѣе величественно, чѣмъ все, что бы мы ни могли сказать» ¹⁾.

Въ то же самое время въ Петербургѣ пребывали въ увѣренности, что, въ особенности по отношенію къ Восточному вопросу, Россія приобрѣла въ Австріи «наиболѣе вѣрнаго друга и естественную помощницу» ²⁾.

V.

Вторичная размолвка.

1836—1846.

Убѣдившись въ прочности министерства виговъ въ Англіи, не довѣряя устойчивости Орлеанской монархіи во Франціи, Меттернихъ началъ сознать всю цѣну тѣсной дружбы и союза съ Россією. Въ началѣ 1836 года, совершенно непредвидѣнное обстоятельство возбудило въ немъ тревогу относительно надежности и той послѣдней его политической опоры.

Польская эмиграція предприняла въ Лондонѣ изданіе на англійскомъ и французскомъ языкахъ сборника, направленнаго преимущественно противъ русскаго двора, подъ названіемъ «Портфоліо». Въ немъ обращали на себя вниманіе многочисленные дипломатическіе документы несомнѣнной подлинности, нѣкогда сообщенные нашимъ министерствомъ иностраннымъ дѣль цесаревичу Константину Павловичу и доставшіеся въ руки варшавскихъ мятежниковъ при ограбленіи ими, въ 1830 году, Бельведерскаго дворца. Такъ, появилась въ печати вся довѣрительная переписка между Нессельроде, Поццо-ди-Борго и Татищевымъ, по поводу усилій Меттерниха возбудить во время послѣдней русско-турецкой войны обще-европейскую коалицію противъ Россіи. Австрійскій канцлеръ и не подозрѣвалъ, что всѣ его происки и интриги въ томъ направленіи были своевременно разоблачены и сдѣлались въ подробности извѣстны русскому двору. Отсюда весьма естественный страхъ его, какъ бы обнародованіе этихъ актовъ во всеобщее свѣдѣніе не навлекло снова гнѣва императора Николая на него и на Австрію.

«Климентъ пришелъ ко мнѣ,—пишетъ княгиня Меттернихъ въ дневникѣ своемъ подъ 5-мъ (17-мъ) февраля 1836 года,—въ состояніи крайняго волненія. Онъ принесть мнѣ журналъ, въ которомъ помѣ-

¹⁾ Князь Меттернихъ графу Аппони, 30-го сентября (12-го октября) 1835 года.

²⁾ Всеподданнѣйшій отчетъ графа Нессельроде за 1835 годъ.

щены извлеченія изъ депешъ, написанныхъ въ 1829 году Поццо и Татищевымъ. Послѣдній говоритъ о коварной Австрiи, но Поццо открыто заявляетъ, что единственное средство осуществить славные замыслы Россiи состоятъ въ томъ, чтобы изъавить имперiю отъ столь отвратительнаго человѣка, каковъ князь Меттернихъ и т. д. Обнародованiе подобныхъ документовъ заставляеть содрогнуться¹⁾.

По сознанию княгини, Меттернихъ принялъ это дѣло близко къ сердцу и поспѣшилъ представить русскому двору свое оправданiе. Съ этою цѣлью, онъ написалъ къ австрийскому послу въ Петербургъ пространную депешу, къ которой приложилъ 25 документовъ, большею частью, своихъ же депешъ 1828—1829 годовъ, которыя должны были опровергнуть воспроизведенныя въ «Портфолiо» обвиненiя. Княгиня Меттернихъ находила, «что Австрiя и въ особенности Климентъ появляются въ нихъ въ такомъ благопрiятномъ свѣтѣ, который, конечно, произведетъ сильное впечатлѣнiе на благородное сердце императора Николая, ибо онъ отрекся отъ своихъ прежнихъ заблужденiй и несомнѣнно порицаетъ эти неосторожныя публикаци, столь серьезно компрометирующiя его самого и лицъ, его окружающихъ»²⁾.

Дѣйствительно, разоблаченiя «Портфолiо» не нарушили согласiя, установившагося между двумя императорскими дворами. Меттернихъ всѣми силами старался поддержать расположенiе императора Николая. Онъ не колебался повѣрять русскому кабинету свои внутреннiя затрудненiя и, между прочимъ, опасенiя, внушаемыя ему противоправительственнымъ настроенiемъ Венгрии. На письмѣ австрийскаго посла графа Фикельмонта по этому предмету, государь сдѣлалъ собственноручную надпись: «Молю Бога, дабы Онъ избавилъ Австрiю отъ готовящагося испытанiя. Желалъ бы надѣяться, что приняты всѣ необходимыя мѣры. Но, во всякомъ случаѣ, Австрiя можетъ положиться на Россiю». Тогда же, его величество приказалъ послу своему въ Вѣнѣ объявить австрийскому канцлеру, «что императоръ не забудетъ никогда того, что онъ обѣщалъ въ Мюнхенгретцъ своему августѣйшему другу и союзнику, императору Францу». «Священное обязательство, — восклицаетъ баронъ Брунновъ, въ посвященной Австрiи главѣ обзора нашихъ вѣдѣнныхъ сношенiй, — память о коемъ мы должны хранить съ благоговѣнiемъ!»³⁾.

¹⁾ Дневникъ княгини Меттернихъ, 5-го (17-го) февраля 1836 года.

²⁾ То же, 11-го (23-го) февраля 1836 года. Едва ли оправданiе Меттерниха было такъ убѣдительно, какъ полагають княгиня и сынъ канцлера, издатель его записокъ. Иначе, послѣднiй непременно ее бы помѣстилъ въ своемъ изданiи, какъ депешу Меттерниха къ Фикельмонту отъ 18-го февраля (1-го марта) 1836 года, такъ и 28 приложенныхъ къ ней документовъ. Ср. примѣчанiе къ стр. 97, *Memoires de Metternich*, VI.

³⁾ Рукописная записка барона Бруннова.

Единомысліе дворовъ петербургскаго и вѣнскаго проявлялось во всѣхъ вопросахъ, не исключая и внутреннихъ. Въ одномъ лишь важномъ вопросѣ Австрія продолжала обнаруживать отсутствіе искренности и, скажемъ прямо, добросовѣстности. Это не ускользнуло отъ вниманія молодаго и прозорливаго дипломата, князя А. М. Горчакова, въ 1837 году, за отсутствіемъ Татищева, временно управлявшаго дѣлами нашего посольства въ Вѣнѣ. Онъ доносилъ вице-канцлеру, что, по всѣмъ признакамъ, вѣнскій кабинетъ тяготеетъ Мюнхенгрецкою конвенціею, считая себя связаннымъ ею. По мнѣнію князя, въ случаѣ войны Россіи съ Турціею, можно ожидать отъ Австріи лишь соблюденія нейтралитета; что же касается до содѣйствія ея, «то оно будетъ всегда болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ». Но въ Петербургѣ не довѣряли впечатлѣніямъ проницательнаго совѣтника посольства, лично нелюбимаго графомъ Нессельроде, съ политическимъ взглядомъ котораго они къ тому же шли въ разрѣзъ. Послѣдствіемъ было удаленіе въ отставку князя Горчакова и продолженіе самыхъ довѣрчивыхъ отношеній къ вѣнскому двору, пока новыя замѣшательства на Востоцкѣ не разоблачили всего двуличія политики послѣдняго.

Императоръ Николай не переставалъ выказывать благоволеніе свое къ австрійскому канцлеру и женѣ его. Въ началѣ 1838 года, онъ прислалъ княгинѣ свой портретъ при собственноручномъ письмѣ. Когда узнали въ Вѣнѣ, что дѣтомъ того же года государь намѣренъ навѣститъ въ Теплицѣ короля прусскаго, пользовавшагося тамъ водами, то рѣшили послать привѣтствовать его брата императора, эрцгерцога Франца-Карла. Случаемъ этимъ воспользовался и Меттернихъ, чтобы пріѣхать въ Теплицъ, для совѣщаній съ сопровождавшими своихъ монарховъ министрами иностранныхъ дѣлъ, русскимъ и прусскимъ.

Государь и императрица прибыли въ Теплицъ 7-го (19-го) іюля вечеромъ. Они обмѣнялись визитами съ эрцгерцогомъ и его супругой, и на другой день обѣдали у нихъ, вмѣстѣ съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, а вечеромъ присутствовали на концертѣ и на публичномъ бадѣ въ вокзалѣ. 9-го (21-го), императрица уѣхала, а государь остался еще на два дня. Они были посвящены дѣламъ. «Я начинаю мой день,—писалъ Меттернихъ женѣ,—двухчасовымъ разговоромъ съ Вертеромъ³⁾; затѣмъ, я перешелъ къ продолжавшемуся два часа совѣщанію съ королемъ прусскимъ, котораго я оставилъ для другаго совѣщанія, длившагося около трехъ часовъ, съ императоромъ Николаемъ, и, наконецъ, все заключилось бесѣдою съ Нессельроде. Изъ всего этого слѣдуетъ, что оба монарха и я вполне согласны между собою, а потому два министра принимаются въ соображеніе лишь для памяти. Все ясно въ положе-

³⁾ Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

нiяхъ; все тождественно въ основныхъ началахъ, а тамъ, гдѣ и проявляется различiе, оно основано на недостаткѣ умѣлости, коему мы непричастны»¹⁾.

Впродолженiе лѣта 1838 года, весь австрійскій дворъ перенесся въ Инсбрукъ. Тамъ областныя чины Тироля приносили императору Фердинанду присягу на вѣрность подданства. Въ Тирольскую долину ожидали прiѣзда и русскаго государя, пребывавшаго по сосѣдству, въ городѣ Крейцѣ, въ Баварiи, гдѣ больная императрица пользовалась водами. Однако императоръ Николай не прибылъ въ Инсбрукъ, а вызвалъ къ себѣ, въ Крейцъ, князя Меттерниха. Отсюда канцлеръ проѣхалъ прямо въ Миланъ, для присутствованiя при вѣнчанiи Фердинанда желѣзною короною ломбардскихъ королей. Въ Миланѣ послы русскiй и прусскiй подписали съ нимъ протоколъ объ учрежденiи комиссiи изъ представителей трехъ державъ для надзора за краковскимъ судомъ и провѣрки ихъ рѣшенiй по дѣламъ о государственныхъ преступленiяхъ²⁾. Изъ Милана, Меттернихъ съ семействомъ переѣхалъ въ Комо, гдѣ посѣтилъ его Нессельроде, въ сопровожденiи Бруннова и Хрептовича.

Въ 1839 году, въ февралѣ, прибылъ въ Вѣну, совершавшiй первое путешествiе свое по Европѣ, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ и былъ принятъ австрiйскимъ дворомъ съ величайшею предупредительностью и почетомъ. Въ самый день прiѣзда, 19-го февраля (3-го марта), его высочество обѣдалъ у императора въ замкѣ, присутствовалъ на парадномъ спектаклѣ въ придворномъ театрѣ и на вечерѣ у князя и княгини Меттернихъ. На другой день, происходилъ торжественный обѣдъ у посла Татищева, и концертъ въ замкѣ. Конецъ вечера великiй князь провелъ снова у канцлера, въ небольшомъ избранномъ кружкѣ молодыхъ женщинъ и кавалеровъ, приглашенныхъ нарочно для него и съ которыми онъ забавлялся салонными играми (petits jeux). Вообще, въ свое десятидневное пребыванiе въ Вѣнѣ, онъ едва ли не каждый день посѣщалъ домъ Меттерниха, гдѣ съ удовольствiемъ проводилъ время, въ особенности по вечерамъ. Дворъ и знатнѣйшiе аристократы дали въ честь его рядъ великолѣпныхъ празднествъ. На все вѣнское общество онъ произвелъ самое прiятное впечатлѣнiе. Его находили красивымъ, симпатичнымъ и веселымъ, удивлялись его такту и скромности. Такъ, на вечерѣ у Татищева, онъ встрѣчалъ эрцгерцоговъ при прiѣздѣ, ссылаясь на то, что праздникъ происходитъ на русской территорiи, но первое мѣсто уступилъ старику-послу, прося, чтобы его самого считали лишь принадле-

¹⁾ Князь Меттернихъ женѣ, 10-го (22-го) iюля 1838 года.

²⁾ Протоколъ, подписанный въ Миланѣ уполномоченными Россiи, Австрiи и Пруссiи 24-го августа (10-го сентября) 1838 года. Онъ почему-то не напечатанъ въ Мартеновскомъ собранiи нашихъ трактатовъ и конвенцiй съ Австрiею.

жащимъ къ посольскому семейству. Цесаревичъ оставилъ Вѣну 1-го (13-го) марта ¹⁾. Императоръ Николай собственноручнымъ письмомъ отблагодарилъ княгиню Меттернихъ за радушный приемъ, оказанный его высочеству въ ея домѣ. «Вы были столь добры и любезны, княгиня, къ моему сыну,—писалъ онъ ей,—что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи выразить вамъ за это мою благодарность. Воспоминаніе о Вѣнѣ, которую я такъ любилъ и безъ того, становится мнѣ вдвое дороже, и я прямо признаюсь, что почти завидую сыну, имѣющему предо мною то преимущество, что онъ провелъ тамъ больше времени, чѣмъ я, и такъ легко изгладилъ своего отца изъ вашей памяти. Если бы мнѣ было дозволено выразить желаніе, то я хотѣлъ бы передать вамъ устно, какъ высоко цѣню я приемъ, сдѣланный вами моему сыну, и какъ мнѣ пріятно раздѣлять съ нимъ его чувства признательности» ²⁾.

Но въ то самое время, когда пребываніе въ Вѣнѣ цесаревича, повидимому, должно было укрѣпить связи, соединявшія оба императорскіе двора, на Востокѣ собирались грозныя тучи, предвѣстницы бури, едва не порвавшія снова и окончательно союзъ Австріи съ Россіею. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе образа дѣйствій князя Меттерниха впродолженіе второй турецко-египетской распри. Достаточно сказать, что онъ вполне оправдалъ опасенія, высказанныя княземъ А. М. Горчаковымъ за два года передъ тѣмъ. Въ восточномъ кризисѣ онъ, нимало не стѣсняясь постановленіями Мюнхенградской конвенціи, связывавшими его политику съ нашею, не только перешелъ на сторону враждебныхъ намъ морскихъ державъ, но и попытался снова возбудить вопросъ о неоднократно отвергнутомъ нами ручательствѣ Европы за цѣлость и независимость Оттоманской имперіи. Проявленные имъ при этомъ двуличіе и недобросовѣстность, безъ сомнѣнія, послужили побудительными причинами попытки императорскаго кабинета сблизиться съ Англіею и разрѣшить восточныя замѣшательства путемъ соглашенія съ нею. И въ этомъ фазисѣ переговоровъ австрійскій канцлеръ остался вѣренъ своей неизлѣчимой страсти сѣять смуту и раздоръ между державами. Но усилія его помѣшать сближенію Россіи съ Англіею не увѣнчались успѣхомъ. Лѣтомъ 1840 года, между Петербургомъ и Лондономъ состоялось полное соглашеніе по турецко-египетскимъ дѣламъ, и Австріи оставалось лишь приступить къ нему вмѣстѣ съ берлинскимъ дворомъ, не смотря на устраненіе Франціи отъ договора, подписаннаго по этому предмету въ Лондонѣ представителями остальныхъ четырехъ великихъ державъ ³⁾. Однако, Меттерниху удалось, въ слѣдующемъ 1841 году,

¹⁾ Дневникъ княгини Меттернихъ, съ 19-го по 21-е февраля (1-го по 19-е марта) 1839 года.

²⁾ Императоръ Николай княгинѣ Меттернихъ, 18-го (30-го) марта 1839 года.

³⁾ Конвенція, заключенная въ Лондонѣ между Россіею, Австріею, Англіею и Пруссіею 3-го (15-го) іюля 1840 года.

снова привлечь парижскій кабинетъ къ участию въ общеевропейскомъ соглашеніи по вопросу о закрытіи Дарданелль и Босфора и настоять на включеніи въ конвенцію, заключенную между всѣми пятью державами, провозглашенія цѣлости и независимости Оттоманской имперіи основнымъ началомъ народнаго права Европы ¹⁾.

Такое уклоненіе Австріи отъ своихъ союзныхъ обязательствъ передъ нами естественно произвело въ Петербургѣ крайне неблагоприятное впечатлѣніе, и въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ, графъ Нессельроде сознался, «что Англія и Россія часто вынуждены были сожалѣть, что онѣ не взяли исключительно на себя разрѣшенія восточнаго вопроса» ²⁾. Впечатлѣнія эти не могли не отозваться на дальнѣйшихъ отношеніяхъ обоихъ императорскихъ дворовъ, вызвавъ въ нихъ довольно продолжительное охлажденіе. Но у насъ слишкомъ свыклись съ мыслью о томъ, что намъ невозможно обойтись безъ австрийскаго союза, и въ инструкціяхъ графу Медему, назначенному посланникомъ въ Вѣну, на мѣсто старика Татищева, ослѣпшаго и уволеннаго въ отставку, вице-канцлеръ продолжалъ утверждать, что въ означенномъ союзѣ мы усматриваемъ главное основаніе нашихъ собственныхъ государственныхъ интересовъ. «Австрія, Пруссія и Россія,—писалъ онъ,—изъ коихъ первыя двѣ группируютъ вокругъ себя разсѣяныя силы Германіи: таковъ для насъ краеугольный камень общественнаго зданія Европы... Сознаніе этой истины, необходимость этого союза, составляютъ основаніе мюнхенгредскихъ конвенцій: и вотъ почему, не отказываясь отъ мысли сблизиться съ Англіею, императоръ считаетъ эти акты самымъ вѣрнымъ ручательствомъ общаго равновѣсія» ³⁾. Нѣсколько иначе взиралъ вѣнскій дворъ на свои отношенія съ Россіею. Назначая графа Война посланникомъ въ Петербургъ, Меттернихъ не скрывалъ отъ него, что отношенія съ русскимъ дворомъ подобны цвѣтамъ, полнымъ шиповъ. «Взаимное положеніе,—утверждалъ канцлеръ,—крайне странно въ настоящую минуту. Въ Россіи дѣлаютъ много ошибокъ и времена столь трудны, что лучше было бы остерегаться отъ нихъ. Руководствуйтесь архивами посольства. Они ознакомятъ васъ съ нашимъ образомъ дѣйствій, и вы почерпнете въ нихъ доказательство, что во многихъ важныхъ случаяхъ онъ отличался отъ образа дѣйствій нашего союзника» ⁴⁾. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Меттернихъ сообщалъ тому же дипломату, что императоръ Николай часто-де придерживается во внутреннихъ дѣлахъ имперіи политики, которая не можетъ принести полезныхъ плодовъ. Подъ этимъ канцлеръ, оче-

¹⁾ Конвенція, заключенная въ Лондонѣ между пятью великими державами 1-го (13-го) іюля 1841 года.

²⁾ Всеподданнѣйшій отчетъ графа Нессельроде за 1840 годъ.

³⁾ Графъ Нессельроде графу Медему, 31-го января (12-го февраля) 1842 года.

⁴⁾ Князь Меттернихъ графу Война, 28-го іюня (10-го іюля) 1841 года.

видно, разумѣлъ строгія мѣры, принятыя государемъ противъ революціонныхъ происковъ католическаго духовенства на нашихъ западныхъ окраинахъ ¹⁾).

Неудовольствіе вѣнскаго двора на Россію росло не по днямъ, а по часамъ. Весною 1842 года, князь Меттернихъ разразился цѣлымъ обвинительнымъ актомъ противъ русской политики. Онъ писалъ австрійскому посланнику въ Петербургъ: «Въ сущности мы стоимъ на той же чертѣ принципозъ, какъ и русскій дворъ. Во многихъ манипуляціяхъ оба двора идутъ различнымъ путемъ. Это справедливо во всѣхъ текущихъ дѣлахъ и зависитъ отъ фундаментальной причины, заключающейся въ различіи, характеризующемъ и имѣющемъ характеризовать постоянно политику этихъ дворовъ. Мы ищемъ въ предметахъ лишь то, что они вмѣщаютъ, не стремясь къ иной выгодѣ, какъ только къ торжеству принципозъ и къ удаленію шансовъ безпорядка, покрывающихъ политическое поле. Въ Россіи стремятся, правда, къ той же цѣли, но, сверхъ того, и къ какой либо одинокой выгодѣ. Истина эта осязательна во всѣхъ дѣлахъ: въ родѣ сношеній, поддерживаемыхъ г. Брунновымъ съ тщательною заботливостью въ Англіи; въ охлажденіи отношеній между Россією и Францією; она, наконецъ, несомнѣнно проявляется въ вопросахъ, относящихся до Сирійскихъ дѣлъ. При такихъ обстоятельствахъ, что предписываетъ намъ мудрость? Если я вѣрно понимаю ея голосъ, то она совѣтуетъ мнѣ постоянно идти впередъ и избѣгать объясненій, не вызываемыхъ крайнею необходимостью. Дѣйствовать какъ слѣдуетъ въ прямыхъ путяхъ и болѣе дѣйствовать, чѣмъ говорить—таково правило, коего мы придерживаемся, въ особенности въ нашемъ поведеніи относительно русскаго двора, ибо нечего сообщать ему о самихъ себѣ, и мы знаемъ и предвидимъ заранѣе все, что можемъ ожидать отъ него». Въ заключеніе своей депеши, канцлеръ возвращался къ положенію въ Россіи католическаго духовенства и въ слѣдующихъ словахъ выражалъ осужденіе мѣрамъ нашего правительства: «Одна изъ сторонъ русской политики страшна и готова въ величайшія затрудненія императору и странѣ: это религіозное преслѣдованіе. Пока тучи только собираются; громъ не замедлитъ грянуть». Но австрійскій министръ не смѣлъ и мечтать о вмѣшательствѣ въ это внутреннее русское дѣло и утѣшалъ себя размышленіемъ, что оно еще не дозрѣло и что поэтому лучше молчать до поры до времени ²⁾).

Даже пожалованіе княгини Меттернихъ Екатерининскаго ордена не могло разсѣять угрюмости канцлера. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, онъ возлагалъ всѣ свои надежды на возвращеніе къ

¹⁾ Князь Меттернихъ графу Лойна, 22-го октября (3-го ноября) 1841 года.

²⁾ Князь Меттернихъ графу Война, 31-го марта (12-го апрѣля) 1842 года.

власти англійскихъ консерваторовъ, дѣйствительно успѣвшихъ образовать министерство въ предѣдательствѣ сэра Роберта Пилля, и ожидалъ отъ нихъ традиціоннаго сближенія съ Австріею. Во Франціи, кабинетъ Гизо обнаруживалъ съ нѣкоторымъ задаткомъ прочности искреннее желаніе вступить въ тѣсную связь съ вѣнскимъ дворомъ. Молодой наслѣдникъ короля Фридриха-Вильгельма III также выказывалъ при воцареніи склонность подчиниться вліянію Меттерниха. Послѣднему показалось, что онъ менѣе нуждается въ Россіи, и онъ посмѣлъ отклонить приглашеніе императора Николая прибыть въ Варшаву на свиданіе съ его величествомъ ¹⁾. вмѣсто себя онъ отправилъ туда Фикельмонта, который, по отозваніи изъ Петербурга, занялъ мѣсто помощника канцлера. На очереди стоялъ вопросъ объ усмиреніи безпорядковъ, возникшихъ въ Дунайскихъ княжествахъ, и императорскій кабинетъ испрашивалъ согласія вѣнскаго на введеніе русскихъ войскъ въ Валахію. «Климентъ рѣшился категорически отвѣчать «нѣтъ»,— читаемъ въ дневникѣ княгини ²⁾. Въ Сербіи, не смотря на нашъ протестъ противъ низложенія Михаила Обреновича и избранія княземъ Александра Карагеоргіевича, вѣнскій дворъ успѣлъ настоять на оставленіи послѣдняго у власти, убѣдилъ нашъ дворъ удовольствоваться чисто формальнымъ удовлетвореніемъ и не требовать удаленія князя Александра, извѣстнаго своею приверженностью къ Австріи.

Всѣ эти обстоятельства объясняютъ рѣшеніе императора Николая дать почувствовать вѣнскому двору свое неудовольствіе и при отправленіи въ Палермо, гдѣ зиму 1845—1846 годовъ проводила императрица Александра Теодоровна, миновать австрійскую столицу. Въ Вѣнѣ уже дѣлали приготовленія къ приему государя, когда вдругъ узнали, что его величество, взявъ въ Лейтмерицѣ экстренный поѣздъ, направился въ Италію, чрезъ Прагу и Баварію. Впрочемъ, въ Миланѣ, онъ посѣтилъ фельдмаршала Радецкаго, а въ Вѣну послалъ съ извиненіемъ графа Нессельроде. На возвратномъ пути, государь проѣхалъ чрезъ Вѣну, но провелъ тамъ всего три дня. Слѣдующій рассказъ княгини Меттернихъ о пребываніи его въ этомъ городѣ всего лучше доказываетъ перемѣну, происшедшую въ недавно столь еще близкихъ и сердечныхъ отношеніяхъ двухъ императорскихъ дворцовъ.

«18-го (30-го) декабря 1845 года, узнали, что императоръ Николай оставилъ Брукъ въ 10 часовъ и прибылъ въ Глогницъ, гдѣ высшіе сановники приняли и угощали его. Въ публикѣ знали, что съ пяти часовъ весь дворъ былъ въ сборѣ для приема императора, и приготовленные для него покои представлялись иллюминированными.

¹⁾ Профессоръ Мартенсъ въ 1 ч., IV тома своего собранія трактатовъ и конвенцій ошибочно показываетъ, будто князь Миттернихъ былъ дѣломъ 1843 года гостемъ императора Николая въ Варшавѣ.

²⁾ Дневникъ княгини Меттернихъ, 11-го (23-го) іюля 1843 года.

А потому общественное любопытство было возбуждено въ высшей степени, когда увидали, что придворные экипажи, въ одномъ изъ коихъ сидѣлъ русскій императоръ, съ сопровождавшимъ его княземъ Карломъ Лихтенштейномъ, вѣхали въ Геренгассе, тогда какъ всадники, предшествовавшіе императору, съ зажженными факелами направились къ императорскому дворцу. Лихтенштейнъ сказалъ императору, что получилъ формальное приказаніе вести его величество во дворецъ, и что онъ не можетъ отвѣчать за впечатлѣніе, которое произведетъ отказъ государя. Его величество отвѣчалъ прочувствованнымъ голосомъ: «Дѣлайте изъ меня завтра, что хотите; сегодня у меня не хватаетъ силъ». Съ этими словами онъ поѣхалъ къ Медему, гдѣ ожидала его рота его полка, со знаменемъ. Онъ сказалъ лишь нѣсколько словъ этимъ солдатамъ и удалился въ свои покои. 19-го (31-го), въ 10 часовъ, императоръ отправился во дворецъ, а въ 11 часовъ, происходилъ большой смотръ войскамъ на гласисѣ. Погода стояла очень хорошая и теплая. Весь дворъ, даже дамы, присутствовали на смотре. Я была дома, какъ вдругъ доложили мнѣ о пріѣздѣ императора. Я вышла къ нему на встрѣчу и замѣтила въ немъ большую перемену. Выраженіе его лица стало еще жестче прежняго, и грозная строгость его взгляда нисколько не умѣрялось выраженіемъ его устъ. Когда вошелъ Климентъ и заговорилъ о политикѣ, и о торійскомъ министерствѣ, императоръ прервалъ его, сказавъ: «Ни слова о политикѣ. Я пріѣхалъ лишь для того, чтобы побесѣдовать съ вашею женою». Вслѣдъ за симъ, онъ условился съ Климентомъ о свиданіи на завтра, въ 10 часовъ, и началъ разговаривать съ нами. Я рада была, что при этомъ случаѣ императоръ сталъ немного менѣе мраченъ. Онъ заключилъ тѣмъ, что надѣется увидать меня еще разъ при дворѣ. Потомъ онъ посѣтилъ графиню Фикельмонтъ, послѣ чего поѣхалъ во дворецъ на обѣдъ, къ которому были приглашены генералы»¹⁾.

На другой день, въ католическій новый годъ, княгиня Меттернихъ такъ начинала свой дневникъ: «Да хранить насъ Богъ, пресвятая Дѣва и всѣ святые и да окажутъ намъ милостивую помощь! Я привыкла начинать и проводить годъ въ большомъ волненіи. Но ни одинъ не начинался еще подъ столь грозными предзнаменованіями, какъ этотъ. Императоръ Николай продолжаетъ держать себя строго. Климентъ былъ у него въ 10 часовъ, разговоръ продолжался долго»²⁾.

Чѣмъ могла быть вызвана такая необычайная суровость государя въ отношеніи къ двору, съ которымъ соединяли его узы тѣсной личной дружбы и политическаго единомыслія? Переписка Мет-

¹⁾ Дневникъ княгини Меттернихъ, 19-го (31-го декабря) 1845 года.

²⁾ Дневникъ княгини Меттернихъ, 20-го декабря 1845 года (1-го января 1846 года).

терниха, изданная нѣсколько лѣтъ тому назадъ, заключаетъ лишь нѣкоторые намеки на причины охлажденія императора Николая къ Австрiи. Въ дипломатическихъ кругахъ носились упорные слухи о предположенномъ бракѣ между эрцгерцогомъ Стефаномъ, сыномъ палатина венгерскаго, и великою княжною Ольгою Николаевною. Но, повидимому, австрийскій дворъ возбудилъ препятствiя къ вопросу о вѣнзюсповѣданiи будущихъ супруговъ. Толкамъ объ этомъ положило, впрочемъ, скоро конецъ официальное сообщенiе въ Journal de St.-Petersbourg о вступленiи великой княжны въ супружество съ наслѣднымъ принцемъ виртембергскимъ. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что гнѣвъ государя возбудила попытка Меттерниха вмѣшаться въ наши внутреннiя дѣла, подъ предлогомъ ходатайства за католическое духовенство въ Россiи.

За нѣсколько дней до прiѣзда его величества въ Вѣну, австрийскiй канцлеръ писалъ послу въ Парижѣ графу Аппони: «Императоръ Николай прибудетъ сюда, вѣроятно, 16-го (28-го) или 17-го (29-го) декабря. Онъ останется здѣсь два или три дня, не болѣе. Я тогда яснѣ увижу, чѣмъ нынѣ, то, что происходило между главами двухъ церквей¹⁾. Во всемъ этомъ нѣтъ и рѣчи о великой княжнѣ Ольгѣ и эрцгерцогѣ Стефанѣ. Дѣло въ томъ, чтобы узнать, будетъ императоръ или не будетъ жить въ мирѣ съ 14 или 15 милліоновъ своихъ католическихъ, протестантскихъ или еврейскихъ подданныхъ²⁾».

Меттернихъ ничего не узналъ, потому что государь, конечно, не допустилъ его и коснуться вопроса, вполне чуждаго внѣшней политикѣ. Но самое любопытство, проявленное австрийскимъ министромъ, произвело на его величество непрiятное впечатлѣнiе. Императоръ Николай выѣхалъ изъ Вѣны 21-го декабря (2-го января), раздавъ по обыкновенiю много орденовъ и подарковъ состоявшимъ при немъ придворнымъ и офицерамъ. Мѣсяцъ спустя, въ австрийскую столицу, на возвратномъ пути изъ Италiи, прiѣхалъ Нессельроде. Княгиня Меттернихъ занесла про него въ свой дневникъ: «Въ немъ нѣтъ недостатка въ доброй волѣ, и онъ желалъ бы содѣйствовать торжеству добра. Тѣмъ не менѣе, характеръ его кажется мнѣ слишкомъ слабымъ для того, чтобы его голосъ имѣлъ въ совѣтѣ подобающее значенiе³⁾».

¹⁾ Возвращаясь изъ Палермо, императоръ Николай посѣтилъ въ Римѣ папу Григорiя XVI.

²⁾ Князь Меттернихъ графу Аппони, 24-го ноября (11-го декабря) 1845 года.

³⁾ Дневникъ княгини Меттернихъ, 17-го (29-го) января 1846 года.

VI.

Тѣснѣйшій союзъ.

1846—1854.

Въ кратковременное пребываніе императора Николая въ Вѣнѣ, въ концѣ 1845 года, Меттернихъ убѣдился въ томъ, что неискренность и шаткость его дѣйствій по отношенію къ Россіи за послѣднее время грозили поколебать то благосклонное расположеніе, которое съ самаго мюнхенгредскаго свиданія русскій государь не переставалъ питать и выказывать къ Австріи. Канцлеръ спѣшилъ изгладить эти неблагопріятныя впечатлѣнія съ тѣмъ большею ревностью, что политическія событія на Западѣ начинали принимать для монархіи Габсбурговъ опасный оборотъ и грозили ей въ недалекомъ будущемъ всевозможными бѣдствіями.

Въ Англіи виги снова замѣнили торіевъ у власти, и ненавистный Пальмерстонъ въ третій разъ сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Во Франціи, Гизо хотя и продолжалъ обнаруживать искреннее желаніе идти рука въ руку съ вѣнскимъ дворомъ во всѣхъ вопросахъ общей политики на Востокѣ, какъ и на Западѣ, но положеніе этого министра представлялось далеко не прочнымъ, а усиленіе въ странѣ революціонныхъ партій угрожало низверженіемъ самому престолу короля Лудовика-Филиппа. Даже Пруссія ускользала изъ-подъ вліянія вѣнскаго двора, и Меттерниху, не смотря на все краснорѣчіе, потраченное при личномъ свиданіи съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, лѣтомъ 1845 года, въ замкѣ Штольценфельсѣ, на Рейнѣ, не удалось убѣдить этого государя отказаться отъ намѣренія даровать своимъ подданнымъ пока лишь областное земское представительство, которое, впрочемъ, какъ справедливо предвидѣлъ канцлеръ, должно было неминуемо и скоро преобразиться въ государственное. Въ Италіи и въ Германіи замѣчалось всеобщее возбужденіе къ національно-либеральному направленію, предвѣщавшее въ близкомъ будущемъ всеобщій революціонный взрывъ. Въ самой Австріи съ каждымъ днемъ усиливалось броженіе всѣхъ ея разноплеменныхъ народовъ. Славянское возрожденіе громко проповѣдывалось въ Прагѣ и Загребѣ, Венгрія требовала восстановленія историческихъ правъ своихъ, нѣмецкія области заражались духомъ «молодой Германіи», мечтали о политической свободѣ и о единствѣ великаго германскаго отечества. Противъ всѣхъ этихъ бѣдъ, грозившихъ разложеніемъ ветхому и распатанному австрійскому государственному зданію, у вѣнскаго двора оставалось одна опора—Россія, одна надежда—великодушіе и высокая политическая честность русскаго императора.

Въ началѣ 1846 года, серьезные безпорядки вспыхнули въ Галиціи и оттуда распространились на подвластные Пруссіи польскія области. Центромъ ихъ былъ вольный городъ Краковъ. Тамъ засѣдалъ тайный комитетъ, руководившій возстаніемъ, оттуда, снабженный предводителями и оружіемъ, шайки мятежниковъ вторгались въ сосѣдніе предѣлы, туда же удалялись они снова, убѣгая отъ преслѣдованія австрийскихъ и прусскихъ войскъ. Еще за десять лѣтъ передъ тѣмъ, на свиданіи въ Теплицѣ трехъ союзныхъ государей, рѣшено было положить конецъ независимому существованію этого постояннаго очага смутъ и безпокойствъ всякаго рода, напоминавшаго полякамъ о бывшей самостоятельности и возбуждавшаго въ нихъ надежду на ея восстановленіе въ будущемъ. Но, съ теченіемъ времени, Пруссія взяла назадъ уже выраженное было ею согласіе на присоединеніе Кракова къ владѣніямъ австрийскаго императора. Революція, вспыхнувшая въ этомъ городѣ, въ февралѣ 1846 года, подъ знаменемъ польской независимости, побудила, наконецъ, три союзныя державы условиться относительно занятія его русскими и австрийскими войсками и введенія военнаго управленія отъ имени трехъ дворовъ. Представители послѣднихъ составили временной исполнительный совѣтъ, въ предсѣдательствѣ генерала, начальствующаго австрийскими войсками. Но, согласясь на этотъ шагъ, берлинскій дворъ все еще колебался признать необходимость включенія Кракова въ составъ Австрийской монархіи. Императоръ Николай взялъ на себя убѣдить короля Фридриха-Вильгельма IV въ неизбѣжности такого исхода, и съ этою цѣлью былъ отправленъ имъ въ Берлинъ генералъ-адъютантъ, графъ Бергъ. Внушенія государя подѣйствовали, и въ первыхъ числахъ апрѣля, въ прусской столицѣ подписанъ былъ уполномоченными Россіи, Австріи и Пруссіи актъ, прекращавшій независимое существованіе Кракова въ качествѣ вольнаго города и провозглашавшій присоединеніе его къ Австріи¹⁾.

Но вѣнскій дворъ долго не рѣшался привести это постановленіе въ исполненіе, ссылаясь то на вѣроятное противодѣйствіе морскихъ державъ, то на затаенную зависть Пруссіи, нелегко мирившейся съ мыслью о расширеніи владѣній вѣковой своей соперницы. Русскій дворъ старался ободрить князя Меттерниха, придать ему недостававшего мужества. «Австрія,—писалъ вице-канцлеръ нашему посланнику въ Вѣнѣ,—можетъ разсчитывать на силы Россіи также точно, какъ императоръ желалъ бы положиться на силы Австріи»²⁾. Когда и это не помогло, то императорскій кабинетъ прибѣгнулъ къ крайнему средству, объявивъ, что, въ случаѣ

¹⁾ Актъ, заключенный въ Берлинѣ между Россією, Австрією и Пруссією 3-го (15-го) апрѣля 1846 года.

²⁾ Графъ Нессельроде графу Мадему, 18-го (30-го) іюня 1846 года.

нерѣшительности вѣнскаго двора, императоръ Николай готовъ взять на себя всю отвѣтственность за положеніе, которое оказывается не по силамъ его союзникамъ, и присоединить Краковъ къ своей имперіи, хотя это и не отвѣчаетъ его видамъ и намѣреніямъ ¹⁾. Въ Берлинѣ были убѣждены, что помянутое заявленіе было сдѣлано русскимъ дворомъ вслѣдствіе тайной просьбы австрійскаго, чтобы окончательно сломить сопротивление Пруссіи развязкѣ, на которую она согласилась противъ воли ²⁾. Какъ бы то ни было, прусскіе государственные люди опасались расширенія нашихъ предѣловъ несравненно болѣе, чѣмъ даже усиленія Австріи, и, скрѣпя сердце, допустили присоединеніе Кракова къ Австрійской монархіи. Оно состоялось позднею осенью 1846 года.

Полтора года спустя, революціонный погромъ внезапно поколебалъ въ основаніяхъ монархическую Австрію, не давъ ей даже времени воззвать къ помощи, которую императоръ Николай держалъ для нея на-готовѣ. Первымъ порывомъ бури снесенъ былъ Меттернихъ и вся представляемая имъ политическая система. На другой день по удаленіи своемъ отъ власти, бывший канцлеръ обратился къ императору Николаю съ письмомъ, въ коемъ называлъ его «самымъ истиннымъ другомъ и союзникомъ имперіи», но, выражая полное отчаяніе, утверждалъ, что «не въ силахъ человѣческихъ остановить потокъ и что возможно лишь воздвигнуть ему плотину» ³⁾. Государь въ своемъ отвѣтѣ замѣтилъ, что вмѣстѣ съ Меттернихомъ «исчезаетъ цѣлая система взаимныхъ отношеній мысли, интересовъ и дѣйствій сообща и что на новомъ пути, на который отнынѣ вступаетъ Австрійская монархія, и не взирая на добрую волю ея правительства, крайне трудно будетъ обрѣсти ихъ въ одинаковой степени, подъ иною формою» ⁴⁾.

Дѣйствительно, намъ скоро оказалось чрезвычайно трудно дружить съ новымъ правительствомъ, народившимся въ Вѣнѣ изъ уличныхъ беспорядковъ. Подчиняясь вліянію преобладавшихъ въ народномъ представительствѣ либеральныхъ и даже радикальныхъ вѣяній, оно сразу обнаружило тяготѣніе къ западнымъ державамъ, и не только чуждалось преданій Священнаго Союза, но даже не исполняло относительно насъ обязательствъ, истекавшихъ изъ договора съ нами, отказываясь, на примѣръ, выдавать намъ искавшихъ убѣжища въ Галиціи государственныхъ преступниковъ изъ уроженцевъ царства Польскаго. Императорскій кабинетъ пригро-

¹⁾ Графъ Нессельроде графу Мадему, 21-го октября (9-го ноября) 1846 года.

²⁾ Предположеніе это высказывалъ, между прочимъ, князь Бисмаркъ, тогда еще прусскій представитель на франкфуртскомъ сеймѣ, въ донесеніи своемъ барону Мантейфелю, отъ 27 ноября (9 декабря) 1854 года.

³⁾ Князь Меттернихъ императору Николаю, 2-го (14-го) марта 1848 года.

⁴⁾ Императоръ Николай князю Меттерниху, 4-го (16-го) апрѣля 1848 года.

зигль за это вѣнскому разрывомъ дипломатическихъ сношеній и отозваніемъ нашего посольства изъ Вѣны¹⁾.

За то, какъ только, со вступленіемъ на престолъ императора Франца-Иосифа, въ австрійскомъ правительствѣ произошелъ коренной переломъ, и руководимое княземъ Феликсомъ Шварценбергомъ, оно, порвавъ всякія связи съ революціею, снова возвратилось на традиціонный охранительный путь,—у насъ спѣшили привѣтствовать это событіе, какъ залогъ полнаго восстановленія прежнихъ союзническихъ отношеній нашихъ къ вѣнскому двору. Еще раньше, а именно въ октябрѣ 1848 года, на донесеніи нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Вѣнѣ о разговорѣ его съ австрійскимъ фельдмаршаломъ княземъ Виндишгрецомъ, выразившимъ намѣреніе, въ случаѣ неуспѣха въ борьбѣ съ вооруженнымъ возстаніемъ (Виндишгрець осаждалъ тогда мятежную Вѣну), обратиться къ великодушію русскаго императора, государь сдѣлалъ слѣдующую собственноручную помѣтку: «И я отвѣчу на ихъ зовъ, и они не ошибутся»²⁾.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1848 годъ, вице-канцлеръ, упомянувъ объ отреченіи императора Фердинанда и воцареніи его племянника, восемнадцатилѣтняго эрцгерцога Франца-Иосифа, восклицалъ: «Съ этой минуты начинается новый фазисъ въ нашемъ политическомъ положеніи и все болѣе и болѣе осязательное возобновленіе нашихъ прежнихъ отношеній къ австрійскому правительству»³⁾.

Такимъ образомъ, снова оживали мюнхенгрецкія обязательства и сопряженные съ ними воспоминанія. Молодой австрійскій императоръ выражалъ самыя почтительныя и преданныя чувства къ русскому государю, и когда тотъ за храбрость, проявленную имъ при вѣятіи штурмомъ крѣпости Раабъ, прислалъ ему георгіевскій крестъ 4-й степени, то Францъ Іосифъ объявилъ, что никогда не сниметъ этого почетнаго знака отличія со своего мундира⁴⁾. Скоро обстоятельства вынудили его воззвать къ помощи своего великодушнаго союзника. Мятежные венгерцы одолѣвали австрійскія войска, и спасенія можно было ожидать лишь отъ вооруженнаго вмѣшательства Россіи. Первый, фельдмаршалъ Виндишгрець рѣшился напомнить императору Николаю въ трогательномъ письмѣ объ обѣщаніи, данномъ въ Мюнхенгрецѣ императору Францу, служить опорой и щитомъ его преемникамъ. Вслѣдъ за формальнымъ

¹⁾ Графъ Нессельроде Фонтону, 13-го (25-го) сентября 1848 года.

²⁾ Высочайшая отмѣтка на донесеніи Фонтона графу Нессельроде, отъ 14-го (26-го) октября 1848 года.

³⁾ Всеподданнѣйшій отчетъ графа Нессельроде за 1848 годъ.

⁴⁾ Императоръ Францъ-Иосифъ остался вѣренъ этому обѣщанію и понинѣ постоянно носить на груди своей пожалованный ему императоромъ Николаемъ георгіевскій крестъ.

обращеніемъ вѣнскаго двора, сперва 5-му пѣхотному корпусу, занимавшему Дунайскія княжества, а затѣмъ и всей западной арміи, подъ главнымъ начальствомъ Паскевича, повелѣно было, вступивъ въ предѣлы Венгріи, усмирить мятежь.

Не безъ смущенія объяснилъ австрійскій императоръ о принятомъ имъ рѣшеніи своимъ подданнымъ. Они узнали о немъ изъ статьи официальной «Вѣнской Газеты». «Возстаніе въ Венгріи,—говорилось въ ней,—впродолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ получило такое развитіе, оно обличаетъ въ настоящемъ своемъ фазисѣ столь рѣшительный характеръ соединенія всѣхъ элементовъ европейской революціонной партіи, что общій всѣмъ государствамъ интересъ требуетъ поддержанія императорскаго правительства въ борьбѣ его противъ подготавлиаемаго тамъ распаденія всякаго общественнаго порядка. Въ виду этихъ важныхъ соображеній, правительство его величества императора вынужденнымъ нашлось обратиться къ вооруженной помощи его величества императора всероссійскаго, который и общалъ ее тотчасъ же въ широкомъ размѣрѣ и съ благородною готовностью. Условенныя обѣими сторонами мѣры уже приводятся въ исполненіе»¹⁾.

За этимъ сообщеніемъ слѣдовало воззваніе Франца-Иосифа къ венгерцамъ, въ коемъ выражалось, что императоръ Николай соединился съ австрійскимъ императоромъ для борьбы противъ общаго врага, венгерцы же приглашались встрѣчать русскія войска не какъ непріятели, а какъ друзей ихъ законнаго государя²⁾. Военныя приготвленія вызывали необходимость личныхъ совѣщаній между монархами. Въ концѣ мая 1849 года, въ Венгерскій Градецъ въ Моравіи прибылъ для свиданія съ императоромъ Францомъ-Иосифомъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, вмѣстѣ съ нимъ отправившійся въ Краковъ, куда 2 (14-го) іюня пріѣхалъ на нѣсколько часовъ и самъ императоръ Николай. Молодой австрійскій монархъ трогательно выражалъ свою признательность за скорую, могучую и вполне безкорыстную помощь, дарованную ему его августѣйшимъ союзникомъ.

24-го мая (5-го іюня), перешла русская армія австрійскую границу, и уже 1-го (13-го) августа Венгрія, по выраженію Паскевича, лежала у ногъ государя.

Австрійская монархія была спасена. По усмиреніи венгерскаго мятежа, одно время грозившаго низвергнуть самый престолъ Габсбурговъ, возстановить порядокъ въ прочихъ областяхъ имперіи было нетрудно. Съ паденіемъ Венеціи, австрійское вліяніе снова утвердилось въ Италіи. Но, въ Германіи, Пруссія была мало рас-

¹⁾ Вѣнская Газета, 19-го апрѣля (1-го мая) 1849 года.

²⁾ Воззваніе императора Франца-Иосифа къ венгерцамъ, 30-го апрѣля (12-го мая) 1849 года.

положена вновь признать за вѣнскимъ дворомъ право руководить общими дѣлами Союза. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ такъ долго находилась Австрія и которое препятствовало ей въ продолженіе 1848—1849 годовъ вліять на судьбы Германіи, король Фридрихъ-Вильгельмъ IV хотя и отказался принять предложенную ему франкфуртскимъ народнымъ собраніемъ императорскую корону, но рѣшился образовать ограниченный союзъ, такъ называемую «Унію», изъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ, соединенныхъ въ одно «союзное государство», подъ главенствомъ дома Гогенцоллерновъ. Разумѣется, Австрія не могла хотѣть ни исключенія своего изъ Германіи, ни предоставленія въ ней преобладающаго значенія Пруссіи. Опираясь на оппозицію прусскимъ замысламъ крупнѣйшихъ изъ нѣмецкихъ государствъ, а именно четырехъ королевствъ: Баваріи, Виртемберга, Ганновера и Саксоніи, она потребовала восстановленія Германскаго Союза, въ томъ видѣ, въ какомъ тотъ былъ установленъ вѣнскимъ конгрессомъ и существовалъ до 1848 года. Берлинскій дворъ, успѣвшій, между тѣмъ, заручиться болѣе или менѣе добровольнымъ согласіемъ 24 членовъ прежняго Союза, не хотѣлъ разстаться съ мыслью объ «Уніи». Дипломатическія пререканія двухъ великихъ державъ Германіи грозили привести ихъ къ вооруженному столкновенію. Во избѣжаніе этой крайности, объ онѣ рѣшили воззвать къ посредничеству русскаго государя. Втеченіе 1850 года, къ императору Николаю дважды съѣзжались въ Варшаву представители дворовъ вѣнскаго и берлинскаго: со стороны Австріи самъ императоръ и первый министръ князь Шварценбергъ, со стороны Пруссіи—наслѣдникъ престола, принцъ Вильгельмъ, и предсѣдатель совѣта министровъ, графъ Бранденбургъ. Государь категорически высказался въ пользу Австріи, настаивавшей на возвращеніи къ порядку установленному международными договорами, участницею коихъ была и Россія. Въ рѣшительную минуту, угроза его оказать Австріи, въ случаѣ войны, союзную помощь, сломила сопротивленіе берлинскаго двора и вынудила послѣдній подписать знаменитое Ольмюцское соглашеніе, восстановившее Германскій Союзъ, въ первобытномъ его видѣ, и обезпечившее въ немъ за Австрією первенствующее положеніе.

Такимъ образомъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ императоръ Николай оказалъ молодому своему союзнику двѣ первостепенныя услуги и вполне сдержалъ обѣщаніе, данное императору Францу въ Мюнхенгретцѣ. Благодаря его могучей поддержкѣ, Австрія не только восстановила порядокъ внутри имперіи, но и возвратила себѣ снова въ Италиіи и Германіи преобладающее вліяніе, столь мало соотвѣтствовавшее дѣйствительному ея могуществу. Важнымъ этимъ результатомъ она была исключительно обязана русскому союзу, служившему ей твердою опорой противъ возобновленія въ будущемъ посягательства Пруссіи на предсѣдательство въ Герман-

скомъ Союзѣ, Франціи—на покровительственныя отношенія ея къ итальянскимъ государямъ.

Но, подобно отдѣльнымъ личностямъ, государства и народы, вынужденные необходимостью принять услугу друга и сосѣда, рѣдко проникаются признательностью за нее, и нѣсколько дней послѣ Ольмюцкаго уговора князь Шварценбергъ довольно громко заявлялъ на совѣщаніяхъ въ Дрезденѣ, что Австрія скоро удивитъ міръ своею неблагодарностью. Обнаруженное Россією превосходство ея нравственныхъ и матеріальныхъ силъ надъ австрійскими произвело на вѣнскій дворъ впечатлѣніе удручающее и раздражающее. Отсюда отказъ его помиловать приговоренныхъ къ смерти вождей венгерскаго возстанія, не смотря на личное ходатайство за нихъ наслѣдника русскаго престола. Но чувства эти не смѣли еще проявляться слишкомъ открыто. Напротивъ, наружныя отношенія между обоими императорскими домами никогда не отличались болѣею предупредительностью и даже задушевностью. Впродолженіе 1851 и 1852 годовъ, посѣтилъ Вѣну великій князь Константинъ Николаевичъ съ супругою, затѣмъ великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, наконецъ наслѣдникъ съ цесаревною. Всѣмъ имъ былъ оказанъ радушный и почетный приѣмъ. Императоръ Францъ-Иосифъ настоялъ, чтобы августѣйшіе путешественники считались его личными гостями и пользовались гостепріимствомъ австрійскаго двора не только въ столицѣ, но и въ областныхъ городахъ, какъ, на примѣръ, въ Венеціи. Великихъ князей Николая и Михаила онъ назначилъ шефами: перваго—гусарскаго полка, втораго—пѣхотнаго. Цесаревича съ супругою встрѣчалъ и провожалъ на вокзалѣ желѣзной дороги императоръ и всѣ эрцгерцоги. Въ честь ихъ состоялся большой смотръ и охота на кабана въ Лайнцикомъ паркѣ.

Императоръ Николай самъ весною 1851 года возвратилъ молодому своему союзнику въ Ольмюцѣ прошлогодній визитъ его въ Варшавѣ, а въ концѣ апрѣля 1852 года посѣтилъ его и въ Вѣнѣ. Государя встрѣтили въ австрійской столицѣ какъ признаннаго главу монархической Европы, преданнаго друга, надежнѣйшаго союзника, могучаго покровителя, спасителя монархіи Габсбурговъ.

25-го апрѣля (7-го мая), русскій посланникъ, баронъ Мейендорфъ, выѣхалъ на встрѣчу его величеству въ Одербергъ. Самъ императоръ Францъ-Иосифъ встрѣтилъ своего державнаго гостя въ Прерау, въ 184 километрахъ отъ столицы. Государя сопровождали графы Орловъ и Нессельроде, послѣдній возведенный уже въ званіе государственнаго канцлера. Его величество прибылъ въ Вѣну 26-го (8-го). На второй день происходилъ блестящій парадъ. Австрійскій императоръ провелъ войска свои церемоніальнымъ маршемъ предъ государемъ и торжественно и почтительно салютовалъ ему. Когда оба монарха вмѣстѣ возвращались во дворецъ, то Францъ-Иосифъ первый вышелъ изъ экипажа у крыльца и подаль руку государю,

какъ бы желая помочь ему выйдти. Императоръ Николай, въ присутствіи и при восторженныхъ возгласахъ многочисленной толпы, обнялъ юношу и крѣпко поцѣловалъ его. «Я люблю его какъ роднаго сына»,—говорилъ онъ княгинѣ Меттернихъ. Занося эти слова въ свой дневникъ, княгиня заключила: «Я видѣла императора Николая относившимся къ императору Францу съ почтеніемъ, оказываемымъ отцу; я счастлива, видя, что онъ питаетъ къ нашему государю совершенно родительскую привязанность»¹⁾.

Въ тотъ же день, въ замкѣ, данъ былъ обѣдъ, на 150 приборовъ. Къ нему были приглашены исключительно военные и три министра: иностранныхъ дѣлъ—графъ Буоль, замѣнившій Феликса Шварценберга, умершаго за мѣсяць передъ тѣмъ; внутреннихъ дѣлъ—баронъ Бахъ и финансовъ—баронъ Кюбекъ. Кюбеку государь сказалъ, что ему извѣстны высокія достоинства министра и горячее усердіе къ службѣ своего монарха. Баху онъ посовѣтовалъ ознакомиться лично съ различными областями, входившими въ составъ имперіи, объѣхавъ ихъ и внимательно изучивъ. Его величество не забылъ и старика Меттерниха, незадолго до того возвратившагося въ Вѣну изъ четырехлѣтняго изгнанія. Онъ дважды посѣтилъ князя и княгиню, прося ихъ считать его въ числѣ своихъ преданнѣйшихъ друзей. Передъ отъѣздомъ, онъ пожаловалъ андреевскую ленту эрцгерцогамъ, братьямъ императора, и барону Кюбеку, и пожертвовалъ 6,000 гульденовъ въ пользу неимущихъ жителей столицы. Обратный путь свой изъ Вѣны государь направилъ чрезъ Прагу, съ тѣмъ, чтобы посѣтить тамъ «отставнаго своего товарища», какъ называлъ онъ шута императора Фердинанда²⁾.

Въ то самое время, когда императоръ Николай принималъ въ Вѣнѣ отъ молодаго своего союзника данъ уваженія и признательности за великія оказанныя ему услуги, на Востокѣ назрѣвалъ уже вопросъ о Святыхъ мѣстахъ, долженствовавшій вскорѣ вызвать столкновение между Россією и Турцією, поддержанною цѣлою половиною Европы. Въ началѣ восточныхъ усложненій, государь не сомнѣвался въ полномъ единомысліи вѣнскаго двора съ его собственною политическою программой. Излагая английскому послу въ Петербургѣ, сэру Гамильтону Сеймуру, виды свои относительно близкаго распадѣнія Оттоманской имперіи и необходимости для великихъ державъ условиться объ общихъ мѣрахъ при распредѣленіи ея наслѣдства, «когда я говорю о Россіи,—замѣтилъ онъ,—то говорю и объ Австріи: что пригодно одной, пригодно и другой, и интересы наши въ отношеніи Турціи совершенно тождественны»³⁾.

¹⁾ Дневникъ княгини Меттернихъ, 28-го апрѣля (10-го мая) 1852 года.

²⁾ Подробности о пребываніи императора Николая въ Вѣнѣ, въ 1852 году, заимствованы изъ дневника княгини Меттернихъ.

³⁾ Сэръ Гамильтонъ Сеймуръ лорду Джону Русселю, 10 (22) февраля 1853 года.

Такая увѣренность императора Николая основывалась на точныхъ постановленіяхъ Мюнхенгредкой конвенціи, подтвержденной цѣлымъ рядомъ письменныхъ объясненій и совѣщаній на словахъ между обоими императорскими дворами. Въ инструкціи, которою государственный канцлеръ снабдилъ генераль-адъютанта князя Меншикова при отправленіи его чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь, говорилось: «Что же касается до прочихъ двухъ великихъ державъ (Австріи и Пруссіи), то вамъ извѣстно, что мы состоимъ съ ними въ тѣсномъ союзѣ, и потому было бы излишне сообщать вамъ, что между ихъ кабинетами и нашимъ существуютъ совершенное тождество видовъ и прочность взаимныхъ обязательствъ во всѣхъ главныхъ вопросахъ европейской политики. Это относится наипаче къ Австріи, которая, по географическому положенію своему, преимущественно предъ Пруссіею можетъ оказывать дѣятельное вліяніе на дѣла Востока. Конечно, въ спорѣ, возникшемъ по поводу Святыхъ мѣстъ, Австрія, какъ держава католическая, не можетъ слишкомъ явно поддерживать право греко-россійскаго исповѣданія противъ притязаній католиковъ. Но вѣнскій кабинетъ, руководясь свойственною ему проницательностью, легко могъ усмотрѣть, что въ этомъ вопросѣ для Франціи шло дѣло не столько о религіозномъ сомнѣніи, сколько о политической цѣли, и мы должны были заключить, что Австрія, именно какъ держава католическая, никогда не признаетъ исключительнаго покровительства, которое домогается присвоить Франція надъ всѣми христіанами одного съ нею исповѣданія. А потому, нисколько не колеблясь, мы обратились къ Австріи съ такими же объясненіями, какія сообщены были нами Англии, и съ просьбою дѣйствовать такимъ же образомъ въ Константинополѣ и Парижѣ. Мы должны отдать справедливость австрійскому правительству въ томъ, что оно предупредило наши желанія ихъ исполненіемъ. Надняхъ полученные нами отъѣзды, исходящіе изъ собственнаго его почина, убѣждаютъ насъ, что вѣнскій кабинетъ совершенно понялъ тайные виды французскаго правительства... Итакъ мы имѣемъ полное право надѣяться, что вапа свѣтлость найдете въ уполномоченномъ этого двора, наиболѣе намъ близкаго и союзнаго, совершенную взаимность содѣйствія, которая происходитъ отъ стремленія къ одной цѣли и желанія достигнуть однихъ и тѣхъ же результатовъ»¹⁾.

Событія не оправдали этихъ надеждъ. Мечтанія разсыпались при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Едва успѣлъ нашъ чрезвычайный посолъ доѣхать до Константинополя и вступить въ переговоры съ Портою, какъ австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ первый подаль мысль французскому послу въ Вѣнѣ настаивать на томъ, чтобы къ переговорамъ этимъ были при-

¹⁾ Графъ Нессельроде князю Меншикову, 24 января (5 февраля) 1854 года

влечены всѣ великія державы, «чтобы все обсуждалось внятнѣе, такъ какъ одинъ или два кабинета не имѣють-де права разрѣшать вопросы, касающіеся до интересовъ всей Европы»¹⁾. Когда стало извѣстно намѣреніе императора Николая ввести русскія войска въ Дунайскія княжества для удержанія ихъ въ видѣ залога, впредь до исполненія Портою законныхъ нашихъ требованій, то вѣнскій дворъ всячески старался убѣдить насъ отказаться отъ этой мѣры. По его приглашенію, въ Вѣнѣ собралась конференція изъ представителей Англій, Франціи и Пруссіи въ предсѣдательствѣ графа Буоля, которая и осуществила завѣтную мечту австрійской политики: вмѣшательство соединенной Европы въ отношенія Россіи къ Турціи и обязательства послѣдней, истекавшія изъ договоровъ ея съ нами. Конференція эта не замедлила стать судилищемъ, или, какъ называлъ ее императоръ Николай, полевымъ судомъ надъ нимъ и надъ Россіею. Пристрастіе ея и отсутствіе справедливости обнаружилось съ необыкновенною ясностью, когда Порта, по наущенію англійскаго посла, имѣла дерзость отвергнуть извинительную ноту, выработанную самою конференціею, а та, не смотря на это, продолжала держать ея сторону, обвиняя насъ въ злонамѣренномъ нарушеніи всеобщаго мира. И главнымъ запѣвалой въ этомъ столь враждебномъ намъ европейскомъ концертѣ являлся не кто иной, какъ спасенная и облагодѣтельствованная нами Австрія.

Дѣйствія вѣнскаго кабинета до такой степени расходились съ чувствами, которыя недавно еще выражалъ императоръ Францъ-Іосифъ, что государь рѣшился самъ выяснить отношеніе свое къ своему любимому союзнику. Съ этою цѣлью, онъ въ половинѣ сентября 1853 года, отправился въ Ольмюцъ и въ продолженіе двухъ дней, 14 (26) и 15 (27), имѣлъ тамъ личное свиданіе съ австрійскимъ монархомъ. 21 сентября (3 октября) тотъ отдалъ ему визитъ въ Варшавѣ. Была минута, когда императоръ Францъ-Іосифъ поддался было тому обаянію, которое русскій государь производилъ на всѣхъ лицъ, входившихъ съ нимъ въ близкое соприкосновеніе. Казалось, что сердечное влеченіе и чувство признательности возьмутъ верхъ надъ расчетами политики. Разставаясь съ императоромъ Николаемъ, Францъ-Іосифъ увѣрялъ его въ глубокомъ къ нему довѣрїи, въ неизмѣнной благодарности и дружбѣ. Но воля молодого государя оказалась безсильною въ борьбѣ съ враждебнымъ намъ теченіемъ, увлекавшимъ государственныхъ людей Запада, не исключая и австрійскихъ. Лишь только возвратился онъ въ Вѣну, какъ и самъ отдался ему, убѣжденный, что, поступая такимъ образомъ, онъ исполняетъ первую обязанность монарха, состоящую въ обезпеченіи нуждъ и пользы своего государства и народовъ.

¹⁾ Друэнъ де-Льюксъ барону Бурнею, 31 марта (12 апрѣля) 1853 года.

VII.

Э п и л о г ъ.

1854—1855.

Извѣстенъ рядъ эволюцій, путемъ которыхъ Австрія въ продолженіе 1854 года, мало-по-малу перешла изъ нашего стана въ лагерь открытыхъ враговъ нашихъ: Англіи, Франціи и Турціи.

Въ январѣ, вѣнскій дворъ отклонилъ предложенный нами чрезъ графа Орлова договоръ о нейтралитетѣ; въ мартѣ, подписалъ съ представителями дворовъ лондонскаго, парижскаго и берлинскаго протоколъ, провозглашавшій цѣлость и независимость Турціи необходимымъ условіемъ будущаго мира; въ апрѣлѣ заключилъ прямо направленный противъ насъ союзный трактатъ съ Пруссіею, пригласивъ приступить къ нему и всѣ государства Германскаго Союза; въ маѣ привелъ свою армію на военное положеніе; въ іюнѣ, потребовалъ отъ насъ отступленія за Дунай и очищенія Дунайскихъ княжествъ; въ іюлѣ, условился съ морскими державами о четырехъ главныхъ основаніяхъ мира, въ числѣ коихъ находилось и ограниченіе морскихъ силъ нашихъ на Черномъ морѣ; въ августѣ, занялъ своими войсками Молдавію и Валахію; въ сентябрѣ, предъявилъ къ намъ требованіе о начатіи мирныхъ переговоровъ на основаніи «четырехъ условій»; въ октябрѣ, заставилъ Пруссію распространить на Дунайскія княжества дѣйствіе союзнаго своего съ нею договора, преобразивъ его такимъ образомъ изъ оборонительнаго въ наступательный; наконецъ, въ ноябрѣ, не смотря на принятіе нами «четырехъ пунктовъ» и готовность нашу вступить въ переговоры о мирѣ, заключилъ съ Англіею и Франціею трактатъ, коимъ обязался, въ случаѣ, если миръ не будетъ восстановленъ до 1-го января новаго стilia слѣдующаго 1855 года, принять участіе въ вооруженной борьбѣ съ Россіею и не полагать оружія, доколѣ не будутъ достигнуты общія цѣли союза.

Измѣна Австріи произвела на императора Николая потрясающее впечатлѣніе. Ею были оскорблены самыя священныя его нравственныя чувства. Трудно выразить словами горечь его размышленій, и слѣдующее донесеніе австрійскаго посланника въ Петербургѣ даетъ о нихъ лишь слабое понятіе, но правдивое и безъ прикрасъ. Описывая аудіенцію, данную ему государемъ въ концѣ іюня 1854 года, графъ Эстергази признается, что пріемъ, оказанный ему его величествомъ былъ ледяной. Внушительно и строго замѣтилъ императоръ, что враждебное положеніе, принятое относительно Россіи императоромъ Францомъ-Іосифомъ, оскорбляетъ его; къ тому же оно ему и непонятно, ибо интересы Россіи и Австріи на Востокѣ

тождественны. Повидимому, — разсуждалъ государь, — австрийскій императоръ совершенно позабылъ все то, что онъ сдѣлалъ для него. Глубоко и больно огорчили его величество австрийскія вооруженія. Если суждено возгорѣться войнѣ, то Богъ будетъ судьбою между обоими монархами. Эстергази прервалъ государя выраженіемъ надежды, что сообщенныя ему канцлеромъ новыя инструкціи, данныя нашему посланнику въ Вѣнѣ, облегчатъ успѣшный исходъ переговоровъ о мирѣ. Императоръ Николай сдѣлалъ видъ, что не слышитъ рѣчи своего собесѣдника, и продолжалъ взволнованнымъ голосомъ: «Довѣріе, соединявшее доселѣ обоихъ монарховъ ко благу ихъ государствъ, разрушено, искреннія отношенія между ними не могутъ долѣе продолжаться»¹⁾.

Чувства, волновавшія душу императора Николая въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, еще рельефнѣе проглядываютъ въ перепискѣ съ однимъ изъ довѣреннѣйшихъ его сподвижниковъ, генераль-фельд-маршаломъ княземъ Варшавскимъ. «Настало время, — писалъ онъ ему въ началѣ іюня, — готовится бороться уже не съ турками и ихъ союзниками, но обратить всѣ наши усилія противъ вѣроломной Австріи и горько покарать за безстыдную неблагодарность»²⁾. И въ другомъ письмѣ: «Меня всякій можетъ обмануть разъ, но за то послѣ обмана я уже никогда не возвращаю утеряннаго довѣрія»³⁾. Наконецъ, въ письмѣ къ главнокомандующему южною арміею, князю М. Д. Горчакову, государь пророчески восклицалъ: «Богъ накажетъ ихъ (австрийцевъ) рано или поздно!»⁴⁾.

Послѣ высадки англо-французовъ въ Крыму, вѣнскій дворъ уже совершенно явно сталъ выказывать намъ свою враждебность: занявъ своими войсками оставленныя нами Дунайскія княжества и принявъ угрожающее положеніе на самой нашей границѣ. Окончательный разрывъ съ Австріею представлялся государю неизбежнымъ. Онъ писалъ князю М. Д. Горчакову: «Признаюсь тебѣ, что я не вѣрю вовсе, чтобы австрийцы остались зрителями готовящагося и почти увѣренъ qu'ils nous donnent le coup de pied de l'âne; случай имъ слишкомъ на то благоприятенъ. Жаль, что придется имъ отдавать славную Подолію безъ боя. Два казачьихъ полка, какъ паутина вдоль границы, скоро исчезнутъ. Позади же кирасиры и формирующіеся кавалерійскіе резервы надо будетъ спасти за Днѣпръ, при первомъ появленіи непріятеля, дабы даромъ не пропали одни. Все это тяжело выговорить, но оно такъ. Еще слава Богу, что Кіевъ можно будетъ сейчасъ усиленно занять отъ резервной дивизіи 6-го корпуса, но и та только-что еще доформируется... Горчаковъ»⁵⁾.

¹⁾ Графъ Эстергази графу Буолу, 24-го іюня (6-го іюля) 1854 года.

²⁾ Императоръ Николай князю Варшавскому, 1-го (19-го іюня) 1854 года.

³⁾ Императоръ Николай князю Варшавскому, 3-го (15) іюля 1854 года.

⁴⁾ Императоръ Николай М. Д. Горчакову, 19-го (31-го) іюля 1854 года.

⁵⁾ Князь Александръ Михайловичъ, посланникъ въ Вѣнѣ.

изъ Вѣны пишеть, что тамъ дерзость возрастаетъ, и Буоль явно ищетъ только какъ бы насъ вывести изъ терпѣнія и сложить причину разрыва на насъ, чтобъ тѣмъ увлечь Германію вступить за Австрію»¹⁾.

Мысль о предстоящемъ вторженіи австрійцевъ въ наши предѣлы неотступно тревожила, можно даже сказать, терзала государя до самой его кончины. По собственному его выраженію, «онъ ожидалъ всего дурнаго отъ австрійскаго правительства» по той причинѣ, «что императоръ совершенно покорился Буолю, а сей послѣдній дышетъ ненавистью къ Россіи и совершенно передался на сторону союзниковъ»²⁾. Государь хотя и зналъ, что большинство австрійскихъ генераловъ несочувственно относятся къ войнѣ съ нами, но не обманывалъ себя относительно степени ихъ вліянія на направленіе политики вѣнскаго двора. Въ одномъ изъ писемъ его читаемъ по этому поводу: «Воротились Гессъ и Кельнеръ»³⁾ и при явкѣ къ императору, не запинаясь, ему высказали всю правду на счетъ его политики, положенія и духа арміи и всей имперіи, доказывая, что политика эта ведетъ государство къ гибели, и умоляли его перемѣнить намѣренія и помириться съ нами. Сначала онъ каждого выслушалъ, но потомъ разсердился и запретилъ имъ впередъ смѣть вмѣшиваться въ политику, которую вести онъ одному себѣ предоставляетъ»⁴⁾.

Какъ намѣстникъ царства Польскаго, такъ и посланникъ нашъ при австрійскомъ дворѣ, были убѣждены въ близости разрыва съ Австрією, и одинъ только военный агентъ нашъ въ Вѣнѣ, графъ Стакельбергъ, выражалъ мнѣніе, что намъ нечего опасаться нападенія австрійцевъ ранѣе весны. «Но, быть можетъ, что и онъ ошибается,—замѣтилъ государь,—и что вопреки чести и здраваго разсудка Австрія на насъ ринется даже безъ объявленія войны. Надо на все быть готовымъ»⁵⁾.

Принимая дѣятельныя мѣры для отраженія ожидаемаго нападенія австрійцевъ, императоръ Николай сдался, однако, на убѣжденія графа Нессельроде, рѣшился на уступки требованіямъ вѣнскаго двора и принялъ предложенныя имъ «четыре условія» за основаніе переговоровъ о мирѣ. Послѣдствія этой уступки не отвѣчали нашимъ надеждамъ. «Вотъ что было въ Вѣнѣ, — писалъ государь главнокомандующему южною армією, — 1-го (13-го) числа»⁶⁾ Горча-

¹⁾ Императоръ Николай князю М. Д. Горчакову, 30-го сентября (12-го октября) 1854 года. Какъ это, такъ и всѣ нижеприведенныя извлеченія изъ писемъ государя появляются въ печати въ первый разъ.

²⁾ Императоръ Николай князю Варшавскому, 1-го (13-го) октября 1854 года.

³⁾ Австрійскіе генералы.

⁴⁾ Императоръ Николай князю М. Д. Горчакову, 18-го (30-го) октября 1854 года.

⁵⁾ Императоръ Николай князю Варшавскому, 18-го (30-го) октября 1854 года.

⁶⁾ Ноября.

ковъ былъ еще въ надеждѣ, что дѣло пошло на ладъ, что согласіе наше на принятіе четырехъ пунктовъ, удовлетворивъ желаніямъ Австріи, расположило ее не связываться тѣснѣе съ Франціею и Англіею, но воспользоваться нашимъ согласіемъ, чтобъ приступить прямо къ переговорамъ о примиреніи; вышло противное. Лишь только въ Вѣнѣ получено согласіе короля прусскаго на гарантію неприкосновенности войскъ австрійскихъ въ княжествахъ, какъ императоръ, по совѣту Буоля, безъ вѣдома короля прусскаго, поспѣшилъ заключить новый договоръ съ Франціей и Англіей, затѣмъ будто, чтобъ связать ихъ не выходя изъ условій 4-хъ пунктовъ, и далъ о томъ знать Горчакову. Этотъ потребовалъ аудіенціи у императора, которую третьяго дня и получилъ. Два часа съ нимъ откровенно о всемъ толковалъ и доноситъ, что императоръ его слушалъ благосклонно, и просилъ не посылать курьера до новаго свиданія, утверждая, что никогда въ его намѣреніе не входило насъ атаковать, но что новый договоръ будто заключилъ только въ намѣреніи связать этимъ западныя державы и болѣе ничего отъ насъ не требовать. Я же сему повѣрю, когда послѣдствія докажутъ». Предчувствіе не обмануло государя. То же письмо кончается припиской: «Сейчасъ по телеграфу пришли еще двѣ депеши, съ которыхъ копія посылаю. Видишь, что врядъ ли что хорошее предвидѣть можно; на австрійцевъ же никакъ положиться нельзя: одно безстыдное коварство»¹⁾).

Объясненіе этого новаго поворота къ худшему находимъ въ другомъ письмѣ государя къ тому же лицу: «Спѣшу тебя извѣстить, по обѣщанію моему, любезный Горчаковъ, о содержаніи донесеній изъ Вѣны, куда вчера вечеромъ дошедшихъ. Разговоръ Горчакова съ императоромъ не имѣлъ никакихъ хорошихъ послѣдствій, и его вновь не призывали. Между тѣмъ, содержаніе заключеннаго трактата постановляетъ срокъ, по истеченіи котораго будто онъ обращается въ оборонительный и наступательный. Неизвѣстно точно, мѣсяць ли или два на то положены. Но есть подозрѣніе, что существуетъ другой, уже тайный договоръ, по которому Австрія еще болѣе поработилась Франціи и Англіи, и будто уже въ немъ просто условлено отнять у насъ Польшу. Однимъ словомъ, надо намъ готовиться на худшее, ибо я ничуть не сомнѣваюсь, что весьма скоро и король прусскій, волей или неволей, пристанетъ къ нашимъ врагамъ. При подобномъ положеніи дѣлъ вопросъ уже въ томъ, гдѣ болѣе опасность и куда усилія обороны нашей должны преимущественно обращены быть? Думаю — Петербургъ, Москва, или тутъ, въ центрѣ Россіи, и Крымъ съ Николаевымъ. Прочее второстепенной важности, въ сравненіи... Вотъ наше положе-

¹⁾ Императоръ Николай князю М. Д. Горчакову, 25-го ноября (7-го декабря) 1854 года.

ніе, самое тяжкое, во всей наготѣ своей; нечего его скрывать отъ себя»¹⁾).

Между тѣмъ, занимавшіе княжества австрійцы не препятствовали турецкой арміи направляться къ нашей Бессарабской границѣ, такъ что съ минуты на минуту можно было ожидать столкновенія на Прутѣ между нами и турками. Случайность эта крайне озабочивала государя, какъ явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ письма его къ Паскевичу: «Будетъ ли Горчаковъ атакованъ Омеръ-пашей, не угадаешь, но, кажется, австрійцамъ это не нравится. Я велѣлъ имъ объявить, что ежели мы атакованы будемъ, то противъ воли будемъ преслѣдовать; ежели съ австрійцами встрѣтимся, велѣлъ остановиться, отдать имъ честь и продолжать преслѣдовать, докуда намъ надо. Будутъ они стрѣлять по насъ, тогда и мы отвѣчать будемъ, а прочее въ рукахъ Божиихъ. Они увѣряютъ, что всячески сего избѣгать желаютъ. Посмотримъ»²⁾).

Недовѣрчиво относился императоръ Николай и къ имѣвшимъ открыться въ Вѣнѣ, подъ руководствомъ графа Буоля, мирнымъ переговорамъ. «Жду, что будетъ на совѣщаніяхъ въ Вѣнѣ,—признавался онъ «отцу-командиру»,—но ничего хорошаго не ожидаю, а еще менѣе отъ Австріи, которой коварство превзошло все, что адская іезуитская школа когда либо изобрѣтала. Но Господь ихъ горько за это накажетъ. Будемъ ждать нашей поры»³⁾).

Однако, въ первые дни 1855 года изъ Вѣны пришла неожиданная вѣсть. Императоръ Францъ-Іосифъ поручилъ князю А. М. Горчакову передать государю, «что теперь и повода не осталось къ столкновенію Австріи съ нами и что онъ счастливъ, ежели прежнія дружескія сношенія его съ императоромъ Николаемъ возобновятся»⁴⁾. Но окончательное разочарованіе не замедлило высказаться въ слѣдующихъ строкахъ письма государя къ князю М. Д. Горчакову: «Вѣроятіе хорошаго оборота дѣлъ съ Австріей, всегда мнѣ сомнительное, съ каждымъ днемъ дѣлается слабѣе, коварство яснѣе, личина исчезаетъ, и потому все, что въ моихъ намѣреніяхъ основывалось на надеждѣ безопасности, съ сей стороны не состоялось и возвращаетъ насъ къ прежнему тяжелому положенію. Довѣріе мое къ лучшему исходу дѣлъ должно было въ особенности утратиться съ той поры, когда теперь же Австрія усиленно требуетъ всеобщаго вооруженія Германіи? Противъ кого же, ежели не противъ насъ? Пруссія отъ сего рѣшительно отказывается, и ея примѣръ увлекъ уже часть Германіи послѣдовать ей; но это не остановитъ,

¹⁾ Императоръ Николай князю М. Д. Горчакову, 30 ноября (12 декабря) 1854 года.

²⁾ Императоръ Николай князю Варшавскому, 17-го (29-го) ноября 1854 года.

³⁾ Императоръ Николай князю Варшавскому, 7-го (19-го) декабря 1854 года.

⁴⁾ Императоръ Николай князю М. Д. Горчакову, 13-го (25-го) января 1855 года.

вѣроятно, прочихъ пристать къ Австріи, и императоръ ¹⁾ требуетъ, чтобъ его признали главнокомандующимъ всѣми силами» ²⁾).

Такъ писалъ императоръ Николай за мѣсяць до своей кончины. Роль Австріи въ восточныхъ замѣшательствахъ онъ опредѣлялъ двумя словами: «коварство и обманъ» ³⁾. Ему ясно было, что она была истинною причиною всѣхъ нашихъ неудачъ, что ея политикѣ обязаны были главнымъ образомъ союзники своими успѣхами въ Крыму. Необходимость охранять нашу западную границу лишала насъ возможности сосредоточить подъ Севастополемъ достаточныя силы для отпора англо-французскому вторженію. Геройски обороняемый Севастополь долженъ былъ пасть, потому что Австрія измѣнила долгу благодарности и чести,—тягостное сознаніе, отравившее послѣдніе дни государя. Но духомъ онъ не падалъ. «Буди воля Божія!—восклицалъ онъ въ письмѣ князю М. Д. Горчакову:—буду нести крестъ мой до истощенія силъ» ⁴⁾).

Силъ не хватило. 18 февраля 1855 года не стало императора Николая.

С. Татищевъ.

¹⁾ Императоръ Францъ-Иосифъ.

²⁾ Императоръ Николай князю М. Д. Горчакову, 19-го (31-го) января 1855 года.

³⁾ Императоръ Николай князю М. Д. Горчакову, 1-го (13-го) февраля 1855 года.

⁴⁾ Императоръ Николай князю М. Д. Горчакову, 25-го ноября (7-го декабря) 1855 года.

ПУШКИНЪ ВЪ ПОТОМСТВѢ.

Впечатлѣніе, произведенное смертью Пушкина на русское общество.—Вѣлинскій и его заблужденія.—Забвеніе поэта и вновь возбуждаемый интересъ къ изученію его.—Что сдѣлано для изученія его? Сборники біографическихъ матеріаловъ; біографія; собранія писемъ.—Невыработанность текста сочиненій Пушкина.—Обзоръ изданій, такъ называемыхъ «лучшихъ». — Чего можно ожидать и желать отъ послѣдующихъ изданій Пушкина?— Существенная необходимость подробнаго комментарія къ Пушкинской поэзіи.

ВЪ ПЯТНИЦУ, 29-го января 1837 года, въ 2 ч. 45 м. по полудни—не стало Пушкина, не стало величайшаго изъ русскихъ поэтовъ! Трагическая развязка бурной поэтической жизни — неизбежный выводъ и прямое слѣдствіе того совершенно-ложнаго положенія, которое Пушкинъ создалъ себѣ въ петербургскомъ «свѣтѣ» — потрясла до глубины души всѣхъ... даже враговъ Пушкина; а его тяжкія предсмертныя муки и вѣсть о его смерти взволновали всѣ слои петербургскаго общества до такой степени, что правительство не на шутку было встревожено неожиданнымъ порывомъ и нашло себя вынужденнымъ принять свои мѣры предосторожности. Тѣло Пушкина, въ ночь съ 3-го на 4-е февраля, по особому распоряженію, было втихомолку вывезено изъ столицы и на почтовыхъ отправлено къ мѣсту его послѣдняго успокоенія (въ Святогорскій Успенскій монастырь, Опочецкаго у., Псковской губ.). Тогда еще не была перенесена къ намъ съ Запада программа торжественныхъ похоронныхъ шествій, устраиваемыхъ съ дозволенія начальства и тѣмъ не менѣе служащихъ будто-бы выраженіемъ народной любви и уваженія къ памяти почившаго... Тогда опасались дѣйствитель-

наго взрыва народнаго чувства, опасались искренняго плача толпы надъ гробомъ народнаго поэта, опасались того, что уваженіе къ памяти Пушкина выразится, пожалуй, въ такой формѣ, которая не могла быть допущена по современнымъ понятіямъ объ отношеніяхъ власти къ обществу и его представителямъ. «Восторженные поклонники искусства, — говорить Бѣлинскій, — тѣмъ болѣе были поражены смертію поэта и тѣмъ болѣе скорбѣли о ней, что вскорѣ за тѣмъ появившіяся въ «Современникѣ» посмертныя сочиненія Пушкина изумили ихъ своимъ художественнымъ совершенствомъ, своею творческою глубиною. Образъ Пушкина, украшенный страдальческою кончиною, предстоялъ предъ ними во всемъ блескѣ поэтической апофеозы: это былъ для нихъ не только великій поэтъ своего времени, но и великій поэтъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ, гѣній европейскій, слава всемірная»...

Щедрыя царскія милости, обильно пролившіяся на семью Пушкина, и заботы императора Николая Павловича о тщательномъ посмертномъ изданіи сочиненій поэта, порученномъ Жуковскому, удовлетворили до нѣкоторой степени то чувство горести, которое было вызвано въ русскомъ обществѣ невознаградиomo утратою. Посмертное изданіе Пушкина, довольно роскошное по внѣшности, но черезчуръ добросовѣстно очищенное *ad usum Delphini*, было расхвачано очень быстро... и затѣмъ энтузіазмъ къ памяти великаго поэта сталъ постепенно ослабѣвать... Уже въ 1844 году, Бѣлинскій имѣлъ право сказать, что «година безвременной смерти Пушкина, съ теченіемъ дней, отодвигается отъ настоящаго все далѣе и далѣе, и (всѣ) нечувствительно привыкаютъ смотрѣть на поэтическое поприще Пушкина не какъ на прерванное, но какъ на оконченное вполнѣ». И это отношеніе общества къ памяти Пушкина было очень тонко и очень вѣрно подмѣчено Бѣлинскимъ! Пушкинъ отходилъ въ прошедшее, Пушкина начали забывать — и кажется, что именно это отношеніе современниковъ къ памяти великаго поэта побудило Бѣлинскаго написать тотъ рядъ блестящихъ статей о Пушкинѣ, которыя и до сихъ поръ составляютъ лучшее изъ всего, что было Бѣлинскимъ написано.

Но Бѣлинскій жестоко ошибался, воображая себѣ, что «для Пушкина уже наступило потомство», что уже настало время «судить о немъ безпристрастно и спокойно». Вѣчно-юный и увлекающійся критикъ видѣлъ въ этомъ даже доказательство того, что «общество движется, идетъ впередъ чрезъ свой вѣчный процессъ обновленія поколѣній»... По счастью, ему не удалось дожить до того, что пришлось видѣть намъ, пережившимъ весь «процессъ обновленія поколѣній» въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, не пришлось разочароваться въ своихъ литературныхъ и общественныхъ идеалахъ, не пришлось увидѣть «процесса обновленія» нашего литературнаго Олимпа, съ котораго были изгнаны всѣ старые боги, не исключая

Пушкина, и замѣнены новыми, болѣе угодными публикѣ кумирами!..

Въ сущности, Пушкина постигла та же участь, которой поочередно подвергались до него величайшіе литературные гѣніи, не исключая Шекспира. Пушкинъ былъ забытъ, и даже очень скоро, хотя о Пушкинѣ продолжали много писать и печатать. Сначала его загородилъ собою Гоголь, потомъ цѣлая плеяда его молодыхъ послѣдователей и подражателей.. Пушкинымъ перестало интересоваться молодое поколѣніе; оно не только перестало восхищаться имъ и заучивать его наизусть, но и вообще его забросило, какъ поэта стараго и отжившаго. Правда, образованные русскіе люди, лѣтъ двадцать спустя послѣ смерти Пушкина, еще ставили себѣ въ обязанность «знаніе Пушкина», но за то вся полуобразованность, все то громадное большинство, которое такъ или иначе соприкасается съ литературою и чтеніемъ, стали довольствоваться, по отношенію къ Пушкину, тѣми произведеніями, которыя печатались въ хрестоматіяхъ, или даже стали предпочитать личному знакомству съ сочиненіями Пушкина чтеніе критическихъ статей о немъ Бѣлинскаго. Чтѣ бы сказалъ бѣдный энтузіастъ-критикъ, если бы онъ могъ предвидѣть наступленіе такого періода въ отношеніяхъ русской публики къ Пушкину? Но на этомъ, какъ извѣстно, не остановился «процессъ обновленія поколѣній»: поздѣе дѣло дошло до полнаго отрицанія поэзіи Пушкина и до пресловутой теоріи, на основаніи которой сапожное мастерство было поставлено выше пушкинской поэзіи...

Но эпоха такъ называемаго «расцвѣта и возрожденія», эпоха полнаго отрицанія нашего прошлаго (и литературнаго, и историческаго) оказалась весьма непродолжительною. То заманчивое и блестящее мѣрѣво, къ которому такъ горячо стремились русскіе передовые дѣятели лѣтъ 25 тому назадъ, уже къ концу 60-хъ годовъ разлетѣлось, какъ дымъ... Идеалы, туманившіе головы молодого поколѣнія того времени, привели къ горькому, къ прискорбному разочарованію... Фантастическія теоріи, на основаніи которыхъ многіе, въ 60-хъ годахъ, твердо вѣрили въ возможность создать «новую Россію» и порвать всѣ связи съ «Россією старой», столкнулись съ страшною практикою надвигающагося на насъ оскуднѣнія матеріальнаго и нравственнаго... И вотъ, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ уроковъ суроваго историческаго опыта, въ обществѣ сталъ совершаться тотъ поворотъ, подъ вліяніемъ котораго наше прошлое, еще недавно казавшееся какимъ-то страшнымъ кошмаромъ, стало представляться не только менѣе мрачнымъ, нежели переживаемая нами дѣйствительность, но даже и заманчивымъ, и во многихъ отношеніяхъ заслуживающимъ вниманія. Періодъ огульнаго отрицанія и безшабашнаго глумленія замѣнился болѣе разумнымъ и болѣе плодотворнымъ періодомъ спокойнаго изученія и об-

сужденія. Этотъ поворотъ отразился, конечно, и въ литературѣ, въ которой новѣйшіе кумиры оказались не болѣе прочными, нежели всѣ остальные увлеченія 60-хъ годовъ: литературный Олимпъ, многочисленный и шумный въ началѣ періода 60-хъ годовъ, сталъ подъ конецъ его быстро рѣдѣть, и кругъ увлѣвшихся на немъ литературныхъ дѣятелей оказался на столько ограниченнымъ, что отъ плеяды писателей, явившихся у насъ въ царствованіе Александра II, пришлось невольно оглянуться на литературу временъ Александра I и Николая I, — и оглянуться съ полнымъ уваженіемъ. Въ литературѣ, какъ и во всей нашей общественной жизни, настала періодъ спокойнаго и безпристрастнаго изученія, періодъ правильной оцѣнки прошлаго. Какъ разъ съ наступленіемъ этого періода совпало открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ (въ іюнѣ 1880), собравшее въ первопрестольную столицу весь цвѣтъ нашей современной литературы и вновь возбуждавшее въ сильнѣйшей степени интересъ къ изученію біографіи и произведеній нашего поэта. Изученію этому въ значительной степени способствовало то, что эпоха Пушкина представляется намъ теперь не въ томъ видѣ, въ какомъ она представлялась людямъ сороковыхъ годовъ: мы способны правильнѣе и вѣрнѣе, нежели наши предшественники на поприщѣ литературной критики, оцѣнить Пушкина и какъ поэта, и какъ общественнаго дѣятеля, и какъ человѣка. Но прежде, нежели мы рѣшимся судить о Пушкинѣ на основаніи всѣхъ доселѣ извѣстныхъ данныхъ, намъ необходимо бросить бѣглый взглядъ на то, что было сдѣлано для изученія величайшаго изъ русскихъ поэтовъ втеченіе пятидесятилѣтія, истекшаго со дня его смерти.

Если мы даже мелькомъ взглянемъ на ту массу брошюръ, книгъ и журнальныхъ статей, которыя со времени смерти Пушкина были написаны о немъ и по поводу его личности и произведеній, то мы удивимся обилію и обширности этой «Пушкинской литературы». Извѣстный нашъ бібліографъ В. И. Межовъ недаромъ составилъ цѣлую книгу изъ однихъ заглавій этой спеціальной литературы, а императорскій Александровскій лицей собралъ даже и спеціальную Пушкинскую бібліотеку въ тѣхъ стѣнахъ, гдѣ Пушкинскія преданія до сихъ поръ еще стойко держатся въ подроставшемъ поколѣніи воспитанниковъ. Но, если мы отъ заглавій и заманчивой внѣшности этой Пушкинской литературы перейдемъ къ ея внутреннему содержанію, то мы должны будемъ прійти къ тому убѣжденію, что сдѣлано для изученія Пушкина далеко не такъ много, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Прежде всего, обратившись къ біографіи поэта, мы замѣтимъ, что, не смотря на массу уже обнародованныхъ и явившихся въ печати біографическихъ фактовъ, документальная сторона біографіи Пушкина все еще далеко не полна и представляетъ нѣсколько пробѣловъ весьма

существенныхъ. Многое еще не ясно для насъ и въ самой личности поэта, и въ его отношеніяхъ къ современному обществу; недостаточно изученъ и кружокъ людей, съ которыми Пушкинъ находился въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ въ послѣдніе годы своей жизни. Мало того, все извѣстное намъ о Пушкинѣ, какъ о человѣкѣ и общественномъ дѣятелѣ, страдаетъ такимъ эпизодизмомъ, что нѣкоторыхъ сторонъ жизни Пушкина почти нельзя касаться даже и въ настоящее время, пока не напечатана вся переписка его съ разными лицами, и пока она не напечатана въ строгой послѣдовательности, въ самомъ точномъ хронологическомъ порядкѣ, безъ всякихъ пробѣловъ и пропусковъ и съ подробнѣйшимъ комментариемъ. Кто знакомъ съ обширнымъ кругомъ Пушкинской корреспонденціи (т. е. съ тѣмъ, что изъ нея до сихъ поръ было напечатано), легко можетъ себѣ представить, какъ мало еще сдѣлано для полнаго ознакомленія насъ съ драгоценнымъ запасомъ Пушкинскихъ писемъ! Не только многое извѣстное не напечатано, но даже и то, что напечатано, не собрано воедино и не проверено по подлинникамъ. Давно ли, напримѣръ, были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» въ высшей степени важныя для характеристики Пушкина письма его къ жемъ? Нѣкоторая попытка собрать письма Пушкина была, правда, сдѣлана въ VII т. сочиненій Пушкина въ изданіи Анскаго; но эта попытка никакъ не можетъ назваться удовлетворительно-выполненною, такъ какъ многія изъ помѣщенныхъ въ этомъ томѣ писемъ и записочекъ не заслуживаютъ рѣшительно никакого вниманія, другія, весьма важныя, пропущены вовсе, третьи — приведены въ видѣ какихъ-то выдержекъ и отрывковъ, а всѣ французскія письма Пушкина (много писавшаго пофранцузски) напечатаны съ такою баснословною массою грубѣйшихъ опечатокъ, что въ нихъ, мѣстами, почти нельзя добраться смысла.

Были также попытки собрать въ одной книгѣ біографическіе факты, касающіеся жизни и общественной дѣятельности Пушкина. Самую крупную изъ такихъ попытокъ были матеріалы для біографіи Пушкина, собранные «Русскою Стариною» (см. 1879 и 1880 годы), и такъ называемый Пушкинскій альбомъ, изданный подъ редакцію Л. Поливанова «Обществомъ Любителей Россійской Словесности». Но какъ тотъ, такъ и другой изъ этихъ сборниковъ, страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ: тщательно собранные въ нихъ факты біографіи поэта нанизаны на какую-то нить, не связывающую ихъ никакою внутреннею связью. Къ тому же, первый изъ вышепомянутыхъ сборниковъ отличается еще замѣчательнымъ отсутствіемъ критическаго такта, вслѣдствіе чего въ немъ, рядомъ съ фактами положительными и важными, приводятся и такія разсказы о Пушкинѣ, которыя не заслуживаютъ, сами по себѣ, никакого довѣрія.

Г. Анненковъ, въ первомъ томѣ своего изданія сочиненій Пушкина, собралъ, по возможности, «матеріалы» для біографіи поэта; но его сборникъ давно уже устарѣлъ и въ настоящее время не можетъ имѣть почти никакого значенія, не только по неполнотѣ своей фактической стороны, но и потому, что г. Анненковъ тщательно обходитъ всѣ наиболѣе живыя и рѣзкія черты, въ которыхъ особенно ярко проявлялся характеръ Пушкина, тщательно смягчаетъ и сглаживаетъ всѣ шероховатости Пушкинскаго типа и болѣе занимается поэтическою жизнью его, нежели подробностями

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ 12—14 лѣтъ.

Съ портрета, приложеннаго къ „Кавказскому Плянику“ 1822 г.

біографическими. По книгѣ г. Анненкова можно еще, до нѣкоторой степени, ознакомиться съ исторіею развитія Пушкинскаго таланта, но за то ужъ никакъ нельзя выяснить передъ собою живой и реальный образъ Пушкина-человѣка и Пушкина общественнаго дѣятеля. Всѣ остальные опыты біографій Пушкина, изданные съ извѣстною, болѣе или менѣе опредѣленною или спеціальною цѣлью, не заслуживаютъ никакого вниманія и не только не имѣютъ за собою научнаго значенія, но еще и отличаются, въ большей части, довольно наивною подтасовкою фактовъ, ради того, чтобы непременно выставить Пушкина въ какомъ-то особенно па-

радномъ видѣ, чтобы придать ему какія-то бѣлыя крылья, которыхъ у него никогда не было, и которые, конечно, вовсе не нужны для его возвеличенія.

Поэтическая жизнь Пушкина — если мы ее себѣ представимъ, какъ нѣчто отдѣльное, какъ душу безъ тѣла — гораздо болѣе разъяснена и разработана, нежели всѣ другія стороны его жизни и дѣятельности. Пушкинъ-поэтъ и художникъ гораздо болѣе ясенъ для насъ, нежели Пушкинъ-человѣкъ и гражданинъ, потому что лучшимъ поясненіемъ перваго типа служить вся бессмертная лѣтопись его дивныхъ произведеній; а каждое изъ нихъ носитъ на себѣ такой живой отпечатокъ личности и до такой степени согрѣто огнемъ, неугасимо горѣвшимъ въ душѣ гениальнаго поэта, что, ознакомившись со всѣмъ кругомъ произведеній Пушкина, мы получаемъ совершенно ясное представленіе не только о самомъ поэтѣ, но и обо всѣхъ послѣдовательныхъ періодахъ развитія его творческой силы... Важною помѣхою въ ближайшемъ изученіи произведеній Пушкина является, однако же, недостатокъ въ хорошихъ изданіяхъ, съ строго-выработаннымъ и вполне установленнымъ текстомъ. Странно сказать, что послѣ 8—9 изданій Пушкина, распроданныхъ послѣ его смерти, работа надъ окончательною установкою текста произведеній Пушкина только еще начинается, или, лучше сказать, только еще должна начаться. Не слѣдуетъ забывать, что, до сихъ поръ, только посмертное изданіе Пушкина, редактированное Жуковскимъ, и такъ называемое «Анненковское» изданіе были сдѣланы «по рукописямъ». Каково было первое изданіе, нетрудно заключить по отзыву Бѣлинскаго (VIII, 88), который говоритъ:

«Всѣмъ извѣстно, что восемь томовъ сочиненій Пушкина изданы послѣ смерти его весьма небрежно во всѣхъ отношеніяхъ — и типографскомъ (плохая бумага, некрасивый шрифтъ, опечатки, а кое-гдѣ и искаженный смыслъ стиховъ), и редакціонномъ (пѣсы расположены не въ хронологическомъ порядкѣ, по времени ихъ появленія изъ-подъ пера автора, а по родамъ, избобрѣтеннымъ Богъ знаетъ чьимъ досужествомъ). Но что всего хуже въ этомъ изданіи — это его неполнота: пропущены пѣсы, помѣщенные самимъ авторомъ въ четырехъ томахъ собранія его сочиненій, не говоря уже о пѣсахъ, напечатанныхъ въ «Современникѣ» и при жизни, и послѣ смерти Пушкина».

Второе изданіе «по рукописямъ», сдѣланное извѣстнымъ нашимъ критикомъ и эссеистомъ П. В. Анненковымъ, заключаетъ въ себѣ менѣе пропусковъ, нежели первое, такъ строго осужденное Бѣлинскимъ, и очень долгое время считалось въ такой степени классическимъ, что одинъ выпускъ его въ свѣтъ прославилъ имя издателя и сдѣлалъ его извѣстнымъ. Но прекрасныя работы г. Якушкина надъ «черновыми тетрадами» и рукописями

Пушкина въ Румянцевскомъ музеѣ¹⁾ заставили измѣнить взглядъ знатоковъ дѣла на достоинство изданія Анненкова и значительно уронили его цѣну. Г. Якушкинъ, тщательно сличая всѣ отдѣльныя редакціи произведеній Пушкина (въ различныхъ, и притомъ лучшихъ изданіяхъ), доказалъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что классическое изданіе Анненкова грѣшитъ не только небрежностью отношенія къ рукописной основѣ подлинника и къ вариантамъ черновыхъ тетрадей, но и произвольностью въ пользованіи текстомъ рукописей Пушкина²⁾. Превосходная разработка рукописей Пушкина, произведенная, въ видѣ опыта, г. Якушкинымъ, показала, что для дальнѣйшихъ изданій поэта выработку текста отдѣльныхъ піесъ придется начинать сначала, поставивъ самымъ положительнымъ образомъ крестъ на всѣхъ печатныхъ редакціяхъ Пушкинскихъ сочиненій, не исключая и «классическаго» изданія Анненкова.

Что же, послѣ этого, сказать объ остальныхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина? Чего ожидать отъ нихъ? Извѣстно, что право изданія сочиненій Пушкина, послѣ того, какъ посмертное изданіе было раскуплено, перешло отъ наслѣдниковъ поэта къ книгопродавцу-издателю Я. А. Исакову. Право изданія, но не рукописи Пушкина... И вотъ начался рядъ изданій Пушкина, такъ называемыхъ «Исаковскихъ», въ которыхъ гостинодворецъ-собственникъ старался прикрыть выгодную книжную спекуляцію эгидою громкихъ библиографическихъ именъ, предоставляя редакціи сочиненій Пушкина то вѣдѣнію покойнаго Геннади, то Л. Н. Майкова, то П. А. Ефремова. Ни одно изъ этихъ изданій не было свѣрено съ рукописями, которыя только разъ вскрылись для г. Анненкова, и затѣмъ для всѣхъ послѣдующихъ редакцій Пушкинской музы оставались недоступною сокровищницею. За то редакторы, стараясь добросовѣстно выполнить ввѣренную имъ задачу, усердно «выработывали» печатный текстъ произведеній Пушкина по печатнымъ же изводамъ ихъ, помѣщеннымъ въ различныхъ альманахахъ и журналахъ при жизни Пушкина, и этотъ библиографическій комментарий пригла-

¹⁾ В. Е. Якушкинъ подробно рассмотрѣлъ рукописи Пушкина въ цѣломъ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ», 1884 года, съ февраля по декабрь.

²⁾ Исторія рукописей Пушкина поучительна во многихъ отношеніяхъ. До Пушкинскаго праздника, рукописи поэта были просмотрѣны только двумя лицами: Жуковскомъ, по Высочайшему соизволенію, и П. В. Анненковымъ, по разрѣшенію наслѣдниковъ Пушкина. Затѣмъ, старшій сынъ Пушкина, во время московскихъ празднествъ, принесъ драгоцѣнныя рукописи поэта въ даръ Румянцовскому музею. Но издатель «Русскаго Аргива» П. И. Вартеневъ сумѣлъ заручиться отъ сына поэта такого рода бумажкой, на основаніи которой втеченіе полутора года никто, кромѣ него, не имѣлъ права пользоваться рукописями Пушкина и дѣлать изъ нихъ явленія. Въ настоящее время онъ доступенъ для всѣхъ.

шенных г. Исаковымъ редакторовъ немало способствовалъ порчѣ текста Пушкина. Рядъ Исаковскихъ изданій закончился московскимъ изданіемъ г. Анскаго (прикавчика покойнаго книгопродавца Ѳ. И. Салаева), къ которому право издательской собственности перешло по смерти Я. А. Исакова. Этотъ московскій книжный фабрикатъ (мы не можемъ придумать иного названія!), вышедшій въ свѣтъ также подъ редакцію почтеннаго П. А. Ефремова, представляетъ собою несомнѣнно худшее изъ всѣхъ изданій Пушкина, потому что ко всѣмъ остальнымъ недостаткамъ предшествующихъ изданій здѣсь прибавились еще тысячи грубѣйшихъ опечатокъ, мѣстами совершенно обезличивающихъ оригинальный текстъ Пушкина, и безъ того уже нѣсколько поколебленный излишнею кропотливостью редактора и совершенно искусственнымъ хронологическимъ расположеніемъ отдѣльныхъ пьесъ.

Что г. Ефремовъ не подвинулъ ни на шагъ впередъ разработки Пушкинскаго текста, это совершенно ясно указывается его же собственнымъ предисловіемъ, въ которомъ онъ, на стр. V, говоритъ:

«Въ настоящемъ изданіи мы старались собрать все, до сихъ поръ напечатанное у насъ съ именемъ Пушкина, и тщательно провѣрить текстъ каждаго произведенія въ стихахъ и прозѣ, освободивъ его съ одной стороны отъ постороннихъ прибавокъ и ошибокъ, а съ другой пополнивъ тѣмъ, что было исключено или измѣнено помимо воли автора или даже имъ самимъ, но по какимъ нибудь особымъ, временнымъ причинамъ, теперь уже не существующимъ. Къ сожалѣнію, мы не могли имѣть доступа къ тѣмъ драгоценнымъ рукописямъ поэта, которыя находились въ распоряженіи П. В. Анненкова и т. д.»

Эта послѣдняя фраза служитъ прямымъ опроверженіемъ ко всему, что было сказано г. Ефремовымъ выше. Спрашивается: какъ могъ онъ провѣрять текстъ Пушкина, когда ему не были доступны драгоценныя рукописи поэта? Какъ могъ онъ освобождать печатный текстъ отъ прибавокъ и ошибокъ, когда у него подъ руками не было основнаго текста — первоначальнаго рукописнаго подлинника? Провѣрка текста, при такихъ условіяхъ, сводилась къ простому сличенію «книги въ большую осьмушку съ книгою въ малую осьмушку» и представляла собою довольно бесполезную Сизифову работу....

Не выдерживаетъ критики и тотъ педантически-хронологическій порядокъ расположенія произведеній Пушкина, которому г. Ефремовъ придаетъ особенное значеніе. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу:

«Порядокъ распредѣленія стиховъ и прозы принять нами единственно-возможный для каждаго изданія, претендующаго быть хорошимъ, именно хронологическій»... Затѣмъ, укоряя г. Анненкова за то, что онъ располагаетъ отдѣльныя пьесы Пушкина от-

части по годамъ, а отчасти и по родамъ, г. Ефремовъ представляетъ: «Мы, напротивъ, старались и въ каждомъ годѣ опредѣлить время, въ которомъ написана каждая пьеса. Для этого намъ служили указаніемъ... переписка (Пушкина) и статьи о Пушкинѣ, а если точныхъ данныхъ не встрѣчалось, то мы размѣщали стихи по времени ихъ напечатанія, напримѣръ, пьесу, помѣщенную въ первыхъ нумерахъ какого-нибудь журнала извѣст-

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Съ гравюры Уткина, сдѣланной съ портрета, писаннаго Кипренскимъ.

наго года, мы печатали прежде помѣщенной въ слѣдующихъ затѣмъ нумерахъ, на чтѣ въ изданіи Анненкова не было обращено вниманія и т. д.».

Не нужно быть большимъ знатокомъ издательскаго дѣла для того, чтобы понять всю ложность такого приѣма для хронологическаго распредѣленія Пушкинскихъ пьесъ не только по годамъ, но даже по отдѣльнымъ мѣсяцамъ cadaго года. Основою для хронологіи Пушкинскихъ произведеній могутъ служить только

лично имъ выставленныя подъ стихотвореніями обозначенія времени и, конечно, его черновые подлинники стихотвореній; затѣмъ, до нѣкоторой степени, указанія, сдѣланныя Пушкинымъ въ его перепискѣ съ друзьями и издателями его произведеній. Но основною хронологическаго распредѣленія пьесъ Пушкина никакъ не могутъ служить ни статьи о Пушкинѣ, ни время напечатанія произведеній въ томъ или другомъ журналѣ. Распредѣленіе по этимъ даннымъ можетъ только ввести въ заблужденіе, и это доказать нетрудно. Припомнимъ, для этой цѣли, обычай Пушкина, посылать изъ деревни «все написанное» одному изъ своихъ пріятелей (князю Вяземскому, Дельвигу или Плетневу) и держать, такимъ образомъ, свои произведенія какъ бы въ запасѣ у нихъ. Если кто-нибудь изъ журналистовъ обращался къ Пушкину съ просьбою о доставленіи въ журналъ стихотворенія, Пушкинъ (если благоволилъ къ журналисту) прямо указывалъ ему на запасъ своихъ стиховъ въ рукахъ того или другаго изъ пріятелей и уполномочивалъ журналиста къ полученію той или другой пьесы, одной или нѣсколькихъ. Такъ какъ трудно предположить, чтобы хранитель стиховъ Пушкина выдавалъ ихъ журналисту непременно въ хронологическомъ порядкѣ, то появленіе того или другаго стихотворенія въ книжкѣ журнала никогда не могло и не можетъ служить хронологическимъ указаніемъ: пьеса, написанная за годъ до появленія въ печати, легко могла явиться позже той, которая была написана мѣсяць тому назадъ! Заимствуемъ другой, еще болѣе рѣзкій примѣръ изъ переписки Пушкина. Осень 1830 года, проведенная поэтомъ въ Болдинѣ, была, по его собственному выраженію, «дѣтородна», и, въ извѣстномъ своемъ письмѣ къ Дельвигу, Пушкинъ обѣщаетъ ему, что пѣсни трубадуровъ (въ «Литературной Газетѣ») «не умолкнутъ круглый годъ». Далѣе онъ извѣщаетъ его о томъ богатомъ запасѣ произведеній, который вывезенъ имъ изъ Болдина въ Москву:

«Вотъ что я привезъ сюда: двѣ послѣднія главы Онѣгина, со всѣмъ готовыя для печати; повѣсть, писанную октавами (Домикъ въ Коломнѣ); нѣсколько драматическихъ сценъ: «Скупой рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Пиръ во время чумы» и «Донъ-Жуанъ». Сверхъ того, я написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Еще не все: написалъ я прозою весьма секретное! — пять повѣстей (повѣсти Бѣлкина). Предположимъ, что это письмо Пушкина не дошло бы до насъ, и Дельвигъ, получивъ весь этотъ запасъ произведеній, растянулъ бы его печатаніе въ своей «Литературной Газетѣ» на два или даже на три года... Желательно было бы знать, какъ бы могло «время напечатанія» служить указаніемъ для хронологическаго распредѣленія этихъ пьесъ по годамъ или мѣсяцамъ въ каждомъ отдѣльномъ году?!

Крупнымъ и немаловажнымъ недостаткомъ изданія, напечатаннаго подъ редакцію г. Ефремова, служитъ еще и то, что онъ об-

рашаетъ нерѣдко страницы произведеній Пушкина въ поприще для ожесточенной и желчной полемики съ тѣми литературными и общественными дѣятелями, которые имѣли несчастье ему не угодить или непонравиться... До какой крайности почтенный г. Ефремовъ доходить въ этой полемикѣ, можно видѣть по одному изъ его примѣчаній (VI т., стр. 483) къ «Исторіи Пугачевского бунта», прибавленному специально для того, чтобы уколотъ одного изъ такихъ дѣятелей, которыми Россія по справедливости можетъ гордиться. Приводимъ это курьёзное примѣчаніе цѣликомъ:

«Д. А. Ровинскій, въ своемъ «Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ», неправильно указываетъ портретъ № 3-й (безрукъ), тогда какъ при ней (?) находится описанный въ словарѣ подъ № 5. Также неправильно и указаніе Ровинскаго подъ № 17, будто бы снимокъ съ печати Пугачева (а не съ медали, какъ пишетъ г. Ровинскій) приложенъ только къ нѣкоторымъ экземплярамъ; онъ находится во всѣхъ экземплярахъ, но вырѣзывается легкомысленными (sic!) собирателями портретовъ, не останавливающимися передъ порчею книгъ, ибо книги имъ не нужны, онѣ библейскій бисеръ». Спрашиваемъ, какое отношеніе къ редактированію текста Пушкина можетъ имѣть это бранчивое и придирчивое примѣчаніе и заключающіеся въ немъ совсѣмъ неостроумныя намеки?

Но довольно объ изданіяхъ Пушкина вообще и въ частности объ изданіяхъ, вышедшихъ въ свѣтъ подъ редакцію г. Ефремова. Мы остановились на вопросѣ объ изданіяхъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы дать понятіе о крайней недостаточности всего, сдѣланнаго для выработки Пушкинскаго текста. Ясно, что будущіе серьёзные издатели Пушкина должны будутъ положить въ основу не печатные изводы произведеній поэта, а его черновыя тетради, драгоценныя во многихъ отношеніяхъ. По этимъ-то черновымъ тетрадямъ придется возстановить оригинальные тексты произведеній Пушкина и дать въ примѣчаніяхъ варианты изданій, вышедшихъ въ свѣтъ при жизни поэта. Эта нелегкая работа должна быть выполнена именно теперь, когда сочиненія Пушкина становятся наконецъ общимъ достояніемъ всѣхъ русскихъ людей, и когда рыночная спекуляція собирается запрудить Россію десятками бессмысленнѣйшихъ перепечатокъ Пушкина, въ лицѣ такихъ знатоковъ и мастеровъ издательскаго дѣла какъ гг. Окрейцы, Павленковы, Манухины и т. п. Мы льстимъ себя надеждою на то, что полное собраніе сочиненій Пушкина, предпринятое литературнымъ фондомъ, будетъ выполнено именно на вышеуказанномъ основаніи, то-есть съ провѣркою печатнаго текста «по рукописямъ»; пора дать въ руки всѣмъ почитателямъ памяти великаго русскаго поэта настоящій, нормальный, классическій текстъ его произведеній.

Въ дополненіе къ тому, что сказано было нами о недостаткахъ существующихъ изданій Пушкина, необходимо добавить еще два слова о томъ, чего слѣдуетъ желать и ожидать отъ послѣдующихъ изданій Пушкина.

Бѣлинскій, въ одной изъ своихъ статей, въ отвѣтъ на толки разныхъ критиковъ, отрицавшихъ самое существованіе русской литературы, высказалъ очень вѣрную и очень оригинальную мысль: «что у насъ есть литература, для этого достаточно знать, что у насъ есть Пушкинъ»... Дѣйствительно, Пушкинъ, при всей своей геніальности, былъ прямымъ потомкомъ всего предшествовавшаго ему періода нашей литературы и дивнымъ представителемъ современной ему литературы европейской; съ другой стороны, именно благодаря своей геніальности, Пушкинъ надолго положилъ печать своего генія на весь послѣдующій періодъ нашей поэзіи. И можно, дѣйствительно, сказать, что знающій Пушкина знаетъ уже, до извѣстной степени, всю русскую литературу, ибо знаетъ то, что есть лучшаго въ нашей поэзіи! Вотъ именно этому-то знанію, этому-то изученію и должны главнымъ образомъ способствовать дальнѣйшія хорошія изданія Пушкина.

Задаваясь этимъ требованіемъ, мы желали бы непременно видѣть въ будущихъ изданіяхъ нашего поэта подробный комментарий и краткую, но толково и правдиво написанную біографію его, въ результатѣ которой являлась бы возможно-вѣрная и вполне опредѣленная характеристика Пушкина, какъ поэта, какъ человѣка и какъ общественнаго дѣятеля.

Мы употребляемъ именно слово комментарий, въ самомъ обширномъ значеніи этого термина, потому что, на нашъ взглядъ, Пушкинъ нуждается не въ отдѣльныхъ примѣчаніяхъ и объясненіяхъ, а въ полномъ и подробномъ комментарий, въ составъ котораго входили бы и поясненія его намековъ на личную его жизнь и на отношенія къ современникамъ, и толкованія массы миеологическихъ, историческихъ, литературныхъ и научныхъ именъ и терминовъ, упоминаемыхъ въ его произведеніяхъ, и, наконецъ, поясненія многихъ оборотовъ и выраженій, свойственныхъ собственно Пушкинскому языку и (странно сказать!) уже не вполне понятныхъ современному поколѣнію русской молодежи.

Для уясненія нашей мысли, возьмемъ первую главу Онегина и первую пѣснь Руслана и Людмилы, и въ нихъ укажемъ на ту массу словъ и отдѣльныхъ выраженій, которыя требуютъ поясненія для того, чтобы чтеніе Пушкина могло быть вполне разумнымъ и пониманіе его вполне сознательнымъ.

Начнемъ съ первой главы Онегина и предположимъ, что «средній» читатель Пушкина болѣе или менѣе образованъ, имѣетъ аттестатъ зрѣлости, и потому знакомъ съ именами — Ювенала, Гомера, Теоокрита, Назона, Ромула, — съ миеологическимъ зна-

ченіемъ Зевса, Венеры, Діаны, Терпсихоры, Эола, Флоры, Фортуны, Аполлона, Музы, Нимфъ, — съ литературными терминами, въ родѣ: ямба и хорея, эпитафа и эпитагмы, пінта и сатиры... Но за этими именами и терминами въ одной только первой главѣ Евгенія Онѣгина стоятъ еще слѣдующія собственные имена: Адамъ Смитъ, Фобласъ, Федра, Клеопатра, Моина, Семенова, Дидло, Истомина, Катенинъ, Корнель, Гриммъ, Чайльдъ-Гарольдъ, Сей, Бентамъ, Торквато, Пе-

Портретъ Пушкина, рисованный Элеонорою Жуковской съ маски, снятой съ него послѣ кончины.

трарка, Брента, Салгиръ? А за этими именами слѣдуетъ цѣлый рядъ выражений, терминовъ и эпитетовъ исключительно Пушкинскаго языка, изъ которыхъ многіе едва-ли могутъ быть понятны теперь. Что значать, напримѣръ: широкій Боливаръ, недремлющій брегетъ, (страсбургскій) пирогъ нетлѣнный, живой сыръ (либургскій), злой законодатель театра, почетный гражданинъ кулисъ, щепетильный Лондонъ, веселое стекло водъ, младыя Армиды, модныя жены (въ смыслѣ: свѣтскихъ дамъ), счастливое стремя, душой исполненный полетъ, глубокой экономъ (вмѣсто экономистъ), простой продуктъ (вмѣсто сырой) и т. д.

Возможно-ли, наконецъ, оставить безъ объясненія такіе литературные намеки, какъ: Фонъ-Визинъ, другъ свободы, перемчивый Княжнинъ, величавый геній Корнеля, колкій Шаховской, Байронъ—гордости поэтъ? Возможно ли оставить безъ комментарія такіе авто-біографическіе намеки, какъ

Тамъ нѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ Сѣверъ для меня.

Или:

Давно-ль для васъ (для нѣжекъ) я забывалъ
И край отцовъ, и заточенье?

Или:

Стоитъ задумчиво Евгений,
Какъ описалъ себя пинтъ...

И далѣе: «Прійдетъ ли часъ моей свободы?—подъ небомъ Африки моей?» Или еще:

Перо, забывшись, не рисуетъ,
Влизъ неоконченныхъ стиховъ,
Ни женскихъ ножекъ, ни головъ.

И это все только въ одной главѣ одной поэмы Пушкина! Если же мы заглянемъ въ другія, преимущественно юношескія произведенія Пушкина, тамъ явится необходимость даже въ простомъ истолкованіи оборотовъ языка, въ которомъ многое для нашего времени уже непонятно, неясно и требуетъ поясненія. Припомнимъ, напримеръ, изъ Руслана и Людмилы такія выраженія, какъ нѣмой мракъ, дремлющія своды, безжалостныя двери, судьбы наперсникъ непонятный, немирные челноки, празднаыя кольчуги, мертвыя кости и т. д.—и мы прійдемъ къ несомнѣнному убѣжденію, что комментарий къ Пушкину необходимъ. Въ подтвержденіе нашей мысли приведемъ еще и такой фактъ: одинъ изъ нашихъ словесниковъ, ревизовавшій въ 1867 году преподаваніе русскаго языка въ одесскихъ гимназіяхъ, былъ крайне изумленъ тѣмъ, что ни одинъ изъ учениковъ VII класса не могъ объяснить ему извѣстный стихъ Пушкина, въ описаніи Полтавскаго боя —

«Браздами, саблями звуча»...

Слово бразды ставило всѣхъ въ тупикъ, а одинъ изъ учениковъ старался даже объяснить этотъ стихъ Пушкина другимъ извѣстнымъ стихомъ его же:

Бразды пушистыя вервяла,
Несется тройка удалая.

Кажется, фактъ достаточно разителенъ, чтобы убѣдить будущихъ издателей Пушкина въ необходимости оказать современному читателю поэта посильную помощь въ пониманіи красотъ Пушкинской поэзіи?

Самымъ важнымъ комментариемъ къ сочиненіямъ Пушкина должна, однако же, быть біографія поэта, основанная на глубокомъ изученіи всѣхъ источниковъ, доселѣ извѣстныхъ, и притомъ на изученіи вполнѣ безпристрастномъ. Не слѣдуетъ забывать біографу Пушкина, что это великое имя уже давно принадлежитъ исторіи, подлежить ея величественному суду, и потому именно не нуждается ни въ какихъ подкрашиваньяхъ, ни въ какихъ смягченіяхъ. Біографъ долженъ очертить намъ Пушкина тѣми живыми, яркими, рѣзкими и нѣсколько жесткими, неровными чертами, въ какихъ поэтъ дѣйствительно проявлялся въ жизни и въ современной ему литературѣ. Вообще, вставить типъ и характеръ Пушкина въ какую бы то ни было строго-опредѣленную рамку также трудно, какъ судить о проявленіяхъ его кипучей, страстной природы на основаніи морали, выработанной суровымъ пуританизмомъ... А потому-то и необходимо рисовать Пушкина такимъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, по своей природѣ, со всѣми его достоинствами и недостатками, со всѣми причудами и предрасудками. Зачѣмъ скрывать несимпатичныя стороны характера Пушкина и выставять гдѣ видъ только свѣтлыя и привлекательныя? Онъ не нуждается въ нашихъ панегирикахъ, оправданіяхъ и снисхожденіи...

П. Полевой.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ ПРИНЦА БАТТЕНБЕРГА.

ВРИНЦЪ Александръ Баттенбергъ, повидимому, опять всплываетъ на политическомъ горизонтѣ и готовъ, кажется, броситься снова въ омутъ разнообразныхъ приключеній. Но вынырнетъ ли онъ еще разъ въ Болгаріи, отправится ли въ Индію, чтобы учить англичанъ, какъ нужно избѣгать опасныхъ случаевъ (искусство, засвидѣтельствованное орденомъ Вани), или же мирно почтеть у ногъ королевы Викторіи въ качествѣ prince consort, на презрѣніе англичанъ,— все же Баттенбергъ личность довольно интересная по несомнѣнному уму, пронырливости, ловкости и страсти къ безпокойной, кочевой жизни.

Изъ двухъ державъ, избравшихъ Баттенберга своимъ орудіемъ, практичная Англія бережетъ его лишь какъ факелъ, которымъ можно въ данный, нужный моментъ зажечь воспламеняющіяся вещества, произвести хаосъ; а что станется во время пожара и хаоса съ самимъ факеломъ,—ей, конечно, и горя мало. Австро-Венгрія же отнеслась къ принцу нѣсколько иначе, а именно съ надеждою на будущее, какъ будто съ увѣренностью, что онъ, укрьпившись снова въ Болгаріи, сослужить ей службу, будетъ и впослѣдствіи преданъ ея интересамъ, подобно королю Милану. Это легкомысленное, даже наивное довѣріе, прощительное венгерцамъ, непрощительно серьезному австрійскому правительству, которому не могъ же быть не ясенъ предательскій характеръ принца, хотя бы по поведенію его въ отношеніи къ Россіи. Притомъ же большія способности и сильное честолюбіе его—не чета ничтожеству и безличности Милана.

Оваціи, оказанныя принцу Баттенбергу венгерцами и поляками, а также безтактные нападки Кальноки на противобаттенбергскія

дѣйствія генерала Каульбарса, имѣють значеніе не только противодѣйствія Россіи, но и довѣрія, уваженія къ Баттенбергу, какъ къ человѣку,—довѣрія и уваженія, которыхъ онъ какъ человѣкъ именно и не заслуживаетъ.

Англичане, за исключеніемъ королевы Викторіи, это понимаютъ; но австрійцы, венгерцы и нѣкоторые поляки видятъ въ дѣйствіяхъ Баттенберга только одну сторону—противодѣйствіе русскому влиянію въ Болгаріи, и этого одного для нихъ достаточно, чтобы считать принца рыцаремъ чести, долга и свободы. Все, что онъ творилъ въ Болгаріи, безусловно одобряется; никто не разбираетъ дѣла ближе, не ищетъ руководившихъ имъ побужденій, не оцѣниваетъ поступковъ именно по понятіямъ о чести и долгѣ, хотя неособенно практикуемыхъ въ политикѣ, но въ данномъ случаѣ безусловно необходимыхъ и болгарамъ, и тѣмъ правительствамъ или лицамъ, которыя желали бы на Баттенберга положиться.

Вотъ почему не мѣшаетъ бросить нѣкоторый свѣтъ на эти потемки чужой души и заглянуть въ нее на сколько возможно посредствомъ анализа прошлаго. Лучшій критерій для оцѣнки характера и поступковъ принца—это свѣдѣнія объ отношеніяхъ семейства Баттенберговъ къ Россіи и объ ихъ происхожденіи. Исторія что нибудь да разъясняетъ, расовая кровь что нибудь да значить.

Хотя съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія прошло уже лѣтъ шестьдесятъ, но въ Варшавѣ есть много старичковъ, помнящихъ времена цесаревича Константина Павловича, а преданій о той эпохѣ сохранилось еще болѣе. Рассказываютъ, что еще при Станиславѣ-Августѣ прибылъ въ Варшаву ремесломъ брадобрѣй, нѣкто Гаукъ, родомъ изъ венгерскихъ цыганъ. Гаукъ былъ человѣкъ юркій, заручился протекціей большихъ пановъ и при ихъ помощи пристроилъ двухъ сыновей своихъ въ военную, а третьяго, средняго, въ гражданскую службу, уже подъ болѣе законченною фамиліею Гауке. Съ назначеніемъ цесаревича Константина Павловича главнокомандующимъ войсками въ царствѣ Польскомъ и въ губерніяхъ Западнаго края, сыновья Гауке, который понравился и великому князю, быстро пошли въ гору. Старшій изъ нихъ, Маврикій Гауке, въ 1826 году, былъ уже дивизионнымъ генераломъ, статсъ-совѣтникомъ (статсъ-секретарь) и исправляющимъ должность военнаго министра. Съ двѣнадцатаго до тридцатаго года, какъ извѣстно, не было случая для Гауке отличиться въ военныхъ дѣйствіяхъ; значить, правилась цесаревичу его дѣятельность военно-административная, и великій князь пожелалъ возвести его за эти услуги въ графское достоинство; но этому помѣшало то обстоятельство, что Гауке не были дворянскаго происхожденія. Вотъ почему, въ 1826 году, сначала было испрошено у юнаго царя дворянское достоинство для всѣхъ трехъ братьевъ Гауке. Приводимъ въ дословномъ переводѣ высочайшую грамоту на дворянство братьевъ

Гауке, текстъ которой помѣщенъ въ дневникѣ законовъ царства Польскаго, томъ XI, стр. 346:

«Божією милостію
«мы, Николай Первый,
«императоръ всероссійскій, царь польскій
«и проч., и проч., и проч.

«Согласно съ 46-ю статьею конституціоннаго устава нашего царства Польскаго и съ королевскимъ постановленіемъ отъ 5 (17) іюня 1817 года о приобрѣтеніи дворянскаго достоинства,

«По докладѣ мнѣнія депутаціи сената, на сей предметъ установленной,

«Вслѣдствіе рапорта намѣстника нашего въ сказанномъ царствѣ,

«Въ воздаяніе отличныхъ заслугъ передъ государствомъ исправляющаго должность военнаго министра, статсъ-совѣтника, дивизионнаго генерала, Маврикія Гауке, а равно заслугъ двухъ братьевъ его, чрезвычайнаго статсъ-референдарія Людвигъ Гауке и подполковника главнаго штаба, по части генеральнаго квартирмейстера, Іосифа Гауке,

«Постановили мы присвоить и пожаловать и настоящей грамотою на дворянство дѣйствительно присвоиваемъ и жалуемъ означенному дивизионному генералу Маврикію Гауке, а равно помянутымъ братьямъ его Людвигу и Іосифу, какъ имъ самимъ, такъ и ихъ нисходящему въ прямой линіи законному потомству, званіе и права польскихъ дворянъ.

«Да пользуются они отнынѣ преимуществами, этому достоинству принадлежащими, во всемъ ихъ объемѣ и полнотѣ.

«Жалуемъ, сверхъ того, гг. Маврикію, Людвигу и Іосифу Гауке и ихъ вышеуказанному потомству гербъ Босакъ ¹⁾ (Bosák), т. е.

«На щитѣ, горизонтально разсѣченномъ, левъ, стоящій на заднихъ лапахъ, держащій въ переднихъ лапахъ багоръ; половина льва въ верхнемъ голубомъ полѣ щита — желтая, а другая половина въ желтомъ нижнемъ полѣ щита — голубая; надъ щитомъ шлемъ, а надъ шлемомъ половина льва, держащаго багоръ.

«Жалуя настоящую грамоту на дворянство и гербъ гг. Маврикію, Людвигу и Іосифу Гауке, предоставляемъ имъ, а равно законному ихъ потомству, въ прямой линіи отъ нихъ нисходящему, право пользоваться дворянствомъ и помянутымъ гербомъ, наравнѣ съ другими дворянами нашего царства Польскаго, во всѣхъ дѣяніяхъ частныхъ и общественныхъ на вѣчныя времена.

¹⁾ Босакъ попольски значитъ багоръ. Подъ именемъ Босака, одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ принца Александра, Гауке, во время послѣдняго польскаго восстанія командовалъ шайкой мятежниковъ.

«Для приданія большаго значенія настоящей грамотѣ, мы собственноручно подписываемъ ее, повелѣвая приложить къ ней гербовую печать нашего царства Польскаго.

«Дана въ Санктъ-Петербургѣ дня 2 (14) фѣвраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ двадцать шестое, царствованія же нашего въ первое.

«(подписано) Николай.

«Контрасигнировалъ министръ статсъ-секретарь
«графъ Стефанъ Грабовскій».

Въ 1830 году, Маврикій Гауке — уже графъ и военный министръ; онъ вполне преданъ и Россіи, и лично цесаревичу, порицаетъ восставшихъ поляковъ и смертію запечатлѣваетъ преданность чести, долгу и присягѣ. Онъ заколотъ мятежниками на Краковскомъ предмѣстьѣ, у одного изъ каменныхъ столбовъ рѣшетки такъ называемаго Намѣстниковскаго палаца (почти напротивъ Европейской гостиницы). Его имя въ числѣ другихъ поляковъ, павшихъ во время мятежа за преданность Россіи, начертано на памятникѣ, находящемся на Саксонской площади.

Дочь генерала графа Маврикія Гауке, оставшаяся сиротою, взята была въ Петербургъ, здѣсь воспитана и назначена фрейлиной къ высочайшему двору. Родной братъ въ Бозѣ почивающей императрицы Маріи Александровны, состоявшій въ русской службѣ, принцъ Гессенъ-Дармштадтскій, Александръ, влюбился во фрейлину графиню Гауке и затѣмъ сочетался съ нею морганатическимъ бракомъ, причемъ она получила титулъ графини Ваттенбергъ. Это было еще во время царствованія императора Николая I, который посмотрѣлъ на этотъ бракъ неблагоклонно, и потому принцъ оставилъ русскую службу и удалился въ Дармштадтъ. Съ воцареніемъ императора Александра II, графинѣ Ваттенбергъ стало производиться негласное, изъ суммъ государя, пособіе по три тысячи рублей въ годъ. Когда и къ дѣтямъ ея присвоено званіе принцевъ, — свѣдѣній подъ рукою не имѣется.

Какъ извѣстно, затѣмъ принцъ Александръ Ваттенбергъ, офицеръ прусской службы, участвовалъ въ составѣ нашихъ войскъ въ войнѣ 1877 года и былъ предложенъ Россіею въ князя освобожденной русскимъ оружіемъ Болгаріи...

Теперь ни для кого не тайна, что съ самаго вступленія своего на эту славянскую землю князь Александръ имѣлъ въ виду сдѣлать ее слугою австро-венгерскихъ и англійскихъ интересовъ по борьбѣ съ Россіею за вліяніе. Извѣстны также систематичность, съ которою этотъ планъ приводился въ исполненіе, и пущенное въ ходъ съ этою цѣлью коварство, вѣнцомъ котораго явилась финальная телеграмма Ваттенберга къ государю императору, выказавшая такое двоедушіе, что оно возбудило негодованіе даже въ друзьяхъ его.

Подобное поведеніе потому и безчестно, что не вызвано ни случайностями княженія, ни какими либо увлеченіями и т. п., а вся эта интрига задумана принцемъ Баттенбергомъ ранѣе поступленія въ правители Болгаріи и развивалась въ умѣ предателя въ то самое время, когда онъ давалъ клятвы ставившему его царю нашему дѣйствовать, не нарушая интересовъ Россіи. Свою семилѣтнюю жалкую комедію онъ и закончилъ такими же безчестными увѣреніями государя императора въ своей преданности,—ложь удивительная своею наглостью и даже глупостью, ибо онъ надѣялся обмануть его.

Изъ исторіи его управленія, изъ разоблаченій Каравелова и многихъ другихъ болгаръ, извѣстно, что о пользѣ Болгаріи онъ не думалъ никогда, что имъ руководили исключительно личные интересы, что интригу онъ велъ противъ Россіи вслѣдствіе предварительнаго соглашенія съ заинтересованными державами, конечно, не для однихъ прекрасныхъ глазъ этихъ державъ...

Весьма любопытный вопросъ, какіе факторы повліяли на созданіе человѣка, лишеннаго всякихъ принциповъ. Отецъ его, принцъ Гессенъ-Дармштатскій Александръ, человѣкъ весьма умный, почтенный, твердыхъ правилъ. Его мать, урожденная графиня Гауке, была всегда образцовою семьянишкою, не смотря на рѣдкую красоту свою. Дѣдъ его по матери, графъ Гауке, добившійся изъ ничтожества высокаго положенія, отличался именно качествами, вполне отсутствующими во внука, — преданностью долгу и чести, за которую лишился жизни. Самъ принцъ Баттенбергъ получилъ весьма тщательное воспитаніе, надѣленъ недюжиннымъ умомъ. Сынъ и внукъ лицъ, облагодѣтельствованныхъ Россіею, онъ облачается полнымъ довѣріемъ ея монарха, который ставитъ его на высочайшую ступень, дѣлая его правителемъ обширнаго государства. Принцъ, никѣмъ не принуждаемый, ничѣмъ не стѣсняемый, даетъ Россіи слово дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи, а между тѣмъ вступаетъ въ дарованное ему Россіею управленіе государствомъ съ предвзятою идеею творенія всевозможнаго зла этой же Россіи. Откуда столько безпричиннаго ехидства, почему столько циничной рѣшимости покончить со всякими понятіями о долгѣ и чести?

Одною корыстью объяснять это невозможно: и богатства, и соединенія съ Восточною Румеліею, и короны, онъ бы достигъ, и не нарушая русскихъ интересовъ. Почему же онъ согласился на предложенія Англіи или Австріи разыгрывать роль чего-то въ родѣ Конрада Валленрода? Развѣ только врожденная страсть къ интригѣ, изворотамъ, лганью, къ авантюризму... Но откуда врожденная? Неужели допустить, что цыганская кровь такъ породисто сильна, что въ четвертомъ поколѣннн, находясь уже только въ ничтожномъ количествѣ, все же проявилась столь интенсивно, что не могла быть затерта кровью ни польскою, ни нѣмецкою?

Увы, очень можетъ быть! Кто же не знаетъ, что, напримѣръ, семитическая кровь, не смотря на обильную примѣсь иной крови, несетъ присущія ей спеціальныя качества въ отдаленныя поколѣнія.

Сравните проявленныя принцомъ Ваттенбергомъ качества и влеченія съ цыганскими обычаями и стремленіями, и окажется много сходства...

И странное дѣло: гербъ, пожалованный дѣду принца Александра Ваттенберга, генералу Маврикію Гауке, при возведеніи его въ дворянское достоинство, содержалъ въ себѣ относительно этого принца какое-то эмблематическое пророчество... Левъ на немъ сохраняетъ свой натуральный, желтый цвѣтъ, пока онъ въ средѣ эирно-голубой верхняго поля щита; но лишь только онъ погружается въ нижнюю часть щита, окрашенную желтымъ (австрійскимъ?) цвѣтомъ, какъ вдругъ дѣлается голубымъ, т. е. неестественнаго цвѣта. Эта двойственность, эта потеря со средю естественныхъ качествъ, какъ нельзя вѣрнѣе воспроизведена въ характерѣ принца Александра. Только багоръ (*bosak*) еще не сыгралъ своей роли—не помогъ ему пристать къ берегу, но и это сбудется: королева Викторія поможетъ...

Правда, теперь рыцарей нѣтъ и щиты не употребляются; изображенныя на нихъ эмблемы, перешедшія къ дворянству, не имѣютъ отношенія къ качествамъ лицъ даннаго рода. Но Ваттенбергъ принадлежитъ къ рангу принцевъ, т. е. къ знаменитѣйшему дворянству, у котораго гербы сохранили свое особенное значеніе; а такъ какъ *noblesse oblige* и это правило относится къ принцу болѣе, чѣмъ къ его дѣду, сдѣлавшемуся дворяниномъ только по пожалованію императоромъ Николаемъ I,—то не мѣшаетъ привести маленькую геральдическую справку («Русская геральдика», Лакиера, стр. 51).

«Чтобы показать ту тѣсную связь, которая существовала въ Западной Европѣ среднихъ вѣковъ между жизнію рыцаря и его щитомъ, мы приведемъ описаніе того наказанія, которому рыцарь подвергался за преступленія. Онъ клялся при возведеніи въ этотъ санъ хранить честь, быть вѣрнымъ своему призванію, исполнять святыя велѣнія слова Божія. Велико поэтому было уваженіе къ лицу, это званіе носившему, но не меньше, съ другой стороны, была та кара, которая ожидала рыцаря, не оправдавшаго общаго къ нему довѣрія. Какъ честь рыцаря отражалась на его щитѣ,—вѣрномъ спутникѣ его подвиговъ, такъ щитъ же свидѣтельствовалъ объ утратѣ чести. Провинившагося рыцаря ввозили на эшафотъ, гдѣ въ его глазахъ ломали его доспѣхи; щитъ, съ котораго стирали гербъ, привязывали къ хвосту кобылы и влчили по городу, а герольдъ осыпалъ неблагороднаго рыцаря обвиненіями и оскорбленіями. Послѣ погребальной службы, духовенство произносило

проклятiя 108 псалма; три раза спрашивали имя разжалованнаго, три раза герольдъ отвѣчалъ, что имя обезславившаго себя чело-вѣка ему неизвѣстно. Послѣ того, выливали этому несчастному на голову чашу теплой воды, сводили его за веревку съ эшафота, клали на носилки, переносили въ церковь подъ покровомъ, и священники отгѣвали его, какъ бы умершаго».

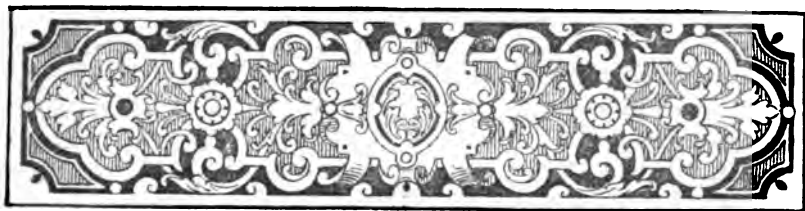
Осужденiе за измѣну долгу и чести выражается теперь въ иныхъ формахъ; но осужденiе это не легче, потому что долгъ и честь по-прежнему считаются коренными основами для общественной дѣятельности. Предатели, особенно въ военномъ званiи, и нынѣ чрезвычайно рѣдкое явленiе, иначе, поступокъ Базена не произвелъ бы такого изумленiя и омерзѣнiя во всемъ мiрѣ.

Вездѣ, во всѣ вѣка, измѣной пользовались, но измѣнниковъ презирали.

Никакiя громкiя фразы оправдать Баттенберга не могутъ; какъ правитель, онъ причинилъ много тяжкаго зла порученной ему довѣрiемъ русскаго государя странѣ, чѣмъ доказалъ свою неспособность; какъ политикъ, онъ, не смотря на цыганскую изворотливость и лганье, вышелъ дипломатомъ *coûsu du fil blanc*; какъ ставленникъ Россiи, какъ потомокъ семьи, облагодѣтельствованной Россiею, какъ чело-вѣкъ, измѣнившiй долгу, чести и никѣмъ не вынужденной клятвѣ, оказался предателемъ.

Г. Р—чъ.

ИЗЪ АНГЛІЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О РОССИИ.

I.

Англійскій историкъ о Крымской войнѣ.

В АДНЯХЪ вышелъ въ свѣтъ пятый томъ новѣйшей исторіи Англіи Уальполя (A History of England from 1815, by Spencer Walpole, vol. V, 1886). Авторъ этого почтеннаго труда пользуется большою авторитетностью за умѣнье кратко и ясно излагать повѣсть о людяхъ и еще болѣе за рѣдкій даръ безпристрастнаго и непредубѣжденнаго критика. Таковымъ онъ сохранилъ себя и при разсказѣ о событіяхъ, касающихся Россіи. Поэтому пятый томъ исторіи Уальполя счастливо совпалъ съ нашими днями, когда слѣпая и традиціонная ненависть англичанъ ко всему русскому подогрѣвается горами клеветы, брани, подносимой ежедневной, еженедѣльной и ежемѣсячной англійской прессой. Это совпаденіе тѣмъ болѣе удачно, что до сихъ поръ въ Англіи лучшимъ сочиненіемъ о Крымской войнѣ считался трудъ Кинглека, крайне пристрастный и черзчуръ льстящій самолюбію британцевъ. Исторія Уальполя, какъ увидимъ дальше, смѣло идетъ противъ англійскаго шовинизма и ненависти къ Россіи, убѣждая своихъ читателей, что Крымская война не дала Великобританіи ни лавровъ, ни практической пользы... Обширная имперія, занимающая всю восточную Европу и значительную часть Азіи, — начинаетъ свое повѣствованіе историкъ, —

не имѣеть прочнаго, постояннаго и свободнаго выхода въ мѣръ. Сѣверный океанъ покрытъ льдомъ, на сѣверо-востокѣ и сѣверо-западѣ Русской имперіи моря замерзають, на югѣ ворота закрыты Турецкой имперіей. «Поэтому каждый образованный русскій, — заключаетъ Уальполь, — желаетъ преобладанія надъ Портой, которая есть двери Россійскаго царства. Сила, заставляющая Россію стремиться на Босфоръ, увеличивается, благодаря особому условію существованія Турціи... Одна часть связана съ Россіей узами одноплеменности, другая единовѣріемъ. Славяне естественно смотрятъ на великую славянскую державу сѣвера Европы какъ на освободительницу отъ страданій, тогда какъ греки видятъ въ царѣ всей Россіи главу ихъ церкви»...

Когда Наполеонъ III, желая привлечь на свою сторону французскую аристократію и отплатить за отказъ Николая Павловича назвать его «Monsieur mon frèге», поднялъ вопросъ о правахъ католиковъ на извѣстную часть Святыхъ мѣстъ, въ Англіи пало министерство Дерби, и премьеромъ новаго кабинета сдѣлался Абердинъ. Покойный русскій царь, въ свой визитъ Лондону въ 1844 году, почти подружился съ этимъ государственнымъ дѣятелемъ Англіи. «Турція, — говорилъ Николай I Абердину и Пилю, — умираетъ, она должна скончаться; мы не въ состояніи точно опредѣлить, что должно сдѣлать послѣ ея смерти, но мы, по крайней мѣрѣ, должны честно предвидѣть эту случайность. Россія не желаетъ ни одного вершка турецкой территоріи, но не потерпитъ, чтобъ какая либо держава завладѣла хотя бы однимъ вершкомъ ея. Лучшій способъ устранить Францію отъ возможности захвата турецкой земли въ Африкѣ, на Средиземномъ морѣ или на востокѣ — соглашеніе между Россіей и Англіей». При этомъ царь доказывалъ, что если катастрофа, которую онъ предвидитъ, дѣйствительно произойдетъ, то опасность ея послѣдствій значительно уменьшится, если Россія и Англія заранѣе придутъ къ соглашенію, ибо Австрія поневолѣ послѣдуетъ политикѣ, которую ей будутъ совѣтовать одновременно изъ Лондона и Петербурга, а когда Австрія, Россія и Англія заодно, то миръ обезпеченъ. Эти разговоры окончились восторженнымъ преклоненіемъ Абердина и большей части англійскаго руководящаго класса предъ рыцарскою личностью царя. Естественно поэтому, что премьерство Абердина обрадовало Николая Павловича и дало ему надежду на помощь Англіи къ мирному исходу русско-французскаго спора въ Турціи. И царь съ полной увѣренностью въ добромъ исходѣ тотчасъ обратился къ британскому послу въ Петербургѣ, сэру Гамильтону Сеймуру, повторяя ему то, что девять лѣтъ тому назадъ говорилъ въ Лондонѣ. Черезъ пять дней онъ еще разъ возобновилъ разговоръ на эту тему въ болѣе настоятельномъ тонѣ. «Турція, — сказалъ онъ послу, — можетъ внезапно умереть на нашихъ рукахъ; мы не въ силахъ воскрешать то, что

умерло. Если Турція разъ падеть, она больше не встанетъ. Гораздо лучше прійти къ соглашенію заранѣе, чѣмъ подвергаться риску внезапной катастрофы». Переходя затѣмъ отъ общей бесѣды къ частностямъ, Николай Павловичъ предлагалъ Англiи сказать, по крайней мѣрѣ, хоть отрицательно, т. е. обусловить, что именно было бы противно ея желаніямъ, рисовалъ возможность дать въ наслѣдники «большому человѣку» образованіе малыхъ независимыхъ княжествъ, обезпеченіе британскаго пути на востокъ приобрѣтеніемъ Египта и даже Кандіи. Англійское правительство отвѣтило полнымъ отказомъ идти на соглашеніе и не признавало Турціи безнадежно больной. Но искренность царя и его прежнія отношенія къ Абердину побудили кабинетъ послѣдняго взять на себя роль посредника ради мира, и Лондонъ далъ Франціи понять, что онъ не считаетъ ее въ этомъ спорѣ правой стороной. Наполеонъ сразу понизилъ тонъ, а Россія сократила свои приготовления къ окупаціи княжествъ (Молдавіи и Валахіи). Дѣло пошло на миръ и, чтобъ завершить его, британскій кабинетъ захотѣлъ отправить въ Константинополь посломъ человѣка съ особеннымъ вѣсомъ. Былъ назначенъ таковымъ Стредфордъ-де-Редклифъ, результатомъ миссіи котораго была вмѣсто желаннаго мира огромная война. Почти одновременно Россія отправила въ Царьградъ кн. Меншикова, тоже съ цѣлью примиренія и съ такимъ же дурнымъ исходомъ. Судьбы народовъ неожиданно для ихъ руководителей перешли въ руки слугъ, по существу отвѣтственныхъ и подчиненныхъ лицъ. Первая роль такого рѣшителя досталась на долю простаго и неизвѣстнаго *chargé d'affaires* англійскаго посольства въ Константинополь, полковника Роза. Великій визирь пожаловался ему на то, что Меншиковъ не былъ съ визитомъ у Фуада-Эффенди, министра иностранныхъ дѣлъ Порты. Полковникъ-англичанинъ счелъ это за оскорбленіе султана и въ то время, когда между русскимъ царемъ и британскимъ премьеромъ велись самые мирные и дружескіе переговоры, Розъ вдругъ отдаетъ приказъ средиземной британской эскадрѣ приблизиться къ Царьграду. Къ счастью, адмиралъ отказался исполнить этотъ приказъ безъ подтвержденія его изъ Лондона, а Лондонъ далъ Розу хорошій нагоняй. Но пожаръ уже начался. Наполеонъ, узнавъ о приказѣ Роза, не захотѣлъ оставаться позади и велѣлъ своей эскадрѣ тоже плыть къ Соломису... Стредфордъ, между тѣмъ, сдѣлался фактическимъ главой Турецкой имперіи, а дома онъ былъ на столько силенъ, что министерство позволяло ему дѣйствовать почти безконтрольно. Когда Меншиковъ предложилъ Портѣ въ пятидневный срокъ подписать договоръ съ Россіей, предоставляющій послѣдней право протекціи надъ православными подданными, Стредфордъ горячо воспротивился этому, Порта по его совѣту отказала въ подписи, и Меншиковъ немедленно покинулъ Царьградъ. Государь отвѣтилъ на отказъ окупа-

ціей княжествъ, а Стредфордъ вытребовалъ британскую эскадру въ Дарданеллы. Такимъ образомъ, неожиданно и для многихъ по причинѣ совершенно непонятной, какъ говорить Уальполь, ссора между Россіей и Франціей вдругъ превратилась въ англо-русскую распрю. «Къ сожалѣнію,—прибавляетъ авторъ,—не было тогда въ Англіи крѣпкой оппозиціи кабинету. Англія рѣдко вступала въ войну, которой не желалъ ея народъ съ жадностью, и въ 1853 году англичане болѣе чѣмъ когда либо были расположены воевать и воевать именно съ Россіей. Во-первыхъ, цѣлое поколѣніе не знало, что такое европейская война; во-вторыхъ, память объ афганскомъ пораженіи была еще свѣжа, и на Россію указывали какъ на державу, которая довела Афганистанъ до Ауکلанда. Кромѣ того, люди, симпатизировавшіе либеральному движенію 1848 года, видѣли въ Россіи главу автократіи и, наоборотъ, консерваторы были возбуждены проповѣдью Кобдена и его друзей о необходимости новыхъ идей въ иностранной политикѣ. Такимъ образомъ либералы и консерваторы были готовы вступить въ бой и въ бой именно съ Россіей, а министерство, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы ввести корабль государства въ спокойныя воды, отдало руль своему представителю въ Портѣ». Николай I не вѣрилъ возможности войны съ Англіей, пока во главѣ ея стоитъ Абердинъ, тотъ Абердинъ, котораго царь удостоилъ даже дружбой. И точно, миръ былъ девизомъ Абердина. «Никто изъ англичанъ не работалъ столько ради мира, какъ Абердинъ,—говоритъ Уальполь,—но то, что онъ дѣлалъ во имя такой святой идеи, повело къ войнѣ». Царь ошибся лишь въ томъ, что не замѣтилъ безсилія британскаго кабинета и перехода власти на войну и миръ изъ рукъ министровъ въ руки ихъ посла. Увы, такая ошибка не была единственной въ нашей исторіи и едва ли не повторяется нами каждый разъ, когда наступаютъ острые дни отношеній съ новой какой либо державой. Русская политика честна, искренна и прямолинейна, политика западныхъ державъ всегда въ зависимости отъ партій, настроенія толпы, а потому она часто не въ силахъ сдерживать порывы подначальныхъ, если они кадятъ общественному мнѣнію или предубѣжденію. Инициатива афганскаго спора 1885 года и болгарская неурядица 1886 года суть живые свидѣтели роковаго смысла ошибки, сдѣланной покойнымъ Николаемъ I, ибо смыслъ ея повторяется съ неизмѣнной точностью и въ наши дни. Избѣгнуть такой ошибки возможно лишь при крѣпкомъ убѣжденіи, что только въ Петербургѣ есть воля правительства и можетъ быть данъ искренній отвѣтъ, отвѣтъ съ ручательствомъ; во всѣхъ прочихъ столицахъ и дворахъ могутъ заявить лишь желанія, а дѣла и факты ихъ слѣдуетъ наблюдать на мѣстѣ дѣйствія зоркими глазами умныхъ дипломатовъ, не упускающихъ изъ вида ни на минуту общественнаго настроенія за границей. Когда-то Богъ приведетъ насъ дожить до

этого идеала, имѣющаго освободить русскую дипломатію отъ ея дорогихъ и роковыхъ ошибокъ?

Горе не приходитъ въ одиночку. Непріязненный тонъ Стредфорда ободрилъ Наполеона и волей-неволей приблизилъ къ Англіи ту Францію, которую Англія, меньше года тому назадъ, убѣждала въ неправотѣ ея спора съ Россіей. Для Наполеона представилась неожиданная и блистательная для императора-рагуеи перспектива союза съ Англіей, бывшей столь недавно врагомъ Франціи. Новоиспеченный императоръ готовъ былъ, однако, довольствоваться этимъ успѣхомъ политики, и въ Парижѣ, особенно въ Лондонѣ, также какъ и въ Петербургѣ, все еще крѣпко вѣрили въ возможность сохранить миръ. Въ іюнѣ и іюлѣ 1853 года, Франція и Англія сочинили ноты на тѣму предложеннаго Россіей Портѣ ультиматума о протекціи надъ православнымъ населеніемъ Турціи, сдѣлавъ въ нихъ уступки обѣимъ сторонамъ. Эти ноты были препровождены въ Вѣну, тамъ подверглись маленькому измѣненію и подъ названіемъ «вѣнской ноты», отъ имени четырехъ державъ — Франціи, Англіи, Австріи и Пруссіи, шедшей тогда на буксирѣ Австріи, были представлены царю и султану. Царь тотчасъ согласился на нее. Но въ Константинополѣ заупрямился Стредфордъ и, по его настоянію, Турція отказала въ согласіи. Стредфордъ сочинилъ собственную ноту и послалъ ее въ Вѣну. Тогда Лондонъ приказалъ ему посовѣтовать Турціи принять посредничество Европы безъ всякихъ поправокъ, но Порта, опять, по настоянію Стредфорда, отказала. Такимъ образомъ, миролюбивое настроеніе пяти важнѣйшихъ державъ Европы и работа ихъ, сдѣланная сообща во имя мира, разбилась въ дребезги отъ прикосновенія къ ней одного второстепеннаго и подчиненнаго лица. Вотъ какъ бываетъ на свѣтѣ столь часто, что невольно хочется спросить, не бываетъ ли такъ всегда, когда нѣтъ на лицо сильнаго таланта или великаго генія?

Будь Абердинъ крѣпче духомъ и мудростью, чтобъ сьумѣть плыть противъ теченія шовинизма толпы, англійскій кабинетъ послѣдовалъ бы разуму и чести, требовалъ бы отъ Порты настоятельно приѣма европейской ноты, пригрозивъ, что въ случаѣ отказа ей будетъ предоставлено вѣдаться одинъ на одинъ съ Россіей. Тогда и Наполеонъ, дорожа видимостью союза съ Англіей, не рѣшился бы на дальнѣйшій шагъ къ войнѣ. Къ сожалѣнію для человѣчества, и въ этотъ рѣшительный моментъ толпа взяла перевѣсъ надъ мудростью государственныхъ миролюбцевъ. Европа по почину Австріи совершила великую несправедливость: царь принялъ ея первую ноту, и вдругъ ему предложили подписать авторство Стредфорда. Русскій императоръ естественно не могъ принять такое оскорбленіе и рѣшительно отказалъ въ согласіи на новое несправедливое требованіе. Нессельроде приготовилъ записку, поясняющую этотъ отказъ, и записка была сообщена конфиденціально въ Вѣну, откуда

путемъ, до сихъ поръ исторіей невыясненнымъ, попала на страницы прусскихъ газетъ. Этимъ фактомъ Пруссія сослужила весьма недобрую службу позднѣйшей создательницѣ ея величія, ибо появленіе секретной русской записки еще больше возбудило умы Европы противъ Россіи и придало новыя силы воинствующей партіи.

Абердинъ все продолжалъ быть покорнѣйшимъ слугою мира. Но въ кабинетѣ его не было единства. Руссель мечталъ о новомъ премьерствѣ, Пальмерстонъ велъ свою политику, а борьба за проектъ расширенія избирательнаго права отнимала у англійскаго министерства послѣднюю его крѣпость. Поэтому Стредфордъ въ Царьградѣ дѣлался все болѣе и болѣе самостоятельнымъ рѣшителемъ судебъ. Подъ предлогомъ опасеній султана за спокойствіе въ Константинополѣ, британскій посоль призвалъ англійскій флотъ изъ Безикской бухты въ Босфоръ. Министерство, какъ свидѣтельствуешь Уальполъ, совершенно не одобряло этого самовольнаго и опаснаго распоряженія посла. Но у кабинета не было силы дать выговоръ подчиненному и отмѣнить его приказъ. Между тѣмъ, входъ чужаго флота въ проливы ясно нарушалъ договоры 1841 года о неприкосновенности Босфора и Дарданеллъ. Кабинетъ, не смѣя обвинить посла, долженъ былъ поневолѣ защищать его и тѣмъ самымъ сдѣлать еще шагъ къ неизбежности войны. Кларендонъ объявилъ отъ имени кабинета, что оккупация русскими войсками княжествъ позволяетъ Портѣ считать себя въ войнѣ съ Россіей, и потому Турція имѣетъ де право отворять проливы для военныхъ флотовъ дружественныхъ ей державъ. Разъ ступивъ на такой скользкій путь Англія, управляемая самымъ преданнымъ служителемъ мира, увлекла въ войну Францію и Порту. Наполеону было тогда нетрудно настоять на отправкѣ союзнаго флота и далѣе Босфора, въ Черное море, а Турція, сдѣлавшаяся орудіемъ личныхъ взглядовъ Стредфорда, послала Россіи ультиматумъ, требуя въ 15 дней очищенія занятыхъ княжествъ. Россія и тутъ проявила ту честность, которою Европа никогда не понимала и не сможетъ никогда понять. Императоръ Николай отвѣтилъ на ультиматумъ, что онъ не двинется впередъ и будетъ спокойно ждать новыхъ предложеній отъ Турціи. За эту честность, какъ съ нами всегда бываетъ, мы заплатились недешево — турецкія войска успѣли перейти Дунай и дать невыгодный для насъ бой... Послѣдовала жестокая отместка въ Синопѣ, и тотчасъ высказался великій эгоизмъ европейскаго общественнаго мнѣнія, надлежащую мѣрку котораго мы до сихъ поръ не умѣемъ брать въ расчетъ. Европа до крайности возмутилась русской побѣдой, назвала знаменитый бой преступнымъ именемъ «синопскихъ убійствъ», и по Европѣ пошелъ громъ проклятій на Россію, обвиненіе ее въ нарушеніи «общественнаго довѣрія», въ коварствѣ и т. д. «Англичане, — говоритъ по этому поводу безпристрастный историкъ, — имѣли, конечно, причины быть недовольными,

что союзный флотъ не предупредилъ катастрофу, но у нихъ не было права жаловаться на царя, который послѣ объявленія войны далъ сраженіе и побѣдилъ. Если бы англичане ближе знали собственную исторію, они помнили бы, что сорокъ семь лѣтъ передъ тѣмъ ихъ предки совершили актъ несравненно меньшей чести, но который англійскіе историки всегда защищаютъ. Если битву при Синопѣ не оправдывать, тогда бомбардированіе Копенгагена въ 1807 году слѣдуетъ назвать разбоемъ».

Англіи не было причинъ и поводовъ къ войнѣ, но будущій плѣнникъ Германіи находилъ въ заварившейся кашѣ прочный устой для своего узурпаторскаго величія, онъ снова воспользовался хлынувшей волной возбужденія невѣжественнаго и каменно-эгоистическаго общественнаго мнѣнія англичанъ на ихъ миролюбивый кабинетъ и предложилъ, чтобъ союзный флотъ занялся въ Черномъ морѣ приглашеніемъ русскихъ судовъ возвращаться въ Севастополь. Это своеволие Европы превосходило всякую мѣру, и Николай I отвѣтилъ на него отозваніемъ пословъ изъ Парижа и Лондона. Явился на сцену извѣстный ультиматумъ, сочиненный Австріей и Пруссіей. «Западныя державы,—говоритъ по этому поводу Уальполь,—потерявъ разумъ, рѣшились однѣ силою оружія навязать Россіи призывъ, сочиненный нѣмцами... Своей кровью и своей казной онѣ предприняли политику во имя интересовъ, которыхъ у нихъ не было больше, чѣмъ у остальной Европы, и которыхъ одна держава, Австрія, имѣла несравненно больше, чѣмъ онѣ... Печально воспоминаніе, что въ этомъ хаосѣ Англія была даже большій обидчикъ, чѣмъ Франція. Ея народъ, ея парламентъ, ея пресса—все требовало съ озлобленіемъ войны... требовало, чтобъ война была объявлена немедленно»... Послѣдовала экспедиція Немира въ Балтійское море. «Великій флотъ,—повѣствуетъ историкъ,—отправленный съ такимъ восторгомъ славы и свѣтлыхъ ожиданій, оказался, однако, ниже его командира и возлагаемыхъ на него надеждъ. Русскій флотъ въ Балтійскомъ морѣ не былъ захваченъ, большой русскій арсеналъ Кронштадтъ не былъ даже атакованъ, и поколѣніе, не знавшее, что такое война, помнившее изъ прошлаго о побѣдахъ, но забывшее исторію поражений, бранило за разочарованіе всѣхъ, за исключеніемъ себя.

Но вотъ Россія очистила княжества. Воля Европы взяла верхъ, и окупація, составлявшая поводъ къ войнѣ, фактически больше не существуетъ. «Простой смыслъ указывалъ,—справедливо говорить Уальполь,—что пришло время воздержаться отъ активныхъ операцій и ограничиться пассивнымъ давленіемъ на Русскую имперію. Къ несчастію, когда націи вступаютъ въ войну, онѣ обыкновенно не довольствуются пассивными дѣлами... Быстрая передача новостей и ихъ широкое распространеніе сотворили въ толпѣ голодь къ новымъ извѣстіямъ, который въ 1854 году не былъ удовлетворенъ». Взоры Англіи устремились на Севастополь, и «Times»

отъ 15-го іюня 1854 года формулировалъ требованіе толпы: «Великія политическія и военныя задачи,—писала всемірная газета,—не будутъ достигнуты, пока Севастополь и русскій флотъ существуютъ». Миротлюбивый кабинетъ подчинился голосу улицы, и послалъ приказъ флоту и войскамъ атаковать Крымъ.

Уальполь подробно передаетъ всю исторію битвъ и сраженій, останавливаясь главнымъ образомъ на тѣхъ кровавыхъ дняхъ, когда союзники были спасены отъ позора пораженія единственно ошибками и неспособностью русскихъ главнокомандующихъ, поучая англійскую публику знать и помнить, что даже мнимые лавры кампаніи достались, благодаря лишь случайности, и война могла легко кончиться полной гибелью британской арміи. Такъ, описывая фланговое движеніе вторгнувшихся враговъ 25-го сентября, когда Сентъ-Арно, командиръ французовъ, былъ наканунѣ смерти и отказывался отъ атаки, Уальполь замѣчаетъ: «Будь Меншиковъ геній или человѣкъ большой храбрости, союзники были бы, вѣроятно, уничтожены 25-го сентября». Въ особенности роковымъ для англичанъ могло быть сраженіе при Балаклавѣ; если бы оно велось умно, оно должно было, по мнѣнію историка, кончиться полнымъ пораженіемъ англичанъ и истребленіемъ ихъ флота въ Балаклавской бухтѣ. «Исторія Крымской войны,—резюмируетъ безпристрастный авторъ,— есть исторія ошибокъ. Союзники не нашли въ своихъ рядахъ генія, а русскіе не были подъ командой способныхъ людей. Но среди печали ошибокъ и страданій имена двухъ людей блестятъ неуваждаемымъ свѣтомъ—имена героевъ Корнилова и Тотлебена». Рассказывая о смерти Николая Павловича, англійскій историкъ еще разъ останавливается на замѣчательной личности покойнаго царя. «Осторожный критикъ,—пишетъ Уальполь,—не долженъ забывать, что въ то время, какъ англійская толпа, не зная царя, ненавидѣла его, каждый изъ извѣстныхъ дѣятелей Англій, приходя лично въ соприкосновеніе съ Николаемъ I, проникался полнымъ довѣріемъ къ нему. Веллингтонъ уѣхалъ въ 1826 году въ Россію, вполне раздѣляя убѣжденіе своихъ коллегъ, что Россія неправа, а Porta права въ возникшемъ спорѣ. Краткаго пребыванія въ Петербургѣ было достаточно, чтобъ тотъ же Веллингтонъ донесъ въ Лондонъ, что онъ находится въ необходимости признать, что права Россія, а Porta не права.—Годъ тому назадъ,—рассказывалъ самъ царь Пялю,— лордъ Дургемъ былъ посланъ ко мнѣ—человѣкъ полный глубочайшаго предубѣжденія противъ меня; но только-что онъ вошелъ въ близкія отношенія со мной, тотчасъ всё его предубѣжденія исчезли». Лучшей характеристикой Николая Уальполь считаетъ еще неизданные мемуары лорда Гейтесбюри, изъ которыхъ цитируетъ слѣдующія строки: «Это монархъ самый лучший и способнѣйшій изъ всѣхъ занимавшихъ русскій тронъ, всѣ добродѣтели котораго имѣютъ корень въ его собственной благородной и рыцарской на-

турѣ, а недостатки, если таковые есть, отъ необходимости его исключительнаго положенія. Правителя столь огромной и до сей поры полудивилизованной имперіи несправедливо измѣрять по англійской мѣркѣ».

Миролюбивый кабинетъ Абердина окончилъ свои дни трагически, доказавъ въ тысячный разъ изучающимъ исторію, что миролюбивое безсиліе гораздо хуже во всѣхъ отношеніяхъ храброй и мудрой воинственности. Будь Абердинъ менѣе восторженнымъ слугою мира, Николай Павловичъ не обманулся бы въ намѣреніяхъ Англіи, Англія сразу выказала бы свою наклонность прибѣгнуть къ оружію и нашла бы, конечно, болѣе благородный и болѣе полезный для себя путь къ соглашенію. Главная же отрицательная сторона миролюбиваго правительства, ведущаго войну, отозвалась на самомъ способѣ войны и окупилась великими страданіями арміи. Не то же ли самое повторялось неоднократно въ наши дни въ Египтѣ, гдѣ другой британскій миролюбецъ Гладстонъ, также подъ наплывомъ общественнаго мнѣнія, бомбардировалъ беззащитную Александрію и систематически вырѣзывалъ патриархальныя и героическія племена Судана, англійскія же войска, за недостаткомъ помощи и симпатіи въ миролюбивомъ правительствѣ, несли поражение за пораженіемъ, гибли отъ жары, отъ голода и отъ засады? Такіе уроки не должны бы пропадать даромъ. Пусть «купеческая» Европа восторгается дифирамбами миру ея ловкихъ вожаковъ политики, но намъ слѣдуетъ помнить, что миролюбіе правителей нерѣдко только ухудшаетъ шансы войны, ускоряетъ ея наступленіе и ведетъ къ излишнимъ потерямъ, убыткамъ и страданіямъ...

Послѣ извѣстнаго ноябрьскаго шторма на Черномъ морѣ, британская армія оказалась въ Крыму безъ запасовъ пищи и безъ теплаго платья; рядъ сраженій отнялъ у нея около десяти тысячъ воиновъ, и въ февралѣ 1854 года въ госпиталяхъ лежало почти 14 тысячъ больныхъ. Для эвакуаціи ихъ въ скутарійскіе бараки не было ничего подготовлено, самые бараки были полны грязи и заразы, такъ что смертность въ нихъ доходила до 50%. Миролюбивому правительству войну навязала толпа, война была противна главѣ кабинета, и онъ не хотѣлъ, не могъ понять ни сердцемъ, ни умомъ о страданіяхъ арміи. Съ другой стороны, англійское войско, составленное изъ рекрутовъ по найму среди поддонковъ общества, не имѣло силы непосредственно возбудить за себя мнѣніе публики. Такъ длилось вплоть до начала 1855 года, когда раздался громъ на страницахъ «Times'a», помѣстившаго рядъ корреспонденцій г. Русселя, описывавшаго яркими красками весь ужасъ критическаго положенія британской арміи въ Крыму. Имя Русселя сдѣлалось тотчасъ отечественной знаменитостью; парламентъ потребовалъ формальнаго слѣдствія, и послѣ горячихъ дебатовъ, длившихся два дня и двѣ ночи, министерство Абердина пало подъ тяжестью

газетнаго разоблаченія горькихъ плодовъ его миролюбія... Пальмерстонъ сдѣлался главой власти, тотчасъ были посланы свѣжія войска, амуниція и провіантъ, инженеры для перестройки госпиталей, и г-жа Нейтингаль создала впервые для Англіи службу сестеръ милосердія...

Мы не будемъ долѣе слѣдовать за разсказомъ честнаго историка всѣхъ перипетій печальной войны вплоть до Парижскаго мира и приведемъ лишь его заключительное слово: «Знаменитая парижская декларация о неприкосновенности вражескаго груза подъ иноземнымъ флагомъ до сей поры обязательна для державъ, подписавшихъ ее или одобрившихъ ее впоследствии. Это единственный оставшійся цѣлымъ монументъ въ память крови, пролитой въ Крыму, и чернилъ, израсходованныхъ въ Парижѣ. Нейтралитетъ Чернаго моря, ради котораго была предпринята война, круто оборванъ въ 1870 году. Дунайская граница, отобранная отъ Россіи въ 1856 году, возвращена ей обратно въ 1878 году. Договоръ о третейскомъ судѣ державъ былъ пустымъ звукомъ; обѣщаніе улучшить участь турецкихъ христіанъ не помѣшало известной болгарской рѣзнь. Вольной человѣкъ 1853 года, правда, живъ до сихъ поръ, но онъ, все-таки, очень боленъ, очень слабъ и очень похожъ на умирающаго. Его же могучій опонентъ—Россія—оправился отъ потерь и принялъ вновь угрожающій видъ. Онъ возвратилъ свои старыя границы въ Европѣ, забралъ новыя земли въ Азіи; онъ хозяинъ Карса; онъ укрѣпился на Араратѣ и угрожаетъ притокамъ великой рѣки, которая, по мнѣнію многихъ, служитъ соединительнымъ звѣномъ между восточнымъ и западнымъ міромъ. Подобно горному леднику, который долгими столѣтіями шагъ за шагомъ наступаетъ на альпійское ущелье, съ терпѣніемъ никогда не утомляющимся, съ стремительностью, никогда не умирающей, Россія тихо, но постоянно раздвигаетъ границы своихъ обширныхъ владѣній. И она будетъ идти впередъ, пока не найдетъ для себя выхода, во имя котораго всѣ націи борются, выходя въ свободное море. Что же принесла Крымская война? Она не наэлектризовала умирающаго тѣла Турецкой имперіи до новой способности жить; она не остановила непреодолимаго движенія впередъ Россіи, она лишь отложила часъ его на четырнадцать лѣтъ. Это единственный результатъ Крымской войны; чтобъ достигнуть такого жалкаго конца, были пролиты рѣки крови и растрочены горы сокровищъ¹⁾. Кровью Англія заплатила наименьшую долю этого счета. Что касается до денегъ, то война прибавила ей 30 милліоновъ фунтовъ долга. Но этой цифрой далеко не выражается ея жертва войнѣ. До Крымской кампаніи англійскій государственный расходъ втеченіе тридцати лѣтъ и бо-

¹⁾ По счету историка Уальпола, Крымская война стоила борющимся 200 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (двѣ тысячи милліоновъ рублей) и полмилліона жизней.

гѣе никогда на превышалъ суммы 56 милліоновъ. Послѣ войны онъ ни разу не былъ ниже 64 милліоновъ. Стоилъ ли результатъ этого счета?.. Съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на прошлое, трудно найти въ немъ дѣйствительную необходимость войны. Припомнимъ, что сами государственные люди Англій признавали Россію правой стороной въ ея спорѣ съ Франціей; что единственнымъ резономъ для борьбы выставлялось требованіе Россіи права протекціи христіанскому населенію Порты; что соглашеніе по этому поводу Европы было принято Россіей и отвергнуто самой Турціей; что продолженіе войны въ 1855 году было предпринято ради того, что почти тѣ же англійскіе государственные люди добровольно возвратили Россіи черезъ пятнадцать лѣтъ, — припомнимъ все это, и намъ сдѣлается невозможнымъ согласить мотивы къ войнѣ и краткосрочность ея результатовъ съ грандіозностью самой борьбы... Быть можетъ, есть возможность предположить, что императоръ Николай оскорбилъ общественное мнѣніе Европы своимъ хладнокровнымъ предложеніемъ раздѣлить турецкую добычу... Но если бъ покойный царь могъ снова возвратиться на сцену его прежнихъ заботъ, онъ увидѣлъ бы, съ одной стороны, что Россія въ Европѣ до сихъ поръ стоитъ на берегахъ Прута, а съ другой, что Англія превратила Кипръ въ свой *placet d'armes*, что она приняла его политику, поощряя образованіе изъ провинцій Порты независимыхъ государствъ, что британская армія восходитъ вверхъ по теченію Нила и что многіе англійскіе политики пророчатъ присоединеніе къ Англій всего Египта. Царь Николай, увидѣвъ и узнавъ все, совершившееся послѣ его смерти, вѣрно подумалъ бы, что факты и событія совершенно очистили его отъ нареканій и что кровопролитіе и страданія великой войны едва ли оправдываются ихъ единственнымъ результатомъ — маленькой отсрочкой роковаго конца».

II.

Къ исторіи евреевъ въ Россіи.

Нѣсколько болѣе года тому назадъ, еврейскій міръ лишился главнаго руководителя его космополитизма, въ лицѣ филантропа, политическаго дѣятеля и баронета Англій, Моисея Монтефіоре. Теперь передъ нами почтенныхъ размѣровъ томъ подъ заглавіемъ: «*Sir Moses Montefiore, a centennial biography with extracts from letters and journals, by Z. Wolf*», съ портретомъ еврейскаго старца. Изъ этой книжки мы и намѣрены передать вкратцѣ, какъ самъ Монтефіоре и его жизнеописатель рассказываетъ о работахъ и ходахъ еврейскаго космополитизма за русскихъ евреевъ.

Моисей Монтефиоре велъ свой родъ отъ выходцевъ изъ Анконы, а капиталы его, какъ и всѣ крупныя еврейскія капиталы, были нажиты въ подрядахъ, концессіяхъ, банкахъ и торговлѣ. Какъ еврей милліонеръ онъ, разумѣется, былъ въ родствѣ съ евреями милліонерами всего міра, начиная съ Ротшильдовъ, и черезъ нихъ съ той значительной частью англійской, французской и нѣмецкой аристократіи, которая не брезговала чинить свой дырявый карманъ знатнымъ приданымъ евреекъ невѣсть. Одинъ изъ зятъевъ Ротшильда, графъ Розбери, былъ уже министромъ иностранныхъ дѣлъ Англій и будетъ, вѣроятно, когда нибудь ея премьеромъ. Сами Ротшильды давно бароны, лорды и перы верхней палаты англійскаго парламента, члены палаты герровъ въ Австріи и т. д. Неудивительно поэтому, что бойкой, даровитой и подвижной натурѣ Монтефиоре было не трудно имѣть за себя «Европу», т. е. весь сонмъ титуловъ, канцелярій и дипломатовъ, когда ему пришло въ голову играть роль международнаго представителя еврейства. Деньги и связи едва ли когда либо выказали такъ полно свою силу въ наше столѣтіе, какъ при поѣздкахъ покойнаго Монтефиоре во имя космополитическихъ интересовъ израильтянъ. Простому «сэру» въ разныхъ столицахъ устраивали оваціи не хуже королевскихъ, желѣзныя дороги возили его не иначе, какъ экстренными поѣздами въ императорскихъ вагонахъ; важныя особы многихъ государствъ писали ему льстивыя письма; владѣтельные князья, короли, кардиналы и императоры удостоивали аудіенціями, правительства исполняли его желанія, отмѣняя изданные уже законы, и военныя власти приставляли къ важной еврейской особѣ чуть-чуть не почетный караулъ. Про встрѣчи со стороны евреевъ нечего и говорить. Монтефиоре храбро и открыто высказалъ то, что каждый еврей безсознательно таитъ въ глубинѣ своей души—изолированность еврейства отъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ они живутъ, и единство еврейства во всемъ мірѣ. Вся жизнь Монтефиоре съ этой точки зрѣнія была образцовой. Начавъ свою адвокатуру за права евреевъ въ Англій, гдѣ его выбрали президентомъ еврейскаго космополитическаго Общества ¹⁾ еще въ 1828 году, и, достигнувъ первыхъ успѣховъ на родинѣ, онъ тотчасъ перенесъ свою дѣятельность на международную почву. Прежде всего его влекли къ себѣ тѣ страны, гдѣ была колыбель еврейскаго народа, Египетъ и Палестина, въ которой онъ побывалъ семь разъ, капиталомъ и связями помогая своимъ единовѣрцамъ утвердиться въ въ старомъ отечествѣ. Живые люди, знавшіе воочию пятьдесятъ послѣднихъ лѣтъ, рассказываютъ, что именно Монтефиоре былъ вдохновителемъ своего родственника Дизраели, впоследствии лорда

¹⁾ Это международное Общество засѣдало въ Лондонѣ подъ скромнымъ названіемъ «Board of Deputies».

Бивонсфильда, какъ автора романовъ, рисующихъ картину возстановленія еврейскаго царства на берегахъ Тигра и Евфрата. Далѣе идетъ защита евреевъ во Франціи, ходатайство за евреевъ у папы, поѣздка ради евреевъ въ Румынію, денежная помощь австрійскимъ евреямъ, судившимся въ Пештѣ по обвиненію въ употребленіи на богослуженіи христіанской крови, и, наконецъ, два путешествія въ Россію — при Николаѣ Павловичѣ и къ покойному государю. На разсказахъ объ этихъ путешествіяхъ мы и остановимся.

Въ засѣданіи 12 сентября 1842 года международно-еврейскаго Общества въ Лондонѣ Монтефіоре объявилъ сочленамъ, что получилъ отъ русскаго правительства важное сообщеніе, приглашающее его прибыть въ Петербургъ для совѣщанія по русско-еврейскому вопросу. Такимъ приглашеніемъ было объявлено письмо русскаго министра народнаго просвѣщенія графа Уварова; въ этомъ письмѣ говорилось, что хотя въ данное время нельзя произнести полностью «эмансипацію», но въ виду таковой русское правительство желало бы развитъ среди евреевъ образованіе. Къ сожалѣнію, власти встрѣчаютъ у евреевъ слишкомъ много «ханжества и невѣжества», которыя препятствуютъ реализаціи государственныхъ предположеній. А потому графъ Уваровъ писалъ Монтефіоре: «Вы, сэръ, пользуетесь наибѣйшимъ довѣріемъ русскихъ евреевъ; ваше имя произносится ими съ глубочайшимъ благоговѣніемъ» и т. д. Словомъ, Россія просила содѣйствія англійскаго еврея для устройства быта русскихъ евреевъ. Въ то же время сэръ Моисей получилъ слезныя моленія отъ многихъ русскихъ кагаловъ пріѣхать въ Россію и лично заступиться за нихъ. Англійскій еврей, однако, не удостоилъ тогда Россіи своимъ визитомъ. Николай Павловичъ былъ на очень плохомъ счету у еврейскихъ патріотовъ, и Монтефіоре боялся, что его миссія въ Питербургъ можетъ отнять лишь спѣлые лавры съ чела. Чтобъ русскій читатель могъ познакомиться съ тѣмъ, какъ евреи не любили и не любятъ императора Николая, я рѣшаюсь привести нѣсколько строкъ изъ того, что евреи теперь пишутъ о немъ. Такая справка будетъ полезна и въ другомъ отношеніи — она дастъ понятіе, что такое «еврейская всемірная исторія», которую и нынѣ пишутъ въ Вѣнѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Парижѣ на столбцахъ многаго множества еврейскихъ изданій. Царю Николаю, разсказываетъ цитируемая книга, сказали, что неповоротливый русскій мужикъ совсѣмъ не годится для подвижной роли военнаго матроса; вотъ евреи — дѣло другое: жидки легки и вертлявы, имъ высочайшія мачты не почемъ. Царь согласился, тотчасъ приказалъ отнять «отъ матерей и отцовъ» тридцать тысячъ еврейскихъ юношей и сталъ готовить ихъ для службы на Черномъ морѣ; приготовленіе, однако, было столь суровое и безчеловѣчное, что десять тысячъ будущихъ героевъ тотчасъ умерли, а остальные 20 тысячъ еще хуже — приняли православіе... Понятно, что евреи, да еще англійскіе, не по-

вѣрили искренности письма графа Уварова и увидѣли въ немъ, прости ихъ Господи, подвохъ, а не простое «еврейство» русскаго государственнаго человѣка. Это подозрѣніе въ глазахъ еврейства вполне подтвердилось, когда въ слѣдующемъ году — 1843 — былъ изданъ указъ о выселеніи евреевъ отъ пограничной черты на пятьдесятъ верстъ. Какое соотношеніе имѣла мѣра противъ контрабанды съ желаніемъ развить просвѣщеніе среди лапсердаковъ, — можетъ понимать одно еврейство. Естественно, что забота о просвѣщеніи не такъ встревожила международное Общество евреевъ въ Лондонѣ, какъ мѣра противъ контрабанды. На послѣднюю прежде всего принесли жалобу кенигсбергскіе евреи, и Монтефіоре тутъ не потерялъ ни минуты: немедленно сдѣлалъ визитъ русскому послу барону Бруннову, объяснивъ ему подробно всю жестокость царскаго указа, и написалъ письмо графу Уварову, убѣждая его ходатайствовать за несчастныхъ контрабандистовъ. «Эффектъ этихъ представленій былъ таковъ, — рассказываетъ г. Вольфъ, — что указъ приостановили на нѣсколько мѣсяцевъ». Однако, уже въ январѣ 1844 года, международное Общество евреевъ получило опять ложное извѣстіе, что указъ въ скорости будетъ приведенъ въ исполненіе. Изъ этого видно, что уже давнымъ давно евреи умѣли узнавать о дѣйствіяхъ правительства впередъ за много времени. Что же предпринять? Взять въ Россію Монтефіоре все еще не рѣшался. Подняли на ноги «Европу» — загремѣла вся западная пресса о жестокихъ страданіяхъ евреевъ на Руси, и, разумѣется, громъ этотъ, можетъ быть, въ видѣ звука золотыхъ, услышали многіе государственные люди великихъ державъ. Самъ Монтефіоре, прихвативъ племянника Ліонеля Ротшильда, подъ этотъ громъ и шумъ отправился къ британскому министру графу Абердину, прося его именемъ свободной Британіи заступиться за русскихъ контрабандистовъ. Графъ Абердинъ за себя и за весь кабинетъ обѣщаль исполнить желаніе депутатовъ. Мѣсяца черезъ два, самъ царь Николай пріѣхалъ въ Лондонъ, но Монтефіоре всѣми силами денегъ и связей не могъ добиться чести быть представленнымъ царю. Его записку, однако, приняли, Абердинъ сдержалъ обѣщаніе, и исполненіе указа снова отложили. Вотъ какъ мы сами учили Европу заговѣвать во всякое русское и славянское дѣло, и не диво, что ей будетъ трудно отучиться отъ этого заговѣзанія.

Исторія тревоги объ указѣ, однако, повторилась на слѣдующій годъ, когда въ Лондонъ явилась всероссійская депутація евреевъ, умолять Моисея Монтефіоре защитить угнетенныхъ. Такая же депутація, надо полагать, была и у Ротшильда въ Вѣнѣ, ибо сей послѣдній благодѣтель, «publicly called», т. е. съ помпой, отправился къ русскому послу при Габсбургахъ, которому и изложилъ свой негодующій взглядъ на дѣйствія русскаго правительства. Кабинеты державъ деликатно отклонили отъ себя вмѣшательство вторично

по поводу указа, и пришлось опять спустить съ цѣпи ту свору лающихъ, клеветующихъ и шумящихъ жидковъ, которая у евреевъ именуется ихъ собственной прессой. На этомъ поприщѣ въ тѣ былыя времена особенно отличались два разбойника печати—Давидъ Уркертъ въ Лондонѣ и докторъ Френкель въ Дрезденѣ. Первый изъ нихъ ввелъ даже своего рода изобрѣтеніе на столбцахъ газетъ—онъ начиналъ всѣ слова, на которыхъ желалъ сдѣлать удареніе, не иначе какъ крупной прописной буквой, хотя бы эти слова были нарѣчія или союзы. Вся печать Европы испещрилась вдохновенными статьями противъ Россіи, какъ по мановенію волшебнаго жезла, призывая небо и державы вооружиться противъ притѣснителей несчастнаго народа. Едва ли я ошибусь, поэтому, если выскажу такого рода предположеніе: именно на еврейскомъ вопросѣ сороковыхъ годовъ, европейская пресса выучилась такъ дружно и одновременно дѣлать атаки на Россію изъ всѣхъ грязныхъ концовъ Вѣны, Берлина, Дрездена, Мюнхена и т. д. вплоть до Царьграда, Парижа и Лондона; именно евреи научили нѣмца, англичанина, итальянца и француза писать, думать и читать одно скверное о Россіи... Царь Николай, однако, не убоился и, какъ рассказываетъ Вольфъ, отвѣтилъ на травлю высылкой изъ Россіи иностранныхъ евреевъ. И не характерно ли опять: такая высылка единовѣрцевъ не огорчаетъ ни автора книги, ни Монтефіоре. Оба смотря въ плотную, душой и сердцемъ, на указъ противъ контрабандистовъ, устремляя всѣ помыслы и орудія для борьбы съ нимъ. Только для борьбы противъ этого указа Монтефіоре рѣшается, наконецъ, ѣхать въ Петербургъ. Лондонская синагога служитъ для него напутственное торжественное молебствіе, евреи другихъ городовъ шлютъ благословительные адреса, сѣрые волки угрожаютъ на дорогѣ, снѣгъ мѣшаетъ, морозъ холодить, но старецъ съ супругой, докторомъ Леви и многочисленной свитой, 31 марта 1846 года достигаетъ благополучно С.-Петербурга. Тутъ я предоставляю рѣчь автору жизнеописанія: «Пріемъ, оказанный сэру Моисею въ русской столицѣ, былъ очень лстящій его самолюбію. Кромѣ рекомендацій, которыми онъ былъ снабженъ британскимъ правительствомъ и которыя во всякомъ случаѣ обезпечивали ему почетное вниманіе, самъ царь подъ вліяніемъ политическихъ соображеній понялъ уже вредоносность своего указа, чтò и дало ему (царю) возможность быть чрезвычайно любезнымъ къ витязю еврейства... Сэръ Моисей былъ третируемъ не какъ знаменитое частное лицо, а какъ представитель народа. Его просили считать себя гостемъ императора, въ его распоряженіе были предоставлены придворные экипажи, и правительственному чиновнику было приказано состоять при немъ. Во время пассоверовскаго праздника, сэръ Моисей молился въ синагогѣ, прелестно украшенной, по спеціальному приказанію царя... Еще до пріѣзда еврейскаго филан-

трописта въ Петербургъ, совѣтники царя докладывали послѣднему, что едва ли высылка внутрь пограничныхъ евреевъ прекратить контрабанду, но вѣрно, что эта высылка крайне вредно отзовется на экономическомъ положеніи всей имперіи... 22 марта, исполненіе указа было отложено на четыре года. Это, однако, не уничтожило *raison d'être* миссіи г. Монтефіоре. Онъ былъ уполномоченъ исходатайствовать, если возможно, полную отмѣну этого указа и также добиться общей реформы законовъ, относящихся къ русскимъ евреямъ»...

9 апрѣля, Николай Павловичъ удостоилъ Монтефіоре своей аудіенціи. Вотъ какъ описалъ ее самъ еврейскій витязь въ докладѣ международному Обществу: «Я имѣю удовольствіе извѣстить васъ, что съ Божьяго благословенія я имѣлъ случай ходатайствовать за нашихъ братьевъ въ Русской имперіи лично предъ могущественнымъ монархомъ. Въ четвергъ я былъ удостоенъ аудіенціей у императора, былъ принятъ имъ чрезвычайно любезно, и всѣ мои доводы были выслушаны имъ съ великой внимательностью. Его величество сказалъ, что онъ даетъ мнѣ увѣреніе за себя и своихъ министровъ, что онъ крайне желаетъ развитія благосостоянія моихъ единовѣрцевъ въ его имперіи. Его величество также желаетъ, чтобъ я посѣтилъ моихъ братьевъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ они наиболѣе многочисленны, и обѣщалъ ввести меня въ сношенія съ его министрами». По разсказу Вольфа, царь для приѣма Монтефіоре приказалъ, чтобъ дворцовая стража была составлена изъ солдатъ-евреевъ; прочитавъ поданную ему меморію, Николай Павловичъ любезно повернулся къ «витязю» и сказалъ: «А *presant saisons*». Бесѣда была наединѣ и длилась около получаса. Царь объяснилъ такъ подробно и краснорѣчиво всѣ пороки русскаго еврейства, что, по признанію Монтефіоре, «у него всѣ волосы поднялись до самаго кончика ихъ», и сказалъ, что онъ, царь, готовъ относиться свободолобиво къ евреямъ, на сколько дозволяютъ это законы. «Но, ваше величество,—возразилъ Монтефіоре:—вы можете измѣнить эти законы?» Царь отвѣтилъ уклончиво словами: «Надѣюсь успѣть». Въ заключеніе аудіенціи Монтефіоре, очевидно, вполне вошелъ въ роль «представителя народа» и, кланяясь императору, сказалъ такую фразу: «Государь, я препоручаю моихъ братьевъ по еврейству вашему покровительству!» Царь на это любезно отвѣтилъ: «Они имѣли бы его, если бъ были похожи на васъ!» Приглашая гостя проѣхать по жидовской Россіи, царь просилъ Монтефіоре, чтобъ онъ посовѣтовалъ его единовѣрцамъ сбросить съ себя старомодные и средневѣковые костюмы... Ласка и почести, однако, не совсѣмъ ослѣпили еврейскаго витязя: онъ донесъ международному Обществу, что царь сильно преубѣжденъ противъ евреевъ...

Послѣ аудіенціи Монтефіоре имѣлъ частыя свиданія съ министрами, убѣдился въ ихъ сочувствіи къ евреямъ и нашелъ, что евреи въ Россіи очень бѣдны (тогда еще не было желѣзно-дорож-

ныхъ комиссій), и необходимо создать для нихъ земледѣльческія колоніи и фабрики. Затѣмъ, похваливъ двѣ петербургскія синагоги, которыя по богослуженію не уступаютъ лондонскимъ, сэръ Моисей отправился въ путь. Карманъ его былъ полонъ рекомендательными письмами къ мѣстнымъ властямъ, а въ рукахъ казенная подорожная. Первый его визитъ былъ сдѣланъ, конечно, Вильгъ—«столицѣ русскаго еврейства», какъ называетъ этотъ несчастный городъ авторъ книги. Командующій войсками генералъ Мирковичъ немедленно засвидѣтельствовалъ почтеніе важному гостю, а супруга и дочь генерала привѣтствовали г-жу Монтефіоре. Былъ предположенъ рядъ празднествъ, но сэръ Моисей великодушно отказался отъ таковыхъ. Витязь, впрочемъ, благородно исполнялъ желаніе царя, совѣтуя повсемѣстно евреямъ отказаться отъ ихъ лапсердаковъ, и доносить международному Обществу въ Лондонѣ: «Я уже получилъ обѣщаніе отъ многихъ гасидимовъ, что они замѣнятъ свои мѣховыя шапочки обыкновенными шляпами и примутъ вообще нѣмецкій костюмъ. Я думаю, что такая замѣна произведетъ счастливое вліяніе на ихъ положеніе». Это предсказаніе вполнѣ подтвердилось: презрѣнный жидъ въ лапсердакѣ уже превратился на Руси въ барина, носящаго господско-германское платье. Съ этой точки зрѣнія миссія Монтефіоре принесла большой вредъ нашему крестьянству... Варшава оказалась не столь пріятной какъ Вильна. Въ Варшавѣ Монтефіоре сталъ было напѣвать намѣстнику Паскевичу о великой пользѣ допущенія евреевъ въ правительственныя школы, но Паскевичъ оборвалъ его сладкую рѣчь восклицаніемъ: «Боже сохрани! Жиды и безъ того ужъ черезчуръ ловки для насъ, что же было бы тогда, если бъ ихъ еще выучивали?» Результатомъ поѣздки сэра Моисея въ Россію авторъ цитируемой книги признаетъ: уничтоженіе ненавистнаго указа противъ контрабандистовъ и разрѣшеніе евреямъ покупать землю, а также соединяться въ коммерческія компаніи...

Монтефіоре по возвращеніи въ Англію былъ принятъ съ восторженными оваціями; на банкетѣ, данномъ въ честь его баронессой Ротшильдъ, присутствовали принцы крови, а королева за работу во имя гуманизма наградила витязя дворянскимъ званіемъ баронета...

Послѣ перваго визита въ Россію, новый баронетъ покоился на пожатыхъ лаврахъ лишь одинъ мѣсяць. Ротшильдъ былъ избранъ членомъ парламента, подлежало побороить сопротивление обѣихъ палатъ принять въ свою среду еврея; далѣе въ Дамаскѣ возникло дѣло о христіанской крови, вызвавшее заступничество Монтефіоре и его поѣздки въ Парижъ, гдѣ онъ видѣлся съ Гизо и королемъ Людовикомъ-Филиппомъ, въ Царьградъ къ Саиду-пашѣ и въ Суэцъ къ хедиву; потомъ, сэръ Моисей вступился за евреевъ, секретно окрещенныхъ въ Римѣ, за евреевъ въ Испаніи, за евреевъ Марокко,

хлопоталъ о дозволеніи его единовѣрцамъ вернуться въ Испанію, для чего добился аудіенціи у королевы Изабеллы, снова побывалъ въ Парижѣ, побесѣдовалъ съ Наполеономъ III и наконецъ въ 1872 году осчастливилъ вторично Россію.

Международное Общество евреевъ въ Лондонѣ (Board of Deputies) изготовило поздравительный адресъ покойному государю Александру II и возложило на Монтефіоре почетъ передачи этого адреса въ руки царя. По прибытіи въ русскую столицу баронетъ вручилъ рекомендательныя письма отъ британскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Гренвилля и русскаго посла въ Лондонѣ Бруннова посланнику Англійи и русскому товарищу министра иностранныхъ дѣлъ Вестману. Г. Вестманъ, привѣтствуя гостя, сказалъ ему: «Мы знали о цѣли вашего визита нашему городу ранѣе, чѣмъ вы прибыли. Императоръ приметъ васъ, и мы всѣ употребимъ старанія, чтобъ ваше пребываніе здѣсь было наивозможно болѣе пріятно. Его величества теперь нѣтъ въ столицѣ, онъ на военныхъ манѣврахъ, но я найду случай спросить указаній его величества о днѣ и мѣстѣ, гдѣ императору угодно принять васъ» и т. д. Словомъ, приемъ русскаго товарища министра былъ столь любезенъ, что сэръ Моисей доносилъ о немъ еврейскому Обществу слѣдующими восторженными фразами: «Едва ли нужно говорить, какъ я благодаренъ Небесному Отцу за то, что Онъ, всего черезъ нѣсколько часовъ по моемъ пріѣздѣ, привелъ меня получить отъ русскаго министра столько ласковыхъ и ободряющихъ выраженій! Глубоко тронутый такой добротой Всемогущаго, я приготовляюсь съ радостью встрѣтить великую субботу» и пр.

Объ аудіенціи у государя Монтефіоре писалъ Обществу: «Въ назначенный часъ я отправился въ Зимній дворецъ въ сопровожденіи доктора Лѣве. Для устраненія усталости подъема по лѣстницѣ, мы были подняты машиной-элеваторомъ въ огромную Salle d'Attende. Тутъ былъ его превосходительство Вестманъ, оберъ-церемоніймейстеръ и многія другія знатныя особы, вошедшія со мной въ любезную бесѣду о положеніи моихъ единовѣрцевъ. Такимъ пріятнымъ образомъ прошло нѣсколько времени, пока министра иностранныхъ дѣлъ не позвали къ царю. Вслѣдъ затѣмъ и меня представили его императорскому величеству, которому я и передалъ отъ имени нашего Общества и многихъ его конгрегацій поздравительный адресъ. Его величество, говорящій отлично поанглійски, принялъ меня съ величайшей милостью и лаской; онъ вспомнилъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ я имѣлъ честь представляться его отцу въ 1846 году, и отвѣчалъ съ крайней любезностью на всѣ вопросы, которые вытекали изъ моей миссіи. Его величество столь же милостиво принялъ и доктора Лѣве. Не могу также не упомянуть съ глубочайшей признательностью, что его величество нарочно пріѣхалъ съ мѣста военныхъ манѣвровъ въ Зимній дворецъ, чтобъ

избавить меня отъ труда новой поѣздки, имѣя въ виду мой преклонный возрастъ. Я оставилъ дворецъ съ сердцемъ, переполненнымъ благодарности, и у меня не хватаетъ словъ, чтобъ точно изобразить великодушныя чувства, которыя государь и члены его правительства выказываютъ по отношенію ко мнѣ. По дорогѣ въ отель я былъ восторженно привѣтствуемъ сотнями нашихъ братьевъ, которые ждали моего возвращенія изъ дворца, и лица ихъ сіяли радостью!»

Монтефіоре убѣдился воочію, что положеніе евреевъ въ Россіи со времени его перваго визита Петербургу значительно улучшилось. Онъ видѣлъ большое число евреевъ, украшенныхъ орденами, и, разговаривая съ евреями изъ купечества и литературы, съ издателями русскихъ періодическихъ журналовъ («editors of Russian periodicals»), ремесленниками и служащими на коронной службѣ, слышалъ отъ всѣхъ удовольствіе насчетъ русскихъ порядковъ. Онъ посѣтилъ синагоги и остался доволенъ, узнавъ, что проповѣди въ нихъ ведутся не только на русскомъ, но и на нѣмецкомъ языкѣ. Кромѣ того, ему показали карту Россіи на еврейскомъ жаргонѣ и многія еврейскія сочиненія, опубликованныя въ Россіи. Самъ Монтефіоре доносилъ международному Обществу: «Русскіе евреи теперь одѣваются подобно джентльменамъ Англій, Франціи и Германіи; ихъ школы устроены прекрасно; они стоятъ впереди во главѣ всѣхъ предпріятій... Во время моего путешествія по Россіи, я получилъ отъ нашихъ братьевъ удостовѣреніе, что въ Россіи число синагогъ, свѣтскихъ школъ и благотворительныхъ учрежденій быстро разрастается... приходя въ соприкосновеніе съ тысячами ихъ я убѣдился въ крѣпости ихъ религіознаго духа» и т. д.

Замѣчательно, что ни въ книгѣ Вольфа, ни въ собственныхъ письмахъ Монтефіоре нѣтъ и малѣйшаго намека на то, что русскіе евреи есть часть русскаго народа; напротивъ, отъ первой строки до послѣдней, такъ и бьетъ фонтаномъ убѣжденіе, что евреи въ Россіи были, есть и должны оставаться государствомъ въ государствѣ...

Въ заключеніе для полноты характеристики отношеній международнаго еврейскаго Общества къ Россіи, остановимся на слѣдующемъ фактѣ, передаваемомъ авторомъ книги. Когда началась послѣдняя русско-турецкая война, Монтефіоре тотчасъ препроводилъ въ пользу турокъ тысячу рублей и написалъ представителю Порты въ Лондонѣ письмо, съ пожеланіемъ, чтобъ миръ скорѣй насталъ на территоріи султана, чтобъ всѣ подданные падишаха могли отдохнуть счастливыми подъ тѣнью фіговыхъ деревьевъ...

Впрочемъ, международные евреи не забыли и послѣдней коронаціи, пославъ въ Петербургъ опять поздравительный адресъ. Но, кажется, адресъ остался безъ желаннаго отвѣта, по крайней мѣрѣ, г. Вольфъ объ отвѣтѣ русскаго правительства ничего не упоминаетъ.

А. Молчановъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 году. Дневникъ П. И. Челищева. Изданъ подъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова. Спб. 1886.

ЕДАВНО обнаружены весьма цѣнный и важный памятникъ для изученія XVIII вѣка. Это—книга вновь открытаго писателя П. И. Челищева. Счастливый случай, приведшій книгу Челищева въ руки просвѣщеннаго собирателя гр. Шереметева, сохранилъ ее для нашей литературы. Имя Челищева, какъ писателя, почти никому неизвестно. Только специалистамъ, историкамъ русской литературы, вѣроятно, случалось встрѣчать его фамилію рядомъ съ фамиліями 12 человекъ, посланныхъ Екатериной II въ 1766 году въ Лейпцигскій университетъ, да еще имя его попадалось при чтеніи слѣдственнаго дѣла по поводу извѣстнаго «Путешествія» Радищева. Единственный печатный литературный трудъ Челищева—переводъ (1793 г.) съ нѣмецкаго драматической кантаты: «Feliza, Mutter der Völker». Но кто ее знаетъ и помнитъ? Теперь же найдена объемистая рукопись (368 листовъ), въ высшей степени интересная, какъ записки того путешествія, сопряженнаго съ немалыми трудностями, которое было попыткой непосредственнаго изученія народной жизни на сѣверѣ Россіи. У автора не было археологической подготовки, задатки же позитивнейшей этнографіи у него несомнѣнны.

Притомъ трудъ Челищева, на ряду съ немногими произведеніями XVIII вѣка представляетъ первые начатки нашей публицистики: онъ изучаетъ народный бытъ и народный трудъ, онъ старается понять государственный интересъ въ различныхъ отрасляхъ народной жизни, старается подмѣтить, какъ соблюдается государственная польза, онъ скорбитъ и пишетъ горячія обличенія, замѣчая частыя нарушенія ея, видитъ, какъ грабятъ казну сильные воры. Подчасъ его мысль идетъ дальше обычныхъ понятій вѣка: Челищевъ,

напр., предлагаетъ прядильное и ткацкое дѣло передать въ руки женщинъ и пророчить ему успѣшную будущность. Изъ XVIII вѣка, такимъ образомъ, доходить до насъ любопытный голосъ, своеобразно разрѣшается то, что теперь называется женскимъ вопросомъ.

Книга нашего автора по основной темѣ напоминаетъ и сходна съ книгою Радищева. И тотъ, и другой совершаютъ путешествія съ цѣлью ознакомленія съ народнымъ бытомъ. Но на первыхъ же порахъ бросается разница въ формѣ. Челищевъ озаглавливаетъ свой трудъ такъ: «Подробный журналъ путешествія моего. 1791». Онъ описываетъ въ формѣ дневника, изо дня въ день, свое странствование съ подробной фактичностью и сухостью, дѣлающею книгу скорѣе дѣловою записью, чѣмъ трудомъ литературнымъ. Съ большою вѣроятностью можно утверждать, что это былъ только фактический матеріалъ, что авторъ хотѣлъ освѣтить его нравственными и общественными разсужденіями и выводами. Последняя задача авторомъ не выполнена; матеріалъ должнаго и обстоятельнаго разъясненія не получилъ. Радищевъ же описалъ свое путешествіе въ беллетристическо-философской формѣ, съ бытовыми картинками и нравственно-философскими разсужденіями. Яркая также разница въ темпераментахъ писателей и въ ихъ умственномъ складѣ. Радищевъ — темпераментъ политическій, человекъ страстно впечатлительный, умъ быстрый и живой, — онъ чистый общественный публицистъ. Челищевъ же болѣе вдумчивый и разсудительный, трудолюбивый и методичный, публицистъ-этнографъ съ задатками ученаго. Радищевъ нападаетъ на крѣпостное право, на административные и судебные порядки, ратуетъ за свободу печатнаго слова, онъ русскій энциклопедистъ, «русскій Мирабо», вооружающій противъ себя Екатерину II. Челищевъ же, при замѣтномъ вліяніи на него взглядовъ мыслителей XVIII вѣка, остается человекомъ благочестивымъ вполне по народному обычаю, богомольнѣйшимъ изо всѣхъ путешественниковъ въ нашей литературѣ. Религіозный интересъ господствуетъ въ его книгѣ. Онъ служитъ при каждомъ возможномъ случаѣ молебны, знакомится со всѣми начальствами и, скорбя объ общемъ благѣ и государственной пользѣ, преклоняется предъ мудростью Екатерины; о Петрѣ Великомъ говоритъ: «великій человекъ, во всемъ совершеннѣйшій знатокъ, превосходный разумъ и неподобной монархъ».

Челищевъ выѣхалъ изъ Петербурга въ май и отправился черезъ Олонецкій край до Вѣлаго моря и Соловецкаго монастыря; возвратился обратно въ декабрѣ, нигдѣ долго не засиживаясь, черезъ города Онегу, Архангельскъ, Холмогоры, Великій Устюгъ, Тотму, Вологду, Кирилловъ, Вѣлозерскъ, Тихвинъ и Шлиссельбургъ. Большую часть пути онъ ѣхалъ водою — по Невѣ, Ладожскому каналу, ватѣмъ Свирию, Онежскимъ озеромъ и рѣкою Выгомъ до Вѣлаго моря; на обратномъ же пути отъ Архангельска — Двиною и Сухоней. Безпрестанно дѣлались остановки для молебновъ во всѣхъ встрѣчныхъ церквахъ, для обѣдовъ, ужиновъ и ночлеговъ. Челищевъ «располагался квартирою» или у мѣстнаго священника, или, чаще всего, у крестьянина. Путешествіе было сопряжено съ большими трудностями: случалось полное отсутствіе дорогъ (въ Олонецкомъ крайѣ), случалось проходить пѣшкомъ большія пространства, переноса на себѣ «экипажъ» (поклажу), приходилось съ великимъ трудомъ пробираться по нѣкоторымъ рѣкамъ (по Свири, Выгу, Сухонѣ); многочисленные пороги простирались мѣстами на цѣлыя версты. Съ октября же во время ледохода по Сухонѣ къ трудностямъ путешествія

прибавилась еще и оная — морозъ. За порогами путники (Челищевъ ѣхалъ съ нѣсколькими людьми своей прислуги), не успѣвая доплывать отъ станціи до станціи, ночевали, разведя огонь, на берегу.

Пріѣзжая въ большой ли городъ, или одинокій погостъ, Челищевъ на первыхъ порахъ записываетъ всѣ названія церквей, указываетъ ихъ главные престолы и пріѣзды съ именами святыхъ и праздникова, въ честь которыхъ онѣ построены; онъ не забываетъ и всѣхъ часовенъ. Подробныя описанія онъ посвящаетъ монастырямъ — Соловецкому, Кирилло-Бѣлозерскому, Новозерско-Кириллову, Тихвинскому. Имъ руководилъ не простой интересъ статистика: управляясь по пріѣзду прежде всего въ церковь служить молебень «храмамъ» (престолу церкви) и «въ путь шествующимъ», онъ знакомится съ священниками, разузнаетъ всю исторію каждой церкви съ момента ея закладки, ищетъ мѣстныхъ «лѣтописцевъ», посылаетъ своихъ лошадей за священникомъ той церкви, въ которой нѣтъ правильнаго служенія. Покопившись съ церквами, онъ даетъ описаніе достопримѣчательностей города и мѣстности. Онъ поименно называетъ всѣхъ мѣстныхъ властей, приводитъ подробныя свѣдѣнія о числѣ жителей города и уѣзда по сословіямъ и занятіямъ, упоминаетъ о числѣ домовъ каменныхъ и деревянныхъ, о вновь строящихся «по плану», о числѣ лавокъ, о богадѣльняхъ, гдѣ таковыя имѣются и пр. Такія подробныя описанія можно прочесть о десяти городахъ — Онегѣ, Архангельскѣ, Холмогорахъ, Красноборскѣ, Великомъ Устюгѣ, Тотмѣ, Вологдѣ, Бѣлозерскѣ, Тихвинѣ, Кирилловѣ. Особенное вниманіе его привлекаетъ экономическая сторона народной жизни: онъ вездѣ говоритъ о народныхъ промыслахъ, о развитіи хлѣбопашества, о посѣвахъ и объ урожаяхъ. Онъ говоритъ о свойствахъ почвы, о правильной или неправильной эксплуатаціи ея произведеній, отмѣчаетъ степени бѣдности и довольства населенія, подробно перечисляетъ крупныя производства, сообщаетъ цифры и обсуждаетъ дѣятельность фабрикъ, заводовъ, пильныхъ мельницъ, руководясь при этомъ патриотическими чувствами и расчетомъ государственной и народной пользы. Челищевъ съ великимъ почтеніемъ говоритъ объ Екатеринѣ II и жарко поклоняется Петру Великому, слѣды дѣятельности котораго ему не разъ приходилось встрѣчать въ этомъ сѣверномъ краѣ. Онъ скорбитъ о пренебреженіи къ памяти Петра, возобновляетъ крестъ, поставленный въ Упской губѣ самимъ Петромъ въ память спасенія отъ бури и шшеть на немъ: «На семъ мѣстѣ водруженъ крестъ Петромъ Великимъ, дѣланый имъ, а обновленъ его подданнымъ и почитателемъ Петромъ Челищевымъ, 1791»; беретъ «кусочъ гнилаго дерева вмѣсто мошей» изъ «капища» — дворца Петра Великаго, построеннаго на островѣ Марковѣ въ 18-ти верстахъ отъ Архангельска; въ Холмогорахъ ставитъ опять крестъ съ надписью: «Изуу сапогъ твой, мѣсто бо, идѣ же стоиши, коснулася нога Петра Великаго, отца отечества, и потому свято». Благоговѣнно чтитъ Челищевъ и Ломоносова: онъ подробно описываетъ мѣсто его родины и проситъ «господина городничаго» поставить въ Холмогорахъ сдѣланный Челищевымъ деревянный памятникъ съ символическими изображеніями и восторженными стихотворными надписями.

Историческая жизнь на сѣверѣ складывалась совершенно своеобразно, много въ этомъ краѣ было бытовой старины, но Челищевъ обращалъ вниманіе только на старину церковную и Петровскія воспоминанія; этнографическія и археологическія замѣтки у него являются случайно. Нужно при-

томъ замѣтить, что самъ путешественникъ былъ мало подготовленъ къ оцѣнкѣ старины, находимой имъ въ монастыряхъ. Примѣромъ можетъ служить описаніе богатой соловецкой библиотеки, о которой Челищевъ говоритъ, что она «чрезвычайно наполнена немалымъ възоромъ», считая за «възоръ» полторы тысячи «скорописныхъ книгъ, въ числѣ коихъ есть до ста однихъ сборниковъ, множество экземпляровъ скрижалей, дѣствичниковъ, каменной вѣры и прочихъ тому подобныхъ старинныхъ книгъ». Время, въ которое Челищевъ путешествовалъ и осматривалъ монастыри, было временемъ послѣ недавней реформы въ ихъ бытѣ. Онъ упоминаетъ о многихъ такихъ «исправленныхъ» монастыряхъ, не очень жалѣя объ отнятіи у послѣднихъ крестьянъ. Виною монастырскихъ не порядковъ вовсе не было отнятіе крестьянъ,—вина въ томъ, что «настоятели ихъ худы». Въ доказательство онъ рассказываетъ съ одной стороны о Троицкомъ Глединскомъ монастырѣ, съ другой—о Кирилло-Вѣловскомъ. Этнографическія наблюденія такихъ, какія были сдѣланы академическими путешественниками, у Челищева нѣтъ. Изрѣдка онъ записываетъ легенду, преданія, когда они сами являются. Если онъ вычитываетъ ихъ изъ старой книги, принимаетъ за историческій фактъ; если же слышитъ ихъ усть народа, онъ обличаетъ «суевѣріе» подчасъ весьма наивно (рассказъ о Пельеостровскомъ монастырѣ).

Челищеву много разъ приходилось встрѣчаться съ раскольниками, ибо нашъ сѣверный край—классическая страна раскола. Въ сужденіяхъ о нихъ въ немъ сказывается человекъ XVIII вѣка. Челищевъ видитъ въ расколѣ только суевѣріе толпы и обманъ вожаковъ. Раскольниковъ онъ называетъ «ханжами», о знаменитыхъ самосожигателяхъ говоритъ, что «развращенные ихъ умы и разстроенныя страхомъ воображенія такое имъ отчаяніе вдохнули», клеймитъ ихъ именемъ «лѣннихъ бродягъ», проповѣдующихъ «неповозительныя враки», благодаря которымъ весь край покрытъ «густымъ туманомъ лжевѣрія и буйства». Не придавая особенной важности церковнымъ разногласіямъ, Челищевъ считаетъ расколъ вреднымъ въ гражданскомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Онъ предвидитъ даже государственную опасность отъ раскола: онъ уменьшаетъ въ государствѣ «руки работающихъ» и умножаетъ «рты тунеядцевъ», онъ считаетъ «общественную пользу чужою, чуждается, убѣгаетъ, ненавидитъ и прячется отъ общественныхъ правъ и уваженій». Далѣе онъ говоритъ, что «я ощущаю пагубныя зародыши, уже насилживаются въ мрачныхъ сихъ норахъ, въ гнѣздахъ невѣжества и въ душегубныхъ сихъ скопищахъ».

Лучшія мѣста въ книгѣ Челищева—горячія и мѣткія разсужденія объ экономическомъ бытѣ народа. Его огорчаетъ недостатокъ заботы о народныхъ промыслахъ, онъ жалѣетъ, что многие естественные источники благосостоянія до сихъ поръ не разрабатываются и, не рассчитывая на самостоятельность народа, онъ думаетъ, что инициатива должна принадлежать начальствамъ. Вотъ голодающій Свирскій край, а на рѣкѣ Свири столько прекрасной глины! Челищевъ указываетъ на недостатокъ фабрикъ въ Архангельскѣ и совѣтуетъ завести «итальянскія самопрялки», обращаетъ вниманіе на траву палюшникъ по берегамъ рѣки Сухоны, какъ на кормъ для скота вмѣсто овса и пр., и пр.

Его огорчаетъ обманъ и грабежъ казны недобросовѣстными заводчиками и фабрикантами, испорченность мѣстныхъ властей, онъ осуждаетъ духовныхъ начальниковъ, не заботящихся о приготовленіи сельскаго духовенства, «бев-

законныхъ самовольцевъ», злоупотребляющихъ властью, корятъ «безпечныхъ тунеядцевъ», не заботящихся о народѣ, и совѣтуетъ обращаться за помощью прямо къ царскому престолу; онъ скорбитъ о нашей зависимости отъ иностранцевъ, ибо «твердый, проникательный и созидательный разумъ россиянь требуетъ только ободренія, чтобы вѣткнуть въ науки, искусствахъ и въ рукодѣліяхъ всѣ народы европейскіе».

Челищевъ обратилъ также вниманіе на народный языкъ и его мѣстные особенности. Онъ собралъ нѣсколько сѣверно-русскихъ провинціализмовъ, видя въ нихъ доказательство непризнаваемаго иностранцами богатства русскаго языка. Въ 1793 году, онъ представилъ о своихъ лингвистическихъ наблюденіяхъ записку Россійской академіи. Записка эта находится при книгѣ въ видѣ приложенія. Особенно удачными филологическія разсужденія автора нельзя назвать и нужно согласиться, что онъ въ этой области совершенно не дома, онъ бродитъ «при слабой свѣтильнѣ вѣроятности», онъ ступаетъ «по острымъ и разсѣяннымъ стремнинамъ гипотезисовъ».

Книга Челищева, издана прекрасно. Къ ней приложены три указателя: 1) личныхъ именъ, 2) мѣстныхъ названій, 3) указатель предметовъ. Въ текстѣ помѣщены слѣдующіе рисунки и чертежи: 2 креста Петра Великаго—у Соловецкаго монастыря и на берегу Упской губы, орудія для боя китовъ, планъ крѣпости Петра Великаго въ 18-ти верстахъ отъ Архангельска, адмиральская шляпка (два изображенія), крестъ въ память Петра Великаго, два памятника Ломоносову, его портретъ и карта его родины.

С. Т.

Въ гостяхъ у эмира бухарскаго. В. В. Крестовскаго. Спб. 1886.

Въ виду того интереса, какой возбуждаетъ въ русскомъ обществѣ положеніе нашихъ дѣлъ въ Средней Азій, близкое знакомство съ соседними странами становится предметомъ большой важности. Недавнее присоединеніе Мервскаго оазиса и успѣшно подвигающаяся постройка Закаспійской дороги заставляютъ обратить особенное вниманіе на состояніе Бухары, которая можетъ имѣть для насъ большое значеніе какъ въ стратегическомъ, такъ и въ торговомъ отношеніяхъ. Знакомству съ этой страной должна значительно способствовать вышедшая недавно въ свѣтъ книга В. В. Крестовскаго, подъ скромнымъ заглавіемъ: «Въ гостяхъ у эмира бухарскаго». Не смотря на то, что она написана въ видѣ дневника, представляющаго послѣдовательный рядъ впечатлѣній и наблюденій автора, изложенныхъ въ легкой формѣ литературнаго разсказа, читатели найдутъ въ ней живую и многостороннюю характеристику страны, основанную на изученіи многихъ, частью совсѣмъ новыхъ источниковъ и на лично собранныхъ достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ. Авторъ, по своему положенію при поѣздкѣ въ Бухару, имѣлъ возможность видѣть и узнать многое, что недоступно, особенно въ Азій, обыкновеннымъ путешественникамъ. Осенью 1882 года, по пріѣздѣ въ Ташкентъ М. Г. Чернаева, бухарскій эмиръ, Музаффаръ-Эдинъ, отправилъ къ новому генералъ-губернатору нарочнаго посланника съ привѣтствіемъ и подарками. По азіатскому обычаю, это требовало равносильнаго отвѣта, почему и было снаряжено въ Бухару особое посольство, въ составъ котораго вошли генералъ-маіоръ князь Витгенштейнъ и подполковникъ Крестовскій, съ нѣсколькими другими лицами и конвоемъ, причѣмъ отправлены были и подарки генералъ-губернатора

миру. Эта-то поездка, съ самаго выѣзда посольства изъ Ташкента до окончательнаго возвращенія изъ Бухары, и составляетъ предметъ любопытной книги В. В. Крестовскаго. Все сочиненіе состоитъ изъ девяти большихъ главъ, или отдѣловъ. Въ первыхъ двухъ главахъ авторъ описываетъ путь отъ Ташкента до Самарканда и затѣмъ самый этотъ городъ, знаменитый въ исторіи Азіи и входящій теперь въ черту русскихъ владѣній. Здѣсь читатели найдутъ много крайне интересныхъ свѣдѣній объ историческихъ и художественныхъ достопримѣчательностяхъ этой славной столицы Тамерлана, въ которой сохранилось еще много памятниковъ великаго завоевателя и легендъ, связанныхъ со временемъ его владычества. Самаркандъ носитъ въ Азіи названіе «лица земли», «города святыхъ», «сада угодниковъ божіихъ», и дѣйствительно въ немъ много древнихъ великолѣпныхъ мечетей и усыпальницъ святыхъ, чествуемыхъ мусульманами. Г. Крестовскій осмотрѣлъ важнѣйшія городскія достопримѣчательности, и съ особенной подробностью описываетъ знаменитую мечеть Шахи-Зида, гдѣ находятся мавзолеи членовъ семейства Тимура и нѣкоторыхъ его потомковъ. Тутъ авторъ сообщаетъ немало новыхъ свѣдѣній, которыхъ нельзя найти у другихъ путешественниковъ. Въ третьей главѣ заключается рассказъ о поездкѣ посольства отъ Самарканда въ предѣлы Бухары до Шахрисебса, о посѣщеніи сына эмира, бека чиракчискаго, и прибытіи въ городъ Шааръ, гдѣ въ то время находился эмиръ. Слѣдующая четвертая глава книги посвящена разсказу о пребываніи посольства въ Шаарѣ, о торжественной аудіенціи у эмира Музаффаръ-Эдина, о визитахъ главнымъ бекамъ и проч. Въ пятомъ и шестомъ отдѣлѣ описывается путь отъ Шахрисебса черезъ Карши до Бухары, а въ остальныхъ главахъ заключается подробное описаніе столицы эмира, съ ея достопримѣчательностями и характерными особенностями населенія и, наконецъ, обратный путь изъ Бухары чрезъ Зеравшанъ, посѣщеніе другаго сына эмира, Сеитъ-Агаты-хана, и возвращеніе въ Ташкентъ. Масса сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній даетъ намъ полное понятіе о настоящемъ положеніи Бухарскаго ханства въ административномъ, топографическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ и живо рисуетъ нравы и обычаи, присущіе странѣ. Положеніе влстителя бухарскаго, какъ сообщаетъ г. Крестовскій, на основаніи собранныхъ имъ свѣдѣній, представлялось въ то время не совсѣмъ твердымъ. Эмиръ удалился изъ столицы въ Шааръ не въ видахъ ожиданія русскаго посольства, но изъ опасенія усилившагося въ Бухарѣ народнаго волненія, возбужденнаго ходжами и улемами. «Какъ неограниченный влститель,—пишетъ авторъ,—Музаффаръ-Эдинъ безпрепятственно можетъ рѣзать и вѣшать сколько ему угодно своихъ правовѣрныхъ подданныхъ: это въ порядкѣ вещей, и ни у кого не вызоветъ ни малѣйшаго протеста, ни малѣйшей претензіи, ибо въ томъ его «священное право», но абсолютизмъ его необходимо долженъ всегда опираться на поддержку сильно вліятельнаго духовенства, безъ чего каждый мусульманскій деспотъ легко можетъ кончить свою жизненную карьеру чѣмъ нибудь въ родѣ пресловутыхъ ножницъ Абдуль-Ависа». Не смотря на шаткость своего положенія, Музаффаръ-Эдинъ, при встрѣчѣ нашего посольства и переговорахъ во время аудіенцій, не только не отступалъ отъ присущихъ азіатскимъ влстителямъ требованій всѣхъ условій внѣшняго этикета, но даже выказалъ больше притязательности сравнительно съ прежде практиковавшимися обычаями относительно приема посольства. При первой торжественной аудіенціи, не смотря на то, что она

происходила въ концѣ декабря, при значительномъ холодѣ, пословъ нашихъ попросили выйдти изъ экипажа еще на площади, передъ воротами дворца, и снять верхнее платье въ то время, когда въ воротахъ дулъ сильный вѣтеръ. Въ однихъ мундирахъ они должны были пройти два обширные двора, изъ которыхъ каждый не уступалъ въ величинѣ порядочной площади. «Люди свѣдущіе и бывалые въ Бухарѣ,—пишетъ авторъ,—замѣчаютъ, что для уселенія въ глазахъ подданныхъ своего престижа, въ смыслѣ независимаго и сильнаго государя,—престижа, сильно поколебленнаго политическими обстоятельствами съ 1868 года,—его высокостепенство въ послѣднее время пытается возвратить себѣ видъ самостоятельности хотя бы только въ манерѣ своего обращенія съ русскими. Такъ, напримѣръ, еще недавно онъ считалъ нужнымъ вставать и лично идти къ дверямъ навстрѣчу генералъ-губернаторскимъ посланцамъ, хотя эти послѣдніе, по большей части, бывали весьма не высокаго, не всегда даже штабъ-офицерскаго чина». На этотъ разъ эмиръ на поклоны введенныхъ въ залу пословъ отвѣчалъ однимъ общимъ полупоклономъ, слегка привставъ съ мѣста. Разговоръ послѣ того держался въ предѣлахъ самой этикетной официальнойности и ограничился обычными освѣдомленіями о здоровьѣ. Послѣ непродолжительной аудіенціи эмиръ поднялся. «Одновременно съ нимъ,—говоритъ авторъ,—поднялись и мы всѣ разомъ, и отдали ему поклонъ, послѣ чего поочередно подошли къ нему для пожатія руки, а затѣмъ послѣдовалъ вторичный поклонъ и общее отступленіе или, вѣрнѣе сказать, паченье затылкомъ къ дверямъ, гдѣ у самаго порога снова поклонъ, третій и послѣдній». Кто знакомъ съ статеиными списками нашихъ пословъ, которые въ старыя времена отправлялись царями московскими къ болѣе значительнымъ иностраннымъ дворамъ, тотъ, конечно, согласится, что и тогда нашимъ представителямъ не приходилось подчиняться подобнымъ требованіямъ дикаго этикета. Довольно вспомнить Федора Байкова, который въ половинѣ XVII столѣтія отправленъ былъ въ Китай и, не успѣвъ сговориться съ мандаринами о церемоніалѣ представленія богдыхану, предпочелъ выѣхать изъ Пекина, не исполнивъ даннаго ему порученія. Г. Крестовскій, какъ человѣкъ вполне знакомый съ военнымъ дѣломъ, обращалъ особенное вниманіе на организацию и состояніе бухарскаго войска и сообщаетъ немало интересныхъ свѣдѣній по этому предмету. Онъ посѣтилъ лагерь бухарской пѣхоты, который былъ расположенъ около шаарской цитадели, и присутствовалъ на большомъ смотрѣ, нарочно назначенномъ для нашего посольства, хотя самъ эмиръ и не былъ на немъ. Смотръ, по причинѣ глубокаго снѣга, ограничился однимъ баталіономъ, который проходилъ церемоніальнымъ маршемъ, производилъ различныя фронтковыя построенія и продѣлывалъ гимнастическія упражненія. Сигналы заимствованы у насъ и командныя слова всѣ русскія и произносятся довольно правильно. Въ городѣ г. Крестовскій имѣлъ случай видѣть также бухарскую кавалерію и артиллерію. Вообще, судя по его рассказамъ, бухарцы успѣли уже усвоить нѣсколько европейскихъ порядковъ въ организаціи своей арміи, хотя вообще она далеко еще не отличается боевыми качествами. Присматриваясь внимательно ко всему, что можно было наблюдать при переѣздахъ по странѣ и во время пребыванія въ Шаарѣ и Бухарѣ, г. Крестовскій дѣлаетъ заключеніе, что вообще мусульманское бухарское населеніе не питаетъ расположенія къ Россіи и русскому народу, а духовное сословіе не скрываетъ даже прямо враждебныхъ къ намъ чувствъ. Одни только евреи желаютъ, чтобы русская власть вполне водворилась въ странѣ, но ихъ всѣ

ненавидятъ и презираютъ: «Еврей и адъсь тотъ же влостный ростовщикъ, готъ же маклеръ, перекущикъ и гешефтмахеръ, тотъ же содержатель тайныхъ притоновъ разврата и контрабандный продавецъ запрещенныхъ кораномъ вина и водки, хотя и торгуетъ, повидимому, однимъ только шелкомъ». Въ краткой библиографической замѣткѣ нельзя дать понятія о всемъ разнообразіи, занимательности и значеніи въ высокой степени важной и любопытной книги г. Крестовскаго, которая знакомитъ читателя съ Бухарою и Бухарцами въ легкомъ и изящномъ разсказѣ писателя, знакомаго съ литературою своего предмета и владѣющаго перомъ опытнаго и даровитаго литератора. Вся книга его читается съ неослабвающимъ интересомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что по важности сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній, при переводѣ на иностранные языки, она обратила бы на себя вниманіе за границей, гдѣ въ настоящее время не менѣе насъ интересуются всѣмъ, что касается Средней Азіи. Въ сочиненію г. Крестовскаго приложены три портрета: покойнаго эмира Музаффаръ-Эддина, настоящаго бухарскаго владѣтеля Сеидъ-Агады-Богадура и кушъ-бега или министра бухарскаго, Мулла-Магометь-Вія.

А. М.

Двѣ біографіи: Жоржъ Зандъ и Генрихъ Гейне. Публичныя лекціи, читанныя въ Новороссійскомъ университетѣ профессоромъ А. Кирпичниковымъ. Москва. 1887.

По мнѣнію автора, біографіи писателей, этогъ лучший и необходимый коментарій къ ихъ произведеніямъ, не могутъ быть удовлетворительны, если издаются при жизни писателя, или немедленно послѣ его смерти. Онѣ не могутъ быть объективны, не могутъ представить цѣлостнаго и яркаго образа, выяснить связи между человѣкомъ и результатами его дѣятельности. Маленькую картину еще можно разсматривать вблизи, но за біографію великаго писателя слѣдуетъ братья, когда его время сдѣлается достояніемъ исторіи, когда идеи, введенныя имъ въ жизнь, очистившись отъ неизбежныхъ крайностей, станутъ всеобщей собственностью, не будутъ возбуждать ни слѣпнаго поклоненія, ни слѣпой злобы. Оба поэта, выбранные профессоромъ для его лекцій, находятся, по его мнѣнію, въ такихъ благоприятныхъ условіяхъ, и онъ соединилъ ихъ не случайно, а потому, что въ ихъ дѣятельности и судьбѣ много точекъ соприкосновенія: оба они далеко выходятъ изъ узкихъ рамокъ національности, стремятся дѣйствовать не только на своихъ соотечественниковъ и всею своею жизнью встаютъ противъ крайностей теоріи искусства для искусства; про обоихъ въ публикѣ разсказывали некрасивыя вещи. Все это справедливо, но пунктовъ этихъ намъ кажется недостаточно для сравненія Жоржа Занда съ Генрихомъ Гейне. Каждый великій писатель принадлежитъ не только своей націи, но и всемірной литературѣ; теорію чистаго искусства отвергли всѣ выдающіеся писатели послѣдняго времени, да и всѣ они далеко не святые, какъ Зандъ и Гейне, и во всѣхъ изъ нихъ глубокой умъ и тонкое чувство уживаются съ мелкими страстями, нарушающими гармонію, гармонію между словомъ и дѣломъ глашатаевъ истины. Между Зандомъ и Гейне, по нашему мнѣнію, можно найти гораздо больше различія, чѣмъ сходства. Не вдаваясь въ подробности, невозможныя въ краткой рецензіи, укажемъ на главный пунктъ несходства этихъ двухъ дарованій и характеровъ: Зандъ была идеалистка, горячо любившая свое оте-

чество до того, что когда, въ 1848 году, посвятивъ всю свою дѣятельность этимъ идеаламъ, она увидѣла, вмѣсто осуществленія ихъ, торжество буржуазіи съ ея низменными инстинктами, она удалась въ свое Беррійское помѣстье и навсегда отказалась отъ политической дѣятельности. Гейне всю жизнь былъ скептикомъ-юмористомъ и не только равнодушно относился къ судьбѣ своего отечества, но осмѣивалъ его не столько въ дѣтствіе своего семитическаго происхожденія, сколько въ силу политическаго индифферентизма. Но, оставляя въ сторонѣ различіе во взглядахъ на этихъ писателей, мы должны засвидѣтельствовать, что біографіи ихъ составлены очень интересно и хорошо написаны. Въ жизни Жоржъ-Зандъ обращено вниманіе не только на ея дѣтство, но и на исторію воспитавшей ее бабушки. Вліяніе на ея талантъ Жюлья Сандо и Альфреда Мюссе оцѣнено вполне вѣрно, но не говорится ни слова о вліяніи Ламене и Шопена на ея произведенія, не указано значеніе ни одного изъ ея лучшихъ романовъ, а говорится только, что вмѣстѣ съ Гюго, Диккенсомъ, Достоевскимъ и Л. Толстымъ, она «является апостоломъ величайшей нравственной идеи нашего столѣтія—безграничной гуманности, милости къ падшимъ, къ униженнымъ и оскорбленнымъ». Доказывается также, что она не была врагомъ «самаго святаго учрежденія на землѣ — брака». Вообще о литературномъ и социальномъ значеніи Жоржъ-Занда можно было бы сказать гораздо болѣе, если бы профессоръ не ограничилъ себя одною лекціею.

Біографія Гейне — нѣсколько обширнѣе (въ брошюрѣ 83 страницы), но въ концѣ ея, гдѣ авторъ начинаетъ развивать значеніе поэта, явно оборвана, и мы убѣждены, что онъ не могъ окончить свою лекцію, не сдѣлавъ изъ нея никакихъ выводовъ. Начинается она нѣсколькими словами о положеніи евреевъ въ Западной Европѣ, затѣмъ приводятся отрывки изъ мемуаровъ Гейне, рассказываются подробно годы его ученія, отношенія къ роднымъ, его неудачи въ Германіи, гдѣ онъ напрасно искалъ мѣста, переселеніе въ Парижъ и вообще его политическая дѣятельность. Авторъ почти вовсе не разбираетъ его какъ художника и говоритъ только нѣсколько подробнѣе о его «Reisebilder» и «Путешествіи по Гарцу», защищая поэта отъ обвиненія въ фельетонной манерѣ писать. «Развѣ кому нибудь ставятъ въ упрекъ, что онъ о трудномъ говоритъ общепонятно?» — спрашиваетъ авторъ и называетъ даже нѣсколько парадоксально Сократа «фельетонистомъ греческой философіи». Немножко рискованно также утвержденіе, что Гейне умеръ истиннымъ христіаниномъ. Человѣкъ, долго чуждавшійся своего обращенія въ христіанство, притомъ еще тайнаго, не получившій каеодры какъ атеистъ, котораго и хоронили безъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ, если во время своей долгой, мучительной болѣзни и увѣрялъ жену-католичку въ искренности своихъ христіанскихъ убѣжденій, то, зная всю жизнь и всѣ сочиненія его, позволительно усомниться въ искренности этихъ убѣжденій.

В. З.

Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія. (По поводу книги П. Н. Петрова „Исторія родовъ русскаго дворянства“).
Александра Варсукова. Спб. 1886.

Въ прошломъ году, вышелъ первый томъ труда г. Петрова, подъ заглавіемъ «Исторія родовъ русскаго дворянства», о которомъ мы тогда же дали довольно подробный отзывъ. Теперь г. Петровъ представлялъ свой трудъ въ

академію наукъ на соисканіе одной изъ Уваровскихъ (если не ошибаемся) премій, и академія поручила рассмотрѣніе его А. П. Барсукову, выдвинувшемуся недавно изъ среды нашихъ молодыхъ ученыхъ своимъ обширнымъ и превосходнымъ сочиненіемъ о родѣ Шереметевыхъ. Порученіе академіи послужило для г. Барсукова поводомъ написать не заказную рецензію на книгу г. Петрова, а самостоятельное изслѣдованіе, которое напечатано въ 54-мъ томѣ «Записокъ» академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ вышло отдѣльной книжкой; специалисты, въ особенности же лица, занимающіяся родословіями русскихъ дворянскихъ фамилій, и безъ нашихъ указаній оцѣнятъ значеніе этого сочиненія, представляющаго существенное дополненіе не только къ труду г. Петрова, но и ко всѣмъ другимъ подобнымъ трудамъ, а потому, не вдаваясь въ подробности, мы скажемъ о немъ лишь въ общихъ чертахъ. Рецензія г. Барсукова распадается на два отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ сдѣланъ обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія, обзоръ на столько полный и обстоятельный, что специалисты найдутъ въ немъ хорошее пособіе при своихъ занятіяхъ. Здѣсь разсказана исторія возникновенія въ Россіи родословія и указаны значеніе и достовѣрность такъ называемой «Бархатной книги», Разрядныхъ книгъ и боярскихъ списковъ, дворянскихъ родословныхъ книгъ, которыхъ имѣется въ архивѣ Департамента Герольдіи свыше пятнадцати тысячъ, а затѣмъ перечислены и оцѣнены труды по русскимъ родословіямъ кіевскаго митрополита Кипріяна, князя М. М. Щербатова, академика Стриттера, А. Т. Князева, историографа Миллера, Спиридова, Ювеналія Воейкова, П. М. Стрובה, князя П. В. Долгорукова, и многихъ другихъ собирателей и изслѣдователей родословія. Во второмъ отдѣлѣ, г. Барсуковъ съ рѣдкимъ вниманіемъ разсматриваетъ трудъ г. Петрова, провѣряетъ его, можно сказать, шагъ за шагомъ и указываетъ ошибки, неточности и пропуски автора, подкрѣпляя каждую свою поправку ссылками и выписками изъ документовъ, причемъ нерѣдко вноситъ разъясненія въ запутанные вопросы многихъ родословія русскихъ фамилій, напримѣръ, Романовыхъ, Пожарскихъ, Нарышкиныхъ, Бестужевыхъ и др. Задача, возложенная на г. Барсукова академіей, потребовала отъ него усидчивой, кропотливой работы, и онъ выполнилъ ее съ добросовѣстностью, отличающею вообще всѣ его труды. Безъ сомнѣнія, и у г. Барсукова найдутся пропуски и неточности, но тѣмъ не менѣе онъ, помимо своего желанія, оборвалъ немало вѣтокъ у тѣхъ лавровъ, которые г. Петровъ надѣется получить отъ академіи.

С. III.

Записки Михаила Ивановича Глинки и переписка его съ родными и друзьями. Спб. 1887.

Записки М. И. Глинки извѣстны уже давно всей русской образованной публикѣ и принадлежать къ числу тѣхъ рѣдкихъ мемуаровъ, которые пишутся искренно, безъ малѣйшаго желанія порисоваться передъ публикой и представить себя потомству подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Просто, иногда даже черезчуръ откровенно, нашъ гениальный композиторъ набросалъ въ этихъ «Запискахъ» незавидную и тяжелую повѣсть своей жизни, подробно припоминая каждый послѣдовательный шагъ своего музыкальнаго развитія, каждую пріятную встрѣчу своей жизни, каждое выдающееся впечатлѣніе

отравившееся въ его творествѣ, и скользить по всему остальному, очевидно, избѣгая говорить о впечатлѣніяхъ дурныхъ или непріятныхъ. Эта полная искренность «Записокъ М. И. Глинки» (при громадномъ значеніи и популярности автора) была оценена публикой еще при первомъ появленіи Записокъ въ свѣтъ, когда въ 1871 году онѣ были напечатаны редакціею журнала «Русская Старина»; изданіе это скоро разошлось и сдѣлалось библиографическою рѣдкостью; теперь, во второмъ изданіи, «Записки М. И. Глинки» являются въ болѣе полномъ видѣ и съ весьма цѣнными добавленіями, въ родѣ воспоминаній сестры композитора (г-жи Шестаковой), его портретомъ, факсимиле почерка, писемъ и нотъ, видами могилы и смоленскаго памятника. Между приложеніями самое видное мѣсто занимаютъ 86 писемъ М. И. Глинки къ разнымъ лицамъ, исполненыя особой, неизъяснимой прелестью и того юмора, который былъ свойственъ Глинкѣ, хотя и проявлялся только въ самыхъ близкихъ, товарищескихъ отношеніяхъ. Этотъ сборникъ въ особенности важенъ, какъ приложение къ «Запискамъ», потому что сглаживаетъ ихъ главный и крупный недостатокъ: нѣкоторую отрывочность и бесвязность въ изложеніи, благодаря которой во многихъ мѣстахъ «Записокъ» бываетъ трудно ориентироваться и прослѣдить главную связующую нить разсказа.

Биографія Глинки давно уже написана В. В. Стасовымъ (въ Русскомъ Вѣстникѣ), и въ томъ рядѣ статей, которыя этотъ знатокъ русской музыки (и русскаго искусства вообще) посвятилъ памяти перваго между нашими композиторами, подробно изложена жизнь его, подробно разобрана вся его музыкальная карьера. Въ основу этой биографіи и тогда уже были положены г. Стасовымъ и «Записки» Глинки, и письма его, и—что важнѣе всего—личныя воспоминанія, такъ какъ автору биографіи выпало на долю особенное счастье, близко и коротко узнать одного изъ выдающихся русскихъ людей первой половины нынѣшняго столѣтія. Имѣя въ виду эту биографію (къ которой мы отсылаемъ нашихъ читателей), мы вовсе не коснемся биографической стороны переизданныхъ книгъ «Записокъ», и обратимъ вниманіе только на одну сторону биографіи Глинки: на поразительное сходство его нравственнаго типа съ типомъ Пушкина, котораго онъ отчасти напоминаетъ и самую судьбу свою. Въ характерѣ Глинки мы видимъ ту же страстность, такъ много повредившую ему въ жизни, ту же способность переходить почти безъ перерыва отъ одного увлеченія къ другому, ту же глубоко-поэтическую чуткость впечатлѣній, которымъ постоянно открыта была его прекрасная, чистая душа и его благородное любящее сердце. Вся разница типовъ Пушкина и Глинки въ томъ именно и заключается, что Пушкинъ былъ немного болѣе сангвиникомъ, а Глинка болѣе холерикомъ по темпераменту, и потому ко многому въ жизни относился мягче и спокойнѣе, нежели Пушкинъ, но точно также не умѣлъ ладить съ людьми, не умѣлъ также примиряться съ житейскими дразнами и мелочами. Неудивительно, повтому, что Глинка и въ музыкѣ явился такимъ полнымъ, такимъ превосходнымъ, славнымъ, вдохновеннымъ истолкователемъ Пушкина... Чрезвычайно странно и нѣкоторыя другія совпаденія въ биографіяхъ Пушкина и Глинки; стоитъ, напр., припомнить, что оба они были несчастливы въ женитьбѣ и женаты на особахъ, увлекавшихся пустою свѣтскою мишурою, и оба были страстно влюблены въ женщинъ, которыя были тѣсно связаны узами родства и, вѣроятно, представляли одинъ и тотъ же типъ женщины... Пушкинъ, вдохновленный своимъ предметомъ страсти, посвятилъ своей А. К. дивное стихотвореніе: «Я помню

чужное мгновенье»; Глинка для Е. Б., которую увлекался до самозабвения, переложил это стихотворение на музыку. Весьма характерною и замѣчательной (по времени) чертою Глинки является его глубокое пониманіе народности, отразившееся въ національности его произведеній, которыя чѣмъ долѣе живутъ, тѣмъ болѣе становятся намъ близки и понятны. Уже въ 1833—1834 году онъ писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей за границу:

«...Мнѣ кажется, что и я тоже могъ бы дать на память театру сочиненіе большихъ размѣровъ. Это не будетъ chef-d'oeuvre, я первый готовъ въ томъ согласиться, но, всетаки, это будетъ не такъ уже худо!.. Главное состоитъ въ выборѣ сюжета. Во всякомъ случаѣ онъ будетъ совершенно національный. И не только сюжетъ, но и музыка: я хочу, чтобъ мои дорогіе соотечественники были тутъ, какъ у себя дома, и чтобъ за границей меня не принимали за выскочку, за гордеца, радящагося какъ ворона въ павлинныя перья».

И, согрѣваемый любовью къ своему народу, онъ дѣйствительно сумѣлъ создать такое произведеніе, въ которомъ всѣ мы «какъ у себя дома». Это глубокое чувство «національности» оттѣнило и самый патріотизмъ Глинки, въ которомъ самый щепетильный западникъ 50-хъ годовъ не могъ бы открыть ничего «кваснаго». Любопытнымъ подтвержденіемъ этого глубокаго и деликатнаго патріотическаго чувства можетъ служить слѣдующій отрывокъ одного изъ писемъ Глинки:

(7-го апр. 1855 г.) ...«По окончаніи шести недѣль по кончинѣ въ Вовѣ почившаго монарха, слѣдуя влеченію чувства, я написалъ (вчера кончилъ) «Торжественный Польскій» A-dur, который желалъ имѣть счастье посвятить государю императору для бала въ день коронаціи. Главная тема заимствована изъ настоящаго испанскаго болеро. Тріо мое—оно наводитъ на сердобольныя слезы умиленія, вane вельми порусски устроено. Болеро взялъ потому, что не могу подносить польскихъ замашекъ бѣлому русскому царю».

Истинно русскимъ человѣкомъ и глубокимъ патріотомъ оставался Глинка и до конца дней своихъ, не смотря на то, что ненависть къ Петербургу и въ-которымъ сторонамъ современной ему російской дѣйствительности побуждала его жить за границею. Одинъ изъ его ближайшихъ музыкальныхъ друзей, вѣдѣстный ученый знатокъ музыки, Дель, въ значительной степени утѣшившій нашего великаго композитора въ послѣдніе дни его жизни, пишетъ о немъ:

...«Любопытную черту въ жизни Глинки составляло нерасположеніе къ политическимъ писателямъ, которые писали противъ Россіи. Если заходила рѣчь о нихъ, то онъ раздражался до ярости, такъ что я не разъ опасался удара. Вечеромъ, когда это случалось, трудно было его успокоить. Чтобы избѣжать подобныхъ случаевъ, я не допускалъ никакихъ политическихъ разговоровъ и напоминалъ посѣтителямъ, что зонтики, калоши и политику они должны оставлять за дверями. Эта шутка удавалась, и Глинка тотчасъ же успокаивался».

Нашу замѣтку о «Запискахъ» М. И. Глинки очень кстати будетъ закончить слѣдующими характерными строками «Воспоминаній» г-жи Шестаковой (родной сестры композитора):

«Братъ не разъ говорилъ мнѣ, что изъ «Руслана» онъ можетъ сдѣлать десять такихъ оперъ, какъ «Жизнь за царя», и всѣ дѣльно понимающіе музыку тоже ставятъ эту оперу несравненно выше «Жизни за Царя». Еще онъ

говорилъ мнѣ: «Поймутъ твоего Мишку, когда его не будетъ, а Руслана черезъ сто лѣтъ». Но предсказаніе его осуществилось раньше этого времени».

Обо многихъ ли русскихъ дѣятеляхъ можемъ мы это сказать вполне сознательно и съ полною справедливостью? — мы, не умѣющие быть привнательными и безпристрастными къ людямъ, составляющимъ честь и гордость нашей родины!

II. II.

В. Шенрокъ. Ученіческіе годы Гоголя. Биографическія замѣтки. Москва. 1887.

Въ прошломъ году г. Шенрокъ издалъ весьма полезную брошюрку «Указатель къ письмамъ Гоголя, заключающій въ себѣ объясненіе инициаловъ и другихъ сокращеній въ изданіи Кулиша, М., 1886». Книжка эта въ значительной степени удовлетворила требованія всѣхъ занимающихся жизнью и дѣятельностью великаго писателя: письма Гоголя, представляющія самый важный матеріалъ при изученіи этого писателя, путемъ тщательнаго изученія не только ихъ самихъ, но и вообще времени Гоголя и жизни лицъ, входившихъ съ нимъ въ сношенія, были, такъ сказать, поставлены г. Шенрокомъ въ надлежащую живую обстановку и получили реальное значеніе какъ биографическій матеріалъ.

Въ нынѣшнемъ году вышла вторая брошюрка того же автора, касающаяся Гоголя, подъ заглавіемъ, которое мы выписали выше. Она представляетъ уже систематическое изложеніе жизни Гоголя съ самаго начала до 1831 года, т. е. до того времени, когда Гоголь до нѣкоторой степени обезпечиваетъ за собой прочную литературную извѣстность.

Въ началѣ авторъ рассказываетъ о предкахъ Гоголя, изъ которыхъ выдѣляетъ особенно Евстафія (или Остапа) Гоголя, подольскаго, а позднѣе могилевскаго полковника во второй половинѣ XVII вѣка. Передавая весьма скудныя, дошедшія до насъ, фактическія свѣдѣнія о родителяхъ Гоголя, г. Шенрокъ довольно подробно останавливается на изображеніи нравственнаго характера матери писателя, Марьи Ивановны, на основаніи невиданныхъ писемъ послѣдней къ ея двоюродному брату, Петру Петровичу Косяровскому ¹⁾, а также по личнымъ воспоминаніямъ людей, близко ее знавшихъ. Изученіе этой личности заставляеть автора видѣть въ матери Гоголя «женщину чрезвычайно добрую, всей душой преданную тѣсному кругу родныхъ и близкихъ знакомыхъ, съ характеромъ открытымъ и любящимъ. Это—типъ скромной помѣщицы прежняго времени, интересы которой сосредоточивались на семейныхъ и хозяйственныхъ хлопотахъ, съ одной стороны, и на заботахъ о дѣлахъ благочестія съ другой» (31).

Далѣе сообщаются свѣдѣнія о дѣтствѣ Гоголя, о его ученіи въ Полтавской гимназій, куда онъ былъ отданъ 10-ти лѣтъ, вмѣстѣ съ братомъ. Съ этого времени начинаются его письма къ матери, отличительной чертой которыхъ, по словамъ автора, является «теплая родственная привязанность почтительнаго сына» ²⁾; особенное биографическое значеніе получаютъ они

¹⁾ Съ этими письмами, въ извлеченіяхъ, авторъ знакомить читателя въ «Указателѣ», стр. 74—80.

²⁾ Вообще г. Шенрокъ особенно настаиваетъ на этой чертѣ, которую онъ желаетъ провести по всѣмъ письмамъ Гоголя до послѣдняго времени (см. стр. 40—42).

со смерти отца Гоголя, когда нашему писателю въ первый разъ представилась серьезная задача подумать объ успокоеніи матери и въ то же время необходимо было впервые серьезно взглянуть на себя и на свое будущее». За отношеніями Гоголя къ матери, рассмотрѣны отношенія его къ другимъ родственникамъ: они, по словамъ автора, оказываются также «самыми теплыми, истинно дружескими» (48); особенное расположеніе чувствовалъ Гоголь къ дядѣ своему, упомянутому выше П. П. Косыровскому (49—50). Далѣе авторъ изображаетъ школьную жизнь Гоголя въ Нѣжинѣ, куда онъ былъ опредѣленъ въ 1821 году. Тутъ источникомъ для изученія служатъ уже не письма Гоголя, въ которыхъ почти совсѣмъ не отражается это время его школьной жизни, а рассказы товарищей и наставниковъ Гоголя въ Нѣжинѣ и нѣкоторыя официальные данныя. Здѣсь въ первый разъ съ особенною силой проявляется страсть къ театру Гоголя, который принималъ самое горячее участіе въ устройствѣ небольшого гимназическаго театра въ Нѣжинѣ. Къ этому времени относится сближеніе Гоголя съ Высоцкимъ, которому г. Шенрокъ приписываетъ «нѣкоторое влияніе на образованіе нравственной личности» Гоголя: «оно (сближеніе Гоголя съ Высоцкимъ) въ значительной степени опредѣлило характеръ его отношеній къ окружающимъ, сообщило нѣвѣстный взглядъ на самого себя и на свои силы, наконецъ, на задачи будущей своей дѣятельности» (60). Вліянію Высоцкаго склоненіе приписывать авторъ и возникновеніе стремленія Гоголя уѣхать въ Петербургъ, гдѣ ему грезилась широкая и полезная общественная дѣятельность.

По окончаніи курса въ Нѣжинѣ, Гоголь въ декабрѣ 1828 года пріѣзжаетъ въ Петербургъ, въ которомъ онъ на первыхъ порахъ сильно разочаровался. Послѣдовавшія одна за другой неудачи въ присканіи Гоголемъ въ столицѣ мѣста, часто испытываемая имъ нужда даже въ самомъ необходимомъ, наконецъ, самое внутреннее броженіе, которое переживалъ въ это время Гоголь, дѣлають этотъ періодъ его жизни (почти трехлѣтній) полнымъ интереса и сообщаютъ его письмамъ къ разнымъ лицамъ особое значеніе. «Нравственное состояніе Гоголя,—по словамъ автора,—во все это время было самое неопредѣленное и неровное. Онъ постоянно переходитъ отъ надежды къ разочарованію и снова затѣмъ возвращался къ свѣтлому настроенію, не давая овладѣвать собою отчаянію» (109). Въ это же время начинается и литературная дѣятельность Гоголя.

Можно было бы кое-что пожелать труду г. Шенрока въ отношеніи полноты и цѣлостности. Авторъ, напр., входитъ въ излишнія подробности характеристики матери Гоголя и отношеній ея къ Троцинскому, не приводя этихъ подробностей въ связь съ созданіемъ и развитіемъ міросозерцанія нашего писателя, что можно бы было сократить къ выгодѣ цѣлности сочиненія, а между тѣмъ забываетъ ближе заняться изученіемъ литературной дѣятельности отца Гоголя, которая, какъ бы она ни была мала и ничтожна по своему безотносительному значенію, могла имѣть вѣроятное влияніе на складъ и образованіе литературныхъ вкусовъ сына—если не непосредственно (Гоголь довольно рано потерялъ отца), то путемъ болѣе общимъ; въ этомъ же смыслѣ далеко былъ бы не лишній хотя краткій очеркъ той наличной литературы и литературныхъ приемовъ, съ которыми могъ и долженъ былъ имѣть соприкосновеніе Гоголь-юноша въ Малороссіи, до отъѣзда въ Петербургъ. Нельзя не сочувствовать желанію автора слѣдить за развитіемъ міросозерцанія и постепеннаго духовнаго роста Гоголя, и тѣмъ болѣе нужно жалѣть,

что это не вездѣ одинаково тщательно выполнено: «Мы увѣрены,—говоритъ авторъ,—что при внимательномъ вниканіи удалось бы постепенно разъяснить почти все, что въ эту пору особенно занимало его (Гоголя) мысли». Это касается глубоко интереснаго по своему значенію въ исторіи внутренняго развитія Гоголя времени — его первыхъ годовъ пребыванія въ Петербургѣ, и напрасно г. Шенрокъ не пожелалъ исполнить такой любопытной работы.

Но, не смотря на эти немногіе указаные нами недостатки, книжка г. Шенрока чрезвычайно интересна и поучительна: она есть первый опытъ болѣе полного и подробнаго изложенія первыхъ лѣтъ жизни нашего писателя по даннымъ, представляемымъ главнымъ образомъ письмами его и его матери, и нельзя не пожелать скорѣйшаго продолженія этого вполне своевременнаго и полезнаго труда.

Е. П.

Георгъ Веберъ. Всеобщая исторія. Переводъ со втораго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Томъ четвертый. Перевелъ Андреевъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва, 1886.

Въ истекшемъ году, въ свое время мы давали отчетъ о первомъ и второмъ томахъ этого почтеннаго и полезнаго изданія. Повторять то, что было нами сказано о достоинствахъ труда маститаго историка и о замѣчательной энергіи переводчика, было бы излишне. Поэтому мы ограничимся на этотъ разъ только указаніемъ состава четвертаго тома. Онъ заключаетъ въ себѣ исторію Римской имперіи отъ Октавіана Августа до паденія Западной имперіи (главы отъ I до VII), главу о новыхъ государствахъ въ V и VI вѣкахъ и о вѣкѣ Юстиніана (стр. 636—855) и небольшую занимательную главу подъ названіемъ «Востокъ передъ возникновеніемъ ислама». Особенно рекомендуемъ вниманію читателей небольшія, но превосходно и чрезвычайно практично составленныя обзорія римской литературы и замѣчательно ясно сформулированныя отдѣлы церковной исторіи и замѣчанія о государственномъ устройствѣ имперіи; напротивъ того, часть 1-ой главы, трактующая о бытѣ германцевъ и ихъ религіи (стр. 107—154), слишкомъ коротка и не стоитъ вполне на уровнѣ науки, чтò, безъ сомнѣнія, объясняется путаницей и множествомъ не установленнаго соображеній, возникшихъ именно въ послѣднее время.

Въ короткомъ предисловіи почтенный авторъ дѣлаетъ нѣсколько очень глубокомысленныхъ замѣчаній о характерѣ изображаемой имъ эпохи и о современномъ ея изученіи. Выписываемъ одно изъ нихъ: «Исслѣдованіе нравственныхъ силъ и разъясненіе характеровъ вліятельныхъ дѣятелей особенно необходимо въ исторіи Римской имперіи, потому что въ этомъ государствѣ не было національной энергіи, оно было космополитическимъ соединеніемъ народовъ, связью между которыми служили матеріальные интересы, и войско, охранявшее имперію, состояло изъ людей всяческихъ племенъ».

Въ томъ же предисловіи авторъ говоритъ объ эпохѣ переселенія народовъ: «Одинъ изъ знаменитыхъ писателей нашего времени сдѣлалъ предметомъ своей обширной литературной и поэтической дѣятельности этотъ періодъ вторженія германскихъ племенъ въ римскія области и процессъ поселенія ихъ между романскими туземцами». Русский переводчикъ замѣчаетъ въ этомъ

словами: «Авторъ говоритъ объ ученѣмъ нѣмецкомъ драматургѣ и романистѣ Густавѣ Фрейтагѣ, написавшемъ рядъ историческихъ романовъ, имѣющихъ общее заглавіе: «Die Ahnen».

Не знаемъ, откуда такая увѣренность у г. Андреева; изъ ряда романовъ Фрейтага, изданныхъ имъ подъ заглавіемъ «die Ahnen», только первый и, пожалуй, отчасти 2-ой имѣютъ отношеніе къ переселенію народовъ и основанію государствъ; другіе же ведутъ исторію быта и нравовъ Германіи черезъ крестовые походы въ новое время. Фрейтагъ вообще не считается знаткомъ переходной эпохи, а скорѣе конца среднихъ вѣковъ, возрожденія и XVII вѣка. Мы полагаемъ, что скорѣе Веберъ имѣлъ въ виду Феликса Дана, который именно въ послѣднее время, кромѣ огромнаго труда: *Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker* (въ изд. Онкена), выпустилъ нѣсколько романовъ изъ эпохи переселенія народовъ, романовъ, имѣвшихъ большой успѣхъ въ Германіи.

Съ нетерпѣніемъ будемъ ждать продолженія труда Вебера, его «Среднихъ вѣковъ», въ хасѣ которыхъ будетъ особенно цѣнно объективно спокойное слово стараго педагога и историка.

А. Б.

Ростовское городское училище, въ первые годы своего существованія (1786—1803 г.). Историческій очеркъ А. А. Титова. Москва. 1886.

Этотъ небольшой очеркъ обязанъ своимъ появленіемъ столѣтнему юбилею ростовскаго городского училища, исполнившемуся 18-го декабря 1886 года. Ростовскій магистратъ прошлаго столѣтія неособенно сочувствовалъ открытію въ своемъ городѣ училища, потому что ярославскій приказъ общественнаго призрѣнія сталъ хлопотать объ открытіи въ городахъ своей губерніи училищъ еще въ 1778 году. Ростовской магистратъ прямо объявилъ городничему, на требованіе губернатора объ открытіи училища, что «ростовское юношество частью уже грамотно, частью же не обучено и обученія въ школахъ не желаетъ». Такимъ образомъ, только въ 1786 году ярославская губернская власть могла добиться открытія городского училища въ Ростовѣ въ которое и поступило 28 учениковъ. Первымъ учителемъ въ немъ былъ ученикъ философскаго класса ярославской семинаріи, Феодоръ Бровянской, но въ февралѣ 1787 года въ училище опредѣлился еще одинъ преподаватель, Сергѣй Петровичъ Кучеровъ, обязавшійся за 35 рублей въ годъ обучать дѣтей рисованію «и съ тѣмъ вмѣстѣ исполнять обязанности училищнаго сторожа». Бровянской оказался пьяницею. Онъ даже въ классы являлся въ нетрезвомъ видѣ. Не лучше былъ и преемникъ его Хмѣльницкій, также изъ семинаристовъ, замѣченный «въ пьянственномъ прихожденіи въ училище». Содержаніе училища обходилось очень дешево, сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ. Такъ, изъ отчета за 1798 года видно, что весь расходъ на училище составлялъ сумму въ 248 р. 70 к. Изъ нея тратилось на жалованіе учителю 80 р., на наемъ для него квартиры 51 р., на жалованье сторожу 24 р., на дрова, свѣчи, бумагу и проч. 43 р. 70 к., на покупку книгъ 50 р.

Г. Титовъ обѣщаетъ написать современемъ болѣе подробную исторію городского училища въ Ростовѣ по архиву думы этого города. Такимъ трудомъ онъ восполнитъ рядъ своихъ изданій, касающихся до исторіи, статистики и археологій его роднаго края.

П. У.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Исторія русской литературы въ 1886 году. — Новый журналъ, проповѣдующій сближеніе Франціи съ Россією. — Французскіе и англійскіе переводы Достоевскаго. — Исторія византійскаго искусства. — Исторія Греціи Менара. — Письма дѣвицы Леспинасъ, открытыя Шарлемъ Ганри. — Римъ при Траянѣ. — Дорія и Варбарусса. — Критическіе этюды революціи и нашего времени. — Исторія цивилизаціи. — Добруджа. — Колоніальныя письма Поля Бера. — Нѣмецкая исторія Греціи. — Новый Альбасъ. — Первобытный бракъ. — Индія для индусовъ и для Англии.

ПЕРВЫЙ нумеръ «Athenaen»'а, критическаго журнала англійской и иностранной литературы, наукъ и искусствъ, содержитъ въ себѣ обычное обозрѣніе литературы европейскихъ странъ, въ 1886 году: Бельгіи, Чехіи, Даниі, Франціи, Германіи, Греціи, Голландіи, Венгріи, Италиі, Норвегіи, Польши, Испаніи, Швеціи и Россіи. Всѣ эти четырнадцать очерковъ написаны специалистами. Статья о Россіи составлена г. Николаемъ Стороженко, отдававшимъ отчетъ о русской литературѣ и въ 1885 году (см. Историч. Вѣстникъ, т. XXIII, стр. 481). Авторъ начинаетъ замѣчаніемъ, что прошлый годъ останется памятнымъ въ литературѣ своими пріобрѣтеніями и потерями. Къ погибшимъ дѣятелямъ 1886 года причисляются ученые и писатели: Аксаковъ, Бутлеровъ, Островскій, Усовъ, Коломнинъ, Лавровскій и Никитскій. Называя всѣхъ ихъ гордостью литературы и науки, авторъ особенно отзывается объ Аксаковѣ и Островскомъ. Первый называется «Баярдомъ русской печати». «Онъ былъ одинъ изъ немногихъ имѣвшихъ мужество отстаивать свои убѣжденія и сохранять, какъ священный огонь, независимость своихъ мнѣній, не дѣлая никакихъ уступокъ господствующему духу времени. Его взгляды далеко не раздѣлялись большинствомъ, но всѣ признавали ихъ искренность, твердость и безкорыстіе. Въ важнѣйшія минуты политической жизни своего отечества его честный голосъ воспламенялъ сердца слушателей и увлекалъ ихъ за собою. По его призыву двинулись въ Сербію

добровольцы, и онъ первый возсталъ съ негодованіемъ противъ берлинскаго трактата». Съ нимъ умерла партія славянофиловъ, оказавшая большую услугу Россіи, не смотря на всё свои увлеченія, обративъ вниманіе на нужды и идеалы русскаго народа. Онъ стоитъ высоко и какъ поэтъ, хотя въ стихахъ его взглядъ на жизнь строгъ и мраченъ. Не менѣе тяжела и смерть Островскаго, главная заслуга котораго состоитъ въ изгнаніи съ русской сцены французской мелодрамы и замѣны ея національною комедіей. Грибоѣдовъ вывелъ на сцену высшее общество временъ Александра I, Гоголь—официальную Россію временъ Николая I, Островскій—купеческое и среднее сословіе. Типы, выводимые Островскимъ, до того вѣрны дѣйствительности жизни, что будутъ служить историческимъ документомъ для потомства. Литературный герой 1886 года—графъ Левъ Толстой. Десять лѣтъ не писавъ почти ничего, онъ издалъ философско-богословскій трактатъ «Въ чемъ моя вѣра», возбудившій большую сенсацію въ Европѣ и не обнаруженный въ Россіи. На обвиненія въ томъ, что онъ не въ силахъ болѣе создать чисто литературныя произведенія, онъ отвѣчалъ удивительною «Смертью Ивана Ильича». Въ сравненіи съ этою жизненною трагикомедіей, «выше которой нѣтъ ничего въ русской литературѣ», народныя сказки Л. Толстого, которыми восхищаются его поклонники, кажутся блѣдны и слабы. Единственное достоинство ихъ—оригинальный, чисто народный языкъ. Щедринъ, оправившись отъ тяжелой и опасной болѣзни, явился тѣмъ же великимъ сатирикомъ и въ своихъ «Сказкахъ», между которыми «Крамольниковъ» произвелъ сильное впечатлѣніе картиною печальной судьбы писателя, осмѣливающагося идти противъ правительственныхъ мнѣній. Затѣмъ слѣдуютъ похвалы новымъ рассказамъ г. Короленко «Лѣсная легенда» и «Сонъ Макара», но вышедшій въ прошломъ году романъ Муравлина «Мракъ» не расхваливается уже такъ, какъ прежнія произведенія того же автора. Упоминается о средне-вѣковой легендѣ «Гордый царь» г. Гаршина, романахъ «Безъ любви» Ольги Шапиръ и «Сожженная Москва» г. Данилевскаго. Перечисляются всѣ современные поэты, издавшіе томы своихъ стихотвореній, во главѣ которыхъ поставлена «Геосиманская ночь» г. Минскаго, содержаніе которой рассказано по рукописи. Изъ драматическихъ произведеній не названо ни одно. Изъ ученыхъ книгъ перечислено нѣсколько историческихъ и богословскихъ сочиненій гг. Остроумова, Плотникова, Голубева, Кедрова и по русской исторіи гг. Павлова, Молчановскаго, Цвѣткова, Масловскаго, Гольцева, Дубровина, Потто, Ровинскаго, гр. Ивана Толстого, Всеволода Миллера, Кондакова, Ядринцева. По исторіи литературы отмѣчены изслѣдованія былины кievскаго цикла, г. Галанскаго, доказывающаго, что былины, прославляющія князя Владимира, написаны на сѣверѣ Россіи въ XIV и XV вѣкѣхъ и что Москва была также «собирающей» русскихъ былины, какъ Русскаго царства. Профессоръ Тихонравовъ воспроизвелъ подлинный текстъ «Ревнора», г. Межовъ составилъ «Pushkiniana». Г. Страховъ издалъ сборникъ статей о Тургеневѣ, въ которыхъ ставитъ этого писателя ниже Достоевскаго. О послѣднемъ г. Зелинскій составилъ сводъ критическихъ отзывовъ. Расхваливается г. Орестъ Миллеръ за «чарующій слогъ» его книги «Русскіе писатели послѣ Гоголя» (Гончаровъ, Писемскій, Щедринъ, гр. Л. Толстой). Упоминается и о трудахъ по европейской литературѣ гг. Вуслаева, Кирпичникова, Карѣва, Веселовскаго; по философіи: кievскаго профессора Кошлова, «весьма не популярнаго за свои метафизическіе взгляды»; г. Троицкаго, безпристрастно

изложившаго ученіе Милля, Бена, Седжвика; г. де-Роберти, талантливаго русскаго позитивиста; г. Лессевича, также даровитаго реалиста, наконецъ спиритуалистаъ Грота и Лопатина. По законодательству отмѣнены труды: г. Ковалевскаго объ осетинахъ, Градовскаго — о конституціяхъ Западной Европы, Ладыженскаго — о тарифѣ, Лебедева — о налогахъ, Чупрова, Янжула, Муромцева; по всемірной исторіи — изслѣдованія гг. Бауера, Осокина, Аландскаго, Виноградова. Всѣ эти отзывы — похвальные, но изъ нихъ англійскій читатель врядъ ли можетъ составить себѣ какое нибудь понятіе о значеніи писателей и ихъ трудовъ. Одни заголовки книгъ и собственныя имена ровно ничего не объясняютъ. Если для исторіи русской литературы журналъ не могъ дать болѣе восьми столбцовъ, то слѣдовало назвать только самыя выдающіяся произведенія, но непременно съ оцѣнкою ихъ значенія. Голая номенклатура именъ и книгъ здѣсь ровно ни къ чему не послужитъ. Ныѣшній очеркъ г. Стороженко не изобилуетъ, впрочемъ, такими промахами, какіе намъ пришлось отмѣтить въ прошломъ году, при обзорѣ его же исторіи 1885 года.

— Въ Парижѣ появилось новое періодическое изданіе, задуманное съ цѣлью сближенія Франціи съ Россією. Называется оно «Московскою Корреспонденціею» («Correspondance Moscovite»), хотя, право, пора бы французамъ перестать называть насъ «московитами». То, что было понятно въ XVII и XVIII столѣтіи, теперь уже дѣлается бросающимся въ глаза анахронизмомъ. Повидимому, изданіе будетъ посвящено преимущественно вопросамъ, имѣющимъ международное значеніе. Кромѣ первой статьи о пользѣ и необходимости болѣе близкихъ сношеній между двумя великими державами, всегда симпатично относившимися другъ къ другу, не смотря на возникавшія между ними войны, главныя статьи журнала посвящены: болгарскому вопросу, положенію русской биржи и желѣзной дорогѣ черезъ Сибирь и Центральную Азію къ Тихому океану. Особенное международное значеніе приписывается этой дорогѣ, и проектировавшій ее генералъ Богдановичъ сравнивается съ Лесепсомъ. Авторъ статьи вспоминаетъ о пребываніи г. Богдановича въ Парижѣ въ 1875 году на географическомъ конгрессѣ, гдѣ онъ вынесъ свой проектъ, имѣющій «огромное значеніе и для Франціи въ виду ея насущныхъ интересовъ на крайнемъ Востокѣ». Последнее мнѣніе нѣсколько преувеличено, такъ какъ, даже признавъ существованіе особыхъ французскихъ интересовъ на Востокѣ, нельзя признать, чтобы ближайшій путь туда лежалъ черезъ всю Европу и всю Россію, европейскую и азіатскую. Свойственное французамъ увлеченіе проглядываетъ и въ другихъ строкахъ журнала, но онъ, вѣстакъ, можетъ содѣйствовать тѣснѣйшему сближенію двухъ націй, весьма желательному не только въ виду экономическихъ, но и политическихъ отношеній, обуславливаемыхъ явною враждебностью къ намъ германской и англо-саксонской расы.

— Достоевскаго принялись переводить не только французы, но и англичане. Въ Парижѣ вышло два перевода: *Les possédés (Bési)* Виктора Дерель (2 тома) и *L'esprit souterrain*, неизвѣстнаго переводчика. Французская критика говоритъ, что трудно дочитать до конца это прозаическое большое, разстроеннаго воображенія. «Подъ именемъ чертей (*bési, les diables*) авторъ изобразилъ нигилистовъ, но говоритъ только объ ихъ психическомъ состояніи, о настроеніи ихъ душъ, а не объ ихъ организаціи, дѣлахъ и средствахъ къ переустройству общества». Всѣ восемь героев романа, проповѣдающіе въ

маленькомъ провинціальномъ городѣ убійства, пожары и скандалы, «просто помѣшанные, которыхъ надо связать». Немногимъ умѣе ихъ и остальные жители городка, «не исключая и правительственныхъ чиновниковъ». Критикъ называетъ ихъ всѣхъ мономанами и изумляется, какъ могъ талантливый авторъ написать такое произведеніе, всетаки, увлекающее читателя, не смотря на всѣ странности и несообразности. Въ Лондонѣ Вышау перевелъ «Униженные и оскорбленные» (*Injury and insult*). Характеры дѣствующихъ лицъ этого романа, по мнѣнію англійской критики, выше типовъ, выведенныхъ въ «Преступленіи и наказаніи». Недостатки романа—слишкомъ подробный и мелкій анализъ самыхъ незначительныхъ душевныхъ движеній. Постоянно мрачный колоритъ, лежащій на всѣхъ произведеніяхъ автора, оставляетъ самое тяжелое впечатлѣніе. Напрасно только рецензентъ журнала «Academy» утверждаетъ, что русская критика ставитъ Достоевскаго выше Л. Толстого и Тургенева.

— Въ изданіи «Международная библиотека искусства» вышла «Исторія византійскаго искусства» (*Histoire de l'art byzantin*) г. Кондакова, переведенная Травинскимъ, съ предисловіемъ Шпрингера, профессора Лейпцигскаго университета. Этотъ трудъ одесскаго профессора важенъ и для Европы, какъ объясняющій происхожденіе современнаго искусства. Русскій профессоръ проредактировалъ французскій переводъ своего труда. Нѣмцы, въ свою очередь, очень интересуются рѣшеніемъ вопроса, занимающаго ученыхъ и художниковъ по этому предмету. Одни говорятъ: византійская школа олицетворяетъ самый глубокой упадокъ творческой силы; она представляетъ застой художественной фантазіи; въ ней нѣтъ жизни, и потому она неспособна идти впередъ и улучшаться. Другіе говорятъ, что византійское искусство преобладало въ Европѣ отъ VI до XIV вѣка, и всѣ улучшения въ искусствѣ введены также византійцами. Первое мнѣніе приравниваетъ Византію къ Египту, превратившемуся съ колыбели въ мумію. Второе—отнимаетъ всякій починъ у западнаго искусства, имѣющаго свои самостоятельныя, оригинальныя стороны. Истина находится между этими двумя крайними мыслями. Г. Кондаковъ изслѣдуетъ византійское искусство по его источникамъ, по рукописямъ Ватикана, Вѣны и Парижа. Въ выпущенной нынѣ первой части этотъ почтенный трудъ доведенъ только до конца IX вѣка.

— Исторіи Греціи въ литературѣ множество, но докторъ словесности Луи Менаръ взглянулъ на этотъ предметъ съ особой точки зрѣнія. Его «*Histoire des grecs*» основана на дошедшихъ до насъ памятникахъ греческаго искусства и заключаетъ въ себѣ исторію не только политики, но религіи, искусства, литературы и быта древнихъ эллиновъ. Два тома его книги наполнены снимками со всего, что Греція оставила въ наслѣдіе нашему времени. Авторъ начинается съ исторіи греческихъ боговъ и героевъ. Въ греческой мифологіи онъ видитъ символизмъ, поклоненіе свѣту, солнцу, какъ элементу, которому поклонялись предки эллиновъ—пеласгическая отрасль индійскихъ ариевъ, обожателей «дивовъ» (*div*—блистать, сіять). Въ побѣдѣ Зевса надъ титанами видна побѣда свѣта надъ хаосомъ, начала мира и тишины надъ стихійными бурями. Храмъ Зевса Додонскаго имѣлъ чисто физическій характеръ. Чтобы узнать атмосферныя перемѣны, обращались къ пророческимъ дубамъ: Богъ отвѣчалъ шелестомъ листьевъ, движимыхъ вѣтромъ. Додонскій оракулъ былъ просто метеорологическою обсерваторіею, вѣще дубы—барометрами. Зевсъ олицетворялъ въ одно время и свѣтлый вѣтеръ, и высшую спра-

ведливость, распространяющуюся на весь міръ, и благость, оваряющую его какъ солнечные лучи. Дочь Зевса, Афина, была представительница высшаго разума, происходящаго отъ высшей правды. Герои-полубоги были вѣдомо, соединившимъ небо съ землею. Всѣ выдающіеся люди были божественнаго происхожденія: не даромъ Зевсъ соединялся со смертными женщинами. Земныя страсти богамъ придали поэты. Въ міеологіи небо, земля, волны, вѣтры, свѣтила имѣютъ свою волю, свои чувства, какъ и люди. Философы, какъ Ксенофанъ, протестовали противъ этихъ поэтическихъ вымысловъ. Но въ религіи грековъ не было никакого догматическаго авторитета. Каждый могъ свободно принимать или отвергать легенды о богахъ. Не было никакого символа вѣры, обязательнаго для всѣхъ, ни особаго сословія, чтобы учить вѣрить, не было церкви; жрецы были простыми исполнителями священныхъ обрядовъ, а не толкователями ихъ. Эллинизмъ былъ единственною религіею безъ духовенства. Оракулы не считались непогрѣшимыми, въ нихъ вѣрили, какъ въ медицину, но признавали, что и боги, и медики могутъ ошибаться. «Шеюя-то филиппствуетъ»,—говорилъ Демосеенъ, когда пророчица склоняла городъ покориться царю македонскому. Всѣ легенды о герояхъ—арійскаго происхожденія, источники ихъ въ Риг-Ведѣ. Менаръ не согласенъ съ Максомъ Мюллеромъ, Ренаномъ, Компаретти и др., приписывавшими легендѣ Эдипа туранское происхожденіе. Таинства не были для грековъ догматами непостижимыми для ума и принимаемыми на вѣру. Такое понятіе несвойственно греческому политезму. Герофанты Элевзинскихъ таинствъ были просто хранителями священныхъ предметовъ, о которыхъ они рассказывали мѣстныя легенды. Напрасно нѣкоторые историки сравнивали древнюю Грецію съ феодальною Европою: у эллиновъ не было наследственнаго дворянства. Средневѣковые бароны презирали трудъ, и ни одинъ изъ нихъ не рѣшился бы самъ жарить себѣ на завтракъ барана, какъ Анхллесъ, или сколачивать для себя мебель, какъ Одисей. Всѣ общественныя должности въ греческомъ городѣ были безвозмездны. Грековъ погубило то, что ихъ государства были разъединены и враждовали между собою, ведя споръ о гегемоніи. Александра Македонскаго Менаръ считаетъ не грекомъ, а дикаремъ, усвоившимъ себѣ греческій языкъ и греческіе обычаи, но не усвоившимъ почти ничего изъ уроковъ своего наставника Аристотеля. Философовъ авторъ не любитъ: ни одинъ изъ нихъ не защищалъ принциповъ ни политической, ни религіозной свободы Греціи, не былъ демократомъ. Упадокъ политезма и повелъ за собою паденіе греческой цивилизаціи. Вообще въ книгѣ Менара столько новыхъ взглядовъ, что ознакомиться съ нею необходимо всякому историку.

— Французы усердно занимаются изученіемъ своихъ выдающихся дѣятелей и собираютъ вездѣ матеріалы, служащіе къ изученію ихъ личности. О другѣ Даламбера—дѣвицѣ Леспинасъ, писавшей прекрасныя письма и остроумныя очерки, казалось уже все высказано критикою. Немногія, оставшіяся послѣ нея статьи изданы уже въ 1820 году. Но теперь г. Шарль Гаври нашелъ и опубликовалъ неизвѣстныя письма ея къ Кондорсе, Даламберу и другимъ лицамъ (*Lettres inédites de mademoiselle de Lespinasse à Condorcet, à d'Alambert, à Guibert, au comte de Grillon, publiées avec des lettres de ses amis, des documents nouveaux et une étude par Charles Henry*). Авторъ говоритъ, что Леспинасъ была вся—любовь и дружба. Любовь ея къ Даламберу извѣстна. Въ издаваемыхъ теперь письмахъ видна вся ея дружба. Документы, приложенные къ письмамъ и этюду, объясняютъ

также многія стороны тогдашняго общества, вліяніе Руссо, рѣшаютъ спорные вопросы о нѣкоторыхъ произведеніяхъ Кондорсе и Даламбера, однимъ словомъ содержатъ весьма много интереснаго не для однихъ французовъ. Авторъ этихъ книгъ—молодой ученый, начавшій писать всего десять лѣтъ тому назадъ. Первые труды его касались математическихъ наукъ, потомъ онъ собралъ и изслѣдовалъ неизданные документы, относящіеся къ Галилею, Торичелли, Кошену, Кастелли, Гюйгенсу, Тюрго, Вольтеру, Дидро, Ватто и др. Вездѣ, какъ и въ этой книгѣ, авторъ относится чрезвычайно добросовѣстно къ изслѣдуемому предмету и сообщаетъ много любопытнаго.

— Года три тому назадъ, Морисъ Пеллисонъ издалъ замѣчательный этюдъ: «Римляне во время Плинія Младшаго», представлявшій картину частной жизни римскихъ гражданъ въ эту кульминаціонную эпоху имперіи. Теперь, какъ дополненіе изслѣдованій, явился «Римъ при Траянѣ» (*Rome sous Trajan*) того же автора. Здѣсь—картина политики, администраціи, религіи, наукъ и искусствъ этой эпохи. Знакомство съ этими двумя книгами даетъ полное понятіе объ одномъ изъ важнѣйшихъ періодовъ исторіи древняго Рима. Къ сожалѣнію, авторъ подробно изслѣдуя все, что рисуетъ жизнь и цивилизацію того времени, не представляетъ общихъ выводовъ, не высказываетъ своихъ или чужихъ взглядовъ на эпоху. Однихъ фактовъ, безъ оцѣнки ихъ значенія, недостаточно для того, чтобы составить вѣрное сужденіе о духѣ и требованіяхъ вѣка, описываемаго авторомъ.

— Маститый адмиралъ, бывшій морской министръ въ управленіе консерваторовъ и монархистовъ, Жюрьеъ де-ла-Гравьеръ, издалъ уже нѣсколько сочиненій о морскомъ дѣлѣ въ Греціи и Римѣ. Теперь, въ своей новой книгѣ «Дорія и Варбарусса» (*Doria et Varbergousse*), онъ изслѣдуетъ одну изъ любопытныхъ эпохъ средней исторіи, съ точки зрѣнія моряковъ. Личности, изображаемыя авторомъ, олицетворяютъ собою борьбу христіанства съ магометанствомъ на морѣ, возбуждавшую сильныя опасенія въ Европѣ того времени. Нѣсколько разъ западная цивилизація готова была пасть подъ ударами сильнаго врага. Храбрый дожъ Венеціи былъ ея защитникомъ, но сладить съ такимъ противникомъ какъ Варбарусса было нелегко, и авторъ, оцѣнивая историческія заслуги Доріа, отдаетъ полную справедливость и алжирскому дѣю, адмиралу Солимана II, не разъ разбивавшему флотъ христіанъ.

— Профессоръ исторіи Дебидуръ издалъ «Критическіе этюды о революціи, имперіи и современномъ періодѣ» (*Etudes critiques sur la révolution, l'empire et la période contemporaine*). Это сборникъ скорѣе политическихъ, чѣмъ историческихъ очерковъ, написанныхъ горячо, но безъ должнаго спокойствія, присущаго серьезному историку. Факты, сообщенные авторомъ, вѣрны, но оцѣнка ихъ часто ложная и пристрастная. Во всѣхъ очеркахъ проходитъ одна господствующая мысль—ненависть ко всѣмъ монархамъ, царствовавшимъ во Франціи, не исключая Людовика XVI. Противъ нихъ повторяются безъ всякой критики всѣ обвиненія за направленіе ихъ политики и за ихъ частную жизнь. Нечего говорить, что Наполеонъ I называется не иначе какъ «ловѣщимъ кондотьеромъ», авантюристомъ, безъ чести и совѣсти, вліяніе котораго на французскую армию было пагубно въ высшей степени» и т. п. Луд-Филиппъ носитъ кличку «ложнаго добрака» и пр. Понятно, что всѣ такіа клички и бранные эпитеты—не дѣло серьезной исторіи.

— Докторъ словесныхъ наукъ Сеньобо издалъ второй томъ «Исторіи цивилизаціи» (*Histoire de la civilisation par Ch. de Seignobos*). Первый

вышелъ еще въ 1885 году. Не задаваясь отвлеченными вопросами, относящимися къ философіи и исторіи, утверждающей, что цивилизаціей руководитъ Богъ—по Восхоѣту, Гизо и католической школѣ, или человекъ—по Эмерсону, Боклю и другимъ писателямъ, видящимъ въ эволюціи человѣческаго организма законъ развитія, какъ неизбежное слѣдствіе, авторъ налагаетъ только факты этого развитія, не касаясь мнѣній философовъ объ этомъ предметѣ. Это не исторія народовъ или государствъ и ихъ борьбы между собою, а исторія человека и его борьбы со страстями, волею и интеллигенціею другихъ людей. Сеньобо изслѣдуетъ отношенія человека къ природѣ, къ своимъ ближнимъ, къ нравамъ, наукамъ и искусствамъ, изображаетъ цивилизацію Ассиріи, Египта, Греціи, Италіи, эпохи Карла Великаго, Фридриха V. Онъ воскрешаетъ частную жизнь поколѣній, сошедшихъ съ арены исторіи. Книга читается съ большимъ интересомъ, хотя факты въ ней не оцѣниваются, а только группируются.

— Профессоръ сельскаго хозяйства въ Бухарестѣ издалъ описаніе Добруджи въ экономическомъ и социальномъ отношеніи (*La Dobroudja économique et sociale: son passé, son présent et son avenir*). Бывшая часть древней Фракіи, куда былъ сосланъ Августомъ пѣвецъ любви и «Метаморфозъ» Овидій, въ болотистую дельту Дуная, съ первыхъ годовъ христіанской эры, не многимъ улучшилась въ культурномъ отношеніи. Ея населеніе, составленное изъ десятка разнородныхъ племенъ: турокъ, татаръ, румынъ, болгаръ, грековъ, армянъ, евреевъ, цыганъ, русскихъ и арабовъ, очень бѣдно и не превышаетъ 160,000 (по другимъ источникамъ, даже только 115,000). Уступленная Румыніи, въ обмѣнъ на клочокъ Бессарабіи, возвращенной Россіи по берлинскому трактату, Добруджа немного выиграла отъ перемѣны своихъ властителей, въ чемъ сознается и бухарестскій авторъ, составившій самое подробное описаніе этой страны, гдѣ «сельское хозяйство не можетъ развиваться по недостатку рабочихъ рукъ». Въ этомъ, конечно, не виновато управленіе метрополи, но оно могло бы, по крайней мѣрѣ, содѣйствовать развитію экономическихъ силъ страны улучшеніемъ путей сообщенія, открытіемъ гаваней, поощреніемъ колонизаціи края. Всѣмъ этимъ правительство Румыніи, однако, вовсе не занимается, занятое глубокими политическими планами о распространеніи своего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ и противодѣйствіи «сѣверному колоссу, спасенному своими храбрыми союзниками въ войну 1877 года», какъ увѣряютъ румынскіе патріоты, и вознаградившему ихъ за это спасеніе начтожной Добруджей, когда имъ слѣдовало отдать всю Бессарабію.

— По смерти одного изъ лучшихъ людей Франціи—Поля Бера, бывшаго министра народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Гамбетты, ученаго, извѣстнаго своими блестящими открытіями въ естественныхъ наукахъ (его «Зоологія» переведена и на русскій языкъ), намѣстника Франціи въ Тонкинѣ, поглотившаго тамъ жертвою убійственнаго климата, изданы его письма о другой французской колоніи, Алжиріи (*Lettres de Kabylie; la politique algérienne*). Страну эту Беръ посѣтилъ въ апрѣлѣ и маѣ 1885 года, и обнародованныя теперь его письма о значеніи колоніальной политики Франціи и направленіи, которому должны слѣдовать административныя усилія, послужили отчасти къ тому, чтобы поручить ему гражданское управленіе Тонкиномъ. Беръ признаетъ, что Алжирія должна имѣть для Франціи то же значеніе, какое имѣлъ Египетъ для римлянъ, и доказываетъ это въ своихъ письмахъ, имѣющихъ не только политическое, но и литературное значеніе.

— Греческую исторію (*Griechische Geschichte*) издалъ и д-ръ Адольфъ Гольцъ, но она составлена совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ исторія Менара. Трудъ нѣмецкаго историка распредѣленъ на четыре тома и обнимаетъ всю исторію Греціи до нашего времени. Теперь исторія доведена до конца VI вѣка до Р. X. Въ главныхъ своихъ выводахъ авторъ слѣдуетъ Курціусу, хотя и допускаетъ меньше гипотезъ, чѣмъ этотъ историкъ. Гомерическая эпоха и возростаніе эллинской культуры въ азіатскихъ колоніяхъ изложены авторомъ съ особенною подробностью, также какъ развитіе могущества Спарты. Переходъ отдѣльныхъ греческихъ колѣнъ къ государственному устройству, владычество тирановъ, распространеніе колоній въ Европѣ, значеніе Аѣнъ въ культурной жизни Греціи—все это изложено на основаніи послѣднихъ выводовъ науки.

— Августъ Штѣберъ издалъ большой томъ о «Новой Альзации, съ описаніемъ страны, ея исторіи, нравовъ и законовъ» (*Neue Elsatia, Beiträge zur Landeskunde, Geschichte, Sitten- und Rechtskunde des Elsasses*). Это—самая полная картина прошлаго и настоящаго положенія страны, нѣсомнѣнно нѣмецкой, но еще несомнѣннѣе отвергающей всякую родственную связь со своимъ племенемъ и употребляющей всѣ усилія, чтобы снова принадлежать Франціи, владѣвшей ею болѣе двухсотъ лѣтъ. Исторія Альзаса яснѣе всего доказываетъ, что культурныя вліянія для человѣка важнѣе племенныхъ, и что въ наше время народами и странами нельзя распоразаться по произволу завоевателей.

— «Этюды древней исторіи. Первобытный бракъ». Этотъ послѣдній трудъ наследователя древности Джона Фергюссона Макленана (*Studies in Ancient History. Primitive Marriage*) вышелъ въ свѣтъ незадолго до смерти автора. Это капитальное сочиненіе—послѣднее ученое слово о той интересной части ранней исторіи человечества, которая дала живнѣ слѣдующимъ стадіямъ общества. Какая масса источниковъ была подъ руками историка, свидѣтельствуетъ огромное количество указаній почти подъ каждой страницей и обширныя приложенія къ этимъ указаніямъ. Въ нихъ русскій читатель найдетъ и ссылки на древніе брачныя обычаи нашихъ киргизовъ, калмыковъ, татаръ, черкесовъ и запорожскихъ казаковъ. Главнѣйшіе выводы, къ которымъ приходитъ ученый, во многомъ противорѣчатъ обычнымъ воззрѣніямъ авторитетныхъ историковъ. Первое его положеніе таково: первоначальная идея о родствѣ понимала родство лишь черезъ мать, дигнируя отца. Мѣнь, какъ извѣстно, выставлялъ положеніе совершенно противоположное, но Макленанъ доказываетъ свой тезисъ обиліемъ фактовъ и убѣждаетъ, что Мѣнь, посвятившій себя изысканію о формахъ патріархальнаго быта, былъ введенъ въ заблужденіе и сдѣлалъ свой неосновательный выводъ лишь по аналогіи съ установившимся уже бытомъ. Далѣе Макленанъ, устанавливая фактъ, что полиандрія существовала въ древности у многихъ племенъ, какъ существуетъ и понынѣ у нѣкоторыхъ дикихъ, совершенно отрицаетъ увѣреніе Леббока о коммунальномъ бракѣ, гдѣ всѣ члены трибы были общіе мужья и общія жены. Авторъ подробно останавливается на всѣхъ источникахъ, на которые ссылался Леббокъ, и безъ малѣйшей натяжки опровергаетъ выводы знаменитаго ученаго и доказываетъ, что «коммунальные браки» никогда не существовали... Отмѣтимъ въ этой книги фактъ, не безынтересный для русскаго читателя: древній обычай увоза невѣсты сохранился въ одинаковомъ видѣ у черкесовъ русскаго Кавказа и въ англійскомъ

графствѣ Валлисъ, гдѣ свадьба среди простонародья до сихъ поръ совершается слѣдующимъ образомъ: женихъ и друзья его верхомъ прѣѣзжаютъ къ дому невѣсты и требуютъ ея выдачи; друзья невѣсты отвѣчаютъ рѣшительнымъ отказомъ; лошади ваготовлены заранѣе, невѣста и друзья ея вскакиваютъ на коней и мчатся съ гикомъ и крикомъ; женихъ съ своими друзьями тоже съ шумомъ догоняетъ ихъ и беретъ невѣсту въ плѣнъ, точъ въ точъ какъ у черкесовъ и ногайскихъ татаръ...

— Изъ огромнаго числа англійскихъ изданій, посвященныхъ Индіи, книга Дигби «Индія для индусовъ и для Англии» (India for the Indians and for England) справедливо пользуется репутаціей самаго безпристрастнаго и правдиваго описанія. Авторъ ея былъ чиновникомъ индійской администраціи въ голодные годы 1876—1878 и, покинувъ Индію, не переставалъ интересоваться ея печальной судьбой, знакома соотечественникамъ съ обратной стороны медали обладанія Индіей. Прежнія сочиненія Дигби объ Индіи доставили автору ихъ почетную извѣстность и создали въ Англии пѣлую школу «дигбистовъ». Принципы этой школы являются и въ новомъ сочиненіи. Почувительные факты доказываютъ въ концѣ концовъ, что англичане совершенно не умѣютъ управлять Индіей, что стремленіе ихъ пересадить европейскую цивилизацію на старинную почву береговъ Инда и Ганга производитъ лишь развореніе и смерть и, наконецъ, что туземные князья, нѣкогда бывшіе олицетвореніемъ дикаго тиранства, теперь уже успѣли превзойти англичанъ въ искусствѣ управленія народомъ. Всего нагляднѣе преимущество туземныхъ владѣтелей и слабая сторона британской власти сказались въ исторіи частыхъ и гибельныхъ неурожаявъ въ Индіи. Въ эти страшные годы множество англичанъ добровольно и на казенный счетъ ѣхали въ Индію исключительно съ благотворительной цѣлью. Гордые британцы, сидя въ Англии, въ огромномъ большинствѣ убѣждены, что индійцы голодаютъ по глупости и что стоитъ придать Индіи нѣсколько умныхъ англійскихъ головъ и добрыхъ англійскихъ сердецъ, голодъ тотчасъ потеряетъ всю силу. Чиновническая система управленія Индіей, разумѣется, по всесвѣтному обычаю, чрезвычайно щедра на прогоны и командировки. Такимъ образомъ, въ каждомъ голодающемъ округѣ всегда собиралась масса англичанъ—спасителей. Большая половина ихъ искренне желала туземцамъ добра и работала неутомимо во имя этого добра. Но англичане привыкли звать бѣднымъ того, кто ровно ничего не имѣетъ, и потому даже негодовали на индійцевъ—владѣльцевъ трехъ-пяти десятинъ, обращававшихся за пособіемъ. «У васъ есть имущество,—говорили имъ англичане:—и потому вы не имѣете права на общественную помощь... Идите, продайте вашу землю, вашъ скотъ и домъ. Если сумма, вырученная отъ продажи, не спасетъ васъ отъ голода, тогда, надержавъ эту сумму до конца, приходите вновь!» Для англичанъ, у которыхъ вся земля принадлежитъ нѣсколькимъ тысячамъ титулованнаго барства, землевладѣніе естественно кажется роскошью, а обезземеленіе индійскаго крестьянства не могло казаться преступленіемъ. Индійцы поневолѣ исполняли совѣтъ, продавали за десятую часть цѣны землю и скотъ, проѣдали деньги и обращались цѣлыми семьями въ сословіе вѣчнаго пролетаріата. За то росло ростовщичество, превратившееся нынѣ въ крупное туземное землевладѣльчество, считающее уже и 60 тысячъ акровъ (20 тысячъ десятинъ) только среднимъ помѣстьемъ. Англійскій судъ надъ уроженцами также вноситъ въ эту несчастную землю опустошеніе, нищету и безнравственность. Основываясь на строгой форма-

листикъ римскаго права, отдавая по европейскому обычаю всё прерогативы первенства письменному акту надъ истиннымъ значеніемъ договора и моральною его, британскій судъ даруетъ всё блага и барыши бессовѣстнымъ мошенникамъ, которые, пользуясь патриархальной наивностью и безграмотностью народа, обдираютъ его штрафами, неустойками и вкладными. Такимъ образомъ, вся новѣйшая исторія Индіи, по удостовѣренію Дигби, состоитъ изъ беспощадной ломки туземнаго быта, туземныхъ преданій и обычаевъ. Англійское чиновничество управляетъ 195 милліонами туземцевъ, вассалы — 55 милліонами. Правители послѣднихъ всё безъ исключенія туземцы, учившіеся въ англійско-индійскихъ высшихъ школахъ и не потерявшіе связи съ родной землей. Они берегутъ свое родное, исторически выросшее мелкое землевладѣніе, какъ основу строя туземнаго государства. Дигби приводитъ поразительные факты и цифры сравнительныхъ результатовъ управленія, какъ, напр., точную справку, что земля одинаковаго качества въ вассальной Индіи даетъ на 550% болѣе дохода, чѣмъ въ Индіи чиновнической. Сравнительная таблица смертей отъ голода еще поучительнѣе. Итогъ этой таблицы — двѣнадцать милліоновъ семьсотъ тысячъ голодныхъ смертей за одно XIX столѣтіе; но люди умирали крайне неравномѣрно: въ британской чиновнической Индіи — одинъ изъ четырехъ и шести, а въ Индіи вассальной — только одинъ изъ 12 и одинъ изъ 27. За то администрація въ первой стоитъ до 30% дохода, а въ послѣдней лишь 15—16 процентовъ...

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Подарокъ императора Николая Пушкину.

В ДѢЛАХЪ архива кабинета его величества сохранилось не лишенное интереса письмо шефа жандармовъ графа А. Х. Бенкендорфа къ министру императорскаго двора, князю П. М. Волконскому, отъ 11-го февраля 1832 года, въ которомъ графъ Бенкендорфъ просилъ министра отпустить подъ росписку посланнаго чиновника 560 руб. ассигнаціями «на покупку одного экземпляра Полнаго Собранія Законовъ Россійской имперіи, назначеннаго его императорскимъ величествомъ въ подарокъ мѣлѣстному сочинителю Александру Пушкину».

На письмѣ Бенкендорфа сдѣлана пометка, что требуемая сумма выдана того же числа подъ росписку присланному чиновнику.

Сообщено Г. Есикомыиъ.

Манифестъ польскаго шляхтича.

Прилагаю здѣсь копию находящагося въ моихъ рукахъ подлиннаго документа эпохи, предшествовавшей непосредственно первому раздѣлу Польши, именно въ 1769 году.

Документъ этотъ интересенъ по формѣ и содержанию, хотя касается незначительнаго предмета, отвода участка земли подъ постройку дома въ ничтожномъ тогда и теперь мѣстечкѣ, расположенномъ недалеко отъ Варшавы, въ 2—3 часахъ разстоянія отъ послѣдней. Все въ немъ раздуто до смѣшнаго и ходульно для нашего времени: и значеніе выдаваемаго этотъ актъ пана Вѣлинскаго, облекшаго таковой въ форму если не королевскаго манифеста, то грамоты по серьезному дѣлу, и именитость того, который воспользовался на этотъ разъ панскимъ разрѣшеніемъ на постройку дома въ мѣстечкѣ, какъ равно и предоставленныя ему права *jure Emphiteusis perpetuae* (вѣчно-чиншевое право), ловко сведенныя по содержащимся въ актѣ оговоркамъ къ полной зависимости отъ ясно-вѣлможнаго вотчинника мѣстечка. Но, читываясь въ этотъ актъ и разбирая его

подробнѣе, можно понять, до чего дошла Рѣчь-Посполитая, до какого извращенія даже такихъ прочно установленныхъ въ то время на Западѣ юридическихъ понятій, къ которымъ относится право *Emphiteusis perpetua*. Это вѣчное право владѣнія недвижимостью почти на правѣ полной собственности, съ оставленіемъ за вотчинникомъ одного чисто номинальнаго титула: *Dominium Directum*, ограничено тутъ воспрещеніемъ уступки мѣста лицамъ шляхетскаго и духовнаго сословія и жидамъ, первымъ — по невозможности для вотчинника подчинить ихъ себѣ (свободный не терпѣлъ свободныхъ и подобиыхъ себѣ); какъ подчинялись именитые славетные людишки, а послѣднимъ — въ виду господствовавшей ненависти и презрѣнія къ жидовству, а въ концѣ концѣ поставлено въ зависимость отъ сохраненія именитостью всѣхъ пунктовъ, выраженныхъ въ наказѣ самого пана Бѣлинскаго, названномъ «привиллегією», безъ объясненія, для кого она существовала и въ чемъ заключается эта привиллегія; главное — это именитый долженъ исполнить всѣ ея пункты, едва ли извѣстные ему, и подчиниться закону г. Бѣлинскаго, который для большаго значенія сей грамоты изволилъ подписать ее собственоручно, приказавъ приложить свою великую съ гербомъ печать на ней.

ФРАНЦИШЕЕЪ

въ

вѣлиа, отвоцкѣ, карчевѣ

БѢЛИНСКІЙ,

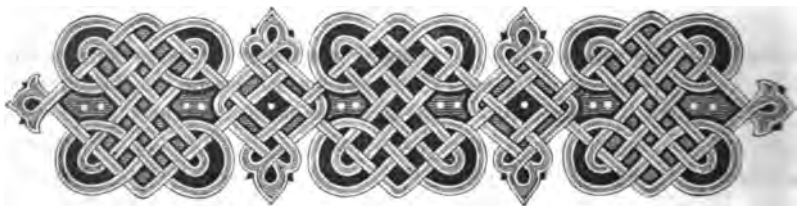
Черскій, Штумскій, Осецкій и прочее, и прочее, и прочее,
староста,

кавалеръ польскаго ордена Святаго Станислава.

Всѣмъ и каждому въ отдѣльности, кому о томъ теперь и впредь вѣдать надлежитъ, объявляю, что по долгу честнаго гражданина, стараюсь о преемствѣ края, я предоставилъ новыя права и льготы моему вотчинному мѣстечку Карчеву, лежащему въ Черской землѣ, и, чтобы обыватели этого мѣстечка пользовались своими землями по вѣчно-чиншевому праву (*jure Emphiteusis perpetuae*), постановилъ: по прошенію и ходатайству степеннаго Іосифа Перендтгауэля предоставляю ему мѣсто на фольварочной землѣ, недалеко отъ фольварка, длиною 27 сажень и шириною 16 сажень и 1 локоть, съ каковой земли (*in vim recognit ionis domini*) онъ обяванъ платить согласно привиллегіи ежегодный чиншъ въ казну мою или моихъ наслѣдниковъ, считая съ каждой квадратной сажени 1 шеленгъ, а съ 432 сажень 4 дуката 24 гроша.

Означенную землю предоставляю вышепоименованнымъ владѣльцамъ по праву *Emphiteusis perpetuae* на вѣчныя времена, и они будутъ въ правѣ таковую, съ вѣдома, однако, и утвержденія вотчиннаго господина, продать, заложить и подарить по своему желанію всякому, кромѣ лицъ шляхетскаго и духовнаго сословія и жидовъ, а также пользоваться всѣми льготами, дарованными тому мѣстечку, наравнѣ съ иными сообывателями и жителями, подчиняясь одинаковому съ другими праву и сохраняя съ своей стороны всѣ пункты, выраженные въ привиллегіи. Все это на вѣчныя времена должно оставаться ненарушимымъ, а для большаго обезпеченія и значенія подписываю собственною рукою, приказывая приложить мою печать. Дано въ Карчевѣ. Дня 10 мѣсяца марта, 1769. Ф. Бѣлинскій.

Сообщено М. А. Д.

С М Ъ С Ъ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ Ларинской гимназіи. Въ концѣ прошлаго года (28 декабря) праздновалось пятидесятилѣтіе существованія Ларинской (четвертой по счету) гимназіи — на Васильевскомъ островѣ, въ Петербургѣ. Въ разукрашенную снаружи флагами, а внутри декорированную растеніями гимназію собрались ея настоящіе и бывшіе питомцы, многіе въ распятыхъ мундирахъ, со звѣздами и лентами, большинство во фракахъ, иные еще въ студенческой формѣ, и особенно много медиковъ. Инспекторъ гимназіи прочелъ извлеченіе изъ исторической записки, изданной по случаю юбилея, а преподаватель русскаго языка и словесности В. П. Острогорскій сказалъ нѣсколько словъ о П. Д. Ларинѣ, на деньги котораго основана гимназія и о личности котораго, замѣчательнаго самоучки и дѣятеля, жившаго сто лѣтъ назадъ, только недавно узнали въ Россіи. Ларинъ, сынъ простого мужика въ с. Любуги, Рязанской губерніи, лѣтомъ пасъ стада, а зимой съ 8 лѣтъ ходилъ учиться грамотѣ къ дьячку, 14 лѣтъ былъ отдавъ отцомъ подносчикомъ въ кабакъ. Грамотный и смѣтливый, онъ скоро обратилъ на себя вниманіе управляющаго питейными сборами, который взялъ его къ себѣ кассиромъ; черезъ нѣсколько же лѣтъ онъ самъ уже оказался управляющимъ питейными сборами въ Казани, а въ 1771 году уже былъ богатымъ московскимъ купцомъ, берущимъ откупъ и по городу Архангельску. Какъ именно произошло быстрое обогащеніе Ларина, мы не знаемъ, но несомнѣнно, что онъ въ то время составлялъ исключеніе изъ среды нашего купечества, соединяя съ предпримчивостью широту коммерческихъ замысловъ. Въ нѣсколько лѣтъ онъ при откупныхъ торгахъ въ Архангельскѣ доставилъ казнѣ болѣе 2.000.000 р. дохода, а въ городѣ оставилъ добрую память. Кромѣ откуповъ, Ларинъ велъ крупную торговлю рыбой, пенькой и хлѣбомъ, посылалъ свои корабли въ Англію и самъ бывалъ въ Лондонѣ, гдѣ выучился говорить поанглійски. Бывая часто по торговымъ дѣламъ въ Петербургѣ, онъ имѣлъ сношенія съ высшимъ обществомъ. Объ этомъ можно судить по его портрету: французскій костюмъ, парикъ и интеллигентная фizioномія обращаютъ на себя вниманіе. Сильно любя свое родное село и простой тенный народъ, онъ выстроилъ сперва тамъ великолѣпную церковь, донныя луч-

шую въ Рязанской губерніи, а ватѣмъ задумалъ обширный планъ создать въ своемъ селѣ образцовую школу, нѣчтовъ родѣ коммерческой академіи и банкъ. На это онъ предоставилъ капиталъ въ 50,000 р. и подалъ прошеніе Екатерины II, въ которомъ совѣстію и честію увѣряетъ, что «сія безкорыстная жертва не растворена плачемъ и рыданіемъ людей, мною притѣсненныхъ, и ни малѣйшею ближнему обидою». Екатерина съ удовольствіемъ дала свое разрѣшеніе, но судьба распорядилась иначе. Наканунѣ осуществленія своихъ желаній, Ларинъ скоропостижно умеръ, а съ капиталомъ его началась цѣлая эпопея. Его укралъ одинъ и неправильно получилъ другой изъ родственниковъ; впослѣдствіи аятъ его успѣлъ обнаружить это дѣло, и цѣлыя 17 лѣтъ велъ процессъ, но и послѣ, когда состоялось высочайшее повелѣніе о взысканіи съ виновныхъ капитала съ процентами, прошло 40 лѣтъ, пока, наконецъ, осуществилось желаніе Ларина имѣть школу въ своемъ селѣ, но и это уже явилось простое трехклассное училище, а не коммерческая академія. Однако, доброе дѣло Ларина принесло свой плодъ. Громадные проценты, выросшіе на Ларинскій капиталъ за это время, кромѣ школы и банка, употреблены на постройку зала публичной бібліотеки, названной Ларинскою. 15-го августа 1836 года, открыта Ларинская гимназія, въ которой ежегодно воспитывается 12 пансіонеровъ имени Ларина. Изъ этого же капитала отпущена сумма на постройку Ришельевского лицея съ гимназіею въ Одессѣ.

Послѣ рѣчи В. П. Острогорскаго хоръ гимназистовъ исполнилъ кантату, написанную бывшимъ ученикомъ гимназіи Н. И. Позняковымъ и переложенную на музыку преподавателемъ Брянскимъ.

Затѣмъ началось привѣтствіе. Одинъ изъ настоящихъ учениковъ послѣдняго класса сказалъ очень простое и теплое слово; за нимъ одинъ изъ бывшихъ учениковъ, Н. И. Позняковъ, прочиталъ свое прочувствованное стихотвореніе. Далѣе послѣдовало чтеніе присланныхъ адресовъ и телеграммъ. Духовой оркестръ пріюта принца Ольденбургскаго исполнилъ торжественный маршъ Кюммеля и ватѣмъ актъ закончился общимъ обѣдомъ.

Ларинская гимназія открыта 15-го августа 1836 года по почину министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова, исходатайствовавшаго тогда право поступленія въ гимназію и дѣтямъ купцовъ. Гимназія имѣла еще свою особую цѣль—приготовленіе купеческихъ дѣтей къ коммерческимъ занятіямъ. Первымъ директоромъ гимназіи былъ извѣстный педагогъ А. А. Фишеръ, съ самаго начала поставившій ее такъ, что она снискала всеобщую любовь и учениковъ, и родителей. Жизнь гимназіи текла ровно и спокойно. Въ 1864 году, гимназія стала классическою съ двумя древними языками, а съ 1871 года прекращено преподаваніе естественной исторіи и установленъ восьмилѣтній курсъ. Всего въ гимназіи было 4 директора, 11 инспекторовъ, 152 учителя, 3,450 воспитанниковъ, изъ нихъ 734 окончили полный курсъ. Всѣхъ выпусковъ было 46, самый большой въ 1868 году—36 человекъ и самый малый въ 1873 году—2 человекъ. Въ настоящее время при гимназіи есть общество для пособія нуждающимся ученикамъ.

Археологическое Общество. Въ общемъ собраніи, Н. В. Покровский сдѣлалъ сообщеніе о «Гелатскомъ евангеліи». По словамъ докладчика, грузинское лицевое евангеліе XII вѣка, сохранившееся въ Гелатскомъ монастырѣ, близи Кутаиса, представляетъ высокій интересъ для исторіи византійской миниатюры. Въ замѣчательныхъ иллюстрированныхъ заставкахъ этого евангелія обнаруживаются ясныя слѣды звѣрнаго стиля, а въ миниатюрныхъ изображеніяхъ, предшествующихъ тексту евангелія отъ Маттея, видно стремленіе художника къ параллелизму между ветхимъ и новымъ заветомъ. Въ 246 миниатюрахъ, относящихся къ тексту четырехъ евангелій, художникъ воспроизводитъ главнѣйшія евангельскія событія и чудеса, яврѣдка пользуясь церковнымъ преданіемъ, какъ иконографическимъ источникомъ, а равно и элементами античнаго искусства, напримѣръ: олицетвореніемъ вѣтра въ видѣ

юноши съ трубою. Въ концѣ евангелія находится украшенное миниатюрами сказаніе о нерукотворенномъ образѣ. На всѣхъ миниатюрахъ Гелатскаго монастыря, какъ говоритъ докладчикъ, лежитъ печать знанія и усердія, и всѣ онѣ отличаются свѣжестью красокъ, блестящимъ колоритомъ и глубиной внутреннего содержанія при строгомъ сохраненіи древнѣйшихъ иконографическихъ преданій, и такъ какъ ни въ Россіи, ни въ Грузіи до сихъ поръ еще не было найдено ни одного подобнаго евангелія до XV—XVI вѣка, то Гелатское евангеліе облегчаетъ возможность уясненія первоначальныхъ редакцій лицевыхъ евангелій въ Россіи и въ Греціи и тѣхъ видоизмѣненій, какія появлялись въ нихъ въ XV—XVII вѣкахъ. Въ засѣданіи отдѣленія русской и славянской археологій русскаго археологическаго Общества, Н. Е. Бранденбургъ сообщалъ о вновь открытыхъ имъ развалинахъ древняго храма въ Старой Ладогѣ. Храмъ этотъ имѣетъ три апсиды и четыре столба, поддерживающіе куполъ. Въ средней апсидѣ найдены остатки каменнаго престола и епископской кathedры; въ сѣверо-восточной апсидѣ—каменный жертвенникъ, каменный помостъ и родъ ящика изъ плитъ; на южной стѣнѣ храма—каменный рундукъ, для сидѣнья, и входныя двери; другія двери открыты въ сѣверной стѣнѣ. Храмъ очень не великъ (5×7 саж.) и, судя по палеографическимъ признакамъ найденныхъ внутри его надписей, относится къ XII—XIII в. Онъ украшенъ былъ живописью въ видѣ геометрическихъ орнаментовъ и изображеній святыхъ, остатки которыхъ сохранились до сихъ поръ. Дальнѣйшія раскопки этого храма могутъ повести къ уясненію какъ топографіи Старой Ладогы, такъ и характера древне-русскаго искусства. Второе сообщеніе, Д. И. Эварницкаго, посвящено было курганамъ и городищамъ Екатеринославской губерніи. Отправляясь въ ученую экскурсію нынѣшнимъ лѣтомъ, референтъ имѣлъ въ виду три губерніи: Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую. Цѣлю его было—собрать остатки старины въ разныхъ видахъ ея, главнѣйшимъ же образомъ старины доисторической. Сопровождаемый двумя художниками, г. Эварницкій исследовалъ огромный районъ въ предѣлахъ рѣкъ Орели, Днѣпра, Буга, Синюхи и Малой Выси. На этомъ пространствѣ онъ разрылъ 15 кургановъ, преимущественно каменнаго вѣка, собралъ нѣсколько письменныхъ документовъ, добылъ богатый запасъ разнаго оружія, записалъ до 300 народныхъ пѣсень, относящихся главнымъ образомъ къ исторіи запорожскихъ казаковъ, исследовалъ до 20 пещеръ въ гранитныхъ берегахъ Днѣпра, Буга и Синюхи, сдѣлалъ до 500 фотографическихъ снимковъ съ разныхъ предметовъ древности и мѣстъ замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи. Предсѣдатель собранія представлялъ на разсмотрѣніе членовъ приобретенные имъ въ нынѣшнемъ году въ Киевской губерніи предметы древности, по большей части, сдѣланные изъ серебра и относящіеся къ первобытной эпохѣ; въ числѣ этихъ предметовъ обращаютъ на себя вниманіе серебряныя бляхи съ плетенымъ орнаментомъ, изображеніями птицъ и остатками эмали, напоминающія своею орнаментикою извѣстныя серги изъ киевскаго клада, найденнаго недавно Есикорскимъ и переданныя въ Эрмитажъ; нѣсколько серебряныхъ обручей или шейныхъ гривень, помѣсь небольшой, или ожерелье изъ серебряныхъ пластинокъ, принадлежатъ также къ числу предметовъ весьма любопытныхъ въ археологическомъ отношеніи.

Въ общемъ собраніи археологическаго института представляло особый интересъ сообщеніе г-жи Е. В. Лавровой о раскопанномъ ею курганѣ близъ селенія Городища, Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губерніи. Она, выставивъ чертежъ этой мѣстности, равно какъ и добытыя ею въ курганѣ находки, подробно описала эту мѣстность и наслоеніе разрытаго кургана. Въ слѣдующемъ рефератѣ профессоръ Андреевскій представилъ нѣсколько данныхъ изъ опубликованнаго недавно архивнаго матеріала о засѣданіяхъ сената въ короткій періодъ царствованія Іоанна Антоновича (1740—1741 г.), когда севать, потерявшій значеніе съ учрежденіемъ кабинета министровъ, засѣдая въ стѣнахъ

университета, твердо и неуклонно выполнялъ свою важную миссію — толковалъ законъ и восстанавливалъ нарушенныя, вслѣдствіе неправильнаго при-
мѣненія закона, права.

Тамбовская ученая архивная коммиссія. Въ послѣднемъ засѣданіи этой ком-
миссіи читался рефератъ И. И. Дубасова о документахъ московскаго ар-
хива министерства юстиціи отъ 1626 и 1662 г. о тюремныхъ сидѣльцахъ
въ Шацкѣ и валовомъ дѣлѣ по Тамбовской чертѣ, также объ указѣ Ека-
терины II по поводу жалобъ жителей Воронежской губерніи на обиды и
разворенія и объ одномъ старинномъ учебникѣ русской грамматики. Этотъ
рефератъ и документы напечатаны въ приложенияхъ къ журналу коммиссіи.
Они имѣютъ значеніе серьезныхъ мѣстно-историческихъ источниковъ. 6 ян-
варя 1626 года въ Шацкую сѣзжую ямбу, на имя воеводы Григорія Ко-
корева, тюремный сидѣлецъ Богдашка Шипкинъ подалъ челобитную
на шацкаго губнаго старосту Панкрата Богданова. «Въ прошлыхъ годахъ
и въ нынѣшнемъ, — писалъ челобитчикъ, — тотъ губной староста выпустилъ
тюремныхъ сидѣльцевъ, а сидѣли въ разбойныхъ и въ татинныхъ дѣлѣхъ,
поймавъ съ нихъ многіе поминки для своей бездѣльной корысти и посу-
ловъ»... По этому челобитью, ставшему извѣстнымъ въ самой Москвѣ, царь
Михаилъ Ѳеодоровичъ, указомъ на имя боярина Д. М. Пожарскаго, повелѣлъ
сдѣлать строгое дознаніе. Выпущенныхъ изъ шацкой тюрьмы разбойниковъ
и татей стали допрашивать и пытать въ Разбойномъ приказѣ. И на томъ
допросѣ тать Олфера Бѣлка съ пытокъ говорилъ на себя и на своихъ
товарищей, что они разбойничали въ Шацкомъ уѣздѣ, «а почему ихъ вы-
пустили, то невѣдомо, а одного тюремнаго сидѣльца, Ѳедьку Иванова,
Смирной Шарановъ взялъ къ себѣ въ холопы»... Эта выдержка ясно
указываетъ на тотъ судебно-административный произволъ, который широко
и неудержимо практиковался у насъ при старо-московскомъ укладѣ и не-
рѣдко бывалъ причиною того явленія, что мелкіе захолустные дѣльцы-
подьячье становились крупными владѣльцами.

До свѣдѣнія императрицы Екатерины II доходили изъ Тамбовскаго края
самыя неутѣшительныя извѣстія о притѣсненіяхъ низшаго населенія. И вотъ
кътому 1763 года командированъ былъ въ Воронежскую губернію, къ кото-
рой въ то время относились, между прочими, и провинціи—Тамбовская и Шац-
кая, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капитанъ-поручикъ Николай Бах-
метевъ. 16 іюля, онъ обнаружилъ отъ себя объявленіе во всенародное
извѣстіе. Въ объявленіи всѣмъ обиженнымъ обѣщано было удовольствованіе.
Челобитчиковъ сразу оказалось весьма много, но всѣ они, по усло-
віямъ былой жизни, колебались выражать свои жалобы и опасались кан-
целярскихъ осложненій, всенародная молва о которыхъ не могла не сму-
щать населенія, извѣдавшаго и застѣночныя пытки, и всякія иныя тяготы
первой половины XVIII вѣка, исходившія изъ канцелярій.

Кромѣ этихъ документовъ, въ коммиссіи есть нѣсколько мѣстныхъ кон-
систорскихъ указовъ 1817 года на имя одного изъ благочинныхъ Тамбовскаго
уѣзда. Одинъ изъ этихъ указовъ свидѣтельствуеетъ объ искреннемъ религі-
озномъ смиреніи Александра I; онъ чаще всѣхъ нашихъ государей посѣщалъ
свои области. При этомъ, конечно, происходили обычныя торжественныя
встрѣчи. Духовными лицами говорились рѣчи, причежъ весьма многіе ора-
торы истощали все свое краснорѣчіе для достойнаго восхваленія государя.
Но именно это-то ораторское стремленіе и не нравилось глубоко и искренно
смиренному вѣщеслову. Поэтому онъ надавалъ указъ, въ которомъ особенно
замѣчательны слѣдующія выраженія: «Въ послѣдній мой проѣздъ по губер-
ніямъ... я долженъ былъ, къ сожалѣнію моему, слушать въ рѣчахъ... такія
несовмѣстныя мнѣ похвалы, кои приписывать можно единому Богу... чрезъ
коего произстаетъ всякое добро и безъ коего человѣкъ есть единое зло.
Слѣдовательно, приписывать мнѣ славу въ успѣхахъ, гдѣ рука Божія столь

ясна была цѣлому свѣту, было бы—отдавать человеку то, что принадлежитъ всемогущему Богу. Для того долгомъ считаю запретить таковыя непристойныя выраженія.. слуху моему противныя... Императорскій указъ заключается слѣдующими благочестивыми словами: «Царю же вѣковъ нетлѣнному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во вѣки вѣковъ».

И. И. Дубасовъ сообщилъ также краткій отчетъ объ одномъ рѣдекомъ учебникѣ временъ Петра Великаго. Это—одна изъ грамматикъ, судя по надписи на ней, просмотрѣнная самимъ царемъ. Учебникъ представляется сбивчивымъ, мудренымъ, крайне номенклатурнымъ и не ведущимъ къ той цѣли, ради которой пишутся всякіе учебники. Вотъ, напримѣръ, опредѣленіе просодіи: «Просодія имя сугубо приеѣмлетъ, вмѣсто напряженія и ослабленія слоговъ, отнюдуже и просодию, сирѣчь припѣтиемъ, наречеса... Просодіи орфографійны суть 9: оксія, или острая, варія, или тяжкая, периспомена, или облеченная, пслии, или тонкая, дасія, или густая; ерикъ, паерезъ, слитная, мягкая... Раздѣляются просодія на 4: удареніе, время, духъ и страсть», и все въ такомъ же родѣ.

Рязанская ученая архивная коммиссія. Въ послѣднемъ засѣданіи этой коммиссіи правитель дѣлъ доложилъ о результатахъ его лѣтнихъ поѣздокъ по Рязанской губерніи и о произведенныхъ имъ раскопкахъ въ г. Касимовѣ и въ с. Старой Рязани. На Старопосадскомъ кладбищѣ близъ Касимова были вырыты три большихъ надгробныхъ камня съ украшеніями и надписями, представляющихъ весьма важное значеніе для исторіи Касимовскаго царства. Съ надписей сняты фотографическіе снимки и отосланы въ академію наукъ для прочтенія. Въ с. Старой Рязани, на мѣстѣ древняго храма, гдѣ въ настоящее время производится постройка часовни въ память убиенныхъ Батыемъ князей Рязанскихъ, сдѣланныя раскопки не обнаружили ничего интереснаго. За исключеніемъ остатковъ кирпичныхъ стѣнъ и двухъ череповъ, ничего не найдено. По собраннѣмъ свѣдѣніямъ, вынутые въ 1836 году Тихомировымъ каменные гробы съ останками князей и княгинь Рязанскихъ были въ то время зарыты на кладбищѣ близъ старой, теперь уже не существующей, церкви, въ одну общую могилу. Въ настоящее время весьма трудно найти эту могилу, такъ какъ въ теченіе 50 лѣтъ все кладбище разрослось въ большой курганъ, состоящій изъ громаднаго количества погребенныхъ могилъ. Жаль, что въ то время никому не пришло въ голову замѣтить мѣсто погребенія древнихъ гробницъ какимъ либо знакомъ. Какой нибудь археологъ XX вѣка можетъ быть наткнется случайно на эти каменные гробы, стоящіе одинъ на другомъ въ одной ямѣ, и съ изумленіемъ будетъ сообщать ученому міру о сдѣланномъ имъ открытіи необычайной древней могилы, неизвѣстно кому принадлежащей.

Затѣмъ правитель дѣлъ сообщилъ объ осмтрѣнныхъ имъ древностяхъ въ Касимовскомъ, Зарайскомъ, Пронскомъ и Скопинскомъ уѣздахъ. По поводу древнихъ иконъ, находящихся во многихъ церквяхъ и монастыряхъ Рязанской губерніи, замѣчено, что большая часть этихъ иконъ, и притомъ болѣе древнія, не сохранились въ первоначальномъ своемъ видѣ, вслѣдствіе погребеній исправленій, сдѣланныхъ нехудою рукою мѣстныхъ живописцевъ: вся уцѣлѣвшая живопись старательно соскабливается и на чистой доскѣ появляется свѣжая живопись въ новѣйшемъ академическомъ жанрѣ. Такимъ образомъ предметомъ древности остается одна доска. Давно пора положить предѣлъ такому возмутительному варварству.

Коммиссія постановила: просить архіепископа Феоктиста, сдѣлать распоряженіе, чтобы по отношенію къ исправленію древнихъ иконъ были примѣнены тотъ же порядокъ, какой установленъ относительно исправленія и передѣлокъ древнихъ церковныхъ зданій, т. е. чтобы исправленіе древнихъ иконъ не разрѣшалось безъ предварительнаго сношенія съ архивной коммиссіей.

Отчетъ сибирской Наранзиской библиотеки за 1885—1886 годъ. Къ концу ноября 1886 года оставалось библиотечныхъ суммъ съ залогомъ 31,875 р. 64 к. Употреблено въ расходъ всего 1,454 р. 30 к., въ томъ числѣ: на жалованье и награды служащимъ 744 р., на выписку книгъ, журналовъ и газетъ 236 р. 15 к., на переплетъ книгъ $1\frac{1}{2}$ р. 75 к., на ремонтъ мебели 58 р. 5 к., остальные на канцелярскіе мелочные расходы. Возвращено залоговъ 7,924 р. А всего въ расходѣ 3378 р. 30 к. Къ 1887 году осталось всего 18,497 р. 34 к. Журналовъ и газетъ въ 1886 году получалось 44.

Чтеніе и выдача книгъ въ отчетномъ году производились ежедневно, отъ 10 до 3 часовъ дня, исключая субботы. Число посѣтившихъ втеченіе отчетнаго года библиотеку опредѣлить трудно, но полагать можно отъ 30 до 70 человѣкъ ежедневно. Вравшихъ подъ залогъ книги и ноты на домъ было 550 человѣкъ. Абонентамъ было выдано втеченіе года 32,081 томъ; въ томъ числѣ: французскихъ книгъ 313; нѣмецкихъ 67; журналовъ и газетъ 14,269. Въ числѣ выданныхъ русскихъ книгъ было по предметамъ: исторія 1,301; географія 345; литературы и изящной словесности 12,742; естественныхъ, медицинскіхъ и математическихъ наукъ 513; исторія литературы и критики 834; учебниковъ 57. По числу спроса первенствующее мѣсто принадлежало, какъ и въ прошломъ году, отдѣлу изящной словесности; изъ отдѣла изящной словесности выдано было подписчикамъ втеченіе года по 6,200 требованіямъ: историческаго — 806, литературно-критическаго — 515; педагогическаго — 298; юридическаго — 58; медицинскаго и математическаго — 298, дѣтскаго — 426; богословія — 229; изъ журналовъ: «Вѣстникъ Европы» — 784; «Русскій Вѣстникъ» — 710; «Русская Мысль» — 582; «Семейные Вечера» — 337; «Историческій Вѣстникъ» — 327; «Собраніе Романовъ» — 292 и пр.

Александровская публичная библиотека и залъ императора Александра II къ празднованію трехсотлѣтія Самары издали свой отчетъ за 1885 годъ. Библиотека и залъ императора Александра II помѣщались въ той же квартирѣ, что и въ послѣдніе годы. «Залъ» заключался въ одной комнатѣ, на столько тѣсной и неудобной, что при настоящемъ увеличеніи коллекцій, составляющихъ это учрежденіе, и при необходимомъ систематизированіи предметовъ, чувствовалось особенное затрудненіе и дѣлалось совершенно невозможнымъ предоставлять это учрежденіе, единственное въ Россіи, обороту публики. Къ 1-му января 1886 года въ остаткѣ было залоговыхъ денегъ 2,275 р. и принадлежащихъ библиотекѣ 790 р. 85 к., а всего 3,065 р. 85 к. Кромѣ того, городская дума уплачивала изъ городскихъ средствъ за наемъ помѣщенія для библиотеки и «Зала» съ отопленіемъ 1,300 рублей, а на отопленіе помѣщенія сторожей и кухни отпускалось управою 12 саж. дровъ. Всего втеченіе года въ библиотеку поступило: русскихъ книгъ 1,069, иностранныхъ 222, газетъ и журналовъ 83, всего 1,374. Затѣмъ къ 1886 году по инвентарю библиотеки состоитъ книгъ, брошюръ и периодическихъ изданій, русскихъ и иностранныхъ — 10,570 наименованій, въ 19,142 переплетахъ, и дублетовъ 438 наименованій, въ 665 переплетахъ. Полный систематическій и алфавитный каталоги библиотеки печатаются. Читальный залъ библиотеки былъ открытъ въ тѣ же дни и часы, что и въ прошломъ году. Выдача книгъ на домъ производилась практиковавшимся въ прошломъ отчетномъ году порядкомъ по двумъ абонеентамъ, а именно: русскихъ книгъ и иностранныхъ и по третьему абонеенту — собственно иностранныхъ дѣтскихъ журналовъ. Посѣтителей читальнаго зала бывало ежедневно отъ 105 до 130 человѣкъ, а въ праздничные дни до 170 человѣкъ ежедневно. Посѣщали залъ преимущественно чиновники, затѣмъ учителя, мѣщане и купцы. Въ читальномъ залѣ читались преимущественно газеты, затѣмъ журналы, особенно иллюстрированные и альманахи, выложенные на столы зала, а также справочныя изданія. Втеченіе отчетнаго года снято съ полокъ библиотеки 51,533 наименованія книгъ и периодическихъ изданій русскихъ и иностранныхъ. Наибольшее требованіе

было по отдѣлу литературы, затѣмъ періодическихъ изданій и книгъ для дѣтскаго чтенія.

† Въ Краковѣ 23-го ноября одинъ изъ выдающихся славянскихъ археологовъ, Адамъ Карловичъ Киркоръ, дѣйствительный членъ русскаго географическаго Общества, членъ Краковской академіи наукъ, извѣстный также у насъ какъ публицистъ и историкъ. Онъ родился въ 1819 году въ Сливнѣ, Витебской губерніи, воспитывался въ могилевской гимназіи, затѣмъ въ дворянскомъ институтѣ въ Вильнѣ. Поступивъ, по окончаніи курса на службу, въ виленскую казенную палату, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, занялся литературою и примкнулъ къ тогдашнимъ польскимъ литературнымъ кружкамъ въ Вильнѣ, въ главѣ которыхъ стоялъ извѣстный поэтъ Людвигъ Кондратовичъ (Сырокомля). Въ то же время Киркоръ сталъ издавать литературные сборники на польскомъ языкѣ. Такъ, въ 1843 году, онъ издалъ сборникъ «Радегастъ», затѣмъ, въ 1845 году, «Умственные записки» (Pamiętniki Umysłowe) въ 3 томахъ, далѣе, приобретшую въ свое время громкую извѣстность, «Виленскую Теку» въ 6 томахъ и нѣсколько другихъ, въ которыхъ помѣщены статьи извѣстныхъ польскихъ писателей и ученыхъ шестидесятихъ годовъ. Въ 1860 году, Киркоръ принялъ на себя редакцію и изданіе «Виленскаго Курьера» и, въ то же время, въ качествѣ члена археологической виленской комиссіи, дѣятельно занялся изслѣдованіемъ литовской старины и собраніемъ относящихся къ этой старинѣ памятниковъ, которые хранятся до сихъ поръ въ Виленскомъ музеѣ, основанномъ графомъ Е. П. Тышкевичемъ, за исключеніемъ предметовъ, напоминающихъ польское владычество въ Литвѣ, которые, по распоряженію виленскаго генералъ-губернатора въ 1864 году, были устранены. Съ 1860 года Киркоръ былъ помощникомъ предсѣдателя виленскаго статистическаго комитета и до событій 1863 года принималъ живое участіе во всѣхъ трудахъ комитета, вмѣстѣ съ тогдашнимъ его предсѣдателемъ, сенаторомъ М. Н. Похвистевымъ. Въ 1867 году, «Виленскій Курьеръ» превратился въ исключительно оффиціозную газету, и Киркоръ, вынужденный отказаться отъ дальнѣйшаго редактированія, переѣхалъ въ Петербургъ. Тутъ, вмѣстѣ съ Юматовымъ, онъ втеченіе четырехъ лѣтъ издавалъ «Новое Время», безъ особеннаго, однако, успѣха, такъ что въ 1871 году вынужденъ былъ не только бросить изданіе, но и уѣхать изъ Россіи навсегда: коммерскій судъ объявилъ его злостнымъ банкротомъ. Поселившись въ Краковѣ, Киркоръ сталъ усердно заниматься налюбленнымъ имъ предметомъ, археологіею, и раскопалъ до 1,000 могилъ и кургановъ. Въ музеѣ Краковской академіи наукъ цѣлыя сотни раскопокъ отмѣчены именемъ Киркора. Последніе годы жизни Киркоръ, не смотря на ученую степень «члена Краковской академіи наукъ» и честь состоять членомъ въ 12-ти другихъ ученыхъ обществахъ, провелъ буквально въ нищетѣ. Для того, чтобы не умереть съ голоду, ему приходилось закладывать справочныя книги, да и эти книги въ сущности не имѣли права заложить, такъ какъ у него было столько долговъ, что всѣ его труды шли на покрытіе ихъ. Два года тому назадъ, желая собрать хотя небольшую сумму на насущный хлѣбъ, онъ задумалъ издать новый сборникъ-скаладчину изъ даровыхъ статей своихъ товарищей по литературѣ и наукѣ, подъ заглавіемъ «Краковскій портфель», но изданіе, для котораго онъ имѣлъ уже довольно много статей, не осуществилось. Покойный писалъ и издавалъ очень много. Число отдѣльно изданныхъ его трудовъ на польскомъ языкѣ достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ. Всего болѣе извѣстно его «Описаніе Вильно», вышедшее въ трехъ изданіяхъ, далѣе «Археологическія изслѣдованія», «О современной русской литературѣ» (Повнань, 1873 г.), «Виленскій альбомъ», посвященный покойному императору Александру II, заключавшій въ себѣ историко-статистическій очеркъ Вильно, и мн. др. Порусски онъ издалъ въ Вильнѣ, въ 1839 году, монографію «О языческихъ обычаяхъ въ Вѣлороссіи», «Литовскія древности» (1864 г.),

«Этнографію Виленской губерніи» (изданную русскимъ географическимъ Обществомъ), «Исторію монетнаго дѣла въ Литвѣ» (изданную московскимъ археологическимъ Обществомъ), издавалъ, вмѣстѣ съ Гусевымъ, «Записки виленской археологической комиссіи», выпустилъ въ свѣтъ рядъ историческо-статистическихъ свѣдѣній о литовскомъ Полѣсѣ и мн. друг. Кромѣ того, Киркоръ написано для «Живописной Россіи» подробное историко-географическо-этнографическое изслѣдованіе о Литвѣ и Вѣлорусіи. Рядъ статей Киркора помѣщенъ въ «Запискахъ» географическаго и археологическаго обществъ, въ «Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ», въ газетахъ «Новости», «Новое Время», въ «Русскомъ Инвалидѣ», «Нови», «Живописномъ Обзорѣніи» и мн. друг. Киркоръ писалъ также неоднократно корреспонденціи изъ Галиціи въ равныя русскія газеты, въ томъ числѣ и въ «Новости», доставляя въ то же время почти непрерывно массу статей въ польскія изданія; читалъ публичныя лекціи въ галиційскихъ городахъ, давалъ уроки исторіи, издавалъ литературныя сборники и пр. Не смотря на такую всестороннюю дѣятельность, Киркоръ бѣдствовалъ и постоянно, до послѣднихъ дней жизни, мечталъ о томъ, чтобы вернуться въ Россію. Онъ считалъ себя полякомъ, сердцемъ и душою, вездѣ и всегда выставлялъ на первый планъ польскіе интересы, но, въ то же время, старался выкавать и любовь къ Россіи.

† Въ Варшавѣ одинъ изъ старѣйшихъ польскихъ журналистовъ, редакторъ самой распространенной мѣстной газеты «Курьера Варшавскаго», Вацлавъ Шимановскій, 66-ти лѣтъ. По газетному дѣлу онъ работалъ 35 лѣтъ, съ 1851 года, когда графомъ Ржевускимъ основанъ былъ (на польскомъ языкѣ) «Dziennik Warszawski». Шимановскій былъ душой этой газеты, въ лицѣ которой польская публицистика впервые въ то время сдѣлалась дѣйствительнымъ отраженіемъ общественной жизни, мѣстныхъ потребностей, что и выразилось въ первый же годъ небывалымъ тогда увеличеніемъ числа подписчиковъ у новаго «Дневника», которое дошло до 2,300. Но болѣе всего замѣчательный газетный талантъ Шимановскаго сваялся въ «Курьерѣ Варшавскомъ», редакторомъ котораго онъ сдѣлался въ 1868 году. По изобилію, разнообразію, интересу извѣстій, это положительно первая изъ варшавскихъ газетъ. Не гоняясь за политикой, «Курьеръ», по своему преимущественно мѣстному типу, подходитъ болѣе къ такъ называемой малой прессѣ, но на этомъ поприщѣ онъ можетъ служить образцомъ живости и занимательности, не смотря на неказистую внѣшность газеты. Своимъ громаднымъ успѣхомъ «Варшавскій Курьеръ» обязанъ былъ исключительно организаторскому таланту редактора. Шимановскій занимался также поэзіей и драматургіей, состоялъ даже въ молодости на государственной службѣ, но вся послѣдующая его дѣятельность показала, что это былъ именно журналистъ по призванію.

† Одинъ изъ видныхъ польскихъ историковъ, краковскій уроженецъ, сеньоръ Валеріанъ Маллима, послѣдній недоконченный трудъ котораго «Четырехлѣтній сеймъ» доставилъ автору заслуженную извѣстность въ области исторической науки своими трезвыми, безпристрастными взглядами. Первый томъ этого сочиненія включенъ Костомаровымъ въ число источниковъ для новѣйшаго изданія «Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой» и получилъ лестный отзывъ нашего историка. Другими, менѣе извѣстными вѣдъ польскихъ предѣловъ, трудами Калинки были: «Послѣдніе годы царствованія Станислава-Августа», «Галиція и Краковъ подъ австрійскою властью», «Жизнь ген. Тышкевича» и пр. Калинка былъ отчасти и журналистомъ, участвовалъ въ газетѣ «Часъ», въ «Библиотекѣ Варшавской» и др.

† Въ концѣ прошлаго года итальянскій министръ и писатель Марко Мингетти; онъ родился въ Болоньѣ 8-го сентября 1818 года, приобрѣлъ серьезное научное образованіе и много путешествовалъ по Италіи, Франціи, Англии и Германіи. Вернувшись въ Болонью, онъ обратилъ на себя вниманіе публичными лекціями по философіи социальныхъ наукъ и политической экономіи.

Когда, при воцареніи Пія IX, занялась надъ Италіей заря свободы, Мингетти основалъ газету «Фельянко» и открылъ курсы политической экономіи. Въ концѣ 1847 года, онъ былъ приглашенъ въ Римъ, въ финансовый отдѣлъ государственнаго совѣта, а 10-го марта 1848 года назначенъ министромъ публичныхъ работъ. По выходѣ министерства въ отставку, онъ былъ избранъ депутатомъ въ римское національное собраніе, но отклонилъ это избраніе и уѣхалъ въ Ломбардію, въ лагерь сардинскаго короля. Назначенный тамъ прямо капитаномъ въ генеральный штабъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ кампаніи 1848 года. За битву подъ Готто, Мингетти былъ произведенъ въ майоры, а за сраженіе при Кустоццѣ получилъ орденъ св. Маврикія. Послѣ Миланскаго мира Мингетти оставилъ военную службу и вернулся въ Болонью къ научнымъ занятіямъ. Въ 1856 году, во время засѣданій Парижскаго конгресса, Кавуръ пригласилъ его участвовать въ редактированіи меморандума, послужившаго первымъ шагомъ къ войнѣ за освобоженіе Италіи. Вернувшись на родину, онъ закончилъ замѣчательный трудъ: «Della economia politica e della sue attinenze colla morale e col diritto», упрочившій его репутацію въ социальной наукѣ. Задумавъ посѣтить восточныя страны, онъ объѣхалъ уже Египетъ, когда Кавуръ назначилъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ. Мингетти пробылъ въ этой должности до Виллафранкскаго мира, послѣ чего вернулся въ Болонью. Избранный членомъ романскаго собранія, онъ, вмѣстѣ съ генераломъ Фанти, завѣдывалъ военной организаціей въ Эмиліи и успѣшно агитировалъ въ пользу итальянскаго объединенія. Когда объединеніе стало совершившимся фактомъ, Мингетти былъ избранъ въ итальянскій парламентъ представителемъ роднаго города Болоньи. Въ октябрѣ 1860 года, состоя министромъ внутреннихъ дѣлъ въ послѣднемъ министерствѣ Кавура, Мингетти глубоко почувствовалъ ударъ, нанесенный смертью этого великаго государственнаго дѣятеля его политической системѣ. Тѣмъ не менѣе, Мингетти сохранилъ свой портфель въ кабинетѣ Риказоли, причѣмъ выработалъ проектъ внутренней организаціи Итальянскаго королевства, основанный въ самомъ широкомъ примѣненіи принципа областного самоуправленія. Проектъ этотъ былъ, однако, отвергнутъ итальянскимъ парламентомъ. Мингетти вышелъ тогда изъ министерства и былъ избранъ вице-президентомъ парламента на сессію 1861 года, но послѣ паденія кабинета Ратацци, сдѣлался министромъ-президентомъ съ портфелемъ министерства финансовъ (въ мартѣ 1863 года). По выходѣ изъ министерства въ 1868 году, назначенъ посломъ въ Лондонъ. Въ маѣ 1869 года, вступилъ министромъ земледѣлія въ коалиціонный кабинетъ Менабреа. Затѣмъ, въ 1873 году, онъ снова вернулся къ публичной дѣятельности въ качествѣ министра-президента съ портфелемъ министерства финансовъ. Не смотря на финансовыя и экономическія усложненія, онъ оставался на этомъ посту до 1876 года, когда, ниввергнутый коалиціей оппозиціонныхъ партій, уступилъ мѣсто Депретису. По выходѣ въ отставку, Мингетти написалъ въ 1877 году—«Le Donne italiane nelle belle arti al secolo XV e XVI», а въ 1878—«La Chiesa e lo Stato». До самой смерти онъ принималъ дѣятельное участіе въ парламентскихъ преніяхъ.

ПОПРАВКА.

А. А. Титовъ проситъ насъ исправить, въ статьѣ его «Горлицкій монастырь», напечатанной въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», слѣдующія ошибки, сдѣланныя переписчикомъ доставленной намъ рукописи:

На стр. 128, въ строкѣ 11, сказано: «упоминается уже въ XIV вѣкѣ». Слѣдуетъ сказать: «упоминается уже въ XV вѣкѣ». На той же страницѣ, строка 13, сказано: «впослѣдствіи Донскому». Слѣдуетъ сказать: «впослѣдствіи развѣнчанному».

по эту сторону Рейна представляетъ силу, съ которой онъ долженъ считаться. Извѣстны ли вамъ слова Наполеона: «Свобода мысли — завоеваніе нынѣшняго столѣтія; я хочу имѣть свободную прессу, но желаю также знать, какія мысли и идеи бродятъ въ головахъ!»

Германъ усмѣхнулся. — Этого легко достигнуть, — сказалъ онъ: — стоитъ только императору предоставить свободу прессы, и онъ узнаетъ, что бродитъ въ головахъ.

Берканьи былъ на минуту озадаченъ и затѣмъ добавилъ съ живостью:

— Вѣрное замѣчаніе! Нужно только переставить фразы! Императоръ желаетъ сперва узнать, что думаютъ нѣмцы, а затѣмъ перейдти къ свободѣ прессы. Но поймите, что онъ можетъ узнать мысли, занимающія нѣмцевъ, только черезъ тѣхъ, которые слѣдятъ за движеніемъ прессы. Вы должны помочь намъ въ этомъ, милостивый государь, потому что представляете собою того талантливаго человѣка, котораго я такъ долго и напрасно отыскивалъ. Мы совершенно сходимся въ образѣ мыслей, но я не имѣю тѣхъ силъ, какія даны вамъ.

— Вы очень добры ко мнѣ, ваше превосходительство, — возразилъ Германъ: — но я не совсѣмъ понимаю, чѣмъ я могу служить вамъ.

— Вы должны представлять мнѣ краткіе отчеты о ходѣ нѣмецкой литературы, содержаніи и направленіи тѣхъ сочиненій, которыя оказываютъ наибольшее вліяніе на читающую публику, руководятъ ея мыслями и ощущеніями. Понимаете ли вы, чего я хочу?

— Письменные отчеты? — спросилъ нерѣшительно Германъ, не потому, что у него явились какія либо сомнѣнія относительно чистоты намѣреній начальника французской полиціи, но скорѣе отъ недовѣрія къ собственнымъ силамъ.

— Разумѣется, письменные! — возразилъ Берканьи: — я прошу у васъ краткихъ, точныхъ отчетовъ, безъ всякихъ лишнихъ подробностей; въ нихъ должны заключаться свѣдѣнія объ авторахъ, ихъ общественномъ положеніи, направленіи и проч.

— Это не легкая задача! — замѣтилъ Германъ. — Не знаю, буду ли я въ состояніи...

— Мнѣ кажется страннымъ, какъ можетъ быть подобная нерѣшительность у человѣка съ такимъ смѣлымъ полетомъ мысли! — воскликнулъ Берканьи, прерывая своего собесѣдника: — умственное объединеніе двухъ великихъ націй, жившихъ до этого своей самобытною жизнью, не можетъ совершиться безъ затрудненій. Если французы нерѣдко поступаютъ торопливо и необдуманно, то нѣмцы слишкомъ много думаютъ и вездѣ видятъ невозможность. Возьмите примѣръ съ Виллье. Это — замѣчательно умный человѣкъ, который

пользуется одинаковымъ уваженіемъ во Франціи и Германіи... Принимайтесь за дѣло безъ всякихъ колебаній и раздумыванія. Когда я увижу то, что вы представите, мнѣ будетъ легче объяснить вамъ, что именно нужно. Вамъ представляется возможность оказать великую услугу вашему отечеству, а я могу доложить объ его нуждахъ и стремленіяхъ королю, какъ только съ вашей помощью дѣло достаточно выяснится для меня!.. Вы будете обезпечены съ денежной стороны и потому можете спокойно работать. Выписывайте всѣ книги и газеты, какіе сочтете нужными, а затѣмъ подадите мнѣ счетъ, не выключая, разумѣется, того, что будетъ стоить вамъ корреспонденція. Имѣйте также въ виду, что теперешнія занятія послужатъ прекрасной подготовкой для вашей будущей профессорской дѣятельности. Со временемъ, я отрекомендую васъ историку Мюллеру; онъ, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, вышелъ изъ министерства и назначенъ попечителемъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній въ государствѣ. Но объ этомъ поговоримъ впоследствии; теперь мнѣ необходимо знать: согласны ли вы на мое предложеніе?

Германъ отвѣтилъ почтительнымъ поклономъ.

— Я не задерживаю васъ долѣе и надѣюсь увидѣть въ непродолжительномъ времени; тогда мы коснемся подробнѣе нѣкоторыхъ вопросовъ. Вы получите надняхъ письменную инструкцію, изъ которой увидите, чего именно мы желаемъ.

Германъ простился и вышелъ въ сосѣднюю комнату, но Берканъ опять позвалъ его въ кабинетъ и сказалъ ему:

— Прошу настоятельно никому не сообщать о нашемъ разговорѣ и вашихъ будущихъ занятіяхъ; вы должны соблюсти тайну въ виду собственныхъ интересовъ. Не забывайте, что это не болѣе какъ проба; если ваша работа не удовлетворитъ насъ, и мы не сойдемся, то всякая огласка послужитъ только орудіемъ для вашихъ противниковъ, и вамъ трудно будетъ получить какое нибудь мѣсто. Многіе предлагали мнѣ свои услуги, но они принадлежали къ той или другой политической партіи, а мнѣ не нужно никакихъ тенденцій. Я особенно дорожу тѣмъ, что вы, какъ говорятъ полатыни, *integer*. Особенно будьте осторожны при Рейхардтѣ и не проговоритесь о нашемъ общемъ дѣлѣ; онъ человѣкъ увлекающійся и крайне неосторожный на словахъ, хотя я самъ сердечно люблю и уважаю его... Повторяю еще разъ, будьте нѣмы относительно всего, что касается вашей работы...

Берканъ протянулъ руку и, заручившись обѣщаніемъ Германа, что онъ безусловно исполнитъ его требованіе, вернулся къ своему письменному столу.

Едва дверь закрылась за посѣтителемъ, какъ вошелъ Саванъ съ большимъ запечатаннымъ пакетомъ въ рукахъ.

— Делеша отъ его величества, изъ Брауншвейга! — доложилъ онъ.

— Тамъ большія празднества, — сказалъ Берканъ, пробѣгая глазами бумагу:—вчера утромъ былъ «grand lever», при которомъ полковникъ Дёрнбергъ принесъ присягу его величеству въ качествѣ командира стрѣлковъ-карабинеровъ...

— Знаете ли что, Саванье?—продолжалъ онъ:—молодой философъ въ нашихъ рукахъ. Занесите его въ списокъ доносчиковъ, но отведите ему почетное мѣсто и примите мѣры, чтобы онъ никогда не услышалъ бранной клички «mouchard!» Онъ доходитъ до лунатизма въ своемъ фантазерствѣ, и, если кто нибудь назоветъ его вслухъ «полицейскимъ шпиономъ» по роду дѣятельности, принятой имъ на себя, то, пожалуй, онъ бросится съ крыши.

Саванье усмѣхнулся.

— Съ какимъ содержаніемъ?—спросилъ онъ.

— Ну, объ этомъ я подумаю, мнѣ сперва нужно познакомиться съ его работой. Теперь одновременно, въ видѣ аванса, пошлите ему 300 франковъ и сдѣлайте это поскорѣе: деньги удобная приманка, чтобы связать человѣка, хотя я не знаю, насколько онъ дорожитъ ими, потому что витаетъ въ небесахъ. Жаль, что вы не слышали, Саванье, какую чепуху несъ онъ о слияніи націй, но говорилъ бѣгло, точно съ каеэдръ, и вдобавокъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ.

— Мнѣ сдается, что онъ будетъ очень полезенъ намъ, — сказалъ секретарь.

— Давай Богъ. Императоръ настойчиво требуетъ, чтобы учрежденъ былъ надзоръ за нѣмецкими писателями и разными идеалистами, которые стараются открыто и тайно вывести націю изъ ея полусоннаго состоянія и возбудить въ ней патріотизмъ. Дѣло становится серьезнымъ; король въ безпокойствѣ, и пишетъ, что все зависитъ отъ нашей дѣятельности. Мы не должны ничѣмъ пренебрегать; я надѣюсь, что молодой философъ, по своей невинности, укажетъ намъ тѣхъ ученыхъ и литераторовъ, которыхъ можно будетъ успокоить орденомъ Почетнаго Легіона, а противъ остальныхъ мы примемъ болѣе крутыя мѣры... Теперь вы можете идти; эта тяжеловѣсная нѣмецкая философія отняла у меня много времени.

VII.

Двѣ невѣсты.

Германъ вышелъ веселый изъ кабинета начальника полиціи, но дорогой на него напало раздумье. Наложанный на него обѣтъ молчанія тяготилъ его; онъ вспомнилъ, но слишкомъ поздно, предостереженіе Луизы, и чѣмъ дальше шель онъ по улицамъ, тѣмъ болѣе усиливалось въ немъ безпокойство и недовольство собой.

Но онъ уже почувствовалъ нѣкоторое душевное облегченіе, когда вернулся въ гостиницу и расположился въ своей комнатѣ. Недовѣріе было на столько чуждо его простодушному сердцу, что онъ мало-по-малу сталъ успокоиваться. Одно только нѣсколько волновало его, что онъ своею нерѣшительностью могъ произвести невыгодное впечатлѣніе на Берканья, который увлекъ его своимъ умомъ и краснорѣчіемъ, но онъ утѣшалъ себя мыслью, что ему представляется такой удобный случай сдѣлать надлежащую оцѣнку выдающимся произведеніямъ нѣмецкой литературы, которая, по его мнѣнію, могла имѣть особенное значеніе въ данный моментъ, въ виду политическаго преобладанія французовъ. Нѣчто подобное высказалъ однажды Рейхардтъ въ разговорѣ съ нимъ; слѣдовательно, честный капельмейстеръ, вѣроятно, отнесся бы сочувственно къ тому дѣлу, которое онъ принялъ на себя. Но почему Луиза смотритъ такъ враждебно на Берканья?—быть можетъ, она боится за своего отца; но ей, конечно, и въ голову не можетъ прійти, что начальникъ французской полиціи дружелюбно относится къ талантливому капельмейстеру и смотритъ сквозь пальцы на его неосторожныя рѣчи. Какъ жаль, что онъ связанъ общаніемъ и не можетъ передать Луизѣ отзыва Берканья объ ея отцѣ..

Размышляя такимъ образомъ, Германъ окончательно помирился съ собою и сталъ мечтать о блестящей будущности, какая открылась передъ нимъ. Съ полнымъ самодовольствомъ юности, онъ рѣшилъ немедленно приняться за работу, такъ какъ не сомнѣвался, что попалъ на настоящую дорогу и вскорѣ займетъ видное мѣсто среди выдающихся личностей своей родины.

Прежде всего, онъ считалъ необходимымъ перейти на частную квартиру, гдѣ ничто не мѣшало бы его занятіямъ. Хозяинъ гостиницы, Керштингъ, къ которому онъ обратился за помощью, на другой же день указалъ ему на домъ вдовы своего бывшего пріятели, бургграфа Виттиха, гдѣ отдавалась хорошая комната съ спальней:

— Эта комната дочери хозяйки, — сказалъ хозяинъ, — она невѣста и надняхъ выходитъ замужъ. Они не хотѣли пускать жильцовъ и рѣшились на это изъ боязни, что къ нимъ будутъ постоянно напрашиваться на квартиру разные французскіе мелкіе employés, commis и всякая голодная саранча, которая съ каждымъ днемъ становится все многочисленнѣе, такъ что скоро не будетъ доставать квартиръ въ нашемъ городѣ. Виттихи примутъ васъ, въ виду моей рекомендаціи, самымъ привѣтливымъ образомъ.

Послѣ обѣда Германъ отправился въ указанный ему домъ. Ему пришлось пройти дворъ и подняться по двумъ, плохо освѣщеннымъ и крутымъ лѣстницамъ, такъ что у него мелькнула мысль: не отказаться ли отъ квартиры съ такимъ мрачнымъ ходомъ? Но онъ тотчасъ же измѣнилъ намѣреніе, когда увидѣлъ веселую, добродушную хозяйку, и она отворила ему дверь въ свѣтлую комнату

съ большимъ окномъ, изъ котораго открывался тотъ же, освѣщенный вечернимъ солнцемъ, ландшафтъ, такъ пріятно поразившій его, въ первый день прибытія въ городъ.

— Не правда ли, это выкупаетъ крутую лѣстницу,—замѣтила съ улыбкой хозяйка:—утромъ въ этой комнатѣ вась будить солнце, а по вечерамъ здѣсь всегда прохладно, и вы можете любоваться видомъ, который теперь передъ вами...

Обстановка комнаты была приличная; кромѣ письменнаго стола, дивана и другой мебели, стояло фортопiano, которое, по словамъ хозяйки, останется въ его пользованіи, потому что женихъ дочери купилъ ей новый инструментъ.

— Г. Гейстеръ, мой будущій зять, — рассказывала хозяйка: — изъ богатой фамиліи и состоитъ начальникомъ бюро въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Теперь у насъ все такія названія, что намъ, старымъ людямъ, трудно выговорить ихъ... Гейстера всѣ считаютъ знающимъ человѣкомъ и говорятъ, что онъ выйдетъ въ люди...

Германъ слушалъ разсѣянно; ему хотѣлось скорѣе устроиться въ этой уютной, комфортабельной комнатѣ; особенно соблазняло его фортопiano, которое дало бы ему возможность упражняться въ пѣніи. Онъ тотчасъ же согласился на условія найма и изъявилъ желаніе переѣхать на слѣдующій день. Хозяйка возразила, что эта комната пока занята ея дочерью, и потому она не можетъ дать отвѣта, не переговоривъ съ нею.

Съ этими словами она повела будущаго жильца въ нижній этажъ.

— Лина! — крикнула она съ лѣстницы.

Изъ кухни появилась красивая, стройная дѣвушка съ темными волнистыми волосами, которые рельефно отгнѣняли ея нѣжный цвѣтъ лица и розовыя щеки; глаза и губы весело улыбались. Герману показалось, что онъ никогда не встрѣчалъ такого классически правильнаго профиля; только подбородокъ немного выступалъ впередъ.

Всѣ вышли на балконъ, и его пригласили сѣсть для переговоровъ о времени его переѣзда.

— Я могу перейти на два дня въ желтый кабинетъ,—сказала молодая дѣвушка:—навѣрно Людвигъ ничего не будетъ имѣть противъ этого?

— Я думаю, что нѣтъ!—возразила мать.

— Вы назвали Людвига... Развѣ еще кто нибудь живетъ съ вами?—спросилъ Германъ.

— Это мой женихъ!—отвѣтила Лина съ кокетливой улыбкой красивой дѣвушки, когда она объявляетъ постороннему молодому человѣку, что помолвлена за другаго, и этимъ, какъ бы даетъ знать, что ея сердце недоступно для него.

— Я долженъ былъ бы догадаться!—сказалъ Германъ съ вѣжливымъ поклономъ:—потому что слышалъ о предстоящей свадьбѣ.

Я искренно поздравляю незнакомаго мнѣ Людвига, а васъ, фрѣйлейнъ, поздравлю тогда, когда увижу его.

— Это не совсѣмъ любезно!—замѣтила со смѣхомъ Лина:—вы должны заранѣе быть увѣрены, что я буду счастлива и сдѣлала прекрасный выборъ.

— Вы уже могли убѣдиться въ моей невѣжливости!—сказалъ онъ:—я выживаю васъ изъ вашей комнаты, но не думайте, чтобы меня особенно мучило раскаяніе, потому что иначе я не могъ бы провести нѣсколько дней въ вашемъ обществѣ. У меня въ Галле осталась сестра, она также называется Линой и почти также хороша собой, какъ вы; я повторяю—«почти!»...

— Въ самомъ дѣлѣ! Какъ бы я желала познакомиться съ ней. Я была бы очень рада, если бы она пріѣхала на мою свадьбу... А вотъ и Людвигъ! я слышу его шаги...

Она ласково встрѣтила своего жениха и представила ему Германа.

Людвигъ Гейстеръ былъ красивый, немного сербѣзный человекъ, съ степенной осанкой; все напоминало въ немъ важнаго чиновника, начиная отъ сдержаннаго обращенія до тщательнаго, изысканнаго туалета; блѣдное лицо и извѣстная нервность въ движеніяхъ свидѣтельствовали объ ежедневной усидчивой работѣ. Онъ пріѣхалъ за Линой, чтобы повезти ее на новую квартиру, гдѣ ихъ ожидалъ обойщикъ для выбора гардинъ.

— Я радъ, что дѣло подвигается впередъ,—сказалъ Людвигъ:—король возвращается изъ своего путешествія 26-го числа, а къ этому времени мы уже будемъ за городомъ. Надѣюсь, что ты, Лина, ничего не имѣешь противъ этого?

Молодая дѣвушка покраснѣла и кивнула головой въ знакъ согласія.

— Теперь поговоримъ о нашемъ жильцѣ,—сказала г-жа Витихъ и сообщила о намѣреніи Лины переселиться въ другую комнату.

По этому поводу между молодыми людьми, которые видимо симпатизировали другъ другу, завязался оживленный разговоръ. Людвигъ былъ хорошо образованъ и зналъ языки. Онъ съ большимъ интересомъ слушалъ рассказы Германа о лекціяхъ нѣкоторыхъ профессоровъ въ Галле, которыхъ зналъ только по ихъ сочиненіямъ, такъ какъ былъ нѣсколько старше своего собесѣдника. Наконецъ, онъ поднялся съ мѣста, видя, что Лина уже надѣла шляпу и перчатки.

— Да будетъ тебѣ извѣстно, мой милый Людвигъ,—сказала она, взявъ его подъ руку:—что я могу считать нашего гостя моимъ братомъ, у него есть сестра Лина, которая почти также красива, какъ я; но только—почти!

— Во всякомъ случаѣ мы можемъ считать г. Германа членомъ нашей семьи, потому что онъ будетъ жить у твоей матери, — сказалъ улыбаясь Людвигъ: — будемъ часто видѣться и, надѣюсь, сойдемся съ нимъ.

Когда Германъ остался наединѣ съ старушкой, она опять заговорила о своемъ зятѣ:

— Вы, вѣроятно, замѣтили, г. докторъ, — сказала она: — что Гейстеръ торопить свадьбу, чтобы справить ее до прїѣзда короля и успѣть, хотя на время, уѣхать отсюда. Его величество большой поклонникъ женской красоты, а при его дворѣ немало такихъ господъ, которые гоняются за всѣми хорошенькими женщинами. Дочь моя до сихъ поръ жила въ уединеніи и не имѣетъ понятія о большомъ свѣтѣ. Людвигъ не ревнивъ, и я увѣрена, что онъ никогда не будетъ имѣть къ этому повода, но вы не можете себѣ представить, что творится при дворѣ. Наши знатныя дамы слишкомъ избаловали короля своей податливостью; онѣ стараются другъ передъ другомъ заслужить его милость; поэтому положеніе мужа-чиновника, имѣющаго красивую жену, крайне затруднительно. Всѣ средства считаются годными, чтобы обольстить ее, а для порядочной женщины такого рода предложенія сами по себѣ оскорбительны... Что касается меня лично, то я не знаю, какая польза въ томъ, что свадьба совершится втихомолку! Имъ, всетаки, придется сдѣлать визиты знакомымъ, пойдутъ толки о моей Линѣ, не правда ли?..

Германъ, поговоривъ еще немного съ своей будущей хозяйкой, отправился къ капельмейстеру, у котораго въ этотъ день по обыкновенію назначенъ былъ музыкальный вечеръ. Онъ пришелъ пораньше, такъ какъ, въ виду ихъ неизмѣннаго участія къ нему, хотѣлъ сообщить имъ о своемъ переѣздѣ на частную квартиру. Они знали по наслышкѣ о вдовѣ Виттихъ и вполне одобрили его выборъ; затѣмъ разговоръ перешелъ къ его свиданію съ генералъ-директоромъ французской полиціи. Его осыпали вопросами. Германъ заранѣе обдумалъ, какъ ему согласить обѣщаніе, данное Берканьи, съ своими нравственными обязательствами относительно преданныхъ ему друзей. Но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ сильно смущенъ и преднамѣренно равнодушнымъ тономъ началъ свой рассказъ; при этомъ безпокойно ходилъ по комнатѣ и время отъ времени бралъ аккорды на фортопіано.

— Прежде всего, — сказалъ онъ съ принужденной улыбкой: — я долженъ замѣтить, что Берканьи показался мнѣ крайне тщеславнымъ человекомъ...

— Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія! — воскликнулъ Рейхардтъ: — лучшее доказательство этого, что, къ своему прежнему буржуазному прозвищу Легра, онъ прибавилъ дворянскую фамилію своей жены «де-Берканьи». Съ нимъ нужно быть на-сторожѣ, Германъ; онъ по натурѣ вспыльчивъ до бѣшенства и, въдобавокъ,

деспотъ въ полномъ значеніи слова. Прежде онъ былъ монахомъ; вы могли замѣтить это по тону его разговора и даже всѣмъ движеніямъ... Однако, продолжайте, мы слушаемъ; интересно знать, что ему было нужно отъ васъ!

— Онъ началъ съ того, что изложилъ мнѣ свои взгляды на литературу, нѣмецкую науку и ея значеніе...

— Каковы! — воскликнулъ Рейхардтъ: — да онъ ни слова не знаетъ понѣмецки, что даже не совсѣмъ удобно для него, потому что ему приходится ограничиваться сообщеніями его негодныхъ агентовъ!

— Однако, ему нельзя отказать въ умѣ и знаніяхъ, — замѣтилъ Германъ: — онъ прекрасно говорилъ о характерныхъ особенностяхъ обѣихъ націй, ихъ умственной жизни и той солидарности, какая въ этомъ отношеніи можетъ возникнуть между ними. Естественно, что ему было желательно также узнать, съ какою цѣлью я пріѣхалъ въ Кассель, чѣмъ намѣренъ заняться, хотя, повидимому, ему многое уже было извѣстно отъ генерала Сала. Онъ настойчиво совѣтовалъ мнѣ познакомиться съ историкомъ Мюллеромъ, къ которому, видимо, относится съ большимъ уваженіемъ; это знакомство, по его мнѣнію, будетъ крайне полезно для моихъ будущихъ литературныхъ занятій...

Германъ замолчалъ, такъ какъ ему показалось, что онъ разсказалъ достаточно.

Луиза съ удивленіемъ взглянула на него. — Все это кажется мнѣ очень страннымъ! — сказала она. — Навѣрно у Берканьи какія нибудь другія затаенныя цѣли; онъ не сталъ бы тратить времени, чтобы бесѣдовать съ вами о литературѣ...

Германъ покраснѣлъ и, чтобы выйдти изъ затруднительнаго положенія, тотчасъ же придумалъ отвѣтъ, хотя не совсѣмъ близкій къ истинѣ.

— Берканьи упомянулъ и о васъ, г. Рейхардтъ, — сказалъ онъ торопливо: — и спрашивалъ о вашихъ новыхъ композиціяхъ, а бывший при этомъ секретарь Саванье замѣтилъ, что генераль-директоръ очень любитъ ваши мелодіи...

Рейхардтъ расхохотался. — Весьма обязанъ ему за эту честь! — воскликнулъ онъ. — Какъ можетъ человѣкъ интересоваться тѣмъ, чего не понимаетъ! Вѣроятно, Берканьи называетъ мелодіями мои политическіе пассажи, ну, а дальше...

— Я ничего не возражалъ, и Берканьи прекратилъ разпросы.. Скажите, пожалуйста, какого вы мнѣнія о Мюллерѣ? — добавилъ Германъ, чтобы переимѣнить тему разговора.

— Онъ теперь въ Гёттингенѣ, — возразилъ капельмейстеръ. — Вамъ извѣстно, что онъ по нездоровью долженъ былъ отказаться отъ должности секретаря министерства. Этотъ важный постъ совсѣмъ не годился для него, потому что онъ привѣнгалъ кропотли-

востъ историческаго изслѣдованія къ такому дѣлу, какъ быстрое совиданіе новаго государства, гдѣ приходится дорожить каждой минутой. Король назначилъ его теперь членомъ государственнаго совѣта и попечителемъ всѣхъ университетовъ нашего государства. Ахъ, если бы ученый Мюллеръ былъ такимъ же хорошимъ дѣльцомъ, какъ историкомъ! Но у него нѣтъ ни проникательности, ни силы воли, чтобы постоять за истину, а также «savoir faire» и знанія людей...

— Вѣдьяга постоянно противорѣчитъ себѣ!—добавила Луиза:— двадцать пять лѣтъ тому назадъ, онъ состоялъ здѣсь при «Karls-shule», затѣмъ, свѣдаемый честолюбіемъ пустился въ погоню за высшими должностями, жилъ въ Майнцѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и, наконецъ, по собственной ли инициативѣ, или, по приказу Наполеона, пристроился въ Касселѣ. А теперь онъ плачется, что не можетъ кончить своей исторіи Швейцаріи и чувствуетъ себя несчастнымъ, что измѣнилъ своему призванію!

— Въ словахъ Луизы нѣтъ ничего преувеличеннаго,—сказалъ Рейхардтъ:—такой исходъ неизбѣженъ, когда человѣкъ идетъ противъ своихъ природныхъ склонностей! Поэтому мы не будемъ насиловать Германа и затягивать въ политику; своимъ перомъ онъ также можетъ принести немалую пользу нашему угнетенному народу...

— Другими словами, отецъ совѣтуетъ вамъ пуститься въ литературу,—сказала Луиза съ горькой усмѣшкой.—Въ самомъ дѣлѣ, у насъ ничего не осталось, кромѣ чтенія и мечтаній о лучшей будущности; всякая честная практическая дѣятельность закрыта для гессенцевъ...

Пріѣздъ гостей прервалъ интимный разговоръ друзей. На музыкальный вечеръ собралось, по обыкновенію, нѣсколько семействъ коротко знакомыхъ съ хозяевами дома; двѣ знатныя дамы пріѣхали безъ своихъ мужей, которые, по ихъ словамъ, были очень заняты. Но въ дѣйствительности, по своему официальному положенію, они не считали удобнымъ бывать въ домѣ Рейхардта, который своими смѣлыми рѣчами и неуважительными отзывами о разныхъ лицахъ навлекъ на себя подозрѣніе французской полиціи.

Одна изъ этихъ дамъ была жена министра финансовъ, баронесса Бюловъ, красивая молодая женщина, веселая и разговорчивая; другая — жена французскаго посланника при вестфальскомъ дворѣ, баронесса Рейнгардъ, казалась серьезнѣе и сдержаннѣе первой дамы и нѣсколько старше ея годами. Она была высокаго роста и производила пріятное впечатлѣніе своимъ простымъ и привѣтливымъ обращеніемъ, хотя ее нельзя было назвать красивой, такъ какъ на ея блѣдномъ лицѣ замѣтны были слѣды оспы. Германъ уже прежде былъ представленъ обѣимъ дамамъ, которыя очень благосклонно отнеслись къ нему, благодаря его представительной наружности и приличнымъ манерамъ. Изъ музыкальнаго міра была

только одна г-жа Шюллеръ, придворная пѣвица, давнишняя знакомая хозяйки дома и искренно привязанная къ ней.

Разговоръ тотчасъ же зашелъ о путешествіи короля, которое живо интересовало тогда все кассельское общество.

— Замѣчательно, съ какими оваціями всюду встрѣчаютъ нашего короля!—замѣтила съ улыбкой баронесса Бюловъ.—Всѣ города и деревни, черезъ которыя приходится проѣзжать его величеству разукрашены триумфальными арками. Вездѣ толпится народъ и привѣтствуетъ его криками: Да здравствуетъ нашъ добрый король! «Горное эхо, по выраженію одной мѣстной газеты, вторитъ этимъ радостнымъ возгласамъ»....

— Не знаете ли вы, о какихъ горахъ тутъ идетъ рѣчь!—замѣтилъ со смѣхомъ Рейхардтъ.—Не о Гарцѣ ли и неизмѣнномъ Брокенѣ, хотя это нѣсколько далеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ проѣзжаетъ король?

— Рейбель, сопровождающій его величество въ качествѣ адъютанта,—продолжала баронесса:—пишетъ моему мужу: «Notre marche est celle d'un triomphe ou le vainqueur est adoré!» вѣроятно, онъ употребилъ ту же фразу въ своемъ донесеніи императору....

— Иеронимъ такъ любимъ народомъ, что иначе и быть не можетъ,—сухо замѣтилъ пруссакъ, бывший въ числѣ гостей.—Въ «Moniteur'ѣ» описано посѣщеніе его величествомъ Гёттингентской библиотеки: оказывается, что всѣ профессора были удивлены вѣрностью взглядовъ и глубокомысленными вопросами молодого короля....

— Интересно было бы узнать, кто взялъ на себя роль суфлера?—спросилъ Рейхардтъ.

— Объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній,—продолжалъ спокойнымъ голосомъ пруссакъ:—но, повидимому, король съ своей стороны остался доволенъ научными трудами профессоровъ и велѣлъ передать имъ, что одобряетъ ихъ усердіе....

Бесѣда продолжалась еще нѣкоторое время на эту тему, затѣмъ зашла рѣчь о музыкѣ. Баронесса Бюловъ замѣтила съ улыбкой хозяйиню дома, что гости приглашены на музыкальный вечеръ и не хотятъ быть обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ.

Г-жа Шюллеръ взяла ноты и прочла два нѣмецкихъ романа, но она была не въ голосѣ и, ссылаясь на нездоровье, вернулась на свое мѣсто. Капельмейстеръ обратился къ дочери и просилъ ее прочесть которое нибудь изъ ея новыхъ сочиненій:—Вчера ты напѣвала какую-то мелодію,—добавилъ онъ,—я хотѣлъ бы еще разъ прослушать ее, она показалась мнѣ въ высшей степени своеобразной.

Луиза сѣла за фортепіано и послѣ нѣсколькихъ могучихъ аккордовъ прочла превосходную только-что сочиненную ею пѣсню; а затѣмъ, какъ бы не замѣчая присутствія гостей, вышла изъ комнаты, задумчиво опустивъ голову.

Въ залѣ водворилась мертвая тишина, такъ какъ всѣ еще находились подъ впечатлѣніемъ слышаннаго пѣнія; наконецъ Рейхардтъ счелъ нужнымъ объяснить удаленіе дочери:—Луиза всегда разстроена,—сказалъ онъ:—когда ей приходится пропѣть передъ публикой свое новое произведеніе. Хотя мнѣ, какъ отцу, не слѣдуетъ расхваливать ее, но я долженъ сказать, что давно не слышалъ ничего подобнаго. Сколько глубины и прелести въ этой мелодіи и какой оригинальный аккомпаниментъ!...

Гости отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ къ словамъ хозяйина дома, но, не смотря на всѣ его усилія, разговоръ не вязался; дамы одна за другой поднялись съ своихъ мѣстъ и стали прощаться. Экипажъ баронессы Бюловъ почему-то запоздалъ, и она попросила Германа проводить ее.

Дорогой баронесса сказала своему спутнику:—Луиза показалась мнѣ сегодня печальнѣе, нежели когда либо, она, вѣроятно, опять предалась старымъ воспоминаніямъ, а между тѣмъ ея внезапный уходъ поставилъ насъ въ довольно неловкое положеніе.

— Тутъ кроется непроницаемая для меня тайна,—возразилъ Германъ.—Я помню, разъ въ паркѣ она была такъ разстроена пропѣтой мною пѣсней, что едва не упала въ обморокъ....

— Въ этомъ собственно нѣтъ никакой тайны,—прервала баронесса:—потому что исторія Луизы извѣстна многимъ, а вы, какъ близкій, хотя и недавній другъ Рейхардтовъ, должны знать ее. Вы, конечно, слышали о молодомъ Эшенѣ и читали его стихотворенія?...

— Мнѣ извѣстны только его переводы Горация; если не ошибаюсь, то ему пророчили блестящую будущность, но затѣмъ съ нимъ случилось несчастье въ Швейцаріи. Я былъ тогда очень молодъ и не помню никакихъ подробностей.

— Это было восемь лѣтъ тому назадъ,—продолжала баронесса.—Эшенъ отправился изъ Іены въ Бернъ, въ качествѣ воспитателя какого-то юноши. Отсюда лѣтомъ 1800 года онъ предпринялъ путешествіе на ледникъ, но имѣлъ неосторожность взять неопытнаго проводника и провалился въ трещину. Помощь подоспѣла нескоро, и его нашли мертвымъ....

— Какой ужасный случай!—воскликнулъ Германъ.—Я начинаю догадываться.... Бѣдная Луиза!..

— Эшенъ былъ ея первой любовью, и я слышала, что они были помолвлены. Однако время сдѣлало свое: Луиза мало-по-малу утѣшилась и стала невѣстой живописца Гарейса, но вскорѣ послѣ того лишилась и этого жениха, который внезапно умеръ во Флоренціи. Съ тѣхъ поръ ничто не можетъ разсѣять горя несчастной дѣвушки; на сколько можно понять изъ ея словъ, у ней явилось странное убѣжденіе, что неожиданная смерть Гарейса была карой за ея измѣну памяти покойнаго поэта....

Въ это время они дошли до главнаго подъязда министерства финансовъ. Германъ былъ такъ занятъ своими мыслями, что машинально простился съ баронессой и не слышалъ ея изъявленій благодарности за оказанную имъ любезность.

VIII.

Вопросъ будущаго.

Германъ вернулся домой подъ впечатлѣнiемъ слышаннаго разсказа. Луиза предстала передъ нимъ въ новомъ еще болѣе привлекательномъ свѣтѣ. Трагическая судьба несчастной дѣвушки глубоко тронула его; онъ удивлялся, что, послѣ такихъ тяжелыхъ испытанiй, сердце ея могло сохранить любовь къ людямъ и сочувствiе къ ихъ страданiямъ. Припоминая подробности своего знакомства въ Рейхардтами, онъ упрекалъ себя за то, что недостаточно цѣнилъ дружбу Луизы къ нему и не понималъ ея значенiя. Подъ влиянiемъ своей разгоряченной фантазiи, онъ готовъ былъ приписать ей всевозможныя добродѣтели, представлялъ себѣ ее какимъ-то высшимъ существомъ, ниспосланнымъ съ неба, чтобы наставить его на путь истины. У него явилась твердая рѣшимость обращаться къ ней во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ жизни и слѣпо слѣдовать ея совѣтамъ, хотя, подобно большинству мечтателей, онъ не думалъ осуществить этого намѣренiя. Ему и въ голову не приходило, что было бы излишнимъ узнать мнѣнiе Луизы относительно работы, взятой имъ на себя, по порученiю генераль-директора французской полиции; забылъ онъ также, какъ настойчиво убѣждала его Луиза быть осторожнымъ въ бесѣдѣ съ Берканьи и не довѣрять его словамъ.

На слѣдующее утро Германъ уложилъ свои вещи и, сдавъ носильщику, отправился пѣшкомъ на новую квартиру. Г-жа Витихъ провела его въ отведенную ему комнату и, убѣдившись, что все въ порядкѣ, тотчасъ же удалилась.

Германъ началъ разбирать свои вещи, но вскорѣ послышался стукъ въ дверь, и появилась дочь хозяйки. Она поздоровалась съ нимъ съ веселой простодушной улыбкой, которая особенно шла къ ея хорошенькому личику.

— Я пришла, г-нъ докторъ, чтобы помочь вамъ устроиться. Вѣроятно, вы не умѣете обращаться съ бѣльемъ, потому что этимъ всегда завѣдывала ваша сестра Лина.

— Вы забываете, что я былъ въ университетѣ, и въ это время никто не заботился обо мнѣ,—возразилъ Германъ, невольно поддаваясь веселому настроенiю своей собесѣдницы.

Лина разсмѣялась.—Неужели вы думаете,—воскликнула она:—что я имѣю такое высокое мнѣнiе о хозяйствѣ студента? У васъ

несомнѣнно былъ такой же порядокъ въ квартирѣ, какъ у моего Людвига. Говоря откровенно, я убѣждена, что онъ женится на мнѣ потому, что, имѣя на рукахъ столько бумагъ, не можетъ болѣе справиться съ домашнимъ хозяйствомъ. Примите это къ свѣдѣнію, когда сами будете въ такомъ же положеніи. Вотъ посмотрите, что вы надѣлали съ этимъ комодомъ! Оставьте, я все приберу, воображайте, что я ваша сестра Лина.

Германъ предоставилъ молодой дѣвушкѣ распорядиться его вещами, а самъ сѣлъ за фортепiano:

— Въ благодарность за ваши хлопоты обо мнѣ,—сказалъ онъ:— я вамъ спою что нибудь.

— Ахъ! вы поете?

— Да, фрѣйлейнъ, говорятъ, что пою недурно.

Лина прервала его послѣ первыхъ взятыхъ имъ нотъ:—Слово «недурно» не можетъ быть примѣнимо къ вашему пѣнію!—воскликнула она съ живостью.—Я не ожидала ничего подобнаго...

Ему пришло въ голову пропѣть «Пѣсню невѣсты», чтобы видѣть: произведетъ ли она такое же впечатлѣніе на эту счастливую дѣвушку, какъ на Луизу Рейхардтъ.

Но она не дала ему кончить пѣсни.—Бросьте ее,—проговорила она взволнованнымъ голосомъ:—не прошли мои хорошіе дни, и я не омочу слезами моего подвѣчнаго вуаля!... Спойте лучше пѣсню Гёте: «При отблескѣ вечерней зари шель я вдоль дѣса»....

Германъ повиновался, и она опять занялась уборкой его вещей, но черезъ минуту послышалось ея восклицаніе.

— Ахъ, какая красивая перчатка и вся пропитана духами!

Германъ соскочилъ съ своего мѣста смущенный, вспомнивъ, что, при укладкѣ вещей, положилъ перчатку Адели между носовыми платками.

— Неужели у вашей сестры такая крошечная рука?—спросила Лина:—эта перчатка слишкомъ мала мнѣ.

Германъ молчалъ. Она стала искать другую перчатку, но, убѣдившись, что поиски ея напрасны, воскликнула:—А понимаю! Это залогъ любви! Какая нибудь романическая исторія.... Видите ли, какъ я догадлива.

Поддразнивающій тонъ хорошенькой дѣвушки вывелъ Германа изъ смущенія; но такъ какъ онъ не намѣренъ былъ говорить правды, то придумалъ объясненіе, которое могло показаться правдоподобнымъ.

— Почему вы не предполагаете, что у меня есть знакомыя дамы; и вотъ одна изъ нихъ дала мнѣ эту перчатку для образца, чтобы я могъ послать сестрѣ такія же перчатки....

Лина ничего не могла отвѣтить на это, потому что послышался голосъ г-жи Виттихъ, которая звала ее внизъ. Она бросила пер-

чатку въ комодъ и, пожавъ руку Герману, поспѣшно вышла изъ комнаты.

Тонкій ароматъ, распространившійся въ комнатѣ отъ перчатки, пробудилъ въ Германѣ воспоминаніе о молодой креолкѣ съ ея большими блестящими глазами. Онъ упрекалъ себя въ неблагодарности и рѣшилъ, что ему необходимо немедленно представиться графу Фюрстенштейну, чтобы заручиться милостью такой вліятельной особы. Нѣмецкіе уроки, которые хотѣла брать у него сестра графа, могли служить благовиднымъ предлогомъ для такого визита; и, быть можетъ, ему удастся передать втайнѣ перчатку, а тогда....

Неизвѣстно, на чемъ остановилась бы фантазія юноши, если бы мечты его не были прерваны появленіемъ знакомаго полицейскаго.

На этотъ разъ Штейнбахъ явился къ нему въ своей парадной формѣ, застегнутый на всѣ пуговицы; его обычная грубость исчезла, въ манерахъ и тонѣ голоса было нѣчто подобострастное и заискивающее.

— Я уже имѣлъ честь являться къ вамъ, милостивый государь,—сказалъ онъ съ поклономъ:—не помню въ точности съ какимъ требованіемъ, а теперь вотъ что я принесъ вамъ!

Съ этими словами Штейнбахъ положилъ на столъ большое запечатанное письмо и свертокъ съ деньгами.

Германъ сломалъ казенную полицейскую печать и развернулъ письмо съ подписью генераль-директора полиціи Легра де-Беркани. Въ письмѣ заключались инструкціи относительно его будущей работы; при этомъ его увѣдомляли, что ему посылается авансъ въ 300 франковъ, впредь до назначенія ему ежемѣсячнаго жалованья.

— Дѣйствительно, вы явились сегодня совсѣмъ по другому дѣлу!—замѣтилъ Германъ, сложивъ письмо.—Да и видъ у васъ со всѣмъ иной....

— Еще бы,—возразилъ, охорашиваясь, полицейскій:—я числюсь теперь на службѣ у генераль-директора полиціи и состою у него по особымъ порученіямъ. Вы не можете себѣ представить, какой обширный умъ у нашего генераль-директора! Кстати, скажу вамъ по секрету, что я женюсь на его молоденькой экономкѣ, мадемуазель Ветти Бренцель....

— Ну, поздравляю васъ съ такимъ благополучіемъ,—сказалъ Германъ, опустивъ нѣсколько франковъ въ руку Штейнбаха.

Полицейскій, видимо довольный подаркомъ, отвѣсилъ низкій поклонъ; затѣмъ распространился о прекрасныхъ душевныхъ качествахъ Ветти Бренцель, которая, по его словамъ, была не только изъ хорошей семьи, но и вполне достойная особа.—Къ сожалѣнію,—добавилъ рассказчикъ,—ей приходится оставить свое мѣсто, потому что на дняхъ пріѣдетъ изъ Парижа супруга нашего генераль-ди-

ректора съ дочерью; говорятъ, что г-жа де-Берканы нѣсколько своенравна и, кромѣ того, она везетъ съ собой свой штатъ прислуги...

Германъ слушалъ разсѣянно болтовню полицейскаго, и когда, наконецъ, этотъ избавилъ его отъ своего присутствія, онъ еще разъ внимательно прочиталъ полученную инструкцію, которая была написана въ довольно загадочныхъ выраженіяхъ. Но онъ не обратилъ на это вниманія, и, по своему простодушію, не нашелъ въ ней ничего особеннаго; затѣмъ сосчиталъ не безъ удовольствія присланныя деньги. Хотя Германъ не особенно нуждался въ нихъ, благодаря щедрости своего отца, и могъ существовать безбѣдно до полученія мѣста, но видъ перваго заработка наполнялъ его сердце гордымъ сознаніемъ собственнаго достоинства.

— Да,—мысленно разсуждалъ онъ, рассказывая вездѣ и впередъ по комнатѣ:—эти деньги служатъ лучшимъ доказательствомъ, что я не даромъ учился, и люди начинаютъ цѣнить меня. До сихъ поръ я жилъ только для самого себя и стремился къ достиженію личныхъ цѣлей, теперь наступила пора сдѣлать что нибудь для другихъ, для общества.... Мнѣ предстоитъ тяжелая борьба, но это не будетъ бессильная борьба пролетарія; судя по началу, я на прямой дорогѣ, чтобы занять видное мѣсто въ свѣтѣ. Въ одномъ я могу поручиться за себя, что буду служить, но не прислуживаться. Въ нынѣшнее время не унижительно приняться ни за какую работу, когда дѣло идетъ о достиженіи высокой цѣли... Но во всякомъ случаѣ никому не дозволю злоупотреблять мною...

Среди этихъ размысленій, Германъ началъ одѣваться, чтобы идти къ графу Фюрстенштейну. Мысль объ Адели не покидала его; онъ улыбался, глядя на себя въ зеркало.—Какъ бы я хотѣлъ знать, что ожидаетъ меня впереди?—думалъ онъ, хотя самодовольное выраженіе его свѣжаго молодого лица ясно доказывало, что будущность не страшитъ его.

IX.

Неожиданное приглашеніе.

Ле-Камю, графъ Фюрстенштейнъ, первый другъ и совѣтникъ короля Геронима, еще со времени его пребыванія въ Америкѣ, на этотъ разъ не сопровождалъ его величества въ путешествіи и остался въ Касселѣ, занимаясь дѣлами ввѣреннаго ему министерства иностранныхъ дѣлъ. Но и въ этой чуждой для него дѣятельности, особенно трудной въ виду придворныхъ интригъ и постояннаго вмѣшательства Наполеона, графъ Фюрстенштейнъ умѣлъ держать себя съ достоинствомъ, что свидѣтельствовало объ его недюжинныхъ

способностяхъ, ловкости и знаніи людей. Онъ имѣлъ красивую представительную наружность; и если его осанку нельзя было назвать аристократической, то манеры были безукоризненны. Во время разговора, онъ постоянно слѣдилъ за собой и употреблялъ хотя нѣсколько вычурныя, но правильныя выраженія. Близкіе знакомые, не безъ основанія, считали его холоднымъ, безучастнымъ человѣкомъ и крайне разсчетливымъ. Быть можетъ, вслѣдствіе этихъ свойствъ его характера, ухаживанье его за дочерью генерала Сала подвигалось медленно, тѣмъ болѣе, что, по своему высокому положенію, онъ считалъ болѣе приличнымъ для себя вступить въ бракъ съ представительницей какой нибудь старинной нѣмецкой фамиліи.

Въ это утро Ле-Камю, графъ Фюрстенштейнъ, угощалъ завтракомъ à la fourchette, поданнымъ на севрскомъ фарфорѣ, военнаго господина въ парадной формѣ, увѣшеннаго орденами. Это былъ также одинъ изъ любимцевъ короля, бригадный генералъ Моріо, который пріѣхалъ съ нимъ изъ Франціи въ качествѣ его адъютанта и теперь занималъ важный постъ военнаго министра. Онъ былъ человѣкъ талантливый, съ нѣкоторымъ военнымъ образованіемъ, но крайне легкомысленный и на столько раздражительный и безцеремонный, что, при веселомъ вестфальскомъ дворѣ, всѣ боялись его и избѣгали какихъ либо столкновеній съ нимъ. Хотя Ле-Камю всячески старался занять разговоромъ своего гостя, но на лицѣ послѣдняго замѣтны были явные признаки нетерпѣнія. Моріо давно ухаживалъ за Аделью и, благодаря ея кокетливому обращенію съ нимъ, не сомнѣвался, что она также увлечена имъ; сегодня утромъ онъ явился въ парадной формѣ, чтобы просить руки молодой дѣвушки. Между тѣмъ, чувства Адели измѣнились послѣ ея первой встрѣчи съ Германомъ, который поразилъ ее своей красивой наружностью; вдобавокъ, у ней явилось желаніе идти наперекоръ волѣ брата, вслѣдствіе намека генеральши Сала, что онъ не позволитъ ей брать нѣмецкихъ уроковъ у Германа.

Ле-Камю, въ ожиданіи визита Моріо, все утро напрасно уговаривалъ сестру дать согласіе на бракъ и, только, добился отъ нея обѣщанія принять жениха и не отказывать ему наотрѣзъ, чтобы не упустить такой блестящей партіи.

Неожиданный пріѣздъ оберъ-гофмейстерины ея величества вывелъ его изъ затрудненія, такъ какъ можно было ожидать, что знатная посѣтительница, при своей дружбѣ къ Адели, долго пробудетъ у ней, что дѣйствительно и случилось. Ле-Камю воспользовался этимъ временемъ, чтобы намекнуть влюбленному генералу, что, хотя онъ и не получитъ тотчасъ согласія молодой дѣвушки, но не долженъ терять надежды. Затѣмъ онъ нашелъ нелишнимъ высказать свое предположеніе относительно цѣли визита гофмейстерины.

— Вамъ извѣстно, что королева не долюбливаетъ мою сестру, но графиня Антонія надѣется помочь бѣдѣ и, вѣроятно, пріѣхала сегодня для переговоровъ по этому вопросу. Не скрою, что мнѣ было бы очень пріятно, если бы Адель, послѣ своего замужества, была назначена статсъ-дамой королевы.... Кстати я слышалъ, что король сблизился съ гофмейстериной, послѣ отъѣзда своей возлюбленной.

— Неужели?—воскликнулъ Моріо.—Дѣйствительно гофмейстерина никому не уступитъ въ любезности, хотя далеко не такъ красива, какъ графиня Франциска....

— У ней не такія роскошныя формы, хотите вы сказать,—прервалъ Ле-Камю:—и нѣтъ такого цвѣта лица, но, съ другой стороны, она не такъ груба и высокомѣрна.... Гофмейстерина очаруетъ короля своимъ умомъ; и повѣрьте мнѣ, генераль, что это новое увлеченіе Геронима намъ болѣе съ руки....

— Но она, если не ошибаюсь, старше короля!—замѣтилъ Моріо.

— А графиня Франциска и королева развѣ не старше его?—возразилъ Ле-Камю.—Это и должно представлять особенную прелесть въ возрастѣ Геронима.....

— Быть можетъ, короля привлекаетъ и то обстоятельство, что Антонія принадлежитъ къ старинному княжескому роду.... ну, опять забылъ эту проклятую нѣмецкую фамилію....

— Знаю!—воскликнулъ со смѣхомъ хозяинъ дома.—Замѣтите, что гофмейстерина въ наилучшихъ отношеніяхъ съ господиномъ фонъ-Бюловымъ, что также имѣетъ значеніе... Но вернемся къ нашему вчерашнему разговору: я опять буду убѣждать васъ, генераль, возобновить съ Бюловымъ прежнія дружескія отношенія. Это замѣчательно умная голова—«un homme universel»!... Мы должны радоваться, что онъ замѣнилъ Беню, эту длинную, мрачную фигуру съ ея революціонными традиціями. Хотя Беня своего рода гений, но ему не доставало знакомства съ финансовымъ положеніемъ края, да и вообще онъ не могъ освоиться съ общимъ ходомъ дѣлъ въ Германіи. Между тѣмъ Бюловъ, при его умѣнии находить новые источники доходовъ, необходимъ для Вестфалии, въ виду нашихъ широкихъ потребностей; сверхъ того, онъ обладаетъ особеннымъ даромъ изложить кратко и ясно всякое дѣло нашему доброму Жерому, такъ что его величеству остается достаточно времени на удовольствія....

— Вы правы, графъ,—возразилъ Моріо:—я самъ нахожу, что Бюловъ полезнѣе своего предшественника; при этомъ у него нѣтъ такой глупой надменности, какъ у всѣхъ этихъ гессенскихъ и брауншвейгскихъ бароновъ. Но я не совсѣмъ довѣряю политическимъ симпатіямъ этого вѣжливаго пруссака: развѣ вы не видите, сколько у него приверженцевъ, которые открыто причисляютъ себя «къ нѣмецкой партіи».

— Полноте, Моріо! мы сами называемъ ихъ такъ. Вы забываете, что Вестфалія нѣмецкое государство, и, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о «нѣмецкой партіи», когда нѣмцы составляютъ здѣсь *le tout*.... Да и мы сами, министры нѣмецкаго королевства, не должны оставаться здѣсь чужеземцами; король уже начинаетъ любить нѣмцевъ, а гофмейстераина постарается усилить въ немъ это чувство.... Подумайте, какую силу приобрететъ такъ называемая «нѣмецкая партія», благодаря графинѣ Антоніи и Бюлову. Надѣюсь, что вы, мой будущій зять, не перейдете на сторону Берканьи и не очутитесь во враждебномъ лагерѣ!... Вы, кажется, давно знакомы съ Бюловымъ и могли бы простить ему....

— Если вы такъ желаете этого, то я готовъ сдѣлать ему визитъ, — сказалъ Моріо, протягивая руку своему собесѣднику. — Но теперь бросимъ этотъ разговоръ....

Подъ окномъ послышался шумъ экипажа.

— Ну, еще кто-то явился сюда! — воскликнулъ съ нетерпѣніемъ генераль.

Вошелъ слуга-французъ и доложилъ съ улыбкой, что графа желаетъ видѣть какой-то молодой докторъ съ такой мудреной нѣмецкой фамиліей, что ее выговорить невозможно.

— Докторъ! — повторилъ съ недоумѣніемъ Ле-Камю. — Онъ, вѣроятно, пріѣхалъ въ экипажѣ?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, это экипажъ графини! — возразилъ слуга.

Моріо поспѣшно всталъ съ мѣста въ ожиданіи скорого отъѣзда гофмейстераины, но къ своей величайшей досадѣ услышалъ, что хозяинъ дома приказалъ слугѣ принять г. доктора.

Самъ Ле-Камю замѣтно смутился, когда вошелъ Германъ; онъ вспомнилъ о нѣмецкихъ урокахъ; ему было неприятно заговорить о нихъ при Моріо. Но ему было бы еще неприятнѣе, если бы онъ зналъ, что въ эту минуту въ дверяхъ за тяжелой шелковой портьерой стоитъ его сестра и наблюдаетъ за нимъ.

Адель провела свою гостью въ залу, сосѣдную съ кабинетомъ; когда подѣхалъ экипажъ, обѣ подошли къ открытому окну и видѣли, какъ Германъ вошелъ на крыльцо. Волненіе, овладѣвшее молодой дѣвушкой, не ускользнуло отъ вниманія ея пріятельницы; графиня спросила: — Кто этотъ красивый молодой человекъ?

— Я случайно познакомилась съ нимъ, — сказала Адель: — и все расскажу вамъ.... это странная исторія!... Навѣрно, братъ сухо приметъ его; а тутъ еще Моріо! Простите, я оставляю васъ на одну минуту.

Съ этими словами она поспѣшно подошла къ открытымъ дверямъ кабинета и слегка приподняла край портьеры.

Графъ Фюрстенштейнъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу посѣтителю:

— Ахъ, это вы.... Слуга не могъ выговорить вашей фамиліи, —

сказалъ онъ.—Вы, вѣроятно, желаете спросить относительно нѣмецкихъ уроковъ.... Сестра говорила мнѣ... Но... разумѣется....

— Прошу извиненія у вашего превосходительства, — возразилъ Германъ:—если я рѣшился воспользоваться вашимъ дозволеніемъ явиться сюда, то съ единственной цѣлью выразить вамъ свое уваженіе. Мнѣ было бы желательно заручиться вашей благосклонностью, графъ, такъ какъ я не теряю надежды поступить на службу его величества.

Непринужденныя манеры Германа и ловкость, съ какой онъ отклонилъ прямой отказъ отъ уроковъ, расположили графа въ его пользу. Онъ отвѣтилъ любезнымъ обѣщаніемъ сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы устроить наилучшимъ образомъ судьбу молодого человѣка, но, замѣтивъ нетерпѣливое движеніе Моріо, обратился къ нему со словами:

— Позвольте представить вамъ, генералъ, молодого ученаго, котораго рекомендовали мнѣ для нѣмецкихъ уроковъ сестры..

— А вотъ въ чемъ дѣло!—прервалъ его Моріо, обращаясь къ Герману, красивая наружность котораго произвела на него непріятное впечатлѣніе, при одной мысли, что онъ могъ сдѣлаться учителемъ Адели.—Вы не должны рассчитывать на эти уроки, милостивый государь; ищите себѣ другихъ ученицъ...

Ле-Камю былъ пораженъ не менѣе Германа грубой выходкой генерала и поспѣшилъ вмѣшаться въ разговоръ:—Уроки нѣмецкаго языка, —сказалъ онъ:—собственно назначались для мадемуазель Салы; вы, можетъ быть, слышали, что она невѣста, Адель также почти помолвлена....

— Я долженъ напомнить вамъ, графъ,—замѣтилъ съ раздраженіемъ Моріо:—что этотъ господинъ просилъ васъ о мѣстѣ. Занесите его въ списокъ кандидатовъ, хотя такихъ проходимцевъ здѣсь несмѣтная толпа; они собрались сюда со всего свѣта. Васъ, молодой человѣкъ, запишутъ въ числѣ первыхъ кандидатовъ.

При этихъ словахъ Моріо сдѣлалъ движеніе рукой по направлению двери.

Германъ замѣтилъ смущеніе хозяина дома и сказалъ вѣжливо, хотя дрожащимъ голосомъ:—Прошу извиненія, если я помѣшалъ вашему превосходительству своимъ появленіемъ! Но рѣшаюсь замѣтить вамъ, что я изъ Галле, нѣмецкаго города, принадлежащаго къ нашему королевству, и не могу причислить себя къ чужеземнымъ искателямъ приключеній, наводнившимъ собой Вестфалію. Моя фамилія также нѣмецкая, и генералу, вѣроятно, будетъ трудно выговорить ее.

Съ этими словами Германъ поклонился и вышелъ изъ комнаты. Генералъ, не помня себя отъ обшенства, хотѣлъ броситься за нимъ въ прихожую, но Ле-Камю загородилъ ему дорогу:

— Что съ вами, Моріо!—воскликнул онъ съ едва скрываеюмою досадою:—вы забываете всѣ приличія!

— Чортъ бы его побралъ! Кто онъ такой! Развѣ вы не слышали, что этотъ господинъ осмѣлился оскорбить меня, почти назвалъ меня искателемъ приключеній, онъ....

— Успокойтесь, я былъ такъ смущенъ вашимъ обращеніемъ съ нимъ, что не разслышалъ его словъ,—сказалъ Ле-Камю.—Вы сами нанесли ему оскорбленіе въ моемъ домѣ, самовольно указали дверь порядочному человѣку, который явился ко мнѣ лично, и этимъ поставили меня въ неловкое положеніе, генераль. Но довольно объ этомъ! Если онъ дерзко отвѣтилъ вамъ, то сознайтесь, что вы сами виноваты во всемъ.... Однимъ словомъ «faites bonne mine à mauvais jeu» и пойдемъ къ Адели; вѣроятно, графиня уѣхала....

Германъ, войдя въ прихожую, увидѣлъ Адель, занятую разговоромъ съ незнакомою дамою; она слегка кивнула ему головой и, подозвавъ къ себѣ, сказала холодно, съ чувствомъ собственнаго достоинства:

— Съ вами обошлись невѣжливо, и я виновата въ этомъ, такъ какъ вы явились сюда по моему приглашенію. Я должна вамъ объяснить причину и съ дозволенія графини сдѣлаю это въ ея домѣ. Она назначитъ вамъ день и часъ, когда....

— Вы ошибаетесь, мадемуазель Ле-Камю,—сказалъ Германъ:—вашъ братъ принялъ меня очень милостиво, только генераль....

— Это безразлично!—возразила Адель:—но мнѣ необходимо переговорить съ вами и получить отъ васъ мою перчатку, которую вы подняли съ полу.

Германъ опустилъ руку въ карманъ жилета, чтобы достать перчатку, но Адель остановила его:—Вы отдадите мнѣ ее въ слѣдующій разъ.... Когда позволите вы, графиня?....

Оберъ-гофмейстераина обратилась къ Герману и, пригласивъ къ себѣ, назначила день и часъ, когда можетъ принять его. Адель проводила ее до дверей и, не обращая болѣе вниманія на Германа, вернулась въ залу, гдѣ ее ожидалъ братъ и Моріо.

Германъ вышелъ на улицу растерянный и взволнованный. Приглашеніе знатной дамы казалось ему загадочнымъ, равно и рассчитанная холодность молодой дѣвушки, которая такъ поразила его при первомъ знакомствѣ своей наивностью и развязными манерами. Онъ задалъ себѣ вопросъ: что могло скрываться подъ всѣмъ этимъ?—и невольно улыбнулся. Самолюбіе его было польщено, и даже неприятная сцена съ Моріо получила въ его глазахъ иную окраску: теперь представлялся удобный случай отомстить генералу за нанесенное имъ оскорбленіе.

X.

Попытка приняться за работу.

Германъ, въ виду полученнаго впередъ гонорара, рѣшилъ немедленно приняться за работу, заказанную Берканьи. Но передъ нимъ открывалась такая широкая и неопредѣленная задача, что онъ не могъ сразу охватить ее и долго носился съ нею, какъ художникъ, который не скоро можетъ найти пунктъ, чтобы не только вѣрно снять красивый ландшафтъ, но и воспроизвести нѣчто художественное цѣлое. То онъ старался вникнуть въ новыя великія идеи, волновавшія въ то время Германію, то мысль его останавливалась на знаменитыхъ людяхъ, у которыхъ зародились эти идеи, или на тѣхъ, кто наиболѣе увлекался ими. Естественно, что въ его памяти всего живѣе представлялись профессора и тѣ уважаемыя личности, которыхъ онъ привыкъ считать авторитетами. Онъ былъ знакомъ съ лучшими профессорами въ Галле и продолжалъ сношенія съ тѣми изъ нихъ, которые удалились въ Берлинъ послѣ насильственнаго закрытія университета Наполеономъ. Ему казалось теперь, что онъ исполнить долгъ благодарности относительно этихъ почтенныхъ людей, если заставить враговъ оцѣнить ихъ ученые работы, а также ихъ воспитательное значеніе и оказанныя ими услуги въ дѣлѣ предполагаемыхъ преобразованій для народа. Цѣль эта, по мнѣнію Германа, была тѣмъ достижимѣе, что изъ словъ Берканьи можно было заключить, что французское правительство само желаетъ сближенія обѣихъ націй и хочетъ загладить прошлое путемъ признанія заслугъ ученыхъ представителей Германіи....

Сердце Германа болѣзненно сжималось при воспоминаніи о родинѣ и годахъ студенчества. Теперь, болѣе чѣмъ когда либо, онъ былъ воодушевленъ стремленіемъ сдѣлать что нибудь великое, облагодѣтельствовать своихъ соотечественниковъ. Предстоящая работа могла, повидимому, служить прекраснымъ началомъ для дальнѣйшаго.... Онъ брался за перо, но не могъ придумать словъ для выраженія мысли, перечитывалъ инструкцію Берканьи, но все было напрасно. Мысли путались въ его головѣ; онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы справиться съ наплывомъ всевозможныхъ ощущеній.

Но и помимо этихъ, такъ сказать, внутреннихъ препятствій, были и чисто вѣшнія причины, отвлекавшія его отъ работы. Хозяйка и ея дочь, занятая приготовлениями къ свадьбѣ, не разъ являлись къ нему въ комнату, въ особенности послѣдняя. Когда вещи молодой дѣвушки были отправлены на новую квартиру, ею овладѣло лихорадочное безпокойство и боязнь будущаго, такъ что она не въ состояніи была оставаться на одномъ мѣстѣ.

— Что съ вами, флэйлейнъ Лина?—поддразнивалъ ее Германъ:— вы, какъ будто, взволнованы и задумчивы? Вы не хотѣли тогда слушать моей пѣсни о плачущей невѣстѣ,—смотрите, не пролейте слезъ въ день свадьбы.

— Этого никогда не случится!—возразила она съ улыбкой. — Но меня смущаетъ серьезный и молчаливый характеръ Людвига. Я знаю, что онъ занятъ бумагами и разными дѣлами, и, всетаки, не могу быть спокойной. Иногда мнѣ кажется, что я во всемъ виновата и онъ не вѣритъ, что мы будемъ счастливы. Но я такъ люблю его, что онъ, глядя на мое счастье, самъ почувствуетъ себя счастливымъ.... Спойте что нибудь, и мнѣ опять будетъ весело!... Бросьте вашу работу, она не уйдетъ отъ васъ, а меня скоро не будетъ здѣсь....

Германъ сѣлъ за фортепiano, но пѣніе и музыка не могли разсѣять безпокойства молодой дѣвушки; она подошла къ столу и указала ему на стоявшій возлѣ стулъ.

— Садитесь и слушайте,—сказала она.—Послѣ завтра у насъ будетъ дѣвичникъ и соберутся гости; я надѣюсь, что вы примете самое дѣятельное участіе въ нашемъ праздникѣ; затѣмъ вы позволите унести отъ васъ фортепiano и уступите на одинъ вечеръ вашу комнату. Въ верхнемъ этажѣ соберутся пожилые мужчины, друзья Людвига и покойнаго моего отца; это—все приверженцы старины, и мы приготовимъ для нихъ угощеніе на французскій ладъ, чтобы они привыкали къ роскоши. Внизу будетъ веселиться молодежь, а здѣсь, наоборотъ, все будетъ просто, какъ встарину, чтобы молодые не забывали прежнихъ кассельскихъ обычаевъ. Вы можете присоединиться къ кому хотите: къ старикамъ или молодымъ, но я должна предупредить васъ, что нѣкоторые изъ моихъ подругъ очень хороши собой, и если вы поклонникъ красоты, то вамъ не будетъ скучно....

Германъ отвѣтилъ, что онъ заранѣе увѣренъ въ этомъ и, что никакія препятствія не помѣшаютъ ему быть на дѣвичникѣ.

На другой день, вечеромъ, онъ отправился на квартиру оберъ-гофмейстерины въ довольно тревожномъ состояніи духа. Загадочное приглашеніе знатной дамы настолько смущало его, что онъ почти готовъ былъ отказаться отъ него, и старался успокоить себя мыслью, что ему нечего стѣсняться, такъ какъ въ немъ, очевидно, заискиваютъ. Но онъ долженъ былъ убѣдиться, что въ большомъ свѣтѣ не особенно церемонятся съ людьми въ его положеніи и не дорожатъ ими. вмѣсто оберъ-гофмейстерины его встрѣтила молодая горничная, французенка, и небрежнымъ тономъ объявила ему, что графиня у королевы и ждетъ его завтра вечеромъ.

— Очень жаль!—сказалъ Германъ:—но я не могу прійти въ это время.

Французенка съ удивленіемъ посмотрѣла на молодаго чело-вѣка, который отказывается отъ приглашенія оберъ-гофмейсте-

рины королевы, но сдѣлалась учтивѣе. Замѣтивъ неудовольствіе на лицѣ Германа, она объяснила ему, что его адресъ былъ неизвѣстенъ, и поэтому не было возможности извѣстить его заранѣе.

— А сегодня,—сказала она:—графиня должна была отправиться къ королевѣ по поводу приготовленій къ прибытію его величества, котораго ожидаютъ надняхъ... Но чѣмъ должна я объяснить вашъ отказъ прійти завтра вечеромъ?

— Я приглашенъ на дѣвичникъ дочери моей хозяйки.

— Дѣвичникъ! *Qu'est ce que c'est?*—спросила горничная.

Германъ улыбнулся и въ короткихъ словахъ объяснилъ нѣмецкій обычай праздновать послѣдній вечеръ, проводимый невестой въ домѣ матери. Француженка нашла это «*charmant*»; ей особенно понравилось, что въ честь новаго хозяйства разбиваютъ старые глиняные горшки.

— А черезъ двадцать пять лѣтъ,—почему-то добавилъ Германъ въ назиданіе горничной:—празднуютъ серебрянную свадьбу, супруги подкрашиваютъ себѣ лица, чтобы казаться молодыми, и все кушанье варятъ въ старой посудѣ...

Затѣмъ онъ сообщилъ свой адресъ и сказалъ, что будетъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній графини.

— Я передамъ ваши слова!—возразила горничная, надменно кивнувъ ему головой на прощанье.

XI.

Дѣвичникъ.

Въ тѣсной улицѣ, гдѣ жилъ Германъ, уже начинало темнѣть, когда стали съѣзжаться гости, приглашенные на дѣвичникъ. Женъ и невеста принимали ихъ. Прежде всѣхъ появились подружки Лины; нѣкоторыя были недурны собой, но ни одна изъ нихъ не могла сравниться съ невестой, ни по фигурѣ, ни по красотѣ лица. Затѣмъ, мало-по-малу собралось и остальное общество; свадебные подарки складывались на особый столъ.

Въ числѣ гостей обращалъ на себя вниманіе баронъ Рефельдъ, человѣкъ лѣтъ тридцати, худощавый и средняго роста. Онъ былъ первый разъ въ домѣ и, хотя явился съ однимъ изъ старыхъ знакомыхъ г-жи Виттихъ, который рекомендовалъ его, какъ своего пріятеля, но къ нему отнеслись съ недовѣріемъ. При томъ подавленномъ состояніи, въ какомъ находилось тогдашнее гессенское общество, присутствіе всякаго незнакомаго человѣка считалось стѣснительнымъ. Въ немъ видѣли или тайнаго агента новаго правительства, или проходимца, извлекавшаго выгоды изъ чужеземнаго господства. Угловатая манеры барона возбуждали по-

дозрѣніе, такъ какъ онѣ не соответствовали его стройной и гибкой фигурѣ и необычайной живости движеній. Платье его, хотя сшитое по послѣдней модѣ, выказывало претензію на изысканный вкусъ и оригинальность. Изъ разговора барона можно было замѣтить, что онъ хотѣлъ выдать себя за свѣтскаго человѣка, знатока живописи и винъ, и при этомъ хорошаго дѣльца, поглощеннаго биржевыми операціями. Онъ сдѣлалъ попытку присоединиться къ молодежи, придумывалъ разные «*petits jeux*», но всѣ его предложенія были отвергнуты, такъ что, подконецъ, онъ со смѣхомъ присоединился къ зрителямъ.

Послѣ «*petits jeux*» начались танцы подъ визгливые звуки скрипки нанятаго музыканта и въ двухъ комнатахъ, открытыхъ для гостей, стало настолько тѣсно, что часть общества удалилась наверхъ. Г-жа Виттихъ съ помощью служанки приготовила въ сосѣдней комнатѣ незатѣйливое угощеніе для молодежи, которое состояло изъ пирожного и горячаго краснаго вина. Но и это казалось ей роскошью:

— Мнѣ хотѣлось устроить все по нашимъ старымъ кассельскимъ обычаямъ, — сказала она, обращаясь къ служанкѣ: — но Людвигъ воспротивился этому. Въ старину у насъ подавали на свадьбахъ картофель, яблочный муссъ и кофе; положимъ, теперь конецъ мая, яблоки и картофель не особенно вкусны, а кофе въ такой цѣнѣ, что мы скоро забудемъ, когда пили его, благодаря распоряженіямъ Наполеона... Все ли ты приготовила тамъ наверху, Катерина? Старики взыскательнѣе молодежи относительно угощенія, что и понятно, какъ говорилъ мой покойный мужъ; на все свое время!..

Германъ, принимавшій дѣятельное участіе въ танцахъ, почувствовалъ усталость и отправился для отдыха наверхъ въ свою комнату, гдѣ засталъ довольно многочисленное общество, сидѣвшее вокругъ стола, уставленнаго винами и холодными закусками. Къ старымъ друзьямъ дома присоединилось нѣсколько молодыхъ чиновниковъ, пріятелей жениха. Между тѣмъ и другими завязался горячій споръ, и дѣло не обошлось безъ колкихъ замѣчаній. Когда Людвигъ Гейстеръ сталъ уговаривать одного изъ стариковъ выпить еще стаканъ вина, тотъ сказалъ съ усмѣшкой:

— Видно, что счастливый женихъ находится на службѣ новаго правительства и усвоилъ нравы побѣдителей, которые привыкли не пить, а лить вино... Какъ перемѣнился весь строй жизни въ Касселѣ, благодаря этимъ легкомысленнымъ французамъ, а давно ли маршалъ Мортъ въ первый разъ появился у воротъ нашего города!

— Это было осенью 1806 года, — замѣтилъ старый другъ дома Шмерфельдъ, съ цѣлью перевести разговоръ на болѣе общую почву. — А сколько тревогъ пережили мы передъ этимъ роковымъ собы-

тіемъ! Помню, 4-го октября Блюхеръ получилъ приказъ выступить изъ Гессена, такъ какъ нашъ курфирстъ съ разрѣшенія Наполеона объявилъ себя нейтральнымъ...

— Однако, это не помѣшало намъ готовиться къ войнѣ!—замѣтилъ одинъ изъ гостей.—Солдаты, получившіе отпускъ, и остальные резервы были призваны, кавалерію снабдили фуражемъ...

— Быть можетъ, — добавилъ другой: — это и было причиной, что послѣ битвы подъ Іеной французскій посланникъ Биньонъ былъ вызванъ изъ Касселя и, передъ отъѣздомъ, объявилъ нашему курфирсту требованіе Наполеона, чтобы онъ вступилъ въ Рейнскій союзъ и присоединился съ своимъ войскомъ къ французской арміи.

— Конечно, этимъ требованіемъ Наполеонъ хотѣлъ выяснитъ себя, въ какомъ положеніи дѣло, — сказалъ баронъ Рефельдъ. — Вашъ вооруженный нейтралитетъ показался ему подозрительнымъ, и онъ рѣшилъ принять мѣры, чтобы гессенцы не перешли на сторону Пруссіи, если та останется побѣдительницей. А что отвѣтилъ курфирстъ на заявленіе французскаго посланника?

— Онъ сослался на предоставленное ему право остаться нейтральнымъ. Но...

— Но не нашли нужнымъ признать вашъ нейтралитетъ! Не такъ ли?... возразилъ со смѣхомъ баронъ Рефельдъ. — Не думайте, господа, что я поклонникъ французовъ, но передъ вами, почтенными гессенцами, скажу откровенно, что нельзя одобрить политики нашихъ мелкихъ нѣмецкихъ князей, которые потому, быть можетъ, и губятъ Германію, что слишкомъ ничтожны. Они ненавидятъ и льстятъ въ то же время, готовы на все согласиться, все одобрить и позволяютъ распоряжаться собой какъ угодно!..

Эта непрошенная откровенность со стороны совершенно незнакомаго человѣка многимъ показалась неумѣстной, хотя всѣ знали, что серьезный и осторожный Шмерфельдъ не рѣшился бы ввести въ домъ своихъ друзей сомнительную личность.

На минуту водворилось молчаніе. Шмерфельдъ успѣшилъ вывести своего пріятеля изъ неловкаго положенія.

— Такимъ образомъ, — сказалъ онъ: — 31-го октября, вечеромъ, маршалъ Мортъе съ своимъ авангардомъ подошелъ къ однимъ воротамъ нашей столицы, а голландскій король къ другимъ, такъ что курфирсту предстояло или вступить въ Рейнскій союзъ, или увидѣть страну, занятую непріателемъ. Тогда онъ рѣшился для блага преданныхъ ему гессенцевъ спасти свою особу и, нарядившись въ штатское платье, какъ-то выбрался изъ города вмѣстѣ съ наслѣднымъ принцемъ и нашелъ убѣжище у своей сестры, настоятельницы монастыря.

— Бѣгство курфирста вызвало сильный ропотъ въ арміи, — сказалъ одинъ изъ присутствовавшихъ молодыхъ людей. — Напрасно

считаютъ насъ, гессенцевъ, такими покорными! Въ это время никто не поручился бы, что спокойствіе можетъ продолжаться.

— Однако, спокойствіе не было нарушено!—замѣтилъ съ усмѣшкой баронъ Рефелдъ.

— Не совсѣмъ... Если бы вы видѣли, что происходило въ слѣдующее утро на Королевскомъ плацу! Солдаты открыто высказывали свое неудовольствіе, когда имъ пришлось сложить оружіе, а храбрый маіоръ Миллеръ съ проклятіемъ сломалъ свою шпагу, затѣмъ отправился къ вновь назначенному губернатору Лагранжу и поступилъ на французскую службу.

— Назначеніе такого человѣка, какъ Лагранжъ, весьма знаменательно: вѣроятно, имѣли въ виду захватить прославленныхъ сокровища курфирста; но я надѣюсь, что, не смотря на поспѣшное бѣгство, онъ не бросилъ ихъ на произволь судьбы, какъ это сдѣлалъ со своими солдатами.

— Къ счастью, значительная часть богатствъ спасена, но, всетаки, осталось довольно много цѣнныхъ вещей. Все, что было въ арсеналѣ, перенесено въ Майнцъ, а лучшія произведенія искусства, картины Клода-Лоррена, Рембранда, Поттера и другихъ вывезены изъ галлерей и отправлены въ Парижъ...

— Что за сбродъ занялъ тогда Кассель!—сказалъ старый гессенецъ, замѣтно охмѣлѣвшій.—Тутъ были бретонцы въ деревянныхъ башмакахъ, провансальцы въ соломенныхъ шляпахъ, и всю эту дрянь обмундировали съ ногъ до головы на нашъ счетъ!

— Если не ошибаюсь, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были возмущенія?—спросилъ баронъ.—До насъ доходили слухи...

— Да, военный постой былъ слишкомъ тягостенъ для мѣстнаго населенія; изъ гессенцевъ формировали баталіоны. Возставшіе крестьяне забирали, гдѣ могли оружіе, выбрали какого-то Услара себѣ въ предводителя и произвели беспорядки. Лагранжъ вызвалъ войска изъ Майнца, самъ курфирстъ изъ своего удивленія отдалъ приказъ мятежникамъ сложить оружіе. Нѣсколькихъ отправили на поселеніе, другихъ казнили, и спокойствіе было водворено!..

Въ эту минуту дверь отворилась, и въ комнату вошелъ вестфальскій штабъ-офицеръ.

— Миллеръ, это вы!—воскликнуло нѣсколько голосовъ.—Какъ мы рады видѣть васъ!

Гостю тотчасъ же подали стулъ и пригласили сѣсть.

— Какія у васъ серьезныя и торжественныя фивіономіи!—замѣтилъ Миллеръ.—Никто не скажетъ, глядя на васъ, что здѣсь свадебная пирушка...

— Мы толковали о печальной судьбѣ нашей родины, вспоминали прошлое, — возразилъ Шмерфелдъ. — А тутъ вы явились, полковникъ, также неожиданно, какъ привидѣніе!

Миллеръ грустно улыбнулся.

— Я пришелъ проститься съ вами, друзья, и, къ счастью, увидѣлъ здѣсь всѣхъ васъ! Мнѣ отданъ приказъ двинуться съ войскомъ въ Испанію... императоръ торопитъ насъ, такъ какъ еще не вся Европа у ногъ его...

— Въ Испанію?— воскликнули нѣкоторые изъ присутствующихъ.

— Испанцы возстали за свои права!— замѣтилъ съ паэосомъ баронъ Рефельдъ.—Оттуда черезъ Пиренеи благородная нація подастъ руку помощи нашему угнетенному отечеству. Господа, я предлагаю тостъ за освобожденіе Германіи!

При этихъ словахъ, неумѣстныхъ въ присутствіи офицера въ вестфальскомъ мундирѣ, Миллеръ поставилъ стаканъ на столъ, и глаза его съ видимымъ недоумѣніемъ остановились на незнакомомъ человѣкѣ; затѣмъ онъ вопросительно взглянулъ на своихъ друзей.

Шмерфельдъ счелъ нужнымъ вмѣшаться.—Простите, господинъ Миллеръ, мы забыли представить вамъ барона Рефельда: онъ прусскій землевладѣлецъ, рекомендованный мнѣ съ наилучшей стороны, и при этомъ веселый собесѣдникъ, почему я и привелъ его съ собою.

— Къ несчастью, для перваго знакомства, я предложилъ не совсемъ ловкій тостъ, г. полковникъ,—сказалъ баронъ Рефельдъ:—но это случается иногда со мною. Я хотѣлъ выказать свой патріотизмъ, и вышло некстати; впрочемъ, что толковать о политикѣ при такомъ прекрасномъ *chambertin*! А теперь на прощанье съ храбрымъ воиномъ выпьемъ за его здоровье нѣмецкаго рейнвейна и чокнемся съ нимъ.

Тостъ этотъ встрѣтилъ общее сочувствіе, всѣ взялись за стаканы, но разговоръ не клеился, лица стариковъ казались озабоченными. Миллеръ чокался съ друзьями, но не предлагалъ самъ никакихъ тостовъ; наконецъ, онъ поднялся съ мѣста и сталъ прощаться, на глазахъ его навернулись слезы. Онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты въ сопровожденіи своихъ друзей.

Сойдя съ лѣстницы, они встрѣтили въ дверяхъ жениха и невесту.

— Вы уже собрались домой, г. полковникъ!—воскликнула Лина.

— Я долженъ спѣшить... До свиданія, дорогая фрейлейнъ,—сказалъ Миллеръ, пожимая руку молодой дѣвушки; затѣмъ, обращаясь къ Гейстеру, добавилъ:—Я увѣренъ, что вы будете счастливы съ такой женой...

Въ передней онъ еще разъ обнялъ своихъ друзей и сказалъ имъ взволнованнымъ голосомъ: «Прощайте, быть можетъ, мы не увидимся больше. По ту сторону Пиренеевъ мнѣ предстоитъ принести кровавую жертву за мой необдуманый поступокъ: въ гнѣвъ на курфирста я сломалъ свою гессенскую шпагу и измѣнилъ родинѣ!

Смерть на полѣ битвы была бы для меня наилучшимъ исходомъ, потому что иначе мнѣ придется обратить противъ васъ это оружіе, если вы, по примѣру испанцевъ, рѣшите сбросить съ себя иноземное иго! Не возражайте мнѣ.. Господь да благословитъ вашъ союзъ и поддержитъ въ борьбѣ! Думайте только объ оставшихся и не жалѣйте о выбывшихъ изъ вашихъ рядовъ»...

Съ этими словами Миллеръ скрылся за дверь; его опечаленные друзья молча вернулись на прежнія мѣста.

Германъ подошелъ къ открытому окну. Вино расположило его къ мечтательности; была лунная ночь, вдали слышались звуки музыки. Голосъ барона Рефельда вызвалъ его изъ задумчивости.

— Я слышалъ, вы студентъ Галльскаго университета!—сказалъ баронъ:—вѣроятно, вы были въ Галле въ то время, когда профессора должны были прекратить свои лекціи по приказанію Наполеона?

Германъ отвѣтилъ утвердительно, и баронъ продолжалъ:

— Въ такомъ случаѣ позвольте пожать вашу руку; насъ должны сблизить общія воспоминанія. Я также былъ свидѣтелемъ этого событія, потому что находился въ Галле и даже случайно попалъ въ число участниковъ происходившихъ вслѣдъ затѣмъ беспорядковъ. Помню, 19-го октября, вечеромъ я зашелъ въ пивную, гдѣ обыкновенно собирались студенты, мы выпили достаточное количество вина и вышли разгоряченные. Намъ пришлось идти по мрачнымъ пустыннымъ улицамъ, только-что разграбленнымъ непріателемъ; и это еще болѣе раздражило насъ, такъ что, когда мы дошли до дома Мекеля, гдѣ расположился Наполеонъ, и увидѣли ярко освѣщенные окна, то задумали дать концертъ побѣдителю и прогѣли «Regeat». Вы не были при этомъ? Вѣроятно, уѣхали въ Берлинъ?

— Да, я отправился туда съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей, но скоро опять вернулся назадъ, когда мой отецъ получилъ мѣсто въ Галле.

— Трудно себѣ представить, что происходило тогда въ городѣ! Ограбленные жители голодали въ буквальномъ значеніи слова; профессора, лишенные жалованья, очутились въ нуждѣ. Университетъ былъ закрытъ, и студенты собирались по вечерамъ у знаменитостей, какъ Вольфъ, Шлейермахеръ, Куртъ, Шпренгель, или у такихъ людей, какъ Стеффенсъ и др. Никогда не забуду я этихъ вечеровъ: молодые и старые толковали сообща о положеніи Пруссіи и Германіи, выражали свои желанія, мечты и надежды, обсуждали сообща способъ дѣйствій... А имѣете ли вы понятіе о Тугендбундѣ и рѣчахъ Фихте?

Послѣднія слова баронъ произнесъ шопотомъ.

Германъ отвѣтилъ, что не слыхалъ объ этомъ.

— Значитъ, вы не занимаетесь политикой! Тѣмъ лучше... Но оставимъ этотъ разговоръ; надѣюсь, вы навѣстите меня, вотъ мой адресъ!...

Баронъ поспѣшно удалился, такъ какъ Шмерфельдъ звалъ его; гости собирались уходить. Въ нижнемъ этажѣ скрипка давно уже смолкла, молодежь разошлась по домамъ.

Г-жа Виттихъ, проводивъ гостей, принялась убирать комнаты, съ помощью служанки.

У открытаго окна стояли женихъ съ невѣстой и Германъ; передъ ними открывался знакомый ландшафтъ, освѣщенный луной. Это была послѣдняя ночь, которую влюбленные проводили порознь; избытокъ счастья заставлялъ усиленно биться ихъ сердца, вмѣстѣ съ неопредѣленной боязнью невѣдомой будущности. Германъ молча смотрѣлъ на ихъ оживленные, счастливыя лица и ихъ взаимныя ласки, и это еще сильнѣе волновало его, чѣмъ выпитое вино; онъ ввзялъ обоихъ за руки и сказалъ:

— Я завидую вамъ,—нѣтъ, счастливымъ не слѣдуетъ завидовать, а только желать, чтобы какъ можно долѣе длилось ихъ счастье. Судьба свела меня съ вами въ лучшія минуты вашей жизни, и я не чувствую себя чужимъ, считайте и вы меня своимъ близкимъ другомъ. Я не въ состояніи выразить словами, на сколько мое сердце переполнено самой искренней преданностью вамъ, какъ горячи мои пожеланія! Полюбите меня, какъ я люблю васъ...

— Вы не можете сомнѣваться въ этомъ! — воскликнулъ Гейстеръ, глубоко тронутый, и, измѣнивъ своей обычной сдержанности, заключилъ Германа въ объятія.—Да, мы будемъ друзьями на всю жизнь. Выпьемъ за нашъ братскій союзъ!

Гейстеръ подошелъ къ столу и наполнилъ три стакана рейнскимъ виномъ; послѣ перваго тоста за «Bruderschaft», съ обычными въ этомъ случаѣ церемоніями, онъ предложилъ выпить за освобожденіе Германіи.

Затѣмъ новые друзья разстались. Германъ, вернувшись въ свою комнату, сѣлъ у окна; видъ спящаго города, погруженнаго въ синеватую мглу весенней ночи, усилилъ его мечтательное настроеніе, луна придавала предметамъ фантастическія очертанія; но мало-по-малу все начало сливаться въ его глазахъ въ неясную туманную картину; его отяжелѣвшая голова опустилась на грудь. Онъ слышалъ сквозь сонъ, какъ часы на сосѣдней церкви пробили полночь.

ХІІ

Учить или учиться?

Германъ проснулся на слѣдующее утро съ мыслью о Галле. Среди различныхъ впечатлѣній вчерашняго вечера, разговоръ съ барономъ Рефельдомъ всего живѣе запечатлѣлся въ его памяти; такъ какъ вызвалъ въ немъ воспоминанія о студенческихъ годахъ

съ такой отчетливостью, что теперь онъ не затруднился бы описать ихъ. Онъ рѣшилъ, что это можетъ служить какъ бы вступленіемъ къ его работѣ для Берканьи: онъ прежде всего изложить все то, что было пережито имъ самимъ, или, что ему приходилось слышать отъ другихъ. Его особенно поражало то обстоятельство, что начало работы, которое такъ затрудняло его, само собой пришло ему въ голову и, какъ ему казалось, во время сна. Въ Галле онъ вращался среди молодежи и выдающихся людей Германіи, и рассказъ его не будетъ лишенъ живаго интереса. Онъ взялъ письмо Берканьи и прочелъ параграфъ инструкціи, который почти зналъ наизусть: «Познакомьте насъ съ знаменитыми людьми Германіи и ихъ патріотическими стремленіями; заставьте насъ защищаться перомъ и опровергать ваши умозаключенія научными доводами. Наши маршалы и воины возбуждаютъ удивленіе въ Германіи, укажите намъ на вожаковъ мысли и слова, которые руководятъ общественнымъ мнѣніемъ въ вашемъ отечествѣ, и мы, признавъ ихъ заслуги, исполнимъ лежащій на насъ нравственный долгъ. Тогда только мы поймемъ другъ друга, и наступитъ миръ, плодотворный для обѣихъ націй».

— Какой благородный образъ мыслей у этого Берканьи! — подумалъ Германъ. — Вѣроятно, Наполеонъ раздѣляетъ его взгляды, и только желаетъ найти подходящихъ людей, чтобы воспользоваться ихъ способностями на той или другой должности. Вестфалія также не будетъ забыта, этотъ созданный имъ самимъ пунктъ сближенія нѣмецкаго и французскаго народнаго элемента.

Германъ такъ увлекся своими размышленіями, что готовъ былъ тотчасъ приняться за работу, но онъ долженъ былъ отправиться на свадьбу хозяйской дочери. Одѣваясь, онъ опять вспомнилъ о загадочномъ баронѣ, который расположилъ его къ себѣ своими сочувственными отзывами о научныхъ дѣятеляхъ Германіи. Несомнѣнно, думалъ онъ, въ словахъ барона много противорѣчій, и вчера за столомъ то онъ серьезно говорилъ о политикѣ, то какъ будто издѣвался надъ нею. Но, прежде всего, это *bon vivant* и добродушный эгоистъ, и вовсе не похожъ на французскаго шпіона, какъ предполагали нѣкоторые изъ господъ. Германъ рѣшилъ, что онъ во всякомъ случаѣ сдѣлаетъ визитъ барону Рефельду и постарается завести съ нимъ болѣе близкое знакомство. Отъ него онъ можетъ заимствовать кое-какія свѣдѣнія и, между прочимъ, спросить объ одномъ нѣмецкомъ сочиненіи: «Наполеонъ Буонапарте и французскій народъ». Берканьи упоминалъ въ своей инструкціи объ этой книгѣ, и если Рефельдъ читалъ ее, то сообщить свое мнѣніе о ней и даже, быть можетъ, назоветъ имя автора.

Германъ, окончивъ свой туалетъ, сошелъ внизъ, гдѣ его ожидали женихъ и невѣста, и онъ, вмѣстѣ съ ними, отправился въ церковь.

Вѣнчаніе происходило при большомъ стеченіи народа. Тутъ были представители всѣхъ классовъ общества, такъ какъ Лина считалась одной изъ первыхъ красавицъ въ Касселѣ и всѣ желали видѣть церемонію. Платье невѣсты, шпите по послѣдней французской модѣ, составило для дамъ предметъ самыхъ оживленныхъ разговоровъ; о женихѣ говорили, что у него хорошее состояніе, хвалили его, что онъ женится на кассельской уроженкѣ, а не на дочери какого нибудь высокопоставленнаго чиновника.

— Только бы онъ держался подалеже отъ двора, чтобы не нарушили спокойствія его семейной жизни, — замѣтилъ одинъ изъ толпы.

— Ну, у Гейстера хватить на это ума! Ему извѣстны здѣшніе порядки, а эти легкомысленные французы охотятся за всѣми хорошенькими женщинами!

— Онъ честолюбивъ и знаетъ, что чрезъ красивую жену можно всего скорѣе сдѣлать карьеру.

— Вы забываете, что онъ честный человѣкъ и приверженецъ стараго курфюрста. Дѣйствительно, ему, какъ вестфальскому чиновнику, состоящему при министерствѣ, остается на выборъ: пожертвовать женой или отказаться отъ всякихъ честолюбивыхъ плановъ.

— Все зависитъ отъ взгляда! Многіе при случаѣ выигрываютъ большую игру, становятся тузами и побиваютъ своей дамой короля, а тамъ, посмотришь, еще пригласятъ въ крестные отцы Жерома. Разумѣется, не всякій можетъ рассчитывать на такое счастье...

Въ это время обрядъ вѣнчанія подходилъ къ концу; толпа устремилась къ выходу, чтобы видѣть, какъ молодые сядутъ въ карету.

Вернувшись домой, Германъ нашелъ на своемъ столѣ записку оберъ-гофмейстерины, которая приглашала его къ себѣ въ этотъ вечеръ. Молодые уѣхали послѣ завтрака, на которомъ присутствовали только близкіе друзья, такъ что время показалось бы безконечнымъ Герману, если бы его не поддерживала надежда на свиданіе съ мадемуазель Ле-Камю.

Въ назначенный часъ онъ явился къ графинѣ и велѣлъ доложить о себѣ. Его провели въ богато убранную комнату, гдѣ онъ засталъ хозяйку дома, сидѣвшую на кушеткѣ съ «Journal de luxe et des modes» въ рукахъ. Она любезно встрѣтила Германа, хотя въ ея обращеніи проглядывала нѣкоторая снисходительность; и пригласила его сѣсть на стоявшую около нея табуретку.

Графиня была небольшого роста и не первой молодости; ее скорѣе можно было назвать пикантной, чѣмъ красивой; въ глазахъ было мало оживленія, но въ благородныхъ очертаніяхъ рта и въ улыбкѣ была необыкновенная привлекательность. Манеры ея

отличались изяществомъ и выдержкой, но въ первую минуту, не смотря на свое самообладаніе, графиня была видимо смущена, когда Германъ вошелъ въ комнату, такъ какъ ей предстояло не со-всѣмъ удобное объясненіе. Изъ безсвязнаго разсказа мадемуазель Ле-Камю и нѣкоторыхъ намековъ, она вывела заключеніе, что Германъ нравится ей любимицѣ. При этомъ своенравная креолка хотѣла на зло Моріо брать втайнѣ уроки нѣмецкаго языка въ домѣ графини и какъ, бы подъ ея покровительство, и настойчиво добивалась исполненія своего желанія. Графиня виолнѣ сознавала все неприличіе подобной протекціи, въ особенности при ея видномъ общественномъ положеніи. Но маленькое любовное приключеніе имѣло своего рода прелесть для ея женскаго сердца, тѣмъ болѣе, что представлялся удобный случай досадить Моріо, котораго она ненавидѣла, какъ и всѣ придворныя дамы. Однако, не смотря на всѣ убѣжденія Адели, она не дала рѣшительнаго отвѣта и хотѣла сперва познакомиться съ молодымъ человѣкомъ, чтобы составить о немъ понятіе по тому впечатлѣнію, какое онъ произведетъ на нее.

— Не должно ли вамъ показаться страннымъ, г. докторъ, — сказала графиня съ улыбкой: — что васъ все приглашаютъ учить невѣсть? Если узнаютъ въ Касселѣ, что съ вашими уроками связано такое благополучіе, то у васъ скоро явится множество ученицъ...

Шутливый тонъ хозяйки дома ободрилъ Германа; онъ рѣшился спросить: дѣйствительно ли мадемуазель Ле-Камю выходитъ замужъ?

— Пока нѣтъ! Но Моріо сдѣлалъ формальное предложеніе Адели въ то самое утро, когда вы представлялись ей брату, графу Фюрстенштейну. Адель не дала окончательнаго отвѣта, потому что теперь, ее всего больше занимаютъ нѣмецкіе уроки. Моріо такая блестящая партія, что графъ уговорилъ сестру не отказывать генералу; онъ, повидимому, хочетъ поскорѣе выдать ее за мужа. Не знаю, дѣйствуетъ ли онъ въ этомъ случаѣ по своему желанію, или по совѣту своей будущей тещи, генеральши Салâ.

— Вѣроятно, мадемуазель Ле-Камю сама сочувствуетъ этому браку и не желаетъ упустить такого выгоднаго жениха!

— Мы, женщины, какъ вамъ извѣстно, не всегда можемъ слѣдовать влеченію сердца въ такомъ дѣлѣ, какъ выборъ мужа.

— Но при этихъ условіяхъ возможно ли рассчитывать на счастье?—замѣтилъ Германъ.

Лицо графини приняло серьезное выраженіе.

— Много можно сказать о счастіи и несчастіи въ супружествѣ!—воскликнула она.— Кто можетъ поручиться за счастье даже въ томъ случаѣ, если въ день свадьбы сердце и рука положены вмѣстѣ въ одну чашу вѣсовъ! Пройдетъ первая пора увлеченія, и

КСЕНОФОНТЪ АЛЕКСѢВИЧЪ ПОЛЕВОЙ.

Съ акварельнаго портрета, рисованнаго въ 1833 году въ Москвѣ Людвигомъ.
Гравюра Панемакера въ Парижѣ.

ДОВ. ЦЕНЗ. СПЪ., 20 ДЕКВБРИ 1836 Г.

ТИПОГРАФИКЪ А. С. СУВОРИНА

СКОМОРОХЪ ПАМФАЛОНЪ.

Восточная легенда.

«Слабость велика, сила ничтожна. Когда человекъ родится, онъ слабъ и гибокъ; когда онъ умираетъ, онъ крѣпокъ и черствъ. Когда дерево произрастаетъ, оно гибко и вѣжно, и когда оно сухо и жестко, оно умираетъ. Черствость и сила—спутники смерти. Гибкость и слабость выражаютъ свѣжесть бытія. Поэтому, что отвердѣло, то не побѣдитъ».

Лао—тзы.

I.

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ императора Теодосія Великаго, жилъ въ Константинополѣ одинъ знатный человекъ, по имени Ермій. Онъ былъ богатъ, благороденъ и занималъ знатную должность. Ермій имѣлъ прямой и честный характеръ: онъ любилъ правду и ненавидѣлъ притворство, а это совсѣмъ не шло подъ стать тому обществу, среди котораго жилъ онъ.

Въ то время въ Византіи, или въ нынѣшнемъ Константинополѣ, и во всемъ царствѣ Византійскомъ было много споровъ о вѣрѣ и благочестіи, и за этими спорами у людей разгорались страсти, возникали распри, и при томъ, что всѣ заботились о благочестіи, на самомъ дѣлѣ не было ни мира, ни благочестія. Напротивъ того, въ низшихъ людяхъ было много самыхъ сквер-

ныхъ пороковъ, про которые даже зазорно и вспоминать, а въ высшихъ тѣ же пороки покрывало еще всеобщее страшное лицемеріе. Всѣ притворялись богобоязненными, а сами жили, нимало не уважая Божья завѣта: всѣ злопамятствовали и другъ друга ненавидѣли, а низшихъ даже и за людей не ставили; сами утопали въ роскоши и не знали, что выдумывать—на что бы тратить золото, а нимало не стыдились того, что простой народъ въ это самое время терзался въ великихъ нуждахъ, и нерѣдко случалось, что бѣдные люди даже умирали съ голода у самыхъ дверей пировавшихъ вельможъ. При этомъ простолюдины знали, что именитые люди и сами между собой безпрестанно враждовали и часто предательски губили другъ друга. Они не только клеветали одинъ на другаго царю, но даже и отравляли другъ друга отравками на званыхъ пирахъ или въ собственныхъ домахъ, черезъ подкупъ кухарей и иныхъ прислѣжниковъ.

Все царство почитало себя за самое святое, а какъ сверху, такъ и снизу, все было исполнено страшною порчей.

II.

У знатнаго же вельможи Ермія душа была мирная, и онъ ее очистилъ и укрѣпилъ въ любви къ правдѣ, справедливости и благочестію. Ермій желалъ видѣть въ Византійскомъ царствѣ благочестіе настоящее, а не притворное, которое ничего не пользуется, а служить только для одного укорененія притворства. Ермій говорилъ: если идти по Евангелію, то надо все такъ и дѣлать, какъ показано въ Евангеліи, а не такъ, чтобы просить у Бога одно, а самому заводить наперекоръ тому совсѣмъ другое; читать: «оставь намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ», а замѣсто того ничего никому не прощать, а за всякую несогласицу злобиться и донимать несогласника, не щадя его ни силы, ни живота.

Надъ Ерміемъ другіе вельможи стали шутить и подсмѣивались, а потомъ начали его выставлять передъ царемъ, какъ будто онъ оглубѣлъ и не годится на своемъ мѣстѣ, чтобы править дѣлами.

Ермій началъ это замѣчать и сталъ раздумывать: какъ ему быть? Можно ли ему, чтобы и въ почести остаться, и чтобы самому не испортиться?

И какъ только началъ Ермій сильнѣе вникать въ это, то стало ему казаться, что обѣихъ выгодъ заразъ соблюсти никакъ нельзя, а надо выбирать изъ двухъ одно любое: или оставить Христово ученіе, или оставить знатность, потому что вмѣстѣ они никакъ не сходятся, а если и сведешь ихъ насильно на какойнибудь часъ, то они недолго поладятъ и опять разойдутся дальше прежняго. А съ другой стороны глядя, Ермій соображалъ, что если онъ станетъ всѣхъ своихъ соправителей обличать въ притворствѣ и со всѣми

съ ними спорить, и имъ свою правду доказывать, то онъ войдетъ черезъ это всѣмъ въ остылицу, и тогда другіе вельможи обнесутъ его передъ царемъ клеветами и погубятъ.

— Угожу однимъ,—думалъ Ермій:—не угожу другимъ; если съ хитрыми пойду—омрачу свою душу, а если за нехитрыхъ стану—то имъ не пособлю, а себѣ наживу бѣду. Представятъ меня какъ человѣка злоумышленнаго, который вѣдаетъ тайности и сѣетъ неспокойствіе, а я могу не стерпѣть напраслины, да стану оправдываться, и тогда душа моя озвѣрѣетъ, и я начну обвинять моихъ обвинителей, и сдѣлаюся самъ такой злой, какъ они. Царь можетъ на нихъ рассердиться и, пожалуй, опалится, и съ инаго и голову сниметъ. А мнѣ тогда какъ это перенести? Нѣтъ, пусть не будетъ такъ. Не хочу я никого ни срамить, ни упрекать, потому что все это противно душѣ моей; а лучше я совсѣмъ съ этимъ смутнымъ житьемъ покончу: пойду къ царю, поклонюсь ему и упрошу его сложить съ меня всякую власть, и когда я важности сбавлю, тогда, быть можетъ, доживу мирно вѣкъ мой гдѣ нибудь простымъ человѣкомъ.

III.

Какъ Ермій задумалъ, такъ онъ и сдѣлалъ по своему разсужденію. Царю Θεодосію онъ ни на что не жаловался и никого передъ нимъ не обвинялъ, а только просилъ отставить его отъ дѣлъ. Царь уговаривалъ Ермія остаться при должности, но потомъ отпустилъ. Ермій получилъ полную отставку и очень обрадовался, но только жена его этому не обрадовалась. Жена Ермія важность любила и въ простотѣ не находила пріятства. Она сердилась на мужа, для чего онъ отъ большихъ должностей отказался и весь почетъ потерялъ, и говорила: «Можно бы, кажется, хорошо жить и при этомъ. Другіе тоже не безъ Бога живутъ, а такъ не юродуютъ. Что ты за особенный?» Ермій все только отходилъ молчаніемъ и уговаривалъ себя терпѣть, потому что въ то время, когда онъ свою жену бралъ за себя, онъ ей не говорилъ, что свою жизнь къ простотѣ задумаетъ перестроивать, а теперь надо терпѣть, если она не согласна. Но, по недолгомъ времени, жена Ермія скончалась, не оставивъ дѣтей, и бывшій вельможа, оставшись одинъ, началъ разсуждать иначе:

— Не указаніе ли мнѣ это свыше?—подумалъ Ермій.—Царь меня отпустилъ отъ служебныхъ заботъ, а Господь разрѣшилъ отъ всѣхъ дѣлъ домашнихъ. Жена моя умерла, и нѣтъ у меня теперь никого такого въ родствѣ моемъ, для котораго мнѣ надо было бы стараться по своимъ имѣніямъ. Теперь я могу рѣзвѣе и дальше идти къ цѣли евангельской. На что мнѣ богатство? Съ нимъ всякія заботы, и хоть я уже отъ служебныхъ дѣлъ отошелъ въ сторону и отъ брачныхъ узъ разрѣшенъ, но, однако, богатство заставитъ меня о немъ забо-

тяться и опять меня втравить въ такіа дѣла, которыя не годятся тому, кто хочетъ быть ученикомъ Христовымъ.

А богатства у Ермія было очень много — были у него и дома, и села, и рабы, и всякіа драгоценности.

Ермія всѣхъ своихъ рабовъ отпустилъ на волю, а все прочее свое богатство продалъ и деньги раздѣлилъ между нуждавшимися бѣдными людьми, а себѣ ничего не оставилъ.

Поступилъ онъ такъ потому, что хотѣлъ «совершенно быть», а тому, кто желаетъ достигъ совершенства, Христосъ коротко и ясно указывалъ одинъ путь: «Отдай все, что имѣешь, и иди за Мною».

Ермія все это исполнилъ въ точности, такъ что даже никакой малости себѣ не оставилъ, и притомъ еще радовался, что это со всѣмъ ему не показалось трудно. Трудно только было начало сдѣлать, одно что нибудь самое любимое отдать, а потомъ даже пріятно стало избавляться, чтобы ничто не путало и ничто не мѣшало идти налегкѣ къ высшей цѣли евангельской.

IV.

Освободясь и отъ власти, и отъ богатства, Ермія покинулъ тайно столицу и пошелъ искать себѣ уединеннаго мѣста, гдѣ бы ему никто не мѣшалъ уберечь себя въ чистотѣ и святости для прохожденія богоугодной жизни.

Послѣ долгаго пути, совершеннаго гѣшными и босыми ногами, Ермія пришелъ къ отдаленному городу Едессу, и здѣсь, въ пустынномъ мѣстѣ, засталъ его страшный громъ и такой дождь, что по всей землѣ потекли потоки, какъ будто змѣи, и Ермія не находилъ, куда бы ему отъ нихъ скрыться, но вдругъ видитъ передъ собою ветхое бревнышко, приперто къ высокой каменной скалѣ. Богъ его знаетъ на что оно тутъ приставлено! А чтобы отъ воды избавиться, Ермія и полѣзъ по этому бревну, и какъ поднялся сажени на три—видитъ въ скалѣ разщелину и въ ней сухое мѣсто, какъ только можно одному человѣку установиться.

— Вотъ,—подумалъ Ермія:—это мнѣ готовое мѣсто.—И сейчасъ же влѣзъ въ эту щелку и бревно оттолкнулъ. Бревно откатилось далеко въ пропасть и переломилось, а Ермія остался стоять и простоялъ на скалѣ тридцать лѣтъ. Во все это время онъ молился Богу и желалъ позабыть о лицемѣрін и о влобахъ, которыя видѣлъ и которыми до боли возмущался.

Съ собою Ермія взялъ только одну длинную веревку, которою онъ цѣплялся, когда лѣзъ на скалу, и веревка эта ему пригодилась.

На первыхъ дняхъ, какъ еще Ермія забылъ убрать эту веревку, замѣтилъ ее пастухъ мальчикъ, который пришелъ сюда пасти козлятъ. Пастухъ началъ эту веревку подергивать, а Ермія его сталъ звать и проговорилъ ему:

— Принеси мнѣ воды: я очень жажду.

Мальчикъ подѣспилъ ему свою тыквенную пустышку съ водою и сказалъ:

— Испей, отецъ, и оставь себѣ тыкву.

Такъ же онъ далъ ему и корзинку съ горстью черныхъ, терпкихъ ягодъ.

Ермій поѣлъ и напился и сказалъ:

— Богъ послалъ мнѣ мальчика-кормильца.

А мальчикъ пришелъ вечеромъ въ село и рассказалъ людямъ о пустынникѣ, и люди стали прибѣгать къ Ермію изъ села и приносили ему пища больше, чѣмъ онъ могъ съѣсть.

Только Ермій спускалъ сверху на длинной бичевѣ плетеную корзину и выдолбленную тыкву, а люди клали ему въ корзину листьевъ канусты и сухихъ, невареныхъ сѣмянъ, а тыкву его наполняли водою. И этимъ бывшій византійскій вельможа и богачъ питался тридцать лѣтъ и не хотѣлъ ничего лучшаго. Ни хлѣба, и ничего готовленнаго на огнѣ онъ не ѣлъ и позабылъ и вкусъ такихъ снѣдей. О розданномъ богатствѣ своемъ онъ не жалѣлъ и даже не вспоминалъ о немъ. Разговоромъ онъ не имѣлъ ни съ кѣмъ никакихъ и казался строгъ и суровъ, подражая въ молчаніи своему Іліи, и благодарилъ Бога, что далъ ему такую силу надъ плотію.

Люди считали Ермія способнымъ творить чудеса. Онъ имъ этого не говорилъ, но они такъ вѣрили. Больные приходили, становились въ тѣни, которую солнце бросало отъ него на землю, и отходили, находя, что чувствуютъ облегченіе. А онъ все молчалъ, вперя умъ въ молитву или читая на память три милліона стиховъ Адаманта и двѣсти пятьдесятъ тысячъ стиховъ Григорія, Пирія и Стефана.

Такъ проводилъ Ермій дни свои, а вечеромъ, когда сваливалъ пеклый жаръ и лицо его освѣжала прохлада, онъ, окончивъ молитвы, размышлялъ о томъ: какъ за эти тридцать лѣтъ зло въ свѣтѣ должно было умножиться и подъ покровомъ ханжества и пустосвятства навѣрно изсякла уже въ людяхъ всякая истинная добродѣтель.

Все, что пустынникъ могъ вспомнить изъ покинутой имъ прежней жизни въ лицемѣрной столицѣ, было такъ нехорошо, что онъ отчаялся за весь міръ и не замѣчалъ того, что черезъ это унижалъ всю цѣль творенія и себя одного почиталъ совершеннѣйшимъ.

Повторяетъ онъ наизусть Адаманта, а самъ думаетъ: ну, пусть такъ, — пусть земной міръ весь стоитъ для вѣчности, и всѣ люди въ немъ учатся, какъ школяры въ школѣ, чтобы приготовиться къ вѣчности и тамъ показать свои успѣхи въ здѣшней школѣ и распределиться, кто куда годенъ. Но какіе же успѣхи они покажутъ, когда живутъ такъ лѣниво и ничему не учатся и ничего

не позабываютъ? Не будетъ ли вѣчность въ пустѣ? Пусть утѣшаетъ Адамантъ, что Творецъ не могъ впасть въ ошибку, когда узрѣлъ, «яко все добро зѣло», а оно на самомъ дѣлѣ никуда не годится. Умъ Ермія напрасно старается прозрѣть: какіе же бываютъ такіе люди, которые могутъ своею здѣшней жизнью при-своить духу своему способность жить и еще усовершенаться въ без-конечной вѣчности?

Никакъ не можетъ Ермія себѣ представить таковыхъ, и взяло его отчаяніе, что запустѣетъ вѣчность, ибо нѣтъ достойныхъ перейти въ оную.

V.

И вотъ, однажды, когда при опускающемся покровѣ ночи пустынный усиленно подвигся мыслию увидать хоть одного человѣка, имѣющаго въ себѣ зерно безсмертія, онъ приклонился головою къ краю разщелины своей скалы, съ нимъ случилась необыкновенная вещь: повѣяло на него тихое, ровное дыханіе воздуха, и съ тѣмъ принеслись къ его слуху слѣдующія слова:

— Напрасно ты, Ермія, скорбишь и ужасаешься: есть люди, которые уже записаны въ книгу жизни вѣчной.

Пустынный обрадовался сладкому голосу и говорить:

— Господи, если я обрѣлъ милость въ очахъ Твоихъ, то дозвожь, чтобы мнѣ былъ явленъ хоть одинъ такой, и тогда духъ мой успокоится за все земное сотвореніе.

А тонкое дыханіе снова дышетъ на ухо отшельнику:

— Для этого тебѣ надо забыть о тѣхъ, коихъ ты зналъ, и сойти со скалы и посмотрѣть на человѣка Памфалона.

Съ этимъ дыханіе снигло, а отшельникъ восклонился и думаетъ: взаправду ли онъ это слышалъ, или это ему навѣяно мечтою? И вотъ опять проходить холодная ночь, проходить и знойный день, и наступили новыя сумерки, и опять поникъ головой Ермія и слышитъ:

— Спускайся внизъ, Ермія, на землю, тебѣ надо пойти посмотреть на Памфалона.

— Да кто такой Памфалонъ?

— Онъ изъ тѣхъ, какихъ ты видѣть желаешь.

— И гдѣ же обитаетъ этотъ Памфалонъ?

— Онъ обитаетъ въ Дамаскѣ.

Ермія опять вострепнулся, и опять не былъ увѣренъ, что это ему слышно не въ мечтѣ. Онъ положилъ въ своемъ умѣ испытать это дѣло до трехъ разъ, и ежели и въ третій разъ будетъ къ нему такая же внятная рѣчь про Памфалона, тогда болѣе не сомнѣваться, а слѣзть со скалы и идти въ Дамаскъ.

Но только онъ рѣшилъ обстоятельно дознаться: что это за Памфалонъ и какъ его по Дамаску разыскивать.

Прошелъ опять знойный день, и съ вечернею прохладою снова зазвучало въ духѣ хлада тонка имя Памфалона.

Невѣдомый голосъ опять говоритъ:

— Для чего ты, Ермій, медлишь, для чего ты не слѣдуй, не слѣзай на землю и не идишь въ Дамаскъ смотрѣть Памфалона? Ты уже старъ и можешь умереть, не видѣвши его, а отъ этого тебѣ будетъ вредъ.

А Ермій отвѣчаетъ:

— Какъ же могу я идти и искать человѣка мнѣ неизвѣстнаго?

— Человѣкъ тебѣ названъ.

— Названъ мнѣ человѣкъ Памфалономъ, а въ такомъ великомъ городѣ, какъ Дамаскъ, развѣ одинъ есть Памфалонъ? Котораго изъ нихъ я стану спрашивать?

А въ духѣ хлада тонка опять звучитъ:

— Это не твоя забота. Ты только скорѣ слѣзай и иди въ Дамаскъ, тамъ всѣ знаютъ того Памфалона, котораго тебѣ надо видѣть. Онъ всѣхъ развеселяетъ и твою скорбь утѣшитъ. Иди къ Памфалону.

VI.

Послѣ третьяго раза Ермій болѣе уже не сомнѣвался, что съ нимъ бесѣдуетъ такой голосъ, котораго надо слушаться. А на счетъ того, къ какому именно Памфалону въ Дамаскъ надо идти, Ермій болѣе не беспокоился. Памфалонъ, котораго «всѣ знаютъ», безъ сомнѣнія, есть какой либо прославленный поэтъ, или воинъ, или всѣмъ извѣстный вельможа. Словомъ, размышлять болѣе было не о чемъ, а надо идти смотрѣть знаменитаго Памфалона.

И вотъ пришлось Ермию послѣ тридцати лѣтъ стоянія на одномъ мѣстѣ вылѣзть изъ каменной расщелины и идти въ Дамаскъ...

Странно, конечно, было такому совершенному отшельнику идти смотрѣть человѣка, живущаго въ Дамаскѣ, ибо городъ Дамаскъ по-тогдашнему, въ отношеніи чистоты нравственной, былъ все равно, что теперь сказать Парижъ или Вѣна, города, которые святостию жизни не славятся, а слывуть за гнѣздилища грѣха и пороковъ, но, однако, въ древности бывали такія странности, что послы благочестія посылались именно въ мѣста нечестія.

Надо идти въ Дамаскъ! Но тутъ вспоманулъ Ермій, что онъ нагъ, ибо рубище его, въ которомъ онъ пришелъ сюда тридцать лѣтъ тому назадъ, все истлѣло и спало съ его костей. Кожа его изгорѣла и почернѣла, глаза одичали, волосы вылѣзли, а когти отросли, какъ у хищной птицы... Какъ въ такомъ видѣ показаться въ большомъ и роскошномъ городѣ?

Но незримый голосъ не перестаетъ его руководствовать и раздается издали:

— Ничего, иди, Ермій, нагота твоя найдетъ тебѣ покрывало.

Взявъ Ермій свою корзиночку съ сухими зернами и тыкву и кинулъ ихъ внизъ на землю, а затѣмъ и самъ спустился со скалы по той самой веревочкѣ, по которой таскалъ себѣ снизу приносимую пищу.

Тѣло пустытника уже такъ исхудало, что его могла сдержать веревочка. Онъ благополучно сталъ на землю, и пошелъ, колеблясь какъ ребенокъ, ибо такъ только едва позволяли ему идти его давно отвыкшія отъ движенія ноги.

И шелъ Ермій по безлюдной, знойной пустынѣ очень долго, встрѣчалъ дикихъ звѣрей и крылатыхъ чудовищъ, драконовъ, но во весь переходъ ни разу не встрѣтилъ человѣка, а потому и не имѣлъ причины стыдиться своей наготы; приближаясь же къ Дамаску, онъ нашелъ въ пескахъ вывѣтрѣвшійся сухой трупъ и возлѣ него ветхую козью милоть, какія носили тогда иноки, жившіе въ общежитіяхъ. Ермій засыпалъ пескомъ кости мертвеца, а козью милоть надѣлъ на свои плечи и обрадовался, увидѣвъ въ этомъ промышленіе Божіе.

Къ городу Дамаску Ермій сталъ приближаться, когда солнце уже начало садиться. Не соразмѣрилъ пустытникъ, что ему сдѣлать: поспѣшать скорѣе идти, или подождать утра. Очамъ казалось близко видно, а ногамъ пришлось обидно. Поспѣшалъ онъ дойти засвѣтло, а поспѣлъ въ то самое время, когда красное солнце падаетъ, сумракъ густѣетъ и городъ весь вдругъ обвивается мглой. Точно онъ весь въ безпроглядный грѣхъ погружается.

Страшно сдѣлалось старику,—хоть назадъ бѣги... И опять ему пришла въ голову дума: не было ли все, что онъ слышалъ о своемъ путешествіи, одною мечтою, или даже искушеніемъ? Чего тутъ искать въ этомъ шумномъ городѣ? Какая тутъ можетъ быть праведность? Не лучше ли будетъ бѣжать отсюда назадъ, влѣзть опять въ свою каменную щелку да и стоять, не трогаясь съ мѣста.

Онъ было уже и повернулся, да ноги не идутъ, а въ ушахъ опять дыханіе тонко:

— Спѣши скорѣе въ Дамаскъ,—Памфалонъ тебя тамъ ожидаетъ.

Ермій снова обернулся къ Дамаску, и ноги его пошли.

Пришелъ Ермій къ городской стѣнѣ какъ разъ въ ту минуту, когда городской стражъ на половину ворота захлопнулъ.

VII.

Насилу успѣлъ бѣдный старикъ упросить сторожа, чтобы онъ позволилъ ему пройти въ ворота, и то отдалъ за это свою корзину и тыкву, и теперь самъ совсѣмъ безо всего очутился въ незнакомомъ многогрѣшномъ городѣ.

Ночи на югѣ спускаются скоро, сумерекъ тамъ почти не бываетъ, а темнота бываетъ такъ густа, что ничего нельзя видѣть. Улицы въ то время, когда было это происшествіе, въ восточныхъ городахъ еще не освѣщались, и жители запирали свои дома рано. Тогда на улицахъ бывало очень небезопасно, и потому всѣ степенные обыватели крѣпко запирали всѣ входы въ домъ, чтобы гдѣ ни есть впотьмахъ не забрался какой нибудь лихой человѣкъ. Ночью же входовъ или совсѣмъ не отпирали, или же отпирали только запоздавшимъ своимъ домашнимъ, или друзьямъ, и то не иначе какъ удостовѣрясь, что стучится именно тотъ человѣкъ, котораго пустить надо.

Отворенными поздно оставались только двери непутевыхъ гулякъ, да развратницъ, къ которымъ чѣмъ больше идутъ на свѣтъ, тѣмъ имъ лучше нравится.

Отшельникъ, попавъ въ Дамаскъ, среди густой тьмы, рѣшительно не зналъ: гдѣ ему пріютиться до утра. Были, конечно, въ Дамаскѣ гостинницы, но Ермій не могъ ни въ одну изъ нихъ постучаться, потому что тамъ спросить съ него платы за ночлегъ, а онъ не имѣлъ у себя никакихъ денегъ.

Остановился Ермій и, размысливъ, что въ его положеніи возможно сдѣлать, рѣшился попроситься ночевать въ первый домъ, какой попадется.

Такъ онъ и сдѣлалъ: взялъ и постучался.

Его спрашиваютъ изъ-за двери:

— Кто тамъ стучится?

Ермій отвѣчаетъ:

— Я, бѣдный странникъ.

— Чего же тебѣ надо?

— Прошу пріюта.

— Иди за этимъ въ гостинницу.

— Я бѣденъ, и не могу платить въ гостинницѣ.

— Такъ иди къ тѣмъ, кто тебя знаетъ.

— Да меня здѣсь никто вовсе не знаетъ.

— А если тебя никто не знаетъ, то не стучи и у насъ понапрасно, а уходи прочь.

— Я прошу во имя Христа.

— Оставь это имя. Много васъ тутъ ходите и этимъ именемъ просите, а послѣ всякое зло дѣлаете. Уходи прочь, нѣтъ у насъ для тебя пріюта.

Ермій подошелъ къ другому дому и опять стучитъ и опять просится.

Опять спрашиваютъ его изъ-за закрытыхъ дверей:

— Чего тебѣ надо?

— Изнемогаю, я бѣдный странникъ... пустите отдохнуть въ домѣ!

Опять тотъ же отвѣтъ: иди въ гостинницу.

— У меня денегъ нѣтъ,—отвѣчаетъ Ермій и провозноситъ имя Христово.

— Полно, полно,—говорятъ,—всѣ лѣнивцы и злодѣи нынче этимъ именемъ прикрываются.

— Ахъ, я,—говоритъ Ермій:—никому никакого зла не сдѣлалъ и не дѣлаю: я пришелъ прямо изъ пустыни.

— Ну, если ты изъ пустыни, то тамъ бы тебѣ и оставаться. Напрасно ты сюда и пришелъ.

— Я не своею волею пришелъ, а имѣлъ повелѣнїе.

— Ну, такъ иди къ тому, куда тебѣ велѣно, а насъ оставь въ покоѣ; мы тѣхъ, кои старцами сказываются и въ козыхъ милотяхъ ходятъ, боимся: вы сами очень святы, а за вами за каждымъ семь приставныхъ бѣсовъ ходитъ.

— Ого! — подумалъ Ермій: — какъ время измѣнило обычаи. Вѣрно нынѣ совсѣмъ уже нѣтъ стараго привѣта страннымъ. Всѣ уже знаютъ пустынное преданїе, что за аскетомъ вслѣдъ болѣе бѣсовъ ходитъ, чѣмъ за простымъ грѣшникомъ, а черезъ это не лучше, а хуже стало. И вотъ я—пустынникъ, простоявшій тридцать лѣтъ, въ тѣни тѣла моего люди получали изцѣленїя, а здѣсь меня никто не пускаетъ подъ крышу, и я могу быть не только убитъ, но еще горче смерти могу быть оскорбленъ и обезчещенъ. Нѣтъ, теперь уже я ясно вижу, что я поддался насмѣшкѣ сатаны, что я былъ посланъ сюда не для пользы души моей, а для всецѣлой моей пагубы.

А въ это самое время замѣчаетъ Ермій, что кто-то во тьмѣ спѣшно перебѣгаетъ улицу и смѣясь говоритъ:

— Ну, насмѣшилъ ты меня, старичина! Видно, ты и въ самомъ дѣлѣ, должно быть, ничего не знаешь.

Ермій подумалъ: кто это?—воръ или блудодѣй: дай я, однако, его разспрошу, что мнѣ сдѣлать, гдѣ найдти прїютъ.

— Остановись,—говоритъ Ермій:—и кто бы ты ни былъ, скажи мнѣ, нѣтъ ли здѣсь человѣка, который извѣстенъ тѣмъ, что онъ челоуѣколюбивъ?

— Какъ же,—отвѣчаетъ,—есть здѣсь таковые.

— Гдѣ же они?

— А вотъ ты сейчасъ у ихъ домовъ стучался и съ ними разговаривалъ.

— Ну, а неизвѣстны ли тебѣ, кои боголюбивы?

— И таковые извѣстны.

— Гдѣ же они?

— Они теперь по заходѣ солнечномъ на молитву стали.

— Пойду я къ нимъ.

— Нѣтъ, не ходи: ты своимъ стукомъ помѣшаешь ихъ стоянїю на молитвѣ, и слуги ихъ за то нанесутъ тебѣ мѣдными прутьями раны.

Старецъ всплеснулъ руками.

— Что же это, говорить, сердобольныхъ никакъ въ своей нуждѣ не увѣришь, набожныхъ отъ стоянія не отзовешь, а ночь ваша темна и обычаи ваши ужасны.

— Что же тебѣ унывать! — ты иди къ Памфалону.

— Какъ ты сказалъ? — переспросилъ отшельникъ и опять получилъ тотъ же отвѣтъ:

— Иди къ Памфалону.

VIII.

Радъ былъ отшельникъ услышать про Памфалона. Стало быть, шель онъ не даромъ. Но кто этотъ во тьмѣ говорящій: или это путеводительный ангелъ, или всѣхъ худшій бѣсъ?

— Мнѣ,—говоритъ Ермій:—Памфалона и нужно, потому что я, къ нему посланъ, но только я не знаю: тотъ ли это Памфалонъ, о которомъ ты говоришь?

— А тебѣ что о твоёмъ Памфалонѣ сказано?

— Сказано, что онъ всѣхъ веселитъ и его здѣсь всѣ знаютъ.

— Ну, а если такъ, то я говорю о томъ самомъ Памфалонѣ, про котораго тебѣ сказано. Онъ одинъ только и есть такой Памфалонъ, котораго всѣ знаютъ.

— Почему же онъ всѣмъ такъ извѣстенъ?

— А потому, что онъ пріятный человѣкъ и всюду съ собою веселье ведетъ. Безъ него нѣтъ здѣсь ни пира, ни потѣхи и всѣмъ онъ любезенъ. Чуть гдѣ пса его сѣраго съ длинной мордой слышать, когда онъ бѣжитъ, гремя позвонцами, всѣ радостно говорятъ: вотъ Памфалонова Акра бѣжитъ! сейчасъ, значитъ, самъ Памфалонъ придетъ, и веселый смѣхъ будетъ.

— А для чего же онъ пса при себѣ водить?

— Его Акра, чудесная, умная и вѣрная собака, она ему людей веселить помогаетъ. А то еще у него есть разноперая птица, которую онъ на длинномъ шестѣ въ обручѣ носить: она и свистомъ свиститъ, и шипитъ позмѣину.

— Зачѣмъ же все это ему нужно и песь, и разноперая птица?

— Какъ же,—Памфалону безъ смѣшныхъ вещей быть невозможно.

— Да кто же такой у васъ этотъ Памфалонъ?

— А развѣ ты самъ этого не знаешь?

— Не знаю. Я только слышалъ о немъ въ пустынѣ.

Собесѣдникъ удивился.

— Вотъ какъ! — воскликнулъ онъ. — Значитъ, уже не только въ Дамаскѣ и въ другихъ городахъ, а и далеко въ пустынѣ знаютъ нашего Памфалона! Ну, да такъ тому и слѣдовало быть, потому что такого другаго весельчака нѣтъ, какъ нашъ Памфалонъ: никто

не можетъ безъ смѣха глядѣть, какъ онъ шутить свои веселыя шутки, какъ онъ мигаетъ глазами, двигаетъ ушами, перебираетъ ногами и свиститъ, и языкомъ щелкаетъ, и вертитъ завитой головой.

— Перебираетъ ногами и вертитъ головою,—повторилъ пустынный.— Да кто же онъ такой, наконецъ!?

— Скоморохъ.

— Какъ?.. этотъ Памфалонъ!.. Къ кому я иду!.. Онъ скоморохъ!

— Ну, да, Памфалонъ скоморохъ, его потому всѣ и знаютъ, что онъ по улицамъ скачетъ, на площади колесомъ вертится и мигаетъ глазами, и перебираетъ ногами, и вертитъ головой.

Ермій даже свой пустынный посохъ изъ рукъ уронилъ.

— Дьяволъ, дьяволъ надо мной явдѣвается!

А во тѣмъ говорившій добавилъ:

— Памфалоновъ домъ сейчасъ здѣсь за угломъ, и у него навѣрно теперь въ окнѣ еще свѣтъ свѣтитъ, потому что онъ вечеромъ приготовляетъ свои скоморошья снаряды, чтобы дѣлать у гетеръ представленія. А если у него огня нѣтъ, ты такъ вшотьмахъ отсчитай за угломъ направо третій маленькій домъ, входи и ночуй. У Памфалона всегда двери открыты.

И съ тѣмъ говорившій во тѣмъ сникъ куда-то, какъ будто его и не бывало.

IX.

Ермій, пораженный тѣмъ, что онъ услышалъ о Памфалонѣ, остался въ потемкахъ и думаетъ:

— Что же мнѣ теперь дѣлать? Это невозможно, чтобы человѣкъ, для свиданія съ которымъ я снятъ съ моего камня и выведенъ изъ пустыни, былъ скоморохъ? Какія такія добродѣтели, достойныя вѣчной жизни, можно заимствовать у комедiantа, у фокусника, который кривляется на площадяхъ и въ домахъ, гдѣ пьютъ вино и предаются безпутствамъ?

Непонятно это, а дѣлать нечего,—надо идти къ скомороху.

Ночной пріютъ пустыннику былъ необходимъ, потому что хотя онъ и привыкъ ко всѣмъ непогодамъ, но на улицѣ, въ городѣ въ тогдашнее время остаться ночью было гораздо опаснѣе, чѣмъ въ нынѣшнѣе. Тогда и воры грабили, и ходили такіе отчаянные люди, какихъ видали только предъ сожженіемъ Содома и Гоморра. И эти не щадили никого, и всякъ могъ ожидать себѣ отъ нихъ самаго гнуснаго оскорбленія.

Ермій все это помнилъ и потому очень обрадовался, когда только-что завернулъ за уголъ, какъ сейчасъ же увидалъ привѣтный огонекъ. Свѣтъ выходилъ изъ одного маленькаго домика и ярко горѣлъ во тѣмѣ, какъ звѣздочка. Вѣроятно, тутъ и живетъ скоморохъ.

Ермій пошелъ на свѣтъ и видитъ: дѣйствительно стоять очень маленькій, низенькій домикъ, а въ немъ растворенная дверь, и надъ нею поднята тростниковая циновка, такъ что все внутри этого жилища видно.

Жилье не велико, — всего одинъ покой, и притомъ не высокій, но довольно просторный, и въ немъ все на виду — и хозяинъ, и хозяйство, и все его ремесло. И по всему тому, что видно, нетрудно было отгадать, что здѣсь живетъ не степенный человѣкъ, а именно скоморохъ.

На сѣрой стѣнѣ, какъ разъ насупротивъ раскрытой двери, висѣла глиняная лампа съ длиннымъ рожкомъ, на концѣ котораго горѣлъ краснымъ огнемъ фитиль, налитанный масломъ. Фитиль этотъ сильно коптилъ и внизъ съ него падали капли. Вдоль всей стѣны висѣли разныя странныя вещи, которыя, впрочемъ, лучше можно бы назвать хламомъ. Тутъ были уборы, и сарацынскіе, и греческіе, и египетскіе, а также были и разнопестрыя перья и звонцы, и трещотки, и накры, и красныя шесты, и золоченые обручи. Въ одномъ углѣ вбитъ былъ крюкъ въ потолокъ, а къ нему подцѣпленъ тонкій шестъ, похожій на большое удилище, а на концѣ того шеста, на веревкѣ другой деревянный обручъ, а въ обручѣ спитъ, загнувъ голову подъ крыло, пестрая птица. На ногѣ у нея тонкая цѣпь, которою она прикована къ обручу. Въ другомъ же углѣ загнуты полколесомъ гнуткія драпицы и за ними задѣты бубны, накры, сопѣли и еще болѣе странныя вещи, которыхъ и назначенія даже не могъ придумать давно не выдавшій городской жизни пустынный.

На полу въ одномъ углѣ постель изъ циновки, а въ другомъ сундукъ, на этомъ сундукѣ передъ скамьею, замѣняющею столъ, сидитъ и что-то мастерить самъ хозяинъ жилища.

Видъ его страненъ: онъ уже человѣкъ не молодой, а подстаровать, имѣетъ смуглое, добродушное, веселое, но раскрашенное лицо съ постояннымъ, умѣреннымъ выраженіемъ и легкимъ блескомъ глазъ, а полусѣдая голова вся завита въ мелкіе кудри, а на нихъ надѣтъ тонкій, мѣдный ободокъ и съ него внизъ висятъ блестящія кружечки и звѣздочки. Таковъ Памфалонъ. Сидитъ онъ, нагнувшись надъ скамьею, на которой разбросаны разные скоморошья приборы, а передъ лицомъ его маленькая глиняная жаровня и паяло. Онъ дуетъ ртомъ черезъ паяльную трубку въ жаркіе угли, и закрѣпляетъ одно за другое какія-то мелкія кольца, и не замѣчаетъ того, что на него снаружи давно смотритъ отшельникъ.

Но вотъ, лежавшая въ тѣни у ногъ Памфалона длинномордая сѣрая собака чутьемъ почувала близость сторонняго человѣка, подняла свою голову и, заворчавъ, встала на ноги, а съ этимъ ея движеніемъ на ея мѣдномъ ошейникѣ зазвонили звонцы и отъ нихъ сейчасъ же проснулась и вынула изъ-подъ крыла голову разноперая птица. Она встрепелулась и не то свистнула, не то какъ-то

рѣзко проскрипѣла клювомъ. Памфалонъ разогнулся, отнялъ на минуту губы отъ паяла и крикнулъ:

— Молчи, Акра! И ты, Зоя, молчи! Не пугайте того, кто приходитъ звать насъ смѣшать заскучавшихъ богачей. А ты, — добавилъ онъ, возвыся голосъ: — кто жалуешь, подходи скорѣе и говори сразу: что тебѣ нужно?

На это Ермій ему отвѣтилъ:

— Ты ошибся, Памфалонъ; человѣкъ, который стоитъ у твоего дома, пришелъ совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы звать тебя на скомо-рошное игрище.

— Все равно. Ночь еще впереди, — придетъ ктонибудь другой и позоветъ на игрище, и у меня будетъ на завтра заработокъ, для меня и для моей собаки. А тебѣ что угодно?

— Я прошу у тебя приюта на ночь и желаю съ тобою бѣствовать.

Услышавъ эти слова, скоморохъ оглянулся, положилъ на сундукъ дротяныя кольца и паяла и, разставивъ надъ глазами ладонь, проговорилъ:

— Я не вижу тебя, кто ты такой, да и голосъ твой незнакомъ мнѣ.

— Да, ты меня не знаешь, — отвѣчалъ Ермій. — Я здѣсь всѣмъ чужой человѣкъ и пришелъ издалека. Свѣтъ твоей лампы привлекъ меня къ твоей двери, и я прошу приюта.

— Что же, я радъ, что свѣтъ моей лампы свѣтитъ не для однихъ гулякъ. Не стой больше на улицѣ, и если у тебя нѣтъ въ Дамаскѣ лучшаго ночлега, то я прошу тебя, войди ко мнѣ, чтобы я могъ тебя успокоить.

— Благодарю, — отвѣчалъ Ермій: — и за привѣтъ твой пусть благословить тебя Богъ, благословившій страннопримный кровъ Авраама.

— Ну, ну, полно! Есть ли о чемъ говорить! Много будетъ, если ты благословишь меня, выходя изъ моего дома, когда отдохнешь съ дороги и успокоишься, а теперь входи скорѣе: пока я дома, я тебѣ помогу умыться, а то меня ктонибудь кликнетъ на ночную потѣху, и мнѣ будетъ некогда. Нынче къ намъ стали заходить чужіе скоморохи изъ Сиракузъ, сладко поютъ и играютъ на арфахъ и перебили у насъ всю самую лучшую работу. Ничего нельзя упускать: надо сразу бѣжать, куда кликнуть, а теперь какъ разъ такой часъ, когда богатые и знатные гости приходятъ къ веселымъ гетерамъ.

— Проклятый часъ, — подумалъ Ермій.

А Памфалонъ продолжалъ:

— Ну, входи ко мнѣ, сдѣлай милость, и не обращай вниманья на мою собаку: это Акра, это мой вѣрный песъ, мой товарищъ — Акра живетъ не для страха, а такъ же, какъ я — для потѣхи. Входи ко мнѣ, путникъ.

Съ этимъ Памфалонъ протянулъ гостю обѣ руки и, сведя его по ступенькамъ съ уличной тьмы въ освѣщенную комнату, мгновенно отскочилъ отъ него въ ужасѣ.

Такъ страшень и дикъ показался ему вошедшій пустынный!

Прежній вельможа, простоявъ тридцать лѣтъ подъ вѣтромъ и пламеннымъ солнцемъ, изнеможилъ въ себѣ видъ человѣческой. Глаза его совсѣмъ обезцвѣтились, изгорѣвшее тѣло его все почернѣло и присохло къ остову, руки и ноги его иссохли и отросшія ногти загнулись и впились въ ладони, а на головѣ остался одинъ клокъ волосъ, и цвѣтъ этихъ волосъ былъ не бѣлый, и не желтый, и даже непразелень, а голубоватый, какъ утиное яйцо, и этотъ клокъ торчалъ на самой срединѣ головы, точно хохоль на селезнѣ.

Въ изумленіи стояли другъ передъ другомъ два эти совсѣмъ несходные человѣка: одинъ скоморохъ, скрывшій свой естественный видъ лица подъ красками, а другой—весь излинявшій пустынный. На нихъ смотрѣла длинномордая собака и разноперая птица. И всѣ молчали. А Ермій пришелъ къ Памфалону не для молчанія, а для бесѣды, и для великой бесѣды.

Х.

Оправился первый Памфалонъ.

Замѣтивъ, что Ермій не имѣлъ на себѣ никакой ноши, Памфалонъ съ недоумѣніемъ спросилъ его:

— Гдѣ твоя кошница и тыква?

— Со мной нѣтъ ничего, — отвѣчалъ отшельникъ.

— Ну, слава Богу, что у меня сегодня есть, чѣмъ тебя угостить.

— Не надо, — перебилъ старецъ: — я пришелъ не за угощеніемъ.

Мнѣ нужно знать, какъ ты угождаешь Богу?

— Что ты, что ты, отецъ! Какое отъ меня угожденіе Богу! Да мнѣ объ этомъ даже и думать нельзя.

— Отчего тебѣ нельзя думать? О своемъ спасеніи всякъ долженъ думать. Ничего для человѣка не можетъ быть такъ дорого, какъ его спасеніе. А спасеніе невозможно безъ того, чтобы угодить Богу.

Памфалонъ его выслушалъ, улыбнулся и отвѣчалъ:

— Эхъ, отецъ, отецъ! Извини, что мнѣ смѣшно тебя слушать.

Видно, и вправду давно ты изъ міра.

— Да, я давно; я тридцать лѣтъ уже не былъ между людьми, но, всетаки, что я говорю, то истинно и согласно съ вѣрой.

— А я, — отвѣчалъ Памфалонъ: — съ тобою не спорю, но говорю тебѣ, что я человѣкъ очень непостоянной жизни, я ремесломъ скоморохъ, и не о благочестіи размышляю, а я скачу, верчусь, играю, руками плещу, глазами мигаю, выкручиваю ногами и трясу голо-

вой, чтобы мнѣ дали чтонибудь за мое посмѣшище. О какомъ богоугожденіи я могу думать въ такой жизни!

— Такъ оставь эту жизньъ и веди лучшую.

— Ахъ, я уже это пробовалъ.

— Да что же?

— Не удастся, отецъ.

— Еще разъ попробуй.

— Нѣтъ, ужъ теперь и пробовать нечего.

— Отчего?

— Оттого, что я на сихъ дняхъ упустилъ такой случай для исправленія моей жизни, какого уже лучше и быть не можетъ.

— Почему ты знаешь? По-твоему не можетъ быть, а у Бога все возможно.

— Нѣтъ, ты про это со мною, пожалуйста, лучше не говори, потому что я даже и не хочу болѣе искушать Бога, если я не умѣю Его милостями пользоваться. Я себя самъ оставилъ безъ спасенія, пусть такъ и будетъ.

— Но ты, значить, отчаянный?

— Нѣтъ, я не отчаянный, а только я беззаботный, веселый человѣкъ.

Ермій покачалъ головою и говоритъ:

— Въ чемъ же твоя вѣра, веселый, беззаботный человѣкъ?

— Я вѣрю, что я самъ изъ себя ничего хорошаго сдѣлать не сумѣю, а развѣ создавшій меня самъ чтонибудь лучшее изъ меня со временемъ сдѣлаетъ. Это Его дѣло.

— А отчего же ты самъ о себѣ не заботишься?

— Некогда.

— Какъ это некогда?

— Да такъ, я живу въ суетѣ, а когда нарочито соберусь спастись, то на меня нападаетъ тоска, и вмѣсто хорошаго еще хуже выходитъ.

— Ты говоришь несообразное.

— Нѣтъ, это правда. Когда я размыслюсь, то отъ моего слабаго характера стану тревоженъ и опять самъ все разрушу и стану на свою скоморошью степень.

— Ну, такъ ты человѣкъ пропащій.

— Не знаю.

— И я думаю, что ты совсѣмъ не тотъ Памфалонъ, котораго мнѣ надобно.

— Я не могу тебѣ на это отвѣтить, — отвѣчалъ скоморохъ: — но только мнѣ кажется, что на этотъ часъ, когда я такъ счастливъ, что могу послужить твоей страннической нуждѣ, я теперь, пожалуй, какъ разъ тотъ Памфалонъ, который тебѣ нуженъ, а что тебѣ дальше нужно будетъ, о томъ завтра узнаемъ. Теперь же я умю

твои ноги, и ты покушай, что у меня есть, и ложись спать, а я пойду скоморошить.

— Мнѣ нужно бесѣдъ твоихъ.

— Бесѣдъ!—воскликнулъ въ удивленіи Памфалонъ.

— Да, мнѣ нужно бесѣдъ твоихъ, я для нихъ пришелъ и не отступлю отъ тебя.

Памфалонъ поглядѣлъ на старца еще съ большимъ недоумѣніемъ и потомъ вдругъ расхохотался.

— Что же тебѣ, весельчакъ, такъ смѣшно въ словахъ моихъ?—спросилъ Ермій.

А Памфалонъ отвѣчалъ:

— Прости мнѣ мое безумство. Я это по привычкѣ шутить разсмѣялся. Ты хочешь не отступить отъ меня, а я подумалъ, что мнѣ, пожалуй, и хорошо бы взять тебя и поводить съ собою по городу. Мнѣ бы было выгодно водить тебя на показъ по Дамаску. На тебя бы всѣ глядѣть собирались, но мнѣ стыдно, что я такъ о тебѣ подумалъ, и пусть же и тебѣ будетъ стыдно надо мною смѣяться.

— Я ни надъ кѣмъ не смѣюсь, Памфалонъ.

— Такъ зачѣмъ же ты говоришь, что хочешь отъ меня бесѣдъ для своего наученія? Какія наученія могу дать я, дрянной скоморохъ, тебѣ, мужу, имѣвшему силу разсуждать о Богѣ и о людяхъ въ святомъ безмолвіи пустыни? Господь меня не лишилъ совсѣмъ святѣйшаго дара своего — разума, и я знаю разницу, какая есть между мною и тобою. Не оскорбляй же меня, позволь мнѣ омыть твои ноги и почивай на моей постели.

— Хорошо,—сказалъ Ермій:—ты хозяинъ въ своемъ домѣ и дѣлай, что хочешь.

Памфалонъ принесъ лохань свѣжей воды и, омывъ ноги гостя, подалъ ему ѣсть, а потомъ уложилъ въ постель и промолвилъ:

— Завтра будемъ говорить съ тобою. А теперь объ одномъ тебя попрошу: не тревожься, если ктонибудь изъ подгулявшихъ людей станетъ стучать ко мнѣ въ дверь или бросать чтонибудь въ стѣну. Это ничего другаго не значитъ, какъ празднолюбцы зовутъ меня потѣшать ихъ.

— И ты встаешь и уходишь?

— Да, я иду во всякое время.

— И неужто тыходишь повсюду?

— Конечно, повсюду: я вѣдь скоморохъ и не могу разбирать мѣста.

— Бѣдный Памфалонъ!

— Какъ быть, мой отецъ! Мудрецы и философы моего мастерства не требуютъ, а требуютъ его празднолюбцы. Я хожу на площади, стою у ристалищъ, верчусь на пирахъ, бываю въ загород-

ныхъ рощахъ, гдѣ гуляютъ молодые богачи, а больше всего по ночамъ бываю въ домахъ у веселыхъ гетеръ...

При послѣднемъ словѣ Ерміи едва не заплакалъ и еще жалостнѣе воскликнулъ:

— Бѣдный Памфалонъ!

— Что дѣлать, — отвѣчалъ скоморохъ: — я дѣйствительно очень бѣденъ. Я вѣдь сынъ грѣха и какъ во грѣхѣ зачатъ, такъ съ грѣшниками и выросъ. Ничему другому я, кромѣ скоморошества, не наученъ, а въ мѣрѣ долженъ былъ жить потому, что здѣсь жила во грѣхѣ зачавшая и родившая меня мать моя. Я не могъ снести, чтобы мать моя протянула къ чужому человѣку руку за хлѣбомъ, и кормилъ ее своимъ скоморошествомъ.

— А гдѣ же теперь твоя мать?

— Я вѣрю, что она у Бога. Она умерла на той же постели, гдѣ ты лежишь теперь.

— Тебя любятъ въ Дамаскѣ?

— Меня любятъ и кидаютъ мнѣ деньги за мои забавы и угощаютъ меня за своими столами. Я пью на чужой счетъ дорогое вино и плачу за него моими шутками.

— Ты пьешь вино?

— О, да, что я пью вино и люблю его пить, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Да безъ этого и нельзя для человѣка, который держится веселой компаніи.

— Кто же тебя приучилъ къ этой компаніи?

— Случай, или, лучше тебѣ сказать, я не умѣю объяснить этого твоему благочестію. Мать моя въ молодости была весела и прекрасна. Отецъ мой былъ знатный человѣкъ. Онъ меня бросилъ, а другіе изъ степенныхъ людей никто меня не взяли, взяли же меня такой же, какъ я, скоморохъ, и много меня билъ и ломалъ, но, все-таки, спасибо ему — онъ меня выучилъ своему дѣлу, и теперь никто лучше меня не кинетъ вверхъ колець, чтобы они на лету сошлись, никто такъ не щелкаетъ языкомъ, не строитъ рожь, не плещетъ руками и не митусуетъ ногами, и не тростить головой.

— И тебѣ это ремесло еще не омерзѣло?

— Нѣтъ, оно часто мнѣ не нравится, особенно, когда я вижу, какъ проводятъ у гетеръ время вельможи, которымъ надо бы думать о счастіи народа, или когда въ веселые дома приводятъ цѣлующую юность, но я въ этомъ воспитанъ, и этимъ однимъ только умѣю добывать себѣ хлѣбъ.

— Бѣдный, бѣдный Памфалонъ! Смотри, вотъ уже и голова твоя заблѣлась, а ты все до сей поры плещешь руками и семишь ногами, и тростишь головой у погибшихъ блудницъ. Ты самъ погибнешь съ ними.

А Памфалонъ отвѣчалъ:

— Не жалѣй меня, что я выкручиваю ногами и верчусь у

гетерь. Гетеры грѣшницы, но бываютъ къ намъ, слабымъ людямъ, жалостливы. Когда ихъ гости упьются, онѣ сами ходятъ и сами для насъ отъ гулякъ собираютъ даянье, и даже порою съ излишкомъ и съ лаской для насъ просятъ.

И замѣтивъ, что Ермій отвернулся, Памфалонъ тронулъ его ласково за плечо и молвилъ съ увѣтомъ:

— Вѣрь мнѣ, почтенный старикъ, что живое всегда живымъ остается, и у гетерь часто бьется въ груди прекрасное сердце. А печально намъ быть на пирахъ у богатыхъ господъ. Вотъ тамъ люди горды, надменны и веселья хотятъ, а свободнаго смѣха и шутокъ не терпятъ. Тамъ требуютъ того, чего естество человѣческое стыдится, тамъ угрожаютъ удареніемъ и ранами, тамъ щиплютъ мою разноперую птицу, тамъ дуруютъ и плюютъ въ носъ моей собакѣ Акрѣ. Тамъ ни во что вмѣняютъ всѣ обиды для низшихъ, и на утро... ходятъ молиться для вида.

— О горе! о горе!—прошепталъ Ермій;—вижу, что ты даже совсѣмъ еще далекъ отъ того, чтобы понимать, въ чемъ погрязъ ты, но твой умъ и твое естество, можетъ быть, добры... Потому я вѣрно для того къ нему и посланъ, чтобы вывести его одаренную душу на иную путину.

И сказалъ онъ ему вдохновенно:

— Брось свое гадкое ремесло, Памфалонъ.

А тотъ ему спокойно отвѣтилъ:

— Не могу.

— Произнеси глаголь къ Богу, и онъ тебѣ поможетъ.

Памфалонъ ведрогнулъ и упавшимъ голосомъ молвилъ:

— Зачѣмъ ты читаешь въ душѣ моей, о чемъ я хочу позабыть!

— Ты давалъ обѣтъ, и опять его нарушилъ?

— Да, я давалъ обѣтъ и его нарушилъ. И развѣ можетъ слабый человѣкъ давать обѣтъ Всемогущему, который его представилъ, чѣмъ ему быть, и мнетъ его, какъ мнетъ горшечникъ глину на кружалѣ? Да; знай, я имѣлъ возможность бросить скоморошество и не бросилъ.

— И почему же ты не бросилъ?

— Не могъ.

— Что у тебя за отвѣтъ: все ты «не могъ»? Почему ты не могъ?

— Не могъ и не могу, потому что... я не могу о себѣ думать, когда есть ктонибудь, кому надо помочь.

Старецъ приподнялся на ложѣ и, вперивъ глаза въ скомороха, воскликнулъ:

— Что ты сказалъ?! Ты ни во что считаешь погубить свою душу на безконечные вѣки вѣковъ, лишь бы сдѣлать чтонибудь въ сей быстрой жизни для другаго! Да ты имѣешь ли понятія о ярящемся пламени ада и о глубинѣ вѣчной ночи?

Скоморохъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Нѣтъ, я ничего не знаю объ этомъ. Да и какъ я могу знать о мертвыхъ, когда я не знаю даже всего о живыхъ? А ты знаешь о тартарѣ, старецъ?

— Конечно!

— А между тѣмъ, я вижу, и ты не знаешь о многомъ, что есть на землѣ. Мнѣ это странно. Я тебѣ говорю, что я человѣкъ негодный, а ты мнѣ не вѣришь. А я не повѣрю тебѣ, что ты знаешь о мертвыхъ.

— Несчастный! да ты имѣешь ли даже понятія о самомъ Божествѣ?

— Имѣю, только очень малыя понятія, но въ томъ не ожидаю себѣ великаго осужденія, потому что я вѣдь не выросъ въ благородной семьѣ, я не слушалъ уроковъ у схоластиковъ, въ Византіи.

— Бога можно знать и служить Ему безъ науки схоластиковъ.

— Я съ тобою согласенъ и такъ всегда и думалъ: мнѣ Тебя не понять, а я не хочу быть какъ лѣнивый рабъ, чтобы о Тебѣ со всѣми пересуживать и узнавать, зачѣмъ Ты отъ меня одно требуешь, а другое запрещаешь! Я буду Тебѣ просто покоренъ и не стану разузнавать, что Ты думаешь, а просто возьму и исполню, что Твой перстъ начерталъ въ моемъ сердцѣ! А если дурно сдѣлаю, — Ты прости, потому что вѣдь это Ты меня создалъ со слабымъ сердцемъ. Я съ нимъ и живу.

— И ты на этомъ надѣешься оправдаться!

— Ахъ, я ни на что не надѣюсь, но и ничего не боюсь. Я Его люблю.

— Лучше трепещи!

— Зачѣмъ? Ты развѣ трепещешь?

— Трепеталъ.

— И нынче усталъ?

— Я уже не тотъ, что былъ прежде когда-то.

— Навѣрно ты сдѣлался лучше?

— Не знаю.

— Это ты хорошо сказалъ. Знаетъ тотъ, кто смотритъ, а не тотъ, кто дѣлаетъ. Кто дѣлаетъ, тому на себя не видно.

— А ты себя когда нибудь чувствовалъ хорошо?

Памфалонъ промолчалъ.

— Я умоляю тебя, — повторилъ Ермій: — скажи мнѣ, ты чувствовалъ себя хорошо?

— Да, — отвѣчалъ скоморохъ: — я чувствовалъ...

— А когда это было?

— Въ тотъ часъ, когда я себя отъ Него удалилъ...

— Боже! что говорить этотъ безумецъ!

— Я говорю сущую правду. Дѣлай, а не любуйся!

— Но чѣмъ и какъ ты отдалилъ себя отъ Бога.

— Я это сдѣлалъ за единый вздохъ.

— Отвѣтъ же мнѣ, что ты сдѣлалъ?

Памфалонъ хотѣлъ отвѣчать, что съ нимъ было, но въ это самое мгновеніе циновку, которою была завѣшена дверь, откинули двѣ молодыя смуглыя женскія руки въ запястьяхъ, и два звонкіе женскіе голоса сразу на перебой заговорили:

— Памфалонъ, Памфалонъ! скорѣй поднимайся и иди съ нами. Мы бѣжали впотѣмахъ бѣгомъ за тобою отъ нашей этеры... Спѣши скорѣй, у насъ полонъ гротъ и аллеи гостей изъ Коринѳа. Бери съ собою кольца, и струны, и Акру, и птицу. Ты нынче въ ночь зароботаешь за свою большую потерю.

Ермій взглянулъ на этихъ женщинъ, и ихъ лоснящаяся, теплая кожа, ихъ полурастворенные рты и замутившіеся глаза съ обращеннымъ въ пространство взоромъ, совершенное отсутствіе мысли на лицахъ и запахъ ихъ страстнаго тѣла опшибли его. Пустыннику показалось, что онъ слышитъ даже глухой рокотъ крови въ ихъ жилахъ, и онъ завернулся къ стѣнѣ и закрылъ свою голову рогожей.

А Памфалонъ тихо молвилъ, нагнувшись въ сторону:

— Вотъ видишь, досугъ ли мнѣ размышлять о высокомъ!— и сразу же перемѣнивъ тонъ на громкій и веселый, онъ отвѣчалъ женщинамъ:

— Сейчасъ, сейчасъ иду къ вамъ, мои нильскія змѣйки.

Памфалонъ свистнулъ свою Акру, взявъ шесть, на которомъ въ обручѣ сидѣла его пестрая птица, и, захвативъ другіе свои скоморошья снаряды, ушелъ, загасивъ лампу.

Ермій остался одинъ въ пустомъ жилищѣ.

XI.

Ермій не скоро позабылся сномъ. Онъ долго размышлялъ: какъ ему согласить въ своемъ понятіи то, для чего онъ шелъ сюда, съ тѣмъ, что здѣсь находить. Конечно, можно сразу видѣть, что скоморохъ человѣкъ добраго сердца, но все же онъ человѣкъ легкомысленный: онъ, потѣхи множить, руками плещетъ, ногами танцуетъ и тростить головой, а оставить эти бѣсовскія потѣхи не желаетъ. Да и можетъ ли онъ сдѣлать это, такъ далеко затянувшись въ разгульную жизнь? Вотъ гдѣ онъ, напримѣръ, находится теперь, послѣ того, какъ ушелъ съ этими безстыжими женщинами.

Если таковы были посланницы, то какова должна быть та, которой онъ служить въ ея развращенномъ домѣ!..

Отшельникъ содрогнулся.

Для чего же было ему, послѣ тридцати лѣтъ стоянія, слѣзать со скалы, идти многіе дни съ страшной истомой, чтобы прійти

и увидѣть въ Дамаскѣ... ту же темную скверну грѣха, отъ которой онъ бѣжалъ изъ Византіи? Нѣтъ, вѣрно не ангель Божій его сюда послалъ, а искусительный демонъ! Нечего больше и думать объ этомъ, надо сейчасъ же встать и бѣжать.

Тяжело было Ермію подняться,—ноги его устали, путь далека, пустыня жарка и исполнена страховъ, но онъ не пощадилъ своего тѣла... онъ встаетъ, онъ бредетъ во тьмѣ по стогнамъ Дамаска, пробѣгаетъ ихъ: пѣсни, пьяный звонъ чашъ изъ домовъ и страстные вздохи бѣжать вслѣдъ за нимъ, какъ волны прибоя; но ногамъ его дана небывалая сила и бодрость. Онъ бѣжитъ, бѣжитъ, видитъ свою скалу, хватается за ея кремнистыя ребра, хочетъ влѣзть въ свою разщелину, но чья-то страшно могучая рука срываетъ его за ноги внизъ и ставитъ на землю, а незримый голосъ грозно говорить ему:

— Преси Памфалона рассказать тебѣ его прекрасное дѣло спасенія.

И съ этимъ Ермія такъ дунуло вспять, что онъ едва не задохся отъ бури, и, открывъ глаза, видитъ день, онъ опять въ жилищѣ Памфалона, и самъ скоморохъ тутъ лежитъ, упавъ на голомъ полу, и спитъ, а его песь и разноперая птица дремлютъ...

Возлѣ изголовья Ермія стояли два сосуда изъ глины — одинъ съ водою, другой съ молокомъ, а на свѣжихъ зеленыхъ листьяхъ мягкой козій сыръ и сочные фрукты.

Ничего этого свечера здѣсь не было...

Значитъ, пустыжникъ спалъ крѣпко, а его усталый хозяинъ, когда возвратился, еще не сразу легъ спать, а прежде послужилъ своему гостю.

Скоморохъ поставилъ гостю все, что гдѣ-то досталъ, чтобы гость утромъ всталъ и могъ подкрѣпиться...

Ни сыру, ни плодовъ въ домѣ у Памфалона не было, а все это, очевидно, ему было дано тамъ, гдѣ онъ вертѣлся и тѣшилъ гулякъ у гетеры.

Онъ взялъ подачку отъ гетеры, и принесъ это страннику.

— Чудака мой хозяинъ! — подумалъ Ермія и, вставъ съ постели, подошелъ къ Памфалону, взглянулъ въ лицо его и засмотрѣлся. Вчера вечеромъ онъ видѣлъ Памфалона при лампѣ и готоваго на скоморошество, съ завитою головою и съ лицомъ, разрисованнымъ красками, а теперь скоморохъ спалъ, смывъ съ себя скоморошье мазанье, и лицо у него было тихое и прекрасное. Ермію казалось, будто это совсѣмъ не человѣкъ, а ангель.

— Что же! — подумалъ Ермія: — можетъ быть, я не обмануть; можетъ быть, не было надо мной искушенія, а это именно тотъ самый Памфалонъ, который совершеннѣе меня и у котораго мнѣ надо чему-то научиться. Боже! какъ это узнать? Какъ разрѣшить это сомнѣнье?

И старикъ заплакалъ, и опустился передъ скоморохомъ на колѣни, и, обнявъ его голову, сталъ звать со слезами его по имени.

Памфалонъ проснулся и спросилъ:

— Что тебѣ угодно отъ меня, мой отецъ?

Но, увидѣвъ, что старецъ плачетъ, Памфалонъ встревожился, спѣшно всталъ и началъ говорить:

— Зачѣмъ я вижу слезы на старомъ лицѣ твоемъ? Не обидѣлъ ли тебя ктонибудь?

А Ермій ему отвѣчаетъ:

— Никто меня не обидѣлъ, кромѣ тебя, потому что я пришелъ къ тебѣ изъ моей пустыни, чтобы узнать отъ тебя для себя полезное, а ты не хочешь сказать мнѣ: чѣмъ ты угождаешь Богу, ибо я вижу, что живешь ты въ жизни суетной, но мнѣ о тебѣ явлено, что ты Богу любезенъ.

Памфалонъ задумался, и потомъ говоритъ:

— Повѣрь, старикъ, что въ моей жизни нѣтъ ничего такого, что бы можно взять въ похвалу, а напротивъ все скверно.

— Да ты, можетъ быть, самъ не знаешь?

— Ну, какъ не знать? Я знаю, что живу, какъ ты самъ видишь, въ суетѣ, и имѣю такое дрянное сердце, которое даже не допускаетъ меня до лучшаго.

— Ну, вотъ скажи мнѣ хоть объ этомъ: какой вредъ сдѣлало тебѣ твое сердце и какъ оно не допускаетъ тебя стать на иной степень? Какъ это было, что ты почувствовалъ себя хорошо, когда сдѣлалъ дурно?

— Ага! про это изволь,—говоритъ Памфалонъ:—если ты такъ уже непремѣнно этого требуешь, то я тебѣ расскажу этотъ случай, но только ты послѣ моего разсказа навѣрно не захочешь ко мнѣ возвратиться. Возстанемъ же лучше и пойдемъ отсюда за городъ, въ поле, и я тамъ на свободѣ расскажу тебѣ про то происшествіе, которое совсѣмъ меня отдалило отъ надежды исправленія.

— Пойдемъ, Бога ради, скорѣе,—отвѣчалъ Ермій, покрываясь своими ветхими лохмотьями.

Они оба вышли за городъ, сѣли надъ дикимъ обрывистымъ рвомъ, у ногъ ихъ легла Акра, и Памфалонъ началъ сказывать.

ХП.

— Ни за что я не сталъ бы тебѣ рассказывать,—началъ Памфалонъ:—о чемъ ты меня просишь, но какъ ты непремѣнно хочешь считать меня за хорошаго человѣка, а мнѣ отъ этого стыдно, потому что я этого не стою, а стою одного лишь презрѣнья, то я расскажу. Я большой грѣшникъ и бражникъ, но, что всего хуже еще,— я обманщикъ, и не простой обманщикъ: а я обманулъ Бога въ данномъ Ему обѣтѣ какъ разъ въ то самое время, когда полу-

чиль невѣроятнымъ образомъ возможность обѣтъ свой исполнить. Слушай, пожалуйста, и суди меня строго. Я желаю въ твоёмъ судѣ получить цѣлебную рану, какую заслужилъ себѣ въ наказаніе.

Нечистоту моей скomorошьей жизни ты видѣлъ и все дальнѣйшее посему понять можешь. Кругомъ я грязенъ и скверенъ. Я тебѣ правду сказалъ, что разсуждать о божественномъ я не наученъ и по жизни моей мнѣ рѣдко когда это приходитъ на мысль, но ты прозорливъ,—бывали случаи, что и я о своей душѣ думалъ. Вертишься ночь бражникамъ на потѣху, а когда передъ утромъ домой возвращаешься и задумаешься: для чего я живу? Грѣшишь для того, чтобъ пропитаться, и питаешься для того, чтобъ грѣшить. Все такъ и вертится. Но человекъ, вѣдь, отче, лукавъ, и во всякомъ своемъ положеньѣ ищетъ себѣ смоковничьи листья, чтобы прикрыть свою срамоту. Таковъ же и я: и я себѣ не разъ думалъ: я въ грѣхѣхъ погрязъ отъ нужды, я что добуду, тѣмъ едва пропитаюсь; вотъ если бы у меня когда нибудь случились такія деньги, чтобы я могъ купить малое поле и работать на немъ, такъ тогда бы я свое скomorошье оставилъ и сталъ бы жить какъ другіе степенные люди. Да не могъ я этого достичь, и не потому, чтобы никогда въ мои руки денегъ не попадало, а всегда что нибудь такое случалось, что я не успѣю собрать сколько нужно, какъ уже все собранное и растрочу: случится кто нибудь въ горѣ, и мнѣ его станетъ жаль, и я промотаюсь. Если бы мнѣ вразъ пришло въ руки много денегъ, тогда бы я навѣрно скomorошество оставилъ и перешелъ на степенность, а шить лоскутъ къ лоскуту я не умѣю. Зачѣмъ меня Богъ такъ устроилъ? Но если Онъ щедрой рукой мнѣ поможетъ,—ну, тогда я воздержусь и стану жить хорошо, какъ прочіе, которыхъ почитаютъ люди, ожидающіе себѣ царствія небеснаго.

И что же ты думаешь! какъ точно съ того слова взялося: выпалъ мнѣ случай, о каковомъ невозможно, казалось, и думать. Слушай прилежно меня и суди меня строго.

Вотъ что было разъ въ моей жизни.

Позвали недавно меня тѣшить гостей у одной здѣшной гетеры Азеллы. Она не молода, но ея красота долголѣтняя, и Азелла всѣхъ здѣсь красивѣй, пышнѣй и умнѣе. Гости было много, и все чужеземцы изъ Рима и хвастуны богачи изъ Коринеа. Всѣ упивались виномъ и меня безпрестанно заставляли играть имъ и пѣть. Другіе хотѣли, чтобы я смѣшилъ ихъ, и я всѣмъ угождалъ, какъ хотѣли. А когда я уставалъ, они не хотѣли этого знать и надо мною обидно смѣялись, толкали, насильно поили виномъ, въ которое сыпали неприятную подмѣсь; обливали меня и злили мою бѣдную Акру. Они дергали ее за ляжки и плевали ей въ носъ, а когда Акра рычала, они ее били и даже грозились убить; я все это сносилъ, лишь бы побольше отъ нихъ заработать, потому что, признаюсь тебѣ, мнѣ

надобно было тогда отправить на родину одного калѣку-воина. За то умная гетера Азелла, видя какъ меня обижали, обратила это все въ мою пользу: она раскрыла свою тунуку и заставила всѣхъ кинуть мнѣ нѣсколько денегъ, гости же спяну набросали мнѣ много, а особенно одинъ горделивый и тучный Оръ коринейнинъ, съ надутымъ брюхомъ безъ шеи. Оръ громко сказалъ:

— Покажи мнѣ Азелла, много ли золота всѣ положили въ твою тунуку.

Она показала.

Оръ же взглянулъ, и скосивши лицо съ надмѣнной усмѣшкой на римлянъ, добавилъ:

— Слушай меня, что скажу я, Азелла: прогони сейчасъ отъ себя всѣхъ этихъ гостей и возьми за то у слуги моего вдесятеро противъ того, что они всѣ положили твоему скомороху.

Азелла сказала гостямъ:

— Мудрые люди! Фортуна спускается къ смертнымъ не часто, а къ Памфалону она еще во всю жизнь не сходила. Дайте ей мѣсто, а сами идите спокойно ко сну.

Недовольные гости ушли, а Азелла проводила меня послѣдняго и дала мнѣ такъ много денегъ, что я не могъ счесть ихъ, а утромъ, когда сталъ сосчитывать, насчиталъ двѣсти тридцать златницъ. Я и обрадовался, и вмѣстѣ съ тѣмъ испугался.

— Вотъ, подумалъ я, случай, послѣ котораго я уже не долженъ болѣе служить скоморошнымъ потѣхамъ. Это точно Богъ внялъ тому, что я говорилъ. Никогда еще у меня не бывало заразъ столько денегъ. Довольно же меня всѣмъ обижать и насмѣхаться. Теперь я не бѣднякъ. За эти деньги я снесъ вчера большія обиды, но за то впередъ этого больше не будетъ. Конецъ скоморошью! Я отыщу себѣ небольшое поле, съ ключемъ чистой воды и съ многолиственной пальмой. Куплю это поле и стану жить честно, какъ всѣ люди, съ которыми никто не стыдится вести знакомство.

И я предался разнороднымъ мечтаньямъ, сталъ любоваться собою, какъ я буду жить достойною жизнью: буду рано утромъ вставать, а не то что теперь, — только утромъ ложиться; не буду свистать, а стану пѣть псалмы; буду днемъ работать въ своемъ виноградникѣ, а вечеромъ сяду у своего ручья подъ своей пальмой и стану размышлять о своей душѣ, да выглядывать путника. А покажется путникъ, я поднимусь и пойду ему на встрѣчу, пригласю его къ себѣ, приму его въ домъ, успокою, угощу и потомъ поведу съ нимъ въ тишинѣ подъ звѣзднымъ небомъ бесѣду о Богѣ. Пережьвется совсѣмъ къ лучшему жизнь моя, и не буду я скоморохомъ въ старости, когда оскудѣютъ мои силы. А чтобы рѣшеніе мое еще болѣе скрѣпло и слабость ко мнѣ нитколю не подкралась, я завязалъ себѣ руки неразрывною цѣпью... Я сдѣлалъ то, о чемъ ты говорилъ, я обѣщался съ этого раза стать совсѣмъ инымъ

человѣкомъ, но послушай же, что за тѣмъ стало и передъ чѣмъ я не устоялъ въ обѣщаніи.

XIII.

Чтобы ничего не истратить, я не пошелъ отправлять домой убогаго воина, а зарылъ всѣ мои деньги въ землю у себя подъ изголовьемъ и утромъ не поднималъ моей циновки. Я притворился больнымъ и не хотѣлъ ни одного раза больше идти на гульбу съ бражниками. Всѣмъ, кто приходилъ меня звать, я отвѣчалъ, что я боленъ, и пойду за городъ въ горы подышать свѣжимъ воздухомъ и поискать на болѣзнь мою цѣлебную траву. А самъ пробрался потихоньку къ сводчику, къ жиду Капитону, который знаетъ все, гдѣ что продается, и просилъ его отыскать мнѣ хорошее поле съ водою и съ пальмовой тѣнью. Капитонъ-сводчикъ меня сразу обрадовалъ.

— Есть, говорить, у меня на виду какъ разъ то, что тебѣ нужно.

И описалъ мнѣ продажное поле такъ хорошо, какъ я самъ не умѣлъ о немъ и подумать. Есть тамъ и ключъ, и пальма, да еще и бальзамный кустъ, отъ котораго струитъ ароматомъ на цѣлое поприще

— Иди, говорю, и купи мнѣ скорѣй это поле.

Жидъ все обѣщаль устроить.

— Вотъ, думалъ я, теперь уже совсѣмъ наступаетъ конецъ моей беспорядочной жизни, теперь брошу я всѣ мои крики и свисты, сниму всѣ смѣшные наряды, надѣну на себя степенный левитонъ, покрою голову платомъ и буду работать день на полѣ, а вечеромъ стану сидѣть у своей кущи и подражать гостепріимству Авраама.

Но не скрою отъ тебя,—во все это время я ощущалъ безпокойство. Все мнѣ казалось, что ничего того, что я затѣялъ, не будетъ.

На обратномъ пути отъ Капитона обьялъ меня страхъ: не узналъ ли кто, что я получилъ деньги отъ гордаго коринейнина, и не пришелъ ли безъ меня и не укралъ ли моихъ денегъ изъ того мѣста, гдѣ я ихъ зарылъ у себя подъ постелью?.. Побѣждалъ я домой шибко, въ тревогѣ, какой ранѣе никогда еще не зналъ, а прибѣжавъ, сейчасъ же прилегъ на землю, раскопалъ свою похоронку и пересчиталъ деньги: всѣ двѣсти тридцать златницъ, которыя бросилъ мнѣ гордый Оръ коринейнинъ, были цѣлы, и я взялъ и опять ихъ зарылъ и самъ легъ на нихъ какъ собака.

И хочешь ли знать кого я боялся? Мнѣ страшно было не однихъ тѣхъ воровъ, что ходятъ и крадутъ, а я боялся и того вора, что жилъ вѣчно со мной въ моемъ сердцѣ. Я не хотѣлъ знать ни о чѣмъ несчастѣ, чтобы оно не лишило меня твердости исправить путь моей жизни.

А такъ какъ я, ходя къ Капитону и возвращаясь назадъ, изрядно усталъ, то меня одолѣлъ сонъ, но и сонъ этотъ тоже былъ

исполненъ тревоги: то я видѣлъ, что давно уже купилъ себѣ сказанное Капитаномъ поле и живу уже въ свѣтломъ домѣ и близко меня журчить родникъ свѣжей воды, и бальзамный кустъ мнѣ точитъ аромать, и вѣтвистая пальма меня отбняетъ. Но во всей этой красотѣ все что-то портитъ: въ родникѣ я вижу бездну пиявицъ, вокругъ пальмы прыгаютъ огромныя жабы, а подъ самымъ бальзамнымъ кустомъ извивается аспидъ. Увидавъ аспида, я такъ испугался, что даже проснулся, и сейчасъ подумалъ: цѣлы ли мои деньги? Онѣ были цѣлы,—я лежалъ на нихъ, и никто ихъ не могъ взять безъ насилія. И вотъ мнѣ пришла мысль, что богатство, которое мнѣ бросилъ Оръ у Азеллы, вѣроятно, не осталось до сихъ поръ тайной въ Дамаскѣ. Не съ тѣмъ кинулъ мнѣ деньги на пиру у гетеры гордый коринейнинъ Оръ, чтобы это оставалось въ тайнѣ. Оръ, конечно, для того только это и сдѣлалъ, чтобы всѣ завидовали его богатству и распускали молву, которая лестна для его гордости. И вотъ теперь люди узнаютъ, что у меня есть деньги, и придутъ ко мнѣ ночью и меня ограбятъ, и изобьютъ, а если я стану имъ сопротивляться, то они совсѣмъ убьютъ меня.

А какъ у меня циновка была опущена, то въ горницѣ стало нестерпимо душно, и я подошелъ приподнять циновку и вижу, что по улицѣ идутъ два малолѣтніе мальчика съ корзинами, полными хлѣба, а передъ ними осель, который тоже нагруженъ такими же корзинами съ хлѣбомъ. Мальчики погоняютъ осла и разговариваютъ между собою... обо мнѣ!

— Вотъ,—говоритъ одинъ:—нашъ Памфалонъ нынче уже и циновки своей не открываетъ.

— Да, зачѣмъ ему теперь открываться,—отвѣчаетъ другой:—ему больше не нужно кривляться: онъ богачъ—можетъ спать сколько захочетъ. Ты вѣдь, я думаю, слышалъ, что рассказывали всѣ, которые приходили сегодня къ намъ въ пекарню за хлѣбомъ.

— Какъ же, какъ же, я даже такъ заслушался, что хозяинъ далъ мнѣ за это во всю ладонь подзатыльникъ. Какой-то гордецъ изъ Коринеа, чтобы унизить нашихъ дамасскихъ богачей, бросилъ Памфалону у гетеры Азеллы десять тысячъ златницъ. Онъ теперь купитъ домъ и сады, и будетъ лежать у фонтана.

— Не десять, а двадцать тысячъ златницъ,—поправилъ другой:—и притомъ деньги эти были еще въ ящикѣ, осыпанномъ перлами. Онъ купитъ навѣрное поле съ чертогомъ и станетъ собирать разныхъ ученыхъ и слушать, какъ они станутъ при немъ разсуждать о Святомъ Духѣ.

Изъ этого разговора мальчиковъ, развозившихъ хлѣбъ изъ пекарни, я узналъ, что случай моего неожиданнаго обогащенія уже извѣстенъ всему Дамаску, а притомъ и самая сумма, которою я обладалъ по прихоти горделиваго Ора, была болѣе чѣмъ въ десять разъ преувеличена.

Да и кто могъ навѣрно знать, что сумма, брошенная мнѣ гордецомъ Оромъ, заключалась менѣ чѣмъ въ трехстахъ литрахъ, а совсѣмъ не въ двадцати тысячахъ златницъ? Конечно, это зналъ только одинъ я, потому что и самъ Оръ, безъ сомнѣнія, не считалъ того, что онъ мнѣ кинулъ.

Но и это было еще маловажно въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ закончили свой разговоръ проходившіе мальчишки. Одинъ изъ нихъ продолжалъ, будто всѣхъ очень занимаетъ: куда я спряталъ теперь такое богатство, какъ двадцать тысячъ златницъ. Особенно же этимъ будто интересовался флейтщикъ Аммуноу, отчаянный головорѣзъ, который прежде былъ воиномъ въ двухъ взаимно враждовавшихъ арміяхъ, потомъ разбойникомъ, убивавшимъ богомольцевъ, а послѣ еще монахомъ въ Нитрійской пустынѣ, и, наконецъ, явился сюда къ намъ въ Дамаскъ съ флейтою и черной блудницей, завернутой въ милоть нитрійскаго брата. Брата онъ вѣрно убилъ, а блудницу продалъ въ веселый домъ нагишемъ, а милотью обтиралъ долго пыль и грязь съ ногъ гулякъ, подходящихъ вечерами къ порогамъ гетеръ. Онъ также часто игралъ на своей флейтѣ при моихъ представленіяхъ, но еще чаще гетеры отгоняли его. Аммуноу самъ былъ виноватъ, потому что онъ началъ румянить щеки и наводить брови. Этимъ онъ сдѣлался мервокъ для женщинъ, какъ ихъ соперникъ. Меня Аммуноу страшно ненавидѣлъ. Я даже зналъ, что онъ уже нѣсколько разъ научалъ пьяныхъ людей напасть на меня ночью и сдѣлать мнѣ вредъ.

Теперь желанье сдѣлать мнѣ вредъ въ Аммуноу, конечно, должно было усилиться, а его старинные разбойничьи навыки могли помочь ему привести задуманное ими злодѣйство въ исполненіе. У него уже было золото, и онъ бралъ себѣ людей въ кабалу, и заставлялъ ихъ дѣлать, что скажетъ.

XIV.

Мысль объ опасности, угрожающей мнѣ отъ Аммуна, пролетѣла въ моей головѣ какъ молнія и такъ овладѣла мною, что даже помѣшала мнѣ отнять рогожу отъ окна и воротить пропешшихъ мимо мальчишковъ, у которыхъ мнѣ надо было купить для себя свѣжихъ хлѣбовъ.

Скача и вертась за то, что мнѣ кинуть, я всегда былъ сытъ и даже очень нерѣдко подкрѣплялъ себя вволю виномъ, а теперь, когда у меня было золото, я впервые провелъ весь день и безъ пищи, и безъ глотка вина, а притомъ еще и въ тревогѣ, которая возростала также быстро, какъ быстро сгущаются наши сумерки, переходящія въ темную ночь.

Мнѣ было не до пищи: я страшился за цѣлость моего богатства и за мою жизнь. Флейтщикъ Аммуноу такъ и стоялъ съ сво-

ими кабальными передъ глазами напуганной души моей. Я думалъ, это непременно такъ и есть: вотъ онъ днемъ обѣгалъ уже всѣхъ подобныхъ ему, согласныхъ на злодѣйства, и теперь, при наступающей темнотѣ, всѣ они собрались въ какой нибудь пещерѣ или корчемницѣ, а какъ совсѣмъ стемнѣетъ, они придутъ сюда, чтобы взять отъ меня двадцать тысячъ златницъ. Когда же они не найдутъ у меня столько, сколько думаютъ, то они не повѣрятъ, что коринейянинъ Оръ не дарилъ мнѣ такой суммы, и станутъ меня жечь и пытать.

И тутъ вдругъ я, къ ужасу своему, вспомнилъ, что я никогда какъ слѣдуетъ не заботился о крѣпости заповорѣ для своего бѣднаго жилища... Я закрывалъ его на время моего отсутствія болѣе только для вида, а ночью часто спалъ, даже совсѣмъ не положивъ болтовъ ни на двери мои, ни на окна.

Теперь это не годилось, и какъ время уже совсѣмъ приблизилось къ ночи, то надо было поспѣшить все пересмотрѣть и что можно поскорѣе приладить, чтобы не такъ легко было ко мнѣ ворваться.

Я придумалъ, какъ можно подпереть изнутри мою дверь, но только-что сталъ это подстроивать, какъ вдругъ неожиданно передъ самыми глазами моими моя циновка распахнулась и ко мнѣ не взмогъ, а точно чужою сильною рукою былъ брошенъ весь закутанный человѣкъ. Онъ, какъ впалъ ко мнѣ, такъ обвилъ мою шею и замеръ, простонавъ отчаяннымъ голосомъ:

— Спаси меня, Памфалонъ!

XV.

Съ тѣми мыслями, какихъ я былъ полонъ въ эту минуту и чего въ тревогѣ опасался отъ Аммуна, я прежде всего заподозрѣлъ, что это начинается его дѣло, затѣянное съ какою нибудь хитростію, въ которыхъ разбойничій умъ Аммуна былъ очень искусенъ.

Я уже ждалъ боли, которую долженъ былъ ощутить отъ погруженія въ мою грудь остраго ножа рукою впаваго ко мнѣ гостя, и, охраняя жизнь свою, съ такою силою оттолкнулъ отъ себя этого незнакомца, что онъ отлетѣлъ отъ меня къ стѣнѣ и, споткнувшись на обрубокъ, упалъ въ уголь. А я тотчасъ же сообразилъ, что мнѣ легче будетъ управиться съ однимъ этимъ человѣкомъ, который притомъ показался мнѣ слабымъ, чѣмъ съ нѣсколькими за нимъ слѣдующими, и потому я поскорѣе примкнулъ заставицу и задвинулъ крѣпкій засовъ, а потомъ взялъ въ руки сѣкиру и сталъ прислушиваться. Я твердо рѣшился ударить сѣкирою всякаго, кто бы ни показался въ мое жилище, а въ то же время не сводилъ глазъ съ того прищельца, котораго отшвырнулъ отъ себя въ уголь.

Онъ сталъ мнѣ казаться страненъ тѣмъ, что неподвижно лежалъ въ углу, куда упалъ, и занималъ такъ мало мѣста, какъ ребенокъ, а въ то же время онъ совсѣмъ не обнаруживалъ ничего противъ меня ухищреннаго, а напротивъ былъ будто за одно со мною. Онъ зорко слѣдилъ за каждымъ моимъ движеніемъ и, учащенно дыша, шепталъ:

— Запрись!.. скорѣй запрись!.. скорѣй запрись, Памфалонъ!

Меня это удивило, и я сурово сказалъ:

— Ага! а тебѣ что отъ меня нужно?

— Поддай мнѣ поскорѣе твою руку и посади меня у твоей лампы. Тогда я скажу тебѣ, что мнѣ нужно.

— Хорошо, — отвѣчалъ я: — каковы бы ни были твои замыслы, но вотъ тебѣ моя рука и вотъ мѣсто у моей лампы.

Съ этимъ я протянулъ гостю руку и передо мною вспорхнуло легкое дѣтское тѣло.

— Ты не мужчина, а женщина! — вскричалъ я.

А гость мой, говорившій до сей поры шепотомъ, отвѣчаетъ мнѣ женскимъ голосомъ:

— Да, Памфалонъ, я женщина, — и съ этимъ она распахнула на себѣ темную эпанчу, въ которую была завернута, и я увидалъ молодую, прекрасную женщину, съ лицомъ, которое мнѣ было знакомо. На немъ вмѣстѣ съ красотою отражалось ужасное горе. Голова ея была покрыта дробнымъ плетениемъ волосъ и тѣло умащено сильнымъ запахомъ амбры, но она не имѣла безстыдства, хотя говорила ужасныя вещи.

— Посмотри, хороша или нѣтъ я, — спросила она, отъбывая одною рукою отъ лампы.

— Да, — отвѣчалъ я: — ты безспорно красива, и тебѣ лучше не терять своего времени со мною. Что тебѣ нужно?

А она говорить:

— Ты не узналъ меня вѣрно. Я Магна, дочь Птоломея съ Альбиной. Купи меня, купи Памфалонъ-скоморохъ дочь Птоломея — у тебя теперь много богатства, а Магнѣ золото нужно, чтобъ мужа спасти и избавить дѣтей изъ неволи.

И, орошая щеки слезами, Магна стала торопливой рукою развѣшать на себѣ поясъ туники.

XVI.

Такой странной гостыи у меня еще никогда не случалось... Она и продавала себя, и страдала, и все это вмѣстѣ меня какъ будто сдавило за сердце.

Имя Магна принадлежало самой прекрасной, именитой и несчастной женщинѣ въ Дамаскѣ. Я зналъ ее еще въ дѣтствѣ, но не видалъ ее съ тѣхъ поръ, какъ Магна удалилась отъ насъ съ ви-

антийцемъ Руфиномъ, за котораго вышла замужъ по волѣ своего отца и своей матери, гордой Альбины.

— Остановись! — вскричалъ я: — я тебя узнаю, ты въ самомъ дѣлѣ благородная Магна, дочь Птолемея, въ садахъ котораго я съ изволенія твоего отца не разъ забавлялъ тебя въ дѣтствѣ моими играми и получалъ изъ твоихъ ласковыхъ рукъ монеты и пшеничный хлѣбъ, изюмъ и гранатовые яблоки! Говори мнѣ скорѣе, что съ тобой сдѣлалось, гдѣ твой супругъ, роскошный богачъ визангійецъ Руфинъ, котораго ты такъ любила? Неужто его поглотили волны моря, или молодую жизнь его пресѣкъ мечъ переплывшаго Понтъ скийскаго варвара? Гдѣ же твоя семья, гдѣ твои дѣти?

Магна потупясь молчала.

— Скажи же, по крайней мѣрѣ, когда ты явилась въ Дамаскъ и зачѣмъ ты не у своихъ здѣшнихъ родныхъ, или не у прежнихъ богатыхъ подругъ у Фотины, Таоры или у Сильвіи-дѣвы? Зачѣмъ быстрыя ноги твои принесли тебя къ бѣдному жилищу безславнаго скомороха, надъ которымъ ты сейчасъ такъ жестоко посмѣялась, сдѣлавъ мнѣ въ шутку такое нестаточное предложеніе!

Но Магна грустно покачала головою и проговорила въ отвѣтъ:

— Ты, Памфалонъ, не знаешь всѣхъ моихъ ужасныхъ несчастій! Я не смѣюсь: я пришла продать себя не для шутки. Мужъ мой и дѣти!.. Мужъ мой и дѣти мои всѣ въ неволѣ. Мое горе ужасно!

— Ну, такъ скорѣе скажи мнѣ, что это за горе, и если я могу тебѣ пособить, я все съ радостью тотчасъ исполню.

— Хорошо, я все скажу тебѣ, — отвѣчала Магна.

И тутъ-то меня, пустынный, постигло то искушеніе, за которымъ я позабылъ и обѣтъ мой, и самую вѣчную жизнь.

XVII.

Я зналъ Магнѣ съ раннихъ дней ея юности. Я не былъ въ домѣ ея отца, а былъ только въ саду, какъ скоморохъ, когда меня звали, чтобы потѣшить ребенка. Гостей входящихъ къ нимъ было мало, потому что великолѣпный Птоломей держалъ себя гордо и съ людьми нестрогой жизни не знался. Въ его домѣ не было такихъ сборищъ, при которыхъ былъ нуженъ скоморохъ, а тамъ собирались ученые богословы и изрекали о разныхъ высокихъ предметахъ и о самомъ Святомъ Духѣ. Жена Птолемея, Альбина, мать красавицы Магны, была подъ стать своему мужу. Всѣ самыя пышныя жены Дамаска не любили ея, но всѣ признавали ея непорочность. Вѣрность Альбины для всѣхъ могла быть урокомъ. Превосходная Магна уродилась въ мать, на которую походила и прекраснымъ лицомъ, но молодость ея заставляла ее быть милосердной. Прекрасный садъ ея отца, Птолемея, примыкалъ къ большому рву, за которымъ начиналось широкое поле. Мнѣ ча-

сто приходилось проходить этимъ полемъ, чтобы миновать дальнѣе обходъ къ загородному дому гетеры Азеллы. Я всегда шелъ съ моею скоморошьею ношей и съ этой самой сабакою. Акра тогда была молода и не знала всего, что должна знать скоморошья сабака.

Выходя въ поле, я останавливался на полпути, какъ разъ противъ садовъ Птолемея, чтобы отдохнуть, съѣсть мою ячменную лепешку и поучить мою Акру. Я обыкновенно садился надъ обрывомъ оврага, ѣлъ, — и заставлялъ Акру повторять на широкомъ просторѣ уроки, которые давалъ ей у себя, въ моемъ тѣсномъ жилищѣ. Среди этихъ занятій я и увидалъ одинъ разъ прекрасное лицо взрослой Магны. Закрывшись вѣтвями, она любопытно смотрѣла изъ зелени на веселыя шутики, которыя продѣлывала моя Акра. Это примѣтилъ и, не давая Магнѣ замѣтить, что я ее вижу, хотѣлъ доставить ей представленіями моего пса болѣе удовольствія, чѣмъ Акра могла показать по тогдашней своей выучкѣ. Чтобы побудить собаку къ проворству, я нѣсколько хлеснулъ ее ремнемъ, но въ ту самую минуту, когда собака взвизгнула, я замѣтилъ, что зеленая, скрывавшая Магну, всколыхнулась, и прекрасное лицо дѣвушки исчезло...

Это привело меня въ такое озлобленіе, что я еще ударилъ Акру два раза, и когда она подняла жалобный визгъ, то изъ-за ограды сада до меня донеслись слова:

— Жестокій человѣкъ! за что ты мучишь это бѣдное животное! для чего ты принуждаешь собаку дѣлать то, что несвойственно ей природѣ.

Я оборотился и увидалъ Магну, которая вышла изъ своего древеснаго закрытія и, стоя по перси надъ низкой, заросшей листьями оградой, говорила она мнѣ съ лицомъ, пылающимъ гнѣвомъ.

— Не осуждай меня, юная госпожа, — отвѣчалъ я: — я не жестокій человѣкъ, а выучка этого пса относится къ моему ремеслу, которымъ мы съ нимъ оба питаемся.

— Презрѣнно твое ремесло, которое нужно только презрѣннымъ празднолюбцамъ, — отвѣтила мнѣ Магна.

— О, госпожа! — отвѣчалъ я: — всякій питается тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ добыть себѣ пищу, и хорошо, если онъ живетъ не на счетъ другаго и не дѣлаетъ несчастія ближнихъ.

— Это не идетъ къ тебѣ, ты развращаешь своихъ ближнихъ, — молвила Магна, и въ глазахъ ея я могъ видѣть ту же строгость, которою отличался всегда взоръ ея матери.

— Нѣтъ, юная госпожа, — отвѣчалъ я: — ты судишь строго и говоришь такъ, потому что мало сама испытала. Я простолюдинъ и не могу развращать людей высшаго званія.

И я повернулся и хотѣлъ уходить, какъ она остановила меня однимъ звукомъ и сказала:

— Не идетъ тебѣ разсуждать о людяхъ высокаго званія. Лучше вотъ... лови мой кошелекъ: я бросаю это тебѣ, чтобы ты далъ вволю пищи твоей жалкой собакамъ.

Съ этимъ она бросила шелковый мѣшечекъ, который не долетѣлъ на мою сторону, а я потянулся, чтобы его подхватить, и, оборвавшись, упалъ на дно оврага.

Въ этомъ паденіи я страшно расшибся.

XVIII.

Въ бѣдствіи моемъ мнѣ было утѣшеніемъ, что во всѣ десять дней, которые я провелъ въ малой пещеркѣ на днѣ оврага, ко мнѣ всякій день спускалась благородная Магна. Она приносила мнѣ столько роскошной пищи, что ее съ излишкомъ доставало для меня и для Акры, а Магна сама, своими дѣвственными руками, смачивала у ручья платъ, который прилагала къ моему больному плечу, стараясь унять въ немъ несносный жаръ отъ ушиба. При этомъ мы съ ней вели отрадныя для меня разговоры, и я наслаждался какъ чистотой ея сердца, такъ и яснымъ свѣтомъ разсудка. Одно мнѣ въ ней было досадно, что она не снисходила ни чьимъ слабостямъ и слишкомъ на себя во всемъ полагалась.

— Отчего, — говорила она: — всѣ не живутъ, какъ живетъ моя мать и мои подруги Таора, Фотина и Сильвія, которыхъ вся жизнь чиста какъ кристалль.

И я видѣлъ, что она ихъ весьма уважала и во всемъ хотѣла имъ слѣдовать. Не смотря на свою молодость, она и меня хотѣла исправить и оторвать отъ моей жизни, а когда я не рѣшался ей этого обѣщать, то она сердилась.

Я же ей говорилъ то, что и есть въ самомъ дѣлѣ.

— Развѣ ты не знаешь, — говорилъ я: — что нуженъ сосудъ въ честь и нуженъ сосудъ въ поношеніе? Живи ты для чести, а я опредѣленъ жить для поношенія, и какъ глина я не спорю съ моимъ Горшечникомъ. Жизнь меня заставила быть скоморохомъ, и я иду своею дорогой, какъ быкъ на веревкѣ.

Магна не умѣла понять простыхъ словъ моихъ и все относилась къ привычкѣ.

— Сказано мудрымъ, — отвѣчала она: — что привычка приходитъ какъ странникъ, остается какъ гость и потомъ сама становится хозяиномъ. Деготь, побывавъ въ чистой бочкѣ, дѣлаетъ ее ни къ чему больше негодною какъ опять же для дегтя.

Нетрудно мнѣ было понять, что она становится нетерпѣлива, и я въ глазахъ ея — теперь все равно, что дегтярная бочка, и я умолкалъ и сожалѣлъ, что не могу уйти скорѣй изъ оврага. Тяжело стало мнѣ отъ ея самолюбія, да и сама она стала заботиться, какъ меня вынуть изъ рва и доставить въ мое жилище.

Сдѣлать это было трудно, потому что самъ я идти не могъ. Дѣвушка была слишкомъ слаба, чтобы помочь мнѣ въ этомъ. Дома же она не смѣла признаться своимъ гордымъ родителямъ въ томъ, что говорила съ человѣкомъ моего презрѣннаго званія.

И какъ одинъ проступокъ часто влечетъ человѣка къ другому, также случилось и здѣсь съ достойною Магной. Для того, чтобы помочь мнѣ, презрѣнному скомоороху, который не стоилъ ея вниманія по своему недостоинству, она нашла себя вынужденной до вѣрнуться еще нѣкоторому юношѣ по имени Магистріану.

Магистріанъ былъ молодой живописецъ, который прекрасно расписывалъ стѣны роскошныхъ домовъ. Онъ шель однажды съ своими кистями къ той же гетерѣ Азеллѣ, которая велѣла ему изобразить на стѣнахъ новой бесѣдки, въ ея саду, пиръ сатировъ и нимфъ. и когда Магистріанъ проходилъ полемъ близъ того мѣста, гдѣ лежалъ я во рву, моя Акра узнала его и стала жалостно выть.

Магистріанъ остановился, но, подумавъ, что на днѣ рва, вѣроятно, лежитъ кто нибудь убитый, хотѣлъ поскорѣй удалиться. Безъ сомнѣнія, онъ и ушелъ бы, если бы наблюдавшая все это Магна его не остановила.

Магна увлеклась состраданьемъ ко мнѣ, раскрыла густую зелень листвы и сказала:

• — Прохожій! не удаляйся, не оказавъ помощи ближнему. Здѣсь на днѣ рва лежитъ человѣкъ, который упалъ и расшибся. Я не могу пособить ему выйдти, но ты сильный мужчина, и ты долженъ оказать ему эту помощь.

Магистріанъ тотчасъ спустился въ ровъ, осмотрѣлъ меня и побѣжалъ въ городъ за носильщиками, чтобы перенести меня въ мое жилище.

Вскорѣ онъ все это исполнилъ и, оставшись со мною наединѣ, сталъ меня спрашивать: какъ это со мною случилось, что я упалъ въ ровъ и расшибся, и какъ я могъ жить двѣ недѣли безъ пищи?

А какъ мы съ Магистріаномъ были давно знакомы и дружны, то я не хотѣлъ ему говорить что нибудь выдуманное, а рассказалъ чистую правду, какъ было.

И едва я дошелъ до того, какъ питала меня Магна, и какъ она своими руками смачивала въ водѣ платъ и прикладывала его къ моему расшибленному плечу, юный Магистріанъ весь озарился въ лицѣ и воскликнулъ въ восторгѣ:

— О, Памфалонъ! сколь ты счастливъ и какъ мнѣ завиденъ твой жребій! Я бы охотно позволилъ себѣ изломать мои руки и ноги, лишь бы видѣть возлѣ себя эту нимфу, эту великодушную Магну.

Я сейчасъ же уразумѣлъ, что сердце художника поразило сильное чувство, которое зовется любовью, и я поспѣшилъ его образумить.

— Ты малодушникъ, — сказалъ я. — Дочь Птолемея прекрасна, объ этомъ ни слова, но здоровье для всякаго человѣка есть самое высшее благо, а притомъ Птолемея такъ суровъ, а мать Магна, Альбина, такъ надменна, что если душа твоя чувствуетъ пламень красота этой дѣвушки, то изъ этого ничего для тебя хорошаго выйти не можетъ.

Магистріанъ поблѣднѣлъ и отвѣчалъ:

— Чему жъ еще надобно выйти! Развѣ мнѣ не довольно, что она меня вдохновляетъ.

И онъ ею весьма вдохновился.

XIX.

Когда я оправился и пришелъ въ первый вечеръ къ Азеллѣ, Магистріанъ повелъ меня показать свои работы, сдѣланныя въ бесѣдкѣ гетеры. Это было обширное зданіе, раздѣлявшееся на «часы», изъ которыхъ слагается каждый день жизнь человѣка. Всякое отдѣленіе назначалось къ тому, чтобы приносить въ свой часъ свои радости жизни. Вся бесѣдка въ цѣломъ была посвящена Сатурну, изображеніе котораго и блестѣло подъ куполомъ. У главнаго круга было два крыла въ честь Горъ, дочерей Юпитера и Фемиды, а эти отдѣленія еще раздѣлялись: тутъ были покои Ауге, откуда видѣлась заря; Анатоло, откуда былъ виденъ восходъ солнца; Музія, гдѣ можно было заниматься науками; Нимфея, гдѣ купались; Спондея, гдѣ обливались; Киприда, гдѣ вкушали удовольствія, и Элетія, гдѣ молились... И вотъ здѣсь-то, въ одномъ отдаленномъ уголкѣ, который назначался для уединенныхъ мечтаній, живописецъ изобразилъ легкою кистью благочестивое свидѣніе... Нарисованъ былъ пиръ; нарядныя и роскошныя женщины, которыхъ я всѣхъ могъ бы назвать поименно. Это все были наши гетеры. Онѣ возлежали съ гостями, въ цвѣтахъ, за пышнымъ столомъ, а нѣкто юный спалъ, уткнувшись лицомъ въ корзину съ цвѣтами. Лица его не было видно, но я по его тогѣ узналъ, что это былъ самъ художникъ Магистріанъ. А надъ нимъ видѣлася травля: львы въ циркѣ неслися на юную дѣвушку... а та твердо стояла и шептала молитвы. Она была Магна.

Я его потрепалъ по плечу и сказалъ:

— Хорошо!... ты ее написалъ очень схоже, но почему ты полагаешь, что ей звѣри не страшны? Я знаю ихъ родъ: Птолемея и Альбина извѣстны своимъ благородствомъ и гордостію тоже, но вѣдь рокъ ихъ щадилъ, и ихъ дочери тоже до сихъ поръ не касалось никакое испытанье.

— Что же изъ этого?

— А то, что прекрасная Магна никакихъ бѣдствій жизни не знаетъ, и я не понимаю, почему ты отмѣтилъ въ ней такую черту,

какъ безстрашіе и стойкость передъ яростью звѣря? Если это ино-сказанье, то жизнь противъ всякаго звѣря страшнѣе и можетъ за-ставить сробѣть кого хочешь.

— Только не Магну!

— Ахъ, я думаю даже и Магну!

Я говорилъ такъ для того, чтобы онъ не увлекался Магну; но онъ перебилъ меня и прошепталъ мнѣ:

— Меня звали дѣлать ширмы для ея дѣвственной спальни, и пока я чертилъ моимъ углемъ, я съ ней говорилъ. Она меня спросила о тебѣ...

Живописецъ остановился.

— Она сожалѣетъ, что ты занимаешься такимъ ремесломъ, какъ скоморошество. Я ей сказала: «Госпожа! не всякій въ своей жизни такъ счастливъ, чтобы проводить жизнь свою по избранію. Неодолима судьба: она можетъ заставить смертнаго напиться изъ самаго мутнаго источника, гдѣ и пѣвки, и аспидъ на днѣ». Она не повѣрила и улыбнулась.

— Улыбнулась?—спросилъ я...—Узнаю въ этомъ дочь Птолемея и гордой Альбины. Мнѣ, знаешь ли... мнѣ больше понравилось бы, если бы она промолчала и съ состраданіемъ тихо вздохнула.

— Да,—произнесъ Магистріанъ:—но она также сказала: «Смерть лучше безславья», и я вѣрю, что она на это способна.

— Ты скоро судишь,—отвѣчалъ я:—смерть лучше безславья—это неспорно, но можетъ ли это сказать мать, у которой есть дѣти?

— А ты развѣ не знаешь, что сдѣлала мать Маккавѣевъ?

— Да. Маккавѣевъ убили. А если бы матери ихъ погрозили сдѣлать дѣтей такими скоморохами, какъ я, или обмывщиками ногъ въ домѣ гетеры, и если бы мать ихъ была сама Магна,—не знаю, что бы она предпочла: позоръ или смерть за ихъ избавленіе?

— Зачѣмъ говорить это!—воскликнулъ, отходя отъ меня, Магистріанъ:—пусть не коснется ее во вѣкъ никакое зло.

— О,—говорю я:—отъ всей души присоединяюсь къ твоему желанію всего добраго Магнѣ.

А на другой же день послѣ этого разговора, Магистріанъ пришелъ ко мнѣ передъ вечеромъ очень печальный и говорить:

— Слышалъ ли ты, Памфалонъ, самую грустную новость? Птолемея и Альбина выдаютъ дочь свою замужъ!

— А почему ты называешь это грустною новостью!—отвѣчалъ я.—Съ какихъ это поръ союзъ двухъ сердець сталъ печалью, а не радостью!

— Это было всегда, когда сердце соединяютъ съ безсердечіемъ.

— Магистріанъ!—остановилъ я живописца:—въ тебѣ говорить безпокойное чувство, его зовутъ ревность. Ты долженъ его въ себѣ уничтожить.

— О, я уже давно его уничтожилъ,—отвѣчалъ живописецъ.—

Магна мнѣ не невѣста и я ей не женихъ, но ужасно, что женихъ ей пріѣзжій Руфинъ византіецъ.

Это имя мнѣ такъ было извѣстно, что я вздрогнулъ и опустилъ изъ рукъ мое дѣло.

XX.

Руфинъ-византіецъ былъ изъ знатнаго рода и очень изящень собою, но страшно хитеръ и коваренъ, такъ что его считали черемърнымъ даже въ самой Византіи. Тщеславный коринейнинъ Оръ и всѣ, кто тратили деньги и силы на пирахъ у гетеры Азеллы, были на мое разсужденіе лучше Руфина. Онъ прибылъ въ Дамаскъ съ открытымъ посланьемъ и былъ принятъ здѣсь Птолемеемъ отменно. Руфинъ былъ великій притворщикъ: онъ цѣлые дни проводилъ будто дома, безпрестанно читая богословскія книги, а ввечеру удалялся, еще для полезныхъ бесѣдъ, за городъ, гдѣ у насъ о ту пору жилъ близъ Дамаска старый отшельникъ, стоя днемъ на скалѣ, а ночью стеною въ могилѣ. Руфинъ ходилъ къ нему, чтобы молиться, стоя въ его тѣни при закатѣ солнца, но отсюда крылатый Эолъ его заносилъ постоянно подъ кровлю Азеллы, всегда, впрочемъ, съ лицомъ измѣненнымъ, благодаря Магистріанову искусству. А потому мы хорошо его знали, ибо Магистріанъ, какъ другъ мой, не дѣлалъ отъ меня тайны, что онъ рисовалъ другое лицо на лицѣ Руфина, и мы не разъ вмѣстѣ смѣялись надъ этимъ византійскимъ двулицьемъ. Знала объ этомъ и гетера Азелла, такъ какъ гетеры, закрывъ двери свои за гостями, часто бесѣдуютъ съ нами и, находя въ насъ, въ простыхъ людяхъ, и разумъ, и сердце, любятъ въ насъ то, чего не встрѣчаютъ порою въ людяхъ богатыхъ и знатныхъ.

Азелла же, надо сказать, любила моего живописца, и любила его безнадежно, потому что Магистріанъ думалъ объ одной Магнѣ, чистый образъ которой былъ съ нимъ неразлучно. Азелла чуткимъ сердцемъ узнала всю эту тайну и тѣмъ нѣжнѣй и изящнѣй держала себя съ Магистріаномъ. Когда я и Магистріанъ оставались въ домѣ Азеллы, при восходѣ солнца, она, проводивъ своихъ гостей, часто говорила намъ, какъ она котораго изъ нихъ разумѣетъ, и не скрывала отъ насъ своего особеннаго презрѣнья къ Руфину. Она называла его гнуснымъ притворщикомъ, способнымъ обмануть всякаго и сдѣлать самую подлую низость, а Азелла всѣхъ хорошо понимала. Одинъ разъ послѣ безумныхъ тратъ коринейнина Ора она намъ сказала:

— Это бѣдный павлинъ... Всѣ его щиплютъ, и когда здѣсь бываетъ съ нимъ вмѣстѣ византіецъ Руфинъ, хорошо бы встряхивать Руфинову епанчу.

Это значило, что Руфинъ могъ быть и воръ... Азелла никогда не ошибалась, и я и Магистріанъ это знали.

Но Птоломей и Альбина глядѣли на византійца своими глазами, а добрая дочь ихъ была покорна родительской волѣ, и жребій ея былъ совершенъ. Магна сдѣлалась женою Руфина, который взялъ ее вмѣстѣ съ богатымъ приданымъ, даннымъ ей Птоломеемъ, и увезъ въ Византію.

XXI.

Птоломей и Альбина были скоро наказаны рокомъ. Лицемѣрный Руфинъ оказался и не богатъ и не столь именитъ, какъ выдавалъ себя въ Дамаскѣ, а главное онъ совсѣмъ не былъ честенъ и имѣлъ такіе большіе долги, что богатое приданое Магны все пошло на раздѣлку съ тѣснившими его займодавцами. Скоро Магна очутилась въ бѣдности, и приходили слухи, будто она терпитъ жестокою долю отъ мужа. Руфинъ заставлялъ ее снова выпрашивать серебро и золото у ея родителей, а когда она не хотѣла этого дѣлать, онъ обращался съ нею сурово. Все же, что присылали Магнѣ ея родители, Руфинъ издерживалъ безславно, совсѣмъ не думая объ уменьшеніи долга и о двухъ дѣтяхъ, которыя ему родились отъ Магны. Онъ также, какъ многіе знатные византійцы, имѣлъ въ Византіи еще и другую привязанность, въ угоду которой обиралъ и унижалъ свою жену.

Это такъ огорчило гордаго Птолемея, что онъ сталъ часто болѣть и вскорѣ умеръ, оставя своей вдовѣ только самыя небольшіе достатки. Альбина все повезла къ дочери: она надѣялась спасти ее, и потеряла всѣ свои деньги на дары приближеннымъ эпарха Валента, который самъ былъ алчный сластолюбецъ и жестоко искалъ обладать красивою Магною, на что и имѣлъ согласіе самого Руфина. Руфинъ понуждалъ свою жену согласиться на исканье Валента, заклиная ее согласиться на это для спасенія семейства, потому что иначе Валентъ угрожалъ отдать Руфина съ всею его семьею во власть его займодавцевъ.

Альбина не вынесла этого и скоро переселилась въ вѣчность, а Магна осталась съ дѣтьми въ самой горестной бѣдности, но была непреклонною и не предалась развращеннымъ исканьямъ Валента. Тогда гнѣвный вельможа Валентъ предалъ всѣхъ ихъ во власть займодавцевъ.

Займодавцы посадили Руфина въ тюрьму, а дѣтей его и бѣдную Магну взяли въ рабство. А чтобы сдѣлать это рабство еще тяжелѣе, они разлучили Магну съ дѣтьми и малютокъ ея отослали въ село къ скопцу селянину, а ее отдали содержателю безчестнаго дома, который обязался платить имъ за нее въ каждыя сутки по три златницы.

Напрасно вопіяла ко всѣмъ бѣдная Магна и у всѣхъ искала защиты. Ей отвѣчали: мы всѣ въ кабалѣ. Законъ строгъ къ бѣднымъ и охраняетъ многоимущихъ. Если бы былъ на своемъ мѣстѣ

теперь нашъ прежній правитель Ермій, то онъ какъ милосердный человекъ не допустилъ бы этого, но онъ насъ оставилъ, чтобы думать объ одной своей душѣ, и теперь мы всѣ беззащитны. Пусть небо проститъ ему его отшельниче самолюбіе.

Произнеся эти слова, скоморохъ замѣтилъ, что сидѣвшій возлѣ него пустынный вадохнулъ, и Памфалонъ спросилъ его:

— Мнѣ, кажется, будто и ты о нихъ сожалѣешь, отецъ?

— Да, я сожалѣю,—отвѣчалъ Ермій.—Продолжай твою повѣсть. И Памфалонъ сталъ продолжать.

XXII.

Содержатель безчестнаго дома, чтобы избѣжать непріятнаго шума въ столицѣ и надежнѣе взять свои деньги, не сталъ держать Магну въ Византіи, а отправилъ ее въ Дамаскъ, гдѣ ее всѣ знали какъ самую благородную и недоступную женщину, а потому, безъ сомнѣнья, теперь всѣ устремятся обладать ею.

Магну, какъ рабыню, стерегли зорко, и у нея были отняты всѣ средства бѣжать. Она не могла и лишиться себя жизни, да она объ убійствѣ и не помышляла, потому что она была мать и стремилась найти и спасти своихъ дѣтей отъ скопца изъ неволи.

Такъ она подъ карауломъ и въ закрытости была привезена въ Дамаскъ и на другой день, въ тотъ день, когда я скрывался, лежа на моемъ золотѣ здѣсь, огласилось, что продающій ее содержитъ у себя за плату по пяти златницъ за каждыя сутки.

XXIII.

Тотъ, кто взялся платить за Магну по пяти златницъ на сутки, не медлилъ, чтобы собирать ихъ съ хорошимъ прибыткомъ, и для того разослалъ зазывательщицу по всѣмъ богатымъ людямъ Дамаска оповѣстить, какимъ онъ владѣетъ товаромъ.

Развращенные люди кинулись въ домъ продавца, и Магна весь день едва лишь спасалась слезами. Но къ вечеру продавецъ сталъ угрожать снести съ тѣмъ, кто взялъ ея дѣтей, чтобы ихъ оскотить, и она рѣшилась ему покориться... И послѣ этого силы ея оставили, и она крѣпко заснула и увидѣла сонъ: къ ней кто-то тихо вошелъ и сказалъ ей: «Радуйся, Магна! ты сегодня обрѣла то одно, чего тебѣ во всю твою жизнь не доставало. Ты была чиста, но гордилась своей непорочностью какъ твоя мать, ты осуждала другихъ падшихъ женщинъ, не внимая, чѣмъ онѣ доведены были до паденія. Теперь, когда ты сама готова пасть и знаешь, какъ это тяжело, теперь противная Богу гордость твоя сокрушилась, и теперь Богъ сохранить тебя чистой».

Въ это же время въ домъ, гдѣ заключалась Магна, постучался вечеромъ одинъ гость, который закрывалъ лицо свое простой епанчею, и, позвавъ хозяина, сказалъ ему:

— Введи меня къ Магнѣ.

Продавецъ былъ радъ, и ихъ торгъ состоялся за десять златницъ; но только продавецъ, прежде чѣмъ ввести незнакомца къ Магнѣ, сказалъ ему:

— Я долженъ сказать тебѣ, господинъ, что эта женщина изъ знатнаго рода и она стоитъ мнѣ по кабалѣ большихъ денегъ, которыхъ я черезъ нее не выручилъ, потому что она умѣла разжалобить всѣхъ, кого я вводилъ къ ней. Не мое будетъ дѣло, если ты станешь слушать ея слова и тебя размягчатъ ея рѣчи. Я свое золото долженъ имѣть, потому что я человѣкъ бѣдный и взялъ ее за дорогую цѣну.

— Не безпокойся, — отвѣчалъ, продолжая скрывать лицо, незнакомецъ: — вотъ получи свои десять златницъ, а я не таковскій: я знаю, что значать женскія слезы.

Продавецъ взялъ у него десять златницъ и повелъ его къ Магнѣ.

XXIV.

Незнакомецъ вошелъ въ отдаленный покой, накуренный пистикомъ и амброй, и увидалъ здѣсь при цвѣтномъ фонарѣ лежащую Магну, которой какъ разъ въ это время снился тотъ сонъ, гдѣ ей открывалось, что надмѣнная сила ея отлетѣла и теперь она спасена за признаніе своей немощи.

Тогда продавецъ толкнулъ Магну и, указавъ ей на незнакомца, сказалъ грубо:

— Вотъ кому я уступилъ всякую власть надъ тобою до утра. Будь умна и покорна. А если ты еще заставишь меня терпѣть убытки, я передамъ тебя туда, гдѣ къ тебѣ будутъ входить суровые воины, и отъ тѣхъ ты уже не дождешься пощады.

И, сказавъ это, продавецъ вышелъ, а гость, затворивъ за нимъ дверь и оборотясь, тихо молвилъ Магнѣ:

— Не бойся, злополучная Магна, я пришелъ, чтобы спасти тебя. — И онъ сбросилъ свой плащъ.

Магна узнала Магистріана и зарыдала.

— Оставь слезы, прекрасная Магна. Теперь имъ не время. Успокойся и вѣрь, что если Небо спасло тебя до сего часа, то теперь твое избавленіе уже несомнѣнно, если ты только согласна сама помогать мнѣ, чтобы я могъ тебя выручить и возвратить тебя дѣтямъ и мужу.

— Согласна ли я! — воскликнула Магна. — О, добрый юноша, развѣ въ этомъ возможно сомнѣнье!

— Такъ поспѣши же скорѣе дѣлать, что я тебѣ скажу: теперь я отвернусь отъ тебя,—и давай какъ можно скорѣе перемѣнимся платьемъ.

И вотъ Магна надѣла на себя тунуку и епанчу, и все, что имѣлъ на себѣ мужское Магистріанъ, а онъ сказалъ ей:

— Не медли, спасайся! закрой епанчей твое лицо точно такъ, какъ вошелъ сюда я, и смѣло иди изъ этого дома! Твой презрѣнный хозяинъ самъ тебя выведетъ за свои проклятыя двери.

Магна такъ сдѣлала и благополучно вышла, но тотчасъ же выйдя стала сокрушаться: куда ей бѣжать, гдѣ скрыться и что будетъ съ бѣднымъ юношей, когда завтра обманъ ихъ откроютъ? Магистріанъ подвергнется истязаньямъ, какъ разрушитель заимодавнаго права; онъ, конечно, не имѣетъ столько, чтобы заплатить весь долгъ, за который отдана въ кабалу Магна, и его на вѣки посадятъ въ тюрьму, и его будутъ мучить, а она, все равно, не можетъ явиться къ своимъ дѣтямъ, потому что ей нечѣмъ ихъ изъ кабалы выкупить.

И вотъ тутъ этой женщинѣ пришла въ голову мысль, которая навсегда лишила меня возможности исправить мой путь въ здѣшней жизни.

XXV.

Когда Магна открыла мнѣ свои бѣдствія и рассказала объ опасности, которой подверглась за нее Магистріанъ, передо мною точно разверзлась бездна. Я зналъ, что у Магистріана не могло быть десяти литръ золота, которые взнесъ онъ за Магнѣ и которые все равно не могли избавить ее отъ ея униженія, ибо не составляли цѣны всей ея кабалы и ничего не оставляли на выкупъ ея дѣтей отъ скопца въ Византіи. Но гдѣ Магистріанъ могъ взять и эти златницы? Онъ работалъ въ домѣ Авеллы, гдѣ всегда былъ ларецъ съ сокровищами этой влюбленной въ него гетеры... И ужасъ объялъ мою душу... Я подумалъ: любовь къ бѣдной Магнѣ довела его до безумья, и имя Магистріана отнынѣ безчестно: онъ воръ!

А бѣдная Магна, продолжая оглашать воздухъ стопами, возвратилась опять къ тѣмъ же словамъ, съ которыхъ начала, когда неожиданно вошла въ мое жилище.

— Памфалонъ!—вопіяла она:—я слышала, что ты разбогатѣлъ, что какой-то гордый коринѳянинъ тебѣ далъ несмѣтныя деньги. Я пришла продать себя тебѣ, возьми меня къ себѣ въ рабыни, но дай мнѣ денегъ, чтобъ выкупить изъ неволи моихъ дѣтей и спасти погибающаго за меня Магистріана.

Отшельникъ! ты отжилъ жизнь въ пустынѣ и тебѣ, быть можетъ, не понятно, какое я чувствовалъ горе, слушая, что отчаяніе говорить устами этой женщины, которую зналъ я столь чистой и гордой своею непорочною! Ты уже взялъ верхъ надъ всѣми стра-

стями, и онѣ не могутъ поколебать тебя, но я всегда былъ слабъ сердцемъ, и при видѣ такихъ страшныхъ бѣдствій я опять позабылъ о спасеніи своей души.

Я зарыдалъ и сквозь рыданія молвилъ:

— Ради милости Божіей умоли, несчастная Магна! Сердце мое не можетъ этого вынести! Я простой человѣкъ, я скоморохъ, я провожу мою жизнь среди гетеръ, празднолюбцевъ и мотовъ, я дегтярная бочка, но я не куплю себѣ того, что ты предлагаешь мнѣ въ безумьѣ отъ горя.

Но Магна такъ ужасно страдала, что не поняла меня вовсе.

— Ты отвергаешь меня!—воскликнула она съ ужасомъ.—О, я несчастная! гдѣ мнѣ взять золота, чтобы избавить изъ неволи дѣтей?—и она заломила надъ головою руки и упала на землю.

Это исполнило меня еще большаго ужаса... Я задрожалъ, увидя, какъ ее унизило горе до того, что она, будто счастья, искала своего паденія.

XXVI.

Я поспѣшилъ ее утѣшить.

— Нѣтъ,—сказалъ я:—это не то. Я тебя не отвергаю. Я тебѣ другъ и докажу тебѣ это моею готовностью помочь твоему горю. Только не говори болѣе, для чего ты пришла сюда. Разрушь скорѣй это плетеніе волосъ, черезъ которое ты стала походить на гетеру; смой съ нихъ чистой водою тотъ ароматъ, которымъ ихъ покрыли люди, желавшіе твоего несчастія, а потомъ скажи мнѣ: сколько именно долженъ мужъ твой?

Она вздохнула и тихо промолвила:

— Десять тысячъ златницъ.

Я видѣлъ, что ее обманули: богатство, которое бросилъ мнѣ рачительный Оръ, было ничтожно для того, чтобы заплатить долгъ ея и выкупить дѣтей.

Магна молча встала и, поднявъ рукою сброшенную епанчу Магистріана, хотѣла снова покрыть свою голову.

Я догадался, что она хочетъ уйдти отъ меня съ нехорошею цѣлю, и воскликнулъ:

— Ты хочешь уйдти, госпожа Магна?

— Да, я возвращусь снова туда, откуда пришла.

— Ты хочешь освободить Магистріана!

Она только молча кивнула головой, въ знакъ согласья.

Я ее остановилъ насильно.

— Не дѣлай этого,—сказалъ я.—Это будетъ напрасно. Магистріанъ такъ благороденъ и такъ тебѣ преданъ, что онъ оттуда не выйдетъ; ты своимъ возвращеніемъ только увеличишь смятенье. У меня всего есть двѣсти тридцать златницъ... Это все, что я полу-

ль отъ коринѳянина Ора. Если думаютъ, что у меня есть боре, то это или сочинила молва, или нахвасталъ самъ Оръ пустозвонный. Но всѣ двѣсти тридцать влатницъ ты должна считать свои. Не возражай мнѣ, госпожа Магна, не возражай мнѣ противъ этого ни одного слова! Это золото твое, но надо достать еще того, чтобы составило долгъ твоего мужа. Я не знаю, гдѣ его брать, но ночь еще только въ началѣ... Магистрианъ до утра безопасенъ. Ты оставайся у меня и будь спокойна. Моя Акра до нея никого безъ меня не допустить, а я сейчасъ извѣщу о твоёмъ несчастіи твоихъ именитыхъ подругъ: Таору, Фотину и Сильвію живу, благочестье которой извѣстно Дамаску... Ихъ слуги всѣ меня боятъ и за дары меня пустятъ къ своимъ госпожамъ. Онѣ богаты цѣломудренны, и онѣ вспомнятъ вашу дѣтскую дружбу, онѣ не жжалѣютъ золота, и дѣти твои будутъ выкуплены.

Но Магна живо меня перебила:

— Не тревожь, Памфалонъ, ни Таору, ни Фотины, ни дѣвственной Сильвіи,—всѣ онѣ ничего для твоей просьбы не сдѣлаютъ.

— Ты ошибаешься,—возразилъ я.—Таора, Сильвія и Фотина благочестивыя женщины, онѣ преслѣдуютъ всякій развратъ, и по ихъ слову у насъ уже выслали многихъ гетеръ изъ Дамаска.

— Это ничего не значить,—отвѣчала Магна и открыла мнѣ, то прежде, чѣмъ бѣдствія ея семейства достигли до нынѣшней бѣды, она уже обращалась съ просьбою къ названнымъ мною вышнимъ гражданамъ, и что всѣ онѣ просьбы ея оставили втунѣ.

— А какъ теперь,—прибавила она:—ко всему этому присоединился еще позоръ, до котораго дошла я, то всякія просьбы къ нимъ будутъ напрасны. Я сама была такова жъ, какъ онѣ, и знаю, что не отъ нихъ можетъ прійти избавленіе падшей.

— Ну, все равно жди у меня, что намъ пошлетъ милосердное Небо,—сказалъ я и, погасивъ лампу, заперъ входъ въ мое жилище, въ которомъ Магна осталась подъ защитою Акры, а я во всю силу бѣгомъ понесся по темнымъ проходамъ Дамаска.

XXVII.

Я не послушался Магны и проникъ съ помощію слугъ къ Таорѣ, Сильвіи и къ Фотинѣ... И стыжуся вспоминать, что я отъ нихъ слышалъ... Магна была права во всемъ, что мнѣ о нихъ говорила. Слова мои только приводили въ пламенный гнѣвъ этихъ женщинъ, и я былъ изгоняемъ за то, что смѣлъ приходить въ ихъ дома съ такою просьбой... Двѣ изъ нихъ, Таора и Фотина, велѣли прогнать меня съ однимъ только напоминаніемъ, что я стоилъ бы хорошихъ ударовъ, но Сильвія-дѣва та повелѣла бить меня предъ ея лицомъ, и слуги ея били меня мѣднымъ прутомъ до того, что я вышелъ отъ нея съ окровавленнымъ тѣломъ и съ запекшимся гор-

ломъ. Такъ томимый жаждою вбѣжалъ я на кухню гетеры Азеллы, чтобы попросить глотокъ воды съ виномъ и идти далѣе. А куда идти, я самъ не зналъ этого.

Но тутъ, едва я явился, подъ крытымъ переходомъ меня встрѣтила наперсница гетеры бѣлокурая Ада. Она какъ будто нарочно шла съ кувшиномъ прохладительнаго напитка, и я сказалъ ей:

— Будь милосердна, прекрасная Ада, освѣжи уста мои—я умираю отъ жажды.

Она улыбнулась и молвила съ шуткой:

— Тебѣ ли теперь умирать, господинъ Памфалонъ, ты больше не бѣденъ и можешь имѣть рабовъ, которые станутъ прохладять для тебя воду.

А я ей отвѣтилъ:

— Нѣтъ, Ада, я, слава Богу, опять уже не богатъ,—я опять также бѣденъ, какъ прежде, и вдобавокъ израненъ.

Она мнѣ нагнула сосудъ, а я припалъ къ питью, и въ то время, когда я пилъ, а Ада стояла, нагнувшись ко мнѣ, она замѣтила на моихъ плечахъ кровь, которая сочилась изъ рубцовъ, нанесенныхъ мнѣ мѣднымъ прутомъ предъ лицомъ дѣвственной Сильвіи. Кровь проступала сквозь тонкую туннику, и Ада въ испугѣ вскричала:

— О, несчастный! ты взаправду въ крови! На тебя вѣрно напали ночные воры!.. О несчастный! Хорошо, что ты спасся отъ нихъ подъ нашею кровлей. Останься здѣсь и подожди меня немного: я сейчасъ отнесу это охлажденное питье гостямъ, и вмигъ возвращусь, чтобъ обмыть твои раны...

— Хорошо, — сказалъ я: — я тебя подожду.

А она добавила:

— Можетъ быть, ты хочешь, чтобъ я шепнула объ этомъ Азеллѣ? У нея теперь пируетъ съ друзьями градоправитель Дамаска: онъ пошлетъ отыскать тѣхъ, кто тебя обидѣлъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я: — это не нужно. Принеси мнѣ только воды и какуюнибудь чистую туннику.

Надѣвъ чистую одежду, я хотѣлъ идти къ бывшему монаху Аммуну, который занимался всякими дѣлами, и закабалить ему себя на цѣлую жизнь, лишь бы взять сразу деньги и отдать ихъ на выкупъ дѣтей Магны.

Ада скоро возвратилась и принесла все, что мнѣ было нужно.

Но она также сказала обо мнѣ и своей госпожѣ, а это повело къ тому, что едва Ада обтерла прохладною губкою мои раны и покрыла мои плечи принесенною ею льняной туникой, какъ въ переходѣ, гдѣ я лежалъ на полу, прислонясь бокомъ къ дереву, показалась въ роскошномъ убранствѣ Азелла.

XXVIII.

Азелла вся была въ золотѣ и въ перлахъ, изъ которыхъ одинъ стоилъ огромной цѣны и былъ подаренъ ей большимъ богачемъ изъ Египта.

Азелла пришла съ участвомъ ко мнѣ и заставила меня рассказать ей все, что со мною случилось. Я ей сталъ рассказывать вкратцѣ, и когда дошелъ до бѣдствія Магны, то замѣтилъ, что глаза Азеллы стали серьезны, а Ада начала глядѣть вдаль и по лицу ея тоже заструились слезы.

Тогда я подумалъ: вотъ теперь время, чтобы открыть Магистріанову тайну, и вдругъ неожиданно молвилъ:

— Азелла, это ли всѣ драгоцѣнности, которыя ты имѣешь?

— Нѣтъ, это не всѣ,—отвѣчала Азелла.—Но какое тебѣ до этого дѣло?

— Мнѣ большое есть дѣло, и я тебя умоляю: скажи мнѣ, гдѣ ты ихъ сохраняешь и всѣ ли онѣ цѣлы?

— Я храню ихъ въ драгоцѣнномъ ларцѣ, и всѣ онѣ цѣлы.

— О радость!—вскричалъ я, позабывъ всю мою боль.—Все цѣло! Но гдѣ жъ взялъ десять литръ золота Магистріанъ?

— Магистріанъ!

— Да.

И когда я сталъ рассказывать, что сдѣлалъ Магистріанъ, Азелла стала шептать:

— Вотъ кто истинно любить! Моя Ада видѣла, какъ онъ вышелъ изъ дома Аммуна... Я все понимаю: онъ продалъ Аммуна себя въ кабалу, чтобы выпустить Магну!

И гетера Азелла начала тихо рыдать и обирать съ своихъ рукъ золотыя запыстья, ожерелья и огромный перлъ изъ Египта, и сказала:

— Возьми все это и выкупи дѣтей бѣдной Магны.

Я такъ и сдѣлалъ: я соединилъ всѣ мои деньги, которыя далъ мнѣ Оръ коринейнинъ, съ тѣмъ, что получилъ отъ гетеры и отправилъ съ ними Магну выкупать изъ неволи ея мужа и двухъ сыновей. И все это совершилось успѣшно, но исправленіе жизни моей, вся надежда моя на блаженную вѣчность навсегда разлетѣлись. Такъ я и остаюсь скоморохомъ—я скачу и играю, бью въ накры, свищу, перебираю ногами и трясу головой. Вотъ тебѣ сказъ мой, отшельникъ, о томъ, какъ я утратилъ улучшение жизни и нарушилъ обѣтъ, данный Богу.

XXIX.

Ермій всталъ, протянулъ руку къ своей козьей милоти и молвилъ скомороху:

— Вѣчность впусти не будетъ: перейдутъ въ нее путемъ милосердія много изъ тѣхъ, кого свѣтъ презираетъ и о которыхъ мнѣ гордый отшельникъ, забывъ, залюбовавшись собою: Иди къ себѣ въ домъ, Памфалонъ, и дѣлай, что дѣлалъ, а я пойду дальше.

Они поклонились другъ другу и разошлись. Ермій пришелъ въ свою пустыню и удивился, увидавъ въ той расщелинѣ, гдѣ он стоялъ, гнѣздо вороновъ. Жители деревни говорили ему, что он отпугивалъ этихъ птицъ, но онѣ не оставляютъ скалы.

— Это такъ и должно быть, — отвѣтилъ имъ Ермій. — Не мѣшай имъ вить свои гнѣзда. Птицы должны жить въ скалѣ, а человекъ долженъ служить человеку. У васъ много заботъ; я хочу помогать вамъ. Хиль я, но стану дѣлать по силамъ. Довѣрьте мнѣ ваши козъ, я буду ихъ выгонять и пасти, а когда возвращусь съ стадомъ вы дайте мнѣ тогда хлѣба и сыра.

Жители согласились, и Ермій началъ гонять козье стадо учить на свободѣ дѣтей поселянъ. А когда все село засыпало, он выходилъ, садился на холмъ и обращалъ свои глаза въ сторону Дамаска, гдѣ онъ узналъ Памфалона. И всякій разъ мнилось ему, что онъ будто видитъ, какъ скomorохъ бѣжитъ по улицамъ съ своею Акрой и на лбу у него мѣдный вѣнецъ, но только день ото дня этотъ вѣнецъ начинаетъ блистать все ярче и ярче и, наконецъ въ одну ночь онъ такъ засіялъ, что у Ермія не хватило силы смѣтрѣть на него. Старикъ закрылъ глаза, но и сквозь опущенныя вѣки видитъ, что скomorохъ взлетаетъ отъ земли на воздухъ и летитъ прямо къ пылающей алой зарѣ. Ермій рванулся за нимъ, и въ жаркомъ разсвѣтѣ зари между ними вдругъ стала рѣшетка. Ермій видитъ, что это большими еврейскими литерами словно углемъ и сажей начертано слово: «самоуиѣнье». Но Памфалонъ взял свою скomorошью епанчу и стеръ это слово, и Ермій тотчасъ увидалъ себя въ несказанномъ свѣтѣ и почувствовалъ, что онъ летитъ въ высотѣ рядомъ съ Памфалономъ.

— Какъ ты могъ стереть грѣхъ моей жизни? — спросилъ его въ полетѣ Ермій.

А Памфалонъ ему отвѣчалъ:

— Я не знаю: ты затруднялся, а я захотѣлъ тебѣ пособить и пособилъ, какъ умѣлъ. Я всегда все такъ дѣлалъ при жизни, и съ этимъ иду я теперь въ другую обитель.

Дальнѣйшихъ рѣчей ихъ не слышалъ уже писатель сказанья. Прохладное облако густою тѣнью застлало дальнѣйшій ихъ слѣдъ отъ земли, и съ румяной зарею заката вмѣстѣ слились ихъ отшедшія души.

Николай Лѣсковъ.

ЗАПИСКИ КСЕНОФОНТА АЛЕКСѢВИЧА ПОЛЕВАГО ¹⁾.

VI.

Знакомство съ Я. И. Сабуровымъ.—Планы изданія журнала.—Разрѣшеніе издавать «Московскій Телеграфъ». —Будгаринъ отговариваетъ Н. А.—ча отъ задуманнаго имъ предпріятія.—«Знаменитые друзья» Воейкова.—Характеристика этого писателя.—С. Е. Райчъ, какъ человѣкъ и литературный дѣятель.—Его литературный кружокъ, состоявшій изъ молодыхъ его слушателей и почитателей.—А. И. Писаревъ и его зарождающаяся непріязнь къ Н. А.—чу.—Сближеніе съ княземъ П. А. Вяземскимъ, какъ съ постояннымъ сотрудникомъ «Московского Телеграфа». —Николай Алексѣвичъ какъ редакторъ журнала.

ПОМИНАЯ только о тѣхъ, съ кѣмъ сближеніе было основано на общей любви къ литературѣ и на одинаковомъ во многихъ отношеніяхъ образѣ мыслей, я долженъ назвать еще одного замѣчательнаго нашего знакомаго: это Яковъ Ивановичъ Сабуровъ. Рѣдко можно встрѣтить человѣка съ такимъ оригинальнымъ умомъ, съ такою многостороннею образованностью и съ такими силами души для выполненія самыхъ благородныхъ стремленій! Снача-

чала избалованный свѣтскимъ воспитаніемъ и легкими успѣхами, онъ слишкомъ рано поддался тому состоянію духа, которое выразилъ Байронъ въ своихъ сочиненіяхъ, покинулъ блестящую службу лейбъ-гвардіи въ гусарскомъ полку и нѣсколько лѣтъ про-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XXVII, стр. 266.

жилъ въ Москвѣ, повидимому, въ совершенной безпечности, но на самомъ дѣлѣ воспитывая самъ себя разнообразнымъ чтеніемъ и знакомствомъ съ жизнью своего отечества, котораго нельзя узнать въ вихрѣ петербургской жизни. Онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ короткимъ пріятелемъ съ моимъ братомъ и со мною, и, не сближаясь ни съ кѣмъ до истиннаго дружества, былъ, однако жъ, однимъ изъ самыхъ близкихъ, искреннихъ нашихъ собесѣдниковъ. Его оригинальный взглядъ на все вызывалъ на сопротивленіе остроумнымъ его софизмамъ, и былъ особенно поучителенъ для насъ, знавшихъ міръ только изъ книгъ и собственныхъ соображеній. Онъ по временамъ уѣзжалъ изъ Москвы, но, возвращаясь, обыкновенно бывалъ у насъ, и Н. А. любилъ передавать ему свои мечты и надежды. Такъ передалъ онъ ему непремѣнную свою мысль — издавать журналъ. Эта мысль давно образовывалась въ умѣ моего брата, и онъ нисколько не сомнѣвался въ своихъ силахъ, но только не зналъ, какъ привести въ исполненіе задуманный планъ. Еще во время близкой пріязни съ Вл. С. Филимоновымъ, онъ составлялъ планъ журнала, гдѣ думалъ участвовать также одинъ изъ близкихъ нашихъ знакомыхъ въ то время, Василій Евграфовичъ Вердеревскій. Но они не могли согласиться ни въ планѣ, ни въ направленіи журнала. Вскорѣ общественная жизнь развела ихъ навсегда¹⁾. Было еще нѣсколько попытокъ издавать журналъ въ сообществѣ съ другими; но онѣ оканчивались ничѣмъ. Послѣ многихъ плановъ, думъ и раздумываній, въ половинѣ 1824 года, братъ рѣшился испросить позволеніе издавать журналъ отъ своего имени, а сотрудникомъ имѣть одного меня. Онъ составилъ программу, по которой въ будущій журналъ его могло входить все, кромѣ политики, — все, какъ выразился впоследствии одинъ изъ его противниковъ, «начиная отъ безконечно-малыхъ въ математикѣ, до пѣтушьихъ гребешковъ въ соусѣ и бантиковъ на дамскихъ башмакахъ». Программу свою отправилъ онъ при письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія, адмиралу Шишкову, который зналъ его лично и оказывалъ благосклонность къ его литературнымъ занятіямъ. Никакого покровительства, никакихъ заступничествъ въ Петербургѣ у брата моего не было. Послѣ отправленія письма и программы къ министру, мы съ нимъ нисколько не надѣялись на успѣхъ ходатайства, не заготовляли никакихъ матеріаловъ и, правду сказать, не имѣли настоящаго понятія о томъ, что значитъ срочное изданіе. Намъ казалось, что очень пріятно будетъ пописывать да отдавать въ печать свои юношескія сочиненія; мы видѣли возможность сдѣлать много прекраснаго, полезнаго, на что не обращали

¹⁾ Больше двадцати пяти лѣтъ не встрѣчался я съ В. Е. Вердеревскимъ. Два года назадъ, въ вагонѣ Николаевской желѣзной дороги, нечаянно очутились мы лицомъ къ лицу. Мнѣ была истинно пріятна эта неожиданная встрѣча.

вниманія другіе журналисты, и намъ въ голову не приходило, что при этомъ понадобится много невѣдомой намъ опытности, много терпѣнія, и что двое мы не въ силахъ будемъ наполнять двѣ книжки въ мѣсяць срочнаго изданія. Можетъ быть, не всѣ повѣрятъ даже (особливо въ настоящее время!), что мы не разсчитывали ни на какія денежные выгоды отъ будущаго изданія; не думали даже о средствахъ къ изданію и, почти въ одно время съ отправленіемъ въ Петербургъ программы журнала, занялись составленіемъ алфавитнаго словаря русскихъ писателей!.. Уже двѣ буквы этого словаря были окончены, при усидчивой, ревностной работѣ¹⁾, когда въ московскомъ цензурномъ комитетѣ было получено дозволеніе Н. А. Полевою издавать журналъ по представленной имъ программѣ!.. Мы обрадовались, но не изумились,—такимъ обыкновеннымъ, неважнымъ дѣломъ казалось намъ это,—и продолжали еще нѣсколько времени трудиться надъ словаремъ русскихъ писателей. Между тѣмъ слухъ объ изданіи новаго журнала распространился и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Непріязненные къ брату моему литераторы говорили о его предпріятіи съ насмѣшливою улыбкой; люди больше безпристрастные и опытные удивлялись смѣлости молодого, мало извѣстнаго писателя.

Здѣсь долженъ я упомянуть объ одномъ случаѣ, который покажетъ, какое понятіе имѣли о Николаѣ Алексѣевичѣ люди опытные и знавшіе его лучше, нежели другіе. Я упоминалъ, что Н. И. Гречъ былъ съ нимъ въ пріятельскихъ сношеніяхъ, поддерживалъ переписку и желалъ имѣть его сотрудникомъ не только въ журналѣ, но и въ грамматическихъ своихъ изслѣдованіяхъ. Въ такихъ же отношеніяхъ съ нимъ находился и Ѳ. В. Булгаринъ, уже громкій журналистъ и литераторъ русскій, любимецъ почти всѣхъ тогдашнихъ писателей петербургскихъ, которые приняли его въ самое искреннее свое сообщество, какъ полезнаго, смѣлаго дѣятеля на поприщѣ литературы, и радовались его успѣхамъ, а поэты писали къ нему дружескія посланія и дорожили его мнѣніемъ. Братъ мой, часто посѣщавшій Петербургъ, познакомился съ Ѳ. В. Булгаринымъ и участвовалъ въ его «Сѣверномъ Архивѣ» помѣщеніемъ разныхъ своихъ статей. Въ это время Н. И. Гречъ и Ѳ. В. Булгаринъ предприняли издавать газету: Сѣверная Пчела, и рѣшились распространить и измѣнить планъ прежнихъ своихъ журналовъ: Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ. Разумѣется, что имъ нужны были дѣльные и свѣдущіе сотрудники, и они, конечно, безъ удовольствія услышали, что Н. А. Полевою, который могъ найти въ ихъ журналахъ обширное поприще для своей дѣятельности, вздумалъ самъ издавать журналъ. Какъ люди опытные

¹⁾ Рукопись этого неоконченнаго труда, оставшюся у меня, подарилъ я впоследствии извѣстному нашему библиографу и библиологу С. Д. Полторацкому.

въ дѣлѣ журналистики, они были увѣрены, что онъ затѣваетъ предпріятіе не по силамъ своимъ. Все это выразилось въ письмѣ Ѳ. В. Булгарина, пріятельскомъ, искреннемъ, гдѣ онъ убѣдительно совѣтовалъ брату моему не начинать своего предпріятія. «Чего хотите вы?—писалъ онъ ему.—Извѣстности, дѣятельности? Мы предлагаемъ вамъ обширное поприще въ нашихъ изданіяхъ. Денегъ! Напишите безъ обиняковъ, просто, цифрами или прописью, сколько вы желаете за свои труды, и если только цифра будетъ не слишкомъ велика, обѣщаю напередъ согласіе за себя и своего товарища». Исчисливъ потомъ равныя затрудненія, которыя ожидаютъ журналиста неопытнаго, г. Булгаринъ съ увѣренностью прибавлялъ: «Но я пишу вамъ все это, а, между тѣмъ, вѣрно, ужъ нѣсколько знаменитыхъ впились въ васъ и не выпускаютъ васъ изъ рукъ, въ пріятной надеждѣ перебраниваться въ новомъ журналѣ съ своими недругами».

Вспоминая объ этомъ письмѣ, я вижу въ немъ искреннее и очень естественное желаніе сохранить себѣ хорошаго сотрудника и вмѣстѣ прямой, добрый порывъ отвлечь неопытнаго писателя отъ журнальнаго поприща, которое грозило ему не только затрудненіями, не только безчисленными неприятностями, но—чего, конечно, никто не могъ предвидѣть—и несчастіемъ на всю остальную его жизнь. Счастливъ былъ бы братъ мой, если бъ онъ послушался совѣта, дѣйствительно пріятельскаго и высказаннаго съ такою искренностью. Но этотъ совѣтъ произвелъ дѣйствіе, противное тому, какового, конечно, ожидалъ Ѳ. В. Булгаринъ, который ошибся при этомъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, никто изъ знаменитыхъ друзей (я сейчасъ объясню это слово) не побуждалъ Николая Алексѣевича къ его предпріятію; во-вторыхъ, словами о деньгахъ всего скорѣе можно было разочаровать его: онъ не думалъ о нихъ, предпринимая журналъ единственно съ фантастическою цѣлью сдѣлать нѣчто образцовое, и вообразилъ, что его хотятъ купить, заставить молчать, плясать по чужой дудкѣ—за деньги! Письмо г. Булгарина было пріятно ему только тѣмъ, что подтверждало выгодное мнѣніе о писателѣ, котораго такъ усердно желали завербовать въ сотрудники себѣ; но оно еще больше утвердило его въ намѣреніи дѣйствовать самобытно.

Слова: знаменитые друзья, или просто: знаменитые, на условномъ тогдашнемъ языкѣ имѣло особенное значеніе и произошло вотъ какимъ образомъ. Въ 1821 году, Н. И. Гречъ издавалъ «Сынъ Отечества» вмѣстѣ съ Воейковымъ, который теперь забыть какъ литераторъ, но достоинъ памяти, какъ лицо исключительное въ нѣкоторомъ смыслѣ. Въ молодости онъ былъ пріателемъ многихъ извѣстныхъ литераторовъ, писалъ довольно тяжело, но ѣдко, зло, и сталъ особенно извѣстенъ стихотвореніемъ: «Домъ сумасшедшихъ», куда помѣстилъ онъ и друзей, и недруговъ своихъ, избра-

живъ нѣкоторыхъ довольно смѣшно. Онъ написалъ также нѣсколько посланій, замѣчательныхъ рѣзкими личностями и современными портретами. Все остальное, писанное имъ, было ниже посредственности. Но его общественныя связи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался родственникомъ поэта Жуковскаго, гораздо больше, нежели авторское дарованіе, помогли ему къ достиженію разныхъ цѣлей. Не ужившись въ Дерптѣ, гдѣ занималъ онъ мѣсто профессора русской литературы, Воейковъ переселился въ Петербургъ, и при посредничествѣ друзей умѣлъ сдѣлаться товарищемъ Н. И. Греча въ изданіи «Сына Отечества». Товарищество ихъ продолжалось не болѣе года, но и въ это время успѣлъ онъ надѣлать множество неприятностей своему товарищу! Въ самомъ дѣлѣ, чудное психологическое явленіе представлялъ этотъ человѣкъ!.. Безобразный до невѣроятности, съ искаженнымъ лицомъ, хромой, гунгавый, плохо-образованный—онъ имѣлъ доступъ въ лучшія общества, умѣлъ добиваться всего, получать все, о чемъ и мечтать не могутъ люди съ обыкновенными средствами. Жуковскій, А. Тургеневъ, многіе другіе литераторы и покровители просвѣщенія, вельможи—дѣлали для Воейкова все, единственно изъ уваженія къ необыкновенной женщинѣ, которая была его женою...¹⁾

Показавъ значеніе Воейкова, мнѣ нетрудно объяснить и значеніе словъ: знаменитые друзья. Воейковъ, сдѣлавшись соиздателемъ «Сына Отечества», выпрашивалъ у Жуковскаго, Пушкина, князя Вяземскаго и другихъ извѣстныхъ писателей, стихотворенія для печатанія въ журналѣ, гдѣ въ то же время завелъ войну съ «Вѣстникомъ Европы», и когда этотъ журналъ, на своемъ нарѣчій, объявилъ однажды, что какой-то журналъ взялъ на откупъ всѣхъ стихотворцевъ, Воейковъ съ сладкою улыбкою отвѣчалъ: «Жалѣемъ о несчастномъ журналѣ; а мы можемъ похвалиться, что наши знаменитые друзья украшаютъ нашъ журналъ своими неподобными сочиненіями». Это произвело общій взрывъ насмѣшекъ и негодованія, потому что Воейкова не любили, да онъ же и оскорбилъ общее мнѣніе, назвавъ своими друзьями знаменитыхъ писателей, которые давали въ журналъ стихи свои не изъ дружбы къ нему; къ тому же, вмѣстѣ съ немногими, дѣйствительно-знаменитыми писателями, Воейковъ сзывалъ стихотворцевъ всякаго разбора и печаталъ свои стихи, вовсе не знаменитые. По всѣмъ этимъ причинамъ, названіе знаменитыхъ друзей и просто знаменитыхъ стало смѣшнымъ и сдѣлалось вовсе не лестнымъ эпитетомъ. Ближе всего означали этимъ словомъ писателей бездарныхъ, или съ маленькимъ дарованіемъ, причислявшихъ

¹⁾ Болѣе подробную характеристику Воейкова напечаталъ я въ «Живописной Русской Библиотекѣ» 1869 года, по случаю ошибочной статьи о немъ, помѣщенной въ «Современникѣ».

себя безъ всякихъ правъ къ литературнымъ аристократамъ. Во всѣ времена, во всякой литературѣ есть подобныя явленія.

Ни съ кѣмъ изъ такихъ знаменитыхъ писателей не былъ знакомъ Н. А., когда задумывалъ свой журналъ. Я упоминаю что онъ даже не былъ постояннымъ собесѣдникомъ или посѣтителемъ ни одного изъ невидимыхъ литературныхъ кружковъ или обществъ, которыхъ было тогда въ Москвѣ нѣсколько. Вообще, въ Москвѣ, въ молодыхъ людяхъ юнаго поколѣнія, было развито стремленіе къ литературной жизни, но оригинальный, своеобразный взглядъ отдѣлялъ моего брата и отъ тѣхъ молодыхъ литераторовъ съ которыми былъ онъ знакомъ. Последнею его попыткою сблизиться съ однимъ литературнымъ обществомъ было нечаянное открытіе, что въ этомъ обществѣ участвовалъ князь Вл. Ө. Одоевскій, нашъ тогда искренній пріятель. Узнавъ, что Н. А. не только рѣшился издавать журналъ, но и получилъ позволеніе на то, князь предложилъ брату моему познакомиться его съ своимъ литературнымъ обществомъ, которое также хотѣло издавать журналъ. Не лучше ли было соединиться съ нимъ, и тѣмъ не только избѣгнуть соперничества, но и вдругъ приобрести многихъ дѣльныхъ и образныхъ сотрудниковъ? Таково было благоразумное сужденіе князя Одоевскаго, съ которымъ охотно согласился и Н. А. Въ самомъ дѣлѣ, общество было составлено изъ отличныхъ молодыхъ людей большею частію, бывшихъ соучениковъ князя въ Университетскомъ Благородномъ пансіонѣ. Къ несчастію, предсѣдателемъ этого общества былъ Семень Егоровичъ Раичъ (Амфитеатровъ), посредственный стихотворецъ, отличавшійся множествомъ оригинальныхъ створонъ и въ разговорѣ, и въ обращеніи.

Онъ былъ родственникъ (едва ли не братъ) скончавшагося недавно митрополита кіевскаго Филарета, сербъ по происхожденію. Маленькій ростомъ, какой-то чернокожій, тщедушный, почти монахъ по образу жизни, онъ любилъ въ стихахъ своихъ выражать наслажденія жизнью—буянилъ въ стихахъ, какъ мы говаривали тогда; а въ разговорахъ старался все поэтизировать, восхищался многимъ, что не стоило восхищенія, говорилъ всегда нараспѣвъ, тоненькимъ, больнымъ голоскомъ, и это, въ противоположности съ его личностію, представляло столько истиннаго комизма, что при имени С. Е. Раича нельзя было не улыбаться. Впрочемъ, это не мѣшало ему искренно любить литературу, и доказательствомъ того служить постоянство, съ какимъ онъ переводилъ Тассовъ Освобожденный Іерусалимъ, переводилъ много лѣтъ, печаталъ отрывки изъ него въ журналахъ и не смотря на многія насмѣшки современниковъ, окончилъ и издалъ свой долгодѣтній трудъ. Онъ также перевелъ, еще прежде, Виргилиевы Георгіики, и во всю жизнь свою писалъ въ стихахъ о наслажденіяхъ жизнью или о грусти сердца. Неудивительно, что такой человекъ придавалъ смѣш-

ной характеръ литературному обществу молодыхъ людей, избравшихъ его своимъ предсѣдателемъ. Общество постоянно собиралось въ назначенные дни, имѣло, кромѣ предсѣдателя, секретаря, который велъ протоколы засѣданій, читало въ своихъ собраніяхъ стихи и прозаическія статьи членовъ, словомъ подѣтски подражало официальному Обществу російской словесности, собиравшемуся у Антонскаго.

Вся эта комедія не понравилась брату моему съ перваго взгляда; однако, онъ имѣлъ терпѣніе нѣсколько разъ являться въ собранія Общества, куда былъ принятъ членомъ. Молодые члены уважали Раяча, какъ бывшаго своего наставника въ пансіонѣ; но этого похвальнаго чувства не могло быть въ человѣкѣ, знавшемъ въ руководителѣ ихъ только посредственнаго стихотворца и сладенькаго любителя классическихъ гремушекъ. Случилась еще одна комическая сцена въ послѣднемъ собраніи, гдѣ присутствовалъ Н. А. Помню, что, возвратившись оттуда, онъ хохоталъ и говорилъ, что не станетъ больше ѣздить въ Общество, которому остроумный С. А. Соболевскій, бывший въ сношеніяхъ со всею образованною молодежью, придавалъ уморительные эпитеты, со смѣхомъ повторявшіеся самими членами Общества ¹⁾. Князь Одоевскій увидѣлъ, что съ этимъ Обществомъ нельзя издавать журнала, хотя, повторяю, членами его были образованные, отличные молодые люди. Рѣшились прекратить сношенія съ Обществомъ, и князь обѣщаль участвовать въ нашемъ журналѣ отдѣльно, лично отъ себя. Не знаю, долго ли еще существовало литературное Общество Раяча; кажется, оно само собой и разошлось въ это время. Нѣкоторые сочлены его основали, года черезъ два, «Московскій Вѣстникъ», о которомъ я долженъ буду говорить въ свое время. Но теперь, черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ, протекшихъ съ тѣхъ поръ, кажется, можно, не нарушая никакихъ отношеній, назвать нѣкоторыхъ членовъ, и читатель удивится, что въ числѣ ихъ были: знаменитый нынѣ авторъ «Писемъ о богослуженіи», А. Н. Муравьевъ; Вл. Павл. Титовъ, бывший потомъ посломъ въ Константинополь и уполномоченнымъ на вѣнскихъ конференціяхъ; Степанъ Петровичъ Шевыревъ, писатель и бывший профессоръ Московскаго университета; Дм. Петр. Ознобишинъ, занимавшійся восточными языками, стихотворецъ и писатель, помѣщавшій статьи свои въ журналахъ подъ псевдонимомъ Делибюрадера; Рожалинъ, умершій въ молодыхъ лѣтахъ, памятный умомъ и ученостью, другъ Веневитинова, и нѣсколько другихъ замѣчательныхъ по разнымъ отношеніямъ людей. Но тогда всѣ они были молоды, раздражительны, самоувѣ-

¹⁾ Жившій въ это время въ Москвѣ, В. Кюхельбекеръ, соиздатель Мнемонины, составилъ пародію известной дѣтской пѣсни: «Чижикъ, чижики, гдѣ ты былъ?» — «Раячъ, Раячъ, гдѣ ты былъ?»

ренны (какъ обыкновенно молодые люди) и, возбуждаемые пылкимъ и самолюбивымъ своимъ товарищемъ Александромъ Писаревымъ, не только не сблизились съ Николаемъ Алексѣвичемъ, но, послѣ неудачнаго знакомства въ Обществѣ Раича, легко и, можетъ быть, сами не зная какъ, сдѣлались его непріятелями.

Назвавъ А. И. Писарева (умершаго черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ), я долженъ объяснить причину непріязни его къ моему брату. Писаревъ былъ надѣленъ отъ Бога блестящимъ стихотворнымъ дарованіемъ, и съ малолѣтства почти экспромтомъ писалъ легкіе и звучные стихи. Можно представить себѣ, какъ это удивляло и восхищало его товарищей и наставниковъ въ то время, когда гладкіе стихи доставались тяжкимъ трудомъ даже знаменитымъ писателямъ. Еще въ Университетскомъ Благородномъ пансіонѣ, гдѣ Писаревъ воспитывался, онъ былъ любимцемъ Антонскаго (директора пансіона и профессора, о которомъ говорено выше). Читывалъ свои стихи въ публичныхъ собраніяхъ Общества любителей россійской словесности, которое печатало ихъ въ своихъ «Трудахъ», и между сверстниками славился рукописными сатирами и эпиграммами. Онъ писалъ много стиховъ, нападалъ своими насмѣшками на всѣхъ и на все, не щадилъ даже тѣхъ, кого долженъ былъ любить и уважать: есть нѣсколько эпиграммъ его на А. А. Антонскаго и на многихъ товарищей пансіонскихъ. Жалко, что не сохранилась его пародія на «Пѣвца въ станѣ русскихъ вояновъ», гдѣ героями представилъ онъ московскихъ ученыхъ и литераторовъ, какъ Батюшковъ въ своей пародіи членовъ Бесѣды любителей русскаго слова. У меня остались въ памяти немногіе стихи, которые могутъ показать, сколько было остроты и силы въ насмѣшкахъ Писарева. Вотъ окончательные стихи куплета, гдѣ говорится о Каченовскомъ:

. Каченовскій!
Обруганъ онъ во всѣхъ листкахъ.
И всё кричать: таковскій!

О другомъ ученомъ, который славился тѣмъ, что занимался всѣмъ, науками и искусствами, Писаревъ говорить:

Въ профессорской отвагѣ,
У Канта онъ учился пѣть,
А логикѣ у Флаге.

Флаге былъ извѣстный тогда въ Москвѣ танцевальный учитель, и характеристика ученаго, который у танцмейстера учится логикѣ, а у философа Канта пѣнію,—очень оригинальна. Но лучшимъ портретомъ въ этой галлерей была характеристика Василя Львовича Пушкина, добрѣйшаго, свѣтскаго человѣка и пріятнаго стихотворца, автора остроумнаго стихотворенія «Опасный сосѣдъ». Онъ славился притомъ дѣтскимъ простодушіемъ и страстью чи-

гать свои и чужіе стихи. Камердинеръ его и вмѣстѣ дядька и даже бібліотекаръ, Романычъ, былъ извѣстенъ всѣмъ знакомымъ Василія Львовича. Представляя смерть барина его, Писаревъ такъ заключаетъ куплетъ:

«О, горе!» вѣрный тѣмъ стихамъ,
Романычъ возвѣщаетъ:
«Отыде баринъ къ праотцамъ,
И больше не читаетъ!»

Захваленный прежде зрѣлости своего дарованія, самолюбивый и болѣзненно-раздражительный отъ природы, Писаревъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что Н. А. Полевой, писавши въ «Отечественныхъ Запискахъ» объ одномъ засѣданіи Общества любителей россійской словесности, упомянулъ, что, между прочимъ, тамъ читалъ свое стихотвореніе А. И. Писаревъ, и кстати замѣтилъ, что этотъ молодой стихотворецъ, съ несомнѣннымъ дарованіемъ, идетъ ложнымъ путемъ, заботится только о звонкихъ стихахъ, не имѣетъ опредѣленнаго характера и не выражаетъ ничего поэтически. Одною этого замѣчанія довольно было для раздражительнаго Писарева: онъ возненавидѣлъ Н. А. Полеваго, и до конца жизни своей кололъ и бранилъ его гдѣ только могъ, какъ увидимъ далѣе. При такомъ расположеніи, онъ возсталъ противъ соединенія Раичева Общества съ ненавистнымъ ему Полевымъ и, конечно, способствовалъ удаленію отъ него многихъ своихъ товарищей. Только благородный и самобытный князь Одоевскій не обращалъ вниманія на возгласы самолюбія и остался съ нами въ прежнихъ отношеніяхъ, послѣ неудачной попытки сблизить Николая Алексѣевича съ Обществомъ Раича.

Чрезвычайно важно было для будущности нашего журнала и для отношеній Николая Алексѣевича знакомство и сближеніе его съ княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ. Надобно при этомъ объяснить тогдашнія литературныя отношенія самого князя Вяземскаго.

До 1824 года онъ пользовался литературною славою почти наравнѣ съ Жуковскимъ и Пушкинымъ. Называя этихъ истинныхъ поэтовъ, обыкновенно прибавляли: «и князь Вяземскій», какъ прежде писали: «Ломоносовъ и Сумароковъ», хотя между этими писателями не могло быть никакого сравненія. Князь Вяземскій, родственникъ и почти воспитанникъ Карамзина, другъ Жуковскаго, Батюшкова, И. И. Дмитріева и всѣхъ литераторовъ ихъ круга, богатый, блестящій свѣтскій человѣкъ, началъ свое литературное поприще такъ же счастливо, какъ и поприще общественной жизни. Онъ писалъ и помѣщалъ стихотворенія въ журналахъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ, напечаталъ біографическіе очерки Державина, Озерова, Дмитріева, и за все это справедливо пользо-

вался, особливо въ своемъ кругу, славою писателя необыкновеннаго. Я сказалъ: въ своемъ кругу, и долженъ прибавить въ поясненіе, что князь Вяземскій не былъ въ университетѣ или какомъ нибудь высшемъ учебномъ заведеніи, учился свободно, независимо, и съ самыхъ молодыхъ лѣтъ былъ уже въ службѣ и въ свѣтѣ. Первые годы службы общали ему самую блистательную будущность; но вдругъ судьба его измѣнилась, и онъ долженъ былъ не только оставить службу, отказаться отъ всѣхъ призраковъ честолюбія, но и жить въ Москвѣ, въ положеніи довольно зависимомъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Для людей съ необыкновеннымъ умомъ и сильною душою, это положеніе—самое выгодное для нравственной дѣятельности. Можетъ быть, пожалѣвъ только о нѣсколькихъ годахъ, потерянныхъ для призраковъ, князь Вяземскій посвятилъ себя кабинетнымъ занятіямъ и удовольствіямъ образованной жизни. Умъ его былъ обогащенъ знаніемъ людей и свѣта, душа воспитана благородными, возвышенными стремленіями, и оттого все, что писалъ онъ, носило на себѣ отпечатокъ силы и глубокаго чувства, а выраженіе его отличалось необыкновенною оригинальностью, и вотъ что нравилось въ немъ, вотъ что привлекало къ нему всѣхъ людей непредубѣжденныхъ, особливо тѣхъ, у которыхъ были одинаковыя съ нимъ стремленія и направленія. Этого не могли понять педанты и рутинисты; они видѣли въ князѣ Вяземскомъ только свѣтскаго человѣка, осмѣливающагося быть писателемъ безъ ученаго диплома и критикомъ безъ знанія латинскаго языка и схоластическихъ преданій. Но они долго не смѣли нападать на него, опасаясь и его авторитета, и остраго его пера. Между тѣмъ, друзья его, можетъ быть, смѣшивая въ немъ отличнѣе умнаго, возвышеннаго чувствованіями, любезнаго, остроумнаго свѣтскаго человѣка съ писателемъ, хвалили его безусловно, какъ поэта и какъ лучшаго русскаго критика. Безусловныя хвалы необходимо усыпляютъ дарованіе и придаютъ ему самоувѣренность, легко переходящую въ небрежность. Бываетъ и то, что люди, не одаренные всесильнымъ могуществомъ генія, но убаюканные похвалами людей своего круга, смѣло предпринимаютъ труды не по силамъ. Нѣчто въ этомъ родѣ случилось съ княземъ Вяземскимъ. Разсерженный привязчивыми и пустыми замѣчаніями Каченовскаго въ «Исторію государства Россійскаго», онъ напечаталъ въ 1821 году «Посланіе къ Каченовскому», гдѣ язвительно и безпощадно разбранилъ завистливаго зоида. Посланіе это написано такъ ловко, что изъ него нельзя вытолковать никакой личности, почему оно и было напечатано. Но всѣ поняли, кого изобразилъ князь Вяземскій, и желчный Каченовскій сдѣлался непримиримымъ его противникомъ. Онъ выставилъ противъ него цѣлую фалангу своихъ приверженцевъ, которые начали въ «Вѣстникѣ Европы» нападать на князя Вяземскаго. Прежде всего они показали, что въ «Посла-

ніи къ Каченовскому» есть стихи, буквально переведенные изъ Вольтера; они педантически разбирали каждое слово и неуважительно отзывались о дарованіи противника-поэта. Какъ человекъ умный, князь Вяземскій не обращалъ вниманія ни на критическія стрѣлы ихъ, ни на посланіе къ Ульминскому и подобныя произведенія топорной работы, которыя привлекали насмѣшки на его противниковъ. Но партія «Вѣстника Европы» не пропускала ни малѣйшаго случая кольнуть остроумнаго поэта. Къ особенному ея счастью, князь Вяземскій, принявъ на себя въ Москвѣ изданіе «Бахчисарайскаго фонтана» Пушкина, помѣстилъ впереди его «Разговоръ классика съ издателемъ», гдѣ, рассуждая о классицизмѣ и романтизмѣ, предметъ и теперь еще не совершенно поясненномъ, высказалъ нѣсколько мнѣній и поясненій, которыя легко было оспорить. Возрадовались и возвеселились сотрудники «Вѣстника Европы»! Они ухватились за легкую добычу, и особенное рвеніе показалъ при этомъ М. А. Дмитриевъ, почитавшій себя поэтомъ и великимъ критикомъ. Князь Вяземскій неосторожно вдался въ споръ, началъ печатать возраженія въ «Дамскомъ Журналѣ» князя Шаликова (потому что не было другаго, пріязненнаго ему журнала), и этимъ далъ новую пищу своимъ противникамъ. Въ «Литературныхъ Листкахъ» Ѳ. В. Булгарина отозвалась эта полемика также не совсѣмъ благопріятно для князя Вяземскаго и окончилась объясненіемъ со стороны Пушкина, напечатаннымъ въ «Сынѣ Отечества» (1824 г., № XVIII), гдѣ въ заключеніе поэтъ сказалъ: «Авторъ очень радъ, что имѣетъ случай благодарить кн. Вяземскаго за прекрасный его подарокъ. Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова писанъ болѣе для Европы вообще, чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и незамѣтны, и не стоятъ столь блистательнаго отраженія». И послѣ этого, полемика со стороны «Вѣстника Европы» затихла не скоро и сопровождалась эпиграммами, разными замѣтками и насмѣшками. Противники князя Вяземскаго торжествовали побѣду и долго еще посылали запоздалые выстрѣлы на опустѣлое поле сраженія.

Если разсмотрѣть теперь эти споры, эту схватку страстей и самолюбія, то прежде всего увидимъ, что спорили о постороннихъ предметахъ, а не о романтизмѣ и классицизмѣ, которые меньше всего были понятны обѣимъ спорившимъ сторонамъ. Слѣдствіемъ такихъ споровъ обыкновенно бываетъ раздраженіе самолюбія, потому что наговаряютъ другъ другу много непріятной правды и неправды. Противники князя Вяземскаго успѣли доказать, что онъ утвердительно говорить о предметѣ, неясномъ для него; но остроуміе, тонъ хорошаго общества и литературное изложеніе оставались на его сторонѣ во все продолженіе спора, который утвердилъ за «Вѣстникомъ Европы» только славу бранчивости и педантства.

Между тѣмъ князь Вяземскій былъ не въ дружескихъ отношеніяхъ и съ другими журналами. Тогда онъ еще не зналъ хорошо Воейкова, и послѣ удаленія его изъ «Сына Отечества» не могъ участвовать въ журналѣ г. Греча, котораго почиталъ несправедливымъ къ гонимому, бѣдному Воейкову, привыкнувъ смотрѣть на этого человѣка, какъ на литератора своего круга. «Сѣверный Архивъ» и «Литературные Листки» казались ему враждебными послѣ несчастной полемики съ М. А. Дмитриевымъ. Остался пріязненнымъ «Дамскій Журналъ»; но это былъ не литературный журналъ, и при дамскомъ своемъ характерѣ пользовался незавидною славою.

При такихъ отношеніяхъ, очень естественно, что князь Вяземскій былъ радъ появленію новаго журнала въ Москвѣ, и охотно вызвался быть въ немъ постояннымъ сотрудникомъ, когда увидѣлъ въ будущемъ издателѣ «Московского Телеграфа» человѣка умнаго, образованнаго, съ современными понятіями, хотя мало опытнаго въ писательствѣ. Онъ вполне раздѣлялъ мнѣніе издателя, что самымъ важнымъ отдѣломъ въ журналѣ должна быть критика, независимая, неуклонная, основанная на современныхъ понятіяхъ въ наукахъ и въ искусствѣ; что мнѣнія журнала должны давать ему характеръ, котораго не даютъ періодическому изданію чужія стихотворенія и проза, писанныя различными по понятіямъ людьми. Редакторъ, или редакторы должны давать тонъ и направленіе своему изданію. Въ этомъ былъ до такой степени убѣжденъ издатель «Московского Телеграфа», что въ журналѣ его, кромѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ критическихъ статей и кромѣ немногихъ исключеній, всѣ разборы и сужденія принадлежали ему самому и одномыслящимъ съ нимъ постояннымъ сотрудникамъ. Приступая къ участию въ новомъ журналѣ съ прямымъ и чистымъ желаніемъ пользы и успѣха литературѣ, князь Вяземскій не могъ, однако же, защититься отъ невольнаго и неизбежнаго желанія кольнуть, при случаѣ, своихъ недруговъ, къ чему вскорѣ представился не одинъ случай. Самъ издатель также не хотѣлъ стѣснять себя уклончивостью тамъ, гдѣ могъ сказать что нибудь новое, сообразное съ его убѣжденіями, хотя бы и противъ уважаемыхъ имъ людей. Въ такомъ направленіи были написаны всѣ критическія статьи въ первыхъ книжкахъ «Московского Телеграфа».

Изъ всего, что уже пересказалъ я объ умѣ, характерѣ и образованіи Н. А. Полеваго, читатели могутъ составить себѣ понятіе, какого рода журналъ могъ издавать этотъ необыкновенный человѣкъ, своеобразный умомъ. Въ головѣ его были тысячи идей, новыхъ для нашей публики, блестящихъ, потому что онѣ были современны, но не вполне усвоенныхъ имъ себѣ, и это не отъ чего инаго, какъ отъ свойства его ума. Быстрый, неутомимый, пронзительный умъ его легко знакомился со всякимъ предметомъ, легко

узнавалъ и даже усвоивалъ его себѣ до извѣстной степени, но не могъ ничѣмъ заниматься долго, постоянно, не могъ приобрѣсти ученыхъ познаній, которыя образовали бы изъ него эрудита. Такого рода умы бываютъ поверхностны, когда въ нихъ нѣтъ силы и быстроты; но при этихъ свойствахъ, при быстротѣ и силѣ, они дѣлаются энциклопедическими, то есть способными совмѣщать въ себѣ многія, разнородныя свѣдѣнія. Имъ вредитъ только то, что они безпрестанно переходятъ отъ одного предмета къ другому, не могутъ углубиться ни въ одинъ изъ нихъ и стремятся постоянно къ новому, къ открытію невѣдомыхъ другимъ областей умственного міра. Эта переходчивость, это непостоянство, это стремленіе непрерывно впередъ—одно постоянное въ нихъ—составляетъ ихъ слабость и вмѣстѣ силу. Такого рода умъ, только въ обширнѣйшихъ размѣрахъ и въ другихъ обстоятельствахъ, въ другомъ направленіи, былъ у Вольтера, о которомъ справедливо чье-то выраженіе, что онъ все зналъ и все сказалъ, а потому и сказалъ все, что все зналъ, былъ способенъ понимать все и одаренъ стремленіемъ высказывать и передавать другимъ все приобрѣтаемое имъ самимъ. Точно тѣ же свойства были въ умѣ и дарованіи Н. А. Полеваго. Онъ обладалъ удивительною способностью схватывать главныя стороны и главныя подробности предмета, занимался имъ съ увлеченіемъ, и въ быстромъ умѣ его тотчасъ рождались свои, новыя идеи, которыя спѣшилъ онъ выразить на бумагѣ, отчего, при врожденной писательской способности, и сдѣлался энциклопедическимъ писателемъ. Какъ иначе опредѣлить человѣка, который съ ранней юности пишетъ съ равною легкостью стихами и прозою, занимается всѣми отраслями литературы, исторіи, политики, философіи, и не можетъ не писать о томъ, что кипитъ въ умѣ и въ душѣ его? Все, что сначала подѣтски, потомъ поконошески выражалось въ его дѣятельности, все это повторилось въ его журнальной и многосторонней писательской дѣятельности. Думали и даже писали, что онъ хвасталъ множествомъ свѣдѣній, что онъ хотѣлъ только пускать пыль въ глаза, разсуждая о предметахъ, будто бы вовсе ему неизвѣстныхъ. Увѣренные въ этомъ не знали Николая Алексѣевича, и ошибались, хотя очень естественно. Въ самомъ дѣлѣ, даже смѣшно (это и выставляли смѣшнымъ), что одинъ и тотъ же человѣкъ разсуждаетъ и пишетъ о русской и всеобщей грамматикѣ, о санскритскомъ языкѣ, объ исторіи всеобщей и русскихъ лѣтописяхъ, о театрѣ и о политической экономіи, о промышленности и о Шекспирѣ, о высшихъ взглядахъ въ наукахъ и искусствахъ, о преобразованіяхъ и успѣхахъ по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности. О чемъ онъ не писалъ и въ чемъ не требовалъ новыхъ успѣховъ, въ чемъ не упрекалъ застывшихъ и заснувшихъ лѣнтяевъ и педантовъ! Но онъ дѣйствительно занимался, можно сказать, всѣмъ, то есть такимъ множествомъ разно-

образныхъ предметовъ, что это касалось всего; дѣйствительно онъ изучалъ и всеобщую грамматику, и санскритскій языкъ, и нѣмецкую философію, и теорію искусства по современнымъ понятіямъ. Нельзя исчислить всѣхъ его разнообразныхъ трудовъ. Притомъ, онъ быстро усваивалъ себѣ все изучаемое, и тотчасъ пылалъ желаніемъ говорить, писать о томъ предметѣ, который занималъ его и рождалъ новыя понятія въ умѣ, одушевляя благороднымъ желаніемъ дѣлиться своими приобрѣтеніями съ другими.

VII.

Энциклопедическое направленіе «Московского Телеграфа». — Направленіе критическихъ статей журнала. — Участіе кн. П. А. Вяземскаго и его отношенія къ современной журналистикѣ. — Возбужденіе вражды излишнею искренностью Н. А.—ча. — Полемика съ Булгариннымъ и Гречемъ, въ которой принимали участіе противъ Н. А.—ча всѣ современные журналы. — Сочувственное отношеніе И. И. Дмитріева. — Заочное знакомство съ А. С. Пушкиннымъ и его одобреніе «Московского Телеграфа». — Эпиграммы и прозаическія статьи его. — Важнѣйшіе сотрудники Н. А. Полеваго: К. А. Полевой, А. И. Красовскій и М. А. Максимовичъ.

Съ первыхъ книжекъ «Московского Телеграфа» означился въ немъ тотъ энциклопедическій характеръ, который вполне соотвѣтствовалъ преобладающему настроенію ума его издателя; въ первыхъ критическихъ статьяхъ выразилось требованіе успѣха по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ, и чистое желаніе указывать на все новое, идти впередъ.

Появленіе журнала, гдѣ выполнялось это съ юношескою пылкостью, хотя, правду сказать, и съ юношескимъ легкомысліемъ, было настоящимъ праздникомъ для читающей публики. Дѣятельность новаго журналиста была тѣмъ разительнѣе, что другіе журналисты уже нѣсколько лѣтъ ограничивались наполненіемъ извѣстнаго числа печатныхъ страницъ, безъ дальняго выбора статей и безъ всякаго направленія. Да и много ли было журналистовъ? Каченовскій? но онъ смотрѣлъ на свое занятіе журналомъ какъ на ремесло. А. Е. Измайловъ? балагурилъ—вскорѣ мы увидимъ, удачно ли даже балагурилъ? Г. Гречъ уже нѣсколько лѣтъ отвлекался отъ своего журнала другими работами и видѣлъ необходимость измѣнить его. Г. Булгаринъ издавалъ журналъ чистоученый, и только въ «Литературныхъ Листкахъ» показавъ свое разнообразное дарованіе; но оба они готовились къ новой дѣятельности: соединили и преобразовали свои журналы, и прибавили къ нимъ газету политическую и литературную; это также было от-

части причиною, что послѣдній годъ своихъ прежнихъ изданій они доканчивали, сберегая и матеріалы, и свои силы для наступающаго года. Сравнивая съ этимъ живой и разнообразный журналъ Полеваго, публика обратила на него самое благосклонное вниманіе. Похвалы доходили до журналиста отъ знакомыхъ и незнакомыхъ, а лучшимъ доказательствомъ, что новый журналъ соответствовалъ требованіямъ публики, было необыкновенное въ то время число подписчиковъ на него. Первое изданіе (кажется 700 экземпляровъ) разошлось все до выхода второй книжки; съ третьей книжки «Московскій Телеграфъ» печатался уже въ числѣ 1,200 экземпляровъ: успѣхъ, давно несслышанный въ тогдашнемъ журнальномъ мірѣ! Въ это время и братъ мой увидѣлъ, что, между прочимъ, журналъ даетъ порядочное денежное вознагражденіе за трудъ—и тѣмъ ревностнѣе принялся работать. До тѣхъ поръ, увѣряю, онъ и не рассчитывалъ на доходъ отъ журнала, а радовался только обширному поприщу для своей многосторонней дѣятельности. Онъ, еще въ Иркутскѣ, ребенкомъ, мечтавшій издавать журналъ, блистательно выступалъ на этотъ давно желанный имъ путь, еще не зная, какіе терны растутъ на немъ!.. Можно подумать, что судьба предназначила его быть журналистомъ, и хотѣла, чтобы онъ испыталъ вполнѣ важность и трудность этого призванія.

Между тѣмъ, какъ успѣхъ и общее одобреніе поощряли его, явились и неизбѣжныя въ занятіяхъ журналиста непріятности, которыя еще усиливало особенное положеніе Николая Алексѣевича.

Въ обзорѣни русской литературы и въ другихъ критическихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ первыхъ книжкахъ «Московского Телеграфа», издатель высказалъ много правды, не стѣсняя себя преданіями, какія господствовали въ тогдашнихъ мнѣніяхъ о разныхъ писателяхъ. Онъ выражалъ неограниченное уваженіе только къ современнымъ свѣтиламъ нашей литературы — Дмитріеву, Карамзину, Жуковскому, Пушкину, и къ нѣкоторымъ ихъ послѣдователямъ, отличавшимся дарованіемъ; остальнымъ прямо говорилъ онъ: посредственно, плохо, дурно, никуда не годится. Приговоры рѣшительные, неуклончивые, даже рѣзкіе, были произносимы писателемъ, еще мало извѣстнымъ, не показавшимъ ничѣмъ собственныхъ своихъ дарованій. Особенно оскорбились этимъ литераторы, которые искусственно составили себѣ извѣстность, даже что-то похожее на славу—пріятельскими похвалами и общественными связями, или пользовались общею снисходительностью единственно за то, что были почтенные, добрые люди, хотя и плохіе писатели. Такъ, напримѣръ, разсердился добрый и благородный Сергѣй Ник. Глинка за отзывъ о его «Русской исторіи», которую издатель «Московского Телеграфа» признавалъ не только плохою, но искажающею событія и потому вредною для науки. Встревожились и многіе другіе, почтенные старички и молодые стихотворцы. «Это

что за выскочка?»—возопили многіе. Да какое онъ имѣеть право судить о писателяхъ, которые пользуются общимъ уваженіемъ? Неужели онъ умнѣе другихъ?» Такovy обыкновенные возгласы посредственности или незаслуженной славы, когда ихъ начинаютъ разоблачать. Всѣмъ задѣтымъ и даже слегка затронутымъ казалась непостижимою дерзость журналиста, между тѣмъ, какъ публика тотчасъ выразила свое сочувствіе за искренность, съ какою высказывалъ онъ свои мнѣнія, согласныя съ ея убѣжденіями. Она тотчасъ одобрила и полюбила журналиста, который вполне понималъ и исполнялъ свою обязанность. Съ свойственнымъ ей чутьемъ, публика сознавала, что журналъ не лицо, и что литераторы, участвующіе въ немъ, должны выражать мнѣнія независимыя, распространять, защищать истину. Тѣмъ больше благодарствовала она журналу, чѣмъ дѣятельнѣе, сильнѣе обличалъ онъ злоупотребленія, укоренившіяся въ литературѣ, чѣмъ независимѣе высказывалъ свои мысли о всѣхъ современныхъ предметахъ. Она смотрѣла не на лицо журналиста, а на мнѣнія журнала, которыя были отголоскомъ мнѣнія большинства, ибо журналъ можетъ имѣть успѣхъ только тогда, когда служитъ органомъ мнѣній, убѣжденій и направленія публики, или, по крайней мѣрѣ, образованной части ея. Счастливъ журналистъ, если онъ не раздѣляетъ убѣжденій публики испорченной, падающей нравственно въ тѣ несчастныя эпохи, когда мѣсто здравыхъ ученій заступаютъ ученія матеріальныя, угождающія только современнымъ страстямъ и увлеченіямъ! Къ счастью, «Московскій Телеграфъ» начался въ ту прекрасную эпоху, когда еще свѣжи были воспоминанія о побѣдѣ Россіи надъ Наполеономъ, то есть — блага и независимости надъ зломъ и тиранствомъ; когда еще здравствовали и дѣйствовали почти всѣ благородные участники этой борьбы, великой и вѣчно-памятной не только побѣдою надъ матеріальной силой, но и побѣдой возвышенныхъ идей свободы надъ деспотизмомъ, идей независимости и достоинства человѣческаго, воскресшихъ послѣ паденія Наполеона. Въ то же время на Западѣ происходила борьба романтиковъ съ классиками, и возвышенной трансцендентальной философіи съ грубымъ ученіемъ матеріалистовъ и эмпириковъ; падали вѣковые авторитеты; блистательная слава нѣсколькихъ гениальныхъ писателей обращала вниманіе всѣхъ на новое направленіе искусства; во всемъ кипѣла, всюду пробивалась наружу сила, жизнь, независимость!.. Знакомый съ этимъ новымъ направленіемъ, пылкій, смѣлый Полевой съ увлеченіемъ пустился впередъ новымъ путемъ, тѣмъ самымъ, которымъ слѣдовала вся обновлявшаяся Европа. Онъ явился въ свое время первымъ, истинно современнымъ въ Россіи писателемъ, и журналъ его сдѣлался отголоскомъ многихъ, прежде неслыханныхъ мнѣній. Онъ опирался на мнѣніе большинства въ публикѣ: въ этомъ заключалось его

право выражать свои мнѣнія независимо отъ личностей, въ этомъ было и могущество его. Это давно составляетъ общепринятыя убѣжденія въ литературахъ образованныхъ; но когда Н. А. Полевой началъ дѣйствовать такимъ образомъ въ нашей литературѣ, то съ нимъ не могли ни согласиться, ни помириться люди отсталые, или тѣ, которые пользовались запоздалыми злоупотребленіями. Они вооружились именно противъ лица, противъ самого журналиста, и знаете ли, повѣрите ли, если не знаете вы, читатель, на что прежде всего начали нападать? На общественное званіе обвиняемаго!.. Начали повторять и язвительно насмѣхаться, что купецъ сдѣлался журналистомъ!.. Противникамъ Полеваго хотѣлось — выходить такъ! — увѣрить публику, что надобно непременно быть чиновникомъ, чтобы имѣть умъ и дарованіе; имъ казалось, можетъ быть, что купецъ не можетъ ничему выучиться, не можетъ образоваться, а тѣмъ меньше опередить другихъ въ образованности, какъ началъ это доказывать своимъ примѣромъ Полевой.

Противники его, да и публика, не знали, однако же, что не всѣ критическія статьи «Московского Телеграфа» были писаны самимъ издателемъ. Особенно въ первое время, онъ, еще не вполне увѣренный въ своей литературной опытности, отдавалъ свои критическія статьи на пересмотръ князю Вяземскому. Нѣкоторыя, съ начала до конца, были написаны княземъ; нѣкоторыя онъ передѣлывалъ почти совершенно. Такъ была составлена статья о «Русской Таліи», изданной на 1825-й годъ Э. В. Булгаринымъ. Помню, что братъ мой написалъ легонькую статью объ этомъ сборникѣ, почти все одобряя въ немъ, и послалъ свою статью на пересмотръ къ князю Вяземскому. Тотъ возвратилъ ее, исписавъ замѣчаніями цѣлый листъ (своимъ уставнымъ почеркомъ, самымъ оригинальнымъ, какой мнѣ случалось видѣть), и при этомъ прислалъ еще слѣдующую записку:

«Возвращаю вамъ съ благодарностію вашу статью о Русской Таліи. Признаюсь, что мы разнимся въ мнѣніи о ней. Я накидалъ на бумагу главныя мысли, которыя служили бы основою моей рецензіи, если былъ бы расположенъ теперь писать. Предоставляю ихъ на ваше разсмотрѣніе и произволь вашъ, если хотите ими воспользоваться. Впрочемъ, онѣ могутъ пойти во вторую статью, если хотите оставить первую; но, и оставляя ее, кажется, нужно будетъ обратить вамъ вниманіе на нѣкоторыя мѣста, замѣченныя мною и требующія исправленія. Скажу откровенно, что вашъ разборъ написанъ слишкомъ лѣнливою рукою; надобно добратся до живаго и запустить руку далѣе: тогда доищешься истины и будетъ о чемъ поговорить. А поверхностное исчисленіе поверхностныхъ погрѣшностей ни къ чему не ведетъ.

«Уважаая васъ и зная вашъ образъ мыслей, не имѣю нужды въ извиненіи за мою искренность; вы, вѣрно, если и не согласи-

тесъ со мною, то на нее не подосадуете. Примите увѣреніе въ моей совершенной преданности. «Вяземскій».

Ничѣмъ нельзя было такъ затронуть моего брата, какъ намекомъ, что онъ уклоняется отъ обязанности журналиста. Онъ вмѣстилъ въ свой разборъ всѣ замѣчанія князя Вяземскаго. Эта статья чрезвычайно раздражила многихъ, а едва ли не больше всѣхъ самого издателя Талія, который вообще былъ недоволенъ тономъ новаго журнала. Упоминаю объ этомъ случаѣ, весьма важномъ не только въ исторіи «Московскаго Телеграфа», но и въ жизни Николая Алексѣевича Полеваго, потому что загорѣвшаяся послѣ этого литературная война имѣла вліяніе на многія его отношенія.

Непріязненное столкновеніе, даже съ людьми, которыхъ мы не можемъ любить или уважать, — всегда прискорбно; гораздо прискорбнѣе оно, когда невольнымъ образомъ увлекаемся въ распрю съ тѣми, кто долго былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ нами. Братъ мой въ то время почиталъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ событій въ жизни своей дружественное сближеніе свое съ г. Гречемъ, потому что привыкъ уважать его, дорожить его мнѣніемъ еще съ тѣхъ поръ, когда въ Курскѣ, съ такою жадностью и съ пользою читалъ «Сынъ Отечества», а въ немъ особенно критическія статьи и замѣчанія самого издателя ¹⁾. Окончательное охлажденіе Николая Алексѣевича къ Каченовскому наступило послѣ литературной борьбы этого стараго журналиста съ «Сыномъ Отечества», въ 1821 году, когда право современности, вкуса, литературнаго такта были на сторонѣ петербургскаго журналиста.

Гораздо новѣе было знакомство и сближеніе моего брата съ *Θ. В. Булгаринимъ*; но онъ не могъ не дорожить пріязнью писателя умнаго, который былъ любимцемъ и почти кумиромъ самыхъ блестящихъ петербургскихъ литераторовъ. *Θ. Н. Глинка*, *Гнѣдичъ*, *Баратынскій* писали къ нему поэтическія посланія; издатели «Полярной Звѣзды» были искренними его пріятелями; а плохіе писатели не любили и бранили его, что также признакъ хорошаго.

Послѣ этого объясненія, читатель повѣритъ, что издатель «Московскаго Телеграфа» не думалъ и не желалъ входить въ распрю съ двумя литераторами, которыхъ мнѣніе было ему дорого.

По выходѣ первой книжки «Московскаго Телеграфа», въ «Сѣверной Пчелѣ» явился намекъ на журналиста, который умѣетъ

¹⁾ Г. Грець, въ краткихъ библиографическихъ замѣткахъ «Сына Отечества», иногда нѣсколькими словами умѣлъ сказать болѣе, нежели другіе много-шумящими и широко-вѣщательными рецензіями. Остроумный Марлинскій справедливо напечаталъ о немъ (въ «Полярной Звѣздѣ» 1823 года): «На пламени его критической лампы не одинъ литературный трутень опалилъ себѣ крылья». Въ самомъ дѣлѣ!.. Напримѣръ, когда вышелъ въ свѣтъ *Филоктетъ*, въ русскомъ переводѣ С. Т. Аксакова, Н. И. Грець выписалъ заглавіе его, и подъ нимъ написалъ только поль-стиха подлинника:

Philoctète, est-ce vous?..

составлять идеалъ хорошаго журнала, но не умѣеть осуществлять его. Были и другіе несомнѣнные признаки неудовольствія «Сѣверной Пчелы» на «Московскій Телеграфъ», гдѣ между тѣмъ была напечатана статья о Русской Таліи. Братъ мой писалъ въ то же время къ Н. И. Гречу, что журнальныя несогласія не должны прекращать ихъ дружественныхъ отношеній. Г. Гречъ тотчасъ отвѣчалъ, что самъ желаетъ этого, но что его товарищъ сильно раздраженъ какими-то намеками «Московского Телеграфа» на его сочиненія, и еще больше замѣчаніями на «Горе отъ ума», изъ котораго отрывокъ былъ напечатанъ въ «Русской Таліи». Послѣ этого тотчасъ началась журнальная перестрѣлка, вскорѣ обратившаяся въ непрерывную канонаду между «Московскимъ Телеграфомъ» и тремя изданіями гг. Греча и Булгарина. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не бывало въ русскихъ журналахъ подобной войны, въ которой принимали участіе очень многіе литераторы. Заспорили о мнѣніяхъ касательно разныхъ предметовъ, но вскорѣ полемика обратилась просто во взаимныя перебранки и обличенія! Въ чемъ не обличали тутъ другъ друга? Между прочимъ, да и большею частію, упрекали другъ друга въ незнаніи самыхъ пошлыхъ, ученическихъ мелочей!.. «На брань слово купится»,—говоритъ русская пословица, и тутъ оправдалась она вполнѣ. Перечитывая теперь эту полемику, нельзя не дивиться, откуда брали охоту и терпѣніе спорившіе!.. Но такъ способенъ былъ каждый изъ насъ увлекаться.

Не думаю, чтобы эта литературная война лучшихъ тогда періодическихъ изданій, продолжавшаяся почти три года, была полезна русской литературѣ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что она была чрезвычайно вредна издателю «Московского Телеграфа». Силы его были неравны съ силами противниковъ. Ратоборцами со стороны «Московского Телеграфа» были: самъ издатель его и долго бывший вѣрнымъ союзу съ нимъ князь Вяземскій, да я. На сторонѣ противниковъ были всѣ друзья Греча и Булгарина, участвовавшіе и не участвовавшіе въ ихъ журналахъ, то есть цѣлая армія писателей, изъ которыхъ многіе были замѣчательны дарованіемъ, остроуміемъ или специальными свѣдѣніями, отчего стрѣлы ихъ были иногда очень язвительны для «Московского Телеграфа». Къ даровитымъ противникамъ присоединялись и разные обиженные новымъ журналомъ писатели и стихотворцы, петербургскіе и московскіе, которымъ, кромѣ того, были настежь отверсты двери и въ «Вѣстникѣ Европы», и въ «Дамскомъ Журналѣ», и въ «Благонамѣренномъ»! Изъ нихъ также была открыта непрерывная пальба противъ «Московского Телеграфа», хотя и не очень опасная для него. Другихъ журналовъ, собственно литературныхъ, не было. Смирненныя «Отечественныя Записки» Свинына сами подвергались тяж-

кимъ ударамъ «Пчелы», и только отмалчивались. Бездушный Воековъ похвалявалъ «Московскій Телеграфъ», но его отвратительныя хвалы можно было почитать обидою, потому что онъ хвалилъ и бранилъ обыкновенно изъ какихъ нибудь корыстныхъ видовъ, и какъ увидимъ впоследствии, сдѣлался отчаяннымъ поносителемъ «Московского Телеграфа» и его издателя. Въ «Вѣстникѣ Европы» съ шумомъ и торжественными кликами возстали прежніе противники князя Вяземскаго, зная, что онъ одушевляетъ «Московскій Телеграфъ», а самъ Каченовскій унижался до пошлой, непозволительной брани. Отъ лѣности онъ не могъ написать ничего дѣльнаго, ни одной даже полемической статьи, и ограничивался площаднымъ глумленіемъ. Такъ, однажды, онъ напечаталъ въ своемъ «Вѣстникѣ», что въ Москвѣ выкинуть или поднять телеграфъ на храмъ Бахуса. Въ объясненіе этого благороднаго намека надобно сказать, что въ томъ же домѣ, гдѣ мы жили съ братомъ, на заднемъ дворѣ, выходявшемъ на другую улицу, помѣщался водочный заводъ, наслѣдованный нами послѣ отца. Вотъ до чего доходили противники «Московского Телеграфа»!

Такимъ образомъ, выступивъ на защиту здравыхъ мнѣній, новыхъ понятій и вѣчныхъ истинъ образованности, просвѣщенія, литературы, Николай Алексѣевичъ подвергся насмѣшкамъ, обвиненіямъ, брани, какъ человекъ. Мало того, что, подмѣчая каждую его ошибку, описку, промахъ, выводили изъ этого, въ самыхъ подробныхъ комментаріяхъ, что онъ не знаетъ ни русскаго, ни иностранныхъ языковъ, не имѣетъ ни о чемъ свѣдѣній образованнаго человѣка, — мало того, что обвиняли его въ хвастливомъ невѣжествѣ, въ дерзкомъ и неумѣстномъ желаніи учить всѣхъ, не зная ничего, — его обвиняли, какъ шарлатана, какъ человѣка дурнаго общества, который всѣмъ жертвуетъ корыстолюбивымъ видамъ. Все это писали и печатали въ такомъ дерзкомъ тонѣ, что едва ли можно отзываться подобнымъ образомъ даже о человѣкѣ, недостойномъ и той наружной вѣжливости, которая всегда сохраняется въ сношеніяхъ людей, сколько нибудь образованныхъ.

Какъ могъ обыкновенный литературный споръ обратиться въ такое грубое состязаніе? Дѣйствию взаимнаго самолюбія. Оно можетъ увлечь, незамѣтно — и далеко. Этимъ невольнымъ увлеченіемъ главныхъ противниковъ радостно воспользовались бездарные писатели и разные литературные фокусники и шарлатаны, которыхъ всегда преслѣдовалъ Н. А., и не переставалъ преслѣдовать потомъ до конца своей жизни. При обыкновенномъ направленіи и обычномъ ходѣ журналовъ, всякій критическій разборъ предоставляется окончательному рѣшенію публики, и хотя самолюбіе обиженнаго бываетъ столько же раздражено, однако молчитъ отъ боязни, что отповѣдь съ его стороны заслужитъ новое осужденіе, да и не найдетъ себѣ мѣста нигдѣ. Но тутъ открытъ былъ въ нѣсколькихъ

журналахъ свободный доступъ всѣмъ желавшимъ ратовать противъ «Московского Телеграфа».

Знаете ли, кто раздражительнѣе всѣхъ на свѣтѣ и кто не умѣетъ прощать обиды? Авторъ, задѣтый въ своемъ самолюбіи. Говорю это на основаніи безчисленныхъ примѣровъ, мною самимъ видѣнныхъ, и вполне подтверждаю слова покойнаго брата моего, который очень вѣрно выражался, не разъ такъ разсуждая объ этомъ предметѣ: «Назовите самаго плохаго стихотворца великимъ поэтомъ, сравните его съ Пушкинымъ, съ Байрономъ — какъ вы думаете: поморщится онъ? Нимало!.. Развѣ, изъ наружной скромности, но съ улыбкою счастья, онъ возразитъ: «Нѣтъ, ужъ вы слишкомъ... снисходительны, добры, слишкомъ ободряете мое слабое дарованіе»... А въ душѣ будетъ совершенно согласенъ съ вами и не подумаетъ сомнѣваться въ вашей искренности. Но замѣтте тому же плохому стихотворцу, что онъ не вездѣ соблюдаетъ правила версификаціи, не вездѣ показываетъ истинное вдохновеніе; замѣтте хвастливому компилятору, что онъ не совсѣмъ владѣетъ языкомъ (попросту: не знаетъ грамоты русской), что онъ не вездѣ вѣрно представляетъ событія, и что книга его мало похожа на образцовыя произведенія, — онъ придетъ въ неистовство и, не смѣя выпарпать вамъ глазъ, сдѣлается навсегда вашимъ врагомъ, будетъ обвинять васъ публично въ пристрастіи, въ ненависти къ дарованіямъ, въ невѣжествѣ, въ дерзости, пожалуй, даже въ неблагонамѣренности». И не подумайте, чтобы самолюбивые писатели были дурные сердцемъ или глупые люди: отнюдь нѣтъ! Это люди такіе же, какъ всѣ (кромѣ немногихъ исключеній къ лучшему или къ худшему). Но если вы увѣрены столько же, какъ я, въ раздражительности авторскаго самолюбія, то скажите: могли ли раздраженные писатели согласиться, что имъ говорилъ правду издатель «Московского Телеграфа», и могли ли они не возражать ему, не колотъ, не бранить его, когда это сдѣлалось такъ легко? Всякая выходка, всякая грубая, пошлая насмѣшка могла быть напечатана, и вопли самолюбія, въ другое время задушаемые осторожностью, непрерывно раздавались въ петербургскихъ и московскихъ журналахъ. Кажется, истощено было все, чтобы унижить, осмѣять, затоптать въ грязь издателя «Московского Телеграфа».

Если такъ дѣйствовали противъ него печатно, то можно представить себѣ, что говорилось при томъ въ обществѣ, особливо тамъ, гдѣ имѣли какое нибудь значеніе обиженные писатели!..

Должно удивляться не бурѣ, вызванной «Московскимъ Телеграфомъ», а противодѣйствию этого журнала подобной бурѣ. Достоинства и сила его заключались въ благородномъ, живомъ, современномъ направленіи, и, видно, что эти достоинства были такъ очевидны, что, не смотря на шумъ противниковъ, не смотря и на многіе недостатки и частныя промахи журнала, онъ заслужилъ общее

одобрение. Въ этомъ сознаются теперь сами противники «Московского Телеграфа», которые еще остаются въ живыхъ. Для насъ участниковъ въ немъ, общее одобрение видно было изъ многихъ личныхъ и письменныхъ отзывовъ людей, стоявшихъ во главѣ общественнаго мнѣнія и не имѣвшихъ повода лстать издателя. Послѣ выхода первыхъ книжекъ «Московского Телеграфа», знаменитый Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, тогда патріархъ русской литературы, написалъ къ Николаю Алексѣвичу письмо, гдѣ благодарилъ его за прекрасный его журналъ, указывая на статьи, которыя особенно ему нравились. Какъ бы въ доказательство, что онъ судилъ безпристрастно, заслуженный поэтъ замѣтилъ немногія бездѣлицы, которыхъ, по его мнѣнію, надлежало избѣгать. Помню, что онъ указалъ на слова, несвойственно употребленныя, а именно на слово: остроты, которое (писалъ онъ) можетъ означать во множественномъ числѣ только вещественныя или химическія остроты: на слова: шотландскіе горцы, замѣчая, что мы привыкли означать именемъ горцевъ только полудикія орды Кавказа. Не сужу, справедливъ ли былъ Дмитріевъ, но это показываетъ, что онъ внимательно читалъ «Московский Телеграфъ», и, прибавлю, что всегда потомъ онъ оставался въ пріязни съ Николаемъ Алексѣвичемъ и дорожилъ его мнѣніями. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей, бывшіе впоследствии извѣстными учеными или писателями, сдѣлались рѣшительными энтузіастами «Московского Телеграфа». Большая часть прежнихъ литераторовъ выражали одобрение и желали знакомства съ издателемъ.

Особенно пріятно было Николаю Алексѣвичу получить, въ началѣ лѣта 1825 года, письмо отъ А. С. Пушкина, который жилъ тогда безвыѣздно въ своей Псковской деревнѣ. Пушкинъ писалъ въ этомъ письмѣ, что «Московский Телеграфъ несомнѣнно лучшій русскій журналъ» и что онъ готовъ, чѣмъ можетъ, участвовать въ немъ. Вскорѣ прислалъ онъ нѣсколько своихъ стихотвореній и двѣ первыя свои статьи въ прозѣ, для напечатанія въ «Телеграфѣ». такъ что въ этомъ журналѣ русская публика познакомилась съ прозою Пушкина. Одна изъ прозаическихъ статей его была: «О предисловіи Лемонте къ французскому переводу басенъ Крылова»; другая о г-жѣ Сталь, въ возраженіе статьѣ, напечатанной въ «Сынѣ Отечества» Александромъ Михайловичемъ Мухановымъ. Пушкинъ прислалъ свои статьи къ издателю «Московского Телеграфа» безъ всякаго посредничества, слѣдовательно по личному убѣжденію признавалъ журналъ его достойнымъ своего участія. Это чрезвычайно обрадовало насъ, и придало силъ къ продолженію борьбы съ безчисленными противниками. Кстати, вотъ замѣтка для исторіи литературы русской. Въ числѣ присланныхъ Пушкинымъ стихотвореній находилось его *Ex ungue leonem*. Оно не можетъ быть понятно тѣмъ, кто не знаетъ, по какому поводу написалъ его Пуш-

Синь. Въ первыхъ книжкахъ «Московского Телеграфа» были напечатаны небольшія его стихотворенія, вытребованныя у него княземъ Вяземскимъ для новаго журнала, въ которомъ готовился онъ ревностно участвовать. Видно, у Пушкина не было ничего наготовѣ, и онъ, не желая отказать уважаемому имъ другу, прислалъ «Телѣгу жизни», поручивъ ему же передѣлать въ ней два-три лишкомъ выразительные стиха (она и напечатана съ передѣлкою князя Вяземскаго). Пушкинъ прислалъ тогда же еще два-три маленькія стихотворенія. Одно изъ нихъ, напечатанное безъ полной подписи (кажется, по желанію самого поэта), отличалось только силою Пушкинскихъ стиховъ:

Враги мои! покажѣсь, я ни слова,
И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ,
И выберу когда нибудь любовь:
Не избѣжить пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданный, безпощадный!
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожить индѣекъ и гусей.

Между тѣмъ, съ «Московскимъ Телеграфомъ» повторялась басня: Умирающій левъ. Всѣ породы безсильныхъ стали нападать на него, всѣ онѣ почитали какъ за долгъ лягнуть его. Это очень неудачно выполнилъ Александръ Ефимовичъ Измайловъ, издававшій тогда журналъ «Благонамѣренный». Измайловъ былъ, какъ говорятъ, разгульный добрякъ, и этотъ же характеръ выражался въ его журналѣ. Я не зналъ А. Е. Измайлова лично, но знаю, что «Басни» его показываютъ нѣкоторое искусство владѣть русскимъ языкомъ, при совершенномъ отсутствіи образованнаго вкуса. Къ несчастію, онъ увлекся этимъ постепенно до того, что злой Воейковъ вѣрно изобразилъ характеръ его сочиненій, говоря о Измайловѣ (въ своемъ Домѣ сумашедшихъ):

Вотъ Измайловъ, авторъ басень,
Одъ, посланій, эпиграммъ;
Онъ бормочетъ: «Я согласенъ,
Я писатель не для дамъ;
Я люблю носы съ уграми,
Хожу съ музою въ трактиръ,
Вмѣ кру тамъ, лукъ съ сельдами;
Міръ кварталныхъ есть мой міръ!»

Какъ будто въ подтвержденіе этого, онъ наконецъ принялъ тонъ забавника, шутника, любезника въ обществѣ людей пятнадцатаго класса, какъ выразился о немъ тотъ же Воейковъ въ печатной статьѣ. Измайловъ безпрестанно шутилъ и гаерствовалъ въ своемъ «Благонамѣренномъ», упоминалъ о пѣнникѣ, о настойкѣ, о расстегайчикахъ, о трактирѣ и тому подобныхъ неблагоуханныхъ предметахъ. Издавая свой журналъ неисправно, онъ опоздалъ од-

нажды слишкомъ много выдачею книжекъ, и какъ это случилось около Святой недѣли, то въ выпедшей затѣмъ первой книжкѣ онъ извинялся передъ публикой своимъ шутливымъ тономъ, и тутъ же прибавилъ о себѣ:

Какъ русскій человекъ на праздникахъ гуляеть:
Забылъ жену, дѣтей, не только что журналъ!

Пушкинъ упоминаетъ (въ своихъ замѣткахъ) объ этой неслыханной откровенности. Онъ всегда съ презрѣніемъ отзывался о тонѣ сочиненій А. Измайлова, и даже въ своемъ «Огѣнгѣ» сказалъ:

Я знаю: дамъ хотять заставить
Читать порусски; право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ Благонамѣреннымъ въ рукахъ?

На бѣду свою, «Благонамѣренный», по примѣру другихъ, потому что инаго повода не было, вздумалъ подсмѣяться надъ «Московскимъ Телеграфомъ», и выбралъ предметомъ насмѣшки стихотвореніе Пушкина: «Враги мои» и проч. Обыкновеннымъ своимъ тономъ онъ говорилъ: «У сочинителя есть и когти: у, какъ страшно!» Пушкинъ, видно, вспыхнулъ, прочитавъ эту пошлую насмѣшку, и тотчасъ прилетѣло къ намъ, по почтѣ, собственною рукою его написанное:

Ex ungue leonem.

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ въ свѣтъ безъ подписи своей;
Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ
И въ свѣтъ пустилъ безъ подписи жъ, злодѣй!
Но, что жъ? ни мѣй, ни площадному шуту,
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ!

Это окончательно сдѣлало Благонамѣренный неблагонамѣреннымъ въ отношеніи къ «Московскому Телеграфу» — по милости Пушкина.

Такъ начались прямыя сношенія Пушкина съ «Московскимъ Телеграфомъ». Они обѣщали прочное знакомство: дайте увидимъ, отчего не могло это исполниться.

До половины 1825 года, «Московскій Телеграфъ» не отвѣчалъ на безчисленныя нападенія, какими сопровождалось появленіе каждой его книжки. Онъ только неуклонно продолжалъ дѣйствовать по своему направленію, преслѣдовалъ бездарность и обличалъ застой и разныя злоупотребленія въ литературѣ.

Постоянныхъ сотрудниковъ и участниковъ въ немъ было много. Главнымъ одушевителемъ редакціи сдѣлался князь Вяземскій. Не умѣю назвать точнѣе участія его въ «Московскомъ Телеграфѣ». Онъ не могъ поддерживать журналъ одними своими статьями, хотя все, что писалъ онъ въ немъ, было озаглавлено

блестящими мыслями и оригинальнымъ выраженіемъ. Статьи его служили украшеніемъ «Московского Телеграфа». Но гораздо больше способствовалъ онъ издателю ободреніемъ его къ той благородной дѣятельности, или, вѣрнѣе, борьбѣ, на которую Николай Алексѣевичъ выступилъ съ пылкостью и неопытностью молодаго писателя. Участіе князя Вяземскаго придавало также авторитетъ журналу, въ которомъ онъ являлся сотрудникомъ, и было важно совѣтами этого истинно европейскаго литератора, искренно желавшаго водворить въ русской журналистикѣ взгляды и критику, достойныя современнаго просвѣщенія.

Но князь Вяземскій участвовалъ въ «Московскомъ Телеграфѣ», какъ любитель-художникъ участвуетъ въ концертѣ, устроенномъ съ доброю цѣлю молодыми людьми, достойными ободренія.

Вся главная работа лежала на самомъ издателѣ. Онъ избиралъ статьи, отыскивалъ матеріалы для каждой изъ нихъ, съ удивительнымъ тактомъ отырывалъ современность предметовъ для содержанія каждой книжки, и самъ больше всѣхъ работалъ, то есть слѣдилъ за всѣми явленіями иностранной и русской литературы, находилъ время прочитывать все, извлекалъ, переводилъ, писалъ неутомимо. Неудивительно, что при этомъ онъ дѣлалъ промахи и ошибался; надобно удивляться тому, какъ мало было промаховъ и ошибокъ при такихъ усиленныхъ занятіяхъ, и какъ многое было современно, живо, хорошо!.. Года черезъ три потомъ, Пушкинъ, разговаривая со мной о знакомомъ уже ему издателѣ «Московского Телеграфа», сказалъ, между прочимъ: «Я дивлюсь, какъ этотъ человѣкъ попадаетъ именно на то, что можетъ быть интересно!» Въ самомъ дѣлѣ, у Николая Алексѣевича былъ удивительный даръ въ этомъ отношеніи; а такой даръ проницательности — первое, главное качество журналиста. Читатель не останавливается на мелочныхъ недостаткахъ изложенія, когда самый предметъ увлекаетъ его, и такимъ-то образомъ объясняется успѣхъ «Московского Телеграфа», который былъ первымъ истиннымъ журналомъ въ нашей литературѣ. Эта заслуга неоспоримо принадлежитъ Н. А. Полевому.

Ближайшимъ сотрудникомъ его былъ я. Говорю это потому, что здѣсь нельзя не сказать того, что было. Съ одушевленіемъ, усердно и ревностно трудился я во все время, покуда «Московский Телеграфъ» былъ издаваемъ моимъ братомъ. Какъ вѣрный съ самаго дѣтства товарищъ его во всемъ, не раздѣлявшій своей жизни отъ его жизни, съ полнымъ убѣжденіемъ, что иначе и быть не можетъ, участвовалъ я во всѣхъ трудахъ его по журналу. Живя въ одномъ домѣ, иногда работая въ одной комнатѣ, мы помогали другъ другу, критиковали другъ друга, заботились о совершенствѣ юношескихъ нашихъ трудовъ, раздѣляли работы свои и нерѣдко спорили, не соглашались даже въ мнѣніяхъ, потому что были раз-

личные по характеру, по нѣкоторымъ убѣжденіямъ, а между тѣмъ искренно желали другъ другу совершенства. Напримѣръ, мнѣ казалось тогда, что Николай Алексѣевичъ слишкомъ смѣло принималъ на себя многое, не довольно заботился о совершенствѣ, объ отдѣлкѣ каждаго труда, не довольно обращалъ вниманія на языкъ, имѣлъ нѣкоторыя пристрастія, нѣкоторыя предубѣжденія, и, какъ выражался нашъ отецъ, иногда залеталъ за облака. Впрочемъ, я покорялся его авторитету въ общемъ направленіи журнала; но занятія сами собою раздѣлялись между нами. Я тогда съ особенною ревностью старался усовершенствовать себя въ знаніи иностранныхъ языковъ, читалъ, изучалъ великихъ писателей; исторія вообще и военная въ особенности была съ малолѣтства моею страстью; теорія и исторія искусствъ — также; по всѣмъ этимъ предметамъ я писалъ и переводилъ для нашего журнала. Въ переводахъ и въ чтеніи корректуры, Н. А. былъ всегда небреженъ и охотно предоставлялъ ихъ мнѣ; впоследствии даже отдавалъ свои рукописи и корректуры для пересмотра, говоря при томъ съ веселымъ смѣхомъ: «Ну, что скажешь ты, glaneur? каково? худо вычитано?» Вообще, я принималъ самое дѣятельное участіе въ редакціи «Московского Телеграфа», хотя объ этомъ знали только ближайшіе къ намъ знакомые. Я не только не думалъ выставить своихъ трудовъ, но, почти какъ Мольеровъ Г. Журденъ, удивился бы, если бъ кто сказалъ мнѣ тогда, что я занимаюсь литературой: я думалъ только помогать моему брату, желалъ только, чтобы журналъ его былъ хорошъ, и увлекался только трудомъ, не помышляя ни о какихъ самолюбивыхъ цѣляхъ.

Еще былъ одинъ постоянный и очень полезный сотрудникъ въ «Московскомъ Телеграфѣ», хотя имя его неизвѣстно въ литературѣ, и я даже не знаю, что съ нимъ сдѣлалось потомъ. Это былъ Аверниръ Ивановичъ Красовскій, тогда очень молодой человекъ, необыкновенно ученый, дѣльный и притомъ скромный, какъ красная дѣвица. Званіемъ онъ былъ медикъ, и хотя блестящимъ образомъ кончилъ курсъ медицинскихъ наукъ, однако не занимался практикой. Кажется, у него было мало средствъ къ существованію, а онъ уже былъ женатъ по любви, на молоденькой женщинѣ, необыкновенно умной, образованной, бывшей потомъ предметомъ идеальной любви поэта Мицкевича. А. И. Красовскій зналъ древніе языки и притомъ французскій, нѣмецкій, англійскій, польскій — превосходно. Почти не было предмета, въ которомъ не имѣлъ бы онъ основательныхъ познаній. Такой человекъ былъ бы драгоцененъ для журнала, если бы притомъ онъ обладалъ литературнымъ дарованіемъ. Но А. И. Красовскій, умный, свѣдущій и хорошо знавшій русскій языкъ, былъ способенъ только для переводовъ: самъ онъ почти ничего не писалъ и, такъ сказать, не умѣлъ давать простора своему уму. Все, писанное имъ, выходило какъ-то

сухо, нелитературно. У насъ и до сихъ поръ еще не совѣтъ понимаютъ, что не всякій умный, образованный, даже ученый человекъ способенъ быть литераторомъ; писательское дарованіе не приобрѣтается, но только совершенствуется трудомъ и учениемъ. Его, какъ и дарованіе поэта, даетъ Богъ. Можно знать и усвоить себѣ всѣ правила словесности, а, всетаки, не быть литераторомъ. Поэтому-то и А. И. Красовскій занимался только переводами ученыхъ статей для «Московского Телеграфа».

Къ числу постоянныхъ сотрудниковъ «Московского Телеграфа», въ первые годы его, можно причислить также Михаила Александровича Максимовича, который нѣсколько лѣтъ писалъ статьи для него по своей части. Надобно объяснить, какая была его часть, и встать познакомить читателя съ этимъ сотрудникомъ «Московского Телеграфа», тѣмъ болѣе, что г. Максимовичъ долго былъ въ самыхъ близкихъ, пріявенныхъ сношеніяхъ съ моимъ братомъ, а потомъ сдѣлался непріателемъ его—увидимъ далѣе какимъ образомъ.

Когда В. Ѡ. Тимковскій поручилъ вниманію брата моего обоихъ своихъ племянниковъ, учившихся въ Московскомъ университетѣ, одинъ изъ нихъ, М. А. Максимовичъ, началъ посѣщать насъ, показалъ себя скромнымъ, трудолюбивымъ юношею, и вскорѣ сдѣлался домашнимъ человекомъ въ нашемъ домѣ, такъ что, наконецъ, проводилъ цѣлыя дни и иногда ночевалъ у насъ. Это началось съ 1822 года. Онъ былъ довольно оригиналенъ своимъ малороссійскимъ юморомъ и страстью къ ботаникѣ, которою занимался почти исключительно. Еще бывши студентомъ, онъ пописывалъ ботаническія статьи въ «Магазинѣ Естественныхъ Наукъ» Двигубскаго, профессора, очень значительнаго въ университетѣ, и любителя ботаники. Тогдашній профессоръ ботаники въ университетѣ, Гофманъ, почтенный старичекъ въ рыжемъ паричкѣ, также оказывалъ благосклонность молодому ученику своему, конечно, за его дѣльныя занятія общею для нихъ наукою. Въ нашемъ кругу всѣ близкіе знакомые любили шутить съ М. А. Максимовичемъ, даже подсмѣивались надъ любимыми его занятіями, потому что онъ пресмѣшно рассказывалъ о нихъ, иногда вставляя латинскія слова въ свои рассказы. Когда онъ былъ уже домашнимъ человекомъ у насъ, Николай Алексѣевичъ называлъ его не иначе, какъ Dominus, а встрѣчалъ обыкновенно какуюнибудь латинскую фразу. Всѣ другіе, близкіе знакомые нашего круга, также называли его Dominus. Но, шутя и балагурия, юноша Dominus сдѣлался кандидатомъ и потомъ магистромъ естественныхъ наукъ, не переставалъ пописывать и, когда началось изданіе «Московского Телеграфа», онъ принялъ на себя составленіе статей по естествознанію. Это было исключительною его частью въ «Московскомъ Телеграфѣ», потому что въ то время онъ и не думалъ заниматься сло-

вѣстностью собственно. Слабое зрѣніе и незнаніе иностранныхъ языковъ мѣшали ему читать; притомъ, онъ былъ страшный лѣнтяй и всегда казался дремлющимъ; но вмѣстѣ всего онъ обладалъ удивительно смѣтливостью, умѣлъ спрашивать, слушать и, такъ сказать, учился изъ разговоровъ. Когда многіе тогдашніе молодые люди читали, изучали нѣмецкихъ философовъ, онъ не читалъ ни (да и не могъ читать), но слушалъ сужденія и объясненія профессора Павлова и всей фаланги его послѣдователей, съ которыми былъ знакомъ почти со всѣми. Словомъ, онъ вполне воспользовался правиломъ древней мудрости: «Кто говоритъ, тотъ сѣетъ, кто слушаетъ, тотъ собираетъ». Отличаясь въ общеніи малороссійскимъ простодушіемъ, онъ чрезвычайно любилъ знакомиться съ людьми самыми противоположными по всѣмъ отношеніямъ, и легко сблизался съ ними, наконецъ, заставлялъ ихъ исполнять свои требованія, даже свои прихоти, и всѣ, смѣясь, дѣлали для него то, что онъ хотѣлъ. При всемъ наружномъ простодушіи, онъ отличался необыкновенною расудительностью, умомъ проникательнымъ, и тѣмъ окончательно привязывалъ къ себѣ. Его небольшія статьи по части естествознанія были очень кстати въ «Московскомъ Телеграфѣ», потому что въ нихъ часто выражались новыя тогда идеи.

Князь В. Ѡ. Одоевскій въ началѣ 1825 года писалъ довольно дѣятельно музыкальныя статьи и юмористическіе очерки для «Московского Телеграфа»; но другія занятія и разныя отношенія отвлекали его отъ постоянного сотрудничества въ нашемъ журналѣ. Онъ всегда, и до конца жизни Николая Алексѣевича, остался вѣрнымъ пріязни съ нимъ, но мало писалъ для его журнала.

И вотъ я исчислилъ всѣхъ, кого можно было назвать больше или меньше постоянными сотрудниками «Московского Телеграфа» въ первый годъ его существованія. Иногда присылались еще къ намъ забѣглыя статьи извѣстныхъ литераторовъ, не поладившихъ съ тѣми журналами, гдѣ были они сотрудниками; но такихъ статей было немного. Редакція могла надѣяться только на собственныя свои силы.

К. Полевой.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СЛОВО ЖИВОЕ О НЕЖИВЫХЪ¹⁾.

(Изъ моихъ воспоминаній).

VIII.

Николай Ивановичъ Надеждинъ. — Знакомство его съ моимъ отцомъ. — Частыя его посѣщенія. — Его совѣтъ относительно нашихъ уроковъ. — Переводъ мною повѣсти Гофмана. — Привязанность моя къ Надеждину. — Впечатлѣнїе, произведенное на меня его ссылкой въ Усть-Сысольскъ. — Возобновленіе знакомства моего съ Надеждинымъ въ Петербургѣ. — Необычайный даръ слова Надеждина. — Поступленіе его на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ. — Николай Филипповичъ Павловъ. — Покровительство Павлова Кокошкинымъ. — Павловъ на казенной сценѣ. — Поступленіе его въ университетъ. — Служебная его дѣятельность при московскомъ генералъ-губернаторѣ. — Его литературная дѣятельность. — Три повѣсти. — Биографія Эванса. — «Чиновникъ» Сологуба. — Павловъ какъ журналистъ. — Его кончина.

Въ 1833—1834 ГОДУ, Чаадаевъ привезъ къ моему отцу Николаю Ивановича Надеждина, который пришелся по душѣ старику и сталъ насъ посѣщать довольно часто, хотя видимо дичился общества.

Надеждинъ, заходившій иногда въ нашу классную комнату, во время уроковъ, обратилъ вниманіе отца на то, что, по его мнѣнію, мы слишкомъ много занимаемся иностранными языками, въ ущербъ языку русскому, и совѣтовалъ усилить для насъ уроки отечественной словесности. Отецъ поблагодарилъ Надеждина и сдѣлалъ распоряженіе по его совѣту.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXVII, стр. 343.

Николаю Ивановичу я понравился какъ мальчикъ довольно прилежный и онъ особенно любовно относился къ моимъ успѣхамъ въ русскомъ языкѣ. Однажды, онъ мнѣ принесъ рассказы Гофмана и далъ мнѣ перевести «Выборъ невѣсты» съ нѣмецкаго подлинника. Я былъ въ восторгѣ отъ этого вниманія ко мнѣ Надеждина и принялся усердно за переводъ. Черезъ нѣсколько времени, Николай Ивановичъ принесъ мнѣ книжку «52 повѣсти», имъ изданную, въ которой я нашелъ мой переводъ. Естественно, что онъ самъ исправилъ и проредактировалъ мою дѣскую работу, но я, одно время, то и дѣло, что любовался на свое твореніе и сталъ себя считать чѣмъ-то въ родѣ литератора.

Съ этой минуты я въ Надеждинѣ души не чаялъ и во время его посѣщенія не отходилъ отъ него. Странно сказать, что исторія съ Надеждинымъ и ссылка его въ Усть-Сысольскъ произвела на менѣе удручающее впечатлѣніе, не взирая на мои юныя лѣта. Я не спалъ нѣсколько ночей и возненавидѣлъ виновника несчастья, постигшаго Николая Ивановича, Петра Яковлевича Чаадаева, не скрывая моихъ чувствъ отъ послѣдняго.

Надеждина я увидѣлъ послѣ этого въ 1843 году, въ одинъ изъ прїѣздовъ моихъ въ Петербургъ, когда онъ былъ на службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и занимался изученіемъ скопческой ереси и разработкой матеріаловъ, относящихся до этой секты. Я прислалъ изъ Москвы Николаю Ивановичу нѣсколько рукописныхъ вариантовъ на скопческія гѣсни, которыя приобрѣлъ у Сухаревой башни, на толкучкѣ.

Даръ слова и даръ убѣжденія у Надеждина были необычайны: анализъ его можно было сравнить съ силою остраго ножа, безпощадно уничтожившаго гнилые наросты, не дающіе видѣть настоящую суть предмета, подлежащаго изслѣдованію и обсужденію.

Перовскій, какъ извѣстно, чрезвычайно цѣнилъ и уважалъ Надеждина, который, въ свое время, имѣлъ громадное вліяніе на измѣненіе долго существовавшаго фальшиваго взгляда на раскольническія секты въ Россіи, — взгляда, много повредившаго уничтоженію раскола въ нашемъ отечествѣ.

Отъ Надеждина перехожу къ Николаю Филипповичу Павлову (тоже привезенному въ нашъ домъ Чаадаевымъ), съ которымъ я хорошо сошелся въ 1841—1842 году и остался въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ до самой кончины его.

Николай Филипповичъ Павловъ получилъ первоначальное воспитаніе въ театральномъ училищѣ. Бывшій въ то время директоромъ московскихъ театровъ, Кокоскинъ, особенно полюбилъ Павлова, отличавшагося какъ своей пріятной наружностію, такъ и рѣдкими способностями. Очень часто, по праздникамъ, Кокоскинъ бралъ Павлова къ себѣ въ домъ и, наконецъ (какъ рассказывалъ мнѣ самъ Николай Филипповичъ), требовалъ, чтобы молодой че-

ловѣкъ неотлучно находился въ гостинной, когда у Кожошкина были званые обѣды и вечера. Такимъ образомъ, Павловъ, съ юныхъ лѣтъ, усвоилъ себѣ тѣ изящныя, виѣшнія формы и ту художественную отдѣлку живаго слова, которою отличался всегда разговоръ его.

Первоначально, какъ доказываетъ и мѣсто воспитанія Павлова, онъ предназначалъ себя театральной карьерѣ; даже разъ, или два являлся на сценѣ, въ роли Сеида (въ Вольтеровскомъ «Магометѣ»); но страсть учиться и заниматься литературой, потребность и желаніе приобрести возможно полное образованіе, заставили его идти по иной дорогѣ, болѣе соотвѣтствующей его многостороннему, свѣтлому уму. Онъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ по юридическому факультету, называвшемуся въ то время этико-политическимъ.

Родные и знакомые уговаривали Николая Филипповича Павлова поступить непременно на государственную службу, чтò онъ и сдѣлалъ; но однообразныя служебныя обязанности (въ надворномъ судѣ) скоро ему надоѣли, и онъ вышелъ въ отставку съ намѣреніемъ никогда больше не служить.

Вѣроятно, Павловъ никогда бы и не поступилъ вновь на службу, если бы въ 1841—1842 годахъ, бывшему въ то время въ Москвѣ военному генераль-губернатору, князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну, не пришла мысль учредить родъ адвокатуры, или ходатайства по дѣламъ арестантовъ, содержащихся при полицейскихъ частяхъ города, во временной (долговой) тюрьмѣ, въ тюремномъ и пересыльномъ замкахъ.

Обязанность эту князь Голицынъ пожелалъ возложить на людей образованныхъ, не зараженныхъ рутиннымъ бюрократизмомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на столько понимающихъ дѣло, что мнѣніе ихъ можно было принять основаніемъ для освобожденія арестантовъ, или отдачи ихъ на поруки, если, по разсмотрѣніи слѣдствія и даже, въ крайнихъ случаяхъ, представленнаго въ присутственное мѣсто (кромѣ правительствующаго сената) дѣла, находилась къ тому законная возможность.

Черезъ посредство Александра Ивановича Тургенева, Николаю Филипповичу предложено было княземъ Голицынымъ принять на себя ходатайства по дѣламъ арестантовъ, содержащихся въ тюремномъ замкѣ, временной тюрьмѣ и при частяхъ города.

Съ свойственною ему пылкостью юноши, Павловъ принялъ на себя безвозмездно исправленіе этой должности и поступилъ въ число чиновниковъ особыхъ порученій при военномъ генераль-губернаторѣ.

Всѣ доклады, которые были составляемы Павловымъ на защиту арестантовъ, съ цѣлью облегчить ихъ участь, или вовсе освободить, кромѣ того, что выходили всецѣло изъ общей колѣи казен-

ныхъ, форменныхъ бумагахъ, доказывали такое основательное знаніе законовъ, такое свѣтлое пониманіе существа дѣлъ, такую логическую послѣдовательность въ заключеніяхъ, что записки Николая Филипповича на расхватъ читались, какъ образцовыя юридическія произведенія.

Въ это время я коротко ознакомился съ дѣятельностью Павлова, потому что, въ свою очередь, какъ служившему при московскомъ военномъ генераль-губернаторѣ, мнѣ досталась въ удѣлъ обязанность ходатайства по дѣламъ арестантовъ.

По смерти князя Д. В. Голицына, Павловъ недолго оставался на службѣ, вышелъ въ отставку и болѣе уже не служилъ до самой кончины своей.

Я упомянулъ здѣсь о кратковременной служебной дѣятельности Павлова для того только, чтобы указать, что дѣятельность его, въ какой бы сферѣ она ни проявлялась, всегда носила на себѣ тотъ отпечатокъ даровитости, который составлялъ исключительную принадлежность его замѣчательныхъ способностей.

Николай Филипповичъ, будучи еще юношей, сильно пристрастился къ поэзіи; онъ былъ поэтъ по призванію. Поэтическая натура его отразилась во всѣхъ его литературныхъ произведеніяхъ. Слогъ его отличается той изящной, художественной отдѣлкой, которая, къ сожалѣнію, въ настоящее время вовсе исчезаетъ и составляетъ принадлежность очень немногихъ современныхъ русскихъ писателей, даже беллетристовъ. Но, кромѣ этого, во всемъ, что написалъ Павловъ, вы видите или самую тонкую, язвительную (но всегда благородную) сатиру, или облеченный въ поэтическую, изящную форму рассказъ, или глубокое, логическое изслѣдованіе предмета, подлежаващаго его разсмотрѣнію. Ни въ одной статьѣ Павлова вы не встрѣтите и тѣни неприличныхъ выраженій.

Въ первый періодъ своей литературной дѣятельности, Павловъ, читая произведенія иностранныхъ драматическихъ писателей, вздумалъ переводить ихъ для нашей сцены. Въ числѣ удачныхъ его переводовъ можно указать на трагедію Лемерсье «Марія Стюартъ» и на «Венеціанскаго купца» Шекспира. Но дѣятельность переводчика не удовлетворяла его, и онъ написалъ нѣсколько оригинальныхъ пьесъ, которыя въ свое время имѣли большой успѣхъ. Его водевили производили положительный фуроръ въ 30-хъ годахъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, и Павловъ пріобрѣлъ искреннее уваженіе и сочувствіе въ тѣсномъ кружкѣ тогдашнихъ литераторовъ, въ числѣ которыхъ былъ князь П. А. Вяземскій, съ которымъ Павловъ оставался въ тѣсной дружбѣ до конца жизни.

Стихи, эпиграммы, романсы Павлова знали всѣ наизусть, они служили въ свое время предметомъ общихъ разговоровъ; но имя его сдѣлалось извѣстнымъ во всей Россіи въ 1835 году, когда вышли въ свѣтъ его первыя «Три повѣсти» (Балъ, Именины и

Ятаганъ). Въ нихъ талантъ Павлова и своеобразность его слога не могли не обратить вниманія всѣхъ, кто сколько нибудь слѣдилъ за русской литературой. Повѣсти эти вскорѣ сдѣлались даже извѣстны за границей и были переведены на французскій и нѣмецкій языки.

Въ то же время, Николай Филипповичъ принималъ участіе въ издававшемся въ Москвѣ (Андросовымъ и Шевыревымъ) «Наблюдатель». Въ 1839 году, онъ написалъ еще три повѣсти «Маскарадъ», «Демонъ» и «Милліонъ», которыя, какъ и первыя, были умно задуманы и заключали въ себѣ неотъемлемыя литературныя достоинства. Лучшимъ доказательствомъ тому служить быстрая распродажа этихъ двухъ изданій, составляющихъ нынѣ библиографическую рѣдкость.

Въ томъ же 1839 году, Павловъ помѣстилъ въ «Москвитянинѣ» біографическую замѣтку объ Эвансѣ, съ цѣлью, какъ онъ говоритъ, «почтить память человѣка, который принадлежалъ къ числу иностранцевъ-воспитателей, но котораго уже, конечно, нельзя было обвинять ни въ недостаткѣ любви къ Россіи, его второму отечеству, ни въ недостаткѣ обширнаго просвѣщенія, составляющаго нашу вторую, благороднѣйшую природу». Эти строки послужили Павлову тѣмой для всей статьи, и краткій біографическій очеркъ, подъ перомъ даровитаго художника, представилъ нѣчто оконченное, изящное и въ высшей степени интересное.

Разныя цензурныя придирки заставили Павлова, втеченіе почти десяти лѣтъ, ничего не печатать и только въ 1856, или 1857 году, имя его вновь появляется въ журналахъ. Комедія графа Сологуба «Чиновникъ» послужила тѣмой для замѣчательной критической статьи, гдѣ талантъ Павлова облекъ сатиру въ самую изящную, въ самую увлекательную форму. Перо критика мѣстами превращалось въ анатомическій ножъ, безъ пощады уничтожающій все препятствующее видѣть настоящее положеніе изслѣдуемаго предмета. Силою мощнаго логическаго анализа софизмы теряютъ свою призрачность и изъ драматическаго произведенія, имѣвшаго случайный, раздутый успѣхъ, остался гнилой, негодный остовъ.

Другая критическая статья Павлова: «Біографъ-оріенталистъ», была напечатана въ томъ же году и, какъ всѣ статьи Николая Филипповича, произвела впечатлѣніе въ мірѣ журналистики.

Павловъ, до основанія имъ газеты «Наше Время», исключительно почти помѣщалъ статьи свои въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова и Леонтьева, но съ 1861 года посвятилъ всю свою литературную дѣятельность собственному журналу, который изъ еженедѣльнаго изданія превратился въ ежедневную газету, подъ названіемъ «Русскихъ Вѣдомостей», понынѣ существующихъ.

Н. Ф. Павловъ, какъ публицистъ, крайне не нравился quasi-либераламъ. Они, однако же, никогда не рѣшались вступать съ нимъ

въ полемику, потому что онъ былъ имъ далеко не по плечу; но за то, изъ-за угла, при малѣйшей возможности, они не упускали случая бросать въ него комки грязи, считая это, съ своей стороны, великимъ подвигомъ. На подобные подвиги Павловъ не обращалъ рѣшительно никакого вниманія, но когда случайно попадались между ругательствами какая либо острота или удачное сравненіе, онъ первый указывалъ на нихъ, говоря: «Вотъ бы автору до-воспитать себя и доучиться, и вышло бы изъ него что нибудь путное».

Н. Ф., образовавшій самъ себя вслѣдствіе присущей натурѣ его потребности въ образованіи, никакъ не могъ понять того отсутствія гуманитарныхъ познаній, того глубокаго невѣжества, которымъ въ наше время отличается пресса извѣстнаго пошиба. Ему были непонятны ни независимость относительно грамотности, приличій и логики, ни quasi-передовое движеніе, часто напоминающее дѣтскія забавы и страсть ломать все, что попадетъ подъ руку, съ поврежденіемъ иногда и собственныхъ своихъ пальцевъ. Онъ не вѣрилъ въ возможность говорить о предметѣ, не изучивъ его всесторонне; онъ не допускалъ въ литературѣ, въ печатномъ словѣ, отсутствіе художественной формы, дубоватости выраженій, расклейки мыслей, а тѣмъ менѣе лубочности и площаднаго разгула.

Павловъ не былъ, однако же, педантомъ и рабомъ отжившихъ формъ и понятій; онъ всегда непритворно радовался появленію новыхъ, свѣжихъ силъ, новыхъ талантливыхъ дѣятелей въ нашей журналистикѣ и до послѣдней минуты своей далеко не безоблачной жизни слѣдилъ за всѣмъ современнымъ, сочувствовалъ всякому истинно благородному, истинно полезному начинанію и, слѣдовательно, не былъ пессимистомъ. Пылкое воображеніе Павлова, всегда юное, всегда полное инициативы, часто служило причиною многихъ его ошибокъ въ жизни; но въ Николаѣ Филипповичѣ никогда не угасала та божественная искра добра, которая въ самыхъ крутыхъ, тяжкихъ обстоятельствахъ жизни не оставляетъ людей истинно талантливыхъ, воистинну даровитыхъ.

Были, къ сожалѣнію, лица, которые рѣшались оскорблять Павлова печатно, дѣлая грязные, ни на чемъ не основанные намеки на его частную жизнь,—эту святыню, на которую не дерзнетъ посягнуть ни одинъ порядочный человѣкъ,—но пасквили не могли уронить, въ глазахъ публики, неотъемлемыхъ достоинствъ Павлова какъ писателя, и онъ, всетаки, останется въ нашей отечественной литературѣ на томъ почетномъ мѣстѣ, которое было приобрѣтено имъ не пріятельскими журнальными рекламами, не неистовой по-блажкой временнымъ капризамъ публики, а блестящими способностями и глубокимъ, многостороннимъ образованіемъ, приобрѣтеннымъ единственно помощію твердой, непреклонной потребности въ нрав-

ственномъ развитіи и приисканіи художественной отдѣлки своей мысли.

Да, въ Павловѣ была эта мысль, въ которой многіе изъ нашихъ современныхъ журналистовъ такъ нуждаются; ему, вслѣдствіе богатства этой мысли, необходима была и достойная форма, въ которую онъ могъ бы облекать ее. Онъ нашелъ, выработалъ такую форму, далъ ей оригинальную, изящную своеобразность—и вотъ причина, по которой имя Н. Ф. Павлова въ русской литературѣ останется всегда почетнымъ и безукоризненно свѣтымъ именемъ.

Павловъ скончался въ Москвѣ, отъ жестокаго, продолжительнаго недуга сердца, въ 1864 году.

Павловъ былъ женатъ на извѣстной поэтессѣ Каролинѣ Карловнѣ, рожденной Янишъ, обратившей когда-то на себя вниманіе Гумбольдта, который долго былъ съ нею въ ученой перепискѣ. Если я не ошибаюсь, 80-ти лѣтняя Каролина Карловна Павлова до сихъ поръ жива и постоянно живетъ за границей.

IX.

Докторъ Спиро, лѣчившій воздухомъ и вѣтромъ.—Лѣчение зимою, въ бесѣдѣ, беременной женщины.—Маіоръ польской службы Остапешскій.—Его ремесло и удачное ухаживанье за старухами.—Садъ Остапешскаго.—Дальнѣйшая судьба польскаго маіора.—Продажа жены на Тверскомъ бульварѣ.—Благополучныя послѣдствія продажи для проданной.—С. А. Соболевскій.—Нѣко эпиграммы.—Путешествіе мое, изъ Москвы въ Петербургъ, съ Соболевскимъ, Погодинымъ и Ротчевымъ.—Стихи Соболевскаго, посвященные Погодину.

Матвѣй Михайловичъ Солнцева (дядя Пушкина и нашъ постоянный заобѣденный завсегдатай) любилъ чрезвычайно эксцентриковъ и оказывалъ имъ постоянно протекцію, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что это ему ничего не стоило, а подчасъ представляло случай лишній разъ пообѣдать не дома, а у тѣхъ, къ которымъ онъ привозилъ на показъ покровительствуемаго имъ субъекта.

Однажды, онъ привелъ къ намъ, какъ особенную рѣдкость, доктора Спиро, который лѣчилъ исключительно воздухомъ.

Я какъ теперь помню этого маленькаго, толстенкаго человѣчка, въ черномъ фракѣ, съ густымъ бѣлымъ жабо, торчавшимъ изъ-за жилета, и съ какимъ-то объемистымъ мѣшкомъ въ рукахъ, изъ котораго онъ вынималъ, по мѣрѣ того, что объяснялъ свою воздушную методу лѣченія, разныхъ величинъ мѣхи.

Помню, что въ это время былъ у насъ Сергѣй Александровичъ Соболевскій (другъ А. С. Пушкина), который, съ свойственнымъ ему юморомъ, вступилъ въ ученые разсужденія съ докторомъ Спиро, а за симъ въ споръ, чтѣ очень не понравилось Солнцева, желавшему похвастаться своимъ protégé.

Спиро свою методу лѣченія основывалъ на той простой истинѣ, что Богъ сотворилъ человѣка безъ всякой одежды и безъ всякихъ лѣкарствъ, предоставивъ ему единственное средство отъ всякихъ недуговъ—воздухъ и вѣтеръ. На этой неоспоримой истинѣ основана была система Спиро. Воздухъ всегда находился въ распоряженіи человѣка, а вѣтеръ не всегда; а потому потребны были разныхъ размѣровъ мѣхи, производившіе не только малые и сильные вѣтры, но даже, въ случаѣ нужды, чуть не вьюгу.

Всѣ болѣзни безъ исключенія, даже самыя жестокія раны, излѣчивались радикально помощію воздуха и вѣтра.

Соболевскій, бывшій въ веселомъ расположеніи духа, занялся съ особеннымъ, настойчивымъ сарказмомъ воздушнымъ докторомъ, такъ что всѣ присутствующіе не могли удержаться отъ гомерическаго смѣха, возбуждаемаго въ особенности строго-серьезною физиономіею Соболевскаго и его quasi-научными вопросами, обращенными къ Спиро, въ чрезвычайно почтительныхъ формахъ.

Докторъ не понялъ насмѣшекъ Соболевскаго, продолжалъ говорить нелѣпости и то и дѣло вынималъ изъ мѣшка своего мѣхи.

Весь ученый споръ окончился, однако же, замѣчаніемъ отца моего, что въ комнатѣ, отъ разныхъ вѣтровъ, стало холодно, а потому слѣдуетъ прекратить, на этотъ разъ, ученый медицинскій разговоръ, тѣмъ болѣе, что пора обѣдать.

Не взирая на всю нелѣпость воздушнаго лѣченія, нашелся, однако же, какой-то господинъ, кажется, Зубовъ, который согласился дозволить Спиро лѣчить свою беременную жену. Съ этою цѣлю, зимою, была нанята въ саду Осташевскаго (близъ Тверскаго бульвара) бесѣдка, въ которую перевезли больную. Несчастная, къ удивленію всѣхъ, разрѣшилась отъ бремени благополучно, но новорожденный отъ холода умеръ на другой день.

Спиро оставался въ Москвѣ года два, но его методъ лѣченія не понравился даже и Замоскворѣчью, такъ что «воздушный» докторъ вынужденъ былъ покинуть Бѣлокаменную.

Выше я упомянулъ о садѣ Осташевскаго, владѣлецъ котораго достоинъ того, чтобы о немъ сказать нѣсколько словъ.

Осташевскій, Казимиръ Ивановичъ, былъ отставной маіоръ польской службы и явился въ Москву съ цѣлю добыть себѣ какое нибудь казенное мѣстечко. Мѣстечка этого онъ себѣ не добылъ, но за то познакомился съ двумя старушками, сестрами П., въ домѣ которыхъ нанималъ комнатку у жильцовъ. Наружность Осташевскаго не представляла ничего изыщнаго: онъ былъ здоровякъ съ красноватымъ лицомъ, съ закрученными вверхъ усами, съ унтеръ-офицерскою походкой старыхъ «бурбоновъ»; всегда въ венгеркѣ съ бранденбургами, постоянно раздушенный самыми крѣпкими съ ногъ спибательными духами.

Старушки П. (меньшой было около 70 лѣтъ) обласкали Остапшевскаго, когда онъ нашелъ нужнымъ представиться къ нимъ, какъ къ домовладѣльцамъ, такъ какъ онѣ нашли въ немъ ежедневнаго партнера въ дурачки—единственную игру, которую онѣ знали и любили. Въ очень короткое время, польскій отставной маіоръ сѣмѣлъ воспламенить сердца двѣицъ-старушекъ и сдѣлался въ ихъ домѣ полновластнымъ хозяиномъ, а затѣмъ владѣльцемъ этого дома, съ прибавкою 2,000 душъ крестьянъ, которые были ему проданы двѣицами по безденежной купчей крѣпости.

Нужно отдать, однако же, справедливость Остапшевскому: онъ жилъ съ старушками въ сердечномъ согласіи до ихъ смерти. Похоронивъ двѣицъ съ надлежащей помпой, Казимиръ Ивановичъ превратилъ садъ дома своего, на Тверскомъ бульварѣ, въ какую-то кунтсамеру. По всѣмъ аллеямъ поставилъ онъ множество гипсовыхъ, выкрашенныхъ куколъ въ ростъ человѣка: тутъ были и Венеры, и Апполоны, и солдаты въ полной амуниціи, и крестьянки въ кокошникахъ, и львы, и барсы, и ковы—однимъ словомъ «чего хочешь, того просишь». Посреди сада былъ вырытъ прудъ, въ которомъ плавали лебеди. По дорожкамъ и лугамъ прогуливались павлины, индѣйскіе пѣтухи, журавли, цапли и другія птицы. Въ безчисленныхъ бесѣдкахъ поставлены были органы, часы съ музыкой, Золотыя арфы, барабаны, отбивавшіе помощію какого-то механизма разныя трели, и кукующія деревянныя кукушки. По дорожкамъ стояли верстовые столбы съ надписями: «отъ перваго вздоха до признанія—одинъ шагъ», «отъ признанія до восторга и счастья—мгновеніе», и т. д. въ томъ же родѣ.

По вечерамъ, въ садъ Остапшевскаго, который былъ открытъ для всѣхъ, сѣзжались съ дѣтьми, знавшіе и незнавшіе его. Хозяинъ всегда былъ замѣчательно любезенъ съ дамами и въ особенности съ дамами пожилыхъ лѣтъ.

Однажды, Казимиръ Ивановичъ былъ вызванъ къ генераль-губернатору, по какой-то на него принесенной жалобѣ. Послѣ разныхъ объясненій, генераль-губернаторъ спросилъ его: «откуда и какимъ образомъ, прибывъ въ Москву чуть не нищимъ, онъ приобрѣлъ такое большое состояніе?»

На этотъ вопросъ Остапшевскій очень наивно отвѣчалъ: «Я пользуюсь благосклонностію московскихъ дамъ».

Но, увы! фортуна измѣнила вдругъ этому побѣдителю нѣжныхъ богатыхъ старухъ: онъ влюбился въ свою соотечественницу, лихую польку, которая обобрала его до нитки и бросила.

На томъ же Тверскомъ бульварѣ, противъ оконъ бывшаго своего дома, дряхлый старикъ Остапшевскій, въ рубищѣ, просилъ милостыню у проходящихъ. Умеръ онъ подъ подворотней того дома, въ которомъ двѣ старухи одарили его такъ щедро земными благами...

Тверской бульваръ напоминаетъ мнѣ рассказъ отца моего и князя Д. М. Волконскаго о сдѣлкѣ, происходившей на этомъ бульварѣ, въ ихъ присутствіи, между княземъ Голицынымъ и графомъ Разумовскимъ.

Князь Голицынъ, дѣла котораго были очень въ плачевномъ положеніи, пригласилъ однажды князя Волконскаго и отца моего обѣдать въ ресторанъ Яра, прося ихъ пріѣхать передъ обѣдомъ на Тверской бульваръ, дабы оттуда вмѣстѣ отправиться къ Яру.

Приглашеніе было принято, и приглашенные явились на бульваръ, найдя тамъ сидящихъ на скамьѣ—князя Голицына и графа Разумовскаго. Первый счелъ нужнымъ объяснить прибывшимъ, что онъ, по просьбѣ своей жены и по желанію графа, уступаетъ ему ее, съ тѣмъ, что графъ уплатитъ нѣкоторые его долги и, сверхъ того, дастъ ему сто тысячъ; что деньги эти графъ желаетъ вручить ему въ присутствіи его друзей, вслѣдствіе чего князь Волконскій и отецъ мой были имъ приглашены на обѣдъ къ Яру, гдѣ Разумовскій окончить съ нимъ расчетъ.

Послѣ этихъ объясненій, всѣ отправились въ ресторанъ обѣдать, и тамъ графъ Разумовскій дѣйствительно передалъ князю Голицыну деньги, обѣщанныя ему за его жену.

Продажа эта, какъ рассказывали старики, произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе въ высшемъ петербургскомъ и московскомъ обществѣ; но время взяло свое, и бывшая обладательница Карловки ¹⁾ чуть не до 100 лѣтъ пользовалась своимъ богатствомъ и почестями, принимая въ свои салоны лучшее петербургское общество.

Возвращаясь къ Соболевскому, имя котораго я упомянулъ въ началѣ этой главы.

Сергѣя Александровича Соболевскаго, закадычнаго друга Пушкина, я зналъ коротко, встрѣчаясь съ нимъ у Александра Николаевича Соймонова, любившаго его больше, чѣмъ своего сына. Соболевскій, по своему остроумію, по тонкости юмора, по необыкновенной находчивости и весьма недюжинному поэтическому таланту, принадлежалъ безспорно къ личностямъ выдающимся. Онъ не печаталъ своихъ стиховъ, потому что боялся критики со стороны своего друга, подъ лучами славы котораго онъ блаженствовалъ, гордясь дружбою великаго поэта. Но многіе стихи Соболевскаго, въ свое время, ходили по рукамъ, а эпиграммы учились наизусть. Между прочимъ, одна изъ его эпиграммъ, написанная на поэтессу Каролину Карловну Павлову (рожденную Янишь), произвела въ тогдашнемъ обществѣ фуроръ.

¹⁾ Имѣніе, купленное у графини Разумовской великой княгиней Еленой Павловной.

Нужно сказать, что Каролина Карловна, женщина очень зрѣлыхъ лѣтъ и притомъ далеко некрасивая, вслѣдствіе ревности къ своему мужу, такъ однажды разсердилась на него, что представила ко взысканію его заемныя письма, и Николай Филипповичъ Павловъ былъ посаженъ на нѣсколько дней въ долговое отдѣленіе ¹⁾. По этому случаю Соболевскій написалъ слѣдующую эпиграму:

«Куда ни взглянешь—
 «Люби могила,
 «И Каролина Янишь
 «Мужа въ яму посадила.
 «Плачетъ эта дама,
 «Молится о мужѣ:
 «Вудь ему ты, яма,
 «Уже, хуже, туже!»

Въ 1844 или 1845 году, мнѣ встрѣтилась необходимость поѣхать въ Петербургъ. Взявъ заблаговременно билетъ въ маль-постъ, въ день отъѣзда, я отправился въ почтамтъ, въ отдѣленіе почтовыхъ каретъ и, къ моему большому удовольствію, нашелъ тамъ Соболевскаго, Погодина и А. Г. Ротчева, которые тоже отправлялись въ этотъ день въ Петербургъ. Нужно замѣтить, что это путешествіе представляло много удобствъ и не утомляло, какъ нынѣшнія поѣздки по желѣзнымъ дорогамъ: станціи, по всему пути, были великолѣпны, кормили повсюду отлично, можно было ѣсть, не опасаясь подавиться слѣзша, въ особенности, когда бравый, предупредительный кондукторъ, изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, получалъ должную, за свои услуги, мзду отъ пассажировъ.

Такъ какъ, во время путешествія, мы должны были два раза обѣдать, то было между нами условлено, что виномъ и водкой на первой обѣденной стоянкѣ будетъ угощать Соболевскій, а на второй я. Причина принятой нами на себя обязанности заключалась въ томъ, что Ротчевъ почти ничего не пилъ, а Погодинъ былъ до скарденности скупъ.

Послѣ перваго обѣда, съ нѣсколькими бутылками шампанскаго, Погодинъ опьянѣлъ и пустился въ жестокой споръ съ Соболевскимъ. Это повело къ насмѣшкамъ со стороны послѣдняго, такъ что мы съ Ротчевымъ вынуждены были останавливать и того и другаго, и, наконецъ, послѣ долгихъ усилій, намъ удалось примирить расходившагося Михаила Петровича съ Соболевскимъ. При мировой, потребовалось опять шампанское, и тутъ Погодинъ сталъ приставать къ Соболевскому, чтобы онъ написалъ ему стихи, говоря: «Ты обязанъ мнѣ написать что нибудь на память—иначе ты негодяй!»

¹⁾ Долговая тюрьма въ Москвѣ называется ямою.

Соболевскій потребовалъ листъ бумаги, карандашъ и написать слѣдующее посланіе въ стихахъ, съ заголовкомъ: «Пьяному другу, Михаилу Петровичу Погодину, профессору исторіи россійской и кавалеру».

«Преобразительный уродъ!
Скажи мнѣ, коль отвѣта стою,
Зачѣмъ твой грязный, толстый носъ
Такъ сходенъ съ ямою простою?
Скажи и то: зачѣмъ же выросъ,
Между ушей, между глазами,
Гдѣ у людей бываетъ носъ,
Огромный кустъ съ двумя бобами?»¹⁾

Я первый прочелъ эти стихи, показавъ ихъ Ротчеву, и положилъ ихъ въ карманъ, объявивъ, что они будутъ прочтены на слѣдующій день, когда мы всѣ протрезвимся. Соболевскій тотчасъ же согласился, но Погодинъ разсердился на меня и прибавилъ, что я русской исторіи никогда не зналъ, да и вообще, какъ студентъ, былъ у него на дурномъ счету.

На другой день, я передалъ стихи Погодину, который сначала видимо оскорбился, но потомъ оставилъ все безъ послѣдствій, забывъ, въ особенности послѣ втораго обѣда съ шампанскимъ, о случайной ссорѣ своей съ Соболевскимъ.

Мы, съ покойнымъ Ротчевымъ, часто вспоминали объ этомъ дорожномъ эпизодѣ и сожалѣли, что ничего подобнаго не можетъ уже случиться при существованіи желѣзныхъ дорогъ.

X.

Докторъ Федоръ Петровичъ Гаазъ.—Его характеръ и дѣятельность на пользу человечества.—Костюмъ Гааза.—Отношеніе Гааза къ арестантамъ.—Памятникъ, сооруженный ему ссыльными въ Сибири.—Посѣщеніе государемъ Николаемъ Павловичемъ московскаго тюремнаго замка.—Гаазъ испрашиваетъ у императора помилованіе приговоренному.—Слова государя, обращенныя къ Гаазу.—Дѣятельность Гааза во время холеры въ Москвѣ.—Кончина его.—Дружба Гааза съ графомъ Зотовымъ.—Иванъ Васильевичъ Капнистъ.—Встрѣча у Капниста Гоголя съ М. Н. Муравьевымъ.—Неудовольствіе Гоголя по случаю рекомендаціи.—Наружность Гоголя и его костюмъ.

Среди волнъ и тины моря житейскаго, среди ежедневныхъ столкновеній страстей и страстишекъ, самолюбій и честолюбій, зависти и ненависти, невольно отдыхаешь и умомъ, и сердцемъ, встрѣчаясь съ личностями, воплощающими добро, безграничную любовь къ ближнимъ и полнѣйшее самоотверженіе.

¹⁾ Нѣкоторыя слова я измѣняю, такъ какъ въ подлинникѣ они слишкомъ непечатны.

Къ числу такихъ, къ прискорбію болѣе чѣмъ рѣдкихъ, личностей принадлежалъ докторъ Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ, котораго знала вся Москва—отъ аристократа до простолюдина.

Гаазъ былъ главнымъ докторомъ тюремныхъ больницъ и всецѣло посвятилъ себя своему призванію—любви къ человѣчеству.

Когда-то богатый, онъ былъ обобранъ и разоренъ однимъ изъ своихъ коллегъ, вслѣдствіе безпредѣльной довѣрчивости своего характера. Переходъ отъ благосостоянія почти къ нуждѣ нисколько не измѣнилъ Гааза: та же всегда добродушная улыбка на устахъ, то же нравственное спокойствіе, то же состраданіе къ горю и несчастью ближнихъ, та же готовность помочь страждущему—не покидали его до конца жизни.

Гаазъ часто посѣщалъ насъ, и я, будучи ребенкомъ, уже зналъ и любилъ его, такъ какъ онъ былъ особенно ласковъ съ дѣтьми.

Ѳедоръ Петровичъ, вслѣдствіе разразившейся надъ нимъ катастрофы, вынужденъ былъ замѣнить карету съ четверкой плохими дрожками съ верхомъ, запряженными старою клячею, которою правилъ кучеръ въ потертомъ армякѣ. Экипажъ этотъ былъ извѣстенъ всему бѣдному населенію Москвы, такъ какъ Гаазъ не только принималъ у себя бѣдныхъ больныхъ бесплатно, но и вѣздилъ навѣщать ихъ по чердакамъ и подваламъ, не взирая на свои преклонныя лѣта.

Постоянный костюмъ Ѳедора Петровича былъ черный фракъ, бѣлый галстухъ съ неизбѣжнымъ жабо, короткія панталоны, черныя шелковые чулки и башмаки со стальными пряжками.

Когда Гаазъ встрѣчалъ на улицѣ какогонибудь пьяненькаго мужичка, то непременно сажалъ его въ свои дрожки и довозилъ до дому. Объ арестантахъ онъ заботился, какъ будто они были дѣйствительно его родныя дѣти, и арестанты положительно боготворили его. Эта непритворная любовь арестантовъ къ Гаазу выразилась наглядно тѣмъ, что сосланные въ Сибирь арестанты, знавшіе Ѳедора Петровича въ Москвѣ, собрали между собою, грошами, деньгами и соорудили ему маленькій памятникъ, у котораго ежегодно служили панихиды по усопшемъ.

Занимаясь, по предписанію московскаго военнаго генераль-губернатора, дѣлами арестантовъ, содержащихся въ тюремномъ замкѣ, я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго эпизода, обрисовывающаго личность Гааза.

Однажды, намъ дано было знать, что государь Николай Павловичъ желаетъ посѣтить, въ извѣстный день, тюремный замокъ. Всѣ служившіе въ замкѣ, нѣкоторые директора тюремнаго комитета и главный докторъ тюремной больницы, Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ, явились, естественно, задолго до прибытія государя императора. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, его величество изволило

прибыть въ замокъ, съ генераль-губернаторомъ, княземъ А. Г. Щербатовымъ.

При входѣ въ такъ называемый «дворянскій корридоръ», гдѣ содержались арестанты привилегированныхъ сословій, государь обратился къ нимъ съ вопросомъ: «Довольны ли они содержаніемъ, не обижаютъ ли ихъ, и нѣтъ ли у кого нибудь изъ нихъ особыя просьба?»

Содержащіеся отвѣчали, что всѣмъ довольны, но что просятъ у государя одной милости—повелѣть окончить дѣла ихъ скорѣе, такъ какъ медленность производства слѣдствій томитъ ихъ и тяжело для нихъ ожидаемаго ими наказанія.

Государь милостиво выслушалъ эту просьбу и сказалъ князю Щербатову, чтобы онъ велѣлъ приготовить о дворянахъ особый докладъ на высочайшее имя.

За симъ, его величество направился для осмотра одиночныхъ камеръ. При входѣ въ одну изъ нихъ, онъ увидѣлъ дряхлаго старика, который съ трудомъ поднялся съ своей койки.

Старикъ, какъ оказалось, пять лѣтъ уже приговоренъ къ ссылке въ Сибирь, но остается въ замкѣ лишь потому, что докторъ Гаазъ находитъ опаснымъ для арестанта столь дальній путь, сопряженный со множествомъ неудобствъ для больного.

Государь обратился къ Гаазу и спросилъ, правда ли это и законно ли онъ поступаетъ, удерживая «рѣшеннаго» въ замкѣ?

Федоръ Петровичъ, вмѣсто отвѣта, всталъ предъ государемъ на колѣна и просилъ государя вовсе помиловать старика.

Его величество взялъ Гааза за локти и хотѣлъ его приподнять, но тотъ рѣшительно объявилъ, что не встанетъ, не получивъ для старика помилованія. Тогда императоръ Николай Павловичъ, подумавъ немного, сказалъ: «Я исполню желаніе ваше, Федоръ Петровичъ ¹⁾, но если я поступаю несправедливо, то грѣхъ ляжетъ на вашей душѣ».

Гаазъ всталъ и со слезами бросился обнимать и цѣловать государя, у котораго показались тоже слезы на глазахъ и который, въ свою очередь, обнялъ и поцѣловалъ Гааза.

На другой же день, по приказанію генераль-губернатора, были мною изготовлены двѣ докладныя записки на высочайше имя: одна объ ускореніи слѣдствій, производившихся о дворянахъ, а вторая о помилованіи старика; но Федоръ Петровичъ, не ожидая окончанія формальностей, тотчасъ же вывелъ старика изъ камеры и отвезъ къ себѣ домой.

Таковъ былъ докторъ-апостоль Гаазъ!

Во время холеры, господствовавшей въ Москвѣ въ 1847—1848 годахъ, Федоръ Петровичъ, не взирая на свои преклонныя лѣта и

¹⁾ Государь давно зналъ коротко Гааза и очень любилъ и уважалъ его.

видимый упадокъ силъ, проявлялъ особую дѣятельность въ холерныхъ больницахъ и придерживался того мнѣнія, «что холера болѣзнь неприлипчивая». Съ цѣлію убѣдить въ этомъ какъ больныхъ, такъ и врачей, Гаазъ, немедленно послѣ больного, садился въ неопорожненную ванну, оставаясь въ ней по 10-ти минутъ и болѣе, чему я былъ неоднократно свидѣтелемъ въ яузской холерной больницѣ.

Кончина Гааза представила вѣрующимъ въ святость добра трогательную картину. Когда Федоръ Петровичъ почувствовалъ, что силы окончательно оставляютъ его и что смерть неизбежно постигнетъ его очень скоро, онъ велѣлъ перенести свою кровать изъ спальни въ пріемный залъ своей квартиры и отдалъ приказаніе допускать къ нему всѣхъ, кто пожелаетъ его видѣть и съ нимъ проститься. Сотни людей явились взглянуть на святаго старика, который скончался спокойно, въ присутствіи бѣднаго, нуждающагося люда, такъ имъ любимаго, — люда, которому онъ посвятилъ всю свою многолѣтнюю, праведную дѣятельность...

Гаазъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ графомъ Николаемъ Ивановичемъ Зотовымъ, о которомъ я упоминалъ въ началѣ этихъ записокъ. Замѣчательно, что Гаазъ принадлежалъ къ числу людей, твердо и слѣпо вѣрующихъ, тогда какъ гр. Зотовъ былъ скептикъ, послѣдователь ученія энциклопедистовъ и мало вѣрующій. Между тѣмъ, эти двѣ крайности сходились — ихъ соединяла и общила любовь къ ближнему, любовь къ добру и теплое, сердечное влеченіе къ проявленію этого добра, этой любви.

Я очень часто видѣлся съ гр. Николаемъ Ивановичемъ и Федоромъ Петровичемъ, который обязательно, два раза въ недѣлю, обѣдалъ у своего стараго друга. Не проходило ни одного обѣда, чтобы между добродушнымъ Гаазомъ и Зотовымъ не происходило горячаго, даже крупнаго разговора по поводу отстаиваемыхъ каждымъ изъ нихъ, вполне противоположныхъ принциповъ; но споры эти не могли разстроить дружбы стариковъ.

Особенно интересный характеръ принимали словопренія, когда къ Зотову пріѣзжалъ обѣдать Иванъ Васильевичъ Капнистъ¹⁾, любившій и уважавшій обоихъ стариковъ. Онъ такъ ловко, такъ умно доказывалъ Гаазу, что тотъ увлекается, а гр. Зотову, что онъ во многомъ заблуждается, что оба противника вдругъ умолкали и въ концѣ концовъ сознавались, что ни тотъ ни другой не были правы.

У И. В. Капниста, гр. Зотовъ, А. Я. Булгаковъ (бывшій московскій почтъ-директоръ) и я собирались часто, по вечерамъ, иг-

¹⁾ Тогдашній московскій гражданскій губернаторъ, сынъ автора извѣстной комедіи «Ябеда», — человекъ, замѣчательный по своему уму, честности и добротѣ.

рать на биллиардѣ, до котораго всѣ мы были большіе охотники, хотя я никогда не могъ научиться хорошо играть на немъ. Нѣсколько разъ, у Капниста, мнѣ довелось видѣть гениальнаго Гоголя, который рѣдко пускался въ разговоръ и всегда выглядывалъ «букой».

Одинъ только разъ удалось мнѣ видѣть Гоголя въ хорошемъ расположеніи духа и вздумавшимъ представлять въ лицахъ разныхъ животныхъ изъ басенъ Крылова. Всѣ мы были въ восхищеніи отъ этого дѣйствительно замѣчательнаго impromptu, которое окончилось внезапно вслѣдствіе случайнаго пріѣзда къ Капнисту Миха'ила Николаевича Муравьева, который не былъ знакомъ съ Гоголемъ.

Капнисть, знакомя Гоголя съ Муравьевымъ, сказалъ: «Рекомендую вамъ моего добраго знакомаго, хохла какъ и я, Гоголя». Эта рекомендація, видимо, не пришлась по вкусу гениальному писателю, и на слова Муравьева: «Мнѣ не случалось, кажется, сталкиваться съ вами», Гоголь очень рѣзко отвѣтилъ: «Быть можетъ, ваше превосходительство, это для меня большое счастье, потому что я человѣкъ больной и слабый, которому вредно всякое столкновеніе».

Муравьевъ, выслушавъ эту жолчную тираду, отвернулся отъ Гоголя, который, ни съ кѣмъ не простившись, тотчасъ же уѣхалъ. Впослѣдствіи, я слышалъ отъ Ивана Васильевича, что Гоголь не на шутку на него разсердился за «непрошенную (какъ онъ выразился) рекомендацію».

Наружность Гоголя была очень непривлекательна, а костюмъ его (венгерка съ бренденбургами) придавалъ ему крайне невзрачный видъ. Кто не зналъ Гоголя, тотъ никогда бы не догадался, что подъ этой некрасивой оболочкой кроется личность гениальнаго писателя, которымъ гордится Россія.

И. Арсеньевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДОМЪ И КАБИНЕТЪ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

В НАЧАЛѢ іюня 1885 года, мнѣ удалось не только побывать, но и прожить два дня въ томъ лѣтнемъ помѣщеніи Ѳ. М. Достоевскаго, которое служило ему тихимъ приютомъ въ послѣдніе годы его трудовой жизни. Тогда предстояло освященіе новаго зданія, выстроеннаго А. Г. Достоевскою для школы имени покойнаго въ Старой Руссѣ. Пригласивъ меня пріѣхать на это скромное торжество, Анна Григорьевна пожелала, чтобы я и остановился въ ея домѣ, и отвела мнѣ комнату рядомъ съ кабинетомъ покойнаго. Не съ грустью только, но и съ умиленіемъ, въ первый разъ вошелъ я въ этотъ святой уголокъ и потомъ проходилъ чрезъ него, останавливаясь передъ тѣмъ рабочимъ столомъ, за которымъ Ѳедору Михайловичу лучше работалось, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ такъ часто приходилось дожидаться глубокой ночи, потому что днемъ было не до того. Тутъ, вѣроятно, не приходилось ему обращаться въ того исповѣдника, къ которому приходили со своими сомнѣніями и замыслами, часто прямо влекущими на роковую дорогу, съ тѣмъ, чтобы уйти отъ него съ облегченнымъ сердцемъ, съ благимъ напутствіемъ. Не одна рука, уже совсѣмъ готовая рѣшиться на самоубійство, была имъ обезоружена. Не одному озлобленному существу приходилось уходить съ миромъ отъ этого удивительнаго человѣка, обладавшаго, какъ насъ увѣряли, «жестокии талантомъ». Такихъ подвиговъ сердце-вѣднія и любящей воли совершалось, конечно, болѣе въ петербургскомъ кабинетѣ Ѳедора Михайловича, но зато въ его старорусскомъ убѣжищѣ менѣе нарушалась святыня его тихой работы, такъ часто производившей такое же спасительное дѣйствіе на читателей. Тутъ все же поддерживались уже самую невозмутимостью

работы постоянно напряженные силы покойного, хотя и эта мирная тишина, столь содействовавшая цѣлостности его Пушкинской рѣчи, была, къ несчастью, возмущена послѣ доставшагося ему въ Москвѣ предсмертнаго торжества внезапнымъ поворотомъ противъ него даже тѣхъ самыхъ людей, которые такъ сочувственно пожмали ему руку, когда онъ сходилъ, напутствуемый общимъ восторгомъ, съ каеедры. Откуда-то, изъ своего старорусскаго кабинета, онъ и написалъ мнѣ то единственное письмо, въ которомъ далъ вылиться глубокому своему огорченію. Высказавъ сожалѣніе о томъ, что меня не было въ Москвѣ, онъ прибавилъ: «За мое же слово, видите, какъ мнѣ досталось отъ нашей прессы почти сплошь: точно я совершилъ воровство, мошенничество или подлогъ въ какомъ нибудь банкѣ. Даже Юханцевъ не былъ облитъ такими помоями, какъ я». Это было однимъ изъ послѣднихъ ударовъ, направившихъ его въ могилу.

Э. М. Достоевскій въ первый разъ пріѣхалъ въ Старую Руссу въ маѣ 1872 года, на слѣдующее лѣто по возвращеніи изъ-за границы, гдѣ онъ пробылъ болѣе 4-хъ лѣтъ. Выбралъ онъ Старую Руссу своимъ лѣтнимъ мѣстопробываніемъ по совѣту докторовъ, находившихъ, что старорусскія ванны будутъ полезны для его малолѣтнихъ дѣтей. Федоръ Михайловичъ поселился на дачѣ священника отца Иоанна Румянцева (такъ много трудящагося теперь для школы имени Федора Михайловича) на Пятницкой улицѣ. Такъ какъ Старая Русса благопріятно подѣйствовала на здоровье дѣтей, то Федоръ Михайловичъ рѣшилъ поѣхать туда и въ 1873 году. На этотъ разъ Достоевскіе наняли дачу А. К. Гриббе. Занятый тогда редактированіемъ «Гражданина» (вскорѣ имъ разъ навсегда оставленнаго), Федоръ Михайловичъ не могъ жить въ Руссѣ постоянно, но навѣщалъ семью нѣсколько разъ въ лѣто. Тишина и простота старорусской жизни произвела такое хорошее впечатлѣніе на Федора Михайловича, что онъ, пріѣхавъ на третье лѣто въ 1874 году, рѣшилъ провести въ Руссѣ и зиму 1874—1875 года. Здѣсь Федоръ Михайловичъ написалъ свой романъ «Подростокъ», помѣщенный въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1875 годъ. Зимой, для большаго удобства, Федоръ Михайловичъ переѣхалъ на Ильинскую улицу, въ домъ г. Леонтьева; весною же опять поселился на дачѣ А. К. Гриббе. Въ августѣ 1875 года, здѣсь родился у Федора Михайловича сынъ, Алексѣй (умершій въ 1878 году), и съ этой поры съ Руссою и съ домою Гриббе для семьи Достоевскихъ соединились самыя дорогія воспоминанія. Когда А. К. Гриббе въ началѣ 1876 года умеръ и его наслѣдница, г-жа Елисеѣва, стала продавать домъ, то Федоръ Михайловичъ чрезвычайно радъ былъ случаю купить его. Хотя денежныя дѣла Федора Михайловича были

въ то время далеко не блестящи, но онъ приобрѣлъ домъ, тѣмъ болѣе, что и цѣна была очень умѣренная, именно 1,150 рублей.

Домъ расположенъ на берегу рѣки Перерытицы, почти на краю города, на такъ называемомъ Коломцѣ. Изъ оконъ открывается красивый видъ на рѣку, на противоположный берегъ и на виднѣющуюся вдали деревню. Предъ домомъ, на берегу, растутъ огромные вязы, посаженные въ Аракчеевскія времена; за домомъ идетъ большой тѣнистый садъ и огородъ. Къ дому принадлежать сарай,

Домъ Ф. М. Достоевскаго въ Старой Руссѣ.

конюшня, ледникъ и баня, такъ что дача представляетъ всѣ удобства деревенской жизни. Въ верхнемъ этажѣ шесть комнатъ, правда, невысокихъ и небольшихъ, но уютныхъ. Угловая комната въ три окна составляла кабинетъ покойнаго.

Федоръ Михайловичъ чрезвычайно любилъ Старую Руссу, приѣзжалъ сюда обыкновенно въ началѣ мая и оставался иногда до половины октября. Уединеніе было тутъ полное: знакомыхъ у него было въ Руссѣ мало, и онъ по цѣлымъ днямъ могъ предаваться своему любимому дѣлу—литературѣ. Здоровье Федора Михайловича всегда поправлялось въ Руссѣ: насыщенный солями воздухъ

былъ цѣлебень для его разстроенной груди. Цѣнилъ Ѳедоръ Михайловичъ Старую Руссу и за то, что дѣтки его быстро поправились и крѣпли, проводя цѣлые дни на воздухѣ.

Въ виду усиливавшейся болѣзни, Ѳедору Михайловичу пришлось уѣзжать за границу въ Эмсъ, на нѣсколько недѣль, въ 1875, 1876, 1878 и 1879 годахъ, но онъ всегда спѣшилъ кончить лѣченіе и вернуться къ семьѣ въ Руссу.

Только одно лѣто Ѳедору Михайловичу не удалось быть въ Руссѣ, именно въ 1877 году, когда онъ уѣзжалъ въ Курскую губернію.

Въ Руссѣ были написаны «Дневникъ Писателя» за 1876 годъ, часть романа «Братья Карамазовы» и рѣчь, произнесенная Ѳедоромъ Михайловичемъ на пушкинскомъ праздествѣ.

Старорусскій домъ Ѳедора Михайловича принадлежитъ его семейству и сохраняется, какъ и обстановка его квартиры, совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при жизни покойнаго Единственное дополненіе, которое позволили себѣ сдѣлать наследники, это—украсить стѣны квартиры портретами и бюстами покойнаго Ѳедора Михайловича ¹⁾.

Квартира эта носитъ на себѣ живой отпечатокъ того, кто прямо къ себѣ могъ бы отнести слова своего старца Зосимы: «Отсѣкавъ отъ себя потребности лишнія и ненужныя». Лишняго и никогда не было, да и не могло быть въ жизни Достоевскаго. На все «лишнее» онъ смотрѣлъ какъ на «заѣданье чужаго вѣка». Только подъ конецъ жизни и приобрѣлъ онъ этотъ скромный домикъ въ тысячу съ небольшимъ—единственную свою собственность. Какъ просторенъ и какъ роскошенъ въ сравненіи съ нимъ тотъ домъ, который выстроенъ для школы въ память Ѳедора Михайловича А. Г. Достоевскою. Русскимъ людямъ не грѣхъ бы почаще предпринимать своего рода паломничество въ Старую Руссу, чтобы побывать въ кабинетѣ Достоевскаго. Мы вѣримъ, что школа не оскудѣетъ, что «народная тропа не заростетъ» къ старорусской народной святынѣ.

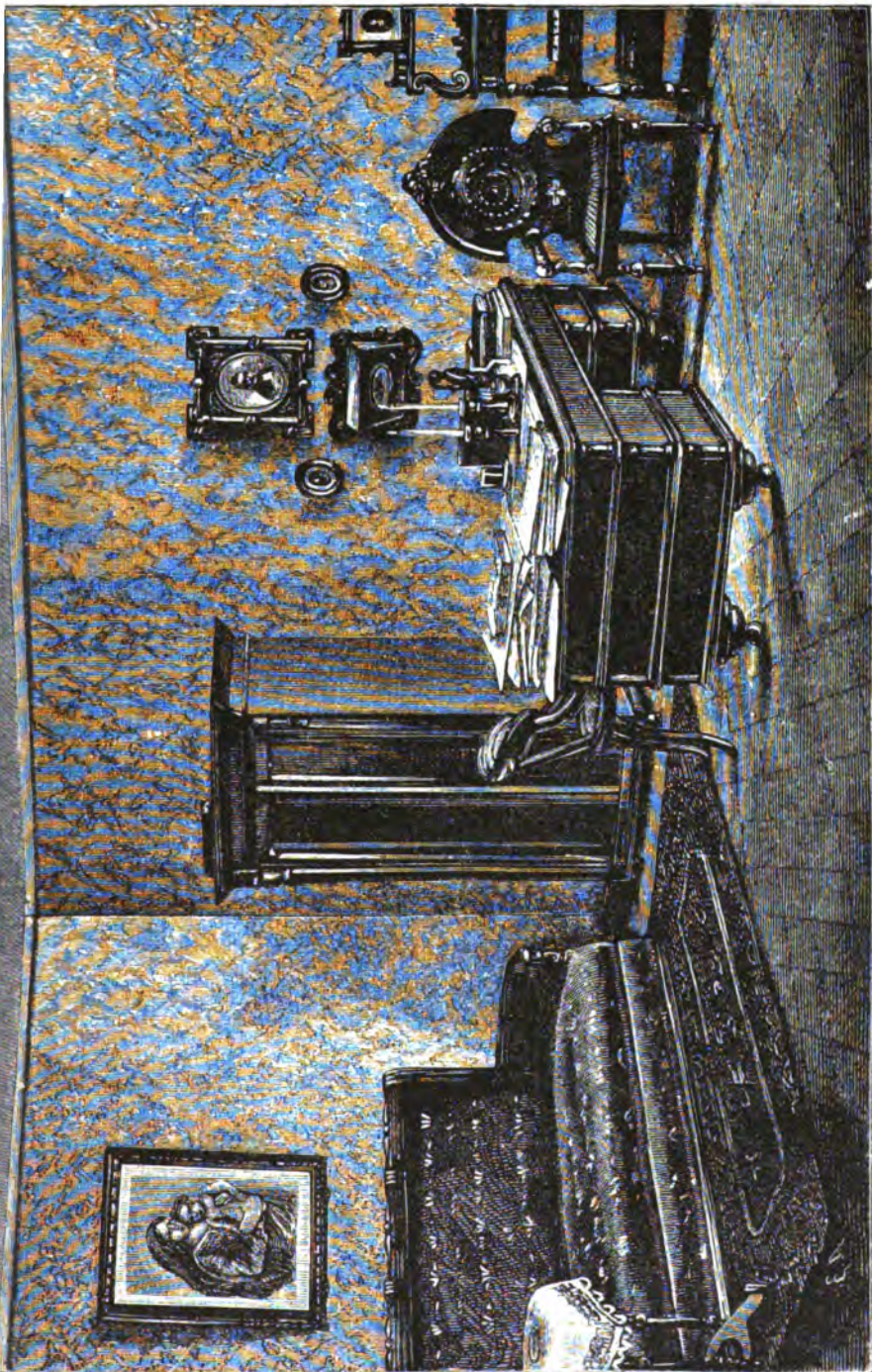
Въ Петербургѣ въ послѣдніе годы Ѳедоръ Михайловичъ жилъ на углу Ямской улицы и Кузнечнаго переулка, въ домѣ Клинокострема, № 2—5 ²⁾.

Квартиру эту Ѳедоръ Михайловичъ занялъ осенью 1878 года и прожилъ въ ней до самой своей смерти. Въ этой-то квартирѣ и находился кабинетъ Ѳедора Михайловича, изображенный на рисункѣ. Здѣсь написаны были большая часть романа «Братья Карамазовы» и единственный номеръ «Дневника Писателя» за 1881 годъ.

На стѣнахъ находились портреты самого Ѳедора Михайловича и его дѣтей; на этажеркѣ портретъ его жены. Надъ диваномъ по-

¹⁾ Всѣ эти свѣдѣнія доставлены А. Г. Достоевскою.

²⁾ И эти свѣдѣнія доставлены А. Г. Достоевскою.

Кабинет Ф. М. Достоевского въ его петербургской квартирѣ, въ которой онъ скончался.

мѣщалась большая фотографія, изображающая Сикстинскую Мадонну, произведеніе, которое Федоръ Михайловичъ считалъ величайшимъ изъ произведеній искусствъ.

Очень можетъ быть, что она напоминала ему и стихи его дорогого поэта:

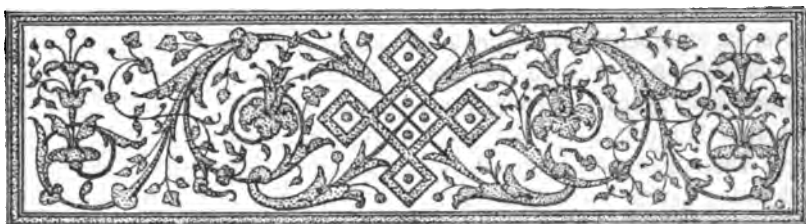
Исполнились мои желанія: Творецъ
Тебя мнѣ испослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

Такого рода «роскошь», конечно, не была «лишнею». Другой же Достоевскій и не зналъ, и не хотѣлъ знать. Люди, язвительно придирающіеся къ заботамъ денежнаго свойства въ его заграничныхъ письмахъ, не хотятъ знать, что эти вполне трудовыя деньги уходили на уплату долговъ покойнаго брата, да на то, чтобы только просуществовать съ семьей. Пишущій эти строки, къ несчастію, только поздно узнавъ и оцѣнивъ Федора Михайловича, имѣлъ, кажется, полное право сказать про него при освященіи его старорусской школы: «Для этого человѣка вовсе не существовалъ тотъ «процентъ» съ чужой жизни, о которомъ говорилъ онъ съ такимъ отвращеніемъ.Человѣкъ этотъ жилъ, какъ писалъ; и онъ дѣйствительно имѣлъ право писать то, что писалъ».

Ор. Миллеръ.

28-го января
1887 года,
день смерти Достоевскаго.

СРЕДИ СКИТНИЦЬ¹⁾.

V.

Восточная и западная дороги Семеновскаго уѣзда.—Старинный торговый трактъ и движеніе по немъ.— Старообрядческіе старцы и ихъ могилы.— Дѣянова, Песочное, Пафнутово.— Живописная долина Линды.— Большія и богатія избы.— Валуны.— Лѣсная мѣстность.— Скиты.— Красильщики.— Казанцово— родовое имѣніе П. И. Мельникова.— Воспоминанія о немъ крестьянъ.— Степанъ Ивановичъ.— Неимѣніе самоваровъ и водки.— Буря.— Кеца.— Отсутствие кабаковъ въ цѣлыхъ волостяхъ.— Отсутствие пьяницъ.— Старообрядки.— Виды на Нижній Новгородъ.

ВЪ СѢВЕРНОЙ своей части Семеновскій уѣздъ вдается въ Костромскую губернію двумя острыми въ своей вершинѣ клиньями, которые на картѣ представляются какъ бы полуостровами, соединенными въ своемъ основаніи съ остальною частію уѣзда. При основаніи западнаго изъ этихъ полуострововъ расположена большая деревня Казанцова, часть которой досталась въ наслѣдство отъ родителей П. И. Мельникову, гдѣ онъ и провелъ нѣкоторые года своего дѣтства. Поѣздка въ Казанцову давала возможность обозрѣть съ тѣмъ вмѣстѣ другую часть Семеновскаго уѣзда, лежащую болѣе къ западу.

Изъ Семенова мнѣ пришлось выгѣхать, при ясной погодѣ (отъ солнца снѣгъ моментально растаялъ), по прежнему почтовому тракту, идущему отъ Нижняго. Эта дорога составляетъ старинный торго-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXVII, стр. 308.

вый путь, отъ Арзамаса чрезъ Нижній Новгородъ на сѣверъ, въ Костромскую и Вятскую губерніи. Движеніе, особенно товарное, по этому тракту въ Семеновскомъ уѣздѣ значительное. Напримѣръ, овесъ изъ Яранскаго уѣзда въ Нижній Новгородъ и Москву проходитъ транзитомъ чрезъ Семеновъ въ такомъ количествѣ, что чрезъ послѣдній городъ еженедѣльно только съ однимъ овсомъ проходитъ до тысячи возовъ. Отъ берега Волги дорога идетъ преимущественно по безлѣсной мѣстности, но отъ селенія Слободскаго, за Кантауровомъ, приходится ѣхать до Семенова сплошнымъ лѣсомъ, за немногими исключеніями по сосѣдству деревень, расположенныхъ на дорогѣ. Не смотря на шедшіе предъ тѣмъ нѣсколько недѣль дожди, дорога была сносная, хотя мѣстами приходилось дѣлать объѣзды стороною, именно гдѣ скопившаяся вода образовала топи. Для облегченія пути по подобнымъ болотинамъ, дорога къ Семенову вымощена на десятки верстъ булыжнымъ камнемъ, чѣмъ уничтожены прежнія неудобныя гати. Мощеная дорога была хороша. Повидимому, земство намѣрено улучшить такимъ способомъ семеновскій трактъ и по остальному пути, такъ какъ матеріаль, необходимый для того, собирается по сторонамъ. Въ послѣдніе годы этотъ трактъ сократили на семь-восемь верстъ, прорубивъ для того лѣсъ, тѣмъ болѣе, что на прежней дорогѣ по топкости мѣста были необходимы деревянныя гати. Въ Слободскомъ отъ главнаго тракта отдѣляется дорога, съ земскими почтовыми станціями, на Хохлому, къ границѣ Костромской губерніи. По этой дорогѣ также было при моемъ проѣздѣ значительное движеніе, потому что обозы десятками направлялись съ нижегородской ярмарки съ товарами въ разныя мѣста Заволжья.

Проѣхавъ деревню Дѣянову, въ четырехъ верстахъ отъ Семенова, мы свернули съ нынѣшняго тракта на прежній, нынѣ, какъ уже сказано, оставленный, и направились густымъ лѣсомъ на деревню Песочную, лежащую въ 13 верстахъ отъ уѣзднаго города. Вблизи деревни Дѣяновой находится въ лѣсу гробница извѣстнаго въ исторіи раскола старца Софонтія, на могилѣ котораго ежегодно въ Духовъ день старообрядцы являются въ большомъ числѣ для поклоненія ему. Между деревнею Песочною и въ одной верстѣ отъ нея лежащимъ селомъ Пафнутовымъ, на рѣкѣ Линдѣ, похороненъ отецъ Никандрій, также глубоко чтимый поповщинскимъ согласіемъ. А около Пафнутова, какъ извѣстно, во время преслѣдованія нижегородскимъ архіепископомъ Питиримомъ заволжскихъ старообрядцевъ, сожжено было на кострахъ нѣсколько поповщинскихъ старцевъ.

Послѣ Пафнутова мы проѣхали до деревни Зубово селеніями Рюхина, Большая и Малая Дуброва. Пейзажъ въ этой мѣстности совершенно иной, чѣмъ къ востоку отъ Семенова, къ Керженскому монастырю. Холмистая мѣстность на большихъ протяженіяхъ ли-

пена вовсе лѣсовъ. Рѣка Линда протекаетъ вблизи дороги въ крутыхъ, высокихъ берегахъ, по довольно широкой, живописной долинѣ, развѣтвляясь между многими островами. Между тѣмъ какъ къ востоку отъ Семенова еще наканунѣ видѣлись овсы несжатые, почти зеленые, въ западной части уѣзда овсы были уже сжаты совершенно желтые, или жатва при насъ оканчивалась. Льны же

Типы старовѣрокъ.

лежали на поляхъ. Избы въ деревняхъ большія, съ узорчатыми украшениями, съ свѣтелками на верху, съ крытыми дворами, соединяющими мѣстами по двѣ избы, принадлежащія одному и тому же хозяину. Избы, съ высокими подклѣтями, имѣютъ по пяти оконъ на улицу и по два окна по сторонамъ жилья, и крыты тесомъ. Вообще замѣтна своего рода зажиточность. Кабаковъ не видать. Женщины преимущественно одѣты въ сарафаны темнаго цвѣта. Ле-

стовки въ избахъ, у божицъ въ углахъ, свидѣтельствуютъ, что дома принадлежать старообрядцамъ.

При поворотѣ съ стараго тракта, по мѣрѣ углубленія къ сѣверо-западу, намъ стали попадаться въ почвѣ, особенно въ ея разрѣзахъ, массы валуновъ, разныхъ горныхъ породовъ, доставляющихъ булыжникъ для замощенія дороги изъ Нижняго Новгорода въ Семеновъ. Въ восточной части Семеновскаго уѣзда я не встрѣчалъ подобнаго скопленія валуновъ. Берега рѣчекъ въ западной части уѣзда покрыты бѣлымъ кварцевымъ пескомъ и разноцвѣтною галькою. Въ Заволжѣ въ ходу своеобразная легенда про эти валуны. По словамъ ея, послѣдніе русскіе богатыри, побѣдивъ татарскую погань, хвалились, что могутъ даже выдержать бой съ небесными силами, и въ наказаніе за свою гордыню оборочены были въ подобные камни.

Въ Зубовѣ мы остановились, для перемѣны лошадей и для найма ихъ на поѣздку въ Казанцову и обратно, потому что въ послѣдней деревнѣ нѣтъ земской станціи. Въ просторной избѣ старообрядца (иконы въ божицахъ были завѣшаны и подлѣ нихъ висѣла лестовка) было чисто, опрятно.

— Ваше благородіе, — сказалъ мнѣ старикъ-хозяинъ: — прикажите запрячь тройку. Дорога до Митюшина послѣ дождей стала непролазною. И тройкою трудно будетъ ѣхать, не только парюю.

— Что же дѣлать? Тройкою надобно ѣхать, — поѣдемъ тройкою.

— Покорно благодарю. Лошадкамъ легче будетъ.

— Сколько же приходится съ меня изъ Зубова въ Казанцово, а затѣмъ обратно въ село Чистое Поле, гдѣ есть земская станція?

— Лишняго не беру. Мы считаемъ столько-то версть, а потому и заплатите прогоны по числу версть.

Пришлось отдать крайне умѣренную сумму.

Спутнику моему захотѣлось покурить. Я замѣтилъ ему, что мы въ домѣ старообрядца.

— А что, хозяинъ, въ горницѣ можно курить?

— Здѣсь можно, — отвѣчалъ онъ, нисколько не колеблясь.

Дѣйствительно, до деревни Митюшина дорога вскорѣ послѣ Зубова пошла листовымъ лѣсомъ по топкому, глинистому грунту, избитая колеями, наполненными водою. Не смотря на тройку сильныхъ, сытыхъ лошадей, мы тащились почти шагомъ. Паръ валилъ съ лошадей. За деревнею Митюшиною мы также много ѣхали лѣсомъ, но дорога уже была лучше, чѣмъ до этой деревни. Между Зубовою и Митюшиною по дорогѣ мы, сколько помнится, не встрѣтили ни телѣги, ни пѣшехода. Тутъ царствовало такое же безлюдіе и безмолвіе, какъ и на пути изъ Керженскаго Благовѣщенскаго монастыря. Влѣво дороги отъ Зубовой на Казанцову остался у насъ Гордѣевскій скитъ, вправо за Митюшиною — Митюшинскій, а въ трехъ верстахъ отъ Казанцовой — Кошелевскій. Правѣе Ми-

ттюшинскаго скита, между нимъ и почтовымъ трактомъ, идущимъ на сѣверъ отъ Семенова, лежатъ Комаровскій, Шарпанскій, Федосѣевскій, Крутовражскій и другіе скиты. Всѣ они были поповщинскаго согласія, такъ что эта мѣстность, до разоренія скитовъ въ пятидесятихъ годахъ, имѣла первостепенное значеніе въ нашемъ старообрядчествѣ. Отъ нѣкоторыхъ скитовъ не осталось и слѣда. Въ Комаревскомъ еще живутъ нѣкоторыя старицы.

Въ деревнѣ Митюшиной живетъ красильщикъ, разрисовывающій деревянную мебель и деревянную посуду, которую онъ или самъ дѣлаетъ, или приобретаетъ у мастеровъ-столяровъ. Разрисовываетъ онъ по трафаретамъ, для которыхъ рисунки въ русскомъ стилѣ принадлежатъ къ его изобрѣтеніямъ. Нѣкоторыя изъ вещей разрисованы имъ изящно и со вкусомъ. Первоначально онъ покрываетъ дерево олифою, затѣмъ выполняетъ рисунокъ по трафарету, а послѣ того до шести разъ наводитъ лакъ и держитъ сутки въ нагрѣтой печи. Безъ такого нагрѣванія лакъ оказывается непрочнымъ, сходитъ съ вещи вмѣстѣ съ рисункомъ. Подобныя лакированныя вещи очень красивы. У красильщика мы видѣли большой запасъ, какъ вполне оконченныхъ вещей, такъ и окрашенныхъ, но не покрытыхъ лакомъ. Безъ лакировки краски до того непрочны, что отъ малѣйшей сырости линяютъ и сходятъ. Вообще въ этой мѣстности Семеновскаго уѣзда, прилегающей къ Костромской губерніи, во многихъ селеніяхъ занимаются окраскою деревянной посуды, приобретаемой въ этой губерніи. Центральное мѣсто этого кустарнаго промысла село Хохлома, лежащее между деревнею Казанцовою и границею Костромской губерніи, на рѣкѣ Хохломѣ, впадающей въ Узолу. По средамъ въ Хохломѣ бываютъ базары, на которыхъ производится покупка привозимаго туда щепнаго товара, преимущественно блюды и чашекъ.

Невдалекѣ отъ деревни Казанцовой мы выѣхали, наконецъ, изъ лѣса на поляну. Въ это время, около шести часовъ по полудни, набѣжала внезапно черная туча съ вихремъ и обдала насъ проливнымъ дождемъ со снѣгомъ и градомъ. Сильный вѣтеръ не давалъ возможности укрыться въ тарантасѣ, не смотря на всѣ его дорожныя приспособленія, отъ дождя, которымъ насъ хлестало и спереди, и съ боковъ, и порядкомъ промочило. Въ подобную непогоду мы выѣхали, по длинному, исправному, высокому мосту, выстроенному черезъ рѣку Линду, на высокій ея берегъ, на которомъ расположена Казанцова, вмѣщающая въ себѣ едва ли не 60 крестьянскихъ дворовъ. Крестьянинъ, отворившій намъ ворота, заграждавшія съ моста въѣздъ въ деревню, оказался одною изъ низшихъ сельскихъ властей и пригласилъ къ себѣ въ избу обогрѣться.

Мы попросили поставить себѣ самоваръ, чтобы согрѣться чаемъ. Хозяинъ обѣщалъ намъ достать его. Послѣ долгихъ поисковъ, самоваръ оказался въ единственномъ экземплярѣ во всей деревнѣ у

какого-то отставнаго солдата. Принесли намъ молока и вкуснаго, хорошо выпеченнаго, чернаго хлѣба. Въ избу понемногу стали набираться крестьяне. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ семьѣ хозяина, другіе, повидимому, явились изъ любопытства, тѣмъ болѣе, что и около нашего тарантаса толпились мужички и разговаривали съ ямщикомъ.

— Вы не бывшіе мельниковскіе? — спросилъ я у одного изъ крестьянъ.

— Нѣтъ.

— А нѣтъ ли кого изъ нихъ?

— Не знаемъ.

— У Павла Ивановича Мельникова былъ здѣсь управляющій. Живъ онъ или нѣтъ?

— Никакого управляющаго мы не знаемъ.

— Онъ былъ старшиною; звали его Иванъ Петровъ.

— Ивана Петрова знали. Онъ уже померъ. Послѣ него остался сынъ Степанъ Ивановичъ.

— Нельзя ли его позвать сюда. Намъ желательно съ нимъ переговорить.

Разговоръ пошелъ про непогоду, захватившую неожиданно всѣхъ въ полѣ на работѣ, особенно женщинъ, которыя насквозь промокли, прежде чѣмъ добрались до домовъ.

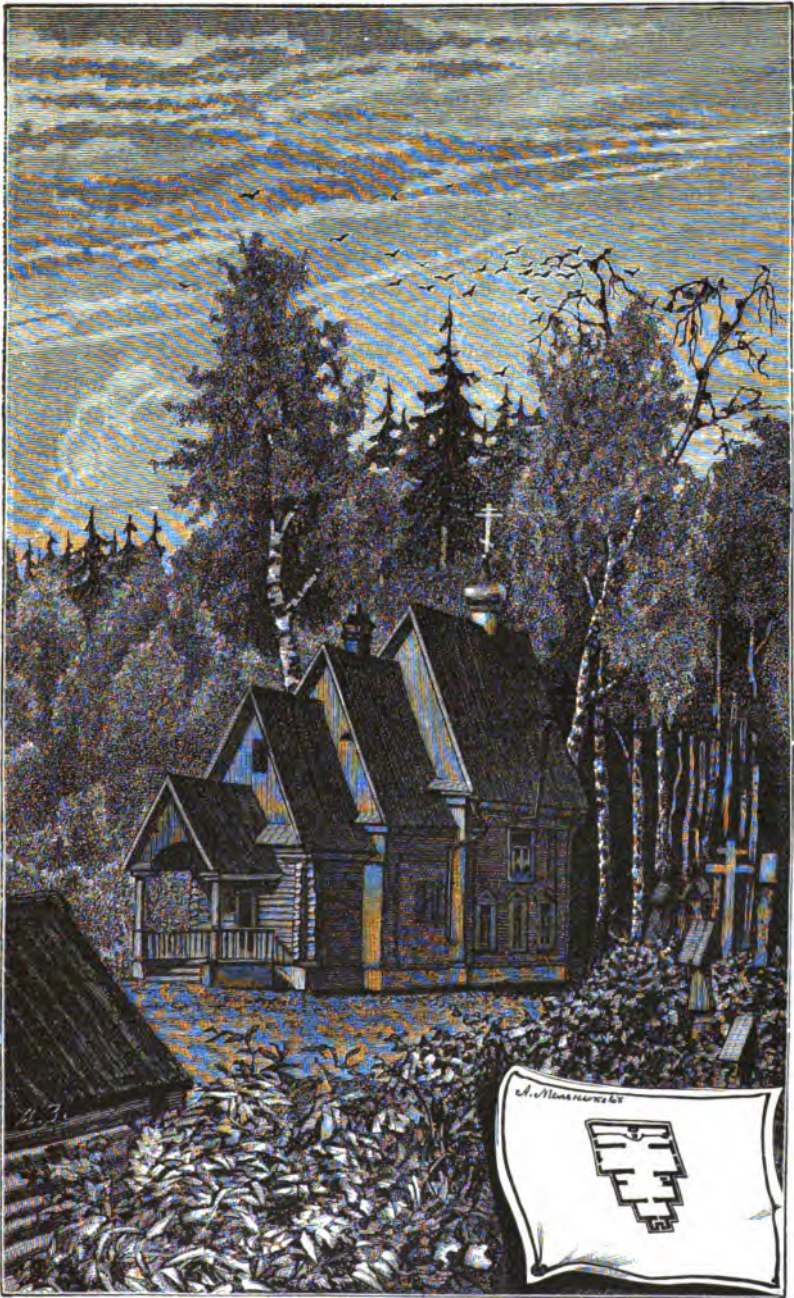
— Ну, и дорога къ вамъ отъ Зубова до Митюшиной убійственная! — сказала я: — что же ее не исправятъ?

— А для чего? — былъ мнѣ отвѣтъ: — никто изъ нашего начальства по ней не ѣздитъ. Оно дѣлаетъ объѣздъ на деревню Фундрикову, гдѣ потому и дорога отличная.

Вошелъ въ избу Степанъ Ивановичъ, сынъ того старшины Ивана Петрова, умнаго, грамотнаго, бывшаго начетчика, бывшаго сыномъ также начетчика, съ которымъ П. И. Мельниковъ, по его словамъ, проводилъ цѣлые вечера въ разговорахъ о расколѣ¹⁾, когда Иванъ Петровъ пріѣзжалъ въ Нижній. Казанцова населена коренными старообрядцами поповщинскаго согласія. Они значились таковыми изстари по книгамъ земскаго суда, и дѣды ихъ поэтому платили двойные оклады. Степанъ Ивановичъ также оказался умнымъ, развитымъ, красивымъ крестьяниномъ и, сколько я могъ замѣтить, пользовался особымъ вниманіемъ, какъ бы почетомъ, со стороны своихъ односельчанъ. Я спросилъ его, знаетъ ли онъ П. И. Мельникова.

— Какъ не знать! И изъ рассказовъ моего отца про него хорошо его знаю, и самъ имѣлъ случай видѣть его и говорить съ нимъ. Когда померли родители Павла Ивановича, то ему въ Казанцовой достались въ наслѣдство 12 душъ, а сестрѣ его, сконча-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», 1884 г., т. XVIII, стр. 39.

Внѣшній видъ Городецкой часовни.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Мельниковымъ.

вшейся дѣвицею, и брату его по 14 душъ. Павелъ Ивановичъ былъ добръ до насъ. Что бывало ни случится, сейчасъ къ нему за совѣтомъ въ Нижній. И научить, и посовѣтуеть, какъ сдѣлать. Если бывало, полиція, въ прежніе-то годы, чѣмъ станетъ притѣснять насъ,—мы къ нему, въ Нижній. Павелъ Ивановичъ скажетъ, что намъ отвѣчать полицейскимъ, какъ держать себя, и все сдѣлается, какъ онъ заранѣе намъ объяснить. До сихъ поръ мы его помнимъ: не давалъ онъ насъ въ обиду никому. Да мало того. Онъ намъ, крестьянамъ, за много лѣтъ заранѣе разсказалъ, какъ намъ дадутъ волю, какъ это все сдѣлается, какъ потомъ мы будемъ жить, какіе у насъ будутъ порядки. И все, что онъ говорилъ намъ, — все сбылось такъ, какъ онъ выкладывалъ передъ нами. И того не можемъ забыть болѣе всего, что Павелъ Ивановичъ впередъ намъ какъ бы предсказалъ нашу нынѣшнюю участь. Хорошій, честный¹⁾ былъ баринъ! Все зналъ, все вѣдалъ, ну, словомъ, «дошлый» былъ человекъ.

Всѣ присутствующіе молча слушали нашъ разговоръ съ Степаномъ Ивановичемъ про Мельникова. Сальный огарокъ тускло освѣщалъ обширную горницу избы и набравшихся въ нее людей. Но если къ намъ, пріѣзжимъ, и было какое либо недобѣріе въ началѣ со стороны жителей Казанцовой, то оно затѣмъ вполне разсѣялось, и почти каждый изъ нихъ старался чѣмъ нибудь услужить намъ, быть полезнымъ въ какомъ либо отношеніи. Мы находились въ одномъ изъ сельскихъ лѣсныхъ захолустій Нижегородскаго Заволжья, но этому самому захолустью, по отношенію къ радушному гостепріимству, могло позавидовать любое иное мѣсто. По сосредоточенности на умныхъ, выразительныхъ лицахъ окружавшихъ насъ крестьянъ видно было, что разсказъ Степана Ивановича, про бывшего его помѣщика, произвелъ на нихъ сильное впечатлѣніе.

Дождь и буря прекратились. Мы стали прощаться съ нашими собесѣдниками. Я далъ хозяину рубль за самоваръ, хлѣбъ, молоко.

— Слишкомъ много, — сказалъ онъ, отдавая мнѣ обратно кредитную бумажку. — Нельзя ли поменьше. Молоко и хлѣбъ не стоятъ рубля.

— Возьмите для своей хозяйки. Она мнѣ привнесла молока.

¹⁾ При свиданіи, лѣтомъ 1884 года, въ Нижнемъ съ Александромъ Серафимовичемъ Гацскимъ, онъ мнѣ, между прочимъ, сообщилъ, что, во время своихъ разъѣздовъ въ 1870—1876 годахъ по Заволжью, онъ старался на мѣстѣ убѣдиться въ справедливости слуховъ о поборахъ и взяткахъ П. И. Мельникова съ раскольниковъ, во время его службы въ Нижегородской губерніи. Тщательные разспросы А. С. Гацскаго убѣдили его, что слухи не имѣютъ никакого основанія. А. С. Гацскій, какъ мнѣ извѣстно, имѣетъ хорошія знакомства среди заволжскихъ раскольниковъ. Слова его подтвердили сказанное мною по этому же поводу о П. И. Мельниковѣ въ моихъ воспоминаніяхъ о немъ, появившихся въ газетѣ «Новое Время», въ мартѣ 1883 года.

— Бери, — сказалъ Степанъ Ивановичъ. — Даютъ отъ добраго сердца.

Послѣ дождя съ градомъ и снѣгомъ температура воздуха сильно понизилась. Переходъ изъ теплой избы на холодъ вызвалъ въ моемъ спутникѣ лихорадочный пароксизмъ. Я попросилъ у хозяина водки для него.

— Нѣтъ, батюшка. Не употребляю вина и не держу.

— Нельзя ли у сосѣдей достать? Сбѣгайте! Я съ удовольствіемъ заплачу и за водку, и за хлопоты.

— Съ удовольствіемъ бы, да у насъ въ деревнѣ вина нѣтъ и въ заводѣ. Ни у кого не достанете. Намъ не жаль, если бы оно было.

Другіе подтвердили слова моего хозяина. Такимъ образомъ на дѣлѣ оправдались слова П. И. Мельникова, сказанныя имъ про обитателей Казанцовой, что «вина капли въ ротъ не берутъ». Нынѣшнее поколѣніе осталось въ этомъ отношеніи вѣрнымъ завѣту своихъ отцовъ и дѣдовъ. Отъ того и въ захолустѣ, на холодной, неблагодарной почвѣ, живутъ, если не богато, то зажиточно, люди старой вѣры, не зная, что такое значить недоимка въ слѣдующихъ съ нихъ платежахъ и повинностяхъ.

Деревня Казанцова лежитъ невдалекѣ отъ села Хохломы, по которому всѣ селенія въ ближайшей къ нему мѣстности называются Хохломою. Въ Семеновскомъ уѣздѣ усвоены населеніемъ такія общія наименованія для разныхъ его мѣстностей. Такъ, напримѣръ, мѣстность отъ села Боръ, лежащаго насупротивъ Нижняго Новгорода, до Слободскаго называется Чистъ, пространство между верховьями рѣкъ Линды и Кезы — Починками, селенія около Семёнова—Монастырщина; на пять верстъ отъ села Кантоурова—Кантоуровъ, селенія вверхъ по рѣкѣ Везломѣ—Мещеры; между рѣкою Узолою, текущею по Балахнинскому уѣзду и впадающею въ Волгу выше Балахны, и Кантоуровымъ — Зауолье, пространство между рѣками Везломою и Ватамою—Капустино и т. д.

Выѣхавъ изъ Казанцовой, мы направились первоначально по прежней дорогѣ на Митюшину, но подлѣ нея своротили на деревню Архипову, село Спасъ-на-Кезѣ, деревню Волчиху до села Чистое Поле, также на рѣкѣ Кезѣ. Путь нашъ направлялся прямо съ сѣвера на югъ по Семеновскому уѣзду, по мѣстности холмистой, но почти безлѣсной, послѣ деревни Митюшиной, гдѣ мы покинули лѣса, окружающіе какъ это селеніе, такъ и Казанцову. Въ догонку намъ дулъ съ сѣвера вѣтеръ, съ каждымъ часомъ усиливавшійся и къ ночи обратившійся въ бурю, отъ которой дрожали рамы въ господской половинѣ дома волостнаго правленія. Сѣверный вѣтеръ принесъ съ собою морозъ. Теплый армякъ на нашемъ ящикѣ, намокшій отъ бывшаго передъ тѣмъ дождя, стоялъ теперь коломъ. Лужи по дорогѣ замерзли. Шедшіе намъ на встрѣчу обозы располагались на ночлегъ по опушкамъ лѣсовъ и разводили огром-

ные костры. Утромъ 5-го сентября по полямъ дымились небольшіе огни, разведенные жавшими остатки овса крестьянками, которыя по временамъ грѣлись около этихъ костровъ: до того было холодно, вслѣдствіе бури, налетѣвшей съ береговъ Бѣлаго моря.

Рѣка Кева, какъ и рѣка Линда, мѣстами течетъ красивою, глубокою долиною. Въ селѣ Чистомъ Полѣ, населенномъ «церковниками», какъ выражаются здѣшніе старообрядцы, оказался кабакъ. По отношенію къ питейнымъ домамъ, Семеновскій уѣздъ отличается необыкновенною чистоплотностью. Я уже замѣтилъ, что отъ Семенова до деревни Казанцовой я не видалъ по дорогѣ ни одного кабака. Въ Дровдовской волости, въ которой числится около 1,700 душъ, нѣтъ ни одного кабака. По одному находится въ Чистопольской и Кононовской волостяхъ (послѣдняя ближайшая къ селу Бору), которыя также многолюдны. Гдѣ и находятся кабаки, то они отстоятъ не менѣе какъ по пятнадцати верстѣ одинъ отъ другаго ¹⁾.

Въ селѣ Захаровѣ, въ сторонѣ отъ главнаго тракта на Семеновъ, бывають въ году три небольшія ярмарки, а между тѣмъ тамъ нѣтъ ни кабака, ни выставки, хотя вмѣстѣ съ старообрядцами въ немъ живутъ и православные. Изъ Нижняго Новгорода въ Семеновъ я ѣхалъ въ воскресный день, по почтовому тракту, миновалъ нѣсколько селъ и деревень, а между тѣмъ не встрѣтилъ ни одного пьянаго, или даже подгулявашаго на столько, чтобы это состояніе было замѣтно съ перваго взгляда. Всѣ ямщики во время поѣздокъ моихъ по Семеновскому уѣзду были трезвы. Я слышалъ, хотя повѣрить на дѣлѣ не могъ, что трезвость старообрядцевъ вліяетъ и на православныхъ. Всѣ семьи ложкарей, посѣщенные мною, не представляли ни одного пьянаго человѣка, хотя въ нѣкоторыхъ избахъ, вмѣстѣ съ хозяевами и ихъ дѣтьми, работали наемники и хотя у иныхъ изъ нихъ я былъ утромъ въ понедѣльникъ, слѣдовательно пьяницамъ трудно было бы вполне быть уже трезвыми. Одинъ изъ токарей предложилъ мнѣ «угостить чаемъ», но о водкѣ никто не заикался. Трезвость старообрядческаго населенія въ Семеновскомъ уѣздѣ составляетъ замѣчательную особенность этой части Нижегородской губерніи.

Въ семьяхъ старообрядца большое значеніе имѣють женщины-хозяйки. Ими не только держится порядокъ въ домѣ, но и охраняется та замѣчательная чистоплотность, которая бросалась мнѣ въ глаза при входѣ въ жилое помѣщеніе, прежде чѣмъ я успѣвалъ усмотрѣть божницу съ иконами, пеленами, лестовками. Даже въ рабочихъ избахъ ложкарей было опрятно и только стружки и ос-

¹⁾ Нынѣ я слышалъ, что съ 1884 года, когда я ѣздилъ по Семеновскому уѣзду, относительно кабаковъ, тамъ многое измѣнилось къ худшему. Число кабаковъ стало увеличиваться въ послѣдніе годы.

татки дерева, неизбежные слѣды самого производства въ самый его разгаръ, оставались неубранными. Съ покойнымъ, строгимъ лицомъ, у нѣкоторыхъ выразительнымъ и красивымъ, вслушивались они въ рѣчь и отчетливо и съ какимъ-то убѣжденіемъ въ говоримомъ отвѣчали на вопросы. Одежда старообрядскихъ женщинъ мало чѣмъ отличается отъ обыкновенной крестьянской, хотя темные цвѣта ихъ сарафановъ бросались поневолѣ въ глаза при проѣздѣ по деревнямъ. Головные платки повязаны у нихъ обыкновенно ропускомъ. Но на божественную службу, въ часовни и модельни, старообрядчицы являются въ сарафанахъ особаго стариннаго покроя, съ мелкими нашитыми на нихъ металлическими пуговицами, въ головныхъ платкахъ съ вытканными на нихъ узорчатыми бахромами или полосами по краю. Платки эти чернаго цвѣта нарочно для того ткутся на нѣкоторыхъ московскихъ фабрикахъ въ значительномъ количествѣ.

Изъ Чистаго Поля, чрезъ деревни Зрилки, Коровину, село Кресты съ деревянною церковью, Красноярье, Зоренки, Морозову, Тоскуйку, мы выѣхали въ Слободское на Семеновскій почтовый трактъ. Нѣкоторые мѣста его до того возвышены, что съ одного изъ нихъ намъ открылся, во всемъ блескѣ яснаго утра, великолѣпный видъ Нижняго Новгорода, хотя съ этого мѣста до села Боръ, на берегу Волги, оставалось еще 17 верстъ по почтовой дорогѣ. Очевидно, что по прямому направленію Нижній Новгородъ былъ уже гораздо ближе къ намъ. На разстояніи 16 верстъ отъ Бора, намъ показались вдали Доскинскія горы, лежація за Нижнимъ Новгородомъ на рѣкѣ Окѣ. Вообще, если на откосъ въ Нижнемъ приходятъ любоваться дивными видами на лѣсную даль Семеновскаго уѣзда, то не менѣ живописные пейзажи открываются съ его возвышенныхъ мѣстъ на правый берегъ Волги, на Нижній Новгородъ и на горы праваго возвышеннаго берега Оки.

VI.

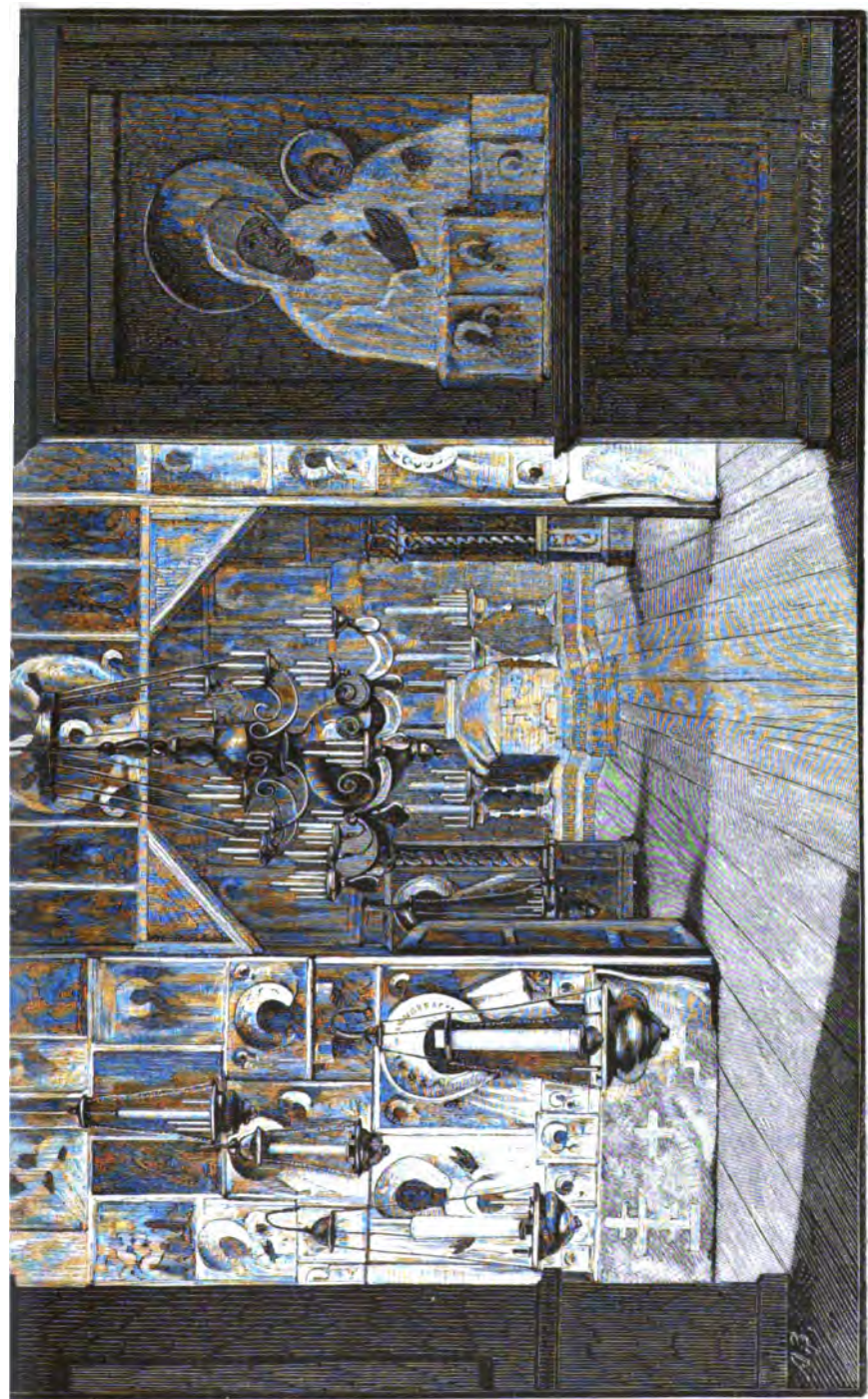
Село-городъ. — Базары Городца. — Четыре слободы и шесть деревень. — Легенды про гору Оползень и про гору Кирилову. — Великокняжеская столица. — Разореніе Городца татарами. — Возобновленіе его. — Старинныя въ немъ церкви. — Знаменитая старообрядческая часовня. — Городецъ — какъ центръ поповщины. — Внутренность часовни. — Богатство древнихъ иконъ. — Богадѣльня. — Замѣчательныя царскія врата. — Единовѣрческая церковь. — Борьба между единовѣрцами и старообрядцами. — Мисіонеръ Соколовъ. — Григорій Матвѣевичъ Прияшниковъ. — Его собранія. — Еще о Шарпанской иконѣ. — П. И. Мельниковъ и городецкіе старообрядцы. — Василевская часовня. — Законъ 1883 года. — Гуманное обращеніе. — Малиновскій скитъ. — Новыя часовни и модельни.

Произведенія кустарнаго промысла Семеновскаго уѣзда, деревянная посуда (горянцина), ложки и проч., сбываются оптовыми торговцами на базарахъ въ селѣ Городцѣ, лежащемъ въ Балах-

нинскомъ уѣздѣ, на лѣвомъ берегу Волги. По этой рѣкѣ, вѣдущей отъ Нижняго Новгорода до Городца насчитываютъ около сорока верстъ. Базары эти происходятъ цо субботамъ. Базарная площадь въ этомъ селѣ отошла къ его жителямъ по недоразумѣнію со стороны тогдашняго здѣшняго землевладѣльца, графа Виктора китича Панина, упустившего столь важную статью дохода. Въ Городцѣ сѣзжаются продавцы деревянныхъ издѣлій и покупаютъ съ тѣмъ вмѣстѣ хлѣба изъ Семеновскаго, Балахнинскаго и Карьевскаго (Костромской губерніи) уѣздовъ. Особенно многолюдны бываютъ базары зимою, когда на нихъ собирается около сорока тысячъ человѣкъ, такъ что содержатель кабака и трактира получаетъ въ обоихъ своихъ заведеніяхъ отъ 1,000 до 1,500 р. въ день. Деревянная посуда и ложки, покупаемыя на базарахъ въ Городцѣ, расходятся не только по всей Россіи, въ Сибири, на Кавказѣ, въ Киргизскимъ степямъ и другимъ нашимъ средне-азиатскимъ владѣніямъ, но сбываются также въ Бухару, Афганистанъ и другія сосѣднія съ ними независимыя отъ Россіи страны.

Городецъ лежитъ на возвышенностяхъ лѣваго берега Волги и расположенъ на немъ уступами или террасами. Городецъ, своеобразное село-городъ, подобно селамъ Павлову, Лыскову, Богородскому, значительно превосходящими уѣздные города, въ мѣстности которыхъ они находятся. Сверхъ того, Городцомъ собственно называютъ совокупность четырехъ слободъ и шести селеній. Слободы эти суть: коренной Городецъ, Верхняя слобода, Нижняя слобода и Скоморохово, а селенія: Кирилова, Каратайка, Верхняя Поляна, Воздвиженское, Оксеново, Подгорная слобода. До крестьянской реформы въ этихъ десяти селеніяхъ и слободахъ считалось 992 дома, въ томъ числѣ 18 каменныхъ, и 7,129 жителей. Нынѣ въ одномъ Городцѣ полагается около 4,000 жителей.

Городецъ имѣетъ за собою славное, древнее прошлое. По словамъ «Китижскаго лѣтописца», Городецъ назывался Малымъ Китижемъ, въ отличіе отъ баснословнаго города Великаго Китижа, стоявшаго на холмахъ у озера Свѣтлаго Яра (въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, на границѣ съ Костромскою, близь села Люнды) и погребеннаго на днѣ его, такъ что онъ бываетъ видѣнъ только очамъ праведниковъ. Такова легенда старообрядцевъ, которые ежегодно собираются сюда къ 23 іюня, на поклоненіе граду Китижу. Про Городецъ же существуютъ еще слѣдующія легенды. На горѣ Оползень, на которой стоитъ Городецъ, по ночамъ свѣтятся огни, указывая на мѣста забытыхъ могилъ умершихъ князей городецкихъ, которыя сами собой откроются передъ концомъ міра. Другая гора въ Городцѣ, Кирилова, также дала поводъ къ слѣдующему преданію. Если на плывущемъ внизъ по Волгѣ суднѣ находятся люди благочестивые, то рано утромъ гора Кирилова разступается и изъ нея выходятъ дивные старцы съ прось-

Внутренний видъ Городецкой часовни.
Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Мельниковымъ.

бою отнести поклонъ ихъ братьямъ въ Жегуляхъ (горы на Волгѣ передъ Самарою). Когда же подобное судно съ благочестивыми людьми подходитъ къ Жегулямъ, то находящіяся на суднѣ говорятъ: «Жегулевскіе старцы! вамъ шлетъ поклонъ гора Кирилова». Тогда Жегули, въ свою очередь, разступаются; изъ глубины горъ выходятъ чудные старцы и молча низко, пренизко кланяются благочестивымъ судоходцамъ. Если же послѣдніе почему либо забудутъ отдать Жегулямъ поклонъ, присланный Кириловою горою, то поднимается ужасная буря, и судоходцы неизбежно погибаютъ въ волнахъ Волги.

Основаніе Городца относится къ двѣнадцатому столѣтію. Основатель Нижняго Новгорода и Юрьева Поволжскаго, великій князь Юрій II Всеволодовичъ, построилъ и Городецъ, который и служилъ ему великокняжескою столицею съ 1216 по 1219 годъ. Юрій Всеволодовичъ соорудилъ въ Городцѣ также Феодоровскій монастырь, существующій донинѣ, хотя онъ и подвергался неоднократнымъ разореніямъ. Въ монастырѣ находилась чудотворная икона Феодоровскія Божія Матери, которая, послѣ разрушенія города и монастыря Батыемъ, перенесена была въ Кострому. Городъ и монастырь были вскорѣ послѣ того возобновлены. Въ Феодоровскомъ монастырѣ, въ 1263 году, скончался великій князь Александръ Невскій. Сынъ его, Андрей Александровичъ, даже будучи великимъ княземъ Владимірскимъ, постоянно жилъ въ Городцѣ, именно съ 1294 по 1304 годъ. Великій князь Андрей Александровичъ погребенъ въ Городцѣ, въ которомъ жили также и другіе его потомки, а также великій князь нижегородскій Борисъ Константиновичъ. Такимъ образомъ, нынѣшнее торговое село Городецъ было неоднократно въ своемъ прошломъ великокняжескою столицею.

Вторично Городецъ былъ разрушенъ татарами, подъ начальствомъ Эдигея, въ 1408 году, послѣ чего онъ около 150 лѣтъ лежалъ въ развалинахъ. О бывшемъ славномъ городѣ забыли. Въ семнадцатомъ столѣтіи, Городецъ переданъ былъ въ дворцовое вѣдомство послѣ того, что нѣкоторое время принадлежалъ Ксеніи Борисовнѣ, получившей его отъ царя Михаила Феодоровича. Императрица Екатерина II подарила его графу Орлову, отъ котораго, по наслѣдству, село перешло въ родъ графовъ Паниныхъ и князей Волконскихъ.

Эдигей вмѣстѣ съ городомъ разрушилъ и Феодоровскій монастырь. Въ новомъ видѣ, онъ былъ построенъ только въ 1700 году, по просьбѣ нынѣ вымершихъ князей Городецкихъ, но сгорѣлъ въ 1765 году и опять возобновленъ въ 1767 году, когда, во время посѣщенія Городца императрицею Екатериною II, въ немъ освящена была въ ея присутствіи церковь. Отъ древняго города Городца, разореннаго татарами, не сохранилось строеній, а остался только валъ, который окружалъ его на протяженіи двухъ верстъ. Этотъ

валъ находится на горѣ Оползень и спускается по ней къ берегу Волги. На верху этой горы валъ былъ окруженъ рвомъ. До 1408 года, какъ видно изъ лѣтописей, городъ былъ окруженъ по валу деревянною стѣною, но, съ разоренія Эдигея, она уже не была возобновляема. Внутри этого вала возвышается небольшая каменная церковь Михаила Архангела, сооруженная, въ 1707 году, на мѣстѣ бывшаго Архангельскаго собора, служившаго усыпальницею великихъ князей городецкихъ.

Съ колокольни соборной церкви Николая Чудотворца, построенной въ 1644 году и находящейся на горѣ въ Городцѣ, открывается великолѣпный видъ какъ на самое село, такъ и на Волгу и на противоположный берегъ. Рядомъ съ этимъ соборомъ находится церковь св. Троицы, сооруженная въ 1673 году. Въ ней замѣчательны древняя икона Спасителя Златыя Врата, почитаемая чудотворною, а также иконы Михаила Малейна и Аванасія Александрійскаго, съ старинными серебряными вызолоченными чешуйчатыми полями басменнаго дѣла. Подлѣ церкви Николая Чудотворца и св. Троицы находится красивая часовня, построенная, на средства городецкихъ жителей, въ память двадцатипятилѣтня царствованія императора Александра Николаевича. Часовня выстроена въ древнемъ русскомъ стилѣ, усвоеннымъ покойнымъ архитекторомъ Далемъ при подобныхъ же его сооруженіяхъ въ Нижнемъ Новгородѣ.

Городецъ славится въ старообрядческомъ мірѣ своею часовнею. Она сооружена въ немъ въ 1771 году, съ разрѣшенія императрицы Екатерины II, послѣ ея путешествія по Волгѣ. Сверхъ того, особымъ указомъ 1803 года, старообрядцамъ Городца позволено было имѣть священниковъ изъ иргизскихъ старообрядческихъ монастырей. Эти два указа сохранили доннынѣ городецкую часовню, съ ея богослуженіемъ и присущими ей попами, въ прежнемъ ея видѣ, не смотря на неоднократныя преслѣдованія старообрядцевъ и раскольниковъ въ Заволжѣ, въ продолженіе болѣе чѣмъ столѣтняго существованія этой часовни. Городецкая часовня не приняла австрійскаго (бѣлокриницкаго) священства и не имѣетъ нынѣ ничего общаго съ московскимъ рогожскимъ согласіемъ (кладбищемъ). Городецкая часовня составляетъ одинъ изъ главныхъ Божіихъ храмовъ старообрядцевъ. Число прихожанъ, принадлежащихъ къ городецкой часовнѣ въ прилегающей мѣстности, опредѣляется приблизительно въ 12,000 человекъ. Многочисленность ея прихода лучше всего доказываетъ ея значеніе среди заволжскаго поповщинскаго согласія. По своей часовнѣ, Городецъ является главнѣйшимъ средоточіемъ его въ Россіи.

По преданіямъ, Городецкая часовня построена на горѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ, задолго до никоновскаго раздора въ греко-россійской вѣрѣ, находился скудельный домъ, была маленькая часовня и хоронили умершихъ. Нынѣшняя часовня деревянная, окружена ка-

менною оградю, внутри которой находится кладбище. Надъ входными воротами въ оградѣ возвышается восьмиконечный крестъ и икона.

Если смотрѣть на городецкую часовню съ наружной стороны то кажется, какъ будто бы были взяты три деревянные дома и вставлены одинъ въ другой тремя уступами. Эти три дома соотвѣтствуютъ тремъ частямъ часовни. Первая часть, ниже всѣхъ, составляетъ паперть, вторая повыше — притворъ, въ которомъ во время богослуженія находятся однѣ женщины, и, наконецъ, послѣдняя часть — собственно молельня, гдѣ сосредоточиваются мужчины. Паперть часовни бревенчатая, остальная часть покрыта тесомъ. Крыша также тесовая и выкрашена красною краскою, между тѣмъ какъ остальная внѣшняя часть часовни коричневою. На задней стѣнѣ часовни, противоположной входу, возвышается до потолка многоярусный иконостасъ. Посреди иконостаса — царскія врата. Въ большихъ подсвѣчникахъ вставлены необыкновенно толстыя свѣчи желтаго воска.

Передъ иконами второго яруса находятся тонкія, длинныя, около 1½ аршина каждая, свѣчи также изъ желтаго воска. Эти свѣчи придерживаются охватывающимъ ихъ по срединѣ тонкимъ металлическимъ кольцомъ, а потому и кажутся издали какъ бы висячими въ воздухѣ. Напротивъ царскихъ вратъ, нѣсколько отступя, на особомъ возвышеніи, какъ бы на престолѣ въ алтарѣ, находится подъ стекляннымъ футляромъ богатое въ серебряной оправѣ Іосифовское Евангеліе.

Сверхъ задняго иконостаса, переполненнаго иконами, ихъ также много по остальнымъ стѣнамъ и выступамъ часовни. Очень много иконъ древняго письма. Самою древнею считается такъ называемая Палестинская икона, одинаковая съ Софійскою. Нѣкоторыя иконы замѣчательны правильностію своего письма и должны обращать на себя вниманіе художниковъ-иконописцевъ. Иныя изъ этихъ иконъ распространяютъ вокругъ себя своего рода мистицизмъ, стремившіяся живописными изображеніями соединить человѣчество съ духовнымъ міромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Городецкую часовню перешли древнія иконы нашихъ прадѣдовъ, сохраненныя для потомства любовію и привязанностію къ нимъ старообрядцевъ.

Въ этой часовнѣ находится замѣчательная плащаница, современная основанію часовни или даже древнѣе ея. На плащаницѣ изображены Спаситель, Никодимъ, Іосифъ, жены-мученицы; въ верхнихъ углахъ находятся по два ангела съ рипидами. Старообрядцы утверждаютъ, что подобной плащаницы нѣтъ даже въ московскихъ соборахъ и что, можетъ быть, такія плащаницы сохранились только еще въ нѣкоторыхъ старинныхъ ризницахъ.

По бокамъ входныхъ воротъ ограды, внутри ея, построены два одноэтажные каменные дома. Въ лѣвомъ отъ входа находится ке-

ларня, въ правомъ—помѣщеніе для причетниковъ. Влѣво отъ часовни при мнѣ (въ сентябрѣ 1884 года) доканчивалась внутренняя отдѣлка двухэтажнаго каменнаго дома, сооруженнаго на средства милліонера-старообрядца Петра Егоровича Бугрова, для призрѣнія престарѣлыхъ женщинъ, оставившаго въ своемъ завѣщаніи необходимыя для того средства. Для молельни этой богадѣльни при мнѣ, въ особой мастерской въ этомъ самомъ домѣ, отъ шести до семи иконописцевъ трудились надъ возстановленіемъ предназначенныхъ для нея иконъ. Всѣ эти иконы замѣчательны древностью своего происхожденія и, повидимому, давно хранились при Городецкой часовнѣ. Возобновленіе ихъ дѣлается искусными руками приглашенныхъ для того мастеровъ. Но замѣчательнѣе всего оказываются царскія врата, предназначенныя для этой молельни. Нѣкоторые полагаютъ, что иконы на нихъ даже византійскаго письма. Онѣ реставрированы съ большимъ искусствомъ и знаніемъ. Когда открыли запыленные, загрязненныя доски, нынѣ представляющія собою эти царскія врата, то никто не подозрѣвалъ, что на нихъ окажется подобная замѣчательная живопись.

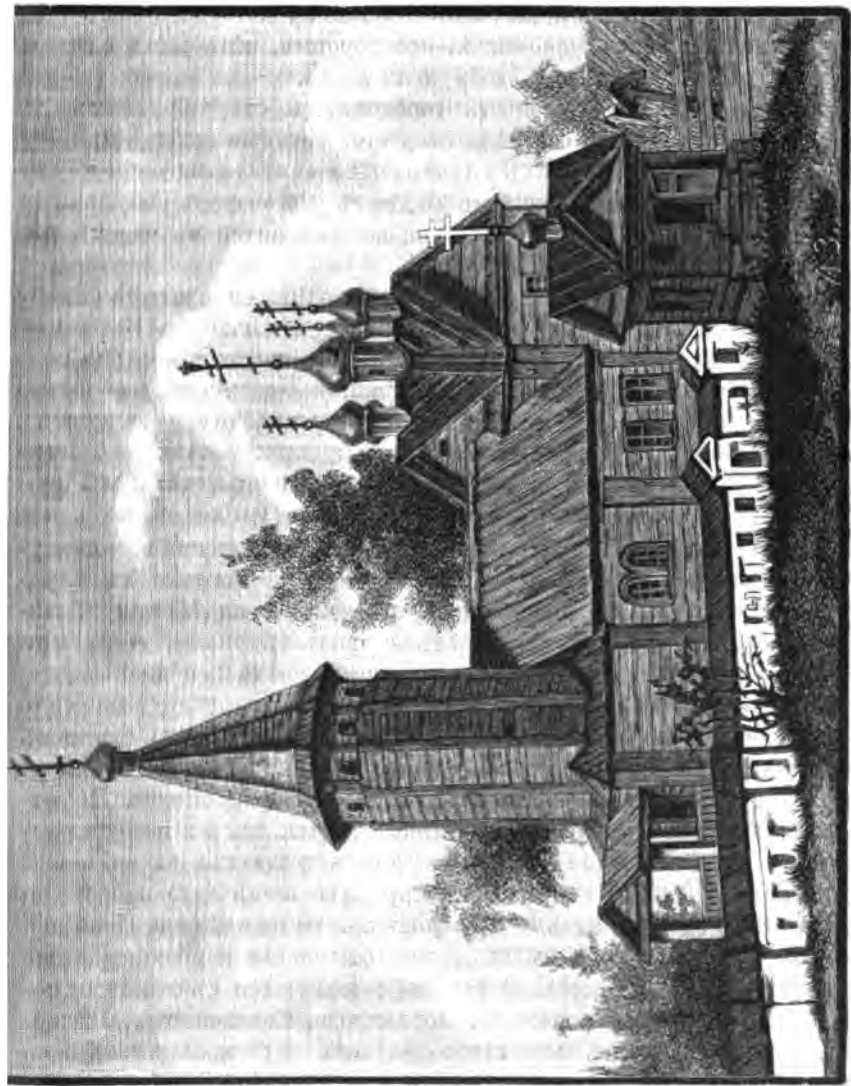
При выходѣ изъ ограды Городецкой часовни направо, на возвышенномъ косогорѣ, находится раскольниковъ кладбище, ничего не имѣющее общаго съ старообрядческимъ, расположенномъ внутри ограды. Это раскольниковъ кладбище содержится въ запущенномъ видѣ. Еще болѣе вправо, на высокомъ мѣстѣ, красуется изящная единовѣрческая церковь. Про сооруженіе ея мѣстные жители рассказываютъ, что старообрядцы, перешедшіе въ единовѣріе, желали построить свою церковь на той же горѣ, гдѣ находится Городецкая старообрядческая часовня. Прихожане послѣдней противились тому. Вслѣдствіе того, между единовѣрцами и старообрядцами происходили частыя столкновенія, доходившія до дракъ. Единовѣрцы навезутъ на гору дѣсь и разный строительный матеріалъ, необходимый для постройки церкви, а старообрядцы соберутся въ значительномъ числѣ и ночью все навезенное на гору спустятъ внизъ къ ея подошвѣ. Единовѣрцы дѣлали неоднократно подобныя попытки и каждый разъ находили сильный отпоръ со стороны старообрядцевъ. При этомъ дѣло не обходилось безъ драки. Наконецъ, въ этотъ споръ вмѣшалась мѣстная власть, и столкновение между жителями Городца прекращено было тѣмъ, что единовѣрцамъ отвели мѣсто для ихъ храма на другой горѣ.

Въ Городцѣ, какъ въ одномъ изъ главныхъ средоточій раскола въ Россіи, дѣйствуетъ усердно противъ него миссіонеръ священникъ церкви св. Троицы, Соколовъ, которому содѣйствуетъ богатый мѣстный хлѣбный торговецъ, ревнитель православія и дающій миссіонеру средства на изданіе его сочиненій противъ раскольниковъ. Миссіонеръ пользуется общимъ уваженіемъ.

Попечителемъ Городецкой часовни при моемъ посѣщеніи состоялъ мѣстный купецъ Григорій Матвѣевичъ Прянишниковъ. Его прадѣдъ, Никифоръ Прянишниковъ, имѣлъ честь быть представленнымъ, въ 1767 году, императрицѣ Екатеринѣ II и получилъ отъ государыни въ подарокъ часы. Этотъ Никифоръ Прянишниковъ родомъ былъ изъ деревни Большихъ Мостовъ, находящейся въ Мкарьевскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, близъ села Ковернина въ 40 верстахъ отъ Пучежа, на лѣвомъ берегу Волги. Ковернино лежитъ на рѣкѣ Уволѣ, не вдалекѣ отъ Хохломы и составляетъ своего рода мѣстный торговый центръ. Григорій Матвѣевичъ Прянишниковъ показалъ мнѣ свое собраніе старопечатныхъ книгъ и другихъ предметовъ, сохранившихся отъ временъ давно минувшихъ. Меня особенно заинтересовало изображеніе Сергіево-Троицкой лавры, нарисованное отъ руки въ послѣдніе годы Строгановской школы. Этотъ рисунокъ тѣмъ еще замѣчательнъ, что на немъ изображены многія изъ зданій лавры, которыхъ нѣтъ уже въ дѣйствительности въ настоящее время. У Григорія Матвѣевича Прянишникова находится также такъ называемый «миротворный кругъ», писанный «по обѣту», во времена Ивана Грознаго, попомъ Агаеюномъ, новгородскаго Софійскаго собора. На заглавномъ листѣ его написано: «сіе есть древо сродства и скровничества». Говорятъ, что подобныхъ «миротворныхъ круговъ» сохранилось у насъ всего три экземпляра и одинъ изъ нихъ находится въ Сергіево-Троицкой лаврѣ. Москва называется въ немъ «Новымъ Римомъ». Григорій Матвѣевичъ Прянишниковъ—развитый, умный, начитанный старообрядецъ.

Въ разговорахъ, бывшихъ у меня съ старообрядцами въ Городцѣ, рѣчь зашла и о П. И. Мельниковѣ и о вывезенной имъ изъ Шарпанскаго скита иконѣ Казанской Божіей Матери. Единогласно всѣ подтверждали, что Мельниковымъ ваята была копія, а не подлинникъ. При этомъ нельзя не сдѣлать одного замѣчанія. Одновременно съ этою иконою, взятою изъ Шарпана и переданною въ Керженскій мужской монастырь, Мельниковъ, по приказанію своего начальства, взялъ изъ Комаровскаго скита икону Николая Чудотворца, которая также считалась чудотворною старообрядцами. Послѣдняя икона была передана въ Осиновскій женскій единовѣрческій монастырь. Но между тѣмъ, какъ среди старообрядцевъ упорно держится убѣжденіе о неподлинности иконы, вывезенной изъ Шарпана, объ образѣ Николая Чудотворца, взятомъ изъ Комарова, не слышно подобныхъ возраженій.

Я привелъ въ первыхъ главахъ ироническіе отзывы городецкихъ старообрядцевъ о дѣятельности П. И. Мельникова въ Городцѣ, на поприщѣ обращенія ихъ въ единовѣріе, но, отзываясь, попятно, подобнымъ образомъ о немъ въ этомъ столь близкомъ для ихъ интересовъ дѣлѣ, они, однако, присовокупляли, что «Павель Ивановичъ много по-

Древняя церковь въ селѣ Неклюдовѣ.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Мельниковымъ.

могъ намъ, когда возникло дѣло о землѣ, принадлежащей Городецкой часовнѣ и на которую стали заявлять притязанія причтъ Спасскія церкви. Павелъ Ивановичъ, изучивъ дѣло, нашелъ наши права на эту землю безспорнѣе всякихъ другихъ и содѣйствовалъ въ окончательномъ признаніи ея за нами. Павелъ Ивановичъ также, в былые года, навелъ насъ на указъ 1803 года, которымъ намъ разрѣшено имѣть своихъ поповъ. За все хорошее, имъ намъ сдѣланное, мы сохраняемъ о немъ добрую память».

Съ этими попами и понынѣ городецкимъ старообрядцамъ не мало бываетъ хлопотъ, особенно съ тѣми, которые любятъ придерживаться чарочки. Въ этихъ случаяхъ попечители часовни не церемонятся и подобнаго попа безъ лишнихъ разговоровъ связываютъ и запираютъ въ баню, пока «онъ не возстановится въ своемъ разумѣ».

Въ двадцати пяти верстахъ выше Городца, на правомъ берегу Волги, въ Балахнинскомъ же уѣздѣ, находится слобода Василева, въ которой находится также старообрядческая часовня, недавно подновленная съ разрѣшенія правительства. Василевскіе старообрядцы признаютъ австрійское священство и потому находятся во враждѣ съ городецкими. У Василевской часовни прихожане также насчитываются тысячами, но число ихъ, всетаки, менѣе, чѣмъ у Городецкой. Но въ этихъ часовняхъ, въ Городцѣ и Василевѣ, нѣтъ алтаря, который, послѣ коронаціи 1883 года, разрѣшено было соорудить въ главной старообрядческой церкви, на Рогожскомъ кладбищѣ, въ Москвѣ. Онъ деревянный, рѣзной, въ видѣ сѣни и, вѣроятно, будетъ покрытъ со всѣхъ сторонъ иконами, чего при моемъ посѣщеніи, осенью 1884 года, еще не было исполнено.

Населеніе Балахнинскаго уѣзда, въ которомъ находятся село Городецъ и слобода Василева, расположеннаго по обоимъ берегамъ Волги, многочисленнѣе на лѣвомъ берегу, чѣмъ на правомъ. Семеновскій же уѣздъ весь расположенъ на лѣвомъ берегу Волги. По отзывамъ мѣстныхъ властей, какъ старообрядцы, такъ и вообще раскольники, проживающіе въ этихъ двухъ уѣздахъ, вносятъ всѣ подлежащія съ нихъ повинности исправнѣе остальнаго населенія; недоимокъ за старообрядцами и раскольниками не имѣется. Понятно, что ихъ трезвость имѣетъ въ этомъ отношеніи первенствующее значеніе. Означенные отзывы вполне согласуются съ отчетами послѣднихъ ревизій сенаторовъ гг. Мордвинова, Ковалевскаго, Полоцова, которые, касаясь быта старообрядцевъ и раскольниковъ, ихъ опрятности, довольства, пишутъ, что «желательно было бы видѣть въ такомъ же положеніи и остальное крестьянское населеніе Россіи».

Въ моихъ поѣздкахъ по Семеновскому, Балахнинскому, Горбатовскому, Нижегородскому уѣздамъ, я неоднократно обращался къ разнымъ лицамъ, имѣющимъ близкія отношенія къ старообрядцамъ и раскольникамъ, равно и къ послѣднимъ, съ вопросомъ о томъ.

сакого рода облегченіе почувствовали они послѣ изданія закона 1883 года, до нихъ касающагося. «Намъ и до него было легко и вольно»,—отвѣчали мнѣ нѣкоторые старообрядцы.—«Уже при губернаторѣ Кутайсовѣ прекратились притѣсненія»,—добавляли другіе раскольники, особенно въ Семеновскомъ уѣздѣ.—«Полицейскія власти»,—говорили мнѣ старообрядцы и раскольники,—«руководствуются инструкціями и предписаніями мѣстныхъ губернаторовъ. Распоряженія относительно раскольниковъ, которыя даны были еще при графѣ Кутайсовѣ (бывшемъ нижегородскимъ губернаторомъ до 1880 года), какъ бы предупредили то благодѣтельное вліяніе, которое должно было возымѣть силу только послѣ закона 1883 года. Графъ Кутайсовъ уже установилъ «гуманное обращеніе съ раскольниками». Въ провинціи все зависитъ отъ губернатора. Преслѣдованіе старообрядцевъ, раскольниковъ начинается только по почину духовенства, а не распоряженіемъ полицейской власти. Она беретъ на себя починъ только въ случаѣ явнаго неповиновенія ихъ». Послѣдняго рода отвѣтъ на мои вопросы отзывается дѣйствительно официальнымъ характеромъ, но я имѣлъ неоднократно поводъ убѣдиться, по крайней мѣрѣ, въ посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ, въ отсутствіи жалобъ со стороны старообрядцевъ и раскольниковъ на какого либо рода притѣсненія со стороны мѣстныхъ властей. На этомъ только основаніи я и привелъ слышанное мною отъ знакомаго съ дѣломъ лица, объ отношеніи полицейской власти къ старообрядческому и раскольническому населенію.

Вѣроятно, подъ вліяніемъ «гуманнаго обращенія», въ самомъ Нижнемъ Новгородѣ, а равно и въ его губерніи, возникли въ послѣдніе годы новыя молельни и новыя скиты. Такъ, на примѣръ, устроенъ скитъ на старообрядческомъ кладбищѣ подлѣ военнаго лагеря, расположеннаго тотчасъ за Нижнимъ Новгородомъ, на Арзамасскомъ почтовомъ трактѣ. Внизу, подъ откосомъ, на берегу Волги, у завода Курбатова устроена прекрасная старообрядческая молельня. Въ пяти верстахъ въ сторону отъ Уткинской станціи, лежащей на почтовомъ трактѣ изъ Нижняго Новгорода въ Семеновъ, подъ видомъ богадѣльни, устроенъ въ Малиновѣ скитъ на средства, пожертвованныя двумя миллионерами-старообрядцами. На пароходѣ я слышалъ разговоръ одного богатаго поморца, что онъ строитъ у себя, на правомъ волжскомъ берегу, въ Нижегородской губерніи, каменную молельню. «Всѣ кто приходятъ ко мнѣ,—говорилъ поморецъ старообрядцу-собесѣднику:—получаютъ отъ меня избы и деньги».

Я намѣревался проѣхать въ Малиновскій скитъ, но опытное, знающее лицо замѣтило мнѣ:

— Туда не стоить ѣздить; тамъ грязно, неопрятно; кромѣ дряхлыхъ, больныхъ стариковъ и старухъ, никого тамъ нѣтъ.

— Но мнѣ,—возразилъ я:—интересно посмотрѣть старообрядче-

скій скитъ новой формациі. Въ Малиновѣ существовалъ скитъ до ихъ разоренія въ 1853 году. Нынѣшній, вѣроятно, чѣмъ нибудь замѣчательнѣе, если мнѣ на него указали, какъ на новое явленіе въ нижегородскомъ старообрядческомъ мірѣ.

— Ну, такъ я вамъ скажу прямо и откровенно: васъ не влустятъ въ Малиновскій скитъ. Поѣзжайте по другимъ скитамъ.

Послѣ такого рѣшительнаго отвѣта я замолчалъ, и отложилъ свою поѣздку въ этотъ заповѣднѣй, повидимому, скитъ, невольно соглашаясь съ мыслью, что, вѣроятно, не всегда «гуманное обращеніе» находятъ себѣ такой же откликъ въ тѣхъ, для кого оно предназначается ¹⁾.

Пав. Усовъ.

1884 г.

¹⁾ Рисунокъ деревянной церкви въ Неклюдовѣ, здѣсь помѣщаемый, представляетъ храмъ, о которомъ была рѣчь въ началѣ этой статьи, въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ БЕЗПЛАТНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ.

I.

ДАЧА **БЕЗПЛАТНАЯ** Музыкальная Школа основана въ Петербургѣ четверть вѣка тому назадъ, и не напрасну просуществовала столько времени на свѣтѣ. Она дала богатые плоды. Она, конечно, займетъ одну изъ самыхъ крупныхъ страницъ въ исторіи русской музыки. И это оттого, что въ первую же минуту своего нарожденія она себѣ намѣтила за великую и глубокую, осталась ей вѣрна въ продолженіе всѣхъ 25-ти лѣтъ своего существованія и выполняла ее всегда съ несокрушимымъ мужествомъ и энергіей. Въ Россіи музыкальныхъ школъ много, и въ Петербургѣ, и Москвѣ, и въ Кіевѣ, и на Кавказѣ, и въ разныхъ другихъ краяхъ нашего отечества, но ни одна изъ нихъ никогда не испытывала никакихъ превратностей. У всѣхъ у нихъ жизнь течетъ кротко и мирно, никто ихъ не затрогиваетъ, никто на нихъ не нападаетъ, онѣ въ самомъ невозмутимомъ спокойствіи продолжаютъ свое дѣло, учатъ музыкальной грамотѣ, учатъ пѣть и играть, даютъ концерты, и никто ничего противъ нихъ не имѣетъ. Всякій твердо убѣжденъ, что онѣ дѣлаютъ дѣло хорошее, полезное, даже высоко-національное, что на нихъ надо смотрѣть съ симпатіей, съ почтеніемъ. И кто только можетъ, старается помочь имъ: кто деньгами, кто своимъ вліяніемъ, наконецъ, чѣмъ только можетъ. Бесплатная Музыкальная Школа не пользовалась такою благодатью. Къ ней общество наше было благосклонно, но не долго, только въ самомъ началѣ ея существова-

нія, пока большинству публики не было еще ясно, что такое именно эта Школа, чего она желаетъ, куда стремится. Но лишь только истинный смысл и направленіе Бесплатной Музыкальной Школы обозначились явственно, тотчасъ появились у нея безчисленные враги, усердные, настойчивые, и уже во всю четверть вѣка ея существованія не переставали удостоивать ее своего самого горячаго вниманія и преслѣдованія. Бесплатная Школа не могла сдѣлать ни одного шага, чтобы предпринятое ею не было тотчасъ выбранено, осмѣяно, опозорено. Что она ни предпринимала, что ни приносила нашей публикѣ, все оказывалось для публики и ея критиковъ либо плохимъ, либо ничтожнымъ, либо фальшивымъ и вреднымъ. Противъ Бесплатной Школы проповѣдовались походы, предпринимались тщательные обдуманная и искусно комбинированная сраженія. Въ лучшемъ случаѣ отъ нея отвергывались съ презрѣніемъ и пробовали игнорировать ее, какъ силу ничтожную и ни на что не годную.

Но отчего же такая разниа въ судьбахъ всѣхъ нашихъ музыкальныхъ школъ, съ одной стороны, и Бесплатной Музыкальной Школы, съ другой? Отчего тутъ гнѣвъ, а тамъ милость? Отчего тамъ симпатія, а здѣсь отвращеніе?

Оттого, что тѣ школы не выходили изъ рамокъ всего общепринятаго, всего того, что воспринимается на вѣру съ дѣтства, и потому всегда свято хранится по преданію, всего того, къ чему всѣ давно привыкли, что не нарушаетъ ничьего образа мыслей,—а эта Бесплатная Школа вздумала вдругъ жить своимъ собственнымъ умомъ и инициативой, своимъ собственнымъ понятіемъ и разсудкомъ. Тѣ школы всѣ принадлежать къ одному и тому же довольно безцвѣтному и безличному типу. Онѣ являются у насъ лишь сколкомъ съ нѣмецкихъ музыкальныхъ школъ. У нихъ нѣтъ никакихъ собственно своихъ, имъ лично принадлежащихъ задачъ и стремленій. Какія задачи и стремленія есть у музыкальныхъ школъ въ Лейпцигѣ или Берлинѣ, въ Вѣнѣ или Мюнхенѣ, тѣми самыми живутъ и дышатъ тоже и наши школы. Онѣ смиренно прозябаютъ съ нѣмецкимъ клеймомъ на лбу. Онѣ не чувствуютъ своего рабства и слѣпаго подражанія, а если и видятъ иной разъ, то не чувствуютъ его униженности, онѣ не понимаютъ, да и понимать не желаютъ, что что одной странѣ свойственно, что тамъ законно и прекрасно, то, пожалуй, можетъ и не годиться другой странѣ, то можетъ еще тамъ быть недостаточно и неудовлетворительно. «Разницы нѣтъ въ музыкѣ, нѣтъ въ ней различій по странамъ,—восклипаютъ закоренѣлые школьники и консерваторы. Музыка—языкъ универсальный; она вездѣ должна быть только одна и та же. Значить, и всѣ средства ея изученія и выраженія одни и тѣ же». Совсѣмъ другое думала всегда и представляла изъ себя Бесплатная Музыкальная Школа. У нея былъ свой особенный типъ и обликъ, непохожий на типъ и обликъ прочихъ нашихъ школъ. Она являлась органомъ

новыхъ русскихъ музыкантовъ-композиторовъ, прямыхъ наслѣдниковъ и продолжателей Глинки и Даргомыжскаго. А эти новые музыканты водружали знамя русской національности въ музыкѣ и никогда ему не измѣняли, во все 25 лѣтъ существованія Школы. Они думали, что каждой странѣ принадлежитъ своя музыка, свой музыкальный складъ, свой типъ созданія, а также, значить, свой типъ выраженія и исполненія. Многочисленные члены, входившіе въ составъ Школы, были всегда единомысленны со своими руководителями, горячо сочувствовали ихъ новому почину и стремленіямъ, жили ихъ успѣхами, глубоко соболѣзновали ихъ невзгодамъ, всегда отражавшимся на Школѣ, и выражали это не разъ въ своихъ единодушныхъ заявленіяхъ и адресахъ. Бесплатная Школа, слѣдуя инициативѣ своихъ руководителей, выступила провозвѣстницей и распространительницей русскаго искусства, русскаго музыкальнаго творчества. Она глубоко преклонялась передъ всѣмъ тѣмъ, что создано великаго и чудеснаго европейскимъ музыкальнымъ гениемъ, но несогласна была вѣровать безъ разбора, какъ въ фетишей, во все то, что въ Европѣ признается великимъ и необычайнымъ. Вотъ все это и вооружило противъ Бесплатной Школы и ея руководителей большинство публики и музыкальныхъ критиковъ. Имъ не прощали собственной мысли и почина. Массы всегда консервативны, слѣпы и упорны, ихъ очень трудно сдвинуть съ насиженнаго мѣста и устремить на новые пути. Но сила правды рано или поздно свое беретъ. Еще за два года до основанія Бесплатной Школы, въ 1860 году, Даргомыжскій писалъ къ любимой своей ученицѣ, Л. И. Кармалиной: «Многіе оспариваютъ у насъ возможность существованія русской школы не только въ пѣніи, но даже въ композиціи. Между тѣмъ она прорѣзалась явственно, тушить ее уже поздно. Не знаю, до какой степени суждено ей развиваться впереди, но существованіе ея уже внесено въ скрижали искусства»... Но вотъ именно такимъ «тушеніемъ» занималась наша музыкальная публика и наша музыкальная критика всю послѣднюю четверть столѣтія. Цѣлыхъ три поколѣнія публики и критиковъ были враждебны Бесплатной Школѣ: во-первыхъ, поколѣніе временъ Глинкинскихъ, наконецъ, уразумѣвшее, или, по крайней мѣрѣ, признавшее Глинку, послѣ долгихъ гоненій; во-вторыхъ, поколѣніе 60-хъ годовъ; наконецъ, поколѣніе, рожденное консерваторіями. Вражда эта становилась иногда настоящей травлей. Но Бесплатная Школа была несокрушима: слишкомъ здоровыя, могучія силы наполняли и направляли ее. Про нее можно было сказать словами басни «Слонъ и Моська»: «Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ, и дая твоего совѣтъ не примѣчаетъ»...

Вотъ эту-то особенную фізіономію, эту-то самобытную дѣятельность и оригинальную участь Бесплатной Музыкальной Школы я и попробую нарисовать здѣсь.

II.

Въ своихъ автобіографическихъ «Запискахъ» Г. Я. Ломакинъ такъ рассказываетъ начало Бесплатной Школы¹⁾.

«Въ 1860-хъ годахъ, Ломакинъ часто видѣлся съ М. А. Балакиревымъ, В. В. Стасовымъ и А. Н. Сѣровымъ. Разговоръ обыкновенно шелъ у нихъ о музыкальномъ прогрессѣ, о развитіи искусства хорового пѣнія, о превосходствѣ хора графа Шереметева (котораго Ломакинъ былъ капельмейстеромъ), и многіе приходили въ негодованіе, что такое музыкальное сокровище, какъ этотъ хоръ, доступно только малому числу слушателей, тогда какъ онъ долженъ быть общимъ достояніемъ... Ломакина вызывали на болѣе внѣшнюю и обширную музыкальную дѣятельность. И. А. Мельниковъ, любимый ученикъ Ломакина, когда-то предлагалъ ему составить городской хоръ. В. В. Стасовъ говорилъ: «Готовы намъ учителя, Гавриилъ Якимовичъ; этого мало, что вы сами умѣете учить васъ не будетъ—и кончено! Нѣтъ, оставьте послѣ себя учителей». М. А. Балакиревъ проводилъ мысль открыть бесплатную музыкальную школу, въ которой бы примкнуло общество любителей, музыкантовъ и пѣвцовъ, и гдѣ его роль была бы управлять оркестромъ, а Ломакина—хоромъ. Ломакинъ горячо ухватился за эту мысль, прельщаясь надеждою привлечь въ эту школу массу народа со свѣжими голосами, дать возможность талантамъ бѣдныхъ людей учиться бесплатно и, давъ имъ музыкальное образованіе, составлять изъ нихъ громадныя хоры... М. А. Балакиревъ тоже имѣлъ свои золотыя мечты. Широкое поле дѣятельности открылось передъ ними, и они живо рѣшили осуществить свои замыслы... Мелькнула мысль у Ломакина о хорѣ графа Шереметева, какъ средствѣ заручиться помощію на первыхъ порахъ, но не легко было рѣшиться безпокорить графа просьбою жертвовать своимъ береженнымъ хоромъ для публичнаго концерта. Однако, устройство народной музыкальной школы—предметъ столь уважительный, что можно было надѣяться на патриотизмъ графа Шереметева. Онъ уступилъ просьбамъ Ломакина. Имѣя въ своемъ распоряженіи столь богатый матеріалъ, Ломакинъ занялся выборкою репертуара, присоединилъ къ хору лучшихъ своихъ учениковъ и ученицъ, а также любителей и любительницъ, и далъ концертъ въ залѣ Дворянскаго Собранія, 11-го марта 1862 года, въ пользу открытія новой Бесплатной Музыкальной Школы²⁾. Сборъ съ концерта далъ достаточныя средства и возможность приступить къ открытію Бесплатной Школы. Испросивши разрѣшеніе генералъ-губернатора и найдя временное помѣщеніе для первыхъ собраній въ залѣ медико-хирургической академіи, по содѣйствію президента академіи, Дубовицкаго, было объявлено въ газетахъ объ открытіи Школы 18-го марта 1862 года. Любопытныхъ явилось множество, съ голосами и безъ голосовъ. Отслужили молебенъ. Ломакинъ обратился къ присутствующимъ съ маленькою рѣчью о нравственной пользѣ искусства, коснулся первыхъ правилъ музыки самымъ удобопонятнымъ способомъ, перепробовалъ голоса, записалъ фамиліи и назначилъ день для слѣдующаго собранія. Основаніе Школы было положено съ Вошею помощію. На слѣдующій разъ

¹⁾ Я дѣлаю здѣсь значительную выписку изъ автобіографіи Ломакина, такъ какъ и самая эта автобіографія написана была имъ, по моей просьбѣ, въ 1863 году, именно въ виду приближавшагося 25-лѣтія школы.

²⁾ Программа этого концерта напечатана въ «Приложеніи».

J. Nothmann

собралось также много народу, но первые посѣтители, болѣею частью студенты и жители мѣстныхъ окрестностей, недолго ходили въ классы пѣнія. Лѣто прервало занятія, а въ сентябрѣ помѣщеніе Школы перенесли въ зданіе городской думы, по ходатайству Н. Е. Молериуса, секретаря думы (онъ былъ пѣвецъ-любитель, очень извѣстный въ то время). Явилось еще болѣе желающихъ пѣть, всякаго званія: чиновники, люди изъ купечества, ремесленники, студенты, много дамъ и дѣвицъ-любительницъ, не имѣющихъ средствъ учиться, но обладающихъ голосами и способностями. Въ то время еще не существовало нигдѣ даровыхъ классовъ пѣнія. Были любительскіе кружки, недоступные массѣ народа; въ этихъ кружкахъ музицировали для своего удовольствія, не преуспѣвая въ искусствѣ. Одно изъ такихъ обществъ любителей инструментальной музыки М. А. Балакиревъ думалъ присоединить къ нашей Школѣ, чтобы стать во главѣ его, учить и дирижировать тамъ, надѣясь составить изъ нихъ такой оркестръ любителей-музыкантовъ, который бы въ состояніи былъ исполнять сочиненія русскихъ новѣйшихъ сочинителей, желающихъ попробовать и послушать свои творенія въ школьномъ кружкѣ, прежде чѣмъ представлять ихъ на судъ публики. М. А. Балакиревъ, обладая громаднымъ талантомъ, жаждаль дѣятельности, стремился принести пользу искусству. Но не было возможности сладить съ любительскимъ оркестромъ. Онъ оказался такъ слабъ въ знаніи музыки, что не могъ проинвентировать что нибудь порядочно, а учить каждого отдѣльно и имѣть для каждого инструмента учителей—Школа была не въ силахъ. М. А. Балакиревъ побился, побился и распустилъ хоръ. Съ пѣніемъ было легче сладить... Между женскими голосами оказалось нѣсколько замѣчательныхъ талантовъ. Такимъ Ломакинъ назначалъ особенные часы у себя на квартирѣ. Мужчинамъ-солистамъ онъ также давалъ отдѣльные уроки. Затѣмъ, Ломакинъ и Балакиревъ составили программу обученія въ Школѣ: элементарный классъ, классъ сольфеджіевъ, одиночное пѣніе, церковное пѣніе, теорія музыки, игра на скрипкѣ для желающихъ сдѣлаться впоследствии учителями церковнаго пѣнія. Число желающихъ учиться въ Безплатной Школѣ было съ самаго же начала такъ громадно, что графъ Шереметевъ, стоя у окна своего дома, слѣдитъ за входящими въ классы (въ его домѣ) и ужасался ихъ многочисленности: «Точно въ церковь валеть»,—говорилъ онъ своей старушкѣ, Татьянѣ Васильевнѣ...

Въ 1863 году, наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ, удостоивавшій Школу особаго своего вниманія, изъявилъ свое согласіе быть покровителемъ Школы; по кончинѣ его, его императорское высочество наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ, нынѣ царствующій государь императоръ, принялъ Школу подъ свое покровительство.

Итакъ, два русскихъ музыканта, одинъ уже 50-лѣтній, опытный педагогъ, воспитавшій многія поколѣнія русскаго юношества, другой, 26-лѣтній юноша, блестящій, смѣлый композиторъ, полный художественнаго почина и полный стремленія къ тому, чтобы доставить торжество русской національной школѣ,—вотъ какіе два, совершенно разнородныхъ, человѣка сошлись вмѣстѣ и положили основаніе Безплатной Школѣ. Первоначальная мысль всецѣло принадлежала Балакиреву, но осуществленіемъ своимъ эта мысль обязана Ломакину. Не будь послѣдняго, Балакиревъ, очень можетъ быть,

никогда, или, по крайней мѣрѣ, долго не достигъ бы своей цѣли. Тогдашняя же минута была для этого самая благоприятная. Въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, Россія словно воскресала къ новой жизни. Бесплатныя воскресныя школы, общеобразовательныя и художественныя, возникали на всѣхъ концахъ Россіи, интеллигентный классъ повсюду устремлялся, со всею горячностью души, помочь общему невѣжеству, глубокой безграмотности массы. Въ эти дни всеобщаго радостнаго и свѣтлаго возбужденія, Балакиревъ, первый въ цѣлой Россіи, задумалъ помочь также и общей безграмотности музыкальной, и создать такую же школу бесплатную для музыки, какія существовали уже подъ именемъ школъ грамотности, школъ рисовальныхъ и т. д. для общаго образованія и искусства. Это казалось ему тѣмъ болѣе нужнымъ, что основанная незадолго передъ тѣмъ консерваторія вовсе не соответствовала тогдашнимъ потребностямъ. Она ждала только насадить у насъ нѣмецкую музыкальную рутину и цеховой ремесленный складъ; она высокомѣрно игнорировала русскую музыку и съ презрѣніемъ смотрѣла на русскихъ композиторовъ, которыхъ повально всѣхъ называла «дилеттантами». Новая консерваторія вполне оправдывала свое имя: она была въ высшей степени консервативна, всего болѣе признавала только общепринятыхъ «классиковъ», и не хотѣла знать ничего новаго. Подобный образъ мыслей не могъ не возмущать до глубины души такого истиннаго музыканта, такого глубоко-національнаго художника, какъ Балакиревъ. И онъ, опередившись на своего стариннаго пріятеля, искренно уважаемаго имъ товарища по музыкѣ, Ломакина, создалъ Бесплатную Школу. «Воздадимъ Русскому Музыкальному Обществу,—писалъ въ 1863 году одинъ изъ тогдашнихъ музыкальныхъ критиковъ, П. Сокальскій,—полную дань уваженія за его почтенные труды на поприщѣ музыкальнаго космополитизма. Мы признаемъ за его концертами достоинство превосходнаго развлечения для публики; но образовательное вліяніе они могли имѣть только на немногихъ, которые къ тому подготовлены... Немалая заслуга Русскаго Музыкальнаго Общества состоитъ также въ томъ, что оно отчасти обрисовало русскую партію. Многие у насъ не вѣрятъ въ эту партію. Ея нѣтъ, говорятъ они. И точно, для нея есть теперь только готовые матеріалы; соединить ихъ некому. Если бы Глинка былъ теперь живъ, можетъ быть, онъ соединилъ бы ихъ въ своей сильно-національной личности; это былъ бы для нихъ естественный глава, которому охотно подчинились бы разрозненные члены. Но теперь нѣтъ такой личности, и оттого центра для развитія національнаго начала въ музыкѣ не образовалось у насъ и не существуетъ до сихъ поръ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые элементы русскаго свойства успѣли сгруппироваться въ Бесплатной Школѣ, открытой въ 1862 году».

Дѣйствительно, будь Глинка живъ въ началѣ 60-хъ годовъ, вѣрное онъ никогда не былъ бы на сторонѣ новоучрежденной «нѣмецкой» нашей консерваторіи и постоянно возмущался бы ея антинациональнымъ направленіемъ. Навѣрное, онъ ко всему этому относился бы такъ, какъ относился во всѣ послѣдніе годы своей жизни Даргомыжскій, пріятель Глинки и товарищъ его по музыкѣ. И вотъ, именно настоящій ихъ духъ и направленіе были осуществлены въ Бесплатной Школѣ Балакиревымъ.

Когда основывалась Бесплатная Школа, Ломакинъ представлялъ себѣ, что главная ея задача — развитіе хороваго русскаго пѣнія. Въ этомъ смыслѣ онъ въ началѣ и направлялъ школу. Но скоро все измѣнилось подъ вліяніемъ сильной мысли и воли Балакирева. Въ первыхъ двухъ концертахъ Школы, 1862 года, онъ вовсе даже не участвовалъ: они вполнѣ были посвящены хорошему исполненію, оркестръ былъ маленькій, и Ломакинъ царствовалъ въ нихъ безраздѣльно. Представителями инструментальныхъ сочиненій явились только «Увертюры» («Іосифъ» Мегюля, «Мелюзина» Мендельсона). Но онѣ играли здѣсь роль единственно чего-то общепринятаго, условнаго: надо же, дескать, начать концертъ какой нибудь увертюрой. И исполнить эту неизбѣжную церемонію Ломакинъ поручалъ одному изъ тогдашнихъ дирижеровъ, Карлу Шуберту. И тотъ открывалъ концерты сотни разъ игранными классическими увертюрами Мегюля и Мендельсона. Съ 1863 года дѣло измѣняется. Дирижеромъ оркестра (уже большаго, полнаго) выступаетъ самъ Балакиревъ, и все общепринятое, условное, классическое начинаетъ исчезать. Свѣжая струя жизни и новизны влетаетъ въ концерты Бесплатной Школы. Школа становится пропагандистскою новою музыкою, русскою и европейскою. Ломакинъ невольно покоряется вліянію своего юнаго пріятеля и товарища, и принимается исполнять въ концертахъ Школы такія созданія, до которыхъ прежде никогда самъ собою не дотронулся бы. Хоры XV и XVI вѣка, хоры Галлуса, Іомелли, Перголесе, Лейзринга, Гайдна, Россини, Мендельсона начинаютъ все болѣе и болѣе уступать мѣсто хорамъ Глинки, Даргомыжскаго, Шумана, Берліоза, Кюи, Римскаго-Корсакова, Мусоргскаго. Все, что было слабаго и безцвѣтнаго въ старомъ классическомъ репертуарѣ, все, что прежде было такъ любезно Ломакину, какъ канва, по которой онъ могъ вышивать со своимъ хоромъ разные превосходные хоровые эффекты, не обращая много вниманія на отсутствіе истинной музыки, все это мало-по-малу стало исчезать изъ концертовъ Бесплатной Музыкальной Школы. Удерживаются лишь сочиненія истинно замѣчательныя и характерныя, какъ, на примѣръ, нѣкоторые хоры Глюка и Генделя, или такія истинно-великія созданія, какъ, на примѣръ, «Реквиемъ» Моцарта. Самое исполненіе, оркестровое и хоровое, получаетъ новый характеръ.

Еще за два года до основанія Бесплатной Школы, Даргомыжскій писалъ своей любимой ученицѣ, Л. И. Кармалиной: «Ежели вы сохранили въ пѣніи направленіе, данное вамъ здѣсь русскими композиторами (которые такъ усердно вами занимались), то я не удивляюсь вашимъ успѣхамъ (за границей). Естественность и благородство пѣнія русской школы не могутъ не произвести отраднаго впечатлѣнія посреди вычуръ нынѣшней итальянской, криковъ французской и манерности нѣмецкой школъ».... Но что тутъ говорено было про пѣніе солистовъ, то касалось и хоровъ, и оркестрового исполненія. Стоитъ только вспомнить, съ какой антипатіей еще Глинка отзывался о разныхъ знаменитыхъ и модныхъ европейскихъ оркестрахъ, напримѣръ, объ оркестрѣ Парижской консерваторіи, распрепрославленномъ на цѣлый свѣтъ, по который, однако же, казался ему только вычурнымъ и жеманнымъ, неестественнымъ и преувеличеннымъ. Новые русскіе музыканты, руководители Бесплатной Школы, съ Балакиревымъ во главѣ, наслѣдовали взглядъ Глинки и Даргомыжскаго на музыкальное исполненіе и прилагали его на практикѣ, въ концертахъ Школы. Они глубоко преклонялись передъ тѣмъ, что встрѣчали правдиваго, значительнаго, своеобразнаго, великаго въ исполненіи великихъ или талантливыхъ европейскихъ капельмейстеровъ и пѣвцовъ, но несогласны были приносить въ жертву нашу собственную индивидуальность, затушать нашу собственную личность и національность. Самыя сочиненія русской музыкальной школы за послѣднее столѣтіе требовали своего особеннаго, самостоятельнаго исполненія, своимъ національнымъ складомъ и характеромъ призывали къ самобытности. И мало-по-малу не только у русскихъ пѣвцовъ-солистовъ, но у русскаго хора и оркестра сложился свой особенный складъ и фязіономія, въ которыхъ иногда мы и сами не даемъ себѣ отчета, по привычкѣ, по близости къ нимъ, но которые несомнѣнно есть на лицо. Всего явственнѣе мы ихъ вдругъ видимъ и сознаемъ, когда иностранцы пробуютъ по-своему, по-общеевропейскому, исполнять наши истинно-національныя музыкальныя созданія. Европейцы неспособны (до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ) схватить настоящій складъ, духъ и характеръ истинно-русскаго музыкальнаго созданія и всегда передаютъ его въ странномъ, искаженномъ видѣ. Попробуйте послушать гдѣнибудь въ Европѣ исполненіе русской оперы, русскаго романса, «Камаринской», «Чухонской», «Садки», такъ, чтобъ въ самомъ дѣлѣ остаться довольнымъ. Это, покуда, совершенно невозможная вещь. Исполненіе это для насъ невыносимо. Но то «свое», что еще со временъ Глинки и Даргомыжскаго мало-по-малу выработалось у нашего оркестра и хора, сохранилось всего болѣе въ своемъ наиболѣе настоящемъ, чистомъ видѣ, въ исполненіи Бесплатной Музыкальной Школы, въ ея концертахъ. Преданія настоящаго, вѣрнаго исполненія ихъ созданій

по личному преданію перешли сюда прямо отъ самихъ Глинки и Даргомыжскаго. Истинный «канонъ» для всей русской музыки здѣсь былъ. Всѣ прочіе наши дирижеры, и концертные, и оперные, волей-неволей принуждены были прислушиваться къ тому, какъ въ этихъ концертахъ исполнялись и «Камаринская», и «Малороссійскій казачокъ», и «Хота», и «Увертюра» изъ «Руслана», и интродукція этой оперы, и «Восточные танцы» оттуда же, и лучшія мѣста изъ «Русалки»; они должны были прислушиваться ко всему этому и, грызая удила, сообразоваться съ камертономъ, тутъ задаваемымъ.

Притомъ же, такъ какъ на нашей оперной сценѣ продолжали, еще со временъ Глинки, выкидывать вонъ многія изъ самыхъ капитальныхъ частей «Руслана», почти все самое гениальное, то традиція исполненія все болѣе и болѣе забывалась. Въ одной только Бесплатной Школѣ, или въ концертахъ, управляемыхъ ея дирижеромъ, исполнялись, и притомъ съ величайшимъ совершенствомъ, всѣ эти чудныя созданія, 2-й и 3-й антрактъ, интродукція и «Лезгинка» цѣликомъ и т. д.

Весь этотъ самостоятельный починъ, все это неизбежное для всѣхъ влияніе и учительство стали скоро ненавистны большинству публики, большинству музыкантовъ и критиковъ. Раздались отовсюду крики досады, негодованія, кровной непріязни. Одни жаловались, зачѣмъ нѣтъ въ концертахъ Бесплатной Школы симфоній Моцарта, Гайдна и вообще преобладанія стариннаго репертуара прошлаго и начала нынѣшняго вѣка; другіе недовольны были отсутствіемъ виртуозовъ и плохой музыки, бывало прежде этими все только и исполняемой; еще иные презрительно глядѣли не только на сочиненія новыхъ композиторовъ, которыхъ они плохо разбирали, а потому и ненавидѣли, но и на самихъ Глинку и Даргомыжскаго, которые казались имъ, вслѣдствіе обычнаго нашего раболѣпства передъ западнымъ «классицизмомъ», лишь посредственными композиторами. Сѣровъ — тотъ даже велъ во все продолженіе 60-хъ годовъ ожесточенный походъ противъ «Руслана», высшаго созданія всей русской музыки, и вмѣстѣ противъ Шумана, Берліоза и Листа, которые, вмѣстѣ съ Глинкой, были излюбленными авторами въ концертахъ Бесплатной Школы. Антипатія Сѣрова къ новымъ русскимъ музыкантамъ была такъ велика, что, принявшись, въ 1864 году, читать въ Бесплатной Школѣ лекціи теоріи музыки, онъ нашелъ нужнымъ и умѣстнымъ увѣрять своихъ слушателей, что новые русскіе музыканты вовсе не способны сочинять симфоній, и потому ихъ нѣтъ и не будетъ. Каково было удивленіе этихъ самыхъ слушателей, когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, они услышали въ концертѣ 19 декабря 1865 года превосходную симфонію Римскаго-Корсакова! Впрочемъ, лекцій Сѣрова было всего — три. Ростиславъ жалостно плакался на неуваженіе старины и авторитетовъ, обы-

валъ новыхъ русскихъ композиторовъ «иконокластами», «радикалами», испровергающими все зданіе музыки. Критикъ Фаминцынъ обвинялъ новыхъ русскихъ музыкантовъ въ «ненависти къ Западу» и «необыкновенной симпатіи ко всему восточному, понимаемая подъ этимъ именемъ все капризное, курьезное, однимъ словомъ «европейское». Вслѣдствіе всего этого онъ признавалъ этихъ новыхъ русскихъ музыкантовъ «славянофилами-нигилистами».

Что касается концертовъ Бесплатной Музыкальной Школы и истиннаго ихъ главы, Балакирева, то какъ публика, такъ и критика относились къ нимъ, въ большинствѣ случаевъ, съ полной антипатіей, а иногда и рѣшительной враждебностью. Правда, было еще время, когда нѣкоторые критики признавались печатно, что подъ управленіемъ Балакирева нашъ оркестръ становится «неузнаваемъ», что Балакиревъ истинно талантливый дирижёръ, что исполненіе его «полно жизни и огня», что дѣлаемые ему (иногда) оваціи вполне заслужены, но потомъ эти же критики обвиняли Балакирева во множествѣ недостатковъ, а г. Фаминцынъ увѣрялъ даже, что въ исполненіи той или другой симфоніи Бетховена «проглядываетъ иногда не столько желаніе, сколько обязанность играть, въ числѣ другой музыки сочиненіе и Бетховена». Критикъ Сѣровъ (прежде когда-то свѣтлый прогрессистъ, а въ это время ставшій отчаяннымъ ретроградомъ) шелъ еще дальше. Онъ говорилъ, что «ремесленныхъ способностей къ музыкальному дѣлу никто и не думаетъ отрицать у Балакирева», но у него «голова, неспособная мыслить. Такіе люди не водчіе, а каменщики». Дирижировку Балакирева онъ находилъ теперь (въ противоположность тому, что находилъ за 10 лѣтъ раньше) еще ниже совершенно «ординарной» дирижировки Рубинштейна.

Всѣ эти поверхностныя, легкомысленныя и сильно каррикатурныя сужденія, всѣ эти обвиненія въ дилеттанствѣ, отсутствіи истиннаго «знанія», которымъ такъ долго подвергались во время одно и Бетховенъ, и Глинка, и Берліозъ, и Шуманъ, и все со стороны тупыхъ шульмейстеровъ и непроходимыхъ педантовъ, всѣ эти безконечныя противорѣчія, все это слѣпое озлобленіе и вражда доказывали только одно: что старому русскому музыкальному міру приходилось куда какъ солоно отъ новаго, нашедшаго себѣ выраженіе въ концертахъ Бесплатной Музыкальной Школы, что старый міръ чуялъ себѣ, въ новыхъ русскихъ музыкантахъ и ихъ великолѣпной дѣятельности, кореннаго врага и неминуемую гибель. Темныя массы были противъ Школы. Лишь интеллигентное, наибаважнѣйшее въ дѣлѣ прогресса, меньшинство, было за нее.

Но пока шла вся эта боевая жизнь, полная тревогъ и волнений, неудачъ въ одну сторону и удачъ въ другую, во внутренней жизни самой Школы произошли нѣкоторые очень значительныя измѣненія. Въ своихъ «Запискахъ» Ломакинъ описываетъ ихъ такъ:

«Выучившись пѣть въ Бесплатной Школѣ, нѣкоторые изъ учениковъ пожелали быть вознаграждаемы за свой трудъ, иначе считали его неприменимымъ. Желая быть участниками всѣхъ распоряженій, они роптали, что касса находится въ рукахъ учредителя (Ломакина), что все дѣлается имъ произвольно: безотчетно, беспорядочно. Ученіе стали находить неудовлетворительнымъ, вѣ тому что въ Школѣ нельзя сформироваться солистамъ, выборъ пьесъ дурныя оркестръ дорогимъ, всѣ труды бесполезными, и къ труженнику Ломакину, жетовавшему беззавѣтно своимъ здоровьемъ, временемъ и покоемъ для общаго пользы, начали относиться съ недоверіемъ и подозрѣніемъ. Появились даже статьи въ газетахъ, которыя его отрезвили. Выпнувъ въ причину неудовольствій учениковъ Бесплатной Школы, Ломакинъ сознался въ своей административной неспособности и въ несоблюденіи формальности. Непрактичный въ дѣлахъ, онъ предавался всецѣло своему учительскому труду и относился беззащитно къ остальнымъ вещамъ, полагая, что все ведется исправно, такъ какъ были въ школѣ на жаловань учителя, секретарь, бібліотекаръ, помощники. Были шпуровыя книги, куда записывались расходы и приходы, и отчеты печатались ежегодно въ газетахъ. Силы и энергія Ломакина подорвались отъ перваго толчка и онъ не въ состояніи былъ продолжать свои занятія въ Школѣ»...

Съ самаго основанія Школы, у нея не было никакого устава, и Ломакинъ управлялъ ею единолично и самостоятельно. Но 11 ноября 1867 года былъ утвержденъ министерствомъ внутренннихъ дѣлъ уставъ для Школы, по которому управленіе дѣлами ея, кромѣ директора, предоставлено совѣту, избираемому изъ среды членовъ-любителей. 28 января 1868 года, Ломакинъ отказался отъ управленія Школою, и трудъ этотъ, по уставу, принялъ на себя Балакиревъ, какъ учредитель Школы вмѣстѣ съ Ломакинымъ.

Какъ на осязательные результаты дѣятельности Бесплатной Музыкальной Школы, за первый періодъ ея существованія, надо указать, кромѣ концертовъ, на слѣдующіе факты. Съ основанія Школы въ 1862 году и по окончаніе первой половины 1868 года, въ ней перебивала не одна тысяча человѣкъ учащихся, изъ которыхъ многіе, не имѣя вначалѣ ни малѣйшаго понятія о музыкѣ, приобрѣли значительныя познанія, такъ что образовали два церковныхъ хора (при греческой церкви и при церкви министерства внутренннихъ дѣлъ); кромѣ того, многіе изъ учениковъ Школы участвовали въ разныхъ другихъ хорахъ: придворной пѣвческой капеллы и дворцовой церкви великаго князя Николая Николаевича, въ Почтамтскомъ хорѣ, въ хорѣ русской оперы, въ хорѣ Русскаго Музыкальнаго Общества и др. Наконецъ, нѣкоторые изъ молодыхъ людей, первоначально учившихся въ Школѣ, впоследствии сдѣлались извѣстными пѣвцами-солистами на оперной сценѣ: таковы были И. А. Мельниковъ на петербургской, Гиляровъ—на кievской, и т. д.

III.

Въ началѣ втораго періода, скажемъ нѣсколько словъ о внѣшнихъ подробностяхъ быта Бесплатной Школы. Съ переходомъ Бесплатной Школы въ новое управленіе, нельзя было ей долѣе пользоваться помѣщеніемъ въ домѣ графа Шереметева (гдѣ происходили спѣвки и хранились всѣ документы). По ходатайству Балакирева, принадлежавшаго въ то время (1867—1868) къ числу директоровъ Русскаго Музыкальнаго Общества и управлявшаго его концертами, дирекція этого Общества дала Бесплатной Школѣ помѣщеніе въ своемъ домѣ, для всѣхъ ея принадлежностей и засѣданій ея совѣта. Съ выходомъ Балакирева изъ Русскаго Музыкальнаго Общества въ апрѣлѣ 1869 года, Школа лишилась и этого помѣщенія. Потомъ, она нѣсколько времени помѣщалась въ квартирѣ почетнаго гражданина Сидорова, сочувствовавшаго Школѣ; затѣмъ въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ, въ квартирѣ министра, остававшейся одно время незанято; наконецъ, въ 1871 году получила помѣщеніе въ зданіи городской думы, гдѣ и по настоящее время продолжаетъ свои занятія, спѣвки и засѣданія совѣта.

Члены совѣта, избиравшіеся по большинству голосовъ, обсуждали и рѣшали всѣ дѣла Школы. Директоръ имѣлъ голосъ лишь наравнѣ съ прочими членами. Членами совѣтами бывали постоянно и женщины, такъ что вмѣстѣ съ гг. Соловьевымъ, Трифоновымъ, Ивановымъ, Берманомъ, Цирусомъ, Старорусскимъ, Наумовымъ, Марковымъ, Карминымъ, Исполатовскимъ, Буслаевымъ, Мироновымъ и Хмызниковымъ, въ разное время состоявшими членами совѣта, тамъ же засѣдали и дѣйствовали г-жи Хвостова, Чертова, Садовникова, О. и Ю. Веселовскія, Цванцигеръ, Петрова, Роборовская.

Должность казначея также исправляли то мужчины, то женщины. Такъ, на примѣръ, первымъ казначеемъ былъ, съ 1868 по 1876 годъ, г. Соловьевъ (вообще одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и полезнѣйшихъ членовъ-администраторовъ Школы), а въ 1876 году его мѣсто заняла г-жа Роборовская.

Должности секретаря и бібліотекаря исполняли, въ разное время: гг. Лазаревъ (бывшій секретаремъ еще при Ломакинѣ), Старорусскій, Верманъ, Поповъ, Онуфріевъ, Наумовъ, Исполатовскій, Буслаевъ.

Во время Ломакина главнымъ преподавателемъ былъ онъ самъ. Помощниками его были: его младшій братъ Степанъ Якимовичъ Ломакинъ, учителя гг. Барышевъ (въ младшемъ классѣ), Алабышевъ и Коноплевъ (въ старшемъ). Послѣ выхода Ломакина изъ Бесплатной Школы, въ 1868 году, учителями были: гг. Барышевъ,

Алабышевъ, Коноплевъ, Брянскій, Берманъ и Рубецъ, г-жа Садовникова. Короткое время состоялъ при Бесплатной Школѣ учителемъ также и г. Помазанскій.

Что касается до концертовъ Бесплатной Школы, то съ тѣхъ поръ, какъ Балакиревъ остался одинъ распорядителемъ ихъ, они еще болѣе возвысились въ своемъ составѣ. Исчезло остальное слабое или безцвѣтное, что еще иногда появлялось въ концертахъ Школы, вслѣдствіе личныхъ вкусовъ Ломакина (не всегда достаточно строгихъ и очищенныхъ), исчезло то, что въ хоровомъ исполненіи, не взирая на общее превосходное исполненіе Ломакина, бывало у него иногда излишне-сладко и извѣженно. Какъ составъ концертовъ, такъ и выполненіе въ нихъ стали теперь еще выше, правдивѣе, могучѣе, горячѣе и энергичнѣе. Эти именно качества и заставили Русское Музыкальное Общество пригласить Балакирева управлять концертами Общества, послѣ того, какъ А. Г. Рубинштейнъ, осенью 1867 года, разсорился съ Обществомъ и покинулъ его (это событіе произошло, какъ тогда писалъ въ «Голосѣ» критикъ Ростиславъ, вслѣдствіе «абсолютизма и деспотизма Рубинштейна»). Балакиревъ имѣлъ нѣсколько искреннихъ друзей и поклонниковъ среди дирекціи русскаго музыкальнаго Общества. Главнымъ былъ Кологривовъ, который всего болѣе способствовалъ приглашенію его въ Общество. Но они вдвоемъ не могли передѣлать всѣхъ, не могли создать у массы новый образъ мыслей, не отсталый и не темный. То, что Балакиревъ начиналъ и выполнялъ въ своей Бесплатной Школѣ, то онъ началъ было проводить въ концертахъ и вообще музыкальной дѣятельности русскаго музыкальнаго Общества. Тутъ уже началось противъ него возстаніе по всей линіи. Кто и молчалъ до тѣхъ поръ и про себя негодовалъ, поднялъ голову и сталъ протестовать изъ всѣхъ силъ. Въ сезонъ 1867—1868 года концертами музыкальнаго Общества дирижировалъ, поочередно съ Балакиревымъ, Берлиозъ. Онъ отъ всей души полюбилъ юнаго своего товарища, высоко цѣнилъ его талантъ и дирижерство, и, увѣжая, подарилъ ему свою капельмейстерскую палочку. И что же? послѣ его отъѣзда, враги Балакирева въ Музыкальномъ Обществѣ вздумали воспользоваться великимъ французскимъ музыкантомъ и его авторитетомъ, для того, чтобы низвергнуть Балакирева. Вздумали призвать изъ Германіи какого-то совершенно ничтожнаго, бездарнаго капельмейстера Зейфрица, чтобъ имъ замѣнить Балакирева, котораго рѣшили вытѣснить вонъ. И вотъ Берлиозъ писалъ мнѣ тогда: «Я получаю письма изъ Россіи и Германіи, гдѣ съ меня требуютъ вещей невозможныхъ. Хотятъ, чтобъ я сказалъ много хорошаго про одного нѣмецкаго артиста (Зейфрица), но съ тѣмъ, чтобъ я худо отовался объ одномъ русскомъ артистѣ (Балакиревѣ), который напротивъ имѣетъ право на величайшія похвалы. Что это за чортовъ народъ?» (Письмо

A. P. ...

отъ 21-го авг. 1868 г., теперь уже напечатанное въ «Перепискѣ Берліоза»). Эти и подобныя интриги и злостное недоброжелательство кончились тѣмъ, что Балакиревъ долженъ былъ покинуть русское музыкальное Общество, въ началѣ весны 1869 года.

Все это не могло не возмущать до глубины души истинныхъ музыкантовъ, и Чайковскій напечаталъ въ «Современной Лѣтописи» (1869 г., № 16) статью, гдѣ говорилъ:

«...Балакиревъ заявилъ себя въ высшей степени энергическимъ дѣятелемъ на поприщѣ собственно-русской музыки. Указывая на Глинку, какъ на великій образецъ чисто-русскаго художника, Балакиревъ проводилъ своею артистическою дѣятельностью ту мысль, что русскій народъ, богато одаренный въ музыкѣ, долженъ внести свою лепту въ общую сокровищницу искусства... Балакиревъ былъ незамѣнимо-полезный членъ русскаго музыкальнаго Общества. Онъ издалъ превосходный сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, открылъ намъ въ этихъ пѣсняхъ богатѣйшій матеріалъ для будущей русской музыки. Онъ познакомилъ публику съ великими произведеніями Берліоза. Онъ развили и образовалъ нѣсколько весьма талантливыхъ русскихъ музыкантовъ, изъ коихъ, какъ самый крупный талантъ, назовемъ Н. А. Римскаго-Корсакова. Онъ, наконецъ, далъ возможность иностранцамъ убѣдиться въ томъ, что существуютъ русская музыка и русскіе композиторы, поставивъ въ одномъ изъ музыкальнѣйшихъ городовъ Западной Европы, въ Прагѣ, бессмертную оперу Глинки «Русланъ и Людмила»...

Оркестровое исполненіе Балакирева Чайковскій называлъ «отличнымъ», хоръ — «хорошо обученнымъ». Потомъ продолжалъ:

«Но каково было удивленіе русской публики, когда она узнала, что дирекція Русскаго Музыкальнаго Общества находитъ дѣятельность Балакирева совершенно бесполезною, даже вредною, и что въ капельмейстеры приглашенъ нѣкто, еще незапятанный запрещенною нашими просвѣтителями склонностью къ національной музыкѣ. Не знаемъ, какъ отвѣтитъ петербургская публика на столь безцеремонное съ нею обхожденіе, но было бы очень грустно, если бѣ изгнаніе изъ высшаго музыкальнаго учрежденія челоука, составлявшаго его украшеніе, не вызвало протеста со стороны русскихъ музыкантовъ. Нашъ скромный голосъ есть въ настоящемъ случаѣ выразитель общаго всѣмъ русскимъ музыкантамъ тяжелаго чувства... Балакиревъ можетъ сказать теперь то, что изрекъ отецъ русской словесности, когда получилъ извѣстіе объ изгнаніи его изъ академіи наукъ: «Академію можно оставить отъ Ломоносова, но Ломоносова отъ академіи отставить нельзя».

Со своей стороны, я, хотя и не музыкантъ, тоже говорилъ тогда въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»:

«Нѣмецкая музыкальная партія у насъ торжествуетъ; русская, съ Балакиревымъ во главѣ, унижена, отвергнута... Балакиревъ палъ жертвою нѣмецкой рутинѣ и незнанія. Какихъ-то бездарностей не выдвинули противъ него, чтобъ замѣнить его, или ратовать противъ него въ печати. Ни талантъ, ни знаніе, ни самыя горячія, чудесныя стремленія—ничто не помогаетъ. Но авось когда нибудь и на нѣмецкую музыкальную партію прійдетъ управа».

Сторонники ретроградства и консерватизма ликовали. Сѣровъ писалъ, отвѣчая мнѣ (въ «Голосѣ», 1869 года, № 145): «Нѣтъ

у насъ никакой партіи, ни русской, ни нѣмецкой, а есть гнѣздо самохваловъ-интригановъ, которые хотятъ орудовать музыкальными дѣлами для своихъ личныхъ цѣлей, отстраняя высшія цѣли искусства на задній планъ. Паденіе Балакирева, а вмѣстѣ съ нимъ и его «лагеря»,—дѣло вполне логичное и справедливое». Другой тогдашній критикъ, Ростиславъ, восклицалъ, также отвѣчая мнѣ: «Не нѣмецкая враждебная партія сгубила Балакирева, а сгубилъ его и въ конецъ скомпрометировалъ тотъ же кружокъ, который превозносили его черезъ мѣру и не позволяли ему подчиняться законнымъ требованіямъ русскаго музыкальнаго Общества (на счетъ необходимости большаго классицизма). Можно ли вручать участь концертовъ музыкальнаго Общества человѣку, который заведомо принадлежит и поддерживается кликою разрушителей?» Этотъ самый Ростиславъ устроилъ даже при русскомъ музыкальномъ Обществѣ особый комитетъ, который долженъ былъ противиться зловредному наплыву людей, отрицающихъ пользу музыкальной науки (!) и уничтожающихъ всѣ авторитеты въ музыкѣ.

Но Балакиревъ и не думалъ «падать», «погибать». Выйдя изъ русскаго музыкальнаго Общества, какъ среды, вовсе ему не свойственной и не подходящей, онъ съ прежнимъ жаромъ и энергіей продолжалъ вести дѣло Бесплатной Школы. На свой выходъ изъ русскаго музыкальнаго Общества, онъ отвѣчалъ цѣлою серіею абонементныхъ жонцеровъ Бесплатной Школы, въ сезоны 1869—1870 и 1871—1872 годовъ,—концертовъ, которые всѣ были посвящены исполненію величайшихъ созданій новой русской и новыхъ европейскихъ школъ. И одинъ изъ самыхъ коренныхъ противниковъ новой русской музыки и новыхъ русскихъ музыкантовъ, Ларошъ, долженъ былъ признаться («Голосъ», 1874, № 18), что отъ 1865 до 1870 года «кружокъ Бесплатной Школы сдѣлалъ огромные успѣхи въ отношеніи кредита и вліянія... Враждебность театральнаго вѣдомства удесятерила обаяніе и популярность кружка»... Могло ли оно и быть иначе, когда и самъ Балакиревъ въ этотъ періодъ возмужалъ и выросъ во всю свою величину, да съ нимъ выросли и поднялись во всемъ могуществомъ и красотѣ своего таланта его товарищи, еще такъ недавно бывшіе только его учениками: Кюи, Мусоргскій, Римскій-Корсаковъ, Бородинъ, т. е. всѣ тѣ люди, которыми гордится новая русская музыка. Въ началѣ 60-хъ годовъ, они только принимались за свое дѣло; теперь, они были уже могучіе, пышно разцвѣтшіе таланты, чьи великолѣпныя произведенія наполняли теперь концерты Бесплатной Школы. Могло ли оно также и быть иначе, когда одинъ изъ нихъ, Кюи, съ талантомъ композитора соединялъ талантъ музыкальнаго писателя, критика, и своими безчисленными фельетонами въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ продолженіе второй половины 60-хъ годовъ и цѣлой первой половины 70-хъ годовъ (1864—1874 г.) съ талантомъ, бле-

скомъ и энергіею сражался за русскую музыку, русскихъ композиторовъ и Бесплатную Музыкальную Школу, и старался водворять истинныя, здоровыя музыкальныя понятія. Могло ли при такомъ накопленіи талантливости не оказаться на сторонѣ Школы нѣкоторыхъ «успѣховъ въ отношеніи кредита и вліянія»? Вѣдь и среди музыкальной публики есть люди интеллигентныя. Но, конечно, такіе успѣхи и вліяніе не могли быть пріятны никому изъ консерваторовъ, особенно Ларошу, который вообще и про всю-то новую европейскую музыку отзывался такимъ образомъ, что «съ 20-хъ годовъ нашего столѣтія она не только не оказала успѣховъ, но проявляетъ несомнѣнное и сильное паденіе» («Русскій Вѣстникъ», 1869 г., іюль). Какъ же долженъ онъ былъ смотрѣть на новыхъ русскихъ музыкантовъ? Конечно, только какъ на «дилеттантовъ»,—и онъ это высказывалъ много разъ въ петербургской и московской печати. Къ этому онъ прибавлялъ: «Въ либерализмѣ этихъ музыкантовъ для Россіи не было никакой надобности». Что касается до исполненія всѣхъ этихъ «ненужныхъ либеральныхъ созданій», то Сѣровъ увѣрялъ, въ 1869 году, что «самый послѣдній музыкантъ изъ водевильнаго оркестра продирижировалъ бы и «Героическую симфонію» Бетховена, и «Реквиемъ» Моцарта лучше Балакирева, такъ какъ у оркестровыхъ музыкантовъ есть въ этомъ своя традиція, у Балакирева же нѣтъ собственнаго вкуса и разумѣнія... И это говорилось по поводу великихъ симфоній Бетховена, по поводу «Реквиема» Моцарта, все созданій, къ которымъ любовь, удивленіе, обожаніе у Балакирева, вмѣстѣ со всѣми его русскими товарищами по искусству, были безграничны! Впрочемъ, Сѣровъ самъ себя и побивалъ собственными руками: не далѣе какъ черезъ три недѣли, послѣ всѣхъ этихъ клеветъ и гнусныхъ напраслинь, онъ писалъ въ томъ же «Голосѣ» (1869 г., № 145), что «при бѣльшей образованности и бѣльшемъ безпристрастіи Балакиревъ могъ бы быть отличнымъ дирижеромъ».

Такимъ образомъ, опять, какъ въ началѣ 60-хъ годовъ, среди непрерывныхъ боевъ, нелюбви публики, нападковъ критики, неудачъ, но также и торжествъ, проходила жизнь Бесплатной Школы въ концѣ 60-хъ годовъ. И члены Школы очень хорошо понимали значеніе Балакирева и сознавали то, чѣмъ всѣ они ему обязаны. Это они выразили ему, 30-го мая 1869 года, на торжественномъ собраніи въ залѣ городской думы. Балакиреву были поднесены адресъ, серебряный вѣнокъ и серебряная группа, и при этомъ, у подножія бюста Глинки, поставленнаго, по поводу Троицына дня, подъ аркою изъ березокъ, было произнесено нѣсколько рѣчей, живо характеризующихъ отношенія Бесплатной Школы къ ея директору.

Одинъ изъ главныхъ членовъ совѣта, М. В. Соловьевъ, сказалъ, между прочимъ:

«...Не смотря на ограниченность средств Школы, не смотря на очень хорошо извѣстные всѣмъ намъ дѣйствія враждебной намъ партіи, не разъ находившія себѣ выраженіе и въ печати, ваши рѣдкія музыкальныя способности и громадная энергія вывели Школу на тотъ національный, самостоятельный путь, который составляетъ истинную задачу нашей Школы, и поставили ее, безъ всякаго сравненія, выше остальныхъ петербургскихъ музыкальныхъ учреждений, не смотря на то, что эти послѣднія обладаютъ гораздо большими финансовыми и другими средствами для своей поддержки... Съ тѣхъ поръ, какъ В. Ш. находится подъ вашимъ управленіемъ, мы съ каждымъ годомъ все болѣе уважаемъ васъ, какъ директора Школы и высоко талантливаго капельмейстера»...

П. С. Марковъ закончилъ свою рѣчь такъ:

«...Я позволю себѣ, отъ лица отсутствующихъ товарищей, высказать вамъ наше спасибо за все вами сдѣланное для нашей пользы. Дай Богъ, чтобы Школа еще долго оставалась подъ вашимъ талантливымъ и умнымъ управленіемъ!»

К. Ѡ. Черткова сказала:

«...Насъ часто, особливо въ послѣдній сезонъ, смущали слухами, что наша Школа падаетъ, не разъ приходилось намъ даже читать въ печати, что она въ скоромъ времени совершенно закроется. Но послѣдніе концерты доказали, что Школа наша не только не падаетъ, но, напротивъ, растетъ, процвѣтаетъ. Приписывая такіе успѣхи вашему талантливому, энергическому управленію, я отъ имени нашихъ дамъ приношу вамъ искреннюю благодарность за все предпринятое вами для Школы и вмѣстѣ съ тѣмъ прошу не оставлять ее, но продолжать вести въ томъ же духѣ, въ томъ же направленіи, не придавая ни малѣйшаго значенія всевозможнымъ выходкамъ нашихъ недоброжелателей. Будьте увѣрены, что мы всегда вамъ сочувствовали и будемъ сочувствовать, и всѣми силами будемъ помогать вамъ во всѣхъ вашихъ трудахъ».

Н. П. Юрьевъ сказалъ:

«...Благодаря вашей ни передъ какими помѣхами и препятствіями неугасающей энергіи, В. Ш. заняла высокое мѣсто въ нашемъ музыкальномъ мірѣ... Только одна истинная любовь къ дѣлу, не успѣвшему еще установиться на твердой почвѣ, когда вы его приняли въ свои руки, могла подвинуть его такъ, какъ это случилось подъ вашимъ управленіемъ; только такимъ высокимъ талантомъ и умѣньемъ управлять Школой, какъ ваши, можно объяснить то, что люди всѣхъ сословій, съ разныхъ концовъ столицы, толпой стекаются въ Школу, вами управляемую»...

Наконецъ, великій нашъ художникъ, пѣвецъ О. А. Петровъ, бывшій также въ залѣ въ числѣ гостей, сказалъ Балакиреву:

«Позвольте и мнѣ выразить вамъ мое удовольствіе, что мнѣ случилось быть свидѣтелемъ вашего торжества. Мнѣ пришли на память слова нашего гениальнаго Мих. Ив. Глинки, который всегда предсказывалъ вамъ великій музыкальный талантъ, а Даргомыжскій, въ послѣднее время своей жизни, говоря о васъ, постоянно называлъ музыкальнымъ орломъ! Нынче я вижу осуществленіе ихъ предсказаній и мысли. Все общество довольно вашими указаніями и руководствомъ, художники высоко цѣнятъ ваши сочиненія, всѣ стараются выразить вамъ свою благодарность и сочувствіе. Мнѣ остается только поздравить васъ отъ души, искренно и, пожелавъ такихъ же успѣховъ и впредь, обнять васъ какъ достойнаго преемника Глинки и Даргомыжскаго».

Концерты Бесплатной Школы втеченіе 1870—1872 годовъ шли съ прежней энергіей, старательностью и совершенствомъ, программы ихъ продолжали заключать въ себѣ великолѣпный музыкальный матеріалъ, по преимуществу созданія новѣйшихъ школъ, русской и европейскіихъ. Но на сколько больше становились симпатіи къ нимъ лучшаго, музыкальнѣйшаго меньшинства, на столько же все болѣе и болѣе охлаждалась къ нимъ наибольшая, темная масса публики. Въ сезонъ 1871—1872 года, Балакиревъ не имѣлъ возможности дать послѣдняго (5-го) абонементнаго концерта, такъ какъ взносов абонентовъ было недостаточно для покрытія расходовъ. Концерты на время прекратились, въ ожиданіи лучшихъ обстоятельствъ, а въ 1874 году Балакиревъ сложилъ съ себя званіе директора Школы.

IV.

Вскорѣ по выходѣ Балакирева изъ Бесплатной Школы, мѣсто его вступилъ, по предложенію совѣта Школы, Римскій-Корсаковъ. Выборъ не могъ быть счастливѣе. Кромѣ того, что онъ былъ высоко-талантливый композиторъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ нашихъ музыкальныхъ художниковъ, представителей новой русской школы, онъ былъ также превосходный техникъ и педагогъ. Подобно Балакиреву, онъ издалъ великолѣпный «Сборникъ русскихъ пѣсенъ», имъ записанныхъ изъ устъ самого народа и гармонизанныхъ съ глубокимъ пониманіемъ русскаго музыкальнаго духа.

Заниматься Бесплатною Музыкальною Школою Римскій-Корсаковъ сталъ съ осени 1874 года, съ энергіей и великимъ рвеніемъ. Составъ учителей былъ, попрежнему, удовлетворительный. Сюда принадлежали, въ періодъ его управленія Школою: гг. Мухинъ, Пасхаловъ, г-жи Садовникова, О. П. Веселовская; но Римскій-Корсаковъ и самъ велъ всѣ спѣвки и большинство классовъ. Въ первое время онъ обратилъ особое вниманіе на выполненіе хоровъ а сарелла старыхъ итальянскихъ и нѣмецкихъ композиторовъ, и достигъ въ исполненіи ихъ блестящихъ результатовъ. Первые два концерта подъ его управленіемъ, одинъ 25-го марта 1875 года, другой 3-го февраля 1876 года, были наполнены хорами а сарелла Аллегри, Палестрины, отрывками изъ ораторій и мессъ Ваха и Генделя. Но онъ почувствовалъ, что это есть въ нѣкоторомъ родѣ отклоненіе отъ цѣлей и блестящаго, самостоятельнаго прошлаго Бесплатной Музыкальной Школы, отъ ея самобытнаго почина, и потому онъ возвратился къ программамъ, совершенно однороднымъ съ прежними программами концертовъ Бесплатной Школы. Блескъ концертовъ возобновился, тѣмъ болѣе, что въ нихъ появлялись съ каждымъ почти разомъ все новыя и новыя талантливѣйшія созданія русскихъ композиторовъ: Бородина, Мусоргскаго, Римскаго-Кор-

H. Pucci-Kopcowicz

сакова, Кюи; возобновлялись также въ исполненіи прежнія сочиненія Балакирева и его товарищей, почти никогда не исполняемыя въ другихъ концертахъ; наконецъ, производились также капитальнѣйшія сочиненія европейскихъ композиторовъ нашего вѣка.

При такомъ составѣ, отношенія публики и критиковъ къ концертамъ Безплатной Школы остались прежнія. Въ эту пору въ концертахъ русскаго музыкальнаго Общества уже исполнялись сочиненія новыхъ русскихъ и европейскихъ композиторовъ, но вѣрѣдка, въ видѣ исключенія или снисходительности, и, повидимому, это болѣе было сносно, болѣе приходилось публикѣ по ея вкусу. Поэтому она несравненно болѣе посѣщала концерты русскаго музыкальнаго Общества, они казались ей и болѣе «авторитетными», и болѣе настоящими, и «правовѣрными». Новые русскіе музыканты съ Безплатной Школой представлялись ей только славянофильскими сектантами: хотя и талантливыми, но слишкомъ исключительными раскольниками. Она съ неудовольствіемъ и антипатіей сторонилась отъ этихъ «изувѣровъ».

Что касается до критики, то она продолжала быть враждебна Безплатной Музыкальной Школѣ, какъ и въ прежній періодъ. Но прежнее поколѣніе критиковъ, Сѣровы, Ростиславы, Фаминцыны, сошло со сцены и замѣнилось писателями, получившими образованіе въ консерваторіяхъ, или по образу мыслей примыкавшими къ консерваторскому направленію. Во главѣ ихъ стоялъ Ларошъ, котораго музыкально-критическая дѣятельность началась еще въ концѣ 60-хъ годовъ, но который и въ 70-ые перенесъ свои затхлые консервативные взгляды, свою ненависть или презрѣніе ко всей почти той музыкѣ, которой не было 300,200,100 лѣтъ отъ роду. Для него музыка самого Бетховена казалась «падениемъ» съ прежней высоты,—что же долженъ онъ былъ думать о Листѣ, Берлиозѣ, Шуманѣ, и всѣхъ новыхъ русскихъ музыкантахъ? Одинъ Глинка казался ему заслуживающимъ исключенія изъ его «анаемъ» и жалобъ, воплей противъ современнаго упадка музыки. Прочіе новѣйшіе критики, гг. Соловьевы, Галлеры и другіе, не обладая ни его умомъ, ни знаніями, ни даровитостью, стояли еще неизмѣримо ниже этого врага новой музыки, и съ примѣрнымъ отсутствіемъ всяческаго пониманія и вкуса, словно совершенно глухіе и слѣпые, никогда не переставали нападать на новыхъ русскихъ композиторовъ, а съ ними вмѣстѣ, конечно, и на Безплатную Школу. Критики этихъ писателей, только забавныя по своей малой толковости и полной недаровитости, печальны по своему безпредѣльному невѣжеству.

|| Но такое отношеніе публики и критики ничуть не ослабляло дѣятельности Безплатной Школы, энергіи ея управителя. И это, не взирая на то, что Римскій-Корсаковъ много времени отдавалъ композиторству: именно во время своего директорства, онъ создалъ одно

изъ высочайшихъ русскихъ музыкальныхъ произведеній, оперу «Снѣгурочку». Школа глубоко ему была благодарна за его истинно-самоотверженную дѣятельность, глубоко симпатизировала ему, и когда, въ началѣ 1881 года, Римскій-Корсаковъ вынужденъ былъ, по крайнему накопленію обязательныхъ занятій, отказаться отъ званія директора, Бесплатная Школа высказала ему, въ прощальномъ адресѣ, свои чувства симпатіи и уваженія.

«Впродолженіе семи лѣтъ находясь во главѣ нашего небольшого общества,— было сказано въ адресѣ,—вы трудились для него съ присущимъ вамъ терпѣніемъ и настойчивостью, имѣя въ виду одну только цѣль—неуклонно вести Бесплатную Школу по тому пути, который назначегъ ея учредителями. Вы энергично исполняли приняту на себя обязанность, и только ваше рвеніе и любовь къ дѣлу помогали Школѣ переживать тѣ невзгоды, которыя не разъ выпадали на ея долю. Оглядываясь въ прошлое, мы не можемъ не видѣть и не чувствовать благороднаго вліянія, которое вы имѣли на насъ,—вліянія высокоодареннаго руководителя-труженика, своимъ примѣромъ побуждавшаго всѣхъ членовъ Школы вносить посильную лепту въ сокровищницу общаго дѣла. Безконечно благодарны за всѣ труды ваши на пользу Бесплатной Школы, мы расстаемся съ вами, полные глубокаго уваженія къ вашей дѣятельности, и просимъ вѣрить, что Бесплатная Школа никогда не перестанетъ чтить въ лицѣ вашемъ своего неутотимаго высокоталантливаго руководителя».

V.

По просьбѣ совѣта Бесплатной Школы, Балакиревъ рѣшился снова вступить въ должность директора Школы, въ серединѣ 1881 года, а когда въ первомъ же послѣ того концертѣ, 15 февраля 1882 года, онъ снова явился во главѣ хора и оркестра, то ему былъ поднесенъ отъ Бесплатной Школы и многочисленныхъ почитателей, вмѣстѣ со множествомъ вѣнковъ и богатыхъ приношеній, адресъ, гдѣ было сказано:

«Создатели русской музыки, Глинка и Даргомыжскій, еще въ дни первой вашей молодости, признали въ васъ своего преемника и продолжателя. Многолѣтнею своею дѣятельностью вы осуществили ихъ ожиданія. Собственными высокими созданіями и благотворнымъ вліяніемъ на современное музыкальное наше поколѣніе вы, во главѣ даровитыхъ товарищей, упрочили за русскою музыкальною школою такое самобытное и народное значеніе, которое громко признано и у насъ на родинѣ, и среди высшихъ представителей музыки на Западѣ. Немало враждебности и даже невзгодъ привелось вамъ испытать, вмѣстѣ со всею новою нашею школою, со стороны упорнаго музыкальнаго консерватизма. Друзья и почитатели съ горестью видѣли временное и добровольное удаленіе ваше съ поприща истиннаго служенія вашей родинѣ и, радостно привѣтствуя сегодня ваше возвращеніе къ прежней дѣятельности, горячо надѣются, что отнынѣ вы не покинете болѣе того пути, на которомъ вы несомнѣнно поможете отечественной музыкѣ шагнуть еще далѣе впередъ».

Эти искреннія пожеланія осуществились. Прошедшія съ этого концерта пять лѣтъ снова наполнены были не только для всего русскаго музыкальнаго дѣла, но и спеціально для Бесплатной Школы самою энергическою дѣятельностью какъ бы воскресшаго снова для музыки Балакирева. Въ слѣдующемъ же сезонѣ, онъ исполнилъ въ концертѣ Школы 27 февраля 1884 года высшее свое созданіе, симфоническую поэму «Тамару», въ другихъ концертахъ представилъ капитальныя произведенія появившихся вновь русскихъ композиторовъ, наприм., высокоталантливую, великолѣпную «Симфонию» Глазунова, «Увертюру» Ляпунова и т. д., и вмѣстѣ снова началъ выполнять всѣ замѣчательнѣйшія созданія новыхъ русскихъ и европейскихъ музыкантовъ. Бесплатная Школа ревностно помогала своему главѣ во всѣхъ его начинаніяхъ, и общими ихъ усиліями былъ данъ, въ концѣ 1886 года, въ память Листа, великаго ревнителя и почитателя новой русской школы, такой торжественный и великолѣпный концертъ, весь изъ его произведеній, какого нигдѣ въ Европѣ не было дано въ память Листа, послѣ его кончины.

Бесплатная Музыкальная Школа празднуетъ, 10 марта 1887 года, окончаніе перваго двадцатипятилѣтія своего существованія. Роль ея была до сихъ грандіозна и чудесна. Школа идетъ попрежнему на всѣхъ парусахъ. Кажется, ей въ будущемъ предстоитъ еще великая роль въ исторіи русской національной музыки.

В. Стасовъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ПРОГРАММЫ КОНЦЕРТОВЪ БЕСПЛАТНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ.

1862—1887.

Программы концертовъ Бесплатной Музыкальной Школы напечатаны здѣсь по экземплярамъ программъ, по большей части, нынѣ очень рѣдкимъ, изъ собраній концертныхъ программъ и афишъ: В. Г. Ломакина, Д. В. Стасова, Н. А. Римскаго-Корсакова, П. А. Трифонова и В. В. Стасова. Экземпляры трехъ первыхъ программъ, наиболѣе рѣдкихъ, и потому перепечатываемыхъ дѣликомъ, принадлежать В. Г. Ломакину и Д. В. Стасову.

А. Концерты Бесплатной Музыкальной Школы подъ управленіемъ Г. Я. Ломакина.

I.

1862 г., 11-го марта, въ 1 часть по полудни, въ залѣ Дворянскаго Собранія, концертъ въ пользу учреждающейся Бесплатной Музыкальной Школы, съ участіемъ любителей и любительницъ музыки и хора пѣвчихъ графа Д. Н. Шереметева, числомъ 150 человекъ, подъ управленіемъ Г. Я. Ломакина.

- 1) Увертюра изъ оп. «Іосифъ» Менюла.
Исполнить оркестръ, подъ управленіемъ К. Шуберта.
- 2) Хоръ: «Ave verum corpus» Моцарта.
- 3) Арія Перголезе.
Будеть пѣть г-жа А. И. Вюдель.
- 4) Хоръ, соч. XV вѣка.
- 5) Хоръ: «O voto tremendo», изъ оп. «Идоменей» Моцарта.
- 6) Арія изъ ораторіи «Четыре времени года» Гайдна.
Будеть пѣть И. А. Мельниковъ.
- 7) Хоръ: «Ожиданіе» Мендельсона.
- 8) Арія Перголезе.
Будеть пѣть г-жа О. Д. Соколова.
- 9) Хоръ: «Вечерняя пѣснь» Гайдна.

II.

1862 г., 11-го апрѣля, въ 7^{1/2} час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія, концертъ въ пользу открывшейся 18-го марта Безплатной Школы пѣнія, съ участіемъ любителей и любительницъ музыки, хора пѣвчихъ графа Д. Н. Шереметева, числомъ 150 человѣкъ, подъ управленіемъ Г. Я. Ломакина.

1.

1) Увертюра («Мелозина»)	Мендельсона.
(Исполнить оркестръ, подъ управленіемъ К. Шуберта).	
2) Хоръ («Ave verum corpus»)	Моцарта.
3) Хоръ XVI столѣтія	Галлуса.
4) Арія съ хоромъ	Россини.
Партію соло исполнить г-жа А. И. Бюдель.	
5) Хоръ (изъ «Идоменей»)	Моцарта.

2.

6) Увертюра на русскія темы	Балакирева.
7) Хоръ XV вѣка.	
8) Арія	Ломакина.
Исполнить И. А. Мельниковъ.	
9) Хоръ: «Ожиданіе»	Мендельсона.
10) Хоръ изъ ораторіи «Четыре времени года»	Гайдн.

Б. Концерты Безплатной Музыкальной Школы подъ управленіемъ Г. Я. Ломакина и М. А. Балакирева.

III.

1863 г., 25-го февраля, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія, концертъ въ пользу Музыкальной Безплатной Школы, съ участіемъ хора, составленнаго изъ ученицъ и учениковъ школы и пѣвчихъ графа Д. Н. Шереметева, всѣхъ участвующихъ числомъ до 300, подъ управленіемъ Г. Я. Ломакина.

1.

1) Увертюра изъ оп. «Жизнь за Царя»	Глинки.
2) Хоръ	* *
3) Весенняя пѣснь	Мендельсона.
4) Хоръ	XV вѣка.
5) Хоръ	Гондла.

2.

6) Увертюра на русскія темы	Балакирева.
7) Хоръ изъ оп. «Оберонъ»	Вебера.
8) Хоръ	Юмелли.
9) Арія	Мендельсона.
Будеть пѣть И. А. Мельниковъ.	
10) Хоръ	Гайдн.

IV.

1863 г., 3-го апрѣля, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія концертъ въ пользу Музыкальной Бесплатной Школы, съ участіемъ хора, составленнаго изъ 300 особъ, подъ управленіемъ Г. Я. Ломакина.

1.

1) Увертюра изъ оп. «Кавказскій плѣнникъ» (въ 1-й разъ) .	Кюи.
2) Хоръ («Ave verum corpus»)	Моцарта.
3) Романсъ изъ оп. «Эврианта»	Вебера.
Будеть пѣтъ Н. И. Калининъ.	
4) Хоръ: «Ожиданіе»	Мендельсона.
5) Арія изъ оп. «Русланъ и Людмила».	Глинки.
Будеть пѣтъ г-жа А. И. Вюдель.	
6) Хоръ изъ оп. «Идоменей»	Моцарта.

2.

7) Увертюра: «Арагонская хота»	Глинки.
8) Хоръ изъ оп. «Орфей»	Глюка.
9) Женскій хоръ изъ «Рай и Пери»	Шумана.
10) Каватина изъ оп. «Эврианта»	Вебера.
Будеть пѣтъ г-жа А. И. Вюдель.	
11) Хоръ («Аллилуйя»)	Генделя.

V.

1864 г., 9-го марта, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

1.

1) Увертюра изъ оп. «Русалка»	Даргомыжнаго.
2) Хораль	Баха.
3) а) Хоръ	Бернабен.
б) Хоръ на 8 голосовъ	Лейзеринга.
4) 1-й концертъ Es-dur, для фортепіано съ оркестромъ	Листа.
Партію фортепіано исполнить И. Ф. Нейлисовъ.	
5) Хоръ русалокъ.	Даргомыжнаго.
6) Фуга изъ ораторіи «Израиль въ Египтѣ»	Генделя.

2.

7) Увертюра къ оп. «Кавказскій плѣнникъ»	Кюи.
8) Сохо съ хоромъ	Марчелле.
Партію соло исполнить г-жа В. М. Гальбрейтеръ.	
9) «Ночь въ Мадритѣ», фантазія на испанскія темы	Глинки.
10) а) Арія и женскій хоръ	) изъ ораторіи: Шумана.
б) Хоръ.	
Партію соло будетъ пѣтъ И. А. Мельниковъ.	
11) Хоръ изъ оп. «Оберонъ»	Вебера.

VI.

1864 г., 6-го апрѣля, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

1.

1) Увертюра къ оперѣ «Русланъ и Людмила»	Глинки.
2) Хоръ изъ оперы «Орфей»	Глюка.
3) Свадебный хоръ изъ оперы «Вильямъ Ратклиффъ» (въ 1-й разъ)	Кюи.
4) «Concertstück», для фортепiano и оркестра.	Шумана.
Партію фортепiano исполнить Ѳ. А. Каникле.	
5) Хораль	Баха.

2.

6) 2-я увертюра на русскія темы	Балакирева.
7) Хоръ «Tibi omnes» изъ «Te Deum'a»	Берліоза.
8) Персидскій хоръ изъ оп. «Русланъ и Людмила»	Глинки.
9) Восточный хоръ (H-moll) изъ оп. «Оберонъ»	Вебера.

VII.

1865 г., 22-го февраля, въ залѣ Дворянскаго Собранія, въ 8 час. вечера.

1.

1) Увертюра къ оп. «Геновева»	Шумана.
2) Хоръ	Ломанина.
3) Хоръ изъ оп. «Эврианта»	Вебера.
4) Арія съ хоромъ изъ оп. «Орфей»	Глюка.
Партію соло исполнить г-жа В. М. Гальбрейтеръ.	
5) Скерцо «Царица Мабъ», отрывокъ изъ симфоніи «Ромео и Юлія»	Берліоза.
6) Хоръ «Буря», изъ ораторіи «Четыре времени года»	Гайдн.

2.

7) «Les Préludes», симфоническая поэма на стихотвореніе Ламартина	Листа.
8) Хоръ пряхщицъ изъ оп. «Морякъ-скиталець»	Вагнера.
9) Хоръ изъ кантаты «Ніола»	Моношени.
10) Арія Гориславы изъ оп. «Русланъ и Людмила»	Глинки.
Партію соло исполнить г-жа А. А. Попова.	
11) Фантазія для оркестра «Камаринская»	Глинки.
12) Хоръ «Аллилуйя»	Генделя.

VIII.

1865 г., 22-го марта, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

1.

1) Увертюра «Корсаръ»	Берліоза.
2) Хоръ	Ломанина.
3) Motetto, для хора	Палестрины.
4) Романсъ съ хоромъ изъ оп. «Жизнь за царя»	Глинки.
Партію соло исполнить г-жа Абаза.	

- 5) 2-й концерт (A—Dur) для фортепiano съ оркестромъ . . . Листа.
Исполнить *Θ. А. Канилле.*
- 6) Хоръ изъ оп. «Русалка» Даргомыжнаго.

2.

- 7) Увертюра: «Король Лиръ» Балакирева.
- 8) Хоръ: «Tantum ergo» Баха.
- 9) Хоры изъ оп. «Оберонъ» Вебера.
- 10) Тріо съ хоромъ изъ оп. «Жизнь за царя» Глинки.
Исполнять: г-жа *М. Н. Ахлебинина*, гг. *В. И. Гордѣевъ* и *И. А. Мельниковъ.*
- 11) Хоръ изъ оп. «Идоменей» Моцарта.

IX.

1865 г., 19-го декабря, въ 2 часа по полудни, въ залѣ Городской Думы.

1.

- 1) Симфонія (въ 1-й разъ) Римскаго-Корсакова.

2.

- 2) Реквиемъ Моцарта.
Партіи соло исполнять: г-жи *А. А. Попова*, *Б. М. Гальбрейтеръ*, гг. *И. А. и А. А. Мельниковы.*

X.

1866 г., 21-го февраля, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

1.

- 1) Увертюра къ оп. «Русланъ и Людмила», для оркестра . . . Глинки.
- 2) Хоръ Ломанина.
- 3) «Пляска Тамары», отрывокъ изъ музыки къ поэмѣ Лермонтова «Демонъ» (въ 1-й разъ) Христіановича.
- 4) «Пляска смерти» (Danse macabre), фантазія на тему «Dies irae», для фортепiano и оркестра (въ 1-й разъ) Листа.
Партію фортепiano исполнить *А. А. Герке.*
- 5) Женскій хоръ изъ волшебнo-комической оперы «Рогдана» (въ 1-й разъ) Даргомыжнаго.
- 6) Хоръ изъ ораторіи «Израиль въ Египтѣ» Генделя.

2.

- 7) 2-я увертюра на русскія темы Балакирева.
- 8) Свадебный хоръ изъ оп. «Русалка» Даргомыжнаго.
- 9) Отрывки изъ монодрамы «Леліо», для соло, хора и оркестра.
а) Эолова арфа (оркестръ); б) Фантазія на «Бурю» Шекспира (хоръ и оркестръ).
- 10) Хоръ («Ашидуя») Генделя.

XI.

1866 г., 11-го декабря, въ 1¹/₂ часъ по полудни, въ залѣ Городской Думы.

1.

- 1) Увертюра къ оп. «Русланъ и Людмила» Глинки.
- 2) Хоръ: «Въ минуту жизни трудную» (въ 1-й разъ) . . . Ломанина.
- 3) Хоръ: «Морская тишь» (Meeres-Stille) Бетховена.
- 4) «Вальсъ Мефистофеля», отрывокъ, для оркестра, изъ музыки къ повѣи Ленау «Фаустъ» (въ 1-й разъ) . . . Листа.
- 5) Народныя пѣсни: «Возгъ рѣчки, возгъ моста» и «Какъ подъ яблонькой», для одного хора, безъ аккомпанемента Ломанина.

2.

- 6) Увертюра на русскія темы (въ 1-й разъ) Римскаго-Корсакова.
- 7) Хоръ: «Гроза» (къ повѣи Шамиссо) Шумана.
- 8) Сонъ Фауста, хоръ и танцы гномовъ и сальфовъ изъ драматической легенды «Фаустъ» Берлиоза.
- 9) Хоръ (изъ оп. «Donna del Lago») Россини.

XII.

1867 г., 6-го марта, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

1.

- 1) Увертюра: «Римская масляница» Берлиоза.
- 2) Хоръ Баха.
- 3) Женскій хоръ изъ волшебна-комической оп. «Рогдана» . . . Даргомыжскаго.
- 4) Фантазія для хора на русскія народныя пѣсни (въ 1-й разъ) Ломанина.

2.

- 5) Увертюра: «Король Лиръ» Балакирева.
- 6) Хоръ: «Пораженіе Сеннахерима» (въ 1-й разъ) Мусоргскаго.
- 7) Хоръ монахинь изъ оп. «Демонъ» (въ 1-й разъ) Б. Шеля.
- 8) Хоръ: «Прощальная пѣснь Данія» (въ 1-й разъ) Леонасьева.

**В. Концерты Безплатной Музыкальной Школы, подъ управленіемъ
М. А. Балакирева.**

XIII.

1867 г., 12-го мая, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія, концертъ
М. Балакирева «для Славянскихъ гостей».

1.

- 1) Увертюра къ оперѣ «Ундина» Львова.
 - 2) Сцена изъ оп. «Галька» Моношнн.
- Партію Гальки будетъ пѣть г-жа Ю. О. Платонова.

- 3) «Камаринская», фантазія для оркестра Глинки.
- 4) «Ночной смотръ», романсъ Глинки.
Вудеть пѣтъ О. А. Петровъ.
- 5) «Сербская фантазія», для оркестра (въ 1-й разъ) . . . Римскаго-Корсакова.

2.

- 6) Увертюра на чешскія темы, для оркестра (въ 1-й разъ). Балакирева.
- 7) Фантазія на венгерскія темы, для фортепіано и оркестра Листа.
Партію фортепіано исполнить Г. Г. Кроссъ.
- 8) Три романса:
 - а) Моя милая Даргомыжскаго.
 - б) Пѣснь золотой рыбки Балакирева.
 - в) Южная ночь Римскаго-Корсакова.
Исполнить г-жа Ю. Ф. Платонова.
- 9) Малороссійскій казачокъ, для оркестра Даргомыжскаго.

XIV.

1868 г., 18-го марта, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

- 1) 1-я симфонія (В—Dur), для оркестра Шумана.
- 2) Реквиемъ, для квартета голосовъ, хора и оркестра Моцарта.
Партіи соло исполняютъ: г-жи А. И. Реганъ, Е. А. Лавровская, гг. В. М. Васильевъ и О. А. Петровъ.

XV.

1869 г., 16-го февраля, въ 1½ часъ по полудни, въ залѣ Дворянскаго Собранія.
Хоръ Бесплатной Школы въ составѣ около 300 человекъ.

1.

- 1) 6-я симфонія (Pastorale), для оркестра Бетховена.

2.

- 2) Те Deum (Тебе Бога хвалимъ), для трехъ хоровъ, органа, оркестра и тенора соло Берліоза.
Соло тенора исполнить В. М. Васильевъ.

XVI.

1869 г., 9-го апрѣля, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

1.

Хоръ Бесплатной Школы въ составѣ около 300 человекъ.

- 1) Увертюра: «Леонора», № 3, для оркестра Бетховена.
- 2) «Пляска смерти» (Danse macabre), фантазія на тему «Dies irae», для фортепіано съ оркестромъ Листа.
Партію фортепіано исполнить Г. Г. Кроссъ.

2.

- 3) Те Deum (Тебе Бога хвалимъ), для трехъ хоровъ, органа, оркестра и тенора соло Берліоза.
Соло тенора исполнить В. М. Васильевъ.

ПЯТЬ АВОНЕМЕНТНЫХЪ КОНЦЕРТОВЪ.

XVII (1).

1869 г., 26-го октября, въ 1½ часъ по полудни, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

- 1) Увертюра: «Фаустъ» Рих. Вагнера.
- 2) Сцена въ церкви, отрывокъ изъ музыки къ «Фаусту», для сола, хора и оркестра (въ 1-й разъ) Шумана.
Партію Гретхенъ исполнить г-жа Ю. Ф. Платонова,
партію Злаго Духа — Г. П. Кондратьевъ.
- 3) Фантазія, для фортепіано съ оркестромъ, на темы изъ «Ruines d'Athènes» Бетховена (въ 1-й разъ) Листа.
- 4) «1000 лѣтъ», музыкальная картина для оркестра. Балакирева.
- 5) Отрывки изъ оп. «Оберонъ» Вебера.
а) Хоръ эльфовъ; б) хоръ царедворцевъ калифа.
- 6) 5-я симфонія (C—Moll), для оркестра Бетховена.

XVIII (2).

1869 г., 2-го ноября, въ 1½ часъ по полудни, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

- 1) Увертюра къ оп. «Ифигенія въ Авлидѣ», съ окончаніемъ Рих. Вагнера Глюка.
- 2) Концертъ для віолончели съ оркестромъ (A—Moll) (въ 1-й разъ) Шумана.
Партію віолончели исполн. К. Ю. Давыдовъ.
- 3) «Иванъ Грошный», музыкально-характеристическая картина для оркестра (въ 1-й разъ) Ант. Рубинштейна.
- 4) Романсы съ аккомпанементомъ фортепіано будетъ пѣть г-жа А. А. Хвостова:
а) Lied der Braut Шумана.
б) Еврейская пѣсня (Сплю, но сердце мое чуткое не спитъ) Римскаго-Корсакова.
в) Пѣснь Лауры изъ оп. «Каменный гость» (Я здѣсь, Инезилля). Даргомыжскаго.
- 5) Отрывки изъ монодрамы (драмы для одного лица) «Леліо» Берліоза.
а) Золова арфа (оркестръ); б) Фантазія на «Бурю» Шекспира (хоръ и оркестръ).
- 6) Увертюра къ драмѣ Шекспира «Сонъ въ лѣтнюю ночь». Мендельсона.

XIX (3).

1869 г., 16-го ноября, въ 1½ часъ по полудни, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

- 1) Отрывки изъ ораторіи «Легенда о св. Елизаветѣ» (въ 1-й разъ) Листа.
а) Вступленіе (оркестръ); б) маршъ и хоръ крестоносцевъ (оркестръ и хоръ); в) Смерть св. Елизаветы (сола и хоръ). (Партію сола исполнить г-жа Ю. Ф. Платонова).
- 2) Эпизодъ изъ былинны «Садко», музыкальная картина для оркестра Римскаго-Корсакова.

- 3) Третій концертъ (на голландскія темы), Ев—Диг, для фортепіано и оркестра Лютельфа.
 Партію фортепіано исполнить Ѡ. О. Лешетцкій.
- 4) 1-я симфонія (В—Диг), для оркестра. Шумана.

XX (4).

1869 г., 30-го ноября, въ 1¹/₂ часъ по полудни, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

- 1) Увертюра къ трагедіи «Коріоланъ» Бетховена.
- 2) 1-й концертъ (Ев—Диг), для фортепіано съ оркестромъ. Листа.
 Партію фортепіано исполнить Н. Г. Рубинштейнъ.
- 3) Отрывки изъ неоконченной волшебной-комической оп. «Рогдана» Даргомыжскаго.
 а) Хоръ дервишей; б) Хоръ волшебныхъ дѣвъ Рогданы.
- 4) Пьесы для фортепіано:
 а) Коломбелъная пѣснь Ласковскаго.
 б) Романсъ Чайковскаго.
 в) Восточная фантазія «Исламей» Балакирева.
 Исполнить Н. Г. Рубинштейнъ.
- 5) Симфонія (С—Диг) для оркестра. Фр. Шуберта.

XXI (5).

1870 г., 2-го марта, въ 1¹/₂ часъ по полудни, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

- 1) Два эпизода изъ музыки къ «Фаусту» Ленау, для оркестра Листа.
 а) Ночное шествіе; 2) Вальсъ Мефистофеля.
- 2) Интродукція изъ оп. «Русланъ и Людмила» (безъ со-
 кращеній) Глинки.
 Партію баяна исполнить В. М. Васильевъ.
- 3) 9-я симфонія, для оркестра, хора и соло Бетховена.
 Партіи соло исполнять: г-жи Ю. Ѡ. Платонова,
 Е. А. Лавровская, гг. В. М. Васильевъ,
 И. А. Мельниковъ.

XXII (не въ счетъ абонемента).

1870 г., 15-го января, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія, концертъ въ пользу Славянскаго Благотворительнаго Комитета.

1.

- 1) Увертюра къ оп. «Фиделіо» Бетховена.
- 2) Хоръ изъ кантаты «Ніода» Моношии.
- 3) Арія Гориславы изъ оп. «Русланъ и Людмила» Глинки.
 Исполнить г-жа А. Г. Меньшикова.
- 4) «Баба-Яга» или «Съ Волги пашъ Riga», фантазія-путка
 для оркестра. Даргомыжскаго.
- 5) «Капралъ», романсъ Даргомыжскаго.
 Будеть пѣть О. А. Петровъ.

2.

- 6) Увертюра къ драмѣ «Жирондисты» Литоляфа.
 7) Венгерская фантазія для фортепіано съ оркестромъ. Листа.
 Партію фортепіано исполнить Г. Г. Кроссъ.
 8) «Встрѣча Ивана Грознаго», хоръ изъ оп. «Псковитянка». Римскаго-Корсакова.
 9) Романсы:
 а) Еврейская пѣсня Римскаго-Корсакова
 б) Въ крови горитъ Кюи.
 в) Пряжа Моношки.
 10) «Камаринская», фантазія для оркестра Глинки.

[Въ этомъ же году хоръ Безплатной Школы, подъ управленіемъ М. И. Балакирева, дирижировавшаго и оркестромъ, участвовалъ въ слѣдующемъ концертѣ 1870 г., 18 апрѣля, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія, концерты въ пользу Общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ приютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ]:

1.

- 1) Увертюра «Морская тишь и благополучное плаваніе» Мендельсона.
 2) «Сцена въ церкви», отрывокъ изъ музыки къ «Фаусту», для соло, хора и оркестра Шумаха.
 Партію Гретхенъ исполнить г-жа Ю. О. Платонова.
 Партію Злаго Духа—И. А. Мельниковъ.
 3) Фантазія для фортепіано съ оркестромъ, на темы изъ «Ruines d'Athènes», Бетховена Листа.
 Партію фортепіано исполнить Г. Г. Кроссъ.
 4) Речитативъ и арія княгини изъ 3-го дѣйствія оп. «Русалка» Даргомыжскаго.
 Будеть пѣть г-жа А. А. Хвостова.
 5) «Сербская фантазія», для оркестра Римскаго-Корсакова.

2.

- 6) «Вальсъ Мефистофеля», отрывокъ изъ музыки къ «Фаусту» Ленау, для оркестра Листа.
 7) Отрывки изъ оп. «Оберонъ» Вебера.
 а) Хоръ альфовъ; б) Хоръ царедворцевъ калифа.
 8) Романсы:
 а) Liebst du um Schönheit Шумаха.
 б) Der Fischerknabe Листа.
 в) Пѣснь золотой рыбки Балакирева.
 Будеть пѣть г-жа Ю. О. Платонова.
 9) «Invitation à la danse», соч. Вебера, въ переложеніи для оркестра Берлиоза.

ПЯТЬ АБОНЕМЕНТНЫХЪ КОНЦЕРТОВЪ.

XXIII (1).

1871 г., 20-го ноября, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

- 1) Орывки изъ музыки къ драмѣ «Прометей». Листа.
а) Увертюра (Roème symphonique); б) Хоръ Океаниды (въ 1-й разъ); в) Хоръ жнецовъ (въ 1-й разъ).
- 2) «Чухонская фантазія», для оркестра Даргомыжскаго.
- 3) Концертъ для скрипки съ оркестромъ Бетховена.
Партію соло исполнить Г. Л. Ауеръ.
- 4) 4-я симфонія (D—Moll), для оркестра. Шумана.

XXIV (2).

1871 г., 18-го декабря, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

- 1) «Антаръ», симфонія для оркестра на сюжетъ восточной сказки О. Сенковского Римскаго-Корсакова.
- 2) Волшебный хоръ насѣкомыхъ Чайковскаго.
- 3) Симфоническій концертъ (D—Moll) для фортепіано съ оркестромъ Лятошфа.
Партію фортепіано исполнить Г. Г. Кроссъ.
- 4) Увертюра «Римскій карнавалъ». Берліоза.

XXV (3).

1872 г., 12-го февраля, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

- 1) Двѣ части изъ неоконченной симфоніи (H—Moll), для оркестра Фр. Шуберта.
- 2) Концертъ (A—Moll), для фортепіано съ оркестромъ . . . Шумана.
Партію фортепіано исполнить Ѳ. О. Лѣвштеицкій.
- 3) «Te Deum» (Тебе Бога хвалимъ), сочиненіе для трехъ хоровъ, тенора соло, органа и оркестра. Берліоза.
Партію тенора соло исполнить В. М. Васильевъ.
Партію органа исполнить В. И. Главачъ.

XXVI (4).

1872 г., 3-го апрѣля, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

- 1) Симфонія къ поэмѣ Данте «Божественная комедія» (La Divina Comedia), для оркестра и хора (въ 1-й разъ). Листа.
- 2) Фантазія (C—Dur), инструментованная Фр. Листомъ для фортепіано съ оркестромъ Фр. Шуберта.
Партію фортепіано исполнить Н. Г. Рубинштейнъ.
- 3) Сцена Фауста, хоръ и танцы сильфовъ, изъ драматической легенды «Проклятіе Фауста» Берліоза.

- 4) Полонезъ изъ оп. «Борисъ Годуновъ» (въ 1-й разъ) . . . Мусоргскаго.
 5) а) Ноктюрнъ А. Рубинштейна.
 б) Увертюра на тему «Арагонской хоты», переделанная для фортепiano М. Балакиревыхъ Глинки.
 Исполнить Н. Г. Рубинштейнъ.
 6) Увертюра къ драмѣ Грипенкерля «Жирондисты» . . . Литольфа.
 (5-й концертъ не состоялся).

Г. Концерты Бесплатной Музыкальной Школы, подъ управленіемъ Н. А. Римскаго-Корсакова.

XXVII.

1875 г., 25-го марта, въ 8 час. вечера, въ залѣ Городской Думы.

- 1) Отрывки изъ ораторіи «Израиль въ Египтѣ» Генделя.
 а) Хоръ «Народъ впередъ вель онъ»; б) Хоръ «Узрѣлъ Израиль чудеса» (въ 1-й разъ); в) Арія «О призри ихъ, Господь» — исполнить М. Д. Каменская.
 2) «Misereere» (Помилуй мя, Боже), хоръ а capella (въ 1-й разъ) Аллегри.
 3) Симфонія (D—Dur), для оркестра Гайдна.
 6) «Kyrie eleison» изъ мессы «Regem coeli», хоръ а capella (въ 1-й разъ) Палестрины.
 5) Отрывки изъ ораторіи «Страсти Господни» (Passions-Musik) Баха.
 а) Арія «Скорби, душа» (въ 1-й разъ); исполнить М. Д. Каменская; б) арія «О, сжался, мой Господь»; исполнить М. Д. Каменская; в) арія «За насъ умретъ нашъ Искушитель» (въ 1-й разъ); исполнить г-жа Косецкая; г) заключительный хоръ: «Мой Боже, сладко спи».

XXVIII.

1876 г., 3-го февраля, въ 8 час. вечера, въ залѣ Городской Думы.

1.

- 1) Увертюра къ трагедіи «Коріоланъ» Бетховена.
 2) Отрывки изъ мессы (H—Moll) Баха.
 а) Хоръ «Kyrie eleison» (въ 1-й разъ); б) арія «Qui sedes»; исполнить М. Д. Каменская; в) хоръ «Crucifixus»; г) хоръ «Dona nobis» (въ 1-й разъ).

2.

- 3) Отрывки изъ ораторіи «Самсонъ» Генделя.
 а) Хоръ израильтянъ «Въ надевѣдныи край»; б) арія Далилы съ женскимъ хоромъ «Склонись къ мо-

имъ молениямъ»; исполнить О. А. Скальковская; в) хоръ израильтянъ «Богъ Авраама»; г) арія и хоръ филистимлянъ «Дагонъ великій»; исполнить О. А. Скальковская; д) арія и хоръ израильтянъ «Израиль, плачь», соло исполнить М. Д. Каменская; е) речитативъ и хоръ израильтянъ «Слава вѣчная»; ж) заключительный хоръ «Пойте Господа».

XXIX.

1876 г., 23-го марта, въ 8 час. вечера, въ залѣ Городской Думы.

- 1) Увертюра къ трагедіи Шекспира «Король Лиръ» Балакирева.
- 2) Хоръ изъ послѣдняго дѣйствія оп. «Князь Игорь» (въ 1-й разѣ)¹⁾ Бородина.
Партію Игоря исполнить В. И. Васильевъ.
- 3) Романсъ изъ 3-го дѣйствія оп. «Вильямъ Ратклиффъ» Нью.
Исполнить г-жа А. Н. Моласъ.
- 4) а) } соло для фортепіано исполнить Д. И. Климовъ.
б) }
- 5) Два хора изъ неоконченной волшебной-комической оп. «Рогдана» Даргомыжскаго.
а) Восточный хоръ отшельниковъ; б) хоръ дѣвухъ княжны Рогданы (инструментованъ Римскимъ-Корсаковымъ).
- 6) Разсказъ Пимена изъ 4-го дѣйствія оп. «Борисъ Годуновъ» Мусоргскаго.
Исполнить В. И. Васильевъ.
- 7) Романсы: а) На холмахъ Грузіи Римскаго-Корсакова.
б) Сиротка. Мусоргскаго.
в) Приди ко мнѣ Балакирева.
Исполнить г-жа А. Н. Моласъ.
- 8) Хоръ «Татарская пѣснь» Нью.
- 9) «Камаринская», фантазія для оркестра Глинки.

ТРИ АБОНЕМЕНТНЫХЪ КОНЦЕРТА.

XXX (1).

1876 г., 30 ноября, въ 8 час. вечера, въ залѣ Городской Думы.

- 1) Музыка къ драматической повѣи Байрона «Манфредъ». Шумана.
- 2) «Сербская фантазія», для оркестра Римскаго-Корсакова.
- 3) Орывки изъ монодрамы «Леліо» Берлюза.
а) Эолова арфа (оркестръ); б) фантазія на «Вурю» Шекспира (оркестръ и хоръ).
- 4) 5-я симфонія (C—Moll), для оркестра Бетховена.

¹⁾ Впослѣдствіи хоръ этотъ перенесенъ авторомъ въ «Прологъ» оперы.

XXXI (2).

1877 г., 25-го января, въ 8 час. вечера, въ залѣ Городской Думы.

- 1) 1-я симфонія (Ев-Dur), для оркестра Бородина.
- 2) Реквиемъ Моцарта.

Партіи соло исполнять г-жи: А. В. Клеммъ, А. А. Полякова, гг. П. Н. Григорьевъ, Ф. И. Стравинскій.

XXXII (3).

1877 г., 8-го марта, въ 8 час. вечера, въ залѣ Городской Думы.

- 1) Отрывки изъ ораторіи «Christus», хоръ и оркестръ (въ 1-й разъ) Листа.
- 2) Отрывки изъ неоконченной симфоніи (H-Moll) для оркестра Фр. Шуберта.
- 3) «Старая пѣсня», хоръ безъ сопровожденія въ (1-й разъ). Римскаго-Корсакова.
- 4) «1000 лѣтъ», музыкальная картина для оркестра . . . Балакирева.

ЧЕТЫРЕ АБОНЕМЕНТНЫХЪ КОНЦЕРТА.

XXXIII (1).

1879 г., 16-го января, въ 8 час. вечера, въ залѣ Кононова.

- 1) «Пасторальная симфонія (F-Dur), для оркестра Бетховена.
- 2) Сцена изъ оп. «Борисъ Годуновъ» (въ 1-й разъ) . . . Мусоргскаго.
(На русской оперной сценѣ не исполнялась). Партію Пимена исполнить В. И. Васильевъ.
- 3) «Polonaise brillante» (E-Dur), для фортепiano съ оркестромъ (инструментовано Листомъ) Вебера.
Партію фортепiano исполнить г-жа В. В. Тиманова.
- 4) Арія изъ оп. «Князь Игорь» (въ 1-й разъ) Бородина.
Исполнить В. И. Васильевъ.
- 5) Отрывки изъ оп. «Майская ночь» (въ 1-й разъ). . . . Римскаго-Корсакова.
а) Хороводъ (двухорная веснянка); б) хоръ русалокъ;
в) пѣсня про Голову. Партію Левко исполнить В. М. Васильевъ.
- 6) Увертюра: «Фаустъ» Рих. Вагнера.

XXXIV (2).

1879 г., 23-го января, въ 8 час. вечера, въ залѣ Кононова.

- 1) Двѣ части изъ неоконченной симфоніи (H—Moll) . . . Фр. Шуберта.
- 2) Три хора изъ неоконченной волшебнo-комической оперы «Рогдана» Даргомыжскаго.
а) Хоръ дѣвушекъ (инструментовано Римскимъ-Корсаковымъ); б) восточный хоръ отшельниковъ; в) хоръ волшебныхъ дѣвъ надъ спящей княжной Рогданой (инструментованъ Римскимъ-Корсаковымъ).

-) Концертъ (А—Молл) для фортепiano съ оркестромъ. . . Шумана.
 Партію фортепiano исполнить Э. Ю. Гольдштейнъ.
 б) «Чешская увертюра» . . . Балакирева.
 в) Два хора изъ оп. «Оберонъ» . . . Вебера.
 а) хоръ эльфовъ; б) хоръ царедворцевъ калифа.
 Б) «Гамлетъ», симфоническая поэма для оркестра (въ 1-й разъ) . . . Листа.

XXXV (3).

1879 г., 20-го февраля, въ 8 ч. вечера, въ залѣ Кононова.

- 1) Вторая симфонія (Н—Молл) . . . Бородина.
 2) «Сцена въ церкви», изъ музыки къ «Фаусту» . . . Шумана.
 Партію Гретхенъ исполнить г-жа В. И. Раабъ,
 партію Злаго Духа—И. П. Прянишниковъ.
 3) «Concertstück» для фортепiano съ оркестромъ . . . Шумана.
 Партію фортепiano исполнить г. Боровка.
 4) Хоръ изъ заключительной сцены «Мессинской невѣсты» Шиллера (въ 1-й разъ) . . . Анат. Лядова.
 5) Отрывки изъ оп. «Вильямъ Ратклиффъ» . . . Кюи.
 а) Рассказъ Ратклиффа—исполнить И. П. Прянишниковъ; б) дуэтъ—исполнить г-жа В. И. Раабъ и И. П. Прянишниковъ.
 6) «Прялка Омфалы», симфоническая поэма для оркестра (въ 1-й разъ) . . . Сенъ-Санса.

XXXVI (4).

1879 г., 27 февраля, въ 8 час. вечера, въ залѣ Кононова.

- 1) «Эпизодъ изъ жизни артиста», фантастическая симфонія для оркестра . . . Берлиоза.
 2) Первый концертъ (Ез—Dur) для фортепiano съ оркестромъ . . . Листа.
 Партію фортепiano исполнить Д. И. Клямовъ.
 3) Отрывки изъ оп. «Князь Игорь» (въ 1-й разъ) . . . Бородина.
 а) Заключительный хоръ 4-го дѣйствія; б) отрывокъ изъ 2-го дѣйствія: хоръ и пляски половецъ.
 4) «Арагонская хота», фантазія для оркестра. . . Глинки.

ЧЕТЫРЕ АБОНЕМЕНТНЫХЪ КОНЦЕРТА.

XXXVII (1).

1879 г., 13-го ноября, въ 8 час. вечера, въ залѣ Кононова.

- 1) 8-я симфонія (F—Dur), для оркестра . . . Бетховена.
 2) Отрывки изъ оп. «Псковитянка» (въ 1-й разъ) . . . Римскаго-Корсакова.
 а) Вступленіе (оркестръ); б) пѣсни каликъ переходящихъ (хоръ); в) входъ царской охоты (хоръ)

и речитативъ); г) гроза и пѣсня дѣвушекъ (оркестръ, хоръ и речитативъ); д) колыбельная пѣсня (изъ пролога); е) заключительный хоръ. Партіи соло исполнять: гг. **Ф. И. Стравинскій** и **Матчинскій** и г-жа **Ф. Н. Велинская**.

- 3) Фантазія на оп. «Риголетто» Верди, для фортепіано . . . **Листа.**
Исполнить г-жа **Т. А. Якубовичъ**.
- 4) Арія изъ оп. «Демонъ» **Б. Шеля.**
Исполнить г. **Матчинскій**.
- 5) Отрывки изъ оп. «Князь Игорь» (въ 1-й разъ) **Бородина.**
 - а) Плачь Ярославны—исполнить г-жа **Ф. Н. Велинская**; б) пѣсня князя **Владимира Галицкаго**—исполн. **Ф. И. Стравинскій**; в) сцена Ярославны съ дѣвушками.
- 6) Увертюра къ оп. «Бенвенуто Челлини» **Берліоза.**

XXXVIII (2).

1879 г., 27-го ноября, въ 8 час. вечера, въ залѣ Коконова.

- 1) Увертюра, скерцо и финаль, для оркестра **Шумана.**
- 2) Молитва съ хоромъ: «Въ минуту жизни трудную» . . . **Глинки.**
Партію соло исполнить **Д. М. Леонова**.
- 3) Концертъ (Es—Dur) для фортепіано съ оркестромъ . . **Листа.**
Партію фортепіано исполнить **П. А. Шестаковскій**.
- 4) Отрывки изъ оп. «Хованщина» (въ 1-й разъ) **Мусоргскаго.**
 - а) Пробужденіе и выходъ стрѣльцовъ (хоръ); б) пѣсня **Марыи Раскольницы**—исполнить **Д. М. Леонова**; в) пляска **персидокъ** (оркестръ).
- 5) «Кугіе» (хоръ) **Палестрины.**
- 6) Соло для фортепіано, исполнить г. **Шестаковскій**.
- 7) Увертюра на русскія темы. **Балакирева.**

XXXIX (3).

1880 г., 15-го января, въ 8 час. вечера, въ залѣ Коконова.

- 1) «Иоанна д'Аркъ», симфоническая поэма для оркестра (въ 1-й разъ) **Мошковскаго.**
 - 2) Баркаролла изъ оп. «Анджело» **Кюи.**
Исполнить г-жа **А. А. Фалькманъ**.
 - 3) Баватина изъ послѣдняго дѣйствія оп. «Псковитянка» (въ 1-й разъ) **Римскаго-Корсакова.**
Исполнить **И. П. Прянишниковъ**.
 - 4) Изъ «Музыкальныхъ картинокъ» **Кюи.**
 - а) Зайка; б) Ласточка; в) Христосъ Воскресъ; г) Май; д) Пѣтушокъ; е) Осень; ж) Ледяная гора; з) Елка.
- Исполнить г-жа **А. А. Фалькманъ**.

- 5) Отрывки изъ музыки къ трагедіи Гердера «Освобожденный Прометей» Листа.
 а) Хоръ Океанидъ; б) хоръ жнецовъ; в) хоръ Тритоновъ.

XL (4).

1880 г., 12-го февраля, въ 8 час. вечера, въ залѣ Кононова.

- 1) Музыка къ трагедіи Гёте «Эгмонтъ» Бетховена.
 а) Увертюра; б) пѣсня Клары; исполнить г-жа О. А. Скальковская-Вертенсонъ; в) и г) антракты; д) смерть Клары (оркестръ); е) побѣдная симфонія (оркестръ).
- 2) «Ночной смотръ», романсъ, оркестрованый М. Балакиревымъ Глинки.
 Исполнить М. М. Корякинъ.
- 3) Скерцо для оркестра (въ 1-й разъ) Сандова.
- 4) Романсъ изъ оп. «Вильямъ Ратклиффъ» Кюи.
 Исполнить г-жа О. А. Скальковская-Вертенсонъ.
- 5) Отрывки изъ оп. «Троянцы въ Кареагенѣ» Берліоза.
 а) 2-е дѣйствіе (оркестръ и хоръ); б) пляска нубійскихъ невольницъ (оркестръ); в) пѣсня троянскаго моряка; исполнить П. А. Лодій; г) хоръ троянскихъ воиновъ; соло исполнить М. М. Корякинъ; д) погребальное шествіе; исполнять: г-жа О. А. Скальковская-Вертенсонъ, М. М. Корякинъ и хоръ; е) народная пѣсня кареагенянъ (хоръ).

ЧЕТЫРЕ АБОНЕМЕНТНЫЕ КОНЦЕРТА.

XLI (1).

1881 г., 3 февраля, въ 8 час. вечера, въ залѣ Кононова.

- 1) «Антаръ», 2-я симфонія для оркестра Римскаго-Норсакова.
- б) Хоръ: «Пораженіе Сенахерима» Мусоргскаго.
- 3) Романсы: а) «Спящій рыцарь» (въ 1-й разъ съ сопровожденіемъ оркестра). Оркестрованъ А. Р. Бернадомъ Шумана.
- б) «Паладинъ», баллада (въ 1-й разъ съ сопровожденіемъ оркестра). Оркестрована Анат. Конст. Лядовымъ Даргомыжскаго.
 Исполнить Ѳ. И. Стравинскій.
- 4) Концертъ (Fis-Moll) для фортепіано съ оркестромъ Бронзарта.
 Партію фортепіано исполнить Г. Г. Кроссъ.
- 5) Хоръ: «Слава Кириллу и Мефодію» (въ 1-й разъ) Листа.
- 6) Увертюра: «Римскій карнавалъ» Берліоза.
 (Прочіе три концерта не состоялись за кончиной императора Александра II).

**Д. Концерты Бесплатной Музыкальной Школы подъ управленіемъ
М. А. Балакирева.**

XLII.

1.

1882 г., 15 февраля, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

- 1) 5-я симфонія (С—Moll), для оркестра. Бетховена.
- 2) 1-й концертъ (Ез—Dur), для фортепіано съ оркестромъ. Листа.
Партію фортепіано исполнить Н. С. Лавровъ.

2.

- 2) «Те Деум» (Тебе Бога хвалимъ), сочиненіе для двухъ
хоровъ, тенора соло, оркестра и органа. Берліоза.
Партію тенора исполнить Л. Д. Донской.

XLIII.

1882 г., 17-го марта, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

- 1) Симфонія (Е—Dur), для оркестра (въ 1-й разъ) . . . Глазунова.
- 2) Отрывки изъ музыки къ драмѣ Гердера «Прометей». . . Листа.
а) хоръ Океанидъ; б) хоръ жнецовъ.
- 3) Концертъ (D—Moll), для фортепіано съ оркестромъ . . Брамса.
Партію фортепіано исполнить Ю. Н. Мельгуновъ.
- 4) Каватина изъ оп. «Князь Игорь». Бородина.
Партію князя Владимира (сына) исполнить Л. Д. Донской.
- 5) Фантазія для фортепіано на темы изъ оп. «Донъ-Жуанъ». Листа.
Исполнить Ю. Н. Мельгуновъ.
- 6) «Садко», эпизодъ изъ былины, музыкальная картина для
оркестра Римскаго-Корсакова.

XLIV.

1883 г., 3-го февраля, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

1.

- 1) Увертюра на русскія темы. Балакирева.
- 2) 2-й концертъ (А—Dur) для фортепіано, съ оркестромъ. Листа.
Партію фортепіано исполнить Н. С. Лавровъ.
- 3) Отрывки изъ ораторіи «Christus». Листа.
а) вступленіе (оркестръ); б) гимнъ: «Stabat mater
vresіова» (хоръ и оркестръ); в) шествіе волх-
вовъ (оркестръ); д) чудо: укрощеніе бури (ор-
кестръ и хоръ); е) входъ въ Іерусалимъ (хоръ
и оркестръ).
- 4) 1-я симфонія (Ез—Dur) для оркестра. Бородина.

XLV.

1883 г., 7-го марта, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

1.

- 1) 4-я симфонія (D—Moll), для оркестра. Шумана.
 2) Заключительный хоръ изъ оп. «Псковитянка». Римскаго-Норскакова.
 3) Фантазія (C—Dur), инструментованная для фортепіано съ оркестромъ Фр. Листомъ Шуберта.
 Партію фортепіано исполнить Ю. Н. Мельгуновъ.

2.

- 4) 2-я увертюра на греческія темы (въ 1-й разъ) Глазунова.
 5) Хоръ «Встрѣча князя» изъ оп. «Князь Игорь» Бородина.
 6) «Тамара», симфоническая поэма для оркестра, на стихотвореніе Лермонтова (въ 1-й разъ) Балакирева.

XLVI.

1884 г., 27-го февраля, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

1.

- 1) «Отъ колыбели до могилы», симфоническая поэма для оркестра (по поводу картины Зичи) (въ 1-й разъ). . Листа.
 а) Колыбель; б) Борьба жизни; в) Загробная колыбель.
 2) Концертъ для фортепіанъ съ оркестромъ (въ 1-й разъ). Римскаго-Норскакова.
 Партію фортепіано исполнить Н. С. Лавровъ.
 3) «Въ Средней Азіи», музыкальная картина для оркестра. . Бородина.
 4) Два романса съ аккомп. оркестра:
 а) «Паладинъ» Даргомыжскаго.
 б) «Грузинская пѣсня» Балакирева.
 Пѣть будетъ П. А. Лодій.

2.

- 6) Отрывки изъ народной музыкальной драмы «Хованщина» Мусоргскаго.
 а) вступленіе (оркестръ) (въ 1-й разъ); б) хоръ стрѣльцовъ и стрѣльчихъ; в) пляска персядокъ (оркестръ); г) сцена и хоръ: «Вратія, внимайте!» (въ 1-й разъ); д) Interludium (оркестръ) (въ 1-й разъ); е) заключительная сцена (въ 1-й разъ).
 7) «Тамара». Симфоническая поэма для оркестра, на стихотвореніе Лермонтова Балакирева.

XLVII.

1885 г., 11-го марта, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

1.

- 1) Увертюра къ оп. «Псковитянка» Римскаго-Норскакова.
 2) Отрывки изъ драматической легенды «Фаустъ» Берліоза.
 «Истор. вѣстн.», мартъ, 1887 г., т. XVII.

- а) сцена и хоръ—партія Фауста и Мефистофеля исполнять П. А. Лодій и А. И. Поповъ;
б) танцы сельфовъ (оркестръ).
- 3) «Памяти героя», элегія для оркестра (въ 1-й разъ) . . . Глазунова.
- 4) Два хора съ оркестромъ . . . Мусоргскаго.
а) женскій хоръ изъ неоконч. оп. «Саламбо»; б) смѣшанный хоръ: «Исусъ Навинъ».
- 2.
- 5) Концертная увертюра (въ 1-й разъ) . . . Липунова.
- 6) Романсы, исполнить П. А. Лодій:
а) Какъ цвѣтокъ ты прекрасна . . . Листа.
б) О дѣва роза, я въ оковахъ . . . Даргомыжскаго.
в) Милочка дѣва . . . Шопена.
г) Еврейская мелодія . . . Балакирева.
- 7) Симфоническая поэма для оркестра на стихотвореніе Виктора Гюго: «Ce qu'on entend sur la montagne» . . . Листа.

XLVIII.

1886 г., 22-го ноября, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія: Концертъ въ память Франца Листа.

- 1) «Héroïde funèbre», симфоническая поэма для оркестра (въ 1-й разъ) . . . Листа.
- 2) «Пляска смерти» (Danse macabre), фантазія для фортепіано съ оркестромъ на средневѣковую тему «Dies irae» . . . Листа.
Партію фортепіано исполнить Н. С. Лавровъ.
- 3) Два хора изъ музыки къ драмѣ Гердера «Прометей», съ оркестромъ . . . Листа.
а) хоръ жнецовъ; б) хоръ Тритоновъ.
- 4) Вальсъ Мефистофеля», эпизодъ изъ поэмы Ленау «Фаустъ», для оркестра . . . Листа.
- 5) Большая симфонія, на сюжетъ поэмы «La divina commedia» Данта, для оркестра и хора . . . Листа.

XLIX.

1887 г., 10-го марта, въ 8 час. вечера, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

1.

- 1) Увертюра на тему испанскаго марша . . . Балакирева.
- 2) «Възвѣдъ царя Ивана Грознаго», хоръ изъ оп. «Псковитянка» . . . Римскаго-Корсакова.
- 3) Танцы женщины изъ оп. «Кавказскій плѣнникъ» . . . Кюи.
- 4) Концертъ для фортепіано съ оркестромъ . . . Листа.
Партію фортепіано исполнить г-жа С. Ментеръ.

2.

- 5) Scherzo (B—Dur), для оркестра . . . Мусоргскаго.
- 6) Хоръ и пляски изъ оперы «Бнязь Игорь» . . . Бородина.
- 7) Мелкія пьесы для фортепіано исполнить г-жа С. Ментеръ.
- 8) «Тамара», симфоническая поэма для оркестра . . . Балакирева.

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ ВЪ ПОСЛѢДНІЯ ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ.

ВЪ НАСТОЯЩІЙ моментъ, когда съ нележкой руки болгарскихъ лжеправителей вся Европа съ любопытствомъ и тревогою оглядывается на Балканскій полуостровъ и чутко прислушивается ко всякому отголоску изъ славянскаго міра, русскіе читатели, безъ сомнѣнія, не откажутъ въ своихъ симпатіяхъ другому народу славянскаго племени, не менѣе болгаръ заслуживающему лучшей участи. Народъ этотъ — единоплеменные и единовѣрные намъ босняки и герцеговинцы.

Тридцать лѣтъ тому назадъ только еще зарождалась въ Москвѣ наука о славянахъ. Боснію и Герцеговину, невѣдомыя русскому міру, «открылъ», такъ сказать, и описалъ впервые Гильфердингъ, первый консулъ русскій въ Сараевѣ. Нашъ знаменитый славистъ познакомилъ насъ съ народомъ родственнымъ и роднымъ, одного съ нами племени, исповѣдующимъ одну съ нами вѣру и питающимъ къ далекой и въ то же время столь ему близкой по сердцу «Русіи» симпатіи, упованіе и довѣріе, граничащія съ благоговѣніемъ. Въ тѣ отдаленные дни 1856—1857 годовъ эта «Русіи» еще ничего, или почти ничего, не успѣла сдѣлать для Босніи и Герцеговины; босняки о ней знали лишь по наслышкѣ, герцеговинцы нѣсколько болѣе были знакомы со сказочнымъ богатыремъ русскимъ, передъ которымъ такъ дрожали въ Царьградѣ и такъ благоговѣли въ сосѣдней, тоже богатырской, Черногоріи. Они за все время Крымской войны чуткимъ сердцемъ сочувствовали Россіи, желали торжества ея оружію, въ убогихъ церквахъ своихъ моли-

лись за православное русское воинство и державнаго вождя русскаго народа; они съ восторгомъ и умилениемъ читали описаніе легендарной севастопольской эпопеи, удивлялись мужеству и подвигамъ русскаго солдата, и все болѣе убѣждались, что Россія, несмотря на ея неудачи, непобѣдима. Въ этомъ убѣжденіи укрѣплялъ народъ страхъ и растерянность, обнаруживаемыя въ Босніи и Герцеговинѣ турецкими властями, ихъ союзниками и скрытыми дробжелателями, по наущенію которыхъ были, напримѣръ, торжественно и публично сожжены на площади въ Сараевѣ портреты императора Николая и сожжена иллюминація по поводу взятія Малахова кургана. При этомъ должно замѣтить, что это возмутительное и бессмысленное аутодафе было турецкимъ властямъ внушено, кромѣ французскаго консула, еще и «союзнымъ» Россіи австрійскимъ его товарищемъ. Но произведенный эффектъ не отвѣтилъ ожиданіямъ внушителей демонстраціи. Народъ, съ недоумѣніемъ присутствовавшій при этой церемоніи, вывелъ заключеніе, что турки и пріятели ихъ, повидимому, очумѣли отъ страха передъ московомъ, и разошелся съ убѣжденіемъ, что, должно быть, царь русскій очень страшень, коли боятся даже его изображенія на бумагѣ. Все это, понятно, не могло возвысить престижа «побѣдоносной» въ 1854—1855 годахъ Порты. О преданности же и симпатіяхъ къ туркамъ со стороны христіанской райи давно не могло быть рѣчи, благодаря прелестямъ турецкаго режима. Но эти стороны оттоманскаго управленія давно извѣстны; тѣ же недостатки споконъ вѣка встрѣчаются постоянно во всѣхъ провинціяхъ имперіи и постоянно вызываютъ среди злополучныхъ управляемыхъ тѣ же раздраженія, ненависть и, наконецъ, возстанія. Распространяться собственно о системѣ турецкаго управленія мы поэтому не будемъ, мы лишь по мѣрѣ необходимости коснемся, не вдаваясь въ утомительныя подробности, нѣкоторыхъ болѣе темныхъ сторонъ этого режима. Мы не имѣемъ въ виду написать исторію турецкаго владычества въ Босніи, мы желаемъ лишь извлечь изъ забвенія и пыли архивовъ нѣкоторые выдающіеся эпизоды, представить русскимъ читателямъ нѣкоторые типы и личности, которые играли роль и принимали дѣятельное участіе въ событіяхъ послѣдняго тридцатилѣтія. Избрали же мы періодъ времени съ 1857 года предпочтительно потому, что съ этой эпохи начинается въ Босніи и Герцеговинѣ активная политика Россіи, которая и продолжалась безъ перерывовъ до 1877 года.

Босняки и герцеговинцы заслуживаютъ въ одинаковой степени нашего вниманія и нашихъ симпатій: они одни изъ всѣхъ народовъ Балканскаго полуострова не злоупотребляли пока нашимъ довѣріемъ. Не потому ли, что изъ всѣхъ балканскихъ народовъ Россія сдѣлала пока сравнительно меньше всего именно для Босніи и Герцеговины? Босняковъ и герцеговинцевъ слѣдовательно не да-

вить и не гнететь бремя признательности, оказавшееся непосильнымъ для облагодѣтельствованныхъ Россією сербовъ, грековъ, румынъ, для болгаръ, созданныхъ русскимъ оружіемъ и призванныхъ жовѣрчивымъ русскимъ благодушіемъ къ самостоятельной политической жизни. Босняки и герцеговинцы не получили пока изъ рукъ Россіи ни одного изъ тѣхъ благъ, которыми такъ щедро были надѣлены ихъ славянскіе и румынскіе братья по ту сторону Дуная: вмѣсто ожидаемой либеральной конституціи, нагрянули въ 1878 году незваные гости—швабы, и прежній турецкій зулумъ (притѣсненія) смѣнился новымъ австро-мадьярскимъ режимомъ, полицейско-запретительнымъ. Выпадутъ ли когда либо также и на долю Босніи и Герцеговины тѣ сомнительныя блага самоуправленія, которыя нынѣ составляютъ счастье и благополучіе не народныхъ массъ, конечно, а лишь болѣе или менѣе законныхъ правителей и представителей народа въ Бухарестѣ, Бѣлградѣ и Софіи, будутъ ли босняки и герцеговинцы счастливѣе, когда у нихъ въ Сараевѣ заведутся свои говорильни, свои радикалы, напредняки, консерваторы и своя необходимая оппозиція, — все это вопросы будущаго, быть можетъ, не слишкомъ отдаленнаго. Но, тѣмъ не менѣе, это относится къ разряду предположеній, а потому не входитъ въ рамки нашей задачи. Намъ интересуется настоящее, намъ драгоцѣнно сознаніе, что нынѣ, какъ 30 лѣтъ тому назадъ, имя Россіи, упованіе на Россію и ожиданіе отъ нея великихъ и богатыхъ милостей, живо сохраняются въ сердцахъ православнаго сербскаго народа въ занятомъ австрійцами краѣ. Но, прежде чѣмъ приступить къ описанію современной Босніи и Герцеговины, полезно ознакомиться съ ея недавнимъ прошлымъ, съ обстановкою и условіями ея экономического и политическаго прозябанія подъ турецкимъ владычествомъ, интересно изучить почву, на которой тотчасъ послѣ Крымской войны встрѣтились и столкнулись русское вліяніе съ австрійскимъ, ему противоположнымъ, и съ англійскимъ вліяніемъ, положительно и открыто Россіи враждебнымъ. Наши читатели при этомъ съ изумленіемъ встрѣтятъ на первыхъ же порахъ нашего разсказа личность, уже знакомую русской публикѣ, выдвинувшуюся благодаря филиппопольскому пронуinciaменту 1885 года, внушителя и руководителя баттенберговской реставраціи въ августѣ 1886 года, словомъ, пресловутаго злаго генія Румелии, вѣчно юнаго кэптэна Джонса, состоявшаго генеральнымъ консуломъ Her Gracious Majesty's въ Филиппополѣ.

I.

Ва! знакомыя все лица!—Чѣрчилль и Джонсъ. Эти два имени извѣстны русскому политическому міру не со вчерашняго дня, и не лордъ Feuerbrand, какъ австрійскія газеты называютъ горячаго

лорда Рандольфа Чёрчилля, первый оказывается ярымъ противникомъ Россіи. 30 лѣтъ тому назадъ, въ Сараевѣ состоялъ британскимъ консуломъ тоже нѣкто Чёрчилль и при немъ, въ качествѣ помощника, жилъ отставной капитанъ Джонсъ. Сараевскій Чёрчилль не тотъ лордъ, который осенью прошлаго года никогнито посѣтилъ всѣ столицы центральной Европы, проповѣдуя новый крестовый походъ противъ Россіи и ея союзниковъ, но сараевскій Джонсъ 1857 года тотъ же самый, что въ Филиппополѣ избобрѣлъ въ 1886 году никѣмъ невѣдомаго дотогѣ Моткурова, убѣдилъ этого темнаго подполковника, что онъ великій человекъ и снарядилъ его съ отрядомъ въ Софію возстановлять Баттенберга. Еще недавно корреспондентъ «Journal des Débats» изъ Филиппополя сдѣлалъ бойкую и остроумную характеристику этого агитатора, котораго онъ представляетъ эксцентричнымъ англичаниномъ и фанатикомъ, ничего и никого, кромѣ Англій и вездѣсущихъ британскихъ интересовъ, не признающимъ. Корреспондентъ называетъ Джонса *entier de temperament*, рассказываетъ про него, что онъ входитъ въ чужой домъ съ шляпою на головѣ и сигарою въ зубахъ, но за то у себя питаетъ столь великое уваженіе къ своей особѣ, что, увидя свое изображеніе въ зеркалѣ, снимаетъ шляпу и своему *alter ego* кланяется. Джонсъ, — говоритъ газета, — глубоко ненавидитъ славянъ и презираетъ болгаръ. Это справедливо. Точно такія же чувства питалъ въ 1857 году и его патронъ, англійскій консулъ въ Сараевѣ Чёрчилль. При этомъ эти два джентльмена нисколько и ни въ чемъ рѣшительно не стѣснялись, лишь только оказывалось нужнымъ сдѣлать подвохъ ненавистному москowitzу. Они не отступали даже передъ самыми сомнительными средствами воздѣйствія; словомъ продѣлывали все то, что и нынѣ еще считается англійскою дипломатіею дозволеннымъ и законнымъ. Страсть къ политической интригѣ такъ развита у англичанъ, что ихъ агенты не могутъ себѣ отказать въ удовлетвореніи интриговать даже противъ своихъ друзей и союзниковъ, лишь бы играть роль, хотя бы изъ всего этого *chassez-croisez* не должно было выйдти ничего путнаго для англійскихъ интересовъ.

Такъ, весною 1858 года, произошло въ Герцеговинѣ нѣчто темное, до сего дня еще не вполне выясненное. Разнесся слухъ, что въ монастырѣ Дужи, близъ Требинья, появились тайные русскіе агенты. Въ то время было возстаніе противъ турокъ въ Герцеговинѣ, и мостарскій мутшерифъ, Васифъ-паша, фанатикъ и ненавистникъ Россіи и славянъ, жадно ухватился за это извѣстіе, исполнилъ своими донесеніями о русскомъ странствующемъ рублѣ сараевского валия (генераль-губернатора) и донесъ, конечно, въ Константинополь. Но Васифъ-паша ошибался: гостившіе нѣсколько дней въ монастырѣ Дужи иностранцы, были не русскіе, а англичане, кэптанъ Джонсъ и драгоманъ англійскаго вице-консульства

въ Мостарѣ — Джурковичъ. Послѣдній даже, повидимому, выдавалъ себя за русскаго агента, а именно за секретаря російскаго консульства въ Сараевѣ. Джонса же отправилъ въ Герцеговину Сараевскій консулъ Чёрчилль съ порученіемъ ознакомиться съ положеніемъ края и стараться успокоить и обезоружить восставшихъ. Что же касается Джурковича, это былъ венгерскій эмигрантъ, только-что принявшій въ Константинополѣ магометанство и имя Ахмедъ-ага; но, вслѣдъ затѣмъ привезенный въ Мостаръ однимъ Французскимъ инженеромъ на турецкой службѣ, ренегатъ снова обратился въ католичество, снова сталъ называться Джурковичемъ, заискивалъ у мостарскаго англійскаго вице-консула Зораба, хвалясь передъ нимъ и Джонсомъ своею ненавистью къ Австріи и къ Россіи за 1849 годъ. Англичане оцѣнили такое сокровище. Это было для нихъ находкою, и Джурковичъ получилъ мѣсто драгомана Британскаго вице-консульства въ Мостарѣ. Конечно, его роль въ экспедиціи, порученной капитану Джонсу, была начертана впередъ сама собою: выставить себя русскимъ агентомъ и тѣмъ скомпрометировать Россію, да кстаи и Австрію, которой непрощенное англо-русское вмѣшательство въ Герцеговинѣ было чрезвычайно непріятно. Дѣйствительно, когда разъяснилось, что съ Джонсомъ путешествуетъ вовсе не русскій, а мадьяръ, заклятый врагъ Австріи, негодованіе австрійскаго генеральнаго консула въ Сараевѣ, Ресслера, не знало предѣловъ: онъ внезапно восчувствовалъ къ своему русскому товарищу Гильфердингу необычайную нѣжность и выказалъ ему трогательное довѣріе, сообщивъ всю тайную переписку свою о Джурковичѣ и Джонсѣ съ министерствомъ полиціи въ Вѣнѣ. Ресслеръ и его помощникъ, вице-консулъ въ Мостарѣ, настаивали, чтобы Гильфердингъ жаловался кому слѣдуетъ на подлогъ, сочиненный Джонсомъ и его «русскимъ» агентомъ, и требовалъ немедленнаго удаленія Джурковича. Но, во-первыхъ, подлогъ этотъ доказанъ не былъ; знали только, что существовало предположеніе выдать Джурковича за русскаго агента. Но было ли это намѣреніе осуществлено, осталось вопросомъ открытымъ. Чёрчилль энергично отрицалъ всякое сообщничество съ фальшивымъ русскимъ агентомъ; вице-консулъ мостарскій Зорабъ былъ въ отсутствіи; монахи въ монастырѣ Дужи, не могли же не знать, что Джурковичъ чиновникъ англійскаго вице-консульства въ Мостарѣ, тогда какъ русскій секретарь изъ Сараева, г. Ионинъ, находился въ то время въ Мостарѣ? Вторыхъ, г. Джонсу и Джурковичу не зачѣмъ было выдавать себя за русскихъ агентовъ для вящшаго вразумленія герцеговинцевъ: Россія не желала, чтобы начинавшееся движеніе разрослось до размѣровъ восстанія, и черезъ агентовъ своихъ высказывалась въ этомъ смыслѣ съ вожаками герцеговинской смуты. Что же касается капитана Джонса, то, по извѣстіямъ Гильфердинга, англичанинъ совершенно честно и искренно отнесся къ своей роли умиротвори-

теля и даже въ рапортахъ къ Чёрчиллю клеймить неспособность и злоупотребленія турецкихъ властей, симпатично отзываясь о христіанахъ. Слѣдовательно, какъ Англія, такъ и Россія искренно желали мира и одинаково дѣйствовали въ этомъ направленіи. Джонсъ въ Мостарѣ нашелъ Васиѣ-пашу, погруженнаго въ уныніе. Паша не зналъ, что предпринять. Джонсъ обѣщала тогда турецкому савоннику, что онъ, капитанъ Джонсъ, усмирить возставшихъ, онъ наговорилъ пашѣ съ три короба и вообще велъ себя въ отношеніи Васиѣ какъ официальный комиссаръ и уполномоченный. Джонсу удалось добиться отъ инсургентовъ перемирія: Чёрчилль громко рассказывалъ въ Сараевѣ, что Герцеговина покорилась и что этимъ результатомъ турки обязаны Англіи и ея искусному агенту. Капитанъ перенесъ затѣмъ свою дѣятельность изъ Требинья въ Кастильново, т. е. уже на австрійскую далматинскую территорію. Здѣсь онъ продолжалъ выставять себя политическимъ агентомъ и постоянно принималъ и совѣщался съ выходцами изъ Герцеговины, подъ носомъ у австрійцевъ, не сообщая имъ ничего. Отсюда англичанинъ отправилъ Чёрчиллю выработанный имъ проектъ управленія Герцеговиной, *projet très sensé*, добавляетъ Гирфельдингъ. Австрійцамъ, конечно, не могла быть пріятна шумная и демонстративная дѣятельность англійскаго агента въ Герцеговинѣ, которую Австрія уже въ то время ревниво охраняла отъ всякаго чужеземнаго вмѣшательства. Окончательно же вворвало ихъ терпимое англичанами участіе эмигранта-мадьяра, врага и ненавистника Австріи. Какъ бы то ни было, пользу изъ всего этого имбродіо извлекала, всетаки, Австрія: ея агенты не преминули указать туркамъ на двуличность будто бы русской политики и на агитаціонныя развѣды Гильфердинга по краю. Съ другой стороны, австрійцы не разувѣрили всѣхъ тѣхъ турокъ или христіанъ, которые были убѣждены, что съ капитанъ Джонсомъ былъ въ Дужѣ тайный русскій агентъ и что роль эту съ согласія англичанъ разыгралъ англійскій драгоманъ Джурковичъ. Что должны были подумать объ англійской политикѣ, прибѣгающей къ столь предосудительнымъ средствамъ, турецкія власти и сами христіане? И дѣйствительно, какъ извѣщаетъ Гильфердингъ, англійское консульство быстро утратило симпатіи и довѣріе, которымъ до того дня пользовались англичане въ обѣихъ турецкихъ провинціяхъ; отъ Джурковича же, которому австрійцы приписывали роль измѣнника, всѣ мусульмане и христіане отстранились. Такимъ образомъ, все окончилось *ad majorem Austriae gloriam*. Окончилось, но не выяснилось положительно и ясно, былъ ли Джурковичъ въ Дужѣ въ качествѣ русскаго агента, свѣдома и съ согласія англійскихъ консуловъ въ краѣ, и если былъ и дѣйствовалъ въ этомъ качествѣ,—то кѣмъ это было задумано и исполнено, кому была нужна эта мистификація? Какъ изложено выше, англичане увѣряли, что имъ о дву-

смысленной роли Джурковича ничего неизвѣстно, австрійцы негодовали одинаково и на англичанъ, непрощенныхъ умиротворителей, и на русскихъ, и на Джурковича, эмигранта-венгерца, мстившаго Австрійи за 1849 годъ. Не зная достовѣрно, кому приписать инцидентъ въ Дужѣ, австрійцы сочли за лучшее мстить всѣмъ одинаково и интриговать противъ всѣхъ безъ различія, возбуждая Гильфердинга противъ Джурковича и англичанъ, Чёрчилля и Джонса, противъ русскихъ, Васифъ-пашу противъ тѣхъ и другихъ.

Какъ бы то ни было, для фанатичнаго и неспособнаго Васифъ-паши эпизодъ съ дѣйствительнымъ или фальшивымъ русскимъ агентомъ въ монастырѣ Дужѣ былъ находкою и мщеніемъ: Васифъ не могъ простить Гильфердингу того, что консуль потребовалъ отъ сараевского валія, а затѣмъ и въ Константинополь, удовлетворенія по поводу неприлично-грубаго пріема, оказаннаго мостарскимъ пашею секретарю русскаго сараевского консульства Ионину, который былъ Гильфердингомъ отправленъ въ Мостаръ для наблюденія за ходомъ дѣлъ въ Герцеговинѣ. Васифу подобный контроль былъ нестерпимъ, и онъ не поцеремонился дать почувствовать г. Ионину, сколько ему непріятно присутствіе въ Мостарѣ русскаго агента. Конечно, выходы Васифа нельзя было игнорировать и оставить ненаказанною. По этому поводу возникла переписка. Турки, разумѣется, оттягивали сколько могли моментъ удовлетворенія, извиняться имъ было тяжело и непріятно, это роняло ихъ престижъ въ глазахъ какъ христіанъ, такъ и мусульманъ. Тѣмъ не менѣе пришлось извиниться, вслѣдствіе приказанія изъ Константинополя и письменнаго нагоняя Васифу отъ Порты. Папа извинился, но забыть своего униженія не могъ и нынѣ, при первомъ удобномъ случаѣ, мстилъ ненавистному москову, дѣлая видъ, будто вѣрить тайной миссіи невѣдомаго русскаго эмиссара, и распространяя повсюду слухи о русскихъ интригахъ. Между тѣмъ никакихъ подстрекательствъ съ нашей стороны не было, да таковыя и были бы совершенно лишними: турецкія власти безобразіями своими сами вызвали въ 1858 году герцеговинское движеніе. Ионинъ даже прямо высказываетъ въ рапортѣ своемъ Гильфердингу изъ Мостара, что главный виновникъ зла—мостарскій губернаторъ Васифъ-паша. «Чтобы спасти себя и мусульманъ отъ отвѣтственности,—пишетъ съ своей стороны Гильфердингъ,—Васифъ выдумалъ участіе Черногоріи въ возстаніи герцеговинской райи, въ чемъ помогъ ему англійскій агентъ, который дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи совершенно въ духѣ своей націи, столь враждебной къ Черной Горѣ... Должно ожидать всего худшаго для герцеговинскихъ христіанъ, которые отданы на произволъ такому безчеловѣчному изувѣру, какъ Васифъ-паша». Гильфердингъ проситъ повліять на Порту въ смыслѣ немедленнаго отозванія этого человѣка, «который явно дѣйствуетъ вопреки всѣмъ законамъ и

волѣ своего правительства, сознательно возбуждаетъ въ Герцеговинѣ фанатизмъ и междоусобную войну».

Между тѣмъ Васифъ, въ ожиданіи своего отозванія, открыто подстрекалъ мусульманское населеніе противъ христіанъ; съ его вѣдома и согласія фанатичные муллы въ мечетяхъ и на площадяхъ мостарскихъ проповѣдывали священную войну, формировались для «наказанія» возставшей райи отряды албанскихъ башибузуковъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго всему краю разбойника Хаджи-али. Васифъ готовилъ страшныя казни. Ему содѣйствовалъ въ этомъ Агія-Ефенди, «коммиссаръ для уголовныхъ дѣлъ, пріобрѣтшій самую печальную извѣстность своимъ злобнымъ характеромъ. Агія говорилъ г. Ионину, что будетъ дѣйствовать повоенному, наказывая правого и виноватаго, чтобы только задать страху». Вѣроятно, въ силу этого принципа запугиванія Васифъ велѣлъ схватить безъ суда и заключить въ тюрьму депутатовъ христіанъ изъ Требинья, прибывшихъ къ мостарскому папѣ просить защиты и справедливости. Все это происходило на глазахъ представителей великихъ державъ, которые какъ всегда, вѣроятно, не догадывались, что изъ ein Bischen Herzegowine въ 1858 и послѣдующихъ годахъ возникнетъ во всей его сложности восточный вопросъ.

II.

Я долженъ извиниться въ томъ, что началъ повѣствованіе свое о босногерцеговинскомъ прошломъ съ инцидента 1858 года изъ агитаторской дѣятельности нынѣшняго генеральнаго консула ея британскаго величества въ Филиппполѣ, но типическая фигура англійскаго джентльмена капитана Джонса, съ севастиопольскою пулею въ челюсти, безспорно представляетъ интересъ современности. Притомъ же небезынтересно было выяснить, что англичанинъ руссофобъ, неизвѣстно для чего скрывавшійся въ 1858 году въ герцеговинскомъ монастырѣ, и знаменитый кэптэнъ Джонсъ въ Румелии, руководитель баттенберговской реставраціи,—одно и то же лицо.

Теперь перехожу къ характеристикѣ личности, съ которой собственно слѣдовало начать рассказъ: это симпатичная и даровитая личность Александра Фёдоровича Гильфердинга, перваго русскаго консула въ Босніи. Я имѣю въ виду здѣсь политическую его дѣятельность.

Въ самомъ дѣлѣ немислимо писать о Босніи 1857—1858 годовъ и не упоминать о Гильфердингѣ. Имя А. Ф. тѣсно связано для русскаго міра съ именами Босніи, Герцеговины и старой Сербіи, которыя онъ, какъ новый свѣтъ, открылъ для Россіи, посѣтилъ, описалъ и приблизилъ русскому сердцу. До Гильфердинга

всѣхъ этихъ отдаленныхъ краяхъ знали лишь въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, да въ славянофильскихъ кружкахъ въ Москвѣ, масса же русской публики имѣла о Босніи и Герцеговинѣ самое ясное представленіе, зная лишь, что и тамъ, какъ за Дунаемъ, живутъ подъ турецкимъ гнетомъ славянскіе братья, одной съ нами крови и одной религіи. Да и откуда было знать? «Никогда еще русскій не былъ въ край, куда мнѣ назначено ѣхать,—писать Гильфердингъ изъ Вѣны отъ 14 февраля 1857 года директору азіатскаго департамента Е. П. Ковальскому, — а край этотъ голонъ молвою о москвовахъ, объ единственномъ православномъ царствѣ на свѣтѣ».

Такимъ образомъ, первому русскому агенту, появляющемуся въ Босніи, предстояло прежде всего ознакомиться съ народомъ и странною и затѣмъ уже изучать политическую среду и условія, при которыхъ онъ призванъ былъ тамъ дѣйствовать. Положеніе русскаго консула въ Босніи было вмѣстѣ и щекотливое, и нелегкое, и почетное: попадалъ онъ въ среду непріязненную, ибо такъ скоро послѣ крымской кампаніи турки не могли не отнестись подозрительно къ русскому представителю въ край, гдѣ до сего дня знали о москвѣ лишь понаслышкѣ. Англійскій и французскій консулы тоже не могли доброжелательно отнестись къ своему новому коллегѣ и къ русской политической конкуренціи. Но враждебнѣе всѣхъ, непріязненнѣе даже самихъ турокъ, долженъ былъ встрѣтить Гильфердинга его австрійскій товарищъ: уже въ тѣ дни Австрія исподволь подготавливала нынѣшнее владѣніе Босніею, она установила тамъ свое преобладаніе и ревниво охраняла эту свою гегемонію отъ всякаго чужеземнаго прикосновенія; она претендовала въ Босніи и Герцеговинѣ на рѣшающую роль и уже въ 1857 году смотрѣла на эти двѣ провинціи какъ на *terrain de chasse réservée*, на которомъ могла продѣлывать безконтрольно что ей было угодно. И вдругъ является незваный контролеръ, русскій! Это несомнѣнно было чрезвычайно неудобно и непріятно. Но помѣшать назначенію русскаго агента Австрія не могла. Ея представитель въ Босніи могъ лишь всячески затруднить положеніе своего русскаго коллеги и стараться его дискредитировать у власти и въ населеніи. Гильфердингъ долженъ былъ ожидать тайнаго недоброжелательства и козней со стороны своихъ иностранныхъ товарищей. Онъ къ этому приготовился и не дѣлалъ себѣ иллюзіи. Но онъ въ то же время считалъ, что роль и обязанность Россіи «спасти Боснію и Герцеговину отъ рукъ Австріи, которая считаетъ ее уже своею областью. Франція не можетъ этого сдѣлать, потому что она дѣйствуетъ исключительно на католическую часть народонаселенія. Между тѣмъ это католическое населеніе естественно тяготѣетъ и всегда будетъ тяготѣть къ Австріи, какъ къ вѣрнѣйшей и ближайшей опорѣ католичества. Сербія ничего

не можетъ противопоставить австрійскому вліянію, потому что сама находится въ зависимости отъ Австріи и, боясь ея гнѣва, не позволяетъ себѣ ни малѣйшаго дѣйствія въ пользу православнаго народа въ сосѣдней турецкой области. Одно только русское вліяніе, если оно будетъ мало-по-малу и благоразумно укореняться и водворяться въ Босніи, можетъ вырвать эту страну изъ рукъ Австріи». Однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ успѣха на этомъ поприщѣ борьбы съ Австріею Гильфердингъ справедливо считалъ дѣло благотворенія. Благотворительность, интеллигентно веденная и въ широкихъ размѣрахъ, могла и должна была внушить православному населенію высокую идею о русскомъ могуществѣ и о богатствѣ и щедрости Россіи. Кромѣ того, население мало-по-малу отвратилось бы отъ Австріи, которая до того дня исключительно играла роль благодѣтельницы христіанскаго народа. Въ Босніи и Герцеговинѣ, видя усилія Россіи на пользу православія, убѣдились бы, что естественный покровитель сербской народности—Россія, а не католическая Австрія.

Въ случаяхъ же и средствахъ оказывать самую широкую благотворительность не было недостатка въ Босніи того времени. Хотя султанъ и дозволилъ обновлять и строить новыя церкви, однако для православныхъ дозволеніе это оставалось мертвою буквою, не только вслѣдствіе бѣдшаго угнетенія ихъ сравнительно съ католиками, но и по недостатку средствъ. «Есть въ Босніи цѣлые края,—пишетъ Гильфердингъ,—гдѣ древнія церкви лежатъ въ развалинахъ, а богослуженіе совершается въ шалашѣ, который наканунѣ праздниковъ складывается изъ прутьевъ. Пусть дадутъ этимъ бѣднымъ людямъ 50 или 100 червонцевъ и вмѣсто шалаша срубятъ они себѣ деревянныя церкви, и въ цѣломъ краѣ духъ христіанскій обновится. Пусть дадутъ маленькое пособіе тѣмъ немногимъ грамотнымъ священникамъ, которые снискиваютъ себѣ нынѣ пропитаніе полевой работою, и они сдѣлаются учителями; пусть, наконецъ, найдутъ въ Россіи двухъ-трехъ благотворителей, которые возмущаются воспитать на свой счетъ въ семинаріи по одному босняку и герцеговинцу, и этимъ уже сдѣлано будетъ много добра». Весьма характерно слѣдующее восклицаніе, вырвавшееся изъ сердца почтеннаго ревнителя. «Дай Богъ намъ только въ этомъ отношеніи умъ Австріи! Какъ она дѣйствуетъ! Теперь она уже не довольствуется тѣмъ, что воспитываетъ въ самой Босніи молодыхъ людей для вступленія въ францисканскій орденъ, она учреждаетъ въ своихъ владѣніяхъ въ Славоніи, на самой границѣ Босніи, обширную семинарію, исключительно для боснійскихъ и герцеговинскихъ уроженцевъ».

Гильфердингъ съ любовью останавливается на проектѣ благотворенія, указываетъ на графиню Антонину Дмитріевну Влудову, какъ на личность, могущую дѣлать очень много въ этомъ дѣлѣ и увлечь за собою и другихъ. Онъ высказываетъ, что всѣ славян-

ція племена «не могутъ сами собою высвободиться изъ своего духовнаго безсилія, которое выражается и въ безсиліи вещественномъ; имъ необходима нравственная опора Россіи, и только подъ влияніемъ ея могутъ они оживиться, потому что она одна сохранила кое-какъ духовныя начала славянства».

Очень характерно для самого Гильфердинга и для возрѣній эго кружка это пренебрежительное «кое-какъ»; онъ слѣдовательно не удовлетворенъ тою степенью насыщенія славянствомъ, которую являла тогдашняя Россія, только-что вышедшая униженною изъ борьбы за славянство; вѣдь мотивами крымской войны, хотя и косвенными, были тѣ же братья славяне и православіе? Но Гильфердингъ хлопочетъ не объ однихъ лишь славянахъ восточныхъ: «1848 годъ»,—говоритъ онъ,—вполнѣ показалъ все безсиліе западныхъ славянъ и съ тѣхъ поръ они все болѣе слабѣютъ и засыпаютъ. Чтобы когда нибудь могла осуществиться мысль объ оживленіи западныхъ славянъ влияніемъ Россіи, они прежде всего должны увидѣть въ Россіи дѣйствительное участіе и сочувствіе (въ которомъ они, большею частію, крѣпко сомнѣваются), они должны увидѣть участіе живое, на самомъ дѣлѣ, а не только на словахъ, и то въ ограниченныхъ литературныхъ кружкахъ. Правительство связано политическими отношеніями, нужно, чтобы общество частнымъ образомъ показало это участіе. Но не объ этомъ теперь рѣчь. Я хотѣлъ только сказать, что дорожу успѣхомъ подписки въ пользу христіанъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи, отчасти какъ первымъ опытомъ этого приглашенія нашего общества къ частному вспомошествованію славянамъ».

Всѣ выше приведенныя выписки заимствованы изъ упомянутого уже донесенія Гильфердинга директору азіатскаго департамента, отправленнаго изъ Вѣны. Мы нѣсколько распространились о видахъ и возрѣніяхъ перваго русскаго консула, посылаемаго въ невѣдомый край; они интересны потому, что доказываютъ, какъ твердо и ясно смотрѣлъ Александръ Ѳедоровичъ на возложенную на него задачу; они свидѣтельствуютъ, что о положеніи края, о политикѣ заинтересованныхъ въ немъ державъ и о томъ, какова должна быть въ виду всѣхъ этихъ соперничествъ роль Россіи, Ал. Ѳед. составилъ себѣ заранѣе правильное представленіе. Этотъ свой взглядъ онъ свободно высказываетъ Е. П. Ковалевскому, и должно признать, что программа будущаго «панславистскаго» дѣятеля въ Босніи,—а таковымъ именно должны были неизбѣжно признавать его турки и западные ихъ союзники, — чрезвычайно умѣренна и симпатична. Она основана на правильномъ пониманіи международныхъ отношеній въ Босніи и на патриотическомъ стремленіи мало-по-малу оттереть Австрію, забравшую силу и власть среди славянъ и православныхъ Босніи, приучить сербовъ обращать взоры свои на Россію, научить ихъ любить ее, вѣрить и уповать на нее.

Гильфердингъ, какъ видно изъ его перваго рапорта, написаннаго еще до прибытія на мѣсто, не скрывалъ ни отъ себя, ни отъ вѣрителей своихъ въ министерствѣ, всѣхъ затрудненій своего будущаго положенія, онъ зналъ, что въ Босніи ему придется бороться противъ открытыхъ злоупотребленій законно установленнаго тамъ турецкаго режима и противъ скрытыхъ происковъ Австріи, которая издавна стремится дискредитировать среди боснегерцеговинскаго населенія турецкое владычество и ведетъ дѣль къ тому, чтобы въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ замѣстить въ этихъ краяхъ турецкое управленіе своимъ австрійскимъ. А пока, въ ожиданіи того дня, когда фактическое управленіе перейдетъ въ ея руки, Австрія работала всѣми средствами надъ усиленіемъ въ Босніи и Герцеговинѣ своего престижа и надъ утвержденіемъ и сохраненіемъ въ этихъ провинціяхъ исключительно австрійскаго преобладанія.

Впрочемъ, новоназначенному агенту даны были съ равныхъ сторонъ напутственныя указанія и инструкціи, долженствовавшія облегчить ему на первыхъ порахъ ориентированіе въ Босніи и опредѣлить затѣмъ дальнѣйшее его держаніе.

Управляющему россійскимъ консульствомъ въ Сараевѣ А. Ѳ. Гильфердингу директоръ азіатскаго департамента предписалъ отправиться въ Рагузу къ тамошнему генеральному консулу нашему, статскому совѣтнику П. Н. Стремоухову, и подъ руководствомъ его приступить къ открытію дѣйствій ввѣреннаго ему консульства. Независимо отъ сего, Гильфердингъ имѣлъ получить въ Рагузѣ отъ завѣдывающаго константинопольскою миссіею, г. дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутенева, инструкцію, которою ему поставлялось въ непремѣнную обязанность во всемъ руководствоваться.

Мы уже видѣли, что на пути своемъ въ Сараево, въ Вѣнѣ, Гильфердингъ написалъ первое свое донесеніе Е. П. Ковалевскому, которому излагаетъ свою программу. Безъ сомнѣнія, Гильфердингъ воспользовался при этомъ указаніями, данными ему посланникомъ нашимъ при австрійскомъ дворѣ, барономъ Будбергомъ. Но эти вѣнскія данныя были лишь дополнительными свѣдѣніями: главные черты предстоявшей Гильфердингу служебной дѣятельности были уже напередъ изложены ему въ инструкціи министра иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова отъ 9-го марта, за № 945. Прежде всего новому агенту рекомендуется поставить себя въ пріязненные отношенія къ мѣстнымъ турецкимъ властямъ и избѣгать всякаго съ ними столкновенія. Далѣе инструкція гласитъ: «Главная цѣль вашихъ стараній будетъ заключаться въ собраніи самыхъ точныхъ свѣдѣній о состояніи дѣлъ въ Босніи и въ своевременномъ сообщеніи миссии нашей при Портѣ Оттоманской извѣстій, на достовѣрность которыхъ она могла бы положиться. Ознакомившись ближе съ

Вѣстными обстоятельствами, вы будете имѣть возможность узнать истину безъ преувеличеній. Предметы, на которые вы обратите собственное вниманіе, суть слѣдующіе: исполненіе со стороны мѣстныхъ начальствъ Султанскаго хатти-хумаюна, положеніе православныхъ церквей нашихъ въ Босніи и расположеніе умовъ въ той обширной области, о которой само турецкое правительство еще такъ мало знаетъ. Между греческимъ и славянскимъ православнымъ духовенствомъ существуютъ достойныя сожалѣнія несогласія, клонящіяся ко вреду духовной ихъ паствы. При каждомъ удобномъ случаѣ вы не оставите обращать вниманіе главнѣйшихъ лицъ мѣстнаго духовенства на пагубныя слѣдствія этихъ распрій. Одно лишь согласіе между ними можетъ положить преграду успѣху латинской пропаганды и тѣмъ отступничествамъ отъ вѣры, которыя въ Босніи были чаще, чѣмъ гдѣ либо въ Турціи. Ваши дѣйствія въ смыслѣ примиренія между духовными партіями требуютъ большой осторожности. Она особенно необходима въ началѣ пребыванія въ Сараевѣ, пока вы не успѣете ознакомиться съ лицами, съ которыми вамъ предстоитъ имѣть сношенія. Турки и также иностранные политическіе агенты съ особенною подозрительностью будутъ слѣдить за вашими дѣйствіями. Министерство надѣется на ваше усердіе и пр.»

Въ Рагузѣ, второмъ этапѣ на пути своемъ въ Боснію, Гильфердингъ ожидалъ фирмана, который долженъ былъ ему доставить изъ Константинополя проѣздомъ въ Скутари консулъ нашъ въ Албаніи Сученковъ, отправлявшійся къ своему посту. Въ Рагузѣ генеральнымъ консуломъ состоялъ въ то время Петръ Николаевичъ Стремоуховъ, впоследствии директоръ азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ общеніи съ этимъ умнымъ человѣкомъ, пріятнымъ собесѣдникомъ и тонкимъ дипломатомъ Гильфердингъ могъ лишь пополнить запасъ своихъ свѣдѣній о Босніи. По своему положенію и сношеніямъ также и съ Черногоріею Стремоуховъ былъ особенно à тѣмѣ знать, что происходитъ въ сосѣднихъ турецкихъ провинціяхъ, которыми одинаково занимались и интересовались, хотя и по совершенно противоположнымъ, конечно, побужденіямъ, австрійскія власти въ Далмаціи и правительство князя Данилы I въ Цетиньѣ.

Результатомъ продолжительныхъ бесѣдъ со Стремоуховымъ является инструкція его Гильфердингу отъ 7-го мая 1857 года, за № 88, изъ которой извлекаемъ наиболѣе интересныя мѣста.

«Генеральный консулъ въ Рагузѣ свидѣтельствуешь прежде всего, что знаменитый хатти-хумаюну не принесъ никакого облегченія христіанскимъ жителямъ, менѣе же всего православнымъ, ибо иностранные агенты, опирающіеся иногда на обѣщанія этого акта для защиты христіанскихъ подданныхъ султана римско-католическаго исповѣданія, остаются совершенно равнодушными къ судьбѣ пра-

вославныхъ, которымъ не могутъ простить ихъ сочувствія и инстинктивной преданности къ Россіи. Съ своей стороны православные христіане не имѣютъ никакого довѣрія къ консуламъ западныхъ державъ и даже не прибѣгаютъ къ ихъ защитѣ и покровительству... Недавно прибывшій въ Мостаръ англійскій вице-консулъ объявилъ всѣмъ значительнѣйшимъ жителямъ изъ нашихъ единовѣрцевъ, что всѣ надежды ихъ должны быть сосредоточены на представителяхъ западныхъ державъ, и что сочувствіе ихъ къ Россіи послужитъ лишь къ усугубленію испытываемыхъ ими бѣдствій. Въ такомъ же смыслѣ выражаются прочіе агенты, въ особенности же консулы австрійскіе. Всѣ православные Босніи, ожидающіе съ напряженнымъ нетерпѣніемъ и съ живѣйшимъ восторгомъ прибытія русскаго консула въ Сараево, будутъ считать васъ своимъ избавителемъ». Въ виду, однако, неблагоприятныхъ политическихъ условій, Стремоуховъ совѣтуетъ А. Θ—чу не слишкомъ поощрять эти упованія сербовъ, чтобы тѣмъ не испортить своихъ отношеній къ туркамъ и иноземнымъ консуламъ, а избрать средній путь: рекомендовать единовѣрцамъ нашимъ терпѣніе, внушать имъ довѣріе и собирать отъ нихъ возможно полныя свѣдѣнія о ихъ нуждахъ, которыя и передавать въ министерство и въ миссію въ Константинополь.

Положеніе Босніи въ религіозномъ отношеніи Стремоуховъ описываетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ: «Духовенство находится на низшей степени образованности, и весьма немногіе священники хотя нѣсколько соответствуютъ своему званію; съ своей стороны греческіе епископы, увлекаясь корыстолюбіемъ и не оказывая сочувствія къ народу, не пользуются никакимъ уваженіемъ, а тѣмъ менѣе довѣріемъ своей паствы. Таковыя отношенія, очевидно, грозятъ самому сохраненію православія въ этомъ краѣ... Римская пропаганда въ послѣднее время чрезвычайно усилила дѣятельность свою, и австрійское правительство не щадитъ издержекъ для введенія католическихъ школъ, постройки церквей, и водворившіеся въ Рагузѣ іезуиты готовятъ миссіонеровъ для прилегающихъ турецкихъ провинцій; австрійское консульство тамъ всѣми силами старается раздавать православнымъ церквамъ и монастырямъ церковныя книги, отпечатанныя въ Вѣнѣ. Цѣль раздачи этихъ книгъ, которыя во второмъ изданіи уже во многомъ отступаютъ отъ подлинниковъ,—то, чтобы приготовить понемногу православныхъ къ униі, пользуясь невѣжествомъ духовенства. Но до сихъ поръ единовѣрцы наши, руководимые инстинктивнымъ недоувѣріемъ къ книгамъ, печатаннымъ не въ Россіи, упорно уклонялись отъ принятія австрійскихъ книгъ. Такъ какъ министерство намѣрено прислать въ ваше распоряженіе нѣкоторое количество церковныхъ книгъ, то ваше благоразуміе укажетъ вамъ тѣ случаи, въ коихъ вы можете надѣлать этими книгами церкви, наиболѣе въ нихъ нуждаю-

дѣяся. Очевидно, ваша обязанность будетъ состоять въ дѣятельномъ наблюдении за дѣйствіями пропаганды и во внушеніи единобръцамъ нашимъ, а въ особенности ихъ архипастырю, необходимости постепеннаго устройства школъ для образованія достойныхъ священниковъ... Такъ какъ въ настоящее время мы еще не имѣемъ агента въ Герцеговинѣ¹⁾, на которую не распространяется кругъ нашей официальной дѣятельности, то весьма было бы полезно, если бъ вы могли собирать и доставлять императорскому правительству по возможности полныя и достовѣрныя свѣдѣнія о положеніи церкви и дѣль въ этой странѣ, населенной почти исключительно нашими единобръцами, изъ рода въ родъ передающими чувство живѣйшей преданности къ Россіи. Австрійское правительство дѣятельно стремится къ достиженію исключительнаго вліянія въ Герцеговинѣ, и во время послѣдней войны неоднократно внушало черезъ своихъ агентовъ тамошнимъ христіанамъ, что лучшимъ средствомъ къ облегченію ихъ бѣдственнаго положенія было бы изъявленіе желанія поступить подъ покровительство Австріи. Римская пропаганда до сихъ поръ имѣла менѣе всего успѣха въ этой области, но вскорѣ будетъ учреждено тамъ нѣсколько новыхъ католическихъ епархій, и уже многія школы находятся подъ полуофициальнымъ надзоромъ австрійскаго консула».

До какой степени серьезно относилось министерство иностранныхъ дѣлъ къ задачамъ, возложеннымъ на перваго русскаго представителя въ Босніи, доказываетъ заботливость, съ которою со всѣхъ сторонъ выяснены были Гильфердингу его обязанности и правила, какъ держать себя. Кромѣ, однако, этихъ общихъ указаній и рекомендацій состоятъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ турками и съ иностранными консулами, императорскому правительству еще специально интересно было знать, до какой степени примѣняется на практикѣ хатти-хумаюнъ 6-го февраля 1856 года, освященный притомъ параграфомъ 9 парижскаго договора, и какіе благопріятные для христіанъ результаты дало это султанское распоряженіе. Вслѣдствіе сего, завѣдующій миссіею въ Константинополѣ, А. Бутеневъ, довѣрительнымъ циркуляромъ (*circulaire réservée*) отъ 11-го мая 1857 года, за № 313, просилъ Гильфердинга (а съ нимъ и остальныхъ русскихъ представителей въ Турціи) доставить самыя точныя

¹⁾ Гильфердингъ назначенъ былъ «управляющимъ консульствомъ въ Сараевѣ». О Герцеговинѣ не было рѣчи вовсе ни въ приказѣ о его назначеніи, ни въ султанскомъ фирманѣ, признавшемъ его русскимъ агентомъ въ Сараевѣ. Сознвая великое значеніе для насъ русскаго представительства также и въ Герцеговинѣ, Гильфердингъ ходатайствовалъ объ учрежденіи консульства въ Мостарѣ. Но еще въ декабрѣ 1857 года, посланникъ въ Константинополѣ увѣдомилъ его, что не сочтено было возможнымъ приступить нынѣ же къ установленію этого поста, и поручалъ консулу въ Босніи завѣдовать дѣлами также и Герцеговины, которая непосредственно зависитъ отъ боснійскаго валия.

«истор. вѣстн.», мартъ, 1867 г., т. XVII.

свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ въ Босніи исполняются и примѣняются мѣстными властями «l'ensemble et les stipulations spéciales du firman». Бутеневъ, изъ 21 пункта реформъ, обѣщанныхъ хатти-хумаюномъ, выдѣляетъ специально пункты 1, 2, 4, 6, 8, 10, 12, 13 и 15, непосредственно относящіеся къ провинціямъ имперіи и примѣненіе которыхъ встрѣчаетъ наиболѣе затрудненій со стороны злой воли и нерадѣнія турецкихъ чиновниковъ. Онъ въ числѣ этихъ статей рекомендуетъ специально бдительности Гильфердинга тѣ, которыя касаются религіи, сбора податей и вновь введеннаго для христіанъ права откупаться отъ военной повинности. Въ заключеніе Бутеневъ поручаетъ Гильфердингу доносить о магішешемъ случаѣ притѣсненія со стороны властей, о распоряженіяхъ несогласныхъ съ постановленіями хатти-хумаюна, а также о реформахъ, которыя будутъ вводиться въ краѣ согласно обязательствамъ, принятымъ на себя султаномъ.

Такимъ образомъ, собственно Боснія и босняки были для Гильфердинга невѣдомою величиною, все остальное было для него ясно заранѣе заботливымъ отношеніемъ къ дѣлу императорскаго правительства, и новый агентъ могъ уже впередъ составить себѣ представленіе о средѣ, въ которой онъ призванъ будетъ вращаться. Что же касается специально Босніи, Герцеговины и Старой Сербіи, ихъ географіи и этнографіи, — предоставлено было Гильфердингу посѣтить эти невѣдомыя края, извѣздить ихъ по всѣмъ направленіямъ и составить подробное описаніе для министерства, которое могло быть автору лишь признательнымъ за его вкладъ въ исторію и землеописаніе славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова. Ал. Ө—чъ такъ и поступилъ. Результатомъ его поѣздки по Старой Сербіи и Герцеговинѣ являются подробныя донесенія министерству, обратившія на себѣ высокое вниманіе государя императора, и впоследствии—книга о Босніи. Книга эта и нынѣ еще драгоценна по массѣ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній о жителяхъ этихъ странъ, объ исторіи и обычаяхъ сербовъ. Старая Сербія и до сего дня еще измѣнилась очень немного; въ Турціи, какъ извѣстно, застой существуетъ вѣками, и страна, посѣщенная Гильфердингомъ 30 лѣтъ тому назадъ, и нынѣ еще отвѣчаетъ описанію. Что же касается Босніи и Герцеговины, то перемѣна здѣсь произошла лишь за послѣднія 8 лѣтъ, со времени австрійской окупаціи. Тѣмъ не менѣе, описанные въ книгѣ нравы, обычаи, мѣстныя, бытовые или историческія и этнографическія особенности, представляютъ живой интересъ и отвѣчаютъ дѣйствительности. Книга Гильфердинга можетъ и въ наши дни служить отличнымъ руководствомъ для русскихъ, интересующихся бытомъ славянъ и для русскихъ представителей въ Босніи и Герцеговинѣ. Но такую же честь служить справочною и настольною книгою для нашихъ этнографовъ и дипломатовъ на Балканскомъ востокѣ можетъ съ пол-

НЫМЪ и несомнѣннымъ правомъ претендовать книга о нравахъ и обычаяхъ сербовъ Старой Сербіи, изданная генеральнымъ консуломъ нашимъ въ Салоникахъ И. С. Ястребовымъ. C'est un livre vécu: авторъ, долго бывшій консуломъ въ Призренѣ, лично собиралъ по краю всё столь живо и съ такою любовью къ сербскому народу изложенныя наблюденія. Онъ слышалъ старыхъ сербскихъ гомеровъ, воспѣвавшихъ на гуслихъ героическія эпопей времени до и послѣ Коссова, онъ заглядывалъ въ кучи (хаты) убогихъ и богатыхъ, былъ ихъ сватомъ, посаженнымъ отцомъ, крестилъ у нихъ, хоронилъ, справлялъ съ ними славу и крестное имя, прислушивался къ ихъ рассказамъ, напѣвамъ, собиралъ и записывалъ ихъ песне (пѣсни), прибаутки, поговорки и издалъ энциклопедію славяно-сербской живой жизни въ Албаніи и Старой Сербіи.

Ястребовъ не отвлекаетъ насъ отъ Гильфердинга: это талантливый продолжатель перваго русскаго эксплоратора Босніи и Старой Сербіи, и имя его въ сербскомъ ученомъ и простомъ мірѣ не менѣе извѣстно и популярно.

А. Ѡ. Гильфердингъ лѣтомъ 1857 года прибылъ въ Сараево. Въ началѣ іюля, онъ поднялъ въ консульствѣ россійскій флагъ въ присутствіи турецкихъ властей, иностранныхъ консуловъ и огромнаго стеченія христіанъ. Торжество это было знаменательно и открывало собою новый періодъ въ жизни православнаго народа въ Босніи: водвореніе русскаго консула въ Сараевѣ означало установленіе духовной связи съ отдаленной и единовѣрной Россіей и принятіе боснійскаго православія подъ ея мощное покровительство. Празднество, кромѣ того, было интересно еще и тѣмъ, что поднятію флага предшествовало молебствіе съ водосвятиемъ, при которомъ впервые въ Босніи произнесена была громогласно священниками молитва за благочестивѣйшаго и благовѣрнаго императора всея Россіи Александра Николаевича. «Молебствіе,—пишетъ Гильфердингъ,—совершенное тремя священниками на открытомъ воздухѣ у мачты, на которой развѣвался флагъ, было потому еще особенно торжественно, что все православное народонаселеніе Сараева присутствовало при немъ, занявъ весь дворъ консульства и прилегающій садъ. Весь этотъ народъ съ видимымъ сочувствіемъ отзывался священникамъ всякій разъ, когда они произносили имя православнаго государя». При молебствіи присутствовали агенты австрійскій и французскій, а также генералъ-губернаторъ сараевскій. Но митрополитъ Діонисій и англичанинъ,—какое сопоставленіе!—явились лишь по окончаніи богослуженія, что, конечно, было замѣчено и всячески коментировано сербами. Дѣло въ томъ, что митрополитъ Діонисій, грекъ фанариотъ, фальшивый и низкопоклонникъ, убоился навлечь на себя гнѣвъ турокъ, совершая самъ молебенъ. Онъ даже въ слѣпомъ рвеніи своемъ дошелъ до того, что вовсе воспретилъ своему духовенству служить, и лишь твер-

дому и энергичному представлению секретаря консульства г. Ионне удалось убѣдить іерарха, что подобное его поведеніе оскорбительно и неприлично, и что турки выказываютъ болѣе терпимости. О Діонисіи этомъ, и понынѣ здравствующемъ, и даже въ томъ же санѣ митрополита, хотя и не сараевского, Гильфердингъ, Ионинъ и премники А. Θ. постоянно доносили министерству и посланнику въ Константинополь съ негодованіемъ и отвращеніемъ, вызванными некрасивыми выходками этого недостойнаго во всѣхъ отношеніяхъ пастыря. Но объ этой личности въ другой разъ: придется еще не разъ упоминать о митрополитѣ Діонисіи и роли, имъ разыгранной въ различныхъ случаяхъ.

Гильфердингъ изъ Рагузы слѣдовалъ на Мостаръ черезъ Дужи, Требинье, Любинье и Столаць—это былъ кратчайшій оттуда путь въ Сараево, но путь, конечно, нелегкій, верхомъ по мѣстностямъ часто совершенно негостеприимнымъ. Турецкія власти всюду держали себя корректно. Гильфердинга встрѣчали мудирь (окружные начальники) и заставляли квартировать у себя дома, не столько изъ радушія, сколько съ цѣлю помѣшать москову имѣть общеніе съ сербскимъ населеніемъ. Паша мостарскій выслалъ путешественнику на встрѣчу своего адъютанта и помѣстилъ его у себя въ конакѣ. Въ Требиньѣ его привѣтствовали почетнѣйшіе православные жители на улицѣ,—въ домъ къ мудиру, т. е. въ пасть къ волку, они не отважились явиться. Въ Любиньѣ, лежащемъ въ глуши, гдѣ большинство мусульмане, сербы и на улицу показаться не посмѣли. Въ столицѣ сербы догадались просить у мудира дозволенія встрѣтить москова, въ чемъ имъ было отказано съ угрозами и ругательствами. Въ Мостарѣ то же самое, хотя тотъ же паша не препятствовалъ католикамъ встрѣчать 2 мѣсяца тому назадъ новаго англійскаго консула. Гильфердингъ въ Мостарѣ побывалъ у всѣхъ въ томъ числѣ у католическаго епископа и у почетнѣйшихъ мусульманъ, и успѣлъ собрать отъ сербовъ, радостно, хотя и не безъ опаски его принимавшихъ, множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній о Герцеговинѣ, которыя и сообщилъ министерству тотчасъ по прибытіи въ Сараево.

Небезынтересно нынѣ познакомиться съ Герцеговиною 1857 года, какою ее засталъ и описалъ Гильфердингъ, и такимъ образомъ сравнить вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Дж. Рудинъ.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ УКРАИНЦЕВЪ О ЦАРЬ.

ВРЕДЛАГАЮ вниманію читателей три легенды, разновременно записанныя мною въ Юго-Западномъ краѣ: двѣ изъ нихъ чисто народнаго (мужицкаго, крестьянскаго) происхожденія, а одна солдатскаго. Въ нихъ довольно ярко выражается народное представленіе о царѣ. Впрочемъ, считаю необходимымъ прежде сдѣлать небольшую оговорку вообще о способахъ изданія у насъ этно-

графическихкихъ матеріаловъ.

За весьма рѣдкими исключеніями, въ этнографическихкихъ сборникахъ обыкновенно печатаются произведенія народнаго творчества безъ всякаго освѣщенія, то есть безъ указанія обстоятельствъ, при которыхъ записана сказка, пѣсня, заговоръ и проч., и главное, безъ указанія отношенія самого народа къ этой сказкѣ, пѣснѣ и проч. Такіе сборники напоминаютъ мнѣ ящики съ засушенными фруктами: эти консервы даютъ лишь понятіе, иногда очень слабое, о томъ, чѣмъ были они въ свѣжемъ видѣ. На такой недостатокъ, или, правильнѣе, неполноту сборниковъ указывалъ Н. И. Костомаровъ еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ; но отъ этого дѣло не измѣнилось.

Предлагаемымъ тремъ легендамъ я старался придать помянутое освѣщеніе: я указываю время, мѣсто и обстоятельства, при которыхъ онѣ записаны, а также отношеніе къ нимъ рассказчиковъ и то значеніе, тотъ внутренній смыслъ, какой сами они придавали своимъ рассказамъ. Эта задача не на столько легка, какъ можетъ казаться; я старался выполнить ее, какъ умѣлъ.

1.

Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, я былъ знакомъ съ однимъ крестьяниномъ—дидомъ Уласомъ, какъ называли его на родинѣ въ Васильковскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи. Постоянное мѣсто жительства его — село Городище, возлѣ мѣстечка Бѣлой Церкви. Дида Уласа хорошо знали на протяженіи версть ста по теченіи рѣки Роси, той самой Рси, которая нѣкогда служила южной границей владѣній Ярослава Мудраго и по которой этотъ князь велѣлъ рубить города для защиты Руси отъ кочевниковъ. Въ этой мѣстности Уласъ пользовался славой замѣчательнаго искусника по части устройства водяныхъ мельницъ и, въ особенности, по части сооружеія плотинъ на небольшой, но быстрой и капризной рѣкѣ Роси. Для меня же лично онъ былъ неоцѣненнымъ кладомъ въ другомъ отношеніи: дидъ Уласъ былъ неизсякаемымъ источникомъ старинныхъ пѣсенъ и преданій, всевозможныхъ примѣтъ и суевѣрій и въ особенности сказокъ. Въ праздничные дни мы бывало сживали вдвоемъ съ нимъ на берегу Роси надъ удочками и, въ ожиданіи, пока рыба начнетъ клевать, въ тишинѣ вели нескончаемые разговоры, причѣмъ мнѣ часто приходилось забывать удочку и браться за карандашъ и записную книжку... Немало этнографическаго матеріала, записаннаго мною отъ него, напечатано уже въ различныхъ изданіяхъ.

Вспыхнуло послѣднее польское возстаніе въ Польшѣ; дымъ отъ него пронесся и у насъ по Украинѣ,—пронесся и вскорѣ разсѣялся...

Сидѣли мы съ Уласомъ надъ удочками и вели тихую бесѣду о кровавой расправѣ украинцевъ съ неразумными повстанцами. Въ моей записной книжкѣ отмѣченъ одинъ его рассказъ изъ повстанія 1863 года о подвигѣ жителей села Исайки.

2.

Въ старину владѣлецъ города Канева,—разсказывалъ Уласъ,—выселялъ крестьянъ, провинившихся въ воровствѣ, въ урочище Исайки на рѣкѣ Роси. Эти поселенцы и ихъ потомки впослѣдствіи образовали обширное село, жителей котораго и до сихъ поръ сосѣди дразнятъ «злодіями», то есть ворами. Выраженіе «исайкивскій злодій»—обыкновенно въ той мѣстности, какъ бранное слово у крестьянъ и даже у помѣщиковъ. Вотъ эти-то «исайкивскіи злодіи» и отличились во время повстанья. Извѣстно, что еще съ зимы поляки начали запасаться оружіемъ, а съ ранней весны стали составлять отдѣльные небольшіе отряды и выступать въ походъ въ ближайшій лѣсъ. Одна шайка расположилась въ лѣсу недалеко отъ Исаекъ; человекъ ихъ было съ полсотни. Тамъ они просидѣли нѣкоторое время, ихъ никто не трогаетъ, и они никого не тро-

аютъ. Вотъ и надумались они склонить на свою сторону исайковцевъ. Приходятъ въ село. Всѣ на коняхъ, въ одинаковыхъ черткахъ, при сабляхъ, съ ружьями, съ пистолетами, какъ есть оины, да и только! Вошли въ село. Люди смотрятъ на нихъ, бабы лачутъ, дѣти прячутся по бурьянамъ. Остановившись на площади, кабака, стали сзывать исайковцевъ для переговоровъ. Когда собрался народъ, повстанцы стали раздавать золотыя грамоты. Затѣмъ стали они всякою лестью склонять людей, чтобы шли за дно съ ними воевать противъ царя. Исайковцы во всемъ потакали панамъ, а въ особенности, когда паны закупили у жида всю горилку и стали всѣхъ подчивать. Хитрые исайковцы обѣщали (ать имъ помощь, но просили сроку хоть до утра, а тогда ужъ, посоветовавшись между собою, придуть къ нимъ и объявятъ свое настоящее рѣшеніе. Затѣмъ запили могоричь. Повстанцы для обезпеченія взяли съ собою трехъ заложниковъ, самыхъ бойкихъ партей, которые, распивая панскую горилку, наиболѣе имъ потакали. Затѣмъ сѣли на коней и съ пѣснями вышли изъ села; тѣ три заложника ѣхали вмѣстѣ съ ними на своихъ лошадахъ. Приѣхали въ свой лѣсъ; тамъ стоялъ и обозъ съ припасами. Дѣло было къ ючи. Повстанцы принялись кутить на радостяхъ, что такъ легко склонили на свою сторону исайковцевъ. Уже за полночь, хорошо подвыпивши, всѣ улеглись спать, не поставивъ и стражи; никакого войска вблизи не было, такъ они и не боялись нападенія. Да притомъ всѣ поголовно были пьяны. Когда паны заснули крѣпкимъ сномъ, тогда тѣ три заложника встали, сѣли на своихъ лошадей, да еще и панскихъ лошадей умудрились угнать съ собой. Не даромъ же ихъ дразнятъ злодіями,—пояснялъ Уласъ). А паны все спятъ себѣ. Пригнали исайковцы лошадей въ село, а тамъ всѣ люди въ сборѣ, допиваютъ панскую горилку да совѣтуются, какъ бы имъ избавиться отъ напасти. Когда жъ узнали, что напасть спитъ пьяная въ лѣсу, то и порѣшили самимъ справиться съ нею. Кинулись всѣ за оружіемъ: кто съ топоромъ, кто съ косою, кто съ ружьемъ, а кто и просто съ дубиною, сѣли на лошадей — кто на панскихъ, а кто на своихъ, и поѣхали въ лѣсъ. А панки спятъ себѣ. Исайковцы напали на нихъ сонныхъ, и началась расправа! Кровавая расправа!..

Подобнымъ образомъ всѣ шайки были уничтожены то солдатами, то мужиками, но больше мужиками. А которымъ удалось убѣжать и попрятаться, куда кто могъ, такъ тѣхъ еще долго ловили и на веревкахъ водили въ станovou квартиру или въ городъ, въ полицію. Бывало въ городѣ спрашиваютъ: «И откуда берете вы тѣхъ повстанцевъ, что все водите да водите?» А мужики и отвѣчаютъ: «Бабы ходятъ въ лѣсъ грибы собирать, такъ и ихъ тамъ собираютъ».

Уже въ началѣ лѣта нашли на полѣ въ пшеницѣ два трупа

въ повстанскихъ чемеркахъ. Это были мальчики лѣтъ пятнадцать. «Такихъ багачко загинуло на слезы матерамъ», — пояснилъ Уласъ. Трупы начали разлагаться; по запаху ихъ и нашли. Лежали они обнявшись недалеко отъ дороги. Докторъ ихъ рѣзалъ и призналъ, что умерли они съ голоду. Во рту у нихъ нашли колосья невѣрной пшеницы.

3.

Къ польскому возстанію Уласъ относился чрезвычайно серьезно. «Крови много пролилось, а кому какая польза?» Разказчикъ упоминалъ о какомъ-то темномъ предсказаніи «старыхъ людей»: трижды должна земля политься кровью; разъ она полилась еще въ старину, второй разъ вотъ теперь, а третій разъ польется, и тогда настанетъ настоящая правда. Самый фактъ возстанія онъ признавалъ тяжелой Божьей карой полякамъ, за то, что они втеченіе многихъ лѣтъ «згнуцалысь» надъ людьми. Уласъ говорилъ: «Якъ що Богъ захоче найтяжче покаратъ чоловика за грихи, то найпершъ одбере одъ його розумъ». Такъ случилось и съ поляками. Богъ отнялъ у нихъ разумъ, и они пошли войною на царя. Что же могли они сдѣлать противъ царя, противъ всей его силы? А они полагали, что одолѣютъ силу царскую, въ этомъ и видно ихъ безуміе. А еще большее ихъ безуміе видно въ томъ, что они воображали, будто народъ пристанетъ къ повстанцамъ. Никакой народъ, по убѣжденію Уласа, не можетъ идти противъ своего царя. А что поляки пошли противъ царя, такъ они его не считаютъ своимъ царемъ; они вѣдь тоже за своего какого-то тамъ круля...

Во время польскаго возстанія я нѣсколько разъ слышалъ отъ крестьянъ такое выраженіе: «Ляхи боронять своего круля, а мы своего била руська цара!»

4.

Другую легенду я слышалъ раньше польскаго мятежа, именно вскорѣ послѣ 19-го февраля 1861 года, великаго дня освобожденія крестьянъ.

Любопытное было это время: вдругъ совершилось то, о чемъ еще недавно и говорить не смѣли. Послѣ прочтенія воли, всѣ ждали еще чего-то, чего-то особеннаго, небывалаго. Такое настроеніе охватило всѣхъ.

Я былъ тогда студентомъ Кіевскаго университета и поѣхалъ на праздники Свѣтлаго Воскресенія къ родственникамъ въ глубь Украины, на берега Роси. По селамъ только и было разговора, что о волѣ; сколько пришлось мнѣ наслушаться всевозможныхъ разсужденій, анекдотовъ, легендъ и отъ крестьянъ, и отъ помѣщиковъ, все по поводу той же воли. Одна изъ легендъ показалась мнѣ въ высшей степени занимательною, и я ее тогда же записалъ подъ

свѣжимъ впечатлѣніемъ. Я думалъ было, что она затерялась, но недавно нашелъ ее между старымъ хламомъ университетскихъ за-мѣтокъ.

Мнѣ случилось слышать эту легенду при особенныхъ обстоя-тельствахъ.

Послѣ праздникова ѣхалъ я изъ мѣстечка Такиева въ мѣстечко Бѣлую Церковь на крестьянскихъ лошадяхъ. Весь день шелъ теп-лый весенній дождикъ: то перестанетъ на нѣсколько минутъ, то опять пойдетъ. По дорогѣ шло очень много богомольцевъ въ Кіевъ. Время клонилось къ вечеру, когда дождикъ окончательно пересталъ, тучи разсѣялись, выглянуло солнце. До Бѣлой Церкви намъ оста-валось еще верстъ десять. Извозчикъ мой порѣшилъ остановиться на часъ возлѣ кабака покормить лошадей. Небольшая комната кабака была полна народу; крикъ, грязь, спертый воздухъ. Я пред-почелъ оставаться на дворѣ. Здѣсь воздухъ душистый, съ неба такъ и льются пѣсни жаворонковъ, соловьи въ кустарникахъ такъ и за-ливаются. По дорогѣ вереницей тянутся богомольцы.

Возлѣ самага кабака была роща, огороженная плетнемъ. Двое крестьянъ поправляли плетень.

Такъ какъ въ то время еще не было изобрѣтено «хождение въ народъ», поэтому студенты нашего университета (разумѣю мало-россовъ) ходили въ народъ, вовсе не предполагая и даже не дога-дываясь, что совершаютъ нѣчто чрезвычайное. Впрочемъ, никто изъ насъ не воображалъ себя просвѣтителемъ народа, а смиренно сознавалъ, что не имѣетъ такихъ идей, которыя могъ бы пропа-гандировать въ народѣ. Напротивъ, мы пользовались каждымъ слу-чаемъ, чтобы самимъ послушать рѣчей «изъ устъ народа»; въ «Основѣ», малороссійскомъ журналѣ того времени, былъ даже осо-бый отдѣлъ съ такимъ заглавіемъ. У рѣдкаго изъ насъ, студен-товъ, не было этнографическаго матеріала, самолично собран-наго. Впослѣдствіи этотъ матеріалъ составилъ цѣлые томы въ из-даніяхъ императорскаго географическаго Общества, не говоря уже о множествѣ частныхъ изданій.

Послѣ сказаннаго понятно, что я, имѣя часъ свободнаго вре-мени, воспользовался случаемъ и подошелъ къ помянутымъ двумъ крестьянамъ побесѣдовать. Послѣ обычнаго «Боже помози!» я всту-пилъ съ ними въ разговоръ. Одинъ изъ нихъ былъ очень слово-охотливъ. Оказалось, что они помѣщичьи, что изъ сосѣдняго села ихъ «выгнали» (обычное выраженіе при крѣпостномъ правѣ) че-ловѣкъ десять очищать сѣнокосъ въ рощѣ и исправлять ограду. Разговоръ тотчасъ же перешелъ на «волю», прочитанную въ цер-квахъ. Собесѣдникъ сталъ спрашивать меня, что слышно на счетъ разныхъ подробностей новой «воли». Но оказалось, что я зналъ слишкомъ мало для того, чтобы удовлетворить любознательность крѣпостныхъ людей. Между прочимъ, мой собесѣдникъ сообщилъ,

что еще никогда не шло такъ много богомольцевъ въ Кіевъ, какъ теперь; онъ пояснилъ, что такъ и должно быть: всѣ слѣдуетъ поклониться святымъ угодникамъ и поблагодарить Господа Милосерднаго, что ниспослалъ людямъ волю. При этомъ онъ нѣсколько разъ упомянулъ, что всѣмъ слѣдуетъ молиться за душу той женщины, которая въ зубахъ несла обѣдъ мужу. Я выразилъ недоумѣніе относительно таинственной женщины; тогда онъ спросилъ: «По какому же поводу царь далъ волю?» Я не зналъ, что и отвѣчать на мудреный вопросъ. Крестьянинъ удивился, что я такъ мало въ этомъ свѣдущъ; между тѣмъ даже въ ихъ селѣ всѣмъ извѣстно о женщинѣ, что несла въ зубахъ обѣдъ мужу, объ ней и богомольцы рассказываютъ, да и въ газетахъ было напечатано. Когда же я сознался, что въ газетахъ ничего подобнаго не встрѣчалъ, то онъ принялъ меня за человѣка неособенно книжнаго. По моей просьбѣ, крестьянинъ съ видимымъ удовольствіемъ принялся рассказывать о событіи, послужившемъ причиной освобожденія крестьянъ.

Сначала онъ говорилъ, продолжая работать. Но по мѣрѣ того, какъ увлекался рассказомъ, забывалъ о работѣ, а къ концу разсказа и вовсе оставилъ ее. Молчаливый товарищъ его также оставилъ работу и съ трубочкой въ зубахъ внимательно слушалъ...

Мнѣ пришлось услышать легенду, которая произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Я привожу ее въ русскомъ переводѣ.

5.

Жилъ въ селѣ панъ, а у того пана экономъ, да такой лютый, такой лютый для людей, что не дай Господь! Тотъ экономъ былъ падохъ до женщинъ. Хоть у самого жена была и дѣти, а, всетаки, отъ него ни одной красивой женщинѣ на селѣ не было житья: люди подневольные, а панъ жилъ гдѣ-то тамъ въ Петербургѣ или за границей,—такъ ему была своя воля надъ людьми.

Была въ томъ же селѣ одна очень красивая молодлица, и мужъ у нея былъ; недавно поженились, и ребенка маленькаго имѣли. Такъ эта самая женщина и запала ему въ глаза, потому что была красавица, какихъ рѣдко. Только жъ она, какъ тамъ экономъ къ ней ни подбирался,—и не приступу! А онъ, Иродъ, всетаки, хочетъ поставить на своемъ,—не отстаетъ да и только...

Вотъ однажды приказалъ выгнать ее на работу къ себѣ во дворъ вмѣстѣ съ другими. Тамъ приказали имъ полоть огурцы на огородѣ. А жены того эконома не было дома—поѣхала въ костель съ дѣтьми, потому что былъ какой-то панскій праздникъ. Они полютъ огурцы, а онъ все навѣдывается въ огородъ. Потомъ посылаетъ эту женщину, чтобы она пошла въ садъ и нарвала въ тарелку малины. Только-что вошла она въ кусты малины, какъ и онъ является, да къ ней... Она на утекъ, онъ поймавъ, не пу-

скаеть... Она кричитъ, вырывается отъ него; а онъ, безстыжій, не пускаеть... Только на его бѣду въ эту самую минуту его жена проѣжала мимо огорода изъ костела, а дорога шла подъ плетнемъ возлѣ малинника, а плетень низенькій. Она услышала крикъ и догадалась: выпрыгнула изъ экипажа, да черезъ плетень, а дѣти ее перегоняють... Да тамъ они его и накрыли, какъ онъ возжался съ женщиной, а та не дается да кричитъ благимъ матомъ, такъ что и люди со двора стали сбѣгаться. Онъ же ничего не видитъ— такъ разгорячился. Пани и схватила его сзади за патлы—тянетъ, не выпускаеть. Та молодица вырвалась отъ него— такая растрепанная... Дворовые сбѣжались, смотреть, какъ пани таскаетъ пана за волосы, — и дѣти ихъ здѣсь. Такой срамъ вышелъ ему черезъ эту женщину!

Приходить она домой и уже не хвалится передъ мужемъ, какое съ ней приключилось. Потомъ люди ему рассказали, потому что все село узнало объ этомъ. Вотъ онъ и говоритъ женѣ:

— Голубонько ты моя любая, ждно ты моя вирная! лышенко намъ зъ тобою! Теперь же той гаспыдъ клятый лютоватыме надъ нами, несчастлывымы! Горенько намъ зъ тобою!..

Да такъ и случилось!

Настала жатва. Приказываютъ мужикамъ ячень косить, а женамъ ихъ выходить со связалами тотъ ячень вязать. Пошелъ тотъ человѣкъ еще съ вечера, чтобы на полѣ ночевать возлѣ табуна лошадей, чтò выпустили на убранный поле пшеницы.

Встала молодица на разсвѣтѣ, сварила мужу обѣдъ и собирается идти. Только никакъ не соберется: нужно и связла забрать, и горшокъ съ обѣдомъ взять, нужно ребенка нести и его люльку нести, да еще и поспѣшать необходимо. Вотъ же она и собралась: на плечи поцѣпила люльку, на лѣвую руку взяла ребенка, а въ правую связла, горшокъ же съ обѣдомъ въ платочкѣ взяла въ зубы. Да такъ и идетъ, поспѣшаетъ.

Только-что вышла изъ село, какъ видитъ: по дорогѣ ѣдутъ золоченныя кареты, кареты за каретами; она остановилась, удивляется. А это ѣхалъ царь осматривать царство. Увидѣлъ царь эту женщину и очень удивился, что у нея люлька на плечахъ, ребенокъ въ одной рукѣ, солома въ другой и горшки въ зубахъ.

Очень удивился царь и спрашиваетъ губернатора:

— Что это за женщина такая?

— Это у насъ,—отвѣчаетъ губернаторъ,—такая сумасшедшая; ходитъ она по полямъ и никому никакого вреда не дѣлаетъ, такъ ей и не препятствуютъ ходить по полямъ.

Ямщикъ, чтò сидѣлъ на козлахъ, и услышалъ этотъ ихъ разговоръ,—услышалъ, что все неправда, что говорилъ губернаторъ; да только на ту пору Богъ не далъ ему смѣлости обозваться: не насталь еще слушный часъ.

А та женщина и не знаетъ, что царь на нее смотритъ и объ ней разспрашиваетъ. Постояла она немного, засмотрѣлась, а какъ кареты проѣхали, она и пошла дальше.

Наконецъ, приходитъ она на поле, а экономя ужъ тамъ—разъѣзжаетъ верхомъ на конѣ и гремитъ на людей. Только-что прицѣпила она подъ грушей люльку и хотѣла покормить ребенка, а онъ подлетѣлъ къ ней.

— А зачѣмъ ты, — кричитъ на нее: — зачѣмъ ты всякая-токая такъ поздно вышла на работу?! Ждешь, пока солнце припечетъ?— вотъ я тебя припеку!

Отвязалъ отъ сѣдла розгу, позвалъ людей поддержать, и высѣкъ ее, какъ самъ хотѣлъ. А потомъ и приказываетъ:

— Смотри же! если не навяжешь столько сноповъ, какъ и всѣ, такъ еще проучу.

Заплакала она и принялась вязать. Такъ трудится, такъ трудится—и спины не разгибаетъ. Слышитъ эта мать, что голодный ребенокъ ея въ люлкѣ все кричитъ, а она не смѣетъ оставить работу, чтобы его покормить. Потомъ посмотрѣла и видитъ, что экономя уже уѣхалъ. А онъ не уѣзжалъ, а только спрятался за курганъ, и оттуда слѣдитъ за ней. Тогда она бросилась къ ребенку, чтобы покормить его. Только-что сѣла съ ребенкомъ подъ грушей, а экономя и выѣзжаетъ изъ-за кургана, да прямо къ ней.

— Такая съ тебя работа? — кричитъ на нее: — не успѣлъ я отвѣхать, а ты и отдыхать!

Отвязалъ розгу отъ сѣдла, и высѣкли ее во второй разъ. Заплакала она горько и принялась опять за работу. Уже она старается и не слушать, какъ ребенокъ кричитъ; съ ногъ валится, а все снопы вяжетъ.

Вечеромъ опять приѣхалъ экономя смотрѣть, что кто сдѣлала. А у той женщины сколько-то сноповъ и не хватило. Такъ онъ опять высѣкъ ее и въ третій разъ.

Вечеромъ возвращаются люди съ панцины домой, и женщина та идетъ, едва ногами ступаетъ; мужъ несетъ и ребенка, и люльку, Приближаются они къ своему селу и идутъ черезъ плотину.

Здѣсь она остановилась возлѣ мельницы и говоритъ мужу: «Дай мнѣ ребенка, а то я его и на рукахъ мало держала». Онъ и далъ. Она его прижала къ сердцу, плачетъ и спрашиваетъ:

— Будутъ ли и надъ нимъ такъ глумиться, какъ это надъ нами?

Мужъ ничего ей не отвѣчаетъ на это; и люди всѣ молчатъ; хоть жалѣютъ ее всѣ, да молчатъ. Тогда она сама отвѣтила:

— Такъ нѣтъ же! Нѣтъ! никто не дождетъ истязать мое родное дитя!—сказала, да такъ съ ребенкомъ и бросилась въ воду, въ самую быстрину. Мужъ взглянулъ на это—да вслѣдъ за нею... Люди кинулись было спасать, такъ въ водѣ сразу и не видно

стало ни мужа, ни жены. Немного ниже мельницы теченіе ихъ вынесло на берегъ всѣхъ трехъ, да уже мертвыми: она прижмается къ груди свое дитя, а онъ обоихъ обнялъ, да такъ они и закоченѣли.

Потомъ ихъ тамъ же и похоронили на берегу рѣки и насыпали надъ ними три кургана: два высокыхъ, а третій маленькій. И такъ Господь далъ, что какъ только насыпали эти курганы, то они въ одну ночь и позеленѣли. Кругомъ на берегу бѣлый песокъ, а три кургана покрылись зеленой муравкой. Чудо Божье!

Черезъ какое тамъ время, уже осенью, возвращается царь съ объѣзда домой, къ себѣ въ столицу. Пришлось ему ѣхать черезъ то самое село: такъ Господь и путь его направлялъ; тотъ же ямщикъ, чтó и прежде, на козлахъ сидѣлъ. Только ѣдутъ они плотной, а царь и замѣтилъ тѣ три кургана и спрашиваетъ губернатора:

— Что это за курганы стоятъ, что кругомъ ихъ песокъ бѣлый, а они зеленѣютъ муравкой?

— Это панъ здѣшняго села выложилъ ихъ дерномъ, чтобы поселить твои царскія очи, какъ ты будешь проѣзжать.

Ямщикъ все это слышитъ. Тогда далъ ему Господь смѣлость въ сердце, и думаетъ онъ: «Такъ вотъ какъ они обманываютъ нашего царя! Открою жъ ему всю правду: что бы тамъ со мною ни было, а, всетаки, открою».

Остановились на станціи. Царь пошелъ въ комнаты, а ямщики принялись перепрягать лошадей. Какъ только все было готово, такъ ямщикъ вошелъ въ комнату, гдѣ былъ царь, сталъ у порога и кланяется. Царь далъ ему цѣлый червонецъ на водку, что везъ хорошо. Взялъ онъ червонецъ, всетаки не идетъ, — кланяется до земли. Царь очень удивился и спрашиваетъ:

— Чего же ты еще хочешь?

— Хочу, — говоритъ онъ: — правду сказать тебѣ, да не смѣю, пока не велишь.

— Какую правду? — говори.

Вотъ и началъ ямщикъ все рассказывать по порядку: и о той женщинѣ, чтó видѣлъ царь, какъ она несла въ зубахъ горшки съ объдомъ, и про тѣ курганы, чтó среди песковъ бѣлыхъ, да позеленѣли. Какъ выслушалъ царь все до конца, такъ не вытерпѣлъ и горько заплакалъ. Потомъ «ударывся объ полы рукамы» и говорить:

— И не зналъ я, и не думалъ, что паны творять моимъ людямъ такую великую кривду... Ну, — говоритъ царь: — спасибо же тебѣ, великое спасибо, что ты мнѣ открылъ глаза!.. Поѣзжай же ты, говорить, домой, да расскажи людямъ, чтобы они больше не горевали: не пройдетъ и года, и если только Господь милосердый продлитъ мою жизньъ, то я всѣхъ людей въ своемъ царствѣ выпущу на волю.

Да такъ оно и случилось по царскому слову: осенью онъ сказалъ то слово, а еще и весна не настала, какъ уже въ церквахъ прочитали волю. Потомъ царь приказалъ и въ газетахъ напечатать объ той женщинѣ, что въ зубахъ несла мужу обѣдъ.

Такъ заключилъ свою легенду крестьянинъ. Между тѣмъ къ концу рассказа вышли изъ роши и подошли къ намъ еще около десяти крестьянъ, съ топорами, граблями, лопатами. Они стояли здѣсь же и внимательно слушали повѣсть о страданіяхъ послѣдней жертвы крѣпостнаго права.

Когда рассказчикъ окончилъ, наступила минута всеобщаго молчанія. Солнце только-что скрылось, заря ярко горѣла. Жаворонокъ пѣлъ послѣднюю вечернюю пѣсню; за то вся роща огласилась соловьями. Одинъ изъ нихъ заливался въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Всѣ мы не то слушали пѣвца, не то погружены были въ собственные мысли и чувства, вызванныя печальной повѣстью. Никогда не забуду этой торжественной минуты. Мнѣ хотѣлось плакать и отъ скорби о народныхъ страданіяхъ, только-что отошедшихъ въ безвозвратное прошлое, и отъ радостной надежды на свѣтлую будущность.

Уже двадцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; тѣмъ не менѣе, переписывая эту легенду, я опять переживаю свои юношескія чувства...

Нѣкоторое время слышались только тихіе вздохи. Потомъ слѣдовали замѣчанія о несчастной женщинѣ, которая всего лишь полгода не дождала до воли.

— Да и мало ли такихъ погибло? — замѣтилъ одинъ, и всѣ согласились.

— А можетъ быть, если бы она не погубила своей жизни, то и воли вовсе не было бы, а осталось бы все попрежнему? — высказалъ свое предположеніе другой, и опять всѣ согласились.

— Такъ ужъ все это Богъ устроилъ! Такъ было Богу угодно! — единодушно и единомысленно согласились всѣ.

Затѣмъ явились и дополненія къ легендѣ. Кто-то изъ слушателей сообщилъ, что крестьяне, какъ только имъ прочитана была воля, тотчасъ же поставили на курганахъ три креста: два высокыхъ-высокихъ, а одинъ маленькій. Другой дополнилъ, что большіе кресты — черные, а маленькій — бѣлый весь. Еще кто-то дополнилъ, что изъ сосѣдняго села люди «цѣлою громадою» ходятъ туда править панихиды.

Такимъ образомъ передо мной хотя немного раскрывалась тайна народнаго творчества, процессъ котораго совершался тутъ же, при яркомъ пламени вечерней зари, подъ звуки пѣсенъ соловья и жаворонка. Каждому изъ приведенныхъ дополненій всѣ вѣрили, какъ факту, начиная съ того лица, которое дѣлало дополненіе. Всѣ вѣрили и въ легенду, и въ дополненія къ ней, всѣ видѣли въ

этомъ живую дѣйствительность... Одинъ я видѣлъ въ разсказѣ только легенду, только плоды народнаго творчества. Я чувствовалъ себя какъ бы отрѣзаннымъ ломтемъ среди этихъ людей. Грустныя мысли навѣяло на меня сознание духовнаго одиночества въ кругу роднаго народа, среди котораго я выросъ, на сказкахъ и пѣсняхъ котораго воспитался!.

6.

Около десяти лѣтъ тому назадъ я былъ знакомъ въ Киевѣ съ однимъ военнымъ фельдшеромъ, Я. И. Л—ко. Онъ былъ тогда уже въ отставкѣ и на старости лѣтъ пришлось ему переимѣнить военно-медицинское поприще на педагогическое: онъ состоялъ дядькой въ одномъ закрытомъ учебномъ заведеніи. По служебнымъ обязанностямъ мнѣ приходилось съ нимъ часто встрѣчаться. Я любилъ иногда побесѣдовать съ нимъ: онъ началъ свое служебное поприще еще при императорѣ Николаѣ, имѣлъ что поразсказать... У меня записанъ одинъ его разсказъ, который слѣдуетъ отнести тоже къ легендамъ, хотя, по убѣжденію разсказчика, это истинное происшествіе. Здѣсь рѣчь идетъ о царѣ грозномъ.

Я. И. Л—ко (не знаю, гдѣ онъ теперь, и живъ ли еще?..) человекъ довольно грамотный, потому и разсказъ его не имѣлъ уже той эпической простоты, которой читатель не могъ не замѣтить въ приведенной выше легендѣ—о царѣ милостивомъ.

7.

Въ старину, говорятъ, въ кievскомъ военномъ госпиталѣ были совсѣмъ не тѣ порядки, что теперь; не то что казеннаго добра не щадили: «у царя, молъ, много денегъ!»—такъ разсуждали тогда, и тысячами загребали въ свои карманы казенныя денежки... а и солдатскимъ грошомъ не брезгали, ото рта больныхъ урывали! И все это у нихъ было шито-крыто, одинъ другаго бережетъ и покрываетъ, потому извѣстно: всѣ однимъ муромъ мазаны.

Много ли, долго ли такія дѣла творились; только и попадись въ госпиталь какой-то докторишка, самая, знаете, что ни есть мелюзга. Назначили его какимъ-то, какъ говорится, исправляющимъ должность наивладшаго помощника при самомъ младшемъ докторѣ. Послужилъ онъ тамъ нѣкоторое время, потрудился, а на такихъ, знаете, всегда взваливаютъ наибольше работы. Скоро онъ до подлинности разузналъ всѣ эти ихніе порядки. Ну, а какъ только разузналъ, такъ и возмутился: «я, говорить, не могу! я, говорить, царю присягалъ!»... и все, знаете, въ такомъ же родѣ. Стали его урезонивать, да научать въ свою науку. А онъ ничего этого не принимаетъ, да все свое: «я, говорить, не могу! я, говорить, царю

присягаль!» Тогда посмѣялись надъ нимъ: «коли, говорить, не можешь, такъ и не надо!»

Вскорѣ послѣ этого его и спланили: это у нихъ дѣлалось живѣ!

Вотъ этотъ самый докторишка на свободѣ и описалъ все, что только творится въ госпиталѣ,—до наименьшихъ подробностей все описалъ. Не знаю уже какими путями, только это его описаніе и дошло до государя, до самого императора Николая Павловича. А государь въ это время собирался въ Кіевъ; такъ онъ никому ничего и не сказалъ, и держалъ все въ величайшей тайнѣ: хотѣлъ самъ все повѣрить, ни на кого не полагаясь.

Пріѣзжаетъ это государь въ Кіевъ. Вездѣ, во всѣхъ учрежденіяхъ приготовляются; всѣ трепещутъ: покойникъ, знаете, строго былъ ко всѣмъ этимъ неправдамъ. Такъ вотъ вездѣ и пошла такая чистка да переборка, что упаси Господи! Извѣстно, трепещутъ! Больше всего было этой чистки въ госпиталѣ. Сюда-то прежде всего и подкатилъ государь. А здѣсь уже все такъ вычистили, что одинъ блескъ. Подъѣхалъ... Тротуары всѣ бѣлымъ песочкомъ высыпаны, двери настезь, передъ дверью все начальство тоже блеститъ, вытянулось въ струнку, и не шевелится ни одинъ. Старшій докторъ подлетѣлъ съ рапортомъ. Государь выслушалъ молча, смотритъ на генерала такъ серьезно, строго. Затѣмъ, вошелъ въ парадную дверь и пошелъ по корридору, минуя всѣ двери, все прямо, прямо, да тамъ уже въ концѣ была лѣстница, а подъ лѣстницей чуланъ, запертый на ключъ. Государь остановился.

— Что здѣсь?—спросилъ.

Ему что-то тамъ лепечуть...

— Отпереть!

Всѣ такъ и похлоли; ищутъ ключа, и никто не вспомнить, гдѣ и у кого ключъ отъ чулана.

— Ну!—молвить государь, и бровью двинулъ.

Такъ сразу у всѣхъ и память явилась, вспомнили, у кого и гдѣ ключъ, мигомъ отперли. А тамъ было навалено кучами платье и бѣлье, въ которомъ обыкновенно держали больныхъ. Для ревизіи, знаете, у нихъ было все, какъ слѣдуетъ быть, хорошее, исправное. Къ пріѣзду государя все это и повынимали изъ шкафовъ, а въ чуланъ свалили все то, въ чемъ больные были обыкновенно.

Какъ посмотрѣлъ государь въ чуланъ...

— Что это?—спросилъ.

Всѣ такъ и замерли, лепечуть: «обноски... грязное бѣлье»... А тамъ все это такое грязное, рваное, словомъ, одна мерзость.

— Когда это сняли?—спросилъ.

— Позавчера...—отвѣчаютъ.

Такъ сразу и признались. Покойному государю, коли онъ бывалъ въ грозѣ, никто не могъ солгать: такая у него ужъ сила была, и въ глазахъ, и въ голосѣ такая сила; глаза были такіе

трогіе, голосъ былъ такой могучій! Противъ своей воли пови-
нисься, хоть бы потомъ за это и на эшафотъ.

Самолічно осматрѣлъ государь весь тотъ хламъ въ чуланѣ, а
тамъ всякой этой нечисти, грязи! Осматрѣлъ, и хоть бы слово! Всѣ
еще пуще ужаснулись: ужъ коли молчить, такъ быть грозѣ ве-
ликой!

Приказалъ вести себя въ аптеку.

А тамъ-то всѣ эти бутылочки, ящички, ярлычки — просто за-
глядѣнье! И не посмотрѣлъ, а потребовалъ аптечныя книги. По-
дали.

— Покажите, сколько въ наличности хины?

Показали въ книгахъ итоги, а тамъ всѣ эти цифры выведены
четко да красиво.

— Покажите хину.

Посмотрѣлъ, взялъ на ладонь, растеръ пальцами, попробовалъ
на языкъ.

— Не слишкомъ же горька ваша хина, — процѣдилъ сквозь
зубы.

Всѣ и помертвѣли. А тамъ была не хина, а такъ какая-то
дрянь, которую давали вмѣсто хины.

Изъ аптеки идетъ въ палаты къ больнымъ, и всѣ за нимъ,
блѣдные такіе, какъ будто приговоренные уже. Всѣ больные въ
чистомъ бѣльѣ, лежатъ на чистыхъ постеляхъ, какъ куколки; а
которые выздоравливающіе, вытянулись въ струнку... Государь про-
шелъ и не взглянулъ; только уже у послѣдней койки вдругъ оста-
новился; тамъ стоялъ выздоравливающій, государь къ нему.

— Раздѣнься! — говорить.

Раздѣлся и сталъ голый во фрунтъ. А у него все тѣло испа-
рапано. Государь спросилъ:

— Вши искусаля?

— Точно такъ, ваше императорское величество! — такъ и отра-
портовалъ.

— Когда чистое бѣлье надѣлъ?

— Позавчера, ваше императорское величество.

— А въ томъ долго былъ?

— Съ мѣсяць будетъ, ваше императорское величество.

Государь ни слова, и не взглянулъ ни на кого, пошелъ дальше.
А госпитальные-то всѣ, что на смерть приговоренные, что на по-
роховомъ ящикѣ, коли огонь подкладываютъ: вотъ-вотъ взорветъ,
и всему конецъ. Когда бы хоть взрывало скорѣй... Такъ нѣтъ же!
государь ходить не спѣша и все молчить; только видъ у него та-
кой, знаете, строгій, строгій!

Вошли въ кухню. Тамъ тоже чистота да порядокъ во всемъ.
Дѣло было къ обѣду. Все изготовили, что есть наилучшаго: супъ
куриный для трудныхъ, хлѣбъ бѣлый, хлѣбъ черный, — все, знаете,

хоть на выставку. Но ужь, видно, пошло имъ на несчастье!.. Взял государь бѣлый хлѣбъ и разломалъ пополамъ... А тамъ тараканъ! Этакой, знаете, тараканище—въ одной половинкѣ такъ и чернѣетъ весь. Государь строго взглянулъ на старшаго доктора, тотъ и онѣмѣлъ. Государь ткнулъ ему въ руки половинки съ тараканомъ и спросилъ:

— А это что?

А тотъ ни гласу, ни послушанія; и глазами ужь не хлопаетъ, а такъ, знаете, въ безсмысліи и пребываетъ. Государь смотритъ на него строго и ждетъ отвѣта. Старшій докторъ эту самую половинку и сунулъ въ руки помощнику своему: впалъ, знаете, въ полное безсмысліе. Помощникъ, какъ только увидѣлъ въ своихъ рукахъ таракана, такъ и самъ вдругъ задрожалъ и впалъ въ безсмысліе, да и сунулъ эту половинку хлѣба третьему, кто тамъ былъ у нихъ помладше. Третій, чуть только попалъ къ нему въ руки проклятый тараканъ, тоже задрожалъ и впалъ въ безсмысліе. Только этакъ, знаете, и ходитъ тараканъ изъ рукъ въ руки—и всѣ отъ него какъ шальные дѣлаются.

Видя такое ихъ всѣхъ безсмысліе и безгласіе (этого онъ терпѣть не могъ), государь Николай Павловичъ наморщилъ лобъ и грянулъ:

— Да что же это такое?

Всѣ такъ и окаменѣли, просто истуканами подѣлались, и не дышутъ, и сердце ужь не бьется...

Но тутъ неожиданно вышелъ необычайный случай.

Въ кухнѣ былъ тамъ одинъ отставной фельдфебель, что порціи раздавалъ: этакій, знаете, мужчина могучій, огромный, усищи съдые, вся грудь въ крестахъ, въ медаляхъ всякихъ, на лбу шрамъ отъ турецкой сабли. Такъ вотъ, когда тараканъ сталъ переходить изъ рукъ въ руки, отъ старшаго къ младшему, такъ попалъ послѣ всѣхъ и къ этому фельдфебелю. Государь въ это самое время и спросилъ: «Да что же это такое?» Вотъ фельдфебель тотчасъ и отчеканилъ:

— Изюмъ... ваше императорское величество!

Да съ этими словами выковырнулъ пальцемъ таракана, и прямо его себѣ въ ротъ! Только и видѣли, какъ тараканъ мигнулъ у всѣхъ передъ глазами, только и слышали, какъ тараканъ затрещалъ на зубахъ у фельдфебеля. Самъ государь Николай Павловичъ пришелъ въ удивленіе отъ такой его смѣлости, посмотрѣлъ на него пристально, посмотрѣлъ и спрашиваетъ (да ужь безъ грозы):

— Какой же это изюмъ?

— Сладкій, ваше императорское величество!—громко и отчетливо отрапортовалъ фельдфебель, проглотивъ изюмъ...

И что же вы думаете? Всѣ замѣтили, какъ гроза у государя стала проходить.

Вскорѣ послѣ этого вышелъ онъ садиться въ экипажъ. Начальство выстроилось на улицѣ, ждетъ своей участи. Государь посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ строго:

— Скверно!.. Гадко!..

Сѣлъ въ коляску и тогда спросилъ:

— А старикъ этотъ гдѣ?

— Я здѣсь, ваше императорское величество!—отвѣтилъ фельдфебель, выскакивая изъ-за начальничьихъ сплнъ.

— А ты у меня смотри, — сказалъ государь, погрозивъ пальцемъ: — смотри, чтобы впредь хлѣбъ былъ безъ сладкаго изюма: можетъ и повредить...

— Ради стараться, ваше императорское величество!

Разсказываютъ еще, что послѣ этого государь потребовалъ къ себѣ и того докторишку, и сказалъ ему царское спасибо, да еще прибавилъ и царское слово:

— Знай же и помни, что одинъ маленькій честный человѣкъ въ силахъ ниспровергнуть въ прахъ сотню наибольшихъ негодяевъ.

8.

Я. И—чѣ вѣрилъ, до глубокой старости вѣрилъ, что одинъ маленький честный человѣкъ въ силахъ ниспровергнуть въ прахъ сотню наибольшихъ негодяевъ...

Два раза мнѣ случилось прослушать весь приведенный разсказъ, и оба раза Я. И—чѣ говорилъ съ одинаковымъ увлеченіемъ; это былъ любимый его разсказъ. Особенно одушевлялся онъ, когда говорилъ о томъ, какъ начальство передъ государемъ трепетало, замирало и впадало въ безсмысліе и безгласіе; въ это время онъ просто таялъ отъ восторга. Я. И—чѣ самъ изъ кантонистовъ; долго и тяжело приходилось ему страдать отъ несправедливости начальства; понятно, что безсильные и обиженные должны были находить отраду и утѣшеніе въ подобныхъ легендахъ и анекдотахъ.

Приведенная легенда можетъ показаться незаконченной: въ ней ничего не говорится о дальнѣйшей судьбѣ провинившихся; можетъ явиться даже предположеніе, что преступники помилованы, вслѣдствіе шутовской выходки фельдфебеля. Но такое разсужденіе ошибочно. Для вѣрнаго сужденія надо стать на народную точку зрѣнія. Съ этой точки виновные въ легендѣ наказаны, и наказаны жестоко. Отъ страха они блѣднѣютъ, замираютъ, впадаютъ въ безсмысліе и безгласіе, злодѣянія ихъ публично, при всѣхъ, обличены самимъ государемъ, и эти гордые генералы обращены въ ничто, грязныя душонки ихъ обнажены при всѣхъ, и они даже не сдѣлаются закрытыя, они только проявляютъ какой-то идиотическій испугъ.

Для обиженныхъ Я. И.—чей вовсе на важно, останутся ли ихъ обидчики на службѣ, или будутъ сосланы въ Сибирь; для нихъ вполне достаточно того, что случилось. Больше имъ ничего не нужно; они отомщены. Они удовлетворены безмыслиемъ и безгласиемъ растерявшагося начальства. Ихъ радуетъ грандіозная фигура смѣлаго фельдфебеля, рядомъ съ жалкими фигурами поповшихся генераловъ. Цѣль ихъ, этихъ обиженныхъ, вполне достигнута: грозный царь узналъ всё неправды, кривды и обиды, онъ, грозный, самъ все видѣлъ и все изслѣдовалъ, и онъ все разберетъ по своему разуму и по Божьей правдѣ. Царь узналъ все, и обиженные уже спѣшатъ торжествовать полную, блестящую побѣду надъ обидчиками.

9.

Народъ украинскій преданъ царю непоколебимо, онъ вѣрить царю безусловно; объ этомъ знаетъ каждый, кому случалось бесѣдовать по душѣ съ нашимъ мужикомъ. Приведенныя легенды служатъ образнымъ выраженіемъ народнаго царизма; изъ нихъ двѣ послѣднія изображаютъ двѣ стороны одной идеи: для обиженныхъ и угнетенныхъ (то есть для народа) царь милостивъ и ласковъ, а для злыхъ и неправедныхъ (то есть для обидчиковъ и угнетателей народа) царь грозенъ и страшенъ. Провинившіеся генералы трепещутъ предъ царемъ, а фельдфебель съ нимъ шутки шутить.

Неправда можетъ существовать только тайно отъ царя, и существовать до тѣхъ только поръ, пока не узнаетъ объ ней царь: таково убѣжденіе народа. Украинскій народъ вѣрить въ Божью правду и въ ея конечное торжество надъ неправдой. Правда желательна мужику потому, что въ ней его благо; неправда желательна притѣснителямъ мужика, потому что въ ней ихъ выгода. Царь — высшій представитель Божьей правды на землѣ; поэтому все, что бы ни дѣлалось для блага мужика, непременно исходить отъ царя, а все, что клонится ко вреду мужика, совершается помимо или вопреки царской волѣ. Другъ мужику — другъ и царю, врагъ мужику — врагъ и царю; и наоборотъ: кто другъ царю, тотъ добръ и милостивъ къ мужику; а кто врагъ царю, тотъ безсовѣстно обижаетъ мужика.

Таковъ катехизисъ украинскаго царизма. Сказанное можно иллюстрировать множествомъ примѣровъ.

Расправляясь съ повстанцами въ 1863 году, народъ считалъ ихъ въ такой же мѣрѣ собственными врагами, какъ и врагами царя.

Въ послѣдніе годы царствованія Николая Павловича, обширный бунтъ крестьянъ, охватившій Тарацанскій и Васильковскій уѣзды Киевской губерніи, сопровождался истязаніями сельскихъ священниковъ за то, что они будто утаиваютъ царскій указъ объ уни-

чтоженіи крѣпостнаго права и о припискѣ крестьянъ въ казаки.

Всѣ такъ называемые крестьянскіе бунты и крестьянскія недоразумѣнія всегда сопровождались посылкой крестьянами ходатаевъ къ царю съ жалобой на притѣсненія пановъ и на безчинство подкупленнаго ими начальства. Народъ пренаивно считалъ бунтовщиками и этихъ пановъ, и это начальство, а вовсе не себя.

Мнѣ случилось имѣть въ рукахъ подлинное дѣло о бунтѣ крестьянъ въ селѣ Алексинецъ (Кременецкаго уѣзда, Волынской губерніи) при введеніи уставныхъ грамотъ. Изъ дѣла видно, что было арестовано два или три ходатая, посланныхъ крестьянами одинъ послѣ другаго съ жалобой къ царю. При дѣлѣ имѣется и перехваченная полиціей телеграмма, которую жители села Алексинецъ, послѣ ареста ходатаевъ, отправили къ императору австрійскому съ просьбой, чтобы онъ передалъ русскому царю, какъ своему родственнику, о тѣхъ неправдахъ, какія причиняють народу паны купно съ начальствомъ.

Въ 1866 году, по распоряженію кіевскаго генералъ-губернатора Безака, полиція стала вытаскивать кресты, которые у насъ издавна ставятся народомъ на перекресткахъ дорогъ. Кресты эти обыкновенно освящаются священниками и чтутся народомъ наравнѣ съ иконами; но тогдашняя администрація усмотрѣла въ этихъ крестахъ вліяніе католицизма... Какъ же отнеслись къ этому мѣстные крестьяне? Они были крайне огорчены, потому что видѣли въ этомъ поруганіе своей святыни; они порѣшили, что полиція дѣйствовала вслѣдствіе подкупа поляковъ, мстившихъ мужикамъ за ихъ участіе въ усмиреніи польскаго повстанія.

Въ тяжкія години общественныхъ бѣдствій, украинцевъ поддерживаетъ глубокая вѣра, что правда, всетаки, восторжествуетъ для блага мужика, и что это торжество можетъ доставить народу не кто иной, какъ царь.

А. И. Лоначевскій.

КАКЪ БЫЛИ ПРОДАНЫ СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА ИСАГОВУ.

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ время, когда каждая мелочь, касающаяся исторіи сочиненій Пушкина, приобретаетъ огромную важность, когда каждая заслуга или каждое упущеніе по разработкѣ Пушкинскаго текста выставляется на видъ и принимается къ свѣдѣнію, мы думаемъ, что будетъ очень кстати напомнить о томъ, что было сдѣлано покойнымъ

Н. В. Гербелемъ для сохраненія Пушкинскаго текста, для очищенія его отъ всякихъ постороннихъ примѣсей и добавленій, и вообще для Пушкинской библиографіи.

Съ самой ранней юности, Гербель былъ страстнымъ поклонникомъ Пушкина и работалъ надъ пополненіемъ Пушкинскаго текста вариантами, а къ началу 50-хъ годовъ былъ уже однимъ изъ лучшихъ знатоковъ всего, что было Пушкинымъ или о Пушкинѣ написано и напечатано въ русской литературѣ и журналистикѣ. Постоянною мечтою Гербеля, тогда еще не самостоятельнаго въ матеріальномъ отношеніи (не выдѣленнаго отцомъ), было «возможно-полное» изданіе сочиненій Пушкина. Прежде, однако же, чѣмъ молодой человѣкъ, тогда еще «блестящій и бряцающій саблею лейбъ-уланъ», успѣлъ привести свою мечту въ исполненіе, нашелся другой, болѣе его ловкій человѣкъ, П. В. Анненковъ, который счумѣлъ приняться за дѣло въ-время; получилъ рукописи поэта въ свое распоряженіе, «съ разрѣшенія старшаго сына Пушкина», и въ 1857 году издалъ сочиненія Пушкина, съ дополненіями, примѣчаніями и біографіей. Изданіе имѣло блестящій успѣхъ, и мечта молодого Гербеля разлетѣлась прахомъ. Далѣе, передаемъ рассказъ самого Гербеля, какъ мы этотъ рассказъ слышали изъ устъ его.

«Въ концѣ 50-хъ годовъ, отецъ выдѣлилъ мнѣ и брату нашу часть наслѣдства, и на мою долю досталось въ то время около 35,000 рублей. Представьте себѣ, что какъ разъ около этого времени, когда въ головѣ моей копошились различныя планы будущей издательской дѣятельности, я услышалъ отъ своихъ же товарищей, гвардейскихъ офицеровъ, что сынъ Пушкина, въ разговорѣ съ кѣмъ-то, жаловался на г. Анненкова и выразилъ желаніе продать кому нибудь сочиненія отца... Я тотчасъ къ нему, и спрашиваю: «Правда ли это?»

— «Да,— отвѣчаетъ мнѣ г. Пушкинъ:— я бы не прочь продать, потому что никому ужъ не дамъ болѣе издавать сочиненія отца. Помилуйте, я далъ разрѣшеніе на изданіе г. Анненкову, о гонорарѣ съ нимъ не торговался и не условливался, полагаясь на него, и что же бы, вы думали, онъ мнѣ заплатилъ? Двѣ тысячи рублей!..

— «Продайте мнѣ право изданія сочиненій вашего отца!

«И съ перваго слова я предложилъ ему 30,000 рублей. Пушкинъ тотчасъ согласился, и мы ударили по рукамъ.

— «Значить, изданіе за мною?»

— «За вами.

— «Такъ я вамъ даю слово привезти черезъ два дня деньги.

«На томъ мы и разстались.

«На бѣду мою, по молодости и неопытности, я, на радостяхъ, проболтался!.. Заѣхалъ по дорогѣ на Невскій, въ книжный магазинъ Давыдова; тамъ, покупая книги, разговорился съ знакомымъ приказчикомъ и упомянулъ о своемъ приобрѣтеніи. А такъ какъ слухи и сплетни нигдѣ не распространяются такъ быстро, какъ въ издательскомъ мѣрѣ, то новость о томъ, что Пушкинъ продаетъ сочиненія отца, а Гербель ихъ покупаетъ, быстро, въ тотъ же день, облетѣла всѣхъ книжниковъ. Одинъ изъ нихъ, Исаковъ¹⁾, когда-то содержавшій книжный магазинъ надъ Милютиными лавками, на другой же день явился къ Пушкину-сыну съ запросомъ:

— «Изволите продавать сочиненія вашего батюшки?»

— «Я ужъ продалъ.

— «Кому же это?»

— «Николаю Васильевичу Гербелю.

— «А задаточекъ изволили получить?»

— «Какой задаточекъ? Зачѣмъ?»

— «Какъ же, помилуйте? Если не получили задатка, значитъ, не продали, и изъ этого ничего не выйдетъ. А за сколько онъ у васъ хотѣлъ купить?»

— «За 30,000 рублей.

— «Ну, такъ вы лучше ужъ намъ за 32,000 рублей продайте.

¹⁾ Братъ Якова Алексѣевича, торговавшего въ Гостиномъ дворѣ.

Вѣрнѣе будетъ! Вотъ я сейчасъ вамъ и 2,000 рублей задаточку выдамъ.

«Сбитый съ толку хитрой гостинодворской лисой, Пушкинъ имѣлъ слабость уступить, и когда я на другой день явился къ нему съ деньгами, онъ заявилъ мнѣ, что сочиненія его отца уже проданы...

— «Какъ проданы!! Да, вѣдь, вы же дали мнѣ слово»...

Но дѣло оказалось уже непоправимо, и Гербель съ досады, чтобы не пропалъ собранный имъ матеріалъ, не пожалѣлъ денегъ на изданіе въ Берлинѣ, въ 1861 году, стихотвореній Пушкина безъ пропусковъ. Но и послѣ того онъ неутомимо работалъ надъ Пушкинымъ и съ кропотливостью страстнаго бібліографа собиралъ все, что являлось въ разное время въ русской литературѣ относящагося къ сочиненіямъ или къ біографіи Пушкина. Результатомъ этихъ работъ была очень любопытная и не маловажная брошюра, подъ заглавіемъ: «Для будущаго полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина»¹⁾.

Брошюра эта составляетъ большую бібліографическую рѣдкость, извѣстную, вѣроятно, только тѣмъ немногимъ бібліографамъ-любителямъ, которымъ Гербель ее подарилъ. Она напечатана была, въ форматѣ страницы «Современника», и въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, гдѣ-то за границей, но гдѣ именно, неизвѣстно, такъ какъ нигдѣ на всей брошюрѣ никакого указанія на мѣсто печатанія не имѣется. Въ виду такой рѣдкости брошюры, мы позволяемъ себѣ описать ее въ нѣсколькихъ словахъ и напомнить о ней лицамъ, близко-стоящимъ къ дѣлу изданія Пушкинскаго текста. Вся брошюра (съ предисловіемъ) заключаетъ въ себѣ всего 71 страницу. Самое предисловіе брошюры заключаетъ въ себѣ уже нѣсколько важныхъ критико-бібліографическихъ указаній. Такъ, на стр. 2, Гербель говоритъ о стихотвореніяхъ, которыя Пушкину приписывались когда-то, и оказались въ послѣдствіи непринятыми поэту, какъ это было положительно доказано въ послѣдствіи. Такъ Бѣлинскимъ было признано за произведеніе А. С. Пушкина стихотвореніе дальняго его родственника Алексѣя Михайловича Пушкина «На смерть Кутузова»; Гоголемъ—«Четыре націи» Полежаева; г. Анненковымъ—«Застольная пѣснь» барона Дельвига и «Первыя мысли стихотворенія, обращеннаго къ императору Александру I» Жуковскаго, и Г. Греномъ («Общезаним. Вѣстн.», 1857 г., № 1)—«Лилія» князя Вяземскаго. Кромѣ того, выяснилось, что долго приписываемыя Пушкину стихотворенія: «Цапли», «На мнимую смерть Л. С. Пушкина», «Къ Л. С. Пушкину» (Нашъ пріятель Пуш-

¹⁾ За доставленіе намъ этой брошюры приносимъ нашу искреннюю признательность А. Ф. фонъ-Дамичу, нынѣшнему собственнику наданій Гербеля, его родственнику и другу.

жинъ Левъ), «Эпиграмма на Н. А. Полеваго» (Ты хочешь знать его, читатель), «Эпиграмма на Вигеля» («Для чего тебѣ, о Вигель»), «Эпиграмма на Булгарина» (Булгаринъ, вотъ полякъ примѣрный)—принадлежать не ему, а Баратынскому, Дмитріеву (М.), кн. Вяземскому и Соболевскому. Наконецъ, вполне доказано, что нижеслѣдующія эпиграммы не принадлежатъ Пушкину, хотя общественное мнѣніе до сихъ поръ упорно приписываетъ ихъ ему. Помѣщаемъ здѣсь первыя строки этихъ эпиграммъ: «Федоръ Глинка молодецъ», «Рѣшившись хамомъ стать», «Отродіе купечества», «Рука Всевышняго три чуда совершила», «У Федорова Воряки», «Какъ счастливы библисты», «Ты просишь написать надгробную, Агаея», «Твой мечтанья не сбылись», «Се самый Дельвигъ тотъ», «На диво намъ и всей Европы», «Ахъ, какія чудеса», «Орликомъ и въ колпакъ» и друг.

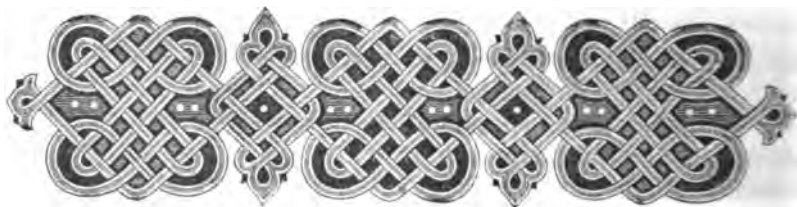
Въ концѣ предисловія, Гербель говоритъ, что, въ виду всего этого, онъ «нашелъ нелишнимъ собрать все, не вошедшее въ послѣднее (1871 г.) изданіе нашего великаго поэта, но могущее быть напечатаннымъ, въ слѣдующемъ новомъ изданіи его полного собранія сочиненій»¹⁾.

Вслѣдъ за предисловіемъ напечатаны въ первомъ отдѣлѣ брошюры «54 стихотворенія Пушкина, не вошедшія въ послѣднее изданіе его сочиненій». Во второмъ отдѣлѣ (стр. 30—39), напечатаны шесть стихотвореній А. С. Пушкина, хотя и вошедшія въ послѣднее изданіе его сочиненій, но или съ значительными пропусками, или въ другой редакціи». Въ третьемъ отдѣлѣ — библиографическія примѣчанія «къ стихотвореніямъ А. С. Пушкина, не вошедшимъ въ послѣднее изданіе его сочиненій» (стр. 40—50). Въ четвертомъ отдѣлѣ: «указаніе пропусковъ и погрѣшностей въ послѣднемъ изданіи сочиненій А. С. Пушкина» (стр. 51—62). Въ отдѣлѣ пятomъ: «указатель писемъ А. С. Пушкина, съ подробнымъ указаніемъ мѣстъ ихъ напечатанія» (стр. 61—71). Этотъ указатель особенно важенъ по своей полнотѣ и включаетъ въ себѣ положительно все, что изъ переписки Пушкина было напечатано до 1875—1876 года. На вклеенномъ бѣломъ заглавномъ листѣ брошюры рукою Гербеля написано: «Дополненія къ послѣднему изданію сочиненій А. С. Пушкина, составленныя Ник. Вас. Гербелемъ, 1876 г.».

Полагаемъ, что все, сообщенное нами выше, можетъ имѣть въ данную минуту живой интересъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, мы думаемъ, что въ нашъ забывчивый вѣкъ неизлишнимъ окажется и напоминаніе о несомнѣнныхъ литературныхъ заслугахъ покойнаго Н. В. Гербеля, одного изъ самыхъ пламенныхъ почитателей Пушкина и Пушкинской поэзіи.

П. Полевой.

¹⁾ Гербель увлекается: многое изъ собраннаго имъ въ брошюрѣ и теперь еще не можетъ быть напечатано.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ БУНТА ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЯНЪ ВЪ 1831 ГОДУ.

ОЛЕНА, свирѣпствовавшая въ Россіи въ 1831 году, была причиной народныхъ волненій и бунтовъ во многихъ мѣстностяхъ. Особенно прискорбными событіями сопровождался бунтъ военныхъ поселянъ въ Новгородской губерніи, гдѣ суровая дисциплина и порядки, введенные въ крестьянскій бытъ графомъ Аракчеевымъ, давно уже возбудили общее недовольство и раздраженіе, ожидавшія лишь предлога для взрыва. Этому взрыву много способствовало то обстоятельство, что, по усмиреніи холернаго волненія въ Петербургѣ, масса рабочаго люда, высланнаго изъ столицы, проходя по большой дорогѣ, распространяла среди поселянъ слухи объ отравѣ, будто бы порождавшей холеру. Бунтъ новгородскихъ военныхъ поселянъ былъ описанъ не разъ, и потому, не повторяя уже извѣстнаго, я расскажу здѣсь одинъ эпизодъ, котораго я былъ свидѣтелемъ и участникомъ и который, благодаря только счастливой случайности, не имѣлъ для меня роковыхъ послѣдствій.

Въ 1831 году, Гренадерскій корпусъ въ полномъ составѣ находился въ Польшѣ, участвуя въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ польскихъ мятежниковъ; кадры же корпуса, или резервные баталіоны, съ мая мѣсяца стояли въ лагерѣ, устроенномъ при деревнѣ Княжій Дворъ, расположенной на большой дорогѣ изъ Новгорода въ Псковъ, и занимались обученіемъ новобранцевъ, поступившихъ, большею частью, изъ западныхъ и сѣверо-западныхъ литовскихъ губерній. Люди эти, отъ природы малорослые и слабосильные, не свыкшіеся съ новымъ родомъ жизни и страдавшіе притомъ тоской по родинѣ, при появленіи эпидемической холеры въ лагерѣ, забо-

Свали сотнями и падали часто на ученъ, какъ мухи. Дни въ это время, въ июнѣ и июлѣ, были чрезвычайно знойныя, а ночи холодныя, чему способствовала отчасти самая мѣстность: тотчасъ за лагерь протекала рѣка Шалонъ, правый берегъ которой изобиловалъ болотами, что имѣло большое вліяніе съ одной стороны на усиленіе эпидеміи, а съ другой — на печальный исходъ болѣзни; гритомъ лазаретъ былъ расположенъ въ досчатыхъ баракахъ, безъ печей и каминовъ. Такъ какъ всѣ медики дѣйствующаго Гренадерскаго корпуса находились при своихъ полкахъ, то недостатокъ врачей въ лагерьъ былъ ощутителенъ, и для пополненія его начальство сочло нужнымъ командировать туда меня изъ резервнаго баталіона Тамбовскаго полка, а изъ Саратовскаго — врача Нарцисова. Я прибылъ въ лагерь въ первой половинѣ мая, когда тамъ еще не было ни одного холернаго больнаго; товарищъ мой — спустя двѣ недѣли. Весь врачебный персоналъ состоялъ изъ двухъ медиковъ, трехъ или четырехъ фельдшеровъ, нѣсколькихъ служителей и комисариатскаго чиновника, завѣдывавшаго продовольствіемъ больныхъ. Персоналъ, конечно, не большой для лагеря, состоявшаго изъ 12-ти баталіоновъ и нѣсколькихъ взводовъ артиллеріи. Даже при обыкновенныхъ условіяхъ санитарнаго состоянія людей, было не легко управиться, когда же начали заболѣвать холерою преимущественно рекруты и поступать въ лазаретъ ежедневно десятками, то уже приходилось, при исполненіи прямыхъ обязанностей, и днемъ, и ночью помогать фельдшерамъ, что мы съ товарищемъ и дѣлали. Медикаменты въ то время отпускались очень скудно, самые простые и дешевые, мало удовлетворявшіе требованіямъ науки, а тутъ пришлось бороться съ эпидеміей, этимъ бичемъ, въ первый разъ посѣтившимъ наши сѣверныя губерніи. Болѣзанъ была мало знакома врачамъ, а потому неудивительно, что жертвы ея оказались безчисленны, особенно тамъ, гдѣ существовали неблагоприятныя мѣстныя и дурныя гигиеническія условія. Вскорѣ между поселенными возникли волненія, которыя не замедлили, подъ вліяніемъ нелѣпныхъ слуховъ объ отравѣ, превратиться въ явный бунтъ. Прежде всѣхъ взбунтовались поселяне первой Гренадерской дивизіи, а затѣмъ бунтъ обнаружился и въ Старой Русѣ, куда изъ близкихъ къ ней поселенныхъ мѣсть нахлынули толпы поселенъ, и гдѣ были избиты два генерала и полицеймейстеръ. Примѣру Старой Русы послѣдовала округъ Коростинской вотчины, или, правильнѣе, поселяне 2-го карабинернаго графа Баркляя-де-Толли полка, штабъ котораго находился въ селѣ Коростино, расположенномъ на берегу озера Ильмень.

14-го іюля, сельскій дьячекъ, взобравшись на колокольню, ударилъ въ набатъ; толпы изъ ближайшихъ деревень наполнили село и, вытаскивъ изъ квартиръ командира поселеннаго баталіона, офицеровъ и доктора, избили ихъ на площади и заперли на гауптвахтѣ, представивъ

свой караулъ. Начальникомъ остававшихся войскъ и поселенныхъ округовъ былъ въ то время генераль-лейтенантъ Эйлеръ, личное высокихъ качествъ, любимый и чтимый не только сослуживцами и подчиненными, но и всѣми поселянами. Узнавъ о бунтѣ въ Корстинѣ, онъ прибылъ туда изъ Новгорода и, потребовавъ изъ вшего лагеря два кадровыхъ баталіона и два взвода артиллеріи, расположилъ ихъ биваками у самаго села, на берегу озера. До какой степени достигло возбужденіе народа, можетъ служить доказательствомъ слѣдующее: когда направлявшіеся въ Коростино баталіоны проходили черезъ деревни, часто попадавшіяся по пути то поселяне, слѣдовавшіе за ними, врывались въ колонну съ вмѣреніемъ схватить офицеровъ и начальника отряда, но офицеры, взявъ ружья у солдатъ, защищались штыками. Расположивъ войска, какъ сказано, у села, генераль Эйлеръ не приступалъ, однако же, ни къ какимъ рѣшительнымъ мѣрамъ, не полагаясь, вѣроятно, на вѣрность солдатъ, наполнявшихъ кадры изъ среды тѣхъ же поселянь, но ожидалъ прибытія спѣшившихъ туда резервныхъ баталіоновъ пѣхотныхъ полковъ и двухъ эскадроновъ уланъ 1-й уланской дивизіи. Впродолженіе лагернаго времени, поселяне, мужчины и женщины, постоянно навѣщали своихъ односельцевъ и родственниковъ, приносили имъ пищу, бѣлье и проч. Тутъ были мужья, сыновья, братья, однимъ словомъ—свои. Передъ бунтомъ же стали появляться въ лагерь одни мужчины, и уже въ значительно большемъ числѣ. На это обстоятельство не было, однако же, обращено вниманія лагернымъ начальствомъ; нѣтъ сомнѣнія, что солдатамъ сообщались намѣренія поселянь, и были убѣжденія не противодѣйствовать имъ, что и подтвердилось впоследствии равнодушіемъ этихъ воиновъ, неподвижно смотрѣвшихъ, какъ бьютъ ихъ начальниковъ.

Прекрасный лѣтній день 17-го іюля оставилъ во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе описываемой мною эпохи. Съ утра стали появляться передъ лагеремъ на площадѣ и въ береговой роцѣ отдѣльныя группы поселянь, постепенно прибывавшія, и между ними замѣчались люди, вооруженные дубинами. Толпы эти долго бродили въ виду лагеря, ничего не предпринимая. Въ первомъ часу, окончивъ свои занятія по лазарету, я вошелъ въ палатку командовавшаго кадровымъ баталіономъ гренадерскаго наслѣднаго принца Прусскаго полка маіора Зеленина, пригласившаго меня и двухъ офицеровъ съ нимъ отобѣдать. Мы не успѣли окончить обѣды, какъ вбѣжалъ деньщикъ маіора и объявилъ, что поселяне бродятъ уже по палаткамъ и ищутъ докторовъ.

— Знаете ли что, докторъ, — обратился ко мнѣ маіоръ Зеленинъ:— вамъ небезопасно оставаться въ своемъ платьѣ; надѣньте мой скюртукъ и фуражку, они сочтутъ васъ за офицера.

Послушавъ его совѣта, я облачился въ военную форму, вышелъ

въ палатки, и сталъ около другой, облокотясь на столбикъ. Не рошло и десяти минутъ, какъ подошелъ ко мнѣ верзило-мужикъ : спросилъ:

— Вы кто, ваше благородіе?

— Ты видишь кто, — офицеръ.

— Не правда, ваше благородіе, вы лѣкарь! — И съ этими словами онъ, махнувъ рукой, закричалъ:—Эй ребята, сюда, одна птица поймана. — Въ мгновеніе ока меня окружила толпа съ палками и дубинами, напирая со всѣхъ сторонъ. Тогда, сбросивъ съ себя скуртку и фуражку на землю, я имъ сказалъ: «Да, я точно лѣкарь, но не вашихъ поселенныхъ войскъ, а изъ другаго баталіона, по распоряженію начальства присланъ сюда лечить больныхъ. Что хотите вы отъ меня? Я иду съ вами». Сказавъ это, я сдѣлалъ шагъ впередъ, толпа разступилась, дала дорогу. Безсознательно я шелъ впередъ на площадку, мимо выстроеннаго баталіона; тутъ унтеръ-офицеръ лѣвчившійся у меня въ лазаретъ и преданный мнѣ, подбѣжалъ къ толпѣ и сталъ убѣждать не обижать меня и оставить... но въ ту же минуту двое здоровенныхъ поселенъ подхватили меня подъ руки и потащили въ березовую рощу, въ 200 шагахъ отъ лагеря. Тутъ они меня бросили на повозку и, поручивъ стоявшимъ подлѣ нея парнямъ стеречь меня, сами пустились опять въ лагерь. Окруженный новой толпой, сидя въ повозкѣ, я могъ наблюдать этотъ сбродъ, шатавшійся по площади; это были молодые ребята, прибѣжавшіе въ лагерь за коноводами, по поговоркѣ «куда міръ, туда и мы». Главные дѣятели были въ селѣ Коростинѣ. Между тѣмъ окружавшіе меня молодые порѣшили побить лѣкаря, и одинъ изъ бойкихъ парней, нарѣзавъ березовыхъ прутьевъ, сталъ хлестать меня по спинѣ, но товарищи остановили его словами: «Не трожь, онъ молодой». Послѣ обычныхъ ругательствъ, на которыя не поскупились мои стражи, разговоръ былъ поведенъ на другую тѣму: «Ты изъ какихъ?» стали они меня спрашивать.

— Изъ русскихъ дворянъ.

— Нѣтъ, ты, видно, изъ нѣмчинъ, штанишки у тебя нѣмецкіе.

— А отколь ты, изъ какихъ мѣстъ родомъ?

— Изъ Кіева, — отвѣчалъ я.

— А, изъ Кіева, тамъ, бають, святыхъ много.

— Да, много, и люди добрѣе, не обижаютъ напрасно лѣкарей.

— Да и мы бы тебя не тронули, ни Боже мой, коли бы вапъ братъ не травилъ народъ, а то, вишь, и колодцы, и поля, и огорды, — все отравили.

— Это не правда; покажите мнѣ ваши огорды и поля, я буду ѣсть ваши огурцы.

— Ладно, станешь ѣсть — помрешь, уже покажемъ.

Въ эту минуту я увидѣлъ новую толпу, бѣжавшую въ нашу сторону изъ лагеря, и среди этой толпы моего товарища, врача

Нарцисова, котораго держали за руки и за фалды шинели. Когда эта ватага подошла къ намъ ближе, я увидѣлъ своего товарища въ сильномъ разстройствѣ, лице и глаза у него сильно распухли, волоса были въ безпорядкѣ. Подозрѣвая, что его въ лагерѣ подвергли какому нибудь насилію, я спросилъ:

— Что съ тобой?

— Я весь избить, — отвѣчалъ онъ, и рассказалъ, что, желая укрыться и быть неузнаннымъ, онъ надѣлъ солдатскую шинель и спрятался въ солдатскую палатку. Поселяне вытащили его оттуда (вѣроятно, кто нибудь изъ нижнихъ чиновъ указалъ) и тутъ же на мѣстѣ жестоко высѣкли его. Отсюда началось наше странствованіе по полямъ. Связавъ намъ руки назадъ и взявъ концы веревокъ, восемь человекъ повели насъ и были въ нерѣшимости, куда направиться. Тогда я повторилъ желаніе видѣть отравленныя поля и огороды. Насъ повели, но ничего не показали, а только безъ толку слонялись отъ одного мѣста къ другому, то останавливались и ложились на траву отдыхать, то снова начинали бродить, пока, наконецъ, послѣ долгихъ споровъ—свести ли насъ въ рощу и тамъ положить на мѣстѣ, или утопить въ рѣкѣ Шалонѣ, порѣшили препроводить въ ближайшее, въ 7-ми верстахъ отъ лагеря, большое селеніе Новосельцы и сдать насъ тамъ старостѣ. Были уже сумерки, когда послѣ мучительнаго путешествія по полямъ мы пришли въ село и остановились передъ церковью. Тутъ подошло къ намъ нѣсколько поселянъ со старостой, виднымъ мужчиной среднихъ лѣтъ, и на вопросъ его: — «Кого привели?» — былъ отвѣтъ:

— Лѣкарей изъ лагеря, — что хошь, то и дѣлай съ ними.

Тогда я повторилъ старостѣ все то, что говорилъ въ минуту, когда толпа окружила меня близъ палатки, но изъ среды стоявшихъ тутъ поселянъ выступилъ здоровенный мужчина съ дубиной, крикнувъ: — «Что съ ними долго баять, положить на мѣстѣ, да и шабашъ». Другіе же совѣтовали запереть въ клѣтѣ, и когда народъ возвратится изъ лагеря, отдать на судъ міру.

Предчувствуя, что положеніе наше будетъ безвыходное, когда буйная толпа, остервенившись въ лагерѣ, возвратится и станетъ нашимъ судьей, я бросился къ старостѣ на шею и сталъ умолять его спасти насъ, ни въ чемъ неповинныхъ, и отправить въ село Коростино къ г. Эйлеру, стоявшему тамъ, какъ выше сказано, бивуакомъ съ отрядомъ.

Близость ли этого отряда, призваннаго усмирить бунтъ, или нашъ видъ, измученныхъ и изнуренныхъ людей, стоявшихъ передъ нимъ, пробудили въ немъ человѣческія чувства, только по нѣкоторомъ размысленіи онъ, указавъ на храмъ, сказалъ: — «Вотъ вамъ св. Троица, что васъ не тронуть, и вы пойдете въ с. Коростино!» И тутъ же ночью, снарядивъ новый конвой, отпустилъ насъ.

Не смотря на то, что ноги наши едва двигались, не смотря на

ночной холодъ, который я чувствовалъ, не имѣя одежды, мы на-прягали всѣ силы, всю энергію, чтобы идти возможно скорѣе. Со-знание, что мы такимъ образомъ ускольземъ изъ когтей поселенъ, придавало намъ бодрость. Но опасность, казалось, еще не совсѣмъ была устранена: мы должны были проходить частыя деревни, на разстояніи 11-ти верстъ до села Коростина, и могли быть остано-влены на пути новою толпой. Къ счастью, мужское населеніе еще не вернулось изъ лагеря, оставались почти однѣ женщины, но и онѣ не скупились на брань и ругательство, когда узнали, что мы лѣкаря, выбѣгали толпами изъ своихъ избъ, окружали насъ во время короткаго отдыха на завалинахъ, смотрѣли какъ на дикихъ звѣрей и честили названіемъ отравителей. Брань эту онѣ подкрѣ-пляли разказами, какъ тотъ, или та умерли, поѣвши огурцовъ. Томившая насъ жажда, не смотря на такое враждебное отношеніе къ намъ поселянокъ, вынуждала насъ просить у нихъ воды, въ чемъ онѣ не отказывали, приговаривая:—«Такіе молодые, а народъ травятъ!»

— Видно, начальство приказало,— разсудили другіе.

Солнце стало всходить, когда мы приближались къ селу Коро-стино: Прийдя на площадь, передъ зданіемъ гауптвахты, мы уви-дѣли часовыхъ изъ поселенъ, кругомъ царствовала тишина. Насъ ввели въ большую комнату, имѣвшую, кажется, прежде назначеніе присутственнаго мѣста. Здѣсь было нѣсколько пожилыхъ мужчинъ, то сидѣвшихъ, то ходившихъ по комнатѣ, какъ бы съ озабочен-нымъ видомъ. Одинъ изъ стариковъ, рослый и съ огромною сѣдою бородой, подошелъ къ намъ и сурово спросилъ нашихъ конвойныхъ:

— Кого привели и зачѣмъ?

— Лѣкарей изъ лагеря, староста новоселецкій послалъ.

— Что намъ съ ними дѣлать?—обратился старикъ къ товари-щамъ.

Тѣ молчали. Я сказалъ старику:—«Отошлите насъ къ генералу Эйлеру, онъ теперь у васъ».

— Знаемъ,—отвѣчалъ онъ, и тотчасъ повелъ насъ къ генералу, стоявшему съ отрядомъ за деревней.

Мы явились къ нему, товарищъ мой въ солдатской шинели, а я въ рубахѣ и лѣтнихъ шароварахъ, безъ фуражки.

Съ удивленіемъ подошелъ къ намъ генералъ Эйлеръ и, узнавъ, кто мы, гдѣ и какъ взяты, обратился къ поселянамъ и сказалъ имъ:

— Ступайте съ Богомъ, я разберу дѣло, и если они виноваты, накажу ихъ.

Тогда съ облегченной душой и съ увѣренностью, что наконецъ мы въ всякой опасности подъ защитой благороднаго и всѣмъ лю-бимаго человѣка, отправились мы съ товарищемъ искать мѣсто отдыха. Я бросился на траву, подъ первымъ попавшимся заборомъ, будучи не въ силахъ дальше идти, и заснулъ мертвымъ сномъ.

Проснувшись, я увидѣлъ себя покрытымъ какой-то шинелишкой, чья-то добрая рука накрыла меня отъ палящихъ лучей солнца. Сонъ подкрѣпилъ меня, товарищу же моему плохо пришлось отъ побоевъ поселянъ въ лагерѣ, — кровоупусканіе и другія пособія едва облегчили стѣсненное дыханіе, колотье въ груди, и онъ медленно поправлялся.

Между тѣмъ г. Эйлеръ нетерпѣливо ожидалъ извѣстія о прибытіи свѣжихъ войскъ въ лагерь при Князьемъ Дворѣ, и въ тотъ же вечеръ прискакалъ курьеръ съ донесеніемъ, что наканунѣ познимъ вечеромъ вступилъ въ лагерь резервный баталіонъ Тамбовскаго пѣхотнаго полка (въ которомъ я былъ штатнымъ врачомъ) и запасный эскадронъ уланскаго его высочества Михаила Павловича полка.

Вскорѣ забили сборъ, поселенные два кадровые баталіона съ артиллеріей, стоявшіе бивуакомъ у села Коростино, выступили обратно въ лагерь, а за отрядомъ поплелись и мы, на крестьянской телѣгѣ, которую намъ дали по приказанію генерала. Проходя чрезъ деревни, дотолѣ бушевавшія, мы теперь замѣтили отсутствіе всякаго движенія, все было тихо и безлюдно; провѣдавъ, вѣроятно, о прибытіи свѣжихъ войскъ, поселяне прятались по домамъ. Въ лагерь колонна вступила уже въ сумерки, въ офицерскихъ палаткахъ мелькали огни. Первою моею мыслію было бѣжать къ своему баталіону, и узнавъ, что онъ расположенъ на правомъ флангѣ лагеря, я бросился къ первой попавшейся палаткѣ. Вошедши въ нее, я увидѣлъ двухъ офицеровъ, пившихъ чай; при появленіи моемъ они какъ будто отшатнулись... но когда я съ веселымъ видомъ бросился здороваться съ ними, то изумленію уступила радость, и распросамъ объ избавленіи нашемъ не было конца. Я былъ любимъ сослуживцами, скоро палатка наполнилась офицерами нашего баталіона, и они, выслушавъ печальную повѣсть моихъ приключеній, въ свою очередь сообщили мнѣ, что по прибытіи въ лагерь слышали отъ офицеровъ гренадерскихъ кадровъ, какъ поселяне схватили двухъ медиковъ, увели въ лѣсъ и тамъ убили. Сомнѣваться въ этомъ имъ было нельзя — печальная картина была на лицо: въ палаткахъ лежали убитые — полковникъ Нейманъ, маіоръ Маковскій и поручикъ (фамилію не помню); полковникъ Нейманъ, какъ старшій въ лагерѣ, подошелъ къ толпѣ и сталъ уговаривать ихъ разойтись и не бунтовать, но безумные, окруживъ его, тутъ же на мѣстѣ положили. Маіоръ Маковскій въ негодованіи при этомъ зрѣлищѣ выхватилъ изъ ноженъ полусаблю и командовалъ баталіону взять въ штыки, но едва выступилъ впередъ, какъ палъ жертвой бунтовщиковъ въ виду своего баталіона; вблизи же лазарета, въ баракахъ, лежалъ комиссаріатскій чиновникъ, сдѣлавшійся жертвой холеры (вслѣдствіе паническаго страха), поразившей его въ нѣсколько часовъ. Вскорѣ Тамбовскій баталіонъ

и уланскій эскадронъ получили приказаніе отправиться въ с. Коростино: первому назначено разположиться въ баракахъ, вблизи села, а второму—на квартирахъ. Мнѣ же предписано было изъ Новгорода вступить въ исправленіе должности окружнаго врача и завѣдывать въ то же время госпиталемъ до назначенія на это особаго медика. Прежде всего надо было обратить вниманіе на госпиталь: войдя въ его отдѣленія, я не нашель ни одного больнаго: кто могъ—бѣжалъ изъ госпиталя, кто былъ не въ силахъ—того уносили во время бунта. Вездѣ былъ хаосъ и безпорядокъ... лица, состоявшія въ штатѣ поселеннаго округа, избитые и больные, страдавшіе прежде на гауптвахтѣ, теперь лежали въ своихъ квартирахъ, служить было некому. Но скоро картина измѣнилась: съ прибытіемъ новыхъ войскъ выздоравливающіе вступили въ свои обязанности, стали и больные наполнять госпиталь; назначенъ новый начальникъ округа, и дѣла, повидимому, приняли правильный ходъ; а между тѣмъ началось и слѣдствіе надъ бунтовщиками, которые на допросахъ не щадили другъ друга.

Баталіонъ нашъ простоялъ недолго въ Коростинѣ, онъ былъ вытребованъ въ округъ гренадерскаго принца Мекленбургскаго полка, гдѣ повторились событія, случившіяся при Князьемъ Дворѣ. Когда кадровые баталіоны распущены были изъ лагеря по своимъ округамъ, то командовавшій Мекленбургскимъ баталіономъ, видя неспокойное настроеніе поселянъ и желая на нѣкоторое время устранить сближеніе ихъ съ солдатами, распорядился отвести ихъ на нѣсколько верстъ отъ штаба, расположивъ бивуаками. Но поселяне ударили въ набатъ, огромной толпой пошли на мѣсто, гдѣ былъ расположенъ баталіонъ и избили почти всѣхъ офицеровъ въ виду солдатъ, почему Тамбовскій баталіонъ и отправленъ былъ въ означенный округъ для экзекуціи. Я же оставался до половины февраля 1832 года въ Коростинѣ. Возложенныя на меня не по силамъ обязанности, а еще болѣе безупречное хозяйничанье прибывшаго для завѣдыванія госпиталемъ врача С...ва, заставили меня оставить настоящій постъ. Не смотря на убѣжденія остаться, обязательно высказанныя мнѣ прекраснѣйшимъ и добрѣйшимъ начальникомъ округа майоромъ Де-Мортъе, я получилъ разрѣшеніе отъ своего дивизионнаго доктора возвратиться въ свой баталіонъ, куда я и отправился въ половинѣ февраля. Скоро, по окончаніи суда, наступилъ часъ возмездія бунтовщикамъ. По обязанности врача я долженъ былъ присутствовать ежедневно при производившихся экзекуціяхъ... Картина ужасная! Стоны прогоняемыхъ сквозь строй, рыданія и вопли женщинъ, видѣвшихъ страданія близкихъ имъ людей и падавшихъ въ безнадежной скорби на землю, плачь и крикъ дѣтей... это—такая мрачная сцена, на которую лучше опустить завѣсу забвенія.

Я. Каневскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ «Исторіи русскаго права» по лекціямъ профессора М. Ф. Владимірскаго-Вуданова. Выпускъ 1-й. Исторія русскаго государственнаго права. Кіевъ. 1886.

М. Ф. Владимірскій-Вудановъ, профессоръ университета св. Владиміра, пользуется уже давно вполне заслуженною извѣстностью въ научномъ мірѣ, и каждый его трудъ составляетъ цѣнный вкладъ въ науку. Его «Христоматія по исторіи русскаго права» сдѣлалась почти настольной книгой каждаго занимающагося русской исторіей; ея появленіе было встрѣчено самымъ благосклоннымъ вниманіемъ со стороны публики и ученой критики и со времени Утина и Лазаревскаго она составляетъ чуть ли не единственный обзоръ нашихъ законодательныхъ памятниковъ до-Петровскаго періода въ ихъ главнѣйшихъ моментахъ.

Какъ «Историческая христоматія», такъ и «Обзоръ исторіи русскаго права» изданы специально, какъ руководства для учащейся молодежи, безъ всякой претензіи на названіе обширнаго изслѣдованія или изложенія науки въ полномъ ея объемѣ. Труды подобнаго рода безусловно необходимы въ нашей учебной литературѣ, облегчая доступъ къ серьезному пониманію и изученію русской жизни въ ея органическомъ развитіи, не отвлекая въ сторону узко-спеціальныхъ вопросовъ и не загромождая мысль массою частностей и подробностей. Авторъ въ предисловіи къ своему новому труду говоритъ, что этотъ послѣдній «служить только пособіемъ при слушаніи лекцій. Содержа въ себѣ указаніе вопросовъ науки въ ихъ систематическомъ порядкѣ, конспектъ есть лишь скелетъ науки, который долженъ быть наполненъ дѣйствительнымъ содержаніемъ ея посредствомъ устнаго изложенія». Тутъ поставлены лишь вѣхи, по которымъ долженъ идти читатель, вѣхи, поставленныя рукою человѣка глубоко понимающаго смыслъ исторіи роднаго народа, его идеалы, его вѣрованія. Разбирая вѣщныя формы, въ которыя отлилась жизнь родной земли, онъ не упускаетъ изъ

виду, рядомъ съ этимъ, и души русскаго народа. Признавая Русское государство попреимуществу національнымъ, онъ считаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ включить въ изученіе нашего національнаго права русскаго и изученіе права такихъ странъ, которыя не входили или не входятъ въ составъ Русскаго государства, какъ-то: Галиціи и Литвы. Отсюда очевидно, что автора «Обзора» никоимъ образомъ нельзя упрекнуть въ увзости и исключительности. Изложивъ въ введеніи къ настоящему наслѣдованію понятіе о наукѣ права, предметъ, методъ и объемъ ея, раздѣливъ исторію русскаго права на три естественныхъ періода (земскій IX—XIII вв., московскій и литовскій XIV—XVII вв. и періодъ имперіи XVIII—XIX вв.) и сдѣлавъ возможно краткій обзоръ источниковъ и пособій по этому предмету, профессоръ Будаговъ переходитъ къ изложенію исторіи каждаго періода въ отдѣльности по его составнымъ элементамъ (территорія, населеніе, власть, управленіе и законодательство),—элементамъ, которые вытекаютъ изъ понятія о государствѣ, какъ союзѣ лицъ, занимающихъ опредѣленную территорію и управляемыхъ одною верховною властью. Поставленные въ тѣсныя рамки журнальной рецензіи, а потому не имѣя возможности слѣдить за авторомъ шагъ за шагомъ, мы ограничимся здѣсь изложеніемъ наиболее типичныхъ характеристикъ каждаго періода въ отдѣльности. Первый періодъ русскаго права назовемъ авторомъ земскимъ, такъ какъ форма общества, замѣнявшая государство отъ IX по XIII вѣкъ, была земля, какъ союзъ волостей и пригородовъ подъ властію старшаго города, причемъ самый терминъ «земля» заключаетъ въ себѣ понятіе и территоріи и населенія государства. Найдя вездѣ уже готовый государственный строй, династія Рюриковичей положила первое основаніе къ сближенію между раздѣльными землями, и мѣстные князья этихъ земель замѣняются младшими членами рода Рюриковичей. Такимъ образомъ удѣльная система ведетъ не къ раздробленію мнимаго единства государства, а къ большому слитію прежнихъ раздѣленныхъ земель. Въ дальнѣйшемъ развитіи исторической жизни, каждая земля дѣлится 'по числу членовъ княжескаго рода на отдѣльныя княженія, которыя отсюда не составляютъ отдѣльныхъ государственныхъ единицъ и не разрушаютъ внутренняго единства земли, такъ какъ въ вопросахъ внѣшней политики дѣйствуютъ не отдѣльныя княженія, а цѣльныя земли. Не смотря, однако, на фактическое существовавшее раздѣленіе Руси, уже съ самыхъ раннихъ временъ является идеальное сознаніе національнаго единства населенія въ отдѣльныхъ земляхъ: въ главахъ враждующихъ князей и иноплеменниковъ вся Русская земля является какъ одно цѣлое. И территорія государства достигаетъ значительнаго объединенія, найдя себѣ центръ въ Кіевѣ—второй «матери городовъ русскихъ», и для князей мысль о единствѣ правъ всего рода на цѣлую Русскую землю остается руководящею идеею во все теченіе періода удѣловъ. На этихъ началахъ единства основывается союзъ князей, христіанскій союзъ равныхъ другъ другу членовъ, которые именуется братьями. Каждый князь наслѣдовалъ или по прекращеніи стараго рода избирался не только пожизненно (въ принципѣ), но и съ дѣтьми, причемъ власть его освящалась и укрѣплялась согласіемъ всего народа. Насильственный захватъ, узурпация власти не признается въ то время (опять-таки въ принципѣ) и не составляетъ внутренней правды. Это только внѣшнее наслоеніе и не можетъ служить характерною чертою того періода, весь смыслъ котораго за-

ключается не въ между-княжескихъ, а въ между-земскихъ отношеніяхъ. Власть князя составляетъ одинъ изъ основныхъ элементовъ государственнаго устройства всѣхъ древне-русскихъ земель, какъ начало необходимое для внутренняго порядка; если же мы и видимъ постоянную борьбу въ этотъ періодъ всѣхъ земель противъ своихъ князей, то эта борьба означала не борьбу противъ княжеской власти, а стремленіе отыскать себѣ наилучшаго, идеальнаго князя. Борьба эта подымалась всякій разъ лишь тогда, когда нарушался принципъ согласія («одиначество») князя съ народомъ, когда воля князя и народа расходились. Слѣдующіе необходимые составные элементы каждой земли суть, во-первыхъ, боярская дума, совѣщательный органъ при князѣ, состоявшій изъ лучшихъ людей и участвовавшій преимущественно въ рѣшеніи вопросовъ внѣшней политики; во-вторыхъ, — изъ вѣча, т. е. собранія полноправныхъ гражданъ старшаго города земля для рѣшенія земскихъ дѣлъ единогласно, «иока не сошлись всѣ братья единодушно». При нормальномъ ходѣ дѣлъ, воля князя, вѣча и думы должны были совпадать и какъ князь, такъ и лица духовныя, такъ и бояре присутствуютъ на вѣчѣ и всѣ имѣютъ одинаковое право голоса. Въ виду того, что понятіе борьбы изъ-за власти чуждо русскому государственному праву, идеалъ власти того періода есть согласіе, гармонія всѣхъ элементовъ власти и есть власть общеземская, призванная управлять, устанавливать правовыя нормы (законодательствовать) и судить. Управление носитъ на себѣ частно-правовой характеръ власти, а законодательство покоится на господствѣ обычнаго права. Съ XIII в. подъ вліяніемъ нашествія татарскихъ ордъ съ востока и усиленнаго движенія нѣмцевъ съ запада измѣняется во многомъ естественный ходъ развитія русскаго государственнаго права. Соединяются два большихъ государства—Московское и Литовское, хотя оба русскія, но во многомъ противоположныя другъ другу. Охраняя себя отъ двухъ равно враждебныхъ сторонъ—запада и востока, каждое изъ нихъ испытываетъ въ извѣстной степени на себѣ вліяніе этихъ сторонъ. Явившійся оплотомъ для славянскаго міра противъ онѣмеченія и окатоличенія, Литва во многомъ сдѣлалась государствомъ враждебнымъ для русскихъ историческихъ началъ, получивъ особенно въ первомъ періодѣ исключительно сословное устройство съ преобладаніемъ шляхетства. Съ другой стороны, Московское государство, защитивъ собою европейскую цивилизацію отъ ея совершеннаго подавленія дикими азіатскими полчищами, вынесло на себѣ всю тяготу владычества татаръ. Не соглашаясь съ мнѣніемъ Н. И. Костомарова, будто московское единодержавіе обявано своимъ существованіемъ именно татарскому нашествію, Владимірскій-Будановъ находитъ вѣстѣ съ тѣмъ преувеличеннымъ мнѣніемъ С. М. Соловьева, отвергавшаго слѣды татарскаго вліянія въ русскомъ государственномъ правѣ. Между древнею Русью, по мнѣнію автора «Обвора», и Московскимъ государствомъ существуетъ преемственная прямая связь, но 200-лѣтнее иго, отразившись на характерѣ порабощеннаго населенія, сообщило государству нѣкоторыя частныя черты азіатскаго строя. Московское единодержавіе развилось изъ идеи политическаго и національнаго единства всей Русской земли. Единство княжескаго союза съ теченіемъ времени уступило мѣсто единодержавію Ивана III, и власть удѣльныхъ князей превратилась во власть провинціальныхъ правителей, назначаемыхъ государемъ. Московское государство, развившись изъ основанія національнаго союза, наполненное населеніемъ однороднаго этнографическаго состава, на-

конецъ, безусловно самодержавное, не могло по тому самому содержать въ себѣ началъ сословности, а потому это было государство бессословное. Различіе въ классахъ вытекало изъ неравенства состояній и изъ обязанностей въ отношеніи государства: одни служатъ государству лично, другіе — уплатою денегъ въ пользу его, отсюда: люди служилые (бояре, дворяне) и тяглые (посадскіе, крестьяне). Основаніемъ для служилаго класса была обязательная служба и частное (зависимое) землевладѣніе, тягло же (финансовая служба) и общинное землевладѣніе даетъ основаніе классу тяглыхъ людей. Одною изъ характерныхъ принадлежностей Московскаго государства служить мѣстничество. Сущность его состоитъ въ спорѣ боярскихъ родовъ между собою о служебномъ старшинствѣ: родовая честь поставлена въ зависимость отъ службы, и не только родовитыя фамиліи мѣстничались между собою, но и худородные люди (дьяки по приказамъ). Отсюда прямо вытекаетъ, что мѣстничество никоимъ образомъ не заключаетъ въ себѣ аристократическихъ тенденцій, и только съ уничтоженіемъ мѣстническихъ книгъ, на рубежѣ періодовъ московскаго и имперіи, появляются книги родословныя, т. е. совершается переходъ отъ служебной іерархіи къ состоянію шляхетства. Подобный переходъ совершился подъ сильнымъ вліяніемъ Литовско-Польскаго государства. За время московскаго періода совершилась по отношенію другаго класса населенія, людей тяглыхъ, реформа, имѣвшая исключительною цѣлью усиленіе финансовыхъ средствъ государства. Въ прикрѣпленіи тяглыхъ людей нельзя искать начала образованія городского (средняго) и крестьянскаго сословія. О сословности тутъ не могло быть и рѣчи. Какъ городское населеніе, такъ и сельское, сохраняетъ всѣ свои общегражданскія права (личныя и имущественныя), всѣ классы признаются служить государству и только, напрягая для цѣли службы силы страны, Московское государство успѣло вынести громадную территорию при незначительности и бѣдности населенія. Для этого правительствомъ продолжало поддерживать тотъ же характеръ русскаго государственнаго права, который въ первомъ періодѣ обозначенъ терминомъ «одиначества», т. е. согласія всѣхъ элементовъ власти.

Развивая принципъ единодержавія и единонаслідія при участіи населенія въ актѣ избранія въ формѣ крестнаго дѣлованія, государственное право не отмечаетъ элементовъ совѣщательныхъ, т. е. боярской думы и земскихъ соборовъ, которые въ этотъ періодъ по идеѣ замѣняютъ собою вѣче. Государи разсматриваютъ свою власть, какъ обязанность, возложенную на нихъ Богомъ, отъ тяготы которой они не могутъ уклониться, какъ бы непосильна она ни казалась. Боярская дума, какъ и въ 1-мъ періодѣ, является учрежденіемъ не отдѣлимымъ отъ царской власти: «государь указалъ и бояре приговорили», и держалась, какъ фактъ бытовой, на обычномъ правѣ. Нераздѣльнымъ элементомъ власти является для этой эпохи и учрежденіе земскихъ соборовъ. Земскій соборъ не есть элементъ власти противоположный царской и боярской, — онъ есть органъ общеземскій; это три части собора — существенныя и органическія: отсутствіе одной изъ нихъ дѣлаетъ соборъ неполнымъ, и законъ въ то время является результатомъ совокупной воли царя и собора. Значеніе соборовъ заключается въ непосредственномъ сближеніи царской власти съ народомъ: черезъ нихъ царь имѣлъ возможность узнавать нужды и желанія народа, а подданные имѣли вѣрное средство къ овлаженію съ ними власти. И московскій періодъ,

подобно земскому, въ принципѣ, какъ желанный идеалъ, проводить полную гармонію всѣхъ формъ власти на основаніяхъ взаимнаго довѣрія и любви. Борьба, поднятая Грознымъ съ боярствомъ, не имѣла законнаго основанія и принесла только одинъ вредъ, внеся революціонное начало въ русскую жизнь и выведя всѣ элементы власти изъ состоянія равновѣсія, а московскій періодъ былъ именно временемъ равновѣсія закона и обычая, въ чемъ можно убѣдиться изъ обзорія всего законодательства до конца XVII вѣка.

Періодъ имперіи, соединивъ въ себѣ обѣ половины Руси (Московскую и Литовскую), вмѣняетъ государственный строй черезъ усвоеніе западно-европейскихъ и западно-русскихъ формъ путемъ реформаторскаго законодательства.

Раздвигаясь территориально на югъ, Россія принимаетъ на себя миссію стать на защиту славянскихъ націй и содѣйствовать ихъ возрожденію, что и составляло до сихъ поръ единственное удѣльное значеніе Россійской имперіи въ Европѣ; движеніе же на востокъ дало государству господствующую роль въ Азіи. Государство, особенно въ XVIII вѣкѣ, строится на началахъ сословности, земскій элементъ въ мѣстномъ управленіи былъ забытъ (до реформъ императора Александра II), нарождается бюрократія, правительство обращается исключительно къ дворянству, которому даются всѣ личныя и имущественныя права: исключительно ему приписывается титулъ «благородства» и дается право на владѣніе населенною землею. Создается среднее сословіе—мѣщане по образцу Польши и Литвы. По законамъ о ревизіи всѣ живущіе на землѣ частнаго владѣльца приписываются ему для вѣчнаго платежа подушныхъ податей, съ чѣмъ и соединяется вѣчное укрѣпленіе, т. е. создается и узаконяется крѣпостное право, причѣмъ выходъ изъ крѣпостнаго состоянія дѣлается невозможнымъ до конца XVIII вѣка. Боярская дума прекращаетъ свое существованіе, а о земскихъ соборахъ нѣтъ и помина. Коммиссія для составленія проекта новаго Уложенія, созванная Екатериною II, существенно отличается отъ территориальнаго представительства земскихъ соборовъ: сованы были лишь представители отъ сословій, причѣмъ духовенству здѣсь не было дано мѣста. Сама коммиссія была сована къ исполненію невозможнаго дѣла: сочинить проектъ въ пятисотенномъ собраніи само по себѣ невысказано, а въ настоящемъ случаѣ тѣмъ болѣе, что въ руководство ей былъ данъ Наказъ—не проектъ, ни даже программа кодекса, а общефилософскія начала права, заимствованныя изъ Монтеסקье и Беккариа и не имѣвшія ничего общаго съ фактическимъ состояніемъ московскаго права. Государство XVIII вѣка, сдѣлавшись государствомъ полицейскимъ въ самомъ строгомъ смыслѣ слова, принимаетъ на себя регламентацію какъ бытовой, такъ особенно и экономической жизни подданныхъ и единственнымъ источникомъ права признается только законъ, сплошь и рядомъ заимствованный и переведенный съ нѣмецкихъ и шведскихъ законодательствъ, а потому отличавшійся наименьшею ясностью и языкомъ чуждымъ народному и далеко уступавшій въ этомъ отношеніи Уложенію Алексея Михайловича.

Изложивъ въ возможной полнотѣ и какъ можно ближе къ самому тексту содержаніе книги профессора Владимірскаго-Буданова, мы не будемъ останавливаться на тѣхъ частныхъ замѣчаніяхъ, которыя можно было бы сдѣлать почтенному автору, такъ какъ въ такомъ случаѣ пришлось бы вѣдаться въ спеціальность, не представляющую интереса для читающей публики.

Весьма возможно, что многія положенія автора могут показаться априорными или недостаточно развитыми, но это объясняется характером самого труда, как пособія при слушаніи лекцій. Исчерпывая весь матеріалъ по исторіи русскаго права главнымъ образомъ по XIX вѣку, профессоръ Будановъ менѣе всего останавливается на нормахъ государственнаго права 3-го періода, такъ какъ онѣ входятъ въ составъ дѣйствующихъ правъ и излагаются въ науцѣ русскаго государственнаго права. По всей вѣроятности, эти нормы послужатъ матеріаломъ для слѣдующаго выпуска изслѣдованія, появленіе котораго въ печати составитъ такой же цѣнный вкладъ въ русскую науку, какъ и первый выпускъ «Обзора».

В. Г.

Тикноръ. Исторія испанской литературы. Переводъ съ 4-го англійскаго изданія подъ редакціей Н. И. Стороженка. Томъ II. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1886.

Хорошіе переводы хорошихъ книгъ въ такой же мѣрѣ свидѣтельствуютъ объ умственномъ ростѣ страны, какъ и собственная ея литературно-научная производительность. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такіе переводы представляютъ даже болѣе отрадное для современниковъ явленіе: высокая степень собственной производительности всегда бываетъ результатомъ трудовъ предшествовавшихъ поколѣній и можетъ проявляться наканунѣ умственнаго истощенія общества, когда послѣднее успокоится на китайскомъ самодовольствѣ; переводы же всегда предшествуютъ развитію письменности, указываютъ на недовольство своей продуктивностью и на желаніе учиться у другихъ. На нашей литературѣ это замѣтнѣе, чѣмъ, можетъ быть, на какой бы то ни было другой: и въ нашъ средневѣковой періодъ переводы съ греческаго предшествовали одному періоду литературной жизни, а переводы съ польскаго — другому. Переводы учебниковъ при Петрѣ предшествовали русской дѣловой литературѣ прошлаго столѣтія; переводы классиковъ всѣхъ странъ и народовъ при Екатеринѣ — умственному движенію при Александрѣ I; дѣятельность переводчиковъ 30-хъ годовъ — нашей литературѣ 40-хъ годовъ; въ частности: превосходные переводы романовъ Диккенса, Вальтера Скотта и др. предшествовали высокому развитію русскаго романа въ 60-хъ годахъ. Характеръ переводимыхъ книгъ, достоинство переводовъ и даже самая вѣщность изданія ихъ, съ замѣчательной точностью опредѣляютъ направление того времени, когда они выходятъ въ свѣтъ, и въ значительной мѣрѣ обуславливаютъ умственное развитіе того поколѣнія, которое будетъ учиться по нимъ. Чтобы брать примѣръ не издалека, припомнимъ переводную литературу конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ; какой потопъ книгъ наводилъ тогда наши книжные магазины, но книгъ почти исключительно серьезныхъ! Въ особенности много переводили по естественнѣднію и по исторіи; рядомъ съ переводами шли компіляціи, сокращенія, монографіи, составленныя по такимъ-то и такимъ-то европейскимъ знаменитостямъ. Видно было, что въ обществѣ сильно накопила потребность учиться, и оно горячо набросилось на трапезу знанія, предоставляемую ему предпримчивостью издателей. При такомъ умственномъ голодѣ оно, разумѣется, было неособенно разборчиво въ пищу, и рядомъ съ дѣйствительно классическими произведе-

ниями появлялось много такого, что и на своемъ-то языкѣ имѣло весьма сомнительный *raison d'être*. Та же поспѣшность и неразборчивость видна и въ достоинствѣ переводовъ: рядомъ съ превосходными трудами (напр., хотъ переводомъ Маколея, изд. Тибленомъ) появлялись уродованія книгъ подъ редакціей юныхъ и бойкихъ литераторовъ, которые и сами плохо языкъ знали (о знаніи предмета и говорить нечего), и не удосуживались просматривать труды своихъ совершенно уже невѣжественныхъ сотрудниковъ. Референтъ никогда не забудетъ, съ какимъ горемъ убѣдился онъ, что заплаченные имъ изъ тощаго студенческаго кошелька 2—3 рубля за «Исторію крестьянской войны» Циммермана пропали даромъ: переводъ оказался негоднотрастнымъ.

Лучшіе переводы того времени живутъ до сихъ поръ; плохіе вмѣстѣ съ безчисленными сокращеніями и компиляціями, къ счастью, совершенно исчезли изъ обращенія.

Въ послѣднее время переводы серьезныхъ и дѣльных историческихъ произведеній стали появляться чаще, нежели въ предыдущемъ десятилѣтіи, большею частію, въ хорошихъ изданіяхъ и съ именами переводчиковъ или редакторовъ, уже не номинальныхъ; за то переводы романовъ, выходящіе въ видѣ отдѣльныхъ изданій или въ приложеніяхъ къ разнымъ дешевымъ журналамъ, едва ли не безграмотнѣе всего, что только знаетъ русская печать. Плохой прецедентъ для беллетристики будущаго! Книга, заглавіе которой мы выписали, — одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій нашей переводной литературы. Американецъ Георгъ Тикноръ родился въ Востонѣ въ 1791 году, учился въ Дартмутской коллегіи и потомъ много занимался дома. Книга М-ше Сталь о Германіи возбуждала въ немъ желаніе поучиться въ нѣмецкихъ университетахъ. Съ 1815 по 1817 годъ онъ усердно работалъ въ Гёттингенѣ, былъ потомъ въ Парижѣ, въ Италіи, и въ 1818 году посѣтилъ Испанію, къ языку и литературѣ которой онъ уже и тогда чувствовалъ особый интересъ. Въ 1820 году, вернулся онъ на родину и преподавалъ въ высшемъ учебномъ заведеніи Востона французскую и испанскую литературы до 1835 года, когда предпринялъ вторичное путешествіе въ Европу, гдѣ и оставался 3 года. Его «Исторія испанской литературы» вышла первымъ изданіемъ въ 1849 году; скоро явились ея испанскій и нѣмецкій переводы и тотъ и другой съ значительными добавленіями. Тикноръ умеръ въ 1876 году.

Въ 1861 году, вышла у насъ «Исторія испанской литературы по Тикнору», составленная П. Кулишомъ (изъ его статей, напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ»). Не смотря на почтенное имя составителя, это одинъ изъ тѣхъ скороспѣлыхъ продуктовъ литературной горячки, объ изчезновеніи которыхъ жалѣть нечего. Не поблагодарилъ бы старикъ Тикноръ г. Кулиша, если бы онъ увидалъ свой многолѣтній трудъ въ его неумѣломъ сокращеніи, и не возвысилось бы его мнѣніе о русской культурѣ!

Нелегко найти другой случай, на которомъ такъ рѣзко выдавалась бы наша научная неврѣлость сравнительно съ нѣмцами: у нихъ въ 1852 году выходитъ полный переводъ Тикнора, сдѣланный хорошимъ знатокомъ испанскаго языка и литературы Юліусомъ, — переводъ, въ который онъ не только внесъ дополненія испанскихъ переводчиковъ Видаля и Гайянгоса, но къ которому онъ, кромѣ того, прибавилъ многочисленныя примѣчанія и добавленія свои собственные и знаменитаго специалиста Ф. Вольфа. Anhang при 2-мъ томѣ составляетъ ни больше, ни меньше, какъ 400 убористыхъ страницъ (вотъ такимъ-то образомъ нѣмцы своими переводами даютъ новую жизнь

книгамъ); мало этого: въ 1866 году А. Вольфъ издалъ дополнительный томъ по 3-му изданію оригинала; а мы, между тѣмъ, должны были удовольствоваться тощей книжкой г. Булиша, свѣдѣнія котораго въ испанскомъ языкѣ болѣе чѣмъ сомнительны, и который самъ скромно заявляетъ въ предисловіи, что увлекся Тикноромъ только вслѣдствіе невозможности заниматься своимъ дѣломъ!

Только въ 1883 году, благодаря г. Солдатенкову, вышелъ 1-й томъ полнаго перевода Тикнора, подъ редакціей профессора всеобщей литературы Московскаго университета Н. И. Стороженки, съ очень интересно составленной біографіей Тикнора. Теперь появляется 2-й томъ, наиболѣе интересный по своему содержанию для большой публики, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, главы объ испанскихъ поэтахъ, пользующихся всемірною извѣстностью: Сервантесѣ, Лопе-де-Вега и Кальдеронѣ; остается ожидать 3-го и послѣдняго тома. Имя редактора волеюъ ручается за добросовѣстность и литературную безукоризненность перевода точно также, какъ имя издателя за изящество изданія. Переводъ сдѣланъ съ 4-го англійскаго изданія, которое гораздо полнѣе и исправнѣе не только перваго, переведеннаго Юліусомъ, но и 3-го. Тѣмъ не менѣе примѣчанія и дополненія Юліуса и Фердинанда Вольфа на столько цѣнны, что они были бы далеко нелишними и въ русскомъ переводѣ. Точно также мы были бы въ правѣ ожидать, что редакція прибавитъ къ книгѣ свои примѣчанія, или, по крайней мѣрѣ, библиографію русскихъ статей и переводовъ на тотъ весьма возможный случай, что читатель, заинтересовавшись блестящей характеристикой, напримѣръ, хоть повѣстей Сервантеса, пожелаетъ прочесть ихъ; не отвергаемъ значенія англійской біографіи автора, но русская біографія редактора была бы для насъ еще полезнѣе. Можетъ быть, она явится при 3-мъ томѣ; будемъ и тогда ей рады, хотя при условіи отдѣльной продажи каждаго тома она помѣстилась бы удобнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Многочисленные отрывки изъ испанскихъ поэтическихъ произведеній приведены въ оригиналѣ и въ русскомъ прозаическомъ переводѣ; волею-неволею мы должны одобрить эту систему, такъ какъ хорошихъ стихотворныхъ переводовъ, кромѣ переводовъ г. Юрьева, мы не знаемъ. Переводы въ общемъ сдѣланы очень вѣрно, но не отличаются близостью; такъ, напримѣръ, прозаическіе переводы отрывковъ изъ Кальдерона часто дальше отъ испанскаго текста, нежели стихотворные переводы Шлегеля, приводимые у Юліуса. Мимоходомъ отмѣтимъ нѣсколько недосмотровъ, исправленіе которыхъ желательно при 2-мъ изданіи. На стр. 301 дѣвизъ Кальдероновъ: *por la fe' morigé*, слѣдуетъ перевести не «умереть за вѣру», а «я умру за вѣру». На стр. 306 *ojos alegres* (веселые глаза) невѣрно переведено: «большіе глаза»; на стр. 349 «сила уступаетъ искусству» напрасно отнесено ко всѣмъ сравненіямъ Энрике, когда оно относится только къ послѣднему; также отвѣтъ Лисиды (вѣрнѣй: Лисиды) на стр. 350 переданъ съ ничѣмъ не оправдываемыми отступленіями отъ подлинника и т. д. Для русской публики желателенъ переводъ тѣхъ испанскихъ цитатъ, которыя встрѣчаются въ примѣчаніяхъ; напримѣръ, хоть завѣщанія Лопе. При 2-мъ изданіи (желаемъ его отъ всей души) будутъ, конечно, исправлены и опечатки, особенно неудобныя въ хронологіи.

А. К.

Прошлое и настоящее оркестра. Очеркъ соціального положенія музыкантовъ, составилъ Евгеній Альбрехтъ. 1886.

Нынѣшній инспекторъ музыки при дирекціи императорскихъ театровъ въ виду того, что дирекція эта «успѣла совершить громадныя реформы въ отношеніи оркестровыхъ музыкантовъ, стелъ своею обязанностию подѣлиться личными взглядами на этотъ предметъ, съ тѣми, кто интересуется успѣхами нашей оркестровой музыки». Брошюра его (81 страница) прочтется съ большимъ интересомъ, особенно въ виду бѣдности нашей сочиненіями по этому предмету. «Исторія оперы» г. Маркова сообщаетъ свѣдѣнія собственно о пѣвцахъ, а не о музыкантахъ, г. Михневичъ въ «Очеркѣ исторіи музыки въ Россіи» говоритъ о прошломъ времени. Въ брошюрѣ г. Альбрехта едва ли не въ первый разъ появляются въ печати официальные свѣдѣнія о настоящемъ положеніи нашихъ оркестровъ и налагается дѣятельность всѣхъ директоровъ и инспекторовъ музыки при нашихъ театрахъ. Очеркъ свой авторъ начинаетъ съ технической оцѣнки оркестра и входящихъ въ него инструментовъ, затѣмъ переходитъ къ историческимъ даннымъ о значеніи музыкантовъ вообще, ихъ общественной роли и къ формированію изъ нихъ оркестровъ. О пѣвцахъ и музыкантахъ древняго міра авторъ не упоминаетъ и, сказавъ нѣсколько словъ о миннезенерахъ, музыкальныхъ цехахъ Германіи, Франціи и Англіи, распространяется о печальномъ положеніи музыкантовъ, на которыхъ смотрѣли хуже, чѣмъ на невольниковъ, почти до XVI-го столѣтія. Даже Моцарту нерѣдко приказывали явиться въ такое-то мѣсто, въ извѣстныя часы для «дѣланія музыки». Положеніе Гайдна у Эстергази, по контракту съ княземъ, немногимъ разнилось отъ положенія камердинера. Онъ долженъ былъ ежедневно являться въ прихожую князя и ждать приказанія, когда его сіятельству будетъ угодно назначить музыку. Тогда онъ долженъ былъ явиться въ мундирѣ со своими музыкантами, удостовѣрившись прежде, что они въ трезвомъ состояніи, въ чистомъ бѣльѣ и съ напудренными волосами. Мошелесъ еще въ 1818 году игралъ во время придворныхъ обѣдовъ, а Швахъ въ 1825 году во время карточной игры при штутгартскомъ дворѣ, причѣмъ ему было запрещено употреблять въ игрѣ «форте», такъ какъ это мѣшало карточнымъ переговорамъ. Ветховенъ первый страгнулъ съ себя это иго, никогда ни передъ кѣмъ не унижался и не унижалъ своего достоинства, какъ музыкантъ и какъ человѣкъ. «Въ Россіи, — говоритъ авторъ, — музыкальное искусство съ серьезно-художественнымъ направленіемъ пустило свои корни въ обществѣ только въ послѣднее десятилѣтіе».

Напрасно только онъ прибавляетъ, что «русскія пѣсни обнаруживаютъ не только сходство, но буквальную тождественность съ древне-греческою музыкою». Судя по образцамъ этой музыки, сохранившейся въ сочиненіяхъ Борнеа и Баретти, между дорійскимъ, фригійскимъ или индійскимъ тономъ и нашею музыкою общаго немного. Иностранные музыканты въ Москвѣ были не рѣдко еще задолго до путешествія Петра I за границу. Въ 1699 году, brandenburgскій посланикъ продалъ русскому царю хоръ мальчиковъ-музыкантовъ (гобистовъ) за 1,200 золотыхъ. При Елисаветѣ у всѣхъ вельможъ были свои крѣпостные музыканты, изъ которыхъ путемъ покупки этихъ «музыкальныхъ душъ» и составилъ первый придворный оркестръ, пополнявшійся впоследствии такимъ же способомъ. Еще въ 1827 году помѣ-

щикъ Афросимовъ продалъ театральной дирекціи 13 дворовыхъ людей музыкантовъ по полторы тысячи за штуку. Часть ихъ была соединена съ шеф-хористами, купленными раньше у графа Сологуба. Одинъ изъ нихъ за нетрезвое поведеніе былъ назначенъ въ истопники, и смотритель Александринскаго театра послалъ его въ 1833 году, вмѣстѣ съ другими пѣвцами, въ полицію, съ просьбою наказать ихъ розгами за ослушаніе по должности. Брошюра оканчивается краткою характеристикою всѣхъ директоровъ музыки: Ковловскаго, Ершова, Кавоса, барона Раля, Маурера, Кологривова, Ферреро. Положеніе музыкантовъ во время управленія всѣхъ этихъ лицъ было далеко не завидное. Музыканты итальянской оперы получали раньше среднимъ числомъ 500 рублей въ годъ и въ сезонѣ участвовали въ 130-ти спектакляхъ и на 60-ти репетиціяхъ. Немудрено было, что при такихъ условіяхъ они не съ особенной любовью относились къ исполненію своихъ обязанностей. Положеніе это улучшилось только въ 1882 году, съ утвержденіемъ новыхъ штатовъ для оркестра. И хотя по этимъ штатамъ не полагается уже какъ въ 1766 году при оперѣ особой должности «стихотворца», получавшаго 600 рублей жалованья, за то теперь меньше этой суммы не получаютъ въ оркестрѣ послѣднія скрипки, а первая пользуется окладомъ въ 2,400 рублей. И потому теперь нашъ оркестръ, гдѣ однихъ смычковыхъ инструментовъ 70, занимаетъ первое мѣсто въ Европѣ. (Въ лучшемъ итальянскомъ театрѣ La Scala въ Миланѣ ихъ 67). Въ оркестрѣ русской оперы теперь у насъ 101 артистъ, въ балетѣ—64.

В. З.

А. И. Невеленовъ. Рѣчь о Пушкинѣ, произнесенная въ императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, 29 января 1887 года.

Рѣчь профессора Невеленова является одною изъ массы рѣчей, сказанныхъ по поводу скорбной годовщины смерти Пушкина, и многимъ изъ этихъ рѣчей не уступитъ въ достоинствѣ замысла и въ свободѣ изложенія. Но съ нѣкоторыми чертами характеристики Пушкина, съ нѣкоторыми сравненіями автора мы положительно не можемъ согласиться, и онъ, вѣроятно, не посѣтуетъ на насъ, если мы ихъ укажемъ. Въ началѣ рѣчи, обобщая понятіе о Пушкинѣ, какъ поэтѣ, г. Невеленовъ говоритъ: «Пушкинъ тоже въ русской литературѣ, что Шекспиръ или Байронъ въ англійской»... Прежде всего мы не допускаемъ этого «или», потому что Пушкина (въ извѣстномъ періодѣ его дѣятельности) можно сравнивать съ Байрономъ по силѣ таланта и по особому общественному значенію, но ужъ никакъ нельзя серьезно сравнивать съ Шекспиромъ, и самъ Пушкинъ, вѣроятно не допустилъ бы подобнаго сравненія, при всемъ своемъ авторскомъ самолюбіи. Далѣе, г. Невеленовъ утверждаетъ, будто Пушкинъ, какъ «поэтъ красоты и художникъ преимуществу», могъ изображать только положительныя стороны и явленія дѣйствительности. Явленія отрицательныя, зло и пошлость, не входила въ кругъ его творчества. Этому утвержденію ужъ прямо противорѣчатъ факты: неужели же Скупой Рыцарь, Сальери, Мазепа, Донъ-Жуанъ, Ворисъ или Гришка Отрепьевъ представляютъ собою явленія «положительныя»? Неужели въ самомъ Евгени Онѣгинѣ Пушкинъ не бичуетъ свѣтской пошлости? Но этого мало, въ такихъ пьесахъ какъ «Капризъ», какъ «Лѣтопись села Горохина», какъ «Когда за городомъ задумчивъ я брожу»—слы-

шится поворотъ къ такому реализму, въ которомъ ясно сказывается имени «отрицательное направление».

Несовсѣмъ вѣрно указаны, на нашъ взглядъ, и отличительныя черты поэтическаго таланта Пушкина, въ которомъ мы рѣшительно не видимъ ни «спокойнаго веселаго юмора», ни «нѣжности и гуманности», ни «кроткой (?) человѣчности» чувства⁴⁾. Такую же невѣрность пониманія личнаго характера Пушкина видимъ мы и въ слѣдующихъ фразахъ рѣчи: «сдержанный и спокойный, благодушный (?) поэтъ вышелъ изъ себя» (стр. 15), и далѣе: «въ гармонической согласной душѣ Пушкина нарушилось согласіе»... На сколько мы знаемъ характеръ Пушкина по всѣмъ доселѣ извѣстнымъ біографическимъ даннымъ, онъ никогда не отличался ни «сдержанностью», ни тою ровностью характера, которая вноситъ «спокойствіе» и гармоническое согласіе въ душу человѣка. Всегда и во всемъ порывистый и страстный, онъ по тому самому не могъ проявляться благодушно даже по отношенію къ друзьямъ своимъ. Даже въ порывахъ шумной веселости у него всегда слышалась плохо затаенная горечь и соль. А такіе страстные, порывистые, огневые темпераменты никогда не выпадаютъ на долю то великое благо, которое называемъ гармоніей, согласіемъ души, и отношенія къ Дантесу (о которыхъ упоминаетъ г. Невеленовъ) вовсе не нарушили этого согласія въ душѣ Пушкина—они переполнили ту давно полную чашу горечи и отвращенія къ жизни, которую много лѣтъ сряду носилъ въ душѣ своей нашъ великій поэтъ, уже начинавшій мечтать о деревенской глуши, какъ о единственной отрадѣ.

Въ заключеніе высказаннаго нами, замѣтимъ, что вся рѣчь г. Невеленова, съ начала и до конца, проникнута самымъ теплымъ, неподдѣльнымъ чувствомъ и глубочайшимъ уваженіемъ къ славіи Пушкина, какъ къ русской народной славіи.

II. II.

Фердинандъ Грегоровіусъ. Исторія Рима въ средніе вѣка. Съ пятаго вѣка до шестнадцатаго (sic). Переводъ съ нѣмецкаго В. И. Савина. Пятый томъ. Спб. 1886.

Въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1886 годъ, мы дали отчетъ о шестомъ томѣ книги Грегоровіуса, съ котораго г. Савинъ началъ свой переводъ этого капитальнаго труда, и сказали, въ заключеніе нашей рецензіи, что имѣемъ слишкомъ мало данныхъ, чтобы надѣяться на появленіе другихъ томовъ. Егггггг, рессави! — долженъ теперь воскликнуть референтъ, обращаясь къ читателямъ: г. Савинъ пристыдилъ его своей энергіей, и хотя не исполнилъ своего обѣщанія, выпустить весь трудъ «втеченіе года времени», какъ выразился онъ въ своемъ предисловіи, всетаки же не оставилъ дѣла и вслѣдъ за шестымъ томомъ Грегоровіуса теперь выпускалъ въ свѣтъ пятый.

Энергія, настойчивость, твердость характера—прекрасныя вещи, но, какъ говорить сатана въ Донъ-Жуанѣ Толстаго:

«Вѣдь каждый данный пунктъ, характеръ или ликъ,
Мы можемъ мысленно, по нашему капризу,
И кверху продолжать и книзу».

⁴⁾ «Гуманность» и «человѣчность», сопоставленныя рядомъ, не составляютъ ли плеоназма?

Такъ и эти добродѣтели въ переводчикѣ-издателѣ, спущенныя книзу, переходятъ въ ничѣмъ не оправдываемое упорство. Г. Савинъ едва ли не виновенъ въ подобномъ упорствѣ. Мы не претендуемъ на особое вниманіе съ его стороны къ нашимъ замѣчаніямъ, высказаннымъ въ июльской книжкѣ; но мы не сомнѣваемся, что и знакомые г. Савина указали ему и на ошибку въ заглавіи, и на неудобство читать сочиненіе съ середины, и на невыгоду переводить съ 1-го изданія сочиненіе, которое давно уже вышло во 2-мъ, исправленномъ изданіи. Но г. Савинъ остался «твердъ, спокоенъ и угрюмъ»; онъ попрежнему вѣренъ старому изданію Грегоровіуса и держится своей системы переводить Грегоровіуса въ обратномъ порядкѣ, отъ 6-го тома черезъ 5-й и т. д. до 1-го (удостоятъ ли онъ своимъ вниманіемъ 7-й и 8-й томы, намъ неизвѣстно); а тяжесть его языка превратилась, если смѣемъ такъ выразиться, въ неподъемность.

5-й томъ Грегоровіуса по содержанію также интересенъ, какъ и шестой; онъ обнимаетъ событія отъ 1198 года до 1305 года, т. е. весь XIII вѣкъ, который представляетъ собою высшій культурнонаціонный пунктъ среднихъ вѣковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ начало ихъ разложенія. «XIII вѣкъ, какъ говорить Грегоровіусъ, есть эпоха великой борьбы за свободу противъ приходящей въ ветхость «легитимности»; эпоха возстанія городовъ противъ феодальнаго дворянства, демократіи—противъ имперской монархіи, церкви—противъ имперіи, ересей—противъ папства». Въ этомъ вѣкѣ окончательно сложились знаменитыя партіи гвельфовъ и гибеллиновъ; въ этомъ вѣкѣ жилъ и дѣйствовалъ знаменитый предшественникъ «просвѣщеннаго деспотизма» императоръ Фридрихъ II; въ этомъ томѣ рассказана трагическая исторія Манфреда и Конрадина: здѣсь — эпоха междуцарствія, этотъ великій переломъ, который такъ ясно выразился въ различіи героическихъ Гогенштауфеновъ съ ихъ честолюбивыми міровыми задачами, отъ перваго экономнаго императора-собрателя Рудольфа Габсбургскаго; здѣсь подробно рассказана вся исторія папы Бонифація VIII, котораго ждетъ въ Дантовомъ аду, въ долиніи симоністовъ, ужасная огненная яма и который одною изъ своихъ многочисленныхъ политическихъ интригъ отвратилъ навсегда отъ свѣтской власти папъ великаго флорентійца, а черезъ него и всю современную намъ Италію, на Дантѣ воспитанную; здѣсь—борьба этого Бонифація съ Филиппомъ Красивымъ, борьба, въ исходѣ которой такъ рѣзко выразился измѣнившійся духъ вѣка, когда уже не идея, а расчетъ руководитъ мнѣніемъ народа; здѣсь сицилійскія вечерни; здѣсь начало 70-ти-лѣтняго плѣненія папъ; въ наукѣ въ этомъ вѣкѣ Тома Аквинскій приводитъ въ невыблемую систему схоластическое богословіе; въ искусствѣ—Джіотто начинаетъ итальянскую живопись; въ повѣи начинаютъ и отвѣчаютъ школы сицилійская и тосканская. Однимъ словомъ это вѣкъ Данта и, стало быть, его исторія—лучшій комментарий на «Божественную комедію».

Тому, кто совѣмъ не знаетъ повѣмцаки, а между тѣмъ, нуждается въ дѣльной монографіи по исторіи XIII столѣтія, г. Савинъ, конечно, принесъ пользу; лучше побороть трудности его своеобразнаго стиля и закрыть глаза на довольно многочисленные недосмотры, нежели вовсе остаться безъ пособія; но кто хоть кое-какъ понимаетъ повѣмцаки, скорѣй уразумѣетъ оригиналь, нежели переводъ г. Савина. Намъ пришлось бы выписать третью книгу, если бъ мы задумали привести всѣ тяжелыя, неудобочитаемыя фразы г. Савина; ограничимся немногими изъ нѣсколькихъ страницъ. «Къ губи-

тельному королю Франціи писалъ Иннокентій III мучительныя посланія» (стр. 53). «Возможно ли въ виду столь черезъ край захватывающихъ максимъ безъ того, чтобы не погрязнуть всякую справедливость, на однихъ императоровъ вваливать вину великаго раздора» (105). «Затѣмъ на блѣломъ походѣ слѣдовалъ самъ папа, котораго вправо и влѣво вели за уздцы сенаторы или дворяне» (стр. 6). Прелестная картина! сенаторы ведутъ папу и «за» устцы дергаютъ его то вправо, то влѣво! На каждомъ шагу встрѣчаются выраженія, въ родѣ: «дьяволическія интриги», «пакты Гагенау», «посаженіе Готфрида», «разбитіе замысловъ Манфреда», «овладѣніе ими сенаторомъ», «избирательный вотъ» (т. е. votum; понятнѣеки стоитъ: Wahlstimme), «государственно-правно—принятая (reichsrechtlich anerkannte) церковная область»; «нота (вмѣсто замѣчаніе) Панеброха». Въ конструкціи г. Савинъ держится обычаевъ прошедшаго столѣтія; онъ систематически пишетъ: достигнуть будучи, сослану быть, удалену быть; укрѣпленія ради своей монархіи; но кое-гдѣ дозволяетъ себѣ такую въ этомъ отношеніи свободу, которой пользовался только Тредьяковскій, да и то исключительно въ стихахъ: «Въ только-что завоеванной Фавнцѣ получилъ онъ (Фридрихъ II) извѣстіе объ освободившей отъ его собора схваткѣ» (стр. 119). Поймите, если можете; а вѣдь какъ просто понятнѣеки: ...empfang er die Nachricht von dem Handbreich (здѣсь не схватка, какъ видно изъ предыдущаго, а цѣлая морская битва, въ которой погибъ генуэвскій флотъ), der ihn von Concil befreite. Иногда къ оригинальности конструкціи присоединяется и слишкомъ оригинальная передача словъ на русскій. Напримѣръ, на стр. 17 рассказывается, какъ папа, воюя съ императоромъ, сдѣлалъ воззваніе къ римлянамъ, и тѣ принимали крестъ изъ его рукъ. «Въ сосѣднемъ Витербо осмѣялъ Фридрихъ число и вѣсь крестоносцевъ, которымъ пришлось испытать тягчайшій его гнѣвъ, какъ скоро они попали въ его власть». Читатель, конечно, не пойметъ, какое отношеніе къ дѣлу имѣлъ вѣсь крестоносецъ и при этомъ останется въ убѣжденіи, что Фридрихъ вавѣсилъ ихъ, когда они попали въ его руки. Но изъ дальнѣйшаго онъ убѣдится, что крестоносцы рукъ Фридриха избѣжали, а если онъ возьметъ оригиналь, онъ увидитъ, что вѣсь есть своеобразный переводъ слова Stand. Здѣсь уже къ «оригинальности» присоединяется невѣрная передача текста, недосмотръ въ переводѣ. Отмѣтимъ еще нѣсколько подобныхъ недосмотровъ. Напрасно г. Савинъ unkritisch всегда переводитъ словомъ антикритически. На стр. 5 и слѣд. напрасно переводчикъ Канцеллера называетъ Канцеллери. На той же стр. мы читаемъ, что оконечности папской тиары были украшены карбункуломъ; въ текстѣ говорится, что на верхушкѣ ея былъ карбункулъ. Непонятно на стр. 4, что такое кардиналь-дьяконіи; на стр. 12 деманіальныя имѣнія города и т. д.

На сколько неудобно издавать пятый томъ прежде четырехъ первыхъ, видно хоть бы изъ того, что въ примѣчаніяхъ авторъ очень часто дѣлаетъ ссылки на предыдущіе томы съ указаніемъ страницъ; переводчикъ добросовѣстно приводитъ эти цифры. Что дадутъ онѣ русскому читателю, когда у него теперь этихъ томовъ нѣтъ; а когда они явятся порусски, то всѣ цифровыя указанія, сдѣланныя на страницы оригинала, окажутся невѣрными.

А. К.

Святые Кирилъ и Меѳодій, первоучители славянскіе. Малышевскаго. Кіевъ. 1886.

Авторъ книги первоначально имѣлъ въ виду составить краткую рѣчь на тысячелѣтній юбилей кончины Св. Меѳодія Моравскаго, но при обработкѣ этого труда и приготовленіи его къ печати задачи изслѣдованія значительно раздвинулись, вслѣдствіе чего мы имѣемъ теперь не краткую рѣчь, а довольно объемистое изслѣдованіе (2 + 484 страницы), въ семи главахъ. Въ основу своего труда авторъ положилъ убѣжденіе въ достоинствѣ древнихъ, про- странныхъ «житій» св. Кирилла и Меѳодія, какъ начальнаго и основнаго источника для ихъ исторіи. «На этой основѣ, при должномъ вниманіи къ другимъ источникамъ и къ трудамъ изслѣдователей,—говоритъ авторъ,—обработано настоящее сочиненіе о св. первоучителяхъ славянскихъ, какъ сочиненіе историческое. Авторъ желалъ представить въ немъ возможно ясное, истинное и цѣлостное воспроизведеніе жизни и дѣятельности св. первоучителей, сосредоточенное на главномъ жизненномъ подвигѣ ихъ. Въ частности авторъ старался яснѣе и тверже установить историческую значимость тѣхъ извѣстій «житій», какія оставались менѣе другихъ выясненными, или болѣе другихъ подпадали сомнѣніямъ и возраженіямъ относительно исторической достовѣрности ихъ. Ближайшая связь заключительныхъ извѣстій житія Меѳодія съ извѣстіями о судьбѣ славянской церкви въ Моравіи и Панноніи при его ученикахъ побуждала автора восполнить свой трудъ изложеніемъ и разборомъ этихъ извѣстій». Изслѣдованіе оканчивается изложеніемъ свѣдѣній о разрушеніи моравской державы и національной ея церкви уграми и о второмъ расцѣпленіи учениковъ св. Меѳодія, послѣ угорскаго погрома, въ сосѣднія славянскія земли. Къ книгѣ приложенъ историческій очеркъ монашеской жизни на Олимпѣ, гдѣ жили св. Константинъ и Меѳодій до отправленія въ хазарскую миссію. На сколько помнимъ, изъ всей русской ученой литературы, появившейся по случаю правднованія тысячелѣтія со дня кончины св. Меѳодія, изслѣдованіе И. И. Малышевскаго—едва ли не самое капитальное. Особенную цѣнность сообщаютъ ему новое обследованіе нѣкоторыхъ частныхъ изъ жизни св. равноапостольныхъ братьевъ и обращеніе вниманія на второстепенные и даже сомнительные источники свѣдѣній о ихъ жизни, съ цѣлію найти въ нихъ верно исторической правды. Мѣстами у автора есть предположительные выводы, требующіе новаго пересмотра, а мѣстами и нѣкоторыя опущенія. Въ восполненіе послѣднихъ, съ своей стороны мы можемъ указать на нѣкоторыя свѣдѣнія о горѣ Олимпѣ въ житіи св. Георгія езерника, подъ 24 августа, и въ рассказѣ нѣкоего Олимпскаго старца Софронія объ иноческой жизни, помѣщаемыхъ въ печатномъ прологѣ (21 іюня), Скитскомъ Патерикѣ, Старчества и Лавсакѣ.

Н. П.

Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія. Лингвистическо-историческіе матеріалы для изслѣдованія индогерманской древности. Д-ра О. Шрадера. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1886.

Имя Шрадера, какъ замѣчательнаго лингвиста-палеонтолога, не нуждается въ рекомендаціи: оно достаточно извѣстно всѣмъ, занимающимся филологическими науками. Одно изъ важныхъ достоинствъ Шрадера состоитъ въ томъ, что онъ строгую научность умѣетъ соединять съ доступностью из-

ложения, его труды полезны и узкому кружку специалистов, и «научно-образованным профанам». Таков же характер изложения и настоящей книги, недавно переведенной на русский язык. Какъ видно изъ ея заглавія, Шрадеръ ставитъ себѣ дѣлю рассмотреть, на сколько сравненіе языковъ примѣнно и дѣйствительно примѣнялось къ изученію первобытной исторіи человечества, и въ особенности народовъ индогерманскихъ. «Сравнительная филологія,—говоритъ онъ,—получившая новую жизнь чрезъ открытіе санскрита, показала такія связи между народами, о которыхъ не было до нея и предчувствія; напримѣръ, единство народовъ индогерманскаго или семитическаго семейства. Мало того: молодая наука лингвистика проложила новые пути изслѣдованія доисторическихъ временъ и исторіи культуры. Какъ археологъ спускается съ киркою и заступомъ въ глубину земли, чтобы находить слѣды прошлаго въ костяхъ, черепакахъ, камняхъ, такъ филологъ попытался воссоздать образъ первобытной жизни изъ обломковъ словъ, вынесенныхъ на берегъ преданія изъ пучины неизмѣримо далекихъ временъ. Теперь едва ли кто издастъ исторію какого нибудь индогерманскаго народа безъ вступительной главы, рассказывающей, какъ этотъ народъ въ глубокой древности жилъ еще вмѣстѣ со своими индогерманскими братьями на далекой родинѣ и уже тамъ занимался скотоводствомъ и земледѣліемъ въ размѣрѣ, почти подобномъ нынѣшнему, какъ онъ уже и тогда былъ знакомъ съ добываніемъ и обработкою металловъ, какъ управляли имъ князья, какія у него были деревни, города и т. д.». Но, къ сожалѣнію, въ такихъ изслѣдованіяхъ очень много шаткаго, неточнаго, многое приходится или совсѣмъ отвергнуть, или видоизмѣнить. Первая глава сочиненія Шрадера посвящена историческому обзору и оцѣнкѣ всѣхъ этихъ теорій. Затѣмъ является вопросъ, какими фактами, добытыми путемъ филологическихъ изслѣдованій, можетъ пользоваться историкъ, и какіе ему не пригодны? Многіе изъ результатовъ филологической науки оказываются несогласными съ изслѣдованіями археологическими. Ихъ надо согласить. Критическому разбору этой стороны дѣла посвященъ второй отдѣлъ книги. Эти два отдѣла составляютъ главную суть всего сочиненія, въ нихъ обнаруживается блестятельный критическій талантъ автора, и они лучше всего обработаны. Въ двухъ другихъ отдѣлахъ Шрадеръ рассматриваетъ вопросъ о появленіи металловъ у первобытныхъ индогерманскихъ народовъ и дѣлаетъ общую характеристику ихъ доисторическаго быта. Эта часть гораздо слабѣе, хотя по эрудиціи и она замѣчательна, но въ ней много апіорнаго, какъ и въ многихъ другихъ филологическихъ трудахъ. Такова въ краткихъ чертахъ сущность книги Шрадера, и нельзя не порадоваться появленію ея перевода, сдѣланнаго весьма удовлетворительно. Онъ представляетъ собою важный вкладъ въ нашу бѣдную лингвистическую литературу.

В—ъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Русскіе писатели въ переводахъ сѣверо-американцевъ. — Путешествіе по Россіи въ XVI вѣкѣ. — Существовалъ ли Ликургъ? — Книга Ксенофонта о Спартѣ. — Конетабль Ришмонъ. — Римскій соборъ. — Хроника академическихъ выборовъ. — Исторія Карла V. — Литература при Генрихѣ II. — Этюды XVII и XVIII вѣка. — Книга Доде объ эпохѣ второй коалиціи. — Политическая комедія Франція на судѣ Германіи. — Борьба за мировое владычество. — Историческія основы современной Европы. — Исторія Европы. — Колоніальная Франція. — Банкротство Индіи. — Два сочиненія о Персіи.

МОДА НА русскую литературу, ослабѣвшая нѣсколько на Западѣ (противъ нея, въ послѣднее время возсталъ, изъ личныхъ расчетовъ, та самая школа Зола и «протоколистовъ», которая восхваляла все русское), перешла теперь и за Атлантическій океанъ, къ нашимъ сѣверо-американскимъ друзьямъ. Въ Нью-Йоркѣ вышли въ послѣднее время переводы «Анны Карениной», «Преступленія и наказанія» и «Тысячи душъ». Имена Л. Толстого, Достоевскаго, Писемскаго мелькаютъ во всѣхъ газетахъ, восхищающихся этими авторами. Но въ особенности восхваляется американская журналистика Гоголя за его «Мертвыя души», «Майскую ночь» и «Тараса Бульбу». Последнее произведеніе называютъ «однимъ изъ величайшихъ созданий нынѣшняго столѣтія» (one of the great novels of this century). Газеты: «New-York Times», «Nation», «Traveller», «Beacon», «Interior», приглашаютъ американцевъ знакомиться съ русской литературой. Книгопродавцы наперерывъ готовятъ переводы русскихъ авторовъ.

— Англичанъ болѣе интересуютъ серьезныя сочиненія о Россіи. «Историческій Вѣстникъ» представилъ уже, въ отдѣльныхъ статьяхъ, разборъ нѣсколькихъ подобныхъ сочиненій. Недавно вышли «Давнишнія поѣздки и путешествія по Россіи и Персіи Антона Дженкинсона и другихъ англичанъ» (Early voyages and travels in Russia and Persia by Anthony Jenkinson).
«истор. вѣстн.», мартъ, 1887 г., т. XVII.

kinson and other englishmen). Дженкинсонъ былъ въ Россіи вслѣдъ за Ченселоромъ, «открывшимъ Вѣлое море», по словамъ англичанъ, и хотя Ричардъ Ченселоръ и Стефанъ Борроу положили начало знакомству Англии съ Россіею, болѣе ясныя и подробныя извѣстія о ней сообщилъ Дженкинсонъ, обладавшій болѣе основательными географическими свѣдѣніями и распространившій торговыя сношенія англичанъ, даже до береговъ Каспійскаго моря. Онъ совершилъ два путешествія изъ Англии черезъ Россію въ Бухару и обратно въ 1557—1560 годахъ и въ Персію и обратно въ 1561—1563 годахъ. Въ обѣ эти поѣздки онъ долго жилъ въ Россіи не только по торговымъ дѣламъ, но и по дипломатическимъ причинамъ. И въ наше время нелегко совершить путь отъ Гревесенда до Заравшана черезъ Вѣлое море, Архангельскъ, Москву, Астрахань, Мангизлакъ, Ургенджъ и на Оксусъ, въ древнюю Вактрію. А это былъ маршрутъ Дженкинсона. Другая поѣздка его изъ Хаввика въ Персію по Каспію, Волгѣ и юго-западнымъ областямъ ея, представляла не меньше трудностей и опасностей. Любопытно описаніе положенія этихъ странъ слишкомъ три столѣтія тому назадъ. Вухарскій ханъ былъ очень любезенъ съ Дженкинсономъ, расспрашивалъ его о русскомъ царѣ и султанѣ, объ англійскихъ законахъ приличія, позволилъ ему обѣдать въ своемъ присутствіи, учился у него стрѣлять изъ ружья, но при отъѣздѣ его отнял у него всѣ товары и не заплатилъ за нихъ ни гроша. О Персіи англичане имѣли также весьма смутныя понятія, и королева Елисавета отправила съ Дженкинсономъ письмо къ персидскому шаху на латинскомъ, англійскомъ, еврейскомъ и итальянскомъ языкахъ, «не зная, на какомъ изъ нихъ говорить его величество». Письмо было адресовано «могущественнѣйшему и побѣдоносному владыкѣ, великому Софи, повелителю персіянъ, мидянъ, парянъ, гиркановъ, киркарійцевъ, маргіанъ, народовъ по обѣимъ берегамъ Тигра и всѣхъ племенъ и націй между Каспійскимъ моремъ и Персидскимъ заливомъ». Письмо англійской королевы не послужило, впрочемъ, ни къ чему, и шахъ не вошелъ черезъ посредство Дженкинсона въ сношенія съ Англіей, а только подарилъ ему кафтанъ, шитый золотомъ. Въ этомъ объемистомъ двухтомномъ сочиненіи заключаются также свѣдѣнія, обращающія другими путешественниками: Ричардомъ Джонсономъ о Новой Землѣ, Соуттгемомъ и Спаркомъ, проѣхавшими изъ Холмогоръ по сѣверной Двинѣ и западной части Онежскаго озера до Новгорода, Томасомъ Рандольфомъ, англійскимъ посланникомъ въ Россію, и другими путешественниками. Многие изъ нихъ кончили печально свою жизнь. Алькоокъ былъ убитъ близъ Шемахи, Соуттгемъ сгорѣлъ въ московскомъ пожарѣ, Эдуардсъ умеръ отъ изнурительной болѣзни въ Астрахани. Книга снабжена историческими и филологическими примѣчаніями, къ ней приложено много любопытныхъ картъ и портретъ Ивана IV.

— Молодой французскій ученый Ганри Базенъ издалъ двѣ диссертаціи о двухъ спорныхъ вопросахъ древняго міра. Одна, написанная на латинскомъ языкѣ, «О Ликургѣ» (*De Lycurgo. Disseruit H. Bazin*), рѣшаетъ вопросъ о личности спартанскаго законодателя, самое существованіе котораго оспаривается нѣкоторыми историками. Такъ Гельцеръ приписываетъ составленіе лакедемонскаго законодательства дѣлой коллегіи Ликургидовъ, какъ рансодіе Иліады приписывались дѣлой серіи гомеридовъ. Законы эти, по мнѣнію Гельцера, были составлены въ Дельфахъ и имъ присвоено имя *Λυκουργος*, какъ одинъ изъ эпитетовъ Аполлона, дельфійскаго бога. Базенъ напротивъ дока-

зываетъ, что Ликургъ былъ не мифъ, а человѣкъ, только онъ жилъ не двѣсти лѣтъ спустя послѣ завоеванія дорійцами Пелопонеза, а во время этого завоеванія. Фактомъ этимъ объясняется все направленіе этого законодательства, вся исторія Ликурга, какъ говоритъ Базенъ: *fact, qua tota illuminatur Lycurgi historia*. Другая диссертація «Республика Лакедемонянъ Ксенофонта» (*La république des Lacédémoniens de Xénophon*) отстаиваетъ подлинность этого сочиненія и принадлежность его знаменитому писателю. Науманъ, Кобетъ, Эрнеръ доказывали подлинность этого сочиненія сходствомъ его языка съ «Киропедіею», хотя Можсенъ видѣлъ въ нихъ разницу на основаніи филологическихъ изысканій. Но Базенъ подтверждаетъ вѣскими аргументами, что это сочиненіе написано въ 394 году до Р. X. на извѣстный случай (*un écrit de circonstance*) съ политической цѣлью. Въ Спартѣ въ это время боролись двѣ партіи: новаторовъ съ Лизандромъ въ главѣ и консерваторовъ подъ предводительствомъ Агезилая. Ксенофонтъ принадлежитъ къ послѣдней партіи и своимъ сочиненіемъ хотѣлъ опровергнуть политическій памфлетъ Клеона Галикарнаскаго, приверженца реформъ.

— Изъ трехъ конетаблей, которыхъ Бретань дала Франціи въ самый критическій періодъ ея исторіи, менѣе другихъ извѣстенъ конетабль Ришмонъ. Теперь Э. Косно издалъ его біографію: *Le connetable de Richemont*. Дюгескленъ и Оливье Клиссонъ изображены не разъ во всѣхъ подробностяхъ ихъ общественной и частной жизни, но и судьба Артура Ришмона заслуживаетъ вниманія историка. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ брошенный въ среду междоусобныхъ войнъ, возгорѣвшихся послѣ убійства герцога орлеанскаго, любимецъ дофина Людовика, конетабль Карла VII, продолженіе 33-хъ лѣтъ, наконецъ, герцогъ бретанскій—игралъ выдающуюся роль во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ своего отечества. Авторъ его біографіи даетъ полное понятіе о поступкахъ и характерѣ своего героя. Особенно выясняется, изъ книги Косно, роль, которую конетабль игралъ при освобожденіи своего отечества отъ англійскаго владычества и при возрожденіи Франціи. Особенно важны его заслуги по образованію постоянного войска изъ нестройныхъ наемныхъ кондотьеровъ, грабившихъ страну, которую они призваны были очищать отъ непріятеля. Взятый въ плѣнъ англичанами при Авинькурѣ, Ришмонъ близко изучилъ ихъ военное устройство и заимствовалъ у нихъ все, что болѣе примѣнимо къ французскому войску. Книга Косно полна любопытныхъ фактовъ и изысканій, но написана тяжелымъ языкомъ.

— Шарль Ириартъ написалъ любопытныя воспоминанія о соборѣ (*Autour d'un concile*), созванномъ Піемъ IX въ 1869—1870 году. Авторъ состоялъ при французской миссіи, отправленной на соборъ, и имѣлъ случай видѣть вблизи и изучить всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этого послѣдняго акта папскаго величія. Всего 17 лѣтъ прошло съ того времени, но теперь нѣтъ уже и поминъ о прежнихъ торжествахъ, а главное—о прежней власти папѣ, и противъ оставленнаго почти всѣми Ватикана воздвигается Квириналь, изъ котораго король Італія горко слѣдитъ за главою католицизма, наливающего въ безплодныхъ энцикликахъ бессиленный гнѣвъ на равнодушіе міра къ интересамъ папства. Самый Римъ теперь уже далеко не тотъ, какимъ былъ при Піѣ IX, и авторъ, рисуя нравы вѣчнаго города, сохраняетъ для потомства уже почти изгладившіяся черты недалекаго прошлаго.

— Альберъ Руксель составилъ «Хроникъ выборовъ во французскую академію» (*Chroniques des élections à l'Académie française*). Академія

всѣхъ странъ пользуются репутаціей отсталости отъ современнаго движенія литературы или науки и партійностью въ выборѣ своихъ членовъ. Арсеній Гуссе написалъ чрезвычайно любопытную книгу: «Исторія сорокъ перваго кресла въ академіи», гдѣ привелъ имена всѣхъ даровитыхъ писателей, не попавшихъ ни на одно изъ сорока академическихъ креселъ, вслѣдствіе интригъ или кумовства почтенныхъ академиковъ. Гуссе рассказалъ также, почему академія не выбирала въ члены даже такихъ писателей, какъ Мольеръ и Вальзакъ. Теперь Руксель взялся разъяснить, почему академія выбираетъ такихъ членовъ, которые въ ней засѣдаютъ. Къ сожалѣнію, онъ доводитъ свои изслѣдованія только до 1841 года, когда былъ избранъ Викторъ Гюго. Болѣе ближайшія къ намъ времена представляли бы, конечно, болѣе интереса, но авторъ видимо боялся разравнять академическихъ гусей разсказами о ихъ недавнихъ подвигахъ, памятныхъ еще всякому. Нетерпимость «бессмертныхъ» высказывается, конечно, въ болѣе рѣзкихъ формахъ при забалотированіи кандидатовъ, не признающихъ авторитета устарѣвшаго учрежденія, и Руксель обнаруживаетъ по этому поводу много интересныхъ закулисныхъ тайнъ.

— О царствованіи французскаго короля Карла V нѣтъ отдѣльныхъ монографій, вѣроятно, потому, что въ его время не было выдающихся событій. Король не одержалъ ни одной побѣды надъ англичанами и управлялъ страной, не дѣлая никакихъ реформъ. Но Шарль Вену составилъ, всетаки, книгу «о политикѣ Карла V» (*La politique de Charles V*). Авторъ воспользовался всѣми извѣстными матеріалами, относящимися къ тому времени, и сдѣлалъ изъ нихъ необыкновенные выводы. Стараая защитить короля отъ обвиненія въ стремленіи къ самодержавію, авторъ, однако, недостоаточно отмѣтилъ то, что Карлъ V сдѣлалъ для укрѣпленія королевской власти. Въ своей привязанности къ конституціонизму, Вену даже утверждаетъ, что Карлъ старался передать народу контроль надъ королевской властью, что уже совершенно ошибочно, такъ какъ этотъ монархъ заботился только объ уничтоженіи феодализма. О представительномъ правленіи не могло быть и рѣчи во Франціи XIV вѣка.

— Замѣчательна также книга Бурсье: «Утонченныя нравы и придворная литература Генриха II» (*Les mœurs polis et la littérature de cour sous Henri II*). Авторъ описываетъ и анализируетъ нравственное и умственное состояніе Франціи послѣ блестящаго правленія Франциска I и наканунѣ междоусобной войны за религію. Царствованіе Генриха II бѣдно политическими событіями, но въ это время литература, развившаяся при дворѣ, имѣла большое вліяніе и на французское общество. Въ этомъ отношеніи авторъ основательно считаетъ Генриха II предшественникомъ Людовика XIV. Вену тщательно прослѣдилъ преобразование средневѣковыхъ литературныхъ традицій въ эпоху вожделения, съ ея любовью къ греческому и римскому міру, къ пластическимъ искусствамъ, принесеннымъ во Францію итальянцами, и съ развитіемъ французскаго духа въ лицѣ Ронсара и Меллена де Сен-Желе, значеніе которыхъ, также какъ и вліяніе общества, мѣтко характеризовано авторомъ.

— Ганото издалъ «Историческіе этюды XVII и XVIII вѣка во Франціи» (*Etudes historiques sur le XVII et le XVIII siècle en France*). Это рядъ очерковъ, относящихся къ исторіи монархическихъ идей и учреждений, отъ Франциска I до Людовика XIV, развивавшихся при дворѣ въ то время,

когда въ народѣ созрѣвало стремленіе къ свободѣ. Очень рельефна характеристика Франциска I, захватившаго въ свои руки, посредствомъ конкордата, финансы страны, и Генриха IV, главнаго основателя неограниченной монархіи. Авторъ не очень высоко ставитъ личныя качества этого короля и успѣхи его внутренней политики приписываетъ расчетливому Сюлли. Что же касается до военной политики короля, ея шаткость давно уже замѣчена всіми историками. Авторъ напрасно видитъ въ религиозныхъ войнахъ преобладаніе политическихъ интересовъ: и у католиковъ, и у гугенотовъ религія въ эту эпоху часто заставляла забывать всѣ прочіе интересы. Очень хороша глава объ исторіи первоначальнаго обученія во Франціи до 1789 года, портреты кардинала Ретца, Сен-Симона и др. Книга вообще заслуживаетъ изученія.

— Къ своей книгѣ «Вурбоны и Россія», о которой мы уже говорили въ прошломъ году, Эрнестъ Доде выдалъ дополненіе подъ названіемъ «Эмигранты и вторая коалиція» (*Les émigrés et la seconde coalition, 1797—1800*). Исторія арміи Конде, игравшей довольно жалкую роль, разсказана только въ одной главѣ. Но особенно интересна переписка Павла I съ принцемъ Конде отъ 1795 по 1800 годъ. Разоблачены также интриги Барраса и Дюмурье, попытка Людовика XVIII купить содѣйствіе Барраса, доносы Дюмурье и его сношенія съ принцемъ Карломъ Гессенскимъ, съ Людовикомъ XVIII и Россіей; его планы вторженія во Францію съ цѣлью поднять въ ней народъ противъ директоріи, разрушившіяся оттого, что Павелъ I сдѣлался вдругъ почитателемъ генерала Бонапарте. Все это полно интереса.

— Замѣчательна также книга Дармуа: «Политическая комедія, воспоминанія статиста» (*La comédie politique, souvenirs d'un comparse*), хотя она и принадлежитъ къ категоріи памфлетовъ. Основаніемъ ей служить переписка Эмиля Оливье съ Клеманомъ Дювернуа по поводу переговоровъ Оливье съ Наполеономъ III о вступленіи въ министерство. Журналистъ предостерегалъ этого жалкаго государственнаго дѣятеля, что его переходъ изъ либераловъ въ министры не спасетъ наполеоновской монархіи. Но Оливье, съ такимъ «легкимъ сердцемъ» подстрекавшій Наполеона III объявить войну Пруссіи, говорилъ, когда уже нѣмцы вторглись во Францію: «Императоръ не знаетъ, какую прекрасную старость мы ему готовимъ». Авторъ разсказываетъ множество анекдотовъ, иногда несовсѣмъ правдоподобныхъ, какъ, на примѣръ тотъ, что причиною войны съ Мексикой была вражда Морни съ Валуевскимъ, поссорившихся изъ-за ложи въ Большую оперу. Авторъ преслѣдуетъ Тьера своими сарказмами, но, описывая его претензіи быть великимъ полководцемъ, приводитъ въ то же время его рѣчи противъ войны, полныя предусмотрительности и гражданскаго мужества.

— Гран-Бартере, авторъ «Исторіи карикатуры въ Германіи и Австріи», написалъ любопытный вступъ «Франція на судѣ Германіи» (*La France jugée par l'Allemagne*). Это сборникъ мнѣній и сужденій нѣмцевъ о политическомъ и общественномъ характерѣ французовъ. Авторъ не объясняетъ, однако, причинъ, почему нѣмцы такъ плохо знаютъ и дѣвять своихъ зарейнскихъ сосѣдей, съ которыми готовятся вести новую войну, долженствующую нивести Францію въ разрядъ второстепенныхъ державъ, не имѣющихъ значенія въ политическомъ мірѣ. Во всѣ историческія эпохи нѣмцы были всегда несправедливы къ французамъ, хотя часто подражали имъ во всемъ, даже въ ихъ недостаткахъ. Франція, напротивъ, всегда болѣе симпатизировала Германіи, конечно, кромѣ 1870 года, и какъ ни строга сужденія нѣмцевъ о

французахъ, послѣдніе относились къ своимъ соотечественникамъ еще болѣе пощадиѣ, осмыслили ихъ болѣе злыми сарказмами. Французовъ обвиняють въ тщеславіи, но врядь ли какой нибудь народъ такъ откровенно сознается въ своихъ слабостяхъ, какъ они. Только русскіе могутъ соперничать съ ними въ склонности къ самообвиненію. Но за то ни одинъ народъ не признаетъ такъ охотно, какъ французы, хорошихъ сторонъ въ другихъ націяхъ.

— Дружественная намъ Германія, увѣряющая въ то же время, что она никогда не нападетъ на Францію, издаетъ множество брошюръ противъ Россіи, осмысливая ее въ то же время клеветами всякаго рода въ своихъ газетахъ. Болѣе всего надѣлала шуму въ послѣднее время брошюра «Борьба за владычество надъ міромъ» (Kampf für die Weltherrschaft). Здѣсь проводится та мысль, что Франція не исполнила своей исторической и культурной миссии: сопротивленія русскимъ захватамъ, настойчиво проводимымъ въ послѣднее время, и потому эту миссію взяла на себя Германія. Она поставила себѣ цѣлью—оттѣснить русскихъ въ глубь Азіи, гдѣ для ихъ культурныхъ стремленій открывается широкое поле дѣйствія. Но въ Европѣ имъ долженъ быть поставленъ преѣдѣлъ, и съ этимъ нельзя медлить. Даже самъ Бисмаркъ призналъ необходимость такого рѣшенія. Авторъ брошюры, Эвальдъ Пауль, доказываетъ даже библіею необходимость борьбы всей Европы съ русскимъ исполномъ. Пророкъ Іезекииль предсказалъ, что князь Росса, Мосха и Тубала придетъ съ сѣвера съ толпами всадниковъ изъ земли Гога и Магога, то есть изъ Склоіи, вѣнѣшней Россіи, и нападетъ на избранниковъ божиихъ. Россъ это, конечно, русскіе, Мосха—Москва, Тубала—Тобольскъ, столица Сибири, толпы всадниковъ—казацкія орды. Только кто же эти избранники божиі? Такъ называютъ себя евреи, но вѣдь на нихъ Россія не собираетъ всѣхъ своихъ силъ и воевать съ ними не собирается. Или они уже такъ сроднились съ нѣмцами, что между ними нѣтъ больше различій?.. А, можетъ быть, прогнавъ исполна въ Азію, на занимаемомъ имъ теперь мѣстѣ воздвигнется еврейское царство?.. Авторъ брошюры, къ сожалѣнію, не развиваетъ своихъ идей, хотя не сомнѣвается въ побѣдѣ надъ исполномъ, конечно, сильнымъ, но плохо вооруженнымъ, тогда какъ у избранниковъ божиихъ магазинныя ружья.

— Въ Англіи изученіе исторіи ведется двумя видами ученыхъ людей. Одинъ изъ нихъ пишетъ исторію въ общепринятомъ смыслѣ, другой занимается лишь выводами, издавая объемистые томы, посвященные тому предмету, который можно назвать философій исторіи. Къ числу такихъ принадлежатъ только-что вышедшій изъ печати трудъ Арчибалда Уейра: «Историческія основы современной Европы» (Historical Basis of Modern Europe by Archibald Weir). Отгадать не трудно, что книги прагматиковъ-историковъ всегда полнѣе и научнѣе, а сочиненія по исторіи философіи, болѣею частію, страдаютъ односторонностію. Авторъ названной книги весьма мелкій философъ, и оттого вся его начитанность, вся масса приводимыхъ имъ свѣдѣній являются только въ видѣ притянутого ко всѣмъ событіямъ новѣйшей исторіи вліянія англійской свободы. Именно британская свобода, конституціонный строй Англіи и быстрый ростъ какъ политическаго вліянія, такъ и богатства въ ея среднемъ классѣ, по мнѣнію Уейра, были главными двигателями прогресса на континентѣ и возникновенія на немъ революцій и парламентовъ. Нечего и доказывать, что такая идея ошибочна. Парламентская форма правленія явилась на Западѣ, потому что весь Западъ имѣлъ одинаковую предыдущую исторію, т. е. періодъ феодализма и роста среднего

сословія. Но континентъ и въ первую французскую революцію не соглашался съ тѣмъ, что царство мира и прогресса пришло на землю въ день торжества буржуазіи, а въ настоящее время и подавно нѣтъ такого единогласія. На континентѣ вообще всегда гораздо меньше такихъ сердечныхъ поклонниковъ буржуазіи, какихъ много въ Англіи. До какой степени эта оригинальная страна богата ими, можетъ служить примѣромъ именно разбираемая книга: «Первое условіе человѣческаго существованія, — пишетъ авторъ, на 594 стр., — и первый объектъ для человѣческаго общежитія есть производство и распредѣленіе богатства. Каждое движеніе внѣ этого цикла, на какомъ бы полѣ дѣятельности оно ни происходило — въ этикѣ, наукахъ, философіи или искусствахъ, какъ бы ни были значительны эти движенія сами по себѣ, они должны рано или поздно прійти въ соприкосновеніе съ экономическими основами общества, если имъ суждено играть какую нибудь роль... Поэтому настоящій базисъ историческаго изученія заключается въ индустриальныхъ и экономическихъ событіяхъ». Заковавъ себя въ буржуазныя цѣли, авторъ идетъ, конечно, далѣе, доказывая, что прогрессъ совершается и идеи растутъ только потому, что индустрія развивается и даетъ возможность большому числу людей богатѣть. Лондонскіе замоскворѣчники—купцы Сити—именно такъ и смотрятъ на ближняго — если богатъ, значить уменъ, если бѣденъ, то невѣжда. Въ концѣ концовъ, авторъ вѣруеть, что торговля и мануфактура сдѣлаетъ богатымъ послѣдняго пролетарія, и потому производитъ себя въ демократы. Такая игра словами на Западѣ уже не новость.

— Вышелъ второй томъ «Исторіи Современной Европы» Файфа (*History of Modern Europe by G. A. Fyffe*), охватывающій періодъ отъ 1814 по 1848 годъ. Файфъ историкъ начитанный и добросовѣстный, но не блестящій въ изложеніи и группировкѣ фактовъ. Оттого его картины блѣдны и не полны, за то въ нихъ нѣтъ предвзвѣтой идеи и обмана. Самая удачная глава въ этомъ томѣ седьмая и именно та часть ея, которая посвящена описанію событій, предшествовавшихъ венгерской кампаніи. Этотъ періодъ, весьма важный и для русской исторіи, у насъ разработанъ недостаточно полно и для большинства русской публики прикрытъ темнотою. Англійскій историкъ рассказываетъ, что революціонное вліяніе на Венгрію произвело польское восстаніе тридцатого года. Масса польскихъ бѣглецовъ нашла себѣ пріютъ среди мадьяръ. Но движеніе шло двумя различными путями. Магнаты, которымъ крестьяне все еще служили барщиной, и составлявшіе верхнюю палату сейма, крѣпко стояли за свои привилегіи, доходившія до чудовищныхъ размѣровъ. Такъ, не только ихъ родовыя земли были свободны отъ налоговъ, но становились такими же свободными отъ платежей земли, купленныя дворянствомъ и т. п. На сеймахъ, сованныхъ послѣ долгаго перерыва, эти венгерскіе крѣпостники совмѣстно съ Кошутомъ, отдѣлившимся отъ нихъ лишь впоследствии, собственно говоря, не требовали отъ Австріи никакихъ правъ или реформъ, но занялись спеціально мадьяризацію подвластныхъ имъ славянъ и румынъ, которыхъ въ Венгріи и по сіе время гораздо больше, чѣмъ самихъ венгровъ. На сеймахъ, въ виду равноощемности состава страны, официальнымъ языкомъ былъ латинскій; мадьяры потребовали, чтобъ такимъ языкомъ сдѣлали венгерскій, и рѣшили уволить немедленно отъ публичныхъ должностей всѣхъ, кто не владѣетъ достаточно хорошо мадьярской рѣчью. Австрійское правительство заступилось за права славянъ, но съ своей обычной безхарактерностью утвердило это рѣшеніе

лишь съ тѣмъ, чтобъ оно вошло въ силу закона черезъ шесть лѣтъ. Подъ вліяніемъ этой вовсе не свободолюбивой, а угнетательной горячки, Венгрія вытребовала у Австріи введеніе мадьярскаго языка и во всѣ общественныя школы страны. Загребскій сеймъ такъ и повялъ это движеніе. Что же касается до чисто венгерскихъ дѣлъ, то обѣ палаты венгерскаго сейма находились въ полнѣйшемъ антагонизмѣ—верхняя не утверждала проектовъ нижней, нижняя отвергала проекты первой. Въ 1843 году, дѣло дошло до того, что аристократы-патріоты Венгріи, какъ графъ Апоши и даже Сечени, одинъ изъ лучшихъ вожаковъ патріотизма, открыто ваяли сторону австрійскаго правительства противъ Косута и его партіи. Въ 1847 году, когда состоялись послѣдніе выборы въ сеймъ, собственно въ Венгріи осталась главою партія Косута, не обѣщавшая славянамъ ничего, кромѣ террора мадьярскихъ націоналовъ-революціонеровъ.

— «Колоніальная Франція» К. Нормана (*Colonial France* by C. Norman) одинъ изъ выдающихся историко-географическихъ трудовъ нашего времени. Въ ней есть подробнѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ крупныхъ и маленькихъ, полевныхъ и бевполевныхъ колоніяхъ Франціи въ современномъ положеніи и рассказы объ исторіи возникновенія ихъ. Исторія эта очень нравоучительна. Всѣ колоніи для современной Франціи приносятъ лишь убытки, а навязаны онѣ ей втеченіе двухъ столѣтій королями, во имя престижа, и королевскими министрами, заботившимися о собственной наживѣ. Короли посылали въ дальнія страны послушную армію для новыхъ завоеваній, а министры выдавали патенты и привилегіи купцамъ на эксплуатацію этихъ завоеваній, или учреждали нѣчто въ родѣ акціонерныхъ обществъ якобы для развитія колоній, всегда кончавшихся обогащеніемъ директоровъ и потерей государственнаго капитала. Администрація колоній хитричала такъ открыто и цинично, что Канада, напримѣръ, одна изъ самыхъ удачныхъ французскихъ колоній, возстала и попала въ руки англичанъ. Исторія и другихъ колоній полна возстаніями туземцевъ, конечно, дорого расплачивавшимися за бунтъ. Въ Носси-Бе, въ 1849 году, черные туземцы, вооруженные лишь копьями, вздумали оказать сопротивленіе французамъ. Ихъ, конечно, усмирили въ одинъ день, но какъ? Подпустили къ батареямъ вплотную, да и стали разстрѣливать. Во всей странѣ едва 9,000 жителей, а разстрѣляли въ нѣсколько часовъ 3,000, цѣлую треть, пока адмиралъ не крикнулъ солдатамъ: «Стой, довольно!» И современная Франція неособенно церемонится съ несчастными туземцами; многія колоніи ея управляются чисто монастырскимъ уставомъ—вечеромъ нельзя выходить, изъ деревни нельзя отлучиться безъ дозволенія власти и т. п. Въ Кохинкинѣ, гдѣ европейскихъ поселенцевъ менѣе полутора ста, чиновниковъ 1,325 душъ. Англійскій авторъ приводитъ мнѣнія Леруа-Болье, Дюваля и проч., что одинъ изъ главныхъ камней преткновенія для развитія и благосостоянія колоній—администрація. Въ послѣднее время Франція раздѣлила свои колоніи на двѣ административныя категоріи. Къ первой относятся—Мартиника, Гвадалупа, Реюньонъ, Вест-Индскія владѣнія и Сенегалъ. Въ нихъ управляютъ губернаторы по назначенію отъ правительства совместно съ совѣтомъ, въ которомъ засѣдаютъ два члена по выбору туземцевъ. Кромѣ того, есть земское собраніе (*Conseil general*), избираемое по всеобщей подачѣ голосовъ. Во второй категоріи всѣ остальные колоніи Франціи и управляются онѣ неограниченной властью губернатора подъ дальнимъ контролемъ министерствъ морскаго и торговли.

— Въ книгѣ «Банкротство Индіи» извѣстнаго и талантливаго публициста Гейндмена (*The Bankruptcy of India by H. Hurdman*) русскій читатель найдетъ интереснѣйшее свидѣтельство англичанина, въ какую глубокую пропасть заводитъ несчастную Индію британскій режимъ, деспотическій и эгоистическій до безчестности. Эта картина поучительна для насъ не только по вѣроятности рано или поздно встрѣтиться на индійской почвѣ съ вооруженными силами англичанъ, но отчасти и по аналогіи, ибо Индія, какъ и Россія, страна земледѣльская и главный продуктъ ея вывоза—хлѣбъ. Железнодорожная горячка Индіи нанесла тяжелый ударъ, высасывая изъ ея народа ежегодныя крупныя приплаты по гарантіямъ. Вывозъ хлѣба увеличивается необыкновенно быстро: десять лѣтъ тому назадъ Индія доставляла менѣе двухъ милліоновъ центнеровъ зерна, а теперь болѣе 21 милліона. Но это увеличеніе вывоза, какъ и въ Россіи, лишь для бливорукихъ экономистовъ составляетъ признакъ развитія благосостоянія въ массѣ. Народъ продаетъ хлѣбъ тѣмъ усерднѣе, чѣмъ болѣе не по силамъ ему подати. Такъ, изъ сѣверо-западныхъ провинцій Индіи самый усиленный вывозъ хлѣба былъ въ 1877 году, когда въ этихъ провинціяхъ даже по официальнымъ свѣдѣніямъ умерло отъ голода болѣе трехсотъ тысячъ душъ. Но, оставляя въ сторонѣ черты аналогіи, вотъ картина современнаго экономическаго положенія Индіи, какъ рисуетъ ее англійскій публицистъ. Въ Индіи туземное населеніе занимается исключительно земледѣліемъ, причеиъ три четверти его—безземельные батраки. Общій годовоіи и валовой доходъ отъ земли всей Индіи 300 милліоновъ фунтовъ, а бюджетъ 75 милліоновъ, т. е. четверть всего валоваго производства страны, въ которой вся туземная мануфактура окончательно погибла подъ давленіемъ беспошлиннаго ввоза британскихъ издѣлій. По такому счету въ Англій бюджетъ долженъ бы брать не 800 милліоновъ рублей, какъ нынѣ, а 3,000 милліоновъ. Три четверти индійскаго бюджета расходуется на чиновниковъ и войска и 150 милліоновъ рублей ежегодно идетъ на платежъ процентовъ по долгамъ, заключеннымъ, конечно, въ Англій. Этими долгами собственно и живетъ Индія, надѣлавъ ихъ до 2,500 милліоновъ рублей, ибо всѣ такъ называемыя общественныя работы до сихъ поръ приносятъ лишь убытки: на ирригацію истрасходовано около 260 милліоновъ, а доходъ менѣе 11 милліоновъ руб., на желѣзныя дороги издержано 1,550 милліоновъ, а доходъ 80 милліоновъ и т. д. Вездѣ деньги главнымъ образомъ съѣдаются европейцами-чиновниками. Изъ 120 милліоновъ рублей, ежегодно расходуемыхъ на общественныя работы, 30 милліоновъ идетъ на жалованье; на желѣзныхъ дорогахъ чиновникамъ платятъ болѣе 50 милліоновъ рублей и пр. Авторъ справедливо заключаетъ, что настоящій режимъ Индіи «ведетъ ее тихо, но вѣрно къ одру смерти».

— Вышли почти одновременно два сочиненія, посвященныя описанію современной Персіи. Первое—«Персія какъ она есть», начальника англійскаго телеграфа въ Тегеранѣ Уильса, извѣстнаго знатока этой страны (*Persia as it is by C. Wills*). Второе роскошное изданіе съ хорошими картинками—трудъ бывшаго американскаго посла при дворѣ шаха Бенджамена «Персія и персы» (*Persia and the persians by S. Benjamin*). Уильсъ искусный разсказчикъ и любитъ Персію. Онъ описываетъ главнымъ образомъ обычаи внутренней жизни Персіи, убѣждая читателя, что страна Льва и Солнца еще совсѣмъ не затронута европейской цивилизаціей и представляетъ памятники восточной старины. Преступникамъ рубятъ головы и руки, а въ крайнихъ случаяхъ

варятъ ихъ въ котлахъ, невѣрныхъ женъ обрасываютъ по судебному приговору въ пропасть и пр. Авторъ хвалитъ лишь персидскихъ солдатъ и особенно «персидскихъ казаковъ» — войско, организуемое и обучаемое русскими офицерами. «Какъ можно было допустить это!» — восклицаетъ авторъ. Англійское вліяніе, по сознанию Уильса, въ Персіи очень слабо. «Насъ знаютъ тамъ лишь за скупщиковъ опія и продавцовъ часовъ и ножей». Одинъ изъ англійскихъ резидентовъ Рональдъ Томсонъ, проживающій въ Персіи 3 лѣтъ, пользуется довѣріемъ шаха и несетъ при немъ самую почетную придворную службу въ качествѣ смотрителя павлиновъ. Нынѣшній шахъ Насеръ-Эдинъ очень талантливый писатель, поэтъ, художникъ и храбрѣйшій въ Персіи охотникъ на тигровъ. Кромѣ известнаго его сочиненія о путешествіи по Европѣ, онъ составилъ въ двухъ большихъ томахъ подробное изъ существующихъ описаній Персіи съ прекрасными иллюстраціями, сдѣланными имъ собственноручно. Кромѣ того, онъ самъ редактируетъ officialный журналъ, ведя въ немъ въ качествѣ сотрудника ежедневную хронику о выдающихся событіяхъ. Доходъ шаха около 70 милліоновъ въ годъ; по слухамъ, онъ очень богатъ; рассказываютъ, что въ стѣнахъ дворца онъ хранитъ болѣе 60 милліоновъ экономіи; его сокровища баснословной цѣны. Напримѣръ, у шаха есть глобусъ двадцать вершковъ въ діаметрѣ въ солидной золотой рамкѣ. Всѣ воды, моря и океаны сдѣланы изъ бирюзы, разныя страны изъ драгоценныхъ камней, а Персія изъ крупнѣйшихъ брилліантовъ. Но управленіе страной настоящее восточно-деспотическое и разорительное для народа. Вездѣ вятки, насилія и жестокости; нападая за это на Персію, авторъ приходитъ къ заключенію, что персы, какъ и русскіе, никогда не могутъ сдѣлаться истинными джентльменами, какъ бы они ни были богаты и высокопоставлены; но, браня Востокъ, Бенжаменъ замѣчаетъ, однако, что на Востокѣ есть «возрастающая сила жизни», тогда какъ вездѣ на территоріи истинной европейской цивилизаціи замѣтна напротивъ «угасающая сила жизни». Это замѣчаніе въ высшей степени важно для насъ, русскихъ, ибо, слѣдуетъ надѣяться, уже не далеко то время, когда русскіе исследователи перестанутъ исключительно посвящать себя изученію одного Запада. Для нихъ Востокъ цѣльная, нетронутая почва, на которой даже американецъ начинаетъ подмѣчать нѣчто живое. Намъ же давно пора перестать считать Востокъ мертвымъ.

С М Ъ С Ь.

ЛЯТИДЕСЯТИЛѢТНЯЯ годовщина кончины Пушкина. Вся Россія чествовала 29-го января день, когда нашъ великій поэтъ безвременно кончилъ свое поприще, въ полной силѣ таланта, далеко не закончивъ цикла твореній, которыми гордится наша литература. Нельзя сказать, чтобы чествованіе памяти Пушкина было особенно стройно и единодушно. Тѣмъ не менѣе оно состоялось съ возможною у насъ торжественностью, напоминая тѣ дни, когда шесть лѣтъ тому назадъ вся Россія сочувственно отнеслась къ открытію статуй поэта въ Москвѣ. Были и панихиды, и чтенія, и спектакли, и даже обѣды. Панихиды въ Петербургѣ было нѣсколько—почти во всѣхъ воспитательныхъ учрежденіяхъ, главныя: въ Каванскомъ соборѣ, въ Конюшенной церкви, гдѣ отпѣвали поэта и откуда прахъ его повезли въ Святогорскій монастырь, и на мѣстѣ дуэли, на Черной рѣчкѣ, по Коломяжской дорогѣ. Спектакли, составленные изъ произведеній Пушкина и изъ музыкальныхъ сочиненій, написанныхъ на его темы, были во всѣхъ театрахъ; чтенія—въ университетѣ, многихъ гимназіяхъ, разныхъ обществахъ. Болѣе торжественный актъ происходилъ въ лицей, гдѣ воспитывался Пушкинъ и гдѣ еще сохранились преданія о великомъ писателѣ, прославившемъ и лицей, и Россію. Тамъ читались рѣчи лицейстовъ: Я. К. Грота «О лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина», В. П. Гаевского «О вліяніи лицея на творчество Пушкина», г. Жданова «О значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы», В. Р. Зотова «Памяти лицейскаго поэта» (стихотвореніе); воспитанники старшаго курса прочли четыре пьесы Пушкина: «Муза», «Пророкъ», «19-е октября 1832 года» и «Памятникъ». Подобныя празднества были во многихъ городахъ Россіи. Особенностью этой годовщины было то, что съ этого дня сочиненія Пушкина сдѣлались общественнымъ достояніемъ. Явилось вдругъ нѣсколько дешевыхъ изданій: литературнаго фонда, гг. Суворина, Павленкова, Комарова. Въмѣсто 10—12-ти рублей всего Пушкина можно было получить за полтора рубля. Произошло событіе, небывалое въ литературномъ и книжномъ мірѣ. Изданіе г. Суворина, напеча-

танное въ числѣ 15,000 экземпляровъ, разошлось въ нѣсколько часовъ тотчасъ по открытіи продажи, причѣмъ самый магазинъ, гдѣ производилась продажа, подвергся осадѣ и чуть не разграбленію со стороны публики, стремившейся приобрести сочиненія своего любимаго писателя. Заявлена масса требованій и на второе изданіе, печатающееся въ количествѣ 30,000 экземпляровъ, тогда какъ со смерти Пушкина пять изданій сочиненій его втеченіе полулѣта разошлись только въ числѣ 60,000 экземпляровъ. Въ день годовщины и слѣдующіе дни, періодическія изданія наши наполнились статьями и воспоминаніями о Пушкинѣ. Провинціальная печать отнеслась къ торжеству съ немѣньшимъ сочувствіемъ, чѣмъ столицы. Вышло нѣсколько отдѣльных брошюръ и изданій, предметомъ которыхъ—все тотъ же Пушкинъ. Иллюстрированныя изданія воспроизвели множество портретовъ поэта, его родни, вдовъ мѣстностей, гдѣ онъ жилъ, сценъ изъ его жизни и т. п. Однимъ словомъ день 29 января доказалъ, что мы дорожимъ памятью нашего великаго писателя и высоко цѣнимъ заслуги, оказанныя имъ Россіи и отечественной литературѣ.

Церковно-археологическое Общество и музей при Кіевской духовной академіи въ 1886 году. Въ прошломъ 1886 году въ церковно-археологическій музей поступило отъ 85 учрежденій и лицъ 849 предметовъ, которые распределяются по слѣдующимъ категоріямъ: религіозныхъ памятниковъ разныхъ народовъ и древнихъ памятниковъ военнаго и домашняго быта 19, медалей, жетоновъ и монетъ 501, памятниковъ церковной архитектуры, живописи, скульптуры, ваянія, разной утвари и проч. 103, рукописей 39, актовъ, грамотъ и писемъ 18, старо-печатныхъ церковно-славянскихъ книгъ 13, фотографическихъ снимковъ, гравюръ и чертежей 37, книгъ на иностранныхъ языкахъ и пособій по археологіи 119. Перечислимъ нѣкоторыя болѣе важныя поступленія по этимъ отдѣламъ. По первому изъ перечисленныхъ отдѣловъ поступили въ музей: деревянная точеная статуетка японскаго буддійскаго божества Фуддо съ 35-ю подчиненными ему божествами; папирусный древне-египетскій свитокъ демокритскаго письма, служившій развѣщительной молитвой для усопшихъ, и кусокъ древне-египетской льняной ткани съ бахромою, изъ раскопокъ 1885 года въ области пирамидъ Гизе; 2 глиняные сосуда, бронзовый наконечникъ стрѣлы, бронзовая привѣска въ видѣ головы жука и наконечникъ большого двухлопестнаго косяка изъ раскопокъ на мѣстѣ древней Ольвии; три серьги изъ серебряной проволоки, съ подвѣсками, до-татарской эпохи, найденныя при выемкѣ земли въ м. Броварахъ, Черниговской губерніи; статуетка или кукла «Калаяна» или «Траяна», приготовляемая бессарабскими дѣвушками въ пятницу передъ днемъ св. великомученика Георгія (23-го апрѣля), изъ села Татарбунаръ, Измаильскаго уѣзда, Бессарабской губерніи. Въ нумизматической отдѣлѣ поступили небольшія коллекціи монетъ: японскихъ, бронзовыхъ alexandrijskixъ римской эпохи II—IV в. по Р. X., ольвійскихъ, татарскихъ золотоордынскихъ и др. Изъ единичныхъ монетныхъ поступленій могутъ быть отмѣчены: архаическая драхма острова Эвбоса, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ похищенія нимфы сатиромъ, а на оборотной—такъ называемаго *quadratum incisum*; серебряная римская монета Марка Аврелія Антонина, найденная въ землѣ, въ м. Корсуни, Кіевской губерніи, босфорская электорная монета Рискунориса 515 года босфорской эры; понтійско-босфорская бронзовая монета Тоторса. Изъ числа предметовъ, поступившихъ въ отдѣлъ памятниковъ церковной архитектуры, живописи, скульптуры, ваянія, разной утвари церковной и т. п., могутъ быть отмѣчены слѣдующіе: кусокъ шифернаго карниза изъ Кіево-Выдубицкаго монастыря; 1 каменный и 4 бронзовыхъ патинированныхъ крестика, найденные въ окрестностяхъ села Вишенокъ, Остерскаго уѣзда, Черниговской губерніи; двѣ половинки древнихъ бронзовыхъ экколціоновъ или складныхъ крестиковъ и мѣдный дукачъ XVIII в., найденные въ землѣ, въ м. Погребичахъ, Берди-

човскаго уѣзда; кипарисный крестъ въ серебряной оправѣ 1601 года и вѣдухъ XVI вѣка, изъ Дубенскаго уѣзда, Волынской губерніи; желѣзный старинный крестикъ съ оклада на евангеліе изъ Болгаріи; икона пресвятой Троицы съ однимъ лицомъ, но съ тремя носами и четырьмя глазами, изъ Каневскаго уѣзда, Киевской губерніи; часть иконостасной колонны гончарной работы и большая деревянная дарохранительница XVII в. изъ Киевской губерніи; деревянные точеный брачный вѣнецъ, сдѣланный на подобіе мономаховой шапки, конца XVII или начала XVIII в., изъ Воронежской губерніи; серебряный дискосъ 1729 года изъ города Василькова, Киевской губерніи; 4 иконописныя створки отъ жертвенника 1730-хъ годовъ изъ Кіево-Выдубицкаго монастыря; деревянная униатская статуя Спасителя изъ села Молодечна, Виленской губерніи; стальная униатскій священническій крестъ съ цѣпочкою, изъ Житомирскаго уѣзда. Въ отдѣлы рукописей, актовъ, грамотъ и писемъ, между прочимъ, поступили: кусочекъ папируса съ грузинскими письменами VIII в., съ Синая; средневѣковой еврейскій свитокъ пятикнижія Моисеева на пергаментѣ, изъ южной Аравіи; отрывокъ изъ сборника южнорусскихъ проповѣдей XVII в., изъ Волынской губерніи; южнорусскій сборникъ конца XVII в., заключающій копіи памятниковъ древнерусской и сѣвернорусской письменности и произведенія южнорусскихъ ученыхъ XVII в., съ нѣкоторыми неизвѣстными доселѣ переводами святоотеческихъ твореній на южнорусское нарѣчіе; 12-ть томиковъ сочиненій извѣстнаго украинскаго философа второй половины XVIII вѣка Григорія Савича Сковороды, большею частію, писанныхъ имъ собственноручно; переписка бывшаго настоятеля русской поселенной церкви въ Константинополѣ, архимандрита Петра (Троицкаго) о греко-болгарской распрѣ, 1858—1860 годовъ. Между старопечатными церковно-славянскими книгами, поступившими въ музей, наибольшій интересъ представляетъ брошюра кутенской печати 1636 года, доселѣ неизвѣстная нашимъ библиографамъ. Она заключаетъ въ себѣ св. Іоанна Златоустаго «На отче нашъ выкладъ», «Науку Василя Цесаря Грецкаго до сына его Льва о вѣрѣ» и «объясненіе» символа вѣры ненавѣстнаго автора. Въ отдѣлѣ фотографическихъ снимковъ гравюрь обращаютъ на себя вниманіе: 22 фотографическихъ снимка съ миньятюръ гелатскаго грузинскаго евангелія XI вѣка, доселѣ не изданныхъ, и 66 старыхъ антиминовъ, гравированныхъ на полотнѣ и шелку, начиная со временъ Петра Могилы и до нынѣшняго столѣтія, полученныхъ изъ Подольской и частію Киевской епархіи.

Денежныя средства Общества въ 1886 году были слѣдующія. Оставалось отъ 1885 года 2,240 руб. 25 коп.; поступило въ приходъ въ 1886 году 688 руб. 85 коп.; израсходовано 391 руб. 62 коп.; оставалось къ 1887 году 2,537 руб. 48 коп. серебромъ.

Общество германо-романской филологіи. Мы не упоминали еще объ этомъ Обществѣ, недавно открывшемся Петербургѣ. Пренія Общества имѣютъ несомнѣнно историческое значеніе. Такъ послѣднее засѣданіе Общества вслѣдствіе четырехъ докладовъ: А. Н. Пыпина, Е. М. Гаршина, Э. 1. Цейдлера и г. Бойля, прошло въ оживленныхъ преніяхъ. Докладъ А. Н. Пыпина заключался во всестороннемъ разсмотрѣніи новаго труда докладчика: «Библиографическій списокъ русскихъ рукописныхъ романовъ, повѣстей, сказокъ, поэмъ и пр., въ особенноти изъ первой половины XVIII столѣтія». Во введеніи къ этому труду А. Н. Пыпинъ, высказывая свой взглядъ на литературу во второй половинѣ XVIII столѣтія, сообщаетъ, что она въ этомъ періодѣ находилась въ переходномъ состояніи отъ литературы до-петровскаго періода, которое и проявилось въ цѣломъ рядѣ повѣствовательныхъ, большею частью, подражательныхъ или переводныхъ произведеній. Въ виду того, что въ то время печатались книги только душеполезныя, печатаніе этихъ повѣствований считалось неприличнымъ, а потому они и являлись до 1750 года въ рукописномъ видѣ. Вслѣдъ за этимъ докладомъ Е. М. Гаршинъ сдѣлалъ со-

общеніе о русской народной книгѣ: «Гисторія о принце одольфе і остром вечнаго веселія и о принцесе красоты і веселія». Повѣсть объ Адольфѣ Давландійскомъ, по мнѣнію докладчика, принадлежитъ къ числу нелюбленныхъ народныхъ книгъ и пользуется съ первой половины XVIII вѣка популярностью въ народѣ. Впервые эта книга, въ полномъ видѣ, въ рукописи явилась въ 1754—1755 году; послѣднее же лубочное изданіе ея сдѣлано съ значительными, противъ рукописи, сокращеніями въ 1875 году въ Москвѣ. По мнѣнію г. Ровинскаго, эта повѣсть переведена, какъ сказки о «Бовѣ-королевичѣ и «О Семи Семіонахъ», съ итальянскаго. Съ этимъ предположеніемъ не согласился докладчикъ, такъ какъ въ текстѣ книги нѣтъ никакихъ данныхъ для подобнаго заключенія, но во всякомъ случаѣ эта повѣсть западнаго происхожденія. Разсматривая изданную впервые въ Гентѣ въ 1565 году и въ 1619 году въ Антверпенѣ, на голландскомъ языкѣ курьезную фламандскую стихотворную хронику—«Исторія о Вельгахъ, или иначе зеркало нидерландской древности, въ которомъ можно видѣть, какъ въ ясномъ зеркалѣ, много чудныхъ происшествій, бывшихъ въ древнѣйшія времена по всему свѣту, а особенно въ Нидерландахъ, а равно и въ Англіи, Шотландіи, Франціи, Германіи и т. д., переложенная на стихи Маркомъ ван-Верневикъ», — Э. Г. Цейдлеръ сообщилъ Обществу выдержку изъ хроники, относящуюся къ Россіи. Въ этой выдержкѣ говорится: «Во Фландрію древне пріѣзжали морскіе разбойники изъ Руси, которые въ особенности притѣсняли купцовъ. Потомъ, говорятъ, было заключено между жителями Тонгерна и успокоившимися россами условіе, чтобы россы получали отъ купечества треть привозимаго. За это они должны были оказывать купцамъ защиту, но если только одиакъ купецъ утантъ слѣдующее отъ россовъ, то ему и шкиперу отрубать правую руку. Все купечество, говорятъ, этимъ было угнетено, такъ какъ руки бессиодно бросали въ Шельду. Тамъ-то именно и была построена крѣпость, гдѣ жили грубые россы. Говорятъ также, что городъ Antwerpen, стоящій на этомъ мѣстѣ, гдѣ бросались отрубленные руки, получилъ свое названіе отъ двухъ голландскихъ словъ: hand—рука и werpen—бросать». Г. Цейдлеру возражалъ г. Ведровъ, по мнѣнію котораго слово «россы» въ разобранной хроникѣ не есть названіе какого нибудь племени, а просто нарицательное имя россы—бродяги, рыскатели. Въ заключеніе засѣданія г. Бойль прочелъ небольшой докладъ, заключавшійся въ сообщеніи, что въ старинныхъ англійскихъ драмахъ часто встрѣчаются типы, всецѣло взятые изъ московскаго быта XVI вѣка.

Географическое Общество. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій этого Общества, предсѣдатель открылъ собраніе краткою рѣчью, въ которой привѣтствовалъ дѣйствительнаго члена Общества И. П. Минаева, возвратившагося изъ путешествія въ Бирму, и, упомянувъ о присутствіи Н. Н. Мислухи-Маклая, сообщилъ, что въ настоящее время вернулись многіе путешественники, которымъ и были выражены привѣтъ и благодарности. Секретарь указалъ на путешествія, гг. Потанина, Истомина и Дютша, Краснова, князя Масальскаго, Вольдена, Куликовскаго, Елисѣева, Кузнецова и Ядринцова. Въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ г. Потанинымъ, особенно выдѣляется указаніе на неизвѣстную доселѣ народность—іогуровъ, обитающихъ въ сѣверныхъ долинахъ Тянь-Шаня. Они кочуютъ въ числѣ 800 семей, говорятъ частью на монгольскомъ, частью на тюркскомъ языкѣ и по религіи—ламаисты. Путешествіе гг. Истомина и Дютша выдается въ томъ отношеніи, что, посѣтивъ губерніи Олонецкую, Архангельскую и Вологодскую, они посвятили свой трудъ собранію народныхъ мотивовъ и, прибывъ въ половинѣ августа въ Петербургъ, привезли около 200 номеровъ пѣсеннаго матеріала: былины, духовные стихи, причтанія и пѣсни. Г. Истоминъ дѣлалъ также этнографическія наблюденія и, собирая старинныя рукописи, нашелъ одинъ особенно интересный сборникъ. Г. Красновъ, перебравшись изъ Вѣрваго черезъ Бал-

аппъ на Ала-Куль, добывалъ тамъ свѣдѣнія по геологiи, по ботаникѣ, зо-
логiи, этнографiи и археологiи. Предгорья Ала-Тау представляли громад-
ный интересъ. Передъ началомъ засѣданія отъ г. Краснова получено было
совое письмо, сообщившее о движенiи его въ Китай. Князь Масальскiй по-
вѣтилъ свои изслѣдованiя Барской области. Миновавъ пограничный хре-
стъ, она сдѣлала 200 верстъ по турецкой территорiи. Затѣмъ изслѣдованiя
Вольдена относятся къ литовцамъ и жемудицамъ, г. Куликовскаго — къ
крестностямъ Вычь-Озера, а г. Ядринцева — къ Восточной Сибири (въ этногра-
фическомъ и археологическомъ отношенiяхъ). Остается упомянуть еще о г. Ели-
сѣевѣ, которому, вслѣдствiе возмущенiя курдовъ, не удалось проникнуть въ
Арменiю. Тѣмъ не менѣе и Елисѣевъ надѣется выполнить всю свою про-
грамму. Послѣдовавшее затѣмъ сообщенiе г. Минаева дало рядъ интересныхъ
данннхъ, касающихся мало извѣстныхъ странъ дальняго Востока. Докладчику
пришлось посѣтить Бирму до присоединенiя ея британцами; тогда только-что на-
чиналась война. Все здѣсь напоминало обветшалую древность Китая и яркимъ
контрастомъ со всѣмъ этимъ являлся Рангунъ, городъ, походящiй на Бом-
бей. Въ немъ сказывалась вся мощь европейскаго влiянiя. Путешественника
поразили усовершенствованные пути сообщенiя, газеты, англiйская рѣчь,
школы и училища. Влiянiе цивилизацiи не коснулось, однако, внутренней
жизни народа. Послѣднiй, удрученннй бѣдствiями, войной и разбойничествомъ,
единственное утѣшенiе находилъ въ своихъ храмахъ и часовняхъ. Воокъ го-
рода находится множество монастырей, удовлетворяющихъ религiознымъ чув-
ствамъ населенiя. Монастыри, строящиеся достаточными людьми, являются
тамъ общимъ благодѣянiемъ, ибо бѣдные беспрепятственно получаютъ тамъ
помощь. Впрочемъ, абсолютно бѣдныхъ и беспомощныхъ въ Бирмѣ нѣтъ. Это
счастливый, оригинальный край, отличающiйся вопреки Западу, равномер-
нымъ распредѣленiемъ богатствъ. У бирманцевъ одинъ только недостатокъ —
стремленiе къ франтовству, недорого, впрочемъ, стоящему. Грамотность
всеобщая. Рассадницами ея служатъ монастыри. Нижняя Бирма, равная по
пространству Францiи, пользуется благополучiемъ, не знала и не знаетъ го-
лодовъ. Эта индiйская провинцiя приноситъ огромный доходъ. Рангунъ, ея
главный городъ, быстро выросъ, украсился роскошными скверами, садами,
равными европейскимъ затѣямъ, утопающими въ очаровательной восточной
природѣ. Въ Рангунѣ живетъ Сара-Саабъ, властный начальникъ туземнаго
населенiя. Вся вообще администрацiя, на которую идетъ теперь 11.000.000 въ
годъ, вызываетъ въ жителяхъ сожалѣнiе о древнихъ, хотя и крайне суро-
выхъ порядкахъ. Натискъ западной цивилизацiи начался здѣсь со школъ.
Обученiе даровое; взымать деньги считается грѣхомъ. Англичане стали да-
вать деньги на устройство школъ и поощрять деньгами выдержавшихъ экза-
мены по правительственной программѣ. Къ огорченiю туземцевъ, англичане
завладѣли и Верхней Бирмой. Путешественникъ обратилъ вниманiе на городъ
Мандалай, крайне оригинальный. Послѣ жестокаго разбоя и грабежа городъ
былъ взятъ англичанами. Во дворцѣ не замѣтно и слѣда прежнихъ обитате-
лей; все занято британскими войсками. Англичанамъ открывается теперь но-
вый путь на сѣверъ. Китай долженъ будетъ отворить свои ворота, въ кото-
рые стучатся англичане, и французы. Число странъ для изслѣдованiя умень-
шается, — говорилъ въ заключенiе докладчикъ. — Мы живемъ наканунѣ событiй
въ Ази, обуреваемой влiянiями цивилизацiи. Какова же будетъ въ этихъ пе-
реворотахъ роль Россiи?..

Обелискъ «Конетабль». Въ засѣданiи петербургскаго Общества архитекторовъ,
подъ пресѣдательствомъ И. С. Китнера, членъ Общества, гражданскiй инже-
неръ В. В. Никола, сдѣлалъ сообщенiе о любопытномъ монументѣ въ г. Гат-
чинѣ — обелискѣ «Конетабль», возведенномъ недалеко отъ Гатчинскаго дворца.
Громадный обелискъ построенъ былъ, еще въ 1793 году, великимъ княземъ
Павломъ Петровичемъ, въ честь и память конетабля маркиза де-Монморанси.

Обелискъ считался одною изъ замѣчательныхъ рѣдкостей въ Гатчинѣ, но маѣ 1881 году былъ разрушенъ громомъ, вслѣдствіе дурного громоотвода при немъ, а къ ноябрю 1886 года возобновленъ, или, вѣрнѣе, отстроенъ вновь. Матеріаломъ послужилъ, такъ называемый, гатчинскій камень, извѣстный подъ именемъ далматизированнаго известняка, котораго въ окрестностяхъ Гатчины находятса большія залежи; изъ этого камня строились и всѣ гатчинскія сооруженія, но въ настоящемъ столѣтіи онъ былъ забытъ и почти не разрабатывался. Между тѣмъ, специалисты признають его прекраснымъ строительнымъ матеріаломъ, способнымъ конкурировать съ извѣстнымъ въ Петербургѣ ревелскимъ (эстляндскимъ) мраморомъ. Каждая сторона основанія обелиска въ длину 2 саж. 3 вершка; сторона пьедестала равна 5 арш. 6 вершк. а высота его до шпика 3 саж.; самый шпикъ въ основаніи имѣеть каждую сторону въ 3 арш. 11 вершк., а въ колоннѣ 1 арш. 11 вершк., высота шпика 12 $\frac{1}{2}$ саж., высота всего обелиска 15 $\frac{1}{2}$ саж. Въ обелискѣ 89 рядовъ кладки изъ цѣльнаго камня, всѣхъ камней до 800 штукъ; размѣръ ихъ отъ 10 до 7 $\frac{1}{2}$ квадр. аршинъ. Громоотводъ при обелискѣ сдѣланъ изъ 65 проволокъ, святыхъ въ канатъ, пропущенный черезъ центръ обелиска и проведенный въ землю на 15 сажень, гдѣ и приспособленъ для поглощенія электричества: вверху канатъ оканчивается мѣднымъ стержнемъ до 18 верш., на который надѣтъ шаръ, оконечность стержня платиновая. Реставрація обелиска обошлась въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей.

Находя въ Минской губерніи «Минскій Листокъ» сообщаетъ, что прошлою осенью въ деревнѣ «Заболотѣ», Игуменскаго уѣзда, Смиловичской волости, въ 26—28 верстахъ отъ г. Минска, однимъ крестьяниномъ, при установкѣ на своемъ гумнѣ молотилки, найдено, какъ говорятъ, около пуда серебряной монеты. Послѣ долгихъ стараній, нѣкоторымъ лицамъ удалось, наконецъ, достать четыре монеты изъ числа найденныхъ. Какъ нашедшій, такъ и приобретающіе эти монеты (по 1 р. 50 к. за каждую), боясь, чтобы ихъ не отобрали, тщательно скрываютъ какъ то обстоятельство, что найдены деньги, такъ равно и самыя монеты. Найденныя монеты, какъ видно изъ сохранившагося года на одной изъ нихъ, относятся къ XVII-му столѣтію. На этой монетѣ годъ виденъ очень ясно, а именно 1654. Съ одной стороны вокругъ имѣется слѣдующая надпись: *Vex Phil III. D. G. Hisp. et Indiae*, по серединѣ что-то въ родѣ четырехъ мечей, сложенныхъ андреевскимъ крестомъ, увѣнчанныхъ одною короною и связанныхъ другою. На оборотной сторонѣ монеты слѣдующая надпись кругомъ: *Archid. Aust. Dux. Burg. Vrab. z.*; въ серединѣ гербъ съ короною; вѣситъ 2 $\frac{1}{2}$ л. На другихъ двухъ монетахъ слѣдующая надпись: съ одной стороны—*Dei Gratia Albert et Elisabet*, съ другой *Archid. Aust. Duxes Bourg. Vrab. z.*; наконецъ, четвертая монета, меньшая, тоненькая, вѣсомъ 65 д., на столько стерлась, что можно только разобрать на одной сторонѣ «*Prussia*», а на другой «*Fridrich*» и портретъ его.

Жетоны Всеволода Ярославича. Въ Саратовѣ найдено при раскопкѣ множество жетоновъ, вычеканенныхъ въ память великаго князя Всеволода Ярославича. На одной сторонѣ изображенъ портретъ князя, съ надписью вокругъ него: «Великій князь Всеволодъ Ярославичъ»; на другой сверху корона и надпись: «По смерти брата своего Иаяслава сѣлъ на престолъ великаго княженія кievскаго 1078 года. Владѣлъ 15 лѣтъ, жилъ 64 года». Жетоны, величиною въ старую 5-ти коп. монету, сдѣланы изъ олова. Ихъ найдено нѣсколько тысячъ.

† 19-го января въ Ялтѣ молодой поэтъ Семень Яковлевичъ Надсонъ, съ первыхъ своихъ литературныхъ шаговъ, обратившій на себя вниманіе какъ критики, такъ и публики. Среди молодыхъ поэтовъ онъ выдѣлялся своею талантливостью. Талантъ Надсона со временемъ еще больше выработался бы, но судьба не дала вполнѣ окрѣпнуть и развиться молодому дарованію; онъ скончался отъ чахотки, 25-ти лѣтъ. Свою литературную карьеру поэтъ на-

галъ рано. Первое его стихотвореніе «На зарѣ» было напечатано въ журналѣ «Свѣтъ», въ апрѣлѣ 1878 года. Затѣмъ стихотворенія его стали появляться въ томъ же журналѣ, а также въ журналахъ: «Мысль», «Слово», «Устои», «Русская Рѣчь», «Дѣло», «Отечественныя Записки» (гдѣ было напечатано 11 его стихотвореній), «Русская Мысль» и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Первое изданіе сборника стихотвореній Надсона вышло весною 1885 года, второе — въ декабрѣ того же года и третье въ апрѣлѣ 1886 года. Начавъ свою карьеру въ военной службѣ, онъ вскорѣ оставилъ ее по болѣзни. Въ послѣднее время онъ велъ (совершенно напрасно) критическіе фельетоны въ газетѣ «Заря». Тѣло его привезено въ Петербургъ и похоронено на Волковомъ кладбищѣ, въ ряду другихъ писателей.

† 24-го января. заслуженный профессоръ Харьковского университета Михаилъ Назаровичъ Петровъ. Онъ былъ воспитанникомъ Харьковского университета и большую часть жизни состоялъ профессоромъ по кафедрѣ всеобщей исторіи. Въ послѣдніе годы М. Н. Петровъ читалъ новую и древнюю исторію, и только въ прошломъ академическомъ году, съ окончаніемъ тридцатипятилѣтней службѣ, былъ вынужденъ выйти въ отставку по совершенно разстроенному здорювью. Здорювье покойнаго еще ранѣе было крайне подорвано усидчивымъ трудомъ, но, не смотря на это, онъ по мѣрѣ силъ, усердно работалъ по влюбленной имъ наукѣ. Помимо множества различныхъ статей въ періодическихъ изданіяхъ, Петровъ издалъ капитальный трудъ «Очерки изъ всемірной исторіи», выдержавшіе два изданія, и книгу «Новѣйшая исторіографія Германіи, Англіи и Франціи».

† Въ Москвѣ Андрей Михайловичъ Дмитріевъ, сотрудникъ многихъ журналовъ и газетъ, авторъ многихъ романовъ и пьесъ. Публикѣ онъ больше былъ извѣстенъ подъ псевдонимомъ барона Галкина. Въ свое время этотъ псевдонимъ пользовался извѣстностью, и «Падшая» барона Галкина имѣла крупный успѣхъ, выразившійся въ дѣломъ рядѣ изданій этого романа. «Падшая» была написана съ талантомъ, свѣжо и тепло; авторъ искусно справился со своимъ рискованнымъ сюжетомъ и вызывалъ въ читателей чувство состраданія къ несчастной героинѣ. Въ романовъ Дмитріевъ перешелъ къ невидной работѣ газетнаго и журнальнаго хроникера и рецензента. Онъ, вмѣстѣ съ г. Ланинымъ, купилъ у Селезнева только-что разрѣшенную послѣднюю газету «Русскій Курьеръ». Г. Ланинъ былъ человѣкомъ совершенно чуждымъ газетному міру, и на долю Дмитріева выпало составить первый кружокъ сотрудниковъ «Курьера»; что онъ удачно выполнилъ нелегкое дѣло организаціи, доказываетъ успѣхъ «Русскаго Курьера» въ первые годы его существованія. Вскорѣ, стѣсненные обстоятельства, покойный вынужденъ былъ дешево продать свою часть въ изданіи, и г. Ланинъ сдѣлался полнымъ собственникомъ «Курьера». Уставши отъ тяжелой и неблагодарной газетной работы, Дмитріевъ въ послѣдніе годы занялся работой театральною, но психическій недугъ уже подтачивалъ его жизнь. Въ разговорахъ съ пріятелями онъ часто увлекался блестящими планами грандіозныхъ изданій. Затѣмъ его оставили далеко за собой всѣ американскія газетныя рекламы и выдумки: покойный думалъ имѣть сотни тысячъ читателей и миллионныя доходы. Въ связи съ этимъ онъ нерѣдко импровизировалъ талантливый, но крайне странныя картины идеальной жизни въ довольствѣ, въ роскоши. Противорѣчія и абсурды сыпались безъ конца, но все это говорилось такъ бойко и горячо, что слушатели не видѣли въ этихъ импровизаціяхъ ничего, кромѣ «оригинальности», тогда какъ это были уже первые симптомы сумасшествия. Въ сущности Дмитріевъ умеръ гораздо раньше, чѣмъ его похоронили; нельзя назвать живнью послѣдніе тяжкіе мѣсяцы безсознательнаго, чисто физическаго существованія. Покойный оставилъ жену и двухъ маленькыхъ дочерей, но не оставилъ имъ ничего благопріобрѣтеннаго. Что выработывалъ, то и проживалъ, и всегда нуждался.

«истор. вѣстн.», мартъ, 1887 г., т. XVII.

† 21-го января, послѣ непродолжительной болѣзни, дѣтская писательница Стефанія Матвѣвна Лобода, литературный псевдонимъ которой былъ С. Крапивина. Она родилась въ 1827 году въ семьѣ польскаго помѣщика Кіевской губерніи, Матвѣя Пашковскаго. Рано выйдя замужъ, она большую часть жизни провела на югѣ Россіи и въ юго-западномъ краѣ, а въ началѣ шестидесятихъ годовъ путешествовала въ Адриатическомъ морѣ, жила въ Сербіи и Черногоріи. Въ 1871 году, пріѣхала съ семьей въ Петербургъ, и съ этого времени начинается ея литературная дѣятельность. Ея первыя беллетристическія вещи появились въ «Гражданинѣ» 1873—1874 годовъ, когда его редактировалъ Достоевскій, потомъ въ «Пчелѣ» («Дневникъ книжныя Хмуровой», «Воспоминанія о Шевченкѣ и Погодинѣ», повѣсть «Сеза» и этнографическіе очерки о «Псковичахъ»). Кромѣ того, ея статьи и практическія замѣтки появлялись въ «Здоровьѣ», «Другѣ Народу», «Сельскомъ Читеніи», «Врачебныхъ Вѣдомостяхъ», «Женскомъ Образованіи», «Еженедѣльномъ Новомъ Времени», «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Мысли», «Свѣтъ», «Невѣ» и друг. Въ совершенствѣ зная польскій языкъ, она переводила Элизу Оржешко и Крашевскаго. Болѣе же извѣстны ея дѣтскіе рассказы въ «Семьѣ и Школѣ», «Дѣтскомъ Читеніи», «Семейныхъ Вечерахъ» и друг. Она страстно любила дѣтей, была вѣчно дѣятельна и трудолюбива, но при всемъ томъ часто терпѣла горькую нужду и безъ помощи литературнаго фонда врядъ ли бы могла дать хорошее образованіе своимъ дочерямъ. Послѣ жизни, полной трудовъ и лишеній, даже ея послѣдній путь—на кладбище—не обошелся безъ того, чтобы тотъ же литературный фондъ не пришелъ со своею послѣднею помощію. Во всѣхъ, лично знавшихъ покойную, она оставила самыя симпатичныя воспоминанія, благодаря ея душевнымъ качествамъ и свѣтлому уму. Почти всѣ ея дѣтскіе рассказы собраны въ двѣ, отдѣльно вышедшія книги: «Родныя картинки», Сиб., 1881 года, и «Ровы и шипы», Спб., 1884 года.

† 20-го января, преждевременно скончалась въ Петербургѣ молодая писательница Е. Н. Альмедименъ, родная племянница переводчицы и редактора дѣтскаго журнала «Родникъ», Е. А. Сысоевой. Е. Н. родилась 18-го сентября 1853 года; образованіе получила въ нижегородской губернской гимназіи. По выходѣ изъ нея, вступила на педагогическое поприще, давая уроки русскаго языка и исторіи, и тогда же стала заниматься литературою. Съ 1881 года она посвятила себя дѣтской литературѣ и сдѣлалась постоянной сотрудницей «Воспитанія и Обученія», потомъ «Родника»; съ 1883 года сотрудничала въ «Новостяхъ», въ качествѣ корреспондента изъ Нижняго Новгорода. Изъ статей ея лучшія: «Изъ воспоминаній дѣтства» (за подписью Е. Александровой, въ «Воспитанія и Обученія»), «По Волгѣ», «Проказы лѣшаго» (стихотвореніе), «Очеркъ изъ сибирской жизни» (въ «Задуманномъ Словѣ»). Кромѣ того, имѣются въ отдѣльныхъ изданіяхъ ея: «Ө. Слѣзюшканинъ», «Ив. Кулибинъ» и «Нижній Новгородъ». Въ послѣднее время она написала большую повѣсть, подъ заглавіемъ «Семейная хроника», помѣщенную въ «Нови». Преждевременная смерть Е. Н. не дала ей возможности развить своихъ силъ, но и то, что она успѣла написать, заставляло ожидать отъ нея многого въ будущемъ, особенно для дѣтской литературы, и дѣти никогда не забудутъ ея простой и трогательной «Исторіи маленькой швеи» («Родникъ», 1886 г.), которая вышла в отдѣльно, въ изданіи фирмы «Посредникъ».

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ.

Періодическія изданія, разрѣшенныя въ Россіи въ 1886 году.

В ЭТОЙ библиографическо-статистической замѣткѣ мы указываемъ тѣ періодическія изданія, которыя были вновь разрѣшены только втеченіе минувшаго 1886 года; что же касается существовавшихъ до этого времени, то отмѣчаемъ послѣднія лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда втеченіе того же года въ нихъ произошли какія либо перемѣны, не исключая и такихъ, какъ замѣна одного издателя другимъ и т. п. Для составленія этихъ свѣдѣній мы пользовались всѣми распоряженіями, по дѣламъ печати объявленными въ 1886 году, признавая этотъ источникъ единственно вѣрнымъ и безошибочнымъ.

Всѣхъ вновь разрѣшенныхъ въ 1886 году періодическихъ изданій было 57, изъ нихъ на языкахъ: русскомъ—46, русскомъ, французскомъ и другихъ—2, на французскомъ—1, нѣмецкомъ—1, польскомъ—4, еврейскомъ—1, астонскомъ—1 и грузинскомъ—1; по программамъ: литературныхъ и политическихъ—17, педагогическихъ, медицинскихъ и другихъ специальностей—26, справочныхъ—7, духовныхъ—4 и дѣтскихъ—3, причемъ изъ общаго числа всѣхъ журналовъ 10 иллюстрированныхъ. По времени выхода всѣ эти изданія распредѣляются такъ: ежедневныхъ—6, выходящихъ нѣсколько разъ въ недѣлю—7, еженедѣльныхъ—13, выходящихъ отъ 2—3 разъ въ мѣсяць—8, ежемѣсячныхъ—17, выходящихъ отъ 3—4 разъ въ годъ—3 и неопредѣленно, по мѣрѣ накопленія матеріала—3; издававшихся подъ цензурою—48 и безъ предварительной цензуры—9 и, наконецъ, выходящихъ въ столицахъ—24 и въ провинціальныхъ городахъ—33.

Въ отношеніи изданій, разрѣшенныхъ ранѣе 1886 года, можно отмѣтить слѣдующіе случаи: измѣнившихъ первоначальное свое названіе изданій было 11, расширившихъ или измѣнившихъ свою программу—14, перемѣнились издатели или редакторы въ 38 изданіяхъ, объявились окончательно прекратившимся—28 и прекращено по распоряженію правительства—1, измѣнили сроки

выхода—10 и возобновилось—1; втеченіе всего минувшаго года министеромъ внутреннихъ дѣлъ было дано періодическимъ изданіямъ предостереженій и разныхъ видовъ запрещеній—5 и снято запрещеній—3. Вотъ болѣе подробныя свѣдѣнія для нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ статистическихъ данныхъ:

I. Изданія, вновь разрешенныя въ 1886 году:

Ахаль-Теке. Газета литературно-политическая и иллюстрированная, подцензурная, выходитъ 3 раза въ недѣлю, въ гор. Асхабадѣ; редакторъ и издатель Ник. Влад. Полторановъ.

Безплатное приложеніе къ билетнымъ купоннымъ книжкамъ прямаго сообщенія. Справочный листокъ, подцензурный, выход. ежемѣс., въ Москвѣ; редакторъ и издат. Влад. Матв. Фришъ.

Бенъ-Ами (Родное). Журн. научно-литерат., на еврейскомъ языкѣ, подцензурный, выходитъ ежемѣсячно, въ Спб., редакторъ и издат. Левъ Осипов. Канторъ.

Вирмалине. Газета литературно-политич., на восточномъ языкѣ, подцензурная, выходитъ еженедѣльно, въ Спб.; редак. и издат. Ив. Рейнвальдъ.

Visla. Miesięcznik Etnograficzno-Geograficzny. Журн. научный, иллюстрированный, подцензурный, выходитъ ежемѣсячн., въ Варшавѣ; редакторъ и издатель Войцѣхъ Грушецкій.

Воскресенье. Журналъ для народа, иллюстриров., подцензурн., выходитъ еженед., въ Спб.; редакторъ и издатель кн. Влад. Петр. Мещерскій.

Вѣстникъ опытной физики и элементарной математики. Журналъ спеціальный, подцензурн., выходитъ 3 раза въ мѣсяцъ, въ Кіевѣ; редакторъ и издат. Эразмъ Корнелиев. Шпачинскій.

Воскресный День. Журналъ духовный, иллюстрир., подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ Москвѣ; ред. и изд. Сем. Яковл. Уваровъ.

Вѣстникъ россійскаго Общества покровительства животныхъ. Журналъ подцензурн., выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ, въ Спб.; изд. Общества покровительства животныхъ, редакторъ Ник. Ник. Животовъ.

Вѣстникъ рыбопромышленности: органъ россійскаго Общества рыбоводства и рыболовства. Журн. спеціальн., безцензурный, выходитъ ежемѣсячно, въ Спб.; изд. Общества рыбоводства, редакторъ Оскаръ Андреевичъ Гриммъ.

Вѣчное Движеніе. Экономическія свѣдѣнія о Россіи и другихъ иностранныхъ государствахъ, собираемыя по существующимъ достовѣрнымъ источникамъ, съ хромофотографированными снимками. Журналъ спеціальн., безцензурн., выходитъ по мѣрѣ накопленія матеріала, въ Спб.; редакторъ и издатель Илья Петр. Чайковскій.

Narvaler Stadtblatt. Газета литературно-политич., подцензурн., выходитъ еженедѣльно, въ Гапсальѣ; ред. и издат. Юганъ-Людвигъ Михельсенъ.

Дневникъ русскаго актера. Журналъ литературы., подцензурн., съ преміями, выходитъ ежемѣсячно, въ Спб.; редакторъ и издатель Пав. Александровичъ Денисенко.

Донъ. Журн. литературы., иллюстр., подцензурн., выходитъ ежемѣсячно, въ Новочеркасскѣ; редакторъ и издатель Ив. Петров. Поповъ.

Донская Рѣчь. Газета политическо-общественная и литературная, подцензурн., выходитъ 4 раза въ недѣлю, въ Новочеркасскѣ; редакторъ и издат. Ив. Петровичъ Поповъ.

Другъ Слѣпыхъ. Журн. спеціальн., подцензурн., выходитъ 3 раза въ годъ, въ Кіевѣ; редакторъ и издатель Алексѣй Ѳомичъ Андрияшевъ.

Другъ Дѣтей. Журналъ для дѣтей отъ 9—12 лѣтъ, съ картинками, подцензурный, выходитъ черезъ 2 недѣли, въ Москвѣ; редакторъ и издатель Конст. Ник. Цвѣтковъ.

Дѣтскій Музыкальный Мірокъ. Журналъ для дѣтей, литерат. и музыкальн., подцензурн., выходитъ 2 раза въ мѣсяць, въ Одессѣ; редакторъ и издательница Анна Ив. Чернова.

Дѣловой Корреспондентъ. Газета справочн., подцензурная, выходитъ ежедневно, въ Екатеринбургѣ; редакторъ и издатель Николай Григорьевичъ Стрижевъ.

Еженедѣльнякъ. Журналъ литературный и юмористич., иллюстрированный, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ Москвѣ; издат. Владим. Ѳедор. Рихтеръ, редакторъ Лавръ Лавр. Бѣлянкинъ.

Екатеринбургскія Епархіальныя Вѣдомости. Газета духовная, подцензурная, выходитъ еженедѣльно, въ Екатеринбургѣ; редакторъ Алекс. Серебrenниковъ.

Życie. Tygodnik naukowo-literacki. Газета литературно-библиографическая, подцензурная, выходитъ еженедѣльно, въ Варшавѣ; редакторъ и изд. Теодоръ Павроцкій.

Журналъ акушерства и женскихъ болѣзней, органъ акушерско-гинекологическаго Общества. Журналъ спеціально-медицинскій, безцензурн., выходитъ ежемѣсячно, въ Спб., изд. Общества, редак. Антонъ Яковлевичъ Красовскій, Кронидъ Ѳед. Славянскій и Ив. Ив. Смольскій.

Записки московскаго Отдѣленія императорскаго техническаго Общества. Журналъ спеціально-техническій, безцензурн., выходитъ 3 раза въ мѣсяць, въ Москвѣ; изд. Общества, редакторъ Конст. Алексѣевъ. Казначеевъ.

Извѣстія Томскаго городского общественнаго управленія. Газета подцензурная, выходитъ еженедѣльно, въ Томскѣ; подъ отвѣтств. городского головы.

Извѣстія книжнаго магазина товарищества М. О. Вольфъ. Журналъ справочн., подцензурн., выходитъ ежемѣс., въ Спб.; редакторъ и издатель Александръ Маврик. Вольфъ.

Кавкасское торгово-промышленное обозрѣніе. Журналъ на рускомъ и французскомъ язык., спеціально торговый, подцензурн., выходитъ ежемѣсячно, въ Тифлисѣ; редакторъ и издатель Жюль Мурье.

Кіевское Слово. Газета политико-общественной жизни и литературы, подцензурн., выходитъ ежедневно, въ Кіевѣ; редакторъ и издатель Аѳног. Як. Антоновичъ.

Кронштадтскій Листокъ Объявленій. Газета справочн., подцензурн., выходитъ еженедѣльно, въ Кронштадтѣ; редакторъ-издат. Дмитрій Комаровъ.

Курсовой Листокъ Варшавской биржи. Газета коммерческая, на рускомъ, польскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, подцензурн., выходитъ ежедневно, въ Варшавѣ; редакторъ и издатель Рудольфъ Самуиловичъ Окрентъ.

Листокъ книжныхъ объявленій. Газета справочн., подцензурная, выходитъ ежедневно, въ Спб., редакторъ-издат. Ник. Павл. Карабасниковъ.

Малютка. Журналъ дѣтскій, иллюстрирован., съ преміями, подцензурн. выходитъ ежемѣсячно, въ Москвѣ; редак.-издат. Анна Як. Цвѣткова.

Материалы для исторіи и библіографіи шелководства и шелководства. Журналъ спеціальн., подцензурн., выходитъ 4 раза въ годъ, въ Житомирѣ; редак. и издат. Вас. Мих. Григоровичъ-Барскій.

Медицинскій Сборникъ Варшавскаго Уяздовскаго военнаго госпиталя. Журналъ спеціально-медиц., безцензурн., выходитъ неопредѣл. въ Варшавѣ.

Mercure d'Odessa, feuille commerciale, agricole, industrielle et maritime. Газета спеціальн., подцензурн., выходитъ 2 раза въ недѣлю, въ Одессѣ; редак.-издат. Ник. Ангелов. Хрисогелось.

Минскій Листокъ. Газета справочн., подцензурн., выходитъ 2 раза въ недѣлю, въ Минскѣ; издан. Ив. Петров. Фотинскій, редакторъ Ник. Александровичъ Ивановъ.

Нижегородскій Вѣстникъ пароходства и промышленности. Журналъ спеціальн., безцензурн., выходитъ ежемѣс., въ Нижнемъ Новгородѣ; изд. Отд. император. русск. технич. Общества, редакторъ Ник. Петровичъ Протопоповъ.

Нижегородскія Епархіальныя Вѣдомости. Газета дух., подцензурн., выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ, въ Нижнемъ Новгородѣ; редакторъ протоіерей Годневъ.

Одесская Судебная Газета, юридич., подцензурн., выходитъ 3 раза въ мѣсяцъ, въ Одессѣ; редакторъ-издат. Станиславъ Юліанов. Лошницкій.

Педагогическій Листокъ Задушевнаго Слова. Газета для родителей и воспитателей, прилож. къ журн. «Задушевное Слово», подцензурн., выходитъ еженед., въ Спб.; издат. Александръ Маврикіев. Вольфъ, редакторъ Ник. Христіан. Вессель.

Pszczola (Пчела). Газета пчеловодства, подцензурн., выходитъ ежемѣс., въ Варшавѣ; ред. и изд. Казим. Адам. Левецкій.

Романы и повѣсти. Журналъ литерат., подцензурн., выходитъ ежемѣс. приложеніемъ къ журналу «Вокругъ Свѣта», въ Москвѣ; изд. Мих. Антон. Вернеръ.

Русское Судоводство. Журналъ спеціальн., подцензурн., выходитъ ежемѣсячно, въ Спб., ред. и изд. Мих. Фед. Мецъ.

Русская Газета, политич.-литерат., безцензурн., ежедневно, въ Спб.; ред. и издат. Вас. Григ. Авсѣенко.

Русское Дѣло. Газета политич., литературн. и сельско-хозяйствен., безцензурная, выходитъ еженедѣльно, въ Москвѣ; редакторъ-издатель Серг. Фед. Шараповъ.

Сборникъ херсонскаго земства. Журналъ подцензурн., выходитъ ежемѣсячно, въ Херсонѣ; изд. земской управы.

Собрание романовъ, повѣстей и разказовъ лучшихъ европейскихкихъ писателей. Журналъ литературн., иллюстрир., подцензурн., выходитъ приложеніемъ къ газетѣ «Родина», ежемѣс., въ Спб., изд. Альвинъ Андреев. Каспарн.

Справочный Листокъ харьковскаго Общества сельскаго хозяйства. Газета спеціальн., подцензурн., выходитъ еженед., въ Харьковѣ; изд. Обществомъ.

Справочный Старорусскій Сезонный Листокъ. Газета справочн., подцензурная, выходитъ 3 раза въ недѣлю, въ Старый Русскъ; издатель Ник. Григ. Осиповъ.

Tellus. Журналъ спеціальн., посвящ. сахару и пивоваренію, на польск. языкѣ, подцензурн., выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ, въ Варшавѣ; ред.-издатель Яковъ Людвиг. Эрлихъ.

Торговый Бюллетень. Газета торгово-промышленная, подцензурн., выходитъ ежедневно, въ Одессѣ; ред.-издат.: Ростиславъ Григ. Конкевичъ, Генр. Львов. Ганзенъ и Леопол. Кар. Нопцалани.

Труды Бакинскаго Отдѣленія императорскаго технического Общества. Журналъ спеціально-техническій, безцензурн., выходитъ неопредѣленно, въ Баку: изд. Общества, ред. Исая Абрисим. Сафаровъ.

Успѣхи мукомольнаго и крахмального производства. Журналъ спеціальн., съ чертежами, подцензурн., выходитъ 4 раза въ годъ, въ Спб. ред. и издатель Карлъ Веберъ.

Художественный Хроникеръ. Журналъ, посвящ. худож., иллюстр., подцензурн., выходитъ еженедѣльно, въ Спб.; ред.-изд. Ив. Ник. Божеряновъ.

Цискари (Заря). Газета сельско-хозяйствен., на грузинскомъ языкѣ, подцензурная, выходитъ 2 раза въ недѣлю, въ Тифлисѣ; редакторъ-издатель Ив. Кереселидзе.

Якутскія Епархіальныя Вѣдомости. Газета духовная, подцензурная, выходитъ въ Якутскѣ; редакторъ протоіерей Стефанъ Добротворскій.

Ярославскій Листокъ объявленій. Газета справочная, подцензурная, выходитъ 3 раза въ недѣлю, въ Ярославлѣ; редакторъ-издатель Конст. Дм. Головщиковъ.

II. Возобновлено изд. иллюстр. литерат. журн. «Россія», еженед., въ Москвѣ; ред.-изд. Иосифъ Ив. Пашковъ.

III. Измѣнены названія слѣдующ. изданій: Inżynierya i Budownictwo—въ Przemyslowiec; Владимірскій Земскій Сборникъ — Вѣстникъ Владимірскаго губернскаго земства; Гомеопатическій Вѣстникъ—Гомеопатич. Вѣстникъ, журналъ сравнительной патологій и терапій; Hodowca—Wolnik i Hodowca; Особое иллюстрирован. литературно-научное приложеніе (прилож. къ жур. «Еженедѣл. Обзорніе») — День; Самарскій Вѣстникъ — Самарскій Вѣстникъ Объявленій; Севастопольскій Справочный Листокъ—Севастопольскій Листокъ; Симбирская Земская Газета — Вѣстникъ Симбирскаго земства; Техникъ и Иллюстрирован. Техническій Обзоръ, составлявшіе два журнала, соединены въ одинъ подъ общимъ названіемъ; Тифлисскія Объявленія—Тифлисскій Листокъ и Figaro Warszawskie—Glos.

Изданія, объявившіяся окончательно прекратившимися: Ваза, Вѣкъ, Голосъ Москвы, Gnot, Евангелическая ежемѣсячная газета для народа, Еврейское Обзорніе, Жизнь, Журналъ для дѣвиць, Зарница, Зритель, Искусство, Ласточка, Le Trésor, Les Loisirs de la famille, Листокъ для прѣзжающихъ и справочный указатель Петербурга, Маленькая Газета, Маякъ Арменіи, Медицинскій Вѣстникъ, Медицинскія Новости, Мірской Вѣстникъ, Мужскія Моды, Обзоръ фондовыхъ, хлѣбныхъ и торговыхъ рынковъ, Русскій Еврей, Руссо-Чешская Библіотека, Собраніе русскихъ и переводныхъ романовъ, повѣстей и рассказовъ, Строительный Матеріалъ, Уніонъ, Эхо.

IV. Утверждены новыя лица издателями или редакторами: *Biblioteka Romansów i Powiesci*—ред.-изд. Болесл. Лондыньскій; *Biblioteka Matematyczno-Fizyczna* — изд. Александръ Войцѣх. Чаевичъ; *Biblioteka Warszawska* — ред.-изд. Казим. Плебанскій; *Gazeta Swiąteczna* — изд. Конр. Антон. Прушинскій; *Гамелець* (евр.) — изд. Исидоръ Левъ и Липманъ Лифшицъ; *Dziennik Łódzki* — ред. Ант. Юрьев. Хоментовскій; Еврейскій Народный Листокъ — ред. Александръ Цедербаумъ, изд. Исидоръ Левъ и Липманъ Лифшицъ; *Екатеринославскій Листокъ Объявленій* — ред.-изд. Евгений Александров. Зуйченко; *Екатеринбургская Недѣля* — ред.-изд. Александръ Макс. Симоновъ; *Зодчій и Недѣля Строителя* — изд. Эрастъ Деклеронъ (онъ же и ред.); *Иллюстрар. Миръ*—изд. Лидія Павл. Турба; *Инкери* (финск.). — изд. Отто Роканену, Мих. Синдоненъ, Пусъ, Иосифъ Отсалайнъ; *Казанскій Биржевой Листокъ* — ред. Ник. Алексѣвичъ Ильяшенко; *Kronika Lekarska*—изд. Влад. Феликс. Краевскій, Оттонъ Оттон. Гевельке и Конст. Феликс. Серпинскій; *Курскій Листокъ* — ред. Мих. Аркад. Лубимовъ, изд. Серг. Андреев. Фесенко; *Лучъ*—изд. Юлія Андреев. Аркадьева; *Нева*—изд. Ник. Осип. Линовскій-Трофимовъ; *Ома-Маа* (эстонск.)—изд. Гуго Трифрифъ; *Орловскій Вѣстникъ*—ред.-изд. Надежда Андреев. Семенова; *Pamiętnik Towarzystwa Lekarskiego Warszawskiego*—ред. Францъ Явдинскій; *Przegląd Techniczny*—ред. Адамъ Ив. Браунъ; *Przegląd Pedagogiczny*—ред.-изд. Флоріонъ Лаговскій; *Przyjaciel Zwierząt*—ред. Юліанъ Ант. Гешпенъ; *Родина*—изд. Альвинъ Андр. Каспаръ; *Родникъ*—ред. (2-й) Алексѣй Ник. Альмедингенъ; *Vota* (латыш.)—ред. Карлъ Март. Клавиншъ и Як. Генрих. Лаутенбахъ; *Сынъ Отечества* — изд. Серг. Емельян. Добродѣевъ; *Таганрогскій Вѣстникъ* — изд. Андр. Мих. Мироновъ; *Театральный Мирокъ* — ред.-изд. Ник. Филип. Левдикъ; *Tygodnik Powzeczny* — изд. Викт. Чаевскій; *Tygodnik Plustrowany* — ред. Осипъ Роберт. Вольфъ; *Тифлискій Листокъ*—изд. Сем. Лазар. Кегулихесъ (Кегульскій); *Художественный Журналъ*—ред. Ник. Александров. Александровъ, изд. Альбер. Ив. Брюккеръ; *Figaro Warszawskie Tygodnik* — изд. Владисл. Станисл. Кершъ; *Шуть* — ред.-изд. Викент. Яков. Эренпрейсъ.

V. Втеченіе 1886 года слѣдовали относительно періодическихъ изд. слѣдующія распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ: прекращено изд. кievской газеты «Заря»; приостановлено на 3 мѣс. изд. газеты «Русское Дѣло» за нарушение въ № 34 и 35 распоряженій, объявленныхъ безцензурнымъ изданіямъ; дано предостереженіе газетѣ «Биржевыя Вѣдомости» (2-е) за статью «Картинки и наброски» въ № 314; запрещена розничная продажа газетъ: «Современныя Извѣстія», «Русскія Вѣдомости», а допущена розничная продажа газеты «Суфлеръ», воспрещенная въ декабрь мѣсяцъ 1885 года. Запрещеніе розничной продажи снято было съ газеты «Русскія Вѣдомости» черезъ 4 мѣсяца и съ «Современныхъ Извѣстій» черезъ 3 мѣсяца. Можно отмѣтить еще слѣдующія перемѣны: газета «Суфлеръ» и журналъ «Колосья», съ 8-го января 1886 года, стали выходить съ предварительной цензурой, а иллюстрированный журналъ «Звѣзда», приложение къ газетѣ «Свѣтъ», разрѣшено издавать какъ самостоятельный журналъ.

Л. Павленковъ.

наступаетъ томительно скучная супружеская жизнь. Но если вѣсы въ колебаніи, сердце и рука лежатъ на вѣсахъ порознь, то обѣ стороны чувствуютъ себя прекрасно. Въ колебаніи вся прелесть жизни.

— Въ особенности, если вмѣшаются посторонніе люди и будутъ управлять вѣсами, какъ имъ вздумается!—замѣтилъ съ улыбкой Германъ.

— *C'est charmant!* — воскликнула графиня, видимо довольная своимъ собесѣдникомъ.—Мы поговоримъ объ этомъ въ другой разъ, а теперь я должна сообщить вамъ нашъ проектъ. Аделъ не дала рѣшительнаго отвѣта генералу Моріо и желаетъ на зло ему учиться нѣмецкому языку.. Я не прочь принять участие въ этой забавной выдумкѣ Адели, и поэтому согласилась, чтобы она брала тайно нѣмецкіе уроки въ моемъ домѣ. Вотъ теперь я все объяснила вамъ...

— Значить, нѣмецкіе уроки будутъ только забавой! — возразилъ Германъ, нѣсколько обиженный.—Если графъ Фюрстенштейнъ узнаетъ объ этомъ, то будетъ вправѣ остаться недовольнымъ подобной забавой!

Графиня слегка покраснѣла.

— Позвольте замѣтить вамъ, г. докторъ, — сказала она: — что если вы желаете составить счастье въ Касселѣ, то постарайтесь быть сговорчивѣе. Это не помѣшаетъ вамъ остаться честнымъ челоукомъ. Вы увидите здѣсь немало всякихъ козней и интригъ и не должны приходить въ ужасъ, а мы предлагаемъ вамъ принять участие въ совершенно невинномъ фарсѣ. При этомъ неизвѣстно, будете ли вы разыгрывать роль учителя, или сами научитесь чемунибудь... Положимъ, вы докторъ философіи, но вы мало знакомы съ жизнью и во многомъ вамъ придется начать съ азбуки. Что же касается неудовольствія графа Фюрстенштейна, то эта боязнь кажется мнѣ излишней, и вы ничего не достигнете, если будете всего опасаться...

Германъ не успѣлъ отвѣтить, потому что въ эту минуту вошелъ камердинеръ и доложилъ о пріѣздѣ министра финансовъ, барона фонъ-Бюловъ.

Графиня попросила Германа перейти въ сосѣднюю комнату.

— Г. Бюловъ останется недолго, — сказала она: — займитесь чѣмънибудь, тутъ на столѣ лежатъ журналы...

Съ этими словами графиня закрыла за собой дверь и сдѣлала нѣсколько шаговъ на встрѣчу почетному гостю. Бюлову было около сорока лѣтъ; онъ производилъ пріятное впечатлѣніе своей выразительной, оживленной фізіономіей и непринужденнымъ обращеніемъ.

— Я пріѣхалъ доложить вамъ, графиня, что сумма, требуемая королевой, уже ассигнована.

— Очень благодарна вамъ, мой дорогой баронъ. Вы доставите этимъ большое удовольствіе королевѣ, потому что она хочетъ устроить домашнее празднество къ прїѣзду своего супруга.

— Я самъ буду вполне счастливъ,—возразилъ съ улыбкой Бюловъ:—если ея величество удовлетворится надолго этой суммой.

— Или, другими словами, не скоро обратится къ вамъ съ новымъ требованіемъ! Я могу легко представить себѣ, какъ тяжело управлять нашими финансами.

— Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался министромъ, у меня нѣтъ ни одной спокойной минуты. Мудрено управлять государственной казной при такихъ условіяхъ! Вотъ теперь полученъ далеко не милостивый приказъ императора о немедленной присылкѣ военной контрибуціи. Между тѣмъ, всѣ доходы поглощаются безпутной жизнью, какая ведется здѣсь, а тутъ еще нѣтъ покоя отъ этихъ оборванцевъ, разныхъ французскихъ авантюристовъ, которые ежедневно являются сюда въ надеждѣ поживиться деньгами и достигнуть виднаго общественнаго положенія. Но довольно объ этомъ, простите, графиня, что я нарушаю весь строй вашего беззаботнаго существованія такими разговорами...

Онъ собрался идти, но графиня остановила его:

— Неужели нѣтъ никакихъ средствъ остановить этотъ наплывъ французскихъ попрошайекъ? — сказала она, понизивъ голосъ, какъ бы изъ боязни, что Германъ можетъ услышать происходившій разговоръ, хотя знала, что закрытая дверь и тяжелая шелковая портьера на столько заглушали звуки, что до сосѣдней комнаты могли долетать только отдѣльныя слова.

Бюловъ ничего не отвѣтилъ и казался задумчивымъ.

— Къ королевѣ постоянно обращаются съ различными просьбами, и она, чтобы угодить своему супругу, слишкомъ милостива къ этимъ французамъ. Я давно хотѣла поговорить съ вами объ этомъ, баронъ, и узнать ваше мнѣніе...

— Что касается меня лично, — сказалъ Бюловъ: — я рѣшился, по мѣрѣ силъ, противодействовать этому злу и душевно радъ, что мы сходимся во взглядахъ. Мнѣ кажется, что, при извѣстной настойчивости, многое можно сдѣлать и устранить... Вамъ извѣстно, графиня, что я противъ воли очутился въ Касселѣ послѣ заключенія Тильзитскаго договора; я умолялъ тогда прусскаго короля оставить меня на своей службѣ. Но злополучный монархъ, потерявъ половину государства, не могъ даже отстоять своихъ вѣрныхъ слугъ, которые отошли къ непріятелю вмѣстѣ съ утраченными провинціями...

— Вы, кажется, въ первый разъ увидѣли короля Жерома въ Магдебургѣ?

— Да, и имѣлъ счастье, или, вѣрнѣе, несчастье понравиться ему. Онъ призвалъ меня въ государственный совѣтъ и назначилъ

министромъ финансовъ, и если я рѣшился принять эту трудную должность, то съ единственной цѣлью содѣйствовать благу несчастной страны. Я поставилъ себѣ задачей выдвигать наиболѣе способныхъ нѣмцевъ и устранять чужестранцевъ. Будете ли вы содѣйствовать мнѣ въ этомъ, графиня?

— Съ величайшей радостью!—воскликнула она съ живостью.— Но въ чемъ будетъ заключаться моя обязанность?

— Мы должны сообщать другъ другу наши наблюденія, обдумывать, что каждый изъ насъ долженъ дѣлать въ томъ или другомъ случаѣ. Прежде всего, воспользуйтесь вашей близостью къ особѣ ея величества: французская партія постоянно толчется около нея, а королева Екатерина, къ сожалѣнню, выказываетъ явное предпочтеніе французамъ. Вѣдь она не иначе принимаетъ просьбы, какъ если онѣ написаны пофранцузски; между тѣмъ, самъ король далъ торжественное обѣщаніе учиться нѣмецкому языку! Такимъ образомъ, намъ приходится постоянно бороться, чтобы французскій языкъ не былъ признанъ официально государственнымъ языкомъ. Напоминайте ея величеству, что она родилась въ Вюртембергѣ и вестфальская королева, и что это два коренныхъ народа Германіи...

— Да, я сдѣлаю это,—возразила задумчиво графиня.— Распоряжайтесь мною, Бюловъ, и руководите моими дѣйствіями.

Онъ поцѣловалъ протянутую ему руку.

— Я считаю особеннымъ счастьемъ, графиня,—сказалъ онъ:— что случай привелъ меня сегодня къ вамъ, и я заручился такой союзницей, какъ вы! Будемъ поддерживать нашъ языкъ, наши нѣмецкіе обычаи... Я глубоко убѣжденъ, что это Вестфальское королевство, созданное по капризу Наполеона, просуществуетъ недолго...

— Я слышала, у васъ былъ Моріо?

— Графъ Фюрстенштейнъ рекомендовалъ его мнѣ, какъ приверженца нѣмецкой партіи. Вы почему-то не довѣряете ему?

— Я вообще не люблю этого грубіяна!—отвѣтила она.

— Ему было видимо неприятно явиться ко мнѣ съ визитомъ. Мы были прежде пріятелями, но король Геронимъ, передъ своимъ вступленіемъ въ Вестфальское королевство, вздумалъ прислать сюда Моріо, чтобы познакомиться заранѣе съ положеніемъ страны. Адъютантъ короля, развѣдая по провинціямъ новаго государства, собиралъ свѣдѣнія о различныхъ статьяхъ дохода въ гостинницахъ, корчмахъ, у пастуховъ, торгующихъ жидовъ и т. п. Разумѣется, вышелъ довольно оригинальный бюджетъ, и мнѣ стоило большаго труда доказать его нелѣпность, тѣмъ болѣе, что королю понравились высокія цифры мнимыхъ доходовъ. Моріо узналъ, что я поднялъ на смѣхъ составленный имъ докладъ, и съ тѣхъ поръ дулся на меня. Но вообще я считаю его даровитымъ человѣкомъ и весьма

свѣдущимъ по своей спеціальности. Говорятъ, онъ женится; правда ли это?

— Вѣроятно, самъ Моріо распустилъ этотъ слухъ при своей самоувѣренности! Дѣйствительно, онъ усердно добивается руки маленькой Ле-Камю, но она еще не рѣшается...

Графиня замолчала, потому что въ эту минуту въ комнату вошла Адель. Бюловъ, сказавъ ей нѣсколько любезныхъ фразъ, протиснулся съ обѣими дамами.

Едва закрылась за нимъ дверь, Адель бросилась на шею своей пріятельницѣ и спросила ее шепотомъ: — Онъ не приходилъ еще?

— Онъ, вѣроятно, давно ушелъ бы отсюда, если бы я не арестовала его! — отвѣтила вполголоса графиня.

— Меня задержалъ Моріо. Мы позволили ему бывать у насъ, и онъ является ежедневно и воображаетъ, что, если цѣлуетъ мою руку, то это значитъ, что она уже принадлежитъ ему. Посмотрите, какъ покраснѣла моя рука; борода Маріо жесткая, какъ щетина.

Графиня улыбнулась. — Генералъ дѣйствуетъ рѣшительно, будьте на-сторожѣ, мы не успѣемъ опомниться, какъ онъ овладѣетъ этой маленькой ручкой. Однако, пора выпустить на свободу узника!

Она отворила дверь и, позвавъ Германа, сказала:

— Пожалуйте сюда, г. докторъ, государственный бюджетъ уступилъ мѣсто нѣмецкой грамматикѣ, теперь мы можемъ заняться ею.

Германъ и Адель чувствовали себя неловко и церемонно раскланялись другъ съ другомъ. Но мало-по-малу разговоръ оживился. Адель была въ самомъ веселомъ расположеніи духа и ни минуты не могла оставаться на одномъ мѣстѣ. Легкое весеннее платье, шитое по послѣдней модѣ, очень шло къ ней. Ея наивная болтовня и безцеремонное обращеніе сначала смущали Германа, но вскорѣ онъ незамѣтно перешелъ въ тотъ же тонъ. Они говорили между собой пофранцузски, и поэтому многое, что было сказано, могло показаться пустымъ или слишкомъ смѣлымъ и многозначительнымъ на всякомъ другомъ языкѣ.

Графиня видимо забавлялась, наблюдая, какъ Адель и ея будущій учитель поддразнивали другъ друга и употребляли напрасныя усилія, чтобы скрыть отъ нея свое взаимное расположеніе. Время отъ времени, съ свойственнымъ ей тактомъ, она вставляла свои замѣчанія или давала тотъ или другой оборотъ разговору. Наконецъ, она завела рѣчь объ урокахъ нѣмецкаго языка и назначила понедѣльникъ и пятницу.

Германъ понялъ, что ему пора уходить, и, противъ своего желанія, поднялся съ мѣста.

— Но такъ какъ меня могутъ неожиданно потребовать къ королевѣ, — продолжала графиня: — то эта ваза, поставленная на окнѣ, будетъ сигналомъ, что урокъ отмѣняется до слѣдующаго раза...

Германъ такъ серьезно слушалъ ее, что графиня невольно улыбнулась. Она замѣтила также, какъ онъ украдкой положилъ на столъ перчатку Адели, и, не выдержавъ своей роли, сказала: — У знаю добросовѣстность нѣмца; онъ считаетъ преступленіемъ удерживать у себя чужую вещь!

XIII.

Сомнительное донесеніе.

Для Германа наступило нѣсколько дней затишья, которые онъ провелъ дома въ уединеніи. Ему хотѣлось воспользоваться ими и заняться работой для Берканьи, но пока это были только одні попытки. Хотя исходная точка была найдена, и онъ рѣшилъ начать съ описанія своей жизни въ Галле, но что писать дальше? Съ тѣхъ поръ произошло столько новыхъ событій!... Теперь даже воспоминанія о далекомъ прошломъ ступевывались въ его памяти, такъ какъ онъ былъ весь поглощенъ таинственными свиданіями съ хорошенькой креолкой. Неопредѣленные желанія волновали его кровь и наполняли голову роскошными, несбыточными фантазіями. До сихъ поръ, во всѣхъ его увлеченіяхъ любовь существовала только въ его воображеніи, теперь онъ впервые испыталъ ее въ дѣйствительности. Креолка точно околдовала его; образъ ея неотступно представлялся ему воснѣ и наяву, такъ что по временамъ мысли путались въ его головѣ. Комната его казалась ему подчасъ на столько тѣсной и душной, что онъ бралъ шляпу и цѣлыми часами ходилъ по улицамъ.

Тѣмъ не менѣ мысль о заказанной работѣ не покидала его. Однажды, вернувшись съ прогулки, онъ сдѣлалъ еще одну и такую же напрасную попытку приняться за перо, и рѣшилъ, что ему собственно не достаетъ матеріала. Онъ вспомнилъ о приглашеніи барона Рефельда, который, повидимому, имѣлъ обширный кругъ знакомыхъ, и у него явилась надежда получить отъ него необходимыя свѣдѣнія.

Баронъ занималъ комфортабельную квартиру вблизи городскихъ воротъ. Въ тотъ вечеръ, когда его посѣтилъ Германъ, онъ сидѣлъ на балконѣ съ длинной трубкой въ рукахъ и казался въ наилучшемъ расположеніи духъ. Передъ нимъ на столѣ были разбросаны бумаги и множество только-что полученныхъ распечатанныхъ писемъ. Онъ радушно встрѣтилъ молодого гостя, пригласилъ сѣсть и велѣлъ подать вина.

— Очень радъ, что вы, наконецъ, посѣтили меня,—сказалъ онъ, пожимая еще разъ руку Герману.—Мнѣ уже приходило въ голову, что въ тотъ вечеръ вы почувствовали ко мнѣ антипатію и потому

не являетесь. Меня считаютъ многіе чудакомъ, и это имѣетъ свою хорошую сторону... Здѣсь на балконѣ мы можемъ говорить, не стѣсняясь. Въ Касселѣ стѣны имѣютъ уши, но тутъ передъ нами только старыя липы, которыя не выдадутъ насъ; моихъ милыхъ сосѣдей также остерегаться нечего; они сами такъ боятся тайной полиціи, что даже между собой говорятъ шопотомъ. Вчера я только-что вернулся въ городъ. Мнѣ удалось познакомиться съ нѣкоторыми изъ окрестныхъ помѣщиковъ; какіе у нихъ прекрасные лѣса! Непремѣнно зимой буду охотиться тамъ, если только меня не погонять отсюда!.. Кассель не даетъ никакого понятія о томъ, что происходитъ въ остальной странѣ! Въ резиденціи короля царитъ роскошь и веселіе, а кругомъ стонетъ народъ и общее недовольство... Какъ вамъ жилось это время? Много ли у васъ знакомыхъ? Что слышали новаго?

Германъ отвѣтилъ, что въ послѣднее время велъ довольно уединенную жизнь, а затѣмъ, какъ бы случайно, завелъ разговоръ на занимавшую его тему.

Баронъ разсмѣялся.—Я не ошибся,—сказалъ онъ:—молодой человекъ, съ такимъ умомъ и образованіемъ, какъ вы, не можете относиться безучастно къ великимъ стремленіямъ и задачамъ новаго времени. Но имѣете ли вы о нихъ надлежащее представленіе? Я сообщу вамъ вѣкоторыя вещи, такъ какъ рассчитываю на вашу скромность и честность...

Съ этими словами баронъ пристально посмотрѣлъ на Германа, но такъ какъ открытое добродушное лицо юноши не представляло ничего подозрительнаго, то онъ продолжалъ:

— Вы мнѣ сказали тогда, что ничего не слышали о Тугендбундѣ, рѣчахъ Фихте и патриотическомъ движеніи въ Пруссіи... На сколько мнѣ извѣстно, Тугендбундъ только-что начинаетъ возникать и уже возбуждаетъ сильное безпокойство французовъ. Между тѣмъ существованіе этого Союза не составляетъ тайны, и прусскій король открыто утвердилъ его. «Союзъ Добродѣтели» учреждается якобы съ нравственно-научными цѣлями, чтобы восполнить потерю земель и денегъ поднятіемъ доховныхъ силъ народа. Повидимому, можно было рассчитывать, что такое предпріятіе, которое должно облегчить бѣдствія войны и уменьшить общую нужду, не покажется французамъ предосудительнымъ, и они не увидятъ въ немъ заговора. Но вышло наоборотъ. Они убѣждены, что существуютъ какіе-то тайные параграфы, которыхъ, быть можетъ, не знаетъ самъ король; что готовится народное возстаніе, какъ въ Испаніи, а Тугендбундъ учреждается съ затаенной цѣлью освободить Германію отъ французскаго ига.

Германъ пожелалъ узнать имена основателей и членовъ Союза. Баронъ назвалъ ему нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ онъ зналъ лично.

— Имена наиболѣе уважаемыхъ и знаменитыхъ людей должны

остаться неизвѣстными,—продолжалъ баронъ.—Хотя имъ принадлежить самая дѣятельная и вліятельная роль въ Союзѣ, но по своему общественному положенію они не могутъ явно сдѣлаться его членами.

— Я вполне понимаю,—сказалъ Германъ;—на сколько таинственность и сплоченность Союза, его цѣли и даже самыя имена главныхъ участниковъ должны воодушевлять единомыслящихъ людей во всей Германіи. Это такая могучая духовная сила, съ которой мы смѣло можемъ выступить противъ военной силы нашихъ враговъ!

— Разумѣется! — воскликнулъ съ живостью баронъ Рефельдъ, предлагая Герману тостъ за процвѣтаніе Тугендбунда.—Это воодушевленіе уже сказалось въ рѣчахъ нашего великаго учителя Фихте; и вы видите, что, не смотря на громадное число его слушателей изъ всѣхъ сословій, не нашлось ни одного предателя, который бы огласилъ содержаніе его рѣчей.

— Онъ говорилъ ихъ прошлую зиму?—спросилъ Германъ.

— Скажите лучше—онъ громилъ ими!—сказалъ Рефельдъ:—и замѣтите въ то самое время, когда французы заняли Берлинъ; нерѣдко слова оратора были заглушаемы барабанами проходившихъ мимо академіи полковъ. Всѣ слушатели были поражены смѣлостью Фихте. Но, разумѣется, тронъ Наполеона не палъ отъ его рѣчей, какъ вѣкогда стѣны Иерихона; а скорѣе можно было ожидать, что французы направятъ свои пули противъ нѣмецкой философіи.

— Рѣчи Фихте еще не напечатаны?

— Нѣтъ,—возразилъ баронъ:—но онѣ ходятъ по рукамъ въ рукописи. Нѣкоторыя изъ нихъ присланы мнѣ; я укажу вамъ на лучшія мѣста, прочитайте...

Съ этими словами онъ досталъ изъ своихъ бумагъ небольшую, мелко исписанную тетрадь и подалъ Герману, который съ жадностью принялся за чтеніе. Черезъ нѣсколько минутъ онъ воскликнулъ съ восторгомъ:—Какія высокія идеи! Что за глубина мысли!.. Надѣюсь, баронъ, вы позволите мнѣ прочитать ихъ цѣликомъ!

— Вы можете взять съ собой эту тетрадь, хотя я самъ еще не дочиталъ ея, но вы должны вернуть ее мнѣ какъ можно скорѣе. Завтра у меня безъ того пропадетъ цѣлый день, такъ какъ нужно отвѣтить на полученные письма, а ночью ѣдетъ посланный...

Баронъ запнулся и торопливо добавилъ:—Возьмите тетрадь, но поспрайтесь скорѣе прочитать ее.

Германъ поблагодарилъ и, вставъ съ мѣста, собрался уходить.

— Все это, конечно, мысли философа-идеалиста,—сказалъ баронъ:—но онѣ могутъ быть плодотворны среди угнетеннаго народа и въ виду такого союза, какъ Тугендбундъ. Если идея Фихте справед-

лива, что каждый народъ имѣеть законное, самой природой данное ему право «на самобытное существованіе, безъ вмѣшательства и посягательства со стороны какого либо другаго, чуждаго ему народа», то изъ этого мы можемъ сдѣлать прямой выводъ, что возстаніе противъ иноземнаго владычества составляетъ обязанность націи!

Германъ ушелъ подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ словъ барона. Въ липовой аллеѣ, по которой ему пришлось идти, уже становилось темно; изъ сосѣднихъ садовъ вѣяло вечерней сыростью и слышенъ былъ сильный запахъ сирени и цвѣтущихъ кустарниковъ; гдѣ-то вдали пѣлъ соловей.

Германъ встрѣтилъ множество гуляющихъ, но, противъ своего обыкновенія, не обращалъ на нихъ никакого вниманія и, вернувшись домой, тотчасъ, принялся за чтеніе принесенной тетради. Изъ нея выпали листки, написанные той же рукой, съ весьма важными замѣтками относительно нѣкоторыхъ тайныхъ предпріятій въ Пруссіи и Сѣверной Германіи; тутъ былъ и списокъ участвующихъ лицъ; это были, большей частью, люди извѣстные, занимающіе видное общественное положеніе. Не подлежало сомнѣнію, что листки попали случайно въ тетрадь, и что Рефельдъ при всемъ своемъ довѣрїи къ Герману не могъ съ намѣреніемъ отдать ихъ въ его руки.

До своего визита къ барону, Германъ былъ убѣжденъ, что остановка въ работѣ происходитъ отъ недостатка матеріала, а на слѣдующее утро, когда онъ сѣлъ за письменный столъ, то пришелъ въ смущеніе отъ избытка его. Онъ былъ въ восторгѣ отъ рѣчей Фихте, а также отъ всего, что сообщилъ ему баронъ; передъ нимъ открылся новый, невѣдомый міръ, который возбуждалъ въ немъ глубокій интересъ. Въ то же время онъ чувствовалъ какое-то неопредѣленное безпокойство, въ которомъ не могъ дать себѣ отчета, но при своемъ простодушіи и высокомъ мнѣніи, какое составилось у него о личности Берканьи, мысль о предательствѣ не приходила ему въ голову. Его также затрудняла форма сочиненія. Нужно было представить не ученую работу, а дѣловое донесеніе, для котораго требовались особые приемы. Когда онъ обдумалъ общій планъ работы и взвѣсилъ всѣ данныя, бывшія въ его распоряженіи, многое оказалось не подходящимъ. По временамъ имъ овладѣвала робость, которую онъ не могъ уяснить себѣ и приписывалъ ее недостатку своего развитія и писательскаго таланта.

Недовольный собой, онъ нѣсколько разъ бросалъ перо, вскакивалъ съ мѣста и рѣшался немедленно идти къ Берканьи, чтобы отказаться отъ работы. Но его остановила мысль, что во всякомъ дѣлѣ труденъ первый шагъ и что вопросъ чести представить заказанную работу, за которую онъ впередъ получалъ гонораръ. Теперь ему стало ясно, что онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ исчерпать весь матеріалъ въ одномъ донесеніи, а составить цѣлый

рядъ ихъ, и рѣшилъ на этотъ разъ ограничиться однимъ общимъ обзоромъ. Идеи Фихте, изложенныя въ его рѣчахъ, представляли богатый источникъ для умозаключеній о нѣмецкой національности и народномъ образованіи. Затѣмъ, чтобы исполнить требованіе Берканья относительно фактическихъ данныхъ, Германъ перечислилъ наиболѣе вліятельныхъ нѣмецкихъ писателей, съ особеннымъ уваженіемъ отозвался о Гейнрихѣ Стеффенсѣ и, упомянувъ объ его сочиненіи: «Идея университетовъ», добавилъ, что это настоящая книга студентовъ. У него въ головѣ осталось только общее впечатлѣніе книги, такъ какъ онъ давно читалъ ее и совершенно забылъ многія подробности, которыя должны были показаться предосудительными французамъ и возстановить ихъ противъ автора.

Германъ переписалъ начисто свое сочиненіе и, вложивъ въ конвертъ, отправилъ въ главное полицейское бюро. Теперь у него точно камень отпалъ съ сердца; онъ съ удовольствіемъ потеръ себѣ руки:

— Быть можетъ, Берканья найдетъ сообщаемыя мною свѣдѣнія недостаточными, — сказалъ онъ себѣ: — но нельзя упрекнуть меня, что я писалъ на скорую руку и необдуманно.

XIV.

Новые знакомые.

Германъ, окончивъ дѣло, которое такъ затрудняло его, находился въ самомъ благодушномъ настроеніи духа; у него даже явилось нѣкоторое самодовольство относительно исполненной имъ работы, которую онъ находилъ теперь вполне удовлетворительной. Одиночество казалось ему томительнымъ; онъ хотѣлъ видѣть людей и сожалѣлъ, что въ этотъ вечеръ не можетъ идти на урокъ; Людвигъ Гейстеръ и Лина еще не возвратились въ городъ, а къ Рейхардтамъ ему не хотѣлось идти. Въ послѣднее время онъ чувствовалъ себя неловко, когда оставался наединѣ съ Луизой и объяснялъ это невозможностью быть вполне откровеннымъ съ нею.

Наступило воскресенье. Былъ ясный, майскій день; Германъ, выйдя на улицу, послѣдовалъ за нарядной толпой, которая направлялась къ городскимъ воротамъ. Едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ услышалъ вдали звуки военной музыки и невольно ускорилъ шаги. Это былъ Шомбургскій садъ, усердно посѣщаемый публикой средней руки, для которой общественные сады составляли тогда единственное доступное для нея увеселеніе. Но въ тѣ безпокойныя времена приходилось довольствоваться немногимъ и не быть особенно взыскательнымъ, какъ относительно общественныхъ увеселеній, такъ и всего строя домашней жизни. Роскошь и

веселіе господствовали только при дворѣ. Тогдашній Кассель, хоти и служилъ резиденціей короля, но въ немъ не было еще красивыхъ зданій, возникшихъ въ послѣдніе десятилетия. Небольшой городъ, достаточный для прежняго населенія, теперь съ трудомъ могъ вмѣстить многочисленный придворный штатъ, различныя правительственныя учрежденія, сильный гарнизонъ и цѣлую толпу нищенствующаго, празднаго люда, нахлынувшаго съ разныхъ сторонъ.

Герману еще ни разу не удалось побывать въ Шомбургскомъ саду. Онъ былъ теперь переполненъ народомъ: тутъ были бюргеры съ своими семьями, приказчики, ремесленники, модистки, мелкіе чиновники, унтеръ-офицеры и т. п. Въ вокзалѣ около буфета тѣснилась публика, постоянно слышались два языка со всевозможными оттѣнками мѣстныхъ нарѣчій. Также различны были и деньги, бросаемыя на прилавокъ: тутъ были и французскіе франки, и пятифранковики, и монеты многочисленныхъ нѣмецкихъ государствъ. Сидѣвшая за буфетомъ хозяйка быстро мѣняла деньги, подавала сдачу и опускала получку въ стоявшую около нея глиняную вазу.

Германъ, пробравшись съ трудомъ сквозь толпу, наполнявшую залу, подошелъ къ окну, изъ котораго открывался видъ на большую дорогу и поляну, зеленѣвшую на откосѣ холма. У подножія его видѣлся садъ съ раскинутыми въ немъ небольшими палатками. Германъ подумалъ, что это, вѣроятно, какой нибудь семейный праздникъ, на который собралось многочисленное общество, и поэтому обратился къ стоявшему около него молодому человѣку съ вопросомъ: кто владѣлецъ сада?

— Развѣ вы не знаете, г. докторъ, что это новая ресторація «Sans-Souci»?

— Я слышалъ о ней,—возразилъ Германъ:—но не зналъ, гдѣ она находится.

— Она устроена совершенно на новый ладъ и открыта однимъ берлинцемъ, по фамиліи Дюфренъ, который нѣкогда служилъ въ министерствѣ финансовъ. «Sans-Souci» сдѣлался сразу моднымъ мѣстомъ, такъ какъ имъ овладѣла наша знать. Пойдемте туда, вамъ понравится! Вотъ сейчасъ вышла генеральша Салъ; вѣроятно, она не встрѣтила того, кого хотѣла видѣть? Вы знаете ее?

Германъ отвѣтилъ, что былъ разъ съ визитомъ у генеральши.

Молодой человѣкъ улыбулся.—Это ловкая женщина,—сказалъ онъ:—теперь ей всего желательнѣе выдать дочь за графа Фюрстенштейна, и она старается устранить все, что можетъ помѣшать ей въ достиженіи этой цѣли.

— Что представляетъ собою мадемуазель Салъ?

— Это холодная дѣвушка, съ отсутствіемъ воображенія, съ ограниченными умомъ и образованіемъ и, вдобавокъ, расчетливая до скупости...

Германъ старался припомнить: видѣлъ ли онъ гдѣ нибудь этого

молодаго человѣка, который обращался съ нимъ, какъ съ старымъ знакомымъ. На видъ ему казалось не болѣе двадцати лѣтъ; онъ былъ худощавъ, съ неприятнымъ выраженіемъ глазъ, слѣдами оспы на лицѣ и весьма приличными манерами.

Молодой человѣкъ какъ будто угадалъ его мысль:

— Васъ, можетъ быть, удивляетъ, что я знаю, кто вы; но мнѣ случайно указали васъ и назвали вашу фамилію. Теперь позвольте мнѣ представить себя: меня зовутъ Вильке, я служу въ бюро у барона де-Бонгара. Очень радъ, что представился случай ближе познакомиться съ вами. Я пришелъ сюда, чтобы немного развлечься и выпить стаканъ вина, если найдется товарищъ... Кстати, получены хорошія вѣсти изъ Испаніи. Восстаніе подавлено. Генералъ Дюпонъ водворилъ спокойствіе и порядокъ въ Толедо, а тамъ сторонники освобожденія устроили было костры и висѣлицы и ограбили богатыхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они друзья французовъ. Вотъ вамъ и свобода!

Вильке говорилъ съ воодушевленіемъ, но глаза сохраняли то же безучастное холодное выраженіе.—Все несчастье,—продолжалъ онъ:—что Испанія досталась австрійскому дому! Если бы страной управлялъ французскій принцъ, то она достигла бы высшаго блеска и процвѣтанія...

Эта политическая мудрость въ устахъ двадцатилѣтняго юноши была комична, такъ какъ дѣлала впечатлѣніе заученнаго урока и показалась Герману подозрительной. Онъ не зналъ, что отвѣтить молодому дипломату и какъ избавиться отъ его общества. На его счастье въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ начался горячій споръ между двумя унтеръ-офицерами, сидѣвшими за бутылкой вина. Оказалось, что оба ухаживали за генеральской горничной, которая, повидимому, поощряла одинаково обоихъ поклонниковъ, въ надеждѣ окончательно покорить котораго либо изъ нихъ.

Вильке внимательно слушалъ спорящихъ, затѣмъ ловко вмѣшался въ разговоръ и какой-то двусмысленной шуткой разсмѣшилъ обоихъ соперниковъ, такъ что они съ хохотомъ предложили ему стаканъ вина.

Германъ воспользовался этой минутой, чтобы незамѣтно выбраться изъ залы. Онъ вышелъ на большую дорогу и направился къ «Sans-Souci», такъ какъ хотѣлъ послушать игру арфистки, которая издали показалась ему недурной. Онъ вошелъ въ садъ и, пройдя главную аллею, увидѣлъ у одной палатки даму съ двумя дѣтьми, игравшими въ мячъ. Это была баронесса Рейнгардъ, которую онъ встрѣчалъ на музыкальныхъ вечерахъ у капельмейстера. Она привѣтливо поздоровалась съ нимъ и представила своему мужу, сидѣвшему въ палаткѣ съ книгой въ рукахъ, который тотчасъ же пригласилъ его сѣсть на сосѣднюю скамейку. Германъ чувствовалъ себя смущеннымъ въ присутствіи этого человѣка, занимавшаго въ

Кассель важный постъ французскаго посланника, тѣмъ болѣе, что онъ произвелъ на него сильное впечатлѣнiе своей внушительной наружностью.

Баронъ Рейнгардъ пользовался большою извѣстностью, какъ дипломатъ. Исторiя его жизни была разнообразна. Сынъ небогатаго пастора въ Вюртембергѣ, онъ изучалъ богословiе въ Тюбингенскомъ университетѣ, былъ домашнимъ учителемъ въ домѣ одного богатаго купца, затѣмъ прiѣхалъ въ Парижъ, гдѣ получилъ мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ началѣ революцiи онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Гамбургъ и Флоренцiю; во время директорiи занималъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, пока его не замѣнилъ Талейранъ. Отсюда онъ отправился въ Бернъ, въ качествѣ уполномоченнаго посланника, а вскорѣ послѣ того Наполеонъ послалъ его въ Яссы, гдѣ Рейнгардъ былъ захваченъ въ плѣнъ русскими и побывалъ въ разныхъ мѣстахъ имперiи. Наконецъ, онъ былъ освобожденъ, и Наполеонъ, который его ненавидѣлъ, но считалъ нелишнимъ воспользоваться его услугами, далъ ему титулъ барона и назначилъ своимъ посланникомъ въ Кассель.

Рейнгардъ былъ человекъ высокаго роста, худощавый, съ желтоватымъ цвѣтомъ лица; волоса его были напудрены, на ногахъ надѣты башмаки съ пряжками и чулки, что придавало ему видъ стараго маркиза.

— Жена сообщила мнѣ, — сказалъ онъ: — что вы знатокъ музыки и прекрасно поете, но что это не мѣшаетъ вамъ заниматься философiей. Я также имѣю о ней нѣкоторое понятiе, но всего больше знакомъ съ Кантомъ, даже хотѣлъ въ извлеченiи переводить его на французскiй языкъ. Теперь, конечно, я не имѣю достаточно досуга, чтобы заниматься этимъ и въ свободное время читаю Гёте и другихъ поэтовъ.

— Особенно Гёте! — замѣтила баронесса: — вы видите у него въ рукахъ «Германъ и Даротея».

— Мы познакомились съ Гёте въ прошлое лѣто. Онъ былъ тогда въ Карлсбадѣ и много толковалъ со мной о своей теорiи цвѣтовъ, которая такъ увлекала его. Вы никогда не встрѣчали его?

— Къ несчастью, нѣтъ! — воскликнулъ Германъ съ такимъ искреннимъ сожалѣнiемъ, что баронъ улыбнулся; и такъ какъ молодой соотечественникъ произвелъ на него прiятное впечатлѣнiе своей наружностью и приличными манерами, то онъ спросилъ его, чѣмъ онъ занимается и что намѣренъ дѣлать?

— На сколько мнѣ извѣстно, со словъ Луизы Рейхардтъ, — замѣтила съ улыбкой баронесса: — политика всего меньше занимаетъ г. доктора.

— Дѣйствительно, — сказалъ Германъ: — до сихъ поръ она мало интересовала меня, и причина этого вполне понятна. Отецъ мой, прусскiй уроженецъ, слишкомъ любилъ французскiй языкъ и ли-

тературу, чтобы сдѣлаться врагомъ французовъ. Въ семейномъ кругу, онъ никогда не говорилъ о политикѣ, такъ что друзья считали его совершенно индифферентнымъ къ ней. Затѣмъ науки, которыми я занимался: философія, древняя литература, а равно поэзія и музыка не имѣютъ ничего общаго съ политикой. Но въ послѣднее время ходъ политическихъ событій начинаетъ все болѣе и болѣе занимать меня; внутренняя сила національныхъ идей Германіи и патріотизмъ, воодушевляющій ихъ представителей, получаютъ особенное значеніе въ виду военнаго преобладанія французовъ. Духовное единеніе обѣихъ націй, или, такъ сказать, сліяніе двухъ враждебныхъ элементовъ, можетъ совершиться только на научной почвѣ и повести къ важнымъ послѣдствіямъ...

Рейнгардъ спокойно выслушалъ своего собесѣдника: — Это настолько же возможно, какъ утишить бурныя морскія волны, поливъ на нихъ масло, хотя древніе твердо вѣрили въ непреложность этого средства; философъ также можетъ попытаться остановить всемірную революцію пропагандой научныхъ истинъ! Въ концѣ концовъ онъ можетъ только утѣшить себя старой поговоркой: «*Oleum et oregan perdididi*». Но простите, г. докторъ, я долженъ оставить васъ, вотъ идетъ Лефевръ! Мнѣ необходимо переговорить съ нимъ...

Съ этими словами баронъ Рейнгардъ сдѣлалъ иѣсколько шаговъ на встрѣчу красивому, молодому человѣку въ изящномъ дорожномъ платьѣ и пожалъ ему руку. Разговоръ ихъ нельзя было слышать, потому что они говорили шопотомъ.

— Это секретарь посольства, — объяснила баронесса Герману: — онъ сопровождалъ короля въ его путешествіи и теперь сообщить моему мужу точныя свѣдѣнія о времени возвращенія его величества. Но вотъ они идутъ сюда!

— Его величество прибудетъ сегодня вечеромъ! — объявилъ баронъ пофранцузски, обращаясь къ женѣ. Она протянула руку Лефевру, который почтительно поцѣловалъ ее.

— Намъ пора домой, — сказалъ баронъ: — становится сыро. — Затѣмъ, обращаясь къ Герману, онъ привѣтливо пожалъ ему руку со словами:

— Добрый вечеръ, надѣюсь — до свиданія, г. докторъ.

XV.

Летучая мышь.

Лефевръ велъ подробный дневникъ путешествія короля, по которому довѣренный чиновникъ министерства долженъ былъ составить донесеніе и отправить Наполеону, за подписью посланника.

Баронъ Рейнгардъ поблагодарилъ секретаря посольства за добросовѣстное исполненіе возложеннаго на него порученія и обѣщаль, съ своей стороны, дать о немъ наилучшій отзывъ императору.

По удаленіи Лефевра, посланникъ сѣлъ къ письменному столу, чтобы исполнить свое обѣщаніе. Докладъ его уже былъ написанъ заранѣе; ему оставалось только сообщить Наполеону, что король Жеромъ, желая сдѣлать сюрпризъ супругѣ, отиѣнилъ свой торжественный вѣздъ и явится въ Кассель запросто, верхомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ свиты. Въ заключеніе баронъ хотѣлъ просить императора о пожалованіи Лефевру ордена Почетнаго Легіона за оказанныя имъ услуги, но не находилъ нужнымъ упоминать о назначеніи молодого человѣка на какую нибудь высшую должность, такъ какъ не желалъ разстаться съ нимъ.

Лефевръ былъ образованный, благовоспитанный юноша изъ хорошей фамиліи; онъ зналъ основательно французскую исторію и литературу, но имѣлъ довольно смутное понятіе о положеніи дѣлъ въ Германіи и нѣмецкихъ нравахъ. Вслѣдствіе этого секретарь посольства, которому, вѣроятно, было поручено слѣдить за самимъ посланникомъ, былъ въ полной зависимости отъ послѣдняго и обращался къ его помощи во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Это было тѣмъ удобнѣе для Рейнгарда, что французская партія въ Касселѣ неблагоклонно относилась къ нему, такъ какъ ея стремленія и цѣли шли въ разрѣзъ съ его честнымъ образомъ мыслей и дѣйствій, и она только ждала случая, чтобы расставить ему сѣти. Баронъ Рейнгардъ не любилъ Наполеона и, будучи нѣмцемъ въ душѣ, невольно сочувствовалъ стремленію своихъ соотечественниковъ освободиться отъ чужеземнаго ига. Отъ его вниманія не ускользнуло, что въ Пруссіи и Гессенѣ начинается какое-то политическое движеніе, которое можетъ быть небезопаснымъ для французовъ и вестфальскаго правительства. Но о чемъ собственно онъ считалъ нужнымъ донести императору въ качествѣ французскаго посланника и о чемъ умалчивалъ, было дѣломъ его совѣсти и чести; и въ этомъ сказывался его тонкій умъ дипломата и широкій взглядъ великодушнаго и образованнаго гражданина.

Въ этотъ вечеръ щеѣотливое положеніе, занимаемое барономъ въ Касселѣ, представлялось ему въ особенно мрачныхъ краскахъ. Онъ съ тоской думалъ о будущемъ и не разъ, положивъ перо, предавался своимъ невеселымъ думамъ. Уже наступили сумерки, когда онъ окончилъ свой докладъ и вышелъ въ гостиную, чтобы провести остатокъ вечера съ семьей.

Едва успѣлъ онъ сѣсть въ кресло, какъ слуга доложилъ о приходѣ какого-то посѣтителя, который не хотѣлъ сказать своей фамиліи.

Рейнгардъ вернулся въ кабинетъ. Передъ его письменнымъ столомъ стоялъ человѣкъ въ шинели и почтительно поклонился ему.

— Добрый вечеръ, мсьё Саванье! — сказала онъ пофранцузски. — Вижу по вашему лицу, что вы явились ко мнѣ съ важнымъ извѣстіемъ. Но, пожалуйста, снимите ваше сѣрое одѣяніе, вы имѣете въ немъ видъ летучей мыши.

Саванье снялъ шинель, затѣмъ таинственно и торопливо началъ свой докладъ, какъ онъ это всегда дѣлалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлъ сообщить нѣчто важное.

— Да, г. баронъ, я пришелъ къ вамъ съ важнымъ извѣстіемъ. Мы попали на слѣдъ «Тугендбунда» и различныхъ прусскихъ тайнъ!

— Я не понимаю васъ, мсьё Саванье, говорите яснѣе.

— Другими словами, г. Берканьи отыскалъ молодаго ученаго изъ прежней Пруссіи, который, повидимому, посвященъ во многое и будетъ дѣлать намъ письменныя донесенія. Вотъ копія перваго донесенія, представленнаго имъ въ наше бюро, но генераль-директоръ нашелъ, что оно недостаточно подробно, и потому велѣлъ возвратитъ обратно г. доктору его работу вмѣстѣ съ спискомъ весьма сбивчивыхъ вопросовъ, на которые онъ долженъ немедленно отвѣтить.

— Почему сбивчивыхъ? — спросилъ Рейнгардъ, который слушалъ докладчика съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Потому что молодой ученый не догадывается и не долженъ знать, какое назначеніе имѣютъ его донесенія. Я не знаю, какую благовидную цѣль придумалъ Берканьи, чтобы заставить простака принятыя за это дѣло! Но одно несомнѣнно, что генераль-директоръ, судя по его лицу, сгораетъ нетерпѣніемъ сообщить королю о сдѣланныхъ открытіяхъ и даже самому императору, но, разумѣется, помимо васъ, такъ какъ разсчитываетъ на большую награду. Простите, г. баронъ, что эта копія написана такъ неразборчиво! Мнѣ пришлось писать украдкой и второпяхъ... Берканьи далъ мнѣ оригиналъ всего на нѣсколько минутъ.

— А кто этотъ молодой человѣкъ? — спросилъ Рейнгардъ.

— Д-ръ Германъ Тѣйтлебенъ, рекомендованный капельмейстеромъ Рейхардтомъ. Но такъ какъ у насъ капельмейстеръ на дурномъ счету, вслѣдствіе своихъ сношеній съ Пруссіей, то Берканьи велѣлъ пригласить г. доктора къ себѣ, чтобы лично переговорить съ нимъ.

Посланникъ взялъ бумагу изъ рукъ Саванье и подошелъ къ стоявшей въ углу этажеркѣ, чтобы скрыть свое смущеніе; затѣмъ, овладѣвъ собой, спросилъ равнодушнымъ тономъ:

— Молодой человѣкъ, вѣроятно, не устоялъ противъ подкупа?

— Нѣтъ, г. баронъ, я убѣжденъ, что тутъ дѣло не въ подкупѣ, а его попросту обманули. Это какой-то мечтатель и даже, пожалуй, фантазеръ, не знаю, какъ назвать его, а Берканьи долго жилъ въ іезуитскомъ монастырѣ... Остальное можно себѣ легк^о

представить!.. Мнѣ кажется, что молодой человекъ сдѣлался голицейскимъ шпиономъ, самъ не подозревая этого...

— И вы думаете, Саванье, что этотъ господинъ отвѣтитъ чистосердечно на предложенные ему вопросы?

— Не вижу причины, почему ему отвѣтить иначе! Вопросы сдѣланы въ самыхъ умѣренныхъ и даже сбивчивыхъ выраженіяхъ, какъ я имѣлъ честь докладывать вамъ. Онъ не найдетъ въ нихъ ничего особеннаго при своей простоватости.

— Вы тотчасъ доставите мнѣ его отвѣты, какъ только они будутъ получены. Я рассчитываю на васъ, Саванье!

Волненіе, съ какимъ посланникъ произнесъ послѣднія слова, ясно доказывало, какое значеніе онъ придаетъ сообщеннымъ извѣстіямъ, и Саванье, довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ, продолжалъ:

— Постараюсь исполнить ваше приказаніе, г. баронъ. Императоръ, какъ извѣстно, ждетъ съ большимъ нетерпѣніемъ этого открытія... Но, съ своей стороны, могу ли я рассчитывать на ваше великодушіе!..

При этихъ словахъ Саванье отвѣсилъ низкій поклонъ. Посланникъ презрительно взглянулъ на него.

— Будьте покойны,—сказалъ онъ:—ваши услуги будутъ оценены на вѣсъ золота!

— Безконечно благодаренъ, г. баронъ! Но позвольте заявить вамъ, что мое величайшее желаніе поскорѣе уѣхать отсюда: я занимаю здѣсь положеніе, которое не соответствуетъ ни моему происхожденію, ни характеру и даже, до извѣстной степени, моимъ способностямъ. Вдобавокъ, генераль-директоръ съ каждымъ днемъ становится раздражительнѣе, и мнѣ приходится страдать отъ этого. Какъ будто моя вина, что его супруга ѣдетъ изъ Парижа!.. Онъ все упорнѣе отстаиваетъ французскіе интересы въ Вестфалии и съ ненавистью относится къ нѣмецкой партіи, особенно къ Бюлову и, на сколько я могъ замѣтить, роетъ ему яму...

— Весьма возможно!—сказалъ Рейнгардъ:—но Бюловъ въ большой милости у короля, да и самъ императоръ высоко цѣнитъ его! Однако, до свиданья, мсьё Саванье! Еще разъ благодарю васъ...

Едва удалился Саванье, какъ посланникъ послѣшно вышелъ изъ кабинета, чтобы сообщить своей женѣ неожиданную новость.

— Странные случаи бываютъ въ жизни, Христина! Подчасъ невольно вѣришь предопредѣленію,—сказалъ онъ съ несвойственной ему живостью, такъ что она съ недоумѣніемъ взглянула на него.—Сегодня ты какъ будто нарочно представила мнѣ своего *protégé*, чтобы расположить меня въ его пользу, потому что иначе я могъ бы составить о немъ самое невыгодное мнѣніе по его злоплучной работѣ. Къ нему совсѣмъ нельзя примѣнить пословицу, что «птицу можно узнать по полету!» Теперь его политическія

убѣжденія выяснились для меня. Этотъ Берканьи не даромъ былъ въ іезуитскомъ монастырѣ! настоящій Мефистофель... Но я вижу, что ты ничего не можешь понять изъ моихъ словъ, слушай!

Рейнгардъ передалъ женѣ весь свой разговоръ съ Саванье и прочиталъ принесенную имъ копію съ донесенія Германа. Жена посланника была такъ озадачена, что не могла выговорить ни одного слова отъ удивленія.

— Теперь весь вопросъ въ томъ, — продолжалъ Рейнгардъ: — какъ вытащить изъ западни этого неразсудительнаго юношу, изъ котораго хотятъ насильственно сдѣлать политическаго дѣятеля, да еще въ такомъ направленіи! Я рѣшительно не знаю, какъ сдѣлать это, не подвергая его опасности, а равно и самого себя. Это не легкая задача! Вотъ теперь Саванье изъ-за личныхъ расчетовъ сообщилъ мнѣ важныя свѣдѣнія изъ тайной полиціи, но у него хватить подлости подставить мнѣ ногу при малѣйшей неосторожности съ моей стороны. Что же касается молодаго предателя, то мудро предостеречь его: онъ такъ чуждъ всего житейскаго и такъ плохо понимаетъ людей, что можетъ, помимо своей воли, употребить во зло оказанное ему довѣріе или, что еще хуже, въ порывѣ благороднаго негодованія рѣшиться на какую нибудь невѣроятную нелѣпость!

— Да, объ этомъ нужно серьезно подумать, — сказала баронесса Рейнгардъ: — но во всякомъ случаѣ мы должны принять тѣ или другія мѣры, прежде чѣмъ онъ успѣетъ отвѣтить на предложенные ему вопросы. Какъ жаль, что этотъ благородный, богато-одаренный юноша, съ высокими стремленіями, попалъ, такимъ образомъ, въ ловушку при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Но до утра еще много времени, быть можетъ, мнѣ прійдетъ въ голову какая нибудь счастливая мысль, которая выведетъ насъ изъ затрудненія. Не даромъ я жена дипломата...

— Прощай, моя дорогая, — сказалъ онъ: — ложись спать, уже поздно. Я пойду въ кабинетъ и прочитаю еще разъ политическій трактатъ нашего неполитичнаго философа. Будущность не должна больше страшить насъ, — добавилъ посланникъ съ иронической улыбкой: — потому что твой протѣгѣ открылъ секретъ, какъ примирить обѣ враждебныя націи, не смотря на ихъ взаимное ожесточеніе! Онъ считаетъ это такими пустяками, что смѣло взялся прописать рецептъ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Утренний приемъ у короля.

27-го мая, громкіе звуки военной музыки, игравшей съ ранняго утра, возвѣщали о прибытіи короля, хотя онъ пріѣхалъ еще наканунѣ вечеромъ, отмѣнивъ заранѣе всѣ торжественныя приготовления къ его приему. Но вмѣсто сюрприза, который онъ хотѣлъ сдѣлать своимъ неожиданнымъ пріѣздомъ, онъ самъ неожиданно попалъ на домашній праздникъ, устроенный для него королевой. Въ городѣ, вопреки сдѣланному распоряженію, также собирались чествовать короля, потому что послѣ всѣхъ овацій, какія дѣлались ему во время путешествія, жители хотѣли съ своей стороны выказать такое же усердіе. Повсемѣстно шли приготовления къ иллюминаціи и чрезвычайно оживляли улицы. И такъ какъ было извѣстно, что къ полудню всѣ лица, имѣвшія по своему чину или общественному положенію доступъ ко двору, будутъ съѣзжаться въ загородный королевскій дворецъ, по случаю утренняго приема у его величества, то множество праздныхъ и любопытныхъ толпилось у городскихъ воротъ.

Ночью шелъ дождь и въ воздухѣ чувствовалась живительная прохлада; свѣжая зелень полей, влажныя изгороди, цвѣты — все блестяло при яркомъ утреннемъ солнцѣ, которое мало-по-малу опять подернулось легкими облаками. Публика, подъ вліяніемъ музыки и теплой весенней погоды, находилась въ какомъ-то праздничномъ настроеніи. Королевскій паркъ былъ еще запертъ въ

этотъ ранній часъ утра, и поэтому садики кофейнъ были особенно переполнены посѣтителеми.

Въ это время король и королева уже встали и сидѣли рядомъ въ уборной ея величества.

Вестфальская королева Екатерина занимала нижній этажъ лѣтнаго дворца, что представляло немалое удобство при ея полнотѣ, такъ какъ, возвращаясь съ прогулки по парку или роскошному цвѣтнику, убранному фонтанами, она должна была подняться всего на нѣсколько ступеней по широкой, отлогой лѣстницѣ. Покои королевы отличались простой отдѣлкой и комфортомъ. Уборная, гдѣ теперь находилась королевская чета, была двухъ цвѣтовъ: блѣдно-голубаго и оранжеваго; изъ открытой портьеры виднѣлась полукруглая спальня, бѣлая съ голубымъ; у оконъ и алькововъ были бѣлые шелковые драпри съ тисненнымъ голубымъ бордюромъ, но старинная высокая кровать была безъ занавѣси.

Екатеринѣ было не болѣе двадцати пяти лѣтъ. Въ тонѣ ея голоса и движеніи красивой головы, съ правильными, пріятными чертами лица, проявлялось по временамъ нѣчто надменное и повелительное, что, быть можетъ, перешло къ ней по наслѣдству отъ ея отца, короля Виртембергскаго, или было дѣломъ привычки, усвоенной ею съ дѣтства. Но въ это утро королева была особенно мила и проста въ обращеніи съ своимъ молодымъ и добродушнымъ супругомъ; его вниманіе и ласки заставляли радостно биться ея любящее, но слишкомъ довѣрчивое сердце. Іеронимъ вернулся въ свою резиденцію въ веселомъ расположеніи духа и, хотя по свойственному ему легкомыслію и вѣтренности, онъ довольно часто измѣнялъ своей супругѣ, но никогда не давалъ ей поводовъ упрекнуть его въ малѣйшемъ невниманіи, и даже подчасъ онъ самъ какъ будто чувствовалъ къ ней необъяснимое сердечное влеченіе. Сегодня, на радости свиданія, онъ былъ болѣе обыкновеннаго нѣженъ съ нею, въ его ласкахъ было столько горячности, что королева невольно вспомнила ясное солнечное утро на другой день ихъ свадьбы. Это было девять мѣсяцевъ тому назадъ, но все такъ живо предстало въ ея памяти, что она покраснѣла и сказала съ улыбкой:

— Я сама не знаю, Жеромъ, почему именно сегодня пришло мнѣ въ голову утро 24 августа прошлаго года?

— Развѣ можно забыть, какъ тотъ старый франтъ торжественно вѣнчалъ насъ въ Тюльерійской капеллѣ!.. А помнишь ли, Катю, ту ночь и слѣдующее утро?..

— Да, помню,—отвѣтила она уклончиво.—Какія великолѣпныя празднества устраивалъ намъ тогда Наполеонъ въ Фонтенбло! Казалось, что имъ не будетъ конца, намъ не давали ни минуты отдыха...

— Ну, эти празднества были достаточно утомительны,—замѣтилъ Іеронимъ:—и, вдобавокъ, не могли доставить мнѣ ни малѣйшаго удовольствія, потому что императоръ все время сердился на меня.

— Еще бы!—возразила со смѣхомъ королева.—Ты никакъ не могъ угодить ему своими манерами и обращеніемъ... Онъ требовалъ, чтобы ты велъ себя степенно, имѣлъ важную осанку, какъ прилично вестфальскому королю, и самъ въ разговорѣ съ тобой постоянно величалъ тебя съ особеннымъ удареніемъ: «ваше величество!» Но это не производило на тебя никакого впечатлѣнія, ты оставался такимъ же милымъ и веселымъ Жеромомъ, какъ всегда. Разумѣется, Наполеонъ не могъ быть доволенъ тобой...

— Кромѣ того, онъ хотѣлъ, чтобы я проводилъ цѣлые часы съ Камбасаресомъ, Реньо, старымъ эльзасскимъ публицистомъ Кохомъ и другими скучнѣйшими господами и слушалъ ихъ разсужденія объ устройствѣ новаго Вестфальскаго государства. Но, говоря по совѣсти, они не могли похвалиться моимъ вниманіемъ, потому что я думалъ только о тебѣ, Катю! На столѣ уже лежала приготовленная для меня конституція, и этого было совершенно достаточно. мнѣ оставалось только изучить ее, такъ какъ я рѣшился соблюдать въ точности все, что въ ней написано. Развѣ я не исполнилъ этого, когда правленіе перешло въ мои руки?.. Надѣюсь, что и вестфальская королева не имѣетъ также поводовъ пожаловаться на своего супруга...

Королева улыбнулась и погрозила ему пальцемъ. Но это была не болѣе какъ шутка съ ея стороны, потому что она не сомнѣвалась въ его супружеской вѣрности. При своей безграничной любви къ нему она принимала за чистую монету его любезное обращеніе съ нею и знаки нѣжнаго вниманія, которые часто служили прикрытіемъ его такъ называемыхъ «écarts». Хотя ей не всегда нравилось его открытое ухаживаніе за нѣкоторыми придворными дамами, но она старалась оправдать его въ своихъ собственныхъ глазахъ и приписывала это общительному характеру короля, который все еще не могъ освоиться со своимъ высокимъ положеніемъ. Въ это утро недовѣріе менѣе, чѣмъ когда либо, могло найти доступъ къ сердцу королевы, которая была въ наилучшемъ настроеніи духа; ея полное красивое лицо съ яркимъ румянцемъ на щекахъ дышало здоровьемъ и весельемъ.

Голубые глаза королевы засвѣтились отъ удовольствія, когда Геронимъ согласился назначить свой утренній приемъ въ ея парадной залѣ, которая находилась въ нижнемъ этажѣ, какъ и всѣ остальные принадлежавшія ей комнаты. Хотя она робко и какъ бы мимоходомъ обратилась къ нему съ этой просьбой, но онъ видѣлъ, что глубоко огорчилъ бы ее отказомъ. Для него было ясно, хотя онъ не далъ ей замѣтить этого, что назначеніе приема на ея половинѣ было заранѣе задумано ею съ цѣлью торжественно показать передъ дворомъ и цѣлымъ городомъ ихъ хорошія супружескія отношенія.

— Ты не можешь себѣ представить, моя дорогая, съ какими

удовольствіемъ я вернулся сюда!—сказалъ Геронимъ.—Во время моего путешествія, особенно въ Брауншвейгѣ, который еще такъ недавно былъ королевской резиденціей, я окончательно убѣдился, что ничто не можетъ сравниться съ нашимъ великолѣпнымъ загороднымъ дворцомъ и здѣшними окрестностями! Какъ бы ни измѣнились обстоятельства, но я всегда буду проводить лѣто въ Касселѣ, потому что нигдѣ я не чувствую себя такъ хорошо, какъ здѣсь, среди зелени и цвѣтовъ.

— Я не поняла тебя, Жеромъ, ты упомянулъ о какой-то перемѣнѣ обстоятельствъ. Объясни, что это значитъ?

— Развѣ я не сказалъ тебѣ, что императоръ хочетъ расширить границы Вестфальскаго королевства до Одера? Тогда наша столица будетъ перенесена въ Берлинъ. Надѣюсь, что теперь все ясно для тебя.

— Неужели это правда?—сказала она задумчиво.—Несчастный прусскій король! развѣ недостаточно урѣзали его государство!

— Урѣзали! какъ ты странно выражаешься!—воскликнулъ съ неудовольствіемъ Жеромъ, слегка возвысивъ голосъ.—Императоръ не допуститъ дальнѣйшаго существованія Пруссіи, на которую онъ не можетъ положиться. Вмѣсто того, чтобы хлопотать о восстановленіи государства мирнымъ путемъ и расположить къ себѣ императора покорностью и точнымъ соблюденіемъ предписанныхъ имъ условій, она занимается планами мести и возмущеніями. Намъ извѣстно, что тамъ затѣвается тайный заговоръ. Положимъ, прусскій король добродушный и честный человѣкъ; но онъ самъ придетъ въ ужасъ, когда узнаетъ, въ чьихъ онъ рукахъ. Наполеонъ ждетъ только благовиднаго предлога, чтобы уничтожить государство, которое коварно противодействуетъ его обширнымъ планамъ.

— Я не совсѣмъ довѣряю тому, что говорятъ о Пруссіи,—возразила королева.—Люди, которымъ платятъ большія деньги за доносы, хотятъ чѣмъ нибудь выслужиться. Здѣсь въ Касселѣ цѣлая толпа шпионовъ; и всякое, хотя бы самое мелочное, обстоятельство получаетъ важное значеніе, благодаря множеству противорѣчивыхъ показаній. Хотя, быть можетъ, Берлинъ и кажется тебѣ заманчивымъ, Жеромъ, но не вѣрь всякимъ инсинуаціямъ. Я не думаю, чтобы императоръ считалъ Пруссію опасной для своихъ цѣлей; она не въ состояніи бороться противъ него. Мой отецъ и другіе нѣмецкіе монархи, примкнувшіе къ рейнскому союзу...

— Ah! madame!—воскликнулъ съ нетерпѣніемъ Жеромъ, который не любилъ, когда ему противорѣчили.—Какъ вы плохо понимаете политику! Въ настоящее время, въ виду событій въ Испаніи, когда Австрія поднялась противъ насъ, мы должны опасаться Пруссіи, въ особенности, если ей удастся поднять возмущеніе въ сѣверной Германіи... Однако, до свиданія!

Въ это время ко дворцу подѣхало нѣсколько экипажей. Геро-

нимъ поспѣшно удалился, чтобы, по своему обыкновенію, принять ванну изъ воды и одеколона. Въ городѣ ходили слухи, что онъ беретъ ванны изъ краснаго вина и бульона, и что съ этой цѣлью ежедневно закалываютъ теленка.

Королева также встала съ мѣста и занялась своимъ туалетомъ съ помощью баронессы Оттерштедтъ, которая явилась изъ сосѣдней комнаты. Баронесса была фрейлиной Екатерины еще въ Штутгартѣ, и тогда уже заслужила расположеніе Вюртембергской принцессы, такъ какъ оказала ей немало разныхъ услугъ, особенно въ одной запутанной сердечной исторіи, которая безъ ея вмѣшательства могла получить слишкомъ большую огласку. Теперь при вестфальскомъ дворѣ она и графиня Антонія были самыми приближенными дамами королевы и пользовались ея безграничнымъ довѣріемъ.

Туалетъ королевы былъ дѣломъ нелегкимъ и требовалъ большаго вниманія со стороны баронессы. Принцесса Вюртембергская, которая, при первомъ своемъ пріѣздѣ во Францію, поразила парижанъ своими простыми и старомодными нарядами, съ тѣхъ поръ стала одѣваться съ особеннымъ изяществомъ и вкусомъ. Сутуловатость ея спины была совершенно незамѣтна въ корсетѣ, и составляла тайну, въ которую была посвящена только одна камерфрау, хотя придворныя дамы уже давно знали объ этомъ физическомъ недостаткѣ королевы, который давалъ богатую пищу ихъ злословію.

Между тѣмъ зала нижняго этажа стала мало-по-малу наполняться лицами, которые должны были присутствовать на утреннемъ пріемѣ короля. Это была большая изящно убранная комната, стѣны которой были обиты шелковой пурпуровой тканью съ затканными золотыми звѣздами; занавѣси и портьеры состояли изъ двухъ разноцвѣтныхъ половинокъ: одна пурпуровая, другая бѣлая съ пурпуровымъ бордюромъ.

Составились пестрые группы изъ самыхъ разнообразныхъ мундировъ и придворныхъ костюмовъ. Тутъ были штатскіе, военные и духовныя лица, посланники иностранныхъ державъ, различные сановники, кавалеры и дамы. Бновъ прибывшіе обмѣнивались привѣтствіями съ пріѣхавшими раньше; слышался тихій говоръ, который по временамъ сливался въ какой-то неясный гулъ. Баронъ Рефельдъ, слѣдившій съ любопытствомъ за этой нарядной толпой, стоялъ въ сторонѣ; генераль-директоръ полиціи обѣщалъ представить его королю, а затѣмъ выхлопотать ему частную аудіенцію.

Король заставилъ долго ждать себя, потому что былъ занятъ бесѣдой со своимъ лейбъ-медикомъ Цадигомъ.

Это былъ еврей изъ Шлезвига. Геронимъ познакомился съ нимъ въ Бреславлѣ, въ 1806 году, во время похода противъ Пруссіи. когда онъ вмѣстѣ съ Вандаммомъ прибылъ въ Шлезвигъ, во главѣ

девятой французской дивизіи. Здѣсь, среди веселой гарнизонной жизни, въ обществѣ актрисъ, при неумѣренной тратѣ денегъ и здоровья, онъ серьёзно заболѣлъ и долженъ былъ обратиться къ помощи Авраама Цадига, который вылѣчилъ его въ непродолжительномъ времени. Впослѣдствіи, когда Цадигъ явился ко двору новаго вестфальскаго короля, чтобы освѣдомиться о здоровьѣ своего бывшаго паціента, то былъ назначенъ лейбъ-медикомъ и вскорѣ заслужилъ довѣріе королевы.

По уходѣ лейбъ-медика, король велѣлъ призвать къ себѣ въ кабинетъ для частной аудіенціи бригаднаго генерала фонъ-Ревбеля и начальника полиціи Берканьи. Но, такъ какъ первый пробылъ у короля нѣсколько минутъ, а генераль-директоръ полиціи оставался послѣ него довольно продолжительное время и вернулся въ залу съ многозначительной улыбкой, то это не могло ускользнуть отъ вниманія придворныхъ. Въ группѣ мужчинъ, стоявшихъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ барона Рефельда, начался шопотомъ разговоръ, который онъ могъ разслышать отъ слова до слова, благодаря своему тонкому слуху. Говорили, что попали на слѣдъ тайнаго союза въ Пруссіи и найдены возмутительныя воззванія къ нѣмецкому народу какого-то Фихте и пр. Долгое отсутствіе короля придавало особенное значеніе этому обстоятельству.

Наконецъ, обѣ половинки дверей открылись настежь, и появилась королевская чета, въ сопровожденіи дежурнаго камергера графа Паппенгейма. Король Геронимъ былъ, по обыкновенію, въ бѣломъ гвардейскомъ мундирѣ гренадерскаго полка, съ оранжевымъ воротникомъ, обшлагами и нашивками. Онъ былъ средняго роста, худощавый и блѣдный, съ легкимъ оливковымъ оттѣнкомъ кожи; черные волосы были коротко острижены. Лицо его съ впалыми щеками и выступающимъ подбородкомъ казалось такимъ утомленнымъ, что никто не принялъ бы его за 24-хъ-лѣтняго юношу. Медленность движеній и нерѣшительная походка еще болѣе усиливали это впечатлѣніе. Но въ то же время въ изящной и характерной наружности молодого короля, въ связи съ его романтической судьбой, было нѣчто, располагающее въ его пользу. Въ глазахъ былъ видѣнъ умъ; лицо его принимало особенно пріятное выраженіе, когда оживлялось улыбкой. Въ манерахъ и осанкѣ не было ничего импонирующаго, что напоминало бы объ его высокомъ санѣ; онъ обращался одинаково просто со всѣми.

Королева была годомъ старше своего супруга и представляла полный контрастъ съ нимъ по своей здоровой, немного дородной фигурѣ и свѣжему, румяному лицу. Въ ея манерахъ и осанкѣ было извѣстное величіе, которое выдѣляло ее изъ толпы, и придворные не безъ основанія жаловались подчасъ на ея высокомерное обращеніе съ ними. Но сегодня она была особенно милостива со всѣми, даже съ Аделью Ле-Камю, къ которой она вообще относилась до-

вольно враждебно. Эту неприязнь приписывали тому обстоятельству, что Адель была соотечественницей Елизаветы Паттерсонъ, первой жены Иеронима изъ Балтимора, и находилась съ нею въ дружескихъ отношеніяхъ.

Королева обратилась съ благосклонной улыбкой къ мадемуазель Ле-Камю и, намекнувъ на сватовство Моріо, сказала:

— Король любитъ генерала Моріо и говорилъ, что послѣ его женитьбы при дворѣ будетъ у насъ новая статсъ-дама...

Въ это время Иеронимъ разговаривалъ съ барономъ Рейнгардомъ; не смотря на почтительную позу французскаго посланника, видно было, что въ его словахъ заключалось нѣчто неприятное для короля, лицо котораго омрачилось и приняло задумчивое выраженіе. Онъ былъ такъ занятъ своими мыслями, что по разсѣянности не обратилъ никакого вниманія на многихъ лицъ, къ которымъ относился всегда съ особенной благосклонностью. Но, когда ему представили вновь прибывшаго голландскаго посланника ванъ-Гюнгена, то онъ любезно обратился къ нему и сталъ разспрашивать о впечатлѣніи, какое произвелъ на него Кассель? Затѣмъ Берканъ представилъ его величеству барона Рефельда.

Иеронимъ невольно улыбнулся, такъ какъ, по описанію генералъ-директора полиціи, ожидалъ встрѣтить чудака, котораго, по извѣстнымъ даннымъ, можно было считать агентомъ тайнаго прусскаго союза. Онъ хотѣлъ сдѣлать попытку, нельзя ли будетъ, подъ видомъ шутки, вывѣдать что либо отъ барона Рефельда о положеніи дѣлъ въ Пруссіи.

— Вы, кажется, изъ Пруссіи?—спросилъ король.

— Я считаюсь прусскимъ землевладѣльцемъ, — отвѣтилъ Рефельдъ: — но въ дѣйствительности я подданный вашего величества, потому что мой родовой замокъ въ Гарцѣ, среди дикой мѣстности.

— Вѣроятно, у васъ тамъ прекрасная охота, баронъ?

— Да, ваше величество, трудно себѣ представить лучшей охоты и при этомъ со всякими собаками: лягавыми, гончими, таксами, волкодавами и пр. Кромѣ того, я могъ бы снабдить королевскую кухню наилучшими трюфелями, которые у меня въ изобиліи. Если когда нибудь ваше величество будетъ охотиться по близости моихъ владѣній, то я провелъ бы васъ въ такіе лѣса, гдѣ водятся кабаны и дикія кошки!..

При этихъ словахъ Рефельдъ окинулъ внимательнымъ взглядомъ худошавую фигуру короля, а затѣмъ, какъ бы спохватившись, отвѣсилъ низкій поклонъ. Въ головѣ у него мелькнула мысль, что въ случаѣ открытаго возстанія было бы недурно захватить въ плѣнъ Иеронима, который, повидимому, не отличался силой. Этотъ проектъ особенно улыбался ему, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ въ себѣ достаточно смѣлости, чтобы привести его въ исполненіе.

Короля смѣшили угловатыя манеры Рефельда и его бѣглая

Французская рѣчь, въ высшей степени комичная по неправильному выговору и построению фразъ, но онъ былъ смущенъ его смѣлымъ, вызывающимъ видомъ и поэтому принялъ болѣе серьезный тонъ.

— Объясните мнѣ, пожалуйста, баронъ, въ чемъ состоитъ прусскій Тугендбундъ? Я слышалъ, что вы пріѣхали изъ Пруссіи; вѣроятно, вамъ извѣстна настоящая затаенная цѣль союза и какъ узнать...

Король остановился и, повернувъ голову, громко сказалъ:

— Генералъ Бонгаръ, пожалуйста сюда!

Военный, въ жандармскомъ мундирѣ, послѣдшій на зовъ короля. Это былъ человекъ, лѣтъ шестидесяти, высокій, худощавый, немного сторбленный, съ коротко остриженными сѣдыми волосами и выразительнымъ лицомъ. На груди его красовался голландскій орденъ.

Неожиданный вопросъ короля совершенно озадачилъ Рефельда; но появленіе шефа жандармовъ заставило его прійти въ себя и возвратило ему чувство собственнаго достоинства.

— Чѣмъ отличаются члены Тугендбунда, генералъ?—спросилъ Иеронимъ.

— Они носятъ, ваше величество, бороду у подбородка!—отвѣтилъ Бонгаръ.

Король вопросительно взглянулъ на барона, у котораго была именно такая борода.

— Прошу извиненія, — объяснилъ баронъ Рефельдъ, обращаясь къ шефу жандармовъ:—но я позволю себѣ замѣтить, что ваше опредѣленіе не совсѣмъ вѣрно. Многие съ давнихъ поръ носятъ такія бороды, и онѣ едва ли могутъ служить знакомъ отличія Союза, который, впрочемъ, вовсе не нуждается въ чемъ либо подобномъ. «Союзъ добродѣтели» не составляетъ тайны, и никто не думаетъ скрывать его существованіе. Такія бороды, ваше величество, носили прусскіе генералы въ битвѣ при Іенѣ и въ осажденныхъ крѣпостяхъ, хотя, какъ извѣстно, они далеко не отличались добродѣтелью. Вотъ и моя борода оказывается теперь подозрительною; но я не замедлю сбрить ее, потому что генералъ навѣрно отдалъ приказъ своимъ жандармамъ преслѣдовать бороды, и можно попасть въ бѣду. Между тѣмъ я ношу этотъ мнимый знакъ отличія со времени перваго прусскаго Тугендбунда.

— Какъ, господинъ баронъ? Развѣ въ Пруссіи существовалъ еще другой союзъ?—спросилъ съ живостью король.

— Да, ваше величество, основательницей его была графиня Лихтенау, пріятельница покойнаго короля. Тогда записывали въ члены Союза даже умершихъ людей, извѣстныхъ своей добродѣтельной жизнью. Засѣданія происходили въ «Sans-Souci», но теперь, разумѣется, все это давно забыто!

— Вы назвали «Sans-Souci», — сказалъ король: — это невольно напомнило мнѣ Фридриха Великаго; я не могу понять, какъ послѣ такого могущественнаго короля могли наступить для Пруссіи такія печальныя времена!

— Это произошло отъ недостатковъ самой формы правленія, — отвѣтилъ баронъ. — Сила Пруссіи заключалась не въ государствѣ, а въ королѣ; и поэтому все рушилось съ его смертью. Министры, которые привыкли дѣйствовать по мановенію его твердой руки, очутились въ беспомощномъ положеніи, что, разумѣется, не замедлило отразиться на всѣхъ отрасляхъ администраціи.

— Говорятъ, нынѣшній король, очень скупъ на слова! — сказалъ Иеронимъ. — Быть можетъ, онъ втихомолку обдумываетъ, какимъ способомъ выгнать французовъ изъ Германіи!

Явная насмѣшка, которая заключалась въ словахъ короля, задѣла барона; лицо его приняло серьезное выраженіе.

— Я ничего не могу возразить на это, ваше величество! — сказалъ онъ съ низкимъ поклономъ. — Но въ присутствіи счастливаго вестфальскаго короля я долженъ относиться съ уваженіемъ къ несчастью другаго короля!

— Вы умный человекъ, баронъ Рефельдъ, — замѣтилъ король и, проходя далѣе по залѣ, сказалъ мимоходомъ генераль-директору полиціи:

— Совѣтую вамъ слѣдить за этимъ прусскимъ барономъ: онъ выдаетъ себя за чудака и можетъ провести всѣхъ насъ.

По удаленіи ихъ величествъ зала тотчасъ же опустѣла. Баронъ отыскалъ въ толпѣ Шмерфельда и вышелъ вмѣстѣ съ нимъ въ боковую аллею парка.

— Ну, Шмерфельдъ, — сказалъ баронъ взволнованнымъ голосомъ: — вы должны какъ слѣдуетъ избранить меня за мое сегодняшнее поведеніе. Уже не говоря о томъ, что я не выдержалъ своей роли, но былъ на столько глупъ, что серьезно отвѣчалъ Жерому на его вопросы и нагородилъ много лишняго!

— Пожалуйста, успокойтесь и говорите тише, — сказалъ Шмерфельдъ. — Признаюсь, я и самъ немного струсился, когда увидѣлъ васъ въ оживленной бесѣдѣ съ королемъ и шефомъ жандармовъ.

— Вотъ это собственно и смущаетъ меня! — воскликнулъ баронъ. — Чортъ знаетъ, что у меня тогда происходило въ головѣ и въ душѣ, хотя я не чувствовалъ ни страха, ни смущенія передъ этой красивой подставной куклой. Поэтому мнѣ еще досаднѣе, что его слова могли оскорбить меня. Нужно же быть такимъ олухомъ, какъ я!

— Ради Бога, замолчите баронъ, уйдемте поскорѣе отсюда! Вы обратите на себя общее вниманіе, смотрите, сколько тутъ народу, а вотъ и Бонгаръ; онъ, очевидно, слѣдитъ за нами. Я доведу васъ въ моемъ экипажѣ, и мы поговоримъ дорогой... Не приходите въ

Отчаяніе, иногда лучший актеръ плохо исполняетъ свою роль, но это не мѣшаетъ ему прекрасно играть въ слѣдующемъ актѣ.

— Вы правы, — возразилъ со смѣхомъ Рефельдъ. — Еще не все потеряно!..

II.

Совѣщаніе по поводу шпіона.

Французскій посланникъ, вернувшись домой, засталъ у жены Луизу Рейхардтъ, къ которой чувствовалъ особенную симпатію. Онъ познакомился съ нею на музыкальныхъ вечерахъ ея отца, когда еще находилъ возможнымъ посѣщать ихъ; общіе взгляды, вкусы, сходство убѣжденій сблизили ихъ, чему также способствовала дружба баронессы съ Луизой.

Посланникъ сердечно привѣтствовалъ желанную гостью и спросилъ жену: сообщила ли она фрѣйлейнъ Рейхардтъ о занимавшемъ ихъ дѣлѣ?

— Разумѣется, — отвѣтила баронесса: — и мы уже обдумали планъ дѣйствій. Луиза написала нѣсколько словъ молодому предателю, чтобы онъ повременилъ съ отвѣтами на вопросы Берканьи; вдобавокъ она просила его зайти къ ней сегодня вечеромъ. Посланникъ не засталъ дома господина доктора и оставилъ записку.

— Прекрасно! — возразилъ Рейнгардъ. — Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ совѣщанію, позвольте мнѣ избавиться отъ этихъ мнимыхъ украшеній, которыя слишкомъ живо напоминаютъ мнѣ мою зависимость отъ Наполеона.

Онъ указалъ на свой парадный мундиръ съ стоячимъ вышитымъ воротникомъ и шляпу съ перьями и вышелъ въ сосѣдную комнату, чтобы переодѣться. Туалетъ его продолжался недолго; онъ вернулся черезъ нѣсколько минутъ въ гостиную, въ покойномъ домашнемъ платьѣ, и сѣлъ возлѣ Луизы.

— Вы знаете, моя дорогая фрѣйлейнъ, — сказалъ онъ: — что я безусловно довѣряю вашему уму и сердцу, но прежде, чѣмъ мы начнемъ сообща игру, позвольте мнѣ заглянуть въ ваши карты. Настоящій случай требуетъ особенной осмотрительности. Геронимъ узналъ объ этомъ дѣлѣ черезъ Берканьи и хотѣлъ озадачить меня неожиданной новостью; но я сдѣлалъ видъ, что мнѣ давно все извѣстно, и, чтобы немного умѣрить его восторгъ, сообщилъ ему не совсѣмъ пріятныя вещи отъ имени императора. Но вопросъ не въ этомъ. Меня особенно заботитъ то обстоятельство, что свѣдѣнія объ измѣнѣ этого господина доставлены мною и могутъ быть легко обращены въ видъ орудія противъ моей особы, такъ что при малѣйшей неосторожности съ вашей стороны я останусь въ сильномъ проигрышѣ.

— Не безпокойтесь, г. баронъ, я вполне понимаю всю трудность предстоящаго мнѣ объясненія, и начну съ того, что укажу

молодому человѣку, на какую дорогу онъ попалъ по своей вѣтренности и на сколько онъ виноватъ, что скрылъ все это отъ своихъ друзей. Если онъ спросить, отъ кого я узнала объ его измѣнѣ, то я могу смѣло отвѣтить, что это моя тайна; и, если неизвѣстность будетъ мучить его, то онъ вполнѣ заслужилъ такую кару! Повѣрьте, что ему и въ голову не придетъ разглашать то, что онъ услышитъ отъ меня. Но, если зайдетъ рѣчь о томъ, какъ выпутаться ему изъ западни, то я буду въ большомъ затрудненіи. Вы дипломатъ, баронъ, скажите, что посоветовать ему...

— Я уже думалъ объ этомъ,—возразилъ посланникъ.—Саванье сообщилъ мнѣ, что молодой человѣкъ получилъ авансъ въ 300 франковъ: деньги эти онъ долженъ оставить у себя и сдѣлать видъ, что все осталось постарому. Если посланное имъ донесеніе уже возвращено ему изъ полицейскаго бюро, то пусть онъ разорветъ его и напишетъ новое, въ родѣ того, напримѣръ, что говорилъ Тацитъ о древней Германіи и Юлій Цезарь о Галліи, или о томъ, на сколько отвлеченныя идеи удовлетворяютъ нѣмцевъ, и, отвлекая отъ дѣйствительности, приводятъ ихъ къ космополитизму. О Фихте, разумѣется, слѣдуетъ упомянуть только мимоходомъ и, наоборотъ, возвеличить значеніе какойнибудь пустой книженки, въ родѣ «Lucinde» Фридриха Шлегеля, и даже, пожалуй, сдѣлать изъ него выписки... Вы понимаете, фрейлейнъ Луиза, что я говорю все это для того, чтобы дать понятіе въ общихъ чертахъ, въ какомъ духѣ должно быть написано второе донесеніе этого несчастнаго юноши. Однимъ словомъ, пускай онъ напуститъ побольше нѣмецкой туманной философіи, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ слѣдующихъ, чтобы трудно было понять что либо изъ его донесеній. Тогда, быть можетъ, Берканьи, потративъ часъ или два на подобное чтеніе, убѣдится, что юноша совсѣмъ не годится въ полицейскіе шпионы и оставить его въ покоѣ!

— Не знаю, на сколько это будетъ удобно,—замѣтила Луиза:—вы сами сказали, что Берканьи требуетъ самыхъ точныхъ показаній о нѣкоторыхъ лицахъ, какъ, напримѣръ, о моемъ зятѣ Стефенсѣ...

— Неужели у Германа не хватитъ ума сказать, что онъ незнакомъ съ ними?—возразила баронесса.

— Разумѣется, это не такъ трудно!—сказалъ Рейнгардъ, обращаясь къ Луизѣ.—Вѣроятно, вамъ говорила жена, что молодой человѣкъ очень понравился мнѣ. Даже эта неприятная исторія, которая случилась съ нимъ, говоритъ въ его пользу: на подобное увлеченіе способенъ только идеалистъ, съ самыми благородными стремленіями. Я не теряю надежды, что все это послужитъ ему хорошимъ урокомъ для будущаго; но, всетаки, онъ надѣлалъ намъ немало хлопотъ, и необходимо принять мѣры, чтобы устранить послѣдствія его неосторожности. Хотя Тугендбундъ не составляетъ тайны, и король открыто покровительствуетъ ему, но французы

Убѣждены, что добродушный Фридрихъ-Вильгельмъ не знаетъ его настоящихъ цѣлей. Наполеонъ недовѣрчиво относится къ Пруссiи и вообще ко всей Германiи. Вотъ и теперь, по поводу событiй въ Испанiи, мнѣ пришлось въ одномъ изъ моихъ донесенiй провести такой взглядъ, что въ болѣе сѣверныхъ странахъ, гдѣ бѣдная природа едва вознаграждаетъ человѣка за его тяжелый трудъ, всякій политическiй переворотъ грозитъ народу не только временнымъ разстройствомъ, но и долгой нуждой. Отсюда, я шагъ за шагомъ старался убѣдить императора, что въ Германiи немыслимо такое патріотическое воодушевленiе, которое создало народную войну въ Испанiи, и что здѣсь онъ можетъ быть увѣренъ въ прочности своей власти. Но, разумѣется, мнѣ только отчасти удалось разсѣять опасенiя Наполеона; хотя онъ убѣжденъ въ безошибочности моихъ политическихъ взглядовъ, но не вѣритъ, чтобы я, нѣмецъ по происхожденiю, могъ быть искренно преданъ интересамъ Францiи. Поэтому я долженъ быть постоянно на-сторожѣ, такъ какъ окруженъ его шпіонами, и я ничѣмъ не гарантированъ противъ ложныхъ доносовъ, особенно со стороны Берканьи, который хочетъ выдвинуться этимъ путемъ.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, баронъ, что нѣмцы неспособны на патріотическое воодушевленiе! Я не раздѣляю этого взгляда и увѣрена, что рано или поздно Германiя также возстанетъ противъ своихъ утѣснителей; мы прогонимъ этихъ чужеземцевъ, и съ оружіемъ въ рукахъ возвратимъ себѣ свободу и прежнее самобытное существованiе!

— Я самъ желаю этого не менѣе васъ, моя дорогая фрѣйлейнъ, потому что несчастная Германiя разорена въ конецъ. Повсемѣстное опустошенiе, военные постои, всѣ эти реквизици, контрибуци и, наконецъ, алчность Наполеона и его сподручниковъ лишаютъ народъ всякой возможности заниматься торговлей, промышленностью, даже земледѣліемъ. Мы находимся въ самомъ постыдномъ, унижительномъ положенiи, и только сила меча можетъ воскресить и облагородить насъ, спасти отъ нравственнаго растлѣнiя. Національная война была бы для насъ спасенiемъ, заставила бы нѣмцевъ отрѣшиться отъ узкаго эгоизма, пробудивъ въ нихъ сознание, что такая борьба требуетъ тяжелыхъ жертвъ. Но я глубоко убѣжденъ, что для этого нужно много времени; всякая поспѣшность можетъ погубить дѣло. Нѣмцы не скоро могутъ рѣшиться на что нибудь, такъ что приходится подчасъ жалѣть, что нашимъ соотечественникамъ не достааетъ нѣкоторыхъ свойствъ французскаго характера...

— Ты, кажется, начинаешь проповѣдовать ту же философію, какъ и нашъ юный полицейскiй шпіонъ,—замѣтила со смѣхомъ жена посланника.—Изъ твоихъ словъ можно вывести заключенiе, что ты также желаешь объединенiя обѣихъ націй, ихъ взаимодѣйствiя и пр.

— По моему убѣжденію,—сказала Луиза:—мы прежде всего должны стремиться къ самопознанію; это одно можетъ заставитьъ насъ понять требованія времени...

— Вы смотрите слишкомъ серьезно на вещи, моя милая Луиза,—возразила баронесса.—Передъ нами разыгрывается грандіозная трагикомедія, но мы еще далеки до того момента, когда можно предвидѣть развязку; здѣсь, въ Касселѣ, ничто не мѣшаетъ намъ спокойно ожидать ее...

— Да, если бы эта трагикомедія не касалась такъ близко нашей родины,—сказала Луиза:—мы могли бы оставаться безучастными зрителями!.. Однако мнѣ пора идти, завтра я сообщу вамъ о результатѣ моихъ переговоровъ съ Германомъ.

Посланникъ проводилъ ее до дверей и, дружески пожимая ей руку, сказалъ:—Прежде всего постарайтесь внушить вашему приятелю, чтобы онъ бросилъ свою нелѣпую затѣю о слияніи двухъ націй, такъ какъ потеря самобытности была бы гибелью для Германіи. Наше дворянство и нѣмецкіе дворы слишкомъ легко освоились съ французскимъ языкомъ и нравами, и мы видимъ, къ чему это привело насъ.

III.

На перепутьѣ.

Въ это утро Германъ, не подозрѣвая о случившемся, всталъ раньше обыкновеннаго и поспѣшилъ къ городскимъ воротамъ, чтобы взглянуть на парадный съѣздъ, по случаю приѣма у короля. По дорогѣ онъ зашелъ въ Кейлгольскій садъ, гдѣ, не смотря на ранній часъ, уже засталъ нѣсколькихъ посѣтителей. Изъ боязни докучливыхъ разговоровъ онъ выбралъ уединенную бесѣдку, откуда открывался обширный видъ на окрестность, и принялся за чтеніе Шекспировской трагедіи: «Ромео и Джульетта». До сихъ поръ онъ не испытывалъ никогда того восторга, какой овладѣлъ имъ, дня два тому назадъ, когда эта книга случайно попала ему въ руки. Быть можетъ, впечатлѣніе было тѣмъ сильнѣе, что онъ находилъ сходство между своимъ душевнымъ состояніемъ и настроеніемъ Ромео; языкъ страсти и юношеской любви теперь волновалъ его болѣе, чѣмъ когда нибудь. Въ его собственныхъ чувствахъ не было прежней неопредѣленности; это уже было не предвкушеніе любви, а настоящая любовь со всѣми ея радостями и муками. Едва ли могъ онъ встрѣтить въ Касселѣ существо, болѣе опасное для его сердца, какъ хорошенькая креолка, при ея дѣтской довѣрчивости, наивной страстности и умѣніи держать себя съ чувствомъ собственнаго достоинства. Рѣзкое различіе ихъ общественнаго положенія и таинственность свиданій имѣли для него

особенную прелесть. Все нравилось ему въ любимой дѣвушкѣ, онъ приходилъ въ восторгъ, когда она теряла терпѣніе за нѣмецкимъ урокомъ, и сердилась на учителя. Она поддразнивала его, но въ то же время въ ея темныхъ выразительныхъ глазахъ было столько вызывающей ласки, что только присутствіе графини заставляло его подавлять свои ощущенія. Теперь, читая трагедію, онъ невольно вспомнилъ нѣкоторыя пережитыя имъ сцены; ему казалось, что Ромео выражаетъ его собственные чувства. Фантазія все болѣе и болѣе увлекала его; онъ закрылъ книгу и вышелъ изъ саду, такъ какъ не въ состояніи былъ выносить долѣе своего одиночества.

На одной изъ главныхъ улицъ мимо него проѣхалъ экипажъ, въ которомъ сидѣла Адель съ братомъ и генераломъ Моріо; они не замѣтили его, потому что смотрѣли въ другую сторону. Но эта встрѣча не смутила его, потому что еще наканунѣ онъ получилъ увѣдомленіе отъ графини Антоніи, что нѣмецкій урокъ назначенъ на сегодняшній вечеръ.

Онъ вернулся домой и нашель на своемъ письменномъ столѣ записку Луизы Рейхардтъ слѣдующаго содержанія:

«Не торопитесь съ отсылкой вашего втораго донесенія, пока не переговорите со мной, а также удержите у себя то донесеніе, которое возвратилъ вамъ Берканьи. Жду васъ непременно сегодня вечеромъ въ 7 часовъ. Вы пройдете прямо въ мою комнату.

«Луиза».

Германъ, прочитавъ записку, не могъ прійти въ себя отъ удивленія, что Луиза имѣетъ такія точныя свѣдѣнія объ его работѣ у Берканьи. Онъ чувствовалъ себя виноватымъ относительно семьи, которая выказала ему такое искреннее расположеніе и которая теперь имѣла полное основаніе упрекать его за скрытность. Во всякомъ случаѣ, ему слѣдуетъ объяснитьсь съ своими друзьями, чтобы оправдать себя въ ихъ глазахъ. Онъ особенно былъ озадаченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Берканьи, который такъ настойчиво требовалъ соблюденія тайны, самъ разглашаетъ о ней.

Двойное приглашеніе на одинъ и тотъ же часъ вечера также доставило ему немало безпокойства, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ отказать ни отъ одного изъ нихъ. Послѣ долгаго колебанія, онъ рѣшилъ идти къ Луизѣ немного раньше 7 часовъ и упросить ее отложить объясненіе до слѣдующаго утра, а затѣмъ поспѣшить къ Адели.

Согласно своему рѣшенію, онъ отправился сперва къ Луизѣ Рейхардтъ и прошелъ прямо въ ея комнату, такъ какъ по тону записки было видно, что она настоятельно требовала этого.

Луиза была одна и съ волненіемъ ожидала его. Хотя она была возмущена до глубины души поведеніемъ Германа, но хотѣла, по возможности, щадить неопытнаго молодаго человѣка, въ полной увѣренности, что онъ будетъ сильно смущенъ при встрѣчѣ съ нею.

Но когда она увидѣла его веселое, самодовольное лицо, то чувствѣ жалости къ невольному преступнику смѣнилось гнѣвомъ. Она такъ сухо поздоровалась съ Германомъ, что онъ былъ совершенно озадаченъ такой пере мѣной въ ея обращеніи и спросилъ:

— Что съ вами, Луиза? Вы пугаете меня своимъ серьезнымъ видомъ.

— Я дѣйствительно въ серьезномъ настроеніи духа, а, такъ какъ вы, наоборотъ, черезчуръ веселы сегодня, то я могу смѣло сообщить вамъ, въ чемъ дѣло!

— Я въ полномъ недоумѣніи! — возразилъ Германъ и, забывъ о своемъ намѣреніи избѣгнуть объясненія на сегодняшній вечеръ, сѣлъ въ кресло.

— Вы обманули мои ожиданія, г. докторъ, но объ этомъ нечего распространяться; я хочу переговорить съ вами о донесеніи, которое вы представили Берканьи. Надѣюсь, вы теперь поняли меня!

— Да, Луиза, — отвѣтилъ онъ съ добродушной улыбкой, которая ясно показывала противное. — Но для меня загадка, какимъ образомъ вы...

— Какъ я знаю объ этомъ! — прервала она его съ нетерпѣніемъ. — Во всякомъ случаѣ не вы сообщили мнѣ это, иначе... во тутъ является другой и болѣе важный вопросъ: вамъ, кажется, и въ голову не пришло, что подобныя сомнительныя сообщенія могутъ повести къ пагубнымъ послѣдствіямъ.

— Говорите яснѣе, Луиза! Я не понимаю васъ.

— Извольте! Не думаю, чтобы это было пріятно для васъ, г-нъ докторъ. Да будетъ вамъ извѣстно, что у генераль-директора полиціи вы внесены въ списокъ шпионовъ перваго разряда, т. е. наиболѣе интеллигентныхъ. Вы уже получили авансъ въ 300 франковъ изъ кассы тайной полиціи!

Германъ, внѣ себя отъ ужаса, вскочилъ съ мѣста: — Кто говорить это! — воскликнулъ онъ взволнованнымъ голосомъ: — кто осмѣливается называть меня...

— Тихе, ради Бога! Не кричите такъ!.. Никто не долженъ слышать нашего разговора. Вы только думаете о своей особѣ, а не о томъ, что можете повредить другимъ. Вы получили обратно ваше донесеніе съ требованіемъ дополнить его; кромѣ того, вамъ придется отвѣтить на вопросы Берканьи, относительно разныхъ лицъ и, въ особенности, моего зятя Стефенса, черезъ котораго вы познакомились съ нами. Затѣмъ все это вмѣстѣ съ вашимъ вторымъ донесеніемъ будетъ отправлено Наполеону; и весьма возможно, что вмѣсто ордена Почетнаго Легіона, на который вы намекаете, нѣкоторые изъ этихъ почтенныхъ людей будутъ осуждены на смертную казнь, какъ это случилось полтора года тому назадъ съ книгопродавцемъ Пальмомъ.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

Small, faint, illegible text or markings located below the central smudge.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

340 ~~27~~
48

JAN 6 1972 H
6 17

41795845
CANCELED
DEC 19 1972 H

